

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА • 1941 ГОД

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941 ГОД

ИССЛЕДОВАНИЯ • ДОКУМЕНТЫ • КОММЕНТАРИИ

**ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА**

1941 год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т.В. Волокитина, В.А. Манькин,
М.Ю. Моруков, Н.М. Перемышленникова, О.А. Ржешевский,
В.С. Христофоров (ответственный редактор)

Институт российской истории
Российской Академии наук
Главное архивное управление города Москвы
Центральный архив ФСБ России

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941 год

Издательство
Главного архивного управления города Москвы
Москва 2011

Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления города Москвы
Председатель В.А. Манькин

Авторский коллектив:

В.А. Арцыбашев, Е.Л. Валева, Е.М. Варга, И.Б. Иванов,
Ю.З. Кантор, В.Г. Макаров, В.П. Марочко, С.Е. Новиков,
А.Н. Пономарёв, О.А. Ржешевский, Дж. Скотони,
А.С. Стыкалин, С.И. Филоненко, Д.Ю. Хохлов,
В.С. Христофоров, А.П. Черепков

Ответственный редактор
В.С. Христофоров

В 27 Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии/Отв. ред. В.С. Христофоров – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 756 с.

ISBN 978-5-7228-0191-3

Книга посвящена исследованию малоизвестных событий Великой Отечественной войны на основе недавно выявленных и рассекреченных материалов государственных, ведомственных и региональных архивов Белоруссии, Болгарии, Германии, Италии, Латвии, России и Эстонии. Публикуемые в сборнике авторские статьи и архивные документы дают возможность получить более объемную картину одной из самых страшных войн в истории человечества. Ценным является использование источников, созданных участниками обеих воюющих сторон. В их сопоставлении открывается перспективное направление работы для современных историков. Издание адресовано отечественным и зарубежным исследователям, а также широкому кругу читателей.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-7228-0191-3

© Главное архивное управление города Москвы, 2011

© Авторский коллектив, 2011

© Центральный архив ФСБ России, 2011

© Оформление и макет Сапожников Е.М., 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
РАЗДЕЛ 1	
<i>Макаров В. Г.</i> Немецкие дипломаты о подготовке Второй мировой войны	25
<i>Христофоров В. С.</i> Финляндия в плане «Барбаросса»: военное сотрудничество двух стран в 1940–1941 гг.	41
<i>Валева Е. Л.</i> Болгарский вектор во внешней политике СССР и Германии	89
<i>Стыкалин А.С.</i> Советско-германское противостояние в Дунайском бассейне и румыно-венгерский территориальный спор вокруг Трансильвании	121
<i>Варга Е. М.</i> Начальник Генерального штаба венгерской армии генерал-полковник Х. Верт	161
<i>Филоненко С. И., Дж. Скотони</i> Италия в войне против СССР: бой на советско-германском фронте в 1941 г.	181
<i>Ржешевский О.А.</i> Создание антигитлеровской коалиции	195
РАЗДЕЛ 2	
<i>Христофоров В.С.</i> 1941 год: чрезвычайные меры в СССР по предотвращению катастрофы	211

Новиков С.Е.
Белоруссия в первые месяцы Великой Отечественной войны..... 271

Марочко В.П.
Истребительная политика нацистов
на оккупированной территории Смоленской области.....323

Хохлов Д.Ю.
690-й батальон немецкой полевой жандармерии
на оккупированной территории345

Кантор Ю.З.
Немецкий оккупационный режим в Прибалтике в 1941 г.369

РАЗДЕЛ 3

Пономарёв А.Н.
Москва в 1941 году409

Арцыбашев В.А.
Противоборство Ставок на советско-германском фронте
в сражении за Москву427

Христофоров В.С.
Общественные настроения в СССР: июнь – декабрь 1941 г.445

Кантор Ю.З.
Ленинград в первые месяцы блокады479

Черепков А.П.
Советская военно-морская контрразведка в начале войны 511

Иванов И.Б.
Боевые действия в Финском заливе в 1941 г.551

ДОКУМЕНТЫ

Военно-политическая обстановка в Финляндии в 1941 г.
и начало боёв на Северном фронте – ЦА ФСБ России 581

Таллинский переход и эвакуация базы Краснознамённого
Балтийского флота с полуострова Ханко – ЦА ФСБ России.....649

Протоколы допросов бывших руководителей Румынии
маршала Иона Антонеску и Михая Антонеску – ЦА ФСБ России 661

Протоколы допросов бывшего начальника
Генерального штаба венгерской армии
генерал-полковника Хенрика Верта – ЦА ФСБ России.....693

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Великой Отечественной войны нашла своё отражение в многотомных документальных сборниках, монографиях, статьях, мемуарах, документальных и художественных фильмах. И хотя написано множество работ как российскими, так и зарубежными историками, это не значит, что тема изучена досконально. По аналогии с известным выражением, что война не закончена, пока не захоронен последний солдат, можно сказать, что объективная история не написана, пока не опубликован последний относящийся к проблеме документ. В истории войны – этой драматической и героической страницы нашего прошлого – остаётся ещё много нераскрытых тайн.

Цель настоящего проекта, носящего международный характер (помимо российских историков в нём участвуют представители Республики Беларусь, Венгрии и Италии), – исследование неизвестных или малоизвестных событий на основе недавно выявленных и рассекреченных материалов, а также публикация тематических подборок архивных документов, посвящённых истории Великой Отечественной войны. Этим сборником о событиях начала войны (1941 год) планируется открыть серию аналогичных изданий, рассказывающих о каждом военном годе в отдельности.

Представленные в сборнике документы как официального, так и личного происхождения отражают не только крупные исторические процессы, события и явления, но и историю повседневности. Большой ценностью работы является использование источников, созданных участниками обеих воюющих сторон. Проблематика статей потребовала обращения к достаточно широкой источниковой базе. В статьях авторы используют информацию, содержащуюся в документах государственных, ведомственных и региональных архивов Белоруссии, Болгарии, Германии, Италии, Латвии, России и Эстонии. В их сопоставлении, взаимном дополнении и анализе открывается перспективное направление для современных историков.

Материалы сборника систематизированы по разделам: первый посвящён рассмотрению проблем международных отношений в Европе накануне и на первом этапе Второй мировой войны; во втором разделе рассматриваются меры, предпринятые советским правительством по предотвращению катастрофы после нападения Германии, некоторые аспекты немецкой оккупационной политики на территории СССР; третий раздел составляют работы об организации обороны Таллина, Ленинграда, Москвы, действиях Балтфлота, работе органов советской контрразведки и настроениях населения.

Первый раздел сборника открывает статья, подготовленная кандидатом философских наук В.Г. Макаровым «Немецкие дипломаты о подготовке Второй мировой войны», основу которой составили впервые вводимые в научный оборот материалы из архивных следственных дел германских дипломатов, оказавшихся в советском плену. Как показывают современные немецкие исследования, сотрудники МИДа не только добровольно пошли на службу нацистскому режиму, оправдывая на международной арене гитлеровскую политику уничтожения, но и активно участвовали в её проведении на оккупированных вермахтом территориях.

В ходе следствия германские дипломаты дали подробные показания о шагах, предпринятых МИДом Германии по маскировке агрессивных планов Гитлера, направленных на разжигание Второй мировой войны в Европе, о тайных договорах, заключённых нацистской Германией в предвоенный период с нейтральными странами и др.

Особое место в публикации уделено показаниям тех дипломатов, которые накануне нападения Германии на Советский Союз работали в германских консульствах в СССР и в посольстве в Москве. Например, бывший советник германского посольства в Москве Франц Бреер и канцлер Иоганн Ламля дали показания о формах и методах разведывательной деятельности (легальной и нелегальной) германских дипломатических представительств в СССР. Бывшим сотрудникам германского МИДа также задавался вопрос о том, когда тот или иной дипломат узнал о подготовке нападения Германии на СССР. Наиболее ценными являются показания бывшего канцлера посольства Виктора Эйзенгарта, посла Ганса Мората, посланника Эриха Цехлина и советника посольства оберфюрера СС Вилли Ределя.

Большой интерес для историков, занимающихся историей Второй мировой войны, представляет статья доктора юридических наук В.С. Христофорова «Финляндия в плане “Барбаросса”: военное сотрудничество двух стран в 1940–1941 гг.». На основе современных публикаций и архивных материалов автором исследован генезис германо-финского сотрудничества в 1940–1941 гг., приведший к возникновению альянса для нападения на СССР с территории Финляндии и участию

финских вооружённых сил в боевых действиях на советско-германском фронте. В публикации также приведён критический анализ обширной библиографии за 1950–2011 гг., увидевшей свет по данной проблеме как в нашей стране, так и за рубежом. В публикации использованы рассекреченные архивные материалы советской внешней разведки и погранвойск НКВД СССР о позиции политического руководства Финляндии накануне нападения Германии на СССР, а также о дислокации и передвижениях частей вермахта на севере Финляндии, строительстве германских укреплений вдоль границы, о переброске немцами морем войск и боевой техники. Подробно рассматриваются эпизоды, связанные с началом совместных с немцами боевых действий против Советского Союза, о так называемом «трёхдневном нейтралитете», высадке финских диверсантов в ближнем тылу Красной армии и борьбе советских органов безопасности с подрывной деятельностью финских и германских спецслужб на северном фланге советско-германского фронта. В заключительной части работы рассмотрены шаги финского руководства по выводу Финляндии из войны на стороне Германии, попытки установить политические контакты с представителями стран антигитлеровской коалиции.

Статья кандидата исторических наук Е.Л. Валева «Болгарский вектор во внешней политике СССР и Германии» интересна тем, что автор широко использует материалы отечественной и зарубежной прессы, научной литературы, а также документы российских, болгарских и немецких государственных и ведомственных архивов (Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный военный архив, Архив внешней политики Российской Федерации, Центральный государственный архив Болгарии, Архив Министерства иностранных дел Болгарии, Научный архив Болгарской академии наук, Политический архив Министерства иностранных дел Германии). Многие из иностранных источников до сих пор не были известны широкому кругу отечественных исследователей. На их основе автор постаралась показать ту сложнейшую международную ситуацию, в которой находилась Болгария из-за занимаемого ею геостратегического положения, детально рассмотреть попытки, предпринятые руководством страны для проведения самостоятельной внешнеполитической линии, и ответные действия Германии и СССР, оценить результаты подписания Болгарией Тройственного пакта. Отдельно рассматривается вопрос о реакции населения Болгарии в целом и различных политических групп, в частности, на вступление Германии в войну с Советским Союзом, говорится о деятельности Болгарской рабочей партии и её боевых групп, а также их взаимодействии с советской разведкой. Анализируются предпосылки, созданные движением Сопротивления в Болгарии для политического реванша Москвы.

Восточноевропейскую тематику продолжает публикация кандидата исторических наук А.С. Стыкалина «Советско-германское противостояние в Дунайском бассейне и румыно-венгерский территориальный спор вокруг Трансильвании». Статья содержит интересные малоизвестные факты периода 1940 – июня 1941 гг., которые будет полезно узнать историкам, изучающим политические предпосылки войны. Автор глубоко проанализировал истоки проблемы, раскрыв её политические, национальные и социальные аспекты. Излагая события, непосредственно связанные с описанием территориальных противоречий в означенном регионе, А.С. Стыкалин показал многогранность и неоднозначность решений, принимаемых правительствами всех заинтересованных государств, раскрыл мотивы и взаимосвязь действий Венгрии, Румынии, СССР, стран «оси» и Англии. Основное место занимает рассмотрение политики Советского Союза в данном направлении и ответных действий его оппонентов.

Статья руководителя Архивного института Культурного, научного и информационного центра Венгерской Республики доктора Е. М. Варги (Венгрия) «Начальник Генерального штаба венгерской армии генерал-полковник Х. Верт» рассказывает о роли этой исторической личности в решении вопроса о вступлении Венгрии в военные действия против СССР. Эта тема по сей день является одной из наиболее актуальных в историографии Второй мировой войны.

Автор скрупулёзно, на основе зарубежных источников и литературы, восстановила и показала непростую биографию Х. Верта, в первую очередь его военную карьеру: от слушателя пехотного кадетского училища до начальника Генерального штаба Венгрии. Особенно важно, что Е. М. Варга предприняла попытку всесторонне проанализировать политическую роль Х. Верта во взаимоотношениях Венгрии с Германией и во вступлении Венгрии в войну против Советского Союза. Статья снабжена детальными комментариями, содержащая в них информация до сих пор была недоступна большинству отечественных исследователей.

Публикация профессоров С.И. Филоненко и Дж. Скотони (Италия) «Италия в войне против СССР: бои итальянцев на советско-германском фронте в 1941 г.» посвящена малоизвестной странице Великой Отечественной войны – участию Королевской итальянской армии в боях на стороне нацистской Германии. Во вступительной части авторы делают краткий экскурс в историю итало-советских отношений и анализируют причины, побудившие Муссолини принять участие в «крестовом походе против большевизма». Во-первых, таковой была сама идеология фашизма, которая привела Италию в лоно антибольшевистской военной коалиции. Во-вторых, вероятность поживиться природными богатствами в ходе нацистского «Drang nach Osten». В-третьих, фашистский режим,

вплетая свою идеологию в традиции католической церкви, породил так называемый «клерикальный фашизм», создал в итальянском обществе атмосферу «крестового похода» против «безбожников». На основе исследований современных итальянских историков, а также мемуарной литературы авторы приводят высказывания политиков, которые принимали решение об участии итальянских войск в войне против Советского Союза. В статье приводятся сведения об Итальянском экспедиционном корпусе в России (*Corpo di Spedizione Italiano Russia*, сокр. CSIR). Авторы подробно рассказывают об участии CSIR в сражениях на советско-германском фронте в период с ноября 1941 по январь 1942 г. на южном участке советско-германского фронта сначала в составе 11-й армии Эриха фон Манштейна, а затем – 1-й танковой группы (впоследствии 1-й танковой армии) Эвальда фон Клейста. Статья С.И. Филоненко и Дж. Скотони существенно дополняет сведения, имеющиеся в отечественной литературе, об участии фашистской Италии в боевых действиях против Красной армии.

Завершает первый раздел публикация доктора исторических наук, президента Ассоциации историков Второй мировой войны О.А. Ржевского «Создание антигитлеровской коалиции», в которой он проанализировал вопросы, связанные с историей создания этого крупнейшего мирового союза. Автору удалось детально показать множественность факторов и политических событий, отразившихся на виде и форме союза, продемонстрировать алгоритм его непосредственного функционирования и неоднозначность принимаемых его участниками решений. Исходя из анализа материалов статьи, антигитлеровскую коалицию можно назвать единственно возможным на тот момент времени компромиссом между странами – представителями различных социально-политических систем, достигнутым ими для победы над странами-агрессорами.

Второй раздел открывает статья доктора юридических наук В.С. Христофорова «1941 год: чрезвычайные меры в СССР по предотвращению катастрофы», в которой рассказывается об экстренных мероприятиях, предпринятых руководством страны для стабилизации положения на советско-германском фронте, переводе экономики СССР на режим военного времени в первые месяцы войны. Автор также подробно анализирует этапы принятия Гитлером решения о нападении на СССР и разработки плана «Барбаросса».

Важное место в организации обороны сыграл созданный 30 июня 1941 г. Государственный Комитет Оборона (ГКО). Все постановления и распоряжения этого органа имели силу и статус законов военного времени, обязательных для исполнения на всей территории СССР. ГКО назначал и смещал высшее военное командование, готовил резервы для Действующей армии, решал все военно-стратегические вопросы,

обеспечивал государственную безопасность СССР, налаживал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства, снабжения населения и армии, занимался подготовкой трудовых резервов и распределением рабочей силы по производственным объектам.

Значительное место отводится в публикации участию советских органов безопасности в организации эвакуации промышленных предприятий, контроле за движением железнодорожных составов и создании военно-промышленного потенциала на востоке страны.

Рассматривается вопрос коренной перестройки деятельности наркоматов госбезопасности и внутренних дел в начале войны, когда им предстояло в короткий период времени решить сложные задачи по их мобилизационному развёртыванию и внести изменения в организационную структуру, формы и методы оперативной деятельности. Важнейшей задачей, возложенной на органы безопасности, стала борьба с парашютными десантами и диверсантами, забрасываемыми германской военной разведкой в советский тыл. В этих целях в июле 1941 г. в прифронтовой полосе было создано 1 тыс. 755 истребительных батальонов общей численностью 328 тысяч человек. Органы безопасности решали необходимую в условиях военного времени задачу по борьбе с паникёрством и дезертирством. Всего в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД было задержано по подозрению в дезертирстве около 638 тыс. человек, из них арестовано – 82 тыс. 865 человек, передано в военкоматы и войсковые части – 555 тыс. 247 человек. Как видно из приведённых статистических данных, подавляющее большинство задержанных по подозрению в дезертирстве были переданы в армию и направлены на фронт. Принятые советским правительством чрезвычайные меры позволили преодолеть трудности первых месяцев германской агрессии.

Аналізу событий, происходивших на территории Белоруссии в первые месяцы Великой Отечественной войны, посвящена статья «Белоруссия в первые месяцы Великой Отечественной войны» кандидата исторических наук С.Е. Новикова. В ней автор обобщает и систематизирует информацию, опубликованную в работах белорусских, российских и немецких исследователей, подкрепляя её сведениями из архивных документов, выявленных в Национальном архиве Республики Беларусь, Российском государственном военном архиве и Федеральном военном архиве Германии. Анализируя начало военных действий на белорусской земле, автор подробно восстановил трагическую картину сопротивления, оказанного вермахту подразделениями Красной армии и пограничных войск, описал меры, принятые советским командованием. Особое внимание С.Е. Новиков уделил мероприятиям по мобилизации и эвакуации материальных и людских ресурсов БССР. Во второй части статьи проводится анализ политики немецких властей на оккупированной территории Белоруссии, дано описание структуры органов военной и граждан-

ской администрации, на конкретных примерах рассматриваются формы и методы их деятельности.

Изучению действий нацистов в Смоленской области посвящена статья «Истребительная политика нацистов на оккупированной территории Смоленской области» кандидата исторических наук В.П. Марочко. Основу источниковой базы данной работы составляют архивные документы Смоленского процесса над немецкими военными преступниками, находящиеся на хранении в Центральном архиве ФСБ России. Эти материалы представлены актами Чрезвычайных государственных комиссий по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, протоколами допросов обвиняемых, свидетельскими показаниями советских граждан. Также автор использует опубликованные документы Государственного архива Смоленской области и Центра документации новейшей истории Смоленской области. В результате анализа и систематизации содержащихся в них сведений В.П. Марочко удалось выделить несколько тематических комплексов и наполнить их обширным фактологическим материалом: система концентрационных лагерей и других мест принудительного содержания военнопленных и гражданского населения; мероприятия по использованию труда местного населения и ограблению территории; истребление еврейского населения; угон населения на работы в Германию. В статье наглядно показан механизм функционирования низового звена аппарата нацистской Германии на оккупированной территории.

Перекликается со статьёй В.П. Марочко и отчасти дополняет картину деятельности немецких властей на оккупированной территории публикация «690-й батальон немецкой полевой жандармерии на оккупированной территории» кандидата исторических наук Д.Ю. Хохлова. В результате сопоставления материалов архивного уголовного дела на немецкого военного преступника – бывшего служащего немецкой полевой жандармерии, и сведений из его дневника автором предпринята попытка восстановить путь 690-го батальона немецкой полевой жандармерии, показать структуру, состав, функции и методы его действий, места дислокации и результаты операций на оккупированной территории.

Ценность вводимой в научный оборот информации заключается в том, что официальные сведения, содержащиеся в материалах архивного уголовного дела, существенно дополняются и корректируются за счёт документов личного происхождения. Кроме того, они представляют читателю уникальную возможность узнать оценку происходивших событий их непосредственным участником, посмотреть на них глазами военнослужащего немецкой армии – рядового исполнителя. На таких, как он, была сделана ставка, они должны были стать надёжными винтиками в «несокрушимой военной машине новой Германии» и завоевать новое пространство и ресурсы для Третьего рейха.

Специфику немецкого оккупационного режима, установившегося в Прибалтике в 1941 г., рассматривает в своей статье «Немецкий оккупационный режим в Прибалтике в 1941 г.» доктор исторических наук Ю.З. Кантор, показав на примере созданного административно-территориального образования Остланд, в чём на деле заключалось «особое внимание» руководства рейха к решению «балтийской проблемы». В статье описаны структура, функции и цели рейхскомиссариата, даны сведения об основных руководителях. Особое внимание уделено так называемому генеральному плану «Ост», реализация которого должна была стать основной задачей практического осуществления колонизаторской политики на захваченных территориях Польши, Чехословакии и особенно Советского Союза. Автором на основе информации из современной литературы и ранее не публиковавшихся архивных документов (из Латвийского государственного исторического архива, Государственного архива Эстонии, Центрального архива ФСБ России и др.) обобщены сведения о политических и экономических мерах, предпринятых Берлином для национального «очищения» территорий Остланда и освоения имевшихся там ресурсов, о Холокосте и борьбе с партизанами, показана роль немецких спецслужб в этих процессах. В заключение Ю.З. Кантор делает вывод о том, что установленный в Прибалтике нацистский оккупационный режим уже к концу 1941 г. не только развеял миф о возможности предоставления Литве, Латвии и Эстонии хотя бы подобия суверенитета, но и жесточайшим образом, при содействии коллаборационистских формирований, начал превращать этот регион в сырьевой придаток Третьего рейха, населённый бесправной рабочей силой.

Третий раздел сборника открывает статья доктора исторических наук А.Н. Пономарёва «Москва в 1941 году». При подготовке статьи автором использованы опубликованные архивные документы, мемуары советских и немецких военачальников и газетные материалы военных лет. В статье рассказано о мероприятиях, предпринятых партией и правительством по мобилизации всех сил на защиту столицы. Особое место отведено роли, которую сыграл в обороне столицы Московский горком ВКП(б) и его первый секретарь А.С. Щербаков. Публикация даёт представление о мерах, предпринятых столичным партийным руководством по защите столицы и мобилизации всех сил и средств на военные нужды. Автор показывает колоссальную работу, проведённую руководством Москвы по созданию дивизий народного ополчения и других военизированных формирований, диверсионных подразделений на случай захвата Москвы врагом, героическую борьбу бойцов противовоздушной обороны по защите неба столицы и др.

Продолжает тематику обороны столицы публикация кандидата исторических наук В.А. Арцибашева «Противоборство Ставок

на советско-германском фронте в сражении за Москву». В статье на основе ранее опубликованных архивных документов советского и германского Верховного командования, мемуаров немецких генералов и исследований отечественных историков проанализированы стратегические замыслы Ставок и штабов в начальный период войны на советско-германском фронте. Большое внимание автор уделит битве под Москвой, в ходе которой были сорваны планы молниеносной войны вермахта против СССР. Автор рассматривает динамику выработки Гитлером решения о нападении на Советский Союз и утверждает, что «...в целом план “Барбаросса” являлся авантюристичным, порочным в своей основе и изначально был обречён на провал, но не по причине принципиальных разногласий в германском командовании, а по причине того, что намерения Гитлера разгромить Советский Союз в ходе одной скоротечной кампании 1941 г. не соответствовали реальным возможностям Германии, особенно в условиях продолжавшейся войны против Англии». В.А. Арцибашев подробно рассматривает планирование германским высшим штабом наступления на Москву и контрмеры, предпринимавшиеся Верховным главнокомандованием Красной армии по защите столицы и переходу в контрнаступление в декабре 1941 г.

В статье доктора юридических наук В.С. Христофорова «Общественные настроения в СССР: июнь – декабрь 1941 г.» исследуются вопросы деятельности органов государственной безопасности (в том числе военной цензуры) по политическому контролю – сбору информации о настроениях населения СССР, военнослужащих Красной армии и иностранцев, а также информированию ГКО и ЦК ВКП(б) в военные годы. Автор рассматривает предысторию вопроса, анализирует историографию, показывает цели, задачи и различные формы политического контроля, приведены выдержки из наиболее ярких и содержательных документов. В.С. Христофоров исследует информационный потенциал данного вида исторических источников и их место в принятии управленческих решений на государственном уровне, проводит аналогию этого вида деятельности органов госбезопасности с работой современных социологических служб, но подчёркивает предвзятый подход к выборке респондентов, политизированный уклон выводов и комментариев.

Анализ архивных документов даёт представление о политических настроениях различных слоёв населения в начале войны. Несмотря на то что в 1941 г. части Красной армии отступали, неся большие потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести, попавшими в плен, среди большей части населения, вопреки бытовым и продовольственным трудностям, преобладали идеи патриотизма и уверенность в победе над врагом.

Первым месяцам блокады Ленинграда посвящена публикация Ю.З. Кантор «Ленинград в первые месяцы блокады», в которой рассматриваются события, связанные с операцией группы армий вермахта

«Север», а также предпринятые советским командованием в первые недели войны попытки не допустить блокады осенью 1941 г.; действия властей по обеспечению работы предприятий в военное время. Во второй части статьи, рассказывающей об обороне северной столицы, автор анализирует причины катастрофического положения в Ленинграде зимой 1941–1942 гг., сопоставляет материалы о создании и деятельности ополчения, строительстве оборонительных сооружений, голоде, смертности, политико-моральном состоянии населения и позиции городского партийного руководства. В работе использованы данные, содержащиеся в трофейных документах – донесениях немецких разведывательных подразделений, хранящихся в архивных фондах ФСБ России и дающих представление о том, как внимательно следил противник за обстановкой в городе.

Статья А.П. Черепкова «Советская военно-морская контрразведка в начале войны» рассказывает о малоизвестных страницах деятельности советских военных контрразведчиков на флотах и флотилиях в предвоенный период и в начале Великой Отечественной войны. На основе обширного архивного материала (нормативные документы, сообщения в инстанции, материалы оперативно-розыскной деятельности и зафронтальной работы) автором показаны нелёгкие будни советской военно-морской контрразведки, участие контрразведчиков в обороне военно-морских баз, портов и прибрежных районов.

К началу июня 1941 г. Военно-морской флот СССР имел в своём составе Северный, Балтийский, Черноморский, Тихоокеанский флоты, Пинскую, Каспийскую, Дунайскую и Амурскую флотилии и представлял собой внушительную силу. Он всегда находился под пристальным вниманием иностранных военных штабов и спецслужб. Значительные усилия германской военной разведки и её лучшие кадры концентрировались на получении достоверных сведений о военно-морском потенциале нашей страны. На подрыв его мощи были направлены устремления разведок государств, воевавших против СССР. На флоте в первые месяцы войны контрразведывательную работу вели органы 3-го Управления НКВМФ. Война с гитлеровской Германией внесла коррективы в эти задачи, расширив сферу деятельности органов контрразведки флота. 1941 г. стал самым тяжёлым в оперативно-боевой деятельности флотских контрразведчиков.

Завершает третий раздел сборника работа «Боевые действия в Финском заливе в 1941 г.» И.Б. Иванова, которая вводит в научный оборот документальные материалы о сражениях на северном фланге советско-германского фронта в 1941 г. Публикация подготовлена на основе рассекреченных документов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России. Автор предпринял попытку извлечь из этих специфических материалов ценнейшую фактическую информацию об организации обороны Таллина, переходе кораблей Балтфлота из Таллина в Кронштадт,

о борьбе за острова Моонзундского архипелага и эвакуации военно-морской базы Ханко.

Заключительную часть сборника представляют 44 документа из фондов Центрального архива ФСБ России и архивов территориальных органов федеральной службы безопасности. Публикуемые документы снабжены вступительными статьями и научными комментариями.

В первой тематической подборке «Военно-политическая обстановка в Финляндии в 1941 г. и начало боёв на Северном фронте» – документальные материалы Центрального архива ФСБ России, архива Управления ФСБ России по Республике Карелия о совместной подготовке Германии и Финляндии к нападению на Советский Союз. Среди них выделяются несколько документов военно-политического характера за май – июнь 1941 г. и докладная записка НКГБ СССР в ЦК ВКП(б), СНК СССР, НКВД СССР и НКВД СССР с материалами, полученными разведывательным путём из Хельсинки, в том числе о заявлении президента Финляндии: «31 мая президент Рюти на заседании правительства заявил, что международная военная ситуация сейчас весьма сложна и опасна. Германия перебрасывает около 100 дивизий на восточную границу, в связи с чем там прекращено пассажирское движение...». В других документах сообщалось об отношении правительства Финляндии к политике Германии по вовлечению страны в мировую войну (от 11 июня 1941 г.); о перебросках вооруженных сил и боевой техники Германии из Северной Норвегии; об объявлении военной мобилизации в Финляндии и концентрации германо-финских войск на советско-финской границе (от 13 июня 1941 г.); сообщение Управления погранвойск НКВД Ленинградской области в наркомат госбезопасности Карело-Финской ССР о ситуации на советско-финской границе (от 20 июня 1941 г.).

Представляют большой интерес для историков и разведывательные сводки наркомата внутренних дел Карело-Финской ССР, которые направлялись в Управление погранвойск КФССР и ЦК КП(б) КФССР в мае 1941 г., о переброске железнодорожным транспортом германских воинских контингентов по территории Финляндии (от 24 июня 1941 г.) и о разжигании антисоветских настроений в стране. Обстановку накануне активных боевых действий на советско-финской границе освещают разведсводки Управления НКВД по Ленинградской области (от 27 и 28 июня 1941 г.).

Ряд документов рассказывает о боевой готовности воинских объединений Северного фронта в первые месяцы войны, в том числе 7-й армии, о недостатках в обеспечении частей и подразделений личным составом, вооружением и боевой техникой. В донесении 3-го отдела Северного фронта в 3-е Управление НКО СССР и Управление НКГБ Ленинградской области от 5 июля 1941 г. сообщалось о первых результатах боевых столкновений с противником и недостатках в снабжении боеприпасами.

О недостатках в руководстве подразделениями говорится и в спецсообщении 3-го отделения 168-й стрелковой дивизии от 16 июля 1941 г.

В спецсообщении Особого отдела НКВД 7-й армии приведён рассказ командира 9-го Ивановского мотомеханизированного полка о причинах неудач в ходе выполнения боевой задачи 18–19 июля 1941 г.: плохая подготовка операции, нехватка оружия и боеприпасов, большие потери, отсутствие поддержки авиации. Завершает эту подборку трофейный документ – показания бывшего командира 43-й стрелковой дивизии генерал-майора В.В. Кирпичникова о боевых операциях дивизии в начале войны, данные им в финском плену. Все эти документальные материалы из далёкого 1941 являются лишь малой толикой информации, ярко иллюстрирующей драматическую обстановку, в которой оказались страна и Красная армия в начальный период фашистской агрессии.

В следующей группе документов «Таллинский переход и эвакуация базы Краснознамённого Балтийского флота с полуострова Ханко» представленные материалы, дополняя друг друга, открывают ранее неизвестные факты. Общая их особенность заключается в том, что они написаны непосредственными участниками событий. Сведения поступали в подразделение контрразведки КБФ как в виде агентурного сообщения участника событий, так и как рапорт штатного сотрудника 3-го отдела (военная контрразведка) КБФ. В этих документах речь идёт об организации перехода кораблей из Таллина в Кронштадт, отражены недостатки и анализируются причины, из-за которых флот понёс такие тяжёлые потери. В других документах рассказывается об эвакуации личного состава из Таллина; отражены личные соображения командира 10-го зенитно-артиллерийского дивизиона, их ценность состоит в подробнейшем описании обороны Таллина. В свою очередь специфика использования этих документов органами безопасности позволила сохранить сведения, содержащиеся в них, от дальнейшего редактирования и искажения. Один из документов – докладная записка начальника 3-го отдела КБФ дивизионного комиссара Лебедева А.П. народному комиссару Военно-морского флота СССР адмиралу Кузнецову Н.Г. – включён для того, чтобы проиллюстрировать качественно другой уровень обобщённой информации о боевых действиях эскадры КБФ в ноябре 1941 г., и прежде всего условия, в которых проходила эвакуация личного состава с военно-морской базы на полуострове Ханко.

Два других комплекса материалов – документы из следственных дел «кондуктора» Румынии маршала Йона Антонеску, бывшего заместителя премьер-министра Румынии Михая Антонеску и бывшего начальника Генерального штаба венгерской армии генерал-полковника Генриха Верта.

Маршал Антонеску и члены его кабинета были арестованы и переданы представителям советского военного командования в конце августа

1944 г. по приказу короля Румынии Михая. В публикации представлено 10 документов. На русском языке они публикуются впервые*. На допросах в Москве И. Антонеску и М. Антонеску рассказали об обстоятельствах заключения соглашения между Германией, Румынией и Венгрией о совместном нападении на Советский Союз, о создании специального аппарата чиновников, которые должны были осуществлять оккупационный режим в захваченных районах. Все эти документы убедительно доказывают, что нападение на СССР со стороны нацистской Германии и её союзников носило захватнический характер.

К показаниям Иона и Михая Антонеску примыкают документы из следственного дела в отношении генерал-полковника венгерской армии Генриха Верта, который лично участвовал в подготовке и проведении агрессивных войн против СССР и других государств, разрабатывал программу усиления милитаризации страны и реорганизации венгерской армии по немецкому образцу. В июле 1939 г. по поручению регента Венгрии адмирала Миклоша Хорти он вёл переговоры с Гитлером, Браухичем, Гальдером и Кейтелем о подготовке венгерских вооружённых сил для участия в агрессивных войнах на стороне нацистской Германии. В марте 1941 г. Верт заключил соглашение с германским командованием о взаимодействии армий при нападении на Югославию и в дальнейшем руководил венгерскими войсками, оккупировавшими часть территории Югославии. 22 июня 1941 г., в день нападения гитлеровской Германии на СССР, Верт потребовал от венгерского правительства проведения мобилизации и объявления в стране военного положения. По приказу Верта в конце июня 1941 г. венгерская авиация подвергла бомбардировке советские города, а венгерская армия вторглась на территорию СССР и вместе с немецко-фашистскими войсками участвовала в оккупации советской территории.

На захваченной территории СССР венгерские войска, подчинявшиеся Верту, установили жестокий оккупационный режим, проводя репрессии против советских граждан. В сентябре 1941 г., после того как венгерское правительство не удовлетворило требование Верта об увеличении военного бюджета, он оставил пост начальника Генерального штаба венгерской армии и ушёл в отставку. 17 марта 1945 г. он был арестован сотрудниками отдела контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта и в ходе следствия назвал основных инициаторов войны, а в собственноручных показаниях от 16 января 1946 г. описал своё личное участие в нападении на Советский Союз.

Среди публикуемых протоколов допросов Г. Верта выделяется документ от 11 августа 1945 г., в котором он рассказывает об авиационном

*См. также: Lotul Antonescu în ancheta SMERȘ, Moscova, 1944–1946 Documente din archiva FSB. POLIROM, 2006.

налёте на г. Каши (Кошице) 26 июня 1941 г. Эти события до сих пор являются одной из крупнейших загадок новейшей истории Венгрии, так как до сегодняшнего дня не удалось определить принадлежность нападавших самолётов. В результате авиационного удара 32 человека погибли, 60 были тяжело ранены, 220 человек получили лёгкие ранения, были повреждены 24 жилых дома, почта, дороги и сеть коммунальных учреждений, а правительство Венгрии приняло решение вступить в войну против СССР на стороне Германии.

Большинство документов публикуется впервые. Как правило, тексты документов даются полностью, сохранены особенности стиля и орфографии их авторов. Купюры сделаны в тех случаях, когда в документе освещаются вопросы, не имеющие отношения к тематике сборника. Выявление архивных документов, их археографическая обработка и подготовка комментариев проведены сотрудниками: Архивного института Культурного, научного и информационного центра Венгерской Республики – д-р Е. М. Варга (Венгрия); Центра публикации источников по истории России XX века ИРИ РАН, Института славяноведения РАН, Главархива Москвы и Центрального архива ФСБ России – В.К. Виноградовым, Н.Н. Воякиной, Т.М. Гольшкиной, И.Б. Ивановым, С.А. Кузяевой, Н.В. Лукьяновой, В.Г. Макаровым, А.С. Стыкалиным и Т.С. Туговой.

Немецкие дипломаты о подготовке Второй мировой войны

Макаров Владимир Геннадьевич,
кандидат философских наук,
Институт российской истории РАН

Вторая мировая война, как неистовый смерч, вовлекла в бурный круговорот драматических событий миллионы человеческих жизней. Не случайно это событие привлекает к себе взгляды не только профессиональных историков, но и обычных людей во всём мире.

Несмотря на то что уже опубликовано множество документов, монографий, мемуаров, сняты тысячи документальных и художественных фильмов, посвящённых этой войне, для историков остаются неисследованными целые пласты документальных источников, которые могут внести дополнительные штрихи в восстановление исторического полотна Второй мировой войны. Их изучение помогает не только рассказать о малоизвестных страницах войны, но и глубже понять скрытые причины, которые привели в действие механизм войны, мотивы и побудительные причины поступков тех или иных исторических деятелей.

В середине октября 2010 г. в Федеративной Республике Германия опубликован 880-страничный отчёт комиссии независимых историков из ФРГ, США и Израиля «Министерство и его прошлое. Германские дипломаты в период Третьего рейха и в Федеративной республике» («Das Amt und die Vergangenheit. Deutsche diplomaten im dritten Reich und der Bundesrepublik»). Руководил работой интернационального коллектива профессор Марбургского университета Эккарт Конце. Исследование комиссии историков развеяло миф о том, что ведомство Риббентропа представляло собой «очаг сопротивления нацистскому режиму».

Как стало известно, немецкие дипломаты не только добровольно пошли на службу нацистскому режиму, прикрывали на международной арене гитлеровскую политику уничтожения, но и активно участвовали в её проведении на оккупированных вермахтом территориях.

Результаты исследования оказались ошеломляющими: «По подсчётам Эккарта Конце, в первые два года существования МИДа ФРГ 42 процента высокопоставленных немецких дипломатов в прошлом были

членами НСДАП. Это, указал он, даже больше, чем членов нацистской партии в высших эшелонах ведомства в 1938–1939 гг. Аденауэр, по словам Конце, частенько отправлял дипломатов с нацистским прошлым на работу в арабские или латиноамериканские страны, где им не грозили «неприятности»¹.

После окончания войны «деполитизированные профессионалы» из МИДа нацистской Германии с 1951 г. влились в Министерство иностранных дел «денацифицированной» Федеративной Республики Германия. Памятный визит Конрада Аденауэра в Москву в 1955 г. открыл путь к освобождению многим немецким военнопленным и интернированным, находившимся в СССР. В том числе вернулись на родину «в качестве немнестированных преступников» многие бывшие сотрудники Риббентропа, отбывавшие наказание в Советском Союзе. Вскоре их приняли на дипломатическую службу в МИД ФРГ.

В большинстве своём кадровый состав Министерства иностранных дел Третьего рейха составляли так называемые «карьерные» дипломаты, начавшие службу в МИДе ещё во времена кайзеровской Германии и Веймарской республики. Как правило, за редким исключением, они не были активными участниками национал-социалистического движения, а принадлежали к партиям умеренно-консервативного толка (католическая партия «Центра» и т. п.).

Назначение И. фон Риббентропа на пост министра иностранных дел повлекло за собой не только реорганизацию МИДа, но и «чистку» среди сотрудников министерства, избавление от нежелательных лиц (по расовым или политическим мотивам), а также массовый приём чиновников в нацистскую службу.

В тоталитарном государстве, каким являлась нацистская Германия 1933–1945 гг., каждый чиновник в большинстве случаев обязан был быть членом национал-социалистической партии или какой-либо из политических организаций Третьего рейха (НСДАП, СА, СС, НСКК и проч.). При Риббентропе кампания по приёму в НСДАП развернулась и среди германских дипломатов. Это обстоятельство во многом повлияло на то, что после окончания Второй мировой войны репрессиям со стороны союзников подверглось большинство сотрудников германского МИДа.

Советский Союз в этом случае не был исключением. После Победы советские органы безопасности приступили к розыску и аресту, наряду с военными преступниками, сотрудников специальных служб и дипломатов нацистской Германии.

В Центральном архиве ФСБ России в 2009–2010 гг. проведено выявление документальных материалов в отношении немецких дипломатов, оказавшихся после войны в советском плену. Фрагменты из их показаний об участии в подготовке и ведении Второй мировой войны приведены в данной публикации.

* * *

О важности изучения документальных материалов Третьего рейха для выяснения истинных причин Второй мировой войны писал в своих воспоминаниях высокопоставленный немецкий дипломат Э. фон Вайцеккер: «В поисках правды историки в течение долгого времени будут пытаться установить истинные причины войны. Если они станут пользоваться источниками Третьего рейха, то им следует помнить о том, что в Германии никто не мог ничего добиться открыто. Трезво мыслящие чиновники и офицеры должны были излагать свои мысли и предложения языком, понятным тем, к кому они обращались. Используя документы того времени, историк воссоздаёт объективную картину в том случае, если проникнет в психологию людей, на которых ориентировались документы и с кем эти люди были косвенно связаны... Историкам следует понять и постараться проникнуть в подтекст. Им будет недостаточно удовлетвориться заключительной стадией войны, но следует проникать день за днём в прошлое, пока они не дойдут до того места, когда наше знание истории отчётливо позволит установить главные и глубинные причины событий, связи между ними, соотнося их с общечеловеческими ценностями»².

Следуя совету Вайцеккера, стоит пояснить, почему после войны немецкие дипломаты столь откровенно рассказывали о событиях минувших лет. В годы войны многим сотрудникам германского МИДа пришлось сменить мундир дипломата на солдатскую форму. На советско-германском фронте они воочию увидели, чем на практике обернулась национал-социалистическая «теория», что не могло не сказаться на мировосприятии той или иной личности.

В этом плане показателен фрагмент из собственноручных показаний от 29–30 апреля 1944 г. легационного советника Э. Бриста, который в ходе сражений на Восточном фронте попал в советский плен:

«[...] Если я по-прежнему продолжал бы скрывать истину, то это, естественно, должно было быть истолковано как приверженность гитлеровскому режиму и заклеило бы меня, вопреки моему подлинному внутреннему убеждению, как врага Советского Союза. В этом моем внутреннем конфликте между верностью моим товарищам по службе, своему непосредственному руководству и высшим интересам германской родины, мне кажется, как представителю Министерства иностранных дел, более важным снискать к себе доверие. В силу нападения на Советский Союз, немецкий народ взял на себя большую вину по отношению к России, и если я в этой тяжёлой борьбе со своей совестью решил сегодня – добровольно и без принуждения, сказать полную правду и раскрыть свою тайну, то это потому, что хочу со всей убедительностью доказать, что мы, немцы, и в особенности мои товарищи в Министерстве иностранных дел, желаем искренней дружбы с советской Россией [...]»³.

Тайная дипломатия Германии накануне и в годы Второй мировой войны

В своих показаниях немецкие дипломаты привели ряд малоизвестных эпизодов подготовки Второй мировой войны, очевидцами которых они являлись, занимая тот или иной дипломатический пост. Например, бывший германский посол в Брюсселе Г. фон Рихтгофен⁴ на допросе рассказал о том, как Гитлер маскировал свои намерения по захвату Бельгии:

«[...] *Вопрос:* Какие политические указания гитлеровского правительства вы получили перед выездом в Бельгию? *Ответ:* Я имел беседу со статс-секретарем Бюловым⁵, который ориентировал меня о враждебном настроении всех слоев бельгийского общества по отношению к Германии, так как в бельгийском народе были живы воспоминания о вероломном нападении немцев в 1914 г., и о годах последующей оккупации. Фон Бюлов указал мне на необходимость осторожной, но настойчивой прогерманской обработки общественного мнения в Бельгии. Затем я был принят Гитлером в присутствии министра иностранных дел Нейрата, от которого получил соответствующие указания. На мой вопрос, как я должен реагировать на появившиеся в прессе сообщения о продлении бельгийцами “линии Мажино”, Гитлер ответил: “Скажите бельгийцам, что они могут зарывать столько бетона в землю, сколько им нравится”. Тогда я ещё не осознавал, что это заявление Гитлера было политическим лицемерием, рассчитанным на усыпление бдительности бельгийского народа.

Вопрос: Вы отлично знали цену заверений Гитлера и недаром вас направили в Бельгию непосредственно после вступления германских войск в Рейнскую область. Показывайте о проведении вами гитлеровской внешней политики в Бельгии. *Ответ:* Несомненно, что после ремилитаризации Рейнской области и, тем самым, срыва Локарнского договора, Бельгия снова очутилась под угрозой оказавшихся на её границе германских войск. Бельгийское правительство Ван-Зееланда – Спаака стало заигрывать с нами, немцами, и пыталось освободиться от обязательств военной помощи Франции в случае конфликта с Германией. В этой сложной обстановке я рекламировал “миролюбивые” настроения Гитлера и осторожно проводил мысль о том, что Бельгии нечего ожидать от Франции, следовательно, настоящим гарантом её безопасности является Германия.

Когда весной 1937 г. в соответствии с желанием бельгийского правительства последовала англо-французская декларация об освобождении Бельгии от обязательств, вытекающих из Локарнского пакта, я по собственной инициативе предложил Нейрату сделать официальное заявление о “мирных намерениях Германии в отношении Бельгии”. Нейрат согласился с моим предложением, и 13 октября 1937 г. германское правительство объявило, что оно будет уважать бельгийский суверенитет, если Бельгия не примет участия в конфликте против Германии,

и что германские вооружённые силы окажут помощь Бельгии в случае нападения на неё. Тем самым мне удалось в значительной мере укрепить германское влияние в Бельгии и существенным образом парализовать волю бельгийского народа к сопротивлению германской агрессии.

Вопрос: Известно, что в 1940 г. фашистская Германия нарушила свои торжественные обязательства в отношении Бельгии и вероломно напала на неё. Вы также несёте ответственность за это, так как лживо заверяли бельгийский народ в “миролюбии Германии”. *Ответ:* Фактически это так. Прошу учесть, что я не мог предусмотреть все замыслы Гитлера. Со временем мне стало, однако, ясно, что все международные договоры рассматриваются гитлеровским правительством как “кочки бумаги” [...]»⁶.

Другой дипломат, легационный советник В. Биссе, на допросе в Берлине 17 августа 1945 г. рассказал о тайных договорах, заключённых нацистской Германией в предвоенный период и в годы Второй мировой войны с нейтральными странами:

«[...] *Вопрос:* Вам как сотруднику Министерства иностранных дел известно о тайных договорах, заключённых Германией с другими странами? *Ответ:* Да, мне об этом известно. Германия имела тайные договора с государствами, объявившими себя нейтральными во время войны Германии с Советским Союзом. Такие договора имелись со следующими государствами.

Со Швейцарией был заключён договор, примерно в 1940 г. и через каждые полгода возобновлялся, этот договор действовал до последнего времени. По договору Швейцария обязалась пропускать по своей территории германские войска на территорию Италии. Кроме этого, обязывались поставлять для Германии оборудование и точные измерительные приборы, подшипники для военной промышленности Германии. Взамен Германия выплачивала уголь, железо и сталь. Эти поставки, как мне известно, продолжались до ноября 1944 г. Германия только одного угля вывозила в Швейцарию в месяц до 60 тыс. тонн. Кроме этого, Германия снабжала Швейцарию оружием, в основном зенитными орудиями. Договор, заключённый Германией со Швейцарией, лично не читал, о содержании его мне стало известно от авторитетных работников Министерства иностранных дел.

С Португалией Германия заключила тайный договор в начале войны с Советским Союзом. Португалия по договору обязалась поставлять в Германию вольфрам, в количестве 1500 т в год, эти поставки она выполняла. По этому же договору снабжала Германию пищевыми продуктами, и было вывезено из Португалии до одного миллиона ящиков рыбных консервов (сардины). Взамен этого Германия снабжала Португалию зенитными орудиями. Кроме этого, Германия гарантировала Португалии, что привозимое из США в Португалию на шведских кораблях горючее – бензин и масла – не будут торпедироваться военными кораблями Германии. Это обязательство Германия выполняла.

Со Швецией имелся тайный договор, по которому Швеция обязывалась пропускать по своей территории германские войска, следовавшие в Норвегию и Финляндию, что и проводилось во время войны. За это Германия выплачивала Швеции зенитными орудиями и поставками угля, которого было вывезено в Швецию в количестве 6 млн тонн в год. Кроме этого, Швеция по договору поставляла в Германию подшипники.

Должен пояснить, что Германия по тайным договорам выплачивала Швейцарии, Швеции и Португалии зенитными орудиями, которые в основном являлись французскими, захваченными германскими войсками при оккупации Франции.

Вопрос: Что вам известно о тайном договоре Германии с Турцией?

Ответ: [...] В тайных договорах с Турцией речь шла о поставках в Германию хромовой руды, которую Турция должна была ежегодно поставлять 100 тыс. тонн. Турция никогда не выдерживала соглашения о поставках. В первые годы войны они составляли 50 тыс. тонн. С 1943 г. и до конца 1944 г. [Турция] поставила приблизительно до 30 тыс. тонн в год. Германия в свою очередь обязывалась поставлять оружие всех видов. Из оружия главным образом поставлялись зенитные орудия всех калибров и измерительные приборы всех видов. [...]

Вопрос: Германия имела тайный договор с Испанией? *Ответ:* Да, такой договор имелся. Большую роль в заключении тайных договоров с Испанией играла созданная Герингом фирма в Берлине под названием "Робок" с филиалом в Мадриде под именем "Зофундус". [...] Заключённые Германией тайные договора с Испанией сводились в основном на поставку вольфрама в Германию в количестве 1400 тонн ежегодно. Но поставки обычно выполнялись до 700–800 тонн ежегодно. После оккупации Франции Испания прекратила поставки вольфрама. Тайными договорами также разрешались вопросы морского судоходства, но что именно входило в эти вопросы, мне неизвестно. Согласно договору Германия поставляла Испании все виды оружия, особенно зенитные орудия, в том числе шло и трофейное оружие, захваченное Германией в оккупированных странах [...]»⁷.

Бывший советник германского посольства в Софии Антон Морман в собственноручных показаниях от 18 апреля 1945 г. рассказал подробности, касавшиеся присоединения Болгарии к странам «оси»:

«[...] Во-первых, присоединение Болгарии к Тройственному пакту 1.III.[19]41 г. Основные переговоры велись королем Борисом с Гитлером в Германии в начале 1941 г. Вначале они не привели к положительным результатам, так как король колебался главным образом из-за представлений Советского Союза. Его сомнения были усилены посещением посла СССР Соболева, генерального секретаря в Софии. Вследствие этого Риббентроп поручил посольству настоять на том, чтобы Болгария дала своё согласие примкнуть к Тройственному пакту.

Посол Рихтгофен после ряда демаршей министру иностранных дел Попову настоятельно потребовал согласия. Конечно, во время переговоров с Гитлером Борису должны были гарантировать поддержку его правительственных мероприятий на случай беспорядков. Но как подробно велись эти переговоры, мне неизвестно. После демаршей Рихтгофена Болгария, наконец, дала своё согласие. Я лично не принимал никакого участия в этих переговорах.

Во-вторых, объединение Германии с Болгарией стало необходимо в связи с возникновением в 1941 г. вопроса о переходе немецкой армии через территорию Болгарии в Грецию. Переговоры об этом велись без участия посольства, насколько мне известно, со стороны Болгарии исчезли какие-либо колебания, когда ей гарантировали удовлетворение её претензий на Фракию и Македонию.

Для этой цели Болгария предоставила в распоряжение Германии железные дороги, аэродромы и порты. Для облегчения перехода войск было заключено три тайных договора, которые были подписаны Филовым и Рихтгофеном. Договора разрабатывались специальными комиссиями [...]»⁸.

На допросе 8 мая 1951 г. А. Морман также рассказал о методах, которыми действовало германское посольство в Софии, чтобы вбить клин в отношения между Болгарией и Советским Союзом:

«[...] Совместно с послом Беккерле Адольфом я повёл работу, рассчитанную на вовлечение Болгарии в войну против СССР. С этой целью посольством была организована клеветническая антисоветская кампания, достигшая своей высшей точки в организации в 1943 г. в Софии «антикоминтерновской выставки». За последнюю, правда, целиком и полностью должны нести ответственность Беккерле и бывший болгарский министр внутренних дел Габровский – главные инициаторы этого преступного дела. Кроме того, им в этом помогал так называемый руководитель «Антикоминтерна» известный немецкий фашист Таубер.

Я, однако, не считаю нужным укрываться от ответственности и за совершённые мною лично преступления. Признаю, что летом 1941 г. я осаждал болгарский МИД с требованием о закрытии советского консульства в г. Варне под предлогом того, что оно якобы занималось разведывательной деятельностью. При этом я воспользовался для «аргументации» фальсифицированными материалами, полученными мною от матёрого немецкого разведчика Вагнера, орудовавшего в Болгарии под кличкой «доктор Делиус».

Подтверждаю также данные мною ранее на следствии показания о том, что в 1941–1942 гг. я разработал и провёл соглашение с болгарским правительством Филова о вербовке проживавших в Болгарии белоэмигрантов для службы в так называемом «охранном корпусе»⁹. Завербованные в результате моей работы белобандиты заменили часть германских войск

в Югославии, которые, в свою очередь, перебрасывались на советско-германский фронт для борьбы против Советского Союза. Наряду с этим я осуществил ряд фашистских мероприятий, направленных на подавление народно-освободительного движения в самой Болгарии [...]»¹⁰.

Деятельность германского посольства в Москве до 22 июня 1941 г.

Безусловно, что следствием прежде всего интересовала деятельность германских консульств и посольства в Москве. В ходе и по окончании Великой Отечественной войны в числе пленников оказались несколько дипломатов, в разные годы работавших в СССР.

Представляют интерес показания от 23 августа 1947 г. бывшего советника германского посольства в Москве Франца Бреера о формах и методах разведывательной деятельности германских дипломатических представительств в СССР:

«[...] В общем можно сказать, что заданием наших посольств, миссий и консульств являлось собирать сведения во всех областях политической, экономической и культурной жизни тех стран, где они находились. Консульства обыкновенно отправляли свои доклады в посольства или миссию их стран, иногда непосредственно в министерство. В таком случае копия доклада отправлялась в посольство или миссию.

Источниками для докладов являлись: а) разговоры с государственными или общественными деятелями надлежащих стран, с дипломатическими или консульскими представителями третьих стран, с германскими гражданами, лицами немецкого происхождения, имевшими экономические или культурные связи с Германией (напр[имер], представители германских фирм); б) печать и литература надлежащих чужих стран; в) новые законы или другие правительственные распоряжения; г) личные наблюдения сотрудников наших представительств [...]

В Москве условия работы посольства различались в некоторых отношениях от деятельности наших представительств в других странах. Из источников для информации отпадала возможность разговоров или каких-либо других отношений с германскими гражданами, постоянно живущими на территории СССР, потому что таких во время моего пребывания в Москве (1940/[194]1 г.), за исключением членов самого посольства, немногих германских журналистов и заключённых*, уже не было. [...]

Относительно работы общего отдела, т. е. канцлера посольства, мне известен метод доставления советских денег для потребностей посоль-

* Речь идет о германских гражданах, арестованных советскими органами безопасности по подозрению в шпионаже или иной подрывной деятельности.

ства. Поскольку мне известны все московские дипломатические представительства, покупали советские деньги за границей, от 25 до 40 рублей за один доллар.

В 1941 г. дипломатический корпус согласился с Госбанком в том смысле, что последний менял дипломатам иностранную валюту (доллар) на основании повышенного курса. Сотрудник германского посольства меняли доллар за фиксированный и гарантированный курс 25 рублей. Если касса не была в состоянии купить нужные советские деньги за этот курс, министерство должно было достать добавочные средства из своего бюджета»¹¹.

Немецкий дипломат, консул Иоганн Ламля долгое время работал в России и СССР. Ещё до начала Первой мировой войны, в августе 1912 г., он был направлен в немецкое консульство во Владивостоке, где проработал до августа 1914 г. В мае 1918 г. он вновь вернулся в Россию, но уже советскую, в германское консульство в Москве. После закрытия консульства в связи с покушением на германского посла фон Мирбаха, он ненадолго вернулся на родину. В августе 1921 г. снова возвратился на службу в открывшееся германское посольство в Москве, где работал до 22 июня 1941 г. После войны И. Ламля был задержан советскими органами безопасности.

На допросе в Потсдаме 16 апреля 1946 г. И. Ламля также дал показания о легальной и нелегальной деятельности сотрудников германского посольства в Москве по сбору информации о Советском Союзе в предвоенный период:

«[...] *Вопрос:* Материалами следствия вы изобличаетесь в проведении разведывательной работы в интересах Германии в период Вашего пребывания на работе в немецком посольстве в Москве. Намерены ли вы приступить к даче правдивых показаний по существу этого вопроса? *Ответ:* [...] Оперативными и политическими вопросами, а также вопросами разведывательного порядка занимались соответствующие отделы посольства и, соответственно, работавшие в этих отделах сотрудники. Я могу объяснить лишь направление разведывательной работы, которая проводилась германским посольством в Москве, исходя из моего общего наблюдения.

Мне было известно, что сбором негласных сведений и составлением информационных докладов в Берлин о политическом и экономическом положении в Советском Союзе занимались: Политический отдел – советник фон Типпельскирх, советник фон Вальтер; из Торгово-экономического отдела – советник Гильгер; из Консульского отдела – советник Швиннер; из Отдела печати – советник Штарке.

Сбором негласных сведений военного характера занимались: военный атташе – генерал Кёстринг; морской атташе – капитан фон Баумбах; авиационный атташе Ашенбреннер. Общее руководство осуществлял посол граф фон Шуленбург.

Вопрос: Каким образом была организована разведывательная работа, соответственно, по отделам посольства. Покажите, что Вам об этом известно?

Ответ: Мне было известно, что негласные сведения о политическом и экономическом положении по Советскому Союзу поступали в германское посольство в Москве из следующих источников: в период до 1938 г. из консульств в Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и Тбилиси. После 1938 г. из немецких консульств Ленинграда, Батуми и Владивостока. Указанные консульства еженедельно присылали в посольство в Москву доклады информационного порядка о добытых ими сведениях, главным образом, по вопросам о настроении населения, о положении в сельском хозяйстве и промышленных предприятиях по округам, где они были консульскими представителями.

Эти данные, в сочетании с данными, полученными сотрудниками посольства в Москве, учитывались в политических докладах посольства в министерство иностранных дел. Главным образом, данные разведывательного порядка сотрудники посольства и консульств получали путём общения с немецкими специалистами, работавшими на предприятиях Советского Союза, от советских граждан немецкого происхождения, которые по тем или иным вопросам личного порядка посещали посольство, где они и опрашивались. А кроме того, источником информации были лица из общины немецко-лютеранской церкви, до 1938 г. существовавшей в Москве.

Что касается негласной агентурной сети, которая, возможно, и была создана работниками посольства в Москве и консульскими представителями в округах, я таковой не знал, так как вопросами разведки не занимался [...]»¹².

На следующем допросе, состоявшемся там же 5 июля 1946 г., И. Ламля дал показания о секретном денежном фонде, из которого финансировалась нелегальная разведывательная деятельность против СССР германским посольством в Москве:

«[...] *Вопрос:* Ранее вы показали о том, что ряд бывших сотрудников германского посольства в Москве занимались в СССР сбором политических и экономических информации. Какое конкретное участие вы принимали в проведении шпионской работы против Советского Союза? *Ответ:* На протяжении 20 лет я работал при германском посольстве в Москве в должности канцлера. В моём ведении находились все денежные фонды, предоставленные министерством иностранных дел в распоряжение посольства. В числе статей расхода денежного фонда в посольстве имелся так называемый “секретный фонд посла”, который в основном расходовался мной на финансирование разведывательной работы. Таким образом, я – Ламля, занимался финансированием проводившейся военным атташе, а также немецким посольством в Москве и консульствами разведывательной работы против СССР [...]».

Вопрос: Расскажите об организационном построении разведывательной службы немецкого посольства в Москве, и кто ее возглавлял?
Ответ: Все указания и распоряжения по проведению разведывательной работы исходили от посла графа фон Шуленбурга и его заместителя фон Типпельскирха.

Военным шпионажем в Советском Союзе занимались военный атташе генерал Кёстринг, его помощник майор Шубут, морской атташе капитан фон Баумбах и атташе по авиации полковник Ашенбреннер. По разведывательной работе военные атташе были непосредственно подотчётны Генеральному штабу германской армии, и одновременно они свою разведывательную работу контактировали с немецким послом в Москве [...]. В марте 1941 г. по указанию Риббентропа для финансирования разведывательной работы я выплатил Баумбаху советскими знаками четыре миллиона рублей и генералу Кёстрингу – два миллиона рублей. Считаю необходимым сообщить следствию о том, что проводимая разведка посольством и консульствами контактировалась с германской разведкой Абвер. Связь посольства по шпионажу с германскими разведывательными органами Абвер я могу подтвердить, что неоднократно через вверенную мне курьерскую службу морской атташе Баумбах пересылал указания и получал разведывательные данные от генерального консула в Ленинграде Зоммера. Кроме того, в начале 1941 г. немецкой разведкой под видом военного атташе был направлен в Ленинград сотрудник Абвера (фамилии не помню), который вместе с генеральным консулом Динстманн и консульским секретарем Штрекером занимался там шпионской работой [...].

Разведывательной работой по сбору политических информации в посольстве руководил начальник Политического отдела фон Типпельскирх. Под его руководством агентурную работу в этом направлении проводил фон Вальтер. Сбором политической информации по Советскому Союзу также занимался работник Печатного отдела, советник Штарке и сотрудник этого отдела Кемпфе. Экономическим шпионажем в посольстве руководил начальник Торгово-промышленного отдела советник Гильгер. Его помощниками по агентурной работе в этом направлении были консульские секретари Тюрк и Демпе [...]»¹³.

Немецкие дипломаты о нападении Германии на СССР

Как высокопоставленным немецким военным, так и сотрудникам германского МИДа, попавшим в советский плен, задавался вопрос о том, когда тот или иной дипломат узнал о подготовке нападения Германии на СССР.

Несомненную историческую ценность имеет дневник пресс-атташе германского посольства советника Готтхольда Штарке, который он начал

вести со дня объявления Германией войны Советскому Союзу и завершил по возвращении в Берлин. Возможно, Штарке был одним из немногих сотрудников германского посольства, который вёл в те дни свой личный дневник. В своих записях Штарке с хронологической точностью зафиксировал происходившие в тот период события. Его дневник состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет свой подзаголовок. Первая часть дневника называется «Расставание /точнее Прощание / с Москвой» (нем. «Abschied von Moskau»).

Заметим, что эпизод с визитом посла В. фон дер Шуленбурга в Кремль утром 22 июня 1941 г. описан в книге немецкого антифашиста Гехарда Кегеля. Характеризуя «знатока российских проблем» посланника Густава Хильгера, Кегель писал: «При нём (Хильгере – авт.) около трёх часов утра в трагическое воскресенье 22 июня 1941 г. посол фон Шуленбург получил от фашистского правительства телеграфное указание немедленно отправиться в Кремль к Молотову и сообщить, что Германия начала военные действия против Советского Союза. Он сопровождал посла при выполнении этой нелёгкой миссии»¹⁴.

Приведём небольшой фрагмент первой записи, сделанной Штарке в своём дневнике 22 июня 1941 г.:

«22 июня 3 часа ночи. Поступила шифрованная телеграмма о том, что послу поручается сообщить комиссару иностранных дел Молотову о начале военных действий. Одновременно было организовано уничтожение последних шифрованных материалов, и болгарский посланник* назначается хранителем германских интересов. Германское посольство в Москве более не существует. Мы отрезаны от родины. В посольстве собирается посол, посланник и генерал-советник посольства. Хильгера вызывает секретариат Молотова, который готов сейчас же принять посла.

5 час[ов] 25 мин[ут]. Граф фон дер Шуленбург направляется с Хильгером в Кремль, чтобы выполнить это последнее задание. Он вручил в связи с этим комиссару иностранных дел письмо, содержащее пожелания посла по поводу отъезда и выбор государства, которое в дальнейшем будет представлять интересы Германии. Между тем советник посольства фон Вальтер разбудил болгарского посла, чтобы доставить его в здание посольства.

6 час[ов] 10 мин[ут]. Посол возвращается. Молотов принял к сведению заявление посла. О начале военных действий ему, разумеется, было уже известно. Между тем появился болгарский посол, который интересовался отдельными моментами, связанными с его полномочиями по представлению в дальнейшем интересов Германии. Кроме того, были проинформированы также итальянский посол** и румынский посланник, так как они сами не получали ещё никаких известий.

* Речь идёт о болгарском посланнике Иване Стаменове.

** Речь идёт об итальянском после в СССР Аугусто Росси.

В заключение были вызваны коменданты посольских зданий, чтобы их проинформировать и дать важнейшие указания, касающиеся правил поведения их товарищей по общежитию – запаковать по два чемодана, находиться впредь всё время в здании и т. п. Проживающие в гостиницах или на частных квартирах вызываются в посольство. Начинаются долгие часы ожидания. Ещё действует телефон. Ещё есть возможность выходить из здания посольства, и не запрещено движение по городу.

11 часов. Японский посол* посетил графа фон Шуленбурга, после него итальянский посол и посланник Словакии. Ещё столица совершенно спокойна, до того момента, когда в 12 часов Молотов по радио объявляет населению о начале войны.

13 часов. Вальтер едет на вокзал, чтобы встретить там как раз прибывающих пассажиров. К сожалению, вокзал закрыт, 30 немцев арестованы. Г[осподин]у фон Типпельскирху** удалось об этом поставить в известность болгарского посла, дать ему указание об опротестовании данного факта в Комиссариате иностранных дел. Нота, как по телефону сообщил болгарский посол, была принята. Последующие часы проходят в последних приготовлениях. Консул Ламля ответственен за свёртывание, он собирает деньги, он инвентаризирует, упаковывает, ликвидирует [...]»¹⁵.

Рассказ Г. Штарке дополняют показания И. Ламля, данные им на допросе 9 июля 1946 г.: «[...] *Вопрос:* Когда вам стало известно о начавшейся подготовке нападения Германии на Советский Союз? *Ответ:* О том, что Германия готовила нападение на Советский Союз, мне стало известно в конце ноября 1940 г.

Вопрос: От кого вы об этом узнали? *Ответ:* В ноябре 1940 г. немецким посольством в Москве был получен письменный приказ через курьера о том, чтобы в ближайший месяц все документы секретного характера были вывезены в Берлин и оставлены документы, поступившие за последний месяц. Через вверенную мне курьерскую службу с декабря 1940 г. по март 1941 г. все документы были вывезены в Берлин. В начале апреля 1941 г. мною, по распоряжению Риббентропа, в разведывательных целях было выплачено шесть миллионов рублей советскими знаками военному и морскому атташе. 19 июня рано утром посольством была получена телеграмма, в которой было указано о немедленной эвакуации женщин и детей сотрудников посольства из Москвы в Германию. Вторая телеграмма была получена рано утром 21 июня 1941 г., в которой было указано на необходимость немедленного уничтожения всех документов секретного характера. Это указание через немецкое посольство в Москве было передано соответствующим консульствам и генеральным консульствам во Владивостоке, Батуми и Ленинграде.

* Речь идет о японском после в Москве И. Татекава.

** Здесь и далее речь идет о немецком дипломате, посланнике Вернере фон Типпельскирхе.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. была получена шифрованная телеграмма лично для посла, в которой было указано, что при получении телеграммы со словом “зонтик”, необходимо будет связаться с Наркоматом иностранных дел СССР и объявить Советскому правительству, что Германия порывает дипломатические отношения с Советским Союзом и начинает войну против СССР.

В четыре часа пятнадцать минут была получена телеграмма со словом “зонтик” и только лишь в половине шестого утра Шуленбург вместе с советником Хильгером выехали в Кремль и сделали заявление, согласно указанию германского правительства»¹⁶.

Другой немецкий дипломат, консульский секретарь Виктор Эйзенгарт (или Эйзенхардт), родился в Киеве и там же получил высшее образование в университете Св. Владимира. Во время учебы, ещё будучи студентом, поступил на службу в германское консульство. В 1914 г. был интернирован в Челябинскую область, а в 1920 г. вновь вернулся в Россию на прежнее место в консульство. Затем служил в германском посольстве в Москве и консульстве во Владивостоке, а с 1940 по 22 июня 1941 г. являлся секретарем германского посольства в Москве.

На допросе в Берлине 6 января 1946 г. В. Эйзенгарт рассказал о том, что ему было известно о подготовке нападения Германии на СССР:

«[...] *Вопрос:* Что вам было известно о подготовке Германии к войне против СССР? *Ответ:* Со слов дипломатических курьеров германского посольства в Москве и других сотрудников посольства мне было известно, что на государственных границах со стороны германского правительства производится усиленная концентрация войск. Разговоры в посольстве происходили открыто о готовящейся войне против СССР. Причём рост военной промышленности и оснащения германской армии явно свидетельствовал о подготовке к войне. Но наиболее убедительным источником стало официальное заявление германского посла – графа фон дер Шуленбурга, сделанное им за десять дней до нападения Германии на СССР. Посол Шуленбург заявил следующее: “Если 22 июня 1941 г. пройдёт благополучно, то войны между Германией и СССР не будет”. Отсюда я понял, что Шуленбург в курсе всех событий и детально посвящён в вопросы подготовки Германии к войне с СССР. Примерно дня через три после своего заявления Шуленбург отдал распоряжение – всем сотрудникам посольства отправить свои семьи на родину в Германию; и это явилось подтверждением заявления Шуленбурга о предстоящей войне. Это всё, что мне было известно о подготовке войны против Советского Союза [...]»¹⁷.

О некоторых вопросах, связанных с деятельностью МИДа Германии накануне нападения на СССР, рассказал на допросе в Берлине 23 августа 1945 г. и посол Ганс Морат:

«[...] *Вопрос:* Приведите конкретные факты политических комбинаций министра иностранных дел Германии Риббентропа? *Ответ:* [...] За нес-

колько времени до нападения Германии на Советский Союз посол Германии в Москве граф Шуленбург из каких-то источников узнал, что Германия намерена напасть на Россию, прилетел в Берлин, имел с Гитлером беседу, предупреждая его, чтобы он не делал нападения на Россию. Гитлер Шуленбургу ответил: “Вопрос решен, Германия будет воевать с Россией”, и через некоторый период времени действительно Германия напала на Советский Союз. Должен сказать, что такие быстрые изменения в политике германского правительства к Советскому Союзу после заключённого договора о ненападении населением Германии были восприняты с непониманием [...]»¹⁸.

Бывший германский посланник в Каунасе Эрих Цехлин во время допроса 20 декабря 1945 г. рассказал, что в апреле 1941 г. он по поручению МИДа посетил Москву, где встречался с германским послом В. фон дер Шуленбургом, которого предупредил о готовящемся нападении на Советский Союз:

«[...] *Вопрос:* Когда вы выехали из Литвы? *Ответ:* В марте 1941 г.

Вопрос: В связи с чем? *Ответ:* В связи с тем, что закончилась репатриация немцев из Литвы. Нужно сказать, что уже по приезде из Каунаса в Берлин, в министерство иностранных дел, от ряда лиц я узнал, что Германия готовится к войне против Советского Союза.

Вопрос: Чем вы занимались по приезде в Германию? *Ответ:* Вначале я нигде не работал и по поручению министерства иностранных дел в апреле 1941 г. выехал в Москву со списками арестованных немцев, находившихся под следствием в СССР, с тем чтобы информировать посольство об арестованных и освобождении из-под стражи. Пробыв дней 10 в Москве, я выехал в Берлин. Тогда в разговоре с послом Шуленбургом я поставил его в известность о том, что германское правительство готовится к войне против Советского Союза. Шуленбург заявил, что ему об этом известно»¹⁹.

Неизвестные подробности подготовки нападения Германии на СССР содержатся и в собственноручных показаниях бывшего советника германского посольства в Бухаресте оберфюрера СС Вилли Ределя от 26 декабря 1944 г.:

«Что гитлеровское командование ещё во время подписания с СССР договора о дружбе думало уже о его разрыве, доказывает нижеследующее высказывание бывшего посла фон Киллингера: “Гитлер с самого начала не думал о том, чтобы соблюдать договор с СССР. В то время он только лишь хотел иметь тыл в безопасности. Мне сообщено, что нападение на СССР произойдёт через 3 месяца, и я знаю также дату нападения”.

Чтобы ввести русских в заблуждение, установлено организовать встречу обоих министров иностранных дел в Вене. Фабрики знамён получили задание для изготовления в большом количестве знамён. Миру и германскому народу Гитлер хочет показать, какие честные намерения имеет он по отношению к СССР, с тем расчётом, чтобы позднее он смог

свалить вину за возникновение войны на русских. Насколько мне помнится, это заявление сделал фон Киллингер в присутствии меня и его жены, за 3 [меся]ца до нападения на СССР, после одной поездки в Берлин»²⁰.

В следственном деле Штарке также содержится важная информация о германском после В. фон дер Шуленбурге. В частности, на допросе 1 ноября 1945 г. советник Штарке дал показания о его политических взглядах:

«[...] *Вопрос:* В чём, по вашему мнению, выражались политические взгляды Шуленбурга? *Ответ:* Шуленбург происходил из старой дворянской семьи и был кровно заинтересован в укреплении мощи германской империи. Понятно, что он руководствовался этими мотивами, приветствовал приход Гитлера к власти, считая, что Гитлер в состоянии обеспечить Германии руководящее место в Европе.

Из некоторых бесед с Шуленбургом мне известно, что он считал своей основной задачей в Москве – укрепление советско-германского сотрудничества. Шуленбург с большим уважением отзывался о руководителях советского государства – Молотове и Сталине, о чём он также не раз мне говорил во время наших бесед с ним.

Объявление войны Германией Советскому Союзу Шуленбург характеризовал как безумный акт, сведший на нет все его старания упорядочить взаимоотношения между Германией и Советским Союзом. Особенно подробно беседу на эту тему я имел с ним во время нахождения в лагере интернированных в гор. Кострома, то есть непосредственно перед возвращением всего состава германского посольства в Германию.

Шуленбург сказал тогда мне, что для Германии возможен лишь один путь – совместные действия с Россией в Европе. Германское правительство, продолжал Шуленбург, хочет установить плотину на пути России. Это является безумным шагом, 193 миллиона неизбежно сломят сопротивление 80 миллионов германского населения [...].

Вопрос: Что вам известно о политических настроениях Шуленбурга после возвращения в Германию? *Ответ:* После того как мы вернулись в Германию, Шуленбург долгое время не был в состоянии включиться в работу. Он был исключительно сильно потрясён фактом войны между Германией и Советским Союзом. Позднее Шуленбург был зачислен в состав личного штаба министра иностранных дел Риббентропа. Летом 1943 г., перед началом наступления на Курской дуге, от германского посланника в Стокгольме поступили данные о том, что Россия якобы готова вести мирные переговоры с Германией. Шуленбург использовал это сообщение и пытался уговорить Риббентропа в необходимости заключения сепаратного мира с Советским Союзом. Риббентроп доложил заявление Шуленбурга Гитлеру, который самым решительным образом его отклонил [...]»²¹.

Во время того же допроса Штарке также рассказал о роли, которую играл Шуленбург в заговоре 20 июля 1944 г., и словах, которые Шуленбург просил Штарке передать советскому правительству:

«[...] *Вопрос:* Вы знали о принадлежности Шуленбурга к заговору против Гитлера? *Ответ:* Я это мог лишь предполагать, зная политические убеждения Шуленбурга. Об этом мне стало доподлинно известно лишь за день до его ареста, когда он меня вызвал к себе в министерство для конфиденциальной беседы.

Вопрос: Покажите подробно об этом разговоре с Шуленбургом?

Ответ: Когда я 13 или 14 августа 1944 г. приехал к графу фон дер Шуленбургу, последний мне объявил, что в связи с событиями 20 июля он ежеминутно ожидает ареста. Министр иностранных дел фон Риббентроп до сего времени мог его поддерживать в связи с тем, что Шуленбург дал честное слово о том, что он не являлся активным участником заговора и не осведомлен о деталях всего дела.

Теперь, однако, – продолжал граф, – министру сообщили, что он, Шуленбург, “изменническим образом” поставил себя на службу заговорщикам, и, таким образом, Риббентроп не сможет более воспрепятствовать его аресту. Перед арестом он желает мне сообщить, что он верен своей постоянной политике “ориентации на восток”, и пытался убедить своих товарищей по заговору в правильности своей внешнеполитической линии. Более того, он объявил им о своей готовности перейти с белым флагом в руках через линию фронта и вымолить у русских условия перемирия, сделав таким образом последний шаг к спасению германского народа.

Затем посол обратился ко мне с просьбой в случае его казни и если я сам останусь в живых, передать после окончания войны, которая, вероятно, завершится капитуляцией Германии, народному комиссару иностранных дел Советского Союза господину Молотову своё последнее слово: “Сообщите господину Молотову, что я умер за дело, которому я посвятил свою жизнь в Москве, то есть за советско-германское сотрудничество. Тягчайшим часом для меня явилось то раннее утро 22 июня 1941 г., когда я, согласно приказу, передал господину Молотову безумное объявление войны, и это лишь спустя несколько часов после нашей совместной беседы о последних возможностях предотвращения великой катастрофы [...]»²².

Из опубликованных ранее документов по истории Второй мировой войны известно, что Германия провела грандиозную кампанию по дезинформации, направленную на то, чтобы скрыть свои шаги по подготовке агрессии против Советского Союза. В этой связи не меньший интерес представляет другой документ из следственного дела консула И. Ламля – собственноручные показания от 24 июля 1946 г., озаглавленные «Как Германия маскировала приготовления войны против СССР»:

«Как я уже показал, мне впервые было заметно, что Германия подготавливает войну против СССР, в конце ноября 1940 г., когда посольство в Москве получило приказ минист[ерства] иност[ранных] дел в Берлине о постепенной отправке политического архива с курьером в Берлин для обеспечения его в Мининделе.

В это время были [в] общем закончены торговые переговоры, которые германская торговая делегация вела в Москве с советским правительством. Члены германской делегации отправились 20/21 декабря на Рождественские праздники в Германию. Только председатель герм[анской] делегации посланник Шнурре вернулся после праздников в Москву для подписи заключительного протокола.

В начале января 1941 г. Шнурре докладывал Гитлеру о ходе переговоров, о достигнутых для Германии результатах и попросил Гитлера дать разрешение на освобождение контингентов железа, стали и металла, требуемых для поставок в СССР, согласно заключенному договору. Неожиданно для Шнурре Гитлер отказался под предлогом, что контингенты ему нужны для вооружения германской армии. Об этом Шнурре не поставил посольство официально в известность, а сообщил в секретном, частном письме Хильгеру, в заключение которого писал: “Я нередко опасаюсь за отношения между Германией и СССР”.

Я знаю об этом потому, что Хильгер мне прочитал это письмо и заметил, что вся работа торговой делегации была напрасна. Посол Шуленбург, с которым я говорил об этом письме Шнурре, сказал, что переговоры служили ширмой для других намерений, так как глава правительства не может посылать делегацию в Москву для заключения торгового договора и немедленно после заключения отказываться от исполнения условий, тем более что Гитлер был постоянно информирован о ходе переговоров и заранее знал торговые требования советского правительства и нужды германского вооружения. Из этого факта видно, что Гитлер уже тогда готовил войну против СССР и прикрывал приготовления [...] Как известно, Германия передала Советск[ому] Союзу неоконченный крейсер “Лютцов”, который окончателно в Ленинграде до начала войны вооружали 80 инженеров и монтеров герм[анской] фирмы “Демаг”. Пушки для этого крейсера должны были быть доставлены Германией в Ленинград в конце января 1941 г. Несмотря на многократные настаивания сов[етского] правительства и телеграфные требования посольства, пушки прибыли в Ленинград только за неделю до начала войны.

У посла Шуленбурга и у названных инженеров, которые с составом посольства вместе были отправлены в Турцию и с которыми посол беседовал насчёт такой поздней доставки пушек, было единогласное мнение, что доставкой пушек Германия хотела лишь замаскировать начало нападения на СССР и для этой цели жертвовала пушками. Я присутствовал при разговоре посла с инженерами.

На вопрос наркома обороны о скоплении германских войск на западной границе Сов[етского] Союза военный атташе генерал Кёстринг по приказу германского правительства ответил, что германские войска, освобождённые после военных действий на Балканах, помещены в Польше и Вост[очной] Пруссии, на восточной границе Германии лишь потому, что

для них лучшие условия питания и размещения и больше пространства для обучения, чем в других местах Германии.

После приезда в Берлин в конце июля 1941 г. Кёстринг меня пригласил к себе на квартиру на обед. Он жаловался, что бездействует, и Гитлер его не принял. При этом Кёстринг мне говорил, что ответ, который он от имени германского правительства передал наркому обороны, был формальной ложью и имел только целью замазать глаза советскому правительству и отстранить его внимание от настоящих намерений Гитлера [...].

К этому прибавлю ещё один факт, который заслуживает внимания. После военной операции в Польше полковник Кребс* – он же был раньше помощником военного атташе в Москве – получил приказ вести переговоры с совет[ским] правительством о создании советско-германской смешанной комиссии для составления новых границ между СССР и Германией и самому быть членом этой комиссии. Перед отправкой в Москву Кребс был у Гитлера для получения заданий для работы в Москве [...]. Об этой встрече и об этом разговоре с Гитлером Кребс рассказал в доме посла Шуленбурга в 1940 г. после завтрака в малом обществе в присутствии Шуленбурга, фон Типпельскирха, Кёстринга, фон Вальтера, секретаря Грепнера и в моем присутствии. Из слов Гитлера ясно, что: 1. заключённый в Москве советско-германский дружеский договор был для Гитлера предпосылкой для объявления войны Польше; 2. Гитлер уже после польских военных действий принимал меры, чтобы обеспечить военные операции против СССР»²³.

Обращают на себя внимания и материалы следственного дела в отношении атташе посольства Германа Пёрцгена, который в предвоенные годы работал корреспондентом газеты «Франкфуртер цайтунг» в Москве. В биографии Пёрцгена весьма примечательный факт, – после досрочного освобождения в 1955 г. Пёрцген вновь вернулся в качестве корреспондента «Франкфуртер альгемайне цайтунг» в Москву, где работал до своей кончины. На допросе 3 июля 1945 г. он рассказал о том, где изготавливались антисоветские фальшивки, с помощью которых распространялась клевета против Советского Союза, а также шла обработка германского народа в антисоветском духе:

«[...] *Вопрос:* Следствие располагает данными, что вы писали статьи, опорочивающие Советский Союз, то есть клеветали на советскую действительность. Вы это подтверждаете? *Ответ:* Прежде чем ответить на вопрос следствия, я должен сказать, что основными местами, где фальсифицировались материалы и данные о Советском Союзе и его действительности, были (в своё время) Рига и Варшава. В этих городах сидели германские корреспонденты и под крылышком тогдашних правительств изготавливали всякого рода “утки” о Советском Союзе и пересылали их в Берлин.

*Речь идет о будущем генерал-полковнике Гансе Кребсе.

Я могу сказать прямо, что в этих центрах фальсификации документов против Советского Союза существовали биржи по покупке и продаже всякого рода “уток” против России. Мое положение в России было несколько иное, и такого рода документов я не писал. Хотя должен признать, что мои некоторые статьи носили антисоветский характер, но они в своём большинстве исправлялись в Берлине и получали уже клеветнический характер [...]»²⁴.

* * *

В заключение отметим, что рамки публикации не позволяют достаточно полно охватить весь круг вопросов, связанных с участием дипломатов Третьего рейха в подготовке и ведении Второй мировой войны. Полностью документальные материалы из следственных дел немецких дипломатов, военных и полицейских атташе, фрагменты из которых были процитированы выше, будут опубликованы в 2011 г. в сборнике, который готовится издательством Международного фонда «Демократия».

Примечания

¹Немецкий историк: МИД фашистской Германии тоже был преступной организацией. Цит. по: http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6148840,00.html?maca=rus-rss_rus_yandex_new_comments_2-4163-xml

²Вайцзеккер Э. Посол Третьего рейха: Воспоминания немецкого дипломата : 1932–1945. – М., 2007. – С. 226.

³Архив УФСБ России по Саратовской области. Ф. 16. Оп. 312 «Е». Д. 235. Л. 21.

⁴В 1930–1936 гг. Г. Рихтгофен занимал пост посланника в Копенгагене (Дания), в 1936–1939 гг. – посланник в Брюсселе (Бельгия).

⁵Речь идет о немецком дипломате Бернхарде Вильгельме фон Бюлове (1885–1936). С 1930 г. – статс-секретарь МИД Германии.

⁶ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 68–75.

⁷ЦА ФСБ России. К-500251. Л. 17–23.

⁸ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 172–174.

⁹Речь идет о «Русском охранном корпусе».

¹⁰ЦА ФСБ России. Н-20805. Л. 183–200.

¹¹ЦА ФСБ России. Р-40817. Л. 95–109.

¹²ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х т. Т. 2. Л. 38–40.

¹³ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х т. Т. 2. Л. 54–61.

¹⁴Кегель Г. В бурях нашего века : Записки разведчика-антифашиста. – М., 1987. – С. 126.

¹⁵ЦА ФСБ России. Р-49170. Пакет (л.д. не нумерованы).

¹⁶ЦА ФСБ России. Р-49170. Пакет (л.д. не нумерованы).

¹⁷ЦА ФСБ России. К-512491. В 2-х тт. Т. 1. Л. 53–54.

¹⁸ЦА ФСБ России. П-5383. Л. 25–27.

¹⁹ЦА ФСБ России. Н-18500. Л. 37–39.

²⁰ЦА ФСБ России. ПФ-9653. Л. 477.

²¹ЦА ФСБ России. Р-49170. Л. 20–25.

²²ЦА ФСБ России. Р-49170. Указ. соч.

²³ЦА ФСБ России. К-512491. Л. 75–83.

²⁴ЦА ФСБ России. Р-38873. Л. 20–29.

Финляндия в плане «Барбаросса»: военное сотрудничество двух стран в 1940–1941 гг.*

Христофоров Василий Степанович,
доктор юридических наук,
Институт российской истории РАН

Историография и источники

По проблемам советско-финляндских отношений 1939–1944 гг. в Финляндии, СССР и России за прошедшие шестьдесят лет написаны десятки монографий и сотни научных статей. Анализ финляндской историографии проведён в работах Мауно Йокипии¹ и Охто Маннинена². О. Маннинен отмечает, что финские исследователи в качестве наиболее значимых политических вопросов выделяют обстоятельства возникновения войны 1941–1944 гг. («Войны-продолжения») и сотрудничество Финляндии и Германии; военные цели Финляндии и Советского Союза и основные этапы перехода от состояния войны к мирному соглашению³. Публикации финских историков о советских военнопленных в Финляндии исследовал В.Г. Коваленко⁴. Важное место в финской историографии занимают проблемы внутренней политики «согласия» и различные аспекты общественных отношений в условиях войны.

О том, как в научной литературе СССР и России рассматривалось участие Финляндии в войне против Советского Союза (1941–1944), в историографических обзорах писали Г.А. Куманев⁵ и Н.И. Барышников⁶. По мнению Г.А. Куманева, советская историография, посвящённая вступлению Финляндии в войну против СССР на стороне фашистского блока (1941–1944), не отличалась богатством и разнообразием. В 1940–1980-е гг. в Советском Союзе не было крупных исследований на данную тему. Это объяснялось тем, что главным объектом исследования в советской военно-исторической литературе о Второй мировой и Великой Отечественной войнах традиционно являлась нацистская Германия как ведущая сила фашистского блока и наиболее мощный противник антигитлеровской коалиции⁷. Действительно, даже в 12-том-

*Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 11-01-00029 а (2011 г.).

ной «Истории Второй мировой войны» советско-финляндской войне отведено весьма скромное место⁸.

В 2006–2011 гг. появились несколько работ по рассматриваемой теме. Среди них следует назвать научную статью М.Ю. Мягкова⁹, в которой исследуется степень виновности Финляндии в развязывании новой войны с СССР, анализируются территориальные притязания Хельсинки и действия финских войск в Карелии в 1941–1944 гг.

В книге «Вторая мировая война», переведённой на русский язык и изданной в Москве в 2005 г., анализируются боевые действия на различных фронтах, начало боевых действий на советско-финляндском участке и их причины¹⁰. Авторы подчеркивают, что 26 июня 1941 г. финское правительство, объявив войну Советскому Союзу, официально обосновало свои действия советскими воздушными налётами на финские города. «В действительности целями Финляндии в войне против СССР являлись возвращение отошедших к Советскому Союзу по Московскому мирному договору от 12 марта 1940 г. финских территорий и упрочение своей безопасности». После поражения в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. почти десятая часть территории Финляндии отошла к Советскому Союзу¹¹.

Одна из глав работы А.Б. Широкограда¹² о войнах, которые вела Финляндия с СССР, посвящена Советско-финляндской войне 1941–1944 гг. Однако автор подвержен излишним эмоциональным оценкам, что мешает объективному рассмотрению некоторых вопросов. В то время как А.А. Смирнов¹³ в книге, посвященной истории советско-финляндских отношений, в частности, установлению государственной границы, стремится к объективности и рассматривает историю взаимоотношений Финляндии и СССР, учитывая позиции обеих сторон.

Следует обратить внимание на некоторые работы, написанные и ранее 2006 г., например, четырёхтомный сборник военно-исторических очерков «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.»¹⁴. В нём детально исследуется оборонительная операция в Заполярье и Карелии, проводившаяся 29 июня – 10 октября 1941 г., рассматривается проведение операции «Зильберфукс» («Серебристая лисица»).

В то же время некоторые работы, вышедшие в свет в последние годы, не вносят ничего принципиально нового. Например, в 2010 г. вышла в свет книга «Политическая история Финляндии 1809–2009»¹⁵, в которой отдельная глава посвящена «Войне-продолжению». Несмотря на то что известные финские историки провели большую работу и книга написана на основе «новейших исследований и документальных источников», в ней нет новых данных, относящихся к Советско-финляндской войне 1941–1944 гг.

В ряду разнообразных публикаций по теме нельзя не отметить работу В.Н. Барышникова «Вступление Финляндии во Вторую мировую войну.

1940–1941 гг.»¹⁶. Небольшая по объёму, но чрезвычайно богатая по диапазону использованных источников, в том числе из финских архивов, эта работа Санкт-Петербургского историка убедительно отвечает на самые сложные вопросы советско-финских отношений.

История противоборства советских и финских спецслужб в 1941–1944 гг. нашла отражение в работах авторов, занимающихся изучением истории советских органов государственной безопасности и внутренних дел. Подавляющее большинство работ такого рода до 1991 г. носили закрытый характер и предназначались для сотрудников этих ведомств. Объяснение причин чрезмерной закрытости даёт С.А. Экштут: «В годы Великой Отечественной войны в открытой печати были запрещены любые упоминания о сотрудниках органов государственной безопасности и тех функциях, которые они выполняли в действующей армии. То, чем занимались особые отделы воинских частей, соединений и объединений, по определению считалось государственной тайной»¹⁷. Тем не менее примеры открытых публикаций появились уже в военные годы, в их числе следует назвать работы П.Н. Кубаткина¹⁸, посвящённые подрывной деятельности разведки противника на Ленинградском фронте¹⁹.

В целом ряде работ рассматриваются вопросы военно-политической обстановки в начальный период Великой Отечественной войны, наступления германских войск на Ленинград, противоборства органов НКВД с парашютистами и диверсантами, направленными разведывательно-диверсионными органами Германии и Финляндии в советский тыл, изгнания немецких и финских захватчиков с территории Ленинградской области др.²⁰

В работах С.Г. Веригина, Э.П. Лайдинена, Г.В. Чумакова и других авторов рассматривается деятельность органов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны; противоборство с финскими и германскими разведывательными и контрразведывательными органами на территории Карелии, Ленинградской и Мурманской областей; оккупационная политика Финляндии в Карелии; пребывание советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии, а также содержится разносторонняя информация о Советско-финляндской войне 1941–1944 гг.²¹

В настоящее время известен достаточно широкий круг источников о советско-финляндских отношениях в 1940–1944 гг. К ним в первую очередь относятся документы МИДа СССР, частей и соединений Красной армии и отечественных органов госбезопасности. В них раскрываются различные аспекты истории возникновения и основные события войны 1941–1944 гг. Кроме того, определённая информация, характеризующая военно-политическую обстановку в северо-западном регионе Советского Союза летом и осенью 1941 г., имеется в архивных следственных делах

на военнотружущих Красной армии²², попавших в плен в начале Великой Отечественной войны и содержавшихся в лагерях для военнопленных на территории Финляндии и Норвегии.

Целый ряд важных документов по рассматриваемой теме опубликован в таких сборниках, как «Великая Отечественная война – день за днём»²³, «Неизвестная Карелия»²⁴, «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»²⁵, «Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР»²⁶, «1941 год»²⁷, «Мировые войны XX века»²⁸.

Другая большая группа документальных источников включает в себя материалы личного происхождения: дневники, воспоминания, рукописи и письма очевидцев и участников событий. В этой группе несомненную ценность имеют дневники известного политического деятеля Финляндии Юхо Кусти Паасикиви²⁹, представляющие собой настоящую историческую летопись и проливающие свет на многие события не только финско-русской, но и мировой истории периода Второй мировой войны. Издание снабжено подробными комментариями³⁰.

Другим интересным источником информации по теме служит опубликованная в Финляндии в 1971 г. переписка видного деятеля социал-демократической партии и председателя комиссии финского парламента по иностранным делам Вяйнэ Войонмаа³¹ с сыном Тапио, в то время финским посланником в Швейцарии, которая в 1941–1945 гг. велась по дипломатическим каналам. В 1984 г. вышло сокращенное русское издание³².

Важное значение имеют и дневники президента Финляндии Р. Рюти³³, охватывающие период 1940–1944 гг., когда шла подготовка к войне, а затем велись боевые действия³⁴. Воспоминания К. Маннергейма³⁵ также являются любопытным документом эпохи. Они содержат много сведений по военной истории и политике Финляндии, написаны лаконичным языком и по стилю напоминают дневник, в котором зафиксированы происходившие события, что является их положительной стороной. Вместе с тем оценка и трактовка исторических фактов в них зачастую отличаются от общепризнанных и даны в авторской интерпретации. Тексты приказов главнокомандующего, его обращений к народу, приведенных в книге, содержат много пафоса и представляют собой характерный образчик пропагандистских материалов³⁶.

Подробности переговоров В.М. Молотова и А. Гитлера 12–13 ноября 1940 г. в Берлине, в ходе которых финская тема стала центральным вопросом, опубликованы в воспоминаниях личного переводчика А. Гитлера П. Шмидта. В одном из разделов книги приводится рассказ о том, как трудно шло обсуждение вопроса о Финляндии, поскольку оба участника переговоров были заинтересованы в том, чтобы оставить Финляндию в сфере своих интересов³⁷.

Финляндия в сфере интересов Германии и России

Соперничество Германии и Советской России за сферы влияния в Финляндии, которое велось с 1918 г., временно прекратилось летом 1939 г., после того как 23 августа в Москве был подписан пакт Молотова – Риббентропа. В соответствии с секретным протоколом к названному акту Финляндия была отнесена к сфере интересов СССР, и Германия некоторое время вела себя сдержанно.

По мнению финских историков, интерес Германии в отношении Финляндии существенно возрос с июля 1940 г., когда Гитлер начал втайне готовить военный поход против СССР. Для его осуществления Гитлеру была нужна территория Финляндии. Таким образом, Финляндия de facto перешла из сферы интересов СССР в сферу интересов Германии³⁸.

Как подчёркивают исследователи, Финляндия, даже после подписания мирного договора с СССР (1940), чувствовала угрозу вторжения и аннексии со стороны Советского Союза, имея перед собой пример присоединения к Советскому Союзу в 1940 г. территорий Бессарабии и Северной Буковины³⁹. В такой обстановке обращение к Германии со стороны правящих кругов Финляндии выглядело вполне естественно.

Первые контакты и консультации о возможности транспортировки немецких войск через территорию Финляндии Германия предпочла осуществить через Маннергейма. 18 августа 1940 г. Маннергейм встретился с представителем Г. Геринга, который поинтересовался, не пожелала ли бы Финляндия по примеру Швеции разрешить транспортировку через её территорию немецких грузов хозяйственного назначения, а также проезд отпускников и больных в Киркенес. Кроме того, у Финляндии появится возможность получения военного снаряжения из Германии. Маннергейм вечером того же дня посетил Р. Рюти, исполнявшего обязанности главы государства во время болезни президента Финляндии К. Каллио. Рюти поручил Маннергейму дать Герингу через его посланника положительный ответ на вопрос о сквозной транспортировке⁴⁰.

Соглашение о провозе оборудования и германских военнослужащих было подписано военными властями обоих государств 12 сентября 1940 г. После того, как по этому вопросу провели переговоры представители министерств иностранных дел, 22 сентября было подписано официальное соглашение о транзите через Финляндию германских войск в Норвегию. Соглашение вызвало протест английского правительства, а позднее транспортировка германских войск будет подвергнута жёсткой критике и в самой Финляндии. Финские политики и историки будут утверждать, что это соглашение было подписано в противовес договору с СССР от 6 сентября того же года о транзите людей и грузов в Ханко. Перевозки на Ханко начались 25 сентября, но ещё 21 сентября Германия по договорённости с военным командованием Финляндии высадила свои воинские части

в финском порту Васа. Это стало неожиданностью для многих членов финского правительства, так как решение принимались «узким кругом» – Рюти, Маннергейм, Вальден⁴¹ и Виттинг⁴².

Появление немецких войск в Финляндии было неожиданным для советских руководителей. 26 сентября 1940 г. В.М. Молотов в беседе с поверенным в делах Германии в СССР К. фон Типпельскирхом отметил, что Германия направила войска в Финляндию, не поставив в известность СССР. Он настаивал, чтобы германское правительство предоставило советскому руководству текст германо-финляндского соглашения о транзите немецких войск через Финляндию в Норвегию. Немцы пытались убедить СССР, что войска не останутся в Финляндии, они лишь следуют в Норвегию. Однако на самом деле Германия начала размещение своих войск в Финляндии на постоянной основе. Началось превращение Финляндии в плацдарм для последующего использования немецких войск в походе на Восток.

В дневнике Паасикиви есть запись о его предположении, что «старая нейтральная независимая политика не спасёт Финляндию, как она не спасла Данию, Норвегию, Голландию, Грецию и Румынию». Он отстаивал в МИДе и правительстве Финляндии свою точку зрения о том, что нужно избегать конфликта с Советским Союзом, «членам финского правительства необходимо быть осторожными, хотя бы это казалось им мучительным». Он полагал, что Финляндия сможет предъявлять свои требования СССР только тогда, когда будет уверена в помощи. «Против Советского Союза, как великой державы, может выступать такая великая держава, как Германия. США по своему географическому расположению не могут помочь Финляндии, это доказала Зимняя война. От Германии Финляндия получила вооружение и дипломатическую помощь»⁴³.

27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали в Берлине Пакт трёх держав, содержание которого расценивалось в СССР как направленное на «дальнейшее обострение войны и расширение сферы её действия». Заверения Германии в том, что Пакт «ни в коем случае не нацелен на СССР», воспринимались советским руководством сдержанно.

Для того чтобы согласовать «долгосрочные политические цели», в Германию был приглашён Молотов, который по согласованию со Сталиным намеревался в ходе переговоров добиться, чтобы к сфере интересов СССР была отнесена Финляндия. Это положение основывалось на советско-германском соглашении 1939 г., в выполнении которого Германия должна была устранить всякие трудности и неясности (вывод германских войск, прекращение политических демонстраций в Финляндии и Германии, направленных во вред интересам СССР)⁴⁴.

На переговорах, состоявшихся в Берлине 12–13 ноября 1940 г., Гитлер и Риббентроп убеждали Молотова, чтобы Советский Союз присоединился к Пакту трёх держав. Однако Молотов заявил, что германские

гарантии Румынии направлены против СССР, потребовал вывести немецкие войска из Финляндии. Позиции СССР и Германии не совпадали и по другим вопросам.

14 ноября Молотов из Берлина направил телеграмму на имя Сталина, в которой сообщил, что на переговорах «главное время с Гитлером ушло на финский вопрос. Гитлер заявил, что подтверждает прошлогоднее соглашение, но Германия заявляет, что она заинтересована в сохранении мира на Балтийском море». Молотов, подводя итоги переговоров с Гитлером, отметил, что «похвастать нечем, но, по крайней мере, выявил теперешнее настроение Гитлера, с которым придётся считаться»⁴⁵.

По мнению переводчика Гитлера П. Шмидта, переговоры, проходившие в ноябре 1940 г. в Берлине между Молотовым и Гитлером, на которых одним из ключевых вопросов было отношение к Финляндии, явились прелюдией к конфликту с Россией в 1941 г. Обсуждая тему «нового порядка», который намеревалась установить Германия, Молотов задавал Гитлеру конкретные вопросы: «Применимо ли ещё к Финляндии советско-германское соглашение 1939 года?», «Что означает “Новый порядок” в Европе и Азии и какую роль будет играть в нём СССР?», «Какова позиция относительно Болгарии, Румынии и Турции и как обстоят дела с охраной русских интересов на Балканах и на Чёрном море?», «Могу ли я получить информацию о границах так называемой Великой Азии? Как определяет их Пакт трёх держав?».

Как отмечает Шмидт, Гитлер был смиренно вежлив. Но на следующий день Гитлер заявил, что Германия, захватывая территории, всегда придерживается секретной статьи московского соглашения, определяющего немецкие и русские сферы влияния, чего нельзя сказать о России. Он имел в виду непредусмотренное присоединение Буковины. Он сказал, что в Финляндии у Германии нет политических интересов, но Рейх нуждается в никеле и лесоматериалах и не может допустить каких-либо военных осложнений с Финляндией. Молотов спокойно заявил, что если между Германией и Россией сохранятся хорошие отношения, то финский вопрос можно будет урегулировать без войны. Потом он добавил довольно резко: «Но в этом случае в Финляндии не должно быть немецких войск».

Мнение Молотова и Гитлера в отношении Финляндии не совпадали. Гитлер заявил, что конфликт на Балтике создаст значительное напряжение в русско-германских отношениях – с непредсказуемыми последствиями. Молотов возразил, что речь идёт не о Балтике, а о Финляндии. «Никакой войны с Финляндией», – последовал ответ Гитлера. «Тогда вы уходите от нашего прошлогоднего соглашения», – упорствовал Молотов. Шмидт считает, что именно в эти ноябрьские дни 1940 г. были приняты решения, которые привели Гитлера к мысли напасть на Советский Союз⁴⁶.

После возвращения Молотова в Москву было принято решение не идти на прямую конфронтацию с Германией, но выдвинуть ряд требова-

ний. 25 ноября Молотов заявил германскому послу, что советское правительство может в основном принять предложения по присоединению к Пакту трёх держав, но при выполнении некоторых условий. В качестве таковых выдвигалось требование о выводе германских войск из Финляндии, заключении соглашения между СССР и Болгарией и договора с Турцией о создании в этом районе военной и военно-морской базы. Упоминались также вопросы, связанные с Ираном, и отказом Японии от угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине.

Эти условия были неприемлемы для Германии, что привело к осложнению отношений между Германией и СССР.

19 декабря 1940 г. в Финляндии были проведены выборы⁴⁷ и президентом стал Р. Рюти, известный своими прогерманскими настроениями. Выборы президента Финляндии сопровождались активными внешнеполитическими манёврами СССР, Германии, Англии.

Так, Молотов в день независимости Финляндии в беседе с финским послом отметил, что стремление Финляндии к миру в Советском Союзе будет оцениваться по результатам президентских выборов: избрание президентом Финляндии таких политических деятелей, как В. Таннер, Т. Кивимяки, К. Маннергейм или П. Свинхувуд, будет свидетельствовать, что Финляндия не желает выполнять заключённого мирного договора. Паасикиви считал, что в Кремле существовали подозрения относительно искренности Финляндии. Он не знал окончательной цели СССР, но полагал, что Финляндия может разделить судьбу Балтийских стран⁴⁸.

Германия, опасаясь прихода к власти Паасикиви, имевшего поддержку в СССР, поддерживала кандидатуру Т. Кивимяки и предупредила о недопустимости избрания нежелательного кандидата, отдавая предпочтение Рюти. В Англии также не хотели избрания в качестве президента Финляндии таких кандидатов, как Свинхувуд и Кивимяки, в то же время не возражали против избрания Маннергейма.

В этих условиях наиболее предпочтительной фигурой оказался Рюти, который и был избран президентом Финляндии. Рюти поручил И. Рангеллю⁴⁹ сформировать новое правительство⁵⁰, при этом на посту министра иностранных дел остался Виттинг, считавший основной задачей внешнеполитического ведомства улучшение отношений с Германией.

Параллельно с политическими баталиями в 1940 г. активно развивалось германо-финское военное сотрудничество. На первых порах оно выражалось в многочисленных взаимных визитах финских и германских военных делегаций. Так, финский генерал Талвела⁵¹ в мае, сентябре, ноябре и декабре 1940 г. в качестве представителя Маннергейма посетил Германию. Он встречался с германскими генералами, говорил им о потребностях финской армии в современном вооружении и обсуждал вопросы транзита через Финляндию немецких войск. В октябре в Берлине находилась делегация во главе с генералом Х. Остерманом. Важнейшие

контакты осуществлялись через германского военного атташе в Хельсинки, который в середине октября передал Маннергейму от командующего силами вермахта в Норвегии генерал-полковника Н. фон Фалькенхорста⁵² перечень вопросов, касающихся дорожных условий и военных приготовлений в Северной Финляндии в преддверии вступления туда германских войск.

О германо-финляндском сотрудничестве этого периода гораздо позже рассказал на допросе бывший военный атташе при германском посольстве в Хельсинки полковник Хорст Кичман.

«[...] *Вопрос:* Будучи на дипломатической работе, какое участие вы принимали в подготовке и в ведении захватнической войны против СССР?

Ответ: Гитлер и его правительство в качестве плацдарма для нападения на СССР избрали, в частности, Финляндию, с которой в этих целях ещё в октябре 1940 г. начали тайные переговоры и подготовку к войне, начавшейся 22 июня 1941 г. Ещё до открытия военных действий на Восточном фронте мой предшественник, германский военный атташе в Финляндии Рёссинг организовал поездку особоуполномоченного маршала К. Маннергейма – генерал-майора П. Талвелы в ставку Гитлера, где с участием Рёссинга состоялись предварительные переговоры о совместной подготовке нападения, вопреки договорам о ненападении на Советский Союз, и о совместном ведении войны против последнего. Через некоторое время в ставке Гитлера в присутствии Рёссинга происходили дальнейшие переговоры, в которых приняли участие начальник Генерального штаба вооружённых сил Финляндии генерал-лейтенант Э. Хейнрихс и представитель этого штаба генерал-лейтенант Х. Эквист. В результате этих переговоров была достигнута полная договоренность и с конца 1940 г. практически началась подготовка к нападению на Советский Союз, после завершения которой Германия и Финляндия 22 июня 1941 г. начали войну против СССР [...]»⁵³.

По мнению М. Йокиппи, особое значение имела поездка Талвелы в Германию в декабре 1940 г., тем более что она состоялась по инициативе финнов. Эта поездка положила конец переговорам об унии Финляндии со Швецией, одновременно начались новые переговоры и иной уровень военного сотрудничества с Германией⁵⁴.

Рассматривая декабрьскую поездку Талвелы в Германию, С. Хентиля отмечает, что начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер в декабре 1940 г. в Берлине попросил выяснить, сколько времени займёт мобилизация финляндской армии. Ставка быстро подготовила ответ, который был передан в январе 1941 г. через начальника генерального штаба Финляндии генерал-лейтенанта Э. Хейнрикса, прибывшего в Берлин под предлогом чтения лекции о Зимней войне⁵⁵. Для того чтобы поездка Хейнрикса не привлекла внимание, он направился в Германию на корабле, минуя Швецию. Хейнрикс сообщил, что мобили-

зация в Финляндии займёт 4–5 дней и концентрация войск на границе потребует после этого ещё пять дней. Не привлекая внимания, провести её невозможно. Гальдер вынужден был раскрыть намерения Германии: «Мы можем предположить продвижение немцев через Балтийские страны к Петрограду». На обратном пути меры конспирации уже не принимались, и Хейнрикс отправился из Берлина самолётом в Стокгольм. После визита Хейнрикса в Берлин адъютант Гитлера майор Энгель записал в своём дневнике: «Начальник генерального штаба Финляндии генерал Хейнрикс находился в ОКВ, и ему намекнули о разрабатываемом плане «Барбаросса». Все были поражены тем, с каким воодушевлением этот руководитель отнёсся ко всем планам... Финский никель для нас столь же важен, как нефть и зерно для Финляндии»⁵⁶.

Хейнрикс, возвратившись из Берлина, сообщил о намерениях Германии руководству Финляндии. Ответ в Берлин был направлен оперативно, уже 5 февраля посланник Т. Кивимяки сообщил Риббентропу от имени финляндского президента о том, что Финляндия полностью переходит на сторону Германии. Рюти, как и многие финские политики, придерживался мнения, что следует держаться на стороне Германии, потому что она из всех великих держав ближе всех к Финляндии.

18 декабря 1940 г. Гитлер в окончательном варианте утвердил секретный план похода Германии против СССР (директива № 21) под условным наименованием – план «Барбаросса», в котором определённая роль была отведена и Финляндии.

Во-первых, в войне против Советской России на флангах германско-советского фронта Гитлер очень рассчитывал на активное участие Румынии и Финляндии, хотя сами эти страны ещё не были об этом проинформированы. Верховное главнокомандование вооружённых сил Рейха «в соответствующее время» должно было установить, «в какой форме вооружённые силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию».

Во-вторых, Финляндия должна была прикрывать сосредоточение и развёртывание отдельной немецкой группы войск в Норвегии, и вести боевые действия совместно с этими войсками по обороне рудников Петсамо и для нанесения совместного удара по Мурманской железной дороге.

В-третьих, предполагалось, что операции крупными немецкими силами (2–3 дивизии) из района Рованиеми против Мурманской трассы возможны лишь при условии предоставления Швецией своих железно-дорожных путей.

В-четвёртых, основным силам финской армии ставилась задача «наступлением западнее или по обоим сторонам Ладожского озера сковать как можно большее количество русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко».

Германия по каналам МИДа постоянно заявляла о своей симпатии к Финляндии и поддержке её независимости. Во внешней политике Германия рекомендовала Финляндии придерживаться осмотрительной позиции и не давать Советскому Союзу никакого повода к войне, а во внутренней политике – «умело бороться против коммунистического движения». В то же время в Берлине недоумевали, чего хотели в Хельсинки, пытаясь заключить соглашение о безопасности со Швецией. По мнению Германии, военное сотрудничество со Швецией могло нанести вред Финляндии⁵⁷.

В рамках экономического сотрудничества в 1940–1941 гг. около 60–70 % финского внешнеторгового оборота приходилось на долю Рейха. Финляндия регулярно поставляла Германии никель и пиломатериалы, а та должна была снабжать финнов хлебом и различным сырьём. Поставки продовольствия имели особое значение, так как в Финляндии всё более осложнялось экономическое положение. Из-за нехватки рабочей силы урожай 1941 г. не был полностью убран, и собственного хлеба ей хватило лишь до нового года⁵⁸.

Продовольствие Финляндия вполне могла получить и от СССР, но советско-финляндские отношения в этот период серьёзно ухудшились из-за конфликта вокруг прав на эксплуатацию никелевых рудников Петсамо⁵⁹. К началу 1941 г. переговоры по никелю между Финляндией и СССР находились в замороженном состоянии. 14 января Вышинский потребовал от Паасикиви ответа о продолжении этих переговоров⁶⁰. Но Финляндия всячески затягивала время, ожидая более чётких инструкций от Германии.

Вопрос об активизации переговорного процесса неоднократно ставился перед финскими дипломатами в Москве и перед руководством МИДа Финляндии⁶¹. 21 января Паасикиви вновь был приглашён в НКВД СССР, ждавший ответа финского правительства по никелю. Услышав, что ответ ещё не поступил, Вышинский в жёсткой форме заявил, что советское правительство ждёт ответа к 23 января, иначе это будет расцениваться как отказ. Паасикиви направил в Хельсинки срочную телеграмму, в которой предложил свой вариант ответа: «Финское правительство готово продолжить переговоры в Москве или в Хельсинки». Поздно вечером 22 января Паасикиви получил из Финляндии ответ о том, что финское правительство готово продолжить переговоры по никелю в смешанной комиссии. Паасикиви считал, что МИД и правительство Финляндии не понимали политику СССР, и поэтому Финляндия попала в такое трудное положение. Он возмущался тем, что в МИДе не способны даже организовать нормальное почтовое сообщение, а в такое напряжённое время его сотрудники берут отпуска, «один совершает свадебное путешествие, другой катается на лыжах»; финский народ уже голодает, «мы все умрём от голода из-за такого правительства, которое действует необдуманно»⁶².

Разрешение никелевого кризиса шло крайне медленно. 5 мая 1941 г. советский полпред П.Д. Орлов⁶³ в беседе с Р. Виттингом выразил недо-

умение по поводу позиции Финляндии. Переданная 10 мая нота Финляндии с предложением альтернативных вариантов по существу ничего не решала. Для Советского Союза это был вопрос престижа, и он не желал идти на уступки.

Нарком госбезопасности В.Н. Меркулов⁶⁴ 25 мая 1941 г. направил в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР докладную записку об экономическом и военно-политическом положении в Финляндии. Резидентура советской разведки, работавшая в Хельсинки, сообщала, что между Финляндией и Германией существует секретное экономическое соглашение, на основании которого финны не имеют права экспортировать большинство своих товаров в другие страны, кроме Германии. По этому же соглашению финны обязаны поставлять Германии никель и другие руды. Названное соглашение было заключено в связи с вопросом о никелевых разработках в Петсамо. По данным разведки, немцы в своё время купили часть акций этих разработок и затем вложили 200 млн финских марок на постройку и оборудование рудников. В связи с этими вложениями немцы получили экономические привилегии и право вывоза 60 % никеля⁶⁵.

По данным советской разведки, ответ финского правительства Советскому Союзу по вопросу о никеле направлялся советнику финской миссии в Москве Хюнинену⁶⁶, но он дважды отказывался вручить этот ответ как неудовлетворительный⁶⁷.

Информация, поступающая в советскую резидентуру, свидетельствовала, что в финских политических кругах нарастало недовольство министром иностранных дел Виттингом. Как считали в резидентуре, президент Финляндии Рюти и премьер-министр Рангелль «хотели бы избавиться от Виттинга, но очевидно сделать этого не могут, поскольку Виттинг является ставленником немцев». В качестве примера приводились слова бывшего министра внутренних дел Э. фон Борна, который обратился к Виттингу с вопросом, как понимать отправку финских добровольцев в Германию, подчеркнув, что отправка их на немецких пароходах, привозящих в Финляндию транзитные войска, – незаконна, тем более что они едут даже без паспортов. Виттинг ответил Э. фон Борну, чтобы он не вмешивался в дела, которые его не касаются. Резидентура поясняла, что в Германию отправлялись финские добровольцы – молодёжь начиная от 15 лет, преимущественно сыновья егерей⁶⁸.

Ещё в начале апреля в Хельсинки начал работу вербовочный пункт, занимавшийся подбором финских добровольцев, предназначенных для службы в финском батальоне СС. Документы тщательно проверялись, чтобы избежать проникновения коммунистов. По мере того как проходила вербовка вступающих в СС добровольцев, с 6 мая по 5 июня 1941 г. группами по 100–300 человек из Турку и Васы их перевозили в Германию – в Данцинг и Штральзунд. Перевозка осуществлялась германскими рейсовыми судами. Они отправлялись в Германию без паспортов, тайно,

однако в распоряжении финского правительства имелась вся необходимая информация. Всего в Германию было отправлено более 1200 финских добровольцев. 421 солдата и офицеров, имевших опыт и прошедших Зимнюю войну, направили в разные подразделения дивизии «Викинг». Необученный контингент – всего 805 человек – направили в эсэсовские казармы в Вену. Вместе с немецкими инструкторами общая численность подразделения составляла около тысячи человек. 18 июня был сформирован финский батальон СС, который в качестве отдельного подразделения в январе 1942 г. был включён в дивизию «Викинг», находившуюся в то время на территории Южной Украины⁶⁹.

Англия внимательно следила за ходом вербовки финских добровольцев в подразделения СС. Английский посланник в Хельсинки обратил внимание МИДа Финляндии на необходимость её пресечения, так как Финляндия является нейтральным государством. Учитывая, что Финляндия продолжала курс на сближение с Германией, 6 июня в английской прессе появились сообщения о «деле СС» в Финляндии.

Английская разведка в Финляндии работала весьма активно, отслеживая ход переброски германских войск через Финляндию в Норвегию и в мае – июне 1941 г. регулярно информировала Лондон. В свою очередь, советская разведка, имевшая возможность получать информацию из Лондона, была в курсе «финской тематики» англичан.

И по своим каналам в Финляндии советская внешняя разведка получала информацию о дислокации и передвижении германских войск на севере Финляндии, строительстве укреплений вдоль границы, о прибытии немецких пароходов с войсками и военной техникой. В начале мая В.Н. Меркулов проинформировал Сталина, Молотова и Берия о ходе вербовки добровольцев в Финляндии и отправке их в Германию для формирования подразделения СС численностью около 1200 человек⁷⁰, переброске финских воинских частей и вооружения к границам Выборгского направления и полуострову Ханко⁷¹.

Советская разведка сообщала, что финляндский посланник в Лондоне в своих рапортах в МИД Финляндии сообщал о категорических требованиях английского правительства проинформировать о количестве немецких войск, проходивших через Финляндию и находившихся в стране. Посол находился в большом затруднении, так как ему «трудно убедить англичан, что в Финляндии находится не больше 1500 немцев. Особенно сильно на него нападает английский министр снабжения, который прямо сказал ему, что о количестве немцев он врёт»⁷².

В плане «Барбаросса» на армию «Норвегия» возлагалась задача началом операции по наступлению на СССР, а если потребуется и раньше, вторгнуться в район Петсамо и надёжно оборонять его вместе с финскими войсками от нападения с суши, моря и воздуха. Помимо обороны на территории Норвегии, особое значение отводилось удержанию никелевых

рудников, чрезвычайно важных для германской экономики. Финским войскам необходимо было возможно быстрее захватить полуостров Ханко и прикрыть развёртывание немецких войск в Северной Финляндии.

Задачи финским и немецким войскам, развёртывавшимся в Северной и Центральной Финляндии, были определены директивой Главного командования сухопутных войск Германии от 7 апреля 1941 г. и объявлены оперативными директивами финского генерального штаба, а также директивой командующего армией «Норвегия» от 20 апреля. Директива ОКВ предусматривала, что вооружённые силы Финляндии до наступления гитлеровских войск должны были прикрыть развёртывание германских соединений в Финляндии, а с переходом вермахта в наступление – сковать советские группировки на карельском и петрозаводском направлениях. С выходом группы армий «Север» на рубеж Луги финским войскам предстояло перейти в наступление на Карельском перешейке, а также между Онежским и Ладожским озёрами, чтобы соединиться с немецкими армиями на реке Свирь и в районе Ленинграда⁷³.

В Хельсинки о возможной войне Германии с СССР первым открыто заговорил германский военный атташе. 24 апреля 1941 г. в беседе со шведским коллегой он прямо заявил: «Германия планирует нападение на Советский Союз в начале или середине июня». Выбор времени зависит от положения на других фронтах, на Балканах и в Северной Африке. Планирование операции было проведено «при взаимопонимании и отчасти при сотрудничестве с финнами»⁷⁴.

Рюти и другие финские политики в начале 1941 г. считали, что Советский Союз намерен продолжить завоевание Финляндии и северной части Скандинавии, чтобы получить выход к Атлантике. Основываясь на имевшейся информации о военных приготовлениях Германии, они были уверены в том, что война между Германией и СССР неизбежна. В связи с предстоящей войной Рюти надеялся на то, что Советский Союз будет разрушен. «Случись это, потребовалось бы лет 20, прежде чем он встал бы на ноги». Паасикиви был более реалистичен, считая, что «великороссы будут всегда, и они создадут огромное государство, которое будет иметь огромное превосходство в силах над нами»⁷⁵.

Высшие руководители Финляндии – президент, маршал, министры обороны и иностранных дел – верили в скорую войну между Германией и Россией. В Финляндии царило всеобщее убеждение о том, что Гитлер решил покончить с большевизмом и Финляндия смогла бы получить компенсацию за продемонстрированную по отношению к ней несправедливость⁷⁶.

Финляндия, взяв курс на сближение с Германией, пыталась сохранить хорошие отношения и со Швецией. После окончания Зимней войны Финляндия и Швеция активно обсуждали вопрос о создании оборонительного союза двух стран – унии. Вторично мысли об унии стали акту-

альными осенью 1940 г., когда Швеция высказывала намерение оказать Финляндии военную помощь при условии их нейтралитета. В Швеции внимательно следили за тем, как руководство Финляндии под давлением военных расширяло контакты с Германией, и считали, что это идет в ущерб финско-шведским отношениям. Об этом заявил шведский посланник в Москве П. Ассарсон в январе 1941 г. Poleмика, проходившая в шведских газетах, свидетельствовала о реальных сомнениях в том, что Финляндия сохраняет нейтралитет. Правительство и общественность Швеции не одобряли политики, которая могла поставить под угрозу самостоятельность обеих стран. МИД Швеции сделал соответствующее предупреждение финскому посланнику в Стокгольме, который немедленно выехал в Хельсинки⁷⁷.

Прогерманские настроения Финляндии явились причиной того, что Швеция отказалась от плана создания оборонительного союза с Финляндией. Для того чтобы выяснить внешнеполитические планы Финляндии, 6–7 мая 1941 г. в Хельсинки находился министр иностранных дел Швеции К. Гюнтер⁷⁸. Ещё до того как шведский министр успел вернуться в Стокгольм, в Берлине стало известно всё, о чём говорилось в Хельсинки⁷⁹.

В свою очередь Швеция была в курсе основных финляндских событий, так как шведское разведывательное управление, взломав код дипломатической службы Германии, достигло существенного успеха и читало отправлявшиеся германским представителям предписания. Например, о переброске германских войск шведы узнали благодаря своей радиоразведке ещё до начала самой операции. Шифровальный отдел шведского генерального штаба 30 мая 1941 г. перехватил посланную из Осло в Берлин радиограмму, согласно которой операция по переброске двух дивизий немецких войск из Северной Норвегии в район Рованиеми будет проходить под прикрытием замены войск. Таким образом, правительство Швеции узнало о финских делах раньше, чем был проинформирован кабинет Финляндии⁸⁰.

Намерения Германии по использованию армии Финляндии в предстоящей войне с СССР были изложены в аналитической записке, подготовленной 1 мая для начальника штаба вермахта генерал-полковника А. Йодля. В Советском Союзе считали, что германское проникновение в Финляндию происходит таким же образом, как и в Болгарию, и, таким образом, Финляндия превращается в плацдарм для нападения на СССР.

В мае 1941 г. Финляндию посетил специальный посланник Гитлера – Шнурре. Он не случайно был избран для этой цели, так как уже бывал в Финляндии для проведения торговых переговоров и его поездка не вызвала подозрений. Гитлер передал через Шнурре, что Россия может нанести удар по Финляндии и Балканам, чтобы упрочить своё положение и получить преимущество перед Германией, и предложил направить представителя финского генерального штаба в германскую ставку для

обсуждения координации военных усилий в случае, если Финляндия подвергнется такому нападению. Шнурре в беседе с Рюти уверял в том, что Германия заинтересована в сохранении Финляндии в качестве самостоятельного, свободного государства и нападение на Финляндию означало бы, таким образом, повод для вступления в войну Германии, при условии, что Финляндия не откажется от предоставляемой помощи.

Рюти пригласил к себе Маннергейма, Рангелля, Вальдена и Виттинга и попросил высказать своё мнение. Рюти записал в дневнике: «Все были единодушны в том, что предложение надо одобрить и приступить к подготовке обсуждаемого вопроса». После этого Рюти пригласил к себе Шнурре и сообщил ему, что решение вопроса передаётся в руки военных. В дневнике сохранилась запись: «Шнурре сказал..., что дело надо держать в тайне и в столь узком кругу посвящённых лиц, насколько это возможно»⁸¹.

Итак, Германия просила прислать на переговоры офицера генерального штаба Финляндии, полагая, что поездка Рюти или Маннергейма привлекла бы к себе международное внимание. Делегацию, направившуюся в Германию 24 мая, возглавил начальник генерального штаба генерал-лейтенант Э. Хейнрикс⁸², который фактически не имел полномочий принимать на себя какие-либо обязательства.

25 мая в Зальцбурге финскую делегацию принимали В. Кейтель и А. Йодль. Если Кейтель в своей речи высказался о планах Германии лишь в общих чертах, то Йодль выступил с подробным докладом, в котором обрисовал военную обстановку в мире. Он заявил, что возможен вооружённый конфликт Германии с СССР и Финляндия вряд ли сможет остаться вне рамок этого столкновения. По мнению германских генералов, Финляндии необходимо начинать подготовку к боевым действиям. Йодль считал, что война, которая продлится несколько недель, приведёт к разгрому СССР, и Германия надеется на то, что Финляндия свяжет войска Красной армии на советско-финской границе, примет участие в наступлении на Ленинград, а также окажет поддержку немецким операциям в направлении на Мурманск и Сало.

Хейнрикс проинформировал немецкую сторону, что не располагает полномочиями обсуждать ни политические, ни военные вопросы. На следующий день в Берлине финскую делегацию принял начальник генштаба сухопутных войск Гальдер, который выразил надежду, что Хейнрикс, вернувшись в Хельсинки, выяснит, какую позицию займёт военное и политическое руководство Финляндии. Эти предложения являлись по своей сути предложением об участии в наступательной войне.

Высшее руководство Финляндии, оценив информацию, полученную от Хейнрикса, сделало осознанный выбор – оно решило принять участие в военном походе Гитлера на СССР. Другой возможный вариант, то есть отказ от сотрудничества, повлёк бы за собой, в худшем случае, превращение Финляндии в поле битвы между Германией и СССР. Кроме того,

тесное военное сотрудничество с Германией в начале 1941 г. и осведомлённость в её военных секретах сделали отказ Финляндии настолько гипотетическим, что о нём всерьёз не задумывались⁸³.

В начале июня 1941 г. в Хельсинки в ходе переговоров между представителями военного командования Германии и Финляндии были приняты конкретные решения. Финская сторона обязывалась передать в подчинение командованию немецкой армии «Норвегия» один армейский корпус, провести наступление в районе Ладожского озера в южном направлении с целью соединения с немецкой группой армий «Север», после того, как она форсирует Северную Двину, подготовить силы для блокады Ленинграда с севера. Кроме того, финны предоставляли аэродромы Финляндии в распоряжение люфтваффе⁸⁴.

Сосредоточение большого количества германских войск на границе указывало на то, что угроза начала боевых действий значительно возросла. Паасикиви записал в дневнике: «Германские военные силы на границе Советского Союза настолько огромны (200 дивизий), что за 2–3 недели они разгромят армии Советского Союза. Вся кампания продлится месяца четыре. В Кёнигсберге большой военно-воздушный флот, который нападёт на Северную Россию и Петербург, а на обратном пути воспользуется нашими аэродромами. Он защитит нас от воздушных ударов русских. Мы также вступим в войну»⁸⁵.

Активные контакты и постоянно расширявшееся сотрудничество Германии и Финляндии не оставалось без внимания советских спецслужб. Разведывательные подразделения НКВД КФСР с начала 1941 г. активно собирали информацию о финских оборонительных укреплениях, промышленных предприятиях и воинских частях. Полученные данные в виде специальных сообщений направлялась в Москву начальнику 1-го управления НКГБ СССР Фитину⁸⁶, а также в Управление погранвойск КФСР⁸⁷.

Информация, поступающая из пограничных войск, свидетельствовала, что командование финской армии совместно с немцами производит осмотр укрепленных районов в пограничной полосе. Так, например, 12 мая оборонительные сооружения в районе дер. Ювола посетили начальник высшей военной школы финской армии генерал-лейтенант Эдвард Ханель и немецкий офицер, причём последний был одет в штатское платье. Финский генерал вместе с немецким офицером проверили боеготовность артиллерийской 11-дюймовой батареи. В конце мая переодетые в штатское офицеры германской армии посетили Иматру. Пограничная разведка сообщала, что в Финляндии проводится вербовка добровольцев в немецкую армию, о чём открыто ведутся разговоры среди местного населения погранполосы.

В финской армии тем временем пытались прекратить распространение информации о подготовке к войне. В этих целях 17 мая и 11 июня были выпущены информационные бюллетени, предназначенные для

офицеров, в которых подчёркивалась «мирная политика» Советского Союза и улучшение отношений с Германией.

4 июня Меркулов проинформировал Сталина, Молотова и Берия о заявлении президента Финляндии относительно ситуации в стране в связи с военными приготовлениями Германии: Рюти на заседании кабинета заверял членов правительства, что Финляндия хочет остаться нейтральной, но Германия оказывает такое давление, что попытки сопротивляться этому нажиму не дают результата⁸⁸.

7 июня 1941 г. Гальдер записал в дневнике: «Финское военное руководство приняло наши предложения и, видимо, полным ходом приступило к выполнению этой задачи». «5-й финский корпус в составе двух дивизий предназначается для операций против Кандалакши. Аландские острова должны быть заняты одним пехотным полком, который финны усилят сверх установленного штата. Для захвата полуострова Ханко предусмотрена одна дивизия. На Ленинградском направлении развёртываются четыре дивизии. Потребность во времени для мобилизации и развёртывания войск – 12 дней, в том числе 5 дней для развёртывания на операционном направлении. Точными сроками определены: 10.6 – призыв запасников пограничной стражи и мобилизация трёх батальонов. 15.6 – окончание мобилизации 5-го корпуса. 20.6 – готовность к высадке на Аландских островах и к наступлению на полуостров Ханко. Общая мобилизация – только после начала нашего наступления. Готовность к проведению операции – лишь после того, как мы форсируем Западную Двину. Финский Генеральный штаб настаивает на выборе направления главного удара восточнее Ладожского озера»⁸⁹.

Немцы приступили к переброске своих войск в Северную Финляндию в первых числах июня. Финляндия начала выводить свои войска прикрытия на позиции 10 июня 1941 г. Практически сразу же об этом стало известно советской внешней разведке. По ее данным, 9 июня на заседании финляндского правительства Рюти заявил, что по требованию немцев Финляндия должна провести частичную мобилизацию и что в ближайшие же дни начнут прибывать немецкие войска. Одновременно немцы потребовали от финляндского правительства немедленного удаления из Финляндии, и в первую очередь из Петсамо и других северных районов, всех англичан и поляков. Рюти заявил, что финны вынуждены выполнить эти требования немцев, так как другого выбора нет. «Война Финляндии не улыбается, но такова ситуация. Англия помочь не может. Швеция отказалась от союза с Финляндией, и, таким образом, никакой защиты от советской агрессии финны не имеют». Далее приводились слова Рюти о том, что вопрос, «будет ли война между Германией и СССР или нет, разрешится 24 июня. Может быть, войны ещё не будет, так как Гитлер и Риббентроп против войны с СССР, но её желают немецкие генералитет и генштаб»⁹⁰.

По данным советской резидентуры в Хельсинки, «в ближайшие дни ожидается война между Германией и СССР, и немцы предполагают выступить из Финляндии, которая будет играть большую роль. О предстоящем в ближайшие дни выступлении Германии против СССР рассказал также бывший министр, который объясняет это выступление отказом Советского Союза в поставке немцам хлеба и горючего. Из других источников сообщают, что в ближайшие дни в Финляндии высадится большое количество германских войск. 9 июня в Або (Турку) прибыл немецкий военный транспорт, который привез примерно 1500 солдат и 40–50 автомобилей для мотопехоты. Всё это направлено в сторону Таммерфорса»⁹¹.

11 июня министр финансов Финляндии Пеккала во время встречи с Паасикиви высказал опасение, что Советский Союз может внезапно напасть на Финляндию, когда увидит, в каком направлении идут дела, потому что Германия сделала из Финляндии плацдарм. Но страх перед Советским Союзом был столь велик, что финская политическая элита желала, чтобы Германия окончательно победила в войне и добилась своего нового порядка.

Паасикиви писал в дневнике о том, что выступление Финляндии на стороне Германии внесёт изменения и во внутреннюю политику. «Так обстоят дела в Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии, Хорватии, то есть в странах, которые оказались зависимыми от Германии. Этому нам придётся подчиниться». Если Германия проиграет войну, тогда «мы пропали. В Кремле перечень наших прегрешений столь велик, что нам ничто не поможет. И выступление на стороне врага Советского Союза, разумеется, столь серьёзное дело, что уже оно одно решит нашу судьбу»; «сила Советского Союза в оборонительной войне недооценивается»⁹². Мысль о том, что «мосты с Москвой сожжены и Кремль нас не простит», а ориентация на северные страны доживает последние дни, не покидала Паасикиви. Он неоднократно в середине июня обсуждал эту тему.

Глава страны Рюти надеялся, что Германия выйдет из войны победительницей, и тогда Финляндия будет «принадлежать к “жизненному пространству” Германии. Всё это принесёт с собой изменения и во внутренние дела, но здесь мы наведём порядок». По мнению Рюти, сожалеть было не о чем⁹³.

О сложившейся внешнеполитической ситуации комиссию по иностранным делам парламента Финляндии проинформировали только 13 июня 1941 г. Виттинг сообщил членам парламентской комиссии, что в Финляндии находятся две немецкие дивизии. Германия должна спасти Финляндию от политических и экономических проблем⁹⁴.

Транзит немецких войск через Лапландию и вербовка на территории Финляндии добровольцев в СС вызвали крайне негативную реакцию в Англии. Правительство Великобритании прервало морские коммуникации с Петсамо и перекрыло таким образом торговую отдушину Фин-

ляндии, соединяющую её с Западом. Англия действовала вполне предсказуемо, исходя из своих интересов⁹⁵.

Тем не менее финское министерство иностранных дел вручило послу Англии в Хельсинки вербальную ноту протеста. Прекращение судоходства было расценено в ней как «несправедливое решение, которое в серьёзной мере осложняет экономическое положение Финляндии»⁹⁶.

13 июня Меркулов направил записку в ЦК ВКП(б), НКВД СССР, НКВД СССР и НКО СССР с информацией о военной мобилизации в Финляндии и концентрации немецких войск. По данным советской разведки, в Финляндии все мобилизованные отправлялись на восточную границу. Призывалась главным образом молодёжь. Резидентура в Хельсинки фиксировала, что «происходит непрерывный подвоз немецких войск. Прибыло уже три дивизии немецких солдат. Около двух дивизий ожидают погрузки в Штеттине. Переброска немецких войск в Финляндию и мобилизация финских резервистов происходят с целью психической атаки на СССР, чтобы добиться уступок для немцев в происходящих переговорах между Советским Союзом и Германией». В то же время советская разведка не исключала возможности непосредственного нападения немцев на СССР и использования Финляндии как плацдарма для этого нападения⁹⁷.

В этот же день, 13 июня, в качестве командира «штабной группы связи взаимодействия Север» в финской ставке в Финляндию прилетел генерал В. Эрфурт⁹⁸.

14 июня на заседании военного кабинета президент Рюти «одобрил германо-финляндские договорённости», то есть график проведения мобилизации и подготовки к наступательной войне. В район Хельсинки прибыли германские корабли – минные заградители, которые были закамуфлированы под корабли торгового флота. Германские минные заградители имели задачу провести минирование акватории Финского залива. В этих целях на каждый корабль были выделены финские лоцманы и офицеры связи.

О том, что Финляндия встала на рельсы войны, 13 июня Войномаа написал сыну: «Итак, жребий брошен, мы – держава «оси», да ещё отобилизованная для нападения... Вот до чего довели нас эти господа. Горстка людей сделала всё это под свою ответственность»⁹⁹.

В контексте общей подготовки Финляндии к войне с СССР необходимо обратить внимание на приказ от 19 июня 1941 г. о том, что план по захвату Аландских островов будет реализован в ночь на 22 июня, а также приказ о начале минирования финских территориальных вод в это же самое время. Это свидетельствует о том, что финское руководство было проинформировано о сроках начала нападения Германии на СССР. Главный штаб 20 июня утром отдал распоряжение о том, чтобы все финские штабы и воинские части в первой половине того же дня были приведены в состояние боевой готовности и переведены в укрытия.

Приготовления финской армии к боевым действиям были зафиксированы разведывательными подразделениями пограничных войск НКВД СССР. В частности, в спецсообщении Управления погранвойск НКВД Ленинградского округа от 20 июня говорилось о принудительной эвакуации из приграничной полосы местных жителей, установке «дополнительного проволочного ограждения в шесть рядов», усиленном движении автотранспорта с грузом и людьми в направлении границы, предположительном отводе финской погранстражи от границы в тыл¹⁰⁰.

21 июня в 16.15 финские армия и флот начали операцию по занятию Аландских островов¹⁰¹, получившую кодовое наименование «Регата». За нескольких часов до нападения Германии на СССР на 23 кораблях в течение одной ночи с материка на Аландский архипелаг было переброшено 5 тыс. солдат с боевой техникой. Проведение операции прикрывал флот Финляндии¹⁰². Оккупация Финляндией Аландских островов серьёзно нарушала международные нормы и означала объявление на островах военного положения. Советское консульство не могло более работать в условиях и по меркам мирного времени. Персонал советского консульства – 31 человек – был вывезен, вопреки его протестам, вечером 24 июня и на корабле отправлен в Турку¹⁰³.

Финляндия усиленно пыталась убедить общественное мнение в своём нейтралитете, хотя ни Швеция, ни Англия, ни СССР в это серьёзно не верили, а Германия делала вид, что верит в это.

Финляндия вступает в войну против СССР

22 июня рано утром началась война между Германией и Советским Союзом. В связи с нападением Германии на СССР Гитлер в своей декларации отметил, что нападение Германии на СССР вызвано большой концентрацией советских войск на границе, нарушениями советскими лётчиками и пограничниками государственной границы Германии. Поэтому он решил передать судьбу государства и народа в руки немецких солдат. Гитлер отметил, что Германия сотрудничает со своими финскими товарищами, подчеркнув, что «соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана, а германские дивизии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала»¹⁰⁴.

Финляндское правительство поспешило опубликовать сообщение, в котором говорилось, что Финляндия находится вне войны, а министерство иностранных дел 23 июня разослало «циркуляр о нейтралитете». «Трёхдневный финский нейтралитет» с 22 по 25 июня 1941 г. на деле являлся ничем иным, как маскировкой, которая облегчала переброску финских сухопутных войск к линии фронта.

О вступлении Финляндии в активную фазу подготовки к войне свидетельствует телефонограмма, направленная 22 июня из Главного штаба в части и соединения финской армии, предписывавшая обеспечить «готовность мер, связанных с началом наступления, к 28 июня»¹⁰⁵.

Вторжение немецко-финской группировки планировалось начать после выхода немецкой группы армий «Север» на рубеж р. Западная Двина. На территории Норвегии и Финляндии были сконцентрированы крупные силы противника: немецкая отдельная армия «Норвегия», финские Карельская и Юго-Восточная армии. Полуостров Ханко предполагалось атаковать силами лишь одной финской дивизии. Действия немецко-финской группировки с воздуха должны были поддерживать части 5-го воздушного флота и ВВС Финляндии; с моря – морские силы Германии в Баренцевом море и Финляндии в Финском заливе. Всего группировка противника насчитывала 530 тыс. человек, свыше 4,3 тыс. орудий и миномётов, 206 танков, 547 боевых самолётов, до 80 кораблей и 6 подводных лодок.

В связи с началом войны Паасикиви записал в дневнике: «Гитлер сделал заявление, и германские армии напали на Советский Союз. В заявлении упоминается, что финны и румыны – союзники Германии». На следующий день, 23 июня, Паасикиви и Рюти обсуждали, как могла бы проходить в будущем граница Финляндии: «Границы будут установлены в зависимости от исхода войны и от того, что станет с Советским Союзом. Сейчас стоит вопрос о Восточной Карелии». Германский посланник передал Рюти письмо Гитлера, в котором фюрер заверял, что он не оставит Финляндию в беде, Германия и Финляндия во второй раз будут сражаться вместе.

В дискуссиях между исследователями советско-финляндской войны о причинах её начала финские историки часто отмечают, что буквально с 22 июня советская авиация непрерывно бомбила мирные финские города и населённые пункты. Российские историки говорят о бомбардировках советской авиацией только объектов, где находились германские военные части и боевая техника, в том числе и самолёты, а также о налётах на советскую территорию германской и финской авиации с территории Финляндии.

Так, 23 июня в 3.00 два гидросамолёта иностранной марки¹⁰⁶, совершив посадку между шлюзами № 8 и № 9 Беломорско-Балтийского канала в районе Конхозеро (70 км северо-восточнее Повенецкого залива), высадили диверсантов, которые на трёх резиновых лодках с алюминиевыми вёслами добрались до берега и скрылись в лесу. Оперативными группами войск НКВД по охране канала и Медвежьегорского районного отделения НКВД Карело-Финской ССР, усиленными бойцами стрелковой роты 237-й дивизии 7-й армии, проведён розыск диверсантов¹⁰⁷.

Очевидец событий того времени Паасикиви 23 июня 1941 г. записал в своём дневнике: «Прошлой ночью был первый воздушный налёт. 4 русских самолёта пролетели над Хельсинки, но бомб не сбросили»¹⁰⁸.

Действительно советские самолёты совершали налёты, но только на финские аэродромы, где базировалась германская авиация. Вопрос о предоставлении для германских ВВС аэродромов в Хельсинки и Кеми был впервые поставлен 25 мая 1941 г. на германо-финляндских переговорах в Берлине. Немцы также зондировали возможности использования финских средств ПВО для обеспечения безопасности перевозок в Ботническом заливе и по железным дорогам Лапландии. В ходе германо-финляндских переговоров в Хельсинки 5 июня были достигнуты договорённости о предоставлении немцам аэродромов Хельсинки, Кеми, Рованиеми и Кемиярви, на них создавались специальные комендатуры. После этого Германия и Финляндия обменялись своими представителями, которые осуществляли функции связи и координации действий ВВС обеих стран. Самолёты двух стран, находившиеся в Финляндии на аэродромах совместного базирования, имели унифицированную покраску. Поперёк их корпуса рисовался широкий жёлтый пояс, концы крыльев также окрашивались в жёлтый цвет. Ещё до вступления Финляндии в войну шесть финских аэродромов находились в распоряжении германских ВВС. В процессе взаимодействия с люфтваффе его представителям были переданы 360 листов топографических карт¹⁰⁹.

С весны 1941 г. самолёты финских ВВС совершали разведывательные полёты над Карельским перешейком, постепенно расширяя географию на севере в районе Кандалакши, Петсамо, Мурманска. С 17 июня разведывательные полёты над Карелией и Кольским полуостровом стали совершать и самолёты ВВС Германии, базировавшиеся на аэродромах Северной Норвегии и Финляндии.

23 июня Молотов пригласил к себе финского поверенного в делах Хюнинена и спросил его о том, что означает утверждение Гитлера о совместных действиях Германии и Финляндии. Хюнинен не смог дать ответа. Тогда Молотов потребовал, чтобы Финляндия чётко определила свои позиции – выступает ли она на стороне Германии или придерживается нейтралитета. Хочет ли Финляндия иметь в числе своих врагов Советский Союз с двухсотмиллионным населением, а возможно, и Англию? Советский Союз не предъявлял Финляндии никаких требований. Молотов обвинил Финляндию в бомбардировках Ханко и в разведывательных полётах над Ленинградом. Хюнинен в свою очередь заявил, что СССР осуществляет бомбардировки финской территории.

Вновь обратимся к свидетельствам Паасикиви, он пишет: «Молотов требовал, чтобы Финляндия удалила со своей территории немцев, иначе Финляндии придётся плохо»¹¹⁰. Молотов утверждал, что финны участвовали в бомбардировке Ленинграда. Хюнинен ответил, что это неправда, зато русские бомбили Финляндию. Это Молотов отрицал!»¹¹¹.

Если между СССР и Финляндией отношения находились на грани разрыва дипломатических отношений, то сотрудничество Финляндии

с Германией расширялось и укреплялось. В тот же день, когда Молотов выяснял отношения с Хюниненом, финский посол в Германии вручал Г. Герингу орден Белой Розы Финляндии с цепью. В ответном слове Геринг сказал, что «наступление в Советском Союзе идёт гораздо лучше, чем рассчитывала Германия. За 3 дня уничтожено 2632 самолёта. Русские солдаты сражаются хорошо, и оружие у них хорошее, но высшее командование ни на что неспособно. У дивизий нет связи друг с другом».

Кстати, в эти же дни Маннергейм отметил, что «немцы преуспели против Советского Союза с самого начала гораздо больше, чем можно было предвидеть. У Советского Союза дефицит высшего командного состава»¹¹².

28 июня Берия проинформировал Сталина, что, по сообщению НКВД Карело-Финской ССР, «в 1 час 20 минут подверглись бомбардировке со стороны вражеской авиации 3, 6, 7, 8 и 9-й шлюзы Беломорско-Балтийского канала». В результате бомбардировки на 7-м шлюзе были разрушены нижние ворота, на 8-м – средние ворота и нанесены незначительные повреждения на 6 и 9-м шлюзах¹¹³.

По данным, поступавшим в Генеральный штаб Красной армии, финские части с 23 июня на Карельском перешейке вели усиленную разведку и наблюдение, продолжалось стягивание к границе финских войск.

Об активной подготовке Финляндии к войне против СССР сообщал и Наркомат госбезопасности Карело-Финской ССР. 24 июня в ЦК КП(б) КФССР, 1-е управление НКГБ СССР, Управление погранвойск КФО и управления НКГБ СССР Ленинградской и Мурманской областей НКГБ КФССР направил разведывательную сводку, в которой был сделан однозначный вывод, что «правящие круги Финляндии и финская военщина по указанию Германии на протяжении двух месяцев – апрель – май, а в особенности в последнее время, вели усиленную подготовку к войне против СССР». В документе отмечалось, что у советских границ велось строительство укреплений, пополнялась финская армия «за счёт проводимой повсеместной массовой мобилизации нескольких возрастов, непосредственно у границ СССР концентрировались войска финской армии, из приграничных районов проводилось переселение мирного населения. Спешность проводимой мобилизации подтверждается ещё тем, что все призванные немедленно отправлялись к границам, в пути следования из вагонов-кладовых им выдавалось обмундирование, из ящиков, погружённых на платформах, следующих с эшелонами, выдаётся оружие и боеприпасы. При формировании и погрузке воинского состава наряду с людьми в поезда загружались лошади и фураж. Общественное мнение Финляндии формировалось на основе пропаганды среди населения о дружбе Германии с Финляндией, непобедимости Германии и партии национал-социалистов, одновременно с этим велась открытая агитация о якобы имевшихся намерениях Советского Союза захватить Финляндию»¹¹⁴.

В целях ослабления авиации немецко-финской группировки Ставка Главного Командования утвердила план первой в годы Великой Отечественной войны воздушной операции советских ВВС (25–30 июня 1941 г.), предложенный командующим ВВС Северного фронта генерал-лейтенантом авиации А.А. Новиковым. В результате её проведения противник потерял более 20 % самолётов, базировавшихся на территории Финляндии и Северной Норвегии, и был вынужден отвести часть своих авиасоединений в глубокий тыл.

В первый день операции – 25 июня – советские самолёты нанесли массированный удар по 12 аэродромам, где базировались самолёты германских и финских ВВС. В налёте участвовало 214 самолётов, с задания не вернулись 6¹¹⁵. 27 июня самолёты ВВС Северного фронта бомбили аэродромы в районе Петсамо, Рованиеми, Африканда, порты Петсамо и Кемиярви¹¹⁶.

Эта акция в тот же день была использована финским руководством в пропагандистских целях. На срочном созванном заседании парламента премьер-министр Финляндии Й. Рангелль выступил с пространной речью о том, что, находясь в сфере интересов великих держав, Финляндия не в силах в одиночку решать свои проблемы и поэтому вынуждена приспособляться. Обвинив Советский Союз в преступлениях против Финляндии, упомянув итоги Зимней войны, требования демилитаризовать Аландские острова, давление в вопросе о никеле Петсамо, опасные железнодорожные перевозки в Ханко, невыполнение торговых обязательств, Рангелль утверждал, что сближение с Германией имеет решающее значение. Совершённые нападения – русские бомбардировки – свидетельствовали о намерении СССР уничтожить Финляндию.

На заседании парламента звучали голоса, что Финляндии следует защищать себя всеми военными силами, и большинством голосов позиция правительства была одобрена. На следующий день Рюти произнёс речь по радио, в которой прозвучало объявление войны Советскому Союзу.

Финское правительство, объявляя войну Советскому Союзу, утверждало, что эта война не захватническая, а оборонительная, война-продолжение зимней кампании 1939–1940 гг., и официально обосновало свои действия советскими воздушными налётами на финские города. В действительности целью Финляндии в войне против СССР было возвращение финских территорий, отошедших к Советскому Союзу по Московскому мирному договору от 12 марта 1940 г., и упрочение своей безопасности¹¹⁷.

В Финляндии умалчивалось, что на финских аэродромах находились самолёты германских ВВС, в прессе развернулась пропагандистская кампания, главным содержанием которой было утверждение о том, что Советский Союз повторил нападение (имелось в виду начало Зимней войны 1939 г.), чтобы сломить сопротивление финского народа.

В финляндской историографии достаточно часто отмечается, что «воздушный налёт СССР на Финляндию положил начало военным действиям». При этом многие финские историки скромно замалчивают то, что Финляндия ещё до 22 июня приняла решения выступить на стороне Германии в наступательной войне против СССР и активно готовилась к наступлению на советскую территорию.

Разведывательный отдел УНКВД Ленинградской области 27 июня сообщил о ходе военных приготовлений Финляндии. С 7 июня 1941 г. в Финляндии велась усиленная переброска войск к советским границам. По предположениям работников разведотдела УНКВД Ленинградской области, в Финляндии находилось 50–70 тыс. немцев. Из пограничных районов вглубь страны эвакуировалось гражданское население, на погрузочных платформах находились финские и немецкие грузовые и легковые машины, разгруженные из прибывших эшелонов. Войска были в полной боевой готовности. Все станции от Симолы до Хельсинки с 21 июня были полны воинских эшелонов и эшелонов с переселенцами. В Хельсинки с 21 июня «заметна мобилизационная суета, к вокзалу маршировали мобилизованные и погружались в эшелоны». 23 июня при отъезде из Хельсинки семей сотрудников советского представительства у входа в здание полпредства собралось много публики, военные фотографировали каждое наше движение, посадку в машины и отход машин. Народ стоял молча, не выражая вслух ничего. На лицах публики чувствовалась тревога и испуг. Военные фотографировали очень нагло. На вокзале и при посадке в вагоны повторилась такая же картина – собралось много людей, прибыли эти же фотографы и после, перед отходом притащили киносъёмочный аппарат и фотографировали посадку в вагоны. Когда тронулся поезд, многие из собравшихся махали руками, провожая наши вагоны. На лицах публики можно было видеть сожаление, тревогу, а враждебных действий никто не проявлял. По пути следования до Вайниккала на станциях собиралось много людей, к вагонам никто не допускался, охраняла полиция. Стоявшие на станции люди также не выражали никаких враждебных действий. Во время следования от Хельсинки до ст. Вайниккала 24 июня на станциях уже не было такого скопления воинских эшелонов, на всём пути замечено не более пяти эшелонов, один из них был отправлен из Хельсинки с мобилизованными, другой стоял на полустанке между ст. Тойвола и ст. Симолы с войсками и броневыми автомобилями¹¹⁸.

В 1 час ночи на 29 июня Маннергейм отдал армии приказ, в котором призывал солдат к священной войне и крестовому походу против нашего врага. Рано утром финские части и находящиеся в Финляндии германские войска группами от роты до полка начали наступление на мурманском, кандалакшском, кексгольмском и выборгском направлениях.

Финское правительство не делало официальных заявлений, что Финляндия преследует в войне свои особые цели, отличные от целей

Германии. В любом случае финны как минимум стремились вернуть территории, утраченные по Московскому мирному договору. Поэтому в целом войну считали войной-искуплением и продолжением Зимней войны, или Войной-продолжением.

Ещё до начала военных действий в кругах как политического, так и военного руководства обсуждались различные варианты будущей восточной границы Финляндии. Из пяти вариантов, намеченных Генеральным штабом, самая дальняя граница была проведена восточнее Онежского озера. Наилучшей со стратегической точки зрения альтернативой считали границу, идущую через три перешейка между Финским заливом, Ладожским и Онежским озёрами и Белым морем.

Советская сторона на момент вторжения финских и немецких войск на её территорию развернула вдоль государственной границы войска Северного фронта, которым активную помощь оказывали силы Северного флота – всего 402 тыс. человек, около 7,8 тыс. орудий и миномётов, более 1,5 тыс. танков, около 1,8 тыс. боевых самолётов, 32 корабля и 15 подводных лодок. В соответствии с планом обороны советские войска были развёрнуты вдоль государственной границы на следующих направлениях: мурманском, кандалакшском и лоухском – части 14-й армии совместно с Северным флотом; петрозаводском – 7-я армия во взаимодействии с Ладожской военной флотилией; ленинградском – 23-я армия во взаимодействии с частью сил Балтийского флота. В ожидании вторжения врага войска Северного фронта и силы Северного флота к 27 июня были приведены в полную боевую готовность и заняли оборонительные позиции.

В дневнике Гальдера достаточно часто встречаются записи, посвящённые Финляндии. Так, 29 июня 1941 г. (воскресенье), 8-й день войны, сохранилась запись: «Из Финляндии получен новый план наступления, отвечающий нашим требованиям. Этот план предусматривает наступление силами не менее шести дивизий восточнее Ладожского озера. Германская дивизия [163-я пехотная], перебрасываемая из Норвегии, будет введена в бой на направлении главного удара для усиления ударной группировки. Снабжение этой дивизии будет обеспечивать армия Фалькенхорста (армия «Норвегия»). В тактическом отношении она [дивизия] будет подчинена непосредственно фельдмаршалу Маннергейму»¹¹⁹.

В спецсводке 3-го отдела Северного фронта, направленной 30 июня 1941 г. в 3-е Управление НКО СССР, сообщалось: «Войска Северного фронта выполняют задачу по прикрытию госграницы. 29 и 30 июня с.г. германо-финские войска по всему фронту перешли в наступление. На Мурманском направлении идут бои. На Карельском перешейке противник пытался переходить границу, но был отброшен нашими частями. К началу активных военных действий отдельные войсковые соединения оказались недостаточно обеспеченными средствами связи»¹²⁰.

В конце июня главные силы финляндской армии были перегруппированы, в результате в Северном Приладожье была сформирована Карельская армия, которая включала пять дивизий и три бригады. Командование этим соединением главнокомандующий поручил генерал-лейтенанту Э. Хейнриксу. На Ладоге у финнов было три, а на Карельском перешейке четыре дивизии. У СССР в июне 1941 г. на финляндском фронте было задействовано всего 17 дивизий (на Карельском перешейке – 7, в Приладожской Карелии – 4 и на Беломорско-Мурманском участке – 6). На момент наступления финны даже имели на своём участке фронта перевес в живой силе¹²¹.

Вооружённые силы Финляндии под командованием маршала Маннергейма начали бои преимущественно на юге страны, продвигаясь с обоих флангов Ладожского озера в направлении Онежского озера, Свири и Карельского перешейка. В северной и центральной части Финляндии находились подразделения вермахта, поддерживавшиеся отдельными финскими частями. Их целью являлось перерезать железнодорожную линию в Мурманск, единственный северный порт на Северном море, свободный зимой ото льда. Маннергейм назвал нападение Финляндии на СССР «оборонительными сражениями»¹²².

29 июня две дивизии немецкого горнстрелкового корпуса «Норвегия» начали наступление на мурманском направлении, на участке 14-й армии. Уже 1 июля в наступление перешли основные силы немецко-финской группировки. Особенно ожесточённые бои развернулись на мурманском направлении. Здесь частям 14-й стрелковой дивизии в тесном взаимодействии с гарнизоном 23-го укрепленного района при огневой поддержке береговой артиллерии и кораблей Северного флота удалось остановить наступление противника на перешейке полуострова Средний и не допустить его продвижения на советскую территорию. Противник был остановлен и на рубеже р. Западная Лица.

Для того чтобы ликвидировать прорыв группировки финских войск в направлении Лахденпохья (северо-западное побережье Ладожского озера), по распоряжению командующего Северным фронтом М.М. Попова¹²³ из курсантов Ленинградского пограничного училища НКВД, расположенного в г. Кексгольме, был сформирован и 2 июля отправлен на фронт курсантский полк, который оборонял участок в районе Мерия (9 км северо-западнее Лахденпохья)¹²⁴.

10 июля главнокомандующий финляндской армии отдал приказ армии, который на следующий день был опубликован в газетах. Маннергейм с пафосом заявлял: «В освободительной войне 1918 г. я заявил карелам Финляндии и Беломорской Карелии, что не вложу своего меча в ножны, прежде чем Финляндия и Восточная Карелия не будут свободны. Я поклялся от имени финской крестьянской армии, доверяя мужеству её воинов и готовности к самопожертвованию женщин Финляндии. Двад-

цать три года Беломорская Карелия и Олонец ждали выполнения этого обещания; полтора года после славной зимней войны обезлюдевшая финская Карелия ожидала утреннего рассвета. Борцы освободительной войны, прославленные мужи Зимней войны, мои отважные солдаты, наступил новый день. Карелия поднимается, в наших рядах маршируют её собственные батальоны. Освобождённая Карелия и великая Финляндия засверкают перед нами в мощном вихре событий мировой истории. Да защитят судьбу народов ведомые Провидением армии Финляндии, исполняя данное мною карельскому племени обещание. Солдаты, земля, на которую вы вступили, святая земля, она пропитана кровью и страданиями нашего племени. Ваши победы освободят Карелию, ваши деяния принесут Финляндии великое, счастливое будущее»¹²⁵.

Правительство было раздосадовано тем, что главнокомандующий, не проконсультировавшись с ним, сделал заявление в духе «Великой Финляндии», что члены кабинета считали излишним. Многим политическим деятелям была непонятна и цель этого приказа.

Перейдя 10 июля в наступление, основные силы финской Карельской армии нанесли два мощных удара – на Петрозаводск и Олонец. Растянутые на широком фронте войска советской 7-й армии не смогли отразить натиск финнов и под их давлением начали отход на восток и юго-восток. К исходу 20 июля боевые действия развернулись на рубеже озёр Большое Кис-Кис и Черкьярви, Емельяновка, Вирда, р. Янисйоки. В целях улучшения оперативного управления войсками в 7-й армии 21 июля были созданы Петрозаводская и Южная оперативные группы (ОГ). Для разгрома ударных финских группировок Карельской армии они, по приказу командующего фронтом, 23 июля нанесли контрудары: Петрозаводская ОГ – в направлении на Лоймолу, а Южная – на Питкяранту и остановили противника. Однако финские войска, сумев своевременно подтянуть свежие резервы, возобновили наступление. К исходу 30 июля, потеснив наши части, они вышли на рубеж Поросозеро, р. Тулокса (25 км северо-западнее Олонца).

31 июля на Карельском перешейке перешла в наступление финская Юго-Восточная армия. Под сильным натиском противника войска советской 23-й армии¹²⁶ начали медленно, от рубежа к рубежу, отходить на юго-восток. Изматывая врага в упорных боях, они к 1 сентября прочно закрепились на линии государственной границы 1939 г. (на рубеже Карельского укрепленного района).

Однако противник, остановленный в конце августа на всех направлениях, не отказался от первоначального замысла захватить советское Заполярье и Карелию. Германское и финское командование значительно усилило союзную группировку. В состав горнострелкового корпуса «Норвегия» влились две свежие дивизии, были пополнены и финские войска. 5-й воздушный флот Германии, действовавший на северном крыле

советско-германского фронта, получил новые истребительные и бомбардировочные авиачасти.

Советская сторона также приняла меры к повышению боевых возможностей своих войск. Учитывая большую разобщённость войск Северного фронта, ведущих военные действия на отдельных операционных направлениях, Ставка ВГК 23 августа 1941 г. разделила его на два фронта – Ленинградский и Карельский. В Карельский фронт включены 7-я и 14-я армии, а также ряд отдельных частей и соединений. Ему был оперативно подчинён Северный флот. Действовавшая на Карельском перешейке 23-я армия вошла в состав Ленинградского фронта.

На Карельский фронт были возложены задачи по надёжному обеспечению северного фланга советско-германского фронта и прикрытию сухопутных и морских коммуникаций в этом районе страны.

В целях определения стратегии военных действий на Востоке 19 июля 1941 г. Гитлер подписал директиву № 33, в которой в ряду прочих ставились задачи и на Финском фронте. Главной задачей финских сил, подкреплённых 165-й немецкой дивизией, по-прежнему оставалось наступление с нанесением главного удара восточнее Ладожского озера и уничтожение во взаимодействии с войсками группы армий «Север» противостоящего противника¹²⁷.

Карельская армия достигла старой государственной границы на северном побережье Ладоги 23 июля, в конце июля началось наступление финских частей на Карельском перешейке.

В дневнике Паасикиви среди июльских записей заслуживают внимания два рассказа: от 14 июля, когда посетителем был Рюти, и от 24 июля, когда своими соображениями делился Таннер. Рюти, ссылаясь на Маннергейма, рассказал, что «русские повсюду оказывают сильное сопротивление», говорил о необходимости «получить лучшую и менее протяжённую границу, поэтому Восточная Карелия для нас важна. Там будет хорошая граница». Он утверждал, что Германия предоставит возможность Финляндии взять «от Восточной Карелии столько, сколько пожелает. Немцы намереваются создать в Петербурге международный торговый город под собственным управлением... Балтийские страны Германия намеревается взять себе, суверенитета не будет. Германия хотела бы, чтобы эстонцы переселились в Финляндию, чтобы Эстония стала целиком немецкой»¹²⁸.

Таннер, высказав неудовлетворённость событиями в Восточной Карелии, сообщил, что Финляндия потеряла в войне «к этому времени павшими и пропавшими 3000 и ранеными 9000, всего 12 000»¹²⁹ и рассказал, что Германия требует разрыва дипломатических отношений с Англией, так как английское посольство в Финляндии занимается шпионажем. Таннер, как и многие финские политики, понимал, что судьба Финляндии зависит от победы или поражения Германии.

Финляндия пытается сохранить лицо

28 июля 1941 г. правительство Финляндии заявило правительству Англии, что считает дипломатические отношения между Финляндией и Англией прерванными.

После того как Советский Союз и правительство Польши в Лондоне заключили между собой соглашение и военный союз, Паасикиви сделал запись в дневнике: «Мы всё глубже втягиваемся в войну великих держав. Наша судьба всё больше зависит от того, как завершится война Германии не только с Советским Союзом, но и с Англией. Наше положение становится всё более запутанным»¹³⁰.

31 июля по требованию Берлина Маннергейм отдал приказ своей Юго-Восточной армии наступать на Ленинград на Карельском перешейке против державшей там оборону 23-й советской армии.

4 августа И.В. Сталин обратился к президенту США Ф.Д. Рузвельту с просьбой о посредничестве в финском вопросе, подчеркнув, что «советское правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии»¹³¹.

Однако финское руководство не спешило заключать перемирие с СССР. В августе и октябре 1941 г. правительство США трижды поднимало перед правительством Финляндии вопрос о прекращении её наступательных действий на советской территории и возможности восстановления мира.

Несмотря на установку финского руководства на продолжение войны, в Финляндии были и те, кто понимал, что война идёт не в пользу Финляндии.

Одним из противников участия Финляндии в войне являлся министр финансов Пеккала, говоривший, что не хочет «нести ответственности за нынешнюю политику. К чему она приведёт, неизвестно». Об этом свидетельствуют не только документы советской разведки, полученные накануне войны, но и записи в дневнике Паасикиви. Так, по данным резидентуры в Хельсинки, Пеккалу поддержали министр социальных дел и министр снабжения¹³².

По мнению Пеккалы, война между Германией и Советским Союзом идёт не так, как предполагали Германия и финляндские сторонники войны. Паасикиви в беседах с Пеккалой обращал внимание на два обстоятельства, которые следует учитывать: русские оказывают гораздо более сильное сопротивление, чем предполагалось, и не слышно о возникших в Советском Союзе восстаниях или других беспорядках¹³³.

Вопрос о неожиданно сильном сопротивлении русских и удивление по поводу того, что на территории СССР пока не возникли восстания, Паасикиви будет неоднократно обсуждать и с другими государственными деятелями Финляндии.

Об этом он говорил, например, 5 августа доктор Руту, который полагал, что Германия, в конце концов проиграет войну Англии и США. Может ли Финляндия каким-нибудь образом выйти из войны при условии, если удовлетворится возвратом того, что утратила по Московскому договору. Паасикиви считал, что дела зашли «настолько далеко и отступить будет трудно. Теперь нужно идти до конца. Похоже, наша судьба связана с судьбой Германии»¹³⁴.

Военные действия продолжались. Планы Гитлера относительно дальнейшего ведения операций на советско-германском фронте не совпадали с планами Главного командования сухопутных сил Германии. 21 августа Гитлер подписал приказ считать главной задачей захват Крыма до наступления зимы. Для переброски дополнительных германских сил в этом стратегическом направлении следовало «окружить Ленинград, соединиться с финнами и уничтожить 5-ю русскую армию, что приведёт к освобождению сил и создаст предпосылки для выполнения задач»¹³⁵.

Положение частей Красной армии ухудшалось. Командующий Ленинградским фронтом М.М. Попов принял решение об отходе советских войск на Карельском перешейке на рубеж бывших укреплений Маннергейма и оставлении города Выборга. 28 августа 1941 г. Берия сообщал, что это решение явилось результатом неумения командования 23-й армии «организовать отпор противнику», а также следование командующего фронтом «по линии наименьшего сопротивления» вместо принятия необходимых мер. Противник «от города Чудово продолжает распространяться по правому берегу реки Волхова в направлении железнодорожной станции Кириши». Создалась прямая угроза занятию противником этой станции, что приведёт к блокированию движения по второй железнодорожной магистрали Ленинград – Москва. Командование Ленинградского фронта «продолжает придерживаться неправильной и преступной линии пассивного сопротивления противнику, в выжидании, когда противник накопит силы и вновь начнёт наступать. Огромное количество предложений об активизации нашей обороны, поступающие от командиров, политработников, не встречают поддержки у командования фронта. Командование фронта заражено одной гнилой идеей, это отход на новые рубежи». Берия считал, что «дальнейшее оставление командующим фронтом генерала-лейтенанта Попова может принести огромный вред делу обороны Ленинграда»¹³⁶.

В этот же день Сталин подписал телеграмму командующему Ленинградским фронтом: «Сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчёт прорывов, обострения положения и прочее». Сталин предупреждал о том, что если Попов не будет ничего делать, не будет требовать от подчинённых, а будет лишь статистом, передающим жалобы командующих армиями, то ему придётся

через несколько дней сдавать Ленинград. Ставка разрешила отвести части с линии Выборга, но вместе с тем было приказано, чтобы части «ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма», запрещено «оголять Лужскую губу и отдавать её противнику»¹³⁷.

31 августа Маннергейм отдал приказ: «Старая государственная граница на перешейке достигнута, нам надо вести борьбу до конца, установив границы, обеспечивающие мир»¹³⁸.

Основные события в сентябре развернулись в полосе 7-й армии, действия которой поддерживали Ладожская и Онежская военные флотилии. 4 сентября финская Карельская армия, усиленная четырьмя пехотными дивизиями и тремя бригадами, возобновила наступление на петрозаводском и олонецком направлениях. Создав большое превосходство в силах и средствах на направлении главного удара, противник быстро прорвал оборону и начал развивать успех в глубину советской территории. Уже 5 сентября 6-й финский армейский корпус захватил г. Олонец, а спустя два дня достиг реки Свирь. Отсюда наступление финских войск повернуло на север. Противнику удалось перерезать Кировскую железную дорогу, форсировать Свирь и в начале октября захватить плацдарм на её южном берегу.

Одновременно 7-й финский армейский корпус нанёс удар на петрозаводском направлении. Однако здесь противник встретил упорное сопротивление советских войск, и его наступление развивалось довольно медленно.

1 сентября в плену у финнов оказался командир 43-й стрелковой дивизии¹³⁹ В.В. Кирпичников¹⁴⁰, который дал свою оценку ходу боевых действий на советско-финляндском фронте. Кирпичников отмечал, что в частях и соединениях Красной армии вместо трезвой оценки обстановки требовалось выполнение указания не отдавать «ни одной пяди земли». Он отмечал, что вместо того чтобы пожертвовать местностью, но взамен своевременно перегруппировать войска на новый, более выгодный тыловой рубеж, продолжались «неграмотные, безнадёжные попытки восстановления положения, пичкались для выполнения этой задачи наспеш сформированные части и отряды». К недостаткам управления войсками Кирпичников отнёс то, что штаб 50-го стрелкового корпуса в полном составе был отозван для формирования армии в Гатчино, и Выборгская группировка осталась без общего управления. В это же время был отозван на новую работу командующий 23-й армией генерал-лейтенант П.С. Пшеников¹⁴¹, и в командование армией вступил командир 19-го ск генерал-лейтенант М.Н. Герасимов¹⁴², который, по мнению Кирпичникова, негативно зарекомендовал себя на посту командира корпуса. Предложение создать единое руководство Выборгской группировкой войск и своевременно выйти на тыловой рубеж с задачей занять более выгодное положение не только не получило одобрение, но и было истолковано как основанное на неверной оценке обстановки и соотношения сил.

Кирпичников изложил свои впечатления о действиях финских частей: «Резко бросается в глаза высокая грамотность, большая продуманность и точность расчётов со стороны финского командования. Удар всегда производился в более уязвимом месте и настолько внезапно, решительно и дерзко, превосходя всякие ожидания. Также отмечается высокий класс всех видов разведки, обеспечивавший правильные решения. Большая выучка войск, прекрасное ориентирование, смелые действия мелких групп, точность и губительность миномётного и артиллерийского огня безукоризненно выполняли точные и глубоко продуманные решения».

Он назвал основные причины катастрофы частей Красной армии: «Гнилой строй не способен создать здоровую и крепкую армию. Наличие безграмотных комиссаров, пользующихся безграничными функциями, связали по рукам и ногам творческую и оперативную мысль командира. Плохая разведка, неправильная оценка обстановки и слишком запоздалые решения, вызываемые обстановкой. Необоснованная огульная переоценка своих сил и явная недооценка и неуважение сил и способностей противоположной стороны. Лишение возможностей командиров по принятию смелых и своевременных маневров живой силой за счёт потери части территорий, на что требуется разрешение главной ставки и что всегда связано с запозданием и провалом. Отсутствие единого руководства соединениями. Незнание действительной обстановки 23-й армией и не желающей знать её точные и правдивые данные, как бы они неприглядно ни выглядели, не воспринимали и осуждались как большая фантазия. Чтоб угодить вкусу военного совета, смотрящего на всё неграмотными розовыми очками, донесение о данной катастрофе должно звучать так: Наши войска в порядке бегут, противник, окружив в панике, уничтожает и преследует их»¹⁴³.

6 сентября, уточняя задачи по дальнейшему наступлению на советско-германском фронте, Гитлер подписал директиву № 35, в которой потребовал, чтобы германские войска на Северо-Восточном фронте совместно с наступающими на Карельском перешейке частями финской Юго-Восточной армии окружили действующие в районе Ленинграда советские части и захватили Шлиссельбург. Не позднее 15 сентября значительная часть войск 1-го воздушного флота должна быть высвобождена для групп армий «Центр». Германские войска во взаимодействии с финнами, используя минные заграждения и артиллерийский огонь, должны блокировать Кронштадт, чтобы воспрепятствовать выходу советских кораблей в Балтийское море. Перед группой армий «Север» ставилась задача прикрытия северного фланга группы армий «Центр», а также продвижение по обе стороны озера Ильмень и соединение с Карельской армией финнов¹⁴⁴.

4 сентября 1941 г. финские войска возобновили наступление восточнее Ладожского озера.

6 сентября Берия сообщил Сталину о телеграмме начальника Особого отдела НКВД Ленинградского фронта П.Т. Куприна¹⁴⁵, который информировал, что «после занятия Териоки некоторые части 23-й армии начали неорганизованный отход. Часть дивизий с боем отошла за пределы старой границы с Финляндией. Другая часть дивизий вышла морем. Противник продолжает активность на старой границе, и особенно в районе Хаапала, где противнику удалось вклиниться за старую границу в направлении Заболотье на 5–8 км. Оборона занята нашими войсками по старой границе с Финляндией». По мнению военной контрразведки, причинами неорганизованного отхода 23-й армии являлись бездеятельность, «недооценка этого участка фронта со стороны штаба фронта и преступное отношение к делу Военного совета 23-й армии»¹⁴⁶.

По данным войсковой и агентурной разведки, противник продолжал «сосредотачивать значительные силы под Ленинградом в районе Тосно, станции Елизаветино и на Карельском перешейке». Военный совет фронта приводил имевшиеся силы в порядок и перегруппировывал их. Вскоре они вышли к реке Свирь и 11 сентября захватили плацдарм на её южном берегу. 8 сентября немецкие войска овладели Шлиссельбургом и блокировали Ленинград с юга. От финских дивизий, находившихся к северу от города, их отделяли всего несколько десятков километров.

Роль Финляндии в войне против СССР постепенно осознали в Лондоне. С конца августа в радиопередачах, ведущихся на Финляндию, стали звучать заявления о том, что Финляндия не может вести частную войну против России, оставаясь при этом вне германо-русской войны. Такая позиция Хельсинки называлась «заблуждением», так как была одна война, и это – война Германии против Англии. Германия напала на Россию только для того, чтобы добиться более выгодного положения для продолжения войны против Англии. Так как Финляндия является союзницей Германии, она участвует и в этой главной войне¹⁴⁷.

Великобритания продолжала попытки оказать давление на Финляндию, используя для этого различные методы. Не имея дипломатических отношений с Финляндией, МИД Великобритании передавал ноты британского правительства через посланника Норвегии в Хельсинки. 20 сентября И.М. Майский, узнав о том, что Британия передала предостережение Финляндии в связи с пересечением границы 1939 г., предложил обнародовать эту ноту. 23 сентября Майский задал А. Идену¹⁴⁸ вопрос, что делать, если Финляндия не ответит на ноту или ответит неудовлетворительно? И сам же дал ответ: «Надо выждать 2–3 дня и объявить войну. Иден согласен»¹⁴⁹.

Лондонское радио 24 сентября сообщило о ноте правительства Англии правительству Финляндии, в которой говорилось о недопустимости

продвижения финской армии по территории Советского Союза за свои прежние границы. В случае дальнейшего наступления Финляндии Англия будет вынуждена занять «враждебную по отношению к Финляндии позицию». Британское правительство подчёркивало, что если Финляндия выведет свои воинские части с территории Советского Союза, то английское правительство будет готово содействовать улучшению отношений между Финляндией и Советским Союзом.

Лондонское радио еще 30 августа сообщило, что финский военный атташе в Вашингтоне заявил, что вступление Финляндии произошло «не под давлением Гитлера и Германии, а по собственной воле. Договора с Германией в отношении войны нет». Финляндия не будет участвовать в захвате Петербурга, а ограничится возвратом территорий, утраченных по Московскому миру¹⁵⁰.

В дневнике Паасикиви имеется запись о встрече в середине сентября с послом Хюниненом, рассказавшим о визите к Молотову после нападения Германии на СССР. Молотов тихим и спокойным голосом сказал, что Советский Союз от Финляндии ничего не требовал, даже Аландов, считая, что в войне Германии с Советским Союзом Финляндия будет нейтральна. Хюнинен привёл слова Молотова: «Если Финляндия вступит в войну против Советского Союза, то народ России этого никогда не забудет, и он может сказать, что этого не забудет и Англия»¹⁵¹.

30 сентября 1941 г. Сталин в ходе встречи с главами делегаций Великобритании и США на Московской конференции представителей трёх держав сказал, что «Финляндия ведёт себя очень дерзко в отношении союзницы Англии – СССР. В начале войны она говорила, что стремится к установлению старых границ, а теперь она ведёт себя как вассал Германии». «Финляндия давно уже перешла свои границы»¹⁵².

После упорных боёв части 7-й отдельной армии оставили Петрозаводск и отошли в северном направлении.

После захвата столицы Карельской АССР финские войска, продолжая наступление вдоль северного побережья Онежского озера, медленно продвигались на Медвежьегорск, преодолевая упорное сопротивление советских частей и соединений. После взятия 5 декабря 1941 г. Медвежьегорска, находившегося на северной оконечности Онежского озера, наступление финских войск остановилось. Это был последний успех финской армии. На всех фронтах в Финляндии началась позиционная война. Примерно 45 тыс. солдат из действующей армии демобилизовали и отпустили домой.

Политическое и военное руководство Финляндии, считая себя освободителями Восточной Карелии, обосновывало её захват тем, что это стало бы хорошим козырем на будущих мирных переговорах. Финнам казалось, что наконец-то идея родства народов обретает реальное во-

площение. В то же время финские политические деятели понимали, что Восточную Карелию можно удержать только в случае если «Германия сможет низвести Россию до положения колонии. Разрезав и ослабив её так, что та не сможет уже ничего предпринять». В противном случае Финляндия едва ли сможет удержать Восточную Карелию. Если Германия потерпит неудачу в войне, как против Советского Союза, так и против Англии, то для Финляндии будет лучший исход, если она получит старые границы 1939 г. Но они понимали, что после английской ноты следует сомневаться, поддержит ли Англия Финляндию на переговорах об окончательном мире.

Именно поэтому 1 октября 1941 г. Паасикиви записал в дневнике: «Только если Германия победит, мы получим Восточную Карелию, если сочтём, что сможем её взять. Если между Германией и Англией наступит затем ничейный мир, после того как Советский Союз будет разгромлен, и так как вес слова Германии больше, чем Англии, мы сможем получить прежние границы 1939 г., потому что Германия сможет тогда поддержать нас гораздо серьёзнее, чем Англия»¹⁵³.

После захвата Петрозаводска Маннергейм издал приказ и направил телеграмму президенту Финляндии: «Сделан большой шаг к гарантии прочного мира и безопасного будущего для нашего народа. [...] Славная армия Карелии [...] увенчала свой победный путь достижением, значение которого будет огромным для истории нашего народа, [...] так как речь идёт о безопасности родины и гарантиях прочного мира для нашего, испытавшего невзгоды, народа». По мнению Паасикиви, «на этом Маннергейм вновь делает политику. Политика Финляндии в современной войне фактически проводится и определяется Маннергеймом»¹⁵⁴.

В ноябре был разработан проект ответа правительства Финляндии на ноты США по поводу заключения мира с СССР. Паасикиви тоже считал, что Финляндии невозможно выйти из войны, к тому же Англия оказалась беспомощной в этой войне и не смогла оказать Советской России эффективную помощь¹⁵⁵.

По оценкам советской разведки, в декабре 1941 г. большинство в финском правительстве поддерживали агрессивную по отношению к СССР политику, всё ещё веря в победу немцев. Рюти полностью ориентировался на немцев. Возвратившись из поездки в Германию, Таннер также стал полностью германским человеком. По мнению разведки, вся власть в Финляндии находилась в руках Маннергейма, Рюти и Таннера. В правительстве только один Пеккала требовал прекращения войны, но с ним не считались. Его поддерживал лишь министр Фагерхольм, но он не имел «никакого веса».

В документах разведки отмечалось, что Пеккала возглавлял оппозицию социал-демократической партии. Из 83 членов социал-демократиче-

ской фракции в сейме только 30 членов являются его сторонниками. Из 9 членов правления социал-демократической партии 6 идут за Таннером, которому «удалось добиться принятия резолюции, одобрявшей политику правительства, несмотря на явное недовольство социал-демократических масс политикой Таннера и несмотря на его критику на недавнем заседании сеймовой фракции»¹⁵⁶.

Против продолжения войны выступала шведская фракция в финском сейме, насчитывавшая 22 человека и предлагавшая создать объединённую группу для оказания давления на правительство.

Оценки советской разведки в отношении Рюти подтверждаются мнением Паасикиви, который считал, что Рюти по-прежнему оставался оптимистом в отношении победы Германии в советско-германской войне, несмотря на то что война «к сожалению, шла не так, как ожидалось». 2/3 германских войск уже перешли на зимние квартиры, а 1/3 защищала передовые позиции. Паасикиви отмечал в своём дневнике: «[...] Черчилль написал Маннергейму частное письмо, в котором утверждал, что Англия не хотела бы объявлять войны, но лояльность по отношению к союзникам вынуждает. Но если Финляндия остановит своё продвижение, то Англия не предпримет никаких действий». Маннергейм ответил, что «нынешние операции нельзя прекратить»¹⁵⁷.

Отказ Финляндии выйти из войны, по мнению советской разведки, объяснялся убеждённостью финского правительства в том, что Англия практически не будет воевать против Финляндии¹⁵⁸.

4 ноября 1941 г. Черчилль сообщил Сталину, что в данный момент Англии не стоит объявлять войну Финляндии, Венгрии и Румынии. По его мнению, речь шла лишь о формальности, поскольку Великобритания применяла в отношении этих стран строжайшую блокаду. Черчилль спрашивал Сталина, если он считает, что объявление войны будет полезно для СССР, то он вновь поставит вопрос перед британским кабинетом министров¹⁵⁹.

11 ноября 1941 г. посол СССР Майский, Черчилль и Иден обсуждали ответ Сталина на послание британского премьера от 4 ноября 1941 г. Сталин писал, что сложилась совершенно недопустимая ситуация в вопросе об объявлении Англией войны Финляндии, Венгрии и Румынии¹⁶⁰. Черчилль с горячностью говорил, что он считал бы такое объявление ошибкой, что Швеция против этого возражает, что Норвегия этим недовольна, что в Финляндии нарастают сильные настроения против продолжения войны и т. д. Майский возразил, что всё это мало убедительно, об антивоенных настроениях Финляндии говорили уже давно, но Финляндия продолжала войну. По мнению Майского, Финляндия зашла так далеко, что для неё не было возврата¹⁶¹.

12 ноября в прессе был опубликован ответ правительства Финляндии на две американские ноты о прекращении войны и заключении мира с

Советским Союзом. Финляндия американские инициативы не поддержала.

Правительство Советского Союза по этому поводу заявило, что СССР не предъявлял несправедливых требований к Финляндии после Московского мира. Если Финляндия продолжит войну, то её ждёт та же судьба, что и Германию. Германские войска находились в Финляндии ещё до начала советско-германской войны, и Гитлер в речи 22 июня 1941 г. сказал, что Финляндия действует совместно с Германией.

Последующие внешнеполитические шаги Финляндии всё дальше толкали её в объятия Германии. 25 ноября Виттинг подписал в Берлине Антикоминтерновский пакт. Это решение уже не могло повлиять на ход войны и свидетельствовало лишь о желании Гитлера теснее привязать к себе Финляндию.

Лондонское радио вело активную пропаганду, стараясь убедить Финляндию закончить войну и заключить мир в границах 1939 г. В ноябре на Лондонском радио всё активнее говорили о том, что открытой войны между Англией и Финляндией не избежать. Интересы России созвучны интересам Англии, а противники России – противники Англии.

Финляндия шла к катастрофе, она сделала такую же ошибку, как и в 1918 г., сделав ставку на Германию и пойдя на союз с ней. К концу 1941 г. отношение США и Англии к Финляндии постепенно ухудшалось, в целом международное положение Финляндии выглядело неблагоприятным.

6 декабря 1941 г., в день независимости Финляндии, Рюти торжественно известил финский парламент о том, что «освобождённые территории воссоединились с республикой». И в этот же день финское руководство и население страны постигло разочарование, когда они узнали, что Англия объявила войну Финляндии.

Начало советского контрнаступления под Москвой в декабре 1941 г. совпало с переходом финской армии к обороне в Восточной Карелии. В декабре финны находились в 30–35 км к северо-западу от Ленинграда; на реке Свирь между Ладожским и Онежским озером; восточнее Медвежьегорска, западнее Ругозера¹⁶². Уже в конце 1941 г., когда советские войска вновь заняли Тихвин и помешали выходу немцев к Свири по южному побережью Ладожского озера, Маннергейм стал сомневаться в победе Германии.

После того как в декабре 1941 г. Япония, Германия и Италия объявили войну США, Финляндия попыталась избежать разрыва отношений с США, так как Вашингтон, помимо Стокгольма, был для Хельсинки неким «спасательным кругом» на Западе.

16 декабря Сталин принял в Москве Идена и предложил ему проекты двух договоров – о военной взаимопомощи и о разрешении послево-

енных проблем. По мнению Сталина, было бы желательным ко второму договору приложить секретный протокол, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны. Сталин заявил, что «Советский Союз считает необходимым восстановление своих границ, как они были в 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 г., Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. [...] Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 г. подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым, ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок». Эти минимальные территориальные изменения в Финляндии должны сопровождаться: а) заключением советско-финляндского пакта о взаимопомощи, с правом СССР держать в течение 20 лет на территории Финляндии ограниченное количество своих войск и б) удалением виновного в нападении на СССР финляндского правительства»¹⁶³.

В конце 1941 г. советская разведка проинформировала Сталина о тяжёлом экономическом положении Финляндии, недостатке продовольствия, снижении количества поставок из Германии хлеба и горючего, что может привести к катастрофическому положению. По оценкам разведки, задолженность Финляндии составляла 30 млрд финских марок, инфляция достигала 40%¹⁶⁴.

Финляндия сделала осознанный выбор между Германией и СССР. Страх перед распространением коммунизма и убеждённость в том, что СССР готовится напасть на Финляндию, толкнули её в объятия Гитлера. Финские политики очень надеялись на победу Германии, в таком случае страна могла занять почётное и безопасное положение в мире, но в то же время они опасались, как бы Финляндия не разделила судьбу Норвегии.

Англия, США и Швеция были за то, чтобы Финляндия заключила мир с СССР и получила не только прежние границы, но и стратегически удобную территорию. В таком случае Англия и США могли гарантировать независимость Финляндии. Однако в Финляндии не доверяли гарантиям Англии и США, считая, что в силу своего географического положения они не могут сдерживать СССР.

Основная причина того, что Финляндия продолжала войну, состояла в том, что внешняя политика Финляндии и Германии в отношении Советского Союза полностью совпадала. И для Финляндии, и для Германии СССР был общим врагом. С точки зрения международного права Финляндия с июня 1941 г. до сентября 1944 г. де факто являлась союзником Гитлера, и военные действия против Советского Союза были начаты в нарушение заключённого 12 марта 1940 г. Московского мирного договора.

Примечания

- ¹Йокиппи М. Финляндия на пути к войне: Исследования о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. / Сокр. авториз. пер. Л.В. Суни. – Петрозаводск, 1999.
- ²Маннинен О. Финская историография советско-финляндской войны 1941–1944 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия: XVII–XX вв. – М., 2006. – С. 334–342.
- ³Там же. – С. 334.
- ⁴Коваленко В.Г. Новейшая финляндская историография о советских военнопленных в Финляндии // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 158–160.
- ⁵Куманев Г.А. Об участии Финляндии в составе фашистского блока в войне против Советского Союза 1941–1944 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия: XVII–XX вв. – М., 2006. – С. 342–371.
- ⁶Барышников Н.И. Финская историография о завершающем периоде войны летом 1944 года // Война. Народ. Победа : Материалы междунар. науч. конф., Москва, 15–16 марта 2005 г. – М., 2008. – С. 398–409.
- ⁷Куманев Г.А. Указ. соч. – С. 342.
- ⁸История Второй мировой войны: 1939–1945: В 12 т. Т. 4 : Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны» – М., 1975.
- ⁹Мягков М.Ю. Советско-финский фронт: 1941–1944 годы // Новая и новейшая история. – 2008. – № 3. – С. 148–181.
- ¹⁰Вторая мировая война : День за днём. / Пер. с нем. – М., 2005.
- ¹¹В результате обозначенных в договоре территориальных уступок Финляндия лишается около 40 тысяч квадратных километров своей территории: Карельского перешейка, включая город Выборг; западного и северного берегов Ладожского озера; ряда островов в Финском заливе, полосы земли в Центральной и Северной Финляндии и богатого рыбными запасами полуострова в северной части Ледовитого океана. Финляндия теряет 10% пахотной земли, 11% лесного массива и 10% своей промышленности. Примерно 500 тысяч человек, большей частью мелкие землевладельцы, вынуждены эвакуироваться с уступленных СССР территорий. См.: Вторая мировая война: День за днём. – М., 2005. – С. 39.
- ¹²Широкопад А.Б. Три войны «Великой Финляндии». – М., 2007.
- ¹³Смирнов А.А. СССР – Финляндия. 1918–1947 гг.: Проблемы границы. – СПб., 2008.
- ¹⁴Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Ч. 1. – М., 2003.
- ¹⁵Юссила О., Хентилиа С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–2009. – М., 2010.
- ¹⁶Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну : 1940–1941 гг. – СПб., 2003.
- ¹⁷Экштут С. Особый есть особый // Родина. – 2010. – № 1. – С. 19.
- ¹⁸Кубаткин Пётр Николаевич (1907–1950), начальник УНКВД Ленинградской области (23.08.41–07.05.43), начальник УНКГБ Ленинградской области (07.05.43–15.06.46).
- ¹⁹Кубаткин П. Происки фашистской разведки в Ленинграде – [Л.], 1942; Он же. Подрывная работа фашистской разведки на Ленинградском фронте. – Л., 1944.
- ²⁰Битва за Ленинград: Сражаясь за свой город, чекисты не жалели жизни // ФСБ : За и против. – 2010. – № 5. – С. 50–53; Седов В.Ф., Степанов О.Н. Ленинградские чекисты в годы Великой Отечественной войны. – СПб., 1995; Ломагин Н.А. Неизвестная блокада : В 2 кн. – СПб., 2002; Разорванная блокада // ФСБ : За и против. – 2010. – № 5. – С. 46–49; Строганов П.П. Щит и меч блокадного Ленинграда. – СПб., 2009; Хохлов Д. Воля к сопротивлению не была сломлена // Звезда. – 2005. – № 9. – С. 177–188; Он же. История оккупации в архивных документах органов государственной безопасности: Лето 1941 – зима 1941/42 г. // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 11. – С. 58–61, 2007. – № 1. – С. 32–37; Чернов С.В. Большой дом без грифа «секретно». – М., 2002.
- ²¹Веригин С.Г. Карелия в годы военных испытаний : Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. – Петрозаводск, 2009; Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы респ. науч.-практич. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. –

Петрозаводск, 2001; Неизвестная Карелия : Документы спецорганов о жизни республики, 1941–1956 гг. – Петрозаводск, 1999; Лайдинен Э.П. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе СССР в 1914–1939 гг.: (По материалам архивов РК). (Автореф. дис.) / Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск, 2000; Органы безопасности Карелии : Ист. очерки, воспоминания, биографии. – Петрозаводск, 2008; Партизанская война в Карелии : Сб. ст. и материалов. – Петрозаводск, 2005; Христофоров В.С. «Попав в плен, я был морально подавлен» : О некоторых политико-правовых аспектах уголовного дела генерал-майора В.В. Кирпичникова // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 7. – С. 28–30, № 9. – С. 27–30; Он же. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии : 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. – 2008. – № 3. – С. 65–72; Он же. Финско-германская военная дружба накануне Второй мировой войны - // Россия и Финляндия в многополярном мире : 1809–2009 : Материалы междунар. рос.-финлянд. науч. конф., 19–22 окт. 2009 г. – Петрозаводск, 2009. – С. 52–54; Чумаков Г.В., Ремизов А.Н. Бригада: История 1-й партизанской бригады Карельского фронта. – Петрозаводск, 2007.

²²Например, архивное следственное дело на Кирпичникова В.В. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490.

²³Великая Отечественная война – день за днем: По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. Т.1. – М., 2008.

²⁴Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики, 1941–1956 гг. – Петрозаводск, 1999.

²⁵Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сб. документов : В 5 т. – М., 1995–2008.

²⁶Секреты Гитлера на столе у Сталина ; Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март-июнь 1941 г. – М., 1995.

²⁷1941 год: Сб. докум. : В 2 кн. – М., 1998.

²⁸Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002–2005.

²⁹Паасикиви Юхо Кусти (1870–1956) – финский государственный деятель. В 1918 и 1944–1946 гг. премьер-министр Финляндии. С 1946 г. президент Финляндии.

³⁰Паасикиви Ю.К. Дневники : Война - продолжение : 11 марта 1941–27 июня 1944. – СПб., 2004.

³¹Войномаа Вяйне Каарле (Валлин; 1869–1947), финский государственный и политический деятель. С 16 ноября по 12 декабря 1938 г. – министр иностранных дел.

³²Войномаа В. Дипломатическая почта. – М., 1984.

³³Рюти Ристо Хейкки (1889–1956) – финский государственный деятель. В 1920-х годах стал одним из лидеров Прогрессивной партии Финляндии; в 1919–1922 и 1927–1929 гг. избирался депутатом парламента. В 1921–1922 и 1922–1924 гг. министр финансов, в 1923–1939 гг. председатель Административного совета Банка Финляндии. В 1940 г. подписал Берлинский пакт, по которому Финляндия приняла обязательство принять участие в боевых действиях против СССР на стороне Германии. После инсульта К. Каллио с начала сентября 1940 г. исполнял обязанности президента страны.

³⁴«Käymme omaa erillistä sotaamme»: Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944. – Helsinki, 2006.

³⁵Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) – финский государственный и военный деятель, барон; фельдмаршал (1933). Окончил Гельсингфорский университет (1887) и Николаевское кавалерийское училище (1889). Главнокомандующий финской армией в войне против СССР в 1939–1940 и 1941–1944 гг. В августе 1944 – марте 1946 гг. – президент Финляндии.

³⁶Маннергейм К.Г. Мемуары. – М., 1999.

³⁷Шмидт П. Переводчик Гитлера. – Смоленск, 2001. – С. 299–304.

³⁸Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Указ. соч. – С. 234–235.

³⁹Вторая мировая война: День за днём. – М., 2005. – С. 59, 109.

⁴⁰Маннергейм К.Г. Указ. соч. – С. 357–358.

⁴¹Вальден Карл Рудольф (1878–1946), генерал пехоты (1942), представитель Маннергейма в государственном совете (1939–1940), министр обороны Финляндии (1940–1944), член Совета обороны (1939–1944).

⁴²Виттинг Рольф (1879–1944) – финский государственный деятель, учёный и дипломат; доктор философии. В 1934–1936 гг. служил в МИД Финляндии. С 27 марта 1940 по 5 марта 1943 гг. министр иностранных дел.

⁴³ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 5. Л. 26–28.

⁴⁴Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. – М., 1998. – С. 30–32.

⁴⁵Там же. – С. 32.

⁴⁶Шмидт П. Указ. соч. – С. 299–304.

⁴⁷Выборы проходили в связи с тем, что прежний президент Финляндии К. Каллио из-за болезни в августе 1940 г. подал в отставку.

⁴⁸ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 5. Л. 23–25.

⁴⁹Рангелль Йохан Вильгельм (1894–1982), финский государственный деятель. В 1941–1943 гг. премьер-министр Финляндии.

⁵⁰Новое правительство Финляндии было сформировано 4 января 1941 г.: министр иностранных дел – Р. Виттинг, министр обороны – К. Вальден, министр финансов – М. Пеккала.

⁵¹Талвела Пааво (1897–1973), финский военный деятель. Генерал пехоты (1966). С 1927 г. – начальник отдела Генерального штаба. Маннергейм считал его приемным сыном. Убежденный националист. За активную политическую деятельность уволен из вооруженных сил. Вернулся в армию в 1939 г., участник Зимней войны. Благодаря его действиям в ходе переговоров с немцами в плане «Барбаросса» для финской армии была предусмотрена активная роль в будущей войне. В июне 1941 г. – командир 4-го корпуса Карельской армии, в 1942 г. – командующий Карельской армией. В 1944 г. – представитель при германском командовании. Эмигрировал. В 1951 г. создал общество памяти Маннергейма.

⁵²Фалькенхорст Николаус фон (1886–1968), немецкий военный деятель. Генерал-полковник (1940). В апреле 1940 г. руководил операцией по захвату Дании и Норвегии, в июле 1940 г. – командующий вермахтом в Норвегии. После начала войны против СССР возглавил операцию «Серебристая лисица». С декабря 1941 г. – командующий армией «Норвегия». В 1944 г. армия выведена из северной Финляндии в Норвегию, расформирована и передана в подчинение 20-й горной армии. С апреля 1945 г. командовал 21-й армией в составе группы армий «Висла». После войны арестован и приговорен британским военным трибуналом к смертной казни, замененной 20-летним сроком заключения В 1953 г. освобожден.

⁵³ЦА ФСБ России. Р-48791. Л. 40–56.

⁵⁴Йокипи М. Указ. соч. – С. 89.

⁵⁵Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Указ. соч. – С. 236.

⁵⁶Йокипи М. Указ. соч. – С. 94–96.

⁵⁷ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 5. Л. 246–251.

⁵⁸История Второй мировой войны, 1939–1945: В 12 т. Т. 4. – М., 1975. – С. 426.

⁵⁹Советский Союз стремился приобрести для себя право на эксплуатацию никелевого рудника Колосъйоки в Петсамо, находившегося с 1934 г. под управлением англо-канадской компании Монд Никель. 23 июня 1940 г. СССР направил Финляндии официальное предложение по этому поводу. Этого же добивалась и Германия. После сложных дипломатических переговоров 24 июля 1940 г. Финляндия договорилась с Германией о том, что последняя получает 60% произведенной на руднике продукции, а СССР – 40%. С конца 1940 г. Германия и СССР приступили к прямым переговорам о никеле, проходившим очень трудно, особенно в январе – феврале 1941 г.

⁶⁰Паасикиви пытался обосновать задержку ответа тем, что в Финляндии правительство сформировано только 4 января. Вышинский отметил, что после 4 января прошло уже 10 дней, а финских предложений по переговорам нет. Одновременно Вышинский заявил о неправомерности действий финской полиции в отношении советского полпреда в Финляндии Зотова.

⁶¹Паасикиви в конце декабря 1940 г. – начале января 1941 г. отправил в Хельсинки пять телеграмм, предлагая продолжить переговоры с СССР по никелю. Он был раздосадован методами работы финского МИД, заявляя, что «если они не будут решать вопросы так, как я указываю, то из Москвы уеду». Паасикиви был вне себя: «У меня больше нет сил бороться против этих глупых людей, которых в составе нашего правительства достаточно. До тех пор пока мы не выгоним из правительства этих глупых людей, мы нашу родину не спасём».

⁶²ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 5. Л. 272–276.

⁶³Орлов Павел Дмитриевич (1904–1989), советский дипломат. В 1939–1941 гг. – заведующий отделом Скандинавских стран НКВД СССР, 1941 г. – полномочный представитель в Финляндии, 1941–1943 гг. – заведующий I Европейским отделом НКВД СССР, 1943–1944 гг. – советник посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне, 1944 г. – заведующий V Европейским отделом НКВД, 1944–1945 гг. – политический советник при председателе Союзной Контрольной Комиссии в Финляндии, 1945–1946 гг. – чрезвычайный и полномочный посланник в Финляндии.

⁶⁴Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953) – руководитель советских органов безопасности; комиссар генерал армии (1945). Нарком госбезопасности СССР (1941, 1943–1946).

⁶⁵ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1520–1524.

⁶⁶Хюнинен Пааво Юхо (1883–1960), финский дипломат. В 1928–1940 гг. – генеральный консул в Ленинграде, Гааге, странах Балтии, 1943–1946 гг. – начальник канцелярии МИД, 1941 г. – и. о. полномочного представителя в СССР, 1946–1953 гг. – посол в Дании, 1957–1958 гг. – министр иностранных дел.

⁶⁷Перед отъездом в Москву Паасикиви говорил, что если ему предложат такой ответ дать Москве, то он всё равно будет говорить то, что он находит нужным и как он этот вопрос понимает.

⁶⁸Речь идёт о бывших военнослужащих 27-го Прусского королевского егерского батальона. Подразделение было укомплектовано финнами-эмигрантами, проживавшими в Германии. В 1915–1918 гг. батальон принимал участие в Первой мировой войне на стороне Германии, затем – в Гражданской войне в на стороне белых. Военнослужащие батальона составили костяк командного состава вооружённых сил Финляндии.

⁶⁹Йокиппи М. Указ. соч. – С. 113–115.

⁷⁰ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 65. Л. 88–89, 105; Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 14. Л. 224–226.

⁷¹УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 38–44.

⁷²ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1522–1523.

⁷³История Второй мировой войны, 1939–1945: Начало войны. Подготовка к агрессии против СССР. В 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 239–240.

⁷⁴Йокиппи М. Указ. соч. – С. 133.

⁷⁵Паасикиви Ю.К. Дневники... С. 31–32.

⁷⁶Йокиппи М. Указ. соч. – С. 139.

⁷⁷ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1187–1189.

⁷⁸Гюнтер Кристиан (1886–1966), шведский дипломат. В 1937–1939 гг. – посланник в Осло; в 1939 – 1945 гг. – министр иностранных дел Швеции. В январе 1940 г., оправдывая помощь вооружением, оказываемую Швецией воюющей против СССР Финляндии, в выступлении в риксдаге заявил: «Дело Финляндии – наше дело». Посол в Риме (1946–1950).

⁷⁹Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 132–133.

⁸⁰Йокиппи М. Указ. соч. – С. 241.

⁸¹Йокиппи М. Указ. соч. – С. 147–148.

⁸²Хейнрикс Аксель Эрик (1890–1965), финский военный деятель. Генерал пехоты (1941). Участник Зимней войны, командовал корпусом, а с февраля 1940 г. – армией «Карельский перешеек». С марта 1940 г. – командующий сухопутными войсками. С мая 1940 г. – начальник Генштаба. С 29 июня 1941 г. – командующий Карельской армией. В 1942–1944 гг. – начальник Генштаба. В январе–апреле 1945 г. командовал силами обороны Финляндии, решая задачу по разгрому немецких войск в Лапландии.

⁸³Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Указ. соч. – С. 238.

⁸⁴Мягков М.Ю. Советско-финский фронт: 1941–1944 годы // Новая и новейшая история. – 2008. – № 3. – С. 149.

⁸⁵Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 82.

⁸⁶Фитин Павел Михайлович (1907–1971) – руководитель советских органов безопасности. Генерал-лейтенант (1945). В органах безопасности с 1938 г. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. – начальник 1-го управления НКГБ СССР. С 31 июля 1941 по 12 мая 1943 гг. – начальник 1-го

управления НКВД СССР. С 12 мая 1943 по 15 июля 1946 гг. – начальник 1-го управления НКГБ–МГБ СССР.

⁸⁷УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 9–14, 22–26, 28–36.

⁸⁸ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1746–1747.

⁸⁹Гальдер Ф. Военный дневник: (Июнь 1941 – сентябрь 1942). – М.; Владимир, 2010. – С. 41–43.

⁹⁰ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1847–1850.

⁹¹ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1851–1852.

⁹²Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 77–79.

⁹³Там же. – С. 83–84.

⁹⁴Войонмаа В. Указ. соч. – С. 30–32

⁹⁵Широкопад А.Б. Указ. соч. – С. 237, 242; Йокиппи М. Указ. соч. – С. 119.

⁹⁶Йокиппи М. Указ. соч. – С. 254.

⁹⁷ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1861–1862.

⁹⁸Эрфурт Вальдемар (1879–1971), немецкий военный деятель. Генерал пехоты (1940). С 1938 г. 5-й оберквартирмейстер Генерального штаба, возглавлял военно-историческую службу сухопутных войск. С 13 июня 1941 г. – представитель при Главной квартире финской армии, фактически при маршале Маннергейме. 13 сентября 1944 г. отозван в Германию и назначен для особых поручений при ОКВ.

⁹⁹Войонмаа В. Указ. соч. – С. 32–33.

¹⁰⁰УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 73. Л. 109.

¹⁰¹Острова в соответствии с Женевской конвенцией 1921 г. и по соглашению с СССР 1940 г. были объявлены демилитаризованной зоной.

¹⁰²По оценкам советских исследователей, военно-морской флот Финляндии на Балтийском море имел 7 кораблей основных классов (2 броненосца береговой обороны и 5 подводных лодок), а также 53 других корабля См.: История Второй мировой войны, 1939–1945... Т. 4... – С. 24.

¹⁰³Советское консульство в Маарианхамине (Аландские острова) было учреждено в октябре 1940 г., закрыто в июне 1941 г., вновь открыто в октябре 1944 г.

¹⁰⁴Великая Отечественная война – день за днем...: – С. 546–547.

¹⁰⁵Широкопад А.Б. Указ. соч. – С. 242.

¹⁰⁶На самолётах имелись опознавательные знак: на белом круге чёрный крест и две буквы латиницей.

¹⁰⁷ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 9. Л. 139–140.

¹⁰⁸Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 94.

¹⁰⁹Йокиппи М. Указ. соч. – С. 235.

¹¹⁰В работе М. Йокиппи подчеркнута: «Молотов в ходе разговора 23 июня 1941 г. ни словом не обмолвился о находившихся в Финляндии немецких войсках, что свидетельствовало о явном стремлении к соглашению, о надежде удержать Финляндию вне войны». См.: Йокиппи М. Указ. соч. – С. 274.

¹¹¹Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 94.

¹¹²Там же. – С. 93–94.

¹¹³ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 9. Л. 172.

¹¹⁴УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 126–130.

¹¹⁵ЦАМО. Ф. 28 (16) Оп. 1071. Д. 1. Л. 39–40.

¹¹⁶ЦАМО. Ф. 28 (16) Оп. 1071. Д. 1. Л. 60.

¹¹⁷После поражения в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. почти десятая часть территории Финляндии с важнейшими месторождениями полезных ископаемых отошла к Советскому Союзу. См.: Вторая мировая война : День за днём... – С. 39.

¹¹⁸УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. № 5. Т. 26. Л. 113–120.

¹¹⁹Гальдер Ф. Указ. соч. – С. 89.

¹²⁰В документе приводились данные о том, что подразделения связи не укомплектованы. Например, 56-й полк связи 23-й армии находился в стадии формирования, которое шло крайне медленно, имелись большие трудности с обеспечением 56-го полка материальной частью, вооружением и начсоставом. На 30 июня 56-й полк связи был обеспечен: автомашинами на

10%; спецмашинами на 11%; мотоциклами на 6%. Начсостава в полку недостаёт 106 человек. Половина личного состава полка была не обмундирована, отсутствовало вооружение. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп 19а. Д. 1. Л. 94–103.

¹²¹Юссилла О., Хентила С., Невакиви Ю. Указ. соч. – С. 241.

¹²²Маннергейм К. Г. Указ. соч. – С. 379.

¹²³Попов Маркиан Михайлович (1902–1969), советский военачальник. Генерал армии (1953). Герой Советского Союза (1965). С января 1941 г. – командующий Ленинградским военным округом. С начала Великой Отечественной войны командовал войсками Северного фронта, с августа 1941 г. – командующий войсками Ленинградского фронта, с ноября 1941 г. – командующий 61-й армией, с июля 1942 г. – 40-й армией, с октября 1942 г. – заместитель командующего войсками Сталинградского, затем Юго-Западного фронтов. С апреля 1943 г. командовал войсками Резервного фронта, затем Степного военного округа, с июня – Брянского фронта. С октября 1943 г. – командующий войсками Прибалтийского, впоследствии 2-го Прибалтийского фронта. С апреля 1944 г. и до конца войны – начальник штаба Ленинградского, 2-го Прибалтийского и вновь Ленинградского фронтов.

¹²⁴4 июня 1941 г. Берия обратился к Сталину с просьбой вернуть курсантов в г. Кексгольм, так как среди них находились 573 выпускника-лейтенанта, предназначенных для укомплектования формирований НКВД. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 30с. Оп. 8. Д. 9. Л. 181.

¹²⁵Цитата из вклеенной в дневник Паасикиви газетной вырезки о приказе Маннергейма № 3 «Miekantuppipäiväkäsäky».

¹²⁶23-я армия сформирована в Ленинградском военном округе по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1113–460сс от 23 апреля 1941 г. На 22 июня 1941 г. перед армией стояла задача прикрытия границы от Выборга до Ристалаhti (западнее Сортавалы), имея соседом справа 168-ю стрелковую дивизию 7-й армии, слева – Балтийский флот. В состав армии входили 5 стрелковых, 1 мотострелковая и 2 танковые дивизии, два укрепленных района. Армия была развернута с целью прикрытия северо-западных подступов к Ленинграду и обороны западного побережья Ладожского озера. Командующие: генерал-лейтенант Пшениников П.С. (25.5.–22.6.1941); генерал-лейтенант Герасимов М.Н. (6.8.–8.9.1941); генерал-лейтенант Черепанов А.И. (9.9.1941–3.7.1944); генерал-лейтенант Швецов В.И. (3.7.1944–9.5.1945).

¹²⁷Великая Отечественная война – день за днём... – С. 547–548.

¹²⁸Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 98–99.

¹²⁹Там же. – С. 100–101.

¹³⁰Там же. – С. 101.

¹³¹Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : В 2 т. – М., 1957. – С. 9.

¹³²ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1850.

¹³³Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 95–96.

¹³⁴Там же. – С. 102.

¹³⁵Великая Отечественная война – день за днём... – С. 551.

¹³⁶ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 209–210.

¹³⁷Мировые войны XX века... Кн. 4 – М., 2005. – С. 227–228.

¹³⁸Барышников Н.И., Барышников В.Н., Фёдоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне. – Л., 1989. – С. 168.

¹³⁹43-я стрелковая дивизия (43-я сд) – тактическое соединение Красной армии. Сформирована в 1920-е годы в Великих Луках как территориальное соединение Ленинградского военного округа. В своём составе имела три стрелковых полка: 129-й, 130-й Богунский и 131-й Таращанский. С 22 июня 1941 по 9 мая 1945 гг. находилась в составе Действующей армии. На начальном этапе войны входила в состав 50-го стрелкового корпуса 23-й армии Северного фронта. Дивизия принимала участие в обороне Ленинграда и освобождении Эстонии. В августе 1941 г. попала в окружение, разрозненно, оставляя матчасти, пробилась к Койвисто, откуда эвакуирована судами Балтийского флота. За боевые заслуги удостоена почетного наименования «Тартуская» (07.09.1944). Завершила боевой путь в составе 67-й армии 3-го Прибалтийского фронта. Командиры: генерал-майор Кирпичников В.В.

(с 05.06.1940 г.); полковник Андреев А.М. (11.09.1941–24.10.1941 гг.); полковник Антонов К.А. (25.10.1941–15.01.1942 гг.); полковник Машошин А.Ф. (16.01.1942–06.05.1942 гг.); генерал-майор Синкевич Я.П. (07.05.1942–26.01.1944 гг.); генерал-майор Борисов П.В. (27.01.1944–09.05.1945 гг.).

¹⁴⁰Кирпичников Владимир Васильевич (1903–1950) – советский военный деятель; генерал-майор. Уроженец Ульяновска. Из семьи кустара. Член ВКП(б) с 1930 г. В Красной армии с 1932 г., командир 43-й стрелковой дивизии 23-й армии Ленинградского фронта. 1 сентября 1941 г. захвачен в плен финскими войсками. В лагере для военнопленных финские власти предлагали Кирпичникову стать «финским Власовым» и возглавить коллаборационистов из числа советских военнопленных. На это предложение Кирпичников ответил категорическим отказом. После выхода Финляндии из войны передан представителям советского военного командования, 28 августа 1950 года Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорён к расстрелу. О судьбе генерала В.В. Кирпичникова см.: Решин А.И., Степанов В.С. Судьбы генеральские // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 10. – С. 32.

¹⁴¹Пшенин Пётр Степанович (1895–1941), советский военачальник. Генерал-лейтенант (1940). С августа 1939 г. – командир 142-й стрелковой дивизии. С апреля 1940 г. – командир 36-го стрелкового корпуса. С мая 1941 г. – командующий 23-й армией. Погиб в бою в районе г. Орла 28 декабря 1941 г.

¹⁴²Герасимов Михаил Никанорович (1894–1962), советский военачальник. Генерал-лейтенант (1940). В годы Великой Отечественной войны командующий 23-й армией Северного фронта (с августа 1941 г.), зам. командующего Калининским фронтом, 1-м Прибалтийским фронтом (с октября 1943 г.), 2-м Прибалтийским фронтом, командующий 3-й ударной армией 2-го Прибалтийского фронта (август–октябрь 1944 г.).

¹⁴³ЦА ФСБ России. Н-20490. Л. 332–335 об.

¹⁴⁴«Великая Отечественная война – день за днём...» – С. 552–553.

¹⁴⁵Куприн Павел Тихонович (1908–1942). Начальник УНКГБ Ленинградской области (28.02–18.07. 1941), начальник ОО НКВД Северного фронта (19.07–23.08. 1941), начальник ОО НКВД Ленинградского фронта (23.08.1941–02.05.1942). Погиб при перелёте из Москвы в Ленинград над Ладожским озером в районе местечка Морье.

¹⁴⁶Особым отделом НКВД Ленинградского фронта для прекращения неорганизованного отхода частей в распоряжение 23-й армии была командирована группа оперативных работников, которая в течение двух дней вместе с командованием задержали свыше 10 тысяч красноармейцев, 5 человек расстреляны на месте, 20 человек арестованы, остальные переданы в распоряжение командования частей. Военным советом Ленинградского фронта был отстранён от должности командующий 23-й армией генерал-майор Герасимов. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 287–288.

¹⁴⁷Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 109.

¹⁴⁸Иден Антони Роберт (1897–1977), британский государственный деятель и дипломат, один из лидеров консервативной партии, член палаты общин, министр по делам доминионов в сентябре 1939 – мае 1940 гг., военный министр в мае–декабре 1940 г., министр иностранных дел в декабре 1940 – июне 1945 гг. Премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.

¹⁴⁹Майский И.М. Дневник дипломата: Лондон. 1934–1943: В 2 кн. Кн. 2. Ч. 2: 22 июня 1941 – 1943 год. – М., 2009. – С. 53.

¹⁵⁰Для того чтобы развеять слухи о заключении Финляндией сепаратного мира с СССР, 14 сентября Таннер выступил в Весе с речью. Он говорил о главных военных целях финской войны, о слухах в отношении сепаратного мира, которые распространялись из Лондона. См.: Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 111.

¹⁵¹Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 116–117.

¹⁵²Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 22

¹⁵³Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 121.

¹⁵⁴Там же. – С. 121.

¹⁵⁵Там же. – С. 127.

¹⁵⁶ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 58–59.

¹⁵⁷Паасикиви Ю.К. Дневники... – С. 132.

¹⁵⁸ЦА ФСБ России. Ф.3 ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 58–60

¹⁵⁹Переписка председателя Совета министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны... Т. 1 : Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли : (Июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – М., 1989. – С. 29–31.

¹⁶⁰Там же. – С. 31–32.

¹⁶¹Майский И.М. Указ. соч. – С. 79–80.

¹⁶²Мягков М.Ю. Указ. соч. – С. 151.

¹⁶³Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941-1945. М., 2004. С. 37-40.

¹⁶⁴ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 59–60.

Болгарский вектор во внешней политике СССР и Германии

Валева Елена Любомировна,
кандидат исторических наук,
Институт славяноведения РАН

Накануне Второй мировой войны внешнеполитическая линия Болгарии характеризовалась нейтралитетом и стремлением к мирной ревизии Неййского договора 1919 г. Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны великих держав, царь Борис III и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке, выжидая, пока не станет очевидным, участие в каком из блоков позволит Болгарии извлечь для себя максимальную выгоду при минимальных потерях. Однако с началом войны стало ясно, что страна, расположенная в районе скрещения интересов могущественных сил, не сможет долго оставаться в стороне от конфликта.

При выработке внешнеполитического курса Болгарии первостепенную роль играл царь Борис III, сосредоточивший к началу 1935 г. в своих руках непосредственное управление страной. Он понимал, что именно национал-социалистическая Германия была носителем тех тенденций в европейской политике, от усиления которых Болгария объективно могла ожидать выполнения своих ревизионистских требований, прежде всего возвращения Южной Добруджи Румынией и получения выхода к Эгейскому морю от Греции. Тем не менее осторожный царь Борис пытался избежать рискованного одностороннего выбора. Решение своих территориальных проблем Болгария стремилась искать в договорённости с несколькими великими державами. Большие надежды в этом плане болгарский монарх возлагал на заключённый 23 августа 1939 г. советско-германский пакт о ненападении.

Уже в мае 1939 г. Болгария выступила посредником намечавшегося советско-германского сближения. Болгарский посланник в Берлине П.Д. Драганов сообщил временному поверенному в делах СССР в Германии Г.А. Астахову, что статс-секретарь министерства иностранных дел Третьего рейха Э. фон Вайцзеккер обратился к нему с просьбой передать Астахову, что Германия готова к политическим и экономическим пере-

говорам с СССР¹. Месяцем позже к посредничеству Драганова прибегла уже советская сторона, чтобы передать германскому МИДу условия советско-германского соглашения. Драганов сообщил 15 июня 1939 г. заместителю статс-секретаря МИДа Германии К. Э. Вёрману о позиции Москвы: если Германия сделает заявление, что она не нападёт на СССР, или если она заключит с ним пакт о ненападении, то Советский Союз откажется от заключения договора с Англией. При этом Драганов дал Вёрману понять, что Болгария проявляет большую заинтересованность в германо-советском пакте и в связанной с ним уступке Бессарабии Советскому Союзу². В заключении подобного пакта болгарское правительство видело весьма благоприятное для себя решение, предоставлявшее возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по мнению болгарских властей, зависело разрешение территориальных вопросов Болгарии.

Исследователи, в той ли иной мере касавшиеся вопроса о восприятии в Болгарии советско-германского пакта, единодушны в признании того, что пакт был встречен одобрительно как широкими народными массами, так и прогермански настроенным правительством Г.И. Кыосеиванова³. Последний выразил своё удовлетворение этим событием перед германским посланником в Софии: «Заключение советско-германского пакта убедило также прежних противников "шагания в ногу" Болгарии с Германией в правильности политики болгарского правительства. Вся страна восприняла пакт с радостью и большим облегчением»⁴. Кыосеиванов высказал надежду, что теперь и Турция пересмотрит свою политику. Немецкие наблюдатели также сообщали в своих донесениях из Софии, что советско-германский договор был воспринят болгарским населением восторженно, многие отмечали это событие как праздник, как успех Болгарии⁵.

Посланник Болгарии в СССР Н. Антонов 4 сентября в беседе с заместителем наркома иностранных дел В.Г. Деканозовым выразил уверенность, что после заключения пакта «советско-болгарские отношения ещё более улучшатся, ибо если раньше было некоторое недоверие между народами Болгарии и СССР, то теперь его уже быть не может»⁶.

Действительно, с лета 1939 г. параллельно с усилением прогерманской ориентации Болгарии наблюдается заметное улучшение её отношений с СССР⁷. Продолжительный застой, наступивший практически сразу после восстановления дипломатических отношений между Болгарией и СССР в 1934 г., не был случайным. Он объяснялся слабым интересом, который Советская Россия проявляла к Балканам вообще и к Болгарии в частности, а также общим антиревизионистским направлением советской внешней политики. Москва полагала, что дружба с Турцией обеспечивает ей привилегированное положение в Чёрном море и проливах. Между тем политическая ситуация в Европе развивалась таким образом, что советскому руководству пришлось пересмотреть свои внешнеполитические постулаты.

Ещё на конференции в Монтрё в 1936 г. СССР понял, что уже не может рассчитывать на турецкую гарантию в отношении Дарданелл, поскольку после итало-абиссинской войны Турция стала открыто ориентироваться на Англию. Это не могло понравиться советскому правительству, так как возможный англо-турецкий союз неблагоприятно отражался на равновесии сил на Ближнем Востоке и автоматически выдвигал на передний план вопрос о черноморских проливах. В конце апреля 1939 г. в Анкару был послан заместитель наркома иностранных дел В.П. Потёмкин с целью выяснить намерения турецкого правительства как в отношении Германии, так и в отношении Англии и Франции. На пути в Турцию и при возвращении в Москву Потёмкин останавливался в Софии и имел встречи с царем Борисом III и Г.И. Кыосеивановым. Во время бесед с ними были затронуты интересующие обе стороны вопросы. В донесении Н. Антонова Кыосеиванову от 14 мая излагалась позиция Потёмкина (и, соответственно, советского правительства): он безоговорочно поддерживает болгарское требование немедленного возвращения Южной Добруджи, отошедшей по Неййскому договору 1919 г. к Румынии, а что касается Западной Фракии и районов на западной границе с Югославией, которые после Первой мировой войны перешли, соответственно, к Греции и Югославии, то решение о возвращении этих территорий откладывается на более поздний срок. При этом Потёмкин высказал надежду, что Болгария не выступит в случае конфликта на Балканах на стороне Германии или Италии⁸. Потёмкин выразил Антонову своё удовлетворение приёмом, который ему был оказан в Софии. Особенно он был удивлён «проявленными народными симпатиями, что показывает, подчеркнул Антонов, что он не знает нашей страны, как, впрочем, её не знает и никто из руководителей советского режима»⁹.

Посещение Потёмкиным Софии свидетельствовало о том, что в связи с изменением внешнеполитической ориентации Турции и создавшимся новым соотношением сил в Средиземноморском бассейне Кремль начал проявлять повышенный интерес к Болгарии, которая в силу своего географического положения и исторических связей с русским народом могла бы сыграть значительную роль в балканской политике Советского Союза.

Ярким проявлением этой перемены в отношениях СССР и Болгарии был приём группы депутатов болгарского парламента в Москве в августе 1939 г.¹⁰ Болгарская делегация, официально прибывшая для посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, имела встречи с видными советскими государственными деятелями, а 9 августа была принята в Кремле В.М. Молотовым. Имевшая место почти трёхчасовая беседа представляет значительный интерес для прояснения советской политики в отношении Болгарии. Центральным вопросом на встрече стала внешнеполитическая ориентация Болгарии как на текущий момент, так и в будущем. На дважды заданный Молотовым вопрос, не взяла ли Болгария

на себя каких-либо внешнеполитических обязательств, председатель комиссии по иностранным делам Народного собрания Г. Говедаров дал категоричный ответ: «Болгария внешнеполитически ни с кем не связана и строго следует линии лояльного, эффективного и исчерпывающего нейтралитета. В Берлине шеф болгарского правительства г-н Кьосеиванов¹¹ не принял никаких обязательств, ни военных, ни политических»¹². Не вполне удовлетворённый этим ответом, присутствовавший на встрече В.Г. Деканозов попросил Говедарова пояснить: «Что означает в сущности ваш строгий лояльный и эффективный нейтралитет? Нейтралитет, но до каких пор? После – где и с кем вы будете?»¹³ Говедаров вынужден был дать разъяснение, которое плохо прикрывало слабые стороны внешнеполитической линии Болгарии: «Болгария не имеет ни права, ни возможности отказаться от нейтралитета, не подвергая себя смертельному риску. Вы слышали о больших трудностях Болгарии. Знаете о хозяйственных связях и зависимости Болгарии сегодня. Любой неправильный и поспешный шаг легко приведёт к хозяйственной катастрофе нашего крестьянина и нашу национальную экономику»¹⁴. Таким образом, Говедарову не удалось скрыть того факта, что болгарский нейтралитет находится в экономической зависимости от Германии. Это не ускользнуло от внимания Деканозова, который довольно жёстко заметил, что события заставят Болгарию определиться.

На встрече был поднят и больной для Болгарии вопрос о ревизии Неййского мирного договора. Молотов категорично высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи, а также, хоть и в более сдержанной форме, за обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю. Подчеркнув, что Советский Союз желает, чтобы на Балканах существовала сильная Болгария, и что он готов оказать ей всяческое содействие, Молотов в то же время предупредил, что «если кто-то в Софии думает открыть дорогу на Цариград немцам и итальянцам, то пусть знает, что натолкнётся на решительное противодействие Советского Союза»¹⁵. С этой оговоркой Молотов пообещал Болгарии как экономическое, так и политическое содействие и сказал, что необходимо заключить торговое соглашение.

В своём пространном донесении в МИД болгарский посланник в Москве Н. Антонов, подводя итоги посещения делегации Народного собрания, справедливо отмечал, что международная ситуация складывается так, что Советский Союз заинтересован теперь в заключении соглашения с Болгарией. Оно необходимо прежде всего чтобы помешать сотрудничеству Болгарии с Германией и Италией в зоне, имеющей жизненно важное значение для СССР. Поэтому посещение болгарской делегации не останется без результатов, первым из которых будет заключение торгового договора, который Москва подпишет «по чисто политическим, а совсем не по экономическим соображениям». Но что ещё важнее – это стрем-

ление Москвы сделать Болгарию своим союзником, добиться гарантии, что Болгария ни в коем случае не окажется в стане врагов СССР. Если авансы Москвы будут отвергнуты, предупреждал Антонов, то может возникнуть острая реакция, которая даст «свободный ход всем турецким и румынским интригам против Болгарии». Чтобы предотвратить эту опасность, Антонов советовал, «не поддерживая официально союзнический темп [...], поддерживать разговоры [...]. И поскольку речь идёт о чисто моральной гарантии, не могли ли бы мы заключить эвентуально пакт о вечной дружбе, какой мы уже имеем с Югославией и Турцией и который, полностью успокоив Советский Союз, ни к чему конкретному нас не обяжет?»¹⁶.

Дальнейшее развитие событий подтвердило новый курс советской политики на Балканах. Пакт о ненападении с Германией, а затем – в ещё большей мере – советско-германский договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г. лишили смысла важный советский внешнеполитический постулат борьбу «против агрессора». Одновременно не мог не исчезнуть и антиревизионизм советской политики. В этом свете надо рассматривать и начавшуюся с Турцией дискуссию о безопасности СССР в Чёрном море и Дарданеллах. Именно тогда советское правительство, проявляя повышенный интерес к Болгарии, выразило желание придать отношениям между двумя странами солидную договорную базу. При этом предпочтение оно отдавало договору о политическом сотрудничестве или пакту о взаимной помощи. В сентябре 1939 г. болгарское правительство, обеспокоенное сообщениями о предстоящих действиях англо-французского блока на Балканах и против Болгарии, решило прозондировать вопрос о возможной помощи со стороны Советского Союза. 19 сентября Антонов встретился для этого с Деканозовым, а на следующий день – с Молотовым. Нарком высказался в том ключе, что советское правительство может оказать воздействие на Турцию, но оно желает знать точно, чего именно хочет Болгария: хочет ли она сближения с СССР или нет. Когда же Антонов дал положительный ответ, Молотов предложил заключить договор о взаимной помощи¹⁷.

Однако подобное развитие событий не входило в планы болгарских властей. Поскольку София затягивала с ответом на предложение Молотова, 12 октября Антонов был вызван в Наркоминдел, где Деканозов обвинил болгарское правительство в нежелании сближения с СССР¹⁸. Царь Борис, приняв в принципе решение отказаться от предложенного договора, был обеспокоен главным образом тем, чтобы этот отказ не был дан в пренебрежительной форме и не имел бы в качестве последствия охлаждения Москвы к Болгарии. Во время встречи нового советского полпреда в Софии А.И. Лаврентьева с Г.И. Кьосеивановым, состоявшейся 3 ноября 1939 г., болгарский премьер вынужден был давать пространные, но противоречивые и неопределённые объяснения. Его положе-

ние действительно было незавидным: ведь болгарское правительство само обратилось к Советскому Союзу за помощью в случае нападения на Болгарию и теперь само же ищет способ отклонить предлагаемый пакт о взаимопомощи. Основные возражения Кюсеиванова против заключения пакта сводились к следующему: болгарскому правительству неизвестно, что конкретно имел в виду Молотов, когда говорил о пакте; заключение договора о взаимопомощи в данный момент может ускорить войну на Балканах и в первую очередь вызвать нападение со стороны Турции и Англии на Болгарию; СССР и Болгария могли бы оказывать друг другу помощь и без подобного политического договора. По мнению Кюсеиванова, следовало бы начать с заключения торгового договора, соглашения о мореплавании и воздушном сообщении, а также конвенции о культурной связи¹⁹.

12 ноября 1939 г. Молотов направил Лаврентьеву телеграмму, в которой признавал: «Пожалуй, болгары правы, говоря об опасностях для Болгарии, связанных в данный момент с заключением пакта взаимопомощи. Что же, можно с этим подождать. Что касается авиационного соглашения, а также торговли, то считаем возможным заключить авиационное соглашение и рассмотреть благоприятно торговые вопросы»²⁰ (проект соглашения «Об установлении регулярного воздушного сообщения между СССР и Болгарией» был разработан НКВД ещё в сентябре 1939 г.²¹). «Во всяком случае, – говорилось далее в телеграмме, – можно секретно сказать Кюсеиванову, что если болгары попадут в какую-либо беду, то они могут рассчитывать на то, что Советский Союз не покинет их и, при желании болгар, будет готов оказать им эффективную помощь»²². Через день Лаврентьев посетил Кюсеиванова и сделал заявление согласно указанию Молотова. В ответ болгарский премьер выразил от имени своего правительства благодарность и «искреннюю преданность за доверие», а также готовность немедленно подписать соглашение о воздушном сообщении и приступить к торговым переговорам²³.

В конце ноября 1939 г. в Москву был направлен начальник военно-воздушных сил Болгарии полковник В.Т. Бойдев для ведения переговоров о заключении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Софией и о закупке Болгарией советских самолётов. Однако в Москве заговорили не только об этом, но и о возможности создания в Болгарии советской воздушной базы и даже о праве прохода советских войск через болгарскую территорию в случае возможного конфликта с Турцией²⁴. На это царь Борис пойти не мог. Своими тревогами он поделился 4 декабря с послом Германии Г. фон Рихтгофеном: «... Что делать Болгарии, если Россия вновь вернётся к вопросу о пакте о взаимной помощи и чего доброго, потребует предоставления воздушных и морских баз в Болгарии против Турции? Что думают об этом в Берлине? Останется ли Германия безучастной в случае возможных действий русских на Балканах?»²⁵. Царь

открыто поставил вопрос, как оценивает германское правительство положение Болгарии²⁶. На это статс-секретарь МИД Германии Э. фон Вайцзеккер 15 декабря направил Г. фон Рихтгофену указание сообщить царю Борису, что Германия не даёт категоричного совета отказаться от советского предложения о пакте, но предлагает средствами дипломатического языка сформулировать отрицательное мнение по вопросу заключения болгаро-советского пакта²⁷.

Представляет интерес относящееся к этому времени донесение Н. Антонова в болгарский МИД о посещении им Деканозова 13 декабря 1939 г.: «Весьма неохотно, но всё же положительно Деканозов мне заявил, что они входят в наше положение и, хотя желали бы большего, принимают позицию Болгарии как основу для болгаро-советского сотрудничества в надежде, что события, которые развиваются с ошеломляющей скоростью, сделают завтра возможным то, что сегодня для нас невозможно»²⁸.

В последние дни декабря начались и переговоры о торговом договоре и клиринговом соглашении между двумя странами. 5 января 1940 г. они были завершены. Это было успехом как для болгар, так и для СССР. Советский Союз, международный престиж которого был в этот период подорван в связи с войной с Финляндией, получил возможность продемонстрировать мирную и конструктивную политику. Но главное – советское правительство надеялось с помощью этих договоров прочнее привязать к себе Болгарию. Как писал ещё в октябре 1939 г. временный поверенный в делах СССР в Софии Н.И. Прасолов, «если мы свяжем Болгарию экономическими узами, то несомненно мы сможем оказывать влияние и на её политическую жизнь»²⁹. Для экономики Болгарии, испытывавшей огромные трудности и имевшей в качестве торгового партнёра практически одну Германию, торговый договор с СССР, к тому же на крайне выгодных для неё условиях, имел колоссальное значение.

Успешное развитие экономических отношений между СССР и Болгарией благотворно сказалось и на культурных связях между двумя странами. Советский Союз получил возможность широкой культурной пропаганды в Болгарии посредством распространения научной и художественной литературы, газет и журналов. В Софии и Варне были открыты магазины по продаже советской книги. В кинотеатрах с огромным успехом демонстрировались советские фильмы. Шире развернули свою деятельность общества болгаро-советской дружбы. Всё это способствовало росту среди болгарской общественности симпатий к СССР.

Новый болгарский посланник в Москве Т. Христов (Антонов был отозван из-за чрезмерного, с точки зрения болгарского правительства, русофильства) сообщил в апреле 1940 г. новому министру иностранных дел И.В. Попову, что в Советском Союзе «интерес к Болгарии постоянен и настроение по отношению к нам продолжает быть благоприятным». Ставя вопрос, следует ли работать в направлении расширения и углу-

бления отношений с СССР, Христов высказывал вместе с тем собственное мнение: «Полагаю, что в интересах нашей страны будет сохранять нынешнюю базу (подчёркнуто в документе. – Е.В.) болгаро-советских отношений и избегать и впредь какого-либо политически связывающего нас с Союзом Советских Социалистических Республик договора. Такое поведение диктуется нам как нестабильным положением в Европе, так и невыясненными ещё тенденциями советской внешней политики»³⁰.

Таким образом, в конце 1939 – начале 1940 гг. Болгария придерживалась линии на сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, без заключения политических договорных обязательств в виде пакта о взаимной помощи.

В отношениях с Германией Болгария и после начала войны продолжала «шагать в ногу» и согласовывать с ней свои важные внешнеполитические действия. В этот период (до весны 1940 г.) Германия ещё не проявляет той чрезвычайной политической активности на Балканах, которую она развернёт немного позже, и её пока вполне устраивает прогерманский нейтралитет Болгарии и теснейшие экономические связи между двумя странами. К 1939 г. Германия заняла исключительное место в болгарской внешней торговле. Она не только закупала большую часть продуктов болгарского земледелия, но и проникла очень глубоко в болгарскую экономику³¹. Вывоз зерна и продуктов (к тому же в ущерб внутреннему рынку и потреблению) на основе клиринга лишал Болгарию возможности иметь свободную валюту. Всесторонняя зависимость болгарского производства и болгарского рынка от Германии была результатом не только экономической экспансии рейха и его политического нажима, не только неправильных действий болгарской торговой политики, но и пассивности хозяйственной политики других крупных индустриальных стран (в том числе и СССР – до начала 1940 г.). Об этом говорил ещё в июле 1939 г. Н. Антонов В.П. Потёмкину: «Болгарскому правительству нельзя не считаться с Германией. Достаточно напомнить, что 80 % болгарского экспорта идёт в Германию. Конечно, экономическая зависимость Болгарии от одной страны представляется для болгарского правительства стеснительной и нежелательной. Однако вместе с тем она является прискорбной необходимостью, ибо ни Англия, ни Франция, ни Советский Союз не проявляют никакого желания экономически поддерживать Болгарию – хотя бы путём закупки более или менее значительной части её продукции, предназначенной для экспорта»³². В итоге страна действительно оказалась в трудном положении.

В обстановке международной нестабильности и неопределённости, а также острой политической борьбы внутри страны Борис III решает окончательно монополизировать решение вопросов внешней политики. С этой целью он распускает ненадёжный с его точки зрения парламент – рассадник различных политических настроений, а также избавляется

от премьер-министра Кюсеиванова, который стал вызывать недоверие царя. Состоявшиеся в декабре 1939 – январе 1940 гг. выборы в Народное собрание 25-го созыва принесли впечатляющую победу правительству. В феврале Борис III назначил премьер-министром профессора археологии Б.Д. Филова, известного своими прогерманскими взглядами. Усиление прогерманского крыла в Народном собрании и в правительстве, дальнейшее расширение торговли с Германией, увеличение германских поставок болгарской армии – всё это в условиях разгорающейся войны делало официально неизменную линию болгарского нейтралитета более уязвимой. Правда, надежда, что Германия удовлетворится благосклонным к ней нейтралитетом Болгарии и не заставит её участвовать в военных действиях (как это было в случае с Испанией), пока не покидала царя Бориса, так же как и надежда, что болгарские национальные требования будут удовлетворены мирным путём.

Поэтому, когда в июне 1940 г. Франция – гарант Румынии и Греции – терпит сокрушительное поражение, а Советский Союз в это же время предпринимает меры по присоединению Бессарабии и Северной Буковины, болгарское правительство решает, что наступило время сдвинуть с мёртвой точки добруджанскую проблему. Болгарская дипломатия ещё с апреля начала подготовительную кампанию за возвращение Южной Добруджи. Кампания была встречена великими державами благосклонно. Неожиданно не только СССР, но и Германия, Англия, Италия и даже США проявили заинтересованность в приписывании себе заслуги возможного мирного разрешения болгаро-румынского спора. Однако факты свидетельствуют о том, что с самого начала болгарское правительство решило искать поддержку своих требований главным образом у Германии. Это было доминантой во всей дипломатической деятельности Болгарии летом 1940 г. При этом неизменно присутствовал следующий аргумент: Южную Добруджу Болгария должна получить при решительном содействии Германии, в противном случае свои политические дивиденды извлекут Советский Союз и коммунисты внутри самой Болгарии.

Ещё в июне 1940 г. царь Борис III предупредил германского посланника Г. фон Рихтгофена, что после занятия Бессарабии Советским Союзом в Болгарии непременно начнутся массовые выступления за возвращение Добруджи. Напомнив ему об активности болгарских коммунистов, царь заметил, что положение станет невыносимым, если Болгария не получит хотя бы обещание (*Wechsel*) со стороны Германии. Это может породить опасность «насильственного переворота, который в будущем приведёт к установлению тесных связей с Москвой»³³. Тогда уже новый режим в Болгарии получит Южную Добруджу от Советского Союза. Царь же предпочитает получить её из рук Германии.

26 июля Гитлер и Риббентроп пригласили в Зальцбург румынских премьер-министра И. Джигурту и министра иностранных дел М. Маню-

илеску. В условиях военной мощи Германии летом 1940 г. и сложного положения Румынии, находившейся в конфликте с СССР из-за Бессарабии, предложение А. Гитлера румынскому правительству урегулировать добруджанский вопрос было равносильно приказу. 19 августа 1940 г. начались румыно-болгарские переговоры, завершившиеся 7 сентября 1940 г. подписанием в Крайове договора, по которому Южная Добруджа в границах 1913 г. была возвращена Болгарии. Ликованию болгарского народа не было предела. Одна из несправедливостей Неййского договора, наконец, ликвидирована. Крайовское соглашение было, пожалуй, единственным международным договором, подписанным во время Второй мировой войны, который получил признание и одобрение со стороны всех великих держав, независимо от того, к какому из воюющих блоков они принадлежали.

Ориентация в вопросе о поддержке требования в отношении Добруджи являлась по существу и ориентацией всей внешней политики Болгарии в этот период. Постепенный дрейф в сторону Германии усилился. Это была большая психологическая и дипломатическая победа держав оси. Огромная часть болгарского населения была убеждена, что Добруджу удалось вернуть только благодаря помощи рейха. Улицы в Софии были переименованы в честь А. Гитлера и Б. Муссолини.

То, что «медовый месяц» германо-советской «дружбы» подходит к концу, Москве стало ясно уже летом – осенью 1940 г. Внешнеполитические действия Берлина в этот период – Венский арбитраж, подписание Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией, вступление германских войск в Румынию – являлись, с точки зрения Москвы, нарушением условий советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. С этого времени начинается быстрая эскалация советско-германских противоречий на Балканах. Германия и СССР являются к этому времени главными международными факторами на Балканском полуострове. Важнейшим оружием Германии в дипломатической и политической борьбе за внешнеполитическую ориентацию балканских стран стал заключённый 27 сентября 1940 г. Тройственный пакт. Сразу же после подписания пакта Гитлер начал активно добиваться присоединения к нему ряда государств. 16 октября предложение подписать пакт было сделано и Болгарии, причём в ультимативной форме³⁴.

Тактика лавирования, избранная царём Борисом, оказалась подвергнута серьёзному испытанию. По-прежнему надеясь, что удовлетворение территориальных притязаний Болгарии может произойти без утраты ею нейтралитета, Борис пишет 22 октября личное письмо Гитлеру, в котором высказывает мнение, что в настоящий момент присоединение Болгарии к пакту было бы преждевременным и опасным, поскольку существует угроза нападения со стороны Турции и Греции, а Болгария совершенно не подготовлена в военном отношении. Царь предлагал фюреру ещё раз

обсудить, «безусловно ли необходимо изменение проводившейся до сих пор недвусмысленной и хладнокровной политики Болгарии, которая по сей день держит под угрозой наших и Ваших врагов. Это имело бы последствием немедленное израсходование наших скромных сил, не говоря о том, что полная мобилизация привела бы к застою в хозяйственной жизни и производстве страны»³⁵. Этим письмом Борис начал свою ловкую тактику затягивания дела, которую ему удалось продолжить до марта 1941 г.

С письмом Бориса III в Берлин направляется царский советник Б. Морфов. Однако А. Гитлер демонстративно отказывается его принять и письмо вручается статс-секретарю Э. фон Вайцзеккеру. Спустя несколько дней Вайцзеккер заявляет болгарскому посланнику в Берлине П.Д. Драганову, что И. фон Риббентроп настаивает на присоединении Болгарии к пакту и даёт болгарскому правительству на размышление ещё несколько дней. Драганов в разговоре с госсекретарём подчеркнул, что царь, как и прежде, придерживается «последовательной прогерманской политики, хотя на неё и наброшена мантия нейтралитета»³⁶. Письмо царя якобы вовсе не содержит отказа присоединиться к пакту, но содержит предложение прислать для обсуждения этих вопросов болгарских премьер-министра и министра иностранных дел.

Тем временем начавшаяся в конце октября 1940 г. итало-греческая война развивается неожиданным образом: следует контрнаступление греческой армии. Германия вынуждена прийти на помощь своему союзнику. В директиве Главного штаба германских вооружённых сил предусматривается оккупация Северной Греции немецкими войсками и их прохождение в случае необходимости через территорию Болгарии. В связи с этими планами возобновляется натиск германской дипломатии на Болгарию. После безрезультатной беседы Риббентропа с Драгановым 14 ноября германское министерство иностранных дел приглашает царя Бориса на встречу с Гитлером. Вместе с министром иностранных дел И.В. Поповым болгарский монарх тайно вылетает 17 ноября 1940 г. в Берхтесгаден, где находилась резиденция фюрера.

Этот визит состоялся спустя несколько дней после другого, более известного в истории визита – переговоров В.М. Молотова в Берлине 12–13 ноября 1940 г. Как известно, основное внимание на переговорах Молотова было обращено на Юго-Восточную Европу и, в частности, на Болгарию, тесно связанную с проблемой черноморских проливов.

Директивы, которые В.М. Молотов получил от И.В. Сталина перед поездкой, а также телеграммы, которыми они обменивались во время пребывания Молотова в Берлине, детально раскрывают цели и расчёты советской политики. Так, один из пунктов сталинской директивы гласил: «Болгария – главный вопрос переговоров, должна быть, по договорённости с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той

основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию»³⁷. Ещё более откровенно геополитические интересы СССР раскрыты в телеграмме Сталина Молотову от 13 ноября, в которой подчёркивалось, что «безопасность черноморских районов СССР нельзя считать обеспеченной без урегулирования вопроса о проливах. Поэтому заинтересованность СССР в Чёрном море есть вопрос обороны берегов СССР и обеспечения его безопасности. С этим органически связан вопрос о гарантировании Болгарии со стороны СССР, ибо обеспечение спокойствия в районе проливов невозможно без договорённости с Болгарией о пропуске советских войск для защиты входов в Чёрное море»³⁸. В другой телеграмме, направленной Молотову в тот же день, Сталин уточнял, что мирное разрешение вопроса о проливах «не будет реальным без нашей гарантии Болгарии [и] пропуска наших войск в Болгарию как средства давления на Турцию». В ответной телеграмме Молотов писал: «Вашу телеграмму с разъяснениями о Чёрном море получил. Сейчас иду на завтрак и на беседу с Гитлером. Нажму на Чёрное море, проливы и Болгарию»³⁹. Размещение советских войск в Болгарии становилось основным вопросом безопасности Советского Союза в районе черноморских проливов.

В ходе переговоров Молотов неоднократно поднимал вопрос о советских гарантиях Болгарии и заверял, что СССР ни в коем случае не хочет вмешиваться во внутренний порядок страны. Когда же Молотов поставил перед фюрером вопрос, какую позицию займёт Германия в случае предоставления Болгарии советской гарантии, подобной той, что Германия и Италия предоставили Румынии, Гитлер, в свою очередь, поинтересовался, просила ли Болгария Москву о таких гарантиях, как Румыния просила об этом Германию. Молотов ответил уклончиво, дав понять, что он не требует от фюрера окончательного ответа, а только просит высказать своё предварительное мнение. Гитлер же возразил на это, что он не может изложить свою позицию, не переговорив предварительно с Муссолини⁴⁰.

В последний день переговоров, 13 ноября, на встрече Молотова с Риббентропом германский министр сделал предложение Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту, обрисовав перспективы сотрудничества СССР с державами оси. Молотов ответил уклончиво, однако спустя две недели, 25 ноября 1940 г., германскому послу в Москве Г. фон дер Шуленбургу было сообщено, что СССР готов на определённых условиях положительно рассмотреть вопрос о присоединении к Тройственному пакту. Молотов передал Шуленбургу приложение, в котором излагались эти условия. Среди них было следующее: «Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путём заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организация военной и военно морской базы СССР в рай-

оне Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды»⁴¹. В приложении предлагалось также составить 5 секретных протоколов. Один из них касался признания того, что Болгария находится в сфере безопасности СССР, в связи с чем считается необходимым заключение советско-болгарского пакта о взаимопомощи. Как известно, ответа на эти предложения с германской стороны не последовало, поскольку Гитлер преследовал на ноябрьской встрече в Берлине чисто дезинформационные цели.

Можно себе представить, как напряжённо следили за ходом берлинской встречи в Софии. 17 ноября царь Борис и Попов прибыли в резиденцию фюрера с твёрдым намерением не подписывать Тройственный пакт главным образом из-за страха перед СССР. На настойчивое требование А. Гитлера присоединиться к пакту болгарский монарх повторил уже известные аргументы: неподготовленность Болгарии к войне, экономические выгоды, которые Германия получит, если Болгария не будет втянута в военные действия, опасность со стороны Турции и, конечно, возможность ухудшения отношений с СССР⁴². Царь напрямик спросил Гитлера, зондировался ли вопрос о присоединении его страны к Тройственному пакту во время недавней встречи с Молотовым. Гитлер избежал прямого ответа, но сказал, что «большевики зондировали наше мнение о возможном создании военных баз в Болгарии», и подчеркнул, что Германия поддержит болгарскую сторону в вопросе об отказе от создания советских баз лишь в том случае, если Болгария подпишет Тройственный пакт. «Шантаж был очевиден, – рассказывал впоследствии царь Н.С. Мушанову, видному болгарскому политику, лидеру демократической партии. – Надо было вырваться из клещей, в которые меня зажал Гитлер, приняв в принципе присоединение к пакту, но оставив открытым вопрос о дате присоединения»⁴³.

Таким образом, и на этом этапе попытки Германии включить Болгарию в свою коалицию потерпели провал. Это была своего рода сенсация: никто не ожидал от этой маленькой балканской страны такого сопротивления. Тем не менее встреча царя Бориса с Гитлером вызвала крайнее раздражение в Москве. 18 ноября болгарский посланник И. Стаменов имел беседу с Молотовым, который в разговоре прибегал попеременно к угрозам и обещаниям. Во время ноябрьской встречи в Берлине, подчеркнул Молотов, на его вопросы о Болгарии ему постоянно отвечали, что надо выяснить позицию Италии по болгарским вопросам. Что это значит? Существует ли договор или итальянские гарантии Болгарии? «Если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то такую гарантию ей дал бы сейчас СССР. При этом нынешний внутренний режим и государственный строй Болгарии, – подчеркнул Молотов, – должен остаться таким, как он есть и как этого хочет сама Болгария»⁴⁴. Далее Молотов спросил, вступит ли Болгария в Тройственный пакт, как это сделали Венгрия, Румыния и Словакия. Россия, прибавил Молотов, не

потерпит, чтобы Болгария превратилась, подобно Румынии, в марионеточное, «легионерское» государство. Если бы СССР оказался перед фактом получения Болгарией гарантии своей безопасности со стороны какой-либо другой державы, это ухудшило и испортило бы советско-болгарские отношения. Одновременно Молотов действовал «и пряником», говоря о поддержке Советским Союзом болгарских территориальных претензий по отношению к Греции и Югославии и предлагая Болгарии помощь товарами, валютой и расширением закупок болгарских товаров. В конце разговора Молотов напомнил И. Стаменову о советском предложении заключить с Болгарией пакт о взаимопомощи, которое было сделано в сентябре 1939 г., и тогдашний ответ Кьосеиванова, что если возникнет необходимость, то болгары попросят советских гарантий. Позднее Стаменов телеграфировал в Софию, что после завершения беседы и ухода Молотова присутствовавший на встрече Деканозов сказал, что «может быть, как раз теперь наступил момент, о котором говорил Кьосеиванов»⁴⁵.

Без колебаний царь Борис и премьер-министр Б.Д. Филов отвергают новое советское предложение, о котором говорилось в телеграмме Стаменова: «Обсудили её в тот же вечер с Царём и Поповым и решили ответить отрицательно», – записал Б. Филов в своём дневнике⁴⁶. Спустя несколько дней, 24 ноября 1940 г., в Москву был направлен ответ, в котором под предлогом того, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях, отвергалось советское предложение о пакте⁴⁷.

Советский зондаж, в свою очередь, обеспокоил немцев. 21 ноября посол Германии в Турции Ф. фон Папен, проезжая через Софию, встречается с царём. Он предупреждает Бориса об опасностях, которые таит в себе советская гарантия, и излагает преимущества присоединения Болгарии к Тройственному пакту. Однако царь повторяет аргументы, высказанные Гитлеру⁴⁸.

В ходе беседы со Стаменовым советская дипломатия скорее всего хотела предварительно прозондировать позицию болгарской стороны, а затем приступить к конкретным действиям. 25 ноября 1940 г. в Софию прилетает генеральный секретарь Наркоминдела А.А. Соболев с предложением заключить пакт о взаимной помощи. Болгарский политический деятель С.С. Мошанов так записал высказывание об этом царя Бориса: «Не прошло и недели (после возвращения царя из Берхтесгадена. – *Е.В.*), как наступил один из самых неприятных дней в моей жизни – миссия Соболева. То, что я считал шантажом со стороны Гитлера, – требование Советским Союзом баз в Болгарии, – Соболев предложил нам под видом пакта о взаимной помощи. Если Гитлер недвусмысленно угрожал мне своими войсками, Сталин оказывает нажим через мой собственный народ»⁴⁹. Царь Борис имел в виду начавшуюся по всей стране массовую кампанию за принятие советского предложения, вошедшую в историю Болгарии под названием «Соболевской акции» (о ней речь пойдёт ниже).

В основных пунктах советское предложение повторяло предыдущее, сделанное осенью 1939 г. Встретившись поочередно с Филовым и с царём Борисом, Соболев ознакомил их с текстом предложения. Оно состояло из 12 пунктов. Исходя из общих интересов Болгарии и СССР, говорилось в нём, Советский Союз возобновляет своё предложение о заключении пакта о взаимной помощи, «который поможет Болгарии в осуществлении её национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии». В соответствии с пактом СССР обязывался оказать Болгарии всяческую, в том числе и военную, помощь в случае угрозы ей со стороны третьей державы или группы стран. Болгария же должна была оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы интересам Советского Союза в Чёрном море или в районе проливов. Особо оговаривалось, что пакт никоим образом не затрагивает внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии. Кроме того, СССР выражал готовность помочь Болгарии деньгами, продовольствием, вооружением и другими материалами – в форме займов, а также обещал расширить закупки болгарских товаров. Особый интерес представляет последний, 12-й пункт предложенного пакта: «При условии заключения пакта о взаимной помощи с СССР отпадают возражения против присоединения Болгарии к известному Пакту трёх держав. Вполне вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту»⁵⁰.

Миссия А.А. Соболева была настолько секретной, что болгарский посланник в Москве узнал о том, что советский дипломат остановится в Софии (по пути в Румынию) уже после его отлёта. «Явно хотели заставить Вас врасплох и боялись, как бы их не опередил Гитлер, и поэтому ввели меня в заблуждение, что Соболев летит в Бухарест рейсовым самолётом», – доносил И. Стаменов в Софию (на самом деле Соболев вылетел спецрейсом). «У меня создалось впечатление, – продолжал посланник, – что они готовы на всё, лишь бы подписать с нами пакт». В конце разговора Молотов, сообщивший Стаменову о миссии Соболева, не удержался от запугивания: если болгары надеются остаться «в изоляции» (то есть нейтральными), то в этом много иллюзий⁵¹.

Болгарские лидеры полагали, что подписание подобного договора привело бы к постоянному вмешательству СССР не только во внешнюю, но и во внутреннюю политику Болгарии, тем более что болгарские коммунисты в этот период резко активизировали свою деятельность, используя широко распространённые в Болгарии русофильские чувства. Царь Борис в разговоре с Н.С. Мушановым раздражённо сказал: «Я считаю с этими чувствами, но не оставлю ворота овчарни открытыми для того, чтобы вошёл волк. Даже в принципе не могу разговаривать о помощи со стороны большевиков. Тот факт, что прежде, чем прислать к нам Соболева, они проводили зондаж у немцев, показывает, что путь к болгарским базам

идёт через Берлин. Миссия Соболева имеет лишь тот результат, что поколебала меня в моём решении ещё потянуть время в вопросах с немцами»⁵².

Ответ болгарского правительства на соболевское предложение был однозначно отрицательным. «Вчера были вчетвером (премьер-министр, министр иностранных дел, внутренних дел и военный министр. – Е.В.) у царя для обсуждения предложения Соболева и решили его в принципе отвергнуть», – записал Филов в своём дневнике⁵³. В очень осторожной, но достаточно категоричной форме болгарское правительство, ссылаясь на возможное осложнение отношений с Германией, с которой уже давно ведутся переговоры о вступлении Болгарии в Тройственный пакт, отклонило советское предложение. Письменный ответ министр иностранных дел И.В. Попов передал 30 ноября советскому полпреду А.А. Лаврищеву. В нём говорилось, что «болгарскому народу [...] и болгарскому парламенту было бы трудно понять и принять обязательства, предусматривающие вмешательство Болгарии в разрешение такого большого вопроса, как вопрос о проливах, на которые не распространяются интересы нашей маленькой страны»⁵⁴. Отказ от советского предложения мотивировался ещё и тем, что Болгария уже вступила в переговоры о присоединении к Тройственному пакту, а также опасностью обострения отношений Болгарии с Турцией.

Однако советское правительство явно не желало принять отрицательный ответ. 6 декабря Лаврищев вручил Попову документ, в котором было изложено мнение Москвы в связи с болгарским ответом и предлагалось вместо заключения пакта о взаимной помощи ограничиться односторонним предоставлением советской стороной гарантий безопасности и интересов Болгарии, что означало бы освобождение последней от тяжёлых для неё военных обязательств⁵⁵. Предложение Советским Союзом односторонних гарантий свидетельствовало о том, что советская дипломатия осознала ошибку, допущенную в ходе миссии Соболева: Болгария всеми силами старалась избежать участия в войне, а СССР предложил ей обеспечивать его интересы в Чёрном море и в проливах. В новом варианте советского предложения ошибка была исправлена, что, впрочем, не изменило – да и не могло изменить – позиции болгарского правительства. 18 декабря Лаврищев сделал запрос, почему правительство Болгарии не ответило на заявление советского правительства. И. Попов просил советского посланника передать в Москву, что «болгарское правительство считает, что заключение пакта с Советским Союзом усилило бы угрозу военного нападения на Болгарию и было бы лишним грузом для самого СССР»⁵⁶.

Болгарские власти попытались сохранить переговоры с Соболевым в строжайшем секрете от своего народа. Однако сталинское руководство имело совсем иные планы: оно решило нажать на болгарское правительство изнутри, с помощью болгарских коммунистов, деятельность

которых направлялась находившимся в Москве Заграничным бюро ЦК Болгарской рабочей партии (БРП). Уже 25 ноября Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна и одновременно руководитель Загранбюро ЦК БРП Г.М. Димитров был вызван в Кремль к Сталину, который в присутствии Молотова и Деканозова заявил: «Мы сегодня делаем болгарам предложение о заключении пакта взаимопомощи. Не гарантии, как, видимо, болгарский посол Стаменов раньше неправильно понял Молотова, предлагаем мы, а пакт о взаимопомощи [...]. Если болгары не примут это наше предложение, они попадут целиком в лапы немцев и итальянцев и тогда погибнут [...]. Нужно, чтобы это предложение знали в широких болгарских кругах»⁵⁷.

В этот же день Димитров срочно направил в Софию подпольному ЦК Болгарской рабочей партии шифрограмму, в которой сообщал о цели визита советского дипломата, в сжатом виде передавал содержание советского предложения и давал указание немедленно приступить к организации массовой всенародной кампании в его поддержку: «Примите самые быстрые и энергичные меры к тому, чтобы это предложение стало широко известно в парламенте и вне его, в печати и в массах [...]. Решаются на долгие годы судьбы болгарского народа». В тексте подчёркивалось, что в случае заключения советско-болгарского пакта СССР не только не будет возражать против присоединения Болгарии к Тройственному пакту, но и сам присоединится к нему.

В ответной радиограмме ЦК БРП обещал приложить все силы и средства, чтобы довести новость о советском предложении до самого отдалённого уголка страны (средства на это, кстати, были получены из Москвы – в финансовом отчёте ЦК БРП Заграничному бюро ЦК БРП в Москве за ноябрь 1940 г. указывалось, что расходы на проведение кампании в пользу пакта вместе с организационными расходами составили 63 тысячи левов⁵⁹). На следующий день после получения радиограммы Димитрова в Софии собралось на заседание Политбюро ЦК БРП, на котором было разработано обращение к болгарскому народу с кратким изложением советского предложения и призывом требовать его принятия. Помимо обращения были отпечатаны в тысячах экземпляров разграфленные в три колонки листы для сбора подписей в пользу пакта. За несколько дней эти листовки и петиционные листы были перепечатаны на машинке и переписаны от руки партийными, комсомольскими и профсоюзными активистами ещё в тысячах экземпляров. В считанные дни страна была засыпана листовками с призывом участвовать в кампании за принятие советского предложения. Стены домов и ограды были исписаны лозунгами: «Требуем пакта с СССР!», «Да здравствует союз с СССР!». Почтовые отделения были завалены коллективными и личными письмами и телеграммами в официальные органы с требованием заключения пакта, а сотни делегаций рабочих, служащих, крестьян и учащихся посещали

государственные учреждения, вплоть до дворцовой канцелярии, с тем чтобы выразить свою волю⁶⁰. Безусловно, русофильские чувства, сохранявшиеся у значительной части болгарского населения, способствовали успеху развёрнутой БРП кампании, хотя она и не вышла за рамки коммунистического движения.

Однако листовки БРП, свидетельствовавшие о хорошей осведомлённости болгарских коммунистов о миссии Соболева, спровоцировали заявления правительственных кругов о вмешательстве СССР во внутренние дела Болгарии, а также усилили недовольство А. Гитлера Москвой. Когда же «неуклюжесть» советской дипломатии стала очевидна самому И.В. Сталину, всю вину решили свалить на Димитрова. 28 ноября вечером его вызвал В.М. Молотов и раздражённо объяснил, что имелась в виду лишь устная кампания. После этого Димитров срочно отправил в Софию указание: «Распространение листовок по поводу советского предложения – это большая ошибка. Немедленно прекратите это. Предложение нужно предавать гласности устно, через депутатов и других подходящих лиц, а не через печатные документы и ни в коем случае не от имени наших органов»⁶¹.

В ответ на это ЦК БРП сообщил: «Признаём свою ошибку. Мы думали, что делаем хорошее дело. А оказалось это, к сожалению, “медвежьей услугой”. Приняли все меры для прекращения распространения изданных листовок»⁶². Текст этого сообщения Димитров немедленно передал Сталину и Молотову. В середине декабря генеральный секретарь ИККИ шлёт в ЦК БРП новую радиограмму, в которой в соответствии с советскими указаниями подчёркивается, что «кампанию в пользу пакта надо вести не на классовой, а на общенациональной и государственной почве. Ни в коем случае нельзя придавать кампании партийный, антибуржуазный, антидинастический и антигерманский характер»⁶³. Следует воздерживаться, разъяснял Димитров, от всякого рода акций, которые могли бы подкрепить аргументы противников пакта о том, что он представляет собой угрозу буржуазному строю в Болгарии, правительству и царю Борису. В начале января 1940 г. ЦК БРП сообщал в Москву, что выпускает новое воззвание, адресованное всем слоям болгарского общества и составленное в духе полученных от Димитрова указаний. С этого времени и до вступления Болгарии в Тройственный пакт в марте 1941 г. БРП стремилась проводить кампанию на более широкой социальной основе (правда, безуспешно)⁶⁴.

Миссия Соболева вызвала, естественно, огромное раздражение в Берлине, где полным ходом шла подготовка к нападению на СССР. С декабря 1940 г. Гитлер уже демонстративно игнорировал своего бывшего союзника – СССР, а затем и вовсе стал действовать наперекор ему, и в первую очередь на Балканах. «Миссия Соболева» и подписание плана «Барбаросса» 18 декабря 1940 г. завершили первый этап советско-гер-

манского противоборства на Балканах, когда он носил дипломатический характер. С начала 1941 г. СССР и Германия вступают в открытую политическую борьбу за Балканы, и в частности Болгарию.

3 декабря А. Гитлер вызвал к себе П.Д. Драганова и принял к нему вину, что по меньшей мере наивно верить заявлениям Советского Союза о невмешательстве во внутренние дела Болгарии. По его словам, лучше всего последствия советских гарантий видны в Прибалтике. Если бы Болгария сразу присоединилась к Тройственному пакту, подчеркнул фюрер, «русская угроза» не возникла бы. «Пока у русских остаётся надежда получить что-то в Болгарии, они не оставят болгар в покое», поэтому Россию «следует поставить перед свершившимся фактом»; «если Болгария вступит в Тройственный пакт, Россия автоматически уберёт свои руки от Болгарии»⁶⁵.

Натиск на царя Бориса со стороны Германии и СССР (Англия и США тоже не бездействуют, но их позиция имеет уже второстепенное значение), а также со стороны внутренней левой (коммунисты) и правой (националистические прогерманские организации) оппозиции был огромен. Международные события и внутренняя ситуация завлекли монарха в капкан, и, чтобы выбраться из него, Борис должен был принять судьбоносное решение.

В доверительном разговоре с Н.С. Мушановым, лидером буржуазной оппозиции, состоявшемся 19 декабря 1940 г., царь признал, что в принципе принял решение дать согласие на прохождение германских войск через территорию Болгарии, если Германия вновь поставит вопрос об этом. «Я не могу пренебречь германскими гарантиями перед большевистским натиском, – сказал Борис. – А времени терять нельзя. Если бы была хоть малейшая возможность другого выхода, я бы её не упустил». Царь не мог принять и совета английского посланника Дж. Ренделла – дать хотя бы один артиллерийский залп против переправляющихся через Дунай германских войск, чтобы продемонстрировать своё несогласие: «Легко ему говорить, когда есть Ла-Манш между бельгийским берегом и Англией! Иначе мой “коллега” и приятель Джордж V плавал бы по морям на каком-нибудь дредноуте как “летучий голландец” [...]. Дилемма одна: Германия или Россия. Это две силы, которые будут решать судьбу Европы. Чувства Вам говорят – Россия, но если Вы слушаете голос разума, то ответите – Германия!»⁶⁶. Это означало, что внутренне царь уже был готов к принятию решения, ставшего для страны роковым.

В первый день нового, 1941 года болгарский премьер Б.Д. Филов отправился в Вену для продолжения переговоров с А. Гитлером и И. фон Риббентропом по вопросу о вступлении Болгарии в Тройственный пакт. Его тактической задачей, в соответствии с инструкциями царя, было вновь попытаться убедить руководителей Третьего рейха в том, что Германии невыгодно юридическое присоединение Болгарии к пакту,

а гораздо важнее то, что Болгария, формально сохраняя нейтралитет, фактически находится в лагере союзников Германии. В случае если эти попытки не увенчаются успехом, следовало хотя бы оттянуть присоединение ещё на некоторое время. Риббентроп подчеркнул в разговоре, что не может себе объяснить, почему Болгария до сих пор не вошла в пакт, в то время как другие это сделали. В ответ Филов поспешил заверить германского министра, что позиции обеих стран очень близки и что нет никаких сомнений относительно вхождения Болгарии в пакт. Однако это не рассеяло подозрений Риббентропа, заявившего, что имеются сведения о том, что болгары не верят в победу Германии и поэтому не присоединяются к пакту. Филов опроверг эти сведения и дал понять, что различие во мнениях заключается лишь в вопросе о времени вступления в пакт. «С их точки зрения мы должны войти как можно быстрее, с нашей – следует дожидаться удобного для нас момента», – записал Филов в дневнике⁶⁷.

Болгарский премьер следовал указаниям царя, настаивавшего, чтобы подписание пакта состоялось одновременно с вступлением германских войск на болгарскую территорию – с тем чтобы предотвратить негативную реакцию, как внешнюю, так и внутреннюю. Можно согласиться с мнением болгарского историка И. Димитрова, который писал: «...Преждевременный союз с Германией, когда ещё неясен исход войны – это, по мнению царя Бориса, не отвечало интересам режима, династии. Избежать этого союза – это было ему не под силу. Вопрос стоял так: во-первых, как этот неизбежный, навязанный обстоятельствами, не отвечавший интересам Болгарии союз связать с её интересами, оправдать этими интересами и, во-вторых, – как его оправдать в глазах общественного мнения»⁶⁸. С точки зрения царя Бориса, присоединение к Тройственному пакту можно было оправдать только одной исторической задачей: национальным объединением (имелось в виду прежде всего присоединение Западной Фракии, то есть греческой части Македонии).

На состоявшейся в тот же день, 4 января 1941 г., встрече с Гитлером Филову были даны горячие заверения в том, что Болгарии не грозит никакая опасность и что ей следует войти в пакт как можно скорее. В отличие от Риббентропа Гитлер согласился, что со стороны России можно ожидать отрицательной реакции, но что она проглотит свершившийся факт, как это было в случае с Румынией. «Не следует бояться русского вмешательства, – сказал Гитлер, – поскольку русские знают, что в таком случае конфликт расширится на всю протяжённость германо-русской границы. Единственной опасностью является подстрекательская работа русских внутри страны. Однако чем быстрее болгарское правительство бросит жребий, тем меньше русские смогут прибегать к подобным методам»⁶⁹. Поскольку Филов продолжал высказывать свои опасения по поводу возможных внешнеполитических осложнений после присоединения своей страны к пакту, Гитлер заявил, что готов предоставить в её

распоряжение все необходимые вооружённые силы⁷⁰. По возвращении в Софию Филову оставалось окончательно убедить царя в неизбежности подписания пакта.

В январе 1941 г. советская дипломатия делает последние попытки удержать Болгарию от вхождения в Тройственный пакт. 4 января советский полпред в Бухаресте А.И. Лаврентьев и второй секретарь посольства А. Лунин разговаривают с болгарским военным атташе. Подчеркнув, что в Москве Болгарию рассматривают лишь как невоюющую, но не как нейтральную страну, советские дипломаты заявили, что СССР выступает против дальнейшего проникновения Германии на Балканы и против присоединения Болгарии к Тройственному пакту. В самом крайнем случае Москву удовлетворило бы недопущение германских войск на территорию Болгарии⁷¹.

13 января 1941 г. ТАСС выступило с заявлением, в котором говорилось: «В иностранной прессе распространяется сообщение со ссылкой на некоторые круги Болгарии как на источник информации, что в Болгарию уже переброшена некоторая часть немецких войск, что переброска последних в Болгарию продолжается с ведома и согласия СССР, что на запрос болгарского правительства о пропуске немецких войск в Болгарию СССР ответил согласием. ТАСС уполномочен заявить, что: 1) если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то всё это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию; 2) в частности, болгарское правительство никогда не обращалось к СССР с запросом о пропуске немецких войск в Болгарию и, следовательно, не могло получить от СССР какой-либо ответ»⁷². Заявление ТАСС выдавало тот факт, что позиции СССР в Болгарии окончательно утрачены и что он ничем не может помешать вторжению Германии в зону его интересов.

В этой ситуации Г.М. Димитров направил 13 января личное письмо И.В. Сталину, в котором просил принять его для обсуждения позиции, которую должна занять болгарская компартия в связи со вступлением в страну германских войск. Димитров высказал в письме мнение, что БРП должна решительно выступать против этих действий Германии, разоблачать роль царя Бориса и болгарского правительства как виновников создавшегося положения, подчёркивать необходимость заключения пакта между СССР и Болгарией. Сталин выразил согласие с позицией Димитрова, подчеркнув, что «партия должна действовать не как помощник Советского Союза, а выступать от своего имени, чтобы избежать провокаций»⁷³.

17 января 1941 г. советское правительство обратилось к германскому руководству с заявлением о том, что Советский Союз считает территорию

в восточной части Балкан зоной своей безопасности и не может оставаться безучастным к событиям в этом районе⁷⁴. Все эти предупреждения показывали, что хотя СССР не может воспрепятствовать вступлению германских войск в Болгарию, он продолжает настаивать на признании Болгарии и района проливов сферой своих интересов. Естественно, с германской стороны они не вызвали никакой ответной реакции и не могли остановить заработавший механизм присоединения Болгарии к державам оси. Не следует забывать и чисто военный фактор: решение о присоединении было принято в тот момент, когда в соседнюю Румынию вступил мощный контингент гитлеровских войск, готовившихся к Балканской операции.

20 января 1941 г. после 8-часового обсуждения решение о вступлении Болгарии в Тройственный пакт было одобрено Советом министров Болгарии. Последовала массированная пропагандистская и дипломатическая подготовка присоединения к пакту. Особое внимание болгарское руководство уделяло тому, как оправдать свой шаг перед заинтересованными державами, в первую очередь перед СССР. Болгарские и германские дипломаты тщательно отработывали и уточняли проект текста извещения советского правительства об этом акте⁷⁵.

Однако даже когда Болгария была уже крепко привязана к Балканской операции вермахта, царю Борису удалось оттянуть вступление в пакт до конца февраля. Лишь после подписания 17 февраля болгаро-турецкой декларации о ненападении, после получения из Берлина подробных инструкций о том, как и когда следует уведомить Москву, Стамбул и Белград о предстоящем присоединении, после урегулирования с Германией всех военных и хозяйственных вопросов Болгария подписала 1 марта 1941 г. Тройственный пакт. В тот же день авангардные части армии фельдмаршала В. Листа переправились через Дунай, а на следующий день вся его 680-тысячная армия вступила на территорию Болгарии.

В этот же день, 1 марта, посол Германии в Москве Ф. фон дер Шуленбург информировал Молотова, что «английские притязания в Греции вынуждают правительство рейха незамедлительно принять дальнейшие меры безопасности и делают необходимой переброску германских войск на болгарскую территорию»⁷⁶. Реакция советского правительства была очень острой. Как сообщал Шуленбург, Молотов выразил сожаление, что германское правительство сочло возможным ступить на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило оккупировать Болгарию. Германия не может рассчитывать на поддержку её действий в Болгарии со стороны Советского Союза⁷⁷.

В тот же день, 1 марта, начальник политического отдела МИДа Болгарии И. Алтынов по поручению своего правительства передал советскому полпреду А.А. Лаврищеву заявление для сообщения советскому правительству. В нём говорилось, что «германское правительство спросило

согласие болгарского правительства на вступление немецких войск в Болгарию, заявив, что эта мера является временной и имеет своей целью сохранение мира на Балканах. Германское правительство не поставило перед Болгарией никаких условий, противоречащих болгарской миролюбивой политике...»⁷⁸. В заявлении выражалась надежда, что поведение Болгарии будет правильно понято и что эта временная мера не ухудшит отношений Болгарии с СССР. Заявление свидетельствовало о том, что, хотя Болгария и приняла окончательное решение стать союзницей Германии, страх перед СССР всё ещё оставался.

В ответной ноте от 3 марта НКВД сообщал, что «1) Советское правительство не может разделить мнения болгарского правительства о правильности позиции последнего в данном вопросе, так как эта позиция, независимо от желания болгарского правительства, ведёт не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в неё Болгарии; 2) Советское правительство, верное своей политике мира, не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики»⁷⁹. Эта нота ещё раз наглядно продемонстрировала полное бессилие СССР в сложившейся ситуации и явилась, по сути дела, просто формальной отпиской.

Так дипломатическая и политическая борьба Советского Союза и Германии за Болгарию завершилась в пользу Третьего рейха. СССР оказался не в состоянии противопоставить германскому проникновению на Балканы ни военную силу, ни какие-либо иные средства, которые заставили бы считаться с его устремлениями.

Присоединение Болгарии к Тройственному пакту стало возможным и, более того, неизбежным в силу стечения целого ряда внешних и внутренних факторов. В течение длительного времени на Болгарию оказывалось массированное дипломатическое, политическое и экономическое давление со стороны рейха. Болгарское правительство и царь Борис с самого начала были готовы оказывать содействие гитлеровской политике, но стремились при этом сохранить нейтралитет, остаться вне бушевавшей в Европе войны. Однако когда в соседней Румынии был сосредоточен мощный контингент гитлеровских войск, болгарские власти были вынуждены принять германский ультиматум и пойти на присоединение к Тройственному пакту, полагая, что добровольный союз с Германией означает наименьший риск и может даже принести немалые выгоды при решении национальных проблем, то есть возвращения территорий, отторгнутых по Нейискому договору 1919 г.

В результате подписания Тройственного пакта Болгарии было обещано, что её армия не примет непосредственного участия в военных действиях и что партнёры по пакту поддержат её стремление получить выход к Эгейскому морю. Болгарское правительство позволило вермахту использовать свою территорию в качестве плацдарма для агрессии

против соседних государств – Югославии и Греции. После завершения германских военных операций по захвату этих стран Болгария ввела свои войска в принадлежавшие им до того районы Македонии, Западной Фракии и так называемые Западные территории, которые рассматривались Софией как болгарские национальные земли. По окончании Балканской кампании вермахт вывел часть своих войск из оккупированных Греции и Югославии, с тем чтобы перебросить их на восток. Болгария превратилась в надёжный тыл нацистской Германии, в её южный стратегический плацдарм. И лишь благодаря традиционному русофильству болгарского народа, с которым царь Борис не мог не считаться, Болгария оказалась единственным из германских сателлитов, не пославшим ни одного солдата на советско-германский фронт и даже сохранившим с СССР дипломатические отношения на протяжении почти всей войны. Более того, болгарское посольство в Москве представляло также интересы Германии после разрыва советско-германских отношений. Сохранение дипломатических отношений с Болгарией было выгодно СССР как с точки зрения неучастия болгарских войск в советско-германской войне, так и в смысле облегчения деятельности советской разведки в этой стране.

Внешнеполитический выбор царя Бориса III и правительства до сих пор вызывает неоднозначные оценки в болгарской историографии. Одни исследователи считают, что присоединение Болгарии к Тройственному пакту было predetermined с геополитической и экономической точки зрения. Другие же придерживаются той позиции, что София проявила стратегическую недалёковидность, вновь выбрав проигравшего союзника, и что стране следовало твёрдо придерживаться политики нейтралитета. Вопрос заключается в том, насколько это было реально для малой страны, расположенной на перекрёстке геополитических интересов великих держав. Сегодня признаётся, что большая часть населения страны восприняла этот шаг властей как единственную альтернативу. Определённое значение имел и тот факт, что в этот период Германия и СССР являлись союзниками. Поэтому попытки демократической оппозиции и компартии протестовать не оказали существенного воздействия на настроения масс. Значительная часть болгар, находившаяся под влиянием правительственной пропаганды, искренне считала, что союз с такой могущественной силой, какой была Германия в 1940–1941 гг., будет способствовать национальному объединению.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война между Советским Союзом и Германией оказала чрезвычайно сильное воздействие на Болгарию. Интерес к СССР, чувство общности судеб с Россией традиционно существовали в широких слоях болгарского общества, включая его верхушку. Уже в первые дни после нападения Германии на СССР в Софийскую дирекцию полиции начали поступать сведения с мест о настроениях населения, выражавшего возмущение гитлеровской агрессией, что дало повод премьер-

министру Б.Д. Филову записать в своём дневнике: «Согласно полученным из Софии и провинции сведениям, весть о войне между Германией и Россией была воспринята населением как неожиданность и встречена с унынием»⁸⁰.

Сразу же после начала Великой Отечественной войны советского народа болгарские коммунисты, направляемые Коминтерном, провозгласили курс на вооружённую борьбу против гитлеровцев и существовавшего в стране режима. Решение об этом принимается уже 24 июня 1941 г., намечаются действия по разложению болгарской армии, срыву снабжения германских войск, по развёртыванию партизанского движения и привлечению к антиправительственной борьбе всех демократических сил, создаётся Центральная военная комиссия во главе с Х. Михайловым. Принятый БРП курс на вооружённую борьбу целиком и полностью являлся результатом инструкций Москвы и в последующие годы оставался непосредственно связанным с поступающими оттуда указаниями⁸¹. При этом новый курс был взят в неблагоприятной для его реализации обстановке. Власти располагали в тот период достаточно сильной общественной поддержкой, поскольку сумели уберечь страну от военного разгрома, не послали болгарских солдат на фронт и бескровно решили национальный вопрос. Экономическое положение народа ещё не начало ухудшаться. Небольшая численность германских войск, находящихся на территории страны (после начала советско-германской войны она не превышала 2–3 тыс. человек), создавала иллюзию возможности проведения Болгарией самостоятельной политики. В распоряжении правительства имелся мощный государственный аппарат с хорошо организованной полицией и администрацией, а также находившейся в состоянии боевой готовности армией. Компартия же находилась в этот период в изоляции от всех других политических сил, хотя и сохраняла определённое влияние среди трудящихся. Негативным фактором для развёртывания антиправительственной борьбы в Болгарии были и первоначальные победы гитлеровцев на советско-германском фронте.

Таким образом, новый курс БРП исходил не из реально существовавших в стране условий, а из указаний Исполкома Коминтерна от 22 июня 1941 г., в разработке которых важную роль сыграл его генеральный секретарь Г.М. Димитров. В день нападения Германии на СССР Димитров направил в ЦК БРП радиogramму, в которой ставил перед партией первоочередные задачи и подчёркивал: «Учтите, что на данном этапе речь идёт об освобождении народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции»⁸². Партийная линия была конкретизирована в резолюции находившегося в Москве Загранбюро ЦК БРП «Нападение фашистской Германии на Советский Союз и наши задачи». Этот документ был направлен в Софию 1 июля по существовавшей в то время регулярной радиосвязи между ЗБ и ЦК БРП в Софии. Главной

задачей болгарских коммунистов было названо содействие полному разгрому Германии: «К этому делу необходимо привлечь все и вся (в тексте подчеркнуто. – *Е.В.*), не ослабляя всенародного фронта выставлением других, более крайних, но несвоевременных, чисто социалистических задач. На данном этапе мировой войны не стоят задачи ни пролетарской диктатуры и советской власти, ни социализма» (в тексте подчеркнуто. – *Е.В.*)⁸³. Определяя «борьбу против немецких фашистов и их болгарских прислужников и сообщников» как первостепенную задачу, ЗБ наметило переход к тактике широкого антифашистского фронта. В то же время резолюция ориентировала болгарских коммунистов на то, что они не должны отказываться от своей главной, стратегической цели – борьбы за социализм, а лишь перенести её на более отдалённый момент⁸⁴.

Эти особенности курса БРП имеют большое значение для понимания специфики движения Сопротивления в Болгарии, которое с самого начала было направлено на изменение существующего строя, на создание нового общества, в котором сначала немалую, а затем руководящую роль будет играть коммунистическая партия. В развитии болгарского Сопротивления исключительно велика роль внешнего фактора, выражавшегося в целенаправленной политике и поддержке со стороны советского руководства, проводимой через Коминтерн, Загранбюро ЦК БРП и лично Г.М. Димитрова. Эта специфика движения Сопротивления в Болгарии – его направленность не против иностранного присутствия, а против собственных правителей – ограничивала его размах, не позволила ему превратиться во всенародное. Политический состав борцов болгарского Сопротивления был весьма узким: подавляющее их большинство составляли коммунисты и комсомольцы.

Тот факт, что советское правительство помогало антиправительственной борьбе в Болгарии и одновременно поддерживало официальные отношения с этой страной, а болгарское правительство, не прерывая дипломатических отношений с СССР, предоставляло свою территорию гитлеровской Германии для расширения войны на Восточном фронте, является парадоксальным в условиях существовавшей военно-политической обстановки.

На первом этапе антиправительственная борьба БРП выражалась в саботажных действиях боевых групп, действовавших главным образом в городах. Первые боевые группы были созданы и вооружены уже в июле 1941 г. В каждую из них входило несколько бойцов, как правило, из числа коммунистов-подпольщиков. Их задачей было дезорганизовывать гитлеровский тыл: устраивать диверсии на военных объектах, проводить саботаж на предприятиях, обслуживающих гитлеровцев, добывать огнестрельное оружие и боеприпасы. Боевые группы поджигали цистерны с бензином и склады товаров, предназначенных для германской армии, нападали на немецкую охрану и болгарскую полицию, произво-

дили взрывы на железнодорожных линиях, поломку и порчу фабричного и заводского оборудования и т. д.⁸⁵

Наряду с боевыми группами БРП создавала партизанские отряды (четы), действовавшие в горах. Первыми болгарскими партизанами стали коммунисты, которые находились на нелегальном положении в связи с угрозой ареста. Однако хотя первые партизанские группы появились уже летом 1941 г.⁸⁶, об их серьёзных акциях до середины 1943 г. говорить не приходится. Под руководством Центральной военной комиссии члены БРП и РМС развернули пропагандистскую работу среди солдат и офицеров болгарской армии. Во многих армейских подразделениях создавались подпольные ячейки.

Важной составной частью Соппротивления была деятельность разведывательных групп, работавших на советскую разведку. Они передавали сведения о численности германских войск в Болгарии и о находящихся там военных объектах. Руководителями таких разведгрупп были просоветски настроенные интеллигенты и военные – генерал-майоры Владимир Стоянов Заимов (Азорский) и Никифор Никифоров (Журин), адвокат Александр Пеев (Боевой), радиотехник Элефтер Арнаудов (Алюр). Так, В.С. Заимов руководил разведывательной сетью с филиалами во многих государствах Центральной Европы, в том числе и в самой Германии. Известны его сообщения советскому Центру, которые содержат важнейшую информацию о решениях гитлеровского командования⁸⁷. В. Заимов был схвачен полицией, приговорён к смертной казни и расстрелян летом 1942 г. В 1972 г. советскому разведчику В.С. Заимову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина.

Учитывая особое положение Болгарии – с одной стороны как союзника Германии, с другой – как страны с традиционно прорусскими настроениями и с сильной компартией, – советское руководство решило направить туда группы болгарских политэмигрантов для ведения разведывательных, боевых и саботажных действий в тылу гитлеровской Германии⁸⁸. Руководитель одной из групп политэмигрантов, полковник Красной армии Цвятко Колев Радойнов незадолго до отправки в Болгарию в 1941 г. был зачислен в Специальный отряд войск НКВД⁸⁹. Другой руководитель группы, впоследствии генерал, Иван Цолов Винаров писал в своих воспоминаниях, что они «должны были поддерживать самые тесные контакты с органами Четвёртого (Разведывательного) управления Красной армии и с органами НКВД»⁹⁰.

По плану Генштаба первые группы политэмигрантов должны были быть переброшены на болгарский берег морем, подводными лодками⁹¹. Неудачи начали преследовать «подводников», высадившихся в августе 1941 г. в устье реки Камчия, с первых же часов пребывания на родной земле. Очень скоро на их след напала полиция, заранее получившая от

своих агентов информацию о готовящейся операции. Власти предприняли исключительные меры: мобилизованные войска и полиция тщательно прочёсывали побережье и прилегающие леса, за поимку десантников была обещана солидная награда. Нередки были случаи выдачи их местным населением. В итоге из вернувшихся в Болгарию в составе различных групп 56 эмигрантов в живых и на свободе к лету 1942 г. осталось только семеро. 18 человек погибли в сражениях с полицией, трое покончили жизнь самоубийством, 28 были арестованы⁹².

Провалу операции способствовали и ошибки, допущенные при организации десанта: тяжёлое снаряжение и неподходящая экипировка, недостаточное количество продовольствия, отсутствие связи с болгарскими подпольщиками. В докладе начальнику 1-го управления ВМФ контр-адмиралу Н.И. Зуйкову (копия была направлена Г.М. Димитрову) начальник разведки Черноморского флота полковник Д.Б. Намгаладзе писал 26 сентября 1941 г.: «В центре не учли обстановку и условия работы, группе предстояло преодолеть горный массив (так называемый Балкан), а экипировка была выдана для прогулки по городу [...]. С момента формирования группы не были приняты меры к организации надлежащей конспирации»⁹³. Судя по всему, между советскими секретными службами существовали нестыковка и даже определённое соперничество, мешавшие осуществлению операции. Об этом недвусмысленно писал позже руководитель одной из групп «подводников» Ц.К. Радойнов, сумевший, несмотря на невероятные трудности, добраться до Софии, где он возглавил Центральную военную комиссию при ЦК БРП (до момента своего ареста в апреле 1942 г.)⁹⁴. В записке, полученной через партийного связного заместителем начальника 1-го управления – начальником 4-го управления НКВД СССР П.А. Судоплатовым 28 апреля 1942 г., Радойнов писал: «Мною ранее уже был поставлен ряд вопросов о нашей работе. Эти вопросы не получили, однако, своего разрешения. Меня интересует, к кому следует обратиться за помощью. Кто будет руководить нашей работой и какие Вы расчёты строите? Как известно, сюда для выполнения по существу одной и той же задачи были переброшены люди двумя путями, двумя органами. Ещё и тогда я высказывался о вредности такого рода параллелизма. Надо было иметь одно руководство». Отмечая тяжёлые условия, в которых ему приходится работать, Радойнов просил «как можно быстрее ответить на следующие вопросы: а) кто будет нами руководить; б) какие будут каналы связи (шифры, позывные); в) на какие средства мы можем рассчитывать в различные периоды войны; г) оружие и радиоаппаратура; д) "ВВ" (взрывчатые вещества. – Е. В.); е) люди, деньги. Мы поставили перед собой задачу подготовить пункты для выброски материалов как воздушным, так и морским путями»⁹⁵.

Арест Ц.К. Радойнова стал звеном в цепи крупных провалов ЦК БРП весной 1942 г. Власти организовали два судебных процесса: первый, так называемый процесс подводников и парашютистов, и второй – против

членов и актива ЦК БРП. 18 подсудимых во главе с Ц. Радойновым были приговорены к расстрелу и казнены на Софийском гарнизонном стрельбище. Семерых приговорили к пожизненному заключению. Трагическая судьба десантников лишний раз показала, что руководство БРП, связанное по рукам директивами Коминтерна, не могло адекватно реагировать на внутривнутриполитическую обстановку в Болгарии. Тактика развития антиправительственной борьбы зачастую не отвечала реальным условиям в стране и, как следствие, обернулась большими и неоправданными жертвами.

С осени 1941 г. в советской политике по отношению к Болгарии, помимо усилий по организации движения Сопротивления под руководством компартии, очерчивается и другая линия. Это дипломатические усилия СССР по оказанию давления на болгарские правящие круги с целью заставить их уменьшить возможности Германии использовать болгарские военные и экономические ресурсы.

В дальнейшем под руководством Москвы в Болгарии удалось создать значительное движение Сопротивления, хотя на него и оказывало сильное влияние положение страны как германского союзника, и поэтому оно было направлено прежде всего против болгарских правящих кругов, сотрудничающих с Германией. В новейшей болгарской литературе отмечается, что советские представители поддерживали самые тесные контакты с вооружённым антифашистским движением в Болгарии. Информация о состоянии и задачах нелегального движения Сопротивления левых сил поступала по нескольким каналам – от ЦК БРП, по радиосвязи между Г.М. Димитровым и Главным штабом партизанского движения, а также от отдельных советских разведгрупп. Эти сообщения пересылались через резидентуру Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии и Первого управления НКВД⁹⁶. В непрерывном потоке телеграмм и шифровок из Москвы Димитров давал указания руководителям БРП о политической тактике, которой они должны были следовать. Советское посольство в Болгарии также сосредоточилось в годы войны на разведывательной деятельности. Используя исключительно благоприятные возможности почти единственного посольства СССР в Европе, располагавшего экстерриториальностью, дипломатическим иммунитетом, шифрами и дипкурьерами, оно стало одним из центров советской разведки в Европе. В значительной степени благодаря поддержке болгарской общественности посольство достигло в этой области немалых успехов⁹⁷.

Таким образом, если в 1939–1940 гг. СССР пытался «завоевать» Болгарию на свою сторону, но «проиграл» дипломатическое соревнование с Германией, то в последующие годы Москва подготовила свой «реванш», обеспечив серьёзную внутреннюю опору в лице болгарской компартии и руководимого ею движения Сопротивления. Впоследствии, с вступлением Красной армии на Балканы, Советский Союз сумел прочно гарантировать свои стратегические интересы в регионе.

Примечания

- ¹Noppe H.J. Bulgarien – Hitlers eigenwilliger Verb ndeter. – Stuttgart, 1979. – S. 67.
- ²Akten zur deutschen ausw rtigen Politik (далее ADAP). Serie “D”. Bd. 6. – Baden-Baden, 1956. – Dok. 529.
- ³Подробнее см.: Валева Е.Л. Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и реакция на его заключение в Болгарии. // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. – М., 1989.
- ⁴ADAP. Serie “D”. Bd. 7. – Baden-Baden, 1958. – Dok. 314.
- ⁵Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1257. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.
- ⁶Документы внешней политики СССР. Т. 22. 1939 год; В 2 кн. Кн. 2. Док. 538. – М., 1992. – С. 23.
- ⁷См. Болгария в XX веке : Очерки политической истории. – М., 2003. – С. 231–237.
- ⁸Архив на Министерство на външните работи (далее АМВнР. София). Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 32–42.
- ⁹Там же. Л. 33.
- ¹⁰Подробнее см.: Спасов Л. България и СССР : 1917–1944 гт. : (Политико-дипломатически отношения). – Велико Търново, 2008. – С. 327–333.
- ¹¹Речь идёт о поездке Г. Кыосеиванова в Берлин, где 5 и 6 июля 1939 г. состоялись его встречи с Гитлером и Риббентропом.
- ¹²Научен архив на Българската академия на науките (далее НА БАН). Стойчо Мошанов. Из спомените ми. Сб. IV. Оп. 110. А.е. 157. Л. 420.
- ¹³Там же. Л. 422.
- ¹⁴Там же.
- ¹⁵АМВнР. София. Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 80.
- ¹⁶Там же. Л. 82–83.
- ¹⁷Там же. Л. 123.
- ¹⁸Там же. Л. 139.
- ¹⁹Советско-болгарские отношения и связи : Документы и материалы. Т. I. – М., 1976. – С. 468–469.
- ²⁰Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 2. Док. 769. – М., 1992. – С. 279–280.
- ²¹Там же. Док. 619. – С. 115.
- ²²Там же. Док. 769. – С. 280.
- ²³Там же. Док. 783. – С. 298.
- ²⁴Magyar Orszagos Loveltar Budapest (далее MOL). К. 63. 1939 – 5.t. 21 old. Телеграмма венгерского посланника в Софии Юнгерта (М. Арноти) в МИД Венгрии от 24.11.1939.
- ²⁵ADAP. Serie “D”. Bd. 8. – Baden-Baden, 1961. – S. 380.
- ²⁶Ibid. – S. 381.
- ²⁷Ibid. – S. 419.
- ²⁸АМВнР. София. Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 189.
- ²⁹Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 06. Оп. 1. Пап. 6. Д. 55. Л. 10.
- ³⁰АМВнР. София. Оп. 1ш. Д. 34. А.е. 272. Л. 95.
- ³¹Об экономической экспансии Германии в Болгарии см.: Валев Л.Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма : (Накануне и в начальный период второй мировой войны). – М., 1964. – С. 189–201.
- ³²АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Пап. 6. Д. 56. Л. 8.
- ³³ADAP. Serie “D”. Bd. 10. – Frankfurt/Main, 1963. – S. 46.
- ³⁴Централен държавен архив (далее ЦДА. София). Ф. 176. Оп. 8. А.е. 17. Л. 31.
- ³⁵България – своенравният съюзник на Третия райх : Документална колекция. / Ред. В. Тошкова и др. – София, 1992. – С. 11; ADAP. Serie “D”. Bd. 21/I. – Bonn, 1964. – S. 310–311.
- ³⁶Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA. Bonn). Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. I. Донесение Э. Вайцеккера в МИД Германии от 25.10.1940.
- ³⁷Директивы И.В. Сталина В.М. Молотову перед поездкой в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. – 1995. – № 4. – С. 78. См. также: Волков В.К. Советско-германские

отношения во второй половине 1940 г. // Вопросы истории. – 1997. – № 2. – С. 9.

³⁸Цит. по: Безыменский Л., Горлов С. Накануне : (Переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Международная жизнь. – 1991. – № 8. – С. 105.

³⁹Там же.

⁴⁰ADAP. Serie "D". Bd. 11/1. – Bonn, 1964. – S. 470–471; Безыменский Л., Горлов С. Накануне... // Международная жизнь. – 1991. – № 8. – С. 111–112.

⁴¹Документы внешней политики СССР. Т. 23. 1940 – 22 июня 1941 : В 2-х кн. Кн. 2. Ч. 1: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. Док. 548. – М., 1998. – С. 136–137.

⁴²НА БАН. Сб. IV. Спомени на Ст. Мошанов. Т. IX. Съпротива и капитулация. Л. 18–19; Филев Б. Дневник. – София, 1990. – С. 211.

⁴³НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 19.

⁴⁴Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. Док. 532. – М., 1998. – С. 110; ADAP. Serie "D". Bd. 21/2. – Bonn, 1964. – S. 542.

⁴⁵АМВНР. София. Оп. 1ш. А.е. 272. Д. 34. Л. 238–239.

⁴⁶Филев Б. Дневник... – С. 211.

⁴⁷ADAP. Serie "D", Bd. 11/2. – Bonn, 1964. – S. 578; Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. Док. 549. – М., 1998. – С. 138.

⁴⁸Ibid. – S. 546–547.

⁴⁹НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

⁵⁰Архив на Министерство на вътрешните работи (далее АМВР. София). II Народен съд. А.е. 14. Л. 42; ADAP. Serie "D". Bd. XI/2. S. 646.

⁵¹АМВНР. София. Оп. 1ш. А.е. 272. Д. 34. Л. 247.

⁵²НА БАН. Сб. IV. Т. IX. Л. 20.

⁵³Филев Б. Дневник... – С. 211–212.

⁵⁴Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. Док. 564. – М., 1998 – С. 159.

⁵⁵ADAP. Serie "D", Bd. 11/2. – Bonn, 1964. – S. 673.

⁵⁶Ibid. – S. 757–758; Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. Док. 597. – М., 1998 – С. 211.

⁵⁷Коминтерн и вторая мировая война : [Сб. документов : В 2 ч.], Ч I : До 22 июня 1941 г. – М., 1994. – С. 455; Димитров Г. Дневник : (9 март 1933 – 6 февруари 1949). – София, 1997. – С. 203.

⁵⁸Димитров Г. Дневник... – С. 203.

⁵⁹Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 15. Вход. 1940. Л. 67.

⁶⁰Там же. Д. 75. Л. 7–8, 11–14.

⁶¹РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Исх. 1940. Д. 11. Л. 128.

⁶²Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 75. Л. 5.

⁶³Там же. Оп. 184. Исх. 1940. Д. 11. Л. 148; Димитров Г. Дневник... – С. 205.

⁶⁴Димитров И. Българо-съветски пакт за взаимопомощ. // Димитров И. Миналото като пролог. – Исторически очерци. – София, 1993. – С. 168–169.

⁶⁵ADAP. Serie "D". Bd. 11/2. – Bonn, 1964. – S. 640–645.

⁶⁶НА БАН. Сб. IV. Д. III. Л. 21–22.

⁶⁷Филев Б. Дневник... – С. 215.

⁶⁸Димитров И. Професор Богдан Филев и неговият дневник. // Филев Б. Дневник... – С. 101.

⁶⁹ADAP. Serie "D". Bd. 11/2. – Bonn, 1964. – S. 851.

⁷⁰Ibid. – S. 853.

⁷¹ЦДА. София. Ф. 176. Оп. 15. А.е. 2. Л. 95–98.

⁷²Правда. – 1941. – 14 януари.

⁷³Димитров Г. Дневник... – С. 208–209.

⁷⁴См.: История международных отношений и внешней политики СССР : 1917–1963 гг. : В 3 т. Т. 2. 1939–1945. – М., 1962. – С. 142.

⁷⁵ADAP. Serie "D". Bd. 12/1. – Göttingen, 1969. – S. 148.

⁷⁶Ibid. – S. 176–178; см. также Тошкова В. България и Третият райх. – София, 1975. – С. 42.

⁷⁷ADAP. Serie "D". Bd. 12/1. – Göttingen, 1969. – S. 176–178.

⁷⁸Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. Ч. 1. Док. 701. – М., 1998 – С. 441; Советско-болгарские отношения и связи... Т. I. – М., 1976. – С. 545–546.

- ⁷⁹Советско-болгарские отношения и связи... Т. I. – М., 1976. – С. 547.
- ⁸⁰Филов Б. Дневник... – С. 346.
- ⁸¹См. Калинова Е. Победители и България : (1939–1945). – София, 2004. – С. 89–90.
- ⁸²РГАСПИ. Ф. 495. Кн. п. 17. Д. 7. Исх. док. за 1941 г. № 420.
- ⁸³ЦДА. София. Ф. 3. Оп. 4. А. е. 586. Л. 1.
- ⁸⁴Там же. Л. 5.
- ⁸⁵См.: Стойнов Б. Бойните групи : (1941–1944). – София, 1969.
- ⁸⁶См. История на антифашистката борба в България : 1939–1944 : В 2 т. Т. I. – София, 1976. – С. 210–214.
- ⁸⁷См. Невидимите барикади : Очерци за българи – съветски разузнавачи. – София, 1968; Заимов С. Генерал Владимир Заимов. – София, 1988.
- ⁸⁸См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Исх. и вх. телегр. за 1942 г. Л. 4, 7; Даскалов Д. Жан съобщава : Задграничното бюро и антифашистката борба в България. 1941–1944. – София, 1991. – С. 58–75.
- ⁸⁹См.: Живот – борба : Книга за Цвятко Радойнов. – София, 1986. – С. 122.
- ⁹⁰См.: Винаров И. Бойци на тихия фронт. – София, 1969. – С. 557.
- ⁹¹Ещё 30 болгарских эмигрантов, составивших пять групп, были сброшены с парашютами на территорию Болгарии с советских самолётов в сентябре – начале октября 1941 г. Их судьба оказалась трагичной: почти все они были сразу схвачены полицией, погибли в перестрелке или покончили с собой.
- ⁹²См.: Ерелийска М. Героичният подвиг на българските политемигранти през 1941 г. // Известия на Института по история на БКП. Т. 10 – София, 1963. С. 348; см. также: Видинский К. Подводники : Воспоминания. – София, 1987.
- ⁹³РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 87. Л. 4–5. (Прим. ред. Так в документе. С 11 сентября 1941 г. начальником первого управления ВМФ был капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) Воронцов Михаил Александрович).
- ⁹⁴Подробнее см.: Валева Е.Л. Герой болгарского Сопротивления Цвятко Радойнов // Новая и новейшая история. – М., 2003. – С. 107–122; Болгария в XX веке : Очерки политической истории. – М., 2003. – С. 274–277.
- ⁹⁵РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 85. Л. 64.
- ⁹⁶Баев Й. Някои проблеми на съветската политика към България : (1943–1945 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения : (1941–1947) : Статии и документи. – София, 1999. – С. 69.
- ⁹⁷См. Ревякина Л. Съветската легация в България : (22 юни 1941 – 9 септември 1944 г.) // Там же. – С. 24–41.

Советско-германское противостояние в Дунайском бассейне и румыно-венгерский территориальный спор вокруг Трансильвании

Стыкалин Александр Сергеевич,

кандидат исторических наук,
Институт славяноведения РАН

Обширная историческая область в юго-западных предгорьях Карпат – Трансильвания со времён средневековья развивалась как многонациональное и поликонфессиональное по составу образование, представляя собой сложный конгломерат господствующих и непривилегированных этносов и религий. Усилиями в первую очередь немецких переселенцев (саксов) в её наиболее значительных ремесленно-торговых поселениях, особенно юго-восточных – Германштадте (ныне Сибиу) и Кронштадте (ныне Брашов, Румыния), начиная с XIII в. формируется бюргерский урбанистический уклад, характерный для старинных средневропейских городов, чей внешний облик по сей день легко просматривается в застройке исторических центров Клужа, Брашова, Сибиу, отчасти и других трансильванских городов. В государственно-политическом отношении в Трансильвании на протяжении многих веков едва ли не безраздельно господствовала венгерская аристократия. Более того, после сокрушительного поражения венгров от турок в 1526 г. и последовавшего за этим распада целостного королевства «Св. Стефана» (Иштвана) мадьярская знать, почти непрерывно управлявшая Трансильванским княжеством, пыталась превратить его в своего рода оплот венгерской государственности. Вплоть до начала XVIII в. (не без поддержки осман) это княжество успешно вело войны против Габсбургов. Позже оно интегрируется в Австрийскую империю, хотя и сохраняет некоторую ограниченную автономию. С преобразованием Габсбургской монархии в дуалистическую Австро-Венгрию в 1867 г. рудименты автономного управления окончательно исчезают. Вследствие соглашения Венгрии с домом Габсбургов Трансильвания на полвека становится неотъемлемой частью венгерского государства, чья политическая элита (за редким исключением) и слышать не хотела о какой-либо автономизации этого края. Между тем такое требование не утрачивало своей актуальности, причиной чему были как длительная историческая традиция автономного существования Трансильвании,

так и пестрота её этнического состава. Наряду с немцами (саксами-протестантами в собственно Трансильвании и швабами-католиками в прилегающей к ней с юго-запада, органически связанной с ней исторической области Банат), мадьярами и секлерами¹ в этом крае проживали румыны, составлявшие большинство населения² и в XVIII–XIX вв. всё более активно заявлявшие своё право на полноценное национальное развитие³.

В отечественной литературе последних лет усилиями такого авторитетного учёного, как Т.М. Исламов, была нарисована несколько идиллическая, на наш взгляд, картина межэтнических отношений в Трансильвании, в частности, в XVI–XVIII вв. Согласно его версии, в течение столетий в этом крае царил «образцовый конфессиональный мир», нарушенный лишь в XIX в., в момент, когда «идеология национализма овладела умами национальных элит народов на востоке Европейского континента»⁴. В этой связи хотелось бы лишь заметить, что законы о веротерпимости, принятые в Трансильванском княжестве, необычайно рано по общеевропейским меркам (первый ещё в 1568 г.), по крайней мере, вплоть до реформ австрийского императора Иосифа II (1780-е гг.), фактически не распространялись на православных румын. Этническая и религиозная дискриминация румынского этноса сохранялась и после йозефинистских реформ, что не могло не броситься в глаза одному из русских офицеров, побывавших в этом крае во время антивенгерской военной кампании 1849 г.: «Дако-ромун, запёртый в самые вершины ущелий, в отдалённые предместья города, смотрит с порога своей бедной греческой церкви на великолепные храмы и огромные дома немцев, венгерцев и секлеров и обдумывает планы своего запаздального мщения. Тут вся история Трансильвании. В Кронштадте осязаешь её»⁵. Впрочем, российскому очевидцу показали далёкими от идиллических и отношения между привилегированными этносами: «Четыре описанные племени, столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому»⁶.

Страной поразительных контрастов описывает Трансильванию венгерский философ XX в. Б. Хамваш, попытавшийся выявить в истории этого края устойчивый и особый трансильванский «дух» (или, по его терминологии, «гений»): различия между кастами в Трансильвании «столь же велики, как между византийским императором и его подданными... Утончённый, многослойный мир, процветающий во дворцах и замках, среди мебели, изготовленной из дорогой благородной древесины, среди ковров, шелков, драгоценностей, парчи, обильной еды и питья, эта изысканная жизнь резко, без всякого перехода отделена от жизни бедняка-крестьянина, угнетённого и огрубевшего, жителя лесов и гор,

у которого на столе – не запечённый целиком... баран, а постная мамалыга, на теле – не бархат, а сермяга». В Трансильвании, продолжает Хамваш, между верхами и низами нет связующего социального звена – широкого и политически самостоятельного среднего слоя; богатство саксонских бюргеров устойчиво лишь при покровительстве высшей власти (в этом философ видит влияние византийских и османских традиций). «Общество Трансильвании – дезинтегрированное общество, с вызывающе выделяющимся высшим классом и с народом, который живёт наподобие негров или малайцев, – замечает Хамваш, кстати, почти не акцентирующий внимание на этническом аспекте огромных социальных контрастов в Трансильвании. – С изощрённым вкусом украшенный великолепный замок – и курная хижина под его стенами. Трансильвания – не провинция, а противостояние высокой цивилизации и дикости. Есть в этом какой-то тяжёлый и мрачный пафос, словно вельможа, наряженный в бархат, – тоже внутри дикарь, который для внешнего мира играет роль утончённого аристократа. И всё это – жёсткое и неподвижное, словно деревянный истукан. Даже природа в этом горно-лесистом крае под стать разительным социальным и национальным контрастам состоит из таких крайностей, которые никогда не сойдутся друг с другом. В нескольких километрах от ухоженных, плодородных участков вы увидите дикую, неосвоенную местность. Аккуратные, тёплые сады вдруг сменяются лесом и скалистыми кручами»⁷.

Складыванию «образцового мира» между народами в Трансильвании не способствовала и Первая мировая война. В условиях начавшегося передела Европы, заявив претензии на Трансильванию, Румыния могла достичь поставленной цели лишь при поддержке больших держав, в свою очередь искавших себе союзников среди малых стран. Ещё в начале войны Россия обещала посдействовать ей в получении этого богатого природными ресурсами края в случае перехода на сторону Антанты. 17 августа 1917 г. Румынией был заключён договор со странами Антанты, дававший ей право на занятие Трансильвании. Конкретные обстоятельства сложились так, что он фактически не утратил силу и после подписания сепаратного мира Румынией с Австро-Венгрией 7 мая 1918 г. В конце осени 1918 г., после революции в Австро-Венгрии, положившей начало её стремительному распаду, Румыния, ободрённая заявлением президента США Т.В. Вильсона в свою поддержку⁸, развязала военные действия против Венгрии, не только оккупировав Трансильванию, но приняв летом 1919 г. самое активное участие в разгроме Венгерской Советской Республики. Ещё 1 декабря 1918 г. Народное собрание в Алба-Юлии (в венгерской традиции Дьюлафехервар) провозгласило воссоединение Трансильвании с Румынией.

В ходе Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Венгрия пыталась отстоять Трансильванию, ссылаясь на «историческое право» и на

хозяйственную целостность этого края, его привязанность к венгерской экономике в качестве источника сырья (такие аргументы сохранялись и позже; если первый из них был отброшен с падением хортизма, то второй фигурировал в выступлениях венгерской делегации на Парижской мирной конференции 1946 г.). Румыния также, хотя и реже, прибегала к историческим аргументам. Речь шла, в частности, о континуитете проживания на территории современной Трансильвании латинского населения со времён Римской империи (тогда как венгры вторглись на эти земли лишь в конце IX в.). Однако главным основанием для румынских притязаний всегда оставался этнический принцип, то есть акцент делался на численное преобладание в Трансильвании румын.

Державы-победительницы поддержали точку зрения Румынии. «Даже и тысячелетнее положение вещей не должно продолжаться, коль скоро оно признано противным справедливости», – писал в своём обращении к венгерской делегации председатель Парижской мирной конференции А. Мильеран⁹. Принимая решение не в пользу Венгрии, устроители Версальской системы были движимы не только желанием наказать венгров за коммунистический эксперимент и даже не только стремлением достичь равновесия сил в Дунайском бассейне в интересах будущей европейской стабильности. Окончательная резолюция была вынесена лишь в результате изучения группой международных экспертов этнических границ в регионе и особенностей расселения разных этносов в тех районах, где (как в Трансильвании) в силу смешанности состава населения было трудно или совсем невозможно провести этнические границы¹⁰. Несмотря на усилия международных экспертов, установленные границы оказались далеко не идеальными, поскольку в Средней Европе сохранились обширные районы с компактным расселением национальных меньшинств. В частности, за пределами нового венгерского государства оказалось около 3 млн венгров, приблизительно каждый четвёртый представитель этого этноса¹¹.

Державы-победительницы, определявшие послевоенные судьбы народов Центральной Европы, не были заинтересованы в существовании сильного венгерского государства, не только потенциального союзника Германии, но и вероятного претендента на гегемонию в Дунайском бассейне. Вопреки всем декларациям о справедливости и работе международной экспертной комиссии, их политику при формировании Версальской системы отличало стремление по возможности ослабить Венгрию, усилив одновременно позиции её соседей. Территория нового венгерского государства, согласно Трианонскому договору 1920 г., составила около 30% площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины),

к соседним странам отошёл и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от венгеро-румынских границ)¹². Неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия после поражения в Первой мировой войне была низведена до положения одного из малых государств (соседние Румыния, Чехословакия и Югославия каждая в отдельности превзошли Венгрию по площади и по численности населения).

Как известно, согласно Трианонскому договору Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии – Кришана) и Марамуреш перешли во владение Румынии. Общая площадь этих земель превысила 100 тыс. км², что превосходило по территории трианонскую Венгрию (93 тыс.). Хотя для такого решения устроителей Версальской системы имелись весьма серьёзные основания (прежде всего преобладание румынского этноса в Трансильвании), проблем в результате не стало меньше¹³.

С одной стороны, прежняя дискриминация румын сменяется новой – объектом притеснений со стороны бюрократии королевской Румынии становится двухмиллионное мадьярское меньшинство. Ещё 9 декабря 1919 г. был заключён договор союзных держав с Румынией, согласно которому румынское правительство обязалось обеспечить защиту национальных меньшинств. Договором было, в частности, предусмотрено создание культурной (в том числе школьной и религиозной) автономии для компактных групп в 600 тыс. венгров, проживающих в Восточной Трансильвании на территории в 17 тыс. км². Эта мера, однако, так и не была реализована. Кроме того, многим тысячам венгров было отказано в получении румынского гражданства¹⁴. Наряду с этим существовало экономическое притеснение определённых категорий венгерского населения. Так, аграрная реформа первой половины 1920-х гг. в Трансильвании не только конфисковала у венгерских помещиков около 2/3 принадлежавшей им земельной собственности (11,7 млн га), главным образом в пользу румынских крестьян¹⁵, но и согнала с земли массу венгерского крестьянства¹⁶. По венгерским данным, в период между двумя мировыми войнами около 200 тыс. венгров предпочли эмигрировать из Румынии¹⁷.

С другой стороны, венгерское национальное сознание крайне болезненно восприняло утрату Трансильвании, края, исторические судьбы которого на протяжении столетий были довольно тесно переплетены с судьбами самой Венгрии. Отрыв венгерской промышленности от важных источников сырья, оставшихся в Трансильвании, а сельского хозяйства от одного из главных рынков сбыта своей продукции, как и утрата некоторыми знатными фамилиями венгерской аристократии своих наследственных земельных владений, стали факторами, в значительной мере способствовавшими эскалации территориальных притязаний Будапешта в отношении восточного соседа. Внешняя политика хортистского режима была

изначально направлена на ревизию трианонских границ, восстановление Великой Венгрии, причём, пожалуй, ни одно европейское государство (включая Германию) не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой настойчивостью и упорством, как Венгрия. При этом с точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, будучи важнейшим инструментом достижения национального единства¹⁸. Ирредентистский курс хортистских правительств находил поддержку в весьма широких слоях венгерского общества, с большим трудом адаптировавшегося к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн венгров, волею держав-победительниц оторванные от матери-родины¹⁹. Забегая немного вперёд, заметим: когда в 1940 г. при поддержке А. Гитлера и Б. Муссолини Северная Трансильвания была возвращена Венгрии, миллионы венгров как в самой стране, так и в соседних государствах восприняли это как восстановление исторической справедливости²⁰.

Адмирал Миклош Хорти и его окружение, утвердившиеся у власти в Венгрии вследствие падения Венгерской Советской Республики 1919 г., как известно, с крайней непримиримостью относились к коммунистической идеологии и видели в экспансии Советов на Запад главную угрозу мировой цивилизации. «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы», – такова была позиция регента Венгрии, изложенная в одном из писем²¹. При всём при этом идеологический фактор отступал на задний план там, где дело касалось объективного совпадения интересов СССР и хортистской Венгрии. Поскольку ни в Москве, ни в Будапеште решительно не принимали Версальской системы, существовала основа для сближения двух стран, тем более что каждая из них имела свои территориальные претензии к Румынии²². По мере того как в условиях Второй мировой войны всё более реальной становилась перспектива дальнейшего пересмотра границ в Центральной и Юго-Восточной Европе (начавшегося ещё в 1938 г.), венгерская политическая элита всё больше осознавала общность устремлений СССР и Венгрии, нацеленных на приобретение определённой части румынской территории. Как отмечал в начале 1940 г. в своём рабочем дневнике полпред СССР в Венгрии Н.И. Шаронов, как в политических кругах Будапешта, так и среди иностранных дипломатов, работавших в Венгрии, высказывались предположения о продвижении СССР в обозримом будущем на балканском направлении, первой же страной, стоявшей на пути ожидаемой советской экспансии, была в силу своего географического положения Румыния²³. В предвкушении столь желательного для хортистской Венгрии развития событий её министр иностранных дел граф И. Чаки, беседа с журналистами, депутатами парламента, иностранными дипломатами,

с удовлетворением констатировал «нормальный» характер советско-венгерских отношений, отсутствие взаимных претензий. В январе 1940 г., встречаясь в Венеции с министром иностранных дел Италии, зятем Муссолини Г. Чиано, он якобы признавался итальянскому коллеге: «Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем вообще и угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем»²⁴. Ориентации на сближение (конечно, до известных пределов²⁵) с СССР в целом не препятствовало и осознание венгерскими лидерами непрочности советско-германского союза, возникшего вследствие определённого (временного) соотношения сил на международной арене и не имевшего долгосрочной перспективы. Ссылки на высказывания венгерских политиков о недолговечности дружественных советско-германских отношений стали общим местом в донесениях Шаронова, следовавшего официальной линии Наркоминдела и постоянно убеждавшего своих собеседников в том, что две великие европейские державы, якобы не имевшие между собой неразрешимых противоречий, всегда способны договориться²⁶.

В свою очередь румынская сторона после краха Чехословакии, Польши и начала большой войны за передел европейских границ вполне ожидала оживления великомадьярского ревизионизма и эскалации территориальных притязаний Будапешта²⁷. Это заставляло её принимать меры безопасности, укрепляя западные границы Румынии. Принятию румынскими властями надлежащих мер предосторожности среди прочего способствовали прозвучавшие в феврале 1940 г. чересчур вызывающие публичные заявления некоторых официальных лиц в Будапеште о том, что Венгрия «не потерпит отсрочки разрешения Трансильванского вопроса до греческих календ»²⁸. Позиция официального Будапешта особенно ужесточилась вследствие активизации в начале 1940 г. так называемой Балканской Антанты, включавшей в себя Румынию, Югославию, Грецию и Турцию – страны, заинтересованные в сохранении статус-кво в регионе. Чтобы склонить в свою пользу мнение крупных держав, в венгерском МИДе давали заверения иностранным дипломатам о существующих якобы планах предоставления Трансильвании автономии в составе Венгрии. Боясь, однако, связать себя чересчур далеко идущими обещаниями, представители венгерского правительства делали в то же время и существенные оговорки. В прозвучавшей в некоторых заявлениях мысли о том, что установление особого статуса нацменьшинств в будущей венгерской Трансильвании не способно снять остроту существующей проблемы, легко прочитывался заблаговременный отказ в предоставлении румынам такого статуса²⁹.

Заботы хортистских властей о поддержке своих ревизионистских требований Советским Союзом как одной из больших держав были делом тем более насущным, что позиция Будапешта находила мало понимания не только в Лондоне и Париже (столицах стран – строителей

Версальской системы), но также в Берлине и Риме. Правительство графа П. Телеки де Секи хорошо осознавало, что ирредентистские планы Венгрии не могут быть реализованы без согласия держав «оси», и в первую очередь Германии, после аншлюса Австрии и краха Чехословакии, явно доминировавшей в Средней Европе. Между тем в Берлине поддерживали эти планы Венгрии прежде всего в той мере, в какой они были направлены против непримиримо враждебной Третьему рейху Чехословакии. С решением общей задачи (распадом чехословацкого государства) Гитлер и его окружение уже менее сочувствовали венгерскому ревизионизму, резонно полагая, что усилившаяся Венгрия может проводить слишком независимый внешнеполитический курс. Опасения подогревались опытом недавнего прошлого, когда в Будапеште во второй половине 1930-х гг. пытались через установление тесных связей с Италией, Австрией, Польшей и Югославией создать некий противовес германскому влиянию в регионе³⁰. Сказывалась также заинтересованность Третьего рейха в некоторых из стран, на которые распространялись венгерские территориальные амбиции, – в частности, в Румынии и «независимой» Словакии. Открытая поддержка венгерских ревизионистских требований исключила бы для Германии возможность вовлечения Румынии в сферу своего влияния, тогда как с точки зрения осуществления германских планов в отношении СССР и на Балканах Румыния была для Берлина более важной страной, чем Венгрия³¹. К явному негодованию хортистов, Третий рейх после уничтожения Чехословакии санкционировал образование на коронных землях «Святого Стефана» «самостоятельного» словацкого государства, фактически германского протектората³². В свою очередь оккупация Венгрии всей Подкарпатской Руси³³, произошедшая совсем не по сценарию, написанному в Берлине, вызвала со стороны фюрера гневную реакцию³⁴.

Недовольство было взаимным. Даже наиболее лояльная Германии часть хортистской политической элиты совсем не собиралась жертвовать в угоду фюреру интересами восстановления Великой Венгрии. При том, что обе страны требовали кардинального пересмотра Версальской системы и это составляло основу для сближения, попытки подчинить венгерский ревизионизм дипломатическим играм гитлеровской Германии оказывались поначалу не слишком удачными, поскольку о совпадении интересов речи быть не могло. Как справедливо отмечалось в записке НКВД СССР (июнь 1942 г.), «попытки Германии дальнейшего раздробления Юго-Восточной Европы, политика балканизации Юго-Восточной Европы с целью создания подвассальных Германии государств – находятся в вопиющем противоречии с планами венгерского империализма, преследующими цель установления гегемонии Венгрии в Карпатском бассейне»³⁵.

Почти столь же сдержанную позицию занимал в отношении венгерского ирредентизма официальный Рим³⁶. Г. Чиано, встречаясь с И. Чаки

в январе 1940 г., по некоторым сведениям, советовал венграм отложить выполнение своих требований до окончания войны на Западном фронте, то есть до поражения Франции и Англии³⁷. В принципе Италия выражала готовность поддержать венгерские территориальные претензии к Румынии лишь при мало выполнимом условии, чтобы в результате будущих «поправок несправедливостей Трианона» численность национальных меньшинств во вновь присоединённых к Венгрии районах не превысила бы 30%³⁸. Причём позиция Германии и Италии в трансильванском вопросе была, по просочившимся сведениям, согласованной – в ходе встречи лидеров двух стран в Бреннере (на границе Австрии и Италии) в начале весны 1940 г. было принято негласное решение не потакать «чрезмерным» венгерским амбициям³⁹. Весьма проблематичны были для Венгрии поиски надёжных союзников и среди менее значимых участников «европейского концерта» (таких, как, например, Югославия или Турция). «С венграми... трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию... Ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников», – говорил в феврале 1940 г. советскому полпреду Н.И. Шаронову югославский посланник в Будапеште Рашич⁴⁰.

Отрицательное отношение держав «оси» к максималистским планам восстановления Великой Венгрии не могло не вызывать в Будапеште плохо скрываемого раздражения. 13 февраля, ещё до бреннерской встречи, Чаки говорил Шаронову: «Мы от своего не откажемся никогда, и если победят в войне союзники и мы останемся в теперешних границах, мы зажжём пожар во всей Европе»⁴¹. Правда, в тот же день венгерский министр иностранных дел заверял советского полпреда в том, что для Венгрии всё же предпочтительнее мирный путь решения трансильванской проблемы: «мы не хотим войны и удерживаемся от всего, что могло бы дать румынам возможность её спровоцировать»⁴². Речь шла о шумной пропагандистской кампании, развязанной в Румынии в связи с эскалацией венгерских территориальных притязаний, о мерах Бухареста по дальнейшему укреплению западных границ.

С начала июня 1940 г., по мере того как всё очевиднее становился успех Германии на Западном фронте, полпредство СССР в Венгрии фиксирует широко распространившиеся в Будапеште слухи о планах СССР по захвату Бессарабии в самом ближайшем будущем. Такая перспектива казалась весьма заманчивой верхушке хортистской армии: один из генералов на приёме в полпредстве 19 июня прямо заявил советскому дипломату, что венгры только ждут занятия Советским Союзом Бессарабии, чтобы самим войти в Трансильванию⁴³. Столь откровенным заявлениям военных не противоречили высказывания в венгерских внешнеполитических кругах. Так, заведомо печати МИДа Венгрии А. Уллейн-Ревизки 24 июня на завтраке с германскими журналистами говорил, что Венгрия

больше ждать не может и должна начать маршировать⁴⁴. В июне всё интенсивнее становятся военные приготовления Венгрии на восточной границе, продолжается широкая мобилизация: численность армии 10-миллионной страны к середине июля была доведена до 1,2 млн человек⁴⁵. Сосредоточение по обеим сторонам границы большого количества войск и боевой техники увеличивало вероятность вооружённого столкновения, тем более что предельное обострение двусторонних отношений не могло не сопровождаться пограничными инцидентами⁴⁶.

В сложившейся обстановке официальный Будапешт всё более последовательно демонстрирует своё стремление к сближению с СССР, что проявилось среди прочего в двухкратном посещении (в течение месяца) графом Чаки советского полпредства, что было жестом беспрецедентным, не имевшим аналогов даже в его отношениях с германской миссией. Подобная демонстрация близости с Советами даже породила среди иностранных дипломатов отмеченные в рабочем дневнике Шаронова слухи о том, что вопрос о взаимной акции СССР и Венгрии в отношении Румынии уже решён⁴⁷. Правда, официальные лица Венгрии своими заявлениями тех дней не только ставили под сомнение подобного рода предположения, но и выражали опасения в связи с дальнейшими действиями СССР после аннексии Бессарабии. Так, Чаки в конце июня делился с югославским посланником своими мрачными предчувствиями того, что СССР «хотя и неизвестно когда, но произведёт нападение на Венгрию»⁴⁸. Озабоченности венгерского министра, несомненно, не могли не способствовать развернувшиеся в июне 1940 г. события вокруг прибалтийских стран, завершившиеся в конце концов их «добровольным» присоединением к СССР. Советская политика в Прибалтике оживила в хортистской Венгрии комплекс советской угрозы до такой степени, что заведомо печатный МИДа говорил 24 июня немецкому журналисту: «СССР сейчас расправляется с Прибалтийскими государствами, а следующим его шагом после установления там советской власти будет, наверное, Венгрия»⁴⁹. Впрочем, в кругу иностранных дипломатов, находившихся в Будапеште, не слишком были склонны разделять (даже в свете прибалтийских событий) опасений относительно судеб Венгрии. Там резонно полагали, что последующая экспансия СССР пойдёт в балканском, а не средневропейском направлении⁵⁰.

Нота с требованием «в интересах восстановления справедливости» приступить «к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу» была направлена румынскому правительству 26 июня⁵¹, через 4 дня после капитуляции Франции, на протяжении долгих лет (вплоть до аншлюса Австрии и краха Чехословакии) выступавшей главным гарантом Версальской системы, одним из важных установлений которой являлась целостность Румынии в её границах 1920 г. Берлин и Рим посоветовали Бухаресту уступить, дав понять, что речь идёт

об «уступках временного порядка»⁵². 28 июня Красная армия перешла Днестр.

Советская акция по присоединению Бессарабии (а также Северной Буковины) вызвала нескрываемое воодушевление в венгерских политических кругах. «Население города взволновано. Отношение к нам хорошее», – записал в своём рабочем дневнике полпред Н.И. Шаронов вечером 27 июня⁵³. В передовицах правительственных газет от 28 июня выражалось удовлетворение тем, что «целостности Румынии больше не существует», при этом советские требования назывались вполне справедливыми. Замминистра иностранных дел Венгрии Я. Ворнле, поздравив Шаронова с успешным осуществлением акции, заметил, что они, то есть венгры, «этому рады больше, чем какое-либо другое государство», так как для них это означает ликвидацию принципа целостности Румынии и «более лёгкую возможность продолжить то», что начал СССР⁵⁴. Созданный Советским Союзом прецедент существенно облегчал, таким образом, решение самой насущной внешнеполитической задачи, поставленной перед собой хортистским правительством. Венгерский посланник в Москве И. Криштоффи ди Чейте, принятый 29 июня заместителем наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозовым, также в свою очередь выразил удовольствие успешно проведённой операцией. Напомнив собеседнику о том, что у Венгрии имеются свои территориальные претензии к Румынии, венгерский дипломат увидел различие в положении двух стран только в том, что Советский Союз уже разрешил стоящую перед ним задачу, а Венгрия ещё нет⁵⁵. Таким образом, соображения реальной политики и осознание объективной общности интересов двух стран заставили хортистскую политическую элиту на время забыть о своём непримиримом отношении к большевизму.

Наркоминдел СССР со своей стороны не охлаждал стремления хортистов к сближению, очевидно просчитывая возможности упрочения советских позиций в этой стране в интересах некоторого, пускай довольно вялого противодействия нежелательной германской экспансии в направлении Балкан. Ещё до событий, развернувшихся вокруг Бессарабии, В.М. Молотов заявил итальянскому послу о том, что «советское правительство считает свои отношения с Венгрией нормальными: СССР не имеет никаких претензий по отношению к Венгрии»⁵⁶. Принимая Криштоффи 3 июля, председатель Совнаркома и нарком иностранных дел отметил, что с точки зрения советского правительства претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания; такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой будет стоять вопрос о территориальных требованиях Венгрии⁵⁷. Через полгода, в декабре 1940 г., полпред Н.И. Шаронов в информационно-аналитическом письме, адресованном в НКВД, был вынужден констатировать: «заявление Народного Комиссара подействовало

в Венгрии чрезвычайно успокоительно, и после него до конца года слухи о возможности акции СССР против Венгрии совершенно не появлялись»⁵⁸. Непосредственная реакция в Венгрии на заявление Молотова была тем более позитивной. Поскольку Советский Союз оказался единственной (независимо от принадлежности к тому или иному воюющему лагерю) большой державой, поддержавшей венгерские претензии на Трансильванию, граф Чаки, выступая в середине июля в парламенте, не скупился на сантименты в адрес Москвы, при этом речь его встречалась одобрительными возгласами членов парламентской комиссии по иностранным делам⁵⁹. Любезности, расточаемые Советскому Союзу, носили довольно демонстративный характер, явились жестом, адресованным не только и не столько Бухаресту, который попросту хотели запугать «чудовищной» хортистско-советской коалицией на антирумынской платформе, сколько Берлину – от последнего ждали серьёзных подвижек в трансильванском вопросе с учётом нежелательного для держав «оси» роста популярности СССР в Венгрии. В своих попытках разыграть против Румынии советскую карту венгерские лидеры иной раз не останавливались перед явным блефом, давая, в частности, понять румынским дипломатам, что на повестке дня стоит якобы вопрос о заключении союза с СССР, способного обеспечить главенствующее положение Венгрии в Дунайском бассейне⁶⁰. Впрочем, заявленная Молотовым советская позиция хотя и вызвала удовлетворение в Будапеште, отнюдь не казалась бескорыстной. В действиях СССР виделись далеко идущие стратегические цели. Полпред Шаронов в начале августа фиксировал в своём рабочем дневнике звучавшие в политических и дипломатических кругах высказывания о том, что, наладив хорошие отношения с Венгрией, СССР сознательно и целенаправленно толкает её против Румынии с тем, чтобы, воспользовавшись войной, не ограничиться Бессарабией и Северной Буковиной, заполнить от Румынии и некоторые другие территории⁶¹. Причём такая тактика в отношении Венгрии рассматривалась как частный случай более широкой стратегии – подтолкнуть Германию и её союзников против Англии, с тем чтобы после ослабления обеих воюющих сторон занять доминирующее положение в Европе, что уже совсем не отвечало интересам режима Хорти.

Хотя ревизия границ с Румынией стала для хортистской Венгрии неотложной задачей текущей политики, единства в вопросе о методах её решения не было. Крайне правый депутат Ш. Райниш⁶², с которым советский полпред поддерживал особенно тесные, доверительные отношения, говорил ему за дружеским завтраком 28 июня: хотя «венгерская общественность» очень довольна, что СССР начал разрушать здание «великой Румынии», к тому же дело обошлось без войны, «но венгры предпочитали бы видеть войну СССР с Румынией, чтобы самим тоже броситься на Румынию, которая в случае двухсторонней войны будет сразу раздавлена, а одной Венгрии будет трудно [это сделать]»⁶³. Из беседы с

тем же Райнишем 17 июля Шаронов узнал о том, что венгерские генералы отнюдь не ограничивались воинственной риторикой, генштаб даже разработал конкретный план боевых действий с восточным соседом в расчёте на то, что Румыния отклонит ультиматум СССР и Венгрия сможет выступить сразу же после начала войны Румынии с СССР⁶⁴. Мирный исход советско-румынского территориального спора вызвал даже некоторое разочарование венгерских военных, предвкушавших (без каких-либо серьёзных на то оснований) победоносную кампанию. Впрочем, силовой способ разрешения трансильванской проблемы не исключался и после того, как Советский Союз исполнил свою «освободительную миссию». Существовали планы перехода войсками границы в случае серьёзных волнений в Румынии, особенно на этнической основе. Заместитель министра иностранных дел Ворнле говорил советскому полпреду 5 июля о том, что, по полученным венгерским правительством сведениям, «румыны вооружают румынское население в смешанных районах, и если хоть один венгр будет там убит, мы немедленно начнём войну»⁶⁵. Подобные заверения отдавали некоторым блефом. Пожалуй, несколько искреннее был в беседе с Шароновым заведомо печатный редактор МИДа А. Уллеин-Ревички, который 27 июня на прямой вопрос советского дипломата, не думают ли венгерские лидеры начать войну с Румынией, ответил, что «Венгрия уже давно готова к войне, но её начало зависит от разрешения Германии и Италии»⁶⁶. В середине июля П. Телеки де Секи и И. Чаки были приняты в Мюнхене Гитлером и Риббентропом, очевидно, рекомендовавшими венгерским коллегам не торопиться с разрешением трансильванского вопроса и во всяком случае избрать путь мирных переговоров⁶⁷. Упомянувшийся Ворнле, которому, очевидно, не слишком импонировала зависимость Будапешта от Берлина в принятии ключевых решений, пытался в беседе с полпредом объяснить отсрочку с разрешением вопроса следующим образом: Венгрия не торопится начать войну в ближайшие две-три недели, так как не хочет мешать Германии и Италии покончить с Англией, но после этого венгры начнут действовать, при самом же благоприятном стечении обстоятельств они готовы действовать, оставив без внимания предупреждение держав «оси»⁶⁸. Судя по беседе германского посланника с Шароновым 27 июня (в день, когда Румыния должна была дать ответ на советский ультиматум), немцы ожидали, что Венгрия может выступить с аналогичным ультиматумом, однако едва ли начнёт войну без согласования с Берлином⁶⁹. Вопреки утверждениям венгерских официальных лиц о неизбежности столкновения с Румынией среди зарубежных дипломатов в Будапеште, встречавшихся с Шароновым, было всё же распространено мнение о том, что Венгрия не пойдёт на военный конфликт со своим восточным соседом, значительно превосходящим её по численности населения⁷⁰. Фактором, несколько остужавшим воинственный пыл хортистских политиков и генералов, были опасения

вмешательства в конфликт на стороне Румынии третьих стран, и в частности, дружественной ей Югославии. Не удивительно, что Криштоффи 3 июля по поручению своего правительства спросил Молотова, не сможет ли советское правительство повлиять на Югославию с тем, чтобы она сохранила спокойствие в случае, если Венгрия будет вынуждена вступить в конфликт с Румынией⁷¹. Кроме того, хортисты для пущей уверенности хотели заручиться поддержкой Болгарии, также имевшей территориальные претензии к соседней Румынии (в Южной Добрудже)⁷².

Хотя аннексия Советским Союзом Бессарабии была осуществлена с ведома и согласия Германии, правящие круги Третьего рейха не скрывали раздражения в связи с попытками Москвы через участие в разделе Румынии укрепить свои позиции на балканском направлении. Полпред СССР в Румынии А.И. Лаврентьев в информационном письме Молотову от 30 июля привёл заявление одного из германских официальных лиц о том, что «с тех пор, как Австрия стала немецкой и Дунай стал немецкой рекой, Германия не допустит, чтобы СССР сделался придунайским государством»⁷³.

В Румынии проправительственные круги рассчитывали на дальнейшее обострение советско-германских противоречий на Балканах и неизбежный в этом случае антисоветский поворот в политике Берлина. 30 июля один из влиятельнейших правых журналистов Румынии П. Шейкару писал в своей газете «Курентул»: «не надо забывать, что границы в настоящее время непрерывно меняются: окончательное их установление будет делом того, кто диктует новое устройство Европы»⁷⁴. Как резюмировало полпредство СССР, «враждебная политика румынского правительства по отношению к Советскому Союзу перешла в скрытую, затаённую форму, с расчётом на перспективное столкновение интересов Советского Союза и Германии»⁷⁵.

В Будапеште действия СССР в Бессарабии и Северной Буковине также рассматривались в контексте скрытого советско-германского противостояния на Балканах, знали там и о недовольстве Германии советской оккупацией этих территорий, особенно Северной Буковины, никогда не входившей в состав Российской империи. Реакция в Берлине на происходящее могла лишь послужить дополнительным подтверждением распространённому среди венгерской политической элиты мнению о непрочности советско-германского пакта, и в этой связи делались важные оговорки и касательно более отдалённых перспектив внешне совсем, казалось бы, безоблачных в июне – июле 1940 г. советско-венгерских отношений. Так, 1 июля, вскоре после ввода советских войск в Бессарабию, Чаки говорил югославскому посланнику Рашичу о том, что отношения СССР с Германией не так хороши, как обе стороны пытаются представить; пока ещё Германия вынуждена «терпеть» действия Советов на Балтике и в Румынии, но после окончания войны на Западе (то есть

победы Третьего рейха над Англией) германо-советские, а вслед за ними и венгеро-советские отношения претерпят большие изменения, поскольку «за хорошего соседа нас надолго считать нельзя»⁷⁶. Обнадёживающее заявление Молотова при встрече с Криштоффи 3 июля могло лишь несколько откорректировать такую позицию, но не изменить её сути.

Принимая, таким образом, в расчёт предстоящее ухудшение отношений СССР и Германии и видя уже первые симптомы такого ухудшения, венгерская политическая элита должна была форсировать решение стоявших на повестке дня задач, максимально используя уже имеющиеся возможности. «Слухи о желании Румынии начать хорошие отношения с нами, вместе с неверием кабинета министров в продолжительность хороших советско-германских отношений, заставляют венгров спешить с разрешением конфликта», – докладывал Шаронов Деканозову 17 августа⁷⁷. Стремление венгерской стороны к ускорению событий было тем определённое, что внутреннее положение, сложившееся в Румынии к середине августа, справедливо расценивалось венграми как нестабильное, не обеспечивающее для Румынии возможности «нормального» ведения войны. В этих условиях силовой путь казался многим в Будапеште всё более предпочтительным. Не надеясь получить путём переговоров сколько-нибудь значительной части Трансильвании, влиятельные силы в Венгрии резонно полагали, что в случае войны и поражения противника у них будет шанс получить всю Трансильванию плюс компенсации за репарации в пользу Румынии, наложенные на Венгрию по итогам Первой мировой войны.

Германия, однако, в условиях войны с Великобританией желала спокойствия в своём восточноевропейском тылу и поэтому никак не могла допустить венгеро-румынского столкновения. Более того, она стремилась пристегнуть обе противоборствующие стороны к своему внешнеполитическому курсу, сделать и Венгрию, и Румынию младшими партнёрами в деле реализации нового порядка в Европе. Под давлением Берлина венгерские и румынские представители сели за стол переговоров, проходивших 16–24 августа в румынском городе Турну-Северине (ныне Дробета-Турну-Северин)⁷⁸. Каждая из сторон, прекрасно понимая, что война на востоке Центральной Европы совсем не нужна Берлину, имела свои основания надеяться на то, что германское вмешательство в урегулирование трансильванского спора не ущемит её интересов. Между тем в ходе состоявшейся встречи делегации двух стран не могли как следует договориться даже о самом предмете переговоров. Румынская сторона была готова вести разговор прежде всего об обмене населением, соглашаясь, правда, уступить западному соседу небольшой пограничный участок в 5–6 тыс. км² (из 102 тыс. км², отошедших от королевской Венгрии к Румынии вследствие Трианонского договора). Поскольку в пределах трианонских границ Венгрии не было сколько-нибудь значительного

румынского меньшинства, венгры считали возможным говорить об обмене населением лишь после решения территориального вопроса. Их первоначальное требование к румынам возвратить Будапешту около 2/3 утраченных им в результате Первой мировой войны и отошедших именно к Румынии земель (свыше 60 тыс. км²) хотя и было несколько умереннее выдвигавшихся ранее притязаний на всю Трансильванию, однако никак не могло найти отклика партнёров по переговорам. И даже снова умерив свои требования (до 48 тыс. км²), они не смогли заявить позиции, сколько-нибудь приемлемой для оппонентов. Переговоры, как и ожидалось, зашли в тупик, и румыно-венгерские отношения приобрели ещё большую остроту, поскольку представители обеих сторон заявили, что мирные способы решения спора исчерпаны⁷⁹.

Согласно прогнозам полпредства СССР в Румынии, решение по венгеро-румынскому территориальному спору предстояло вынести державам «оси», при этом полпред А.И. Лаврентьев полагал, что оно окажется не в пользу Венгрии. В этом мнении ему помогли укрепиться не только высказывания германского посланника в Бухаресте В. Фабрициуса, постоянно создававшего видимость поддержки Германией румынских требований, но и позиция некоторых румынских газет. Решающее значение имел его собственный анализ ситуации. В отличие от своего коллеги Н.И. Шаронова, который, исходя из незыблемости пакта Молотова – Риббентропа, старался подлаживаться под наиболее оптимистические ожидания И.В. Сталина и его окружения относительно перспектив советско-германского союза и вплоть до поздней весны 1941 г. не только в беседах с венграми, но, как правило, и в своих донесениях по возможности отрицал антисоветскую направленность тех или иных внешнеполитических акций Берлина⁸⁰, Лаврентьев не боялся делать выводы, расходившихся с генеральной линией Кремля. Полпред предполагал, что Германия была более заинтересована в сохранении достаточно мощного и жизнеспособного, целостного румынского государства, поскольку может рассматривать его как потенциальный плацдарм против СССР и стратегический пункт дальнейшей экспансии на Балканы, к черноморским проливам и далее на Ближний Восток⁸¹. При этом Берлин не мог не считаться с тем, что перед лицом территориальных притязаний трёх соседних государств (СССР, Венгрии и Болгарии), стремившихся вернуть утраченные в 1918–1920 гг. земли, Румыния ещё несколько лет назад, при министре иностранных дел Н. Титулеску, придерживалась, как уже отмечалось, последовательно профранцузских ориентаций, воспринимая Францию и отчасти Англию в качестве главных гарантов своей целостности; настроения в пользу держав – противников Германии были достаточно сильны в ней среди политической элиты и летом 1940 г., даже после поражения Франции. Всё-таки с падением Парижа она лишилась своего традиционного покровителя, возникшие в этих условиях новые осложнения по террито-

риальному вопросу с Венгрией, а также с Болгарией, по справедливому замечанию полпредства, «увеличили растерянность правительства и, несомненно, усилили его зависимость от германского правительства»⁸². Но для того чтобы решительно вытеснить антинемецкие настроения и вообще укрепить позиции Румынии как плацдарма для осуществления германских стратегических планов, Берлину, по мнению Лаврентьева, необходимо было поддержать позицию румын в их территориальном споре с Венгрией.

Румынская пресса, особенно прогерманской ориентации, в своих прогнозах исходила из того, что участие Германии в арбитраже по трансильванскому вопросу негативно скажется на престиже Третьего рейха. Её комментаторы полагали, что Германия не захочет своим вмешательством создавать ситуацию, которая могла бы вызвать недовольство в обеих странах, что не явилось бы залогом мирных отношений в регионе в будущем, а значит и спокойствия в её тылу⁸³. Германские официальные лица, работавшие в Бухаресте, включая самого посланника, давали основания для таких предположений, поскольку решительно заверяли, что Третий рейх не станет арбитром в венгеро-румынском споре⁸⁴. 25 августа немецкоязычная газета «Букарестер Тагеблат» опубликовала статью, смысл которой заключался в том, что совсем не в интересах Германии рубить гордиев узел, который завязали Лига наций и страны – победительницы в Первой мировой войне, поскольку ей не пристало брать на себя ответственность за положение на юго-востоке Европы, сложившееся отнюдь не по её вине.

Все эти прогнозы оказались, однако, совершенно неверными. Вожди Третьего рейха после капитуляции Франции чувствовали себя настолько уверенно, что не побоялись лишний раз взять на себя миссию устроителей нового порядка на континенте. Не сомневаясь в том, что в любом случае смогут удержать своих сателлитов в повиновении, они решились выступить в роли арбитров в споре, заранее зная, что не сумеют удовлетворить ни одну из сторон⁸⁵.

30 августа 1940 г. в венском дворце Хофбург представители Германии и Италии приняли решение, потребовав в ультимативной форме его строгого исполнения от обеих спорящих сторон. Территория Северной Трансильвании площадью 43 тыс. км² передавалась Венгрии, и в течение 14 дней её должны были оставить румынские войска. Румынские граждане, проживающие на этой территории, автоматически переходили в венгерское подданство, а нежелающие получали право в течение 6 месяцев ходатайствовать об оптации в румынское гражданство⁸⁶. В случае каких-либо трудностей при проведении в жизнь этого решения обе стороны предоставляли германскому и итальянскому правительствам право урегулирования спорных проблем. В соответствии с санкцией стран-арбитров как Венгрия, так и Румыния обязались гарантировать равноправие своих

национальных меньшинств⁸⁷. 5 сентября началось вступление венгерских войск в Северную Трансильванию почти по всей протяжённости старой границы. Кинохроника того времени запечатлела редкие кадры: адмирал Хорти на белом коне едет по главному городу Трансильвании Клужу, его встречают рукоплесканиями тысячи венгров.

В день арбитража, 30 августа, Риббентроп провёл в Вене пресс-конференцию. Венский арбитраж, по его словам, снова доказал, что в противовес английской политике, направленной на создание очага войны в Дунайском бассейне, «государства оси в состоянии, в сотрудничестве с дунайскими государствами, воспрепятствовать расширению войны в этом районе». Принятое обеими заинтересованными сторонами третейское решение якобы вело к окончательному урегулированию последнего спорного территориального вопроса в Дунайском регионе⁸⁸. Итальянская сторона также была склонна видеть смысл арбитража в нераспространении конфликта⁸⁹. Как Риббентроп, так и Чиано, выступая от имени своих правительств, заявили также о том, что Германия и Италия в условиях общеевропейской войны гарантируют целостность и неприкосновенность румынского государства в его новых (урезанных) границах и готовы представить на этот счёт соответствующие письменные подтверждения. В этих словах содержался явный намёк на возможность нового советского наступления на Румынию, перед лицом которого она действительно нуждалась в германо-итальянских гарантиях. Декларации министров держав «оси» были призваны убедить румынское общественное мнение в том, что страна избежит участи Польши и Чехословакии.

Будучи опубликованными в румынской прессе утром 31 августа, заявления германского и итальянского министров иностранных дел не могли, однако, подействовать на румынское общество успокаивающе даже в той своей части, где речь шла о гарантиях, ибо слишком велик был контраст между широко распространёнными иллюзиями и реальным результатом арбитража. Как отмечала в те дни газета «Тимпул», «перед венским приговором румынский народ окаменел от боли и разочарования». От обещаний румынских лидеров до приговора, вынесенного Риббентропом и Чиано, «такое расстояние, которого ни один румын не мог себе даже представить в воображении»⁹⁰.

Когда арбитраж вопреки ожиданиям всё-таки состоялся, румынским прогермански настроенным политикам пришлось прилагать немало усилий, дабы объяснить и оправдать произошедшее, затушевав несоответствие между прежними прогнозами и действительной картиной событий. Делая хорошую мину при плохой игре, они вслед за Риббентропом и Чиано утверждали (возможно, не без некоторых оснований⁹¹), что позитивным следствием арбитража стали германские гарантии сохранения румынского государства в условиях продолжающегося передела Европы. Так, газета «Букарестер Тагеблат» в духе прежней своей безудержной

апологетики Третьего рейха отмечала, что «только благодаря нашей разумности в последний момент мы заслужили эту великую честь» и «фюрер простёр свою оберегающую руку над румынским народом, получившим, таким образом, честь принадлежать к семье благородных европейских народов»⁹². Эта точка зрения далеко не всем в Румынии казалась убедительной, скептицизм огромной части общества нашёл выражение и в прессе, вопреки всё ужесточавшемуся контролю цензуры. Газета «Универсул» в статье, которая долго не могла выйти из-за цензурных препон, замечала: «Страна должна знать, каковы те угрозы, которые ставили в опасность существование государства, если бы не был принят арбитраж»⁹³.

Румынские официальные лица, причастные к принятию важнейших государственных решений, в свою очередь понимали, что общественное мнение ждёт от них объяснений в связи с согласием принять ультиматум держав «оси». 31 августа Румынское телеграфное агентство опубликовало официальное сообщение, согласно которому Венская конференция «протекала при таких обстоятельствах, что Румыния должна была делать выбор между спасением политического существования нашего государства и возможностью его исчезновения». Угроза войны со стороны противников, отмечалось далее, повлияла на то, что правительство приняло решение в кратчайший срок⁹⁴. Руководитель румынской делегации на переговорах в Турну-Северине В. Поп комментировал события следующим образом: «На одной чашке весов стояла Румыния, уменьшённая территориально и этнически, но зато с новой границей, гарантированной от кого угодно без оговорки и двусмысленности самыми сильными в мире военными державами. На другой чашке весов была бесполезность борьбы не на жизнь, а на смерть... Какой выбор можно было сделать перед этой альтернативой?»⁹⁵. Источник угрозы в публичных заявлениях старались не конкретизировать. Опасность нападения со стороны Венгрии хотя и представлялась довольно реальной, но не могла считаться достаточным основанием для принятия столь жёстких ультимативных требований. По просочившимся в полпредство сведениям, на заседании коронного совета, где обсуждался ультиматум стран-арбитров, приводились ссылки на предупреждение германской стороны о том, что если Румыния не примет предложенных ей условий, то подвергнется нападению со стороны как Венгрии, так и СССР⁹⁶. Едва ли не единственным, кто в прессе открыто указал на реальную угрозу захвата Молдовы Советским Союзом в случае, если не будут приняты условия Германии, явился крупнейший румынский учёный-историк и влиятельный политик право-националистического толка Н. Йорга⁹⁷. Полпред А.И. Лаврентьев, с крайним возмущением отреагировавший на откровения «выживающего из ума старца» Йорги, сделал вместе с тем предположение, что слухи об опасности, исходящей от СССР, якобы претендующего на Молдову и Северную Добруджу (в то время как Венгрия продолжает добиваться Южной Трансильвании

и Баната), распространялись немецкой и итальянской дипломатией, чтобы создать видимость экстраординарных условий, в которых состоялся венский арбитраж⁹⁸.

Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что согласие принять условия венского арбитража действительно было дано Румынией в обстановке резкого обострения советско-румынских отношений, связанного с пограничными инцидентами. 29 августа замнаркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозов вручил румынскому посланнику Г. Гафенку (бывшему министру иностранных дел) ноту в связи с нарушением советской границы румынскими самолётами. Возложив на румынскую сторону всю ответственность за возможные последствия этих действий, советское правительство включило в официальную ноту пассаж, который не мог не быть воспринят в Бухаресте как прямая угроза: «Правда, на советской стороне нет ещё жертв, но если эти жертвы будут, то дело может приобрести серьёзный характер»⁹⁹. С другой стороны, Берлин вполне мог поделиться с Бухарестом достоверной информацией о реальных планах СССР по захвату Южной Буковины, ставших летом 1940 г. предметом обсуждения в ходе контактов советской и германской дипломатии, и это также не могло не напугать румынских лидеров.

Второй венский арбитраж и особенно заявление о гарантиях целостности Румынии в её урезанных границах, став очередным наглядным подтверждением возросшей военно-политической мощи Третьего рейха, вызвали крайне негативный отклик как во враждебном Лондоне¹⁰⁰, так и в «дружественной» Москве. В последней – не только в силу вызывающего нежелания Берлина считаться с мнением Кремля, когда дело касалось непосредственного соседа СССР, но и потому, что в акции Германии (и Италии) распознали ход, сознательно направленный на противоядействие советской экспансии на Балканы. 31 августа В.М. Молотов заявил послу Рейха В. фон дер Шуленбургу о том, что германское правительство нарушило статью 3 договора от 23 августа 1939 г., где стороны обязались консультироваться по вопросам, интересующим каждую из них; причём в Берлине не сочли нужным проконсультироваться с Москвой в вопросе, который самым прямым образом затрагивает интересы СССР, поскольку речь идёт о двух пограничных Советскому Союзу государствах¹⁰¹. Шуленбург объяснил отсутствие консультаций только большой поспешностью в решении трансильванского вопроса¹⁰². Тема была продолжена в ходе встречи 9 сентября, когда Шуленбург вручил Молотову ответное письмо своего правительства на заявление советского наркома, сделанное германскому послу 31 августа. Германская сторона, категорически отвергая возможность злого умысла, пыталась объяснить источник возникшего недоразумения тем, что в Берлине якобы не ожидали столь большой заинтересованности СССР в трансильванском вопросе. Молотов в свою очередь напомнил о том, что советское правительство заблаговременно

информировало германское правительство относительно своих действий в Прибалтике, Бессарабии и Буковине. Более того, идя навстречу пожеланиям Германии, оно сократило свои претензии к Румынии, ограничив их в отношении Буковины только её северной частью¹⁰³. Предоставление Румынии гарантий дальнейшей неприкосновенности Молотов 9 сентября квалифицировал как действие, противоречащее интересам советской стороны (причём германская сторона в июне в принципе, как обратил внимание нарком, не отвергала советских претензий на Южную Буковину, лишь заявляла о несвоевременности советских планов её аннексии)¹⁰⁴. Таким образом, предоставление Румынии гарантий было воспринято в Москве не только как демонстративное проявление неуважения к СССР, но и как ответ на его конкретные территориальные притязания – в частности, в отношении Южной Буковины.

Независимо от того, насколько серьёзную угрозу представлял собой для Румынии в конце августа 1940 г. советский фактор, попытки властей всецело переключить в восточном направлении недовольство результатами арбитража были поначалу не слишком эффективны. Как не всегда удавалось списать ответственность за серьёзную внешнеполитическую неудачу на бездарные действия прежних, англо- и франкофильски настроенных правительств. В сентябре происходят нападения на здания германских и итальянских посольских и консульских учреждений. В Клуже создаётся комитет сопротивления, призывавший саботировать требования арбитров. Даже в условиях ужесточения диктатуры после отречения короля Кароля II и прихода к власти генерала Й. Антонеску 5–6 сентября антигерманские настроения находили открытое проявление, их усилению способствовала целенаправленная деятельность влиятельнейших лидеров оппозиционных «исторических» партий Ю. Маниу, Д.К. Брэтиану и др.¹⁰⁵ Резкой критике в обществе подвергается и «отступник латинизма» Муссолини, не пожелавший занять сторону румын в их многовековом споре с Венгрией¹⁰⁶. Доминировавшим настроениям соответствовало прозвучавшее со страниц отнюдь не англофильской газеты «Курентул» напоминание о том, что задача армии и генералов – мобилизовать нацию на сопротивление¹⁰⁷. Издатель этой газеты П. Шейкару писал и о том, что Румыния должна собраться с силами и уже весной 1941 г. ей следует начать исправлять «великие оскорбления судьбы»¹⁰⁸. Силы прогерманской ориентации, к осени 1940 г. овладевшие в Румынии всей полнотой власти¹⁰⁹, не могли не осознавать, что грандиозные территориальные утраты, понесённые нацией в 1940 г., требуют незамедлительной компенсации – без этого правительство быстро утратит ту минимальную общественную поддержку, которая необходима для сохранения хотя бы относительной стабильности в обществе. «Румыния идёт до конца с осью, но Румынии нужна справедливость» – таков был лейтмотив выступлений проправительственной прессы во время ноябрьской поездки Антонеску

в Рим¹¹⁰. Газета «Универсул» несколькими неделями ранее, по свежим следам арбитража, писала о том, что «мир и спокойствие никогда не восстановятся, пока несправедливость не будет исправлена»¹¹¹. Не желая верить в окончательность установлений арбитров, правая румынская пресса выражала убежденность в том, что всё произошедшее есть «только временная мера для обеспечения мира в высших интересах на востоке и в центре Европы» и что Румыния, как и Германия, ещё возьмет свой реванш¹¹².

Необходимость компенсации понесённых Румынией утрат в целях умиротворения её населения осознавалась и в Берлине, тем более что с подготовкой плана «Барбаросса» эта страна приобретала особенно важное значение в военных планах Германии, выполнение которых требовало от румынского правительства и армии беспрекословного подчинения задачам Третьего рейха. Как и в случае с аннексией Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины, официальные представители Германии не уставали заверять Бухарест в том, что речь идёт только о временных уступках. Неблагоприятные для Румынии итоги арбитража хотя и вызвали не слишком долговременный всплеск антинемецких настроений, реально не только не ослабили, а даже укрепили позиции Германии, поскольку любые надежды на реванш могли быть связаны при существующем в Европе раскладе сил только с Третьим рейхом. Полпредство СССР в своём сентябрьском донесении в НКВД приводило распространившуюся в политических кругах Бухареста версию о том, что в качестве условия предоставления гарантий Германия потребовала от Румынии скорейшего разрешения на создание ряда военно-стратегических баз вермахта и оккупацию некоторых районов, представляющих особый интерес¹¹³. Речь шла, в частности, о важном центре добычи и переработки нефти г. Плоешти, который в первую очередь мог стать объектом бомбардировок британской авиации (как это и произошло в действительности в 1942 г.). Реальные события подтверждали достоверность этих предположений – военное и политическое присутствие Германии в Румынии в последние месяцы 1940 г. заметно усилилось. Как сообщало полпредство в Москву, под видом помощи эвакуирующимся немцам в Северную Добруджу и Южную Буковину были направлены немецкие солдаты, чтобы на освобождённой территории организовать военные зоны¹¹⁴. Немецкое население, как правило, не выселялось из Румынии, а переселялось по стране таким образом, чтобы составить в отдельных районах компактную массу, что, по замыслу, должно было способствовать усилению германского влияния¹¹⁵. В Северной Трансильвании, отошедшей к Венгрии, немцы составляли лишь незначительное меньшинство, тогда как в Южной Трансильвании и Банате – довольно большую прослойку. Таким образом, в пределах новых границ Румынии заметно возросла доля немецкого населения, требовавшего адекватного политического представительства¹¹⁶. Значение

немецкого фактора во внутривнутриполитической жизни Румынии усилилось на всех уровнях, особенно на местном – в Сибиу, Брашове и ряде других крупных городов немцы заняли ключевые или близкие к ключевым позиции в системе муниципального управления, при этом всё более открытой становится связь немецких общественных движений с посольством Германии. Наконец, при активном участии Германии и Италии началось перевооружение румынской армии в целях оснащения её более современной боевой техникой, причём большая роль в этом деле принадлежала инструкторам из вермахта¹¹⁷.

Полпредство СССР ещё с лета 1940 г. постоянно обращало внимание на усиливающееся внешнеполитическое и экономическое подчинение Румынии Третьему рейху¹¹⁸. В начале сентября оно приходит к выводу о том, что Румыния, рассматриваемая Германией как часть её «жизненного пространства», окончательно сделалась составной частицей оси Берлин – Рим, причём державы «оси» всё более открыто и настойчиво занимаются её превращением «в инструмент для выполнения своих далеко идущих целей»; таким образом, румынская политика по отношению к СССР не может не исходить из общей политики стран «оси» на советском направлении¹¹⁹. В письме от 20 октября полпред уже имел все основания обратить внимание Москвы на начавшуюся оккупацию Румынии вермахтом, происходящую с согласия её правительства¹²⁰. Согласно оценке полпредства, своей политикой в Румынии Германия по-видимому «стремится осуществить, с одной стороны, свои империалистические вожделения – продвинуться к берегам Чёрного и Средиземного морей, и, с другой стороны, создать военные возможности для борьбы с Советским Союзом»¹²¹. Хотя Третий рейх закреплял свои позиции на Балканах под флагом нераспространения на этот регион конфликта с Великобританией, на самом деле его усилия имели, по мнению полпреда, антисоветскую направленность – А.И. Лаврентьев, как уже отмечалось, не строил иллюзий относительно долговечности дружеских советско-германских отношений¹²². При этом нацистская Германия пыталась эксплуатировать в своих интересах реваншистские настроения в Румынии, заботясь о том, чтобы дать им выход в строго определённом направлении. Если экспансионистские устремления Венгрии она хотела удовлетворить прежде всего за счёт соседней Румынии, то компенсировать утраты, понесённые Румынией, она собиралась, обратив вектор её экспансии на Восток, против СССР¹²³. Полпред Лаврентьев уже в октябре 1940 г. высказал предположение, что румынское правительство согласилось пойти на размещение в стране германских войск и перевооружение своей армии, поскольку получило твёрдое обещание держав «оси» поддержать его усилия по возвращению Бессарабии и Северной Буковины¹²⁴. Без подобного обещания и его скорейшего выполнения оказалось бы проблематичным сохранение необходимого германо-итальянского влияния в стране.

Как и в Румынии, в соседней Венгрии во второй половине 1940 г. вследствие военных успехов Германии заметно активизировались общественные движения местных немцев, всё более настойчиво претендовавшие на приобщение к власти¹²⁵. Однако там правительство Телеки пыталось, насколько возможно, саботировать требования Третьего рейха по предоставлению им более широкого поля деятельности¹²⁶. Что же касается результатов арбитража, то если в Румынии они были восприняты как национальная катастрофа, то в Венгрии они вызвали чувство неудовлетворённости в различных слоях общества¹²⁷. Хортистская политическая и финансово-промышленная элита, не устававшая твердить об исторической целостности Трансильвании и её единстве как хозяйственного организма, не могла примириться с тем, что южная, более развитая в экономическом отношении часть Трансильвании осталась у Румынии¹²⁸. Хорошо осознавали в Будапеште и невыгодность новой границы как с военно-стратегической, так и с экономической точки зрения. Вследствие произвольного проведения на карте довольно бессмысленной линии были разрушены издавна сложившиеся экономические связи между районами, перерезаны важнейшие дороги, города отрезаны от пригородов, а следовательно, часть населения – от мест работы, оставшихся в другой стране. К тому же румыны угнали в пределы своих новых границ весь подвижной железнодорожный состав и другие средства передвижения, и в результате в Северной Трансильвании со всей остротой встала транспортная проблема. Как не без оснований отмечалось в справке НКВД СССР о Трансильвании, подготовленной уже после войны, в декабре 1945 г., «с экономической точки зрения раздел Трансильвании не удовлетворил Венгрию, так как не дал необходимых ей источников сырья и совершенно нарушил экономическую жизнь Румынии, разрезав железнодорожные магистрали, оторвав промышленные предприятия от источников сырья и от потребителей»¹²⁹.

При этом в Будапеште прекрасно понимали, что размещение в Румынии германских войск и данные Берлином гарантии неприкосновенности откладывают на неопределённый срок возможность постановки вопроса о полном удовлетворении венгерских притязаний и даже о некотором исправлении границ в интересах преодоления экономической дестабилизации, которую вызвало непродуманное разрезание провинции на две части «по живому телу». В целом в венгерских политических кругах расценивали решение венских арбитров как вынесенное в пользу отнюдь не Венгрии, но Германии, путём разделения Трансильвании на две части создавшей для себя рычаги одновременного воздействия на обе страны. Столь явная зависимость результатов арбитража от внешнеполитических интересов Третьего рейха не могла не наводить наиболее здравомыслящих хортистских политиков на скептические размышления. Широкою известность в стране приобрели высказывания влиятельнейшего англо-

фильски настроенного консервативного политика, бывшего премьер-министра И. Бетлена о том, что Северную Трансильванию легко было получить, однако труднее её будет сохранить, ибо немцы никак не хотят допустить образования «Великой Венгрии», способной экономически доминировать на Дунае, а политически кооперироваться с Италией¹³⁰.

Более широкое общественное мнение в Венгрии также неоднозначно отнеслось к результатам арбитража, о чём полпредство СССР сообщало в Москву. Отнюдь не все выражали воодушевление, напротив, «средний человек с улицы» зачастую демонстрировал ещё больший скептицизм, чем те, кто делал политику в Будапеште; нередко от него можно было услышать, что к 10 млн бедняков прибавили ещё 2,5 млн¹³¹. Особенно велико было недовольство народа всеобщей мобилизацией, нарушившей нормальную хозяйственную жизнь страны. Весной 1941 г., в напряжённом ожидании грядущего столкновения СССР и Германии, сочувствие масс отнюдь не всегда было на стороне Третьего рейха, о чём свидетельствовали носивший характер своего рода политической демонстрации успех советского павильона на международной выставке в Будапеште и факты открытого возмущения населения передвижением по венгерской территории немецких войск в ходе антиюгославской кампании вермахта¹³².

С присоединением к венгерскому государству Южной Словакии, Закарпатской Украины и особенно Северной Трансильвании возникла проблема национальных меньшинств, не актуальная для трианонской Венгрии. С румынской стороны был поставлен вопрос о заключении договора о нацменьшинствах (в Южной Трансильвании и Банате оставалось, согласно венгерской статистике, до 750 тыс. венгров, тогда как в Северной Трансильвании более 1 млн румын), однако в Будапеште не были склонны пойти на это. «Всякий договор должен быть построен на принципах взаимности. Какая же может быть взаимность, если мы пригласим румынских депутатов в парламент и епископа в высшую палату, а у румын ни того, ни другого не существует. Вообще это легионерское государство не является пока что стабильным, и заключать договор о нацменьшинстве с таким государством мы не имеем возможности», – говорил в середине октября 1940 г. полпреду Н.И. Шаронову один из высокопоставленных хортистских чиновников¹³³.

Факты указывали на то, что в обеих частях Трансильвании национальный вопрос после венского арбитража приобретал ещё большую, чем прежде, остроту. Хортистское правительство заявило об оставлении в силе результатов румынской аграрной реформы. Венгерские магнаты, имевшие до 1920 г. владения в Трансильвании, должны были, таким образом, лишиться надежды на их возвращение¹³⁴. Правда, вопреки декларациям новые власти всё же пошли на частичный пересмотр аграрной реформы в пользу венгерских землевладельцев, что вызвало недовольство румынского населения. В свою очередь, в южной, румынской части

Трансильвании правительство Антонеску, чтобы поправить расстроены финансы, дважды после венского арбитража провело конфискацию капиталов, жертвами которой стали прежде всего этнические венгры. Это вызвало в Северной Трансильвании яростную реакцию. Созданная ирредентистами в Клуже (переименованном в Коложвар) так называемая венгерская ревизионистская лига обвиняла Румынию в намеренном экономическом разорении венгерского нацменьшинства¹³⁵. Уже осенью 1940 г. официальный Бухарест обратился к арбитрам с жалобой на притеснения румынского населения в Северной Трансильвании. В румынской прессе звучали утверждения о том, что арбитрами должны быть гарантированы не только целостность страны в её новых границах, но и существование в венгерской Трансильвании такого политического режима, который бы исключал дискриминацию румын, волею третейского суда ставших в августе 1940 г. венгерскими подданными. Работавшая в ноябре 1940 г. в Коложваре германо-итальянская комиссия по расследованию взаимных венгерско-румынских претензий составила доклад в пользу Румынии и рекомендовала создать постоянную комиссию по урегулированию конфликта между двумя странами¹³⁶. Всё это, однако, мало изменило положение дел: острота национального вопроса в Трансильвании при сохранявшейся напряжённости в отношениях двух стран не ослабевала. Опасаясь политической активизации румынского населения, Будапешт не решился даже провести парламентские выборы в Северной Трансильвании, депутаты от этого края вошли в парламент по правительственному назначению. Среди них были немцы (хотя немецкое меньшинство осталось главным образом в Южной Трансильвании), но не было ни одного румына, представляющего интересы 1,2-миллионного меньшинства, наиболее значительного в новых границах Венгрии. Система административного управления, выстраивавшаяся венгерскими властями в Северной Трансильвании, с самого начала отличалась от того, что было в самой Венгрии. Так, правительством назначается Верховный комиссар по делам Северной Трансильвании с широкими полномочиями.

Комментируя всё происходящее, германский посланник в Будапеште О. фон Эрдмансдорф цинично заявлял полпреду СССР Шаронову: и венгры, и румыны сильно шумят, «но обе стороны великолепно знают, что решить спорные вопросы вооружённой силой им никто не разрешит»¹³⁷. Анализируя ситуацию, сложившуюся вокруг Трансильвании осенью 1940 г., полпред приходил к справедливому выводу о том, что арбитраж фактически не решил, а только осложнил возможность разрешения конфликта¹³⁸. Единственной стороной, сумевшей извлечь несомненную политическую выгоду из результатов венского третейского решения, оказалась в самом деле Германия. Она не только сумела предотвратить назревавший военный конфликт между своими сателлитами, но получила дополнительные возможности играть в своих интересах на венгерско-румынских противо-

речия¹³⁹. Как отмечалось в одной из отечественных работ по теме нашего исследования, А. Гитлер, используя национально-территориальный спор между Венгрией и Румынией, венским диктатом прочно привязал обоих своих младших партнёров к колеснице германской военной машины, сократив до минимума свободу их самостоятельного манёвра. В то же время он оставил у каждого из них «надежду на то, что берлинский хозяин когда-нибудь в будущем скорректирует в их пользу новые, им же установленные в венском Бельведере границы двух стран. В конечном счёте румыны и венгры в равной мере надеялись получить из рук берлинского диктатора всю Трансильванию»¹⁴⁰. В условиях, когда уже вовсю велась подготовка плана «Барбаросса», это заставляло их подчиняться самым решительным требованиям Гитлера, в том числе относительно посылки войск на Восточный фронт. Таким образом, венгеро-румынские территориальные противоречия сыграли на руку осуществлению военных планов Третьего рейха, способствовали втягиванию обеих стран-антагонистов в войну с СССР. С другой стороны, сохранявшаяся в течение всей войны враждебность двух соседних государств (формально союзнических вплоть до 23 августа 1944 г.) порождала в Наркоминделе СССР в 1942–1943 гг. определённые иллюзии относительно того, что неразрешённый венгеро-румынский территориальный спор станет важным фактором подрыва стабильности внутри блока фашистских государств, приведёт в конце концов к его развалу¹⁴¹. Эти иллюзии, однако, основывались на недооценке военно-политической мощи Германии, способной долгое время удерживать в узде обоих своих сателлитов. К тому же маршалу Й. Антонеску удалось обратить взоры значительной части румын на Восток, не то чтобы заставив забыть их боль утраты, но посулив солидную компенсацию за счёт украинских земель.

Официальные советско-венгерские отношения после второго венского арбитража не претерпели существенных изменений, продолжая оставаться достаточно безоблачными вплоть до антиюгославской кампании апреля 1941 г., когда советская сторона довольно жёстко отреагировала на участие Венгрии в балканской операции вермахта в нарушение подписанного всего за несколько месяцев до этого, в декабре 1940 г. венгеро-югославского договора о мире и дружбе¹⁴². Полпредству СССР были известны высказывания графа Чаки в беседах с иностранными дипломатами о том, что «Россия является нашим обеспечением против Германии» (то есть защитой на случай планов аншлюса). При этом министр не забывал, что «немцы отдали нам не всю Трансильванию, тогда как русские признали справедливыми все наши требования»¹⁴³. С одной стороны, предвидя возможность антисоветского поворота в политике Третьего рейха¹⁴⁴, венгерские внешнеполитические круги ещё менее, чем ранее, были склонны делать длительную ставку на СССР, вопрос о каком-либо договоре с СССР со стороны Будапешта официально не поднимался.

С другой стороны, даже после осложнения в начале апреля отношений с СССР у части хортистской элиты сохранялись некоторые надежды на поддержку Советским Союзом их территориальных притязаний и даже на совместную акцию по дальнейшему расчленению Румынии¹⁴⁵.

При том что в силу объективной мощи Третьего рейха всё более доминирующей в Венгрии становилась прогерманская политическая ориентация, опиравшаяся на растущую экономическую зависимость Будапешта от Берлина, не сжигались и мосты к западным демократиям, что проявилось в сохранении сильных позиций группы И. Бетлена. Ведя двойную игру, хортистская элита во главе с графом П. Телеки де Секи пыталась на случай поражения Германии заручиться доказательствами вынужденности своих внешнеполитических шагов, сделанных под давлением Третьего рейха¹⁴⁶. Однако несмотря на стремление сохранить нейтралитет, Венгрия, подчиняясь диктату держав «оси», всё более превращалась в орудие осуществления планов Германии. В своём информационно-аналитическом письме, адресованном НКВД в декабре 1940 г., Шаронов, комментируя заключённый договор о дружбе между Венгрией и Югославией, отмечал, что этот договор явится весьма незначительным препятствием для осуществления Будапештом при поддержке Германии ревизионистских планов в отношении Югославии (в первую очередь, возвращения Воеводины) в случае, если Третий рейх нападет на Югославию, используя венгерскую территорию для опорных пунктов вермахта¹⁴⁷. Примерно так оно и произошло в апреле 1941 г.

Инициатива в Дунайском бассейне принадлежала Германии, и следующим шагом в её политике явилась агрессия против Югославии. Хортистская Венгрия, как несколько ранее соседняя легионерская Румыния, окончательно низводится до положения беспомощного сателлита Третьего рейха. Самоубийство премьер-министра графа П. Телеки в начале апреля 1941 г. явилось отчаянным жестом, совсем не воспрепятствовавшим проведению вермахтом Балканской операции при непосредственном участии Венгрии в решении германских военных задач¹⁴⁸. Надвигалась перспектива войны Германии с СССР, и решать вопрос о роли хортистского режима в реализации планов вермахта на Восточном фронте должны были не в Будапеште, а в Берлине. И сколь бы ни были внешне безоблачными хортистско-советские отношения, базировавшиеся в 1940 г. на платформе антирумынской солидарности, ситуация могла кардинальным образом измениться в течение считанных дней.

Надеясь воспрепятствовать непосредственному участию Венгрии в войне против СССР, В.М. Молотов на второй день после нападения Германии попытался разыграть в диалоге с Будапештом трансильванскую карту. Вызвав посланника И. Криштоффи ди Чейте, он заявил ему 23 июня 1941 г.: если Венгрия не вступит в войну против СССР, тогда по окончании мировой войны Советский Союз будет поддерживать венгер-

ские требования в отношении Трансильвании¹⁴⁹. Этот дипломатический ход оказался, однако, безрезультатным – Венгрия твёрдо сделала выбор в пользу Германии, рассчитывая в качестве вознаграждения получить содействие в восстановлении прежних, дотрианонских границ. На следующий день после известной провокации с бомбардировкой г. Кашша (ныне Кошице) 26 июня якобы советской авиацией венгерское правительство под давлением Гитлера объявляет войну СССР. Советско-венгерские отношения вступили, таким образом, в принципиально новую полосу своего развития.

Вопрос о дальнейших судьбах Трансильвании утратил актуальность для Москвы вплоть до начала 1944 г., когда явно обозначилась перспектива победы антифашистской коалиции, что поставило в повестку дня советской политики и дипломатии задачу выработки установок относительно послевоенного переустройства Европы. Однако это уже тема другого исследования¹⁵⁰.

* * *

Автор искренне благодарит за помощь в работе над статьёй, и в частности, за полезнейшие консультации первопроходцев этой темы в отечественной историографии и глубочайших её знатоков доктора исторических наук Т.М. Исламова и кандидата исторических наук Т.А. Покивайлову. В основе настоящей публикации лежит составленный ими ценнейший сборник архивных документов: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. / Отв. редактор Т.М. Исламов. – М., 2000.

Примечания

¹Отличающаяся культурным своеобразием часть венгерского этноса, населяющая гористые районы Восточной Трансильвании.

²Данные переписей, проводившихся венгерскими властями до 1914 г. и румынскими после 1920 г., отличаются заметными расхождениями, при этом надо учитывать, что присоединение края к Румынии в 1920 г. сопровождалось оттоком части венгерского населения в пределы новых границ Венгрии и соответственно притоком румын, в том числе большого контингента госслужащих из Валахии и Молдовы (см. выше). Таким образом, в 1920–1930-е гг. в сравнении с предшествующим периодом доля румын в составе населения ещё более возросла. Сопоставление данных различных переписей в материалах Наркоминдела СССР за 1941–1943 гг. см.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т.М. Исламов. – М., 2000 (далее: Трансильванский вопрос). – С.137, 166–167, 199–200.

³До 1918–1920 гг. румыны в Трансильвании представляли собой преимущественно крестьянскую нацию, немцы в основном составляли бюргерский слой, хотя в районе Сибиу было и немецкое крестьянство. Венгры были нацией с полной социальной структурой, включавшей в себя аристократию, дворянство, буржуазию и средние городские слои (где были в значительной степени представлены мадьяризированные евреи), крестьянство (прежде всего секлеры в Восточной Трансильвании), пролетариат. В 1920–1930-е гг. среди румын возрос удельный вес буржуазии, чиновничества, интеллигенции.

⁴Введение Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой. Трансильванский вопрос. – С. 3.

⁵Дараган. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. – СПб., 1859. – С. 67. Цит. по: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. редактор С.М. Фалькович. – М., 2001. – С. 443.

⁶Дараган. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. – С. 5. Цит. по: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. – С. 396.

⁷Венгры и Европа : Сборник эссе / Составители В. Серeda и Й. Горетить. Предисловие и комментарии В. Середы. – М., 2002. – С. 167–171.

⁸В начале ноября 1918 г. Т.В. Вильсон заявил, что ему импонирует идея объединения румын и США «не упустит оказать в нужное время своё влияние», для того чтобы «румынский народ получил все принадлежащие ему национальные и территориальные права», застрахованные против всяких иностранных покушений (Итоги империалистической войны. – Вып. IV. – Трианон. – М., 1926. – С. X).

⁹См.: Трансильванский вопрос. – С. 319. Очевидно, что в основе позиции французского лидера (как и лидеров Великобритании и США) лежало не абстрактное стремление к достижению справедливости, а забота о создании в послевоенной Европе такой системы международных отношений, которая бы ослабила Германию. В этих условиях Трансильвания превращается, по выражению Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой, в «разменную монету» в большой игре великих держав за передел уже поделённого мира (Там же. – С. 3–4).

¹⁰В пользу объективности экспертов свидетельствует следующий небезынтересный факт. Крупный венгерский леволиберальный политик и учёный-политолог Оскар Яси, находясь после 1919 г. в эмиграции, опубликовал в журнале «Foreign Affairs» осенью 1923 г. статью, где сопоставил границы Венгрии, установленные по Трианонскому мирному договору 1920 г., с так называемой линией Кошута. Речь идёт о том, как понимал в конце 1850-х – 1860-е гг. границы новой Венгрии великий венгерский революционер, строивший в это время планы Дунайской конфедерации, одной из составных частей которой должна была стать его родная страна. Сходство границ Венгрии в представлениях Кошута (в период эмиграции) и «архитекторов» Версальской системы довольно велико. Карта трианонской Венгрии сопоставляется с «линией Кошута» в книге: C. Bodea, V. Candea. Transylvania in the History of the Romanians. – New York, 1982.

¹¹Из новейшей литературы, в которой анализируются последствия Трианонского договора для Венгрии, см.: Ласло Контлер. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. – М., 2002.

¹²Вследствие Трианонского договора Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую ранее автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия – Словакию и Закарпатскую Украину (чаще определявшуюся в то время как Подкарпатская Русь), Австрия – самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии.

¹³Трудно не согласиться с мнением Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой о том, что Трианонский мирный договор «заложил бомбу замедленного действия под здание так называемого мирного урегулирования» в восточной части континента» (Трансильванский вопрос. Введение. – С.5).

¹⁴Согласно упомянутому договору от 9 декабря 1919 г. Румыния обязалась признать своими полноправными гражданами всех лиц, проживающих или родившихся на территориях, отходящих под её юрисдикцию. Несмотря на это обязательство, румынское правительство законом, принятым в 1924 г., поставило дополнительные условия для получения гражданства и, используя положения этого закона, отказалось подтвердить подданство около 250 тыс. венгров, проживавших в Трансильвании и относившихся к её коренному населению. Многие из этих лиц вследствие трудностей, обусловленных непрочностью социального положения, переселились в Венгрию, некоторые вернулись в родные края после передачи Венгрии Северной Трансильвании в августе 1940 г. См. об этом в записке венгерской делегации, адресованной Парижской мирной конференции 1946 г.: Трансильванский вопрос. С. 423. В связи с незаконными ограничениями официальным Бухарестом прав нерумынского населения, гарантированных международным соглашением, заключённым в декабре 1919 г. и подписанным также румынским правительством, Великобритания и Франция выступи-

ли в начале 1938 г. с дипломатическим демаршем, за которым, правда, стояла не столько забота о меньшинствах, сколько недовольство всё более намечавшимся к этому времени прогерманским внешнеполитическим курсом Румынии (показательно, что столь решительных протестов такого рода со стороны Лондона и Парижа, как правило, не поступало в условиях, когда Бухарест придерживался последовательно профранцузской ориентации). В противоположном лагере также в зависимости от политической конъюнктуры звучали аналогичные протесты. Характерно, в частности, нашумевшее заявление Б. Муссолини от 1 ноября 1936 г. (в один из моментов особой близости Рима с Будапештом) о миллионах порабощённых венгров в Румынии. См.: Трансильванский вопрос. – С. 178, 186.

¹⁵Там же. – С. 180.

¹⁶Вопрос об ущемлении прав национальных меньшинств при осуществлении аграрной реформы в Трансильвании поднимался венгерской стороной в Лиге Наций в 1925–1927 гг.

¹⁷Трансильванский вопрос. – С. 407.

¹⁸В свою очередь и в Румынии, – в этом можно согласиться с М.М. Литвиновым, – «несмотря на программные различия между разнородными группами и течениями румынской политической жизни, вопрос о сохранении под своим господством территорий, приобретённых после Первой мировой войны, – Бессарабии, Трансильвании, Буковины, Добруджи, – не вызывал между ними значительных разногласий» (Из справки о Трансильвании от 5 июня 1944 г., составленной председателем Комиссии НКВД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства М.М. Литвиновым. Там же. – С. 233).

¹⁹«Венгерское национальное самосознание было скроено по образу, вполне соответствовавшему мироощущению граждан среднего по размерам государства с 20–30-миллионным населением, в котором мадьярский приоритет базировался не только на вульгарных принципах статистического большинства и расовой принадлежности, но и на исторических и политических достижениях нации. Такое самосознание испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населённой всего 8 млн граждан», – справедливо замечает в этой связи современный венгерский историк Л. Контлер (Ласло Контлер. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы).

В подготовленной референтом Наркоминдела СССР Б.Я. Гейгером в июне 1942 г. справка «Планы восстановления «исторической Венгрии» в довоенных границах» давался следующий анализ ситуации: «Искусственный отрыв в ряде случаев компактных масс мадьяр от Венгрии сделал неизбежным возникновение сепаратистского движения на территории государств-наследников и сплочение венгерских меньшинств на ирредентистской основе. Это движение на первых порах ставило себе задачей борьбу за сохранение национального единства в чуждом государстве и в конечном счёте преследовало цель добиться ревизии трианонских границ и возвращения отторгнутых территорий Венгрии. Со своей стороны венгерские правители всячески разжигали и поощряли ирредентистское движение в соседних с Венгрией странах, расширивших свои территории после мировой войны за счёт Венгрии» (Трансильванский вопрос. – С. 171). Готовившиеся во время войны и частично опубликованные в названном сборнике аналитические записки Б.Я. Гейгера по проблемам внешней политики Венгрии, о венгеро-румынском территориальном споре хотя, конечно, и не свободны от вульгарных классовых схем, соответствующих времени своего написания, вместе с тем представляют собой образцы довольно глубокого политического анализа (Там же. – Док. 47, 48).

²⁰Объективности ради надо всё же заметить, что в 1930-е гг., в условиях, когда международная обстановка не позволяла открыто ставить вопрос о возвращении спорных территорий, в венгерской политике наблюдалась и компромиссная тенденция в отношениях с Румынией. Некоторые прогермански настроенные деятели хотели урегулировать трансильванский вопрос таким образом, чтобы Трансильвания либо была превращена в небольшое буферное государство между Румынией и Венгрией, либо, в худшем случае, осталась в составе Румынии с широкими правами автономии. Следствием этой линии в венгерской политике явилось соглашение между Венгрией и странами Малой Антанты, подписанное в Блде (Югославия) 23 августа 1938 г. В ответ на обещание Венгрии не применять силы оно предусматривало согласие Румынии и Югославии заняться урегулированием вопроса о положении венгерского национального меньшинства в этих странах. В последующие месяцы, с крахом Чехословакии,

изменение соотношения сил на международной арене открыло перед венгерским ревизионизмом более благоприятные перспективы, и этим незамедлительно воспользовалось хорватское правительство, вновь активизировавшее антирумунскую кампанию. Подробнее см.: А.И. Пушкаш. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003.

²¹Цит. по: История Венгрии. – Т. 3. – М., 1972. – С. 292.

²²Обещание царской России посодействовать Румынии в получении Трансильвании утратило своё значение с выходом России из войны, Румыния получила Трансильванию при помощи Великобритании, Франции и США. С другой стороны, воспользовавшись сложным положением Советской Республики, Румыния в начале 1918 г. оккупировала Бессарабию. Эта акция так никогда и не была признана Советским Союзом в качестве законной. Как неоднократно отмечалось в научной литературе, при установлении дипломатических отношений с СССР весной 1934 г. правители Венгрии руководствовались стремлением добиться сотрудничества с Москвой на основе нерешённого бессарабского вопроса. Те же мотивы сыграли решающую роль при возобновлении отношений осенью 1939 г., вскоре после заключения советско-германского пакта (за полгода до резкого поворота во внешней политике СССР, а именно в феврале 1939 г., они были прерваны по настоянию Москвы вследствие присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту). См., в частности: Т.А. Покивайлова, Т.М. Исламов. Трансильвания – яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). – М., 1994. – С. 75–77; Они же. Трансильванский вопрос. Введение. – С. 6. См. также: А.И. Пушкаш. Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 – февраль 1934 г. – М., 1995; Он же. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 – январь 1937 г. – М., 1996; Он же. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. – М., 2003.

²³Трансильванский вопрос. – С. 13.

²⁴Там же. – С. 23 (Из дневника Н. Шаронова. Запись по итогам беседы с Чаки 13 февраля 1940 г.).

²⁵Эти пределы были обусловлены не только принципиальной непримиримостью консервативной и отчасти праворадикальной политической элиты Венгрии к коммунистической идеологии, но и сохранявшейся линией правительства П. Телеки де Секи на то, чтобы не сжигать окончательно мостов к англо-франко-американской коалиции. Встречаясь с дипломатами Великобритании и Франции, тот же Чаки заверял их в неизменности антисоветского курса Венгрии. Удобным поводом для развязывания в Венгрии массовой пропагандистской кампании антисоветской направленности стала зимой 1940 г. военная акция СССР против этнически родственной венграм Финляндии. Подробнее о венгерской политике в этот период и её оценке советской дипломатией см.: Т.М. Исламов, Т.А. Покивайлова. Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 – июнь 1941 года // Война и политика. 1939–1941. – М., 1999. См. также их раздел в коллективном труде: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. – М., 1999.

²⁶См., например: Трансильванский вопрос. – С. 154–155.

²⁷В условиях начавшейся Второй мировой войны, 30 сентября 1939 г., попытки итальянско-югославского посредничества привели Венгрию и Румынию к обоюдному согласию отвести часть войск, сосредоточенных вдоль границы, однако через несколько месяцев всё вернулось в прежнее, крайне напряжённое состояние, чреватое возможностью военного конфликта.

²⁸Трансильванский вопрос. – С. 22 (Из дневника полпреда Н. Шаронова).

²⁹На это обратил внимание и полпред Н.И. Шаронов (Там же. – С. 23). Надо вместе с тем заметить, что и румынское правительство во предшествующие годы отказывалось пойти на соглашение с венгерским в вопросе об определении особого статуса венгерского меньшинства в Румынии, мотивируя свою позицию сохранявшимися территориальными притязаниями Венгрии.

³⁰Из новейшей литературы по проблеме см.: А.И. Пушкаш. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г.

³¹Как следует из документов, это понимали и в Наркоминделе СССР. См. записку Б.Я. Гейгера, относящуюся, правда, уже к другому периоду Второй мировой войны (17 декабря 1942 г.): Трансильванский вопрос. – С. 185.

³²В первые месяцы после провозглашения в марте 1939 г. словацкого государства недовольство проправительственных кругов Венгрии Германией было столь велико, что любая

мысль о союзе с Третьим рейхом воспринималась значительной частью общественного мнения как измена родине (См. об этом в информации полпредства СССР в Венгрии за декабрь 1940 г.: Трансильванский вопрос. – С. 120).

³³Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили в следующей последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) площадью около 12 тыс. км² и населением свыше 1 млн человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. В августе 1940 г. на основании второго венского арбитража (см. ниже) Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. км²). Весной 1941 г., во время антиюгославской кампании Третьего рейха и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии общей площадью около 12 тыс. км².

³⁴О проблемах международных отношений, связанных с разделом Чехословацкой Республики, образованием «независимой» Словакии, а также о планах использования Гитлером Подкарпатской Руси в качестве инструмента давления на Венгрию и Польшу см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939 – 1941 гг. / Отв. редакторы В.К. Волков и Л.Я. Гибианский. – М., 1999.

³⁵Из справки референта 3-го Европейского отдела НКВД СССР Б.Я. Гейгера «Планы восстановления «исторической Венгрии» в довоенных границах» (25 июня 1942 г.). Трансильванский вопрос. – С. 173. Ещё задолго до начала Второй мировой войны некоторые лидеры и идеологи Третьего рейха обращали внимание на несоответствие стратегических целей нацизма и хортизма. Так, А. Розенберг в ноябре 1936 г. выступил в прессе против «венгерских фантастических ревизионистских устремлений», заявив, что «собрание сил против большевизма важнее, чем создание ревизионистского блока» (См.: Там же. – С. 186).

³⁶В 1930-е гг. поддержка Италией венгерских территориальных притязаний находилась в тесной зависимости от дипломатических игр, которые вёл на международной арене режим Муссолини в целях укрепления своего великодержавного положения и сохранения хотя бы относительного равноправия в диалоге с Берлином. Важное место во внешнеполитической тактике Рима занимало установление краткосрочных союзов с некоторыми малыми и средними (как Польша) европейскими государствами, далеко не в последнюю очередь с Венгрией.

³⁷Трансильванский вопрос. – С. 20 (Из дневника Н. Шаронова).

³⁸Там же. – С. 27.

³⁹Там же. – С. 28.

⁴⁰Там же. – С. 20–21.

⁴¹Там же. – С. 24.

⁴²Там же.

⁴³Там же. – С. 33.

⁴⁴Там же. – С. 35.

⁴⁵Там же. – С. 48. С 1 июля в ответ на объявленную в Румынии (из-за имевшихся опасений венгерского нападения) всеобщую мобилизацию начинается всеобщая мобилизация в Венгрии.

⁴⁶Венгерское общество в целом не разделяло эйфории правящей верхушки, не только уверенной в успехе в случае конфликта с Румынией, но и провоцировавшей такой конфликт. Полпредство располагало сведениями о сильных антивоенных настроениях в Венгрии (См.: Там же. – С. 41).

⁴⁷Там же. – С. 35.

⁴⁸Там же. – С. 34–35. Очевидно, граф Чаки, не чуждый, подобно большинству венгерских консервативных политиков, комплекса панславистской угрозы для Венгрии, преследовал своей целью указать югославскому дипломату на нежелательность сближения его страны с СССР ввиду той опасности, которую представлял для Венгрии большевистский режим. Надо при этом иметь в виду, что в отличие от СССР Югославия не могла служить Венгрии союзником в осуществлении ревизионистских планов, направленных против Румынии, речь могла идти лишь о её нейтрализации в случае конфликта.

⁴⁹Там же. – С. 35.

⁵⁰Так, югославский посланник в Венгрии Рашич, посетивший Шаронова 3 июля, уже после советской оккупации Бессарабии, заметил, что «весь мир следит за расширением СССР и здесь все говорят, что дальнейшее движение СССР будет в направлении к Дарданеллам» (Там же. – С. 38).

⁵¹Краткая история Румынии. С древнейших времён до наших дней. – М., 1987. – С. 363–364.

⁵²Трансильванский вопрос. – С. 54, 104.

⁵³Там же. – С. 36.

⁵⁴Там же. – С. 39.

⁵⁵Там же. – С. 44–45. Криштоффи в беседе с Деканозовым также прозондировал почву, «как посмотрел бы Советский Союз, если бы такие претензии были предъявлены Венгрией Румынии». Замнаркома предпочёл уклониться от прямого ответа, спросив своего собеседника, а ставится ли этот вопрос Венгрией в настоящее время. Криштоффи ответил, что имеется в виду мирное разрешение вопроса на конференции, не уточнив, о какой конференции идёт речь (Там же. – С. 45).

⁵⁶Телеграмма В. Молотова Н. Шаронову от 5 июля 1940 г. Там же. – С. 46.

⁵⁷Там же. Хотя Криштоффи на уже упоминавшейся встрече с Деканозовым 29 июня говорил о плане мирного разрешения вопроса на международной конференции, в кругах хортгистской элиты существовали и другие мнения о путях разрешения проблемы. Что касается встречи Молотова с венгерским послом 3 июля, то тогда же советская сторона дала согласие на заключение советско-венгерского торгового соглашения (подписано 3 сентября 1940 г.).

⁵⁸Там же. – С. 117.

⁵⁹Там же. – С. 48 (Из дневника Н. Шаронова).

⁶⁰Там же. – С. 51. По сообщению Шаронова, ссылавшегося на свою беседу с турецким посланником, среди иностранных дипломатов, работавших в Будапеште, воспринимались как вполне правдоподобные слухи о том, что венгры получили в Москве некоторые «заверения» о помощи в разрешении трансильванского вопроса в пользу Венгрии (Там же. – С. 43).

⁶¹Там же. – С. 58–59. И в последующие месяцы, вплоть до поздней весны 1941 г., среди венгерской политической элиты были устойчивыми слухи о выработанных в Москве планах перехода Красной армией реки Прут и оккупации румынской Молдовы вплоть до Карпат. Новое продвижение советских войск предполагалось опять-таки использовать (насколько это было возможно) в интересах дальнейшего расширения Венгрии (Там же. – С. 156, 161, 163).

⁶²Впоследствии министр просвещения в правительстве нилашистов, казнённый в 1946 г. как военный преступник.

⁶³Трансильванский вопрос. – С. 36.

⁶⁴Там же. – С. 43.

⁶⁵Там же. – С. 40.

⁶⁶Там же. – С. 36.

⁶⁷В дни поездки в Мюнхен о предпочтительности мирного пути речь шла в беседах Шаронова с прогермански настроенными депутатами и журналистами (Там же. – С. 47). В те же дни посол зафиксировал в своём дневнике разговоры, которые велись в дипломатических кругах о том, что Германия категорически рекомендовала Венгрии подождать с разрешением трансильванского вопроса (Там же. – С. 43).

⁶⁸Там же. – С. 40.

⁶⁹Там же. – С. 36.

⁷⁰См. беседу советского полпреда со словацким посланником от 10 июля: Там же. – С. 43. В дипкорпусе также высказывались не вполне обоснованные предположения о том, что Румыния сама уступит Венгрии часть Трансильвании, на всю же Трансильванию венгры и не рассчитывают (Там же. – С. 33). Что касается последней части этого утверждения, то Ворнле действительно не устал заверять своих иностранных собеседников, что Будапешт не требует от Румынии всей Трансильвании (Там же. – С. 40).

⁷¹Молотов воздержался от каких-либо обещаний на этот счёт, сославшись на то, что отношения СССР с Югославией недостаточно установлены (См.: Там же. – С. 45).

⁷²5 июля Чаки посоветовал болгарскому посланнику «начинать», то есть предъявить Румынии ультимативные требования в отношении Добруджи (Там же. – С. 42). Вопрос о воз-

вращении Болгарии Южной Добруджи, где преобладало болгарское население, был решён в сентябре 1940 г. путём переговоров. Уступчивость Румынии болгарским притязаниям (конечно же, гораздо менее значительным, нежели венгерские) заметно контрастировала с их непримиримостью в трансильванском вопросе. Н. Шаронов в донесении В. Деканозову от 17 августа писал о том раздражении, которое вызвала у венгерской политической элиты тактика Румынии: «удовлетворив Болгарию Южной Добруджей, оставить только одного противника – Венгрию, имея в этом случае в перспективе или только один фронт, или новую затяжку в разрешении конфликта до окончания войны на Западе» (Там же. – С. 59–60).

⁷³Там же. – С. 54.

⁷⁴Там же.

⁷⁵Там же. – С. 55.

⁷⁶Там же. – С. 37 (Из дневника Н. Шаронова). Всё-таки, коль скоро инициатива в советско-германском соперничестве принадлежала Германии, венгерские политические наблюдатели были готовы до известной степени признать оборонительный характер действий СССР. Как говорил Шаронову югославский посланник Рашич, оккупация Советским Союзом Северной Буковины «трактруется как в венгерских, так и в дипломатических кругах как приговление СССР к защите против Германии» (Там же. – С. 38).

⁷⁷Там же. – С. 60.

⁷⁸Этому предшествовали проходившие в период 10–27 июля в Мюнхене, Берлине и Риме встречи румынских и венгерских лидеров с Гитлером, Муссолини, Риббентропом, Чиано.
⁷⁹17 августа полпред СССР в Венгрии Н.И. Шаронов в своём донесении заместителю наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову выражал сомнения в благоприятном исходе переговоров (См.: Трансильванский вопрос. – С. 60). Аналогичного мнения придерживался полпред СССР в Румынии А.И. Лаврентьев, отправивший 23 августа информационное письмо наркому В.М. Молотову (Там же. – С. 65).

⁸⁰См., в частности, записи его бесед с венгерскими политиками, относящиеся к маю 1941 г. (Там же. – С. 155), см. также информационное письмо Н. Шаронова В. Молотову от 28 мая 1941 г. (Там же. – С. 160–162). Руководствуясь господствовавшей установкой, Шаронов избежал каких-либо выводов даже тогда, когда сообщал о передвижениях германских войск вблизи советских границ (в Словакии, а также через Венгрию в Румынию), о переброске военной техники, и приводил открытые заявления германских офицеров о том, что они идут воевать с Советами (Там же).

⁸¹См. его донесения (Там же. – С. 66–67, 93). Ещё в июльском своём донесении Молотову Лаврентьев прогнозировал усилия Германии и Италии по сколачиванию на Балканах такого блока, который можно было бы использовать против СССР. Это предполагало переориентацию Турции, Греции и Югославии в германо-итальянском направлении, что было делом очень не простым (Там же. – С. 53).

⁸²Там же. Первым шагом в процессе установления контроля Третьего рейха над Румынией стало заключение ещё в марте 1939 г. кабального экономического договора с Германией. В июле 1940 г. советское полпредство имело уже все основания прийти к выводу о том, что внешнеполитическая ориентация Румынии на «ось» чётко выражена. 4 июля было образовано последовательно прогерманское правительство И. Джиугурту. В связи с выходом Румынии из Лиги Наций её министр иностранных дел М. Манойлеску заявил, что румыны «твёрдо решили порвать с прошлым и создать между румынским и германским народами отношения дружеского сотрудничества» (Цит. по письму А. Лаврентьева В. Молотову от 30 июля 1940 г. Там же. – С. 52). В декларации о политике «искреннего включения в систему, созданную осью Берлин – Рим», говорилось, что такой курс является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии, отражающей чувства нации.

⁸³См. обзор прессы, подготовленный полпредством СССР в Румынии: Там же. – С. 68–69.

⁸⁴См. информационное письмо А. Лаврентьева В. Молотову от 17 сентября 1940 г.: Там же. – С. 91.

⁸⁵При этом, как замечал Лаврентьев в письме Молотову от 17 сентября, в дни, предшествовавшие арбитражу, германская и итальянская дипломатия попыталась замаскировать его подготовку, чтобы потом утверждать, что выступила в качестве третейских судей лишь под давлением крайних обстоятельств (Там же. – С. 92).

⁸⁶В течение следующего, 1941, года они могли покинуть Северную Трансильванию, вывезя своё движимое и продав недвижимое имущество.

⁸⁷Текст третейского решения см.: Известия, 1 сентября 1940 г.; Трансильванский вопрос. – С. 198–199.

⁸⁸Там же. – С. 82.

⁸⁹Как заявил в тот же день, 30 августа, на пресс-конференции Чиано, «Германия и Италия выполнили свою миссию, которая заключалась в том, чтобы не распространить конфликта, в котором они теперь находятся, на страны Юго-Восточной Европы, к чему упорно стремились наши враги» (Там же).

⁹⁰Цит. по обзору румынской прессы: Там же. – С. 70.

⁹¹Вопрос о том, в какой мере слухи о новом советском наступлении на Румынию имели под собой реальные основания, остаётся открытым, пока историки не получили доступа к соответствующим архивным документам. Можно предполагать, что стремление перехватить инициативу у Германии на балканском направлении не могло перевесить опасений разрыва союзнических отношений с Третьим рейхом в условиях, когда СССР не был готов к войне.

⁹²Цит. по обзору румынской прессы: Трансильванский вопрос. – С. 72.

⁹³Там же.

⁹⁴Там же. – С. 82.

⁹⁵Там же. – С. 92.

⁹⁶Там же.

⁹⁷Там же.

⁹⁸См. его донесения: Там же. – С. 71, 93.

⁹⁹См.: Там же. – С. 73–75. В ответном письме, вручённом румынским послом Деканозову 30 августа, утверждалось, что ответственность за перечисленные в советской дипломатической ноте инциденты, явившиеся следствием «состояния общей нервозности», невозможно возложить исключительно на румынскую сторону (Там же. – С. 75–77). В вербальной ноте от 13 сентября, направленной с румынской стороны после тщательного расследования произошедших инцидентов, оспаривались некоторые факты, указанные в советской ноте. В желании не пренебрегать ничем, чтобы сохранить с СССР добрососедские отношения, румынское правительство запретило, начиная с 1 сентября, любые полёты в районе, прилегающем к демаркационной линии между Румынией и СССР. Кроме того, во избежание инцидентов Генштаб румынских войск запретил пограничникам пользоваться оружием, за исключением явных нарушений румынской территории (Там же. – С. 87–91).

¹⁰⁰Премьер-министр У. Черчилль, выступая 30 сентября в Палате общин, говорил о том, что территория Румынии подверглась «жестокому изуродованию». «Мы никоим образом, – продолжал он, – не намерены признавать те территориальные изменения, которые произойдут во время войны, если только они не являются следствием свободного согласия и дружеского договора между заинтересованными странами» (Там же. – С. 376). 5 сентября аналогичную точку зрения высказал министр иностранных дел лорд Галифакс (Там же. – С. 320). Официальная позиция США была выражена лишь в заявлении госдепартамента, сделанном почти через 2 года, 27 июля 1942 г., о том, что США не признают ни одного территориального изменения, навязанного путём насилия (Там же).

¹⁰¹Граница СССР с Венгрией была установлена с оккупацией последней Закарпатской Украины в 1939 г.

¹⁰²Трансильванский вопрос. – С. 76–78. Одновременно Шуленбург заверил Молотова в дружественных отношениях Германии с СССР, что проявилось, в частности, в предельно быстром информировании Москвы о принятом в Вене решении.

¹⁰³Правда, советское правительство перед осуществлением своей акции в отношении Румынии выразило надежду, что вопрос о Южной Буковине не является закрытым и к нему можно будет вернуться при соответствующих условиях.

¹⁰⁴Предпринятый наркомом экскурс в советско-германскую дискуссию относительно судеб Буковины в дни, предшествующие «освободительному походу» Красной армии, не вызвал возражений германского посла. Запись беседы от 9 сентября см.: Трансильванский вопрос. – С. 83–87.

¹⁰⁵Разочарование не только масс, но и политической элиты в результатах арбитража было тем сильнее, что некоторые группировки, не слишком веря в англо-французские гарантии

версальских границ, с середины 1930-х гг. ориентировались на фашистскую Германию именно как на более надёжный, по их мнению, потенциальный гарант защиты границ Румынии от опасности венгерского ирредентизма. Под влиянием этих группировок румынское правительство перед войной в качестве перестраховки неоднократно пыталось нащупать возможности для получения гарантий своих границ с Венгрией также и со стороны Германии. Между тем позиция Берлина была достаточно уклончивой, что нашло отражение в противоречивых заявлениях официальных лиц. Стремясь к включению Румынии в орбиту своего влияния, Германия в то же время опасалась каким-либо неосторожным шагом укрепить позиции проанглийских сил в соседней Венгрии. Аналогично и Италия не могла гарантировать границы Румынии без того, чтобы не потерять опору в Венгрии. Предпринятая ею попытка посредничества между двумя государствами оказалась безрезультатной. Несмотря на отсутствие должных германских гарантий румынских границ, силы, ориентированные на Третий рейх, как уже было отмечено, в 1938–1939 гг. заметно упрочили свои позиции. Наилучшим аргументом в их пользу явился «мюнхенский стовор», вследствие которого союзная с Румынией Чехословакия прекратила своё существование вопреки декларировавшимся на протяжении двух десятилетий англо-французским гарантиям.

¹⁰⁶Показательны в этой связи прозвучавшие в одной из антиправительственных листовок (январь 1941 г.) слова о том, что у Румынии не может быть иных целей в войне, кроме как сражаться с венграми за Трансильванию, дабы восстановить свои границы (Трансильванский вопрос. – С. 130).

¹⁰⁷Там же. – С. 72.

¹⁰⁸Там же. – С. 104.

¹⁰⁹Полпред А.И. Лаврентьев в информационном письме В.М. Молотову от 20 октября замечал, что листовки, распространяемые сторонниками Маниу и Братиану (о том, что «германофильство – это измена родине», и т. д.), другие проявления недовольства оппозиционеров на данном этапе вряд ли явятся серьёзным препятствием для усиления немецкого господства в Румынии (Там же. С. 106). См. там же тексты листовок: С. 127–129, 129–131, 132–136.

¹¹⁰Там же. – С. 111. Итоги визита пресса назвала обнадеживающими, ибо в результате переговоров были заложены «прочные основы активной политики», которая приведёт к значительным результатам в реализации «румынской справедливости» в Дунайском бассейне и к торжеству «латинизма» на Балканах. Что же касается конкретного направления подобного рода активности, то этот вопрос в комментариях, как правило, обходился стороной.

¹¹¹Там же. – С. 71.

¹¹²Там же.

¹¹³Там же. – С. 93.

¹¹⁴Там же. – С. 105.

¹¹⁵Заведующий ближневосточным отделом НКВД Н.В. Новиков в записке замнарком В.Г. Деканозову от 21 сентября 1940 г., с которой ознакомились также нарком В.М. Молотов и его первый заместитель А.Я. Вышинский, обратил внимание на попытки создания Третьим рейхом на территории Венгрии, Югославии и Румынии своего рода «германского коридора», что дало бы возможность Гитлеру, опираясь на немецкие фольксбунды в этих странах, оказывать давление на правительства в своих интересах (См.: Там же. – С. 97–98).

¹¹⁶Есть сведения о том, что германский МИД весной 1941 г. проинформировал венгерских лидеров о рассматриваемых в Берлине проектах создания в Южной Трансильвании и Банате некоего автономного (в составе Румынии) государственного образования со швабским управлением. Эта идея вызвала в Будапеште крайне негативный отклик, поскольку в ней увидели плохо преодолимое препятствие для осуществления дальнейших ревизионистских планов Венгрии (Там же. – С. 154).

¹¹⁷Там же. – С. 104.

¹¹⁸Там же. – С. 52.

¹¹⁹Там же. – С. 73. 17 сентября А. Лаврентьев информировал В. Молотова о дальнейшем приспособлении внешней и внутренней политики Румынии к стратегическим интересам Германии, что произошло среди прочего в решающем влиянии держав «оси» на внутриполитические изменения в Румынии, в частности на отставку короля Кароля II и приход к власти Антонеску. По мнению полпреда, Румыния уже «фактически превращается в провинцию Германии» (Там же. – С. 96).

¹²⁰Там же. – С. 103.

¹²¹Там же. – С. 104.

¹²²Насколько в Москве придавали значение предостережениям полпреда в Бухаресте – предмет самостоятельного исследования. Не углубляясь в детали, заметим лишь: сигналы, свидетельствующие о целенаправленном превращении Румынии в военный плацдарм против СССР, не повели к сколько-нибудь существенной корректировке советской политики в отношении Третьего рейха.

¹²³Как известно, территориальные притязания режима Антонеску не ограничились Бессарабией и Северной Буковиной, распространились на Транснистрию до Южного Буга, города Одессу, Херсон и т. д. Надо сказать, что цели Румынии в войне формулировались весьма туманно и расплывчато.

¹²⁴Трансильванский вопрос. – С. 104.

¹²⁵По настоянию Германии, в день венского арбитража, 30 августа 1940 г., там же, в Вене, был заключен её договор с Венгрией о статусе немецкого национального меньшинства, предоставивший ему заметные привилегии в сравнении с другими нацменьшинствами. Венгерское правительство обязалось не только пойти на создание новых школ, активизировать культурные движения, но и дать гарантии привлечения представителей немецкого меньшинства в органы власти разных уровней, разрешить создание новых общественных организаций.

¹²⁶Когда застрелившегося в начале апреля 1941 г. графа Телеки де Секи сменил на посту премьер-министра прогермански настроенный Л. Бардоши, ситуация изменилась. 1 мая 1941 г. в беседе с советским полпредом Н. Шароновым немецкий посланник О. фон Эрдмансдорф на вопрос советского дипломата «относительно старых недоразумений» при проведении в жизнь договора о германском нацменьшинстве ответил, что «в настоящее время в правительстве сопротивления больше не намечается, но в местных самоуправлениях недоразумения ещё не исчерпываются» (Трансильванский вопрос. – С. 150).

¹²⁷Как отмечалось в этой связи в справке НКВД, подготовленной в июне 1942 г. референтом 3-го Европейского отдела Б.Я. Гейгером, «территориальное переустройство, произведённое державами «оси» с 1938 по 1941 гг., далеко не удовлетворило притязания венгерского империализма. Венгрия осталась недовольна результатами Первого венского арбитража, ибо она претендует на всю территорию теперешней Словакии как основной части довоенной Венгрии. Венгрия требует присоединения Южной Трансильвании и части Баната, оставленной Вторым венским арбитражем за Румынией» (Там же. – С. 172).

¹²⁸По этому поводу развязывается пропагандистская кампания. 1 мая 1941 г. германский посланник Эрдмансдорф говорил полпреду Шаронову о том, что получил на днях сборник песен, рекомендуемый для венгерских солдат. В этих песнях содержались призывы к занятию городов Южной Трансильвании. Посланник попросил в венгерском МИДе воздержаться от усиленного культивирования антирумынских настроений (Там же. – С. 150).

¹²⁹Там же. – С. 357. В НКВД СССР ещё в декабре 1942 г. обращали внимание и на стратегическую невыгодность для Венгрии решения, принятого в Вене: «Важнейшим последствием венского решения для внешнеполитического положения Венгрии явилось усиление влияния Германии в соседних с Венгрией странах Юго-Восточной Европы, начавшегося с вводом германских войск в Румынию осенью 1940 г. Венгрия, таким образом, хотя территориально расширилась, но одновременно очутилась в полном окружении фашистской Германии» (Из справки по трансильванскому вопросу. Там же. – С. 190).

¹³⁰Там же. – С. 173, 149. Оценивая сложившуюся к 1940 г. ситуацию, Бетлен исходил из того, что в условиях почти полного подчинения режима Муссолини Германии уже не могла иметь никакого эффекта характерная для второй половины 1930-х гг. политика балансирования Венгрии между двумя «патронами», позволявшая сохранять определённое поле манёвра. Видя в Венгрии не более чем статиста, бывший премьер-министр резонно опасался, что в случае победы Германии её ждёт полная потеря самостоятельности, тогда как в случае поражения – новый Трианон. Поэтому он надеялся на разрыв своей страны с Третьим рейхом. Иностранные дипломаты, с которыми Шаронов встречался в Будапеште, обращали внимание советского полпреда на сильные антигерманские настроения хортистской элиты. Так, югославский посланник говорил ему в марте 1941 г., что «из окружения регента он слышит только анекдоты и насмешки в отношении Италии и выражения недовольства и недружелюбия в отношении Германии, причём передают, что и регент вполне разделяет эти настроения» (Там же. – С. 142).

¹³¹Там же. – С. 63, 114.

¹³²См. письмо Н. Шаронова В. Молотову от 28 мая 1941 г. (Там же. – С. 161.)

¹³³Там же. – С. 100. Декларированные венгерским правительством уступки в пользу немецкого меньшинства стимулировали политически активную часть румынского населения Северной Трансильвании к более настойчивому выдвиганию своих требований – о сохранении румынских школ и т. д. При этом румынские общественные организации края рассчитывали на поддержку официального Бухареста.

¹³⁴Важно заметить, что среди венгерских политиков, представлявших в Будапеште интересы Северной Трансильвании, вообще были довольно сильные настроения в пользу некоторой децентрализации, оставления в силе части румынских законов, неприятия скороспелых, непродуманных реформ в целях скорейшей интеграции этого края в Венгрию. При этом они исходили из того факта, что за годы пребывания в составе Румынии Трансильвания укрепила свой экономический потенциал, а потому к ней нельзя подходить с привычными для консервативной хортистской элиты мерками.

¹³⁵Эта акция вызвала некоторое неудовольствие и румынской антигерманской оппозиции во главе с Ю. Маниу, в своих листовках обвинявшей Антонеску в «коммунизации» страны (Трансильванский вопрос. – С. 130).

¹³⁶См. об этом в рабочем дневнике Н. Шаронова: Там же. – С. 110.

¹³⁷Там же. – С. 101.

¹³⁸Там же. – С. 114.

¹³⁹Это хорошо осознавали и в НКВД СССР. В справке по трансильванскому вопросу, подготовленной в декабре 1942 г. референтом Б.Я. Гейгером, отмечалось: «Германия при разделе Трансильвании получила дополнительные средства давления как на Венгрию, так и на Румынию, с тем чтобы, используя их раздоры и противоречия, держать их постоянно в повиновении» (Там же. – С. 190). По мнению Гейгера, новая граница была «преднамеренно и с явным умыслом» проведена таким образом, чтобы она «заранее содержала в себе зародыш будущих трений и конфликтов» – разрыв дорог, раздел частных землевладений и невозможность их обработки в силу жёсткого пограничного режима и т. д. (Там же.) С этим последним замечанием, впрочем, трудно согласиться. Германия и Италия, как уже отмечалось, не были заинтересованы в раздувании конфликтов в собственном тылу. Арбитры скорее всего просто не считали нужным вдаваться в детали при демаркации границы, преследуя своей первоочередной целью временное снятие напряжённости в отношениях Венгрии и Румынии, чреватой непредсказуемыми и нежелательными для Берлина событиями. Не желая чрезмерного усиления ни одного из своих вассалов, вожди Третьего рейха в то же время больше заботились о сохранении солидного промышленного потенциала за Румынией, так как в этой стране к осени 1940 г. экономика контролировалась Германией лучше, чем в Венгрии, где политическая и особенно финансовая элита даже после присоединения страны в ноябре 1940 г. к Тройственному пакту сохраняла мощное проанглийское крыло.

¹⁴⁰Трансильванский вопрос. Введение Т.М. Исламова и Т.А. Покивайловой. – С. 8. В справке 3-го Европейского отдела НКВД СССР «Планы восстановления исторической Венгрии» в довоенных границах» (июнь 1942 г., автор Б.Я. Гейгер) суть политики Гитлера в регионе характеризовалась следующим образом: «Фашистская Германия держала и держит по сей день вопрос о ревизии договоров в качестве приманки для Венгрии и в качестве орудия вымогательства в отношении стран, против которых направлены территориальные притязания Венгрии. Не подлежит сомнению, что Германия при территориальном переустройстве преследовала цель обеспечить себя союзниками, дать временную добычу своим вассалам, но так, чтобы сохранить собственное господствующее положение и иметь в будущем предлог для пересмотра границ в своих интересах» (Там же. – С. 173).

¹⁴¹Как отмечалось в справке Б.Я. Гейгера по трансильванской проблеме (декабрь 1942 г.), «гитлеровская Германия нагромодила такое столкновение интересов между обеими зависимыми от неё странами, что в будущем это может стать немаловажным фактором, подрывающим основы европейского фашистского блока и господство самой гитлеровской Германии». Страх перед Германией «удерживал до сих пор эти страны от нападения друг на друга и не давал им возможности рассчитывать между собой». Однако лишь до тех пор, пока Германия сумеет «держать в повиновении как Венгрию, так и Румынию, противоре-

чия между этими партнёрами по «оси» не приведут к такому столкновению между ними, которое обусловило бы прорыв европейского блока фашистских агрессоров и сепаратный выход этих стран из войны» (Там же. С. 191–192). Другой референт НКВД, Н.Т. Фёдоров, в справке по Румынии, относящейся к 1943 г., писал: «Обострение румыно-венгерских противоречий из-за Трансильвании имеет первостепенное политическое значение. Эти противоречия в ходе Второй мировой войны ещё не раз проявят себя и при известных условиях смогут стать одним из факторов развала гитлеровского блока» (Там же. – С. 219).

¹⁴²Первый замнаркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский имел по этому поводу беседу с венгерским посланником. Вследствие антиюгославской кампании в Будапеште, согласно донесениям посольства, широко распространились слухи о концентрации Красной армии в Карпатах, вблизи венгерской границы, причём обеспокоенность состоянием советско-венгерских отношений проявлялась в те дни и в широких массах (Там же. – С. 148, 152).

¹⁴³Там же. – С. 08. С мнением прогермански настроенного министра иностранных дел, прозвучавшим в конце 1940 г., перекликалась ещё более определённая, хотя, как показало будущее, вовсе не бесспорная позиция последовательного англофила графа Бетлена, выраженная в дни апрельской антиюгославской кампании: в случае разрыва с Москвой существование Венгрии может закончиться, страна будет неминуемо раздавлена между двумя колоссами – СССР и Германией (Там же. – С. 161).

¹⁴⁴К весне 1941 г. такая перспектива обозначилась особенно явно. Словацкий посланник Спишьяк говорил Шаронову 29 апреля: «венгры считают совершенно неизбежным нападением Германии на СССР... в Словакии все в этом также уверены» (Там же. – С. 149). Румынский посланник Круческу 7 мая сказал ему примерно то же самое: «здесь все говорят о неминуемом выступлении Германии против Вас» (Там же. – С. 154).

¹⁴⁵Один из собеседников Шаронова, принадлежавший к крайне правому политическому лагерю, понимал эту совместную акцию следующим образом: «Советский Союз должен получить Молдавию, с тем чтобы после этого акта или одновременно с ним Венгрия могла бы получить и занять Банат». На вопрос полпреда, «действительно ли они думают иметь повторение того положения, когда Венгрия смогла поставить вопрос о Трансильвании только после возвращения Бессарабии к Советскому Союзу», его собеседники заявили, что «это как раз то, что они ожидают» (Запись беседы от 8 мая 1941 г. Там же. – С. 156). Шаронов не поставил под сомнение возможность подобной акции, что вызвало негодование в Наркоминделе (Молотов на соответствующем донесении пометил карандашом: «сам подбивает». См.: Там же. – С. 159. См. также письмо генерального секретаря НКВД СССР А. Соболева Н. Шаронову от 21 июня 1941 г. Там же. – С. 163–164).

¹⁴⁶Предполагалась, в частности, широкая публикация заявлений о том, что Телеки де Секи был вынужден согласиться на германские требования, только подчинившись силе (Там же. – С. 157).

¹⁴⁷Там же. – С. 115.

¹⁴⁸С конца 1930-х гг. Венгрия форсировала сближение с Югославией, чтобы парализовать возможность югославо-румынского союза и развязать себе руки для осуществления своих ревизионистских устремлений в отношении Румынии. Поэтому до поры до времени хортистские лидеры предпочитали «забыть» о своих притязаниях на часть югославской территории (в первую очередь, на Воеводину). Так, 5 июля 1940 г. заместитель министра иностранных дел Ворнле говорил полпреду Шаронову о том, что «их возможные требования к Югославии, связанные с Трианонским договором, настолько незначительны, что о них вообще не вспоминается» (Там же. – С. 41). 29 апреля 1941 г., после осуществлённой операции по разгрому Югославии, тот же Ворнле на запрос Шаронова о мотивах венгерского участия в этой акции довольно резко заявил о том, что Венгрия никогда не отказывалась от некоторых территорий, отнесённых решением Трианона к Югославии.

¹⁴⁹Fulop Mihaly. A kiralyi Romania es Erdely, 1944–1947 // Historia. – Вр., 1994. – N.2. 29. old.

¹⁵⁰См. недавно вышедшую фундаментальную монографию: Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос, 1940–1946. – М., 2008.

Начальник Генерального штаба венгерской армии генерал-полковник Х. Верт

Варга Ева Мария,

доктор, Архивный институт Культурного,
научного и информационного центра
Венгерской Республики

«Вечнозелёной» темой венгерской историографии по сей день является исследование обстоятельств вступления Венгрии в военные действия против СССР и её участия во Второй мировой войне. И это понятно, поскольку в период государственного социализма определённые аспекты этой темы можно было трактовать лишь в соответствии с тогдашними политическими ожиданиями и идеологическими ограничениями, а некоторые из них даже замалчивались.

С изменением политической обстановки в исследованиях венгеро-советских отношений уже без прежних идеологических ограничений ведутся научные разработки, делаются выводы, но в то же время в истории взаимоотношений двух стран и поныне немало «белых пятен», в их числе – вопрос военнопленных. В ходе открытия секретных архивов в конце XX в. благодаря рассекречиванию материалов стали доступными новые документы как в Венгрии, так и в России.

При исследовании роли Венгрии во Второй мировой войне следует обратить особое внимание на деятельность начальников венгерского Генштаба – высшего военного руководства страны. Их роль была определяющей не только в руководстве армией, они влияли на все предпринимаемые шаги венгерского политического руководства.

После изменения политической обстановки в центре новых венгерских исторических исследований оказались фигуры Хенрика Верта и Ференца Сомбатхеи, о каждом из них выдающийся венгерский военный историк Лоранд Домбради написал по книге, в которых старался объективно приблизиться к истине¹.

В своей монографии, опубликованной в 2005 г., Домбради стремится представить не только эту значительную и спорную во многих смыслах фигуру эпохи, но и политическое и военно-политическое положение Венгрии. Книга является уникальной и в том отношении, что о Хенрике Верте за последние 60 лет не издавалось подробных публикаций, хотя

он сыграл решающую роль во вступлении Венгрии во Вторую мировую войну². В период после 1945 г. деятельность Верта на посту начальника Генштаба венгерской армии оценивалась отрицательно.

Уже из биографии Верта видно, что описание жизни и деятельности этой одной из самых спорных фигур венгерского военного руководства периода истории между двух мировых войн не представляется лёгкой задачей. Мы почти ничего не знаем о личной жизни этого офицера, жившего своей профессией, не осталось никаких следов, ни намёка на то, что хоть когда-либо он высказывался о своём происхождении, детстве, семье, условиях личной жизни. О его потомках нам тоже ничего не известно.

Хенрик Верт родился 26 декабря 1881 г. в Режёхазе – швабском селе комитата Торонтал³. Отец, Лёринц Верт, был мелким землевладельцем; ни имени, ни фамилии матери мы не знаем. Имеются данные о его двух братьях, об одном из них известно лишь, что даже в 1940-х гг. он хозяйствовал дома. Второй брат, Лёринц, который был младше Хенрика на 15 лет, служил офицером-артиллеристом, в 1943 г. был уже в чине полковника. 5 классов начальной школы с 1887 по 1893 г., вероятно, с немецким языком обучения, Верт окончил в родном селе. Венгерский язык он мог освоить в школе. Средняя школа, которую он посещал, находилась в 30 км от родного села, в Надьбечкереке, большинство его одноклассников были венграми. Вероятно, у него были трудности из-за ещё недостаточного в то время знания венгерского языка, из-за произношения, но он выделялся среди товарищей своим упорным прилежанием, дисциплинированным, почтительным поведением.

Для продолжения образования семья должна была найти такую школу, которая обеспечивала бы стипендию и солидное существование в дальнейшем. Таким образом, мог возникнуть вопрос о кадетском училище, где его швабское происхождение и знание немецкого языка являлись преимуществом, вместе с тем для него самого тоже могла стать привлекательной карьера офицера. 16-летний юноша с осени 1897 г. стал слушателем пехотного кадетского училища (k. u. k. Infanterie Kadetten Schule) совместной армии в Вене. Хенрик Верт окончил учебное заведение с аттестацией «очень хорошо», торжественное присвоение ему звания произошло 18 августа 1901 г., в день рождения императора, он получил своё первое назначение: его прикомандировали к 3-му батальону 60-го пехотного полка, расположенного в Эгере, поручив командование унтер-офицерской школой полка.

Всего лишь год спустя он уже был произведён в лейтенанты. Хенрику Верту не было ещё и 26 лет, когда он 1 сентября 1905 г. приступил к учёбе в военном училище в Вене. Полная событиями, бурная политическая жизнь столицы монархии могла иметь своё влияние и на слушателей генштабовского училища. Верт не был предрасположен к политике.

Для него внутренняя и внешняя политика Австро-Венгерской монархии являлась мерилем того, чему он беспрекословно подчинялся.

Этого требовала от него армия, которой он принёс присягу. Летом 1907 г. с аттестацией «очень хорошо» он окончил училище, а 31 октября был откомандирован на штабную службу в распоряжение 101-го венгерского пехотного полка в Надьвараде (ныне Орадя, Румыния), но уже с 1 мая 1908 г. служил штабным офицером при командовании 81-й венгерской королевской армейской пехотной бригады в Секешфехерваре.

Вышестоящее начальство тогда обратило на него внимание, «он очень соответствовал качествам строевого офицера. [...] Очень пригоден для службы при Генштабе. Благодаря многогранности своей личности, это достойный, амбициозный, надёжный офицер»⁴. Осенью 1909 г. он прикомандирован в распоряжение командования V военного округа в Секешфехерваре в качестве кадрового офицера Генштаба. Предположительно в период своей жизни, проведённой в Секешфехерваре, он женился на австрийке Оттилии Марии Бергер – даме из Никольсбурга, которая была моложе его на год⁵.

Следовательно, военное воспитание Верта было тесно связано с монархией, ведь свои военные школы он проходил в самом сердце империи – Вене. Вследствие этого и швабского происхождения его лояльность к императору не требовала объяснений. Его отношение к своим военным братьям было обусловлено прежде всего его личностными характеристиками. В них обнаруживаются и те черты характера, благодаря которым он очень быстро продвигался по военной служебной лестнице.

1 ноября 1911 г. ему присвоен чин капитана Генштаба, и он был переведён в Министерство обороны и стал сотрудником 1-го отдела I Управления Министерства обороны (отдел организации, расквартирования и мобилизации армии). В Будапеште для Верта, всегда интересующегося военной историей, открывались немалые возможности и оставалось больше времени, чтобы заниматься военной наукой. Его первые статьи появились в «Венгерском военном вестнике» в 1913 г., в которых он писал о переправе Наполеона I через Березину, о французских манёврах 1913 г.

С 1 сентября 1913 г. его назначают преподавателем высших военных курсов, но в августе 1914 г. из-за вспыхнувшей Первой мировой войны его военная преподавательская карьера прекратилась. Письменный стол и кафедру заменила военная служба, что для кадрового военного было истинным испытанием, поскольку он, как офицер Генштаба, никогда не был на линии огня, не должен был командовать боем. Он прикомандировывался к различным частям, затем, начиная с лета 1915 г., стал начальником штаба 73-й бригады. Вышестоящее начальство, вероятно, было удовлетворено его профессиональными качествами, поскольку в феврале 1917 г. он был назначен в Баден, в оперативный отдел Генштаба.

С апреля 1918 г. он был отозван командованием венгерской армии и стал заместителем заведующего I-го отделом (организационные вопросы) Министерства обороны. В том же году он получил назначение в оперативный отдел главного командования армии.

Нам неизвестно мнение Верта о революции, произошедшей осенью 1918 г.; позже он, не будучи согласен с идеологией пришедшей к власти большевистской системы, всё же остался на своём посту. Подполковник Верт стал сотрудником оперативного отдела Красной армии. Его привлекало намерение коммунистического правительства защитить страну от румынских и чехословацких интервенционных частей. 2 мая 1919 г. именно Верт передавал условия венгерского договора о перемирии в Ставке румынской армии, однако полученный ответ был неприемлем и государственный совет принял решение о продолжении военных действий. Верт тоже попал на фронт.

С 15 марта 1919 г. он стал командующим 7-й дивизией I корпуса Красной армии. На основании имеющихся источников невозможно точно выяснить, являлось ли правдой то, в чём его подозревали позднее, в 1945, в ходе возбуждённого против него процесса в Венгрии и что явилось обвинительным пунктом возбуждённого против него в СССР процесса – государственная измена⁶.

Между тем достоверно известно, что перед последним военным наступлением – он, хотя и мог, не поехал в Сегед, к находящемуся там контрреволюционному правительству. В октябре 1919 г., после падения Венгерской Советской Республики, Верт работал в главном командовании Национальной армии. Деятельность Верта и остальных опытных офицеров Генштаба была необходима находящейся в процессе организации Национальной армии. После подписания в 1920 г. крайне неблагоприятного для Венгрии Трианонского договора венгерское правительство надеялось, что при поддержке Антанты сможет своими вооружёнными силами выступить против находящихся под мнимой угрозой большевизации румынской и чехословацкой систем и их армий. Этим самым планировалось принудить великие державы к изменению договора в пользу Венгрии. Генштабом был разработан план северных и восточных операций под кодовыми названиями «Пробуждение» и «Рассвет». В этих разработках, вероятно, участвовал и Верт⁷.

1 сентября 1920 г. Верт, ставший полковником, приглашён на работу в Академию Людовика в качестве преподавателя стратегии и военной истории. Здесь он смог продолжить прерванную из-за Первой мировой войны научную деятельность.

Однако вскоре, весной 1921 г., его внезапно понизили в должности: во всяком случае, пост командира 7-го самокатного батальона 7-й смешанной бригады в Мишкольце не подходил для полковника Генштаба. Причина этого назначения нам точно неизвестна. 1921 г. для Венгрии был «годом королевских путчей»⁸. Мы не можем утверждать, что Верт был сочувствующим легитимистом, вместе с тем не следует исключать, что среди сторонников короля у него могли быть такие связи. Со 2 февраля (по другим данным, с 1 мая) 1922 г. его назначают на должность, соответствующую его званию: он стал заместителем начальника 1-го (оперативного) отдела VI управления (тайного Генштаба) Министерства обо-

роны, на этом посту он находился до ухода 4 ноября 1922 г. начальника отдела Вилмоша Рёдера, затем, после короткого переходного состояния, 1 января 1923 г. Верт был назначен начальником оперативного отдела VI управления и на этой должности проработал до 4 января 1926 г.

В 1921–1924 гг. Верт опубликовал серию статей под названием «Размышления о мировой войне», где давал подробный анализ закончившейся войны и высказал своё мнение о причинах военного поражения⁹. По его мнению, политиками центральных держав как в ходе подготовки войны, так и в борьбе за мир выносились ненадлежащие решения, а солдаты были предоставлены самим себе. Предшествующая войне политическая подготовка не согласовывалась с планами ведения войны самих военных. Карьера Верта, уже ставшего известным благодаря своим научным публикациям, неуклонно шла в гору.

4 января 1926 г. Верт был назначен начальником Венгерских Королевских курсов по изучению устава офицерами армии (под этим названием фактически существовала Военная академия) с одновременным присвоением генеральского звания. Перед ним поставили задачу создать в Военной академии организационные и методологические условия для повышения квалификации офицеров Генштаба. Примером для этого должно было служить немецкое обучение офицеров Генштаба.

В феврале 1926 г. Верт был направлен в Германию для изучения учебного процесса в Немецкой военной академии. Предисловие составленной в 1930 г. книги под названием «Теория стратегии» написано Вертом¹⁰; в этом предисловии он пишет, что искалеченные завершающим Первую мировую войну мирным договором страны – а среди них и Венгрия – живут в постоянно растущем напряжении, которое не может разрешиться мирным путём, а приведёт к невиданной жестокой войне. Это будет уже тотальная война с применением новейшей военной техники и требующая приложения больших материальных и людских ресурсов от всех участвующих сторон. Он предполагал, что Германия в скором будущем будет требовать пересмотра Версальской мирной системы и начнёт процесс перевооружения.

В осуществлении ревизионистских притязаний Венгрии Верт рассчитывал на политическую, военную и экономическую поддержку со стороны Германии как союзника в достижении общих интересов. Он правильно предугадал будущее Германии, хотя переоценил роль Венгрии в этом. После Трианона решения венгерских политических и военных элит определяла последовательно осуществляемая венгерской дипломатией национальная стратегия, которая требовала вернуть как можно большую часть исторической территории страны.

1 сентября 1931 г. Верт расстался с Военной академией, став начальником 4-й смешанной бригады, расположенной в Пече; здесь, получив повышение в звании, он стал генерал-лейтенантом. С приходом А. Гитлера к власти он надеялся на благоприятное развитие венгерско-немец-

ких отношений, хотя и был далёк от того, чтобы приветствовать приход к власти нацистов, так же, как держался вдалеке от укрепляющих свои позиции венгерских крайних правых.

В этот период своей жизни он не скрывал ни перед своим близким, ни перед дальним окружением, что причисляет себя к тем немногочисленным генералам, которые владеют всеми практическими и теоретическими знаниями, чтобы войти даже в высшее руководство армии. Поэтому ему пришлось с разочарованием принять к сведению, что при смене высшего военного руководства в начале 1935 г. регент Хорти не подумал о нём¹¹.

Верт публично не высказал своё разочарование, однако в конце года, когда ему исполнилось 55, ссылаясь на окончание срока военной службы, подал прошение об отставке. Генерал-лейтенант Хенрик Верт с 1 марта 1936 г. не являлся активным членом венгерского генеральского корпуса. Он воздерживался от активного занятия политикой, между тем летом 1937 г. решил, что настало время для того, чтобы подготовить меморандум о военной структуре, способной обеспечить боеспособность венгерской армии, для этого считал необходимым выделить 1 млрд 700 млн пенгё. Между тем на совещании у регента 4 ноября 1937 г. решение по этому делу не было принято.

Премьер-министр К. Дараньи 5 марта 1938 г. заявил в Дьёре о принятии программы вооружения стоимостью в 1 млрд пенгё, но её воплощение в жизнь стало проводить уже другое правительство. В новом, образовавшемся 14 мая 1938 г. правительстве во главе с премьер-министром Белой Имреди де Оморавица министром обороны был назначен Енё Рац, бывший до этого начальником Генштаба.

Верт тогда тоже рассчитывал на то, что начальником Генштаба назначат его, но решение регента снова переполнило его разочарованием¹². К счастью для Верта, Лайош (Ференц) Керестеш-Фишер не захотел в течение продолжительного времени оставаться во главе Генштаба, поэтому М. Хорти был вынужден решать вопрос о его преемнике. Таким образом, исполнилась надежда всей жизни и великая мечта Верта. 29 сентября 1938 г. регент назначил начальником Генштаба именно его, присвоив звание генерала пехоты. Перед Вертом открылась великая возможность – создать армию согласно своим представлениям и превратить её в средство решения венгерских территориальных проблем.

Как начальник Генштаба венгерской армии, он выполнял приказы непосредственно главы государства, то есть регента Хорти, а по своему служебному положению одновременно находился в прямом подчинении министра обороны. Верт многократно злоупотреблял своим двойственным положением и нередко в обход министра обороны, не информируя последнего, обращался за поддержкой напрямую к Хорти.

Своей основной задачей Хенрик Верт считал проведение и без того уже сильно запаздывающих мероприятий по модернизации армии. Он с большим воодушевлением приступил к работе.

Перед Генштабом с самого начала он поставил задачу развить армию до такого уровня, чтобы она была способна осуществить – даже путём применения силы – территориальную ревизию страны. В этом деле он рассчитывал исключительно на помощь Германии и всеми силами способствовал укреплению венгеро-германских связей, вплоть до заключения оборонительно-наступательного союза.

Верт считал первостепенно важным, чтобы внешнеполитическая линия правительства безоговорочно отвечала интересам ревизии. Первая возможность для возвращения аннексированных территорий была предоставлена Мюнхенским соглашением. Поскольку первый Венский арбитраж с участием Германии и Италии не вернул Венгрии Закарпатье целиком¹³, Совет министров 8 ноября 1938 г. принял решение об оккупации Закарпатья. Для подготовки и осуществления оккупации была создана оперативная группа¹⁴.

Верт и его сотрудники разработали план военной операции; дату нападения назначили на 20 ноября, однако из-за запаздывания с выдвижением частей её сперва перенесли на 21-е, а затем на 22-е число. И. фон Риббентроп¹⁵ 21 ноября осудил неблагодарное венгерское правительство, намеревающееся нарушить решения Венского арбитража, поэтому вооружённая акция не состоялась¹⁶.

В конце 1938 г. Верт попытался воспрепятствовать насаждению в офицерском корпусе и в целом в армии ультраправых нилашистских взглядов¹⁷. Он был убеждён, что в армии нужно свернуть политизирование, и в первую очередь восстановить дисциплину. Из-за обострения чехословацкого вопроса Верт 11 марта 1939 г. запросил постановление о частичной мобилизации, однако полномочий на это у правительства не получил, так что 13 марта послание Гитлера настигло армию неподготовленной: венгерское правительство получило свободу действий для занятия Закарпатья¹⁸.

Верт, терзаемый серьёзными сомнениями, 13 марта издал приказ о немедленном выдвижении частей. Впоследствии сам он эту акцию с военной точки зрения квалифицировал как попросту имеющую «авантюрный характер» и попросило правительство в будущем вовремя сообщать о своих политических соображениях, с тем чтобы можно было планомерно осуществлять военные приготовления. 15 марта 1939 г. Закарпатская Украина была аннексирована Венгрией.

После того как разразилась Вторая мировая война, в основе внешней политики венгерского правительства, которым с февраля 1939 г. в качестве премьер-министра руководил граф Пал Телеки де Секи, лежало два принципа: дистанцирование от вооружённых конфликтов крупных держав, то есть поддержание нейтралитета страны и сохранение её ударной силы до конца войны, а также претворение в жизнь ревизионистской политики.

Важнейшей целью было поддержание вооружённого нейтралитета Венгрии¹⁹. Когда 1 сентября 1939 г. Германия вторглась в Польшу, прави-

тельство Телеки – несмотря на то, что Венгрия была союзницей Германии, не позволило продвижения немецких войск на Польшу через свою территорию, более того, стала впускать в страну польских беженцев.

Политическая теория вооружённого нейтралитета Телеки де Секи была неприемлема для Верта, он её не мог воспринять. С новым премьер-министром у начальника Генштаба почти с самого начала сложились довольно плохие отношения. Телеки де Секи, конечно, заметил, что армия сформировалась и стала государством в государстве, но что-либо предпринять против этого не мог. Верт без ведения премьер-министра продолжал вести переговоры с представителями немецкого Генштаба по многим вопросам, касающимся в том числе и судьбы страны.

В осуществлении ревизионистской политики наиважнейшим элементом в глазах каждого представлялась Трансильвания. В вопросе Трансильвании Верт не брезговал и сотрудничеством с Советским Союзом, он был склонен к сотрудничеству с любой антирумынской силой для совместных действий. Из германо-советского договора от 23 августа 1939 г. Верт сделал вывод, что антирумынская акция Венгрии, осуществлённая одновременно с Советским Союзом, не может войти в противоречие с немецкими интересами, они не были бы против неё.

Верт был настолько уверен в том, что ему удастся убедить и премьер-министра в том, что в случае возникновения советско-румынских вооружённых разногласий Венгрии нужно выступить одновременно с советскими частями, что под свою ответственность инициировал налаживание связей с советским Генштабом. Он дал указание полковнику Габору Фараго²⁰, вновь назначенному военному атташе Венгрии в Москве, чтобы тот начал зондирующие переговоры по вопросу сотрудничества. Однако из-за действий, предпринятых в то время антисоветски настроенным премьер-министром Телеки де Секи, дальнейших существенных шагов сделано не было²¹.

12 декабря 1939 г. Верт в своём меморандуме, написанном премьер-министру, заявил, что в случае ожидаемых советских шагов по вопросу о Бессарабии Венгрия не сможет оставаться безучастной и немедленно должна будет напасть на Румынию, захватив территорию всей Трансильвании²².

6 июня 1940 г. он обратился к министру иностранных дел с новой памятной запиской на немецком языке: «О ревизионистских притязаниях Венгрии и их мотивации с военно-политической точки зрения», в которой подчёркнул, что с Венгрией следует считаться как с исходной базой для наступления против Советской России²³. Однако применить его не пришлось, Германия решила вопрос дипломатическим путём: благодаря второму Венскому арбитражу от 30 августа 1940 г. румыно-венгерская война не состоялась²⁴.

После благоприятного для Венгрии второго Венского арбитража венгерское правительство – в качестве «компенсации» – было вынуждено заплатить высокую цену за решения, принятые благодаря Гитлеру, и всё чаще идти на большие уступки Германии. К ним относится и присоеди-

ние Венгрии к Тройственному (германско-итало-японскому) пакту, чем страна, по сути, полностью отказалась от принципа неприсоединения, и это явилось важной вехой в процессе нанесения ущерба независимости венгерской внешней политики.

Ещё ранее, в марте 1940 г., сбылась давняя мечта Верта: регент упразднил пост главнокомандующего армией, таким образом, процессом управления армией ему уже не приходилось делиться ни с кем.

К концу 1940 г. Югославия оставалась единственной соседней страной, на которую ещё в какой-то мере могла полагаться всё более теряющая самостоятельность венгерская внешняя политика. Под знаком внешнеполитического равновесия был подписан 12 декабря 1940 г. в Белграде так называемый югославо-венгерский договор «о постоянном мире и вечной дружбе». А уже 27 марта 1941 г. А. Гитлер принял решение захватить Югославию и дал понять, что рассчитывает на участие Венгрии в этой военной операции. За это участие он обещал ей возвращение отторгнутых южных территорий.

Венгерское правительство оказалось перед дилеммой: либо уступить требованиям Гитлера и этим увеличить возможность проведения ревизионистской политики, но таким образом окончательно потерять остатки доверия западных стран; либо воспротивиться немецкой воле, что означало потерю шансов успешной ревизии и, возможно, окончилось бы германской оккупацией страны. Поставив определённые условия, сам Телеки де Секи тоже ратовал за участие в военных действиях, однако в ночь со 2 на 3 апреля – видя провал своих внешнеполитических устремлений и чувствуя моральное бремя нарушения договора – застрелился.

Присоединившись к германскому наступлению, 11 апреля 1941 г. венгерские войска перешли границу. Борющаяся с серьёзными внутренними противоречиями Югославия быстро была разгромлена и распалась на части, поэтому венгерским войскам серьёзно не сопротивлялась, лишь кое-где возникали небольшие перестрелки²⁵.

Для венгерского военного руководства уже с начала 1941 г. стало очевидным, что развязывание германско-советской войны – только вопрос ближайшего времени²⁶. По мнению Л. Домбради, сам факт нападения для Верта стал несомненным уже в конце февраля 1941 г., следовало лишь уточнить только подробности и сроки, а также то, почему Гитлер не рассчитывает на военное участие Венгрии²⁷. В своей книге полковник Генштаба Дьюла Кадар говорит о том, что Верт на одном из тактических совещаний поставил в известность присутствующих: «Пусть господа отнесутся очень серьёзно к тому, что здесь прозвучит; я могу сообщить конфиденциально, что в ближайшее время разразится германско-русская война, и участвовать в ней – наша обязанность»²⁸. Венгерское военное руководство уже с 1939 г. вело двойную игру с политическим руководством страны. Частью этой игры являлось и то, что рефераты военных атташе даже не показывались посланникам на местах.

Из раздробления Югославии Верт сделал вывод, что территорию Баната не удалось вернуть из-за колебаний Венгрии. Начальник Генштаба весной 1941 г. бомбардирует нового премьер-министра и одновременно министра иностранных дел страны Ласло Бардоши меморандумами – в своём любимом жанре²⁹.

Верт стремился достичь соглашения о германско-венгерском военном сотрудничестве накануне предстоящей войны против Советского Союза. Так как на свои меморандумы от 6 и 31 мая 1941 г. он не получил положительного ответа, в новом, адресованном министру иностранных дел сообщении от 14 июня он прогнозировал развязывание войны уже в течение 10 дней. «В случае победы Германии, а она бесспорна, Советская Россия будет настолько ослаблена и, вероятно, настолько оттеснена от Карпат, что большая русская опасность существенно уменьшится или даже, возможно, на длительное время исчезнет совсем». [...] «Именно поэтому я ещё раз предлагаю, чтобы правительство незамедлительно вступило в контакт с германским правительством и сделало ему формальное предложение о нашем добровольном присоединении к германско-русской войне»³⁰.

Верт уже после первого (от 6 мая) отклонённого меморандума стал принимать решения самостоятельно. Предпринял подготовку к мобилизации армии и усилил военное присутствие на территории Закарпатья, однако этим он достиг совершенно противоположного эффекта, так как германскую дипломатию только раздражало излишнее венгерское усердие.

Бардоши отклонил меморандум Верта от 14 июня уже перед Советом министров, однозначно заявив, что «без решительной просьбы или обращения с немецкой стороны» венгерское правительство не будет содействовать началу военной подготовки.

Начальник Генштаба скрепя сердце принял к сведению решение политиков, хотя целью Хенрика Верта однозначно являлось скорейшее присоединение к военным действиям, и его немецкие коллеги хотели склонить его к этому. Генерал-майор Курт Химер, начальник немецкого штаба связи в Венгрии, отметил в своём докладе: «Верт не способен справиться с величиной момента», потому что подчиняется решениям политиков, хотя «теперь время военных»³¹. Однако, этот упрек несправедлив: в ходе оценки положения начальник генштаба выступил с предложениями, которые из сферы военной компетенции вторгались в сферу политических решений, оказав яростное давление на политическое руководство в интересах вступления в войну на стороне немцев.

В плане «Барбаросса» Гитлер не отвел Венгрии военной роли. Гитлер не требовал от Венгрии вступления в войну, потому что фюрер знал, что ничего нельзя просить. В то же время связи между венгерским и немецким военным командованием были столь тесны, а окружение Верта настолько было убеждено в правильности своих действий в интересах страны, что

им удалось навязать руководству страны решения, ввергавшие Венгрию в пучину военных действий.

В самом начале войны немцы больше нуждались в участии в ней двух румынских армий, которые немедленно начали наступление, а также в экономических ресурсах Румынии. Гитлер знал также и то, что, как только румыны вступят в войну, венгерское правительство и военное командование рано или поздно почувствуют своё отставание, если не присоединятся к боевым действиям, что собственно и произошло³². Вступление в войну румын и словаков положило начало и новому раунду их соперничества с Венгрией в схватке за благосклонность Германии, в ходе которой Будапешту приходилось считаться с возможностью выставления ему встречных претензий в отношении только что приобретённых территорий.

Ключевое различие между венгерским военным и политическим руководством заключалось в том, что военное командование, с учётом румынских реалий, в любом случае стремилось поучаствовать в реализации плана «Барбаросса», а политическое руководство страны ожидало просьбы с немецкой стороны, причём в такой форме, которая исходила бы не по военной, а по правительственной линии.

Рамки данной статьи не позволяют подробно описывать события тех дней, которые предшествовали вступлению в войну, в этом читателю помогут научные комментарии к опубликованным в сборнике документам Верта.

23 июня 1941 г. по решению Совета министров Венгрия разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом. Верт, узнав о решении правительства, не отказался даже от открытого давления: он вместе с министром обороны К. Бартой отправился в поместье регента в Кендереш, где они угрожали регенту тем, что, если Венгрия не примет участия в боевых действиях, не может быть исключена опасность военного переворота. Тогда Хорти отказал Верту и Барте в их требованиях.

Пришедшее известие о загадочной бомбардировке города Каша (ныне словацкий город Кошице) сразу же уладило все противоречия между военными и гражданскими. 26 июня 1941 г. в 13 часов 6–8 минут над принадлежащим тогда Венгрии городом появились три самолёта с жёлтыми полосами вокруг фюзеляжей и с небольшой высоты сбросили 30 стокилограммовых бомб.

Венгерский Генеральный штаб, получив сообщение о налёте, сразу же объявил, что город бомбила советская авиация³³. В тот же день, 26 июня, на состоявшемся во второй половине дня заседании правительства было постановлено: «Венгрия считает себя находящейся в состоянии войны с Советским Союзом». Решение, утверждённое парламентом лишь 27 июня, было принято регентом Хорти по праву главы государства, гарантированного ему законом.

Бомбёжка Каша является одной из крупнейших загадок новейшей истории Венгрии, так как до сегодняшнего дня однозначно определить

принадлежность или тип нападавших самолётов не удалось. Следствием авиационного налёта были значительные человеческие потери (погибли 32 человека, почти 300 получили ранения) и весомый материальный ущерб (он составлял около 3 млн пенгё). Однако это не должно было стать обязательным поводом для немедленного объявления состояния войны – возможно было и дипломатическое разрешение инцидента³⁴.

Семьдесят лет прошло с того момента как Венгрия – как это принято говорить – была вовлечена во Вторую мировую войну, и несмотря на наличие многочисленных источников, дающих представление о политическом фоне событий, мы до сегодняшнего дня не знаем исполнителей *casus belli* (формального повода к объявлению войны)³⁵. 27 июня 1941 г. – дата, от которой исчисляется участие венгерских войск в войне Германии против СССР. В этот день самолёты венгерских воздушных сил атаковали советские пограничные города.

19 августа 1941 г. Верт снова обратился к премьер-министру с меморандумом о более масштабном венгерском участии в войне. Однако предпринятые им шаги в целях наращивания военного участия, во многих случаях намного превышающие его полномочия, подорвали доверие регента к нему. 5 сентября 1941 г. он подал в отставку, ссылаясь на ухудшение состояния здоровья. 8 сентября 1941 г. регент назначил начальником Генштаба венгерской армии генерал-лейтенанта Ференца Сомбатхею.

В период, предшествовавший Второй мировой войне, мышление венгерских военных – генералов и офицерского корпуса, – скованных в своих действиях статьями Трианонского договора, было довольно ограниченным. Оно акцентировалось на решении проблемы запрета территориальной ревизии и вокруг планов развития вооружённых сил³⁶. Успехи молниеносного наступления немецкой армии ослепили и более трезвых политиков, не говоря уже о почти единодушном восхищении немцами со стороны старшего офицерского состава.

В конце концов Венгрия снова закончила войну на стороне победённых. Целесообразно процитировать полные горечи, но (само)критичные строки Густава Граца, написанные в дни после окончания второго мирового пожара: «[...] Это поколение [...] не осознав недостатка своих сил, вторглось в конфликт между мировыми державами и, вместо того чтобы заниматься политикой, играло в рулетку, поставив будущее всей венгерской нации на то, что шарик остановится именно на том цвете, на котором мы бы хотели, чтобы он остановился»³⁷.

О дальнейшем жизненном пути Верта нам известно немного, он не участвовал в общественной жизни, тихо жил жизнью генерала в отставке. Он не брался за перо, чтобы анализировать ход войны, не искал оправданий, не объяснялся. Германские военно-политические органы также не проявляли интерес к его личности.

По мере приближения фронта многие советовали Верту уехать на Запад, не дожидаясь окончания войны. Однако он отказывался это сделать.

И напрасно немецкое командование во время штурма Будапешта прислало за ним самолёт «Storch», приземлившийся сначала на ипподроме, затем на Вермезё, чтобы вырвать его из окружения.

После взятия Будапешта он сказал своему знакомому, живущему по соседству, что ему необходимо явиться при полном параде в советскую городскую комендатуру в Будапеште. Просил не оставлять его жену одну. Его видели тогда в последний раз³⁸.

Летом 1945 г. Народный суд³⁹ включил в повестку дня дело Верта без его присутствия. Политотдел охраны общественного порядка Управления полиции г. Будапешта 13 июля 1945 г. издал приказ об аресте обвиняемого Верта. Необходимо установить, дезертировал ли он, и «если он находится в Венгрии, то немедленно подлежит аресту и сопровождению в камеру будапештского народного суда»⁴⁰. Народный прокурор д-р Имре Носко уже 17 июля 1945 г. подал обвинительный акт против Верта.

Обвиняемый являлся одним из главных военных преступников, поэтому в интересах общественности было необходимо, чтобы даже в его отсутствие обвинительный процесс состоялся как можно скорее. Прокурор выдвинул требование о выдаче обвиняемого, так как если он жив, то по всей вероятности находится в плену либо английской, либо американской армии. Прокурор также просил составить розыскное письмо, потому что, возможно, обвиняемый скрывается на территории Венгрии.

Мы не располагаем информацией о том, пыталось ли венгерское правительство просить выдачи Верта из советского плена с намерением предать его народному суду. Пока нам даже точно неизвестно, имелась ли летом 1945 г. у правительства или у народного суда информация о том, что Верт доставлен в Советский Союз.

В настоящее время мы всё ещё не располагаем данными даже о том, координировали венгерские и советские органы госбезопасности свои действия по делу Верта уже с самого начала процесса или нет. Между тем имеются некоторые данные о том, что советские органы госбезопасности почти с самого начала подключились к работе полиции в венгерской столице⁴¹.

Прокурор выдвинул обвинение против Верта в совершении преступлений, определённых пунктами 1, 2, далее 4 и 5 статьи 11 Постановления о народных судах:

1. Начальник Генштаба Верт своей деятельностью на этом руководящем посту способствовал распространению на Венгрию войны 1939 г., а именно – тем, что совместно с премьер-министром Ласло Бардоши и министром обороны Каройем Бартой вынудил регента принять решения о вступлении венгерской армии в Югославию в апреле 1941 г., об объявлении в конце июня состояния войны против СССР, затем в конце осени против союзных держав,⁴² далее – тем, что предоставил в распоряжение немцев венгерский подвижной состав и оккупационные силы.

2. Задачей находящегося на руководящем посту начальника Генштаба государственного служащего являлось информировать регента об истинном положении именно таким образом, чтобы венгерские вооружённые силы ни в коем случае не вовлеклись в военные действия. Однако Верт не предоставил информацию регенту о реальном военном положении и тем самым содействовал объявлению войны. Хотя он ясно мог предвидеть последствия, всё же явился соучастником такого решения, которое повлекло венгерский народ в жернова мировой войны.

3. Являясь членом верхней палаты, он в конце 1944 г. вступил в Национальный Союз крайне правых, сформированный для поддержки режима Салаши, оказав этим помощь нилашистам в том, чтобы удержать власть⁴³.

4. В 1941 г. им издан приказ о вывозе на территорию Украины отбывающих трудовую повинность евреев, а также приказ об обращении с ними, в результате чего было убито около 40 тысяч отбывающих трудовую повинность; таким образом, он являлся участником незаконных массовых расправ над людьми⁴⁴.

Главное преступление обвиняемого: путем проведения прогерманской военной политики и используя для достижения своих целей вверенные ему как государственному деятелю власть и возможности, он способствовал вступлению Венгрии в войну.

Для составления обвинения народный прокурор использовал главным образом свои сведения, далее обзор Аюша Майора о роли Хенрика Верта в период войны⁴⁵, а также несколько свидетельских показаний. Главным свидетелем был один из старых соратников Верта, Енё Томбор⁴⁶, который дал обвинительные показания на процессе 7 июля 1945 г.

Согласно показаниям Томбора, Верт вёл изменническую деятельность в Красной армии. В 1919 г. он передал румынам сведения о планах наступления Красной армии. Томбор в своих свидетельских показаниях дал отчёт о беседах с Вертом, в которых наиболее подробно рассказал о случайной встрече с ним в кафе «Модерн» 11 декабря 1942 г.

Верт тогда заявил, что был убеждён в том, что нам следует участвовать в походе против Советской России, и именно всеми силами. «Он с тех самых пор не одобряет поведение и нерешительность венгерского правительства в отношении массовости участвующих венгерских войск». Верт подчеркивал, что беда заключалась не во вступлении в войну, а в том, что при нападении на русских не с самого начала были применены достаточные силы.

Согласно обзору Майора, Верт относился к главным венгерским «поджигателям» войны: «у него было своё собственное политическое мнение о политической стороне вещей, и поэтому он стремился к осуществлению своих высоких намерений [...] Таким образом, вне всякого сомнения, видна его ответственность»⁴⁷.

Народный суд не спешил заочно выносить приговор Верту. Это произошло только 22 мая 1948 г. Согласно установленному абзацем 1 пункта

1 статьи 11 Постановления о народных судах, суд, осудив его за военные преступления, в качестве основной меры наказания приговорил его к смертной казни, в качестве дополнительного наказания – к конфискации имущества и приостановлению политических прав.

Обвиняемый – в отсутствие доказательств – был оправдан по обвинению в участии в Национальном Союзе, а также в провоцировании зверств и массовых убийств венгерских евреев, отбывающих трудовую повинность на Украине. Согласно обоснованию приговора, обвиняемый дезинформировал правительство ложными сведениями о силе и боеспособности армии. Постоянно требовал заключения военного союза с немцами.

На фоне поверхностного и неточного в целом судебного обоснования заслуживает внимания то, что Верту не был вынесен обвинительный приговор за организацию бомбардировки города Каша. Даже в прокурорском обвинении не содержался пункт по совместной с немцами организации бомбового удара по Каше – вопреки тому, что некоторые свидетели, дававшие показания на процессе, побуждали прокурора к этому.

В отсутствие обвиняемого суд «не смог» установить обстоятельства преступления. Он только посчитал отягчающим то обстоятельство, что обвиняемый «даже в обход тогдашнего официального режима, даже против воли правительства, вёл с немцами секретные и особые консультации. Таким образом, при вынесении приговора суд, в сущности, принимал во внимание только предметную тяжесть совершённого и в результате рассмотрения этого определил, что за деяния обвиняемого, как одного из главных преступников страны, единственно достойная кара – смерть»⁴⁸.

За десятилетия, прошедшие со времени вынесения неисполнимого приговора, власть не считала необходимым сообщить, куда Верт пропал, жив он или нет – для власти его больше не существовало. Его жену в 1950 г. выселили в Чань (населённый пункт в области Хевеш), здесь она умерла 18 декабря 1963 г. на 82-м году жизни.

В связи отсутствием информации в венгерской исторической литературе могли быть опубликованы лишь догадки и предположения о его дальнейшей судьбе в Советском Союзе. Лоранд Домбради в своей монографии, ссылаясь на сообщение военного историка Енё Дёркеи, написал, что Верта не приговаривали к смерти, его держали в плену в Красногорском лагере для военнопленных близ Москвы, где и похоронили⁴⁹.

Заслуживает внимания тот факт, что точная дата смерти Верта его семье была известна, так как на могильной плите умершей в 1963 г. вдовы на кладбище в Чане была выгравирована дата: 28 мая 1952 г.

Верт во Вторую мировую войну оказался побеждённым, не на поле боя, а в политических битвах. Он по-иному трактовал круг деятельности самого первого военнослужащего армии, чем этого можно было ожидать. Упорно был уверен в том, что нужно влиять на политику правительства лишь в том направлении, которое им считается ведущим к спасению.

Единственным и неизбежным решением он полагал лишь политику, ориентированную на Германию, к чему привели его военное воспитание, опирающееся на традиции, его оценка политики Германии в отношении Центрально-Восточной Европы, а также цель – ревизии границ Венгрии.

Гитлеровскую политику расширения жизненного пространства Германии, последствия которой затронули бы и послевоенную Венгрию, он оставил без внимания. Согласно Лоранду Домбради, Верт потерпел поражение не как военный, а как политик, пожелавший повлиять соответственно своим взглядам на актуальную политику. Это поражение, однако, вылилось в тяжёлые последствия как для страны, так и для него лично.

В Венгрии после смены системы получила распространение переоценка участия страны во Второй мировой войне в свете ревизионистского взгляда не только в духовно-политической жизни, но и в научных кругах. Ревизия трактовки поражения и романтическое националистическое направление трактовки, имеющей место в качестве части «национального правосудия», наложили отпечаток на значительную часть отечественных исследований, раскрывающих судьбу венгерских военнопленных.

Постоянная неисторическая политизация темы затрудняет чёткость видения, объективный анализ. Однако мы должны сознавать, что Венгрия – вследствие политики хортистских властной и военной элит, подчиняющей всё делу ревизии – напала на Советский Союз на стороне Германии без просьбы со стороны А. Гитлера. Проигранная война, повлекла для страны, для всей нации тяжёлые материальные и людские потери. За вступление Венгрии в войну, за тяжёлые людские потери историческая ответственность в полном объёме ложится на хортистскую элиту, а с октября 1944 г. – на представителей власти нилашистов⁵⁰.

В конце зимы 1993 г. Реабилитационная комиссия Министерства обороны обратилась к Военно-историческому институту: «[...] Различные общественные организации добиваются реабилитации бывших генералов, игравших ключевую роль во Второй мировой войне, а затем осуждённых. [...] Реабилитации бывших генерал-полковников Хенрика Верта, Ференца Сомбатхеи, Яноша Вёрёша, Густава Яни должна предшествовать исследовательская работа историков...»⁵¹.

Что касается Верта: его роль в вовлечении страны в войну несомненна и при том, что решение принял не он, а регент после бомбардировки Каши, означающей для политического и военного руководства в одинаковой мере *deus ex machina*. Однозначно доказуемо, что Верт решительно настаивал на добровольном вступлении Венгрии в войну на стороне Германии.

Более того, превысив свои служебные полномочия, Верт в интересах приспособления к германской политике требовал даже национально-социалистического преобразования внутреннего устройства страны. «Эти, продиктованные державами оси, преобразования – в интересах лучшего будущего – подчинят Венгрию великой европейской цели, и ей необходимо

сделать исходящие из этого выводы. Таким образом, очевидно, что Венгрии необходимо переустроить внутривнутриполитическую, общественную и социальную систему, а новый режим должен приспособиться к преобразованной Европе, – писал он в своём меморандуме, датированном 6 июля 1940 г.»⁵²

За исключением Верта, реабилитация трёх других военных руководителей состоялась⁵³, о нём же вопрос не ставился на повестку дня с 1993 г.

В конце своей книги Домбради задаёт несколько вопросов и отвечает на них довольно пессимистично: «Что знал (Верт) о происходящем дома, в Венгрии, о привлечении его к ответственности и приговоре к смертной казни? Как он держал ответ перед теми, кто его допрашивал, и перед самим собой? Сплошные вопросы, на которые даже исследователи предстоящих десятилетий вряд ли смогут получить ответы»⁵⁴.

Спустя семьдесят лет после этих событий – благодаря протоколам допросов, впервые публикуемым в настоящем издании, – для венгерских учёных открывается возможность дать ответ на некоторые вопросы. Однако, вопреки нашим предварительным ожиданиям, в раскрытии тайны бомбардировки Каши не смогли помочь даже показания Хенрика Верта.

Примечания

¹Dombrády L. Werth Henrik akiről nem beszéltünk. – Budapest, 2005., (Далее: Dombrády, 2005.). Dombrády L. Szombathelyi Ferenc a népbíróóság előtt. – Budapest, 2007.

²Статья Л. Домбради о Верте появилась в 2004 г. в Военно-историческом журнале (Венгрия?). .: Dombrády L. Akiről nem beszéltünk: Werth Henrik // Hadtörténelmi Közlemények – 2004. – № 1. – О. 61–166., № 3. – О. 989–1052..

³Комитат Торонтал (нем.: Torontal): в прошлом – административная единица в южном округе Венгерского королевства. Комитат был частью региона Банат. (Территория комитата была разделена между Сербией, Румынией и Венгрией.) Режэхазу основали на берегу Тисы выселенные туда поселенцы-швабы, датой основания считается пасха 1866 г. В конце XIX в. в поселении было 527 домов, 3178 жителей римско-католического вероисповедания, носителей немецкого языка (всего 30 венгров).

⁴Dombrády, 2005 – О. 13.

⁵Ibid. – О.9–13.

⁶В марте 1920 г. Верт подал жалобу против отставного полковника Дёбрентеи (Дёбрентей?) о нанесении оскорбления. Тот сказал жене Верта, что её муж тоже служил красным. Дело было передано ревизионной комиссии, где обвинения не подтвердились. От гражданского процесса Верт отказался.

⁷Dombrády, 2005. – О. 16–18.

⁸Королевскими путями современная пресса называла попытки «реставрации» Габсбургов, проходившие между мартом и октябрём 1921 г., в ходе которых последний венгерский король Карой (Карл) IV возвращался даже дважды, чтобы при поддержке венгерских легитимистов вернуть власть в Венгрии.

⁹Werth Henrik: Elmékedés a világháborúról // Magyar Katonai Közlöny. – 1921. – № 3. – О.145–161.

¹⁰A hadvezetés elmélete. / Összeáll. és bev. Werth H. . – Budapest, 1930.

¹¹16 января 1935 г. Хорти назначил начальником Генштаба генерала Йозефа (Йозефа?) Шомкути, а главнокомандующим армии – генерал-лейтенанта в отставке Йштвана Швои.

¹²Хорти, как это уже многократно бывало, выбрал нового начальника из своего ближайшего окружения: 24 мая 1938 г. начальником Генштаба был назначен генерал-лейтенант Лайош (Ференц?) Керестеш-Фишер, который до этого являлся руководителем Военной канцелярии регента.

¹³Первый Венский арбитраж от 2 ноября 1938 г. предписывал Чехословакии передать Венгрии южные районы Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью 11 927 км², с населением свыше 1 млн человек.

¹⁴Члены оперативной группы: премьер-министр Б. Имреди, министр иностранных дел К. Кая, министр обороны К. Барта, начальник Генштаба Х. Верт, начальник 2-го управления Генштаба Р. Андорка.

¹⁵Риббентроп, Иоахим фон (Ulrich Friedrich Wilhelm Joachim von Ribbentrop) (1893–1946) – министр иностранных дел Германии. 14 июня 1945 г. был арестован американскими войсками в Гамбурге. 1 октября 1946 г. приговорён Нюрнбергским военным трибуналом к смертной казни и повешен 16 октября 1946 г.

¹⁶Рудольф Андорка, начальник 2-го управления Генштаба, впоследствии в своём дневнике записал о Верте следующее: он однозначно «видит путь, которым должно идти, только в тесной кооперации с Германией», поэтому «нам нужно подчиниться немцам!» (Андорка R. A madridi követségétől Mauthausenig. – Budapest, 1978. – О. 64.)

¹⁷В конце 1938 г. Верт с мыслью об отставке пожаловался регенту на создавшуюся невыносимую обстановку, однако Хорти успокоил его и заверил в своём доверии.

¹⁸Титлер просил соблюдения полной секретности до начала военной акции – до 15 марта. (A Wilhelmstrasse és Magyarország : Német diplomáciai iratok Magyarországról / Összeáll. Ránki G., Pamlényi E., Tilkovszky L. – Budapest, 1968. – О.368.)

¹⁹О ревизионистской политике и внешней политике Венгрии в период между двумя мировыми войнами смотри труды известных венгерских историков: Дьюлы Юхаса, Дьёрдя Ранки, Марии Ормош, Пала Притца, Игнаца Ромшича.

²⁰Фараго, Габор (1890–1953) – венгерский военный и государственный деятель. В 1910 г. окончил Академию Людовика. Участник Первой мировой войны. В 1920 – 1930-е гг. занимал офицерские должности в Генштабе в различных артиллерийских подразделениях. С 17 марта 1938 г. прикомандирован к Президиуму Министерства обороны, откуда спустя два года переведён во 2-е управление Генштаба. С 1 июля 1940 по 26 июня 1941 г. – военный атташе в Москве. После возвращения – руководитель Президиума Министерства обороны, а с 15 ноября 1942 г. стал инспектором полиции. 1 февраля 1943 г. получил звание генерал-лейтенанта. Благодаря отличному знанию русского языка, знанию страны и личной преданности регенту, Хорти поручил ему, уже в ранге генерал-полковника, руководство делегацией, командированной 28 сентября 1944 г. в Москву на переговоры о перемирии. С конца 1944 г. – министр по снабжению во Временном правительстве. 5 июля 1945 г. отправлен на пенсию, после чего отошёл от политической жизни. В 1951 г. его лишили пенсии и намеревались выселить. Однако благодаря ходатайству советского посла в Будапеште, смог остаться по месту жительства.

²¹Dombrády, 2005. – О. 57.

²²На заседании Верховного Совета Оборона предложение отклонили.

²³Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1939–1945. K.5. / Összeáll. Juhász Gyula. – Budapest, 1982. – О. 298-306. (Далее: DIMK. К.5.)

²⁴На основании второго Венского арбитража от 30 августа 1940 г. Венгрии была возвращена территория около 43 тыс. км² с населением 2,5 млн человек. Это были Северная Трансильвания вместе с так называемой Секейской землёй и часть региона, расположенного к северу и западу от Трансильвании, так называемый Парциум.

²⁵За присоединение к военному участию Венгрии были возвращены Бачка, территория треугольного изгиба комитата Баранья и долина реки Муреш – всего 11,5 тыс. км².

²⁶Всё более расплозались просочившиеся слухи о советско-германском конфликте. Генеральный консул в Мюнхене уже в марте 1941 г. докладывал: «не исключается развязывание войны против Советской России». Подобные новости сообщал и посланник в Берлине Дёме Стояи: «на передний план выйдет ликвидация Советской России». (DIMK. К.5 – О. 882., 890.). Военный атташе в Берлине Шандор Хомлок также усердно «собирал» для Верта сведения об этом.

²⁷Dombrády, 2005. – О. 113–114.

²⁸Kádár G. A Ludovikától Sopronkőhidáig. – Budapest, 1978. – О.360.

²⁹См. комментарии к документам из следственного дела в отношении Х. Верта.

³⁰Публикацию меморандумов Верта см.: DIMK К.5 – О. 1097–1100., 1142–1143., 1176–1179.

³¹Цитируеr: Pihurik J. Magyarország második világháborús szerepvállalása a memoárok tükrében // Mérlegen a XX. századi magyar történelem – értelmezések és értékelések. – Debrecen, 2002. – O.151–162.

³²Mucsányi J. Hatvan éve történt. Történészek vitája második világháborús szerepükről // Kortárs. – 2010. – 10. sz. október. URL : <http://www.kortarsonline.hu/0110/mucsanyi.htm>

³³В июне 1941 г. Верт заявил: «Бомбардировка Каши была мне просто на руку». (Lakatos G.: Ahogyan én láttam. – Budapest, 1992. – O. 47.)

³⁴„Nekem a kassai bombázás egyenesen jól jött”: Naplók és memoárok Magyarország második világháborús szerepvállalásáról. Kézirat / Közread. Pihurik J. – Szeged, 2011. (Далее: Pihurik, 2011.)

³⁵Об ответственности Верта за вступление страны в войну см.: Dombrády Lóránd: A hadba lépés felelősségéért // Századok. – 1998. – № 3. – O.517–551.; Katonapolitika és hadsereg 1920-1944 / Szerk. Dombrády L. – Budapest, 2000.

³⁶Dombrády L. A magyar katonai vezetés külpolitikai gondolkodása a két háború között // A magyar külpolitikai gondolkodás a XX. században : A VI. Hungarológiai Kongresszus (Debrecen, 2006, augusztus 22-26.) szimpóziumának anyaga. – Budapest, 2006.

³⁷Pihurik, 2011. – O. 6–7.

³⁸Dombrády, 2005. – O. 163.

³⁹В решении задач привлечения к ответственности военных и антинародных преступников, наряду с органами госбезопасности, значительная роль отводилась так называемым народным прокуратурам и народным судам. Временное национальное правительство Венгрии в своём заявлении от 22 декабря 1944 г., а затем в подписанном 20 января 1945 г. соглашении о перемирии обязалось арестовать и предать суду военных преступников, а если они совершали свои преступления на чужих суверенных территориях – выдать их другим странам. Правительство 25 января 1945 г. обсудило проект постановления о народных судах; оно вступило в силу 5 февраля 1945 г. Постановление Президиума Совета министров номер 81/1945 исключило из компетенции военных судов дела солдат, обвиняемых в совершении военных преступлений, передав их в компетенцию созданных постановлением политических судов – то есть народных судов. Министерство юстиции передало в компетенцию Будапештского нарсуда судебные процессы над главными военными преступниками. Народный суд мог применять следующие виды наказаний: 1. смертная казнь; 2. каторжная тюрьма; 3. тюрьма; 4. заключение; 5. интернирование; 6. денежный штраф до конфискации имущества; 7. отстранение от должности либо дисквалификация; 8. приостановление пользования политическими правами. Деятельность Будапештского нарсуда началась 28 февраля 1945 г., сперва под названием Будапештский Народный трибунал, затем – под ставшим официальным названием – Будапештский Народный суд. (См.: Soós M. A háborús és népellenes büntettek feltárásának forrásai a Történelmi Levéltárban // Trezor 3 : Az átmenet évkönyve, 2003. – Budapest, 2004. – O.81–106.)

⁴⁰Военно-исторический архив, Фильмотека 770; Материалы Нарсуда по делу Хенрика Верта. Постановление о доставке Верта; Dombrády, 2005. – O. 165.

⁴¹В донесении Иштвана Андреански, делегата дебреценского правительства, советника министерства, о положении будапештской полиции от 15 февраля 1945 г. написано следующее: «В распоряжение политических следственных органов по адресу ул. Андраши, 60 назначен офицер ГПУ в штатском по фамилии Орлов, который выполняет функции советника. Советник Орлов является связным между ГПУ и венгерскими политическими следственными органами». Эта связь впоследствии стала постоянной, всё более укреплялась и в конце концов стала официальной. Во второй половине января 1945 г. НКГБ вселился в здание по адресу: ул. Вилма кирайне 34–36. А уже в марте 1945 г. генерал-лейтенант советской госбезопасности М.И. Белкин вёл переговоры с руководителями-коммунистами венгерской полиции и контролировал их деятельность. (См.: Palasik M. „Üstökön ragadni a reakciót”: Az államrendőrség és a politikai rendőrség kezdetei // Beszélő. – 1999. – november.; Palasik M. A jogállam megteremtésének kísérlete és kudarca Magyarországon. – Budapest, 2000.)

⁴²12 декабря 1941 г. Венгрия объявила войну США. 7 декабря Англия сама объявила войну Венгрии.

⁴³При правительстве нилаштов из депутатов был создан Национальный союз законодателей, который функционировал с декабря 1944 г. по март 1945 г., председателем союза был Андор Ярош.

⁴⁴27 июня 1941 г. в Центральном национальном бюро по контролю за иностранцами разработали план, предусматривающий переселение «иностранцев» евреев на вновь «освобождённую» территорию на Украине. Миклош Козма, бывший министр внутренних дел, правительственный комиссар в Закарпатской Украине, поддержал план и через Верта передал его на рассмотрение Хорти. 12 июля 1941 г. по резолюции правительства был издан декрет № 192/1941, который предусматривал регистрацию всех «непризнанных» иностранцев. 10 июля 1941 г. германские войска оккупировали Каменец-Подольский (в 1921–1944 Каменец-Подольск) на Украине, 20 июля 1941 г. здесь было создано гетто. В конце июля около 18 тыс. евреев, произвольно объявленных властями «евреями иностранного подданства», депортировали в Каменец-Подольский, где большинство из них были убиты. (Это были беженцы из Чехословакии, Польши, депортированные из Венгрии.) В гетто были заключены также жители соседних еврейских местечек, на них наложили контрибуцию в 110 тыс. рублей и 8 кг золота. В конце июля 1941 г. в гетто Каменец-Подольском было сосредоточено около 30 тыс. евреев. 11 августа 1941 г. было уничтожено 11 тыс. евреев, 26 и 28 августа ещё 23 600, в том числе почти все евреи, депортированные из Венгрии. В конце августа в Каменец-Подольском была проведена самая массовая за лето 1941 г. акция уничтожения евреев на территории СССР.

(См.: Александр Круглов: «Еврейская акция» в Каменец-Подольском в конце августа 1941 г. в свете немецких документов [электрон. ресурс] http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gis/2005_1/KRUGLOV.pdf)

⁴⁵Военно-исторический архив, Фильмотека 770. Материалы Нарсуда по делу Хенрика Верта. Обзор Аюша Майора для прокуратуры о роли Хенрика Верта в период войны; Dombrády, 2005. – О. 166–168.

⁴⁶Томбор, Енё (1888–1946) – венгерский военный деятель, генерал-полковник, министр обороны. Во время Венгерской Советской Республики был начальником Генштаба военного народного комиссариата. Участвовал в подготовке военных действий на территории Верхней Венгрии (нынешней Словакии). Во время советской власти на короткое время был арестован, против него было выдвинуто обвинение. Несмотря на то что суд его оправдал, министр обороны в 1920 г. отправил его на пенсию. После этого он получил диплом фармацевта, а затем – степень доктора-фармакохимика. В 1930-х гг. работал журналистом. Начиная с 1938 г., был военным спецкором ежедневной газеты «Magyar Nemzet». После 1945 г. его реабилитировали, присвоили чин генерал-майора, затем, позднее, – чин генерал-полковника. В ноябре 1945 г. он – депутат государственного собрания от партии мелких хозяев. С ноября 1945 г. до смерти Томбор был министром обороны.

⁴⁷Dombrády, 2005. – О. 166.

⁴⁸Ibid. – О.171-172.

⁴⁹Ibid. – О. 163.

⁵⁰Varga É. M.: Magyarok szovjet hadifogságban (1941–1956) : Az oroszországi levéltári források tükrében. – Budapest, 2010. – (Rusisztikai Könyvek XXIII. Russica Pannicana). – О.13-14., 326.

⁵¹Sipos P., Vargyai G. Jogalkalmazás és alkalmazott történettudomány : Jány Gusztáv és a világháborús tábornokok perújrafelvételéhez // História. – 1993. – № 7. (URL: <http://www.tankonyvtar.hu/historia-1993-07/historia-1993-07-081013-8>)

⁵²Ibid..

⁵³Верховный суд уже в 1992 г. отменил приговор, вынесенный в отношении Яноша Вёрёша. В случае генералов Густава Яни в 1993 г., а Ференца Сомбатхеи в 1994 г. отменил послевоенные приговоры, оправдал их, сняв с них все обвинения. В начале текущего года выступили с предложением, чтобы президент республики повторно присвоил Густаву Яни звание генерал-полковника посмертно – ввиду того, что в 1945 г. он был его лишён.

⁵⁴Dombrády, 2005. – О. 172–173.

Италия в войне против СССР: бои на советско-германском фронте в 1941 г.

Филоненко Сергей Иванович,

доктор исторических наук, Воронежский государственный аграрный университет им. К.Д. Глинки

Джорджо Скотони,

доктор (Италия)

В конце мая 1941 г. сведения о предстоящей агрессии Германии против СССР стали известны военному командованию Италии. Начальник Генерального штаба вооружённых сил генерал У. Кавальеро 30 мая отмечал: «Муссолини в беседе со мной заявил, что предвидит возможность конфликта между Германией и Советским Союзом. Он сказал, что мы не можем оставаться в стороне, так как речь идёт о борьбе против коммунизма. Необходимо уже теперь распорядиться о замене в Любляне и Загребе одной моторизованной, одной танковой и одной пехотной дивизий»¹.

Решение выступить с немцами против СССР означало для Италии коренное изменение традиционного курса итальянской внешней политики, ранее основанного на торгово-экономических связях и сотрудничестве с СССР. Ещё после Октябрьской революции итальянское правительство заявило, что Советская Россия не входит в сферу «исторических интересов» Италии. В 1919 г. итальянский премьер-министр Ф. Нитти отказал англичанам в их просьбе направить в район боевых действий с большевиками на Кавказе 100-тысячный итальянский экспедиционный корпус.

В мае 1922 г. на Генуэзской международной конференции итальянское правительство ещё раз выступило с инициативой экономического сотрудничества с Советской Россией, несмотря на расхождение политико-идеологических позиций.

Такой политический курс гарантировал доминирование экономических интересов в рамках итало-советских отношений и при фашизме. Итальянский исследователь Л. Чева утверждает: «До 1936 г. внешняя политика Муссолини почти никогда не была направлена против Советского Союза. Стоит напомнить о дипломатическом признании СССР в 1924 г. и итало-советском договоре о дружбе 1933 г. Присущий фашизму антикоммунизм не подрывал отношения с Советским Союзом. Антикоммунизм и

антисоветизм являлись как бы отдельными видами политического курса. Только в годы войны в Испании они слились в единое политическое русло»². Враждебное отношение к «красным» переросло в конфликт, продолжавшийся до марта 1939 г. Но уже летом того же года между странами возобновились дипломатические переговоры и налажился товарообмен, даже в отраслях, имевших отношение к военным технологиям. Вплоть до июня 1941 г. экономических причин для ухудшения итало-советских отношений не было.

Одной из главных причин вступления Италии в антибольшевистскую военную коалицию стала идеология фашизма. В то время фашистский режим, вплетая свою идеологию в традиции католической церкви, рождая так называемый клерикальный фашизм, создал атмосферу настоящего «крестового похода» против безбожников. Тесные отношения с фашистским режимом у католической церкви существовали давно. В феврале 1929 г., после подписания Латеранских соглашений, католицизм был признан «единственной государственной религией» Италии. А лозунг «Бог, родина, семья» ещё теснее сблизил церковное вероучение с идеологией фашизма. Одновременно папа Пий XI публично осудил «злodeяния безбожников-коммунистов». Создаётся специальный институт «Руссикум» по подготовке католических священников-миссионеров для Советского Союза.

Наложение католической религии на фашистскую идеологию в значительной мере осложнило итало-советские отношения. Начало в июне 1936 г. гражданской войны в Испании, где СССР поддержал «безбожное» республиканское правительство, а Италия выступила на стороне «доброего католика» Ф. Франко и где граждане обеих стран не раз встречались на поле боя с оружием в руках, внесло особое ожесточение в противостояние идеологий. В марте 1937 г. Пий XI в специальных энцикликах «Mit brennender Sorge» и «Divini Redemptoris» обличал «богоборческую природу» коммунизма и наложил запрет на какое бы то ни было сотрудничество с коммунистами. В ноябре того же года правительство Муссолини присоединилось к Антикоминтерновскому пакту. Советско-финляндская война дополнительно осложнила итало-советские отношения.

Для самого дуче, членов фашистской партии и довольно широких буржуазных и католических кругов Италии идея вооружённой борьбы европейских «цивилизаторов» против «большевиков-безбожников» к июню 1941 г. не являлась пустой риторикой. Настойчивое стремление «не опоздать» подвигло правящие круги королевства на самую радикальную перемену в военной стратегии Италии. Вступая в войну против СССР, фашистский режим окончательно отказывался от стратегического курса начала Второй мировой войны, когда итальянцы стремились воевать «отдельно» от немцев, и переходил к сотрудничеству в духе «Стаального

пакта» с Германией. Самого Муссолини не слишком радовал факт подчинения итальянских войск немецким, но он считал такое положение своеобразным испытанием для себя и режима. В июле 1941 г., накануне ввода трёх итальянских дивизий в Советский Союз, дуче говорил: «Участие наших войск будет как экзамен. Я дал командиру экспедиционного корпуса особый приказ: братство с немцами, но со сдержанностью. Конечно, уже ставится вопрос о пропорциях между тем, что сделали немцы в этой войне, и тем, что сделали и сделаем мы. Недостаточно того, что мы навязывали бои с неприятелем. Надо будет навязывать бои с ним и разбить его, а не быть разбитым»³.

Вероятно, богатства Украины, её жизненно важные природные ресурсы явились достаточным аргументом для риска. А. Гитлер лично обещал дуче в письме от 22 июня 1941 г. из захваченных в СССР ресурсов создать для союзников «общую базу продовольственного и военного снабжения»⁴. Но для Б. Муссолини лишь отправка итальянских войск в СССР означала гарантированное участие в будущем дележе военных трофеев. Дуче искренне верил в скорый разгром Советского Союза, хотя в верхах режима были и сомневающиеся в непобедимости германских союзников.

Министр иностранных дел Италии Г. Чиано писал 21 июня 1941 г.: «[...] Сама по себе идея войны против России популярна, поскольку день падения большевизма нужно будет считать одним из самых важных в истории цивилизации. Но как симптом такая война людям не нравится. Для такой войны недостаёт явного и убедительного довода [...]. Каков будет дальнейший ход войны. Немцы считают, что она кончится в восемь недель, а это возможно, ибо в Берлине всегда умели лучше строить военные расчёты, чем политические расчёты. Но что, если в данном случае этого не произойдёт. Что, если советские армии покажут миру силу сопротивления, которая превзойдёт силу сопротивления, показанную буржуазными странами, – какое влияние это окажет на пролетарские массы мира?»⁵

Итальянские войска, предназначавшиеся для похода на СССР, объединялись в составе C.S.I.R. – *Corpo di Spedizione Italiano Russia* (Итальянский экспедиционный корпус в России). Организационная структура соединения была утверждена лично Б. Муссолини 21 июня 1941 г. Корпус включал две автотранспортируемые пехотные дивизии «Пасубио» и «Торино», 3-ю подвижную дивизию «Принц Амедео, герцог д'Аоста»⁶, 63-й легион чернорубашечников «Тальяменто», 61-ю группу разведывательной авиации, 22-ю группу истребителей, отдельную группу транспортных самолётов и отдельную авиационную эскадру. Всего 2,9 тыс. офицеров, 58,8 тыс. войск, 4,6 тыс. лошадей и вьючных животных, 5,5 тыс. автомашин, 60 танков, 10 транспортных самолётов S-81, 22 разведывательных самолёта, 51 истребитель, 1 тыс. пушек и миномётов, 1,5 тыс. пулемётов⁷. 11 июля 1941 г.

62 тыс. человек выступили на советско-германский фронт. По пути в Вене 13 июля заболел командир С.С.И.Р. корпусной генерал Франческо Дзингалес, и на следующий день его заменил корпусной генерал Джованни Мессе.

Переброска осуществлялась 225 железнодорожными составами на расстояние в 2315 км по маршруту Верона – Бренnero – Инсбрук – Зальцбург – Вена – Братислава – Будапешт – Мишкольц – Марамарошигет. Станция Борша в Северо-Восточной Румынии стала районом выгрузки. Передислокация продолжалась 25 дней – до 5 августа. Сосредоточение войск состоялось в Ботошани.

По оценке российского военного историка К.А. Залесского, «несмотря на то что в корпус были направлены лучшие части итальянской армии, он не соответствовал даже слабым немецким частям – имел плохое вооружение, низкую мобильность; кроме того, итальянские солдаты из-за низкого морального уровня могли использоваться лишь для вспомогательных действий»⁸.

Решение о развёртывании С.С.И.Р. в районах южного крыла советско-германского фронта объясняется обычно тем, что итальянцам было бы легче осваиваться в условиях Украины, где «климат более благоприятен»⁹, чем в центральной и северной частях СССР. Но фактор климата на самом деле не являлся единственной причиной, объясняющей участие контингента итальянской королевской армии в боевых действиях именно в этом районе. Обещанные А. Гитлером богатства Украины, гарантия, что такие ресурсы будут действительно разделены с Италией, – вот что двигало итальянскими политиками. Но есть ещё одна причина, касающаяся оккупационной политики. В западных областях Украины, где предстояло действовать С.С.И.Р., традиционно сильно было влияние католической церкви. Религиозный фактор на этих территориях служил орудием пропаганды в руках итальянских захватчиков, для того чтобы их присутствие было принято населением. Когда Южную Украину оккупировали вместе с немецкими итальянские и румынские войска, там стали открываться давно закрытые и частично уничтоженные храмы. Богослужения совершали военные капелланы, в некоторых случаях выпускники «Руссикума». Они устанавливали латинские кресты, часто на основаниях снесенных советских памятников¹⁰.

Экспедиционный корпус сначала был включён как единое целое в состав 11-й немецкой армии, которая под командованием генерал-полковника Ойгена фон Шоберта наступала к Днестру. Все части С.С.И.Р., в качестве резерва группы армий «Юг», должны были перейти Днестр и сосредоточиться в Ямполе, что в Винницкой области.

Однако в первые же дни движение автотранспортируемых дивизий было парализовано на дорогах Молдавии из-за недостатка техники. Автомашин корпуса хватало только для переброски одной дивизии –

«Пасубио». И даже 11 и 12 августа, когда пехота «Пасубио» первой приняла участие в боевых действиях против советских войск Южного фронта в районе Покровское – Ясная Поляна в Николаевской области*, колонны дивизии «Торино», лишённые автотранспорта, ещё шагали по дорогам Румынии.

Между прочим, даже высшее итальянское командование не учитывало недостатка автомашин у итальянских войск на русском театре военных действий. 14 июля 1941 г. Б. Муссолини приказал У. Кавальеро образовать второй армейский корпус для военных действий в СССР с пехотой и моторизованной службой. 21 июля в оперативной записке высшему командованию он подтвердил, что «[...] Надо готовить второй корпус, более или менее моторизованный по возможности»¹¹. В августе Кавальеро официально предложил второй корпус генералу В. Кейтелю, который отказался и уточнил, что «надо учитывать, что немецкое командование не сможет помогать автомашинами и что итальянское командование, до того как послать второй корпус в Россию, желательно, должно разрешить транспортную проблему»¹².

Неожиданно 14 августа итальянский экспедиционный корпус вывели из подчинения 11-й армии и включили, как это ни парадоксально звучит, «в комплекс ещё более манёвренный и суперподвижный»¹³ – в состав 1-й танковой группы Эвальда фон Клейста, наступавшей на киевском направлении, с рубежа севернее Днепропетровска к Запорожью. Такое переподчинение, совершённое несмотря на то, что итальянские дивизии были разбросаны по Румынии, Молдавии и Украине**, по мнению Дж. Мессе, «доказало, что немецкое командование не учитывало больших трудностей движения С.С.I.R. из-за недостатка в транспорте»¹⁴. В действительности же в дело вмешалась большая политика. В секретном приказе командованию 11-й немецкой армии А. Гитлер запретил продвижение С.С.I.R. «в прибрежных районах Чёрного моря» и приказал «ни в коем случае не допускать союзников в Крым»¹⁵. А как раз в середине августа 11-я армия получила приказ прорваться в Крым, в то время как танковая группа Клейста начала форсировать Днепр***. Поэтому после включения

* В сражениях в междуречье Днестра и Буга части «Пасубио» вместе с берсальерами на мотоциклах (1-я рота 3-й подвижной дивизии) вступили в бой с воинами 469-го стрелкового полка, выходящего из окружения. Потери – 82 раненых, 15 убитых. Погибшие были погребены на кладбище села Покровское: это было первое кладбище С.С.I.R. в Советском Союзе.

** В августе развёртывание С.С.I.R. было таким: дивизия «Пасубио» находилась в районе Братское; подвижная дивизия «Принц Амедео, герцог д'Аоста» – в районе Ольгополь-Песчаная; дивизия «Торино» двигалась в направлении Сороки.

*** Для наступления на киевском направлении, начавшегося 14 августа, потребовалась широкомасштабная операция с использованием танковых войск Гудериана с севера и Клейста с юга. 15 сентября они соединились и окружили основные силы киевской группировки советских войск. 19 сентября немцы взяли Киев. В этих масштабных операциях перед С.С.I.R. была поставлена задача продвигаться на левый фланг группы Клейста и занять полосу обороны на Днепре протяжённостью до 100 км между 17-й немецкой армией и 3-м танковым корпусом.

C.S.I.R. в состав 3-го немецкого корпуса итальянцам было приказано выдвинуться севернее Днепропетровска, чтобы сменить моторизованную дивизию СС «Викинг».

Дивизия «Пасубио» вышла на Днепропетровский плацдарм 18 августа. К ней подтянулись берсальеры 3-й подвижной дивизии и другие подразделения. К 21 августа авиация корпуса была перебазирована на аэродром Кривого Рога. 5 сентября C.S.I.R. оборонялся на рубеже Днепра силами дивизий «Принц Амедео, герцог д'Аоста» и «Пасубио». 15 сентября, как утверждал Дж. Мессе, «пользуясь вынужденной паузой в развитии наступления, связанной с упорным сопротивлением советских войск в районе Днепропетровска»¹⁶, сосредоточение C.S.I.R. на советской территории западного берега Днепра было завершено. К рубежу обороны прибыла дивизия «Торино». Чтобы завершить соединение дивизии «Торино» с C.S.I.R., для организации автоперевозки последних подразделений дивизии Мессе воспользовался визитом Муссолини и Гитлера на фронт 28 августа у Умани¹⁷. Таким образом, в осенней кампании группы армий «Юг» итальянский экспедиционный корпус смог участвовать в полном составе. Поддержка дивизий C.S.I.R. в операциях немецких войск на южном крыле советско-германского фронта осуществлялась в так называемых боях за Петриковку и сражении за Донбасс.

Манёвр на Петриковку 28–30 сентября 1941 г. «явился первым манёвренным боем, который начал и окончил экспедиционный корпус своими силами», утверждал Мессе¹⁸. По мнению итальянцев, бой был успешным, хотя незначительным. Пехота дивизии «Пасубио» и 14-й немецкий моторизованный корпус форсировали реку Орель, а дивизии «Торино» и «Принц Амедео, герцог д'Аоста» во взаимодействии с 198-й и 60-й немецкими дивизиями и дивизией СС «Викинг» атаковали советские войска на левом берегу с Днепропетровского плацдарма. Итальянские части соединились в районе населённого пункта Петриковка. В результате этой операции ими было окружено и взято в плен около 10 тыс. человек¹⁹.

Несколько дней спустя итальянское командование создало специальное подразделение корпуса*, которое должно было принимать участие в боевых действиях по занятию Павлограда. Итальянские войска прикрывали левый фланг 198-й немецкой дивизии во время штурма города. Немецкие части после взятия города были сменены дивизией «Пасубио», которая вместе с другими подразделениями заняла полосу обороны от Павлограда до Гуляйполя.

В начале октября C.S.I.R. имел возможность принимать участие в более значительных сражениях. Катастрофа Южного фронта у Умани и

* В подразделение вошли 63-й легион чернорубашечников, группа 105/32-мм пушек из 30-й группы корпусной артиллерии, мотоциклетная рота берсальеров.

Юго-западного фронта под Киевом вызвала волну большого оптимизма в среде высшего немецкого командования²⁰. Путь к Донцу казался открытым, и уже на горизонте виднелась богатая нефтью область Кавказа. Говорилось о нефтяных скважинах Майкопа, как о цели, которой «надо достигнуть до предстоящей зимы», вспоминал Мессе²¹. 12 октября 1941 г. в «Обращении к солдатам Восточного фронта» Гитлер объявил начало последней решительной великой битвы – наступления на Москву. На следующий день в Берлине он объявил об окончательном уничтожении СССР: «Мы едва успели избежать разрушения не только Германии, но и всей Европы. Я могу заявить это, потому что сегодня можно сказать: СССР подавлен и больше никогда не встанет»²². На основании этого заявления Муссолини снова предложил Гитлеру направить в СССР второй итальянский корпус, и Гитлер опять отказался от его предложения²³. Надо подчеркнуть дальновидность командира С.S.I.R., который не поддался всеобщей эйфории и ещё в августе приказал реквизировать как можно больше лошадей и наладить изготовление саней, предполагая долгую зиму на фронте.

С октября 1941 г. главной целью Германии и её сателлитов на южном крыле советско-германского фронта являлся захват Донецкого угольного бассейна. Для решения этой задачи в распоряжении командования группы армий «Юг» имелись достаточно мощные силы для проведения крупных наступательных операций. Это была прежде всего танковая группа Клейста, 11-я и 17-я полевые армии. План немецкого командования по овладению Донбассом заключался в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям 1-й танковой группы из района Днепропетровска и 11-й армии из Северной Таврии окружить и уничтожить армии Южного фронта восточнее Мелитополя. В этих боях должна была участвовать также и 17-я немецкая армия, наступавшая в направлении Красноармейска.

С 6 октября 1941 г. танковая группа Клейста стала именоваться 1-й танковой армией. В её состав входили 3-й танковый корпус (13-я танковая дивизия, моторизованная дивизия СС «Викинг», словацкая моторизованная дивизия), 14-й танковый корпус (14-я и 16-я танковые дивизии), пехотные соединения (49-й немецкий горнострелковый корпус, С.S.I.R.) и резерв командующего – 60-я мотодивизия и 198-я пехотная дивизия. В оперативном отношении штабу Клейста подчинялась 3-я румынская армия.

8 октября перед 1-й танковой армией была поставлена задача наступать в направлении Таганрог – Ростов-на-Дону – Красный Луч. Новое расположение частей в составе армии с севера на юг было таким: итальянский экспедиционный корпус, 49-й немецкий горнострелковый корпус, 14-й танковый корпус, 3-й танковый корпус.

Итальянские дивизии остались на севере, для того чтобы прикрывать левый фланг армии и обеспечивать стык с 17-й полевой армией в отда-

лении от приморских районов. Перед С.С.И.Р. стояла задача наступать в направлении Сталино вместе с 49-м горнострелковым корпусом.

Для того чтобы действовать сосредоточенными силами, генерал Мессе приказал, чтобы итальянские дивизии наступали следующим образом: с юга – дивизия «Принц Амедео, герцог д'Аоста», прежде всего потому, что ей больше подходили бои на пересечённой местности, на севере – дивизия «Пасубио», в центре, во втором эшелоне в резерве, оставалась дивизия «Торино». 13 октября началось наступление берсальеров 3-й подвижной дивизии и левофлангового 49-го немецкого корпуса. Бои авангардов С.С.И.Р.* против советского 383-го стрелкового полка и ополченцев-шахтёров продолжались до 19 октября. Утром 20 октября части дивизии «Принц Амедео, герцог д'Аоста» прорвались на окраину Сталино и овладели городом одновременно с немецкими войсками 49-го горнострелкового корпуса. В то же время на севере дивизия «Пасубио» вечером 15 октября вошла в населённый пункт Гришино, двигаясь вдоль железнодорожной линии Днепропетровск – Сталино, и 19 октября на станции Гродовск завязала бой против воинов 296-й советской стрелковой дивизии.

По приказу немецкого командования после захвата Сталино Мессе поставил задачи: 3-й подвижной дивизии – продвигаться на Орджоникидзе, дивизии «Пасубио» – наступать на Горловку – станцию Трудовая, дивизии «Торино» – продвинуться на восток, через реку Крынка, чтобы развязать наступление на правом фланге корпуса.

На 150-километровом пути в течение 10 дней С.С.И.Р. эпизодически вступал в бой с советскими частями. Однако 25 октября на станции Железное части «Пасубио» были остановлены упорным сопротивлением войск Красной армии. Бой продолжался четверо суток и завершился только 30 октября. Два дня спустя 3-й полк берсальеров дивизии «Принц Амедео, герцог д'Аоста» ворвался в город Орджоникидзе.

Бои за Железное стали сигналом для новой фазы сражения за Донбасс. Советским войскам удалось укрепиться на рубеже обороны, и они противостояли итальянским дивизиям по всей полосе наступления, завязывая ожесточённые бои. С 1 по 6 ноября под Дебальцево 296-я стрелковая дивизия отбила все попытки подвижной дивизии и «Торино» прорвать оборону.

2 ноября наступление на Горловку вылилось для «Пасубио» в тяжёлую борьбу за каждый дом. Бои с частями советских 74-й и 296-й стрелковых дивизий были так тяжелы, что потребовалось просить подкрепления 5-го кавалерийского полка «Ланчьеры ди Новара» для захвата города. Оставалась конечная цель: станция Трудовая, выход к Каспийскому нефтепроводу. Но части С.С.И.Р. не смогли выполнить её.

* 3-й полк берсальеров и кавалерийские полки «Савойя Кавалерия» и «Ланчьеры ди Новара».

На станции Никитовка, в 10 км севернее Горловки, где дивизия «Пасубио» должна была соединиться с 17-й немецкой армией, наступление итальянцев остановили советские воины 74-й стрелковой дивизии. С 6 по 12 ноября 80-й пехотный полк итальянцев был в окружении и вырвался из кольца только при поддержке 79-го пехотного полка, 3-го полка берсальеров, 5-го кавалерийского полка «Ланчьеры ди Новара» и 371-й эскадрильи истребителей итальянской авиации. Потери полка и частей подкрепления составили около 700 человек. Большие потери и опаснейший прорыв советских войск, осуществлённый между С.С.И.Р. и левофланговыми немецкими силами, убедили командира итальянского корпуса в том, что надо окончательно остановить изнурённые войска и обороняться на линии Горловка – Орджоникидзе – Гуково.

17 ноября С.С.И.Р. был дан приказ развивать наступление в направлении Городище, чтобы прикрыть северный фланг 1-й танковой армии, продвигавшейся на юг к Ростову-на-Дону – главной её цели в кампании 1941 г. Однако Мессе считал, что к этой дате уже невозможно будет продолжать оперативное движение корпуса за рубежи Донецкого бассейна²⁴. Он отказался выполнять приказ немецкого командования и решил, что действия итальянцев ограничатся расположением частей 3-й подвижной дивизии в районе станции Рассыпная, а частей «Торино» – в Сторожевом.

Кризис в отношениях итальянцев с немецким командованием был достаточно серьёзен. Претензии союзника, его равнодушие к трудностям С.С.И.Р. вызывали конфликты всё чаще и чаще. По мнению командира корпуса, дело дошло до пределов дозволенного. Мессе утверждал: «Предел наступления конкретно обрисован в планах оккупации Донецкого бассейна, далее я не считал возможным наше участие без необходимого отдыха войск»²⁵. На последнее сообщение о тяжёлой обстановке в материально-техническом обеспечении итальянских дивизий Клейст ответил: «Очень желательно содействие С.С.И.Р. для достижения конечных целей армий в двух вариантах: первая цель Сталинград; вторая цель нефтяные скважины Майкопа»²⁶. 26 октября Мессе послал в Рим итальянскому высшему командованию, длинную шифрованную радиограмму (№ 7346), в которой объяснял реальную ситуацию и излагал требования, дававшие в случае их удовлетворения итальянскому экспедиционному корпусу возможность жить и действовать²⁷.

На требование выполнить приказ, потому что итальянский экспедиционный корпус является частью германской армии, Мессе ответил, что он «не только командир корпуса, но и представитель итальянской армии и отвечает за своих солдат только перед собственной страной». Он упоминал, что «войска “Пасубио” и “Челере” воевали, недоедая, и что многие остались без обуви», и уточнил немецкому командованию, что

он обеспечит поддержку итальянского корпуса только при выполнении следующих условий: «1) Обеспечение прибытия итальянских эшелонов из Днепропетровска, в том числе и застрявших в пути. 2) Гарантия того, что будут даны эшелоны из Сталино, как только восстановят железнодорожную линию. 3) Временное обеспечение С.С.И.Р. продуктами питания с немецкого склада в Сталино – до тех пор, пока там не будет создана передовая итальянская база. 4) Обеспечение горючим итальянских транспортных колонн, осуществляющих снабжение С.С.И.Р., в Днепропетровске. 5) Наличие авиационного бензина в Запорожье и Сталино для создания передовой итальянской базы транспортной авиации. 6) Предоставление передышки войскам, с тем чтобы подтянуть артиллерию, тыловые службы и подвезти боеприпасы, продукты питания и тёплое обмундирование»²⁸.

Сознавая, в отличие от немецких генералов, что война продолжится всю зиму в тяжелейших климатических условиях, он распорядился, чтобы войска, командование и тыловые службы итальянского корпуса зимовали в промышленном районе Горловка – Орджоникидзе. Мессе заявил: «Для их немедленного спасения надо было обеспечить уют всем, если возможно, то и передовым частям, пользуясь как можно больше населёнными пунктами, потому что жизнь вне них практически невозможна. Из-за того что немецкое командование не принимало решения о зимовке, было невозможным планировать и осуществить перевозку временных построек и печек. Потому для большинства соединений вопрос с зимовкой решался только с использованием жилья местного населения»²⁹.

Эти предположения скоро подтвердились. К началу декабря Красная армия остановила наступление врага на всём советско-германском фронте. Москва не пала. 21 ноября армия Клейста взяла Ростов-на-Дону, а уже 29 ноября его освободили от немецко-фашистских захватчиков. 1-я танковая армия, изрядно потрепанная, отошла на рубеж по реке Миус.

Таким образом, к 17 ноября итальянский корпус завершил летне-осеннее наступление и остался на рубеже – станция Булавин – Савельевка – Малая Орловка – Ивановский – Петропавловка – станция Рассыпная «при полном отсутствии резервных частей»³⁰. Авиация С.С.И.Р. осталась в Запорожье, кроме одной эскадрильи истребителей и одной эскадрильи разведчиков, перебазируемых на аэродром Сталино.

Прорыв позиций 17-й полевой армии обнажил левый фланг С.С.И.Р. и создал 20-километровую брешь между итальянскими и немецкими частями.

Германское и итальянское командование посчитало необходимым укрепить стык и улучшить занимаемые позиции. Было решено силами С.С.И.Р. и 111-й пехотной дивизии вермахта провести локальное на-

ступление и занять станцию Дебальцево. Утром 5 декабря начались бои, вошедшие в историографию как «Сражение за Хацепетовку». Мессе утверждал: «Эта операция была одной из наиболее тяжёлых для С.С.И.Р. своею продолжительностью в 10 дней, трудной климатической обстановкой и упорным сопротивлением врага»³¹. В боевых действиях против войск 73-й стрелковой дивизии принимали участие все три итальянские дивизии во взаимодействии со 111-й немецкой дивизией, наступавшей на Дебальцево. Ожесточённые бои продолжались с 5 по 14 декабря, обе стороны часто оказывались в критическом положении. Силы С.С.И.Р. сумели занять ещё несколько населённых пунктов и улучшить свои позиции, но итальянцы потеряли около 1600 солдат и офицеров³².

Несколько дней спустя войска Южного фронта атаковали линию обороны итальянцев с целью разгромить С.С.И.Р. и 49-й немецкий горнострелковый корпус. Наступление советских войск началось 25 декабря. В итальянскую историографию оно вошло как «Рождественская битва».

Кавалерийские и стрелковые дивизии советской 18-й армии нанесли главный удар в полосе обороны 3-й подвижной дивизии и 63-го легиона чернорубашечников «Тальяменто», в стык между итальянским и немецким корпусами. Советские части успешно наступали два дня, но в течение 28–30 декабря дивизиям «Торино» и «Пасубио» удалось предпринять контрудар при поддержке итальянской авиации и 75 немецких танков. В ходе упорных боёв С.С.И.Р. вновь занял утраченные позиции и остался там на зимовку, потеряв при этом, по сведениям, поступившим из дивизий, около 1400 солдат и офицеров убитыми, ранеными, пленными и обмороженными.

Зима 1941/42 г. стала серьёзным испытанием на прочность и морозоустойчивость для итальянских частей: сказывалась нехватка обмундирования, прежде всего тёплых вещей и обуви. Тёплое обмундирование в итальянскую армию стало прибывать лишь после 15 декабря и выдавалось только офицерам и караульным. По официальным данным, зимой 1941/42 г. 3614 человек получили обморожение, что составило 3,3% численности корпуса. 1635 человек из них получили медицинскую помощь и были вылечены на месте³³. Тем не менее, ввиду плохой подготовленности к русской зиме, количество обмороженных в итальянских войсках было вдвое больше, чем в немецких³⁴. Всего же за период участия С.С.И.Р. в войне на советско-германском фронте с августа 1941 г. по 9 июля 1942 г. его потери составили 7858 человек убитыми, ранеными, обмороженными, пропавшими без вести, [...] корпус потерял огромное количество оружия и имущества³⁵. Такие потери значительно превышали те, которые планировались итальянским командованием в начале восточной кампании.

Зима 1941/42 г. стала переломной в настроениях командования итальянским корпусом. Генерал Мессе отмечал жизнеспособность русской армии, умелые действия её командиров, высокий моральный дух солдат, способных переносить самые тяжёлые испытания³⁶. В то же время командир корпуса стал пессимистически оценивать перспективу дальнейшей войны на Восточном фронте. После беседы с Мессе в Риме 4 июня 1942 г. министр иностранных дел Италии Чиано писал в дневнике: «Он (Мессе. – Прим. авт.) говорит, что русская армия сильна и хорошо вооружена и что всякая мысль о полном крушении Советов – абсолютная утопия. Немцы ещё будут иметь некоторые успехи, но они не добьются никакого решения»³⁷.

В настоящее время существует довольно обширная источниковая база по теме участия итальянских войск в боях на советско-германском фронте в 1941 г. На научной конференции в Воронеже в 2005 г. полковник М. Мултари заявил: «Документация о походе в Россию обширна. Полностью снабжённым документами является оперативный цикл Итальянского экспедиционного корпуса в России (C.S.I.R.) до лета 1942 г., когда пришла в район операций 8-я армия (ARMIR), [...] и нет большинства исторических дневников осеннего периода 1942 г., потерянных во время трагического отхода»³⁸.

В ноябре 2010 г. в Риме на базе университета «Ла Сапьянца» состоялась международная научная конференция «Русский фронт». В её ходе начальник исторической службы итальянского генштаба полковник А. Дзарконе предоставил возможность российским учёным ознакомиться с коллекцией документов C.S.I.R. и ARMIR, находящихся в итальянских военных архивах, но ещё не введённых в научный оборот. Таким образом, был сделан ещё один шаг в укреплении итало-русского сотрудничества в области военной истории.

Обращаясь с приветствием к участникам международной научной конференции «Война на Дону. 1942–1943 гг.», прошедшей в Воронеже на базе аграрного университета, президент сената Итальянской Республики Франко Марини подчеркнул: «Италию втянула в войну фашистская диктатура, присоединившаяся к нацистским дивизиям, которые 22 июня 1941 г. внезапно напали на Советский Союз, положив начало этой кровавой войне, завершившейся в 1945 г. победой Красной армии и разгромом гитлеровской Германии. <...> Если извлечь урок из этих памятных далёких кровавых событий, то мы поймём значение общечеловеческих ценностей, гуманизма, из которых вырастают дружба, братство между народами, такими далёкими и разными, во имя нерушимых ценностей мира, свободы и справедливости»³⁹.

По прошествии почти 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны официальный представитель Национальной ассоциации альпийцев (ANA) Д. Дематте заявил: «В 1943 г. итальянский народ наконец

пришёл в себя, освобождаясь от фашистской диктатуры, но не сразу от нацистского деспотизма. После 8 сентября 1943 г. нацисты стали главным врагом итальянцев, против которых мы воевали до 1945 г. в борьбе Сопrotивления и освобождения. Многие альпийцы жертвовали собой ради свободы и мира»⁴⁰.

Примечания

¹Кавальеро У. Записки о войне: Дневник начальника Итальянского генерального штаба. – М., 1968. – С. 70.

²Ceva L. La campagna di Russia nel quadro strategico delle guerra fascista // Gli italiani sul fronte russo. – Bari, 1982. – P. 164.

³Bottai G. Vent'anni e un giorno. – Milano, 1977. – P. 207–209.

⁴See: Valori A. La campagna di Russia: CSIR-ARMIR, 1941–1943. Vol. I. – Roma, 1950. – P. 36.

⁵Чиано Г. Дневник фашиста : 1939–1943. – М., 2010. – С. 419.

⁶Вотечественной историографии ошибочно называлась дивизией «Челере». Celere (итал.) – скорый, быстрый.

⁷See: Le operazioni delle unita italiane al fronte russo : (1941–1943). – Заед.. – Roma, 2000. – P. 537–541.

⁸Залесский К.А. Кто есть кто во Второй мировой войне : Германия и союзники. – М., 2010. – С. 208.

⁹See: Valori A. Op. cit. – P. 72.

¹⁰See: La Pasubio sul fronte russo. – Roma, 1977. – P. 57, 76.

¹¹Valori A. Op. cit. – P. 51.

¹²Ibidem. – P. 72.

¹³Messe G. La guerra al fronte russo : Il Corpo di Spedizione Italiano (C.S.I.R.). – Milano, 1964. – P. 46.

¹⁴Ibidem. – P. 46.

¹⁵Gli italiani sul fronte russo. – Bari, 1982. – P. 230.

¹⁶Messe G. Op. cit. – P. 78.

¹⁷Ibidem. – P. 52.

¹⁸Ibidem. – P. 83.

¹⁹Le operazioni delle truppe italiane sul fronte russo : 1941–1943. – Roma, 1947. – P. 59.

²⁰See: Messe G. Op. cit. – P. 79.

²¹Messe G. Op. cit. – P. 79.

²²Hitler A. Discorso e Proclama dell'ottobre 1940. – Roma, 1942. – P. 15.

²³See.: Valori A. Op. cit. – P. 175.

²⁴Messe G. Op. cit. – P. 98.

²⁵Ibidem. – P. 97.

²⁶Ibidem. – P. 99.

²⁷See: Valori A. Op. cit. – P. 178.

²⁸Messe G. Op. cit. – P. 99.

²⁹Ibidem. – P. 132.

³⁰Ibidem. – P. 121.

³¹Ibidem. – P. 122.

³²Le operazioni del C.S.I.R. e dell'ARMIR dal giugno 1941 all'ottobre 1942. – Roma, 1947. – P. 99.

³³See: Gosztony P. Deutschlands Waffengefahrten an der Ostfront, 1941–1945. – Stuttgart, 1981. – S. 198.

³⁴См.: Сафронов В.Г. Итальянские войска на советско-германском фронте : 1941–1943. – М., 1990. – С. 47.

³⁵See: Ibidem.

³⁶See: Messe G. La guerra al fronte russo. – Roma, 1947. – P. 160.

³⁷Цит. по: Чиано Г. Дневник фашиста. – М., 2010. – С. 553.

³⁸Мултари М. Память о Второй мировой войне в военных и гражданских архивах Италии // Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне: Материалы междунар. науч. конференции. – Воронеж, 2006. – С. 65.

³⁹См.: Война на Дону : 1942–1943 гг.: Материалы междунар. науч. конференции : В 2 ч. – Воронеж, 2008. – С. 17, 18.

⁴⁰Дематте Д. Деятельность ветеранов-альпийцев по сохранению памяти о боях на Дону // Война на Дону : 1942–1943 гг.: Материалы междунар. науч. конференции : В 2 ч. – Воронеж, 2008. – С. 614–615.

Создание антигитлеровской коалиции

Ржешевский Олег Александрович,

доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН,
президент Ассоциации историков Второй мировой войны

Антигитлеровская коалиция (по англо-американской терминологии Grand Alliance) – уникальное явление в мировой истории. В борьбе за свободу и независимость против агрессии нацистской Германии и её союзников, развязавших Вторую мировую войну, объединились и одержали победу 50 государств с различной социальной системой и положением в мире, сотни миллионов людей многих стран. Ядром коалиции, главной её силой явились СССР, Великобритания и США. Важная роль в коалиции принадлежит Китаю, Франции, а также Индии, Канаде, в то время британским колониальным владениям, Бразилии и ряду других стран.

Возникновение в XX в. оборонительных коалиций, противостоящих агрессивной политике Германии, относится к началу века. В 1904–1907 гг. оформились в военно-политический союз (Антанту) Англия, Франция и Россия. В ходе Первой мировой войны этот союз объединил против германской коалиции более 20 государств (среди них США, Италия, Япония) и силой принудил агрессоров к капитуляции. В 1939 г. была создана потерпевшая скоротечное поражение коалиция Англии, Франции и Польши. Вооружённые силы Польши, несмотря на сопротивление, подверглись разгрому в течение двух недель. 17 сентября 1939 г. правительство Польши покинуло пределы страны, а затем эмигрировало в Англию. В тот же день, 17 сентября, на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее входивших в состав России, вступили части Красной армии, что было предусмотрено советско-германским договором о ненападении от 23 августа 1939 г. и воспрепятствовало дальнейшему продвижению вермахта на восток. Германские войска, оккупировав Данию и Норвегию, 10 мая 1940 г. перешли в наступление на Западном фронте и нанесли сокрушительное поражение силам англо-французской коалиции на европейском континенте. 22 июня 1940 г. Франция капитулировала. Так завершила свою историю англо-франко-польская коалиция 1939–1940 гг.¹.

Перед нападением нацистской Германии на Польшу правительства СССР, Великобритании и Франции вели переговоры о создании коалиции для отпора германской агрессии, но они закончились безрезультатно².

Весьма распространенное представление о том, что антигитлеровская коалиция возникла как бы в одночасье с нападением нацистской Германии на СССР, требует корректировки. Этому предшествовали длительные и сложные, временами драматические переговоры СССР, Великобритании и США. С Великобританией они начались в октябре 1939 г., с Соединёнными Штатами Америки – в апреле 1940 г. Стороны достигли значительного взаимопонимания, однако конечный и ожидаемый результат переговоров был неясен до последнего часа³. Характерна запись в дневнике И.М. Майского, в то время советского посла в Лондоне, вечером 21 июня 1941 г. за несколько часов до начала Великой Отечественной войны: «После “ланча” меня спешно вызвали в Лондон (Майский находился на даче. – О.Р.) по просьбе Криппса⁴. Он приехал ко мне в 4.30 дня. Опять говорил о неизбежности нападения Германии на СССР [...]. Он договорился с бритпра (британским правительством) о посылке в Москву военной и экономической миссий – немедленно же по открытии военных действий [...]. Криппс, однако, хотел знать: каково будет отношение совпра (советского правительства) по всем этим планам? Сочтёт ли совпра возможным сотрудничать с Англией в случае германского нападения? Или предпочтёт действовать вполне независимо? Я не мог дать определённого ответа на вопрос Криппса и обещал немедленно снести в Москву»⁵.

В ответ на запрос И.М. Майский получил 22 июня следующую телеграмму наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова: «Если заявление Криппса о присылке военной миссии и экономических экспертов действительно отражает позицию британского правительства, советское правительство не возражает, чтобы эти две группы английских представителей были присланы в Москву. Понятно, что советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации и оно в свою очередь готово будет оказать помощь Англии»⁶.

Важнейшими событиями на пути создания и становления антигитлеровской коалиции явились решения правительства Великобритании и США о поддержке СССР в войне с Германией; заключение англо-советского соглашения 12 июля 1941 г.; Декларация 26 государств, англо-советский договор и американо-советское соглашение 1942 г.

Как только У. Черчиллю сообщили о нападении Германии на СССР, он вызвал к себе в Чеккерс (загородную резиденцию) министра иностранных дел Э. Идена, министра снабжения лорда Бивербрука, начальника генерального штаба фельдмаршала Дж. Дилла, а также посла Великобритании в СССР Р. Криппса и совместно с ними обсудил создавшуюся ситуацию. На совещании было принято решение выступить с заявлением о поддержке СССР в войне против Германии. В ходе подготовки этого

документа обнаружилось расхождение в оценке способности СССР к сопротивлению, и только за 20 минут до начала выступления премьер-министра по радио текст заявления был окончательно утверждён⁷. В заявлении Черчилля вечером 22 июня подчёркивалось, что, оставаясь непримиримым противником коммунизма, британское правительство рассматривает нападение гитлеровской Германии на Советский Союз как прелюдию попытки вторжения на Британские острова. «Поэтому опасность, угрожающая России, – заявил он в своём выступлении, – это опасность, грозящая нам и Соединённым Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»⁸.

И.М. Майский сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США [...]. Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможностей англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займёт благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой такая позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом...»⁹.

Первое официальное заявление правительства США последовало 23 июня 1941 г. В заявлении госдепартамента констатировалось, что СССР находится в состоянии войны с Германией, что, по мнению правительства США, «[...] всякая оборона против гитлеризма, всякое объединение с силами, противостоящими гитлеризму, какой бы характер эти силы ни носили, будут способствовать возможному свержению нынешних германских лидеров и будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии являются в настоящее время главной угрозой Американского материка»¹⁰.

24 июня 1941 г., выступая на пресс-конференции, президент США Ф. Рузвельт заявил: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую сможем»¹¹. 27 июня 1941 г. посол СССР в США К.А. Уманский посетил и.о. госсекретаря США С. Уэллса и официально уведомил правительство США о гитлеровской агрессии против Советского Союза. В ответ на это Уэллс заявил, что все факты, вытекающие из этого, «будут рассматриваться правительством США немедленно и в дружественном духе»¹².

3 июля И.В. Сталин в обращении к советскому народу выразил уверенность в том, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». В обращении были отмечены «историческое выступление» британского премьер-министра и декларация правительства США, «которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза»¹³.

Несколькими днями раньше в палате общин английского парламента был поставлен вопрос – «Германское вторжение в Россию». С заявлением от имени правительства выступил Э. Иден. Он информировал парламентариев о первых шагах, предпринятых для установления непосредственных контактов между Лондоном и Москвой. Выступавшие в прениях члены парламента поддержали позицию правительства и высказались за союз с СССР. На этот раз правительство действовало энергично и последовательно. Уже 27 июня в Москву прибыли члены английской военной и экономической миссий. В английскую военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Дж. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кадбэри. Вместе с ними возвратился в Москву английский посол Р. Криппс. Немногим более чем через неделю в Англию и США направились советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба РККА, начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым. Переговоры происходили в обстановке взаимного понимания и сотрудничества.

Происходящие события Второй мировой войны ускорили процесс англо-американского сближения. Большое значение в этом сближении имела встреча Рузвельта и Черчилля у берегов Ньюфаундленда и подписание 14 августа 1941 г. двумя лидерами Атлантической хартии, в которой провозглашались некоторые общие принципы политики и особые отношения этих стран. Правительства Великобритании и США заявили об отказе от захвата чужих территорий, признавали право народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить, готовность содействовать восстановлению суверенных прав тех народов, которые были его лишены насильственным путём, призывали к послевоенному сотрудничеству государств, отказу от применения силы в международных отношениях и гонки вооружений. В послании главе Советского правительства Рузвельт и Черчилль сообщали о своей готовности оказывать помощь Советскому Союзу «максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь»¹⁴.

На межсоюзнической конференции в Лондоне, которая явилась важным шагом на пути формирования антигитлеровской коалиции, советское правительство 24 сентября 1941 г. в специальной Декларации выразило своё согласие с основными принципами Атлантической хартии и уверенность, что в результате победы над гитлеризмом будут заложены основы отношений сотрудничества и дружбы между народами. Вновь была выдвинута идея коллективной безопасности как условие длительного и прочного мира, которую Советский Союз отстаивал в годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны. В Декларации также отмечалось, что практическое применение принципов Атлантической хартии «должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»¹⁵.

12 июля 1941 г. было заключено англо-советское «Соглашение о совместных действиях в войне против Германии». Это соглашение явилось первым важным шагом в создании антигитлеровской коалиции. Стороны, подписавшие соглашение, обязывались оказывать друг другу помощь в войне против гитлеровской Германии и заявили, что «в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»¹⁶.

Соглашение, которое широко приветствовалось в Англии и Советском Союзе, имело большое международное значение. Выступая на пресс-конференции иностранных корреспондентов, заместитель начальника Совинформбюро С.А. Лозовский назвал упомянутое соглашение документом большого исторического значения, «в корне меняющим международную обстановку». Лозовский отметил, что в противовес хвастливым декларациям гитлеровцев о том, что они создадут коалицию европейских стран в своём походе против СССР, соглашение создавало действительную коалицию великих держав в борьбе против общего врага. «Соглашение от 12 июля [...], – заявил Лозовский, – это не только документ братства по оружию в борьбе за свободу и независимость народов СССР, Великобритании и всей Европы, но это также документ, свидетельствующий о неизбежности полного и окончательного разгрома германского фашизма, мечтающего о господстве над Европой и над всем миром»¹⁷.

16 августа 1941 г. состоялось подписание англо-советского соглашения о товарообороте, кредите и клиринге. Это соглашение предусматривало поставки английских товаров в СССР и некоторых советских товаров в Англию. По соглашению Англия предоставляла Советскому Союзу для оплаты товаров кредит в 10 млн ф. ст. из расчета 3% годовых сроком в среднем на пять лет. Платежи между сторонами регулировались на основе клиринга. В дальнейшем предусматривались переговоры об увеличении суммы английского кредита¹⁸.

Весомым фактором в создании англо-советского союза явилась позиция английской общественности.

«Ещё накануне германского наступления, – отмечают известные британские историки Дж. Эриксон и Д. Дилкс, – в министерстве иностранных дел, с запозданием признав масштабы военной угрозы Советскому Союзу, были вынуждены рассматривать вероятность совместной борьбы и “неприятную реальность” нарастающей огромной симпатии к русским»¹⁹.

С первых дней вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР по всей Англии начались митинги в поддержку освободительной борьбы советского народа. Большинство населения, часть которого не скрывала своего неприятия советского режима, настроилось на создание широкой коалиции государств для противостояния агрессорам, приветствовало объединение с «Советами» во имя победы над нацистской Германией.

В поддержку Советского Союза выступил профсоюз шотландских горняков, а затем Конгресс Британских тред-юнионов и лейбористская партия, опубликовавшие 1 августа 1941 г. специальное заявление относительно англо-советского сотрудничества. В нём, в частности, говорилось: «Конгресс тред-юнионов и лейбористская партия настоящим выражают свою высокую оценку усилий Советского Союза в общей борьбе против гитлеризма. Они приветствуют широкий характер сотрудничества, которое развивается между Великобританией и СССР»²⁰.

Во всей Англии не было почти ни одного крупного населённого пункта, в котором не было бы создано местного Общества англо-советской дружбы. Инициированная лордом Бивербруком «неделя танков для России» (22–28 сентября 1941 г.) ознаменовалась высокой активностью рабочего класса, который «стал оказывать на политическую систему влияние, гораздо более соответствовавшее его численности»²¹.

Большой популярностью пользовались так называемые недели дружбы с СССР, основной задачей которых являлось ознакомление английской общественности с жизнью советского народа.

Вместе с тем и антисоветские силы в Англии оказывали влияние на политику страны. Именно в их среде было большинство скептиков, убеждённых в том, что Советский Союз в войне с Германией долго не продержится. Такая точка зрения высказывалась многими английскими военными и политическими деятелями. Знаток этих настроений Г. Городецкий отмечает, что начальники английских штабов высчитывали, насколько советское сопротивление задержит высадку вермахта на Британские острова и пришли к выводу: «Не более чем на восемь недель»²². Но были и те, кто не разделял сомнений в способности Советского Союза к сопротивлению. К ним в первую очередь относились лорд Бивербрук, Х. Дальтон, Э. Бивен и некоторые другие влиятельные политики.

Выражая настроение недругов СССР в Англии, отдельные деятели (министр авиационной промышленности Дж. Мур-Брабазон и др.), прочемберленские органы печати выступали с открыто враждебными статьями по отношению к нашей стране. Газета «Католик геральд» призывала англичан отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с Советским Союзом. Показателен и такой факт. С начала Второй мировой войны в Англии установилась традиция еженедельно передавать по радио гимны всех союзников Англии. Однако, несмотря на то что Советский Союз являлся союзником Англии, Британская радиовещательная корпорация Би-би-си в нарушение существующей традиции отказалась передавать гимн СССР (в то время это был «Интернационал»), что вызвало острую дискуссию в парламенте. 9 июля 1941 г. член парламента С. Сильверман запросил министра информации о причинах такой дискриминации. Возгласами неодобрения встретила палата общин

заявление представителя правительства о том, что причиной позиции министерства информации являлось то обстоятельство, что «Интернационал» не был якобы советским национальным гимном в собственном смысле этого слова и поэтому его неудобно было передавать. Через несколько дней после этих дебатов Би-би-си включила в свои передачи вместо советского гимна песню «Широка страна моя родная», но в конечном итоге исключила весь цикл такого рода передач. Подобные эпизоды встречали отпор большинства английской общественности и вынуждали противников сотрудничества с Советским Союзом уходить за кулисы политической жизни Англии²³.

В конце августа 1941 г. по согласованию между правительствами Великобритании и СССР советские и британские войска были введены в Иран и в начале сентября вступили в Тегеран, предотвратив вовлечение страны в войну на стороне Германии. 8 сентября того же года в Тегеране было подписано соглашение, положившее начало англо-советско-иранскому сотрудничеству в годы войны. Иранское правительство обязалось не допускать каких-либо действий в ущерб борьбе СССР и Великобритании с гитлеровской Германией, содействовать транспортировке через иранскую территорию военных грузов союзников, что имело в последующем большое значение для поставок в СССР по программе ленд-лиза. СССР и Великобритания, со своей стороны, решили оказывать Ирану экономическую помощь. В октябре СССР и Великобритания совместно потребовали от правительства Афганистана прекратить прогерманскую деятельность различных группировок на своей территории. В ответ со-званный 5 ноября королём М. Захир Шахом высший законодательный орган страны – Большая джирга – одобрил политику строгого нейтралитета. Аналогичный демарш, предпринятый ранее Великобританией и СССР по отношению к Турции, также дал возможность нейтрализовать или, по меньшей мере, ослабить германское влияние в этой стране дипломатическими средствами.

Всё это были важные и эффективные решения, соответствующие стратегическим интересам двух стран²⁴.

Реакция в США на нападение Германии на СССР была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, за день до выступления Рузвельта призвал правительство следовать иному политическому курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»²⁵.

Подавляющее большинство политических и военных руководителей США сходились на том, что советские вооружённые силы не сумеют оказать длительного сопротивления гитлеровским полчищам. Так, при определении американской политики в отношении СССР военный министр США Г. Стимсон в своем меморандуме от 23 июня 1941 г. советовал президенту Рузвельту исходить из следующих предпосылок:

«1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события.

2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз.

3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике»²⁶.

Однако большинство государственных деятелей США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны и убедительны – поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости страны.

Высокую оценку силам СССР давали бывший посол США в СССР Дж. Дэвис и «красный генерал», американский атташе в Москве Ф. Феймонвилл, но главное – Г. Гопкинс и Ф. Рузвельт.

В конце июня советское правительство через своего посла в Вашингтоне представило правительству США список поставок, в которых нуждался Советский Союз. Одновременно был сделан запрос о предоставлении Советскому Союзу кредита сроком на пять лет. Со своей стороны правительство США предложило осуществлять советские поставки сырья в обмен на американские поставки.

Первоначально американские поставки в СССР были невелики и проводились за наличный расчёт в соответствии с предложенным американо-советским торговым соглашением 1937 г.

После поездки личного представителя президента США и главы администрации по ленд-лизу²⁷ Г. Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г. и трёхсторонней конференции в Москве (28 сентября – 1 октября 1941 г.) США предоставили Советскому Союзу из средств, ассигнованных по ленд-лизу, беспроцентный заём на сумму 1 млрд долл., что явилось исключительно важным решением в политике поддержки СССР и становлении антигитлеровской коалиции. И хотя ко времени битвы под Москвой, во многом определившей дальнейший ход войны, поставки союзников ещё не могли оказать заметного влияния на ход вооружённой борьбы, их политическое и моральное значение было очевидным.

Вступление США во Вторую мировую войну, объявление Германией и Италией войны Соединённым Штатам превратили сотрудничество СССР и США в фактор первостепенного военно-политического значения.

В феврале 1942 г. Рузвельт принял решение о предоставлении СССР второго кредита в размере 1 млрд долл. на прежних условиях (начало

выплаты беспроцентного займа предусматривалось через пять лет после окончания войны в течение 10 лет). Была создана советская правительственная закупочная комиссия в США, достигнута договорённость по предложению США об установлении прямой радиотелефонной связи между Москвой и Вашингтоном – сотрудничество развивалось по многим направлениям, но договора или соглашения, подобно советско-английскому, заключённому год назад, не было. Между тем возникли разногласия. Они были вызваны хотя и дипломатичным, но отказом СССР денонсировать пакт о нейтралитете с Японией и предоставить американским ВВС базы на советском Дальнем Востоке. Такое развитие событий могло, по мнению советского руководства, усугубить и без того существовавшую угрозу японской агрессии против СССР, в то время как главные силы Красной армии вели тяжелейшую борьбу против вермахта на Западном фронте, исход которой был далеко не ясен.

Осложнения в отношениях вызывало и нарушение согласованных сроков поставок в СССР по ленд-лизу. В 1941–1942 гг. помощь западных союзников при всей её значимости отставала от согласованных норм. Заметное увеличение поставок по ленд-лизу началось только с лета 1943 г.²⁸ Но эти и другие разногласия во многом преодолевались взаимными поисками решений, направленных на объединение усилий в борьбе против общего врага.

Советская дипломатия вела успешную борьбу за привлечение к антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в борьбе против фашистской тирании. В начале июля 1941 г. советское правительство заявило о своей готовности нормализовать отношения с Польшей, Чехословакией, Югославией и оказывать народам этих стран всестороннюю помощь в борьбе против фашизма. Надо сказать, что на пути нормализации этих отношений возникали большие трудности. 23 июня 1941 г., выступая с заявлением в связи с нападением Германии на СССР, глава польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал В. Сикорский подчеркнул нежелание правительства Польши считаться с решением вопроса о Западной Украине и Западной Белоруссии и потребовал восстановления довоенных границ Польши. Такая позиция Сикорского, разумеется, не способствовала переговорам, которые начались 5 июля 1941 г. в Лондоне и велись при посредничестве британского правительства.

После длительных переговоров 30 июля 1941 г. было подписано соглашение, которое содержало обязательства взаимной помощи, а также согласие советского правительства на создание на территории СССР польской армии для ведения боевых действий совместно с Красной армией. Предусматривалось, что командующий польской армией, создаваемой в СССР, будет назначен польским правительством, в то время как на фронте эта армия будет действовать в оперативном подчинении советского

командования. К соглашению был приложен протокол, в котором говорилось о том, что советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, которые содержались «в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях»²⁹.

Таким образом, несмотря на очевидные расхождения между советским правительством и польской эмиграцией в Лондоне по вопросу о границах Польши, компромисс, как показали последующие события, весьма кратковременный, тем не менее был найден.

Некоторые деятели польской эмиграции демонстративно выступили против советско-польского соглашения. К ним относились командующий польскими военными формированиями в Англии генерал К. Соснковский, министр иностранных дел А. Залесский и их единомышленники, которые в знак протеста против советско-польского соглашения вышли из состава правительства. Сикорский же и поддерживавшие его министры стремились советско-польским соглашением укрепить международный авторитет эмигрантского правительства. Вопрос о границах, по мнению советского и английского правительств, с которым вынужденно согласились лондонские поляки, следует разрешить после войны.

И советское, и английское правительства были заинтересованы в укреплении и расширении антигитлеровской коалиции. Излагая позицию англичан во время советско-польских переговоров, Черчилль писал в своих мемуарах: «[...] В разгар битвы, в этот важный момент войны, всё должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий»³⁰.

Несколько иным путём получили развитие отношения с Чехословакией. Вскоре после начала Великой Отечественной войны советское правительство довело до сведения Э. Бенеша, в то время президента Чехословакии, следующее:

«а) Политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством;

б) Само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам;

в) Если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, советское правительство с радостью его примет;

г) Советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы в организации армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта часть находилась бы под русским верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкие»³¹.

16 июля 1941 г. посол СССР в Лондоне И.М. Майский передал Э. Бенешу советский проект соглашения, и 18 июля соглашение между СССР и Чехословакией о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии было подписано. Соглашение предусматривало восстановление дипломатических отношений и взаимную помощь в войне против фашистской Германии, а также согласие советского правительства на формирование национальных чехословацких частей на территории СССР.

Советско-чехословацкое соглашение имело большое значение для укрепления международных позиций чехословацкого государства. Об этом говорил и Бенеш. «[...] Мы вернулись в своих взаимоотношениях между обоими нашими государствами, – писал он в своих воспоминаниях, – к домюнхенскому положению. Советский Союз, который с самого начала так решительно выступал против Мюнхена и с такой же решительностью выступал и против событий 15 марта 1939 г., в эту решительную минуту нанёс смертельный удар Мюнхену и всем его последствиям, так как вполне и решительно, без всяких ограничений и условий, снова признал республику в её домюнхенском статусе»³². Таким образом, между двумя государствами были установлены союзнические отношения.

Как только в Лондоне стало известно о советской инициативе, английское правительство срочно решило также установить с чехословацким правительством дипломатические отношения. Признание Англией чехословацкого правительства произошло 18 июля, спустя несколько часов после подписания советско-чехословацкого соглашения³³. Сам факт признания правительства Чехословакии укреплял международные позиции Чехословакии, способствовал расширению фронта антигитлеровских государств и в этом смысле имел, несомненно, положительное значение.

Правительства Советского Союза и Англии консультировались друг с другом и по вопросу об отношении к движению «Свободная Франция»³⁴. 24 июня 1941 г. руководитель движения «Свободная Франция» генерал Ш. де Голль поручил своим представителям в Лондоне посетить Майского и заявить от его имени, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии и что в связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой»³⁵.

Английская сторона сообщила 7 июля свою точку зрения, высказав при этом мнение, что, поскольку правительство Великобритании ещё не признало организацию де Голля как правительство, то для британского правительства «было бы очень стеснительным, если бы советское правительство относилось бы к правительству де Голля в вопросе признания более благосклонно, нежели это сделало британское правительство»³⁶.

В начале августа 1941 г. между советским посольством в Лондоне и Французским комитетом национального освобождения начались переговоры, в ходе которых Майский сообщил французским представителям «об отсутствии со стороны советского правительства возражений против установления с де Голлем официальных отношений в такой же форме, как это имеет место у де Голя с британским правительством». Англичане выразили удовлетворение и благодарность советскому правительству за занятую им позицию.

26 сентября того же года произошёл обмен нотами между советским правительством и Национальным комитетом «Свободной Франции», что явилось официальным признанием комитета со стороны СССР³⁷.

Политическое сотрудничество СССР и Англии по различным вопросам европейской политики в первые месяцы Отечественной войны свидетельствовало о том, что, несмотря на отдельные, порой серьёзные расхождения между советским и английским правительствами по ряду вопросов (например, по польскому), это сотрудничество привело к расширению фронта антигитлеровских государств и способствовало консолидации антифашистских сил в Европе.

Встал вопрос и о юридическом оформлении военного союза государств, борющихся против фашистских агрессоров. Таким документом явилась подписанная 1 января 1942 г. в Вашингтоне Декларация 26 государств, получившая впоследствии наименование Декларация Объединённых наций. Декларацию подписали представители СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Бельгии, Индии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Люксембурга, Чехословакии, Доминиканской Республики, Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно-Африканского Союза, Югославии. В Декларации заявлялось, что окончательная победа над противником «необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости» и что они «теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир». Подписавшие декларацию государства обязались употребить все свои экономические и военные ресурсы против тех членов Тройственного пакта (Германии, Италии и Японии) и присоединившихся к нему государств, с которыми они находились в состоянии войны, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами. Таким образом, Декларация Объединённых наций юридически оформила военно-политический союз антифашистских государств, сплотила в рамках многостороннего соглашения все государства, находившиеся в состоянии войны с германо-японо-итальянской коалицией. Закрепляя союз 26 государств, участники декларации вместе с тем открывали возможности для присоединения к антифашистской коалиции и других стран³⁸.

Между тем в союзнических отношениях назревали новые противоречия. Главным из них был вопрос об открытии западными союзниками Второго фронта в Европе. Возникли серьёзные трудности в подготовке полноценного союзного договора между СССР и Англией. Но если с Англией имелось соглашение, подписанное 12 июля 1941 г., то какой-либо официальный документ о союзе США и СССР отсутствовал.

19 мая 1942 г. с подмосковного аэродрома Раменское стартовал самолёт-бомбардировщик ТБ-7 (Пе-8), пилотируемый майором Э.К. Пусэпом. Экипажу и пассажирам предстояло пересечь линию фронта, совершить посадку в Великобритании, затем в Исландии, Канаде, наконец, в США и вернуться обратно. Непростой и по сегодняшним меркам маршрут (около 20 тыс. км) был в те годы беспрецедентным и рискованным, а задание – ответственным. На борту самолёта находился заместитель Председателя Совета Народных комиссаров и нарком иностранных дел В.М. Молотов, направлявшийся в Лондон и Вашингтон для переговоров с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом по важнейшим вопросам совместной борьбы трёх ведущих держав антигитлеровской коалиции против нашествия агрессоров. Предложения западных союзников использовать для трансатлантического перелёта их самолёт И.В. Сталин отклонил. Южнее Старой Руссы советский самолёт незамеченным миновал линию фронта, взял курс на Швецию, затем к берегам Шотландии и утром 20 мая, ведомый местными радионавигационными службами, приземлился на британском аэродроме. Главным результатом визита В.М. Молотова в Лондон было подписание 26 мая 1942 г. союзного договора между СССР и Великобританией. 27 мая Черчилль сообщил Рузвельту: «На этой и на прошлой неделе мы с Молотовым очень хорошо поработали [...]. Договор был подписан вчера во второй половине дня в обстановке большой сердечности с обеих сторон. Молотов – государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться. Пожалуйста, сообщите мне Ваши впечатления»³⁹. В тот же день В.М. Молотов и сопровождающие его лица вылетели в Вашингтон.

29 мая В.М. Молотова на аэродроме в Вашингтоне встретили государственный секретарь США К. Хэлл, другие официальные лица, посол СССР в США М.М. Литвинов. В тот же день В.М. Молотова принял президент США Ф. Рузвельт.

В итоге большой подготовительной работы М.М. Литвинова с К. Хэллом и визита Молотова в США, его переговоров с Ф. Рузвельтом 11 июня 1942 г. было подписано «Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединённых Шта-

тов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии». Юридическое оформление союза трёх ведущих держав антигитлеровской коалиции завершилось. На следующий день, 12 июня 1942 г., было подписано советско-американское коммюнике о посещении Вашингтона народным комиссаром иностранных дел СССР, в котором говорилось: «При переговорах была достигнута полная договорённость в отношении неотложных задач создания Второго фронта в Европе в 1942 г.»⁴⁰. Но во время пребывания Молотова в Лондоне на обратном пути в Москву Черчилль вручил ему «Памятную записку», которая фактически сводила на нет договорённость об открытии Второго фронта в 1942 г.⁴¹. Этот вопрос, до сих пор вызывающий дискуссии, требует отдельного рассмотрения, выходящего за хронологические рамки данного труда. Второй фронт не был открыт ни в 1942-м, ни в 1943 г. Потери Красной армии только убитыми за этот период превысили 5 млн человек.

Примечания

¹Британские силы (около 400 тыс. чел.), действовавшие на европейском континенте совместно с французской армией, были с большими потерями эвакуированы в основном из района Дюнкерка в мае 1940 г. Численность польских войск составляла 20 тыс. чел. Dear I., Foot M. (ed.) *The Oxford Companion to World War II*. – Oxford; N. Y., 1995. – P. 164–166. Кратковременное сопротивление вермахту оказали войска Норвегии, Бельгии и Голландии. Соотношение сил на Западном фронте по состоянию на 10 мая 1940 г. было примерно равным: 141 дивизия вермахта противостояли 144 дивизиям западных союзников (Reynolds D. *From World War to Cold War*. – Oxford, 2007. – P. 25). США в рамках объявленного нейтралитета поддерживали потерпевшую поражение коалицию. Первые секретные консультации военно-морских штабов США и Великобритании состоялись по инициативе президента Ф. Рузвельта в 1937 г. (Stoler M. *FDR and Origins of the National Security Establishment FDR'S World War, Peace and Legacies* – N. Y., 2008. – P. 66).

²Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной войны, 1939–1941. – М., 1997. – С. 62–73.

³Вестник Совета безопасности Российской Федерации. – 2010 г. – № 2. – С. 32–55.

⁴Р. Криппс – английский посол в Москве, находившийся в то время в Лондоне.

⁵Майский И.М. Дневник дипломата: Лондон 1934–1943 : В 2 кн. Кн. 2. Ч. 1. – М., 2009. – С. 412–413.

⁶Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : Документы и материалы : В 2 т. Т. 1. 1941–1943. – М., 1983. – С. 47 (далее Советско-английские отношения...). Криппс просил также заверить Советское правительство, что Британское правительство «не допустит никакого промедления в оказании СССР (в случае нападения на него Германии) той помощи, на которую оно будет способно» (Там же. – С. 513).

⁷Израэлян В.Л. Антигитлеровская коалиция. – М., 1964. – С. 17 (далее Израэлян В.Л. Указ. соч.).

⁸Черчилль У. Вторая мировая война : [В 6 т.] / Пер. с англ. Т. 3. Великий союз... – М., 1955. – С. 366 (далее Черчилль У. Указ. соч.).

⁹Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 27–31. Такие шифрограммы в 1941 г. рассылались персонально следующим адресатам: Сталину (2 экз.), Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Берия, Жданову, Вышинскому, Деканозову, Лозовскому и Корнейчуку.

¹⁰Langer W., Gleason S. *The Undeclared War : 1940–1941*. – N.Y., 1953. – P. 541.

- ¹¹Мировые войны XX века : В 4 кн. Кн. 3. – М., 2002. – С. 231.
- ¹²Внешняя политика СССР : Сб. документов. Т. 5. (Июнь 1941 – сентябрь 1945 г.) – М., 1947. – С. 6 (далее Внешняя политика СССР...).
- ¹³Сталин И.В. О Великой Отечественной войне. М., 1947. С. 16.
- ¹⁴Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Сб. документов : В 2 т.]. Т. 2 – М., 1986. – С. 3.
- ¹⁵См. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны : Документы и материалы. Т. I. – М., 1946. – С. 163–167. Имелось в виду включённое по предложению Черчилля положение о «восстановлении суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путём (курсив наш. – О.Р.), что исключало из их числа лишённые суверенных прав народы колоний, но ставило под сомнение признание советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г. с вошедшими в состав СССР в 1939–1940 гг. в условиях нахождения на этой территории частей Красной армии, а также по мирному договору с Финляндией. Война и общество в XX веке : В 3 кн. Кн. 3. – М., 2008. – С. 9–11.
- ¹⁶Советско-английские отношения... Т. I. 1941–1943. – М., 1983. – С. 82.
- ¹⁷Внешняя политика СССР... – С. 20.
- ¹⁸Внешняя политика СССР... – С. 63–64.
- ¹⁹Erickson J, Dilks D. Barbarossa: The Axis and the Allies. – Edinburgh, 1994. – P. 97. (Далее: Erickson J, Dilks D. Barbarossa...).
- ²⁰Исраэлян В.Л. Указ. Соч. С. 24.
- ²¹Bullock A. The Life and Times of Ernest Bevin. Vol. 2. Minister of Labor 1940–1945. – L., 1960. – P. 137.
- ²²Erickson J, Dilks D. Barbarossa... – P. 103.
- ²³Исраэлян В.Л. Указ. соч. – С. 24, 25.
- ²⁴Советско-английские отношения... С. 107.
- ²⁵The New York Times/ – 1941/ – June 24/ – P. 7.
- ²⁶Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин : Война, которую они вели, и мир, которого они добились/ Пер. с англ. – М., 2003. – С. 14.
- ²⁷Ленд-лиз – существовавшая во время Второй мировой войны система передачи Соединёнными Штатами союзным странам займы (lend) или в аренду (lease) вооружений, военных и др. необходимых для ведения войны материалов.
- ²⁸Ленд-лиз и Россия : [Сб.]. – Архангельск, 2006. – С. 92–123.
- ²⁹Подробнее см. Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М., 1982. – С. 30 и далее. Первый польский батальон был сформирован в июле 1941 г. в Могилёве, где временно находилось правительство Белорусской ССР (Там же).
- ³⁰Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. – М., 1955 – С. 383.
- ³¹Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Документы и материалы. – М., 1960. – С. 11.
- ³²Исраэлян В.Л. Указ. соч. – С. 30–31.
- ³³Английский разведчик и дипломат Р.Г.Б. Локкарт, приставленный к чехословацкому правительству, по этому поводу отметил: «Русские выиграли. Они подписали в полдень 18 июля. Меня попросили привезти Яна Масарика к Идену в 4 часа дня. Ян заехал за мной в 3 ч. 45 м., и под проливным дождём мы отправились в министерство иностранных дел. Здесь мы были сразу приняты. Иден был один. Мы придвинули свои кресла поближе к его столу. Он улыбался и был в наилучшем расположении духа. «Сегодня для Вас, Ян, день договоров, – сказал Иден. – Мне известно, что утром Вы уже подписали один. Вот здесь другой». (Исраэлян В.Л. Указ. соч. – С. 31–32).
- ³⁴17 июня 1940 г. заместитель министра обороны потерпевшей поражение Франции обратился по лондонскому радио к французам с призывом к сопротивлению немецким захватчикам и возглавил движение «Свободная Франция».
- ³⁵Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : Документы и материалы : В 2 т. Т. I. 1941–1943. – М., 1983 – С. 44 (далее Советско-французские отношения...).

³⁶Там же. Т. 1 – С. 50.

³⁷Там же. Т. 1 – С. 50–52.

³⁸Подробнее см.: Организация Объединённых Наций : Сборник документов. – М., 1981. – С. 5–16.

³⁹Churchill and Roosevelt : The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by W. F. Kimball. Vol 1. – L. 1984. – P. 490, 492.

⁴⁰Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : Документы и материалы : В 2 т. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. – С. 198–202.

⁴¹Советско-английские отношения... – С. 247, 248.

РАЗДЕЛ 2

1941 год: чрезвычайные меры в СССР по предотвращению катастрофы

Христофоров Василий Степанович,
доктор юридических наук,
Институт российской истории РАН

Несмотря на то что историография Второй мировой войны насчитывает тысячи научных работ, написанных историками и исследователями разных стран, эта тема продолжает оставаться актуальной. Одной из ключевых проблем для российских и иностранных исследователей является изучение причин трагического для Советского Союза начала Великой Отечественной войны. Однако недостаточно исследованными являются меры чрезвычайного характера, принимавшиеся в СССР для того, чтобы летом и осенью 1941 г. предотвратить наступление катастрофы и остановить наступление германских армий, провести эвакуацию населения и промышленных предприятий в глубь страны, организовать стратегическую оборону. Исследование архивных документов позволяет реконструировать исторические события 1941 г. и чрезвычайные меры, принимавшиеся высшим политическим руководством СССР, государственным аппаратом, государственными органами и учреждениями в целях оперативной мобилизации всех государственных и общественных сил и средств для организации отпора противнику.

«Если “Барбаросса” удастся, весь мир затаит дыхание...»

В научных работах по истории Второй мировой войны, написанных в первые десятилетия после её окончания, велись острые дискуссии по вопросу о сроках принятия А. Гитлером решения о нападении на СССР, о ходе подготовки германской агрессии. Однако после введения в научный оборот документальных материалов и опубликования фундаментальных трудов по истории Второй мировой войны, подготовленных в Великобритании, Германии и в СССР, острота дискуссий снизилась. Лишь иногда возникает вопрос, не было ли нападение Гитлера на Советский Союз превентивным. Отрицательный ответ на этот вопрос со-

держится во многих архивных документах разных стран. Как известно, план нападения Германии на СССР был утверждён Гитлером 18 декабря 1940 г. в виде директивы № 21, получившей кодовое наименование план «Барбаросса»¹, под которым прочно закрепился в историографии.

С конца мая и до конца июля 1940 г. в высших военных кругах Германии (верховное командование вооружённых сил, командования сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил) регулярно происходил обмен мнениями о том, когда и какими средствами начать войну против СССР.

3 июля 1940 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер записал в своём дневнике: «На первом плане стоят английская проблема, которую следует разрабатывать отдельно, и восточная проблема. Основное содержание последней: способ нанесения решительного удара России, чтобы принудить её признать господствующую роль Германии в Европе»².

Главнокомандующий сухопутными силами Германии генерал-фельдмаршал В. фон Браухич полагал, что войну против Советского Союза можно будет начинать уже в 1940 г. Он считал, что для разгрома Красной армии потребуется 80–100 немецких дивизий, и дал указание Верховному командованию сухопутных войск (ОКХ) разработать план ведения войны против СССР.

Как свидетельствуют записи в дневнике Гальдера, 13 и 21 июля состоялись совещания в Бергхофе. На первом совещании Гитлер искал предлог для предстоящего отказа от вторжения в Англию. На втором совещании (22 июля) – центральной темой его выступления стал Советский Союз. Он говорил, что русская проблема может быть разрешена только наступлением, а также дал указания о проработке плана предстоящей операции. Гальдер записал, что на совещании назывались и основные цели наступления: «Разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налётов русской авиации. Желательно такое продвижение в глубь России, чтобы наша авиация могла разгромить её важнейшие центры»³.

31 июля 1940 г. Гитлер провёл совещание, на котором говорил о необходимости «разделаться с Россией». Присутствовавший на совещании Гальдер записал в дневнике слова фюрера о сроках нападения на Россию – «май 1941 г., на проведение операции – 5 месяцев. Цель – уничтожение жизненной силы России. Подразделяется на: 1. Удар на Киев с примыканием фланга к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Днепра. 2. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы. В заключение – массированные удары с севера и юга. Позднее частная операция по захвату нефтяного района в Баку. Позднее:

Украина, Белоруссия, Прибалтийские страны – нам. Финляндия до Белого моря»⁴.

Разработкой плана похода на Восток по поручению начальника генштаба ОКХ Ф. Гальдера занялась группа под руководством начальника штаба 18-й армии генерал-майора Э. Маркса, считавшегося знатоком России. 1 августа генерал-майор Э. Маркс представил Гальдеру вариант плана операции против СССР, в котором предусматривалось вторжение в СССР двумя мощными клиньями: через Киев – «Юг» и Прибалтику – «Север», чтобы гигантскими клещами сжать Москву и, овладев северными территориями Советского Союза, снова всеми силами развернуться на юг.

По поручению начальника штаба верховного командования вооружённых сил Германии генерала артиллерии А. Йодля в управлении оперативного руководства ОКВ подготовкой плана нападения на СССР занималась группа «сухопутные войска» под руководством подполковника Б. Лоссберга. В этом варианте плана под названием «Оперативная разработка “Ост”», подготовленном группой Б. Лоссберга, предлагалось создать дополнительно к группировкам армий «Север» и «Юг» – группировку армий «Центр» и возложить на неё задачу главного удара по направлению Минск – Смоленск – Москва.

Назначенному в сентябре 1940 г. первым обер-квартирмейстером генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенанту Ф. Паулюсу было поручено изучить возможности обоих планов нападения Германии на Россию. 29 октября Паулюс подготовил докладную записку о ведении войны на Востоке, которая была положена в основу директивы по стратегическому сосредоточению «Ост».

19 ноября 1940 г. Гальдер доложил командующему сухопутными войсками Браухичу план войны, получивший условное наименование «Отто». План предусматривал создание трёх групп армий – «Север», «Центр» и «Юг», которые должны наступать на Ленинград, Москву и Киев. План «Отто» был проверен в ходе двух военных игр, которые прошли в период с 29 ноября по 7 декабря под руководством генерал-лейтенанта Паулюса. «Красные» потерпели сокрушительное поражение. После проведения военных игр обсуждение иных вариантов плана прекратилось. Было решено: наступать на Москву силами группы армий «Центр» через Белоруссию во взаимодействии с группой армий «Север», которая будет наступать через Прибалтику.

5 декабря на совещании у А. Гитлера Верховное командование сухопутных сил (Браухич и Гальдер) представили план «Отто». Гитлер одобрил его, указав на необходимость воспрепятствовать планомерному отходу советских войск и добиться полного уничтожения потенциала СССР. Был определён и ориентировочный срок начала операции – конец

мая 1941 г. Через две недели, 18 декабря 1940 г., Гитлер утвердил секретную директиву № 21.

3 февраля 1941 г. на совещании в Берхтесгадене Гитлер в присутствии начальника штаба Верховного главнокомандования вооружённых сил В. Кейтеля и А. Йодля заслушал подробный доклад Браухича и Гальдера о плане войны против СССР. В ходе обсуждения оценивалось положение Красной армии и вермахта. Участники совещания признали примерное равенство сил, но посчитали, что качество немецких войск гораздо выше. Гитлер в общем и целом был согласен с представленной разработкой плана операции. Он обратил внимание, что при дальнейшей разработке нужно не упускать из виду овладение Прибалтикой и Ленинградом. Фюрер заявил: «Если “Барбаросса” удастся, весь мир затаит дыхание...»⁵.

Для того чтобы скрыть от Советского Союза подготовку к операции «Барбаросса», 15 февраля Кейтель подписал директиву, определявшую меры, направленные на введение противника в заблуждение. Директива предусматривала два этапа проведения дезинформационных мероприятий. На первом этапе, который должен был проводиться до середины апреля, предусматривались мероприятия по зашифровке общих военных приготовлений, не связанных с перегруппировкой войск. Ставились задачи по усилению уже сложившегося впечатления о предстоявшем вторжении Германии в Англию, а также по увеличению значения второстепенных операций «Марита» и «Зонненблуме». На втором этапе (апрель – июнь 1941 г.)⁶ необходимо было обеспечить маскировку сосредоточения и оперативного развёртывания войск у границ СССР. В этих целях предлагалось распространять мнение о сосредоточении войск для операции «Барбаросса» как о крупнейшем в истории войн отвлекающем манёвре, который якобы служит для маскировки последних приготовлений к вторжению в Англию. Всем «инстанциям, участвовавшим в дезинформации противника», предписывалось проявлять собственную инициативу и представлять «соответствующие предложения»⁷. В массовом количестве были напечатаны топографические карты и справочные материалы по Англии, к подразделениям и частям германской армии прикомандировывались переводчики английского языка. Подготавливалось «оцепление» некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии.

18 марта в директиву № 21 были внесены изменения в части, касающейся группы армий «Юг». Вместо двойного обхода – силами 6-й полевой армии и 1-й танковой группы из района Люблина в направлении Киева и силами 11-й армии и румынских войск из Южной Румынии через нижнее течение Прута с дальнейшим поворотом на Киев был принят ограниченный план рассекающего удара на севере: на Ровно – Бердичев – Киев.

Задачи финским и немецким войскам, развёртывавшимся в Северной и Центральной Финляндии, были определены директивой ОКВ от 7 апреля 1941 г. и объявлены оперативными директивами финского генерального штаба, а также директивой командующего армией «Норвегия» от 20 апреля. Директива ОКВ предусматривала, что вооружённые силы Финляндии до наступления гитлеровских войск должны были прикрыть развёртывание германских соединений в Финляндии, а с переходом вермахта в наступление – сковать советские группировки на карельском и петрозаводском направлениях. С выходом группы армий «Север» на рубеж Луги финским войскам предстояло перейти в наступление на Карельском перешейке, а также между Онежским и Ладожским озёрами, чтобы соединиться с немецкими армиями на реке Свирь и в районе Ленинграда⁸.

В конце апреля политическое и военное руководство Германии окончательно установило дату нападения на СССР: воскресенье 22 июня 1941 г. Причиной переноса сроков с мая на июнь являлась необходимость передислоцировать к границам СССР силы, участвовавшие в агрессии против Югославии и Греции.

Вторая фаза по распространению дезинформации, проводившаяся германскими вооружёнными силами с целью скрыть от СССР свои планы по сосредоточению войск на советской границе, началась 22 мая 1941 г. В этот день началось движение эшелонов с германскими войсками по уплотнённой графике из Франции в Польшу, Восточную Пруссию и Румынию. Распоряжением начальника штаба верховного командования вооружённых сил Германии от 12 мая 1941 г. перед штабами и другими учреждениями германского военного командования была поставлена задача представлять сосредоточение сил на советской границе и подготовку к осуществлению плана «Барбаросса» как «широко задуманный манёвр с целью введения в заблуждение западного противника». По этой же причине предписывалось «особенно энергично продолжать подготовку к нападению на Англию». В распоряжении подчёркивалось: «Чем ближе день начала операции, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений». В распоряжении подчёркивалось, что «политические меры дезинформации противника уже проведены и планируются новые»⁹.

Германское руководство старалось внушить советскому правительству, что переброска немецких войск совершается для того, чтобы сосредоточить и вывести их из-под ударов английской авиации, а также для прикрытия румынских нефтяных промыслов от англичан, высадившихся в Греции. Одновременно активно велась германская пропаганда против Англии и практически прекратились выпады против СССР. Активно работали германские дипломаты. К числу успехов германской

дипломатии в свете проведения политических мер по дезинформации противника можно отнести подписание 10 июня 1940 г. советско-германской конвенции о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов. Кроме того, весной 1941 г. германские круги смогли распространить в западных странах слухи о крупных военных приготовлениях Советского Союза. Это привело к тому, что 14 июня ТАСС опубликовало заявление «о беспочвенности слухов о возможной войне между СССР и Германией».

Начало войны и перестройка работы советского государственного аппарата на военный лад

Ранним утром 22 июня 1941 г. немецкие соединения, развёрнутые между Балтийским и Чёрным морями, объединившиеся в три группы армий: «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. фон Лееб); «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) и «Юг» (генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт), перешли границу с СССР. Преимущество внезапного удара, а также перевес в живой силе, технике и огневой мощи на участках фронта, намеченных для танковых прорывов, позволили противнику пробить бреши в обороне Западного и Северо-Западного фронтов и устремиться вглубь советской территории. Наступление началось и на участке Юго-Западного фронта.

В условиях военного времени потребовалось внести изменения в законодательство, а также перестроить на военный лад всю работу государственного аппарата СССР. Оборона страны стала главной функцией государства, которой подчинялась вся его деятельность. Государственный аппарат стал частью военного организма страны. Это касалось административно-политического аппарата, аппарата оборонной промышленности и транспорта, учреждений социально-культурного назначения и других. Наряду с функционировавшими высшими и центральными органами власти и управления возникали чрезвычайные органы¹⁰. С первых дней войны стали приниматься нормативные правовые акты (на различных уровнях), имевшие чрезвычайный характер: указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления ГКО, СНК СССР, приказы Ставки Верховного Главнокомандования, НКО СССР, НКГБ СССР и НКВД СССР, создавались чрезвычайные органы управления, вводилось военное и осадное положение. На основании вновь принятых законодательных актов существенно расширялись полномочия военных властей, военных трибуналов и правоохранительных органов.

Чрезвычайные меры, вводимые в законодательство, существенно расширяли функции репрессивных органов: так, и внесудебный орган – Особое совещание при Наркомате внутренних дел СССР, активно

работало и в военные годы. Заседания Особого совещания проводились по 4–6 раз в месяц. На каждом заседании рассматривались сотни дел¹¹. В военные годы повсеместно использовались методы принуждения, основанные на ужесточении административной и уголовной ответственности, массовых репрессиях, судебном и внесудебном принуждении. В прифронтовой полосе и в местностях, объявленных на военном или осадном положении, были введены особые административные режимы. Вводилась ответственность за распространение ложных слухов, за разглашение государственной тайны. Активно использовались принципы и способы повышения организованности, исполнительности и дисциплины в государственных органах и государственном аппарате, частях и соединениях Красной армии, на промышленных предприятиях, объектах транспорта и в глубоком тылу. Проводилась мобилизация не только в Красную армию, но и для работы на промышленных предприятиях оборонного значения, на строительство оборонительных укреплений. Повсеместно вёлся контроль за политическими настроениями военнослужащих Красной армии и гражданского населения. Через партийные, политические и общественные организации оказывалось идеологическое воздействие на население и личный состав армии и флота.

В первый же день войны в соответствии с Конституцией СССР были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР: о мобилизации; военном положении; об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения; об утверждении Положения военных трибуналов в местностях, объявленных на военном положении, и в районах боевых действий.

На основании статьи 49 «л» Конституции СССР была объявлена мобилизация на территории военных округов – Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского. Мобилизации подлежали военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно. Первым днём мобилизации стало 23 июня 1941 г.¹²

Военное положение объявлялось в интересах обороны СССР и обеспечения общественного порядка и государственной безопасности. В местностях, объявленных на военном положении¹³, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались Военным советам фронтов, армий, военных округов или высшему командованию войсковых соединений. Военным властям предоставлялось право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонительных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций и других важнейших объектов, для участия в борьбе с

пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями, объявлять трудовую и автогужевую повинность для военных надобностей, производить изъятие транспортных средств и иного необходимого имущества как у государственных, общественных и кооперативных предприятий и организаций, так и у отдельных граждан; регулировать время работы учреждений и предприятий, в том числе театров, кино и т. д., организацию всякого рода собраний, шествий и т. п., запрещать появление на улице после определённого времени, ограничивать уличное движение, а также производить в необходимых случаях обыски и задержание подозрительных лиц; воспрещать въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении; выселять в административном порядке из пределов местности, объявленной на военном положении, или из отдельных пунктов лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой. Военные власти имели право издавать обязательные для населения постановления, устанавливая за неисполнение этих постановлений наказания в административном порядке в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3 тыс. рублей; а также отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным учреждениям и организациям и требовать от них безусловного и немедленного исполнения.

Все местные органы государственной власти, государственные, общественные учреждения, организации и предприятия были обязаны оказывать содействие военному командованию в использовании сил и средств данной местности для нужд обороны страны и обеспечения общественного порядка и безопасности.

В местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности¹⁴, передавались на рассмотрение военных трибуналов, которые создавались при военных советах округов, фронтов и морских флотов, при армиях, корпусах, иных воинских соединениях и военизированных учреждениях. Линейные суды железнодорожного и водного транспорта были реорганизованы в военные трибуналы соответствующих железных дорог и водных путей сообщения.

Военные трибуналы при дивизиях могли рассматривать уголовные дела на военнослужащих до командира роты включительно и приравненных к нему по служебному положению лиц; военные трибуналы при корпусах – до командира батальона включительно и соответствующих ему лиц, военные трибуналы при армиях (флотилиях) до помощника командира полка включительно и соответствующих ему лиц, военные трибуналы при военных округах, фронтах и флотах – до командира бригады включительно и соответствующих ему лиц. Перестройка госу-

дарственного аппарата сопровождалась сокращением штатов наркоматов, государственного аппарата, государственных органов, учреждений. Многие сотрудники государственного аппарата направлялись на фронт, на заводы и фабрики.

Для руководства работой по перебазированию промышленности из регионов, которые находились под угрозой оккупации, 24 июня 1941 г. при СНК СССР был создан Совет по эвакуации (возглавлял Л.М. Каганович, а с 16 июля 1941 г. – Н.М. Шверник). В состав Совета по эвакуации вошли представители СНК СССР и СНК РСФСР, Госплана СССР и наркоматов. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Совет по эвакуации в своей работе опирался на институт уполномоченных, на бюро и комитеты по эвакуации, созданные при наркоматах и ведомствах. НКВД принимал непосредственное участие в организации эвакуации промышленных предприятий, контролировал движение железнодорожных составов и продвигал их, а также принимал активное участие в создании военно-промышленной базы на востоке. Органы госбезопасности и внутренних дел проверяли прибывавшие в тыл эшелоны, арестовывали подозрительных лиц и организовывали их тщательную проверку и следствие. Кроме того, органы НКВД выявляли среди эвакуированного населения, в первую очередь из Прибалтики, антисоветски настроенных лиц и агентуру германской разведки. 5 июля было издано постановление СНК СССР «О порядке эвакуации населения в военное время». В тыловые районы было вывезено железнодорожным транспортом более 10 млн человек, водным – более 2 млн человек. 26 декабря 1941 г., когда предприятия были перевезены из прифронтовых районов, совет был ликвидирован. Для ускорения продвижения эвакуированных предприятий к месту назначения был создан Комитет по разгрузке транзитных и других грузов, председателем которого был назначен А.И. Микоян. Для решения проблемы рабочих кадров 30 июня 1941 г. был создан Комитет по учёту и распределению рабочей силы, в состав которого вошли представители СНК СССР, Госплана СССР и НКВД СССР.

Из прифронтовой полосы во второй половине 1941 г. на восток было вывезено 1 тыс. 523 крупных и средних промышленных предприятия, в том числе 1 тыс. 360 заводов и фабрик военного или двойного назначения. Эвакуационные перевозки потребовали 1,5 млн вагонов. Это было перемещением огромной индустриальной базы на тысячи километров, нередко в необжитые места.

Для выполнения срочных заданий по строительству предприятий оборонной промышленности 8 июля в системе Наркомата по строительству были созданы особые строительно-монтажные части (ОСМЧ) –

высокомобильные подразделения, которые в нужный момент перебрасывались с одной стройки на другую. Их личный состав был переведён на казарменное положение. Всего было создано 100 крупных ОСМЧ общей численностью около 400 тыс. строителей¹⁵.

26 июня Президиум Верховного совета СССР издал указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», в соответствии с которым увеличивался рабочий день, отменялись отпуска, вводились сверхурочные работы продолжительностью до трёх часов в день. Загрузка производственных мощностей без увеличения численности рабочих и служащих была увеличена примерно на одну треть. В соответствии с постановлением СНК СССР на объекты оборонной промышленности направлялись рабочие из лёгкой и пищевой промышленности, коммунального хозяйства. 26 декабря 1941 г. был принят указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», по которому самовольный уход приравнялся к дезертирству из армии. Высококвалифицированные рабочие и специалисты в решающих отраслях промышленности бронировались от призыва в армию.

В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, подписанной 29 июня 1941 г. И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, требовалось организовать всестороннюю помощь Красной армии, укрепить её тыл, подчинить интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая содействие истребительным батальонам. СНК СССР и ЦК ВКП(б) требовали «при вынужденном отходе Красной армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего». Необходимо было в районах, занятых противником, создавать партизанские отряды и диверсионные группы, в захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и его пособников. Одним из ключевых требований являлось «немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникёрством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица¹⁶.

«Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшего на нашу Родину», 30 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «признали необходимым создать Государственный Комитет Оборона». Первоначально

в состав ГКО вошли И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (заместитель председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков и Л.П. Берия. Все граждане и все партийные, советские, комсомольские и военные органы были обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО.

В последующем постановлениями Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) в феврале 1942 г. в состав ГКО введены А.И. Микоян, Н.А. Вознесенский и Л.М. Каганович, в ноябре 1944 г. место К.Е. Ворошилова в составе ГКО занял Н.А. Булганин. ГКО не имел собственного аппарата и руководил через аппараты СНК СССР и ЦК ВКП(б). Проекты постановлений и распоряжений прорабатывались в соответствующих наркоматах и ведомствах. За каждым членом ГКО закреплялся определённый участок государственных дел: Молотов – производство танков, Маленков – производство самолётов, Микоян – снабжение фронтов, Берия – производство боеприпасов, бесперебойное обеспечение нефтью и т. п.

ГКО осуществлял всё государственное, военное и хозяйственное руководство в стране. Его компетенция была чрезвычайно обширна. Он руководил работой государственных органов, ведомств и учреждений, направлял их усилия на всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей страны для достижения победы. ГКО решал вопросы перестройки экономики, мобилизации людских ресурсов для нужд фронта, подготовки резервов для вооружённых сил и промышленности, эвакуации промышленных объектов, восстановления народного хозяйства. Все постановления и распоряжения ГКО имели силу и статус законов военного времени, обязательных для исполнения на всей территории Советского Союза. Военные, государственные, партийные, советские, общественные организации и граждане страны были обязаны принимать на себя те обязательства, которые указывались в решениях ГКО. Комитет назначал и смещал высшее военное командование, готовил резервы для Действующей армии, решал все военно-стратегические вопросы. Он обеспечивал государственную безопасность СССР, налаживал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства, снабжения населения и армии, занимался подготовкой трудовых резервов и распределением рабочей силы по производственным объектам. ГКО за период своей работы (до ликвидации 4 сентября 1945 г.) принял 9 тыс. 971 постановление и распоряжение, определявшее ход мобилизации народного хозяйства на нужды фронта: перевод предприятий на выпуск военной продукции, организацию военного производства, разработку новых видов военной техники, выработку металла, топлива, электроэнергии, механизм эвакуации и реэвакуации людей и предприятий. Большое внимание

уделялось формированию новых частей и соединений Красной армии, назначению руководящих кадров на фронте и в тылу, совершенствованию форм и методов руководства армией, её тыловому обеспечению, питанию бойцов и командиров, противовоздушной обороне и развитию партизанского движения. За выполнением военных заказов устанавливался жёсткий административный и партийный контроль. Поскольку все государственные, военные и общественные организации были обязаны беспрекословно подчиняться решениям ГКО, то принятые им постановления немедленно трансформировались в приказы или указания наркоматов. Приказы и директивы в считанные часы доводились до исполнителей.

Военная обстановка требовала временно перейти к нормированному снабжению населения по карточкам. С июля 1941 г. была введена карточная система. Устанавливался строгий контроль за использованием всех ресурсов, что обеспечивало бесперебойное снабжение фронта и тыла продовольствием и промышленными товарами. Карточки на хлеб вводились повсеместно, на важнейшие продовольственные товары – в 43 городах.

Критическая ситуация, сложившаяся к осени 1941 г., показала, что в условиях быстро менявшейся обстановки ГКО было трудно осуществлять оперативное руководство в прифронтовых и фронтовых районах. Поэтому «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в городах и прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой район фронта», с 22 октября 1941 г. стали создаваться городские комитеты обороны в составе: первого секретаря обкома (горкома) ВКП(б), председателя исполкома областных (городских) советов, начальника областного управления (городского отдела) НКВД и военного коменданта города. Городские комитеты обороны представляли собой военно-организационные и мобилизационные центры, их постановления могли быть отменены только ГКО, а если были связаны с военно-оборонными вопросами – военными советами фронтов. Комитеты обороны имели право объявлять город на осадном положении; проводить эвакуацию жителей; давать предприятиям специальные задания по выпуску вооружения, боеприпасов, снаряжения; формировать народное ополчение и истребительные батальоны; организовывать строительство оборонительных сооружений; производить мобилизацию населения и транспорта; упразднять или создавать учреждения и организации. В распоряжение городских комитетов обороны передавались войска НКВД, милиция, добровольческие рабочие отряды. В годы Великой Отечественной войны такие комитеты обороны были созданы в 74 крупных городах.

«Арестовать контрреволюционеров и шпионов, принять строжайшие меры против трусов, паникёров, дезертиров...»

Стремительное продвижение германских частей вглубь территории СССР, направление в тыл Красной армии десантов и диверсантов противника отрицательно влияли на настроения населения, а также на психологическое состояние Красной армии. Среди командного состава нередко возникали растерянность и паника, в окружении и плену оказались сотни тысяч советских военнослужащих.

В начале войны была проведена коренная перестройка деятельности Наркоматов госбезопасности и внутренних дел. Предстояло в короткий период времени решить сложные задачи по их мобилизационному развёртыванию и внести изменения в организационную структуру, формы и методы оперативной деятельности. 22 июня в 9:10 нарком госбезопасности В.Н. Меркулов подписал директиву, предложив всем подчинённым ему подразделениям немедленно привести весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ–УНКГБ в мобилизационную готовность, «провести изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента», вскрывать и предупреждать все возможные «вредительско-диверсионные акты в системе народного хозяйства, и в первую очередь на предприятиях оборонной промышленности и железнодорожного транспорта»; немедленно принимать «оперативные меры к пресечению всяких попыток вражеских элементов нанести ущерб советской власти». Совместно с НКВД–УНКВД предписывалось «обеспечить: охрану важнейших промышленных предприятий, железнодорожных узлов, станций, мостов, радиотелефонных, телеграфных станций, аэродромов, банков и т. д., мобилизовать внимание работников милиции на борьбу с возможными проявлениями паники, привести в готовность пожарные команды»¹⁷.

Органы госбезопасности и внутренних дел были переведены на казарменное положение и приступили к проведению мероприятий, направленных на обеспечение административного режима и правопорядка. Были взяты под особое оперативное обслуживание оборонные заводы и режимные предприятия, выставлены дополнительные милицейские посты, усилена пожарная охрана и проведены профилактические мероприятия по проверке противопожарной готовности объектов городов и населённых пунктов, проведена проверка состояния охраны объектов транспорта, организована охрана социалистической собственности, проведена проверка хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ в учреждениях и на предприятиях, усилена охрана тюрем и лагерей. Для обеспечения порядка в городах организовано патрулирование работниками милиции¹⁸.

НКГБ СССР потребовал арестовать государственных и политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии, которые с семьями в 1940 г. были административно высланы и проживали в различных городах Советского Союза под гласным надзором местных органов внутренних дел.

Архивные документы свидетельствуют, что исполнение полученных указаний началось немедленно. На следующий день, 23 июня, в НКГБ СССР стали поступать сообщения из УНКГБ краёв и областей о приведении подразделений в состояние мобилизационной готовности, усилении охраны особо важных промышленных и железнодорожных объектов, интернировании иностранных граждан, «изъятии контрреволюционного и шпионского элемента», приведении в боевую готовность пожарных команд. УНКВД по Молотовской области 23 июня сообщило: «Согласно Вашему распоряжению взят под домашний арест бывший военный министр Латвии Беркис¹⁹ и его семья. Приступили к интернированию германских подданных»²⁰. УНКГБ по Тамбовской области 23 июня – подвергнуты домашнему аресту, а 26 июня с санкции областного прокурора арестованы проживавшие в Тамбове как административно высланные бывший министр иностранных дел Литвы Ю.К. Урбшис²¹ и его жена, а также интернированы германские подданные²². 26 июня НКГБ Башкирской ССР арестован бывший президент Эстонии К.Я. Пятс²³, в этот же день в Воронеже был арестован бывший министр иностранных дел Латвии В.Н. Мунтерс²⁴. 4 июля УНКГБ по Куйбышевской области с санкции областного прокурора арестован бывший военный министр правительства Латвии И.П. Балодис²⁵.

Большинство из арестованных бывших высокопоставленных лиц Прибалтийских государств дали показания о том, что в своё время, занимая различные посты в правительствах Латвии, Литвы и Эстонии, «вели борьбу с революционным движением, с компартией и проводили враждебную политику по отношению к Советскому Союзу». Беркис, Мунтерс, Урбшис, Ульманис²⁶ и другие арестованные рассказали следователям, что «после заключения договоров о взаимопомощи между СССР и Латвией, Литвой и Эстонией бывшие руководители правительств этих стран саботировали выполнение взятых на себя обязательств, пытались создать антисоветский блок Прибалтийских государств, ориентируясь на фашистскую Германию».

УНКГБ по Красноярскому краю для обеспечения государственной безопасности принимал меры по «изъятию шпионских, белогвардейских и других антисоветских элементов, в частности активно проявляющих себя осадников²⁷, спецпереселенцев из западных областей Украины и Белоруссии, а также беженцев с территории бывшего польского государства, занятой Германией», интернированию лиц немецкой нацио-

нальности, проводил аресты и других лиц «при наличии достаточных для этого материалов»²⁸.

На основании совместной директивы НКВД СССР и Прокурора СССР, подписанной 22 июня, исправительно-трудовые лагеря, тюрьмы и колонии также были переведены на военное положение. Прекращалось освобождение «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников», а также поляков, немцев и иностранных подданных, их запрещалось использовать на работах вне охраняемых зон, содержание допускалось только в усиленно охраняемых зонах, максимально усиливалось конвоирование заключённых. Кроме того, в исправительно-трудовых учреждениях были проведены аресты заключённых, на которых имелись материалы о проведении ими анти-советской деятельности²⁹.

Правовой основой борьбы с преступностью и нарушениями законности для органов НКВД были указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б), Военных советов фронтов, изданные в военное время, а также указания И.В. Сталина. Так, в выступлении по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин говорил: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла» и повторил тезис, сформулированный 29 июня в директиве СНК и ЦК ВКП(б): «Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникёрством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица». В военные годы появились такие виды преступлений, как уклонение от мобилизации и военного учёта, убийство и покушения на убийство с целью овладения продовольственными карточками и продуктами питания, а также хищение имущества эвакуированных граждан и военнослужащих. Последний вид преступления был обусловлен неудовлетворительным учётом и охраной этого имущества.

С первых дней войны немецкая разведка приступила к заброске в тыл Красной армии парашютных десантов и диверсантов для совершения диверсий на объектах промышленности и транспорта, нарушений линий связи. В целях своевременной и успешной ликвидации диверсантов противника СНК СССР 24 июня принял постановление возложить на органы НКВД организацию борьбы против парашютистов и диверсантов на территории Калининской, Ленинградской, Мурманской, Ростовской областей, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Литовской, Латвийской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Краснодарского края и западной части Грузинской ССР. В этих целях на основе решений ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов и райкомов партии в июле 1941 г. в прифронтовой полосе было создано 1755 истребительных батальонов³⁰ по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника общей

численностью 328 тыс. человек. В случае угрозы оккупации территории противником истребительные батальоны преобразовывались в партизанские отряды. Для координации деятельности истребительных батальонов и обеспечения успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе в НКВД СССР был образован штаб, а в НКВД – УНКВД по Калининской, Ленинградской, Мурманской, Ростовской областям, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Литовской, Латвийской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Краснодарскому краю и западной части Грузинской ССР – оперативные группы. Начальниками истребительных батальонов назначались опытные оперативные сотрудники органов безопасности.

Совместно с органами НКВД решительную борьбу с парашютными десантами противника, диверсионными и «бандитско-повстанческими группами, организованными контрреволюционными элементами» с первых дней войны вели и органы госбезопасности. Соответствующие указания по этому поводу были зафиксированы 24 июня в директиве НКГБ СССР. В.Н. Меркулов, подписавший директиву, указывал, чтобы информация о положении дел на местах не реже двух раз в сутки всеми доступными способами направлялась в НКГБ СССР. Он требовал «решительно пресекать проявления паники и растерянности среди оперативного состава органов НКГБ, арестовывать паникёров и трусов», а также предложил «форсировать эвакуацию арестованных, в первую очередь из районов, в которых создалось напряжённое положение»³¹.

Первая публикация о положении на фронте в виде сводок Главного военного командования Красной армии появилась в газете «Правда» 23 июня. Текст сводки редактировал лично И.В. Сталин, после чего было дано разрешение на печать. На следующий день в «Правде» появилась очередная сводка Главного командования³².

«В целях сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, а также по освещению военных событий» 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР было образовано Советское бюро военно-политической пропаганды (Совинформбюро). В годы войны Совинформбюро осуществляло централизованное руководство всей информацией. Правительственные сообщения о событиях на фронтах готовили начальники разведывательного управления и оперативного управления Генштаба, после чего они редактировались Сталиным и передавались в Совинформбюро. Первое сообщение Советского информбюро о военных действиях прозвучало по радио 24 июня. С того дня все сообщения о военных действиях стали передаваться только Советским информбюро-

ро³³. Таким образом, была установлена монополия на распространение информации о военных действиях³⁴.

Следующим шагом в этом направлении стало постановление СНК СССР, утверждённое 25 июня Политбюро ЦК ВКП(б), о сдаче населением радиоприёмных и передающих устройств. «Учитывая, что в связи с обстоятельствами военного времени радиоприёмники и передатчики могут быть использованы вражескими элементами в целях, направленных во вред советской власти», СНК СССР обязал «всех без исключения граждан, проживающих на территории СССР и имеющих у себя радиоприёмники (ламповые, детекторные и радиолы), в пятидневный срок сдать их органам Наркомата связи по месту жительства. Обязательной сдаче подлежат также радиопередающие устройства всех типов, как индивидуального, так и коллективного пользования... Установить, что лица, не сдавшие в установленный срок свои радиоприёмники и передатчики, подлежат уголовной ответственности по закону военного времени. Возложить на органы Наркомвнудела и государственной безопасности наблюдение за выполнением постановления. Обязать органы Наркомвнудела и государственной безопасности оказать содействие органам Наркомата связи в деле организации сдачи населением всех... радиоустройств»³⁵.

По данным НКВД СССР, в ряде районов «в пользовании отдельных граждан и учреждений продолжали находиться радиоприёмники, а также не соблюдался режим пользования приёмниками для коллективного слушания». 6 декабря 1941 г. Л.П. Берия подписал указание наркомам внутренних дел республик и начальникам УНКВД краёв и областей, в котором отметил, что радисты ведомственных радиостанций «слушают фашистские радиопередачи и распространяют их среди населения». Берия потребовал «изъять все без исключения радиоприёмники, находившиеся в индивидуальном пользовании (как на квартирах, так и в учреждениях), не допуская при этом никаких исключений, а также проверить работников трансляционных узлов и ведомственных радиостанций, а также порядок эксплуатации приёмников коллективного пользования»³⁶.

Вполне оправданной мерой принуждения в условиях начавшейся войны стала директива НКГБ СССР от 25 июня, предписывавшая всем наркомам госбезопасности союзных и автономных республик, начальникам УНКГБ краёв и областей «интернировать всех итальянских, финских, румынских, венгерских, словацких подданных. До особого распоряжения всех интернированных содержать под охраной»³⁷.

По данным НКГБ СССР, германские разведывательные органы в целях дезорганизации деятельности советского тыла, создания паники среди населения, главным образом прифронтовой полосы, через

свою агентуру распространяли слухи о приближении немецких войск. 26 июня В.Н. Меркулов предложил всем наркомам государственной безопасности республик, начальникам управлений НКГБ краёв и областей арестовывать и предавать суду военного трибунала всех лиц, занимавшихся распространением панических слухов, пытавшихся внести дезорганизацию среди населения³⁸.

Постепенно уголовная ответственность за совершение такого преступления, как измена Родине (или даже подозрение в его совершении), стала распространяться и на членов семей изменников Родины. 28 июня подписан совместный приказ НКГБ СССР, НКВД СССР и Прокуратуры СССР, который определял порядок проведения следствия по делам об изменниках Родины и их судебного рассмотрения. Следствие надлежало проводить в кратчайший срок, дела рассматривать в военных трибуналах вне очереди – заочно. Члены семей привлекались к ответственности в любом случае, даже если они не только не способствовали совершению конкретного факта измены Родине, но и не знали о подготовке к совершению данного события. Такая практика являлась грубым нарушением законности и впоследствии получила осуждение. Нарушение законности состояло и в том, что совместный приказ ориентировал следственные органы при расследовании данной категории дел руководствоваться не уголовно-процессуальными нормами, а инструкцией НКВД СССР³⁹.

Особым отделам НКВД было предоставлено право арестовывать «дезертиров и лиц, вернувшихся из плена», без предварительной санкции прокурора. Главным военным прокурором Красной армии В.И. Носов разъяснял, что лица, сдавшиеся в плен без сопротивления, являются изменниками «и только поэтому подлежат строжайшей ответственности»⁴⁰.

С началом войны советское государственное и партийное руководство (ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР), а также военное командование (Ставка ВГК, руководство НКО) нуждались в достоверной информации о политических настроениях⁴¹ военнослужащих Красной армии и флота, войск НКВД, а также гражданского населения. Особое место в контроле общественных настроений занимали органы военной цензуры⁴². В связи с военной обстановкой в стране, «в целях пресечения разглашения государственных и военных тайн и недопущения распространения через почтово-телеграфную связь всякого рода антисоветских, провокационно-клеветнических и иных сообщений, направленных во вред государственным интересам Советского Союза», В.Н. Меркулов 6 июля представил Сталину предложения и проект постановления ГКО о мерах по усилению политического контроля международной и внутренней почтово-телеграфной корреспонденции, а также о введении военной цензуры в областях СССР, объявленных на военном положении. В тот же

день ГКО принял постановление № 37сс, в котором предусматривалось от имени Наркомата связи опубликовать правила приёма и отправления международной и внутренней почтово-телеграфной корреспонденции в военное время. Перед НКГБ СССР ставилась задача организовать 100-процентный просмотр писем и телеграмм, идущих из фронтовой полосы. В областях, объявленных на военном положении, вводилась военная цензура. Осуществление военной цензуры поручалось органам НКГБ и Третьим Управлениям НКО и НКВМФ (военная контрразведка). Прекращался почтово-телеграфный обмен со странами, воюющими с СССР и порвавшими с ним отношения⁴³.

При военно-почтовых сортировочных пунктах, военно-почтовых базах, военно-почтовых отделениях и станциях были образованы отделения военной цензуры, осуществлявшие гласный политический контроль всей входящей и исходящей переписки частей Красной армии и Военно-морского флота, а также просматривавшие часть корреспонденции, адресованной на фронт. Вскрывалась и просматривалась вся входящая и исходящая корреспонденция по армии и флоту. Военным цензорам требовалось не только предотвращать разглашение военной тайны, но и не допускать через красноармейскую почту распространения антисоветских, провокационных, клеветнических и иных политически вредных высказываний. Подлежали конфискации наряду с антисоветскими, провокационно-клеветническими, шифрованными кодированными и подозрительными по содержанию письмами также все письма, в которых содержались военная тайна и не подлежавшие оглашению сведения (о составе, численности и наименовании частей Красной армии и Военно-морского флота; о месте расположения и передвижении соединений армии и флота; о фамилиях старшего и высшего командно-политического состава; о характере работ по устройству укрепленных пунктов, их вооружении и численности гарнизонов; о комплектовании новых соединений; о воинских перевозках; о ходе боёв на фронтах, количестве убитых и раненых, результатах бомбардировок; об эпидемиях и заболеваниях в тылу и в армии; о железнодорожных катастрофах; о планах намечаемых или проведенных операций; о ходе выполнения приказов военного ведомства; о продовольственных затруднениях в тылу и просьбах о высылке фиктивных документов для получения отпуска)⁴⁴.

Для того чтобы остановить отступление и прекратить «дезорганизацию советских войск», восстановить управление войсками и предотвратить массовое дезертирство, по мнению советского руководства, необходимо было активнее использовать судебное и внесудебное принуждение. В этих целях постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. Третье управление НКО (военная контрразведка) было преобразовано в

Управление особых отделов и вошло в состав НКВД СССР. К полномочиям Управления особых отделов, начальником которого был назначен В.С. Абакумов, относились: борьба с изменой Родине, шпионажем, предательством, дезертирством и преступной деятельностью в частях Красной армии, информирование руководства страны о реальном положении дел на фронте и в тылу, правильности действий войсковых командиров, явлениях, мешавших укреплению обороноспособности. Особым отделам НКВД предоставлялось право ареста дезертиров, а в необходимых случаях «уничтожение предателей, шпионов и дезертиров, их расстрела на месте». Несколько позднее, 10 января 1942 г., ГКО постановил «преобразовать органы Третьего управления НКВМФ, флотов, флотилий и соединений в особые отделы» и подчинить их Управлению особых отделов НКВД СССР или особому отделу флота. В составе Управления особых отделов – организовать отдел по обслуживанию Военно-морского флота.

В июле 1941 г. приняты меры, направленные на централизацию управления деятельности органов государственной безопасности и внутренних дел, 20 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат внутренних дел и Наркомат госбезопасности были объединены в единый Наркомат внутренних дел СССР.

Борьба органов госбезопасности с «контрреволюционерами, изменниками Родины, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов» привела к тому, что к осени 1941 г. республиканские, краевые и областные тюрьмы НКВД оказались переполненными заключёнными. Одни ожидали окончания следствия и проведения судебного разбирательства, другие, приговорённые военными трибуналами и местными судебными органами к высшей мере наказания, – утверждения приговора высшими судебными инстанциями. Для того чтобы освободить места в тюрьмах для новых контингентов заключённых, Л.П. Берия принимал энергичные меры, делая это в соответствии с установившейся практикой работы репрессивных аппаратов. Решения, как поступить с арестованными, принимались на самом высшем уровне. Так, по указанию «директивных органов СССР» и предписанию Л.П. Берия 28 октября и 1 ноября в Куйбышеве были расстреляны заключённые, содержащиеся во внутренней тюрьме УНКВД по Куйбышевской области⁴⁵.

15 ноября Л.П. Берия направил записку И.В. Сталину, в которой предложил разрешить НКВД СССР в отношении всех заключённых, приговорённых к высшей мере наказания и содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями, привести их в исполнение. Через два дня, 17 ноября 1941 г., Сталин подписал постановление ГКО № 903сс, в котором дословно было повторено предложение Берия «разрешить НКВД СССР в отношении

всех заключённых, приговорённых к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями, привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых, областных судебных органов». Кроме того, ГКО предоставил Особому совещанию при НКВД СССР право с участием Прокурора СССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела⁴⁶.

Для исполнения постановления ГКО Берия 21 ноября 1941 г. подписал приказ НКВД СССР, указав наркому внутренних дел республик, начальникам областных управлений НКВД, начальникам транспортных отделов НКВД и начальникам особых отделов округов «впредь без всякого исключения законченные следствием дела, возникающие в органах НКВД» о контрреволюционных и особо опасных преступлениях направлять на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР⁴⁷.

Среди чрезвычайных мер в законодательстве СССР в годы войны беспрецедентными являются постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), указы Президиума Верховного Совета СССР о депортации населения.

Депортации как одна из форм политических репрессий, предпринятых государством по отношению к своим гражданам или подданным других государств с применением силы или принуждения, имеют некоторые особенности. Во-первых, они носят административный или внесудебный характер. Во-вторых, депортации проводятся по спискам и направлены не на конкретное лицо, а на весьма многочисленную группу лиц, отвечающую заданным критериям. Решение о депортации принимались, как правило, руководителями правительства и партии по инициативе органов НКВД. Третьей особенностью депортации является установка на перемещение людей из привычной среды обитания в новую. При этом места вселения отстоят от мест выселения подчас тысячи километров⁴⁸.

В указе Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», изданном 22 июня 1941 г., военным властям в местностях, объявленных на военном положении, предоставлялось право выселять из них в административном порядке всех лиц, признанных социально опасными как по своей преступной деятельности, так и по связям с преступной средой. В случае принятия решения о выселении лиц, признанных социально опасными, его реализация возлагалась на органы НКВД.

В годы Великой Отечественной войны первыми принудительному переселению подверглись советские немцы и финны, отнесённые к потенциально опасной категории лиц исключительно по своей этнической принадлежности к гитлеровской Германии и Финляндии. Это были так

называемые превентивные депортации, то есть наказание за принадлежность к национальности.

12 августа 1941 г. было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о расселении немцев Поволжья в Казахстане. Указ Президиума Верховного Совета СССР о переселении немцев, проживающих в районах Поволжья, был подписан 28 августа. Эти немцы обвинялись в том, что среди них имеются десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу из Германии должны произвести взрывы. В августе и сентябре 1941 г. на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. и указа Президиума Верховного Совета СССР НКВД СССР провёл выселение немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей. 28 августа 1941 г. был создан Отдел спецпоселений НКВД СССР⁴⁹. В АССР Немцев Поволжья, Саратовскую и Сталинградскую области для руководства операцией по переселению была направлена группа руководящих работников НКВД СССР во главе с заместителем наркома внутренних дел И.А.Серовым⁵⁰. Операция по переселению немцев Поволжья проходила с 3 по 20 сентября. Из Республики Немцев Поволжья были вывезены 376 тыс. 717 человек, из Саратовской области – 46 тыс. 706 человек, из Сталинградской области – 26 тыс. 245 человек. Всего по трём областям было погружено 176 эшелонов, 16 пароходов с 10 баржами. Немцев вывозили главным образом в Казахскую ССР, а также в Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области. В населённые пункты, освободившиеся от немецких переселенцев, Совет по эвакуации направлял лиц, выезжавших из Курской, Орловской областей и Украинской ССР.

29 августа уполномоченные ГКО В.М. Молотов, Г.М. Маленков и А.Н. Косыгин, а также секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданов приняли решение о «немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 тыс. человек». Организация переселения была поручена НКВД. В ходе операции подлежали высылке 88 тыс. 700 финнов и 6 тыс. 500 немцев, проживавших в Ленинградской области⁵¹.

После выселения немцев Поволжья началось насильственное переселение немцев из других регионов страны⁵². В сентябре ГКО принял три постановления. 6 сентября 1941 г. – о переселении с 10 по 15 сентября 8 тыс. 617 человек из Москвы и Московской области, а также с 15 по 20 сентября 21 тыс. 400 человек из Ростовской области в Казахскую ССР. 21 сентября – о переселении 141 тыс. 240 немцев из Краснодарского и Орджоникидзевского краёв, Тульской области и Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР. 22 сентября – о переселении 109 тыс. 487 немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей.

В октябре 1941 г. ГКО издал ещё несколько постановлений. 8 октября – о переселении в период с 15 по 22 октября из Воронежской области в Новосибирскую и Омскую 5 тыс. 125 немцев, а также о высылке немцев с 15 по 30 октября из Закавказья в Казахстан и Новосибирскую область (из Грузии – 23 тыс. 580; из Азербайджана – 22 тыс. 741; из Армении – 212 человек). Операция по переселению немцев из Горьковской области проходила с 20 по 23 октября. 22 октября было подписано постановление о переселении немцев из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР. С 25 по 30 октября подлежали выселению в Казахстан 4 тыс. 574 человека⁵³.

В ноябре на основании распоряжений СНК СССР (от 2 ноября и 21 ноября) с 3 по 10 ноября переселялись немцы из Калмыцкой АССР и с 1 по 5 декабря – из Куйбышевской области.

Под особым вниманием НКВД СССР находились города Москва и Куйбышев, куда были эвакуированы часть государственных учреждений и дипломатический персонал. Именно поэтому в Москве и Куйбышеве проводились социальные чистки «антисоветского и социально опасного элемента». Так, 18 ноября Л.П. Берия приказал в 10-дневный срок провести полный учёт всех лиц, судившихся за различные контрреволюционные преступления, семей репрессированных, а также дополнительно выявить проживающих лиц немецкой, финской, итальянской, румынской и венгерской национальности. Лиц, проявивших антисоветские действия, арестовать и передать в военные трибуналы. Нарушителей паспортного режима штрафовать в установленном порядке и выселять из города. В декабре 1941 г. на основании приказа НКВД СССР об очистке Куйбышева от сомнительных элементов ранее высланные из Ленинграда бывшие дворяне, фабриканты, жандармы и другие лица в административном порядке переселялись в Алтайский край. Организацией переселения руководил заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов⁵⁴.

Кто виноват и что делать?

В первые дни и недели боевых действий для Советского Союза складывалась крайне неблагоприятная военно-политическая и оперативная обстановка. Чтобы понять причины трагического для Красной армии начала войны, обратимся к источникам (архивным документам, дневникам и воспоминаниям участников Великой Отечественной войны), а также к научным исследованиям, посвящённым событиям 1941 г.

Во-первых, это были просчёты советского военно-политического руководства в оценке сроков нападения Германии на СССР. Сталин был убеждён, что войны в 1941 г. не будет, он считал, что Гитлер не нападёт на СССР, пока не завершит боевые действия против Англии.

Эта убеждённость И.В.Сталина передавалась и командному составу Красной армии, что порождало среди отдельных высокопоставленных военных благодушные настроения. Об этом информировала военная контрразведка, но, к сожалению, уже после начала Великой Отечественной войны. В архивных документах зафиксированы слова одного из руководителей Прибалтийского особого военного округа: «Немец не нападёт, и нечего приводить части в боеготовность. Хотя Германия и фашистская страна, но момент, когда она может начать войну против СССР, ещё не назрел, и что просто у нас от страха расширяются зрачки». Кроме того, военная контрразведка приводила факты беспечности накануне войны⁵⁵.

Во-вторых, в войсках Западного, Киевского и Прибалтийского особых военных округов не было завершено формирование механизированных корпусов, перевооружение авиации, формирование войск ПВО, а также оказался не подготовленным театр военных действий (не завершены строительство укрепленных районов непосредственно по рубежу новой государственной границы, реконструкция железных дорог, не подготовлена аэродромная сеть, системы связи, тыловые склады, базы и т. д.)⁵⁶.

Неподготовленность театра военных действий была связана с тем, что в 1939–1940 гг. государственные границы СССР были передвинуты на запад. Первое приращение территорий произошло после того как 17 сентября 1939 г. части Красной армии в соответствии с секретным протоколом⁵⁷ о разделении «сфер влияния» между Германией и СССР в Восточной Европе вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. В 1940 г. части Красной армии вступили в Бессарабию и Северную Буковину, советские воинские контингенты были введены на территорию Литвы, Латвии и Эстонии. После создания просоветских правительств, проведения выборов и обращения народных сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии с просьбой о вступлении в СССР, в августе 1940 г. принят закон СССР о вхождении Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. Именно на эти новые территории (Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии) в 1940 г. были передислоцированы первые эшелоны войск западных округов. В то же время ещё до завершения строительства новых оборонительных рубежей были разрушены укрепления на старой границе СССР. Проект строительства укрепленных районов, утверждённый Сталиным в 1940 г., был рассчитан на несколько лет. Строительство укрепленных районов к июню 1941 г. не было завершено, между укрепленными районами были промежутки, доходившие до 50–60 км по фронту.

В-третьих, к началу войны в западных военных округах⁵⁸ войска и штабы оказались не подготовленными к ведению боевых действий,

что поставило советские войска в крайне невыгодные условия. Группировки войск западных военных округов не соответствовали обстановке, было проведено ошибочное сосредоточение главных сил Красной армии на Украинском направлении, в то время когда А. Гитлер ударил своими главными силами с Белорусского направления. О допущенных в предвоенный период роковых ошибках пишет в своих мемуарах Г.К. Жуков: «И.В. Сталин был убеждён, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь... Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника он допустил ошибку»⁵⁹.

В-четвёртых, репрессии 1937–1938 гг., которые Сталин развернул против командного состава Красной армии, крайне негативно сказались на морально-психологическом состоянии офицеров. В результате репрессий на командные должности назначались офицеры, не имевшие опыта руководства воинскими коллективами и опыта организации боевых действий⁶⁰.

Документы Центрального архива ФСБ России свидетельствуют, что репрессии в отношении военных продолжились и в 1940–1941 гг. Так, накануне войны в мае – июне 1941 г. подразделениями военной контрразведки по ложным обвинениям была арестована большая группа генералов. В мае – июне 1941 г. по обвинению в контрреволюционной антисоветской деятельности были арестованы генералы Красной армии, ранее служившие в буржуазных армиях Латвии, Литвы и Эстонии. По ложным обвинениям за «участие в антисоветском военном заговоре» была арестована группа генералов ВВС (А.А. Лёвин, П.И. Пумпур, А.И. Филин, Э.Г. Шахт и др.), а также другие генералы Красной армии. Даже после того как начались боевые действия, запущенный механизм репрессий продолжал набирать обороты и аресты продолжались. Так, в конце июня 1941 г. с согласия И.В. Сталина были арестованы генерал армии К.А. Мерецков⁶¹, генерал-полковники Г.М. Штерн⁶² и А.Д. Локтионов⁶³, начальник Главного управления ВВС Красной армии, одновременно являвшийся заместителем наркома обороны СССР, генерал-лейтенант П.В. Рычагов⁶⁴, начальник Военной академии ВВС Красной армии генерал-лейтенант авиации Ф.К. Арженухин⁶⁵, начальник штаба ВВС Красной армии генерал-майор авиации П.С. Володин⁶⁶, начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта генерал-майор Н.А. Ласкин⁶⁷, командующий ВВС 7-й армии генерал-лейтенант ВВС И.И. Проскуров⁶⁸ и многие другие. В то время, когда германская авиация, имея полное превосходство в воздухе, наносила удары по частям и соединениям Красной

армии, а также по мирным городам и населённым пунктам Советского Союза, генералы ВВС Красной армии по ложным обвинениям находились в заключении и не могли ни участвовать в боевых действиях, ни обучать лётный состав.

Аресты по обвинению в «участии в военно-фашистском заговоре» проводились как среди генералов действующей Красной армии, так и среди тех, кто преподавал в военных учебных заведениях, например, как «участники антисоветской группы» была арестована группа генералов Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе⁶⁹. Арестованные в течение всей войны находились под арестом, следствие велось неспешно; тех, кто дожил до суда в 1951–1952 гг., приговорили к 25 годам лишения свободы. Лишь после смерти Сталина началась реабилитация необоснованно репрессированных лиц, в том числе и большой группы генералов Красной армии, осуждённых к длительным срокам или расстрелянных в военные годы.

Как известно, группировкам трёх германских армий удалось в короткие сроки захватить территорию Латвии, Литвы, часть Эстонии, значительную часть Украины, почти всю Белоруссию и Молдавию. Германские войска вышли на дальние подступы к Ленинграду, захватили Смоленск, угрожали Киеву. Соединения первого эшелона Красной армии понесли огромные потери, многие из них погибли или были рассеяны. Решающее значение в дезорганизации некоторых частей и соединений имело большое превосходство противника в танках и авиации. Авиация противника, имевшая полное превосходство в воздухе, своими непрерывными и безнаказанными действиями наносила большие потери войскам Красной армии и лишала их способности к сопротивлению⁷⁰.

Белорусская оборонительная операция, продолжавшаяся с 22 июня по 9 июля, завершилась отходом советских войск на глубину 450–600 км и оккупацией противником почти всей территории Белоруссии, в том числе и г. Минска. За 18 дней войска Западного фронта потерпели тяжёлое поражение. Окружение сил Западного фронта летом 1941 г. стало одной из основных трагедий Великой Отечественной войны. Оно во многом определило дальнейшее неблагоприятное развитие обстановки в 1941 г. на всём советско-германском фронте. Безвозвратные потери советских войск в ходе Белорусской оборонительной операции составили 341 тыс. человек.

В этот же период с 22 июня по 9 июля проходила и оборонительная операция в Прибалтике, завершившаяся отступлением войск Северо-Западного фронта на глубину до 450 км. Группа германских армий «Север» заняла Вильнюс, Ригу, Псков, почти всю территорию Прибалтики. Безвозвратные потери советских войск составили 75 тыс. человек. Общим итогом оборонительной операции в Западной Украине, проходившей

с 22 июня по 6 июля, стал отход советских войск на глубину 250–300 км. В тяжелейших приграничных сражениях Юго-Западный фронт и 18-я армия Южного фронта понесли безвозвратные потери свыше 172 тыс. человек. Потерпели поражение и войска Южного фронта, проводившие со 2 по 21 июля оборонительную операцию в Северной Буковине и Бессарабии.

С 7 июля по 26 сентября продолжалась Киевская оборонительная операция войск Юго-Западного фронта при содействии 21-й армии Центрального (затем Брянского) фронта, 6-й и 12-й армий Южного фронта и части сил Пинской флотилии, основной целью которой являлось отражение наступления немецких войск на Киев, предотвращение их прорыва на Левобережную Украину. 16 сентября Л.П. Берия информировал ГКО о том, что противник с 15 сентября начал артиллерийский и миномётный огонь по переднему краю обороны Киева, после чего перешёл в наступление, ввёл в бой танки. «Отсутствие общего плана обороны Киева сопровождалось общей растерянностью и неорганизованностью»⁷¹. В результате упорных боёв войска Юго-Западного фронта были вынуждены оставить Киев и ряд районов Левобережной Украины, часть советских войск оказалась в окружении. Войска группы германских армий «Юг» продвинулись на 600 км вглубь Украины. Безвозвратные потери советских войск составили свыше 616 тыс. человек.

Оборона Киева отвлекла на себя значительные силы немецкой армии, более чем на месяц задержала наступление немцев на восток. Это сыграло важную роль в срыве гитлеровского плана «молниеносной войны», безостановочного наступления на Москву.

Одной из важнейших военно-политических целей в войне Германии против СССР являлось овладение Ленинградом. Ленинградская оборонительная операция началась 10 июля и продолжалась до 30 сентября 1941 г. Её целью являлось удержать город – крупнейший политический и экономический центр Советского Союза, а также нанести противнику максимально возможный урон. С первых дней войны Ленинград оказался между двух огней. С юго-запада через Прибалтику к нему устремилась немецкая группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. фон Лееб). С севера и северо-запада к городу пыталась прорваться финская армия (главнокомандующий маршал К. Маннергейм). В обороне Ленинграда принимали участие войска Северного (с 23 августа – Ленинградского), Северо-Западного фронтов при содействии сил Балтийского флота и Чудской военной флотилии. Несмотря на упорную борьбу, советские войска не смогли остановить противника на дальних подступах к Ленинграду. Ценой больших потерь противнику удалось захватить Эстонию, значительную часть Ленинградской области

и прорваться к городу. Безвозвратные потери советских войск в ходе оборонительной операции – 214 тыс. человек.

В результате проведённой оборонительной операции советских войск в Заполярье и Карелии (29 июня – 10 октября) вражеские войска были измотаны, обескровлены и окончательно остановлены на всех направлениях. Замысел противника по овладению сухопутными и морскими коммуникациями на севере СССР полностью провалился. На юге Карелии усилиями 7-й армии был предотвращён план по соединению финских и германских войск с целью создания второго кольца блокады вокруг Ленинграда. Активные действия советских войск сковали более 20 дивизий противника, лишив вермахт возможности перебросить их на другие участки советско-германского фронта. Безвозвратные потери советских войск в операции составили свыше 67 тыс. человек⁷².

Уже в начале июля руководству страны стало ясно, что противник скоро окажется под Москвой. ГКО принимает постановление о мобилизации и отправке населения на оборонительные работы. «Мобилизовать и направить на оборонительные работы, выполняемые НКВД, местное население не моложе 18 лет, годное к физическому труду. Мобилизуемые должны явиться со своими лопатами, кроме того, по возможности, с топорами, кирками, ломками, одетыми по сезону, снабжёнными тёплым бельём, рабочей обувью, продовольствием на две недели». Всего в строительстве оборонительных рубежей летом и осенью 1941 г. по стране было задействовано около 10 млн человек⁷³.

Усиливая оборону на московском направлении, ГКО 29 июля признал необходимым объединить части Западного фронта с частями Главного командования западного направления в единый Западный фронт (командующий фронтом – С.К. Тимошенко), резервные армии⁷⁴ Вяземско-Ржевской линии преобразовывались в Резервный фронт, командующим которого был назначен Г.К. Жуков. Он освобождался от должности начальника Генерального штаба РККА. Начальником Генштаба был назначен Б.М. Шапошников⁷⁵.

К середине июля основные события развернулись на западном направлении. С 10 июля по 10 сентября проходило Смоленское сражение, основной целью которого было не допустить прорыва немецких войск на Москву. С 10 по 20 июля немецкие войска прорвали оборону Западного фронта на правом крыле и в центре. Подвижные соединения противника продвинулись до 200 км, окружили Могилёв, захватили Оршу, часть Смоленска, Ельню, Кричев. С 21 июля по 7 августа советские войска предприняли контрнаступление. Хотя разгромить смоленскую группировку противника не удалось, советские войска сорвали наступление группы армий «Центр» на Москву. Первого значительного успеха советские войска добились под Ельней. За отличия в Ельнинской

операции приказом наркома обороны от 18 сентября 1941 г. четырём лучшим стрелковым дивизиям 24-й армии, первым в Красной армии, были присвоены звания гвардейских дивизий. Смоленское сражение стало важным этапом в срыве гитлеровского плана «молниеносной войны» против СССР. Однако это советским войскам досталось дорогой ценой, безвозвратные потери составили свыше 486 тыс. человек.

Для того чтобы объяснить населению, почему части Красной армии не могут защитить свою территорию и продолжают отступать, Сталин и его окружение прибегают к испытанному ещё в 1937–1938 гг. способу – поиску «заговорщиков» среди высокопоставленных военных и их публичному наказанию. 4 июля 1941 г. ГКО принимает постановление «об аресте и предании суду военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова⁷⁶, бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора В.Е. Климовских и других». В постановлении ГКО отмечалось, что хотя «части Красной армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей», однако наряду с этим ГКО признавал, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникёрство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих от обнаглевшего противника». ГКО призывал принимать «строжайшие меры против трусов, паникёров, дезертиров», которые были «хуже врага, ибо они не только подрывают наше дело, но и порочат честь Красной армии». Расправа с паникёрами, трусами и дезертирами объявлялась «священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной армии». Командование Западного фронта обвинялось «в трусости, бездействии, отсутствии распорядительности, развале управления войсками, сдаче оружия противнику без боя и самовольном оставлении боевых позиций»⁷⁷.

Характер постановления ГКО не оставлял надежд на объективное следствие и независимое судебное разбирательство. В обвинительном заключении, которое было готово уже 21 июля, отмечалось: «Павлов признал, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабляя мобилизационную готовность войск округа, и из жажды мести за разгром заговора открыл фронт врагу». На следующий день 22 июля состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда, приговорившей всех четверых к расстрелу.

Как не справившийся со своими обязанностями был снят с занимаемой должности командующий войсками Северо-Западного фронта генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, такая же участь постигла его ближайших помощников.

Поиск виновных в оставлении Смоленска привёл к тому, что 21 июля 1941 г. Особым отделом НКВД 16-й армии был арестован начальник Смоленского гарнизона полковник П.Ф. Малышев⁷⁸. Его обвинили в том, что не обеспечил выполнение приказа командующего войсками Западного округа об организации обороны г. Смоленска, бросил свой пост и скрылся, в результате чего противник беспрепятственно занял город. 2 августа Военный трибунал Западного фронта, рассмотрев следственное дело по обвинению П.Ф. Малышева, возвратил его на следствие и предложил создать военную экспертную комиссию оперативного отдела штаба Западного фронта⁷⁹. Комиссия рассмотрела обстоятельства оставления г. Смоленска 15–16 июля 1941 г. и пришла к выводу, что полковником П.Ф. Малышевым были выполнены все мероприятия по обороне города в соответствии с приказом командующего войсками Западного округа. Войска, оборонявшие город, были сборные и недостаточно обученные, что исключало возможность организовать за короткий срок достаточно прочную и устойчивую оборону. Ввиду отсутствия у начальника гарнизона штаба и средств связи управление разрозненными группами пехоты и артиллерии было неосуществимо. Оборона города в сложившейся обстановке была сложной задачей и не могла быть решена слабыми силами гарнизона Смоленска⁸⁰.

Продолжавшееся отступление Красной армии побуждало Сталина искать пути повышения стойкости советских частей и соединений. В целях борьбы с паникёрами, трусами, пораженцами, самовольно оставившими позиции без приказа высшего командования, 12 августа 1941 г. он подписал приказ наркома обороны СССР, в котором военным советам действующих армий было разрешено предавать суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава до командира батальона включительно. Приказ, с одной стороны, сыграл определённую роль в усилении сопротивления врагу, а с другой – имел негативные последствия, когда суду военного трибунала предавались лица, не совершившие никаких преступлений, а отступившие под натиском превосходящих сил противника.

16 августа И.В. Сталин, В.М. Молотов, С.М. Будённый, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников и Г.К. Жуков подписали приказ № 270, до сих пор вызывающий острые дискуссии. Приказ был направлен всем членам и кандидатам ЦК, секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий, председателям областных и краевых исполкомов, СНК союзных республик, всем секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов и имел гриф «Без публикации». В приказе подчёркивалось, что «в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут

себя безупречно, мужественно, а порой прямо героически». Приводились примеры, когда части Красной армии, даже попав в окружение, сохраняли дух стойкости и мужества, не сдавались в плен, старались выйти из окружения. В то же время в приказе было отмечено, что «мы не можем скрывать и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам». Утверждалось, что проявил трусость и сдался в плен командующий 28-й армией генерал-лейтенант В.Я. Качалов⁸¹, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу командующий 12-й армией генерал-лейтенант П.Г. Понеделин⁸², дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н.К. Кириллов⁸³. В приказе обращалось внимание на то, что «члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качалову, Понеделину, Кириллову и другим сдать в плен врагу». В приказе подчёркивалось, что командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, – считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаваться ему в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи»⁸⁴.

Руководствуясь приказом Ставки ВГК № 270, 2 октября 1941 г. Главная военная прокуратура Красной армии возбудила в отношении Понеделина и Кириллова уголовные дела по обвинению их в совершении преступления, предусмотренного ст. 58 п. 1 «а» УК РСФСР. Уголовные дела были заочно рассмотрены Военной коллегией Верховного суда СССР, которая на закрытом судебном заседании 13 октября 1941 г. признала Понеделина и Кириллова виновными и приговорила каждого к расстрелу с лишением воинского звания⁸⁵.

Командиры и комиссары дивизий наделялись правами смещения командиров батальонов и полков, снижения их в должности до рядовых, а при необходимости и расстрела на месте. От бойцов и командиров требовалось, чтобы они сражались в бою до последнего.

Чрезвычайные меры предусматривались и в отношении миллионов советских граждан, в том числе большей части семей воинов Красной армии, оказавшихся на захваченных противником территориях. 30 августа 1941 г. Берия направил всем начальникам особых отделов фронтов и армий директиву об усилении мероприятий по предотвращению измены Родине в частях Красной армии. Следовало усилить оперативную работу среди военнослужащих, семьи которых находились на занятой противником территории, взять под наблюдение лиц, интересовавшихся фашистскими листовками. Нарком внутренних дел приказал немедленно арестовывать тех, у кого окажутся спрятанные фашистские листовки, служившие пропуском для перехода к врагу, а также тщательно расследовать каждый случай измены, выявляя сообщников и укрывателей, устанавливая виновность оперативного состава в ослаблении работы.

В соответствии со ст. 133 Конституции СССР нарушение присяги, влекущее, согласно требованиям приказа № 270, расстрел на месте, рассматривалось, наряду с переходом на сторону врага, «нанесением ущерба военной мощи государства» и «шпионажем», как одна из форм измены Родине, то есть приравнивалось к совершению государственного контрреволюционного преступления, предусмотренного ст. 58-16 УК РСФСР.

12 сентября 1941 г. уполномоченные ГКО Л.З. Мехлис и К.А. Мерецков направили сообщение на имя Сталина. В нём говорилось, что на основании приказа Ставки № 270 по устному решению уполномоченных ГКО по обвинению в «дезорганизации управления артиллерией и личной трусости» перед строем командиров штаба 34-й армии был расстрелян начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор артиллерии В.С. Гончаров⁸⁶.

Аналогичная ссылка на приказ Ставки № 270 содержится в приказе войскам Северо-Западного фронта № 057 от 12 сентября 1941 г., подписанном командованием этого фронта, а также уполномоченными Ставки ВГК Н.А. Булганиным, Л.З. Мехлисом и К.А. Мерецковым. Этим приказом отстранён от командования армией, арестован и предан суду командующий 34-й армией генерал-майор К.М. Качанов⁸⁷. Следствие продолжалось менее двух недель, и 25 сентября 1941 г. Качанову было предъявлено обвинение в том, что он не выполнил приказ Военного совета Северо-Западного фронта № 047 от 8 сентября 1941 г., «во время боевых действий в районе Чичилово – Лужно – Горшковичи проявил трусость и бежал с поля боя, оставив в тылу противника личный состав частей, всю материальную часть артиллерии, автотранспорт и обозы. Преступные действия К.М. Качанова привели к дезорганизации частей, личный состав которых отдельными группами выходил из тыла противника. Части 34-й армии на 11 сентября 1941 г. были небоеспособны».

собными. В результате этого противнику был открыт фронт и ему дали возможность распространиться на восток». В предъявленном обвинении Качанов виновным себя признал.

Поиски виновных в том, что противник достаточно легко продвигался по территории СССР, продолжались. 16 октября 1941 г. Управлением Особых отделов НКВД СССР был арестован командующий 43-й армией генерал-майор П.П. Собенников⁸⁸, обвинявшийся в участии в антисоветском военном заговоре и проведении вредительской работы, направленной на поражение Красной армии в войне.

14 декабря 1941 г. НКВД СССР по обвинению в преступном руководстве вверенными войсками был арестован генерал-майор А.Н. Ермаков⁸⁹. Он обвинялся в том, что, будучи с 25 октября 1941 г. командующим 50-й армии, во время битвы за Москву «преступно руководил вверенными ему войсками и вопреки приказу командования сдал противнику город Сталиногорск».

Заградительные отряды

К чрезвычайным мерам, принимавшимся в военные годы и основывавшимся на принуждении, относилось формирование заградительных отрядов, командиры которых имели широкие полномочия, в том числе расстрела на месте паникёров и дезертиров. Первоначально заградительные отряды создавались в войсках НКВД для борьбы с дезертирами и паникёрами в прифронтовой полосе, на дорогах, железнодорожных узлах и в лесных массивах.

Постановлением СНК и Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г. был создан институт начальников войскового тыла фронтов и армий, в подчинение которых передавались войска НКВД (пограничные, внутренние, по охране особо важных объектов промышленности, железнодорожных сооружений, конвойные), истребительные батальоны и органы милиции прифронтовых районов. Подразделения заградительной службы (заставы) создавались из военнослужащих войск НКВД по охране тыла фронтов, в состав которых включались оперативные сотрудники особых отделов. Заградотряды задерживали бойцов, покидавших поле боя, выявляли дезертиров, трусов и паникёров, вели борьбу с диверсионно-разведывательными группами, десантами и агентурой противника.

Заградительные отряды создавались и подразделениями военной контрразведки⁹⁰. 27 июня 1941 г. начальник Третьего управления НКО А.Н. Михеев подписал директиву, в которой предусматривалась организация подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах и железнодорожных узлах с включением в них оперативных работников военной контрразведки. Задачами заградительных отрядов были:

задержание дезертиров, подозрительных лиц, проникших на линию фронта, предварительное расследование оперативными работниками с последующей передачей материалов по подсудности⁹¹.

С первых дней войны руководство НКВД СССР обращало внимание на эффективность деятельности заградотрядов. В тот период, как отмечалось в директиве Управления особых отделов НКВД СССР от 28 июля 1941 г., заградительные отряды являются «одним из серьёзных средств» выявления засылаемых в тыл Красной армии агентов германской разведки. Им предписывалось тщательно проверять военнослужащих, неорганизованно пробиравшихся с фронта в прифронтовую полосу группами или в одиночку и попадавших в другие части. Это было связано с тем, что в первые недели боевых действий особые отделы НКВД задержали в прифронтовой полосе несколько агентов немецкой разведки, переодетых в форму красноармейцев. В.С. Абакумов требовал, чтобы проверкой задержанных лиц занимались не военнослужащие заградотрядов, а оперативные сотрудники особых отделов, которых необходимо было включить в состав заградительных отрядов.

В июне 1941 г. был организован заградительный отряд при 3-м отделе (военная контрразведка) Балтийского флота, первоначально действовавший на территории Эстонии, в Таллине и приморских районах, ведя борьбу с мелкими бандами, в которых находились лица, уклонявшиеся от мобилизации в Красную армию, и дезертиры. Во время сражения за Таллин заградительный отряд останавливал и возвращал отступавших военнослужащих, удерживал оборонительные рубежи. 27 августа 1941 г. отдельные части 8-й армии, потеряв руководство, обратились в бегство. Заградительный отряд под угрозой оружия остановил отступавшие войска. В ходе боёв и эвакуации из Таллина заградотряд потерял почти весь командный и свыше 60% личного состава. Прибыв в Кронштадт, он был доукомплектован и с 7 сентября вновь начал несение службы. С конца июня по 10 декабря 1941 г. заградительным отрядом были задержаны свыше 900 человек, 77 – арестованы и осуждены военными трибуналами, 11 – расстреляны на месте перед строем. Остальные задержанные направлены для проведения расследования или освобождены⁹².

Наведение порядка в тылу фронтов в июле – августе 1941 г. оставалось одной из основных задач заградительной службы войск НКВД по охране тыла фронтов. Силы заградительных отрядов были незначительными, проверка документов проводилась наспех, не вёлся учёт задержанных лиц, не анализировались причины перемещения большого количества военнослужащих, что не позволяло устранять их бесцельное движение в тылу фронтов, «по дорогам бродили группы бойцов и командиров», в том числе и дезертиры⁹³.

Для обеспечения боеспособности вооружённых сил, предотвращения паники в войсках, восстановления боеспособности частей и подразделений Красной армии необходимы были чрезвычайные меры по организации работы войскового тыла: поддержание режима безопасности в прифронтовой полосе; охрана тыла фронтов, коммуникаций, аэродромов, мест базирования военных кораблей, складов, ангаров, пищеблоков и других объектов жизнеобеспечения.

Перед особыми отделами была поставлена главная задача – борьба с дезертирами, трусами, паникёрами, шпионами и диверсантами в Красной армии и в прифронтовой полосе. В соответствии с постановлением ГКО от 17 июля 1941 г. органы военной контрразведки НКВД СССР были преобразованы в особые отделы и перешли в подчинение НКВД СССР. Их сотрудники наделялись правом ареста дезертиров, а в экстренных случаях и расстрела их на месте. Для обеспечения оперативных мероприятий особых отделов приказом НКВД СССР от 19 июля 1941 г. при особых отделах дивизий и особых отделах корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы; при особых отделах армий – отдельные стрелковые роты; при особых отделах фронтов – отдельные стрелковые батальоны. К 25 июля эти подразделения были укомплектованы лучшими и проверенными военнослужащими из войск НКВД по охране тыла фронтов.

Для того чтобы перекрыть каналы проникновения агентов через линию фронта, особые отделы с подразделениями войск НКВД задерживали и проверяли военнослужащих и других лиц, возвращавшихся из окружения или бывших в плену. В прифронтовой полосе в распоряжение особых отделов передавались вооружённые отряды из числа войск НКВД по охране тыла действующей армии. В прифронтовой полосе на транспортных коммуникациях, по которым к линии фронта направлялись войска, военная техника и грузы, обеспечивался режим безопасности. На путях предполагаемого движения агентов противника выставлялись дозоры и секреты, в прифронтовые населённые пункты, на железнодорожные станции направлялись патрули.

В зависимости от складывавшейся обстановки задачи по охране тыла фронтов могли изменяться, но в целом они заключались в борьбе со шпионажем, диверсиями, бандитизмом, мародёрством, дезертирством, уничтожении мелких групп противника, проникших в тыл Действующей армии, наведении дисциплины в войсковом тылу, обеспечении должного порядка на коммуникациях, содействии в эвакуации промышленных предприятий в тыл, обеспечении работы связи, сборе трофейного и оставленного в тылу оружия и военного имущества. Войска по охране тыла фронтов, организуя службу заграждения, проверяли документы у отдельных лиц и групп, появившихся в прифронтовой

полосе, вели учёт задержанных граждан и автотранспорта, исключая незаконное движение людей, вооружения, грузов и автомашин в тыл.

В связи с тем что немецкая разведка начала практиковать переброску разведчиков большими группами, которые действовали под видом подразделений советских войск, органы военной контрразведки стали выявлять подозрительных лиц как в прифронтовой полосе, так и в тылу частей Красной армии, тщательно проверять у них документы, обращая особое внимание на их подлинность. Подразделения, обоснованность передвижения которых в расположении частей Красной армии и войск НКВД вызвала сомнение, задерживались, проводилась их дополнительная проверка и обыск военнослужащих.

В начале сентября 1941 г. войска Брянского фронта нанесли фланговый удар по 2-й танковой группе немецких войск, наступавшей на юг, однако не предотвратили её выход в тыл к войскам Юго-Западного фронта. При этом войска фронта понесли значительные потери. Одной из причин стали случаи паникёрства и трусости. Некоторые части самостоятельно отходили из района боевых действий. В этих условиях командующий Брянским фронтом А.И. Ерёменко обратился в Ставку ВГК с просьбой разрешить создание заградительных отрядов в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как неустойчивые. 5 сентября 1941 г. Ставка разрешила создание заградотрядов. Им вменялось предотвращать самовольный отход частей, останавливать их в случае бегства, при необходимости применять оружие⁹⁴.

В Ставке ВГК считали, что в стрелковых дивизиях Красной армии имеется «немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: “Нас окружили!” и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из окружения». По мнению Ставки, такое было на всех фронтах, а трудности состояли в том, что в стрелковых дивизиях было мало твёрдых и устойчивых командиров и комиссаров, которые бы не позволяли паникёрам взять верх в дивизии⁹⁵.

В целях предупреждения дезертирства и паникёрства 12 сентября 1941 г. Ставка ВГК издала директиву командующим войсками фронтов, армиями, командирам дивизий, главнокомандующему войсками Юго-Западного направления о создании в каждой стрелковой дивизии заградительного отряда, численностью не более батальона, подчинённого командиру дивизии. Задачами заградительного отряда были оказание прямой помощи командному составу в поддержании и установлении твёрдой дисциплины в дивизии, приостановка бегства одержимых паникой военнослужащих, ликвидация инициаторов паники и бегства,

поддержка честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством. Создание заградительных отрядов было предписано завершить в пятидневный срок⁹⁶.

С 22 июня по 10 октября 1941 г. органы военной контрразведки и заградительные отряды войск НКВД задержали 657 тыс. 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из числа задержанных были арестованы 25 тыс. 878 человек, остальные 632 тыс. 486 – распределены по войсковым частям и вновь направлены на фронт. По постановлениям особых отделов НКВД и приговорам Военных трибуналов расстреляны 10 тыс. 201 человек, из них перед строем – 3 тыс. 321 человек⁹⁷.

Большое количество лиц, задержанных особыми отделами НКВД и заградительными отрядами, объяснялось тем, что летом и осенью 1941 г. в ходе боевых действий часто имели место потеря связи и управления в войсках, что приводило к скоплению в прифронтовой полосе и тыловых районах большого количества бойцов и командиров. В определённой степени сказалось и введение ограничений на передвижение военнослужащих и гражданских лиц в прилегающих к фронту тыловых районах. В условиях, когда части Красной армии несли большие потери и принимались чрезвычайные меры по их комплектованию и формированию новых соединений, содержание под арестом около 26 тыс. человек, а тем более расстрел более 10 тыс. человек вряд ли можно назвать обоснованным и тем более оправданным.

Формирование новых соединений для действующей Красной армии

Практически с первых дней войны в условиях чрезвычайной обстановки военно-политическому руководству СССР приходилось решать проблемы мобилизации населения в Вооружённые силы, формирования новых частей и соединений Красной армии, комплектования частей народного ополчения, истребительных батальонов, партизанских отрядов, непрерывного восполнения боевых потерь на фронте. К началу Великой Отечественной войны списочная численность Красной армии составляла 4 млн. 275 тыс. 713 человек. В первые дни войны после объявления мобилизации на военную службу было призвано ещё 4 млн. 730 тыс. человек. После мобилизации численность Красной армии составила 9 млн. 5 тыс. 713 человек⁹⁸. В июле 1941 г. началось формирование новых 56 стрелковых и 33 кавалерийских дивизий, 35 артиллерийских и 9 миномётных полков, 21 полка связи, прожекторных, железнодорожных и других частей, что увеличило штатную численность на 1 млн 155 тыс. 800 человек.

Вновь призванных на военную службу красноармейцев перед отправкой на фронт необходимо было обучить военному делу, умению обращаться с оружием. В условиях дефицита времени и роста потерь в частях Красной армии подготовка резервов и маршевых пополнений⁹⁹ приобрела большое значение. С первых дней войны при наркоме обороны действовала группа, занимавшаяся вопросами организации пополнения для действующей Красной армии, а 29 июля ГКО постановил создать Главное управление формирования и комплектования (Главупраформ) войск Красной армии.

Главупраформ ещё находилось в стадии комплектования, но уже 9 августа Г.И. Кулик и Е.А. Щаденко предоставили доклад о состоянии отправленных на фронт и формируемых стрелковых и кавалерийских дивизий: за период с 19 июля по 7 августа были сформированы и отправлены по назначению 15 стрелковых дивизий, сформированы и укомплектованы 6 стрелковых дивизий, для 10 дивизий было «занаряжено и отправлено вооружение и имущество», 1 дивизия находилась «в пути с недокомплектом, покрываемым в дороге», сформированы и обеспечены, но не имелось «подтверждения о прибытии части транспорта» – 2 дивизии, «запланирован отпуск наличного вооружения до 12 августа – 10 стрелковых дивизий», по «САВО – сформированы и вооружены за исключением части стрелкового и миномётного вооружения – 4 дивизии»; «34 стрелковые дивизии полностью укомплектованы вооружением, находящимся в наличии и в пути; но частично не имеют стрелкового вооружения, миномётов, артиллерии; 10 стрелковых дивизий обеспечены по плану до 12 августа». Остальные 8 дивизий требовали плана обеспечения. Зенитные орудия были выданы лишь 4 стрелковым дивизиям, «из-за направления зенитных средств на обеспечение объектов по решению ГКО». В докладе отмечалось, что из 15 кавалерийских дивизий были сформированы и отправлены – 2 дивизии, сформированы и готовы к отправке – 2 дивизии, остальные одиннадцать дивизий находились в процессе укомплектования личным и конским составом, вооружением и имуществом. Для окончательной проверки готовности дивизий и передачи их представителям командования фронтов к местам формирования соединений были откомандированы ответственные представители Главупраформа, составлен перечень из 169 транспортов с вооружением и имуществом для новых формирований, требующих срочного продвижения, и перечень на 68 транспортов, требующих розыска по железной дороге, а также составлен план подачи вооружения в формировавшиеся дивизии¹⁰⁰.

11 августа ГКО постановил сформировать 85 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий, для чего было разрешено: «разбронировать из народного хозяйства 50 тыс. начсостава (из них 35 тыс. человек для

формирования дивизий); производить по мере потребности призыв граждан 1895–1904 г. рождения и призыв новобранцев 1922 и 1923 г. рождения». Определялись сроки укомплектования вновь формируемых стрелковых дивизий личным составом, лошадьми и повозками к 1 сентября – 35 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий; к 25 сентября – 50 стрелковых дивизий¹⁰¹.

13 августа ГКО принимает постановление об основных задачах Главупраформа и командующих войсками военных округов: «командующие войсками военных округов повседневно отвечают перед Главупраформом за состояние запасных частей и своевременное формирование маршевых батальонов»; «важнейшей задачей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик повседневную помощь запасным бригадам (полкам) в деле их комплектования, хозяйственного обеспечения, размещения, оборудования зимних лагерей, обеспечения учебным оружием и наглядными пособиями, а также в проведении политической работы среди личного состава запасных частей».

В постановлении подчёркивалось, что «командующие фронтами и армиями и от командиров дивизий должны организовать сбор оружия на фронте и доносить каждую пятидневку начальнику Главупраформа о количестве собранного оружия, с тем чтобы собранное оружие обратить на вооружение прибывающих невооружённых маршевых батальонов». ГКО обязал «командующих войсками округов представлять каждую пятидневку отчёт начальнику Главупраформа о ходе развёртывания существующих запасных бригад, формирования новых запасных бригад и маршевых пополнений и немедленно об отправке маршевых батальонов». Начальник Главупраформа Щаденко был обязан каждую пятидневку предоставлять наркому обороны отчёт о ходе формирования маршевых батальонов и об отправке их в действующую армию»¹⁰².

ГКО установил штатную численность Красной армии на 11 сентября 1941 г. в количестве 7 млн 400 тыс. человек¹⁰³.

В целях высвобождения и выявления дополнительных ресурсов для фронта 5 сентября 1941 г. ГКО принял постановление провести сокращение тылов Красной армии, в результате чего в течение сентября было реально сокращено 1 млн. 748 тыс. человек, которых направили в неукомплектованные фронтовые части и во вновь формируемые части¹⁰⁴.

В документах, которые направлялись в 1941 г. в ГКО, начальник Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии Е.А. Щаденко информировал о проблемах снабжения формируемых стрелковых дивизий. 13 октября он писал И.В. Сталину: «Формирование 85 стрелковых дивизий по постановлению ГКО

от 11 августа происходит с большими трудностями и дивизии к сроку, установленному ГКО, не готовы. Основная причина – необеспеченность формируемых дивизий оружием. Из первоочередных 40 дивизий, подлежащих формированию до 15 октября, обеспечено в основном только 10 дивизий, в 21 дивизии имеется оружие только для обучения, а 9 дивизий оружия совсем не имеют. Из второочередных 45 дивизий со сроком формирования 15 ноября – 15 декабря только 4 дивизии имели оружие по учебной норме, 20 дивизий имели лишь по несколько десятков винтовок и в 21 дивизии совершенно оружия нет». Только для этих дивизий необходимо было 571 тыс. 281 винтовка и 16 тыс. 871 ручной пулемёт. Вопрос поставок оружия осложнялся временным перерывом производства на Тульском оружейном заводе. Щаденко предлагал в создавшейся обстановке «жёстко и немедленно провести мероприятия по мобилизации всех внутренних ресурсов оружия в НКО, НКВД, НКВМФ, НКПС и других наркоматах и организациях. Он предлагал изъять оружие из тыловых частей и подразделений НКО, НКВД, НКВМФ, ВВС и органов Гражданского Морского и Воздушного флотов, за счёт этого предполагалось получить около 350 тыс. винтовок и 10 тыс. пулемётов¹⁰⁵.

Постановлением ГКО от 15 октября штатная численность Красной армии на октябрь 1941 г. устанавливалась в количестве 8 млн 29 тыс. человек, кроме того, считалось, что в госпиталях Наркомздрава находилось около 450 тыс. раненых¹⁰⁶.

Очередное постановление по формированию новых соединений ГКО принимает 14 октября – «сформировать к 28 ноября 1941 г. 50 отдельных стрелковых бригад. Отпустить для указанных формирований 216 тыс. 650 продовольственных пайков»; 18 октября – «сформировать к 15 ноября 1941 г. 25 отдельных стрелковых бригад. На укомплектование этих бригад обратить 35 тыс. моряков, 40 тыс. выздоравливающих после ранения бойцов и младших командиров, 10 тыс. коммунистов, прошедших военную школу, и 25 тыс. рядового и младшего начсостава, прошедшего нормальную двух-, трёхлетнюю службу в армии, из числа разбронированных из народного хозяйства. На формирование бригад дополнительно отпустить НКО 110 тыс. продовольственных пайков»¹⁰⁷.

31 октября 1941 г. Е.А. Щаденко вновь проинформировал И.В. Сталина о ходе формирования и оснащения 85 стрелковых дивизий. Он сообщил о проблемах комплектования соединений личным составом, оснащении стрелковым вооружением и тяжёлым оружием. Е.А. Щаденко отмечал, что «развёртывание промышленности, как и мобилизация внутренних ресурсов должны быть тесно увязаны с решением другого, ещё более важного вопроса – это создание к весне 1942 года новой, молодой регулярной армии. Новая армия должна состоять не менее чем из 120 стрелковых дивизий и соответственно специальных

частей – общей численностью – 1 500 000–1 600 000 человек. Если прибавить к этому тяжёлую артиллерию, авиацию, танковые войска и миномётные полки резерва Верховного командования, то это выразится в цифре около 20 000 000 человек. Решение вопроса о формировании новой молодой армии должно быть произведено почти без увеличения существующей численности армии за счёт сокращения её управленческого аппарата, армейских, фронтовых, окружных тылов и расформирования ненужных для армии войсковых организмов». По мнению Е.А. Щаденко, для построения новой армии было необходимо: «с 15 ноября приступить к формированию 120 стрелковых дивизий и необходимых соответственно специальности, артиллерийских и других частей. Полная укомплектованность дивизий должна быть к 15 декабря, а боеготовность Армии к 1 мая 1942 года; эти дивизии должны дислоцироваться в пунктах, обеспечивающих спокойную обстановку для усиленной подготовки; для того, чтобы с самого начала развернуть боевую подготовку, дивизиям необходимо получить в декабре-январе необходимый минимум вооружения для учёбы, а полностью – не позднее апреля 1942 года»¹⁰⁸.

Начальник Главупраформа отмечал, что «призванная уже молодёжь рождения 1922–1923 гг. в количестве до 800 000 должна найти твёрдое место для обучения военному делу, так как в формируемых в настоящее время 85 стрелковых дивизиях, предназначенных для боевых действий, на фронте места нет. Необученную и неопытную молодёжь до её подготовки нельзя отправлять фронтам. Фронты требуют обученных контингентов, запасные же части комплектуются в настоящее время малообученными и необученными, оставшимися от призывов до 40-летнего возраста. Таким образом, для обучения очередного призыва в Армии нет другого места, кроме создания регулярной, на 50% укомплектованной молодёжью с крепкими боевыми кадрами, способными научить молодую армию успешным действиям в современном бою против коварного и сильного врага». Е. Щаденко подчёркивал, что «если к весне потребуются сильная, крепкая дисциплинированная армия на фронте, она к этому времени будет готова встретить любого врага; если в помощи такой армии минует надобность, то после мобилизации старших возрастов эта армия останется продолжать учёбу, а через год безболезненно перейдёт на мирное положение»¹⁰⁹.

Вопрос о недостатке в войсках оружия поднимал перед И.В. Сталиным и начальник главного автобронетанкового управления Красной армии Я.Н. Федоренко. 21 октября он направил записку, в которой информировал И.В. Сталина об отсутствии в войсках автоматического оружия. «Автоматическое оружие ППД и ППШ, предназначенное для войск, на практике в большинстве находится не в войсках, ведущих

непосредственно бой, а в тылах дивизий, армий и фронтов. Причём в таких учреждениях, как: трибунал, прокуратура, особые отделы и политические отделы, большинство начсостава вооружено этим автоматическим оружием». Федоренко предложил издать приказ, запрещающий иметь автоматическое оружие в тылах части и учреждениях¹¹⁰.

Практика боевых действий показывала, что танковые бригады после 10–15 дневных боевых действий безвозвратно теряют до 70–80% боевой материальной части, сохраняя в то же время в основном все другие подразделения и матчасть тылов. Без пополнения танковой бригады боевыми машинами она быстро теряла свою боеспособность. Я.Н. Федоренко, 21 октября 1941 г. сообщая И.В. Сталину о состоянии танковых бригад, предложил «наряду с формированием новых танковых бригад пополнять существующие боевыми машинами. Это даст возможность в короткое время привести в боеспособность целый ряд танковых бригад, не расходуя дополнительно автотранспорт и не формируя вновь остальных подразделений бригады. Кроме того, восстановленная бригада, уже имеющая боевой опыт, будет гораздо боеспособнее вновь формируемой, т. к. будет иметь обстрелянный и сколоченный личный состав»¹¹¹.

Нехватка частей и соединений Красной армии для удержания оборонительных рубежей побуждала некоторых военачальников бросать в бой неподготовленные и плохо вооружённые части. Е.А. Щаденко крайне негативно относился к использованию неподготовленных частей в боевых действиях. Так, 11 ноября он направил И.В. Сталину записку¹¹², в которой отметил, что Маршал Советского Союза Г.И. Кулик взял из Краснодара 12-ю и 13-ю отдельные стрелковые бригады, из числа 15 отдельных стрелковых курсантских бригад, находившихся в стадии укомплектования и вооружения, и направил их в Темрюк. Кроме того, «Кулик приказал направить в г. Азов незаконченную формированием 62-ю кавалерийскую дивизию, имевшую некомплект вооружения», по его указанию направлены на фронт Новочеркасское кавалерийское училище и Ростовское военно-морское училище. Е.А. Щаденко, считая, что «такой способ использования частей и соединений, незаконченными формированиями и недовооружёнными, принесёт вред делу и погубит части», просил «без ведома и разрешения Ставки Верховного Главнокомандования впредь запретить Маршалу Советского Союза тов. Кулик брать формируемые части и училища»¹¹³.

26 ноября ГКО постановил «для обеспечения формируемых 70 стрелковых дивизий и 50 отдельных стрелковых бригад» людьми, вооружением, транспортом, инженерным, химическим и имуществом связи, конским составом и т. д., а также освобождения армии от ненужных частей и учреждений произвести сокращение численности армии. Сокращению подлежали запасные войска (250–300 тыс. человек),

войска боевого обеспечения (200–250 тыс. человек), тыловые части ВВС (200–250 тыс. человек), тыловые подразделения военно-учебных заведений (до 50 тыс. человек) и другие тыловые части и учреждения¹¹⁴.

Комплектование войск Красной армии велось в неблагоприятных и трагических условиях начального периода Великой Отечественной войны. За первые восемь месяцев войны (с 22 июня 1941 г. по февраль 1942 г.) в Красной армии после от мобилизации состоялось 9 млн человек. Было сформировано для направления на фронт 218 стрелковых дивизий, 85 отдельных стрелковых бригад, 55 кавалерийских дивизий, а также части артиллерии, бронетанковые, инженерные и др., в составе которых находилось 4 млн. 388 тыс. 800 человек. За этот же период на фронт были отправлены маршевые пополнения общей численностью 3 млн. 406 тыс. 100 человек. Общая численность лиц, состоявших на службе в Вооружённых силах СССР (действующая Красная армия и тыловые части¹¹⁵, Военно-морской флот, войска НКВД), а также в рабочих колоннах¹¹⁶, составляла 12% населения Советского Союза.

В связи с тем, что противник оккупировал часть советской территории, произошло уменьшение количества военнообязанных (потеряно призывников 1922, 1923, 1924 годов рождения не менее 2 млн человек), кроме того, были исключены из призывных контингентов военнообязанные воюющих с СССР стран (немцы Поволжья и др. районов, румыны и др.) – 250 тыс. человек, находились в тюрьмах и лагерях НКВД – 1 млн 182 тыс. человек в возрасте от 17 до 45 лет. Общая численность лиц, которые были исключены из потенциального контингента, подлежавшего призыву на военную службу, составляла 3 млн 432 тысячи человек¹¹⁷.

«В связи с создавшейся военной обстановкой»

30 сентября после некоторого затишья немецкие войска начали новое наступление, целью которого было взятие Москвы. В соответствии с планом операции «Тайфун» враг сосредоточил на московском направлении 1,8 млн солдат и офицеров и значительное количество боевой техники. Вторая танковая армия генерала-полковника Х.Гудериана направила удар по линии Орёл – Тула – Москва и захватила Орёл и Брянск. В начале октября положение для советского командования стало критическим: немецкие войска прорвали фронт и окружили 5 армий Западного и Резервного фронтов и 10 дивизий народного ополчения в районе Вязьмы. Три армии были отброшены на рубеж Осташков – Сычёвка. В окружение попали 600 тыс. человек. Путь на Москву был открыт. Резервов, способных остановить противника, в распоряжении Ставки ВГК фактически не оказалось.

Эта катастрофа во многом объяснялась ошибками, допущенными Ставкой ВГК и командованием фронтов в построении обороны, растерянностью и неопытностью большинства командующих и начальников штабов фронтов и армий. В связи с создавшейся военной обстановкой ГКО и Ставка ВГК приняли ряд чрезвычайных и неотложных мер.

8 октября 1941 г. ГКО «в связи с создавшейся военной обстановкой» издал постановление о проведении НКВД СССР специальных мероприятий по уничтожению наиболее важных объектов Москвы и Московской области в случае угрозы захвата столицы германскими войсками. Была организована специальная пятёрка в составе: заместителя наркома внутренних дел И.А. Серова (руководитель), начальника Московского управления НКВД старшего майора госбезопасности М.И. Журавлёва, второго секретаря Московского горкома ВКП(б) Г.М. Попова, второго секретаря Московского областного комитета ВКП(б) Б.Н. Черноусова и начальника Главного военного-инженерного управления Наркомата обороны Л.З. Котляра.

В соответствии с поручением ГКО 2-й отдел и Управление особых отделов НКВД СССР разработали проект специальных мероприятий под названием «Московский план». Была проведена подготовка к осуществлению диверсионных актов в зданиях и на объектах, которые могли быть использованы оккупантами. Уже 9 октября 1941 г. был составлен список из 1 тыс. 119 наиболее важных объектов промышленности, связи и культурного значения, подлежащих уничтожению. В список вошли здания ряда наркоматов, центральный телеграф, почтамт, вокзалы, мосты, академии, тюрьмы, жилые и административные здания, в т. ч. Большой театр, гостиница «Москва», храм Богоявления в Елохове, дом приёмов МИД СССР. Были заминированы три нелегальные широко-вещательные радиостанции, созданные для глушения эфира и ведения передач в захваченной столице¹¹⁸. 412 предприятий, имевших оборонное значение, предполагалось уничтожить путём подрыва. Ещё 707 предприятий необоронных наркоматов предлагалось ликвидировать путём механической порчи и поджога.

При каждом райкоме ВКП(б) Москвы были созданы тройки в составе секретаря райкома ВКП(б), начальника РО НКВД и представителя инженерных частей Красной армии. Эти тройки проводили расчёты на проведение специальных мероприятий. На предприятиях, внесённых в список, для организации проведения специальных мероприятий назначались ответственные (директор предприятия, секретарь партийного комитета), которые определяли объекты, подлежащие уничтожению в первую очередь, а также технические исполнители.

Чрезвычайные меры по подготовке к уничтожению наиболее важных объектов предпринимались в Ленинграде и Сталинграде, на предприятиях Донбасса и в других городах.

10 октября германские войска вышли к Можайской линии обороны, бои шли в 80–100 км от Москвы. В этот день Директивой Ставки ВГК Западный и Резервный фронты были объединены в Западный фронт, командующим которого стал Г.К. Жуков. Под его командованием началось воссоздание фронта на Можайской линии обороны, куда отходили избежавшие окружения войска и прибыли резервы Ставки. К середине октября численность фронта достигла 90 тыс человек, но для надёжного прикрытия оборонительной полосы шириной 250 км этого было недостаточно. 12 октября Жуков получил донесения командующих 19-й армией и оперативной группой Западного фронта о том, что им не удаётся прорваться из окружения. Жуков рекомендовал генералам И.В. Болдину и М.Ф. Лукину: «Прикажите танкам прорываться по кратчайшему направлению и быстро выводите свои войска... Всё, что невозможно вывести, закопать в землю и тщательно замаскировать»¹¹⁹.

Попытки командования Западного фронта организовать прорыв изолированных армий из вяземского котла успеха не имели. Войска выходили из окружения мелкими группами, без тяжёлого вооружения и техники. Несмотря на то, что большинству советских войск не удалось прорваться из окружения, они героическим сопротивлением почти на две недели задержали продвижение десятков частей и соединений противника.

В связи с приближением фронта к Москве и «необходимостью наведения жёсткого порядка на тыловых участках фронта, прилегающих к Москве», 12 октября ГКО постановил «поручить НКВД СССР взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве, с запада и юга по линии Калинин – Ржев – Можайск – Тула – Коломна – Кашира».

Начальником охраны тыла Московской зоны был назначен И.А. Серов. При НКВД был образован штаб охраны Московской зоны, которому передавались в подчинение «расположенные в зоне войска НКВД (6000 человек по особому расчёту), милиция, истребительные батальоны и заградительные отряды».

Для того чтобы сдерживать стремительно продвигавшиеся германские соединения, 13 октября 1941 г. ГКО поручил Главному управлению оборонительного строительства НКО строительство укрепленных рубежей общим протяжением по фронту 85 км и по дополнительным указаниям ГКО – 2 тыс. км. На строительстве укрепленных рубежей работал 1 млн 610 тыс. человек, из них только 200 тыс. сапёров. Строительство основных рубежей началось 25 октября. К 25 декабря 1941 г. было выполнено 49,1 млн м³ земляных работ, сооружено 2 тыс. 509 км противотанковых препятствий, 4 тыс. 318 огневых точек, завершено строительство укрепленных рубежей по обводу ряда городов.

На строительстве укрепленной линии обороны под Москвой в районе Рублёво через Кунцево, Аминьево-Никольское, Воронцово, Зюзино, Царицыно, Братеево, а также северной части – Рублёво-Павшино, Красногорск, Химкинское водохранилище, Фуниково, Лианозово, Подушки, Мытищи участвовало более 100 тыс. москвичей, главным образом женщин. На этой линии укреплений было построено 1 тыс. 428 артиллерийских и пулемётных дотов и дзотов, 165 км противотанковых рвов, поставлено 111 километров трёхрядной колючей проволоки, большое количество баррикад и противотанковых ежей¹²⁰.

13 октября советские войска были вынуждены оставить Калугу. 16 октября немцы овладели городом Боровск, создав реальную угрозу прорыва к столице вдоль Киевского шоссе. Несмотря на принимавшиеся меры, к середине октября в районе Можайской оборонительной линии складывалось неблагоприятное положение. 15 октября ГКО постановил «поручить тов. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев» (НКПС – тов. Каганович обеспечивает подачу составов для миссий, а НКВД – тов. Берия организует их охрану)».

Одновременно эвакуировался Президиум Верховного Совета, советское правительство во главе с заместителем председателя СНК Молотовым, отдельные управления НКО и НКМВФ. В случае прорыва противника в Москву Берия и Щербакову поручалось произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, и всё электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).

16 октября началась поспешная эвакуация из Москвы в глубь страны ряда организаций и учреждений (управлений Генштаба, военных академий, наркоматов, посольств). Осуществлялось минирование крупнейших заводов, электростанций, мостов. Из-за нераспорядительности властей и отсутствия информации о намеченных мероприятиях предпринятые действия вызвали недоумение, недовольство и панику у части населения. 18 октября начальник УНКВД по Москве и Московской области М.И. Журавлёв подготовил подробную справку о реагировании населения на приближение врага к столице. В ней отмечалось: «16 и 17 октября на ряде промышленных предприятий г. Москвы и Московской области со стороны отдельных рабочих зафиксированы анархистские проявления (захват вещей и автомашин эвакуированных, захват продуктов питания и спирта, хищение промышленных товаров, требование выдачи денег из касс предприятий, избивание должностных лиц, возмущение в связи с минированием предприятий, попытки разобрать по домам колхозный скот и т. п.)».

ГКО мгновенно реагирует на информацию НКВД СССР и 19 октября призывает всех трудящихся столицы «соблюдать порядок и спокойствие,

оказывать всяческое содействие Красной армии, оборонявшей Москву». В целях максимальной мобилизации всех сил и средств для обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности в Москве и прилегающих к городу районах с 20 октября ГКО вводит в столице осадное положение. Запрещается «всякое уличное движение, как отдельных лиц, так и транспортов с 12 часов ночи до 5 часов утра» (не имевших специальных пропусков. – В.Х.). Нарушителей порядка предлагалось «немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».

Охрана порядка в городе и в пригородных районах была возложена на военного коменданта Москвы К.Р. Синилова¹²¹, в распоряжение которого были переданы внутренние войска НКВД, милиция и добровольческие рабочие отряды.

На ближних подступах к столице развернули оборону пять дивизий народного ополчения. С 21 октября на подступах к Москве, её окраинах и внутри города велось строительство оборонительных сооружений, имевших три рубежа. Одновременно к востоку от Москвы сооружались тыловые рубежи обороны. Для их строительства во второй половине октября началось формирование сапёрных армий.

НКВД СССР предусматривал возможность оставления Москвы. В случае подобного развития обстановки органами НКВД были сформированы 38 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 166 человек, подготовлены на оседание 78 агентов-одиночек, предназначенные для выполнения специальных заданий в оккупированной столице. Для их материально-технического обеспечения закладывались базы с оружием и продовольствием, размещались подпольные радиостанции. Все разведывательно-диверсионные группы были независимы друг от друга и состояли из руководителя группы, агентов-связников, агентов-радиостов, агентов-боевиков, а также лиц, имевших возможность осуществлять разведывательно-диверсионную работу в условиях оккупационного режима. В общей сложности на нелегальное положение были переведены 243 человека, из них – 47 сотрудников органов безопасности, имевшие навыки работы на радиостанциях, закончившие радиошколы, курсы радиодела, работавшие радистами в различных учреждениях.

6 ноября в Москве в зале станции метро «Маяковская» состоялось торжественное заседание, посвящённое 24-й годовщине Октябрьской революции, на котором с речью выступил Сталин. На следующий день состоялся исторический парад советских войск в Москве. Обеспечением безопасности подготовки и проведения парада занимались подразделения контрразведки, охраны и другие оперативные службы НКВД СССР.

Германские армии рвались к нефтяным скважинам на Северном Кавказе. Реальная угроза их захвата вынудила ГКО 23 ноября 1941 г. принять постановление о проведении специальных мероприятий по выводу из строя и уничтожению скважин, ёмкостей, а также не вывезенных предприятий и оборудования Майкопского и Грозненского нефтекомбинатов. Для проведения соответствующих работ по нефтебазам «Майкопнефть», Главнефесбыт и Наркомсовхоз, расположенным на территории Краснодарского края, из Москвы выехала группа сотрудников НКВД во главе с В.Н. Меркуловым. Был составлен план специальных мероприятий с подробным перечнем нефтебаз и хранилищ с имевшимися запасами нефтепродуктов, фамилии и должности лиц, ответственных за уничтожение отдельных нефтебаз и нефтехранилищ, расчёт времени, потребного для уничтожения каждой нефтебазы и хранилища, расчёт потребности бутылок с зажигательной смесью, необходимых для сжигания резервуаров и других хранилищ. В состав исполнителей подбирались проверенные и надёжные работники предприятий Главнефесбыта, преимущественно кандидаты и члены ВКП(б) и члены ВЛКСМ¹²².

Германское командование считало Ростов на Дону «воротами на Кавказ» и стремилось в 1941 г. захватить этот город. Перед советскими войсками стояла задача не допустить германские соединения за Дон. В этих целях с 17 ноября по 4 декабря войска Южного фронта провели наступательную операцию по разгрому группировки противника на ростовском направлении. Контрнаступление войск Южного фронта стало одной из первых наступательных операций Красной армии в Великой Отечественной войне. В ходе её советские войска одержали первую крупную победу, имевшую стратегическое значение. Войска Южного фронта не допустили прорыва противника на Кавказ. В связи с изменившейся обстановкой на Южном фронте органы НКВД прекратили минирование и подготовку к выводу из строя промыслов и предприятий Майкопского и Грозненского нефтекомбинатов, начался монтаж оборудования и восстановление нормальной деятельности Краснодарского нефтеперегонного завода, промыслов «Апшероннефти», «Хадыжиннефти» и «Черноморнефти», нефтепровода Майкоп – Краснодар, компрессорных станций, Апшеронской электростанции и Грозненского нефтекомбината. В то же время продолжались работы по демонтажу Туапсинского нефтеперегонного завода, продуктопровода Ростов – Тихорецкая и нефтепровода Армавир – Туапсе¹²³.

Контрнаступление советских войск под Москвой началось 5 декабря мощными ударами левого крыла Калининского фронта под Калинин, Яхромой, Наро-Фоминском и южнее Каширы. 6 декабря перешли в контрнаступление армии правого крыла Западного фронта. Контрнаступление советских войск оказалось полной неожиданностью для немецкого военного командования. Органы военной контрразведки совместно с

командованием Красной армии сумели сохранить в тайне проведение мобилизационных мероприятий по сосредоточению резервных армий для будущего контрнаступления под Москвой, регулярно информируя командование фронта о предпосылках к разглашению военной тайны военнослужащими Красной армии, принимая меры по предупреждению утечки информации, маскировке и зашифровке передислокации войск¹²⁴.

В ходе Московской наступательной операции, которая продолжалась с 5 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г., советские войска разгромили соединения группы армий «Центр» и сняли угрозу захвата столицы Советского Союза и Московского промышленного района, противник был отброшен на 100–250 км. На полях Подмосковья было нанесено первое крупное поражение германской армии во Второй мировой войне, развеян миф о её непобедимости. Безвозвратные потери советских войск в этой операции составили 139,6 тыс. человек.

В конце декабря 1941–начале 1942 гг. была проведена успешная десантная операция в Крыму. Керченско-Феодосийская десантная операция проводилась в течение 9 суток – с 25 декабря по 2 января 1942 г. с целью овладения Керченским полуостровом, отвлечения сил и средств противника от осаждённого Севастополя и создания условий для последующего освобождения Крыма. Советские войска освободили Керченский полуостров, овладели морскими портами Керчь и Феодосия, что позволило советскому командованию впоследствии развернуть здесь войска Крымского фронта.

Из плена в спецлагеря НКВД

К середине декабря 1941 г. Красная армия освободила от фашистских захватчиков часть районов Тульской, Рязанской, Ростовской, Калининской, Ленинградской, Смоленской, Орловской, Курской и других областей. 13 декабря Советское информбюро сообщило о провале немецкого плана окружения Москвы и первых результатах контрнаступления под Москвой. Красная армия вызволила из-под оккупации миллионы советских граждан, освободила свыше 11 тыс. населённых пунктов. На освобождённых территориях восстанавливались партийные, советские и общественные организации и учреждения, в том числе и органы внутренних дел. 12 декабря Л.П. Берия подписал приказ НКВД СССР, предусматривавший «восстановление революционного порядка и организацию оперативной работы в местностях, освобождённых Красной армией от войск противника». Берия приказал при освобождении Красной армией от войск противника населённых пунктов немедленно комплектовать соответствующие городские и районные отделы НКВД. В помощь создаваемым подразделениям выделялись подразделения войск НКВД, которые совместно приступили к

выявлению и аресту агентуры немецких разведывательных органов, предателей, изменников и провокаторов, как «состоявших на службе у немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий и преследовании партийно-советского актива и честных советских граждан», а также выявляли и арестовывали лиц, причастных к антисоветской работе, и предавали их суду. Через оперативные возможности на освобождённых территориях вёлся розыск лиц, дезертировавших из Красной армии, после проверки и установления факта дезертирства проводился их арест. При каждом органе НКВД образовывались тюремные помещения, возобновлялась работа подразделений милиции. Велась работа по аресту и привлечению к уголовной ответственности лиц, нелегально хранивших огнестрельное оружие и радиоприёмники¹²⁵.

Одной из основных задач органов НКВД на освобождённой территории являлось выяснение политических настроений всех слоёв населения в связи с восстановлением Советской власти. Одновременно с этим велось выявление и документирование (опрос очевидцев и пострадавших, фотографирование, составление актов и т. п.) всех наиболее характерных фактов зверств, разбоя, насилия, грабежа, имевших место со стороны фашистских оккупантов.

На освобождаемых частями Красной армии от войск противника территориях обнаруживалось значительное количество бывших советских военнопленных и лиц, находившихся в окружении противника. По мнению Л.П. Берия, эту категорию лиц необходимо было тщательно проверять и выявлять среди них «изменников родине, шпионов и дезертиров». Об этом Л.П. Берия 25 декабря 1941 г. написал И.В. Сталину, предложив создать специальные лагеря НКВД, приложив к записке проект постановления Государственного комитета обороны¹²⁶.

Сталин раздумывал недолго. Уже 27 декабря было принято постановление ГКО № 1069сс¹²⁷. В нём Наркомат обороны обязывался создать сборно-пересыльные пункты (СПП) для помещения в них бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруживаемых в местностях, освобождаемых частями Красной армии от войск противника. Военные советы фронтов, армий и командование соединений и частей Красной армии обязывали задерживать и направлять в распоряжение начальников СПП бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении, для их последующей проверки (филтрации) Особыми отделами НКВД¹²⁸.

Уже на следующий день, 28 декабря 1941 г., был издан приказ НКВД СССР о создании специальных лагерей для размещения в них военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника, и выявления среди них «изменников родине, шпионов и диверсантов». Заместителям наркома внутренних дел СССР В.В. Чер-

нышёву и И.А. Серову поручалось в трёхдневный срок организовать специальные лагеря НКВД: Грязовецкий (Вологодская область), Южский (Ивановская область), Тамбовский (Тамбовская область), Новоаннинский (Сталинградская область).

К 6 января 1942 г. на вновь созданные спецлагеря НКВД из сборно-пересыльных пунктов Наркомата обороны стали поступать бывшие советские военнопленные. В это же время начальник Управления по делам о военнопленных НКВД СССР П.К. Сопруненко получил поручение в декадный срок дополнительно организовать и подготовить к приёму Череповецкий лагерь (Вологодская область), Рязанский (Рязанская область) и Суздальский лагеря (Ивановская область), Острогжский (Воронежская область) и Подольский лагеря (Московская область), Старобельский лагерь (Ворошиловградская область). Конвоированием бывших советских военнопленных со сборных пунктов до спецлагерей, а также охраной этих лагерей занимались конвойные войска НКВД СССР¹²⁹.

Итоги 1941 года

Первые шесть месяцев войны были самыми трудными. Войскам Германии и её союзников удалось продвинуться вглубь СССР на 850–1200 км, оккупировать Прибалтику, Молдавию, большую часть Украины и Белоруссии, ряд областей РСФСР, часть Карело-Финской ССР¹³⁰. Противник блокировал Ленинград, находился на подступах к Москве, имел полное превосходство в воздухе. Германская авиация с начала войны по декабрь 1941 г. совершила 127 налётов на Москву, в ходе которых самолёты противника сбросили на город 1 тыс. 732 фугасных и 58 тыс. 50 зажигательных авиабомб, от которых пострадало 6 тыс. 742 человека (убито – 1 тыс. 404 человека, ранено – 5 тыс. 338 человек). На территорию Московской области сброшено 5 тыс. 727 фугасных и 30 тыс. 700 зажигательных авиабомб, пострадало 4 тыс. 385 человек (убито – 1 тыс. 464, ранено – 2 тыс. 921 человек)¹³¹.

В условиях тяжелейшей военно-политической обстановки части и соединения Красной армии и силы Военно-морского флота вели жестокие кровопролитные сражения с превосходящим по численности и вооружению противником у границы, защищали Брестскую крепость, вели тяжёлые оборонительные бои под Борисовом, Могилёвом и Смоленском, героически обороняли Одессу, Москву, Ленинград и Севастополь, пытались вести первые контратаки, вырваться из окружения и плена. Безвозвратные потери за шесть месяцев и девять дней 1941 г. составили 4 млн 473 тыс. 820 человек. Из них убиты и умерли на этапах санитарной эвакуации – 465,4 тыс. человек, умерли от ран в госпиталях – 101,5 тыс. человек, пропали без вести и попали в плен 2 млн 335,5 тыс. человек,

ранены, контужены – 1 млн 256,4 тыс. человек, заболели 66,1 тыс. человек, обморожены – 13,6 тыс. человек. Особенно велик процент (52,2% от общих потерь) пропавших без вести и попавших в плен¹³².

В тыловых районах СССР органами НКВД с начала войны и по 20 декабря 1941 г. по подозрению в дезертирстве было задержано 189 тыс. 137 человек, из числа задержанных арестовано 39 тыс. 965 человек, передано в райвоенкоматы и войсковые части 149 тыс. 172 человека. В тот же период в прифронтовой полосе Особыми отделами НКВД было задержано 448 тыс. 975 человек, из них: арестовано – 42 тыс. 900, передано в войсковые части Красной армии 406 тыс. 75 человек. Всего в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД было задержано по подозрению в дезертирстве 638 тыс. человек, из них арестовано – 82 тыс. 865 человек, передано в военкоматы и войсковые части – 555 тыс. 247 человек.

Несмотря на трагическое начало 1941 г., советский народ вынес на своих плечах тяжёлое бремя борьбы с нацизмом и разгромил германскую армию. Для победы в Великой Отечественной войне и разгрома противника советскому государству пришлось мобилизовать все ресурсы, использовать чрезвычайные методы управления, которые в условиях военного времени были обоснованы и оправданы, но лишь на определённый, не слишком продолжительный, промежуток времени. Чрезвычайные меры, с одной стороны, сыграли определённую положительную роль в повышении организованности и дисциплины в войсках Красной армии и в глубоком тылу, усилении сопротивления противнику, а с другой – привели к негативным последствиям, когда меры судебного и внесудебного принуждения использовались без достаточных оснований, репрессиям подвергались военнотрудовые, не совершившие никаких преступлений, подверглись насильственному переселению отдельные группы населения.

Примечания

¹ «Барбаросса» – кодовое наименование подписанной А. Гитлером 18 декабря 1940 г. секретной «Директивы № 21», плана агрессивной войны против СССР. Назван по имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы, проводившего захватнические войны. План «Барбаросса» был обнаружен советскими войсками при разборе захваченных трофейных документов германского военного командования. Впервые полностью опубликован в газете «Правда» 28 ноября 1945 г. См. также: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы : [В 2 т.] Т. 2 : Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи» : 1941–1945 гг. – М., 1973. – С. 86–89.

² Гальдер Ф. Военный дневник : Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск : 1939–1942 гг. Т.2. – М., 1969. – С. 29

³ Гальдер Ф. Указ соч. – С. 60

⁴ Мировые войны XX века : В 4 кн. Кн. 4 : Вторая мировая война : Документы и материалы. – М., 2005. – С. 122–123.

⁵ Мировые войны XX века... Кн. 4. – С. 129–131.

⁶ Второй этап операции по дезинформации противника предполагался с апреля по июнь 1941 г., фактически начался с 22 мая 1941 г.

⁷ История Второй мировой войны : 1939–1945 : В 12 т. Т. 3 : Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. – М., 1974. – С. 241; Секреты Гитлера на столе у Сталина. – М., 1995. – С. 208–212.

⁸ История Второй мировой войны : 1939–1945... Т. 3. – С. 239–240.

⁹ Секреты Гитлера на столе у Сталина... – С. 212–214.

¹⁰ Чрезвычайные органы, т. е. не предусмотренные Конституцией СССР органы, наделённые особыми полномочиями, создаваемые, как правило, в экстремальных ситуациях, на определённое время для выполнения одной или нескольких особых функций, возлагаемых на них государством. Создание чрезвычайных органов не означает прекращение деятельности высших органов государственной власти.

¹¹ Л.П. Берия к каждому очередному заседанию Особого совещания при НКВД СССР направлял И.В. Сталину справки с подготовленными материалами. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 11–12.

¹² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 63–64.

¹³ Военное положение было объявлено в семи союзных республиках (Белорусской, Карело-Финской, Литовской, Латвийской, Молдавской, Украинской, Эстонской), тринадцати областях (Архангельской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калининской, Курской, Мурманской, Орловской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Тульской, Ярославской), Крымской АССР, Ленинграде и Ленинградской области, Москве и Московской области.

¹⁴ На рассмотрение военных трибуналов передавались дела: о государственных преступлениях; преступлениях, предусмотренных законом от 7 августа 1932 г. об охране общественной (социалистической) собственности; преступлениях, совершённых военнослужащими; разбое (ст. 167 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик); умышленных убийствах (статьи 136–138 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик); насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи (ст. 81 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик); уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности (ст. 68 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик); о сопротивлении представителям власти (ст. 73, 73-1, 73-2 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик); незаконной покупке, продаже и хранении оружия, а также о хищении оружия (ст. 164 а, 164 б и 182 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Кроме того, военным властям предоставлялось право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злостном хулиганстве и иных преступлениях, если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного положения.

¹⁵ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. – М., 1994. – С. 256.

¹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 109–112.

¹⁷ В.Н. Меркулов приказал: «Намеченные вами мероприятия согласуйте с первыми секретарями ЦК компартий республик, крайкомов, обкомов ВКП(б) и о результатах проводимой работы телеграфируйте в НКГБ СССР немедленно». См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 35.

¹⁸ Для патрулирования на улицах Москвы было выделено 1525 сотрудников милиции. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 49.

¹⁹ Беркис Христиан Иванович (1884–1942). В 1940 г. военный министр Латвии. После образования Латвийской ССР был выслан в г. Молотов. Арестован 27 июня 1941 г. УНКВД по Молотовской области по обвинению в совершении преступлений. Умер 29 июля 1942 г. в тюрьме № 1 г. Молотова.

²⁰ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 57.

²¹ Урбис Юозас Казимирович (1896–1991), министр иностранных дел Литвы (1938–1940). Подвергнут домашнему аресту 23 июня 1941 г., арестован 26 июня 1941 г. 28 августа 1941 г. этапирован в Саратов. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 16 апреля 1952 г. «за активную борьбу против революционного движения и враждебную

деятельность против СССР заключён в тюрьму сроком на двадцать пять лет. 16 апреля 1952 г. направлен во Владимирскую тюрьму МГБ СССР. Центральная комиссия по пересмотру дел на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении на заседании 16 августа 1954 г. приняла решение снизить меру наказания до фактически отбытого и освободить его из-под стражи, применив к нему паспортное ограничение с запрещением проживать в режимных городах, включённых в перечень Совета Министров СССР от 21 октября 1953 г., а также на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР». Реабилитирован прокуратурой Литовской ССР 3 апреля 1989 г. в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х гг.».

²² В документе упоминалось об интернировании шести германских граждан, а также об изъятии контрреволюционных элементов. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 81.

²³ Пятс Константин Яковлевич (1874–1956), президент Эстонии (1938–1940), в 1940 г. выслан в административном порядке под гласный надзор органов НКВД в Башкирскую ССР, проживал в городе Уфе. Арестован 26 июня 1941 г. НКГБ Башкирской ССР. В марте 1943 г. переведён в психиатрическую больницу НКВД СССР в г. Казань.

²⁴ Мунтерс Вильгельм Николаевич (1898–1967), министр иностранных дел Латвии (1936–1940), проживал в г. Воронеже. Арестован 26 июня 1941 г. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 16 апреля 1952 г. заключён в тюрьму сроком на 25 лет. По постановлению Центральной комиссии по пересмотру дел на лиц, осуждённых за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении от 16 августа 1954 г. во изменение постановления Особого совещания при МГБ СССР от 16 апреля 1952 г. снижено наказание до фактически отбытого срока. Освобождён из-под стражи с ограничением проживания в режимных городах, а также на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Заключением Прокуратуры СССР от 18 декабря 1991 г. реабилитирован.

²⁵ Балодис Иван Петрович (1881–1965). Военный министр и вице-президент правительства Латвии (1931–1940). Арестован 4 июля 1941 г. Содержался под стражей в тюрьме г. Иваново. 28 февраля 1952 г. этапирован в Москву, в Бутырскую тюрьму МГБ СССР. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 16 апреля 1952 г. «за активную борьбу против революционного рабочего движения и враждебную деятельность против СССР» заключён в тюрьму сроком на 25 лет. 16 августа 1954 г. Центральной комиссией по пересмотру дел срок наказания сокращён до фактически отбытого с запрещением проживания в режимных городах и на территории Литовской, Латвийской, Эстонской ССР. Заключением Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 1991 г. реабилитирован.

²⁶ Ульманис Карл Индрикович (1877–1942), президент Латвии в 1934–1940 гг. Арестован 4 июля 1941 г. Содержался во внутренней тюрьме УНКВД Орджоникидзевского края. Этапирован 1 августа 1942 г. в тюрьму № 1 г. Красноярск, но из-за болезненного состояния оставлен 8 сентября 1942 г. в тюрьме г. Красноводск, где умер 20 сентября 1942 г.. По постановлению Генеральной Прокуратуры СССР от 15 октября 1991 г. Ульманис К.И. реабилитирован.

²⁷ Осадники – польские колонисты на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Польское правительство в целях колонизации своих восточных территорий, начиная с 1922 г. предоставляло уволенным в запас или отставку военнослужащим Войска Польского крупные участки пахотной земли, создавая себе, таким образом, опору в Западной Украине и Западной Белоруссии. Кроме того, осадники с семьями увеличивали процент польского населения в Западной Украине и Западной Белоруссии и тем самым давали польскому правительству лишний аргумент в том, что Западная Украина и Западная Белоруссия – это исконно польские земли. К 1939 г. осадников насчитывалось около 35 тыс. человек. В 1939–1940 гг. осадники были выселены с территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

²⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 59.

²⁹ Там же. – С. 36.

³⁰ Истребительные батальоны, военизированные добровольческие формирования из граждан СССР в годы Великой Отечественной войны стали одной из форм народного ополчения.

³¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 59, 65.

³² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 450. Л. 1–2.

³³ Диктор Всесоюзного радио Ю.Б. Левитан не только сообщал о положении на фронте, но и озвучивал приказы верховного Главнокомандующего. До марта 1943 г. он работал в Свердловске, но об этом стало известно только в 1965 г. См.: Война 1941–1945 гг.: Факты и документы. – М., 2011. – С. 32–33.

³⁴ Сотрудники Совинформбюро находились под пристальным контролем НКВД СССР. 6 сентября 1941 г. НКВД СССР направил Г.М. Маленкову подробные справки на сотрудников Советского информбюро. ЦА ФСБ России. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 23. Л. 242–252.

³⁵ Учреждениям, предприятиям, радиоузлам, клубам, ленинским уголкам и другим общественным организациям было разрешено «использование радиоприёмных установок исключительно для коллективного слушания радиопередачи в строго определённые часы». См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 75–76.

³⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 603. Л. 162–163.

³⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 76.

³⁸ Там же. – С. 86.

³⁹ Предлагалось членов семей изменников Родины привлекать к ответственности согласно инструкции, объявленной приказом НКВД СССР № 001552 от 10 декабря 1940 г.

⁴⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 35–36.

⁴¹ Более подробно о контроле за политическими настроениями – в 3 разделе книги.

⁴² Цензура военная – одна из форм контроля (надзора) со стороны военных и других государственных органов открытых видов информации (печати, радио), а во время войны и частной переписки с целью не допустить опубликования и оглашения в них сведений, содержащих военную и государственную тайну. Военная цензура вводилась в соответствии с постановлением ГКО от 6 июля 1941 г.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 193–195, 197.

⁴⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 608. Л. 63–68.

⁴⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 215–220, 247–249, 260.

⁴⁶ Особое совещание рассматривало преступления, предусмотренные ст. 58 и 59 УК РСФСР, и выносило меры наказания вплоть до расстрела. Постановление ГКО действовало до 1 сентября 1953 г., когда указом ПВС СССР Особое совещание МВД СССР было упразднено.

⁴⁷ Приказ был адресован всем наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краёв и областей, начальникам транспортных отделов НКВД и начальникам особых отделов округов. В приказе отмечалось, что решение Особого совещания считалось окончательным и обжалованию не подлежало. В местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий органы НКВД могли передавать дела на рассмотрение военных трибуналов. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 311, 334–338.

⁴⁸ Сталинские депортации. 1928–1953 / Сост. Н.Л. Соболев, П.М. Полян. – М., 2005. – С. 5.

⁴⁹ 14 ноября 1941 г. функции Отдела спецпоселений НКВД СССР были переданы в Отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД.

⁵⁰ Для проведения операции были выделены около 5 тыс. сотрудников НКВД и милиции, более 12 тыс. военнослужащих войск НКВД. С 3 по 20 сентября в эшелоны были

погружены и отправлены в Казахстан, Красноярскую, Новосибирскую, Омскую области и на Алтай около 450 тыс. человек. ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 124–125.

⁵¹ 30 августа 1941 г. В.Н. Меркулов представил Л.П. Берия план эвакуации немецкого и финского населения из Ленинградской области. Сведения о количестве выселяемых финнов и немцев, проживавших в Ленинградской области, были взяты из статистических данных Нархозучёта по состоянию на 1939 г. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 559.

⁵² К 1942 г. на спецпоселениях числились более 1 млн советских немцев. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 294–295.

⁵³ Полян П.М. Не по своей воле... : История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – С. 113.

⁵⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 584. Л. 289.

⁵⁵ Так, в одной из частей ПриБВО 21 июня 1941 г. «во избежание провокации» были разминированы поля и у красноармейцев отобраны выданные им боевые патроны (оставлены только у постовых и караульных). См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 343. Л. 138–143.

⁵⁶ Об этом свидетельствуют документы Национального архива республики Беларусь (НАРБ), а также воспоминания Л.М. Сандалова, который с 22 июня 1941 г. воевал как начальник штаба 4-й армии Западного, Центрального и Брянского фронтов. См.: Накануне : Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.) : Документы и материалы. – Минск., 2007. – С. 352–355, 370–371, 375–378.; Сандалов Л.М. 1941 : На московском направлении. – М., 2006. – С. 538.

⁵⁷ 23 августа 1939 г. в Москве министром иностранных дел Германии И.фон Риббентропом и наркомом по иностранным делам СССР В.М. Молотовым был подписан договор о непадении между СССР и Германией сроком на 10 лет и секретный протокол к пакту о разделе «сфер влияния» в Восточной Европе, вошедший в историографию как пакт Молотова-Риббентропа.

⁵⁸ Под западными военными округами понимаются Западный, Киевский и Прибалтийский особые военные округа.

⁵⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 1. – М., 1995. – С. 348–349.

⁶⁰ В общем, соглашаясь с тем, что репрессии и истребление лучшей части командиров в 1937–1938 гг. нанесли огромный ущерб Красной армии и заслуживают осуждения, М.А. Гареев, считает, что если бы в июне 1941 г. «вместо Жукова был Тухачевский, а вместо Павлова – Уборевич, мало что изменилось бы». См.: Гареев М.А. Россия в войнах XIX–XX веков : Уроки и выводы. Причины неудач Красной армии в 1941–1942 гг. // Вестник Академии военных наук. – 2010. – № 4. – С. 8.

⁶¹ Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968), Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940). С января 1941 г. заместитель наркома обороны, с июня 1941 г. представитель Ставки Главного Командования. После ареста заключён во Внутреннюю тюрьму НКВД СССР 30 июня 1941 г. Освобождён по указанию И.В. Сталина 6 сентября 1941 г. и назначен командующим 7-й отдельной армией, с ноября – 4-й армией, с декабря 1941 г. – Волховским фронтом, с февраля по ноябрь 1944 г. – Карельским фронтом. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 20. Оп. 1. Д. 22. Л. 126.

⁶² Штерн Григорий Михайлович (1900–1941), генерал-полковник (1940), Герой Советского Союза (1939 г.). В апреле – июне 1941 г. начальник Главного управления ПВО НКО СССР. Арестован 7 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 25 августа 1954 г.

⁶³ Локтионов Александр Дмитриевич (1893–1941), генерал-полковник (1940), в 1939–1940 гг. заместитель наркома обороны по авиации, арестован 19 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 15 октября 1955 г.

⁶⁴ Рычагов Павел Васильевич, (1911–1941), Герой Советского Союза (1936), генерал-лейтенант авиации (1941). Начальник Главного управления Военно-воздушных сил Красной Армии (1940–1941), одновременно заместитель наркома обороны СССР (февраль – июнь 1941). Арестован 24 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 23 июля 1954 г.

⁶⁵ Арженухин Фёдор Константинович (1902–1941), генерал-лейтенант авиации (1940), начальник штаба ВВС Красной Армии (1939), начальник Военной академии командного и

штурманского состава ВВС Красной Армии (1940–1941). Арестован 28 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 23 ноября 1954 г.

⁶⁶ Володин Павел Семёнович (1900–1941), генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС Красной Армии (март – июнь 1941). Арестован 27 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 17 апреля 1954 г.

⁶⁷ Ласкин Николай Алексеевич (1894–1942), генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта. Арестован 12 июля 1941 г. Расстрелян 23 февраля 1942 г., реабилитирован 25 апреля 1956 г.

⁶⁸ Проскуров Иван Иосифович (1907–1941), генерал-лейтенант авиации (1940), Герой Советского Союза (1937), депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, заместитель наркома обороны и начальник Разведуправления РККА (1939–1940), заместитель начальника ВВС Красной армии (1940–1941), приказом НКО за выпуск самолётов в нелётную погоду от должности отстранён и предан суду, 22 июня 1941 г. назначен командующим ВВС 7-й армии. Арестован 27 июня 1941 г., расстрелян 28 октября 1941 г., реабилитирован 11 мая 1954 г.

⁶⁹ В конце 1941 г. были арестованы и на следствии «признали», что являются «участниками антисоветской группы, существовавшей в академии имени Фрунзе», генерал-майоры: Плюснин Николай Иванович (1891–1967); Кузьмин Фёдор Кузьмич (1896–1955); Соколов Александр Яковлевич (1889–1948); Бурлачко Фёдор Семёнович (1892–1949); Армадеров Георгий Александрович (1888–1956); Глазков Алексей Александрович (1888–1943). См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 1. Д. 11. Л. 47–49.

⁷⁰ См.: Сандалов Л.М. Указ. соч. – С. 536.

⁷¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 12. Л. 46–47.

⁷² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – М., 2003. Т. 1, – С. 41.

⁷³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 33, 158.

⁷⁴ Резервные армии в 1941 – начале 1943 г. формировались в военных округах и входили в резерв Ставки ВГК, которая использовала их для массивирования сил и средств на решающих направлениях путём усиления ими действующих фронтов или создания новых. Так, в июле 1941 г. вводом в сражение на Московском направлении 14 дивизий из резервных армий (24, 28, 29 и 30-я резервные армии) противник был остановлен и сорвана его попытка с ходу прорваться к Москве.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 5 Л. 8–9.

⁷⁶ 5 июля 1941 г. был арестован командующий войсками Западного фронта генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941). Он обвинялся в «трусости, бездействии и паникёрстве». Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля 1941 г. на основании ст. 193-17 п. «б» и 193-20 п. «б» УК РСФСР осуждён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. реабилитирован.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 3 Л. 95–96.

⁷⁸ Малышев Пётр Фёдорович (1898–1972), командир 3-й запасной стрелковой бригады с 22 июня 1941 г. Командир 64-й стрелковой дивизии с 14 июля 1941 г.

⁷⁹ Военно-экспертная комиссия под председательством генерал-лейтенанта И.П. Камеры работала с 17 декабря 1941 г. по 13 февраля 1942 г.

⁸⁰ Постановлением заместителя начальника следственной части Особого отдела НКВД Западного фронта капитана ГБ Крупенина от 27 февраля 1942 г. уголовное дело было прекращено без указания статьи УПК РСФСР с формулировкой «ввиду нецелесообразности» с освобождением Малышева П.Ф. из-под стражи и направлением его на Западный фронт. В период ведения следствия содержался под стражей в Чистопольской тюрьме Татарской ССР, где оказался во время эвакуации тюрьмы из Вязьмы. Заключением Главной военной прокуратуры 14 июля 2003 г. Малышев П.Ф. реабилитирован.

⁸¹ Качалов Владимир Яковлевич (1890–1941), генерал-лейтенант (1940), командующий войсками Северо-Кавказского (апрель – июнь 1941) и Архангельского (июнь 1941) военных округов, командующий 28-й армией Западного фронта (июнь – август 1941).

⁸² Понеделин Павел Григорьевич (1893–1950), командующий 12-й армией Юго-Западного фронта (июнь – август 1941), генерал-майор (1940). 7 августа 1941 г. под Уманью был

плёнён и до 22 апреля 1945 г. находился в плену. Арестован 30 декабря 1945 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 г. приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 февраля 1956 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления. П.Г. Понеделин восстановлен в воинском звании и наградах.

⁸³ Кириллов Николай Кузьмич (1897–1950), командир 13-го стрелкового корпуса 12-й армии Юго-Западного фронта, генерал-майор (1940). 10 августа 1941 г. был плёнён и до конца войны находился в плену. Освобождён американскими войсками 29 апреля 1945 г., передан советской военной миссии в Париже. Арестован 30 декабря 1945 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 февраля 1956 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления. Кириллов восстановлен в воинском звании и наградах.

⁸⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 155–161.

⁸⁵ Подготовленный под влиянием неудач Красной армии приказ № 270 не учитывал многих реальных обстоятельств. Как выяснилось в ходе расследования, Качалов не сдался в плен, а погиб в бою 4 августа 1941 г. Понеделин и Кириллов были захвачены в плен превосходящими силами противника. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 484.

⁸⁶ Гончаров Василий Сафронович (1894–1941), начальник артиллерии 34-й армии Северо-Западного фронта, генерал-майор (1940). Высшая мера уголовного наказания применена к Гончарову во внесудебном порядке, без проведения предварительного следствия, а также без какого-либо расследования и получения письменного объяснения от самого Гончарова. 15 октября 2002 г. заключением Главной военной прокуратуры в соответствии с п. «б» ст. 3, ч. 2 ст. 8 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитирован.

⁸⁷ Качанов Кузьма Максимович (1901–1941), командир 24-го стрелкового корпуса 27-й армии Северо-Западного фронта (июнь–август 1941), командующий 34-й армией Северо-Западного фронта (август–сентябрь 1941). Арестован 12 сентября 1941 г. Военным трибуналом Северо-Западного фронта 27 сентября 1941 г. по ст. 193 п. 22 УК РСФСР лишён воинского звания генерал-майора и приговорён к расстрелу. 28 сентября 1941 г. приговор утверждён заместителем наркома обороны СССР Мехлисом и 29 сентября приведён в исполнение. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 19 декабря 1957 г. уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления. См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21784. Л. 60–61, 82–85, 90, 99, 115, 116.

⁸⁸ Собенников Пётр Петрович (1894–?), генерал-майор, командующий 43-й армией. На допросах участие в антисоветском военном заговоре всячески отрицал, подтверждая лишь свою полную ответственность за поражение 43-й армии. Постановлением от 28 января 1942 г. дополнительно было предъявлено обвинение в совершении им преступлений по ст. 193–21 п. «а». По приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 6 февраля 1942 года по ст. 58–1 п. «б» и 58–11 УК считать по уду оправданным, по ст. 193–21 п. «б» УК Собенникова Петра Петровича лишит воинского звания генерал-майора и подвергнуть его лишению свободы в ИТЛ сроком на 5 лет. Срок наказания исчислять с 16 октября 1941 г.

⁸⁹ Ермаков Аркадий Николаевич (1899–1957), командующий 50-й армией с 13 октября 1941 г. Генерал-майор (1940). Арестован 14 декабря 1941 г., обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 193–21 п. «б» УК РСФСР. 29 января 1942 г. закрытым судебным заседанием Военной коллегии Верховного суда СССР признан виновным и приговорён к 5 годам ИТЛ, лишён звания генерал-майора. 3 февраля 1942 г. Ермаков был освобождён из-под стражи, понижен в звании и направлен в распоряжение ГУКР НКО СССР. В дальнейшем занимал ряд командных должностей на Западном, Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах.

⁹⁰ К военной контрразведке в 1941–1945 гг. относились Третьи управления НКО и НК ВМФ, Управление особых отделов НКВД СССР, Главное управление контрразведки «Смерш» НКО.

⁹¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – С. 92–93.

⁹² Там же. Т. 2. Кн. 2. – С. 397–401, 411–413.

⁹³ Там же. Т. 2. Кн. 1. – С. 546–547.

⁹⁴ ЦАМО России. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 166. Опубликовано: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3 : В 2 кн. Кн. 2. – М., 2003. – С. 20.

⁹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 85.

⁹⁶ ЦАМО России. Ф. 251. Оп. 646. Д. 465. Л. 231–233. Опубликовано: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 3 : В 2 кн. Кн. 2. – М., 2003. – С. 85–86.

⁹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 12. Л. 332–335.

⁹⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

⁹⁹ Маршевое пополнение во время войны, обученные контингенты военнослужащих различных категорий, отправляемых в организованном порядке (обычно в составе маршевых подразделений) из резерва (запаса) в действующую армию. По прибытии к месту назначения маршевое пополнение распределялось по воинским частям и соединениям. Маршевое подразделение – временное воинское формирование, отправляемое для укомплектования частей действующей армии.

¹⁰⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 263. Л. 123–136.

¹⁰¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 263. Л. 138–140.

¹⁰² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 263. Л. 142.

¹⁰³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 264. Л. 41–42.

¹⁰⁴ В декабре 1941 г. было дополнительно сокращено в тылах Красной армии 1 млн 5 тыс. 191 человек. Всего за сентябрь – декабрь 1941 г. сокращено 2 млн 753 тыс. 191 человек, кроме того, снято со штатной численности выбывших из строя частей и незаполненных должностей 1 млн. 770 тыс. 421 человек. Реальное сокращение составило почти 3 млн человек в самой Красной армии, что позволило пополнить некомплект фронта и сформировать свыше 100 дивизий, 100 бригад и другие части для фронта. См.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 30–31.

¹⁰⁵ Е.А. Щаденко предлагал немедленно отпустить оружие для 58 дивизий, чтобы организовать боевую практику, изучение оружия и проведение стрельб по минимальной учебной норме: 50 винтовок, одному ручному и станковому пулемёту на роту, одному миномёту на батальон, одной пушке 45 мм на полк. См.: Война: 1941–1945. – М., 2010. – С. 76–78.

¹⁰⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 264. Л. 161–161.

¹⁰⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 264. Л. 142, 163.

¹⁰⁸ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 264. Л. 181–186.

¹⁰⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 264. Л. 187–188.

¹¹⁰ Война: 1941–1945 гг. : Факты и документы. – М., 2011. – С. 84.

¹¹¹ Там же. – С. 84.

¹¹² В сопроводительном письме на бланке заместителя наркома обороны СССР было написано: «Тов. Поскрёбышеву А.Н. Посылаю доклад о неправильном использовании частей со стороны тов. Кулик. Прошу немедленно доложить товарищу Сталину. Е. Щаденко».

¹¹³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 265. Л. 9–11.

¹¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 265. Л. 51.

¹¹⁵ Численность запасных частей, военных училищ, академий, местных стрелковых войск и тыловых учреждений военных округов составляла 1 млн 851 тыс. человек. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

¹¹⁶ В рабочих колоннах находилось 1 млн 264 тыс. 400 человек. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

¹¹⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 266. Л. 27–28.

¹¹⁸ Взрывчатка, заложённая в помещения радиостанций № 2 и № 3, самопроизвольно взорвалась в 1941 и 1942 гг. Мероприятия по разминированию объектов, которые готовились к уничтожению в соответствии с «Московским планом», начались в декабре 1941 г. и были закончены в марте 1945 г. Однако по разным причинам часть взрывчатых веществ, заложённых в фундаменте гостиница «Москва», оставалась не извлечённой до июля 2005 г. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 50. Л. 401–402; Оп. 9. Д. 103. Л. 10–12; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 185, 196–197; Комсомольская правда. – 2005. – 14 июля. – С. 8–9.

¹¹⁹ Г.К. Жуков в битве под Москвой : Сб. документов. – М., 1994. – С. 17. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 185.

¹²⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 369. Л. 131.

¹²¹ Синилов Кузьма Романович (1902–1957), генерал-лейтенант (1942). С марта 1939 г. начальник пограничных войск НКВД Мурманского округа. С июня 1941 г. – комендант гарнизона г. Москвы. В годы Великой Отечественной войны – командир 2-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД СССР.

¹²² В Краснодар в качестве наблюдателей прибыли члены английской миссии. Они были информированы Меркуловым о намеченных мероприятиях и ознакомлены в Нефтегорске и Апшеронской с подготовленными к выводу из строя скважинами, а также с ходом демонтажа Краснодарского нефтеперегонного завода, Апшеронской ТЭЦ, компрессорных и насосных станций. Англичане убедились в серьезности предпринимаемых мероприятий, были удивлены размахом работ и заявили, что никаких замечаний или советов не имеют. Ввиду отсутствия необходимости пребывания в Краснодаре специальной английской миссии. Л.П. Берия предлагал, чтобы НКВД договорился с британским посольством в СССР об её отзыве. ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 80–81.

¹²³ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 80–81.

¹²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 10. д. 100. Л. 74–77, 228–233.

¹²⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 413–414.

¹²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 241.

¹²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 265. Л. 112–112 об.

¹²⁸ 21 января 1943 г. ГКО разрешил командующим фронтами использовать «для пополнения действующих армий часть бывших военнослужащих, находившихся в плену и окружении противника, после надлежащей их фильтрации на сборно-пересыльных пунктах на месте в армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктах». ГКО поручил НКВД СССР «выделить необходимое количество работников Особых отделов для проведения фильтрации на сборно-пересыльных пунктах армий и фронтов бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника, в целях выявления среди них изменников Родины, шпионов, предателей, а также сомнительных лиц». АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 270. Л. 108; Лубянка : Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш» : 1939 – март 1946. – М., 2006. – С. 324–325.

¹²⁹ Конвоирование со сборных пунктов Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов осуществлял 250-й конвойный полк НКВД, Калининского и Западного фронтов – 242-й конвойный полк НКВД, Брянского и Юго-Западного фронтов – 229-й конвойный полк НКВД, Южного фронта – 228-й конвойный полк НКВД

¹³⁰ В конце 1941 г. германским и финским войскам удалось оккупировать 2/3 территории Карелии (18 районов из 26), в том числе и столицу Карело-Финской ССР г. Петрозаводск, который был оставлен частями Красной армии 20 октября 1941 г. Противником так же были захвачены города Олонек, Кондопога, Кексгольм, Сортавала, Выборг.

¹³¹ По данным на 23 декабря 1941 г., от сброшенных зажигательных и фугасных бомб в Москве возник 1541 пожар, в результате бомбардировок и пожаров уничтожено 412 и повреждено 879 жилых домов, полностью разрушено 22 промышленных объекта (3 завода, 12 фабрик, 7 предприятий городского и железнодорожного транспорта), частично разрушено 110 промышленных объектов, пострадало 85 культурно-просветительных, учебных, научных, лечебных и общественных учреждений (18 разрушено, 67 повреждено). См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 384–386.

¹³² Великая Отечественная без грифа секретности : Книга потерь : Новейшее спр. изд. – М., 2009. – С. 59.

Белоруссия в первые месяцы Великой Отечественной войны

Новиков Сергей Евгеньевич,

кандидат исторических наук,

Минский государственный лингвистический университет

(Беларусь)

Изучение исторических событий первых месяцев Великой Отечественной войны в Белоруссии продолжает оставаться актуальной проблемой научной мысли и современного общественного дискурса. В исторической литературе белорусские, российские и немецкие исследователи уделяют начальному периоду войны самое пристальное внимание. Но, как показывает анализ современной отечественной военной историографии¹, до последнего времени отдельные аспекты истории начального периода Великой Отечественной войны, в том числе в Белоруссии летом 1941 г., не выходили за рамки традиционных представлений, оставались в контексте общепринятых подходов и канонизированных оценок.

В то же время новейшие отечественные и зарубежные специальные исследования, особенно работы, появившиеся в последние годы благодаря усилиям историков Белоруссии², России³ и Германии⁴, приводят научную общественность к пониманию необходимости более критической оценки отдельных страниц начального периода военной истории Белоруссии: идёт ли речь о ведении Красной армией оборонительных боёв на Западном фронте, или анализируются причины произошедшей на белорусской земле масштабной военной катастрофы, или определяется трагизм последствий проведения нацистской политики порабощения, эксплуатации и уничтожения в оккупированной Белоруссии, или излагается ход всенародной партизанской войны на оккупированной территории в первые месяцы войны.

Новые архивные документы и материалы новейшей отечественной и особенно зарубежной историографии наряду с ранее известной эмпирической базой позволяют реконструировать историческую панораму трагических и героических событий первых месяцев войны в Белоруссии.

Катастрофическое начало войны в Белоруссии

В соответствии с директивой № 21 (план «Барбаросса») главная задача перед германским вермахтом возлагалась на две группы армий, действия которых планировалось развернуть севернее Пинских болот,

создавая таким образом условия для взаимодействия с войсками группы армий «Север» с целью уничтожения советских войск в Прибалтике и в районе Ленинграда. Командование вермахта поставило группе армий «Центр» задачи: сконцентрировать основные силы на флангах, чтобы наступлением севернее и южнее Минска, разрывая танковыми клиньями войска Западного фронта, окружив и уничтожив их, целеустремлённо прорвать оборонительную линию Сталина и продвигаться в направлении Смоленска⁵. «Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву...» – так маршал М.Н. Тухачевский за четыре года до начала войны практически безошибочно определил основное направление наступления вермахта в 1941 г.⁶

Осуществление стратегических задач немецкого командования на территории Белоруссии обеспечивали две ударные группировки: *северная* – её основу составляли подразделения 3-й танковой группы и фронтовые части 9-й полевой армии, которая имела целью уничтожение советских войск в Белостокском выступе и западнее Минска; и *южная* – в составе 2-й танковой группы с частями 4-й полевой армии, задачей которой был разгром основных сил Западного фронта к западу от оборонительного рубежа по рекам Днепр и Двина («линия Сталина»⁷).

Сравнение численного состава и вооружений Западного Особого военного округа (ЗапОВО) и группы армий «Центр» показывает, что силы были примерно равными, кроме танков, которых в войсках округа было значительно больше, и личного состава, где преимущество имел противник. Это значит, что на момент начала войны командование Западного фронта имело необходимые силы и средства⁸, чтобы нанести войскам германского вермахта значительные потери, задержать и не допустить их глубокого продвижения на Смоленск и Москву на первом этапе боевых действий.

По мнению гродненского историка И.А. Басюка, если объективный фактор, то есть соотношение материальных средств военных группировок (количество личного состава, дивизий, танков, артиллерии и самолётов), говорил о приблизительном равенстве, то субъективный фактор (насколько командование и штабы могли эффективно руководить подчинёнными войсками, их силами и средствами для достижения задач войны) говорил об ином соотношении: ни командующий войсками Западного фронта, ни командующие армиями не имели боевого опыта, равнозначного тому, которым обладали командующие немецкими войсками группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршалы Ф. фон Бок, Г. фон Клюге, А. Кессельринг, генералы танковых войск

Г. Гот и Х. Гудериан, генерал-полковник А. Штраус). Накануне войны более половины командиров корпусов и дивизий ЗапОВО имели стаж руководства своими объединениями и соединениями не менее одного года⁹.

План прикрытия государственной границы СССР был разработан Генеральным штабом лишь в феврале 1941 г. Подготовленный на его основе план боевых действий Западного Особого военного округа предусматривал: не допустить вторжения противника на советскую территорию, упорной и активной обороной отразить нападение врага, прикрыть сосредоточение и развёртывание главных сил округа для перехода в контрнаступление и разгром агрессора. По ряду параметров план прикрытия западной госграницы не отвечал реальным условиям, что неоднократно отмечалось в воспоминаниях советских военачальников и в исторической литературе.

Основная роль в обороне границы отводилась 3-й, 10-й и 4-й армиям прикрытия, в состав которых выделялось более 2/3 сил округа. Они размещались в приграничной зоне и строились в два эшелона. В первом эшелоне армий прикрытия находилось 4 стрелковых корпуса (12 стрелковых дивизий), которые предназначались для непосредственной обороны границы. Каждой стрелковой дивизии выделялся рубеж обороны от 33 до 40 км. При этом в непосредственной близости от границы располагались лишь отдельные роты и батальоны. Главные же силы дивизий размещались в местах постоянной дислокации – в военных городках или лагерях, удалённых от границы на 15–40 км, где занимались боевой подготовкой. Предполагалось, что по сигналу боевой тревоги они займут свои участки обороны.

В зависимости от удалённости от районов дислокации дивизиям на это выделялось от 3–9 до 30 часов. Оборона должна была носить активный характер. В случае вклинения противника оборонявшиеся войска и резервы должны были быть готовыми по указанию Главного командования нанести контрудары с целью разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей. Исходя из этой задачи проводилась концентрация сил и средств, оборудовалась территория округа. Были разработаны варианты действий войск округа с учётом предполагаемых направлений наступления противника. Создавалась сильная наступательная группировка войск в белостокском выступе, включая основные силы первого эшелона Западного Особого военного округа (19 дивизий из 26, в том числе все танковые), готовая нанести мощный удар при нападении противника. Большая часть из них находилась в составе 10-й армии, сосредоточенной в центральной части Западного округа, в Белостокском выступе¹⁰.

Штаб Западного Особого военного округа (командующий генерал армии Д.Г. Павлов) развернулся в штаб Западного фронта (приказ наркома обороны СССР № 3 от 22 июня 1941 г.). Сначала штаб размещался в Минске, а с 25 июня – в Могилёве. Его начальником до 30 июня 1941 г. являлся генерал-майор В.Е. Климовских, начальником оперативного управления – генерал-майор И.И. Семёнов, начальником связи фронта – генерал-майор А.Т. Григорьев¹¹.

Непосредственно в распоряжении командования округа в качестве резервов находились 18 дивизий (в том числе 12 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные), 3 воздушно-десантные бригады, 4 укрепленных района, 1 артиллерийско-противотанковая бригада, 2 бригады ПВО и ряд отдельных частей. Кроме того, на территории Белоруссии находились 11 погранотрядов, которые насчитывали 19 тыс. 519 человек Белорусского пограничного округа и полк оперативных войск НКВД. Западный Особый военный округ был одним из сильнейших округов, уступая по численности личного состава лишь Киевскому Особому военному округу.

История военной катастрофы войск ЗапОВО начала писаться 22 июня 1941 г. Несмотря на упорное сопротивление войск Западного фронта, части вермахта быстро продвигались в глубь территории Белоруссии: 22 июня был занят Брест, 23-го – Гродно, 27-го – Барановичи, 28-го – Минск, 2 июля – Борисов, 11-го – Витебск, 16-го – Полоцк, 17-го – Кричев, 26-го – Могилёв, 19 августа – Гомель, 22-го – Добруш. До конца августа 1941 г. вся территория Белоруссии была захвачена. Это стало возможным в результате разгрома частей Красной армии под Белостоком и Минском в течение первых двух с половиной недель войны (Новогрудский «котёл»); захвата северо-восточной части Белоруссии в ходе продвижения вермахта на восток, прежде всего на Смоленск и Москву (Смоленское сражение, начавшееся 10 июля 1941 г.); захвата юго-восточной части в августе 1941 г. (сражение за Гомель).

Первыми врага встретили советские пограничники четырёх пограничных отрядов Белорусского пограничного округа (начальник генерал-лейтенант И.А. Богданов): 17-й Брестский Краснознамённый, 87-й Ломжинский, 86-й Августовский и 88-й Шепетовский, а также находившиеся у границы соединения и части Красной армии. На участке 86-го погранотряда 12 часов героически сражались в окружении бойцы 1-й погранзаставы под командованием старшего лейтенанта А.Н. Сивачёва. Бессмертным стал подвиг 3-й заставы лейтенанта В.М. Усова. В течение 9 часов семь яростных атак отразили пограничники. Из 30 в живых осталось только 16 бойцов. Погиб и начальник заставы лейтенант Усов, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Шесть атак отбила 5-я застава во главе со старшим лейтенантом А.А. Морозовым, до

вечера дрались с врагом и защитники 4-й заставы старшего лейтенанта Ф.П. Кириченко. Мужественно боролись с вражеской пехотой и танками заставы 87-го и 88-го пограничных отрядов. Израсходовав боеприпасы, они дрались врукопашную, почти на 2 дня задержав наступление противника. Участок государственной границы протяжённостью 182 км вдоль р. Буг защищал 17-й Брестский пограничный отряд, 9-я застава которого сражалась в составе бессмертного гарнизона Брестской крепости.

В середине 1980-х гг. главные акценты советской исторической науки о героической обороне Брестской крепости окончательно оформляются в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.»: задавались хронологические рамки оборонительных боёв – они начинались 22 июня и продолжались до 20-х чисел июля 1941 г.; участниками героической обороны являлись подразделения 6-й и 42-й советских стрелковых дивизий, 17-го погранотряда и 132-го отдельного конвойного батальона войск НКВД общей численностью около 3,5 тыс. человек. Они противостояли силам 45-й немецкой пехотной дивизии, поддержанной танками, артиллерией и авиацией. В итоге внезапного нападения превосходящих сил противника гарнизон Брестской крепости в первые же часы войны оказался в окружении. Относительно организации обороны утверждалось, что защитники создали штаб обороны во главе с капитаном И.Н. Зубачёвым и полковым комиссаром Е.М. Фоминым.

В советской историографии общепринятой являлась следующая последовательность боевых действий: бои шли на всей территории Брестской крепости с 22 июня до конца месяца, когда гарнизон не только отражал удары, но и неоднократно контратаковал противника. Захват многочисленных укреплений произошёл в результате общего штурма Брестской крепости 29–30 июня 1941 г. Советские защитники понесли значительные потери. С конца июня до 20-х чисел июля боевые действия носили в основном очаговый характер, небольшие группы советских воинов укрывались в разрушениях и подвалах Брестской крепости, продолжая упорное сопротивление. В качестве итогового результата приводились выводы: 1) защитники крепости почти месяц сковывали целую немецко-фашистскую дивизию; 2) большинство защитников пало в боях, небольшое количество пробилось к партизанам; 3) часть обессиленных и тяжело раненных защитников попала в плен¹².

Особый интерес представляет хронология развития боевых событий, раскрытая в новейшем исследовании российского историка Р.В. Алиева. Следуя немецким документальным источникам, автор показывает, что начиная с 23 июня для немцев стали реальным фактом боевого штурма советские военнопленные, общее количество которых

через неделю боевых действий значительно выросло по сравнению с первой группой красноармейцев, оказавшихся в плену 23 июня 1941 г., когда на участке (северный остров) наступления 135-го пехотного полка, где в течение дня велись мощные огневые налёты с чередованием огня тяжёлых пушек, начиная с 18:30 сдались в плен примерно 1900 защитников. На третий день обороны крепости 2-й батальон 133-го немецкого пехотного полка занял южный остров, захватив в плен 1250 советских воинов. В последний день штурма крепости, 29 июня, в плен сдались 389 советских защитников. Таким образом, в ходе героической обороны Брестской крепости начала заполняться одна из трагических страниц её истории, которая по сегодняшний день замалчивается в отечественной историографии. На момент полного занятия крепости, когда 29 июня 1941 г. фактически капитулировало последнее укрепление – Восточный форт, общее количество советских военнопленных составило 101 офицер и 7 тыс. 122 младших командиров и рядовых¹³. К тому же следует учитывать, что вечером 28 июня на территории крепости были выявлены тела «почти 2 тысяч убитых русских»¹⁴. Как утверждает Р.В. Алиев, сама Цитадель (то есть Центральное укрепление крепости. – С.Н.) пала 26 июня 1941 г. Общее количество защитников крепости доходило до 9 тыс. человек. Но пока ещё различаются взгляды на эти вопросы белорусских, немецких и российских исследователей¹⁵.

Несмотря на героизм и мужество солдат и офицеров, части и соединения фронта были вынуждены под непрерывными ударами противника отходить на восток. Боевые действия носили разрозненный характер. В первые дни войны командующий Западным фронтом, а тем более руководство Наркомата обороны не знали реального положения своих войск и войск противника, некоторые их решения не отвечали военной обстановке.

Так, на исходе первого дня войны Главный военный совет издал директиву № 3, в которой войскам Западного и Северо-Западного фронтов ставилась задача по нанесению в течение следующих двух дней контрудара, направленного в тыл сувалковской группировки противника в районе южнее Гродно с целью её уничтожения и овладения районом Сувалки к исходу 24 июня. Общее руководство контрударом было возложено на заместителя командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта И.В. Болдина, в распоряжении которого оказался только один 6-й мехкорпус 10-й армии. В течение 23–25 июня 1941 г. части мехкорпуса вели жестокие бои в районе Гродно. Воины мехкорпуса проявили героизм и мужество, они не только задержали противника на ряде участков, но и отбросили его назад. Не имея связи со штабами фронта и 3-й армии, оставшись без топлива и боеприпасов, под непрерывными ударами немецкой авиации части 6-го мехкорпуса были раз-

делены противником на отдельные группы. Западный фронт потерял самый боеспособный и лучше всего укомплектованный мехкорпус, где была сосредоточена почти половина имевшихся танков.

Тяжёлое положение сложилось и на левом фланге, в полосе ответственности 4-й армии. Тут немецкие войска использовали свой перевес в силах, овладели оперативно-тактической инициативой и уже за первый день продвинулись до 40 км по территории Белоруссии. Используя невыгодную конфигурацию расположения советских войск с юга и севера на Белостокском выступе, выгнутом в сторону противника, немецкие войска с юга и севера начали обходить район Белостока. В результате путь для наступления немцев на Слоним и Барановичи, в тыл войскам упорно оборонявшейся 10-й армии, был открыт.

Чтобы избежать масштабного окружения, войска 10-й армии под массированными ударами авиации были вынуждены отходить на восток. В научной литературе нет однозначного мнения по поводу этого и других контрударов в ходе оборонительных боёв на территории Белоруссии летом 1941 г.

Одни авторы подчёркивают, что трудно переоценить даже те результаты, которые были достигнуты. В тяжелейших условиях было выиграно время, столь необходимое военно-политическому руководству для завершения мероприятий стратегического и мобилизационного развёртывания, перевода страны на военный лад.

Другие авторы считают, что в Москве слабо представляли себе обстановку, которая сложилась на фронте. А фактически задача состояла в том, чтобы быстро вывести из-под удара соединения, находившиеся в приграничных районах, на те рубежи, где можно было организовать жёсткую оборону, а не бросать разрозненные соединения в беспечное в тех условиях контрнаступление¹⁶.

25 июня 1941 г. Ставка дала согласие на отход войск Западного фронта с удержанием Минского и Слуцкого укрепрайонов. Тяжёлые оборонительные бои в Минском УР 25–28 июня 1941 г. вели 2-й и 44-й стрелковые корпуса 13-й армии. Особенно мужественно при обороне Минска сражались воины 100-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.Н. Руссиянова, уничтожившие за три дня боёв около 100 танков противника, значительное количество немецких солдат и офицеров. Но удержать Минский УР советские войска не смогли и вынуждены были отступить.

По мнению белорусского историка А.М. Литвина, Минский УР, на строительство которого в своё время было затрачено много средств и сил, к сожалению, не смог в сложившейся обстановке выполнить те функции и задачи, для которых он предназначался. Главной причиной было то, что после сентября 1939 г., когда государственная граница

отодвинулась на запад, эта оборонительная линия во многом потеряла свою актуальность. Вооружение Минского УРа, как и трёх других белорусских укрепрайонов, во многих случаях было демонтировано. Положение уже пытались исправить в ходе войны, используя лишь отдельные доты и артиллерийские капониры в общей системе обороны¹⁷.

Передовые части 2-й и 3-й немецких танковых групп соединились под Минском 28 июня 1941 г., замкнув кольцо окружения вокруг 11 дивизий 3-й, 10-й и 13-й армий, создав на белорусской территории один из первых «котлов» – Новогрудский¹⁸. Объективно сложилось так, что окружённые в Новогрудском «котле» части не имели связи с вышестоящими штабами и между собой, были разбеднены, не имели боевого и тылового обеспечения. Среди солдат и офицеров господствовало стремление прорвать окружение с боями, через тылы противника, пробиться к своим войскам. Часть окруженцев была склонна к тактике ведения партизанских действий, чтобы ежедневно наносить урон противнику, дожидаться подхода советских войск и соединиться с ними.

В блокировании Новогрудского «котла» была задействована почти половина войск группы армий «Центр», что замедляло осуществление планов молниеносной войны. А. Гитлер лично требовал ускоренной ликвидации окружённой советской группировки, чтобы вывести танковые дивизии с её блокирования и направить их на Смоленск и Москву. Немецкое командование планировало ликвидировать «котёл» за несколько дней, но из-за сопротивления советских войск боевые действия основных сил 2-й и 9-й немецких армий задерживались здесь до 8 июля, а отдельные группы советских окруженцев вели очаговые бои до середины августа 1941 г.

Части войск Западного фронта с боями удалось вырваться из окружения, часть военнослужащих перешла к формам партизанской борьбы, но самая значительная часть советских солдат и офицеров оказалась в немецком плену. По немецким документам, по состоянию на 9 июля 1941 г. в немецком плену оказались 323 тыс. советских военнопленных, захваченных частями группы армий «Центр» на территории Белоруссии¹⁹.

Западный фронт за первые дни и недели боёв понёс тяжелейшие потери. По среднесуточным людским потерям в Белорусской стратегической оборонительной операции (с 22 июня по 9 июля 1941 г.) были понесены самые большие потери из 93 стратегических и фронтовых операций, проведённых за годы Великой Отечественной войны²⁰.

Несмотря на огромные потери, сдержать натиск врага не удалось. Войска Западного фронта под воздействием превосходящих сил противника были вынуждены отходить на восток. Тем не менее упорным сопротивлением в приграничных районах в сочетании с контрударами

они нанесли ощутимый урон главной группировке вермахта – группе армий «Центр» и замедлили темпы её наступления на Смоленск и Москву. Это дало возможность советскому Главнокомандованию развернуть войска второго стратегического эшелона на рубеже рек Западная Двина и Днепр, рассматриваемых начальником генерального штаба сухопутных сил Германии Ф. Гальдером как линия стратегической обороны Сталина²¹.

С введением в боевые операции войск 2-го стратегического эшелона – Западного фронта 2-го формирования, на территории Белоруссии заканчивается начальный период Великой Отечественной войны. Группе армий «Центр» удалось нанести Западному фронту 1-го формирования тяжёлые потери. Вместе с тем героическое сопротивление войск 4-й и 13-й армий, окруженцев в Новогрудском «котле» оттянуло силы противника, дало возможность Ставке не только развернуть войска 2-го стратегического эшелона, но и перейти к активной стратегической обороне на смоленском и московском направлениях.

Ставка Главного командования видела главную задачу в ведении активной стратегической обороны на всём фронте с целью подрыва наступательных возможностей противника, выигрыша времени для накопления стратегических резервов и создания предпосылок для перехода Красной армии в решительное контрнаступление.

В начале июля разгорелись упорные сражения на витебском, оршанском, могилёвском и бобруйском направлениях. Главной угрозой для советских войск на севере Белоруссии в этот момент являлась 3-я танковая группа. Чтобы ослабить давление противника на витебском направлении, был предпринят контрудар советских войск из района севернее и западнее Орши силами 7-го и 5-го механизированных корпусов (командиры В.И. Виноградов, И.П. Алексеенко) 20-й армии в направлении Сенно и Лепеля. Этот контрудар, начатый утром 6 июля 1941 г., в советской литературе преподносится как одно из крупнейших танковых сражений начального периода войны, в котором с обеих сторон участвовали не менее 1,5 тыс. танков. На самом деле, начатый спонтанно, без какой-либо серьёзной подготовки, артиллерийской и авиационной поддержки, он завершился полным провалом. Продвинувшись в район Сенно на 30–60 км, советские танкисты разгромили два моторизованных полка, нанесли урон живой силе противника. Однако цена оказалась значительно более высокой: 5-й и 7-й мехкорпуса потеряли 832 танка.

Не меньшую угрозу для Западного фронта представляло направление Березино – Могилёв, где наступали соединения 2-й танковой группы. С 1 по 3 июля три немецкие танковые дивизии успешно форсировали р. Березина между городами Березино и Бобруйск и стали развивать

наступление на г. Могилёв, рассчитывая, прорвав оборону на Березине, за один день выйти к Днепру и захватить переправы у городов Рогачёв, Могилёв и Орша. Но их попытки не увенчались успехом.

В начавшемся 10 июля 1941 г. Смоленском сражении, длившемся два месяца, на Западном фронте был проведён комплекс оборонительных и наступательных операций, цель которых заключалась в том, чтобы не допустить прорыва врага на московском стратегическом направлении. В рамках сражения была успешно проведена Рогачёвско-Жлобинская фронтовая оборонительная операция.

С 10 по 20 июля немецкие войска прорвали оборону Западного фронта, продвинулись вперёд на 200 км, окружили Могилёв, захватили Оршу и Смоленск. В это время на левом крыле Западного фронта вела наступление на бобруйском направлении 21-я армия. Она освободила города Рогачёв и Жлобин и сковала на некоторое время главные силы 2-й немецкой армии в междуречье Днепра и Березины.

Боевые действия, связанные с боями под Могилёвом в июле 1941 г., принято рассматривать в контексте начавшейся летней стратегической оборонительной операции и Смоленского сражения. В традиционной советской историографии в отношении обороны Могилёва утвердились оценки заместителя командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта А.И. Ерёменко. Он исходил из трёх этапов оборонительных сражений за Могилёвский плацдарм. Первый, продолжавшийся с 3 по 9 июля, включал в себя бои разведывательных и передовых отрядов на дальних подступах к городу; второй этап, продолжавшийся с 9 по 16 июля, включал в себя упорные оборонительные бои в предполье и на основной полосе обороны перед Могилёвом и многочисленные контракты с целью ликвидации плацдармов, захваченных противником на восточном берегу Днепра на обоих флангах 61-го советского стрелкового корпуса. Важнейшим результатом этого этапа было изматывание и перемалывание живой силы противники и его техники; третий этап продолжался с 16 по 27 июля, когда войска, оборонявшие город, вели бои в окружении²².

Важно понять, на основании каких причин противник характеризует боевые действия на могилёвском направлении наступления сначала «боями за Могилёв»²³, начатыми в 14:00 часов 20 июля 1941 г., а на этапе их завершения «могилёвской битвой» (Schlacht von Mohilew)²⁴? Что фактически остановило на целую неделю практически полностью укомплектованные по штатному расписанию военного времени²⁵ немецкие дивизии в ходе начатой «наступательной операции»²⁶, смысл которой для немцев определялся «штурмом укрепленного плацдарма Могилёв»²⁷.

Поле битвы в течение недели с 20 по 26 июля 1941 г. являлся Могилёвский оборонительный плацдарм, где, следуя традиционной

историографической концепции, «количественно превосходящим» силам немцев противостояли части 61-го стрелкового корпуса в составе 110-й и 172-й стрелковых дивизий, а также мобилизованное на оборону города народное ополчение.

Следуя отечественной историографии, оборона Могилёва войсками Красной армии и народным ополчением с 20 по 26 июля – одна из самых не только героических, но и трагических страниц истории Белоруссии первых месяцев войны. Большинство из отечественных читателей соотносят боевые действия под Могилёвом с устойчивым термином «оборона Могилёва 1941 г.»²⁸ или 23-дневной обороной Могилёва летом 1941 г.²⁹. Эти исторические и научные дефиниции берут своё начало в первые послевоенные десятилетия, когда в основе оценок боевых событий должны были лежать критерии героизма, мужества и самопожертвования во имя победы. Второй стороной являлись поражения, неизбежные человеческие жертвы и плен, что вытеснялось из памяти людей или просто замалчивалось.

Сейчас мало кто оспаривает тот факт, что долгое время изучение обороны Могилёва летом 1941 г. усложнялось строгим идеологическим контролем и подчинением правдивой истории интересам партийной пропаганды. Существенным препятствием на пути исследователей являлись также закрытость советских архивов и недоступность зарубежных архивных фондов. Поэтому в основу послевоенной концепции обороны днепровского рубежа под Могилёвом были положены идеи, введённые в научный оборот в мемуарах советских военачальников и партийных руководителей.

Из белорусской советской историографии следует, что с 16 по 26 июля оборона Могилёва оттягивала на себя четыре пехотные дивизии, танковую дивизию, полк «Великая Германия» и другие части гитлеровцев, которые в боях под Могилёвом потеряли 30 тыс. солдат и офицеров. В отношении боевых действий, имевших место на Буйницком (Буйничском) поле, утверждалось о «количественном превосходстве соединений 2-й немецкой танковой группы», ведших недель ранее, летним «горячим днём» 12 июля 1941 г., наступление на Могилёв. Но из немецких документов, составленных непосредственными исполнителями приказа о наступлении на юго-западном участке обороны Могилёвского плацдарма, вытекает следующее: 12 июля 1941 г. на участке обороны 388-го стрелкового полка (командир – полковник С.Ф. Кутепов) и 340-го лёгкого артиллерийского полка (командир – полковник И.С. Мазалов) вели неудачное наступление три танковые роты 2-го немецкого танкового батальона 6-го танкового полка 3-й танковой дивизии³⁰. Из немецких документов – дневников боевых действий четырёх немецких дивизий – видно: общие потери составили 3 тыс. 765 офицеров, унтер-

офицеров и рядовых, из них убитыми – 727, ранеными – 2 тыс. 867 и пропавшими – 171, в том числе 176 офицеров³¹.

Особенный интерес представляют сведения из немецких документов о климатических условиях ведения боевых действий. В отечественной историографии этот фактор фактически не учитывается. Из документов видно, что на момент начала Могилёвской битвы погода там существенно изменилась по сравнению с тем «горячим» субботним днём, что стоял 12 июля 1941 г., когда на юго-западном участке советской обороны на город вёл наступление 2-й немецкий танковый батальон. Почти всю пятую неделю войны на Могилёвщине шли дожди. В течение трёх дней кряду дожди не прекращались, было холодно, а в пятницу, 25 июля, во второй половине дня прошёл сильный ливень. Именно такое ненастье, как нам видится, в определённой степени повлияло на дальнейший ход обороны города.

Из документов VII немецкого армейского пехотного корпуса вытекает, что из-за ненастья немцы практически не смогли использовать штурмовую авиацию для разрушения с высоким мастерством возведённых оборонительных укреплений на Могилёвском плацдарме³². В донесении командира 23-й немецкой пехотной дивизии отмечается, что густой туман, стоявший в городе на Днепре рано утром 26 июля в связи с возвращением тёплой погоды, содействовал тому, что части защитников удалось почти незаметными вырваться из окружённого города.

В таких условиях командование 2-й немецкой пехотной армии отдаёт приказ VII пехотному корпусу «начать наступление на Могилёв и форсировать Днепр 20 июля 1941 года»³³. Выполнение поставленной задачи должны были обеспечить две немецкие пехотные дивизии – 7-й ставилась задача по штурму северо-западного, 23-й – юго-западного рубежей обороны города, их захвату и форсированию Днепра в течение второй половины дня.

Сроком для начала наступления на Могилёв было определено время 14 часов 20 июля 1941 г. Из дневников боевых действий немецкого армейского командования видно, что защитники Могилёвского плацдарма с первых часов боевых действий существенно нарушили немецкие планы, сразу же остановили, а затем и на целую неделю задержали на днепровском рубеже значительные немецкие силы, так необходимые для наступления на Смоленск и Москву. Поэтому 22 июля к уже наступавшим на Могилёв пехотным дивизиям VII армейского корпуса в полном составе была присоединена 78-я пехотная дивизия XII немецкого корпуса, оперативной задачей которой являлся штурм города с юга в направлении района Луполова. А 23 июля немецкое командование 2-й армии пошло даже на использование стратегических резервов – ввела в бой свежие силы 15-й пехотной дивизии³⁴. Именно эта дивизия осу-

ществляла окончательный захват Могилёва. Таким образом, в штурме Могилёвского плацдарма участвовали четыре пехотные дивизии 2-й полевой армии вермахта³⁵.

Сведения из донесений командиров дивизий о разворачивании боевых действий на отдельных участках обороны Могилёва показывают высокую степень боевой готовности защитников города, в первую очередь – частей Красной армии³⁶. Как вытекает из документальных источников, на линии наступления противник встретил эффективно действующую оборону, «искусно и мастерски оборудованные позиции»³⁷, особенно сильным, как утверждается в документах, являлся неприступный бастион Гай³⁸ – прочно укреплённая лесная опушка. Из вечернего донесения от 21 июля 1941 г. VII армейского корпуса командованию 2-й полевой армии становится очевидным, что 7-я и 23-я дивизии в течение двух дней безостановочно ведут «очень упорные бои». На второй день ведения боёв корпусное командование оставляет запись: сопротивление перед этими дивизиями настолько сильное и упорное, что возникают сомнения о самостоятельном разгроме врага и взятии плацдарма³⁹.

Немцы практически во всех документах отмечают, что на пути наступления пехотных дивизий «была выявлена хорошо оборудованная система оборонительных позиций»⁴⁰, которые дополняли удачно поставленные минные поля⁴¹.

Документы не замалчивают то, что на всех рубежах под Могилёвом немецкие пехотные полки были встречены мощным огнём сопротивлением: на каждом участке велись упорные бои, использовалась самая разная тактика и защитники не думали сдаваться. Следуя немецким оценкам, атакующим не удалось заставить замолчать артиллерию противника, наступающие постоянно ощущали на себе её точный огонь. На третий день штурма командование VII корпуса констатировало: этот день вновь не привёл к окончательному успеху. Несмотря на атаки 7-й и 23-й дивизий при поддержке тяжёлой артиллерии враг упорно держится на отлично оборудованных полевых позициях⁴².

Немецкое командование неоднократно обращало внимание как на «мастерски» возведённые советской стороной полевые позиции, так и на искусство их обороны частями Красной армии: они умело и упорно защищаются, ведя огонь из хорошо укреплённых и главным образом замаскированных позиций.

На третий день штурма оперативным отделом командира 23-й немецкой пехотной дивизии делается запись в дневнике боевых действий: ведение обороны нужно характеризовать как отличное⁴³. В дневниковых записях говорится: с первого дня штурма немцами Могилёвского плацдарма росло сопротивление защитников: каждый куст, каждую опушку и каждую деревню нужно было брать с боем⁴⁴.

Даже краткие выдержки из немецких документов убедительно говорят о том, что в течение недели бойцы Красной армии и народное ополчение упорно обороняли Могилёвский плацдарм, создав на пути 7-й и 23-й дивизий, как об этом пишут сами немцы, «крепость Могилёв» (Festung-Mohilew)⁴⁵.

В донесении, подготовленном через три недели оперативным отделом штаба VII пехотного корпуса по итогам штурма укрепленного плацдарма Могилёв, командование корпусом даёт не только принципиальный анализ оперативных действий 7-й, 15-й, 23-й и 78-й дивизий, фиксируя при этом упорную борьбу, которую они были вынуждены вести на каждом рубеже обороны Могилёвского плацдарма в течение целой недели, но и отмечает силу, выдержку, стойкость и выносливость защитников днепровского рубежа под Могилёвом⁴⁶. В документе оставлены следующие строки: «плацдарм Могилёв брался VII армейским корпусом в течение семи дней с неожиданно жестокими боями. Этот штурм представляет собой полностью завершённую операцию, а поэтому является редкой картиной *отдельной битвы* (выделено мной. – С.Н.) армейского корпуса... Русский держится до последнего. Он совсем не восприимчив к боевым действиям на его флангах и в тылу. Нужно было с боем брать каждую стрелковую ячейку, каждую противотанковую и пулёмётную позицию, каждый дом»⁴⁷.

Исторически перед нами не рядовая оборона днепровского рубежа под Могилёвом, а уникальная оборонительная операция, фактически первая удачно организованная и мастерски проведённая в сложных условиях оборонительная битва, о которой не жалели высоких оценок даже непосредственные участники штурма – командиры немецких пехотных дивизий и командование VII армейского корпуса. Эта значит, что в фокусе нашего научного анализа находятся боевые действия достаточно важного оперативного и, без большого преувеличения, даже стратегического значения, имевшие место на белорусской земле в начальный период Великой Отечественной войны.

Одним из таких вопросов, до сегодняшнего дня остающихся «белым пятном» в белорусской историографии, является исследование трагической судьбы советских военнопленных, оказавшихся в немецком плену в ходе обороны города Могилёва. Отдельные попытки белорусских историков, в частности могилёвского исследователя Н. Борисенко, обратиться к этой проблематике пока не дали полного представления о плене в ходе обороны днепровского рубежа под Могилёвом⁴⁸. На наш взгляд, без знания всей правды о трагической доле советских солдат и офицеров не будет написана реальная картина истории обороны Могилёва летом 1941 г. Необходимость изучения данного вопроса является особенно очевидной в контексте того факта,

что в Могилёве во время войны размещались 8 лагерей для военнопленных⁴⁹. Причём только в одном из них – шталаге № 313, который размещался в районе Луполова, находились, на основании отечественных документов, свыше 40 тыс. военнопленных⁵⁰.

Для сотен тысяч воинов Красной армии летние месяцы 1941 г. на территории Белоруссии являлись «трагическим летом». Не было исключением в этом плане и Могилёв⁵¹. По подсчётам, проведённым автором на основе выявленных на сегодняшний день документов – дневников боевых действий 7-й, 15-й, 23-й и 78-й пехотных дивизий, донесений и рапортов командования VII пехотного корпуса, а также оперативных сводок главного командования 2-й полевой армии германского вермахта, – общее количество советских воинов, оказавшихся в течение недели с 20 по 26 июля 1941 г. в немецком плену под Могилёвом, составляет 35 тыс. 31 человек, в том числе 31 офицер Красной армии⁵². Напомним, что в современной белорусской историографии приведено количество безвозвратных потерь, но при этом не определены пленные: по подсчётам Н. Борисенко, в Могилёве в ходе многодневных боёв погибло свыше 15 тыс. воинов Красной армии без учёта народных ополченцев⁵³.

Плен являлся реальным фактором боевых действий и на Могилёвской участке обороны днепровского рубежа. Но научной ценностью немецких документов об этой странице преступлений вермахта можно считать не только установление общей численности советских военнопленных, но и детальный показ всех частей Красной армии, участвовавших в обороне города Могилёва летом 1941 г. По настоящее время в отечественной историографии речь идёт главным образом о 110-й и 172-й стрелковых дивизиях⁵⁴.

Командование Западного фронта, чтобы отвлечь силы противника со смоленского направления, по указанию Москвы предприняло ряд отвлекающих ударов на отдельных участках фронта. 12 июля командующий Западным фронтом Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко отдал приказ 21-й армии о нанесении контрудара на бобруйском направлении. 13 июля, когда бои в районе Могилёва ещё только начинались, войсками 63-го (генерал-лейтенант Л.Г. Петровский) и 66-го (генерал-майор Ф.Д. Рубцов) стрелковых корпусов 21-й армии неожиданно для противника был нанесён контрудар в направлении Рогачёва, Жлобина и Бобруйска. Корпус Петровского форсировал Днепр, освободил Жлобин, Рогачёв и развил наступление на Бобруйск. К началу июля корпус вклинился до 30 км в расположение врага. Противник бросил против него 8 пехотных дивизий. 14 августа немецкие войска прорвали оборону и зашли в тыл корпуса. Командование фронтом понимало, чем грозит сложившаяся ситуация окружённому корпусу, но Ставка с начала

августа в категорической форме отклоняла все просьбы на отвод полуокружённых частей. Исполняя распоряжения вышестоящего командования, 63-й корпус оказался в окружении. По приказу военного совета фронта с 17 августа части корпуса с боями начали выход их окружения в направлении Гомеля⁵⁵, однако безуспешно. Утром следующего дня немецкие войска обошли оборонительные позиции советских войск и ополчения с востока и вышли к юго-западным окраинам города. К вечеру 18 августа Гомель был захвачен.

50-дневная героическая оборона на гомельском направлении, в том числе 12-дневная оборона города Гомеля, имела большое значение для исхода Смоленского сражения. Защитники города не дали возможности противнику быстро прорваться во фланг Юго-Западного фронта.

Таким образом, в 1941 г. на территории Белоруссии войска Западного фронта потерпели тяжёлое поражение. За первые 18 дней, по последним данным российской историографии, общие потери Западного фронта в живой силе составили 417 тыс. 729 из примерно 625 тыс. личного состава Западного фронта (без учёта Пинской речной флотилии), из которых 341 тыс. 73 (54,5%) считаются безвозвратными⁵⁶. Огромными были потери в ходе Смоленского сражения. В этих боях Западный фронт потерял 469 тыс. 584 человек (из 579 тыс. 400), при этом общая доля безвозвратных потерь составила 53,5%, или 309 тыс. 959 человек⁵⁷.

Потери немецких войск составили около 40 тыс. солдат и офицеров и 147 сбитых самолётов. Учитывая, что войска противника в начальном периоде войны потеряли свыше 100 тыс. человек личного состава, то на долю Западного фронта приходится 40% потерь, нанесённых противнику⁵⁸.

Завершая рассмотрение оборонительных боёв в летние месяцы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии, можно утверждать, что в невероятно тяжёлых боевых условиях советскими войсками своим героическим сопротивлением и ценой огромных потерь был внесён весомый вклад в будущую победу над врагом.

Эвакуация населения и материальных ценностей

С самого начала войны всё хозяйство неоккупированной территории Белоруссии было переведено на военный лад. Необходимо было обеспечить работу предприятий, железнодорожного транспорта, связи, их охрану, массовое участие трудящихся в строительстве оборонительных сооружений и т. д. В республике организуется производство оборонной продукции: в Гомеле на заводе им. С.М. Кирова, на заводе «Двигатель революции», кроватной фабрике и электростанции, лесокombинате и спичечной фабрике «Везувий» в Новобелице. Многие заво-

ды в Витебске, Могилёве, Гомеле, Мозыре, Климовичах и других городах переключились на ремонт танков, орудий, тракторов, автомашин. Кроме того, было создано 30 специальных предприятий по ремонту военной техники. Лёгкая промышленность переключилась на выпуск военного обмундирования и снаряжения, а пищевая – продуктов питания для частей Красной армии⁵⁹.

Как указывалось в Директиве о мобилизации всех сил и средств на разгром захватчиков от 29 июня 1941 г., было категорически запрещено оставлять противнику хлеб, горючее, имущество. Колхозники должны угонять скот. Хлеб сдавать для вывозки в тыловые районы, всё ценное имущество, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться⁶⁰. В случае невозможности организованной эвакуации колхозного имущества и уборки урожая на местах принимались решения о распределении посевов среди колхозников, рабочих и служащих и единоличников, подлежали уничтожению озимые, яровые и зерновые, технические культуры. В сложной обстановке было отгружено в Ярославскую и Московскую области 44 тыс. 765 т заготовленных зернопродуктов, 42 тыс. т было уничтожено⁶¹.

С первых дней войны развернулась работа по эвакуации в глубокий тыл мирного населения, оборудования предприятий и других материальных ценностей. Эвакуацией руководила созданная при Военном совете Западного фронта специальная правительственная комиссия – Центральная комиссия по эвакуации. Несмотря на тяжёлые условия и чрезвычайно напряжённую обстановку, республиканские партийные и советские органы смогли обеспечить эвакуацию основных промышленных предприятий, скота и зернофуража по четырём областям: Витебской, Могилёвской, Гомельской и Полесской, где работали областные эвакуационные комиссии. Кроме того, были организованы эвакуационные пункты в Гомеле, Новобелице, Костюковичах, Калинковичах, Орше. В г. Торопце Калининской области и других местах находились пункты для отправки населения, выходящего из районов, занятых противником. Главное внимание в этих условиях обращалось на эвакуацию наиболее ценного оборудования, сырья и продовольственных ресурсов.

Из указанных четырёх областей в основном вывезены все металлообрабатывающие станки, машины, электрооборудование, цветные металлы и наиболее ценное сырьё со всех предприятий, в том числе и мелких⁶².

Из Витебской области в тыл СССР удалось вывести оборудование 37 крупных предприятий, в том числе льнопрядильной фабрики им. К. Маркса, обувных фабрик «Красный Октябрь» и «Прогресс», швейной фабрики «Профинтерн», БелГРЭСа, «Осинторфа», Оршанского льнокомбината. С территории области целиком эвакуирован целый

станочный парк, электрооборудование, полуфабрикаты, цветные металлы и частично чёрные металлы по станкостроительным заводам: «Коминтерн», им. С.М. Кирова и мастерским политехникума. Кроме того, полностью вывезены цеха фабрик и заводов, работающих на вооружение Красной армии, а именно: цеха игольной и очковой фабрики и цех завода им. С.М. Кирова. Также вывезена Витебская фабрика № 2 со всем сырьём и полуфабрикатами. По лёгкой промышленности полностью эвакуированы швейные фабрики: «Знамя индустриализации», «Профинтерн», обувные фабрики «Прогресс», «Красный Октябрь». По текстильной промышленности эвакуировано основное оборудование (станки, шлихтовальные машины, электромоторы и электроподстанция) фабрики «Дубровенская мануфактура». С фабрики КИМ вывезено около 2 тыс. трикотажных машин, готовая продукция и сырьё. С фабрики им. Кагановича вывезено 104 вагона сырья, электрооборудование, медные детали машин, медные цилиндры продольных ватеров. С районной электростанции БелГРЭС вывезены два турбогенератора со всем электрооборудованием и с третьего снят регулятор. Ввиду отхода наших воинских частей из Витебской области демонтированное и отгруженное оборудование частично задержалось в пути.

Из Могилёвской области было эвакуировано 15 фабрик и заводов, в том числе: полностью эвакуирован завод № 459 НКАП (Наркомат авиационной промышленности. – С.Н.) со всем станочным оборудованием и инженерно-техническими работниками и рабочими завода, также эвакуировано всё оборудование Могилёвского металлокомбината, станкостроительный завод, бумажная фабрика. По лёгкой промышленности полностью вывезено оборудование швейной фабрики им. Володарского, шорной фабрики и Могилёвского кожзавода. По текстильной промышленности полностью эвакуированы Могилёвская шёлковая фабрика, «Могилёвское волокно» совместно с электростанцией и подстанцией. Кроме того, эвакуирован полностью Быховский ацетоновый завод. Частично вывезено оборудование Кричевского цементного завода, Шкловской бумажной фабрики и труболитейного завода.

Гомельская и Полесская области находились в более благоприятных условиях эвакуации в силу сложившегося положения на этом участке фронта, в результате чего она там проходила наиболее организованно и планомерно.

Всего из Белоруссии вывезено в тыл СССР 19 тыс. 611 единиц промышленного оборудования, 5 тыс. 496 вагонов готовой продукции и сырья, 845 т цветных металлов и ряд других материалов. Более всего – 38 фабрик и заводов – было эвакуировано из Гомеля и области, в том числе Добрушская бумажная фабрика, Речицкая спичечная фабрика «10 лет Октября», станкостроительный завод им. С.М. Кирова, электро-

станция, лесокомбинат, стекольный завод, «Гомсельмаш», машиностроительный завод «Двигатель революции», кондитерская фабрика «Спартак», обувная фабрика «Труд», трикотажная фабрика им. 8 марта и др. По сведениям Гомельской эвакуационной комиссии по состоянию на 18 июля 1941 г., из Гомеля и западных областей республики с 24 июня по 18 июля 1941 г. было эвакуировано всего 34 тыс. 973 человека, в том числе 21 тыс. 224 через эвакуационную комиссию, из детских домов, детских больниц, членов семей, 3 тыс. 647 – выехало в качестве работающих на предприятиях⁶³.

В течение первого месяца войны в советский тыл было эвакуировано полностью оборудование и ценные материалы предприятий из Полесской области, в том числе лесозавода «Пролетарий», мебельной фабрики «Профинтерн», а также Микашевичский фанерный завод, Мозырская ГЭС, Наровлянская конфетная фабрика, ряд спиртовых заводов и других предприятий. В соответствии с решением Центральной комиссии по эвакуации от 2 июля 1941 г., эти предприятия были намечены к эвакуации в российские города Архангельск, Казань, Уфу, Пензу, Воронеж, Курган⁶⁴. Наряду с эвакуацией промышленного оборудования организована эвакуация скота, сельскохозяйственного оборудования, тракторов, комбайнов, зерна и других продуктов сельского хозяйства и промышленных товаров. Из имевшихся по области 152 тыс. голов крупного рогатого скота, в том числе 27 тыс. голов рабочего скота – волов, вывезено или находится в пути по маршруту Орёл – Курск 111 тыс. 400 голов, причём по состоянию на 24 июля через Днепр переправлено в районе Комарина 61 тыс. голов, остальной скот находится главным образом в Комаринском, Брагинском и, частично, в Хойникском районах⁶⁵. По сообщению райисполкомов, скот (кроме крупного рогатого вывозились рабочие волы, овцы, свиньи) во всех колхозах области находится в пути по вышеуказанному маршруту. Из наличия 924 тракторов в области 456 из них отправлено МТС, 270 тракторов погружено в вагоны по маршруту Тамбов – Пенза. 156 тракторов осталось в уже занятых Глуском и Паричском районах, остальные трактора находятся в тыловых районах. Из 132 комбайнов и 110 молотилок было отгружено 55 комбайнов и 43 молотилки, остальные находятся на железнодорожных станциях или на пути к станциям⁶⁶.

Из четырёх восточных областей скот направлен по маршрутам в Московскую, Орловскую и Черниговскую области, где сдавался на государственные базы. На 29 июля 1942 г. только из восточных областей республики было вывезено в тыл 395,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 248 тыс. овец, 15,5 тыс. свиней. К началу февраля 1942 г. в РСФСР насчитывалось 2 тыс. 890 тракторов, 109 комбайнов и много другой сельскохозяйственной техники, вывезенной из БССР. Кроме того, из

Белоруссии было эвакуировано 161 отделение и контора Госбанка, 116 центральных и районных сберкасс, ряд республиканских, областных и местных учреждений, часть институтов АН БССР, культурных учреждений⁶⁷. Всего из республики в регионы советского тыла было эвакуировано свыше 1 млн человек, оборудование 124 крупных предприятий союзного и республиканского подчинения, около 5 тыс. тракторов, большое количество иной сельскохозяйственной техники, сотни тысяч голов скота, другие материальные ценности, 20 высших и средних учебных заведений, 6 театров, многие прочие учреждения социально-культурной сферы, имущество и кадры государственных структур⁶⁸.

Сразу же после прибытия в места назначения эвакуированные предприятия приступили к работе. Уже через месяц после прибытия в Курган «Гомсельмаш» начал давать готовую продукцию, объём которой непрерывно рос. Вскоре в тылу начали выпуск продукции для разгрома врага десятки фабрик и заводов, эвакуированных из БССР. Коллективы многих из них неоднократно получали переходящее Красное знамя за перевыполнение производственных заданий, например, вывезенные из Витебска станкостроительные заводы им. С.М. Кирова (в Чкалове) и «Коминтерн» (в Саратове), швейная фабрика «Знамя индустриализации» (в Саратове), трикотажная фабрики «КИМ» и им. К. Цеткин (в Куйбышевской обл.), Гомельский паровозовагоноремонтный завод (в Уфе) и др.⁶⁹

Таким образом, в условиях возрастания опасности захвата белорусской территории войсками германского вермахта советские органы власти прилагали чрезвычайные усилия, направленные на эвакуацию на восток материальных и людских ресурсов БССР.

Германская оккупация Белоруссии

С 22 июня 1941 г. Белоруссия превратилась не только в поле боевых действий Красной армии и германского вермахта, но и являла собой полигон по воплощению нацистской оккупационной системы в разные формы эксплуатации, произвола, террора и уничтожения.

Захват частями германского вермахта территории Белоруссии одновременно означал установление германской оккупационной власти. С 1 августа и по 20 октября 1941 г. захваченная белорусская территория переходила в подчинение разных германских органов военной и гражданской власти, от командующего тылом группы армий «Центр» на востоке до крайкомиссаров на территории округа «Белосток» на западе. Датой официального раздела Белоруссии считается 1 сентября 1941 г., когда в Минске состоялась передача власти из рук представителя тылового командования вермахта М. фон Шенкендорфа в руки генерального комиссара В. Кубе. В результате захваченная к тому времени немецки-

ми войсками территория Белоруссии была разделена на две административные части: общего военного и гражданского управления. Почти половина Белоруссии по линии Полоцк – Борисов – Слуцк (между Слуцком и Бобруйском) общей площадью 107,5 тыс. км² оказалась под управлением военного командования. Тыловые области группы армий «Центр» находились в ведении командующего тылом. Это составляло почти половину от всей территории, которая находилась в области командования группы армий «Центр». Местонахождение командующего изменялось между Могилёвом и Смоленском.

На территории Белоруссии военное управление области тыла находилось в руках командиров охранных дивизий, полевых комендатур, местных комендатур. Первые месяцы 1941 г. территория Белоруссии находилась под контролем военно-административных органов управления – 4 охранных дивизий (в ноябре 1941 г. штаб 201-й находился в Лепеле, 203-й – в Бобруйске, 221-й – в Гомеле, 286-й – в Витебске)⁷⁰. В это же время тыловая область группы армий «Центр» на территории Белоруссии находилась в подчинении 7 полевых комендатур, соответственно: 244-й, которая размещалась в Борисове, 549-й – в Климовичах, 551-й – в Гомеле, 581-й – в Бобруйске, 683-й – в Орше, 813-й – в Могилёве и 815-й – в Витебске⁷¹. На уровне районных центров всей Восточной Белоруссии действовали местные комендатуры. На территории рейхскомиссариата «Остланд» военные службы подчинялись главнокомандующему вермахта.

На территории Белоруссии, подчинённой командованию группы армий «Центр», кроме чисто военной администрации выполняли свои функции военно-экономические службы. На уровне полевых комендатур этими вопросами занимались специальные группы «экономики» – IV Wi; на уровне охранных дивизий за вопросы экономики отвечали хозяйственные команды, в отношении захваченной Белоруссии речь шла об экономических командах «Бунцлав», «Швейдниц», «Хиршберг». На территории группы армий «Центр» руководящим органом была определена экономическая инспекция «Центр».

В соответствии с приказом А. Гитлера о гражданском управлении на новозанятых восточных территориях, изданным 17 июля 1941 г., оккупированные земли делились на генеральные округа, а округа – на районы. Несколько районов объединялись в главные округа. Во главе генерального округа стояли генеральные комиссары, во главе рейхскомиссариатов – рейхскомиссары. Центральная и западная части территории Белоруссии входили в состав рейхскомиссариата «Остланд», в состав которого кроме генерального округа «Белорутения» (Белоруссия) были включены Эстония, Латвия и Литва. Во главе РК «Остланд» был назначен Г. Лозе, резиденция которого находилась в Риге.

В Генеральный округ Белоруссия вошли территории по линии Полоцк – Борисов на востоке, Старые Дороги – оз. Червоное на юге, по р. Зельвянка и восточной кромке Беловежской Пуши на западе. Площадь округа составляла четвёртую часть территории БССР с населением 3 млн 138 тыс. 256 человек (по состоянию на декабрь 1941 г.) (с апреля 1942 г. территория Ошмянского, Свирского, Видзовского, Островецкого, Сморгонского и Поставского районов общей площадью около 5 тыс. км² и населением почти в 200 тыс. человек была передана в подчинение генерального комиссара Литвы⁷²).

Сама территория генерального округа Белоруссия была разделена на 10 округов (областей, гебитов) – Барановичи, Борисов, Вилейка, Глубокое, Ганцевичи, Лида, Минск, Новогрудок, Слоним, Слуцк. Во главе их стояли областные комиссары – гебитскокомиссары⁷³. Кроме того, в Минске был создан городской комиссариат, который обладал правами гебитскокомиссариата. Все они находились в подчинении генерального комиссара гауляйтера В. Кубе.

Белостокская область и часть районов Брестской и Барановичской областей с городами Гродно, Волковыск и Пружаны общей площадью около 10 тыс. км² и населением в 500 тыс. человек вошли отдельной административной единицей в округ Белосток. Округ охватывал приблизительно 32 тыс. км² с населением в 1,6 млн человек. Созданная 1 августа 1941 г., эта административная единица находилась в подчинении гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха. Округ состоял из 7 крайскокомиссариатов, в три из которых входили западнобелорусские земли – Гродно, Волковыск и Бельск⁷⁴.

Южные районы Гомельской и Полесской областей, часть районов Брестской области были включены в рейхскокомиссариат «Украина». В него входили генеральные комиссариаты «Волынь и Подолия» и «Житомир». В первый из них, центром которого с 1 сентября и до начала 1942 г. являлся Брест, были включены областные комиссариаты – гебитскокомиссариаты Брест, Пинск, Кобрин и Столин, занимавшие территорию площадью в 20,2 тыс. км² (с населением в 750 тыс. человек (с начала создания комиссар округа находился в Малорите). В генеральный округ Житомир, созданный 1 октября 1941 г., входили округа Мозырь, Петриков, Речица, Лельчицы, Ельск и Комарин общей площадью в 22,6 тыс. км² с населением около 550 тыс. человек⁷⁵.

Генеральные комиссариаты являлись высшим органом германской оккупационной власти на территории гражданского управления. Примерно по такому принципу строилась структура и окружных (областных) комиссариатов. Так, по состоянию на сентябрь 1941 г. в структуре Минского окружного комиссариата насчитывалось 10 отделов: общий, финансовый, промышленный, земельный, правовой, дорожный, про-

свещения, учёта работы волостей, охраны здоровья, службы порядка (с декабря 1942 г. отдел службы порядка был выделен из структуры комиссариата и стал существовать самостоятельно)⁷⁶. Личный состав генерального и окружного комиссариатов всецело состоял из немецких служащих, исключением являлись переводчики и обслуживающий персонал.

В состав окружного комиссариата входило несколько районов. Так, в Минский окружной комиссариат входило 9 районов (Заславский, Койдановский, Логойский, Марьиногорский, Минский, Руденский, Смоленвичский, Уздинский и Червенский), на территории которых проживало свыше 300 тыс. человек (данные 1942 г.). В городах создавались городские управления (управы) во главе с бургомистрами. При этом созданная вермахтом структура вспомогательного административного аппарата нижнего звена (управления городов, районов, волостей) с приходом немецкого гражданского управления претерпела ряд изменений, которые, однако, не изменяли сути её деятельности. Согласно директиве командующего сухопутными войсками от 3 апреля 1941 г. создавались местные вспомогательные управления городов, районов и волостей, которым подчинялась местная вспомогательная полиция⁷⁷.

Низшим звеном в структуре оккупационной власти были волостные управы, которые возглавлялись волостными бургомистрами (старшинами). Территория волости обычно совпадала с территорией бывших сельских советов. Хотя в некоторых районах (Стародорожский, Слуцкий) в одну волость включались территории двух сельсоветов. В западных районах Белоруссии были восстановлены границы прежних гмин⁷⁸. В деревне (общине) представителем оккупационной власти являлся староста или старшина общины, под которым на первом этапе разумелись коллективные хозяйства (колхозы).

В системе гражданской оккупационной администрации особая роль принадлежала полиции безопасности и службе безопасности (СД). На территории генерального округа Белоруссия постоянно действовали объединённые органы полиции безопасности и службы безопасности. В Минске было учреждено управление полиции безопасности и СД для Белоруссии. На местах – в округах и районах – управление имело отделы. Сохраняя свою независимость, управление полиции безопасности и СД находилось под контролем начальника полиции безопасности и СД рейхскомиссариата «Остланд» и подчинялось главному имперскому управлению безопасности.

Важную роль в проведении оккупационной политики призваны были играть и местные полицейские силы. Процесс создания местной полиции, так называемой службы порядка, на территории Белоруссии был начат летом 1941 г. командующим тылом группы армий «Центр».

Во время военного управления местными и полевыми комендатурами служба порядка была создана во многих сельских районах. Набор в её ряды проводился на добровольной основе, причём не имело никакого значения, имеет поступающий военную подготовку или нет. Трофейного советского оружия хватало, чтобы вооружить только часть полицейских. Обмундирования не было. Деньгами и продовольствием полицейские обеспечивались городскими управлениями или районными руководителями. В действительности, особенно в сельской местности, полицейские ориентировались на самоснабжение.

До 1 декабря 1941 г. была создана структура местной полиции, состоящая из полицейских служб порядка. Организационная структура предусматривала для каждого района создание в районном центре жандармского поста, усиленного полицейскими, а внутри района от 3 до 5 полицейских постов, которые находились под общим руководством начальника районной полиции. В среднем на район численность службы порядка составляла от 60 до 300 человек, в зависимости от района и времени⁷⁹. Эти силы пополнялись полицейскими формированиями, созданными из военнопленных и местного населения, а также «восточными» батальонами (на территории Белоруссии в годы оккупации в разное время действовали 26 латышских, 21 украинский, 8 белорусских, 8 литовских и 1 эстонский полицейские батальоны, которые подчинялись высшему руководству СС и полиции⁸⁰).

Оккупационный режим, кроме того, искал поддержку среди местного населения, из числа которого создавались иные коллаборационистские органы и организации с целью сотрудничества с захватчиками. В октябре 1941 г. была создана Белорусская народная самопомощь (БНС) во главе с И.А. Ермаченко, которая должна была заниматься вербовкой и вывозом населения на принудительные работы в Третий рейх, организацией военного дела и школьного образования, здравоохранением, культурой и пропагандой идей нацизма. Кроме того, коллаборационисты организовали Белорусское научное общество, белорусские профсоюзы и судебные структуры. При руководстве БНС была создана Центральная рада, члены которой назначались и увольнялись гауляйтером В. Кубе. Действовали и местные органы БНС (в последующие годы оккупации были созданы также Белорусский корпус самообороны – БКС, Союз белорусской молодёжи – СБМ, Белорусская центральная рада – БЦР, Белорусская краевая оборона – БКО).

Таким образом, в условиях ограниченного штата немецкой оккупационной администрации военные и гражданские органы власти пытались создать систему для господства, управления и эксплуатации на захваченной территории Белоруссии.

К использованию трудовых ресурсов Белоруссии германские власти приступили с первых дней её оккупации⁸¹. Конкретные задачи по привлечению местной рабочей силы вытекали из «Директив по ведению хозяйства на новозанятых восточных территориях», принятых 16 июня 1941 г. Согласно им местное население должно было в обязательном порядке привлекаться к выполнению восстановительных работ и для обеспечения бесперебойного продвижения военных частей вермахта на восток. Командование частей и полевых комендатур должно исходить из того, что использование мирного населения не может отрицательно влиять на проведение работ по уборке урожая, а также на производство важной в военном плане продукции⁸².

Распоряжением имперского министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга, опубликованным 5 августа 1941 г., вводилась всеобщая трудовая повинность для всего населения в возрасте от 18 до 45 лет. Учётом трудоспособного населения в западной и южной частях Белоруссии занимались специально созданные для этого отделы 20 окружных комиссариатов и биржи труда. К концу 1941 г. на территории генерального округа «Белорутения» было создано 9 бирж – в Минске, Барановичах, Лиде, Новогрудке, Слониме, Вилейке, Слуцке, Глубоком и Ганцевичах. Регистрация на биржах труда носила принудительный характер. Под угрозой голода (работавшие получали продуктовые карточки) и репрессий население вынуждено было работать на предприятиях, имевших главным образом военное значение, строительстве, ремонте и расчистке шоссе и железных дорог, аэродромов, добыче торфа, вырубке и вывозе леса, при проведении разных сельскохозяйственных работ и т. д.⁸³

Крах плана «блицкрига» в войне против СССР стал рубежом, когда берлинские стратеги вынуждены были вносить существенные коррективы в оккупационную политику на востоке в целом, в том числе в практику организации военной экономики на местах. С ноября 1941 г. в основу деятельности германских хозяйственных органов и служб легли «общие принципы экономической политики на новозанятых восточных территориях»⁸⁴. В соответствии с внесёнными изменениями высшим законом дальнейшего ведения войны нацистское руководство объявляло «потребности военной экономики»⁸⁵. В числе важных военно-экономических задач наряду с продовольственным обеспечением вермахта из ресурсов захваченной страны также называлось восстановление промышленного производства, но прежде всего – использование местных *людских ресурсов* захваченной территории СССР. Это касалось как евреев, так и военнопленных, массовое истребление которых определяло суть «войны на уничтожение» в СССР.

Ликвидация еврейской рабочей силы в рамках «окончательного решения еврейского вопроса» происходила путём рабской эксплуатации работоспособных представителей этой группы населения на оккупированной территории Белоруссии. 15 июля 1941 г. экономический штаб Ост отдал распоряжение, в соответствии с которым евреи могли привлекаться к выполнению работ в том случае, если они занимались производством важной «военной продукции», а также в случае нехватки на местах нееврейской рабочей силы⁸⁶. В середине августа 1941 г. рейхскомиссар Г. Лозе подготовил директивы, предусматривавшие использование трудоспособных евреев в качестве рабочей силы, создание еврейских рабочих команд и использование их на работах за чертой гетто. Евреи в возрасте от 14 до 60 лет активно использовались на разных принудительных работах⁸⁷.

Пополняли местные трудовые ресурсы и советские военнопленные, находившиеся на оккупированной территории Белоруссии и широко использовавшиеся в качестве рабочей силы. Если вопрос об использовании труда советских военнопленных на территории самого рейха на начальном этапе проведения операции «Барбаросса» оставался предметом острых дебатов среди высшего руководства, то в ходе продвижения частей вермахта по захваченной советской территории военнопленные использовались практически с первых дней плена на разных работах, особенно при расчистке руин и завалов, очистке и строительстве дорог и мостов, погрузочно-разгрузочных работах, в качестве рабочих военно-строительной «организации Тодта». Приказом генерал-квартирмейстера от 31 июля 1941 г. предписывалось «привлекать к работам всех без исключения советских военнопленных»⁸⁸. С установлением зоны армейского тыла создаются трудовые сборные лагеря, находившиеся в Бобруйске, Борисове, Витебске, Гомеле, Жлобине, Могилёве, Орше⁸⁹. Из военнопленных формировались рабочие команды, время использования которых зависело от объёма выполняемых работ: одни из них являлись стационарными, с длительным нахождением на территории самого объекта или рядом с ним, но не в расположении дулага (Dulag) или шталага (Stalag); другие команды использовались только на дневных работах. Кроме того, немецкими воинскими частями формировались рабочие колонны, рабочие батальоны, рабочие роты и рабочие команды, создаваемые из гражданского населения для выполнения хозяйственных работ и строительства военных сооружений⁹⁰.

Таким образом, с началом германской оккупации советские военнопленные и местные жители в разной степени привлекались к выполнению работ. Уже с конца 1941 г. всё трудоспособное население должно было в первую голову удовлетворять потребности военной экономики рейха, для чего вся местная рабочая сила делилась на 5 категорий: а) ра-

бочая сила, которая должна была использоваться для решения неотложных задач военных частей, оккупационных военных и гражданских органов власти; б) рабочая сила, занятая производством вооружений и военного снаряжения; в) рабочая сила, используемая для решения задач продовольственного обеспечения и проведения сельхозработ; г) рабочая сила, занятая на производстве, важном для немецких военных интересов; д) рабочая сила, используемая для решения задач по производству продукции для населения оккупированных территорий⁹¹. Продолжительность рабочего времени в неделю устанавливалась в объёме не менее 54 часов.

Если с началом операции «Барбаросса» в завоевательных немецких планах не предусматривалось тотального использования трудовых ресурсов оккупированной советской территории, в том числе Белоруссии, то с учётом новых задач затянувшейся войны на востоке «важным, решающим производственным фактором явился человек», без использования которого германские военные и гражданские органы власти не могли начать «рабочий процесс» на оккупированной территории⁹².

Масштабы, география и формы использования белорусской рабочей силы становятся очевидными лишь в 1942 г. Между отделами, вербовочными комиссиями, штабами и другими германскими военно-экономическими службами началась настоящая конкуренция за рабочую силу, в которой всё более остро нуждались как в экономике рейха, так и на оккупированной территории. При этом поставка рабочей силы в рейх являлась более приоритетной задачей по сравнению с её использованием на захваченной территории. Если в первый год германской оккупации, с точки зрения властей, наблюдается излишек рабочей силы, то в течение второго (1942/43) хозяйственного года стал очевиден её недостаток, особенно специалистов. Основными причинами такого положения являлись, во-первых, организованный в рамках программ генерального уполномоченного по использованию рабочей силы вывоз местного населения и военнопленных на работы в рейх; во-вторых, значительное уменьшение количества рабочей силы в результате гибели военнопленных, ликвидации евреев и сокращения местного населения; в-третьих, более широкое привлечение местной рабочей силы, особенно трудовых ресурсов белорусского села, для работ по восстановлению промышленного производства на оккупированной территории, и наконец, привлечение населения прифронтной зоны к возведению линии полевых укреплений⁹³.

В соответствии со статистическими данными, к концу первого (1941/42) хозяйственного года общее количество зарегистрированной рабочей силы в сельском хозяйстве генерального округа Белоруссия составило 1 млн 100 тыс. человек (30,6% от общей численности рабочей силы

в РК «Остланд»), из которых мужчины составляли 385 тыс., или 35,5%, женщины – 425 тыс., или 38,6%, и молодёжь – 290 тыс., или 26,4%. На территории экономической инспекции «Центр» общее количество рабочей силы, используемой в конце первого хозяйственного года в сельском хозяйстве, составляло 2 млн 654 тыс. человек, из которых 1 млн 844 тыс., или 69,5%, составляли женщины и молодёжь⁹⁴. Более половины от этого количества рабочей силы находилось на территории Белоруссии⁹⁵. Доля занятых в контексте общей численности населения на территории Восточной Белоруссии (область тыла группы армий «Центр») составляла 41%, тогда как в генеральном округе Белоруссия – 45,6%⁹⁶.

Документальные материалы показывают: в течение первых недель операции «Барбаросса» территория Белоруссии с её оставшимся экономическим потенциалом и людскими ресурсами оказалась главным объектом экономической эксплуатации для целого ряда германских оккупационных военно-хозяйственных органов, в том числе трёх хозяйственных отделов (IV Wi) при главнокомандующих (АОК) армиями; семи хозяйственных групп (Gruppe IV Wi) при полевых комендатурах, а также четырёх хозяйственных команд (Wi Kdos) с тремя филиалами при хозяйственной инспекции (Wi In) «Центр», созданной в Новоборисове и действовавшей в тыловом районе группы армий «Центр»⁹⁷. До передачи захваченной территории на запад от Борисова в руки гражданской власти воинские части запустили свой оккупационный механизм по эксплуатации оставшегося после частичной эвакуации промышленного и сельскохозяйственного потенциала БССР с её людскими ресурсами⁹⁸.

Следуя директивным указаниям, хозяйственная инспекция и подчинённые ей службы отвечали за продовольственное снабжение воинских частей группы армий «Центр», общее количество которой в конце лета 1941 г. превышало 1,5 млн человек. Основной «исполнительной силой по использованию [ресурсов] страны»⁹⁹ становились хозяйственные команды: наряду с решением главной задачи по продовольственному обеспечению вермахта они отвечали за использование местной рабочей силы с целью восстановления промышленного производства, заготовки сырья и обработки материалов, ведения лесного хозяйства и деревообработки, организации банковского дела и торговли¹⁰⁰. Каждая команда состояла из отделов и подотделов, созданных с целью продовольственного обеспечения как частей вермахта, так и других подразделений, в том числе частей СС и подразделений полиции¹⁰¹.

В соответствии с особым распоряжением № 1 хозяйственной инспекции «Центр» от 12 июля 1941 г. занятая к тому времени территория Белоруссии входила в сферу действий хозяйственных команд «Белгард» (Минск), «Хиршберг» (Витебск), «Бунцлав» (Бобруйск),

«Швейдниц» (Орша)¹⁰², которые с учётом названий предназначались в дальнейшем для выполнения своих функций на российской территории: «Хиршберг–Москва», «Бунцлав–Тула» и «Швейдниц–Горький». Большинство служащих этих команд, состоящих из 200–600 человек, входило в состав групп «сельское хозяйство», непосредственно отвечавших за продовольственное обеспечение вермахта путём использования потенциала сельского хозяйства, оставшегося на захваченной территории. К примеру, на территории хозяйственных команд «Орша», «Бобруйск» и «Витебск» этим занималась почти половина от общего состава хозяйственной инспекции «Центр»¹⁰³. Первой хозяйственной командой, с июля 1941 г. начавшей выполнять «директивы по ведению хозяйства» на оккупированной территории Белоруссии, была команда «Белгард–Минск»¹⁰⁴. Решение директивных задач стало возможным лишь в случае использования местной рабочей силы и её привлечения для продовольственного обеспечения воинских частей вермахта.

К началу осени 1941 г. почти половина Белоруссии на восток от Борисова (область армейского тыла. – С.Н.) стала зоной деятельности трёх хозяйственных команд, которые наряду с командой «Белгард» занимались продовольственными поставками с территории двух заготовительных округов – «Варшава» и «Центр» (Днепр) с опорными пунктами в Варшаве, Орше и Смоленске¹⁰⁵.

После разгрома германских войск под Москвой, когда окончательно потерпела крах стратегия «молниеносной войны», военно-экономическое руководство Третьего рейха внесло «принципиальные» изменения в экономическую политику в отношении всех восточных территорий, где с этого времени «главным является производство (выделено мной. – С.Н.) продовольствия и добыча сырья»¹⁰⁶. Для чего более чем вдвое увеличивается количество хозяйственных команд (с 4 до 9)¹⁰⁷, действовавших на белорусской территории. Кроме того, на территории армейского тыла, куда с начала 1942 г. была включена северо-восточная часть Витебской области, начинали поисковую работу специальные армейские команды (WEK). Как результат, в 1942 г. восточная часть Белоруссии оказывается в сфере прямых интересов 14 (из 39) исполнительных военно-хозяйственных субъектов¹⁰⁸, действовавших на территории только 2 (из 7) административно-хозяйственных зон¹⁰⁹.

Документальные материалы показывают: с первых дней операции «Барбаросса» территория Белоруссии являлась объектом действий армейских хозяйственных отделов, хозяйственных команд и их филиалов, а также заготовительных служб, хозяйственных отделов главного квартирмейстера, охранных дивизий и полевых комендатур. При этом германские военно-экономические службы исходили из директивной установки о «самообеспечении из страны»¹¹⁰. По оценке советских

исследователей М.М. Загорулько и А.Ф. Юденкова, на временно оккупированной территории СССР была установлена «целая система» экономического порабощения¹¹¹, основанная не только на использовании германского хозяйственного аппарата, но и на привлечении значительной части трудовых ресурсов с захваченной территории.

Значительная часть хозяйственных служб действовала на территории Белоруссии, оказавшейся в составе рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина»: если под контролем 9 хозяйственных команд и 5 филиалов находилась восточная часть территории Белоруссии, то остальные (западная и южная) части территории Белоруссии оказались под управлением гражданской администрации, где начали свою работу более 20 хозяйственных отделов, или так называемых рефератов¹¹².

Имеющиеся материалы позволяют определить состав главных исполнительных органов гражданской администрации – хозяйственных отделов: основные силы концентрировались в отделах «сельское хозяйство и продовольствие» гебитскомиссариатов, а также в окружных, уездных и районных земельных управлениях. На местном уровне главной опорой гражданских хозяйственных структур были, – как отмечает белорусский историк А.А. Факторович, – сельские, волостные и районные управы как низовые исполнительные звенья в управлении каждым из гебитскомиссариатов¹¹³.

Для решения задач, связанных с продовольственным обеспечением вермахта, высшим военно-экономическим руководством Германии создаётся особая исполнительская структура – Центральное торговое общество «Восток» по заготовке и сбыту сельскохозяйственной продукции (ЦТО «Восток» с ограниченной ответственностью). В соответствии с указом уполномоченного по четырёхлетнему плану Г. Геринга от 27 июля 1941 г. это государственно-монополистическое объединение предназначалось для работы на всей оккупированной территории, исключая только зону оперативного армейского тыла. Руководству ЦТО ставилась главная цель по «использованию занятых территорий для гарантированного обеспечения (продовольствием. – С.Н.) действующих частей»¹¹⁴.

Пути решения вопросов использования местной рабочей силы, заготовки продовольствия, организации транспорта руководство ЦТО «Восток» видело в тесном сотрудничестве с гражданской и военной администрациями, а также с хозяйственными командами, службами и отделами. Более того, на территории рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», а также в области глубокого армейского тыла были созданы главные и коммерческие конторы ЦТО «Восток». Одна из главных контор размещалась в Новоборисове. Планировалось, если «блицкриг» удастся, переместить её в Москву, но до мая 1944 г. она оставалась в

Белоруссии. Ко всему, борисовская контора руководила коммерческими конторами в Орше, Бобруйске, Витебске, Смоленске и Орле. Рижская – в Каунасе, Таллине, Минске и Пскове. Каждая коммерческая контора имела филиалы и отделения. К примеру, минская контора включала 9 филиалов и 61 отделение¹¹⁵.

За счёт привлечения местных специалистов из заготовительных контор «Заготзерно», «Заготскот», «Заготптицепродукт» и др. в первый год работы значительно выросли штаты ЦТО «Восток». В количественном выражении соотношение немецких и местных рабочих и служащих в «Остланде» выглядело как 1 к 97, а на территории инспекции – как 1 к 29¹¹⁶, в рейхскоммисариате «Украина» – 1 к 115¹¹⁷. К тому же с осени 1941 г. ЦТО отвечало и за ряд перерабатывающих производств мясной продукции в Минске, Гомеле, Барановичах и Борисове¹¹⁸. С декабря 1941 г. полномочия монопольного объединения расширяются практически на предприятия по переработке шерсти, льна, конопли, кожи, меха и др. Всего в генеральном округе Белоруссия и в районе тыла группы армий «Центр» действовали 21 филиал ЦТО «Восток» и «Восток-Центр» с 146 отделениями, а также около 5,5 тыс. баз, складов, магазинов и пунктов приёма сельхозпродуктов и фуража¹¹⁹. В зоне оперативного армейского тыла и на территории округа Белосток конторы ЦТО не вводились¹²⁰.

В проведении производственно-хозяйственных мероприятий на территории рейхскоммисариатов «Остланд» и «Украина» кроме ЦТО «Восток» участвовали другие монополии, например, по заготовке шкур, меха и других материалов животного происхождения; волокна; торфа; деревообработки; химической продукции и др.¹²¹ В соответствии с указом Г. Геринга главные цели специально созданных монопольных объединений заключались в заготовке и сбыте сельскохозяйственной продукции, обеспечении сельского хозяйства средствами производства и товарами первой необходимости, организации учёта и оценки натуральной продукции животного происхождения, а также производства и переработки сырья для текстильной промышленности и др.

Исходной позицией для всех хозяйственных органов, с первых недель оккупации начавших заготовительную деятельность на территории Белоруссии, являлись директивные указания о продовольственном обеспечении группы армий «Центр»: ежедневные поставки для которой (по состоянию на конец августа 1941 г.) составляли 1 тыс. 200 голов крупного рогатого скота, 7 тыс. 500 ц зерна, 24 тыс. ц картофеля, 9 тыс. 600 ц масла и жиров, 24 тыс. ц овса и 20 тыс. ц сена¹²².

При этом если военно-экономическое руководство германского рейха первоначально требовало от заготовительных служб обеспечить 2/3 потребностей вермахта в сельхозпродукции, получаемой из

оккупированных территорий, то с середины сентября 1941 г. – все 100%¹²³. Определённость в этом вопросе не привела военно-экономическое руководство рейха к решению другой проблемы: для всего населения до конца года вводить обязательства по «тотальным» поставкам или же для каждой белорусской семьи, проживавшей на селе, определять твёрдые нормы сдачи продовольственных продуктов¹²⁴.

С первых дней нахождения на оккупированной территории Белоруссии германским хозяйственным аппаратом начался учёт не только имеющейся сельскохозяйственной продукции, но и перерабатывающих мощностей. В итоге уже к концу года были взяты на учёт все колхозы и совхозы, проведена инвентаризация их технической оснащённости и наличия тяговой силы, но самое главное – определено состояние местной рабочей силы из расчёта на каждые 100 га пахотной земли и сельскохозяйственных угодий. В итоге на оккупированной территории Белоруссии было выявлено 10 тыс. 249 колхозов, наиболее значимая доля которых (9/10) находилась в тыловом районе группы армий «Центр». Меньше всего колхозов (1/100) было учтено на территории гетиткомиссариатов Брест и Пинск¹²⁵.

После проведённого учёта наличия местной рабочей силы, которая оставалась на оккупированной территории Белоруссии, экономическим штабом «Восток» определялся общий объём поставок сельхозпродукции. При этом учитывалось, что в генеральном округе Белоруссия был один из самых высоких показателей по степени концентрации рабочей силы на 100 га всех сельхозугодий – 40,9%¹²⁶ (на территории тыла группы армий «Центр» – 28,4%), при средней величине в 26,3% на всей оккупированной восточной территории. К тому же в генеральном округе Белоруссия оказался самый высокий показатель по использованию рабочей силы на 100 га пахотной земли – 78,0% (на территории инспекции «Центр» – 49,2%), при среднем показателе 39,5%¹²⁷ (по результатам 1942 г. этот показатель составлял 72% в генеральном округе Белоруссия, или в абсолютных цифрах 470 тыс. человек¹²⁸ (в рейхскомиссариате «Украина» – 33,8%).

Для белорусского крестьянина были установлены обязательные нормы сдачи сельхозпродукции, которые не являлись постоянными. Например, первоначально средняя норма по зерну для районов Минска и Бреста составляла 3 ц с га, в районе хозяйственной инспекции «Центр» – от 100 до 180 кг, по картофелю – от 2 до 12 ц с га¹²⁹. В районе Бобруйска нужно было сдать 4 ц зерна и 15 ц картофеля с гектара, а также 80 кг мяса и 400 л молока с одного двора. Сдача сельхозпродукции проводилась с учётом графика выполнения годовых заданий: например, сдача зерна начиналась с 1 августа, мяса – с 1 октября, но при этом за первые три месяца нужно было сдать 60% зерна и 40% мяса¹³⁰.

С начала осени 1941 г. ответственность за решение задачи по продовольственному обеспечению воинских частей наряду с хозяйственными службами вермахта и гражданской администрации возлагалась на конторы ЦТО «Восток»: им было предписано проведение работ по централизованной заготовке сельскохозяйственной продукции на основе закупок у местного населения зерна, скота, мяса, масла, жиров. Однако на практике всё было иначе. Как утверждает немецкий историк Х. Герлах, был введён неадекватный обменный курс рубля и рейхсмарки, действовали нереальные цены на сельскохозяйственную продукцию, проводились постоянные реквизиции готовой продукции у крестьян без соответствующих выплат и т. д.¹³¹.

Жёсткие требования, предъявляемые оккупационными хозяйственными органами к белорусским крестьянам в отношении выполнения последними твёрдых норм сдачи зерна, мяса, молока, масла, жиров и т. д., приводили к катастрофическому положению на селе. Например, после сдачи обязательных поставок в генеральном округе Белоруссия на одного человека в среднем оставалось только 100 кг зерна и немного больше картофеля¹³². В южных районах Белоруссии зерна в пересчёте на крестьянское население оставалось от 110 до 160 кг¹³³. Саботаж или невыполнение военных поставок вели к штрафным санкциям (денежные штрафы, реквизиция скота и инвентаря, выселение из деревни, привлечение к принудительным работам или арест)¹³⁴. Тем самым белорусских крестьян ради получения излишков продуктов для вермахта и рейха оставляли без продуктов и обрекали вместе с семьями на голодную смерть.

Неспособность оккупационных органов и хозяйственных служб решать проблемы, обращаясь при этом только к административным или принудительным мерам, привела германское руководство к изменению экономической политики в отношении крестьянства. С целью повышения производительности труда в сельском хозяйстве и расширения рамок использования местной рабочей силы с февраля 1942 г. вводится «новый аграрный порядок» землепользования¹³⁵.

В результате активизации деятельности партизанского сопротивления на территории Белоруссии резко снизились сельскохозяйственные площади, находившиеся под контролем оккупантов. Так, согласно документальным материалам хозяйственных команд «Витебск» и «Орша», в 1941/42 хозяйственном году было выполнено 35,0% от общего объёма заданий по сельскохозяйственным продуктам и фуражу. Через год (по состоянию на 3 июня 1943 г.) ситуация радикально изменилась. На территории хозяйственной команды «Витебск» посевные площади уменьшаются в 4,9 раза, в то время когда все используемые сельскохозяйственные угодья сократились в 5,2 раза¹³⁶, средняя урожайность зерновых составила в среднем около 7 ц с га¹³⁷.

В результате тотальной эксплуатации белорусской деревни, оказавшейся под германской оккупацией, были катастрофически подорваны её производительные силы. Такая тенденция стала очевидной уже на начало 1942 г., когда общее количество лошадей уменьшилось по сравнению с положением на 1 января 1941 г. на 1/3, а крупного рогатого скота, свиней и овец – на 1/4¹³⁸. За три года германской оккупации, – по оценке немецкого исследователя Х. Герлаха, – Белоруссия понесла самые значительные потери¹³⁹.

О масштабах преступлений германских оккупационных военно-хозяйственных органов свидетельствуют многие документы: в 1941–1944 гг. у населения Белоруссии было реквизировано, убито и угнано крупного рогатого скота, лошадей, свиней, овец и коз – 5 млн 638 тыс. голов на общую сумму 4 млрд 96 млн рублей, разграблено запасов зерна, муки, картофеля, овощей и фруктов – 5 млн 130 тыс. т на сумму 3 млрд 100 млн рублей. Всего колхозам в Белорусской ССР был причинён ущерб на общую сумму в 19 млрд 389 млн 943 тыс. рублей¹⁴⁰.

Однако никакими цифрами невозможно измерить масштаб человеческой трагедии крестьянства Белоруссии, вынесшего на себе в годы германской оккупации всю тяжесть хозяйственных реквизиций, грабежа, разрушений, насилия и преступлений. Часть белорусского крестьянства, оказавшись под германской оккупацией на протяжении 37 месяцев и 6 дней, вынуждена была пройти испытание не только германским военно-полицейским режимом, но и нацистской практикой военно-хозяйственного принуждения, грабежа, насилия и эксплуатации. Но даже в таких фатальных условиях германской оккупации именно крестьянство Белоруссии как могло обеспечивало сельскохозяйственной продукцией многотысячную армию партизан.

Промышленный потенциал на оккупированной территории Белоруссии, в отличие от сельскохозяйственного, становится объектом постоянного внимания со стороны военной и гражданской администраций лишь тогда, когда разгром вермахта под Москвой окончательно разрушил план захвата СССР. В соответствии с «принципами экономической политики для новозанятых восточных территорий»¹⁴¹, введёнными 8 ноября 1941 г., «высшим законом военной экономики» становится максимальное использование как производственного потенциала, так и людских ресурсов с занятых советских территорий¹⁴².

География промышленного производства, введённого в строй к концу первого хозяйственного года на всей территории хозяйственной инспекции «Центр» (включая РСФСР), показывает: количество и концентрация промышленных предприятий возрастали по направлению с востока на запад и с севера на юг. Так, в области ведущей хозяйственной команды «Витебск» находилось около 1/6 всех предприятий с количе-

ством занятых на них в 5 тыс. 100 человек (около 11,4%). На территории команды «Орша» работало 159 предприятий (30%) с 16 тыс. 200 рабочих (36,5%). Наибольшее число предприятий находилось на территории хозяйственной команды «Бобруйск» – 173 (32,3%), на которых работало 18 тыс. 800 человек (42,3%). Летом 1942 г. в восточной части Белоруссии по сравнению с западными областями Российской Федерации, входившими в зону действий экономической инспекции «Центр», находилось свыше 80% всех предприятий и более 90% всех работающих от общего количества занятых в промышленном производстве: всего были занято 40 тыс. 100 человек, или 90,5% от общего количества, из которых 1/3 от всех занятых составляли женщины¹⁴³. Ведущими отраслями при этом являлись торфозаготовки, текстильная и бумажная индустрия, энергетика.

По нашим подсчётам, с начала оккупации в Белоруссии общее количество промышленных предприятий составляло 812, на них были заняты свыше 150 тыс. человек¹⁴⁴. Более всего действующих предприятий находилось в Минске. По документам команды по вооружениям Minsk, на начало октября 1941 г. в городе действовало 51 предприятие¹⁴⁵ (через год – более 130 с 55 тыс. занятого населения, в том числе 10 тыс. евреев и 2 тыс. советских военнопленных¹⁴⁶). Однако в городе не хватало почти 6 тыс. специалистов и от 2 до 4 тыс. разнорабочих. При этом большая часть предприятий являлись ценовыми (количество занятых на таких предприятиях превышало 20 человек)¹⁴⁷.

Таким образом, осуществляя на практике целый комплекс организационных мер, прежде всего нацеленных на продовольственное обеспечение воинских частей вермахта из ресурсов захваченной страны и максимально полное использование её экономического потенциала в интересах рейха, германские хозяйственные службы, военная и гражданская администрация широко привлекали для этих целей местный «человеческий материал» (Х. Расс) с оккупированной территории Белоруссии. Большинство учтённой рабочей силы было вынуждено работать, чтобы получить хоть какие-то средства для своего существования.

Об общем количестве местных граждан, привлекаемых к работам на оккупированной территории Белоруссии, можно говорить, условно исходя из «большого количества мест»¹⁴⁸ принудительного удержания гражданского населения на оккупированной территории Белоруссии в 1941–1944 гг. Общее количество гражданского населения, привлечённого к работам разными германскими службами, может быть определено на основе того факта, что , на оккупированной белорусской территории находились: 154 гетто, 73 лагеря для гражданского населения, 54 рабочих батальона, роты, колонны и команды, 47 рабочих и трудовых лагерей, 21 лагерь для военнопленных и гражданских

лиц, 3 лагеря переднего края немецкой обороны и 2 исправительно-трудовых лагеря или штрафных батальона¹⁴⁹. По проведённым нами подсчётам, общее количество местного населения (включая не менее 380 тыс. белорусских оstarбайтеров¹⁵⁰), привлекаемого в разной степени и различных формах в течение трёх лет германской оккупации к обязательному, принудительному и рабскому труду, составляло свыше 2 млн человек¹⁵¹.

Историю оккупационной повседневности составляют судьбы около 9 млн жителей республики, а также почти 900 тыс. советских военнопленных – всех, кто с первых дней оккупации являлся фактическим субъектом трудовой повседневности в Белоруссии и кто испытал на себе преступную сущность нацистского режима.

Формирование принципов нацистской политики уничтожения началось задолго до начала операции «Барбаросса» против СССР. Ее основу составляли установки А. Гитлера о том, что против Советского Союза будет вестись истребительная война. Исходя из этого штабом ОКВ 13 марта 1941 г. была подготовлена специальная «Инструкция об особых областях к директиве № 21 (план «Барбаросса»)», в которой были определены формы и методы установления оккупационного режима. В развитие этого документа 13 мая 1941 г. за подписью фельдмаршала В. Кейтеля была издана директива «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и особых полномочиях войск», «Двенадцать заповедей поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими» от 1 июня 1941 г. и ряд других документов, которые возводили зверства по отношению к мирному населению в ранг государственной политики.

Система нацистского режима на захваченных восточных территориях получила своё окончательное оформление на совещании в ставке А. Гитлера 16 июля 1941 г., когда была утверждена структура военно-полицейской и гражданской оккупационной власти, определены методы управления захваченными землями, кандидатуры их руководителей. На следующий день был издан приказ Гитлера о создании Министерства по делам восточных территорий во главе с А. Розенбергом¹⁵². Кроме «Восточного министерства» ответственность за проведение оккупационной политики в границах своей компетентности несли также ещё три ведомства: командование вооружённых сил Германии, Главное управление имперской безопасности и его глава рейхсфюрер СС Г. Гиммлер и ведомство по осуществлению четырёхлетнего плана Г. Геринга, на которое возлагалась организация экономической эксплуатации захваченных территорий.

Кроме перечисленных выше планов, имелся ещё Генеральный план «Ост», созданный в ведомстве Гиммлера. Хотя оригинал этого плана до сих пор не был выявлен, однако обнаруженные материалы, как-то:

«Замечания и предложения по генеральному плану "Ост"», подписанные 27 апреля 1942 г. начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления «Восточного министерства» доктором Ветцелем, дают достаточно полное представление об этом плане и в целом о немецкой политике в отношении народов Восточной Европы. Отметим, что первый вариант плана «Ост» был датирован 15 июля 1941 г. (не найден)¹⁵³.

По плану «Ост» предусматривалось выселить в течение 30 лет около 31 млн человек с территории Польши и западной части СССР, в том числе, как отмечалось в документе, 75% населения Белоруссии. Остальное население подлежало онемечиванию путём проведения ряда специальных мероприятий. С планом «Ост» связывалось «окончательное решение славянского вопроса». При этом местное население должно уничтожаться или превращаться в рабов немецких колонистов. На карте германской колонизации Белоруссии и Прибалтики, датированной 17 ноября 1942 г., приведены цифры запланированного количества местного населения и немецких колонистов в наиболее крупных центрах. В Минске планировалось поселить 50 тыс. немцев и временно оставить в качестве рабочей силы 100 тыс. местных жителей, в Гомеле соответственно 30 и 50 тыс., Могилёве – 20 и 50 тыс., Витебске – 20 и 40 тыс., Полоцке – 10 и 25 тыс., Гродно – 10 и 20 тыс., Барановичах – 10 и 20 тыс., Борисове – 5 и 15 тыс., Новогрудке – 5 и 15 тыс. и т. д.¹⁵⁴.

Для реализации политики геноцида оккупанты использовали целую систему различных мер и средств: открытые и тайные расстрелы, публичные повешения, заложничество, облавы, погромы, принудительное удержание людей в лагерях (гетто, пересыльные, рабочие и др.), переселения, депортации и т. д.

Первыми массовыми жертвами геноцида стали советские политические функционеры, партийные, советские и общественные активисты, политические руководители Красной армии, работники органов госбезопасности, милиции, судов и прокуратуры, советские военнопленные, евреи. На основе преступного приказа «О комиссарах» началось открытое истребление политических и идеологических противников, фактическое проведение в жизнь политики геноцида. С первых дней войны этот приказ открыто выполнялся передовыми частями вермахта¹⁵⁵.

Быстрое продвижение немецких войск на восток в первые недели войны привело к появлению большого количества военнопленных на захваченной территории Белоруссии. Для сбора военнопленных и изоляции «враждебных элементов» немецкое командование отдало распоряжение о создании специальных лагерей: создавались армейские сборные пункты для военнопленных и пересыльные лагеря (ду-

лаги), передвигавшиеся по мере продвижения немецких армий на восток. Кроме того, создавались стационарные лагеря (шталаги). 25 июля 1941 г. в д. Колбасино Гродненского района началось строительство шталага № 353. На площади в 50 га было построено 96 землянок размером 6х25 м, высотой 3 м. По данным Чрезвычайной Государственной комиссии, здесь было уничтожено 18 тыс. советских военнопленных.

В дулаге № 131, созданном на территории Бобруйской крепости 15 августа 1941 г., находилось 18 тыс. человек. До середины сентября их количество достигло 30 тыс. человек, а в ноябре – 60 тыс. советских военнопленных, оказавшихся в немецком плену под Вязьмой и Брянском. В октябре – ноябре 1941 г. в лагере ежедневно умирало от 600 до 800 военнопленных, в декабре были случаи суточной смертности тысячи и более человек. К середине ноября в лагере умерло 14 тыс. 777 человек. Зимой 1941–1942 гг. общее количество умерших военнопленных достигло 28–30 тыс. человек.

Лагеря для советских военнопленных стали органической частью германского оккупационного режима на территории Белоруссии (всего в годы германской оккупации на белорусской земле было создано 77 лагерей, в том числе сборные армейские пункты, дулаги, шталаги и офлаги, 120 лагерей для военнопленных с неустановленными классификационными чертами, 95 отделений для использования военнопленных были созданы на железнодорожных станциях, промышленных предприятиях и военных объектах, где из 1,2 млн оказавшихся в немецком плену были уничтожены 810 тыс. советских военнопленных)¹⁵⁶.

Одним из первых фактов, показывающих трагедию плена, является существование временного лагеря для военнопленных и мирных жителей в Минске, созданном по распоряжению командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге в конце июня – начале июля вблизи Минска, в Дроздах. Около 140 тыс. человек, в том числе 100 тыс. военнопленных, а также гражданского мужского населения Минска в возрасте от 16 до 50 лет, под предлогом перерегистрации были заключены здесь немцами за колючую проволоку и находились на небольшой площадке, равной площади Вильгельмплац в Берлине. Оказавшиеся в лагере оставались без еды 6–8 дней. На одном квадратном метре площади стояло от 5 до 6 человек. Только в течение первых семи дней умерли и были убиты около 3 тыс. человек¹⁵⁷.

В «Отчёте о лагерях военнопленных в Минске» от 10 июля 1941 г. инспектора «Восточного министерства» Дорша сообщалось о том, что «единственным средством недостающей охраны, денно и нощно стоящей на охране лагеря, является огнестрельное оружие, которое она безжалостно использует»¹⁵⁸. Лагерь, просуществовавший в течение двух недель, вскоре был ликвидирован, при этом военнопленные были пере-

мещены в созданный к тому времени шталаг № 352 под Минском, вблизи д. Масюковщина. По мнению немецкого историка Й.К. Арнольда, массовая гибель военнопленных в Минске говорит о преступном бездействии отдельных военных частей и соединений, которые с первых дней проведения операции «Барбаросса» несли ответственность за решение вопросов в отношении советских военнопленных¹⁵⁹.

В лагерях регулярно проводилась селекция, или так называемая сортировка военнопленных. Отбирались и уничтожались коммунисты, политработники, больные, раненые. Оставшиеся использовались на тяжёлых работах. В акциях по отбору, кроме офицеров и солдат вермахта, принимали участие органы полиции, безопасности и СД. Соответствующая инструкция и приказ по селекции и уничтожению нежелательных пленных были изданы 17 июля 1941 г. начальником Главного управления имперской безопасности Р. Гейдрихом и 7 октября 1941 г. – главным командованием сухопутных войск вермахта. Статья 2 последнего приказа полностью подтверждает преступное участие вермахта в чудовищных злодеяниях по отношению к советским военнопленным. Документ гласит: «Способ использования специальных отрядов (айнзатцкоманд) надлежит согласовать с начальником тыловых районов, чтобы по возможности проводить отбор способом, не привлекающим внимания, а ликвидацию – безотлагательно по проведении отбора...»¹⁶⁰.

Главную роль в осуществлении геноцида в Белоруссии исполняла оперативная группа «Б», прибывшая на белорусскую территорию вслед за регулярными частями германского вермахта, и оперативная группа «А» из тылового района группы армий «Север». Южная часть Белоруссии – Полесье сначала находилось в компетенции начальника полиции и СС «Россия-юг» или «Украина»¹⁶¹. Этим силам, созданным имперским управлением безопасности из сотрудников гестапо, службы безопасности (СД), уголовной полиции, офицеров и солдат войск СС, предписывалось очищать армейский тыл от нежелательных элементов и безжалостно ликвидировать любую оппозицию национал-социализму. Нацистские лидеры рассчитывали, что применение этих мер приведёт к разрушению всего механизма управления советским государством.

Руководствуясь инструкцией шефа Главного имперского управления безопасности Гейдриха, оперативные группы уничтожали население захваченных районов без сострадания и сожаления. Орудовавшая на территории восточных областей Белоруссии оперативная группа «Б» уже в отчёте за октябрь 1941 г. сообщала о ликвидации 37 тыс. 180 человек. Из сообщений айнзатцкоманд 8 и 9, действовавших в составе группы на белорусской территории с начала июля 1941 г., складывается следующая

картина геноцида: в Гродно 2 и 3 июля было уничтожено 80 человек, Ошмянах 3 и 4 июля – 527, Вилейке в июле – 100, Молодечно в июле – 100, Витебске в августе – 200, 1 октября – 52, 8 октября – 3 тыс., в декабре – 207; Новогрудке в июле – 70, Барановичах 8 июля – 500, с 14 по 19 июля – свыше 3 тыс., Ляховичах 24 июля – 50, Слуцке в июле – 60, Минске 9 октября – 632, Слуцке 4 сентября – 115, Могилёве 9 сентября – 4 тыс. 100, 2–3 октября – 2 тыс. 208, 10 октября – 3 тыс. 726 и 83, 11 ноября 1941 г. – 196 евреев, от 200 до 250 военнопленных, Бобруйске в сентябре – 1 тыс. 380, 9 октября 1941 г. – 418, в октябре – 600, 7–8 ноября – 5 тыс. 281, Горках 14 ноября – 2 тыс. 200, Паричах в декабре – 1 тыс. 13, Орше в сентябре – 600, в октябре – 1 тыс. 730, Гомеле – Рогачёве – Корме в ноябре – 2 тыс. 365, Речице в ноябре – 100, Кричеве 19 декабря – 1 тыс. 213, Слониме в июле – 1 тыс. 75, Столбцах в августе – 76, Червени в августе – 139, Борисове в октябре – 1 тыс., Зембине в августе – 700, Логойске 9 сентября – 920, Крупках 18 сентября – 912, Холопеничах в сентябре – 800, Бегомле в сентябре – от 300 до 1 тыс., Чаусах в сентябре – 1 тыс., Пуховичах 10 октября – 900, Дрибине в октябре – 400, Шклове 10 октября – 627, Мстиславье в ноябре – 900 и т. д.¹⁶²

На географической карте Белоруссии отмечены более чем 260 мест – лагерей принудительного удержания населения, или, как их называет отечественная историография, лагерей смерти, их филиалов и отделений. Минск и его окрестности были самым большим в СССР и одним из крупнейших в Европе местом массового уничтожения людей – в годы войны здесь было уничтожено более 500 тыс. человек – граждан СССР и более 27 тыс. евреев из европейских стран. В одном только лагере смерти Тростенец, созданном нацистами в сентябре 1941 г. в 12 км от Минска для массового уничтожения гражданского населения и советских военнопленных, были уничтожены 206,5 тыс. человек¹⁶³. По количеству уничтоженных жертв он является самым крупным на территории бывшего СССР и четвёртым в Европе в системе нацистских лагерей смерти после Освенцима, Майданека и Трелинки.

С первых дней оккупации захватчики обрушили кровавый террор против еврейского населения Белоруссии. В отечественной историографии отмечают, что до конца зимы 1941–1942 гг., то есть до принятия «окончательного решения еврейского вопроса» на Ванзейской (Берлин) конференции, проводились мероприятия по уничтожению выборочных групп еврейского населения. В этот период было уничтожено большинство еврейского населения в восточных районах Белоруссии, находившегося в области тыла группы армий «Центр».

Самым крупным гетто на территории Белоруссии являлось Минское. В соответствии с распоряжением полевой комендатуры № 812

от 19 июля 1941 г. в Минске создавался особый «еврейский жилой район»¹⁶⁴. В соответствии с «Временными директивами по обхождению с евреями на территории рейхскомиссарата Остланд» от 18 августа 1941 г. в городах и особых кварталах, где преимущественно концентрируется еврейское население, должны создаваться гетто¹⁶⁵.

Вопросы управления минского гетто находились в ведении городского комиссариата. Охрану обеспечивали полиция безопасности (Sipo) и служба безопасности (SD). В конце июля гетто насчитывало около 80 тыс. белорусских евреев. Начиная с ноября в Минское гетто на место уничтоженных в ходе специальной акции, проведённой с участием «белорусских» полицейских батальонов 46, 47 и 48 в отношении местных евреев¹⁶⁶, стали прибывать эшелоны с евреями из Гамбурга, Берлина, Бремена, Брно, Вены, Дюссельдорфа и Франкфурта-на-Майне. В ноябре 1941 г. из стран Европы прибыло 7 эшелонов с 6 тыс. 959 евреями¹⁶⁷. Минское гетто просуществовало до конца октября 1943 г.

Как признают немецкие исследователи, опираясь на воспоминания очевидцев тех трагических событий, Минское гетто являлось самым ужасным из всех гетто на востоке¹⁶⁸. Заметим, что несмотря на огромные масштабы преступлений нацистов, история Минского гетто и лагеря смерти Тростенец, где в годы оккупации было уничтожено более 100 тыс. белорусских евреев и евреев из других европейских стран, до последнего времени оставалась вне поля зрения белорусской историографии¹⁶⁹ (по последним данным, всего в Белоруссии в годы германской оккупации было уничтожено свыше 800 тыс. евреев¹⁷⁰).

Чудовищным преступлением оккупантов являлось умерщвление неизлечимо больных людей, в первую очередь – детей. Так, зверскую расправу учинили нацисты в Минске над больными психиатрической больницы «Новинки» в сентябре – ноябре 1941 г. Сначала 18 сентября 120 больных отравили газом в помещении бани, а 5 ноября расстреляли ещё 300 больных. Так же оккупанты расправились и с тяжелобольными 2-й городской клинической больницы в ноябре – декабре 1941 г.

Жертвами оккупантов стали 54 воспитанника Домачевского детского дома Брестской области. В 1941 г. там жило 100 детей в возрасте от нескольких месяцев до 12 лет – русских, украинцев, белорусов, поляков, евреев. Спасая детей от расправ, голода и холода, местные жители многих из них взяли в семьи на воспитание. Но спасти всех не удалось. 23 сентября 1942 г. каратели ворвались в детский дом, погрузили оставшихся детей в машину, увезли и расстреляли вблизи р. Западный Буг¹⁷¹.

Своей кульминации политика геноцида достигала в ходе карательных акций, активно проводимых немецкими оккупантами против партизан и с целью устрашения мирного населения. Их прообразом стала

специальная «акция» кавалерийской бригады СС на юге Белоруссии, в Полесье.

28 июля 1941 г. рейхсфюрер СС Гиммлер отдал приказ о проведении «системного прочёсывания» Пинских (Припятских болот), получившего кодовое название «Припятские болота». Приказом объявлялась война всем, кто подозревался в связях с партизанами и оказывал им поддержку¹⁷². 1 августа в бригаде началось выполнение приказа о «расстреле всех евреев и уничтожении женщин-евреек в болотах». Спустя один день в районе Ляховичей первым кавалерийским полком СС было уничтожено 788 человек. Акция проводилась двумя полками, для которых разграничительной линией являлась железная дорога Брест – Пинск. Ликвидация евреев началась в городах. Сначала уничтожались мужчины от 18 до 60 лет, несколькими днями позже – женщины и дети. Одно из подразделений 2-го кавалерийского полка СС провело акцию по уничтожению евреев в Дрогичине, Янове, Пинске, Давид-Городке, Лунинце, Столине, Погосте-Загородском и других местах. В немецких документах сообщалось о ходе акции: число ликвидированных постоянно росло, начиная с 1 тыс. 826 человек 2 августа до 3 тыс. 247 – 3 августа, 4 тыс. 219 – 5 августа, 7 тыс. 819 – 7 августа, 10 тыс. 412 – 8 августа, 10 тыс. 844 – 11 августа и до 13 тыс. 788 – 13 августа. Сообщалось, что свыше 90% убитых во время акции составляли евреи и «солдаты в гражданском». Во многих местах, где количество жертв составляло от 200 до 600 человек, были расстреляны мужчины старше 18 лет. Из документов вытекает, что «припятская акция» свидетельствовала о достижении качественно нового этапа уничтожения. Расстрелы проводились с использованием пулемётного огня; концентрировались усилия не на больших городах, а небольших населённых пунктах; проводилась селекция жертв по группам¹⁷³.

На примере Пинска это можно реконструировать лучше всего. 5 августа при поддержке специального подразделения полиции безопасности кавалерийский полк СС согнал население мужского пола от 18 до 55 лет и доставил его до места расстрела, где в первую очередь расстреливали молодых мужчин. Через два или три дня был проведён ещё один расстрел около 2 тыс. человек, но среди уничтоженных были дети сначала от 6 до 10 лет, потом от 10 до 13, и лишь потом были расстреляны женщины и старики старше 60 лет. Число жертв в Пинске составило до 10 тыс. человек, но при этом ещё оставалось почти 30 тыс. человек.

С сентября 1941 г. командовавший тылом группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф, пропагандируя опыт кавалерийской дивизии СС для участников совещания в Могилёве, высказал следующую мысль: «Там, где есть партизан, есть еврей, а где есть еврей, есть и партизан». Это означает, что евреи должны были «неотложно уничтожаться»¹⁷⁴.

Сравнивая отношение гражданской и военной администрации к евреям, немецкий историк Д. Польш утверждает, что на территории генеральных округов гебитскомиссары сначала высказывались против запланированных масштабов массового уничтожения, имея в виду важность сохранения специалистов и недостающей рабочей силы¹⁷⁵.

Таким образом, анализ деятельности германских органов военной, полицейской и гражданской власти в оккупированной Белоруссии убедительно показывает, что на захваченной белорусской территории последовательно проводилась нацистская политика террора, экономической эксплуатации и массового уничтожения.

Немецкий историк Х. Герлах в своей фундаментальной работе о Белоруссии в 1941–1944 гг. убедительно доказывает тезис о том, что «едва ли найдётся страна, пострадавшая от Второй мировой войны так сильно, как Белоруссия»¹⁷⁶. Белорусский исследователь А.М. Литвин документально показывает, что самыми страшными для белорусского народа оказались человеческие потери: если на 22 июня 1941 г. на территории Белоруссии (в нынешних границах) насчитывалось 9,2 млн человек, то на конец 1944 г. осталось только 6,3 млн человек (то есть население уменьшилось на 2,9 млн человек, или на 32%¹⁷⁷).

Но трагедия граждан, которые находились на оккупированной территории, долгие годы заключалась и в том, что во имя сохранения дальнейшей жизни самих себя и своих родных, занятия положения в советском обществе нужно было замалчивать многие факты военного времени, в том числе факты нахождения на оккупированной территории, выполнения трудовой повинности, участия на местах в разных принудительных работах, нахождения в немецком плену и др. Эти категории граждан зачастую не замечаются и сейчас, фактически исключаются из национального пантеона исторической памяти. В семьях, которые вынесли на своих плечах тяжесть нацистской оккупации в Белоруссии, и через 65 лет после окончания войны молчаливо хранится память о тех трагических страницах жизни сотен тысяч белорусских граждан. Включение этих имён в общий список жертв Второй мировой и Великой Отечественной войн явилось бы важным шагом по мемориализации этой суровой страницы истории.

Примечания

¹ Современная историография Великой Отечественной войны // Великая Отечественная: История Великой Победы, 1941–1945 гг. / Под ред. В.А. Золотарёва. – М., 2005. – С. 617–646.

² Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (рук. авт. кол.), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко [и др.]. – Минск, 2005; Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: В 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; Редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2010; Партизанское движение в Беларуси и

его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 25–26 июня 2009 г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. М-во обороны Респ. Беларусь; Редкол.: М.В. Мясникович (пред.) [и др.]. – Минск, 2009.

³ Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки: В 4 кн. . / Ин-т военной истории и др.; Гл. ред. комис.: В.А. Золотарёв, Г.Н. Севастьянов (сопред.) и др. – М., 1998–1999; Россия в XX веке : Война 1941–1945 годов : Современные подходы / РАН, ИРИ; Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М., 2005; Алиев Р.В. Штурм Брестской крепости. – М., 2008.

⁴ Chiari B. Alltag hinter der Front : Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrussland 1941–1944. – Düsseldorf, 1998; Gerlach Ch. Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. – Hamburg, 1999; Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrussland : 1941–1944. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2006. Arnold K.J. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion : Kriegsführung und Radikalisierung im „Unternehmen „Barbarossa“. – Berlin, 2004; Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht : Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. – München, 2008; Brakel A. Unter Rotem Stern und Hakenkreuz: Baranowicz 1939 bis 1944 : Das westliche Weißrussland unter sowjetischer und deutscher Besatzung. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009; Musial B. Sowjetische Partisanen : Mythos und Wirklichkeit 1941–1944. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009; Quinkert B. Propaganda und Terror in Weißrussland 1941–1944 : Die deutsche „geistige“ Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009.

⁵ Weisung Nr. 21. Fall Barbarossa vom 18.12.1940 // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion : „Unternehmen Barbarossa“ 1941 / Hrsg. von G. R. Überschar und W. Wette. – Frankfurt / M., 1999. – S. 245.

⁶ Тухачевский М.Н. План поражения // Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского / Ю.З. Кантор. – СПб, 2008. – С. 538–575.

⁷ Hartmann Ch. Wehrmacht im Ostkrieg : Front und militärisches Hinterland 1941/42. – München, 2009. – S. 254.

⁸ Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. очерки : В 4 кн. Кн. 1 : Суровые испытания. – М., 1998. – С. 136.

⁹ Басюк І.А. Заходняя асобая ваенная акруга – Заходні фронт напярэдадні і ў пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны : [Аўтарэф. дыс.]. – Мінск, 2004. – С. 17.

¹⁰ Оборона Беларуси летом 1941 г. // Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (рук. авт. кол.), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко [и др.]. – Минск, 2005. – С. 59–60.

¹¹ От штаба округа к Генеральному штабу Вооружённых сил Республики Беларусь : (1918–2006 гг.) / Под общ. ред. С.П. Гурулева. – Минск, 2006. – С. 62.

¹² Брестская крепость // Великая Отечественная война, 1941–1945 : Энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов. – М., 1985. – С. 110–111.

¹³ Отчёт о штурме Брест-Литовска от 08.07.1941 // Брестская крепость : Воспоминания и документы / Сост. Р.В. Алиев. – М., 2010. – С. 390; Новікаў С. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года аў // Беларуская думка. – 2010. – № 5. – С. 88–97; . Узяцце Брэсцкай крэпасці: гістарычны дакумент / Пер з ням. мовы і падрыхт. да друку С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 6. – С. 38–43.

¹⁴ ВА-МА. RH 26–45/27: Bericht der 45. Division (Ia) an A.O.K.4/Qu. V. 29.06.1941. – Bl. 1. 11; Новікаў С. Абарона Брэсцкай крэпасці летам 1941 года... – С. 92.

¹⁵ Hartmann Ch. Wehrmacht im Ostkrieg... – S. 263.

¹⁶ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 67.

¹⁷ Там же. – С. 68–69.

¹⁸ Басюк І.А. Заходняя асобая ваенная акруга – Заходні фронт напярэдадні і ў пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны... – С. 20.

¹⁹ Streit Ch. Keine Kameraden : die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. – Bonn, 1997. – S. 83.

- ²⁰ Басюк І.А. Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі. – Гродна, 2003. – С. 215; Оборонительная операция в Белоруссии (Белорусская стратегическая оборонительная операция) 22 июня – 9 июля 1941 г. // Великая Отечественная без грифа секретности : Книга потерь : Новейш. спр. изд. – Великая Отечественная без грифа секретности : Книга потерь. – М., 2009. – С. 78, 85, 91.
- ²¹ Hartmann Ch. Wehrmacht im Ostkrieg... – S. 254.
- ²² Еременко А.И. В начале войны. – М., 1965. – С. 115–116.
- ²³ ВА-МА. RH 24–7/49 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6–1.10.1941 : Anlagen zum KTB : Tagesmeldungen v. 22.6 – 1.10.1941 : Abendmeldung v. 21.Juli 1941 um 23.00 : Anlage 30.
- ²⁴ ВА-МА. RH 26–7/123 : Kurzberichte des I c der 7. Infanterie-Division von Einsatz in Russland. Zeitraum: Juni 1941–April 1944, Bl. 5; RH 26–7/15 : Kurzbericht über den Einsatz der Division in der „Schlacht von Mogilew“, v. 12.8.1941. – Bl. 5.
- ²⁵ ВА-МА. RH 24–7/158 : Stellenbesetzungen der Korpsgruppen sowie dem Generalkommando unterstellten Einheiten v.22.6. – 1.10.1941 : Abt. Ia, Gesamtverluste des VII. Armeekorps vom 22.6.41 bis 28.7.41 einschl. – Bl. 33.
- ²⁶ ВА-МА. RH 20–2/165a : Anlagen zum KTB, Teil I v. 21.6.1941 – 18.9.1941 (Operationsakten) : Armeebefehl Nr. 8 v. 18.7.41 AOK 2, I a, Nr. 1421/41 geh. – Bl. 2.
- ²⁷ ВА-МА. RH 24–7/43 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew, v. 15.8.1941. – Bl. 205; ВА-МА. RH 24–7/48 : Abt. I c, Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mogilew, v. 6.8.1941. – Bl. 96; ВА-МА. RH 26–23/25 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew. – Bl. 282.
- ²⁸ Гардзееў, Б.П. Абарона Могилёва 1941. // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне : 1941–1945 гг. : Энцикл. / Рэдкал. : І.П. Шамякін (гал.рэд.) і інш. – Мінск, 1990. – С. 315 – 316; Волчок, Г.И. Оборона Могилёва летом 1941 года : Вопросы историографии. // Оборонительные бои на территории Беларуси : Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию обороны г. Могилёва от немецко-фашистских захватчиков (29–30 июня 2006 года) : Материалы... / Могилёв. гос. ун-т им. А.А. Кулешова; Ред.-кол.: Вишневский М.И. [и др.]; Ред. Н.М. Пурышева. – Могилёв, 2006. – С. 8 – 16; Костеров, А.П. Оборона Могилёва летом 1941 г. : Историография проблемы. // Великая Победа : Героизм и подвиг народов : Материалы междунар. науч. конф. (Минск, 28–29 апр. 2005 г.) : В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А.М. Литвин. – Минск, 2004. – С. 111–114; Костеров, А.П. Бессмертный подвиг защитников Могилёва летом 1941 года. – Могилёв, 2004.
- ²⁹ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 81.
- ³⁰ Новікаў, С. Адлюстраванне падзей на Буйніцкім полі 12 ліпеня 1941 г. у нямецкіх архіўных матэрыялах // Бел арускі гістарычны часоп іс. 2007. – № 7. – С. 12.
- ³¹ Там же. – С. 12.
- ³² ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6 – 1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41. – Bl. 15 R.
- ³³ ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K.: Gen. Kdo VII A.K. – Bl. 53.
- ³⁴ ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6 – 1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41. – Bl. 59 R.
- ³⁵ ВА-МА. RH 24–7/43 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew, v. 15.8.194. – Bl. 205.
- ³⁶ ВА-МА. RH 24–7/43 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew, v. 15.8.194. – Bl. 208.
- ³⁷ ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6 – 1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41. – Bl. 56.
- ³⁸ ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6 – 1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41. – Bl. 59.
- ³⁹ ВА-МА. RH 24–7/43 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew, v. 15.8.1941. – Bl. 208.; ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6 – 1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41. – Bl. 57 R.
- ⁴⁰ ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6 – 1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41. – Bl. 56.
- ⁴¹ ВА-МА. RH 26–23/22 : KTB Nr. 6 Kdo 23. Inf.-Div. für die Zeit v. 25.5 – 7.8.1941, Abt. Ia. – Bl. 42.

⁴² ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6 – 1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41 – Bl. 59 R.

⁴³ ВА-МА. RH 26–23/22 : KTB Nr. 6 Kdo 23. Inf.-Div. für die Zeit v. 25.5 – 7.8.1941, Abt. I a. – Bl. 42.

⁴⁴ ВА-МА. RH 24–7/48 : Gen. Kdo. VII. A.K., Abt. I c : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mogilew v. 6.8.1941. – Bl. 97.

⁴⁵ ВА-МА. RH 26–7/123 : Kurzberichte des I c der 7. Infanterie-Division von Einsatz in Russland. Zeitraum: Juni 1941 – April 1944, Bl. 5; RH 26–7/15 : Kurzbericht über den Einsatz der Division in der „Schlacht von Mogilew“, v. 12.8.1941. – Bl. 7.

⁴⁶ ВА-МА. RH 24–7/43 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew, v. 15.8.1941. – Bl. 213.

⁴⁷ ВА-МА. RH 24–7/43 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew, v. 15.8.1. – Bl. 214.

⁴⁸ Борисенко, Н.С. Днепровский рубеж : -Трагическое лето 1941-го. – Могилёв, 2005. – С. 122.

⁴⁹ Павлов, Я.С. Система фашистских концлагерей для советских военнопленных в Беларуси. // Трагедия войны : Фронт и плен : Сб. материалов науч. конф., 4–8 июня 1995 г. – Минск, 1995.

⁵⁰ Шумский, В.В. Плен как историческое и социальное явление. // Война и плен : Мартиролог / Авт.-сост. Ю. Попов. – Минск, 2005. – С. 43.

⁵¹ Борисенко, Н.С. 20-й механизированный корпус : История создания и трагическая боевая судьба на Могилёвщине. // Мiнулая і сучасная гісторыя Магілёва : Зб. навук. прац / Уклад. І.А. Пушкін. – Магілёў, 2001. – С. 275.

⁵² МА. RH 24–7/43 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew, v. 15.8.1941. – Bl. 14; ВА-МА. RH 24–7/40 : KTB des VII. A.K. Nr. 5 b v. 22.6 – 1.10.1941 : Tagesmeldungen v. 21.7.41. – Bl. 78 R.; ВА-МА. RH 26–23/22 : KTB Nr. 6 Kdo 23. Inf.-Div. für die Zeit v. 25.5 – 7.8.1941, Abt. I a. – Bl. 52; ВА-МА. RH 24–7/48 : Gen. Kdo. VII. A.K., Abt. I c : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mogilew v. 6.8.1941. – Bl. 96; RH 26–7/15 : Kurzbericht über den Einsatz der Division in der „Schlacht von Migilew“, v. 12.8.1941. – Bl. 398; ВА-МА. RH 26–23/25 : Die Erstürmung des befestigten Brückenkopfes Mohilew. – Bl. 293.

⁵³ Борисенко, Н.С. Проблема поиска имён и установления судеб защитников Могилёва в июле 1941 года. // Оборонительные бои на территории Беларуси... – С. 17.

⁵⁴ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 82.

⁵⁵ Лемяшонок У.І. Рагачоўска-Жлобінская аперацыя 1941 // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : Энцикл. ... – С. 517.

⁵⁶ Великая Отечественная без грифа секретности : Книга потерь... – С. 78.

⁵⁷ Там же. – С. 91.

⁵⁸ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 56.

⁵⁹ Болбас М.Ф. Экономика Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). // Экономика Советской Белоруссии : 1917–1967. – [Минск, 1967]. – С. 287.

⁶⁰ Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков от 29 июня 1941 г. // Великая Отечественная война советского народа : (В контексте Второй мировой войны) : Хрестоматия / Сост. А.А. Коваленя, М.А. Краснова, В.И. Лемешонок, С.Е. Новиков; Под ред. А.А. Ковалени. – Минск, 2008. – С. 79–81.

⁶¹ Докладная записка первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР» от 17 августа 1941 г. // Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны : (22 июня – август 1941 г.) : Документы и материалы / Сост. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2006. – С. 252–254.

⁶² Докладная записка Председателя СНК БССР И.С. Былинского заместителю Председателя СНК СССР А.Н. Косыгину «О ходе эвакуации материальных ценностей и людей из Белорусской ССР» от 20 июля 1941 г. // Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны : (22 июня – август 1941 г.)... – С. 235–238.

- ⁶³ Сведения Гомельской эвакуационной комиссии об итогах эвакуации жителей из г. Гомеля и западных областей республики с 24 июня по 18 июля 1941 г. // Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны : (22 июня – август 1941 г.)... – С. 234.
- ⁶⁴ Докладная записка заместителя председателя Полесского облисполкома М. Каца в ЦК КП(б)Б и СНК БССР о ходе эвакуации материальных ценностей и скота из Полесской области // Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны : (22 июня – август 1941 г.)... – С. 239–241.
- ⁶⁵ Там же. – С. 240.
- ⁶⁶ Там же. – С. 241.
- ⁶⁷ Болбас М.Ф. Указ. соч. – С. 288.
- ⁶⁸ Там же. – С. 398.
- ⁶⁹ Там же. – С. 289.
- ⁷⁰ Козак К.И. Германские оккупационные органы управления : Военные формирования, структура, задачи / К.И. Козак // Беларусь. 1941–1945 : Подвиг. Трагедия. Память : В 2 кн. Кн. 1 / Нац. акад. Наук Беларуси. Ин-т истории; [Редкол.: А.А. Коваленя (пред.) и др.]. – Минск, 2010. – С. 61.
- ⁷¹ Gerlach Ch. Kalkulierte Morde... – S. 138.
- ⁷² Ibid. – S. 138.
- ⁷³ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 98.
- ⁷⁴ Gerlach Ch. Kalkulierte Morde... – S. 175.
- ⁷⁵ Ibid. – S. 165.
- ⁷⁶ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 98.
- ⁷⁷ Там же. – С. 99.
- ⁷⁸ Там же. – С. 102.
- ⁷⁹ Там же. – С. 105.
- ⁸⁰ Літвін А.М. Антысавецкія ваенна-паліцэйскія фарміраванні на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны : 1941–1944гг. : Вытокі. Структура. Дзейнасць : [Аўтарэф. дыс.] – Мінск, 2000. – С. 27.
- ⁸¹ Белорусские оstarбайтеры: Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : Документы и материалы : В 4 кн. Кн. 1 : 1941–1942 гг. / Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. – Минск, 1996. – С. 8.
- ⁸² Aus den Richtlinien des Wirtschaftsführungsstabes Ost (Grüne Mappe, Teil I) über die Zwangsarbeit der Bevölkerung in den besetzten sowjetischen Gebieten, Juni 1941 // Okkupation, Raub, Vernichtung : Dokumente zur Besatzungspolitik der faschistischen Wehrmacht auf sowjetischem Territorium : 1941 bis 1944 / Hrsg. v. N. Müller. – Berlin, 1980. – S. 279–281.
- ⁸³ Белорусские оstarбайтеры... Кн. 1. – С. 8–9.
- ⁸⁴ Российский государственный военный архив (далее – РГВА), К (историко-документальная коллекция). – Ф. 1358 К. – Оп. 4. – Д. 1. Ф. 1358 К, оп. 4, д. 1: BfdVP, Wi Fue Stab Ost, V.P.19206/6 g v. 20.11.41 (Abschrift). – Л. 42–51.
- ⁸⁵ Там же, Л. 42; Bundesarchiv-Militaerarchiv (Федеральный военный архив Германии, далее BA-MA), BA-MA. – RW 31/85. RM d GR. Beauftragter fuer den Viertjahresplan. Wirtschaftsfuehrungs- stab Ost, V.P. 19203/6 g. – Bl. 74. Сравни: Преступные цели – преступные средства : Документы об оккупац. политике фашист. Германии на территории СССР, 1941–1944 гг. – 3-е изд. – М., 1985. – С. 62.
- ⁸⁶ Gerlach, Ch. Krieg, Ernährung, Völkermord : Forschungen zur Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Zürich; München, 2001. – S. 57.
- ⁸⁷ Aus der Richtlinien von Hinrich Lohse, Reichskommissar für das Ostland, vom 13. August 1941 für die Behandlung jüdischer Bürger // Die faschistische Okkupationspolitik in den zeitweilig besetzten Gebieten der Sowjetunion : (1941–1944) / Dokumentenauswahl und Einleitung von N.t Müller. – Berlin, 1991. – S. 188.
- ⁸⁸ Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde... – S. 814.
- ⁸⁹ Белорусские оstarбайтеры... Кн. 1 – С. 9.
- ⁹⁰ Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси : 1941–1944 / Авт.-сост. В.И. Адамушко и др. – Минск, 2001. – С. 7.

- ⁹¹ НА РБ. – Ф. 378. – Оп. 1. – Д. 189 : Der Beauftragte fuer VJP; Der Generalbevollmaechtigte fuer den Arbeitseinsatz, Va 5550/611 v. 14.09.42: Anordnung Nr. 10 des GBA ueber den Einsatz von Arbeitskraefte[n] der besetzten Ostgebieten. – Л. 9.
- ⁹² Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943 : Der Abschlußbericht des Wirtschaftsstabes Ost und Aufzeichnungen eines Angehörigen des Wirtschaftskommandos Kiew, / Hrsg. v. R.D. Müller. – Boppard / Rh., 1991. – S. 347.
- ⁹³ Verordnung über Arbeitspflicht und Arbeitseinsatz im Operationsgebiet der neu besetzten Ostgebiete // Ibid. — S. 303.
- ⁹⁴ ВА-МА. – RW 31/306 : Wi Stab Ost, Chefgr, La 2 a 3 und RMfBo, III E 2 a : Die Landwirtschaft in den besetzten Ostgebieten. Statistik der landwirtschaftlichen Erzeugung 1942. – Bl. 17.
- ⁹⁵ ВА-МА. – RW 31/558 : Wi In Mitte, Chefgruppe Fue / Abt. Arbeit, Az. : 4200 v. 31.3.42 : Lagebericht fuer Monat Maerz 1942 (Anlage 1). – Bl. 2.
- ⁹⁶ ВА-МА. – RW 31/562: Wi In Mitte, Chefgruppe Arbeit : Grundlagen fuer Arbeitseinsatzplanung v. 31.12.42. – Bl. 304.
- ⁹⁷ НА РБ. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 21 : Wi In Mitte. Besondere Anordnung Nr. 1 v. 12.7.41. – Л.81–87.
- ⁹⁸ См.: Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / Рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 2006. – С. 551–552.
- ⁹⁹ Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943. – S. 34.
- ¹⁰⁰ ВА-МА. – RW 31/128. Richtlinien fuer die Fuehrung der Wirtschaft in der neubesetzten Ostgebieten (Grueene Mappe). – Bl. 6–7; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion. – Stuttgart 1987. – S. 133; «Зелёная папка» Геринга // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 4. – С. 13. Сравни: Великая Отечественная война, 1941–1945 : Воен.-ист. Кн. 4 : Народ и война. – М., 1999. – С. 119.
- ¹⁰¹ НА РБ. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 19 : Wi In Mitte. Stellenbesetzungsplan fuer die Wi In Mitte. Stand: Anfang Juli 1941, – Л. 32, 37.
- ¹⁰² Там же. – Л. 38.
- ¹⁰³ ВА-МА. – RW 31/302b : Wi Stab Ost, Abt. I/ Id, Nr. 90088/42. Monatsbericht fuer Oktober 1942. – Bl. 116 (подсчёты автора).
- ¹⁰⁴ Новікаў, С.Я. Ваенна-гаспадарчая дзейнасць каманды “Minsk” : (1941–1942 гг) // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: Матэр. Рэсп. навук. канф., 26 сакавіка 2004 г. : У 3-х ч. Ч. 2. – Мінск, 2004. – С. 130, 131, 139; Сравни: Козак, К.И. Германские военно-экономические формирования в Беларуси: определение места в системе оккупационного режима. // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў. – Мінск., 2004. – С. 58.
- ¹⁰⁵ ВА-МА. – RW 31/98 : Anlage zum Vierzehntagebericht Wi Stab Ost (17.8 – 30.8.41). – Bl. 11; Müller R.D. Das Scheitern der wirtschaftlichen “Blitzkriegsstrategie” // Der Angriff auf die Sowjetunion. – Frankfurt / M., 1996. – S. 1152–1153.
- ¹⁰⁶ РГВА. – Ф. 1358 К. – Оп. 4. – Д. 1 : BfdVP, Wi Fue Stab Ost, V.P.19206/6 g v. 20.11.41 (Abschrift). – Л. 42.
- ¹⁰⁷ До 11 с учётом частичной деятельности хозяйственных команд «Смоленск» и «Брянск» на оккупированной территории Белоруссии с января 1942 г.
- ¹⁰⁸ ВА-МА. – RW 31/24 Wirtschaftsstab Ost, Stab Abt. I/Ib, Nr. 900900 v. 9. November 1942 : Stand der Wirtschaftsorganisation Ost am 1.11.1942. (Anlage 10); RW 31/80–85, 770–870, 980 : Geschichte des Wi Stab Ost: KTB Wi Kdos – Witebsk, Polozk, Lepel, Orscha, Mogilew, Borissov, Klimowitschi, Bobruisk, Gomel; Новікаў, С.Я. Да пытання навуковай распрацоўкі матэрыялаў фонда “Wi Stab Ost” аб германскай ваенна-гаспадарчай палітыцы ў Беларусі : (1941–1944 гг.) Беларусь і Германія: Гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы Міжнар. навук. канф., 16 мая 2003 г. – Мінск, 2003. – С. 139.
- ¹⁰⁹ Имеется в виду вся территория Белоруссии, с начала 1942 г. входившая в армейскую оперативную зону, тыловые районы группы армий «Центр», а также в состав генеральных округов – Беларусь, Литва, Вольнь-Подоллия, Житомир и округ Белосток.
- ¹¹⁰ НА РБ. – Ф. 379. – Оп. 2 : Ortskommandantur Minsk. Kommandantur Befehl Nr. 6 v. 14. August 1941. – Д. 4, – Л. 105; ВА-МА. – RH 26-286/12: KNB Nr. 3 Kdo 286 SD (Quartiermeisterabteilung). Bericht ber die T tigkeit der Qu-Abteilung ber die Versorgungstruppe der SD 286 v. 12.4.42. – Bl. 6; – RH 26-286/13 : Abt. Ib/Qu Nr. 25/43 (Anlage v.30.1.43). – Bl 1.

- ¹¹¹ Загорулько, М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург» : О срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. – М., 1980. – С. 125.
- ¹¹² “Führer-Erlasse” 1939–1945: Edition sämtlicher überlieferter, nicht im Reichsgesetzblatt abgedruckter, von Hitler während des Zweiten Weltkrieges schriftlich erteilter Direktiven aus der Bereichen Staat, Partei, Wirtschaft, Besatzungspolitik und Militärverwaltung. – Stuttgart, 1997. – S. 186–190, 195; ВА. – R 90/390. Der GenK in Minsk. Abt. II Verw.-5.A.3. Stand: 20. Okt.42 (Abschrift). – Bl. 3; Новікаў, С. Асаблівасці ваенна-эканамічнай гісторыі Беларускага Палесся : (1941–1944 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 4. – С. 15–18. Сравни: Великая Отечественная война. 1941–1945 : Воен.-ист. очерки... Кн. 4 – С. 122.
- ¹¹³ См.: Факторович, А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. – Минск, 1979. – С. 25–26.
- ¹¹⁴ ВА-МА. – RW 31/132 : Beauftragter für den Vierjahresplan. Geschäftsgruppe Ernährung. Tgb. Nr. O 426/41. – Bl. 191.
- ¹¹⁵ См.: Князько, Г. «Матка, давай млеко, давай яйки!» // Народная газета – Минск. – 1995. – 23–25 снежня.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ ВА-МА. – RW 31/84 : Wi Stab Ost. Die Aufgaben und Leistungen der landwirtschaftlichen Verwaltung in den besetzten Ostgebieten. – Bl. 15.
- ¹¹⁸ ВА-МА. – RW 31/ 132 : Richtlinien fuer die Fuehrung der Wirtschaft in der neubesetzten Ostgebieten (Grueene Mappe). Teil II. (3. Auflage). – Bl. 191.
- ¹¹⁹ ВА-МА (BArchP). – F 43386 : Wi In Mitte, Jahresbericht Chefgr. La v. 30.6.1942. – Bl. 634; Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde... – S. 238; Факторович, А.А. Указ соч. – С. 54–55; Князько, Г. Указ. соч.
- ¹²⁰ НА РБ. – Ф. 398. – Оп. 2. – Д. 144. – Л. 35; Ф. 393. – Оп. 1. – Д. 321. – Л. 68.
- ¹²¹ РГВА. – Ф. 700 К. – Оп. 1. – Д. 82 : Bericht des Wirtschaftsstabes Ost ueber der Arbeitseinsatz in der gewerblichen Wirtschaft in den besetzten Ostgebieten am Ende 1942. – Л. 1–2.
- ¹²² ВА-МА. – RW 30/37 : Einsatz des Wi Kdo Minsk. Erfahrungsbericht des Hptm Dorn v. 28.8.41. – Bl. 3 R.; Новікаў, С. Гаспадарчая каманда «Мінск» : Вынікі першага года дзейнасці на акупаванай тэрыторыі Беларусі // Другая сусветная вайна... – С. 48. Заметим при этом: автор расчётов – инспектор Дорн из экономического штаба «Восток» вёл исчисления на основе традиционной для немцев величины измерения веса – центнера (ц), который в Германии равен 50 кг. В дальнейшем в отношении этой величины приводятся общепринятые меры веса.
- ¹²³ РГВА. – Ф. 700 К. – Оп. 1. – Д. 31 : Beauftragter fuer Vierjahresplan, V.P. 16098/41g. Besprechungsnotiz von Reichmarschall mit Staatssekretar Bache v.15.9.41 (Abschrift). – Л. 8.
- ¹²⁴ ВА-МА. – RW 31/84. – II. A (2) : Wi Stab Ost, Fuehrungsgr. der Chefgr. La. Die Aufgaben und Probleme der Erfassung.
- ¹²⁵ НА. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 7 : Wi In Mitte. Anzahl der Kolchosen in Weißrussland. Stand v. 24.7.41. – Л. 49.
- ¹²⁶ ВА-МА. – RW 31/84 : Bevölkerungsdichte und landwirtschaftliche Arbeitskräfte je 100 ha landwirtschaftliche Nutzfläche (Stand v. Dezember 1942). (Anlage II) (подсчёты автора).
- ¹²⁷ Там же (подсчёты автора).
- ¹²⁸ ВА. – R 93/20 : Der GenKW in Minsk: Protokoll ueber die Tagung der Gebietskommissare, NA-Leiter u. Abt.-Leiter des Generalkommissars in Minsk vom 8. April bis 10. April 1943. – Bl. 27665.
- ¹²⁹ ВА-МА (BArchP) F 42859: Wi In Mitte, Lagebericht Nr. 20 v. 4.8.1942. – Bl. 295.
- ¹³⁰ См.: Новікаў, С.Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі : 1941–1944 гг. ... – С. 108.
- ¹³¹ См.: Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde... – S. 240–241; Сравни: Олехнович, Г.И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны : (1941–1945). Минск, 1982. – С. 35.
- ¹³² ВА. – R 93/7 : Der GenKW in Minsk, Abt. III E 2, Az. II D 100. – Bl. 10–11.
- ¹³³ См.: Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde... – S. 245.
- ¹³⁴ НА РБ. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 121 : Auszug aus Militärverwaltungs-Anordnung vom 27.1.1943. – Л. 85.

¹³⁵ BA-MA. – F 42748 : Rmf bO. Die neue Agrarordnung fuer die besetzten Ostgebiete v 15. Februar 1942. – К. 640.

¹³⁶ НА РБ. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 134 : Wi In Mitte, Chefgruppe La, 1b 5. Baeuerl. Gemeinwirtschaften und Staatsgueter. Stand v. 3. Juni 1943. – Л. 5 (подсчёты автора).

¹³⁷ ПГВА. – Ф. 700 К. – Оп. 2. – Д. 4 : Wi Stab Ost, Stab Abt. I/С, Br. Nr. 69700/43, Monatsbericht Wi Stab Ost (1.10 – 31.10.1943). – Л. 11, 11 об.

¹³⁸ НА РБ. – Ф. 370. – Оп. 1. – Д. 245. – Л. 5.

¹³⁹ См.: Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde... – С. 327

¹⁴⁰ Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии : 1941–1944 : [Документы и материалы]. – Минск, 1965. – С. 422–423.

¹⁴¹ BA-MA, – RW 31/85 : Wi Fue Stab Ost. V.P. 19203/6 g. Allgemeine Grundzüge für die Wirtschaftspolitik in den neubesetzten Ostgebieten v. 8.11.1941. – Bl. 74–85; Сравни: Из «Общих основ экономической политики в оккупированных восточных областях» // Преступные цели – преступные средства... – С. 62.

¹⁴² Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion... – С. 333.

¹⁴³ НА РБ. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 113 : Wi In Mitte Chefgruppe, Gruppe Statistik, Az. 8057, Die wirtschaftliche Struktur des Raumes der Wirtschaftsinspektion Mitte unter Zugrundelegung der Beschäftigungszahlen nach dem Stande vom 31.8.42. – Л. 296 об.

¹⁴⁴ НА РБ. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 189 : Wi In Mitte, Chefgruppe W, Gr. Statistik. Verzeichnis der arbeitenden Betriebe der Chefgruppe W und Chefgruppe FH nach dem Stande vom 1.03.43. – Bl. 2 – 82 (подсчитано автором).

¹⁴⁵ НА РБ – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 19: Rue Kdo Minsk, Gr. BB: Lagebericht für Monat September v. 11.10.41. – Bl. 47.

¹⁴⁶ Кнатько, Г. История минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне : Праблемы даследавання (у памяць ахвяр Трасцянца): Матэрыялы Міжнар. навук. канф., 25–27 крас. 2002 г., Мінск. – Мінск, 2003. – С. 53.

¹⁴⁷ Новікаў, С.Я. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 гг. : (Агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў). – Мінск, 2002. – С. 196.

¹⁴⁸ Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси... – С. 3.

¹⁴⁹ Карательные акции в Беларуси : Посвящ. 65-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков / [Сост. В.Я. Герасимов, С.М. Гайдук, И.Н. Кулан. – Минск, 2008. – С. 82.

¹⁵⁰ Белорусские оstarбайтеры... Кн. 1. – С. 14.

¹⁵¹ BA-MA. – RW 31/306 : Wi Stab Ost, Chefgr. La 2 a 3 und RMfbO, III E 2 a : Die Landwirtschaft in den besetzten Ostgebieten. Statistik der landwirtschaftlichen Erzeugung 1942. – Bl. 17; RW 31/562 : Wi In Mitte, Chefgruppe Arbeit: Grundlagen für Arbeitseinsatzplanung v. 31.12.42. – Bl. 2; RW 31/570. Statistischer Bericht Nr. 1. Anlage I zu Br.V. Nr. 1875/43 geh. St.Q., den 30. Juli 1943. – Bl. 125; НА РБ. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 113 : Wi In Mitte Chefgruppe, Gruppe Statistik, Az. 8057, Die wirtschaftliche Struktur des Raumes der Wirtschaftsinspektion Mitte unter Zugrundelegung der Beschäftigungszahlen nach dem Stande vom 31.8.42. – Л. 296 об.; Там же, Д. 189 : Wi In Mitte, Chefgruppe W, Gr. Statistik. Verzeichnis der arbeitenden Betriebe der Chefgruppe W und Chefgruppe FH nach dem Stande vom 1.03.43. – Л. 2–82; ПГВА. – Ф. 700 К. – Оп. 1. – Д. 82 : Statistik der Chefgruppe Arbeit des Wirtschaftsstabes Ost zum Arbeitseinsatz in den bis Ende 1942 besetzten Ostgebieten. – Л. 1–2; Die wirtschaftliche Lage in Weißruthenien // Protokoll ueber die Tagung der Gebietskommissare, Hauptabteilungsleiter und Abteilungsleiter des Generalkommissars in Minsk vom 8. April bis 10 April 1943 // Совещание высшего руководства Генерального округа «Белоруссия», (Минск, 8–10 апреля 1943 года) : Стенограмма / Сост. С.В. Жумарь, С.Е. Новиков, Р.А. Черноглазова; [Пер. с нем. Г.Г. Белькевич и др.] . – Минск, 2006. – С. 24; Новікаў, С.Я. Некаторыя вынікі даследавання ваенна-эканамічнай гісторыі ўсходніх абласцей Беларусі : (1941–1944) // Беларусь і Германія : Гісторыя і сучаснасць : Матэрыялы Міжнар. навук. канф.і. Мінск, 12 мая 2006 г. : Вып. 5 / Рэдкал. А.А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.. – Мінск, 2007. – С. 115–116; Новікаў, С.Я. Новае нямецкае даследаванне акупацыйнай палітыкі вермахта //

- Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 4. – С. 20 (подсчитано автором). См.: Літвін А.М., Грэбень Я.А., Новікаў С.Я. Вяртанне ў рабства : Прымусовая праца насельніцтва Беларусі 1941–1945 гг. – Мінск, 2010. – С. 86; Новікаў С.Я. Колькасныя маштабы прыцягнення беларускага насельніцтва нямецкай ваеннай адміністрацыі да прымусовой працы на тэрыторыі Беларусі : (1941–1944 гг.) // Разняволеная памяць : Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.) : 36. навук. артык. / Пад рэд. А.М. Літвіна. – Мінск, 2010. – С. 133.
- ¹⁵² Новікаў С. «Першы ўказ фюрэра...» як падстава для пытанняў і адказаў : (Знаёмства з невядомым архіўным дакументам) // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 3. – С. 60.
- ¹⁵³ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 151.
- ¹⁵⁴ Раманюўскі В.П. «Ост» // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : Энцикл. ... – С. 390.
- ¹⁵⁵ Либ П. Преступники по убеждению? : (Полковник Карл фон Андриан и уничтожение евреев 707-й пехотной дивизией в 1941–1942 гг.) // Беларусь і Германія: Гісторыя і сучаснасць... – С. 117.
- ¹⁵⁶ НА РБ. Ф. 1440. Воп. 3. Спр. 912а. Арк. 2: Пояснительная записка к списку концентрационных лагерей, лагерей смерти, гетто и трудовых лагерей, стационарных и пересыльных лагерей военнопленных, их отделений и филиалов, мест массового уничтожения немецко-фашистскими захватчиками советских граждан на временно оккупированной территории Белоруссии (1941–1944 гг.).
- ¹⁵⁷ Kohl P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944 : Sowjetische Überlebende berichten. – Frankfurt / M., 1998. – S. 91.
- ¹⁵⁸ Пасэ У.С. Лагеры смерці // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : Энцикл. ... – С. 291.
- ¹⁵⁹ Arnold K.J. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion : Kriegsführung und Radikalisierung im „Unternehmen «Barbarossa»». – Berlin, 2005. – 388.
- ¹⁶⁰ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... – С. 157.
- ¹⁶¹ Gerlach Ch. Kalkulierte Morde... – S. 181.
- ¹⁶² Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust... – S. 460.
- ¹⁶³ Литвин А.М. Под фашистской оккупацией. Гісторыя Мінска. – Мінск, 2006. – С. 381.
- ¹⁶⁴ Anordnung der Feldkommandantur von 19. Juli 1941 zur Errichtung des Gettos von Minsk // Kohl P. «Ich wundere mich, daß ich noch lebe» : Sowjetische Augenzeugen berichten. – Gütersloh, 1990. – S. 218–219.
- ¹⁶⁵ Vorläufige Richtlinien für die Behandlung der Juden im Gebiet des Reichskommissariats Ostland vom 18.8.1941 // Lehnhard H. «Lebensraum im Osten» : Deutsche in Belorussland 1941–1944. – Düsseldorf, 1991. – S. 184.
- ¹⁶⁶ Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust... – S. 333.
- ¹⁶⁷ График депортации евреев из стран Западной Европы в Белоруссию : (Ноябрь 1941 – октябрь 1942 г.) // Judenfrei! Свободно от евреев! : История минского гетто в документах / Авт.-сост. Р.А. Черноглазова. – Минск, 1999. – С. 224. Сравни: Rentrop P. Maly Trastinez // Der Ort des Terrors: Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager : In 9 Bdn. Bd. 9. – München, 2009. – S. 573.
- ¹⁶⁸ Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust... – S. 479.
- ¹⁶⁹ Иоффе Э. Минское гетто: Основные этапы истории // Мінскае гета. 1941–1943 гг. : Трагедыя. Гераізм. Памяць : Мтэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 24 кастр. 2003. – Мінск, 2003. – С. 49–58; Князько Г.Д. Минское гетто : (Июль 1941 – октябрь 1943) // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі : Вып. 2. – Мінск, 1998. – С. 171–189; Она же. История минского гетто // Генацыд у Другой сусветнай вайне : Праблемы даследавання : (У памяць ахвяр Трасцянца) : Матэр. міжнар. навук. канф., Мінск, 25–27 крас. 2002. – Мінск, 2003. – С. 37–60; Тукала С.М. Генацыд і барацьба яўрэяў Мінскага гета ў гады Вялікай Айчыннай вайны : (Ліпень 1941 – кастрычнік 1943 года) : [Аўтрэф. дыс.] 2010; Рэнтрап П. Малы Трасцянец як гаспадарка камандзіра ахоўнай паліцыі і СД і як лагер смерці // Беларусь і Германія : Гісторыя і сучаснасць... Вып. 7 : У 2 кн. Кн. 2. – Мінск, 2009. – С. 157–173.

¹⁷⁰ Розенблат Е.С., Альтман И.А. Белоруссия // Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. – М., 2009. – С. 67.

¹⁷¹ Розенблат Е.С., Еленская И.Э. Домачево // Там же. – С. 278.

¹⁷² Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі : (1941–1944). – Мінск, 1995. – С. 345; Gerlach Ch. Kalkulierte Morde... – S. 558.

¹⁷³ Gerlach Ch. Kalkulierte Morde... – S. 563.

¹⁷⁴ Idid. – S. 566.

¹⁷⁵ Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht : Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. – München, 2008. – S. 248.

¹⁷⁶ Gerlach Ch. Kalkulierte Morde... S. 11.

¹⁷⁷ Литвин А.М. Вклад белорусского народа в разгром нацистской Германии // Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн: (К 65-летию Великой Победы) : Материалы V Междунар. летней школы молодых историков стран СНГ (Минск, 14–23 июня 2010 г.) / Сост.: А.А. Коваленя, В.В. Данилович, М.Г. Жилинский. – Минск, 2010. – С. 173.

Истребительная политика нацистов на оккупированной территории Смоленской области

Марочко Владимир Павлович,

кандидат исторических наук,

Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В новой военно-исторической экспозиции Центрального музея Великой Отечественной войны «Подвиг и Победа великого народа» одно из центральных мест занимает раздел «Трагедия народов (Оккупационный режим: политика и практика)». В разделе музейными средствами раскрывается оккупационная политика нацистов, которая определялась целями войны Германии против Советского Союза – войны на уничтожение советского государства и народа. Основную смысловую нагрузку раздела несут темы, отражающие античеловеческую практику нацистов, геноцид населения оккупированных территорий нашей страны, не имеющие аналогов в мировой истории.

Статья подготовлена на подлинных рассекреченных материалах Центрального архива ФСБ Российской Федерации о преступной деятельности на территории Смоленской области группы немецких военнослужащих, взятых в плен подразделениями Красной армии.

Материалы эти представлены актами Чрезвычайных государственных комиссий по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков, протоколами допросов обвиняемых, свидетельскими показаниями советских граждан. Также использованы опубликованные ранее в печати материалы и документы Государственного архива Смоленской области и Центра документации новейшей истории Смоленской области и другие источники.

Уместно напомнить, что в истории Российского государства в течение веков Смоленская область называлась и сегодня называется Смоленской ключ-землёй за то, что первой из русских областей всегда принимала на себя удары агрессоров. Территория области была определена в 1937 г. В её составе было 54 района.

И в годы Второй мировой войны гитлеровцы, осуществляя агрессию против Советского Союза, рассматривали Смоленскую область, в силу её историко-географического положения, как удобный плацдарм для реализации плана «Барбаросса», и прежде всего для наступления на Москву. Здесь были сконцентрированы основные силы группы армий

«Центр» (весной 1943 г. на территории области размещалось 57 немецких дивизий, 65 различных штабов, 32 крупных воинских склада с фронтовыми запасами горючего, продовольствия, боеприпасов и военного имущества)¹.

Смоленская область более двух лет являлась местом ожесточённых сражений с немецко-фашистскими захватчиками. Летом и осенью 1941 г. в тяжёлых оборонительных боях под Ельней и Ярцевом войска Красной армии изматывали врага, который рвался к Москве. Таким образом советское командование выиграло время (целых три месяца!) для подготовки обороны Москвы и последующего разгрома врага в Московской битве 1941–1942 гг. Здесь, на Смоленской земле, наиболее отличившимся соединениям было присвоено впервые введённое в Советских Вооружённых силах звание гвардейских. Здесь родилась Советская гвардия!

На территории области силами её населения были возведены 4 оборонительных рубежа общей протяжённостью свыше 500 км, созданы 85 аэродромов, 120 взлётно-посадочных полос и др.

Огромную помощь сражающейся Красной армии оказывали партизаны. В немецком тылу боевые действия смоленских партизан создавали для оккупантов обстановку постоянной тревоги, неуверенности и страха. 53 тыс. смоленских партизан уничтожили свыше 175 тыс. вражеских солдат и офицеров. Партизаны спустили под откос 1 тыс. 354 железнодорожных эшелона с войсками, боевой техникой и т.д.²

Основные цели и направления нацистской политики и практики на территории Советского Союза состояли в ликвидации советского государственного строя, расчленении СССР, экономической эксплуатации, грабеже и физическом уничтожении миллионов славян – русских, украинцев и белорусов, а также других народов СССР, в осуществлении немецкой колонизации восточных земель вплоть до Урала. Для оправдания и прикрытия этой политики ещё до нападения на СССР была подведена идейная база в виде теории о неполноценности рас и «войны идеологий» на уничтожение большевизма. Руководством Германии и вермахта ещё до завершения подготовки к «войне на Востоке» были приняты многочисленные приказы, директивы, инструкции о «новом порядке» и обращении с местным населением и военнопленными. Их содержание свидетельствует, что уже в стадии планирования война против СССР приобрела характер «войны на истребление».

Жестокость поведения на захваченных советских территориях прививалась германским военным командованием каждому солдату вермахта, каждому чиновнику оккупационных властей через инструкции и

памятки. Например, в одном из пунктов «Памятки немецкого солдата» говорилось: «У тебя нет нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай, этим самым спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишься навек»³.

После изгнания немецко-фашистских захватчиков из города Смоленска и Смоленской области начала работу Чрезвычайная государственная комиссия и в советские органы поступили материалы о том, что немецкие оккупанты в период их пребывания на Смоленщине путём массовых расстрелов систематически истребляли мирных советских граждан и советских военнопленных, проводили под видом борьбы с партизанами карательные операции против мирного населения, расстреливая невинных людей, угоняя на каторгу в Германию, насилюя женщин, грабя и сжигая города и сёла⁴. Собранные материалы легли в основу Смоленского процесса 15–20 декабря 1945 г.

Военнопленные и мирные граждане в концлагерях

Документы процесса показывают, что на территории Смоленщины (в границах 1943 г.) немецко-фашистскими захватчиками была создана целая система концентрационных лагерей и других «учреждений» принудительного содержания военнопленных и гражданского населения. Уточнённые данные современных исследователей свидетельствуют, что практически во всех районах области действовали более 75 таких учреждений, которые включали концлагеря собственно для военнопленных, смешанные – для военнопленных и гражданских лиц, рабочие лагеря, распределительные лагеря, пересыльные пункты, лазареты и госпитали, еврейские гетто и т.д.⁵.

Материалы ЧГК по установлению и расследованию злодеяний фашистских захватчиков и их сообщников (от 28 сентября 1943 г.) раскрывают невыносимые условия жизни в лагерях. Приведём примеры.

20 июля 1941 г. немецкое командование открыло пересыльный концентрационный лагерь № 126 в городе Смоленске, расположенный на территории бывших военных складов (Большой лагерь) и на территории Нарвских казарм (Малый лагерь как филиал лагеря № 126). Помещения лагеря представляли собой сараи с выбитыми стёклами, частью без дверей, без потолков и полов, с протекающими крышами, совершенно не утеплённые. Земляной пол представлял собой слой грязи, в который погружались ноги в сапогах по голенище. В эти помещения загоняли такое количество военнопленных, что

многим не было возможности сесть даже ночью⁶. При нормальной вместимости помещений в 3–4 тыс. человек немцы загоняли туда до 30 тыс. Теснота доходила до того, что если кто вошёл в сарай первым, то из-за скученности не было возможности выйти обратно. Спали по очереди, на земляном полу, в грязи. Постельные принадлежности или хотя бы солома отсутствовали. Зимой у спавших одежда постоянно примерзала к земле. Ночью в бараках стоял смрад, слышались стоны больных и раненых. Два раза в день выдавалась пища, получившая название «баланда», состоявшая из воды с затхлой ржаной мукой без соли. Очень часто давали «баланду», приготовленную из промёрзшего, полусгнившего, неочищенного картофеля, сваренного в воде без соли. Хлеба военнопленные получали 150–200 граммов нерегулярно, в него добавляли до 50% древесных опилок. Среди военнопленных и арестованных мирных граждан вскоре появились заболевания (голодные отёки, поносы, дизентерия, сыпной тиф). Больные находились вместе со здоровыми, заражая их. Вшивость была невероятная. Смертность была колоссальна, доходила до 200, 300 и 600 человек в день.

Как обращались с советскими военнопленными, рассказал Эрих Мюллер, ефрейтор 3-й роты 335-го охранного батальона: «В Смоленском концлагере № 126 с советскими военнопленными немецкие солдаты обращались очень жестоко. Считалось, что русский – получеловек, дикарь, и поэтому всякая жестокость по отношению к русским не только оправдывалась, но и поощрялась. Их избивали, гоняли на самые тяжёлые работы, а при малейшем признаке неповиновения расстреливали⁷. Командир 335-го батальона подполковник Ширштедт инструктировал: “Русских щадить нечего, нужно чтобы советские военнопленные постоянно чувствовали мощь германского оружия”. Мы добросовестно выполняли эти указания. Лично я убил в ДУЛАГе-126 не менее 30 советских военнопленных. Между солдатами возникло соревнование – кто больше убьёт. Поэтому в русских стреляли по всякому малейшему поводу. Главным образом когда они подходили к проволочному заграждению. За два месяца моей службы в лагере, то есть за декабрь 1941 г. и январь 1942 г., погибло не менее 4 тысяч человек. Командование батальона всячески поощряло солдат, наиболее активно участвующих в истреблении русских. Например, командир батальона подполковник Ширштедт неоднократно выносил благодарность “за образцовую службу” командиру отделения унтер-офицеру Вайсу, а также мне»⁸.

С октября 1941 г. по май 1942 г. при охране советских военнопленных, работавших на очистке железнодорожного полотна на Восточном вокзале Смоленска, ефрейтор Вилли Краузе лично застрелил 20

военнопленных, которые по причине истощения не могли выполнять физическую работу, и около 30 человек забил до смерти.

Ефрейтор 335-го охранного батальона Фриц Генчке принимал участие в массовом расстреле советских военнопленных с 20 на 21 октября 1941 г. Находясь в ноябре 1941 г. в охране Смоленского лагеря военнопленных, по собственной инициативе расстрелял 18 советских пленн⁹. Сопровождая в ноябре 1941 года транспорт с военнопленными из города Смоленска в город Минск, расстрелял 10 советских военнопленных.

Таким образом, как показывают материалы следствия, в концлагерном лагере № 126 существовали условия, рассчитанные на массовое истребление военнопленных (голод, холод, эпидемиологические заболевания), что привело к колоссальной смертности. Кроме того, имели место расстрелы и другие виды умерщвления. Трупы хоронили в ямах-могилах возле лагеря. Обследование могил на территории Большого и Малого лагерей, раскрытие части могил, их размеры (в частности, глубина), огромные компактные массы из хаотически нагромождённых трупов, лежащих в могилах, результаты судебно-медицинского исследования трупов – всё это с полной бесспорностью подтвердило исключительно большую смертность военнопленных в лагерях и привело к выводу, что в могилах на территории лагеря № 126 было погребено не менее 60 тыс. человек (45 тыс. – в Большом и 15 тыс. – в Малом)¹⁰. Таким образом Смоленский лагерь № 126 вошёл в историю как место величайших злодеяний германского нацизма по истреблению советских граждан.

Ещё пример бесчеловечного отношения к советским военнопленным. В лагере города Ярцево содержалось более 500 советских военнопленных. С декабря 1941 г. по март 1942 г. в лагере умерло более 200 человек от голода и болезней. На завтрак военнопленные получали воду и кусочек хлеба 30–50 граммов, на обед – несколько ложек несъедобной каши из отходов ржаной муки и похлёбку из картофельных отходов. В лагере свирепствовал сыпной тиф. Охрана избивала военнопленных и даже расстреливала без суда и следствия. В феврале 1942 г. в Ярцевский лагерь прибыла автомашина с хлебом. Группа военнопленных в количестве 10 человек стала её разгружать. Один военнопленный взял буханку хлеба и спрятал её за штабель дров. Ефрейтор Мюллер, заметив это, избил военнопленного и доложил о случившемся старшему лейтенанту Шнейдеру, который приказал за вину одного военнопленного расстрелять 5 человек. Ефрейтор Мюллер отобрал 5 человек из 10 военнопленных, разгрузивших машину, и в присутствии всех военнопленных лагеря лично расстрелял их¹¹.

В лагере военнопленных в селе Голынки старший солдат 1-го батальона 350-го пехотного полка 14-й авиапехотной дивизии Йозеф Райшман, будучи проводником служебной собаки, часто натравливал её на пленных, когда они медленно работали или отставали от колонны. К помощи собаки он часто прибегал для водворения порядка среди военнопленных во время раздачи пищи. Было и так, что он натравливал собаку на военнопленных, когда был просто в плохом настроении или ради потехи по просьбе товарищей. Однажды в июне 1942 г. в селе Монастырщине он натравил собаку на 14-летнюю девочку. Собака загнала её в полуразрушенный дом. Воспользовавшись тем, что девочка была перепугана, Райшман её изнасиловал¹².

Во время отступления немцев из Смоленска стал широко известен факт массового расстрела русских военнопленных, находившихся в Смоленском лагере¹³. Этот расстрел производили войска СС и сотрудники тайной полевой полиции. Зимой 1941–1942 гг. в Смоленске были произведены массовые расстрелы железнодорожников, которые якобы сигнализировали советской авиации при налётах на немецкие базы. Часто в Смоленске можно было наблюдать такую картину: в определённый час оцеплялись целые городские кварталы, всё население выгонялось на улицу и начиналась проверка документов. Причём все те лица, у которых не было документа о том, что они работают в немецких учреждениях, арестовывались и направлялись в сборные лагеря. Дальнейшая судьба этих людей зачастую была неизвестна.

В августе 1942 г. немцы собрали из деревень Дорогобужского района бывших военнослужащих Красной Армии, которые, попав в окружение или же бежав из плена, скрывались у местных жителей. Также взяли и местных жителей, ранее служивших в Красной Армии, и всех (не менее 100 человек) расстреляли недалеко от деревни Ивашутино¹⁴.

Расстрел военнопленных при конвоировании

Военнопленных убивали не только в лагерях, но и в пути следования. Так, в ночь с 20 на 21 октября 1941 г. 3-й взвод 335-го охранного батальона был послан для усиления конвоя колонны военнопленных, состоящей из 27–30 тыс. человек. Эту колонну через Смоленск гнали к вокзалу. Неожиданно застрочил пулемёт. Среди военнопленных возникла паника. Командир 3-го взвода 3-й роты 335-го батальона лейтенант Хальберт приказал стрелять. В эту ночь было расстреляно не менее 5 тыс. человек.

В ноябре 1941 г. ефрейтору Эриху Мюллеру пять или шесть раз приходилось участвовать в конвоировании военнопленных с железно-

дорожной станции Смоленск в ДУЛАГ-126 и лазарет. Военнопленные были, как правило, сильно истощены и, будучи не в состоянии двигаться, нередко отставали от общей колонны. Тогда их, согласно приказу, расстреливали на месте. Мюллер не отставал от других солдат батальона: всего застрелил 20–25 человек, отставших от колонны¹⁵.

Дороги, по которым немецко-фашистские захватчики вели пленных, покрывались трупами замученных и убитых. Так, например, на судебном процессе над фашистскими преступниками в Харькове вскрылось, что из 15 тыс. заключённых, отправленных из Вяземского лагеря в Смоленск, к месту назначения дошли лишь 2 тыс. человек¹⁶.

Обращение с военнопленными при конвоировании было жестоким. Особенно много было расстреляно при этапировании 30 тыс. советских военнопленных из Вязьмы в Смоленск. Вечером 20 октября 1941 г. офицер Смоленской комендатуры сообщил в 335-й батальон, что из Вязьмы в Смоленск следует 30 тыс. советских военнопленных, которых нужно охранять в связи с возможностью побегов. Команда добровольцев была разделена на семь групп, которые на грузовой машине отправились на дорогу Смоленск – Вязьма, чтобы перехватить колонну и сопровождать её. При этом команда получила приказ беспощадно применять оружие. Каждому солдату, кроме имевшихся у него 30 патронов было выдано ещё 60 и при этом указано, что возвращаться они должны только с 10 патронами. Следовательно, было дано прямое задание расстреливать военнопленных без всякого повода. Тем более что инструкции в отношении обращения с военнопленными в основном заключались в том, что каждый солдат имел право стрелять в военнопленного, который пытался бежать. Но, несмотря на то что никаких попыток к побегам не было при движении колонн через Смоленск, солдаты стреляли в военнопленных без всякого разбора. Стреляли также и из домов, где располагались авиационные части. Таким образом, в одну ночь было расстреляно огромное количество ни в чём неповинных людей: на дороге осталось примерно 8–10 тыс. трупов советских военнопленных¹⁷.

Осенью 1941 г. при конвоировании военнопленных по большаку, проходившему мимо деревни Боровой Дорогобужского района, немцы расстреляли не менее 150 человек, пытавшихся поднять брошенную им местными жителями картофелину или свёклу, а также обессиленных и не двигавшихся. Их расстреливали на месте¹⁸.

В ноябре 1941 г. примерно 5 тыс. военнопленных были отправлены из Смоленского пересыльного лагеря в Минск. Это был «поезд смерти»: за три дня пути от Смоленска к Минску было расстреляно и

умерло от истощения более 500 военнопленных. Товарные платформы, в которых их везли, были без крыш – одни стены. Был отдан специальный приказ стрелять в каждого, кто высунется за верх стенок. Не менее ужасной была отправка военнопленных в декабре 1941 г. из Смоленска в Двинск, также около 5 тыс. человек. Среди них были гражданские лица, содержащиеся в лагере за различные нарушения установленного в Смоленске и его окрестностях порядка. Транспортировка сопровождалась ещё большими зверствами. За время пути было расстреляно не менее 1 тыс. 500 человек¹⁹.

В декабре 1941 г. 20 военнослужащих из 3-й роты 335-го охранного батальона по приказанию капитана Шера были направлены на Восточный вокзал принять прибывшую из Вязьмы в Смоленск очередную партию русских военнопленных в количестве 1000 человек. Начальник конвоя полевой жандармерии сообщил, что часть военнопленных в дороге умерла, а часть расстреляна за попытку к бегству. В живых оставалось 800 человек. В ДУЛАГ-126 из этой партии военнопленных было доставлено примерно 700 человек. Таким образом, почти 100 человек было расстреляно в пути от вокзала до лагеря²⁰.

Эксперименты над советскими военнопленными Умерщвление детей

Произведённым Главным управлением контрразведки (ГУК) «Смерш» расследованием было установлено, что дислоцировавшийся в Смоленске с сентября 1941 г. по апрель 1943 г. 551-й германский военный госпиталь участвовал в истреблении раненых пленных бойцов и офицеров Красной Армии, а также в умерщвлении советских детей. Во всех этих злодеяниях принимал участие лекарский помощник старший ефрейтор Рудольф Модисш. Будучи взят в плен, Модисш на допросе признал свою вину в злодеяниях над мирными советскими гражданами и военнопленными²¹. Всего в лазарете находилось 1 тыс. 200 человек, русских военнопленных постоянно находилось 180–200 человек. Как показал Модисш, русские военнопленные помещались не на предмет излечения. Они использовались как живой материал для производства над ними различных экспериментов. Немецкий медицинский персонал открыто называл русских военнопленных «подопытными кроликами». Но никто из пленных не подозревал, что они используются немецкими врачами как материал для опытов.

Русским военнопленным прививали сыпной тиф для испытания на них противотифозной сыворотки. Других военнопленных подвергали общему заражению крови (сепсису). Нередко в госпиталь

поступали немецкие военнослужащие с повреждениями позвоночника. Немецкими врачами производилась пункция жидкости спинного мозга у русских пленных с последующим вводом её раненым немцам. Обычно после этой операции у истощённых русских пленных наступал паралич нижних конечностей. В Смоленск неоднократно приезжал немецкий профессор для производства опытов по новому виду перевязки ампутированных конечностей с целью более быстрого зарубцовывания раны. Для опыта были взяты, как обычно, русские пленные. В госпиталь также часто приезжали практиканты-медики из Германии, которые учились производить операции на русских пленных как на живом материале²².

В 551-м госпитале требовалось много крови для переливания раненым немецким военнослужащим. Оккупационные власти Смоленска для забора крови привлекали главным образом молодёжь школьного возраста и детей 6–8 лет, так как считалось, что у них наиболее здоровый состав крови. При этом за один раз брали 600–800 кубических сантиметров, тогда как у взрослого человека, при соответствующем врачебном наблюдении и усиленном питании, разрешалось за один раз брать не более 350–400 кубических сантиметров крови. Дети были обречены на смерть. Но это считалось нормальным, ибо смерть русских детей спасала жизнь немцев.

«Вам лично приходилось брать кровь у детей?» – спросил следователь у обвиняемого Рудольфа Модиша. Тот ответил: «Осенью 1942 г. советская авиация произвела сильный налёт на железнодорожную станцию Смоленска. В результате взрыва эшелона с боеприпасами в лазарет поступило большое количество раненых немецких военнослужащих. В хирургическое отделение приняли тяжелораненого обер-лейтенанта, потерявшего много крови. Я быстро отправился в лабораторию, куда только что был доставлен девятилетний мальчик. При моём участии у него было взято более 800 кубических сантиметров крови. Ребёнок потерял сознание, и когда я вторично пришёл в лабораторию, мне сказали, что мальчик не выдержал и скончался».

В госпитале работали врачи преимущественно высокой квалификации. Их имена были широко известны в Германии: профессора Шем, Гетте, Мюллер, оберарцт Отт и др. После того как подопытные военнопленные переставали интересоваться этих врачей-экспериментаторов, последние давали прямые указания уничтожить их. Таким пленным давали большую дозу повышающих сердечную деятельность средств, например строфантин, чего их истощённый организм выдержать не мог, и они умирали²³.

На вопрос «Вы отдавали себе отчёт, что, принимая участие в убийстве беззащитных пленных, вы неслышанным образом нарушали все

нормы международного и человеческого права?»²⁴ Модиш ответил следующее: «Да. Мы совершали преступления, находясь под влиянием нацистской агитации о том, что русские – неполноценные люди. Все мы были воспитаны в духе презрения к русским и рассматривали советских граждан как рабов, призванных работать на немцев. Ещё до войны с СССР, когда наша часть дислоцировалась в Польше, у нас проводились доклады о России. Эти доклады обычно делал член национал-социалистской партии штабс-фельдфебель Казебек в присутствии офицеров. Он говорил, что русские являются неполноценными людьми, что это, по существу, “интеллектуальные животные”. Он разъяснял: “Животных можно побоями привести к послушанию, но «интеллектуальных животных» надо дрессировать, а если это не удаётся, то уничтожать, так как в противном случае они могут стать опасными для Германии”²⁵. Поэтому я считал, что раз пленные уже для производства опытов непригодны, то нет никаких оснований останавливаться перед их умерщвлением. Я так же, как и другие лица из немецкого врачебного персонала, считал, что с русскими церемониться нечего и нет никаких оснований останавливаться перед их истреблением, если это идёт на пользу Германии. Поэтому я воспринимал производство опытов над русскими как нормальное явление. В общей сложности я покончил с 23 или 24 русскими, точно не помню. Во всех этих случаях дело сводилось к тому, что я впрыскивал ненужным нам пленным усиленную дозу строфантина»²⁶.

Особой ненавистью к русским отличались профессор Шем, оберарцт Вагнер и оберарцт Альнс. Однажды ефрейтору Модишу пришлось помогать Штефану при операции русского, который поступил с раздробленной рукой. Модиш спросил Штефана, не нужен ли местный наркоз. Штефан ответил: «Ничего, эта скотина всё выдержит. Пусть покричит, немцу русские вопли лучше театрального представления. Держите его покрепче, ведь это только русские». «Мы все искренне смеялись его остроте», – отметил Модиш²⁷. Однажды оберарцт Вагнер предложил Модишу умертвить раненного в голову советского пленного только потому, что он, по мнению Вагнера, не подходил для экспериментальной работы. Модиш впрыснул этому раненому мышьяк, и раненый умер.

В 1942 г. одному русскому пленному немецкие медицинские работники произвели искусственное заражение крови. После чего было введено противодействующее средство для наблюдения за действием этого препарата. После окончания эксперимента пленный был умерщвлен Модишем. Умерщвление военнопленных производилось санитарями и лекарскими помощниками из числа старослужащих. Молодым эти операции не доверялись. Кроме указанного, признался

Модиш, он лично участвовал в ограблении мирного населения города Смоленска, а также в разграблении медицинских учреждений и организаций²⁸.

В Смоленской области находилось не менее 30 крупных военных лазаретов, в которых экспериментальная работа над русскими пленными была поставлена особенно широко. На них, в частности, испытывались забракованные врачами медикаменты. Во время отступления немцев из Смоленска стал широко известен факт массового расстрела русских военнопленных.

Истребление еврейского населения

Особые расовые изуверства совершались нацистами над еврейским и цыганским населением. На Смоленщине евреи и цыгане были истреблены практически поголовно и повсеместно. На территории семи районов области были созданы еврейские гетто, в которых осуществлялся геноцид²⁹.

В августе 1942 г. в Смоленске, в зданиях больничного городка Западной железной дороги, был размещён строительный отдел гестапо. Позже в эти же здания были переведены команды СС и СД. Осенью 1942 г. и в первой половине 1943 г. в больничный городок доставили несколько партий евреев из Западной Белоруссии – 1 тыс. 150 человек. Туда же доставили и партию евреев из Смоленска. Здесь же содержались и военнопленные Красной армии и лица, уклонявшиеся от выполнения распоряжений оккупантов³⁰. Все евреи и часть военнопленных систематически истреблялись, и лишь 150 человек в августе 1943 г. были угнаны в город Борисов. Расстрелянных закапывали в непосредственной близости от городка в ямах на площади 45 м длиной и 30 м шириной, в общем количестве до 2 тыс. человек. Евреи в городок были доставлены тремя партиями из Западной Белоруссии и Польши – 500, 400 и 250 человек. Все они были немцами истреблены и закопаны. Гитлеровцы расстрелянных закапывали ярусами – один ряд на другой³¹.

Уничтожение мирного населения Смоленщины

Среди военнопленных в лагерях находились и гражданские лица, в том числе женщины и подростки, которых заключали за невыход на работы, за отказ от отправки в Германию и другие провинности. Мирных граждан заключали в лагеря целыми семьями. Там были и глубокие старики, и грудные дети. Как правило, их постигала такая же участь,

как и военнопленных: от нечеловеческого содержания и жестокого обращения они погибали тысячами³².

Ефрейтор 3-й роты 335-го охранного батальона Курт Гаудиян в декабре 1941 г. в числе 10 солдат своего отделения во главе с унтер-офицером Шарфом был направлен в помощь эсэсовскому батальону, действовавшему в Смоленске по уничтожению лиц, неугодных властям, где находился по февраль 1942 г. Эсэсовцы производили повешение, а в задачу группы Шарфа входило конвоирование к виселицам и охрана трупов повешенных. На Базарной площади были установлены постоянные виселицы на 2 человек. Повешение производилось на глазах у населения в дневное время. Трупы повешенных не разрешалось убирать в течение 2–3 дней. Жители неоднократно делали попытки срезать верёвки и унести трупы. Охрана открывала в таких случаях по жителям стрельбу. Лично Курт Гаудиян во время охраны повешенных в декабре 1941 г. – феврале 1942 г. убил выстрелами из карабина до 20 человек – мужчин и женщин, пытавшихся унести трупы. Всего же охраной за упомянутое время возле тел повешенных было расстреляно не менее 100 человек. За это же время было повешено около 200 человек³³.

Лично Гаудиян, по собственному признанию, за время несения охранной службы в Смоленске и его окрестностях расстрелял до 60 человек. Кроме того, человек 30 задержал и доставил в комендатуру, большинство из которых также были расстреляны или повешены. Под угрозой расстрела изнасиловал 7 девушек³⁴.

Наряду с массовыми расстрелами немецкие оккупанты истребили в Смоленске несколько тысяч советских граждан при помощи «газовой машины». Согласно показаниям Гаудияна, в июне 1942 г. вместе со своим отделением во главе с унтер-офицером Густавом Рихтером он охранял участок железной дороги в районе Верхних Садков города Смоленска. Часа в 3 утра к району Верхних Садков подъехали несколько больших закрытых автомашин и один легковой автомобиль, из которых вышли 20 полицейских и 10 эсэсовцев во главе с лейтенантом. Они оцепили ближайший квартал и начали сгонять мирных жителей на улицу, а затем погружать их в три большие закрытые автомашины серого цвета. Время от времени были слышны выстрелы и крики. Заполненные до отказа людьми автомашины выезжали на шоссе за город. Примерно через час они снова возвращались, погружали уже собранных в группы мирных жителей и направлялись по тому же маршруту. Так они курсировали до 4 часов вечера. Некоторые люди пытались бежать, таких эсэсовцы пристреливали. Позже стало известно, что жителей погружали в так называемые «газенваген» и умерщвляли в них при

помощи газов, затем вывозили за город, где закапывали в заранее подготовленные ямы³⁵.

В этот день было умерщвлено в «газенаген», вывезено за город и закопано в ямы около двух тысяч мирных жителей района Верхних Садков города Смоленска. Всё имущество и продукты умерщвлённых были собраны эсэсовцами совместно с полицейскими и на машинах вывезены. Собирали всё – одежду, бельё, меха, обувь, самовары, домашнюю утварь, картины – ничего не оставляли в домах³⁶.

С конца 1942 г. на территорию Смоленской радиостанции немцы систематически, 1–2 раза в неделю, привозили советских граждан, среди которых были женщины, подростки 12–15 лет и даже малолетние дети. Их раздевали донага, несмотря на сильные морозы, и расстреливали.

В апреле 1943 г. комендант немецкого военного госпиталя, располагавшегося в здании бывшей Смоленской психиатрической больницы, учинил расправу над 11 советскими гражданами. Люди подвергались мучительным пыткам. У всех были вывернуты колени и кисти рук. Затем они были заживо сожжены³⁷.

Важнейшим поводом для уничтожения мирного населения Смоленщины, как и многих других оккупированных областей, являлась «борьба с партизанами». Согласно указаниям германского командования, при этом необходимо быть «беспощадными и за малейшее подозрение расстреливать каждого русского, невзирая на пол и возраст»³⁸. Следуя подобным инструкциям, каратели арестовывали всех без исключения прохожих гражданских лиц и, добиваясь у них признания в принадлежности к партизанам, избивали и расстреливали их.

В начале 1942 г. гитлеровцы под видом борьбы с партизанами уничтожили поголовно всё население некоторых населённых пунктов Глинковского района, а сами деревни сожгли. Например, в селе Глинки были согнаны в школу около 250 человек, которые затем были расстреляны. Детей немцы не расстреливали, а вырывали у матерей и убивали, ударяя об стену или пол, так как у большинства из детских трупиков были разможжены головы, а на стенах виднелись следы крови. В феврале 1942 г. фашисты учинили такую же кровавую расправу над мирными жителями деревни Манчино. Оцепив деревню, каратели открыли стрельбу, а затем подожгли дома, и деревня полностью выгорела. В результате всё население деревни, около 300 человек, было уничтожено. В марте 1942 г. были уничтожены жители деревни Ляхово, которых насчитывалось до 270 человек. Их согнали в два дома, часть людей расстреляли из пулемётов, а остальных сожгли³⁹.

В мае 1942 г. в деревне Каспля близ Смоленска 2-й ротой 335-го охрannого батальона было арестовано примерно 70 местных жителей,

которых обвинили в связях с партизанами и в этот же день расстреляли⁴⁰. За два месяца до этого, то есть в марте, здесь были повешены за подбородок железными крюками 3 человека, которые умерли в страшных мучениях. Длительное время немцы не разрешали убрать повешенных⁴¹. В июле 1942 г., в связи с тем что население Каспли подозревалось в помощи партизанам, туда была направлена карательная экспедиция. Деревню оцепили. Жителей согнали в овраг, где уже были вырыты ямы. Согнанных людей, среди которых были преимущественно женщины и дети, заставили раздеться донага, а затем всех расстреляли. Так было уничтожено всё население Каспли (около 100 человек)⁴². Часть людей была зарыта заживо: когда трупы расстрелянных начали забрасывать землёй, видно было движение под поверхностью земли и слышны были стоны.

В июле 1942 г. около деревни Выдра подорвался на mine автомобиль, в результате чего погибли три немецких солдата. В район происшествия была послана карательная экспедиция. Попытки найти виновников были безрезультатны. Тогда каратели согнали из окрестных деревень около 100 женщин и детей и расстреляли их из автоматов. Попутно было сожжено 10 деревень. Через несколько дней в штаб 51-го охранного полка, располагавшегося в Выдре, доставили 20 гражданских лиц, заподозренных в связи с партизанами. После короткого допроса они были расстреляны⁴³.

9 октября 1942 г. немцы полностью сожгли деревню Чача и уничтожили в огне 84 мирных жителя, в числе которых были и дети. В живых осталось около 15 человек, которых немцы схватили и подвергли жестокому избиению. Затем их отправили в лагерь, где обрекли на голодную смерть⁴⁴.

Так как партизаны были неуловимы, немецкое командование решило подавить партизанское движение путём массовых репрессий по отношению к мирному населению. Если только в какой-либо деревне было зафиксировано появление хотя бы одного партизана, эта деревня подвергалась сожжению, а жители её, как правило, расстрелу. Предварительно этим жителям объявлялось, что их деревня, поскольку в ней укрываются партизаны, будет сожжена. Поэтому всё население обязано покинуть деревню, а те, кто в состоянии выполнять тяжёлые физические работы, подлежат отправке в Германию. После этого начинался грабёж деревни и затем она полностью сжигалась. Оставленные без крова жители вынуждены были уходить в лес, но, не имея средств к существованию, возвращались, пытаясь на пепелищах сгоревших домов найти какие-либо продукты. Вот тогда-то и начиналась охота за мирными жителями. Всем карателям и солдатам полевых частей было приказано расстреливать каждое гражданское лицо, независимо

от пола и возраста, появлявшееся из леса. Так, в январе 1943 г. была расстреляна пожилая женщина с двумя детьми на пепелище сожжённой накануне деревни Дорохи. Тогда же отрядом карателей в деревне Готы Усвятского района была сожжена школа с находившимися в ней беженцами из сожжённых немцами населённых пунктов в количестве более 50 человек. Поводом к этой расправе послужило то, что якобы из этой школы по отряду было произведено несколько выстрелов⁴⁵. В середине февраля в деревне Синяки немецким 112-м лыжным отрядом было убито более 120 женщин, стариков и детей (многих из них убили прикладами). В марте в селе Рябшево Духовщинского района каратели сожгли в зернохранилище 300 мирных советских граждан. Под предлогом борьбы с партизанами были полностью сожжены деревни Терпигово, Дорохи, Андреево, Борки-2, Макарики, Гозьба, Захарики, Ходки и Родки. При этом деревни Дорохи, Андреево и Терпигово были сожжены после предварительного интенсивного артиллерийского обстрела. В сентябре 1943 г. во время карательной экспедиции в районе поселка Монастырище были расстреляны и сожжены заживо примерно 80 женщин и детей.

На допросах в смоленской комендатуре советские граждане систематически избивались, после чего их выводили во двор и, когда собиралась партия в 30–40 человек, на автомашинах вывозили расстреливать. В апреле 1942 г. сюда была доставлена группа мальчиков и девочек (8 человек) в возрасте от 8 до 10 лет. «Подозреваемых в принадлежности к партизанам» детей вынуждали давать показания о местонахождении партизан и советских парашютистов, избивая кожаными плётками и ремнями, надевая железные ошейники с острыми шипами. После допроса детей по одному подвели к заранее подготовленной яме и убили выстрелами в затылок⁴⁶.

Угон в Германию

Угон на работы в Германию стал составной частью немецко-фашистского оккупационного режима. Каратели устраивали облавы и угоняли в Германию сотни тысяч советских людей, проявляя при этом невиданную жестокость и произвол. Численность населения, угнанного гитлеровцами с временно оккупированной территории СССР на работы в Германию, составила 5 млн 269 тыс. 513 человек, в том числе по РСФСР – 1 млн 906 тыс. 661, по Украине – 2 млн 402 тыс. 234, по Белоруссии – 399 тыс. 374⁴⁷.

Приблизительно в июне 1943 г. в городе Смоленске было объявлено, что жители обоего пола, в том числе подростки (мальчики с 14 лет и девочки с 17 лет), должны явиться для врачебного осмотра и

дальнейшей отправки на работу в Германию. За неявку на врачебный осмотр немцы угрожали строгим наказанием, вплоть до расстрела. Несмотря на это, добровольно на врачебный осмотр никто не шёл. Убедившись, что такой метод вербовки рабочей силы в Германию положительного результата не даёт, немцы стали хватать жителей прямо на улице и, не давая им даже проститься с родными и взять необходимые вещи, сажали в поезда, направлявшиеся в Германию. Угонялось также население из всех районов Смоленской области⁴⁸. Были массовые случаи, когда молодёжь, мобилизованная на каторгу в Германию, кончала жизнь самоубийством.

Массовый угон мирного населения в тыл (особенно при отступлении оккупантов) и на каторгу в Германию производился из всех без исключения районов и городов Смоленской области. В первую очередь это касалось тех районов и городов, через которые длительное время проходила линия фронта. Так, из Велижского района было угнано в рабство 2 тыс. 59 человек, Гжатского – 3 тыс. 27 человек, Сычёвского – 2 тыс. 376 человек, Тёмкинское – 3 тыс. 727 человек, Руднянского – 5 тыс. человек, Пречистенского – 9 тыс. 772 человека, Батуриноского – 4 тыс. 960 человек и т. д.⁴⁹

Открытый обман и грабёж населения «Меры устрашения» во время реквизиций

Немцы в Смоленске, как и на всей временно оккупированной советской территории, занимались разнузданным грабежом государственного имущества, городского хозяйства и мирного населения.

За время оккупации города Смоленска и Смоленской области их население было немцами полностью ограблено. В первое время после занятия Смоленска по улицам города ходили так называемые отряды по взломам, имевшие при себе стамески, кувалды и патентованные отмычки. В задачу этих отрядов входило приобретение для германских вооружённых сил продовольствия и предметов широкого потребления из трофейных складов и городских магазинов. Личный состав этих отрядов широко использовался для грабежа мирного населения. Особенно активно действовали отряды из авиационного соединения «Москва», дислоцировавшегося в Смоленске. Они занимались так называемой организацией. Слово «организовать» в германской армии означало «ограбить, украсть»⁵⁰. Зимой 1942 г. каратели «организовали» меха, валенки и другие тёплые вещи. Населению они говорили, что действуют от имени командования германских вооружённых сил. Взамен отобранных вещей выдавали старые квитанции, какие-либо ис-

пользованные бланки с печатями, а иногда железнодорожные билеты или билеты берлинского метро. Когда не помогали обычные методы, угрожали оружием. При этом германское командование никогда не привлекало подобных «организаторов» к уголовной ответственности за грабёж и разбой.

Наоборот, известно, что служивший в лазарете фельдфебель Рюбенкаммер был награждён крестом «За военные заслуги» 1-й степени за то, что грабил не только для себя лично, но и снабжал награбленным господ офицеров. Рюбенкаммер считался в компании «организаторов» самым большим специалистом по самоварам, русским национальным украшениям, а также по костюмам и радиоаппаратам. Он умел доставать эти вещи в любых местах, где, казалось бы, уже всё ограблено подчистую⁵¹.

В сельской местности Смоленской области оккупанты, занимаясь открытым грабежом населения, под предлогом борьбы с партизанами проводили так называемые акции устрашения. Обычно выделенный комендатурой отряд направлялся в указанную деревню. Прибыв на место, одна часть отряда оцепляла деревню, а другая ходила по домам и всё отбирала. Крестьян, не отдававших продовольствие, наказывали. Тех, кто сопротивлялся, избивали и расстреливали, а дома сжигали. Как организовывались реквизиции, следствию подробно рассказал унтер-офицер Вилли Вайс, бывший командир отделения 3-й роты 335-го охрannого батальона, дислоцировавшегося в городе Смоленске.

Зимой 1942 г. Вайс получил приказание направиться с отделением в распоряжение уполномоченного по сельскому хозяйству. Колонной в 30 саней поехали в деревню в 35 километрах юго-восточнее Смоленска (за Днепром), в направлении железнодорожной линии Смоленск – Брянск. Подъехав к деревне, её прежде всего оцепили и лишь потом въехали с обозом. Полицейские вахмистры и уполномоченный по сельскому хозяйству потребовали от старосты немедленно собрать 150 центнеров зерна. Старосте было сказано, что если через определённое время не будет доставлено требуемое количество зерна, то он и ещё пять крестьян будут расстреляны, а их дома сожжены. Один из вахмистров заметил в адрес старосты и пяти заложников: «Эти люди заодно с партизанами и лучше всего их повесить на первом дереве, чтобы они, когда мы поедem из деревни без зерна, не высмеяли нас». Время истекло, и один из вахмистров приказал приготовиться к расстрелу шести человек. Когда Вайс хотел отдать команду своим людям стрелять, уполномоченный сказал: «Подождите, унтер-офицер, с этими людьми мы расправимся особо. Я вижу здесь несколько деревьев, требуется кусок верёвки, и мы

можем повесить их. Это внушит населению страх, и они будут более ручными». Указание уполномоченного было принято к исполнению. Когда принесли верёвки, людям связали за спиной руки, поставили их на сани, сделали петли, которые надели на шеи крестьян, отвели сани, и люди повисли на деревьях. На грудь повешенных прикрепили надпись «Друзья партизан». Вместо 150 центнеров зерна удалось добыть всего лишь 30, и Вайс приказал сжечь деревню. Повешенные крестьяне в действительности не были связаны с партизанами, но были казнены для устрашения населения⁵².

Карательные отряды направлялись в деревни выискивать партизан среди населения и, кроме того, выполняли задание комендатуры по вылавливанию или, как говорили, «мобилизации» и отправке трудоспособной части населения в Германию. При «мобилизации» было много случаев отказа и попыток скрыться. В таких случаях людям приписывалась связь с партизанами и они расстреливались на месте⁵³.

В одну из деревень были направлены во главе с фельдфебелем Зузеком и обер-фельдфебелем Вайманом два взвода карателей в количестве 50 человек, в том числе и отделение Вайса. Партизан там не нашли, но в одном из домов на окраине деревни были найдены меховые полушубки, какие обычно носили партизаны. Этого было вполне достаточно, чтобы считать деревню «партизанской». Вайман сообщил через курьера командиру батальона подполковнику Хиллеру, что в деревне скрывались партизаны. Хиллер распорядился собрать весь скот, а деревню вместе с жителями сжечь. Солдаты оцепили деревню, согнали весь скот на окраину, а всех жителей, в большинстве женщин, детей и стариков, загнали в один сарай и подожгли его. Одновременно подожгли все дома. По горящему сараю открыли огонь из пулемётов и карабинов, а затем забросали его ручными гранатами. Перед поджогом домов каратели забирали из них продукты и вещи. При этом каждый брал всё, что мог, для себя. Брали одежду, холсты, шали, платки, кружевные покрывала и многое другое, высылая затем под видом подарков в Германию⁵⁴.

Только в феврале 1943 г. были разграблены деревни Дубокрай, Жуково, Чёрная Болотница, Блитчино, Синяки и хутор Боброво Увятского района, а также деревни Высокое, Горяны и Шабаново Смоленского района. В деревне Шабаново с проходивших жителей прямо на улице немецкие солдаты снимали тёплую одежду и обувь. Тех, кто сопротивлялся этому, избивали⁵⁵.

Итак, с первых дней оккупации города Смоленска и Смоленской области немцы проводили систематическое и планомерное разграбление, разрушение и уничтожение её народного хозяйства и культурных

учреждений, массовое истребление и угон в рабство мирных граждан. Особенно зверскому и опустошительному разрушению подвергались города и сёла области во время отступления немецко-фашистских войск под натиском Красной армии. В злодеяниях немцев на территории Смоленщины в полной мере нашли своё подтверждение официальные заявления германского командования о создании так называемой зоны пустыни.

Главным в тактике «зоны пустыни», или «выжженной земли», было не сожжение домов и не уничтожение посевов. Главным было уничтожение советских людей. И здесь фашисты более чем преуспели. За период оккупации, по данным актов, поступивших в Чрезвычайную государственную комиссию (всего областной комиссией было представлено 2 тыс. 628 актов), немецкие изверги расстреляли, повесили, сожгли и закопали живыми, отравили ядом и в душегубках, взорвали на минных полях, замучили в застенках гестапо 87 тыс. 26 мирных советских граждан – от грудных детей до глубоких стариков – и 257 тыс. 723 военнопленных бойцов и командиров Красной армии. Общее количество жертв этих злодеяний (погибших и угнанных в рабство) составило 426 тыс. 441 человек⁵⁶.

По данным на январь 1944 г., за период временной оккупации немцами города Смоленска и Смоленской области ими было уничтожено до 300 тыс. человек, среди которых значительное количество женщин, детей и стариков. Помимо этого, до 200 тыс. человек угнано в рабство. Общая численность населения области на начало 1944 г. едва превышала 50% довоенной его численности⁵⁷.

По уточнённым данным современных исследователей, в Смоленской области было истреблено 560 тыс. человек. Погиб каждый третий житель области! Это десять Бухенвальдов⁵⁸! Известно, что через Бухенвальд прошло около 240 тыс. человек из 33 стран, из них 56 тыс. человек (из 18 стран) были умерщвлены, в их числе около 19 тыс. человек – советские граждане⁵⁹.

Государственные и кооперативные промышленные предприятия были разрушены почти полностью (870 из 900). Из крупных предприятий разрушены Ярцевская хлопчатобумажная прядильно-ткацкая фабрика, льночесальная фабрика в Вязьме, Думинический и Хотьковский чугунолитейные заводы, Смоленский завод дорожных машин и др. В 12 городах области были выведены из строя и разрушены водопроводы, 38 электростанций, приведено в негодность трамвайное хозяйство Смоленска.

По неполным сведениям, из 41 тыс. 340 домов, имевшихся в городах и райцентрах перед войной, фашистские варвары уничтожили 28 тыс. 200 домов, или примерно 70%. Почти полностью были разру-

шены 9 городов – Смоленск, Вязьма, Ярцево, Белый, Дорогобуж, Ельня, Медынь, Рудня, Юхнов и рабочие посёлки Думиничи, Полотняный Завод, Издешково, Сафоново. Значительно разрушены города Гжатск, Духовщина, Сычёвка, Козельск, Сухиничи, Рославль. Многие города и районы области обезлюдели: в городе Белом из 8 тыс. 300 жителей остался только 831 житель, в Велиже из 11 тыс. 400 жителей – только 735, в Дорогобуже из 8 тыс. 500 человек – 1 тыс. 33, в Духовщине из 3 тыс. 864 жителей осталось всего 698 человек и т.д.

Многие райцентры стёрты с лица земли. В 28 районах области были полностью сожжены 2 тыс. 265 сёл и деревень.

Из 406 тысяч крестьянских хозяйств каратели сожгли и разрушили 220 тыс., или более 54%. В области были разграблены и уничтожены 92 машинно-тракторные станции из 98, разорены и разрушены 49 совхозов из 52, уничтожено около 30 тыс. общественных построек в колхозах.

Особенно неистовствовали немецкие захватчики в уничтожении российской культуры, образования и здравоохранения. Полностью было разрушено 1 тыс. 750 школ, то есть 80% всех школьных зданий. Разрушено 37 домов культуры (из 41), 1 тыс. 216 изб-читален и 289 библиотек. Уничтожено 137 больниц и роддомов, 200 фельдшерских и акушерских пунктов, 6 санаториев и 116 детских яслей. Сожжены 2 драматических театра (Смоленский и Вяземский), 2 музыкальные школы и 33 кинотеатра. Разграблены и уничтожены ценности четырёх смоленских музеев (художественного, исторического, природы, социалистического строительства), а также Сычёвского краеведческого музея и комнат-музеев композитора М.И. Глинки в Смоленске и А.С. Пушкина в Полотняном Заводе. Взорвано здание Смоленского сельскохозяйственного института, сожжены учебные корпуса и клиники медицинского института, здания трёх учительских институтов и института иностранных языков. Учебное, лабораторное, клиническое оборудование и библиотечные фонды вузов были разграблены и вывезены. Большинство средних учебных заведений по подготовке кадров также были разрушены и уничтожены.

Почти четырёхлетнее ожесточённое противоборство с фашистской Германией и её союзниками дорого обошлось народам СССР. Понесённые страной людские потери и материальный ущерб от немецко-фашистской агрессии ни с чем не сравнимы. История ещё не знала таких разрушений, варварства и бесчеловечности, какими отмечен путь гитлеровцев по советской земле. И задача наших современников – делать всё возможное, чтобы эта трагедия никогда не повторилась.

Примечания

- ¹ Все судьбы в единую слиты...: По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Авторы-составители: Н.Г. Емельянова, А.М. Дедкова, О.В. Виноградова и др. – Смоленск, 2003. – С. 9.
- ² Там же. – С. 132–133.
- ³ Всероссийская книга памяти, 1941–1945 гг. : Обзорный том. – М., 1995. – С. 396.
- ⁴ Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683). Д. №Н–17683. Смоленский процесс над немецкими военными преступниками. Т. 1. Л. 3.
- ⁵ Все судьбы в единую слиты... – Смоленск, 2003. – С. 148–149.
- ⁶ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 7. Л. 105.
- ⁷ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 13. Л. 18.
- ⁸ Там же. Т. 3. Л. 19–20.
- ⁹ Там же, Т. 2. Л. 405–406.
- ¹⁰ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 7. Л. 109.
- ¹¹ Там же. Т. 3. Л. 139.
- ¹² Там же. Т. 3. Л. 279.
- ¹³ Там же. Т. 2. Л. 101.
- ¹⁴ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 6. Л. 39.
- ¹⁵ Там же. Т. 3. Л. 20–21.
- ¹⁶ Все судьбы в единую слиты... – Смоленск, 2003. – С. 137.
- ¹⁷ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 2. Л. 186–187.
- ¹⁸ Там же. Т. 6. Л. 39.
- ¹⁹ Там же. Т. 2. Л. 385–386.
- ²⁰ Там же. Т. 2. Л. 261–262.
- ²¹ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 1. Л. 3–4.
- ²² Там же. Т. 2. Л. 90–91.
- ²³ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 2. Л. 93.
- ²⁴ Там же. Т. 2. Л. 95.
- ²⁵ Там же. Т. 2. Л. 134.
- ²⁶ Там же. Т. 2. Л. 96.
- ²⁷ Там же. Т. 2. Л. 99.
- ²⁸ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 2. Л. 176.
- ²⁹ Все судьбы в единую слиты... – Смоленск, 2003. – С. 136, 141, 144, 146–149.
- ³⁰ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 7. Л. 140.
- ³¹ Там же. Т. 7. Л. 144.
- ³² ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 2. Л. 263.
- ³³ Там же. Т. 2. Л. 278–279.
- ³⁴ Там же. Т. 2. Л. 283.
- ³⁵ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 2. Л. 257–258.
- ³⁶ Там же. Т. 2. Л. 260.
- ³⁷ Там же. Т. 6. Л. 48–50.
- ³⁸ Там же. Т. 3. Л. 223.
- ³⁹ Там же. Т. 6. Л. 36–37.
- ⁴⁰ Там же. Т. 3. Л. 3.
- ⁴¹ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 6. Л. 161.
- ⁴² Там же. Т. 3. Л. 22.
- ⁴³ Там же. Т. 3. Л. 227–228.
- ⁴⁴ Там же. Т. 6. Л. 151.
- ⁴⁵ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 2. Л. 20, 25.
- ⁴⁶ Там же. Т. 3. Л. 223–224.
- ⁴⁷ Россия и СССР в войнах XX века : Потери вооружённых сил : Статистическое исследование. – М, 2001. – С.232.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ России, Д. №Н–17683. Т. 2. Л. 22.
- ⁴⁹ Все судьбы в единую слиты... – Смоленск, 2003. – С.136.

⁵⁰ ЦА ФСБ России, Д. №Н-17683. Т. 2. Л. 129–130.

⁵¹ Там же. Т. 2. Л. 132–133.

⁵² ЦА ФСБ России, Д. №Н-17683. Т. 2. Л. 181–184.

⁵³ Там же. Т. 2. Л. 204.

⁵⁴ ЦА ФСБ России, Д. №Н-17683. Т. 2. Л. 206–208.

⁵⁵ Все судьбы в единую слиты... – Смоленск, 2003. – С.137-138.

⁵⁶ ЦА ФСБ России, Д. №Н-17683, Т. 8. Л. 1–3.

⁵⁷ Фомичёв В.Т.. Поле заживо сожжённых // Московский литератор. – 2001. – № 9.

⁵⁸ Великая Отечественная война 1941-1945 : Энциклопедия. – М., 1985. – С.118.

⁵⁹ ЦА ФСБ России, Д. №Н-17683, т.8, л.1-3.

690-й батальон немецкой полевой жандармерии на оккупированной территории

Хохлов Дмитрий Юрьевич,

кандидат исторических наук,

Российский государственный гуманитарный университет

Изучая историю Второй мировой войны в литературе, в основном в контексте исследований, посвящённых оккупации, достаточно часто можно встретить упоминания о немецкой полевой жандармерии. Издания, содержащие справочную информацию об этой структуре, дают описание её функций и штатов. Фельджандармерия (Feldgendarmerie) – полевая жандармерия, военная полиция – осуществляла полицейские функции в войсках и на территории, находящейся в непосредственном подчинении армейского командования.

В сформированную при мобилизации в 1939 г. фельджандармерию входили преимущественно бывшие чины гражданской жандармерии, обладавшие достаточным опытом, а также армейские унтер-офицеры. Учебные центры фельджандармерии в Праге и Литцманштадте-Гёрнау были организованы после оккупации Чехословакии и Польши.

В отличие от тайной полевой полиции (Geheime Feldpolizei) в фельджандармерии проходили службу военнослужащие. Старший по званию находился в подчинении генерал-квартирмейстера Верховного командования сухопутных войск. 1 октября 1940 г. при штабе генерал-квартирмейстера была учреждена должность начальника полевой жандармерии. Отряды фельджандармерии входили в состав дивизий и более крупных формирований. Каждая полевая армия располагала батальоном фельджандармерии, а каждая дивизия – отрядом.

При исполнении служебных обязанностей чины фельджандармерии носили горжет с изображением орла и надписью «Feldgendarmerie»; на обшлаге левого рукава – коричневую манжетную ленту с аналогичной надписью.

В зоне ответственности армейского командования фельджандармерия охраняла железнодорожные узлы, порты и аэродромы, вела патрулирование, осуществляла контроль дорожного движения и административный надзор за перемещениями немецких граждан и иностранцев. Двигаясь непосредственно за регулярными войсками, фельджандармерия проводила поиск дезертиров и возвращала в части отставших;

охраняла военные трофеи от разграбления, собирала и сопровождала военнопленных и беженцев. При обыске взятых в плен солдат неприятеля имела задачу обнаружения документов, карт или иной полезной информации. Во взаимодействии с тайной полицией фельджандармерия проводила аресты дезертиров и вела борьбу с партизанами.

Также задачами фельджандармерии являлись: надзор и контроль гражданского населения на оккупированных территориях; в том числе его разоружение; создание на захваченных территориях местных органов власти и охрана порядка, сбор вражеских пропагандистских листовок и предотвращение их распространения; патрулирование улиц; предотвращение саботажа. Кроме того, фельджандармерия занималась вопросами организации работ гражданского населения, а также приведением в исполнение приговоров военно-полевых судов.

Организационно фельджандармерия объединялась в батальон по 3 роты. Рота делилась на 3 взвода (всего 4 офицера, 90 унтер-офицеров, 22 рядовых, а также 22 грузовика, 7 тягачей и 28 мотоциклов). При мобилизации в августе 1939 г. были сформированы дополнительные отряды фельджандармерии – всего 280 офицеров и 7 тыс. 879 унтер-офицеров и рядовых.

При армиях и группах армий состояли батальоны фельджандармерии, находящиеся в подчинении командующего тыловой областью – Кройск (Kommandanten rückwärtiges Armeegebiet); в составе вермахта действовали 501, 510, 521, 531, 541, 551, 561, 571, 580 (казачий, затем Восточный конный), 581, 591, 613, 614, 682, 683, 685, 689, 690 – 698-й батальоны фельджандармерии. При корпусах действовала моторизованная часть фельджандармерии (Feldgendarmerietrupp [mot]).

При штабах дивизий состояли части фельджандармерии различной численности: при штабах пехотных (а также горнострелковых, егерских и авиаполевых) дивизий – часть «А» в составе 33 человек; при танковых, мотопехотных и моторизованных дивизиях – часть «Б» в составе 64 человек.

Чины фельджандармерии имели право следовать через запретные зоны, блокпосты, караульные посты и т.д. При проведении розыска военнослужащих и военного имущества военным жандармам должна была оказываться необходимая помощь. В случае возникновения разногласий военный жандарм имел преимущество перед любым другим военнослужащим того же звания, независимо от рода войск¹.

Несмотря на обилие справочных сведений, конкретных фактов, подтверждающих участие полевой жандармерии в мероприятиях на оккупированной территории, а также раскрывающих функции и методы её работы, мало. В «Обзоре о мероприятиях немецких оккупантов по борьбе с советскими разведчиками и партизанским движением на

территории, временно оккупированной гитлеровскими захватчиками», изданном 10 июня 1943 г. Штабом партизанского движения Юго-Западного фронта, отмечено: «Карательные меры немцы осуществляют не только одними войсками, а подчас и вовсе не привлекают войск, опираясь на вооруженные полицейские отряды, так называемые охранные отряды и полевую жандармерию... Лишь для борьбы с большими партизанскими отрядами, для обширных облав (главным образом в лесной местности) привлекаются войсковые подразделения, подчас с танками, артиллерией и даже авиацией... Главным образом в борьбе с партизанами оккупанты опираются на созданную ими в оккупированных районах полицию, охранные отряды и полевую жандармерию, являющихся первым и злейшим врагом партизан»².

Информацию по этой теме можно найти в работах А.Ю. Попова³, О.В. Романько⁴, Э.Г. Иоффе⁵ и в белорусских интернет-публикациях: на сайте «Архивы Беларуси» сведения о полевой жандармерии размещены в разделе «Органы управления, учреждения и формирования, осуществлявшие оккупационный режим на территории Беларуси»⁶; определенное внимание уделено полевой жандармерии на сайте «Победа Витебск» в разделе «Силовые структуры оккупационного режима»⁷, где наряду с другими упоминается и 690-й батальон полевой жандармерии, действовавший на территории восточной Белоруссии в тыловом районе группы армий «Центр».

Отчасти можно дополнить имеющуюся информацию, используя материалы хранящегося в Центральном архиве ФСБ России архивного уголовного дела № К-98360 на бывшего служащего 690-го батальона немецкой полевой жандармерии Герхардта Гюнтера Марквардта⁸.

Марквардт (Marquardt Gerhard Günter) родился в Берлине 15 сентября 1919 г. в семье рабочего. В 1926-1933 гг. учился в народной школе в Берлине, в 1933-1936 гг. – в специальной средней школе, которая готовила специалистов для машиностроения. В 1934 г. вступил в Гитлерюгенд.

В 1936–1938 гг. проходил производственную практику, после чего поступил в школу инженеров-машиностроителей в Берлине. Осенью 1939 г. был призван на военную службу в пехотную часть, которая располагалась в городе Мезерец. До января 1941 г. проходил обучение в школе полевой жандармерии в городе Перлеберге, после окончания которой попал в формирующийся тогда 690-й батальон полевой жандармерии, располагавшийся в г. Лар земли Баден. В марте 1943 г. переведён в пехотный полк на должность командира отделения, а затем командира взвода. Участвовал в боях севернее г. Орла, где был ранен. 4 мая 1945 г. под г. Пархим земли Мекленбург Г. Марквардт сдался в плен войскам союзников.

Следствие в отношении Г. Марквардта было начато следственным отделом Аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии 25 августа 1952 г. В постановлении на арест и обыск указано, что Марквардт, «находясь на службе в немецкой полевой жандармерии, на временно оккупированной территории Советского Союза в составе 690-го батальона проводил карательную деятельность против мирных советских граждан и военнопленных»⁹.

В архивном следственном деле № К-98360 содержатся сведения о действиях 690-го батальона с момента его формирования в начале 1941 г. до марта 1943 г. Как непосредственный участник событий, Г. Марквардт зафиксировал свои впечатления на страницах личного дневника и фотоальбома (216 страниц, 852 фотографии), которые приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Кроме того, по отдельным эпизодам, заинтересовавшим следователей, Г. Марквардт давал необходимые пояснения, что нашло отражение в собственноручных показаниях и протоколах допросов.

Используя данный комплекс архивных документов, есть возможность показать место полевой жандармерии в мероприятиях, проводившихся немецкими властями на оккупированных территориях. Более того, эти материалы позволяют реконструировать образ отдельно взятого немецкого военнослужащего.

Главным источником, использованным в данной статье, стал дневник Г. Марквардта, который он начал вести 15 декабря 1940 г. в Перлеберге, а последнюю запись сделал 5 августа 1942 г. в Смоленске. Дневник имеет формат 9 на 14,5 см и содержит 157 страниц авторского текста, написанного карандашом, очень мелкими буквами. Подлинник дневника на немецком языке трудночитаем, но в деле имеется сделанный в ходе следствия перевод на русский язык, к сожалению, с некоторыми стилистическими неточностями.

В дневнике Г. Марквардта прослеживается путь 690-го батальона полевой жандармерии, в состав которого Г. Марквардт был зачислен с января 1941 г., после обучения в школе полевой жандармерии в городе Перлеберге. 690-й батальон находился в процессе формирования и располагался в городе Лар земли Баден. Из показаний Г. Марквардта следует, что в марте 1941 г. из города Лар батальон был переведен в Фридерсдорф около города Цигтау (Саксония), где проходил обучение.

В мае 1941 г., когда батальон из Цигтау был перебросен на территорию Польши, для Г. Марквардта началась война. Третья рота, в которой он служил, в мае-июне 1941 г. регулировала передвижение немецких войск, которые по территории Польши направлялись к границе Советского Союза. Передвижение войск тщательно маскировалось и производилось только в ночное время¹⁰. Рота дислоцировалась в местечке

Студзянки (в 80 км от Варшавы), Лодзи, Радоме и других населенных пунктах Польши¹¹. Г. Марквардт в это время был связным между командиром взвода и командиром роты.

По пометкам, сделанным в фотоальбоме, путь 3-й роты 690-го батальона прослеживается очень четко: 24 мая 1941 г. она покинула «Fridersdorf», с 28 по 31 мая была в населенном пункте «Studzianki», с 31 мая по 16 июня в «Litzmannstadt» (Лодзь), 16 июня направились через Варшаву в Радом, где находились до 26 июля, после чего через «Zvolen» (Зволень) прибыли в «Pulau» (Пулавы), где пробыли с 26 июня по 1 июля, а с 1 по 3 июля находились в «Losice» (Лосице).

1 июля 1941 г. Марквардт сделал пометку в своем дневнике, что в Лосице 95% населения – евреи¹². В процессе следствия Г. Марквардта попросили пояснить эту фразу, на что он ответил следующее: «Эта запись обозначает, что в польском местечке Лизице (так в тексте – Д.Х.) большинство жителей были евреи и по своему наблюдению я предположил, что их было примерно 95% по отношению ко всему населению... меня удивило наличие такого большого количества евреев, ибо в Германии их не было»¹³.

Из показаний Г. Марквардта следует, что в начале июля подразделение, в котором он служил, было направлено в город Брест¹⁴. В этом городе в течение 7-10 дней солдаты фельджандармерии регулировали переправу немецких войск через реку Буг и уличное движение в городе¹⁵. В фотоальбоме в начале серии фотографий «Brest-Litowsk» представлены даты «4.VII–11.VII.41». А в дневнике зафиксировано, что в Брест-Литовск подразделение Г. Марквардта прибыло 3 июля в 6.30, а покинуло его 7 июля в 10.00, в 13.30 они прибыли в Линово, где было расстреляно 3 комиссара за бунт в лагере для военнопленных¹⁶.

Затем батальон, по показаниям Марквардта, переехал в местечко Слоним, где находился около 10 дней. В это время немецкие военнослужащие приводили в порядок трофейные автомашины¹⁷. В дневнике зафиксировано, что «...в Слониме почти всё сожжено. Особенно центр города. Большая операция в отношении евреев. Более 1000 расстреляно»¹⁸. Во время следствия его просили прокомментировать эту запись. Г. Марквардт ответил, что он сделал эту запись со слов сослуживца, который сообщил о расстреле какой-то эсэсовской частью 1 тыс. человек. В свой дневник он записал этот факт, так как записывал все наиболее важные, с его точки зрения, события, происходившие в тех населенных пунктах, где находилась его рота¹⁹.

Так же, как и в предыдущем случае, можно точно установить срок пребывания 690-го батальона полевой жандармерии в Слониме по надписи в фотоальбоме «Slonim. 12.VII–18.VII.41». Это подтверждают показания Г. Марквардта, в которых он говорит, что из местечка Слоним

батальон передислоцировался в Минск и в этом районе около четырех недель вёл операции против советских партизан.

При перемещении батальона Г. Марквардт выполнял обязанности шофера, а когда батальон останавливался, и он не имел работы по ремонту автомашины, то действовал как солдат²⁰. Этому периоду соответствует серия фотографий «Minsk. 18.VII.–2.IX.41», однако в дневнике Г. Марквардт зафиксировал, что в Минск он прибыл 19 июля в 10.00²¹. В городе его подразделение регулировало движение и вело патрулирование²², а также участвовало в проведении операций против, как это сформулировал сам Г. Марквардт, «еврейского населения в августе 1941 г.»²³.

В сентябре подразделению Г. Марквардта было дано приказание продвинуться на восток в направлении Могилева. Когда третья рота 690-го батальона проезжала небольшой городок Березино, командир роты капитан Хорн отдал приказание окружить часть города и собрать на площади всё мужское население. Солдатами роты на одну из площадей было выведено большое количество мужчин, из которых капитан Хорн отобрал 20-25 человек в возрасте от 30-50 лет, приказал им взять в домах лопаты. Затем эти мужчины были отведены солдатами роты за 2-3 км от города по дороге в сторону Могилева и там, в воронке от разорвавшейся бомбы, их расстреляли из карабинов, после чего трупы были засыпаны землей²⁴.

Причину этого зверства Г. Марквардт пояснил так: «...После их расстрела капитан Хорн объявил нам, что эти мирные советские граждане были расстреляны для устрашения населения за налеты советских партизан на немецкие воинские части»²⁵. Однако это не единичный факт геноцида местного населения. В дневнике есть следующие записи от: «2 сентября – ...В Смиловичах расстреляно 50 евреев, ...5 сентября – ... На шоссе Червень-Березино мы хватаем еврея с женой»²⁶.

В процессе следствия Г. Марквардту был задан вопрос о том, что дальше случилось с задержанными, на что он ответил, что такой случай был в сентябре 1941 г., когда его рота передвигалась в направлении города Могилева, не доезжая местечка Березино был задержан на шоссе мужчина средних лет и его жена. Задержание осуществлял не сам Г. Марквардт, а кто-то из его сослуживцев. Мужчина по национальности был еврей, по профессии учитель. По указанию командира роты капитана Хорна он был отведен с дороги в лес, и Г. Марквардт слышал там выстрел. Кто исполнял приказ, он не помнил. Когда они возвратились, то сказали, что этого мужчину в лесу расстреляли. Его жена была посажена в автобус, которым управлял Г. Марквардт, доведена до местечка Березино и там по указанию капитана Хорна отпущена²⁷.

10 сентября 1941 г. в дневнике зафиксировано: «Распространение листовок и расклейка объявлений»²⁸. На допросе Г. Марквардт пояснил

эту фразу, сказав, что «в объявлениях до сведения советских граждан доводились распоряжения немецких властей, запрещающие под угрозой расстрела хранить оружие, оказывать содействие партизанам и вообще каким-либо образом нарушать установленный немецкими властями режим»²⁹.

Далее в дневнике сделана следующая запись: «После обеда снова операция против евреев. На этот раз команда состоит из 27 человек и Флинтенвейб (Flintenweib, так в тексте: видимо, имеется в виду нем. жаргонное выражение «баба с ружьём» – Д.Х.). На улице перед всеми жителями командир расстреливает прежнего еврейского бургомистра. Так, как встретила смерть Флинтенвейб, многие евреи могли бы взять за образец. Не моргнув глазом, держась прямо, она подошла к могиле...»³⁰.

Г. Марквардт уточнил, что 27 жителей села были расстреляны за то, что в этом районе партизанами было убито несколько солдат из его роты, а «бывший еврейский бургомистр» – это советский гражданин, который был руководителем советской власти в том селе. Г. Марквардт только видел, как командир роты капитан Хорн расстрелял его на улице в присутствии жителей. О расстрелянной женщине-партизанке он помнит только, что на вид ей было 20-30 лет, волосы черные, одета была чисто, видимо, работник интеллектуального труда³¹.

На другом допросе о случившемся 10 сентября он сказал, что этот факт был в одном из населенных пунктов недалеко от местечка Березино, но в каком именно, вспомнить не мог. Расстрел был произведен его ротой, но он в нем не участвовал. В расстреле участвовала только часть солдат его роты, а остальные, в том числе и Г. Марквардт, поехали на окраину населенного пункта, где был назначен сбор³².

После проведенных рейдов подразделение Г. Марквардта прибыло в Могилев, где около 10 дней стояло недалеко от города, ни в каких операциях не участвовало, солдаты занимались военным обучением и ремонтом автомобилей.

В конце сентября – начале октября 1941 г. его рота прибыла в местечко Чаусы в 20-30 км от Могилева. В этом районе рота проводила операции против советских партизан и участвовала в массовом расстреле местных жителей «по национальности евреев». Немецкими подразделениями была окружена та часть местечка Чаусы, где, по словам Г. Марквардта, преимущественно проживали евреи. Им было объявлено, что их якобы будут переселять в другое место и под этим предлогом собрали на улице. Тех, кто ввиду старости или болезни не мог выйти из дома, выносили из дома и сажали на автомашины. Г. Марквардт вместе с другими солдатами вынес из домов и поместил в автобус, которым он управлял, до 30 престарелых и больных евреев. Всего их было собрано свыше 800 человек, после чего их пешком, а старых и больных – на

автомобилях, доставили к противотанковому рву в 3-5 км от Чаусы и там партиями по 50 человек расстреливали. Г. Марквардт сделал на своем автобусе 2-3 рейса, подвозя ко рву из Чаусы старых и больных евреев. По прибытии у них отбирали все вещи и заставляли снять верхнюю одежду. Тех из них, которые по состоянию здоровья не могли выйти из автобуса и подойти ко рву, Г. Марквардт вместе с другими солдатами вытаскивал из автобуса и сажал около рва, после чего они расстреливались другими солдатами его роты. Как говорил на допросах Г. Марквардт, его подразделением евреи расстреливались целыми семьями, среди них были люди всех возрастов – от грудных детей до стариков. Во время расстрела у Г. Марквардта была задача не допустить их побега. По окончании расстрела вещи убитых обыскивали и обнаруженные ценности и деньги сдали в штаб роты, часть теплых вещей была роздана немецким солдатам, в частности, Г. Марквардту досталось два одеяла³³.

В дневнике Г. Марквардт точно зафиксировал сведения, которые ему потом были предъявлены во время следствия: «Вам зачитывается ваша запись в дневнике от 11 октября 1941 года, в которой говорится о “переселении” 882 евреев и о том, что Чаусы свободно от евреев». Эту запись – пояснил Г. Марквардт, надо понимать так, что его ротой в местечке Чаусы было расстреляно 882 еврея. Перед расстрелом им было объявлено, что их будут переселять на другое место. Это было сделано с целью обмана, чтобы евреи не разбежались, а шли к месту сбора на площади. После расстрела солдаты его роты, в том числе и Г. Марквардт, ходили по квартирам расстрелянных и искали ценные вещи, которые сдавались в канцелярию³⁴.

В местечке Чаусы третья рота 690-го батальона полевой жандармерии находилась около четырех недель³⁵. Если свериться с надписью в фотоальбоме, то серия о событиях в Чаусах озаглавлена и датирована так: «Tschauszy. 20.IX–25.X.41». Отдельные события данного периода возможно восстановить более детально.

Из показаний Марквардта следует, что в октябре 1941 г. в местечке Чаусы как связные партизанского отряда были повешены двое мужчин в возрасте от 30 до 40 лет. Как и где они были задержаны, Г. Марквардт не знает, но помнит, что ночью они находились под охраной его роты, а на следующий день на улице между двумя деревьями была сделана виселица, на которой этих партизан повесили³⁶. 13 октября 1941 г. в дневнике Г. Марквардт сделал пометку: «...Повешены два гнусных клеветника»³⁷.

18 октября им описана еще одна операция: «...В 5 часов мы, наконец, добираемся до цели. Светает. Машины останавливаем в лесу. Я остаюсь охранять машины... Безумно холодно, я превратился в шагающий ледяной столб. 11 часов утра, очень сильный туман, пасмурно. Я включаю мотор, чтобы немного прогреть автобус, потому что в пол-

день мы всё ещё не отправляемся. Вдруг пулемётные очереди, стрельба из пистолета, автоматные и миномётные выстрелы. Начинается сильнейшая перестрелка где-то в 500 метрах от нас. Пули свистят в лесу, пока не поразят цель. Через четверть часа наступает тишина, жуткая, давящая, неизвестная тишина. Подходят раненые, их перевязывают, и они рассказывают о нападении партизан. Операция по поиску партизан в деревне была закончена, и рота уже возвращалась. Во время перехода через мост заработали хорошо спрятанные русские пулемёты, вражеский миномёт вёл прицельную стрельбу по мосту. Трофеи: 5 повозок, тяжело нагружённые военным имуществом, 17 лошадей... Два лагеря разгромлены в лесу, 6 человек убито, один пленен»³⁸.

В конце пребывания роты полевой жандармерии в Чаусах 20 октября 1941 г. была проведена еще одна операция – по охране и конвоированию восьми тысяч советских военнопленных в Могилев, в ходе выполнения которой лично Г. Марквардтом было убито, по его словам, 4 человека.

Об этом событии Г. Марквардт рассказывал следующее: «...другая немецкая военная часть доставила на станцию Чаусы эшелон с 8 тысячами советских военнопленных. Эти военнопленные были переданы для сопровождения... в лагерь в город Могилев. На ночь военнопленные были размещены на территории, где раньше была машинно-тракторная станция. Там имелось несколько навесов, которые были нашей ротой заранее обнесены колючей проволокой. Вечером я был назначен на пост по охране зоны... Имевшиеся в лагере навесы состояли из крыши на столбах и одной вертикальной стены.

Ночью я увидел, что под одним навесом один военнопленный отрывает доски боковой стены. Хотя была ночь, но видно было, так как одна зона освещалась огнем костров, на которых военнопленные пекли картофель. Я подумал, что военнопленный хочет оторвать доски боковой стены навеса и убежать из зоны, поэтому я выстрелил в него, и он упал. Утром, когда я зашел под этот навес, увидел, что этот военнопленный мертв»³⁹.

«...Кроме того, – говорил на другом допросе Г. Марквардт, – я понял, что он не пытался накануне бежать, а хотел оторвать доски, чтобы положить в костер и приготовить картофель, так как там валялся картофель и доски были оторваны им не только от боковой стены, но и от крыши...»⁴⁰.

Несколько иначе описал Г. Марквардт этот случай в своем дневнике: «20.X. В 20 часов снова заступил в караул. 8000 арестованных остаются на ночь в Чаусах. Адский спектакль, большое количество костров, дым, ледяной ветер и дождь. Посты пулемётчиков у колючей проволоки. Русские сломали стены сараев и жарят картофель. Одного, который

после неоднократных предупреждений хотел разобрать крышу, я застрелил. Он упал как подкошенный. Наверное, я попал ему в голову. С 20 до 22 часов посты. Потом до 2 часов ночи отдых. С 2 часов снова посты и до отправки (9.00). На рассвете начинается пожар. Сгорает жидкое топливо и военное имущество... Лагерь в тумане. Застреленный русский ещё лежит в нижнем белье. Выстрел в голову. Один вытрясает свою рубашку над огнём и рукой уничтожает насекомых... Кажется, что они есть у всех? В 9.00, наконец, последний русский на улице. Раненые и тяжелобольные грузятся на подводы...»⁴¹.

На судебном заседании, которое проходило 26 ноября 1952 г., Г. Марквардт обстоятельства убийства советского военнопленного описал по-другому: «Я хотел выстрелом выбить из его рук доску. Но утром я увидел, что попал в голову и убил его»⁴².

О событиях, которые предшествовали конвоированию военнопленных, Марквардт сделал следующую запись в своем дневнике: «В полумраке раздаётся пища. Полгоршка рисового супа и три крепких удара шлангом. У украинцев сильный удар... При раздаче супа пленные не соблюдали порядок, стремясь скорее получить еду. Тогда для наведения порядка мы стали избивать их резиновыми шлангами, и в этой толкучке у большинства военнопленных суп вылился на пол... Для соблюдения порядка в лагере и при раздаче пищи из числа военнопленных нами было выделено несколько человек, украинцев по национальности, в виде внутреннего полицейского надзора. Так эти украинцы так же вместе с нами избивали военнопленных при раздаче пищи...»⁴³.

Обстоятельства конвоирования Г. Марквардт описывает так: «Пленных сопровождали 50 немецких солдат. Кто пытался бежать, по тем открывался огонь»⁴⁴. «...В Могилев колонну военнопленных мы вели по проселочной дороге. Когда проходили лесом, то многие... пытались бежать. По ним открывали стрельбу и несколько... были ранены. Я в этой стрельбе не участвовал, а из своего личного интереса шел и фотографировал колонну и отдельных военнопленных... Вскоре недалеко от дороги мы увидели лежавшего на земле военнопленного, который при попытке бежать был тяжело ранен. Так как он не мог идти, капитан Уори дал мне приказание пристрелить его. Я пристрелил его выстрелом из карабина.

Метров через сто попал ещё один такой... а за тем ещё один, которых я также пристрелил. Одного пристрелил по приказу капитана Уори, а второго по указанию фельдфебеля... В Могилеве колонну военнопленных мы сдали в лагерь, а сами возвратились в местечко Чаусы»⁴⁵.

В дневнике Г. Марквардт продолжил описывать эти события так: «Пули надоели нам. Свистят, трещат кругом. Прямо в толпу пленных.

Несколько пленных тяжело ранены, лежат в придорожной канаве. Я пристреливаю их»⁴⁶.

В ходе судебного заседания Г. Марквардт рассказал дополнительные обстоятельства убийства конвоируемых военнопленных: «Я все это фотографировал. Командир роты за это мне сделал выговор, что, мол, я солдат или фотограф. После этого командир роты дал мне приказ застрелить двух тяжело раненых военнопленных. Я это выполнил, а через время еще одного застрелил. Всего на дороге было убито около двадцати военнопленных»⁴⁷.

В конце октября 1941 г. рота Г. Марквардта была передислоцирована в Смоленск, где 690-й батальон полевой жандармерии находился до начала января 1942 г. Более точно время нахождения можно установить по фотоальбому из оглавления серии фотографий «Smolensk. 28.X.41–12.I.42». Рота размещалась на одной из площадей города в здании, где раньше жили работники типографии⁴⁸. На тот момент в состав батальона, по показаниям Г. Марквардта, входили три роты и штабное подразделение. В свою очередь, каждая рота состояла из трех взводов. Во время пребывания в Смоленске командиром батальона был майор Линденберг, а командиром 3-й роты, в которой служил Г. Марквардт, – капитан Карл Хорн.

Штаб батальона размещался в 5-этажном «новом» жилом здании, расположенном на левой стороне улицы, которая идет от площади Молотова в направлении на Рославль, примерно в 200–300 м от площади Молотова. Вместе со штабом в этом же здании располагалась 2-я рота батальона Г. Марквардта. 3-я рота была размещена в пятиэтажном здании рядом с площадью Молотова. 1-я рота была расквартирована в г. Рославль, а в Смоленске, как показал Г. Марквардт, она никогда не была. Г. Марквардт слышал, что вместе со штабом батальона в том же здании размещалась секретная служба полевой жандармерии (видимо, имеется ввиду тайная полевая полиция – Д.Х.)⁴⁹.

В Смоленске батальон нес службу по патрулированию города, а также выезжал на облавы против советских партизан. Г. Марквардт как шофер несколько раз возил солдат 3-й роты на такие облавы в районы северо-западнее Смоленска. Три-четыре раза Г. Марквардт назначался для патрулирования по городу. Тогда был получен приказ, чтобы во время патрулирования у всех лиц, по национальности евреев, проверять документы и тех из них, у кого документов не окажется, расстреливать на месте.

В ноябре 1941 г., будучи назначен для патрулирования, Г. Марквардт был на «толкучке городского базара» и там встретил человека, который имел опознавательный знак, какие носили евреи по приказу немецкого командования. Этот еврей нес две железные трубы для печки. Когда

Г. Марквардт потребовал у него документы, он ответил, что документов не имеет. Г. Марквардт по приказу командира отвел его в развалины около базара, поставил лицом к стенке и выстрелом из пистолета в затылок убил. Трубы, которые он нес, Г. Марквардт взял с собой в казарму и приспособил к печке для отопления⁵⁰. На последующем допросе он добавил к своим показаниям то, что во время проверки документов за ним наблюдали два офицера СС, и он не мог уклониться от выполнения приказа⁵¹.

В дневнике Г. Марквардт описал этот случай так: «Сегодня в городе я встретил маленького старого еврея. У него на шее висели две отличные дымовые трубы с отводами. Еврей шёл без пропуска с рынка. Теперь он лежит с простреленным затылком в укромном углу, а дымовые трубы находятся у нас в комнате. Надеюсь, что теперь всё будет как надо. Чугунное колено вмонтировано в печь. Если «камера» будет в какой-то степени прочной и сухой, мы поставим новые дешёвые дымовые трубы. Надеюсь, что тогда будет тяга, и печь не будет так дымить»⁵².

Также в дневнике 4 декабря 1941 г. он сделал пометку: «У нас с фельдфебелем Регаком особое поручение: проверять лампы накаливания и электрические приборы»⁵³. Во время следствия давая пояснение по поводу этой записи, он сказал, что на смоленской электростанции работала только одна турбина, так как остальные были демонтированы и вывезены советскими властями. Для обслуживания города электроэнергии не хватало, и был установлен строгий порядок экономного пользования ею как немецкими военными организациями, так и местным населением. Г. Марквардту и фельдфебелю Регак было проучено наблюдать за соблюдением этого порядка и о нарушителях сообщать в комендатуру⁵⁴.

Далее из показаний Г. Марквардта следует, что после поражения немецких войск под Москвой его батальон в качестве пехотного подразделения был направлен на фронт, и он до июня 1942 г. участвовал в боях против советских войск в районе «Спасск-Демьянска» (так в тексте: видимо, имеется в виду город Спас-Деменск Калужской области, который во время войны входил в состав Смоленской области – Д.Х.)⁵⁵.

12 января Г. Марквардт сделал пометку в своем дневнике о том, что его подразделение покинуло Смоленск и прибыло в Рославль⁵⁶. С этого времени его подразделение действовало восточнее Рославля, с 17 февраля рота Г. Марквардта в районе населенных пунктов Тешкова Гора и Натарово начала участвовать в боевых действиях⁵⁷. Сам Г. Марквардт участвовал в боях до 11 марта, последние населенные пункты, в которых 6 марта он зафиксировал столкновения с противником, были Горелино-Южное и Дуброво⁵⁸.

23 апреля из Горелино он отправился в отпуск⁵⁹. 26 апреля выехал поездом из Рославля, 29 он прибыл в Берлин⁶⁰. Отпуск продлился до 18 мая, 26 мая прибыл в свою роту в населенный пункт Гуриков⁶¹.

5 июня Г. Марквардт записал в дневнике: «Сегодня утром в квадрате 96/71 (1:50 000; лист Киров) разведгруппа в соотношении 1:5 столкнулась с партизанами. Несмотря на вызванное подкрепление, банду не удалось уничтожить. К сожалению, у нас тоже потери...»⁶². К 14 июня рота Марквардта была переброшена в Жалынец и находилась там до 9 июля⁶³. Во время пребывания в Жалынце 7 июля сделана следующая запись в дневнике: «В общем, у нас здесь спокойная позиция. Временами появляются партизаны или парашютисты, которые переходят через железную дорогу. Группами или в одиночку они пытаются прорваться через полотно, которое мы должны охранять в пределах нашего участка, в южном направлении. Иногда это им удаётся. Но чаще всего они платят за это жизнью»⁶⁴.

В фотоальбоме имеется девятнадцать фотографий, относящихся к пребыванию в этом месте, под отдельным заголовком «Рыбалка на Десне». На этих снимках зафиксировано, как группа из пяти немецких солдат с оружием (винтовки, автоматы и пулемет), бросая в реку гранаты, глушат рыбу, а потом двое из них собирают ее, используя плот. На четырех снимках на фоне горящих деревянных построек сфотографированы немецкие солдаты с пойманной рыбой. Негативы фотографий вместе с увеличенными отпечатками были позже приобщены к делу. Под ними собственноручно Г. Марквардт написал, что он сфотографировал момент сожжения солдатами его роты хутора в районе села Жалынец в июле 1942 г., где проводилась операция против партизан⁶⁵.

Об этом эпизоде Г. Марквардт подробнее рассказал во время следствия. Этот хутор из нескольких домов, расположенный километрах в трех от деревни Жалынец, находился в районе действия партизан, и командование роты дало распоряжение сжечь его, что бы лишить партизан базы. Приказ об уничтожении дал гауптфельдфебель Бюхнер, и он же осуществлял руководство.⁶⁶

11 июля рота Г. Марквардта прибыла в Смоленск и, видимо, была доукомплектована⁶⁷. 19-го числа солдат 3-й роты 690-го батальона полевой жандармерии наградили медалью «За зимнюю кампанию на Востоке 1941-1942 гг.», которая вручалась военнослужащим, прослужившим на Восточном фронте не менее четырех месяцев между 15 ноября 1941 г. и 15 апреля 1942 г.⁶⁸. Г. Марквардт прокомментировал это событие: «Сегодня мы получили ленту к Восточной медали. Мы называем её значком за зимний спорт».

21 июля рота получила приказ возвратиться для продолжения боевых действий и направилась через Монастырщину в Досугово, куда

прибыла 23-го числа. В дневнике подробно описаны события, произошедшие там: «На шоссе в направлении Красного партизаны обстреляли из пулемёта и автоматов грузовик лётчиков и убили 5 человек. Трупы сильно изуродованы. Около некоторых пулевых отверстий ещё можно увидеть чёрные обожжённые места. Двое лежат с проломленными черепами в простой деревянной церкви в Досугово. Грузовик лежит в канаве с разбитым лобовым стеклом. Большие лужи крови и следы от машины свидетельствуют о жестокости нападения. Потом мотор был завален соломой, видны следы пожара. Двое из этих так трагически погибших сгорели так, что их невозможно узнать. По-видимому, их облили бензином, а затем подожгли».

После этого подразделение Г. Марквардта было направлено прочесывать местность до д. Ивантюково. 26 июля 690-й батальон проводил операцию у д. Осногово, после которой вернулся в Монастырщину⁶⁹. Дневник завершается записью от 15 августа 1942 г.

Во время следствия Марквард говорил, что в этот период батальон с фронта был снят и использовался в борьбе с советскими партизанами. В июне около двух недель его рота охраняла железную дорогу в районе деревни Чалинес (так в тексте – Д.Х.) недалеко от города Рославля. С июня 1942 по март 1943 г. она постоянно проводила операции против партизан в районе Смоленск – Витебск – Рославль.

Постоянного места расположения рота не имела, а перебрасывалась с одного места на другое в поисках партизан. Первое время рота действовала самостоятельно, а затем ввиду большой численности партизан действовал весь батальон и ряд приданных ему других пехотных подразделений. Обычно партизаны избегали больших боев, а после короткой перестрелки скрывались.

Непосредственное участие Г. Марквардт принимал в крупных боях с партизанами в районе населенного пункта Монастырщина в августе 1942 г. и в районе г. Демидов в сентябре того же года, в районе дер. Веласковичи или Велашковичи в декабре 1942 г. и в районе дер. Черноручье в январе 1943 г.⁷⁰. На одном из допросов он сказал, что в этих местах действовали крупные партизанские соединения во главе с генералом, и немецкое командование помимо его подразделения бросало в бой еще целые стрелковые части. В этих случаях между ними и партизанами происходили крупные бои. Однако окружить или уничтожить партизанские части им не удавалось, и ему неизвестны случаи, чтобы кто-нибудь из партизан был взят в плен. В результате этих боев было убито до 200 партизан⁷¹.

Помимо показаний Г. Марквардта, следствию удалось установить, что на январь 1943 г. 690-й моторизированный батальон полевой жандармерии состоял из 3-х рот: 1-я и 2-я дислоцировались на окраине

Смоленска, 3-я в центре города, в пятиэтажном доме. При первой роте находился отряд Русской освободительной армии – 100–120 человек. Штаб батальона располагался вместе с 1-й ротой.

Перед 1-й и 2-й ротами и ротой РОА стояла задача по борьбе с партизанами на территории Смоленской области, а 3-я использовалась в Смоленске при дежурстве и патрулировании в городе, участвовала в облавах и проверке документов у советских граждан, подозрительных задерживали и сдавали в службу безопасности (СД), а также производили обыски на квартирах арестованных⁷².

До марта 1943 г. рота Г. Марквардта находилась в Борисове и вела операции против партизан в районе этого города. В марте 1943 г. Г. Марквардт был переведен из полевой жандармерии в пехотную часть⁷³.

Во время следствия он сказал, что начиная с июля 1941 г., неоднократно обращался к командованию, чтобы его, как инженера, перевели на службу по специальности. Г. Марквардт считал, что проходя службу по специальности, скорее получит офицерское звание и принесет больше пользы для немецкой армии. Однако командир роты капитан Хорн не давал согласия на перевод. После того, как Хорн был убит и командиром роты стал Брудер, Г. Марквардт получил согласие на перевод⁷⁴.

В изученных материалах достаточно четко прослеживается путь 690-го батальона, видны структура, состав, функции и методы работы, места дислокации, фамилии командиров, зафиксированы место и результаты проведенных операций. Эта информация расширяет представление о немецкой полевой жандармерии в целом. Из исследуемых документов видно, что на определенном этапе основной обязанностью немецкой полевой жандармерии была борьба с партизанами.

Анализ материалов следственного дела и дневника дает основание сделать вывод о том, что на захваченных немцами территориях понятие «партизан» имело очень широкую трактовку и под неё подпадали разные категории людей, подозреваемых в противодействии установлению оккупационного режима. Это были и непосредственно бойцы партизанских отрядов, и лица, оказывавшие им какую-то помощь (продуктами, вещами, информацией); а также те, кто, не имея контакта с партизанами, утаивал от немецких властей сведения о них (подозреваемые в недоносительстве); а зачастую и люди, которые просто высказывали недовольство деятельностью оккупантов. Все они могли быть названы партизанами и к ним ко всем могли быть применены одинаковые методы воздействия, вплоть до ликвидации на месте.

Кроме того, в исследуемых документах содержатся сведения о некоторых дополнительных задачах, решавшихся полевой жандармерией, не освещенных в литературе: целенаправленная очистка оккупирован-

ной территорий от еврейского населения и изъятие принадлежавших ему ценностей.

Представленные в данной работе сведения о деятельности 690-го батальона и других подразделений полевой жандармерии могут быть использованы при подготовке работ, посвященных исследованию политики нацистов на оккупированной территории, в том числе и такому важному ее аспекту, как «обезлюдивание». В результате этой политики пятая часть из 70 млн советских граждан, оказавшихся в зоне оккупации, её не пережила. К сожалению, данное направление в политике нацистского государства до сих пор не нашло должного отражения в исторических исследованиях, хотя уже намечены наиболее важные темы, по которым необходимо вести работу⁷⁵.

Помимо истории подразделения, в исследованных материалах очень чётко прослеживается ещё один уровень информации – это история отдельно взятого человека – военнослужащего немецкой армии, раскрывающая его как личность, дающая представление о его пристрастиях, наклонностях, убеждениях, культурном уровне, отношениях с окружающими, показывающая его как гражданина Третьего рейха.

Безусловно важной является возможность проследить изменения, происходящие с человеком на протяжении войны. Отличия можно увидеть в оценке и описании событий в дневнике и в показаниях. Учитывая такие критерии, как возраст, образование, военная карьера, семейное положение, можно сказать, что Г. Марквардт был одним из типичных среднестатистических немцев, отстаивавших идеи национал-социализма с оружием в руках во Второй мировой войне. Соответственно, отдельные тенденции, прослеживающиеся в биографии Г. Марквардта, можно отнести к характерным для того социального слоя, представителем которого он являлся.

Особо следует отметить, что в дневнике Г. Марквардта чётко видно влияние правящей идеологии. Целые абзацы он посвящает размышлениям о судьбе Германии, о воинском долге, о своем будущем, которое считает нужным связать с использованием ресурсов завоеванных территорий во благо своей родины.

Интересно по записям в дневнике проследить за тем, как менялось отношение Г. Марквардта к войне, и как это влияло на так называемый боевой дух. Начиная с 15 февраля 1941 г., когда он после просмотра фильма «Победа на Западе» сделал запись о том, что он тоже хотел бы принимать участие в этой победе, что у него нет большого желания, чем оказаться на передовой и внести свой вклад в достижение цели. Далее он излагает свои размышления о том, что война забирает лучших, но имеет большое воспитательное значение, она создаёт народное единение, укрепляет товарищеские отношения, каждому становится

совершенно очевидно, что один он ничего не значит. Только в союзе со своими товарищами по оружию он становится «звеном цепи, частью общего механизма».

Г. Марквардт, несмотря на то, что «не нюхал пороха и не видел, как погибают товарищи», убежден в том, что хочет быть «солдатом среди солдат», хочет делить с ними нужду, опасности и лишения, хочет «внести свой вклад в события этого великого времени, о последствиях которых в настоящий момент мы ещё не подозреваем или не можем их предвидеть».

Он пишет: «Это не имеет никакого отношения к мыслям о самоубийстве. И никак не связано с юношескими фантазиями о подвигах и поэзией боевых сражений... Я хочу утвердиться как мужчина и хочу это доказать»⁷⁶.

Через месяц, 16 марта 1941 г., в День памяти павших героев, после торжественного построения Г. Марквардт пишет, что жалеет о том, что ему приходится стоять в Ларе у памятника героям войны и бездействовать, хотя он может приносить пользу⁷⁷.

10 июня 1941 г., еще до участия его подразделения в военных действиях, Г. Марквардт сделал последнюю запись о желании попасть на фронт. Она связана с его назначением на должность, в обязанности которой вменялось «обеспечение телефонной связи и написание сообщений». Г. Марквардт пишет: «Я бы с удовольствием ушёл с этой должности, чтобы вместе со своими товарищами отражать огонь врага, давить клопов, стоять на посту. А мне приходится вести войну на бумаге»⁷⁸.

После того, как подразделение Г. Марквардта начинает действовать на оккупированной территории Советского Союза, долгое время Г. Марквардт только успеваешь фиксировать происходящие события, но по отдельным записям видно, что война оказалась не совсем такой, как он её представлял.

Так, в конце июля в Минске он пишет следующее: «...Уже несколько недель длится такая цыганская жизнь. Четыре дня здесь, неделю там, два дня ещё где-нибудь. Со временем это любому надоедает. Почты нет, полевая кухня в 60 километрах. Ужасные дороги, клопы, отсутствие воды, туалета, сна. Мы стреляем во всё, что нам перебегает дорогу: свиньи, куры, бараны...»⁷⁹. А 13 сентября в Могилеве в размышлениях о результативности деятельности его подразделения есть такие фразы «...в нашем существовании нет необходимости (см. результаты!)» и «всё это довольно бессмысленно и скучно»⁸⁰.

Первая зима в России так же не способствовала подъему боевого духа. 24 декабря Марквардт записал, что «если Бог кого-то хочет наказать, то он дарит ему машину и отправляет его в Россию, по возможности зимой»⁸¹, а 26 декабря написал: «...36 градусов мороза! Мороз обжигает лицо. Ощущение такое, будто кто-то хочет раздолбить лоб..

Идти не могу. Буц и Кахманн тащат меня в дом. От холода можно выть. Но не приходится ли нашим товарищам на передовой выносить ещё больше? Могут ли они хоть когда-нибудь согреться, как мы? Недавно я видел раненого. Китель разорван, брюки обгорели, ноги в бинтах, сверху брезент, без шинели, без шапки. Хуже, чем русские»⁸².

К весне заметно ухудшилось снабжение немецких солдат, что отразилось на их общем состоянии. Эти факты 23 марта 1942 г. зафиксированы в дневнике: «Снабжение снова становится отвратительным. Плохой хлеб, мёрзлый картофель, мало жиров... Снова соль и хлеб. И вши! И сыпной тиф! Уже пятеро умерли. Но может быть и хуже»⁸³.

Долгожданная весна принесла и другие проблемы, о чем 18 апреля 1942 г. была сделана запись: «Наступает время грязи... Тропинки полностью развезло. В низменностях вода стоит по колено. Всё основательно размокло. Грязь, трясина. Нигде нет сухого места. Надо очень внимательно смотреть под ноги, чтобы потом суметь вытащить сапоги. В блиндажах полно воды... Из командного пункта каждый час выносят 30 вёдер воды. Сухие сапоги и сухие ноги – редкое явление. В таком состоянии мы 24 часа стоим в дозоре на полевой позиции»⁸⁴.

На фоне нарастающего среди сослуживцев недовольства, которое стало высказываться открыто, нельзя не обойти вниманием размышления Г. Марквардта о «долге перед родиной», которым он уделил большое внимание на страницах своего дневника 20 апреля 1942 г.: «То, что от этой войны зависит наше, т.е. Германии, будущее и то, что мы должны победить в этой войне, тяжёлые бои которой ведутся уже в течение трёх лет, знает практически каждый ребёнок. Каждому немцу ясно, что в известной степени нас сейчас прижали к стенке. Или мы идём к свободе, или мы вместе погибаем. Это знает родина и знает солдат, который с оружием в руках борется за свободу, воюет и, если будет надо, отдаст за это свою жизнь.

Поэтому не совсем понятно, почему у отдельных «солдат» отмечается такое настроение, которое чертовски напоминает ноябрь 1918 года. Настрой, который кратко можно охарактеризовать так: назад, назад любой ценой. То, что моральный климат в подразделении не из лучших, совершенно очевидно. Это определённо связано с относительно большим количеством потерь, большим количеством умерших от обморожений, и в первую очередь потому, что в настоящее время мы уже 18 месяцев не были дома, не были в отпуске за 41-й год и с начала кампании в России непрерывно принимаем участие в боевых действиях. Будь это борьба с партизанами, операции против евреев или, начиная с января этого года, бои на переднем крае. Несмотря на это, не следует забывать, что мы носим серую форму, мы солдаты и должны вынести все, все без исключения, трудности, выполнить поставленные перед

нами задачи и отданные нам приказы как можно лучше. К чему мы придём, если каждый отдающий приказ должен будет оправдываться перед подчинёнными за каждый отданный приказ? К чему мы придём, если каждый будет спрашивать: почему именно так? Приказ есть приказ, и он должен быть выполнен. И мне всегда непонятно, как солдаты могут говорить: “Только скорее из России. Лучше в Германии камни таскать, чем ничего не делать в России!”. Это свидетельствует о так называемой большой любви к родине, но не о солдатском долге. Или: “Чтоб мне эту чёртову Россию никогда не видеть!”. Разве мы по собственной воле выбрали Россию для своего местонахождения? Такие солдаты не солдаты! Они опасны, потому что они разлагают подразделение.

Под солдатским долгом я понимаю несколько больше, чем только ношение серой формы, прогулки в гарнизоне и флирт с хорошенькими девушками. Солдатский долг – это всё без возражений брать на себя. Выполнение приказов и подчинение дисциплине. Без учёта личных настроений и желаний отдавать себя служению делу и если нужно, быть готовым отдать свою жизнь за то, что стоит за нами и что нас объединяет: за Германию»⁸⁵.

Помимо прочего в дневнике содержится информация и о восприятии простым немцем советского строя, а также всего, что с ним связано. Так 29 июля 1941 г. в Минске Г. Марквардт, положительно отзывавшись о бассейне в Доме Красной армии, записал: «Для своей армии красные сделали что-то необыкновенное. А так о советском рае говорить не приходится. Если то, что здесь большевики во время своего правления создали, должно быть раем, то я не хочу знать, что называется адом»⁸⁶.

В письме к знакомой от 20 октября 1941 г., пересказанном в дневнике, отражены впечатления Г. Марквардта от увиденного в России, интересны его размышления о собственном будущем и будущем захваченных территорий: «В этой великой борьбе за будущее мне постепенно, но совершенно отчётливо становится ясно, что с моей профессией мне предстоит решать большие задачи. Наверное, выполнение этих задач требует того, что я очень, очень часто буду вдали от родины и, может быть, буду вести такой же образ жизни, как и сейчас. Жизнь, заполненную работой и опасностями. К сожалению, это будет жизнь вне культуры и цивилизации, в страшной жаре и зверском холоде, в непогоду и непроходимой грязи. Эти лишения невозможно описать, это нужно увидеть и пережить, чтобы вообще хоть что-то понять, как люди так могут жить. С другой стороны, для нашей родины в будущем здесь открываются большие возможности в плане урожая и сырьевых ресурсов, и в разработке и использовании этих сырьевых ресурсов для родины я вижу свою задачу после войны. Как это будет конкретно выглядеть, я

пока не могу тебе сказать. В настоящее время предстоит решать другую большую задачу»⁸⁷.

Лето не принесло облегчения. 30 мая 1942 г. Г. Марквардт пишет: «Болотные паразиты жрут нас. Миллионы комаров роятся чёрными жужжащими тучами над трясинной и нападают на каждого... К этой мошкаре ещё добавляются слепни и стрекозы. А в доме блохи, вши и клопы. Расчёсанные, исхлопанные и искусанные, мы влачим жалкое существование. Хочу надеяться, что сыпной тиф или ещё какая-нибудь эпидемия не начнутся. Тогда мы все заболеем. В течение последних нескольких дней стали умирать лошади. Из двадцати трех за последние два дня умерли четверо. Вакцину должны привезти из Рославля. А это ещё три дня. Постепенно мы все свихнёмся и сдохнем»⁸⁸.

Запись в дневнике, датированная 15 августа 1942 г., начинается со слов «Проклятая война продолжается: завтра новая операция» и заканчивается восклицанием: «Меня гложет такая тоска!»⁸⁹.

Из этих размышлений, зафиксированных в дневнике, складывается картина войны, которая проходила не только на полях сражений, но и в умах солдат. Видно, каков был подъем в начале, на волне побед в Европе, чувствуется, как хотелось сделать то, что не удалось сделать предыдущему поколению немцев в Первую мировую. Однако постепенно идеология и пропаганда отступают на второй план перед реальными трудностями, хотя отчетливо видно, насколько переплелись в голове простого солдата желание самореализоваться, понятия о воинском долге и дисциплине с лозунгами о борьбе за свободу родины.

Изменения в настроении, зафиксированные в дневнике Г. Марквардта, типичны, что подтверждает анализ психологического состояния немецких солдат в годы Второй мировой войны, проведенный в исследовании Вернера Пихта⁹⁰.

В статье В. Пихта отмечены следующие общие тенденции: начало войны с Польшей принесло немецкому солдату неожиданную славу, так как вместо затяжной войны с применением большого количества техники получилась молниеносная война, после которой последовала кампания в Норвегии, оккупация Бельгии, Голландии и разгром Франции. Тот факт, что в этой кампании войска проходили по местам боев Первой мировой войны, был воспринят немцами как избавление от позора за прошлое поражение.

После этого последовал захват Югославии, Греции, Крита и Балкан. Это привело к исключительному подъему национального духа и неограниченной вере в командование, при этом немецкие солдаты не чувствовали себя соучастниками бессовестного насилия над окружающими народами, которое вершил национализм. Армия была окрылена идеей о том, что она борется за порядок в Европе. Солдат ощущал, что

он находится на службе великой идее, осуществление которой возможно с предельно малыми жертвами как с той, так и с другой стороны. Им казалось, что Европа навсегда собиралась положить конец своим войнам. Старый солдатский дух был еще достаточно сильным, чтобы несмотря на вторжение национал-социализма влиять на моральное поведение войск в целом.

Однако с началом войны в России положение немецкого солдата сразу изменилось, обстановка стала неясной. Солдат, считая, что выполняет историческую миссию – «защита» Европы и Запада в целом, которая казалась ему оправданной всем ходом истории, попал в безвыходное положение, так как Запад нанес ему удар сзади. Идеологическая ненависть и отчаяние, которое совпало с непредвиденными трудностями (затяжная война), привели к изменению форм борьбы. Противник был заклеен как человек низшей расы, по отношению к которому разрешено применять любые действия, вследствие чего население оккупированных районов, готовое в начале приветствовать немцев как своих освободителей, оказалось поработанным, что привело к усилению партизанского движения. Невыносимые нагрузки в боях, суровый климат и бесконечные сюрпризы противника превзошли предел человеческой выносливости. Дорога побед стала дорогой могил.

3 августа 1942 г. Г. Марквардт записал в дневнике: «Нещадно палит солнце на безоблачном небе России – стране тысячи противоречий. Сегодня палящее солнце, завтра ветер и ледяной дождь. Здесь разваливающиеся деревянные избы колхозников, а там грубая партийная пропаганда строек. Здесь нищета пролетариата – там чванливое богатство комиссаров. Здесь набожная покорность – там порочное отрицание Бога. Здесь строгие традиции и обычаи, там сладострастное распутство, идеалом становится проститутка. Сталин, где твой рай? Ложь! Маска! За этим стоит бедность, нищета, безнравственность и зверская жестокость»⁹¹.

Последняя приведенная цитата, видимо, не является оригинальной мыслью, которая посетила только Г. Марквардта, поскольку 30 июля 1942 г. другой немецкий солдат, находившийся на том же театре военных действий, рассуждая о России, написал в дневнике: «Страна крайностей. Ни в чём не проявляется умеренность. Жара и холод, пыль и грязь. Все неистово и необузданно. Разве не следует ожидать, что и люди тут таковы?»⁹²

В исследуемых документах, помимо фактов о деятельности 690-го батальона полевой жандармерии, мы получили информацию, содержащую личную оценку увиденного немецким солдатом. Благодаря этому представилась возможность проследить изменения, происходившие в человеке и его отношении к событиям, узнать, чем он жил.

Нельзя полноценно исследовать такое событие, как Вторая мировая война, не имея представления о людях, бывших опорой для политического режима, утвердившегося в государстве, которое развязало страшную кровопролитную войну. На таких, как Г. Марквардт, была сделана ставка, они должны были стать «надежными винтиками в несокрушимой военной машине новой Германии» и завоевать новое пространство и ресурсы для Третьего рейха. Изучая документы личного происхождения, мы сможем лучше понять людей, порой взглянуть на события с другого ракурса, а следовательно, более объемно представить войну в целом.

Примечания

¹ Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. М., 2005. Сс.437 – 439; Томас Н., Эндрю С. Немецкая армия. 1939 – 1940. М., 2001. С. 54, 60; Уильямсон Г., Вольстад Р. Немецкая военная полиция. 1939 – 1945. М., 2005. С. 7 – 9; Мюллер-Гильдебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933 – 1945 гг. М., 2002. С. 256.

² Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 1998. – С. 261.

³ Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003. – С. 216-222.

⁴ Романько О.В. Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Белоруссии // Военно-исторический журнал. – М., 2008. - №6. – С. 23-26; Он же. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941-1945). Симферополь, 2008.

⁵ Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939 – 1945 гг. Минск, 2008. – С. 222.

⁶ <http://www.archives.gov.by/>

⁷ http://www.pobeda.witebsk.by/shadow/force/rejiment_fors/

⁸ Марквардт Герхар – Гюнтер (Marquardt Gerhard Günter) родился в Берлине 15 сентября 1919 г. в семье рабочего. В 1926–1933 гг. учился в народной школе в Берлине, в 1933–1936 гг. – в школе, которая готовила специалистов для машиностроения. В 1936–1938 гг. проходил производственную практику, после чего поступил в школу инженеров-машиностроителей в Берлине. Осенью 1939 г. был призван на военную службу в пехотную часть, которая располагалась в городе Мезерец. В январе 1940 г. освобожден от военной службы для завершения учебы. В сентябре получил диплом инженера-машиностроителя. Около двух месяцев работал на турбинном заводе в Берлине. В 1940 г. окончил инженерное училище в Берлине, получив специальность инженера-машиностроителя. В ноябре 1940 г. призван в армию и до января 1941 г. проходил обучение в школе полевой жандармерии в г. Перлеберге, после окончания которой попал в сформировавшийся тогда 690-й батальон полевой жандармерии, который располагался в г. Лар земли Баден. В марте 1943 г. переведен в 511-й пехотный полк 333-й дивизии в должности командира отделения, а затем командира взвода. Участвовал в боях севернее г. Орла, где был ранен. Лечился до конца сентября 1943 г. В октябре 1943 г. направлен в резервный полк в городе Шверине на Варте и находился там до января 1944 г., после чего четыре месяца обучался в военной офицерской школе в г. Хагенау в Эльзас–Лотарингии. По окончании присвоено звание обер-фенриха. По окончании офицерской школы в г. Штутгарте в сентябре 1944 г. получил звание лейтенанта технической службы. Осенью 1944 г. в составе 406-го корпуса народной артиллерии переброшен во Францию. В боях с американскими войсками корпус понес большие потери и вместе с другими частями немецкой армии отступил до г. Бонна.

В марте 1945 г. после реформирования корпус был переброшен на Восточный фронт и Г. Марквардт около четырех недель участвовал в боях против советских войск в районе г. Штеттина. Затем корпус был переброшен на Одер в район Шведта, а затем в район Франкфурта, где после трех недель начал отступление. 4 мая 1945 г. под городом Пархим земли Мекленбург Г. Марквардт сдался в плен. Награжден Железным крестом 2-го класса и двумя медалями – за ранение (нагрудный знак) и за участие в боях на Восточном фронте. 25 августа 1952 г. арестован следственным отделом Аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии. Военный трибунал в/ч 48240 на основании ст. 2 § 1 пп. «в» и «ц» Закона № 10 Контрольного Совета для Германии от 20 декабря 1945 г. приговорил Марквардта к пожизненному заключению с отбывтием каторжных работ, а на основании ст. 58-2 УК РСФСР – к расстрелу. Ходатайство о помиловании было отклонено Президиумом Верховного Совета СССР. 21 февраля 1953 г. Военная коллегия Верховного суда СССР направила указание о немедленном исполнении приговора. 3 марта 1953 г. приговор приведен в исполнение. Заключением Главной военной прокуратуры Российской Федерации от 17 декабря 1999 г. Марквардт признан не подлежащим реабилитации. / См. также: Ershossen in Moskau... Berlin, 2005. – P. 259.

⁹ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 56.

¹¹ Там же. Л. 59.

¹² Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 76.

¹³ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л.102-103.

¹⁴ Там же. Л. 56.

¹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 76 об.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 30.

¹⁸ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 77.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 44.

²⁰ Там же. Л. 30.

²¹ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 77.

²² Там же. Л. 80.

²³ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 209.

²⁴ Там же. Л. 30-31.

²⁵ Там же. Л. 84.

²⁶ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 82 об.

²⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. № К-98360.Л. 44.

²⁸ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 83 об.

²⁹ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360.Л. 111.

³⁰ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 83 об – 84.

³¹ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 111 – 115.

³² Там же. Л. 97.

³³ Там же. Л. 31-33, 85, 258 – 259.

³⁴ Там же. Л. 97, 144

³⁵ Там же. Л. 34 – 35.

³⁶ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 36-37.

³⁷ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 88.

³⁸ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 141, 200; Дневник (перевод с нем.). Л. 90 об – 92.

³⁹ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 92.

⁴⁰ Там же. Л. 86.

⁴¹ Там же. Л. 200; Дневник (перевод с нем.). Л. 95 об – 96 об.

⁴² ЦА ФСБ России. Д. № К-98360.Л. 295.

⁴³ Там же. Лл.145 – 146; Дневник (перевод с нем.). Л. 96 об – 97.

⁴⁴ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 296.

⁴⁵ Там же. Л. 36.

⁴⁶ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 97 об.

⁴⁷ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 296.

- ⁴⁸ Там же. Л. 37 – 38.
- ⁴⁹ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 117 – 119.
- ⁵⁰ Там же. Л.39 – 40.
- ⁵¹ Там же. Л. 297.
- ⁵² Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 100 – 100 об.
- ⁵³ Там же. Л. 101.
- ⁵⁴ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 147.
- ⁵⁵ Там же. Л. 40.
- ⁵⁶ Там же. Дневник (перевод с нем.). Л. 108.
- ⁵⁷ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 121 – 121 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 124 – 124 об, 127.
- ⁵⁹ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 134 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 136 об – 138.
- ⁶¹ Там же. Л. 138 – 140.
- ⁶² Там же. Л. 144 – 144 об.
- ⁶³ Там же. Л. 147, 149.
- ⁶⁴ Там же. Л. 147 об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 219, 220.
- ⁶⁶ Там же. Л. 106 – 108.
- ⁶⁷ Там же. Л. 150.
- ⁶⁸ Пиа Джек. Ордена и медали Третьего рейха. М, 2003. – С. 27.
- ⁶⁹ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Дневник (перевод с нем.). Л. 150 об – 154.
- ⁷⁰ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Л. 21-22, 40, 123-125, 134.
- ⁷¹ Там же. Л. 123 – 125
- ⁷² Там же. Л. 196 – 197.
- ⁷³ Там же. Л. 40 – 41.
- ⁷⁴ Там же. Л. 64.
- ⁷⁵ Дюков А.Р. Истребительная политика нацистов на оккупированной советской территории: направления исследования// Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: Опыт изучения и преподавания. М., 2005. С. 319 – 322.
- ⁷⁶ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Дневник (перевод с нем.). Л. 38 об – 42 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 56 об – 58.
- ⁷⁸ Там же. Л. 74 – 74об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 78.
- ⁸⁰ Там же. Л. 85 – 85об.
- ⁸¹ Там же. Л. 104 об.
- ⁸² Там же. Л. 106 – 107.
- ⁸³ Там же. Л. 128 – 128 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 131 – 131об.
- ⁸⁵ Там же. Л.131об – 134.
- ⁸⁶ ЦА ФСБ России. Д. № К-98360. Дневник (перевод с нем.). Л. 80 об.
- ⁸⁷ Там же. Л. 93 об – 94 об.
- ⁸⁸ Там же. Л. 140 – 141.
- ⁸⁹ Там же. Л. 157 об.
- ⁹⁰ В. Пихт. Немецкий солдат// Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. М., 1957. – С. 37 – 66.
- ⁹¹ Там же. Л 156 – 156 об.
- ⁹² Пабст Гельмут. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941–1943. М., 2005. – С. 99.

Немецкий оккупационный режим в Прибалтике в 1941 г.

Кантор Юлия Зораховна,

доктор исторических наук,

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена

Не публиковавшиеся ранее документы из российских, латвийских, литовских, эстонских архивов, ставшие доступными исследователям в последние годы, а также материалы новейшей отечественной, балтийской, финской и немецкой историографии вкуче с уже известными источниками позволяют реконструировать картину происходившего в Прибалтике в первое полугодие фашистской оккупации.

А. Гитлер и его единомышленники относились к народам Прибалтики с опасливым презрением – для фашистов не была секретом массовая и эффективная вооружённая поддержка жителями Прибалтики большевистского режима, олицетворением которой стали знаменитые латышские стрелки. Не меньшую идиосинкразию у фашистов вызывало резкое неприятие жителями прибалтийских регионов немецкой оккупации 1918 г., когда по Брестскому миру территории, принадлежавшие до Первой мировой войны России, отошли кайзеровской Германии. Ведь эстонцы, латыши и литовцы и раньше пытались сопротивляться попыткам немецких рыцарств Эстляндии, Лифляндии и Курляндии включить эти провинции в состав Германии на правах Герцогства Балтийского, как противодействовали прибалты и возвращению земель остзейским немецким баронам (земля эта была отнята у них в 1917 г.) и вывозу собственной сельскохозяйственной продукции в Германию.

23 мая 1939 г. на совещании в рейхсканцелярии А. Гитлер однозначно заявил: «Для нас речь идёт о расширении жизненного пространства и обеспечении снабжения, а также о решении балтийской проблемы. Продовольственное снабжение можно обеспечить только из районов с невысокой плотностью населения... Население негерманских областей не несёт военной службы и поэтому должно использоваться как рабочая сила»¹.

В меморандуме от 2 апреля 1941 г. «уполномоченного по централизованному решению проблем Восточно-Европейского пространства», каковым до назначения на пост руководителя «восточного

министерства» являлся А. Розенберг, были сформулированы главные направления деятельности немецких оккупационных властей для каждого из семи запланированных новых территориальных образований. В отношении Эстонии, Латвии и Литвы в этом документе говорилось: «Следует решить вопрос о том, не возложить ли на эти области особую задачу как на будущую территорию немецкого населения, призванную ассимилировать наиболее подходящие в расовом отношении местные элементы. Если такая цель будет поставлена, то к этим областям потребуется совершенно особое отношение в рамках общей задачи. Необходимо будет обеспечить отток значительных слоев интеллигенции, особенно латышской, в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян. Можно было бы, вероятно, использовать для этой цели большой контингент колонистов из числа немцев Поволжья, отсеяв предварительно нежелательные элементы. Но не исключено переселение в эти районы также датчан, норвежцев, голландцев, а после победоносного окончания войны – и англичан, чтобы через одно или два поколения присоединить этот край, уже полностью онемеченный, к коренным землям Германии. В этом случае, видимо, нельзя было бы обойтись и без перемещения значительных по численности неполноценных групп населения Литвы за пределы Прибалтики»².

В период, непосредственно предшествовавший нападению на СССР, вопрос о будущей судьбе Прибалтики служил темой особенно интенсивной проработки в руководящих кругах нацистской партии и государства, СС, разведывательных и контрразведывательных служб. Одним из таких документов является запись совещания А. Розенберга с руководителем военной контрразведки (абвер) адмиралом В. Канарисом. 31 мая 1941 г. Розенберг просил Канариса оказать помощь в подборе руководящих кадров и управленческого персонала для будущих оккупационных администраций на территории СССР из числа агентов абвера. Канарис дал соответствующее обещание, заявив, что такие люди у него найдутся³.

Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, были объединены фашистами в одно административно-территориальное образование – рейхскомиссариат Остланд. (В данной статье речь пойдет о Латвии, Литве и Эстонии.) Территория рейхскомиссариата составляла 232 тыс. кв. км, а население – 8 200 000 человек (по немецким данным)⁴. Столицей короткое время был Каунас, затем – Рига, где разместилось большинство немецких оккупационных учреждений. Здесь находился центральный аппарат рейхскомиссариата Остланд (900 немецких чиновников) и Латвийский генеральный комиссариат (280 немецких чиновников). В Риге же работали такие учреждения, как управление пропаганды, представи-

тельство экономического штаба «Ост», хозяйственная команда «Рига», центральные органы нацистской партии в Остланде и др.

Пост главы рейхскомиссариата Остланд занял Х. Лозе. Остланд делился на генеральные округа: Белоруссия, центр в Минске (генеральный комиссар В. Кубе, затем после его убийства К. фон Готберг), Литва, центр в Каунасе (генеральный комиссар Т. фон Рентельн), Латвия, центр в Риге (генеральный комиссар О. Дрекслер), Эстония, центр в Таллине (генеральный комиссар К. Литцман). Генеральные комиссариаты делились на окружные – гебитскомиссариаты. Германское руководство прекрасно понимало, что без помощи местного населения эффективно управлять Остландом и реализовать проводимую политику невозможно. К тому же самоуправление фактически являлось дополнительным элементом оккупационного режима и позволяло сократить штат немецких чиновников, работавших в аппарате рейхскомиссариата. Потому помимо немецких генеральных комиссаров – в округах (за исключением Белоруссии) были созданы местные администрации, во главе которых стояли: в Литве – генеральный советник генерал П. Кубилиюнас, Латвии – генеральный директор генерал О. Данкерс, Эстонии – национальный директор Х. Мяз. Начальник СС и полиции в рейхскомиссариате Остланд обергруппенфюрер Ф. Еккельн по этому поводу вспоминал: «Мне приходилось нередко сталкиваться с руководителями латвийского, литовского, эстонского "самоуправления"... Должен сказать, что все они были большими друзьями немцев. Эти люди имели только наши немецкие интересы и нисколько не думали о судьбе своих народов. Это были всего-навсего немецкие марионетки... Они считали, что если даже Германия и проиграет войну, то все равно будет очень хорошо, если они и немцы ликвидируют советских патриотов, и особенно коммунистов, так как без коммунистов им будет легче продать свои народы другим сильным державам мира»⁵.

25 июня 1941 г. был подписан, так сказать, общетеоретический меморандум известного в то время в Германии геополитика, историка и философа Ф. Хассельбахера, который выступал как неофициальный советник германского МИДа, а затем «восточного министерства» и систематически привлекался к разработке долгосрочных планов политики нацистов. Высказывая свои детально разработанные предложения по расчленению территории СССР, Хассельбахер уделял особое внимание Прибалтике. Он предлагал, в частности, строго различать население прибалтийских республик по расовым, этническим и культурным признакам и для каждой из групп проводить особую политику, онемечивая одних, используя в качестве подсобной силы других и выселяя с родных мест третьих, не пригодных для того, чтобы

превратиться в немцев. Наиболее подходящими для онемечивания автор считал эстонцев, в гораздо меньшей степени – литовцев и латышей. Хассельбахер выступал за массовое заселение Прибалтики немцами из рейха, которые должны составить руководящую элиту «нового общества» на прибалтийских землях. Для того чтобы освободить для них место, он «настоятельно рекомендовал» переселить из Прибалтики, в первую очередь из Латвии, в глубинные районы России 400 тысяч коренных жителей. В дальнейшем эту переселенческую политику следовало продолжить.

Остланд был подчинён созданному в Берлине 17 июля 1941 г. Имперскому министерству по делам оккупированных восточных территорий (или «восточному министерству») во главе с одним из ближайших сподвижников Гитлера, ведущим идеологом расизма и колонизаторской политики на Востоке, прибалтийским немцем А. Розенбергом. Его заместителем в ранге статс-секретаря стал обергруппенфюрер СА А. Меер. На основании указа Гитлера вся оккупированная территория делилась на две зоны со строго определёнными границами между ними. В первую входила полоса от линии фронта до тыловых границ групп армий. Во главе военной администрации стоял генерал-квартирмейстер верховного командования сухопутной армии. Вся остальная занятая вермахтом территория находилась под гражданским управлением Имперского министерства по делам занятых Восточных областей, фактическая власть на местах находилась в руках рейхскомиссаров. Нацистские планы ускоренной колонизации Прибалтики были обозначены уже в первых инструкциях Розенберга для Лозе. В целом уже эти первые инструкции Розенберга рейхскомиссару, формулирующие общие принципы нацистской оккупационной политики в Прибалтике, полностью выдержаны в духе программных установок Гитлера, заявлявшего: «На востоке следует препятствовать всякой организации крупного государственного управления, и наши комиссары должны будут лишь контролировать управление экономикой. Уже тем самым отрицается всякая другая форма организации покорённых народов»⁶.

Задачи практического осуществления колонизаторской политики на захваченных территориях Польши, Чехословакии и особенно Советского Союза получили своё концентрированное выражение в так называемом генеральном плане «Ост». Как комплексная программа освоения, колонизации и германизации «восточного пространства», эксплуатации его природных и экономических ресурсов, порабощения, онемечивания и частичного истребления населяющих его народов, этот план начал разрабатываться по личному указанию Гитлера уже в самом начале войны против СССР и в своём первоначальном виде был

утверждён 15 июля 1941 г. Главными авторами плана были рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, который был назначен, в дополнение ко всем другим его постам, «имперским комиссаром по делам укрепления немецкой расы», а также подчинённые ему высокопоставленные руководители ряда управлений и служб СС и Главного управления имперской безопасности (РСХА). В разработку этого плана активно включился также весь многочисленный аппарат «восточного министерства» во главе с Розенбергом.

Имперское министерство востока должно было взять на себя внутреннее управление, а общее генеральное – комиссар по делам востока, подчинявшийся непосредственно фюреру. Имперские комиссариаты предполагалось создать по принципу провинциальных министерств рейха. Генеральные комиссариаты имели расширенные полномочия, соответствующие полномочиям глав самоуправлений в самой Германии, а областные комиссариаты планировалось построить по принципу ландратов – земельных советов. Остланд должен был иметь статус рейхсгау – области рейха.

21 июля 1941 г. рейхсминистр А. Розенберг направил рейхскомиссару Остланда Х. Лозе инструкцию об обращении с населением оккупированных областей Прибалтики. В ней, в частности, говорилось: «Рейхскомиссариат Остланда должен препятствовать любым поползновениям на создание эстонского, латышского и литовского государств, независимых от Германии. Необходимо также постоянно давать понять, что все эти области подчиняются немецкой администрации, которая имеет дело с народами, а не с государствами...»⁷.

Окупированная территория Прибалтики управлялась немецкой военной администрацией до 28 июля 1941 г. При этом военные руководствовались распоряжением верховного главнокомандующего сухопутных сил Германии генерал-фельдмаршала Г. фон Браухича от 3 апреля 1941 г. о военном управлении занятых Восточных территорий⁸. Затем была организована немецкая гражданская администрация. 28 июля 1941 г. рейхскомиссар Остланда Х. Лозе в своём воззвании к жителям официально объявил о введении гражданского управления в Остланде. Однако гражданская власть в Остланде начала функционировать постепенно: 1 августа 1941 г. в Литве и только 5 декабря 1941 г. в Эстонии, которая была оккупирована позже остальных Прибалтийских республик. Кроме того, такая «задержка» была связана с тем, что гражданское управление могло функционировать лишь на удалении 200 км от линии фронта.⁹ 1 сентября 1941 г. указом рейхскомиссара Остланда Х. Лозе немецкий язык был объявлен официальным языком этого региона.

17 сентября 1941 г. А. Гитлер заявил: «...Это мы в 1918 г. создали страны Балтии и Украину. Но сегодня у нас нет интереса в сохранении

балтийских государств...»¹⁰. Ни о какой независимости Прибалтики руководители рейха разговора не вели, так как Гитлер утверждал, что «любое движение к самоуправлению всегда, в конце концов, приводит к самостоятельности»¹¹. Этим же во многом объясняется последовательно непримиримое отношение оккупационных властей к любым попыткам создать национальные военные формирования (не говоря уже о воссоздании национальных вооруженных сил). «Фюрер не желает никаких воинских соединений из Прибалтики для использования их на фронте, так как после войны это привело бы к политическим требованиям с их стороны. Однако следует формировать возможно большее количество охранных батальонов для несения караульной службы на оккупированных территориях»¹².

Распоряжением рейхскомиссара Остланда, касающимся использования рабочей силы, был поставлен крест на надеждах жителей Прибалтики избежать депортаций – в параграфе 9 этого распоряжения говорится: «Для важных и поспешных работ органы наёмного труда могут подходящие этим работам силы ... использовать и в другом месте, не на месте их постоянного жительства»¹³. В Остланде была введена всеобщая трудовая повинность и начат вывоз литовцев, латышей и эстонцев в возрасте от 17 до 45 лет на принудительные работы в Германию. Особого размаха этот процесс достиг в 1943 г.

6 октября 1941 г. в Остланде были созданы немецкие суд и прокуратура. Судебная система состояла из двух ступеней: низшей – так называемого Немецкого суда, находившегося в подчинении генерального комиссара, и высшей – Немецкого верховного суда, который в этой системе выполнял функции апелляционного суда и рассматривал жалобы на решение суда низшей ступени¹⁴.

В постановлении рейхсминистерства оккупированных восточных территорий «О структуре руководства и управлении генеральными округами в Остланде», утвержденном в октябре 1941 года, сказано: «Политическая задача в рейхскомиссариате Остланд может быть решена только путем добровольного саморастворения народов. Создание же «головки» народного самоуправления делает достижение этой политической цели невозможным и даже опасным для политических и экономических интересов рейха»¹⁵.

«Целью восточной политики в перспективе должно быть создание на восточном пространстве территории для расселения приблизительно ста миллионов представителей германской расы... Необходимо приложить все силы к тому, чтобы с железным упорством заселять Восток немцами миллион за миллионом... Не позднее чем через десять лет, я ожидаю рапорта по колонизации уже включенных к тому времени в состав Германии или оккупированных нашими во-

йсками восточных областей по меньшей мере двадцатью миллионами немцев»¹⁶.

Для нацистов германизация означала освоение захваченных земель немцами с последующим «вытеснением» вплоть до полного физического уничтожения или «растворяющей ассимиляции». Пытаясь укоренить в народах оккупированных территорий немецкий язык, традиции, немцы неизбежно с течением времени смешивались бы с этими народами, что, по мнению гитлеровских идеологов, было вредно для чистоты расы. Стремясь германизировать оккупированные восточные регионы, нацисты планировали перевезти туда как можно больше немцев с территории рейха, непременно оберегая их от кровосмешения с местными жителями. При этом годных к ассимиляции «с точки зрения расы» местных жителей Литвы, Латвии, Эстонии, надлежало переселить в Германию, в негодных – в отдаленные районы, на «русский Восток» или уничтожить. Разумеется, оккупированные территории должны были превратиться в области массовой немецкой колонизации. Весной 1941 г. А. Розенберг, вслед за уже упоминавшимся Хассельбахером, заявил, что почти 50 процентов эстонцев будут подходить для онемечивания, а латыши и литовцы для этого менее пригодны. Подобного мнения придерживался и Г. Гиммлер.¹⁷ «Годных с точки зрения расы» было меньшинство – от 5 до 30 процентов населения). Остальных надлежало «культурно ассимилировать» – посредством ограничения и последующего искоренения национальной культуры и насаждения немецкой, а также выделения из общей массы населения лиц немецкого происхождения (фольксдойче) и их «продвижения» на все социально и культурно значимые де-юре и де-факто посты¹⁸.

Гитлер не намеревался предоставлять суверенитет прибалтийским республикам. Он смотрел на эти территории как на место, подходящее для поселения там излишнего немецкого населения, заслуженных солдат и инвалидов войн. Местное население, как не поддающееся ассимиляции, должно было быть «эвакуировано», то есть переселено, и использовано на работах. «В связи с тем, что Прибалтика должна была быть заселена немцами, то ясно, что ими должны были руководить люди, преданные существующему строю. Гитлером было предусмотрено, что для заселения Восточных областей должны были привлекаться самые лучшие люди. О предстоящей работе, которая ожидала в Прибалтике, нам были даны подробные указания ещё на курсах в Орденсбург-Крессенге (Школа для командного состава вермахта, направляющегося в Остланд – Ю.К.). Гауляйтер, показывая на карте будущие границы Германии на Востоке, ясно сказал, что в наши задачи будет входить превращение этих областей в немецкую землю, в составную часть Германии»¹⁹.

Первыми в Остланд должны были переехать немцы из Вестфалии и Баварии. В качестве компенсации за переселение на восток они должны были получить там земельные участки, многократно превосходившие по площади те, что имелись у них в Германии. И, конечно, по прибытии колонисты должны были получить себе дармовую прислугу из представителей прибалтийских народов. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер по поводу заселения восточных территорий сделал недвусмысленное заявление: «Нашей задачей является германизировать Восток не в старом смысле этого слова, т.е... заботиться о том, чтобы на Востоке жили бы только настоящие немцы, немецкой крови. Не считайте обеспеченным государство, если оно не может каждому предоставить землю и почву. Не забывайте, что священнейшее право на этом свете есть право на землю, которую хотят сами обустроить, и священнейшая жертва есть кровь, которую проливают за эту землю.

Таким образом победа на Востоке – предпосылка для обеспечения нашего будущего, когда жертвами приобретенная земля, станет немецкой, немецкой через людей, которые ее заселяют и застраивают, немецкой через большую работу немецкого плуга»²⁰.

О том, какие материальные условия жизни были уготовлены жителям Прибалтики в условиях германизации Эстонии, Латвии и Литвы, красноречиво говорит меморандум о главных итогах совещания по вопросам экономической политики, состоявшегося ещё 8 ноября 1941 г. у рейхсмаршала Г.Геринга с участием представителей важнейших министерств, а также военного командования. В части, касающейся Прибалтики, в этом документе говорится: «Для Остланда обеспечение потребительскими товарами сможет на первом этапе осуществляться лишь в скромных размерах. Долгосрочный план онемечивания Остланда не должен вести к общему повышению жизненного уровня всего живущего там населения. Привилегиями в этом отношении могут пользоваться только живущие и поселяющиеся там немцы, а также онемечивающиеся элементы... Необходимо сделать все для того, чтобы производить там как можно больше сельскохозяйственной продукции и поставлять ее в войска и в рейх... Новое будет заключаться только в том, что жизненный уровень местного населения должен быть максимально низким»²¹.

Напрасно местное население Литвы, Латвии и Эстонии надеялось на возвращение земли и имущества, национализированных Советами.

В соответствии с директивами об «имущественном управлении Остландом», изданными в 1941 г., все совхозы были взяты под немецкий контроль. В них назначили управляющих – немцев, и в будущем они должны были быть переданы в собственность новым постоянным

хозяевам, разумеется, «арийцам». Крупные дома, которые были национализированы советским правительством, их прежним владельцам не возвращались и были зачислены в разряд так называемых домов Остланда. Управление ими осуществлялось исключительно представителями «арийской расы». Все дома, принадлежавшие евреям, как и все их имущество, также были зачислены в имущество Остланда.

18 августа 1941 г. было опубликовано распоряжение рейхскомиссара Остланд Х. Лозе, в соответствии с которым вся собственность, принадлежавшая СССР на 22 июня 1941 г., перешла в собственность немецкого государства²². Промышленные предприятия были переданы крупным германским концернам. Часть крупных и средних предприятий и основная масса мелких были отданы их бывшим собственникам во временное управление и владение. Право лишить временного управления или владения было, разумеется, оставлено на откуп оккупационным властям.

Крестьяне Остланда получали землю не в собственность, а только на условиях аренды. Исключение делалось лишь для тех, кто имел «заслуги перед рейхом». При этом одним из основных направлений экономической политики рейхскомиссариата «Остланд» было обеспечение бесперебойного снабжения вермахта и тыловых регионов Германии продовольственными и частично промышленными товарами. Приоритетное внимание уделялось сельскому хозяйству – нацисты считали Прибалтику сельскохозяйственным регионом. Закупочные цены, установленные оккупантами, были очень низкими, что, кстати, вызывало серьезное недовольство самих крестьян, подавлявшееся карательными мерами. Невыполнение плана поставок сельскохозяйственной продукции рейху жестоко каралось²³. Внутренний рынок Остланда обеспечивался по остаточному принципу. Оптовая торговля находилась в руках оккупационных властей, розничная была оставлена мелким торговцам. В рейхскомиссариате была введена система распределения продовольствия по карточкам.

Максимальное внимание оккупационных властей, получавших директивы из Берлина, уделялось созданию на базе уже существующих промышленных предприятий (путем их перепрофилирования) ориентированных на обеспечение армии техникой, оружием, боеприпасами, запчастями. Из-за стремительного наступления немецкой армии в Прибалтике с ее территории не были эвакуированы промышленные предприятия, не было вывезены стратегические запасы сырья, почти все население осталось на месте. Поэтому выполнить эти задачи было вполне реалистично, что и происходило до коренного перелома в войне. Глава рейхскомиссариата Х. Лозе издал в этот период серию приказов о сооружении военных объектов: аэродромов, учебных плацев, верфей,

казарм, лазаретов, помещений для военных складов, управлений военного снабжения²⁴. Уже в июле 1941 г. немцам удалось включить промышленные предприятия Остланда в систему обслуживания фронта, произвести частичное перепрофилирование выпускаемой продукции. Крупные промышленные предприятия, частично средние и мелкие, на 70% — 80% работали для фронта²⁵. В 1941-1943 гг. в рейхскомиссариат ввозились и промышленные предприятия из Германии — фронт продвигался на восток, и обеспечивать его нужды удобнее было из близлежащих регионов. Курировали эту сферу военная инспекция Остланда, Управление военной экономики и промышленности главного штаба вермахта²⁶.

Финансовая система была полностью в руках оккупационных властей. Для ее обслуживания были созданы немецкие банки. Советский рубль заменила остмарка, единая денежная единица на всех территориях Остланда. Она была в 10 раз дешевле рейхсмарки. Оптовые цены производителям устанавливались в рейхсмарках по аналогии с ценами в самой Германии, но составляли 60 процентов от них²⁷.

Иллюзии о предоставлении суверенитета или хотя бы существования в статусе протекторатов должны были раствориться довольно быстро, поскольку практически сразу после занятия территории Прибалтики, нацисты запретили использование национальных флагов и гимнов независимых Литвы, Латвии и Эстонии, равно как и само празднование Дня независимости²⁸. Директивой рейхскомиссара Остланда от 5 ноября 1941 г. был отменен не только «назначенный» в 1940 г. советской властью в Латвии День независимости 17 ноября (день включения в состав СССР), но и не возвращен День независимости, отмечавшийся в течении 20 лет до 1940 г. Вместо этого был издан циркуляр рейхскомиссариата «Остланд» о праздновании 22 июля — дня, когда немецкие войска вошли в Ригу²⁹. Немецкой и местной прессе (т.е. издаваемой под контролем оккупационных властей на национальных языках) были даны указания «в своих заметках подчеркнуть», что любой иной день независимости «является чистой утопией»³⁰. Аналогично нацисты поступили в отношении Литвы и Эстонии. Была введена цензура, в частности, в нацистских директивах, касающихся пропаганды на территории Остланд, указывалось, что использование понятий «свобода», «государственная независимость» и «самостоятельность» запрещено даже при агитации вступления в добровольческие легионы СС.³¹ Из всех сфер общественной жизни, включая радиовещание и театр, вытеснялись национальные языки³².

Не менее категоричны были оккупационные власти и в пресечении любых попыток восстановить общественно-политическую жизнь в Прибалтике: помимо радостно воспринятого населением запрета ком-

мунистической партии и реквизиции (в пользу рейха) ее имущества, немцы уже в сентябре 1941 года запретили и «основание всяких других политических партий», ограничив и иные проявления социальной активности: «Общественные собрания могут происходить только с разрешения гебитскомиссаров»³³.

Особое внимание уделялось прогерманской пропаганде среди молодёжи и созданию нацистских молодёжных организаций в Остланде. Для их создания выделялось особое финансирование³⁴. В директивах о работе с молодёжью в оккупированных областях Прибалтики говорится, что для более эффективной работы по привлечению молодёжи на свою сторону немецкая администрация должна иметь полное представление о численности молодёжи в этих областях, о её моральном облике, о её трудовых навыках, должна вникать во все стороны её жизни и «направлять эту жизнь в русло германизации». «Без ведома немецких властей органы самоуправления не имеют права проводить какие-либо связанные с молодёжью мероприятия. Необходимо чётко структурировать работу с молодёжью начиная со школы, о работе с девочками и девушками для воспитания их немецком духе»³⁵.

Говоря об оккупационном режиме в Прибалтике, нельзя не коснуться трагической темы холокоста. В соответствии с нацистской расовой теорией евреи на оккупированной территории, в том числе в Литве, Латвии, Эстонии, оказались вне закона. Осуществление планов по «окончательному решению еврейского вопроса» фашисты начали немедленно. При этом, они активно опирались на местное население, эксплуатируя и дополнительно разжигая антисемитские настроения. В Литве и Латвии первые погромы, грабежи и убийства евреев, а также поджоги синагог произошли ещё до того, как на этих территориях установился оккупационный режим³⁶. 27 июля 1941 г. глава рейхскомиссариата Остланд Х. Лозе издал приказ о строжайшей регистрации всех евреев. Евреи должны были носить на одежде звезду Давида, не имели права менять место жительства, пользоваться общественным транспортом, посещать театры, музеи, школы и пр. Предписывалось создание гетто, которые евреям под страхом смертной казни запрещалось покидать, и использование евреев в качестве рабочей силы на самых тяжелых работах³⁷. Нетрудоспособные подлежали немедленному уничтожению, остальная часть еврейского населения должна была быть умерщвлена путем непосильной работы или ликвидирована по мере того, как необходимость в их использовании отпадет³⁸. Тотальное уничтожение евреев в Прибалтике началось в 1942 г.

И в Литве, и в Латвии, и в Эстонии активными пособниками нацистов в геноциде евреев и цыган, были военизированные «вспомогательные» и «охранные» формирования, состоящие из местного на-

селения³⁹. Они же соучаствовали в истреблении евреев из Германии, Польши, Чехии, Белоруссии, и др., привозимых в гетто и концлагеря на территории Прибалтики, а также «командировались» на осуществление карательных акций и охрану гетто и концлагерей в Польше, России, Белоруссии, на Украине и т. д. Немецкие айнзацгруппы в Прибалтике «проводили свои «акции» при поддержке местной вспомогательной полиции, скомплектованной из латышей, литовцев... и участвовавшей в убийствах в качестве «охранных отрядов»⁴⁰. В небольших населенных пунктах соотношение немецких карателей (в основном офицеров) и местных националистов, участвовавших в убийстве евреев, было 1 к 8 и даже 1 к 45⁴¹. «Немцы всячески старались, чтобы всю «черновую работу» по уничтожению «низших рас» и большевиков делали сами литовцы, эстонцы, латыши без участия немецкой стороны»⁴².

Важнейшей целью оккупантов стала «борьба против партизан». Как правило, она проходила «в форме упредительного уничтожения всех подозрительных без предварительного следствия»⁴³. Борьба с партизанами (включая уничтожение целых деревень, жители которых были заподозрены в сотрудничестве с ними) в Белоруссии и регионах России, прилегающих к прибалтийским, также во многом – дело рук членов коллаборационистских формирований. «Немецкие оккупанты провели... немало массовых репрессивных акций. Они были особенно безжалостны по отношению к участникам советского подполья, однако их жертвами стало и немало невинных людей. О массовых (и даже единичных) казнях с циничной откровенностью объявлялось в официальных изданиях, выпускаемых под контролем оккупационной власти»⁴⁴. Охрана советских военнопленных, сопровождение их на работы, выполнение карательных – вплоть до расстрела – акций в отношении них также было прерогативой вспомогательной полиции, охранных батальонов и подразделений самозащиты. «Сохранившаяся информация явно свидетельствует, что их поведение, несмотря на отдельные исключения, не было более гуманным нежели немецкое»⁴⁵.

На территории Прибалтики, по различным данным, погибло от 400 до 600 тыс. военнопленных. Саласпилс, Клоога, Межапарк (Кайзервльд), Пагегяй и ещё более сотни лагерей для военнопленных стали местами уничтожения советских военнослужащих. (Формально, в нацистской классификации, они не числились лагерями уничтожения – здесь не было газовых камер и крематориев, – однако смертность в большинстве из них в 1941–1943 гг. достигала 70–90%.)⁴⁶.

Главный военный комендант Литвы генерал-майор Э. Юст после войны на «Рижском процессе» над нацистскими руководителями

Остланда, состоявшемся в 1946 г., касаясь вопроса об уничтожении советских военнопленных, сказал: «Применялись методы психического истощения и массового расстрела»⁴⁷. В 1941–1942 гг. вследствие многодневной перевозки в нечеловеческих условиях (в вагонах для скота, зачастую без обуви, зимой в одних гимнастёрках, без еды и воды) по железной дороге или в результате многодневных пеших маршей, прибывавшие в лагеря для военнопленных транспорты наполовину состояли из трупов»⁴⁸. Дневная норма для работающих узников составляла 2 тыс. 200 калорий, а де-факто она была ещё меньше – «дневной рацион для военнопленных в Прибалтике составлял 250 г хлеба и один раз в сутки суп»⁴⁹. Пища для них готовилась из непригодных для еды остатков, причём и её нередко выдавали лишь раз в день. В октябре 1941 г. питание было уменьшено на четверть, и это ускорило запланированную немцами смертность в лагерях⁵⁰. Рабочий день советских военнопленных длился 14–16 часов⁵¹. В Литве в годы оккупации погибло 170–230 тыс.⁵² военнопленных, в Латвии – от 200 до 300 тыс.⁵³, в Эстонии – 60 тыс.⁵⁴.

И, наконец, ещё об одном важнейшем принципе социально-политического «устройства» Остланда: о статусе представителей «расы господ». В оккупированных краях нацисты проводили политику обособления и протектирования немцев. Она была основана на теориях «нордической расы», «народа господ», пропагандировавшей главенство немецкого народа и право управлять «маловажными» восточными народами⁵⁵. Проводниками этой идеологии были нацистские государственные, военные и партийные инстанции. Для немцев были созданы отдельные учреждения просвещения, их могли судить только немецкие суды, для них организовывались специальные культурные мероприятия, создавались кружки пения, спорта и т.д. В Остланде бывших колонистов, немцев рейха и членов СС регистрировали. Для «арийцев» было создано брачное бюро – «Бюро писем для укрепления онемечивания». Жившие в Литве колонисты были обязаны получить разрешение отдела здравоохранения Генерального комиссариата, подтверждающее чистоту крови брачующихся⁵⁶.

Культурную работу среди немцев вёл отдел министерства пропаганды Рейха. В городах Прибалтики создавались немецкие организации экономической и социальной поддержки, школы, аптеки, больницы, универсальные и специализированные магазины, отделения банков и сберегательных касс Германии, кинотеатры, гостиницы, столовые, книжные магазины и другие учреждения. В Остланде выпускалась газета «Дойче цайтунг ин Остланд» («Немецкая газета в Остланде»), а также региональные издания на немецком языке. В некоторых провинциальных городах создавались общежития и интернаты для немец-

ких учащихся⁵⁷. В некоторые немецкие учреждения местным жителям входить было запрещено: на дверях висела надпись «Вход только для немцев». Вопросы деления людей «по сортам» были продуманы до мелочей: в частности, появились указания об обособлении немцев от гражданского населения в поездах, в кафе, в магазинах⁵⁸.

Таковы в целом были общие принципы оккупационной политики нацистов, реализуемой на территории Остланда. Специфику её реализации применительно к каждой из прибалтийских советских республик (понятие «советская республика» употребляется в соответствии с политико-правовым статусом, который имели Литва, Латвия и Эстония к началу Великой Отечественной войны) имеет смысл рассмотреть особо.

Литва

23 июня 1941 г., когда части Красной армии и представители советской власти спешно отступали из Литвы, в республике вспыхнуло антисоветское восстание. Вооружённые отряды громили учреждения советской власти, расправляясь с её представителями и их семьями, выискивали коммунистов и учиняли расправы над ними, устраивали еврейские погромы, занимали радиостанции (первой была захвачена радиостанция Каунаса), наконец, пытались разоружить отступающие части Красной армии. Акцией руководил и давал команду к её началу созданный 17 ноября 1940 г. в Берлине Фронт литовских активистов (ФЛА), численность которого к июню 1941 г. превышала 25 тыс. человек⁵⁹. Следует отметить, что начавшаяся 22 июня 1941 г. война между гитлеровской Германией и Советским Союзом была воспринята значительной частью населения прибалтийских республик позитивно. Советская аннексия Прибалтики в 1940 г. на основании секретных протоколов пакта Молотова – Риббентропа, насильственное включение этих территорий в состав СССР и последовавшие за этим массовые репрессии – всего в Литве, Латвии и Эстонии к 17 июня 1941 г. было арестовано 14 тыс. 467 человек; выселено 25 тыс. 711 человек; в общей сложности репрессировано 40 тыс. 178 человек⁶⁰, – отмена частной собственности и прочие «прелести» сталинской советизации закономерно вызвали резкое неприятие большей части населения.

Формально ФЛА руководил бывший посол Литвы в Берлине полковник К. Шкирпа, активный сторонник сближения Литвы и Германии ещё с середины 1930-х гг. В 1938 г. Шкирпа создал и возглавил профашистскую организацию «Зигис» в Клайпеде, имевшую финансовую поддержку из Берлина⁶¹. В 1940 г. Шкирпа не выполнил указание советского МИДа, адресованное к дипмиссиями включённых в состав СССР республик, ликвидировать их зарубежные представительства, и

не вернулся в Литву после её советизации. Уже летом 1940 г. Шкирпа в результате нескольких встреч с представителями германского МИДа начал формирование Фронта литовских активистов. В октябре 1940 г. эту организацию взял «под опеку» абвер. 25 января 1941 г. Шкирпа представил полковнику абвера И. Греббе план «освобождения Литвы». Вот его основные тезисы: «Немецкая армия представляется как освободитель Литвы и других угнетённых народов СССР..., предлагается: во-первых, организовать общее восстание в Литве после вступления немецких войск; во-вторых, препятствовать снабжению и помощи Красной армии путём саботажа; в-третьих, встречать немецкие войска как освободителей, оказывая им всяческую поддержку и помощь»⁶². Ныне в Каунасе есть улица, носящая имя Шкирпы. «Таким образом, Каунас является единственным в своём роде городом, где увековечено имя агента немецкой контрразведки абвер»⁶³.

В воззвании Литовского информационного бюро – пропагандистского центра Фронта литовских активистов в Берлине – от 19 марта 1941 г. содержался призыв, когда начнутся военные действия, поднимать «местные восстания», взять власть в свои руки, «незамедлительно арестовать местных коммунистов и иных предателей Литвы, чтобы ни один не избежал возмездия за свои действия»⁶⁴.

Де-факто Шкирпа был марионеткой в немецких руках – с началом управлявшегося из Берлина восстания его даже не выпустили из Германии. Нацисты не были заинтересованы в том, чтобы восстание обрело национального лидера, находящегося на территории Литвы. Надо заметить, что и после этого симптоматичного шага сколько-нибудь ощутимого охлаждения в отношениях между литовским руководством ФЛА и оккупантами не произошло – ФЛА продолжал играть по берлинским правилам.

После объявления восстания 23 июня вооружённые отряды ФЛА в Каунасе захватили склады с оружием. В руки восставших попало 25 тыс. единиц стрелкового оружия. Они захватывали склады с горючим, техникой и боеприпасами советских воинских частей, пользуясь зачастую хаотичным отступлением советских войск, пытались захватить мосты, хотя в ряде случаев их успели опередить красноармейцы, взорвавшие переправы.

В Вильносе восстание началось вечером 23 июня. Литовские солдаты, полицейские, студенты и служащие захватили важнейшие административные объекты города, на башне Гедиминаса вывесили литовский национальный жёлто-зелёно-красный флаг. Всего за дни восстания в Литве погибло около 2 тыс. его участников – больше, чем во времена борьбы за независимость в 1918–1920 гг.⁶⁵. Вермахт за время наступательной операции в Литве потерял погибшими почти 3 тыс. человек⁶⁶.

23 июня 1941 г. Фронтом литовских активистов было создано Временное правительство Литвы (ВПЛ) – до установления отношений между «независимой Литвой» и Германией. За месяц с небольшим своего существования ВПЛ издало около ста законов и распоряжений, большинство из которых признавало не имеющими юридической силы законодательные акты советского времени и восстанавливало досоветскую государственно-правовую систему. Часть документов, выпущенных ВПЛ, касалась вопросов государственных институтов в военное время. Вопрос о легитимности ВПЛ по сути является риторическим: назвав себя верховной властью в республике в условиях хаоса первых дней войны, ВПЛ не было даже самопровозглашённым – оно действовало «под прикрытием» наступающего агрессора, которого считало союзником. Кстати, находившийся в эмиграции в Лондоне президент независимой Литвы А. Сметона прагматично заявил, что «восстание, видимо, было инспирировано в Германии» и что «объявление независимости Литвы преждевременно»⁶⁷.

12 сентября 2000 г. сейм Литвы принял закон о признании правовым актом заявления Временного правительства Литвы «Декларация о восстановлении независимости», опубликованного 23 июня 1941 г. В ней сказано: «Образовавшееся Временное правительство возрождающей Литвы этим объявляет о восстановлении свободного и независимого Литовского государства. Перед лицом всего мира молодое Литовское государство с энтузиазмом обещает присоединиться к новым основам организации Европы. Литовский народ, измученный жестоким большевистским террором, решил строить своё будущее на основах национального единства и социальной справедливости»⁶⁸. Сейм отметил, что основной целью вооружённого восстания жителей Литвы 23 июня 1941 г. была борьба и против советской, и против предстоящей нацистской оккупации, чего, как свидетельствуют документы, не подразумевали даже сами члены ВПЛ, в июне 1941 г. заявившие: «Миссия Гитлера мирового масштаба и её значение вполне понятно, (она – Ю.К.) может оцениваться положительно и искренне поддерживаться»⁶⁹.

25 июня ВПЛ издало обращение «Слово независимого Временного правительства к народу Литвы». В нём была осуждена большевистская оккупация и коммунистическая система, выражена благодарность Германии – «Временное Литовское правительство благодарно спасителю европейской культуры рейхсканцлеру Великой Германии Адольфу Гитлеру и его отважной армии, освободившей Литовскую территорию»⁷⁰. По уже послевоенному признанию К. Шкирпы (умершего в 1979 г. в США), ВПЛ решило множество организационных задач, без чего продвижение германских вооружённых сил через Литву было бы более за-

труднительным⁷¹. ВПЛ делало различные реверансы в сторону Берлина, стараясь получить признание рейхом государственного суверенитета Литвы. В частности, начало сотрудничество с немецкой временной военной администрацией. 27 июня 1941 г. был назначен связной офицер между ВПЛ и руководством вермахта в Каунасе и ответственный за связь с другими немецкими учреждениями. Однако оккупационные власти требовали в официальной переписке и объявлениях не употреблять слова «Литовская республика», «независимость», «министры временного правительства». Радиостанции уже 26–27 июня были включены в радиосеть Третьего рейха, и, соответственно, все передачи контролировались немецкой цензурой – таким образом, ВПЛ было лишено существенной сферы влияния на население.

По вопросу о признании независимости Берлин отмалчивался – оккупация республики ещё не была закончена, и прямой отрицательный ответ в отношении претензий на независимость мог осложнить относительно лёгкое продвижение вермахта по её территории. А 25 июля 1941 г. Верховное командование сухопутных сил (ОКХ) передало Литву ведомству А. Розенберга.

В воззвании оккупационных властей немецкие войска были представлены как «друзья и спасители от большевистского ига», которые «несут свободу» и возвращают «человеческие условия жизни». Цена этим словам стала ясна уже в первые дни после оккупации, когда немцы приступили к введению норм «нового порядка», немедленно ликвидировав любые ростки государственной самостоятельности литовцев, начав репрессии среди интеллигенции и «неблагонадёжных» в расовом и политическом отношении. Вывешенные 23 июня национальные литовские флаги были по прошествии нескольких дней сняты и запрещены к использованию под угрозой штрафов или тюремного заключения. Немцы, используя ВПЛ для «смягчения» реакции населения на приход вермахта и для удобства проведения первых административных оккупационных мероприятий, 5 августа 1941 г. его распустили.

Фронт литовских активистов, однако, продолжал существовать и после роспуска ВПЛ. 15 сентября ФЛА обратился к А. Гитлеру и главнокомандующему германскими войсками В. фон Браухичу с меморандумом, в котором указывал на свои заслуги в борьбе с советской властью: «Фронт литовских активистов создан во время большевистской оккупации как военная организация, задачей которой было восстановление независимости Литвы с помощью вооружённого восстания. ФЛА для этой цели завязал контакт с немецким военным командованием. Основой сотрудничества между ФЛА и немецким военным командованием являлось то, что последнее признало главную цель ФЛА – борьбу за независимость Литвы. В присяге литовских

добровольцев, которую они давали немецкому военному командованию, говорится: «Принимая добровольно на себя задание по освобождению моей родины Литвы, добровольно обязуюсь перед Богом и моей совестью выполнять это задание сознательно, не жалея своего здоровья и жизни».

После начала войны ФЛА совместно с остатками частей литовской армии начали восстание и выполнили целый ряд заданий, согласованных с немецким военным командованием. В восстании участвовало около 100 тысяч партизан. Число молодёжи Литвы, погибшей в борьбе с большевиками, превосходит 4 тыс. человек. ФЛА и вся молодёжь Литвы считали, что в борьбе с большевизмом цели литовского и немецкого народов совпадали. ФЛА и молодёжь Литвы считали, что Германия не будет искать никакой территориальной экспансии за счёт Литвы. Вся благоприятно настроенная в отношении Германии молодёжь Литвы, уважая и высоко оценивая национальный принцип, доминирующий в немецкой политике, считала и считает, что в основе национальной идеи лежит и уважение другой национальности»⁷² – этот тезис в сентябре 1941 г. мог вызвать в Берлине только снисходительную улыбку.

«После вступления немецкой армии в Литву здесь повсюду встречала благожелательные ей литовские органы власти, а не учреждения большевиков. Части литовской армии, литовские партизаны везде, как смогли, помогали наступающей через Литву немецкой армии. Литовцы воевали вместе с Германией, а не против Германии. Но, несмотря на это, органы немецких властей рассматривают Литву как оккупированную территорию противника»⁷³, – писали руководители ликвидированного ФЛА в Берлин, и эта их оценка положения дел была вполне реалистичной.

По сути, в меморандуме ФЛА содержался анализ ситуации в оккупированной Литве, причём анализ, подтверждающий крах иллюзий в отношении нацистов как «освободителей». «Отмена частной собственности и отмена частной инициативы в области хозяйства в глазах литовцев являлись ненавистными чертами советского строя. Понятно, что как литовские крестьяне, так и горожане нетерпеливо ждали конца большевистской власти в Литве, чтобы как можно скорее опять начать хозяйственную, творческую и культурную работу. Условием для такой творческой работы в глазах каждого литовца является частная собственность и свобода частной инициативы...

Однако немецкие гражданские власти в Литве, остановившие работу литовского правительства, начали уничтожать всё то, что было сделано для возвращения национализированного имущества законным собственникам. Имущественные отношения приводят-

ся в такое положение, в каком они были, когда в Литве правили большевики. Мало того, указ генерального комиссара в Каунасе от 20 августа настоящего года об уборке урожая и севе делает имущественные отношения ещё более неустойчивыми, чем они были в большевистские времена. Хотя большевистскими актами во время национализации земля и была признана собственностью государства, но каждый, кому она была оставлена, владел ею лично. Если это и не была собственность, то всё равно каждый знал, что владеет землёй по праву вечного пользования. Указом генерального комиссара то вечное пользование, которое признавалось законами большевиков, делается иллюзорным... Кроме того, целый ряд людей, у которых и большевики не считали нужным отнять землю, по этому указу лишаются её, так как они не утверждаются законными хозяевами своей земли... Тысячи хороших хозяев, которые продержались в сельском хозяйстве в большевистские времена, хотят вытолкнуть из сельского хозяйства по совсем непонятным причинам. Имущественные отношения, которые были расстроены большевистской властью, ещё больше разрушаются»⁷⁴.

В заключение авторы меморандума не скрывали горького сарказма: «Понятно, что большевистские инстанции хотели навязать литовцам советскую власть, но литовцам совершенно непонятно, почему немецкая гражданская власть в Литве хочет руководить их жизнью большевистскими принципами»⁷⁵. Как показали последующие события в Литве, «методы большевиков» были куда более мягкими по сравнению с методами национал-социалистов.

Сопоставление большевистского и фашистского режимов привело литовских аналитиков к закономерным выводам: «Если власть большевиков была так ненавистна в Литве, так это, между прочим, потому, что она пробовала силой выселять нежелательных себе литовцев в дальние области России. То насильственное переселение литовцев в дальние земли России оставило на все времена незабываемое впечатление. Один из приказов рейхскомиссара по делам Остланда напомнил литовцам недавние трагичные переживания, связанные с насильственным выселением многих тысяч литовцев из Литвы. Мы имеем в виду распоряжение рейхскомиссара по делам Остланда от 15 августа с.г. по использованию рабочей силы... Судя по этому распоряжению, литовцев хотят посылать для работы в другие страны, находящиеся в ведении рейхскомиссара по делам Остланда»⁷⁶. Эта «интерпретация» была правильной – уже с конца 1941 г. нацисты начали проводить подготовительную работу для отправки литовцев на работы в различные территории Остланда и в рейх. Впервые это было осуществлено в начале 1942 г. и продолжалось весь период оккупации.

Вся промышленность Литвы была обязана продавать свои товары в соответствии с директивами рейхскомиссариата. «В результате такой политики может быть только всестороннее разрушение литовской промышленности или возникновение огромной её задолженности. Всё это настолько противоречит интересам литовского народа и хозяйству Литвы, так не оправданно по некоторым рациональным соображениям, что литовский народ следит за распоряжением немецкого гражданского правительства в области экономики с большой озабоченностью... Двигаясь дальше по этой дороге, литовское хозяйство будет абсолютно разрушено, и тем самым нанесён ущерб не только Литве, но и Германии»⁷⁷.

В Литве после изначально дружелюбно встреченной немецкой оккупации ожидали возвращения на родину литовцев, бежавших в Германию в 1940 г. Однако этого не произошло – рейх не намеревался подпитывать национальный дух какой-либо из частей Остланда, разрешив репатриацию тех, кто выступал против лишения Прибалтийских государств независимости. «Большинство литовцев воспользовалось гостеприимством Германии. Литовский народ с благодарностью будет всегда вспоминать эту помощь. Но надо заметить, что положение литовцев, бежавших в Германию, делается всё труднее, – писал ФЛА Гитлеру. – Многие из них имеют в Литве имущество, легко могли бы получить здесь работу и опять стать полезными гражданами Литвы, но по неизвестным соображениям их возвращение всячески затрудняется. Положение становится всё страннее, в среде беженцев есть очень много людей, известных всей Литве, которым оказанная Германией помощь по неизвестным причинам была заменена принудительным задержанием в рамках Германии, хотя эти люди очень необходимы Литве»⁷⁸. Оккупантам вовсе не нужны были влиятельные, имеющие общественный вес возвращенцы, как не собирались они возвращать и оставшееся в Литве их имущество, которое должно было быть «освоено» арийцами, направляемыми сюда с колонизаторскими целями.

Следует упомянуть, что умонастроения литовских поляков перманентно были поводом для раздражения представителей оккупационных властей. В этом отношении особенно неудобным для немцев был Вильнюсский край, где поляков было большинство. Вот один из характерных отчётов, касающихся настроения населения этого региона, составленных руководством городской полиции: «Разные пришельцы из бывшей Польши и бывшие служащие Польши не перестают распространять разные злые придуманные ими слухи: 1) что увозимые в Германию рабочие будут поселены в тех областях, которые англичане постоянно бомбят и поэтому они должны будут там погибнуть; 2) что немецкие военные ловят женщин и используют их и, кроме того, у схваченных

женщин насильно берут кровь и переливают её раненым и ослабевшим немецким воинам; 3) что немцы посылают на Восточный фронт уже последние свои силы и если только зима продержится ещё дольше, то немцев настигнет конец Наполеона, потому что на Восточном фронте тысячи воинов погибают не от пуль, а от свирепых зимних холодов и 4) что по Вильнюсскому краю разъезжают лица польской национальности, которые тайно скупают оружие, организывают в Вильнюсском крае партизанские отряды и призывают всех поляков быть готовыми»⁷⁹. Историки и правоведы констатируют: «Политика нацистских оккупантов (и литовской администрации самоуправления) по отношению к полякам была несравненно более жёсткая, нежели по отношению к литовским жителям. За всё время нацистской оккупации Литвы подверглись репрессиям и были уничтожены польское духовенство, офицерство и др. Во время разных массовых экзекуций против поляков могли быть убиты более 1000, из Вильнюсского края на работы в Германию вывезены около 7000 поляков»⁸⁰.

«Один из вопросов, очень взволновавший литовский народ, это вопрос высшего образования в Литве. В высших школах Литвы учиться около 5000 молодых людей. Литва никогда так не нуждалась в новых дополнительных кадрах врачей, учителей, правоведов и т. д., как после трудных большевистских оккупационных лет. Но в то же время, когда вся Литва ждёт интенсивной работы высших школ, немецкая гражданская власть в Литве не только не разрешает приём новых студентов в высшие школы, но и останавливает деятельность высших семестров (курсов), исключая последние. В Литве никто не понимает этих действий немецкой гражданской власти иначе, как действие по остановке культуры и экономического развития литовского народа. Литовцам трудно подумать, что органы немецкой администрации в Литве добиваются подавления литовского народа, но должны констатировать факт, что культурная и народная жизнь литовцев теперь всячески подавляется:

а) литовцам в Литве в настоящее время нельзя иметь ни одной газеты на литовском языке, потому что приказано в литовских еженедельниках помещать статьи на немецком языке;

б) с начала войны немецкая цензура не разрешила выпуск ни одной литовской книги в Литве (даже научный словарь литовского языка, отпечатанный перед войной, не мог показаться на книжном рынке);

в) в радиофонах Литвы всё более вытесняется литовский язык или его разрешается употреблять только рядом с немецким языком;

г) в радиофонах Литвы не разрешается исполнять национальный гимн Литвы;

д) в одном из самых почитаемых мест Литвы, в Каунасском Военном музее, колокола звонили перед Большой Войной властью русского

царя запрещённую песню «Литовцами мы родились, литовцами хотим и быть». Музыка для этой песни написал известный литовский композитор Стасис Шимкус, а слова песни написаны в конце XIX в. большим другом литовцев немецким учёным Зауэрвейном. Администрацию Военного музея попросили эту песню больше не исполнять;

е) в самом святом месте для всех литовцев, на горе Гедемина в Вильнюсе, снят литовский национальный флаг;

ж) не разрешается праздновать литовские народные праздники»⁸¹, – писали «Великому Вождю Адольфу Гитлеру» собравшиеся в Каунасе лидеры литовской общественности, надеясь на изменение ситуации к лучшему. Но, разумеется, в отлаженном военно-политическом механизме Третьего рейха не было случайностей и «самодеятельности»: работа в генеральном округе Литва рейхскомиссариата Остланд шла по плану. И план этот выполнялся, что, увы, иногда, по прошествии десятилетий, пытаются забыть: например, в насыщенном разнообразными экспонатами, представляющими разные эпохи, историческом музее Каунаса сегодня время фашистской оккупации представлено лишь немецким патронташем.⁸²

Чиновники Министерства восточных территорий, возглавляемого Розенбергом, создали план «Регулирования молодёжи в Литве в 1942/1943 г.». В нём было предусмотрено лишь 12–15 % (то есть около 5 тыс.) 14–15 летним школьникам разрешить учиться в высших школах, а остальных 29 тыс. отправить работать в сельском хозяйстве и промышленности. Высшие школы нацисты притесняли ещё в большей степени, нежели начальные и средние. В начале оккупации была проведена массовая чистка преподавателей и подсобного персонала. До 10 сентября 1941 г. из Вильнюсского университета были уволены 98 научных сотрудников и служащих. Были заменены и руководители высших школ⁸³. По распоряжению Розенберга от 19 ноября 1941 г. высшие школы Остланда должны были быть закрыты, за исключением факультетов медицины, ветеринарии, сельского хозяйства, лесного и технического. В программу высших школ было включено максимальное количество (до 14 часов в неделю) немецкого языка и курсов «национал-социалистических теорий». Студентам преподавались Нюрнбергские антисемитские законы, пропагандировались культ фюрера и принципы вождизма в издаваемых законах, в работе различных государственных органов. Расовая теория была включена в программы университетов как один из основных предметов.

Категорически противодействуя воссозданию национальных армий оккупированных республик, нацисты тем не менее нуждались в военизированных коллаборационистских формированиях. При вступлении немецких войск в Литву 3 или 4 вооружённых литовских

батальона – дезертировавшие красноармейцы и милиционеры – предложили немецкому командованию свои услуги и были включены в состав действующей армии⁸⁴. Кроме этого, был объявлен набор литовских добровольцев, которых направляли на тыловую службу или в части обеспечения. В результате проведённой вербовки их число достигло 20 тыс. человек⁸⁵.

Что касается формирования литовских добровольческих охранных батальонов, то их было создано 10, общей численностью в 5 тыс. – 6 тыс. человек. Формирование происходило в 1941–1942 гг. Два были переданы командующему оккупационными войсками Остланда для охраны железной дороги и объектов. Ещё два согласно приказу Гимmlера были предоставлены в распоряжение командующего тыловым районом группы армий «Север».

Уже в начале оккупации была введена военная цензура печати, и в руки немцев перешли типографии, книжные магазины, другие предприятия и учреждения печати и распространения. По распоряжению комиссара рейха в Восточном крае Х. Лозе от 22 декабря 1941 г. все желающие работать в печати были обязаны получить письменное разрешение комиссара рейха или генерального комиссара.

Латвия

22 июня 1941 г. немецкая военная авиация в 4 часа утра совершила налёты на Вентспилс и Лиенау. Бомбардировке подверглись аэродромы советских воздушных сил, штабы, места дислокации войсковых соединений. В Латвию вторглась группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала В. фон Лееба, предпринявшая удар в четырёх направлениях: на Лиенау, Даугавпилс, Крустпилс и Ригу. Внезапное нападение немецких войск застало врасплох части Красной армии, и они стремительно и хаотично стали отступать, не оказывая существенного сопротивления. Самые серьёзные бои велись в Лиенау, где 23 июня в окружение попали подразделения 67-й стрелковой дивизии генерал-майора Н.А. Дедаева и части военно-морского флота. В оборонительных боях за Лиенау на стороне советских войск сражались и группы латвийского комсомольского актива⁸⁶.

Немецкие войска быстро продвигались вперёд. 26 июня был занят Даугавпилс, а на десятый день войны (1 июля) немцы без серьёзных боёв заняли Ригу. Город фактически защищали только части не закончившей формирования 22-й дивизии внутренних войск НКВД СССР (5-й полк внутренних войск, 83-й полк войск по охране железных дорог, 155-й отдельный батальон конвойных войск) и отряды рабочей гвардии.

Советское правительство Латвии покинуло Ригу 27 июня и перенеслось в Валку, но и тут задержалось ненадолго, поскольку немецкие войска быстро продвинулись на восток. В ночь с 4 на 5 июля правительство покинуло Валку и перебазировалось в Новгород. 8 июля 1941 г. немецкая армия оккупировала всю территорию Латвии. Во многих местах немцев встречали как освободителей от советской тирании.

В конце июня – начале июля 1941 г., когда советские войска отступали и в Латвию входили немецкие войска, довольно долго (несколько дней или даже недель) существовал так называемый вакуум власти, и за это время латышские националисты расправились с активистами советского режима и евреями. «Новейшие исследования опровергают эти утверждения», – считают некоторые латвийские историки. Эта точка зрения, в свою очередь, опровергается новейшими исследованиями немецких историков. Например, в них констатируется, что после того как столицу Латвии покинули последние части Красной армии, «латышские националисты сразу же начали охоту на евреев города. Около 2 тыс. 700 евреев после издевательств было расстреляно в лесу Бикерниеки, 300 евреев согнано в самую крупную синагогу города, большую хоральную синагогу, и вместе с ней сожжено»⁸⁷.

Ещё до вторжения немцев в Латвию во многих местах стали возникать вооружённые группы, называвшие себя национальными партизанами. Особенно активно они стали действовать с началом войны. В движение влилось и гражданское население, военнотружущие бывшей Латвийской армии, дезертировавшие из сформированного после включения Латвии в состав СССР Латышского 24-го территориального корпуса. Уже 22 июня антисоветские группы латышей в Приекуле попытались занять здание почты и телеграфа. Нападения на отступающие советские войска зафиксированы как в Риге и других крупных городах, так и на периферии. Летом 1941 г. в республике действовало 129 антисоветских партизанских групп. После оккупации Латвии немцами группы лесных братьев были расформированы. Некоторые участники были направлены в немецкую военную комендатуру, в распоряжение сил полиции, а также в формирующиеся латышские структуры самообороны.

С первых же дней немецкой оккупации при поддержке нового режима в Латвии начали создаваться комендатуры самообороны. Фактически они формировались на основе распоряжений немецких военных властей. Начальник латышских сил самообороны полковник А. Пленснерс 8 июля 1941 г. в своём призыве к латышским солдатам, участникам отрядов самообороны и полицейским сформулировал задачу: укрепление порядка на местах в тесном сотрудничестве с немецкими военными частями и учреждениями. Участникам отрядов самообороны разреша-

лось иметь при себе только винтовки и пистолеты. Причём лишь 2% населения волостей и городов имели право вооружаться и участвовать в силах самообороны (в Литве в тот же период, как уже упоминалось, ситуация была аналогичной). Немецкие власти подчёркивали, что силы самообороны не имеют никакого отношения к государственности Латвии или восстановлению армии, что они формируются как вспомогательная полиция для поддержки немецких войск⁸⁸. Силы самообороны подчинялись командирам дислоцированных в данной местности частей немецкой армии и насчитывали примерно 7 тыс. человек.

В первые недели немецкой оккупации было создано около 700 комендатур самообороны. Создавались они по территориальному принципу. Существовали уездные, городские и волостные комендатуры. Знаком отличия участника отрядов самообороны была красно-бело-красная нарукавная повязка (цвета Латвийского флага). Комендатуры были ликвидированы в августе 1941 г., когда завершилась первая фаза укрепления немецкого оккупационного режима и они выполнили свою задачу. Впоследствии из сил самообороны была сформирована латышская вспомогательная полиция.

В первые же дни немецкой оккупации некоторые бывшие государственные деятели Латвии, лидеры политических партий и офицеры делали попытки сформировать новое Латвийское правительство и национальные вооружённые силы. Против этого категорически возражал начальник немецкой полиции безопасности и сил безопасности в Остланде бригадефюрер Ф.-В. Шталеккер. Он считал, что и национальных партизан, и силы самообороны следует использовать прежде всего для уничтожения евреев и укрепления немецкого оккупационного режима, и был категорически против любых проявлений национальной активности. По приказу Шталеккера были расформированы латышские отряды самообороны, их обязали сдать оружие, запретили носить военную униформу.

В период смены власти репрессии против жителей Латвии продолжали осуществлять и представители советского режима. Шли расстрелы ранее арестованных «врагов народа», аресты, продолжалась конфискация имущества, грабежи, реквизиции, случаи самоуправства со стороны сотрудников учреждений внутренних дел и рабочей гвардии. Так, в Латгалии с 23 по 25 июня документально зафиксировано 104 ареста гражданских лиц⁸⁹.

После «страшного года» сталинского режима многие латыши надеялись, что с приходом немцев будет восстановлено Латвийское государство. По инициативе некоторых бывших министров Латвийской республики, офицеров и политиков, собравшихся в начале июля 1941 г. в Риге, был создан центр латышских организаций, который решил предпринять

активные шаги в этом направлении. Б. Эйнбергс, бывший министр путей сообщения, взял на себя руководство центром, который, как он считал, станет основой нового будущего национального правительства. Центр пытался наладить контакты с немецкими учреждениями, перенять на местах власть, издавать газету «Тевия» («Отчизна»). Однако все усилия оказались напрасными. Лишь газета «Тевия» продолжала выходить до последних дней фашистской оккупации Латвии, став официальным органом печати, контролируемым оккупационными властями.

Решать дальнейшую судьбу Латвии после ухода коммунистов пытались и те латыши, которые в 1939–1940 гг. эмигрировали в Германию и летом 1941 г. вернулись в Латвию. Наиболее заметными из них были связанные с абвером полковник-лейтенант В. Деглавс, полковник А. Пленсерс и др. Активность латышских национальных сил не вписывалась в планы нацистского режима. Немецкие власти, использовав созданные ими антисоветские повстанческие группы при вступлении в Латвию, установив оккупационный режим, заявили, что никакого национального правительства Латвии не будет. Надежды латышей самим управлять своим государством окончательно рухнули.

Комендант Риги полковник вермахта Л. Петерсен 9 июля 1941 г. издал распоряжение, в котором говорилось: «В последнее время отдельные лица самовольно занимают различные должности, самовольно восстанавливают центральные учреждения, существовавшие до большевиков. Подобные действия недопустимы и наказуемы»⁹⁰. В соответствии с истинными целями нацистов в Латвии был установлен оккупационный режим. Хотя и было издано распоряжение о создании гражданского управления, в июле – августе 1941 г. в Латвии сохранялось также и военное управление. Немецкие войска на первом этапе оккупации подчинялись генералу пехоты Ф. фон Рокесу, а с 25 августа верховным командующим вооруженных сил Остланда был назначен генерал-лейтенант кавалерии В. Брёмер. Он напрямую подчинялся высшему командованию вермахта в Берлине. В распоряжении Брёмера была широко разветвлённая управленческая и разведывательная служба, сеть комендатур, а также военные части, дислоцированные в Остланде. В задачу Брёмера входило обеспечение стабильного функционирования оккупационного режима.

Самоуправление латышских земель стало называться генерал-дирекцией. В конце 1941 г. генерал-дирекция приступила к исполнению своих функций. Создание системы самоуправления не было достижением местных латышских политиков, скорее это было необходимостью, вызванной режимом оккупации. Понимая, что поддержка оккупационного режима со стороны латышей в определённой степени зиждется на надеждах возрождения государственности, перво-

начально германские власти не блокировали публично обсуждение этой темы. Перманентные обсуждения идеи автономии должны были способствовать ещё более интенсивному вовлечению народов Балтии в осуществление нацистских целей.

Большое влияние в оккупированных областях имели и силы полиции, подчинявшиеся напрямую рейхсфюреру СС Гиммлеру. Возглавил СС и полицию в Латвийском генеральном округе оберфюрер СС В. Шредер (он же возглавлял и немецкую полицию порядка). 20 июля 1941 г. В. Шталекер издал приказ о создании вспомогательной полиции в Риге и её окрестностях. Самый крупный отряд полиции – 1 тыс. 500 человек – был расквартирован в Риге. Он был разделён на 13 участков. Начальником полиции порядка был назначен лейтенант-полковник В. Вейсс, его заместителем – Р. Осис.

На первом этапе силы Латышской полиции формировались по принципу добровольности. Структура её была чрезвычайно разветвлённой – она охватывала Ригу, крупные и небольшие города, сельскую местность, существовали и батальоны службы порядка, которые сражались на Восточном фронте против партизан. По приказу Г. Гиммлера от 6 ноября 1941 г. вспомогательная полиция в оккупированных восточных районах была переименована в Охранную службу полиции порядка. В неё входили отдельные и закрытые отряды. Отдельные отряды исполняли обычные полицейские функции, часть использовалась для охраны важных объектов в Латвии и за её пределами, а также на фронтах. То есть латышская полиция выполняла как бы две функции: полицейскую и военную. Полиция порядка вела слежку за людьми, укрепляя оккупационный режим на местах. Латышская полиция полностью подчинялась немецкому командованию. Затем, основываясь на принципе абсолютной добровольности, приступили к формированию 1-го Рижского отдельного батальона службы порядка. К концу сентября было сформировано ещё два батальона, а к концу года их насчитывалось уже пять. Во второй половине октября 1-й Рижский отдельный батальон был отправлен на Восточный фронт. После неудачи под Москвой в конце 1941 г. немецкий режим всё больше нуждался в дополнительных силах для укрепления Восточного фронта. И в Латвии приступили к формированию новых батальонов полиции. В ноябре – декабре 1941 г. было сформировано пять добровольческих батальонов для использования на Востоке.

Оккупационные власти создали в Латвии чрезвычайно разветвлённую структуру управления: чиновники гражданских управлений, полиция, гестапо, жандармерия, учреждения вермахта. Количество немецких чиновников было огромным, и этому было несколько причин. В связи с предстоящей колонизацией Прибалтийских республик разворачивали свою деятельность многие немецкие учреждения.

В. Шталеккер руководил деятельностью немецких айнзатцгрупп А, привлекая и латышей к участию в акциях по уничтожению евреев и коммунистов. Шталеккер создал многочисленные вспомогательные отряды полиции безопасности и СД по примеру латышской вспомогательной полиции порядка. Так называемые зондеркоманды находились именно в его непосредственном подчинении. В распоряжении СД имелась широкая сеть агентов, которые вели слежку за населением.

Уже 15 октября 1941 г. в тюрьмах Латвии содержалось 7 тыс. 46 заключённых, из них только 308 уголовных преступников. В 1942 г. в различных местах заключения находилось уже 20 тыс. 872 заключённых. 15 созданных в Латвии тюрем были переполнены. Так, в Центральной тюрьме число заключённых вдвое превышало расчётное. В конце 1941 г. оккупанты приступили к созданию концентрационных лагерей.

Основой созданной нацистами в Латвии репрессивной системы была немецкая полиция безопасности и СД. Её центральный аппарат находился в Берлине, она входила в состав Главного управления безопасности рейха (РСХА). В Латвии СД являлась передовым отрядом сил оккупационного режима, обладавшим широчайшими полномочиями. И хотя между вермахтом и гражданским управлением, с одной стороны, и СД существовали противоречия, последняя была всеильной и всегда навязывала свои условия. Шталеккер считал полицию безопасности единственным стабильным немецким учреждением. В СД существовали те же звания, что и в СС. СД обеспечивала также безопасность в тылу. В распоряжении СД, когда она появилась в Латвии, уже имелась информация об учреждениях чека, местонахождении структурных отделений милиции, имелись списки представителей властных структур коммунистического режима.

22 июня 1941 г. вместе с силами вермахта в Латвию прибыли три команды айнзатцгруппы А количеством 900 человек. Одна из них (50–60 человек) была направлена в Лиепаю, вторая в Даугавпилс и Резекне, главные же силы были сосредоточены в Риге. В айнзатцгруппу входили представители войск СС, немецкой полиции порядка, технический персонал (шофёры, телеграфисты, шифровальщики и т. п.). После оккупации Латвии некоторые отряды были переведены в Эстонию и Северную Россию. 3 декабря 1941 г. руководство силами СД в Латвии принял штурмбаннфюрер Р. Ланге.

В полиции безопасности и СД было пять управлений: личного состава, административное, разведывательное, государственной тайной полиции и криминальной полиции. Четвёртое управление (государственная тайная полиция) обслуживалось всеми прочими. Оно, в свою очередь, состояло из нескольких отделов: IVa – занимался коммунистами, IVb – еврейским вопросом, IVc – шпионами и агентами. Этому

управлению подчинялись и команда В. Арайса, и латышская политическая полиция под командованием Х. Тейдеманиса. Именно Четвёртое управление несло ответственность за все масштабные репрессии против мирного населения, за уничтожение евреев. В его подчинении находились все концентрационные лагеря и гетто. Возглавлял его Р. Ланге. Для скорейшего достижения целей оккупационного режима по инициативе Шталекера при СД было начато формирование латышских соединений СД, которые стали составной частью репрессивной системы нацистов. Самые рьяные их сподвижники вступили в команду В. Арайса в Риге, во вспомогательный отряд М. Вагуланса в Елгаве, в группу Х. Тейдеманиса в Валмиере. М. Вагуланс приказом Шталекера был назначен командиром первого организованного в Латвии отряда СД в Елгаве. Примерно за полтора месяца он создал разветвлённую сеть групп СД. 16 августа 1941 г. отряд Вагуланса был расформирован и на его основе создана латышская вспомогательная полиция. Вторым крупным соединением в составе СД, сформированным из местных жителей в начале оккупации – в середине июля 1941 г., – была группа Х. Тейдеманиса в Валмиере. Самую же многочисленную зондеркоманду из местных сил возглавлял В. Арайс. К формированию её приступили после изданного Шталекером в начале июля приказа, привлекая студентов, офицеров, полицейских и т. п.

В городах Латвии и в других населённых пунктах к акциям уничтожения советско-партийного актива и евреев была привлечена местная полиция и СД. Обычно силы самообороны и СД обеспечивали охрану, а команда Арайса расстреливала. За особые заслуги и для дальнейшего карьерного роста члены команды Арайса «прошли обучение в школе полиции безопасности СД в Фюрстенберге, где проходили теоретические занятия по изучению структуры немецких полицейских органов, уголовное дело, службы тайной полиции»⁹¹.

«В школе преподавались уроки учения расовой теории и истории Германии. Наряду с этим проходили строевую подготовку и изучали материальную часть оружия (винтовки, пулемёта, миномёта, автомата и пистолета). В конечном счёте в Фюрстенбергской школе полиции безопасности нас, участников команды Арайса, готовили для зачисления в специальные команды СД по проведению борьбы с партизанским движением на оккупированной немцами территории, что впоследствии и было»⁹². Осенью 1941 г. в «команде Арайса» насчитывалось 300 человек, а в 1943 г. – около 1 тыс. 200. Изменились и её главные задачи. Когда евреи в Латвии были уничтожены, с конца 1941 г. команду Арайса всё чаще использовали в борьбе с партизанами на оккупированной территории России и Белоруссии⁹³. В это время первые латышские команды СД были отправлены в Ленинградскую и Минскую области и в Эстонию.

Сам Арайс в 1942 г. также прошёл ускоренное обучение в школе СД в Фюрстенберге, после чего ему было присвоено звание штурмбаннфюрера СС.

Эстония

К южным границам Эстонии фронт докатился 7 июля 1941 г. В это время в эстонских лесах находилось около 20 тыс. человек, бежавших в середине июня от массовых депортаций и создавших многочисленные отряды «лесных братьев». В населённых пунктах и на дорогах они нападали на подразделения отступавшей Красной армии, на советских активистов, представителей волостных управ и других советских органов власти. В некоторых районах, в частности в Пярнумаа, лесные братья захватили власть в свои руки, провозгласив местные самоуправления до прихода немцев. Немецкие войска вышли на линию Пярну – Вильянди – Тарту, но были остановлены контрударными Красной армии, благодаря чему линия фронта на две с лишним недели стабилизировалась в Центральной Эстонии. Советское командование намеревалось оборонять Таллин – одну из важнейших баз Краснознамённого Балтийского флота – до последней возможности.

С июля по август на ленинградском направлении воевал созданный на базе Эстонской армии 22-й территориальный стрелковый корпус. При отходе корпуса из Эстонии часть личного состава разбежалась, примкнув к лесным братьям, часть вернулась домой. Из оставшихся семи тысяч эстонцев в боях погибли две тысячи, перешли на сторону немцев четыре с половиной тысячи⁹⁴.

Стабилизация фронта в Центральной Эстонии позволила советским военным в значительной степени нейтрализовать деятельность лесных братьев в Северной Эстонии. Для борьбы с ними были направлены регулярные части НКВД и истребительные батальоны, сформированные в основном из местного населения, а также из бежавших из оккупированной Латвии советских милиционеров и партактивистов⁹⁵. Всего в истребительных батальонах насчитывалось до шести тысяч человек, в основном эстонцы⁹⁶. В ходе столкновений лесных братьев и истребительных батальонов погибло около двух тысяч человек. 22 июля германские войска начали в Эстонии новое наступление.

В первые месяцы оккупации началось возрождение довоенных националистических партий. Была вновь воссоздана аграрная партия – «Отечественный Союз» («Изамаалиит»), являвшаяся единственной правящей партией до 1940 г. В неё входили в основном крупные земельные собственники, представители финансового капитала, военные и гражданские чиновники, владевшие лучшими участками земли, в числе

которых были последний президент Эстонии К. Пятс и военный министр генерал Й. Лайдонер. Именно из бывших членов «Изамаалиита», политиков эпохи диктатуры Пятса, которые не были депортированы из страны при советской власти и в момент германского вторжения находились на территории Эстонии, образовалась группа во главе с бывшим председателем Государственного совета и последним премьер-министром Эстонии Ю. Улуотсом. Впоследствии она была известна как «группа Улуотса». Свою программу сотрудничества с оккупационными властями «группа Улуотса» сформулировала на конференции в Тарту 27–28 июля 1941 г., на которой был принят меморандум с обращением к германскому правительству, переданный командующему группы армий «Север» фельдмаршалу фон Леебу. «Меморандум группы Улуотса» был составлен в довольно осторожных выражениях. В нём говорилось, что эстонцы готовы и дальше бороться «за окончательное освобождение своей страны от господства России и за освобождение 100 000 угнанных в Россию эстонцев»⁹⁷ (в действительности эта цифра завышена почти в 10 раз)⁹⁸. С этой целью Улуотс выражал готовность восстановить эстонские вооружённые силы, но для проведения мобилизации просил воссоздать правительство независимой Эстонии. Будучи официальным заместителем президента Пятса, Улуотс считал себя последним конституционным главой эстонского правительства. Поэтому он намеревался восстановить прежний государственный строй в Эстонии путём создания нового правительства по принципу преемственности. Такое правительство, по его мнению, должно было пользоваться полным доверием эстонского народа и могло бы гарантировать немецким властям любую помощь и сотрудничество⁹⁹.

Меморандум был отправлен в Министерство иностранных дел рейха, но официальной реакции на него так и не последовало. Лишь в середине августа 1941 г., после того как документ был рассмотрен германским МИДом, по неофициальным каналам был получен ответ: «На оккупированной территории не может быть никакого правительства и самостоятельных вооружённых сил». Одновременно эстонцам дали понять, что верховное политическое руководство рейха не заинтересовано в предоставлении независимости Прибалтийским республикам, даже самой ограниченной. Не может идти речь и о действительном самоуправлении: допустимо лишь вспомогательное самоуправление под контролем немецкой администрации¹⁰⁰.

Ещё в конце мая 1941 г. в Хельсинки был создан «Эстонский освободительный комитет» во главе с д-ром Х. Мяэ. Комитет провозглашал своей целью достижение «свободы и независимости эстонского народа... при поддержке дружественных государств» и заявлял о готовности взять на себя верховную политическую власть

в Эстонии, пока «не будет восстановлена государственность на основе новой конституции, выработанной во взаимодействии с германским рейхом»¹⁰¹. О своей политической концепции Мяэ проинформировал представителя германского Министерства иностранных дел. Его политическая программа предполагала «1/2 года на [пропагандистскую] подготовку эстонского народа», после чего будет возможна «надёжная тесная связь Эстонии с рейхом». Главной идеей идеологической подготовки эстонского народа Мяэ считал воспитание «общевропейского мировоззрения». Д-р Мяэ отнёсся «с пониманием» к германским планам колонизации Прибалтики и создания там немецких поселений. Для этого эстонцы должны были принять участие в борьбе за «новую Европу» против большевизма, чтобы почувствовать «общую судьбу с немецкими солдатами»¹⁰². Лидеров довоенных эстонских партий типа Улуотса предполагалось оттеснить на второй план и не допустить к политической деятельности. Разумеется, эта программа произвела благоприятное впечатление на сотрудников германского МИДа¹⁰³. И самому Мяэ, и немецкому МИДу было ясно, что её «изнаночная» сторона являлась безоговорочно прогерманской даже по сравнению с программой Улуотса. Мяэ и его «штаб» прибыли в Эстонию сравнительно поздно, но это не помогло его конкурентам. В Министерстве по делам Восточных территорий в Главном управлении имперской безопасности (РСХА) сделали ставку именно на него – Мяэ был хорошо проверен на безоговорочную преданность ещё во время пребывания в Финляндии.

Первым военизированным, состоящим из эстонцев, формированием, выступившим на стороне немцев, стала группа «Эрна». История этой эстонской разведывательно-диверсионной группы начинается задолго до июня 1941 г. Ещё в середине 1939 г. в Финляндии был создан филиал военной разведки Германии (абвера), вошедший историографию как «Бюро Целлариуса» – по имени фрегата-капитана А. Целлариуса, имевшего опыт совместной работы с разведками Прибалтийских государств до 1939 г. В марте 1941 г. последний военный атташе независимой Эстонии в Финляндии майор А. Кристиан (оставшийся там после ввода советских войск в Эстонию и последовавших за этим событий) организовал прохождение 18 эстонцами курсов радиотелеграфистов в разведывательной школе в городе Рованиеми. «Эстонский комитет освобождения» начал подготовку боевых групп из эмигрантов эстонского происхождения (в том числе – добровольцев, принимавших на стороне финнов участие в Зимней войне 1939–1940 гг., а также для бежавших из Эстонии зимой 1940–1941 гг.) для подрывной работы на территории Эстонской ССР. Подготовка в апреле – июне велась на финских базах под

руководством германских инструкторов из учебного батальона полка специального назначения «Бранденбург-800». Вооружение, обмундирование и снаряжение было финским.

23 июня, уже на следующий день после нападения Германии на СССР, из наиболее подготовленных членов упомянутых боевых групп был создан батальон особого назначения, получивший название «Эрна». Структурно он был включён в состав 18-й армии вермахта, входившей в группу армий «Север». «И финны, и немцы были очень заинтересованы в «Эрне». Она отвечала общим задачам Эстонии, Германии и Финляндии»¹⁰⁴.

Первая группа отряда «Эрна» катерами финских ВМС вечером 6 июля 1941 г. была доставлена на побережье Эстонской ССР¹⁰⁵. Информация об «Эрне» мгновенно распространилась среди населения, более чем доброжелательно отнёсшегося к ней. «Деятельность «Эрны» в течение 4 недель в тылу врага была возможной исключительно благодаря бескорыстной самоотверженной помощи эстонского населения»¹⁰⁶.

С 11 по 15 июля группа совершала мелкие диверсионные акции (нападала на советских солдат, повреждала телефонную связь и т. д.)¹⁰⁷. Но главной её задачей оставалась разведка. С 19 июля «Эрна» осуществляла наблюдение за деятельностью штаба советской 8-й армии в местечке Поркуни и передвижениями войск 10-го стрелкового корпуса РККА, который в это время вёл тяжёлые бои за города Тюри и Пайде.

Документы свидетельствуют о том, что в течение первых двух недель своего пребывания на территории Эстонии, ещё не оккупированной войсками вермахта, эрновцы передавали в «Бюро Целлариуса» в Хельсинки от 50 до 100 радиogramм в сутки. Фиксировалось всё – передвижение и численность советских воинских частей, расположение штабов и наблюдательных пунктов, эвакуация партийного и советского актива, обстановка среди населения¹⁰⁸.

Деятельность «Эрны» и «лесных братьев» не была секретом для подразделений НКВД, отвечавших за охрану тыла Красной армии. После нескольких стычек с истребительными батальонам НКВД, вследствие которых были сожжены хутора Симисалу и Саэ и уничтожены их жители, 26 июля 1941 г. «Эрна» была блокирована силами шести советских эстонских истребительных батальонов и одного советского же латышского добровольческого стрелкового полка – всего до 1,1 тыс. человек¹⁰⁹. 31 июля 1941 г. группировка «Эрны» была рассеяна и начала отступать, вошла в контакт с германскими войсками и была включена в состав 311-го пехотного полка вермахта в качестве отдельного батальона¹¹⁰.

В планы абвера, разумеется, не входил сценарий участия эстонцев, пусть и находившихся у них в подчинении, в «освобождении Таллина от советских оккупантов»: к этому времени «Бюро Целлариуса» уже

всячески «притормаживало» деятельность «Эрны», ограничивая любые проявления самостоятельности – гитлеровцы не считали целесообразным теперь создавать даже видимость независимости для эстонцев, тем более, эстонцев с оружием. Именно поэтому с середины августа доставки оружия из Финляндии (оно сбрасывалось с самолётов) были прекращены¹¹¹. «Мы видели силуэт города в дыму. В 10 км от нас начали двигаться русские войска, которые отступали под натиском 61-й дивизии вермахта. Мы двигались, чтобы остановить отступавших, не дать им уйти... Войти в Таллин нам не дали, задержали»¹¹². В это время часть разочарованных эрновцев покинула отряд, присоединившись к «лесным братьям» или вовсе «выйдя из игры». Но таких было немного: большинство продолжало сражаться на стороне оккупантов, уже не имея иллюзий по поводу «независимости».

В дальнейшем «Эрна» по-прежнему выполняла разведывательные и диверсионные задания «Бюро Целлариуса». В частности, она занималась «уничтожением русских на островах (Моонзундского архипелага, – Ю.К.), захватывала пленных, заставляя их готовить площадки для посадки немецких самолётов»¹¹³. Батальон «Эрна» до 27 сентября принимал участие в боевых действиях в составе 217-й пехотной дивизии вермахта, затем его направили в Таллинн и 10 октября 1941 г. расформировали. Личный состав батальона частично переведён в созданные оккупационными властями подразделения местной «самозащиты» частично вошёл в подразделения финской разведки. По архивным данным, 10 членов группы «Эрна» получили «Железный крест II степени», ещё 30 – «Крест за заслуги и доблесть на восточных территориях»¹¹⁴.

Военные действия на материковой части республики шли целый месяц. Красная армия оставила Таллин только 28 августа. С Таллинского рейда в Кронштадт двинулся огромный караван из 197 судов с десятками тысяч человек на борту. Корабли и суда были вынуждены форсировать минные поля, со стороны Эстонии и Финляндии их обстреливали береговые батареи, бомбила авиация. Ещё 22 августа 1941 г. советской контрразведкой был перехвачен подписанный 17 августа приказ Гитлера, требовавший уничтожения всего КБФ на минно-артиллерийской позиции в районе средней части Финского залива. Эта задача возлагалась на береговые батареи, торпедные катера, подводные лодки и авиацию. Несмотря на такое предупреждение, сколько-нибудь серьёзного сопротивления мероприятиям врага организовано не было. Попытки траления фарватеров оказывались бессмысленными, так как противник, базируясь в финских шхерах, легко минировал протраленные участки вновь. Очень остро сказывалось почти полное господство люфтваффе в воздухе¹¹⁵.

Не останавливаясь подробно на деталях этого драматического сюжета, необходимо всё же обратить внимание на его результаты, под-

ведённые после его окончания выжившими участниками. Трагические итоги Таллиннского перехода таковы: погибло 12 боевых кораблей (ещё 3 повреждены) и 19 вспомогательных судов (ещё 4 получили повреждения). Есть данные о гибели в общей сложности 53 транспортных судов¹¹⁶. Людские потери не установлены – никакого учёта эвакуируемых, тем более поимённых списков не велось – в хаосе отступления корабли наполнялись до отказа самими военнослужащими, членами их семей, просто мирным населением, не желавшим оставаться «под немцами». До сих пор называются цифры от 6 до 15 тыс. человек погибших¹¹⁷. По данным на 2 сентября 1941 г. было спасено 14 тыс. 800 человек¹¹⁸.

В первые же дни немецкой оккупации Эстонии была воссоздана организация «Кайтселиит» (подобие национальной гвардии), некоторые члены которой не сдали оружие и ушли в леса после советизации Эстонии. Поначалу немцы позитивно отнеслись к «Кайтселииту», помогавшему им в продвижении по территории республики. Однако, когда услуги «Кайтселиита» нацистам стали не нужны, его членам организовали «в порядке особой чести» совместный с немецкими подразделениями парад, завершившийся благодарностью «великому фюреру Германии Адольфу Гитлеру как спасителю Европы от большевизма»¹¹⁹, после чего немецкие власти объявили о его роспуске. Фашистам не нужны были военизированные, хорошо вооружённые формирования, претендующие на самостоятельность. Лишь 200 членам организации, которые должны были образовать «вспомогательную полицию», разрешалось сохранить оружие. Эстонские руководители «Кайтселиита» послушно выполнили распоряжение, издав в дополнение к немецкому свой собственный приказ от того же числа, объявлявший с этого момента эстонские националистические вооружённые формирования «вспомогательной полицией» под немецким командованием. В каждом городе, селе или деревне надлежало сформировать отряд «вспомогательной полиции», численностью не превышающий 1 % от общего числа населения. Все они поступали в подчинение местным немецким начальникам полиции¹²⁰. 6 июля 1941 г. под Берлином началось формирование полицейского и СС-батальона «Остланд», состоявшего из эстонцев и латышей, переселившихся в Германию в 1940 г. Он подчинялся немецкой полиции безопасности.

Также после оккупации германской армией Эстонии была создана вооружённая организация «Омакайтсе» («Самозащита»). Во главе этой организации был поставлен прибывший из Германии полковник эстонской армии Я. Соодла (в дальнейшем ему было присвоено звание генерал-майора). «Омакайтсе», а также созданные немецкими оккупационными властями полицейские батальоны (в последних к осени 1941 г. насчитывалось более 15 тыс. человек) использовались на оккупированной немцами территории РСФСР, Белорусской и Украинской ССР – для

карательных акций против мирного населения, охраны лагерей для советских военнопленных и еврейских гетто. Участвовала «Омакайтсе» и в антипартизанских кампаниях. Оставшиеся в подполье советские партизанские группы были уничтожены в первые месяцы войны.

«Омакайтсе» как организация самозащиты народа нашла сразу полное признание со стороны немецких военных и полицейских властей. Возникло отношение взаимного доверия, что способствовало содействию при достижении общих целей»¹²¹, – констатирует сайт Эстонского музея оккупации, концептуально ориентированный на использование термина «оккупация» преимущественно к периоду советского присутствия на территории Эстонии. Цели у фашистских оккупантов и их подручных действительно были общие, то есть ни о какой борьбе за независимость речи не шло. К 1 января 1942 г. в «Омакайтсе» состояло 40 тыс. 709 человек¹²².

При взятии Таллина к фашистам в плен попали 12 тыс. красноармейцев, но ещё больше осталось в окружении. Они пытались небольшими группами или в одиночку прорваться к своим через реку Нарову. Но лесные братья и боевики «Омакайтсе» устраивали на них облавы, в ходе которых попало в плен около 27 тыс. наших военнослужащих, погибло более двух с половиной тысяч. Самостоятельно и вместе с немецкими военными и полицейскими частями «Омакайтсе» арестовала и передала оккупационным властям всего 4 тыс. 919 коммунистических деятелей. Для ликвидации остатков Красной армии, скрывающихся людей из истребительных батальонов и милиции, «Омакайтсе» провела по территории всего 5 тыс. 33 облавы¹²³, – информирует сайт Эстонского музея оккупации. С лета 1941 г. по лето 1942 г. по приказу немецкой полиции безопасности при участии «Омакайтсе» были убиты не менее 5 тыс. 500 граждан и жителей Эстонии, примерно такое же количество отправлено в лагерь¹²⁴.

* * *

Установленный в Прибалтике нацистский оккупационный режим уже к концу 1941 г. не только развеял миф о возможности предоставления Литве, Латвии и Эстонии хотя бы подобия суверенитета (даже на уровне протекторатов) и лишил эти республики даже названий, объединив их под общим безликим – Остланд, но и жесточайшим образом начал воплощать в реальность расистские теории «германизации» – от полной ассимиляции до геноцида. Гитлеровцы при содействии коллаборационистских формирований (от так называемых «местных самоуправлений» до полицейских батальонов и национальных подразделений СС), в соответствии с пресловутой теорией «освоения жизненного пространства», уже в 1941 г. начали превращать этот регион в сырьевой придаток Третьего рейха, населённый бесправной рабочей силой.

Примечания

- ¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939: [Сб.] : В 2 т. / М-во иностр. Дел СССР. Т. 2. – М., 1981. – С. 97.
- ² Давыдов Д. Что ждало жителей рейхскомиссариата Остланд : Нацистская программа колонизации Прибалтики // Независимая газета. – 1994 – 21 июня.
- ³ То же.
- ⁴ Война Германии против Советского Союза 1941–1945 : Докум. экспозиция г. Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Сов. Союз / Под ред. Р. Рюрупа. – Берлин, 1992. – С. 32.
- ⁵ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313, т. 1 Протокол допроса арестованного Еккельн Фридриха от 21.12.1945 г., л. 54.
- ⁶ Давыдов Д. Указ. соч.
- ⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сб. документов : В 8 т. Т. 2: Начало. Кн. 1 : 22 июня – 31 августа 1941 года. – М., 2000. – С. 633.
- ⁸ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką. – Warszawa, 1993. – Р. 60.
- ⁹ Станкерас П. Литовские полицейские батальоны : 1941–1945 гг. – М., 2009. – С. 27.
- ¹⁰ Тревор-Ропер Х. Застольные беседы Гитлера: 1941–1944. – М., 2004. – С. 60.
- ¹¹ Квицинский Ю. А. Генерал Власов: путь предательства. – М., 1999. – С. 83.
- ¹² Прибалтика : Под знаком свастики (1941–1945) : Сб. документов. / Сост. В. К. Былинин, М. Ю. Крысин, Г. Э. Кучков, В.П. Ямпольский. – М., 2009. – С. 233.
- ¹³ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : Сб. документов / Сост. Н.И. Владимиров, А.И. Кокурин. – М., 2008. – С. 60.
- ¹⁴ История Латвии : XX век / Сост. Д. Блейере [и др.]. – Рига, 2005. – С. 249.
- ¹⁵ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta1. – Lp. 182.
- ¹⁶ Давыдов Д. Указ. соч.
- ¹⁷ Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder. 1941-1944: Zum nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. – Helsinki, 1973. – S. 146.
- ¹⁸ Bubnis.A. Vokiečių Okupuota : Lietuva (1941–1944). – Vilnius, 1998. – P. 448.
- ¹⁹ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313, т. 1 Протокол допроса арестованного Беккинг Александра от 03.12.1945 г., л. 273–274.
- ²⁰ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313, т. 18, л. 241.
- ²¹ Давыдов Д. Указ. соч.
- ²² Киртовский И.Х. Экономика Латвии в период Второй мировой войны 1941–1945 [электрон. ресурс] // http://www.baltic-course.com/rus/ekonomiceskaja_istorija/&doc=1131
- ²³ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta 5. – Lp. 43–46.
- ²⁴ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta 3. – Lp. 29.
- ²⁵ Киртовский И.Х. Указ. соч.
- ²⁶ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta 3. – Lp. 103.
- ²⁷ Latvijas tautas saimniecība : Statistika gadagrāmata 89. – Rīga, 1990. – Lp. 227.
- ²⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2 : (1 сентября – 31 декабря 1941 г.). – М., 1995. – С. 523.
- ²⁹ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta 2. – Lp. 304.
- ³⁰ Там же. Lp. 305.
- ³¹ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta 16. – Lp. 29–30.
- ³² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. – Кн. 2 : (1 сентября – 31 декабря 1941 г.). – М., 1995. – С. 519–526.
- ³³ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta 2. – Lp. 386–389.
- ³⁴ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta 5. – Lp. 25–52.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См: Чапенко А.А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы Второй мировой войны : Очерки. – Мурманск, 2008. – С. 142–143, Белшевиц Э. Евреи в Латвии [электрон. ресурс] // <http://gariga.boom.ru/root/Riga/evrei>

html; Рольникайте М. Живая память // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: Материалы междунар. науч. конф., 24–26 сентября 2009 г. – СПб., 2010. – С. 64–70.

³⁷ История Латвии : XX век... – С. 260.

³⁸ Benz W. Judenmord in der Sowjetunion // Langenheim H. Mordfelder : Orte der Vernichtung im Krieg gegen die Sowjetunion. – Berlin, 1999. – S. 15.

³⁹ См.: Каспаравичус А. Вторая мировая война в коллективной и индивидуальной исторической памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти : Материалы междунар. науч. конф., 24–26 сентября 2009. – СПб., 2010. – С. 13–26. ; История Латвии : XX век... – С. 259–263, Адамсон А, Валдмаа С. История Эстонии : Учеб. для гимназии. – Таллин, 2000. – С. 216.

⁴⁰ Benz W. Judenmord in der Sowjetunion... – S. 15–16.

⁴¹ Прибалтика : Под знаком свастики (1941–1945)... – С. 68.

⁴² Там же. – С. 68–69.

⁴³ Benz W. Judenmord in der Sowjetunion... – S. 19.

⁴⁴ Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje 1941–1944 / Leidinį recenzavo Dieckmann Ch., Toleikis V., Zizas R. – Vilnius, 2005 – P. 110.

⁴⁵ Там же – P. 42–43; Перов М. Обыкновенный неонацизм [электрон. ресурс] // . http://www.narochnitskaia.info/cgi-bin/main.cgi-item=1r250r061222031955.htm

⁴⁶ Langenheim H. Mordfelder: Orte der Vernichtung im Krieg gegen die Sowjetunion. – Berlin, 1999. – S. 122.

⁴⁷ Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje... – S. 14.

⁴⁸ Langenheim H. Mordfelder:... – P. 122.

⁴⁹ ЦА ФСБ России. АСД №Н-18313, т. 15. Л. 43.

⁵⁰ Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje... – P. 16.

⁵¹ Ibid. – P. 15–16.

⁵² См.: Ibid. – S. 7; Петров М. Указ соч. : «В Литве был филиал Бухенвальда...» [электрон. ресурс] // . ttp://www.runet.lt/express_nedelia/ekspres-nasha-zhizn/ekspres-history/13057-v-litve-byt-filial-buxenvalda.html

⁵³ Ватолин И. Приговоренные нацизмом // Час. – 2010 – 20 февр.

⁵⁴ Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje... – P. 16.

⁵⁵ Bubnys A. Vokiečių Okupuota Lietuva ... (– P. 454.

⁵⁶ Ibid. – P. 456.

⁵⁷ Bulavas J. Vokiškųjų fašistų okupacinis Lietuvos valdymas : (1941–1944 m.). – Vilnius, 1969. – P. 236

⁵⁸ LVVA. F. P-69. Ap.1a. Lieta 1. – Lp. 171.

⁵⁹ См. : Станкерас П. Указ. соч. – С 7.

Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje... S. 94.

⁶⁰ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике... – С. 43.

⁶¹ Slavinas A. Der inszenierte Aufstand // Die Zeit. – 1993. – 25 Juni.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje... – P. 96–97.

⁶⁵ Truska L. Sukilimo prasmė // Politika. – 1991. – № 16. – P. 19.

⁶⁶ Станкерас П. Указ. соч. – С. 8.

⁶⁷ Truska L. Lietuva bolševikų ir nacių smurto metais. – Lietuvos rytas. – 1993 – № 9

⁶⁸ Станкерас П. Указ. соч. – С. 11.

⁶⁹ Там же. – С. 12.

⁷⁰ Lietuva : Lietuvių enciklopedija, penkioliktas tomas. – Vilnius, 1990. – P. 371.

⁷¹ Станкерас П. Указ. соч. – С. 16.

⁷² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 520–521.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

- ⁷⁵ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике... – С. 543.
- ⁷⁶ Там же. – С. 65.
- ⁷⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 524.
- ⁷⁸ Там же. – С. 526.
- ⁷⁹ Bubnys A. Vokiečių Okupuota Lietuva... – P. 477.
- ⁸⁰ Karo belaisvių ir civilių gyventojų žudynės Lietuvoje... – P. 120.
- ⁸¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 2. – С. 519–526.
- ⁸² Langenheim H. Mordfelder – S. 125.
- ⁸³ Bubnys A. Vokiečių Okupuota Lietuva... – P. 463–464.
- ⁸⁴ Stang K/. Kollaboration und Massenmord : Die litauische Hilfspolizei des Rollkommando Namann und die Ermordung der lituanischen Juden. – Fr./M., 1996. – S. 10
- ⁸⁵ Прибалтика : Под знаком свастики (1941–1945)... – С. 25.
- ⁸⁶ История Латвии : XX век... – С. 249.
- ⁸⁷ Langenheim H. Mordfelder – S. 121.
- ⁸⁸ История Латвии : XX век... – С. 249.
- ⁸⁹ Там же. – С. 253.
- ⁹⁰ Станкерас П. Указ. соч. – С. 23.
- ⁹¹ ЦА ФСБ России. Ф.100. Оп.11 Д.13 Выписка из протокола допроса Застерс Родиона Августовича от 04.03.1947 г. л. 40.
- ⁹² Там же. – л. 41.
- ⁹³ Там же. – л. 39–40.
- ⁹⁴ Адамсон А., Валдмаа С. Указ. соч. – С. 212.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Обзор периода оккупации [электрон. ресурс] / Сост. Х. Ахонен // <http://www.okupatsioon.ee/rus/1940/koikfreimid.html>
- ⁹⁷ Rauch G. von. Geschichte der Baltischen Länder. – Stuttgart, 1970. – S. 190.
- ⁹⁸ Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder 1941–1944... – S. 85.
- ⁹⁹ Прибалтика : Под знаком свастики (1941–1945)... – С. 43–44.
- ¹⁰⁰ Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens: Kollaboration und Freiheitsstreben in dem von Deutschland besetzten Estland 1941 bis 1944. – Stokholm , 1992. – S. 32–33.
- ¹⁰¹ Myllyniemi S. Die Neuordnung der baltischen Laender 1941–1944... – S. 107.
- ¹⁰² Прибалтика : Под знаком свастики (1941–1945)... – С. 44–45.
- ¹⁰³ Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder 1941–1944... – S. 108.
- ¹⁰⁴ Eesti Riigisarhiivi (далее – ERA) F.4996 N.1 S. 216. L 1 Lossman H. «Erna ja Erna I». Статья к 15-летию группы «Эрна», машинопись.
- ¹⁰⁵ ERA F.4996 N.1 S.93 Рапорт Х. Курга от 23.09.41. L. 1 Машинопись.
- ¹⁰⁶ ERA F.4996 N.1 S.93 Рапорт Х. Курга от 23.09.41. L. 4 Машинопись.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ ERA F.4996 N.1 S.209 «Радиограммы».
- ¹⁰⁹ Erna_History // URL : http://www.erna.ee/en/?Erna_History/Erna_History
- ¹¹⁰ История 22-й мотострелковой дивизии НКВД [электрон. ресурс] // <http://velikvoy.narod.ru/voyska/voyskaccsp/tank/mdiv/22msdnkvd.htm>
- ¹¹¹ ERA F.4996 N. 1 S. 216. L 4 Lossman H. «Erna ja Erna I». Статья к 15-летию группы «Эрна», машинопись.
- ¹¹² ERA F.4996 N. 1 S. 215. L 15.
- ¹¹³ Обзор периода оккупации [электрон. ресурс] / Сост. Х. Ахонен // <http://www.okupatsioon.ee/rus/1940/koikfreimid.html>
- ¹¹⁴ ERA F.4996 N.1 S. 215. L 12.
- ¹¹⁵ Иванов И. Таллинский переход : Август 1941 г. : По материалам Центрального архива ФСБ России [электрон. ресурс] // <http://www.zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=596>
- ¹¹⁶ Адамсон А., Валдмаа С. Указ. соч. – С. 214.

¹¹⁷ Вместе с флотом : Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: Ист. очерки и архив. документы. – М. 2010. – С. 96.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Прибалтика : Под знаком свастики (1941–1945)... – С. 46.

¹²⁰ Isberg A. Zu den Bedingungen des Befreiens... – S. 36–37.

¹²¹ Обзор периода оккупации...

¹²² НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике... – С. 88.

¹²³ Там же. – С. 75

¹²⁴ Обзор периода оккупации...

РАЗДЕЛ 3

Москва в 1941 году

Пономарёв Анатолий Николаевич,

доктор исторических наук,
Главархив Москвы

В гитлеровском плане «Барбаросса» быстрому захвату Москвы придавалось громадное значение. Главное командование вермахта считало, что успешное наступление на столицу СССР «...сломает спиной хребет русского оборонительного фронта», парализует всю страну, сломав волю армии и народа к сопротивлению. Ведь Москва являлась не только столицей государства, но и мощным экономическим центром, крупнейшим узлом железнодорожных, воздушных, шоссейных и водных коммуникаций, соединявших её со всеми регионами Советского Союза.

Из Москвы, где располагались Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главного Командования, ЦК ВКП(б), Совнарком СССР и его наркоматы, осуществлялось непосредственное руководство вооружёнными действиями, политическими, экономическими, дипломатическими, идеологическими формами борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. С потерей Москвы катастрофической стала бы судьба Ленинграда, ряда других крупнейших советских городов, резко ухудшилось положение на фронте, моральное состояние армии и тружеников тыла.

К началу войны в Москве проживало около 3 млн человек, рассредоточенных на территории 25 городских районов. Руководство жизнедеятельностью города осуществлял Московский Совет депутатов трудящихся. Его руководящим органом, координировавшим и деятельность районных советов, являлся Исполком, председателем которого был В.П. Пронин.

Однако ведущая, главная роль в решении важнейших вопросов в жизни столицы принадлежала Московскому городскому комитету ВКП(б), первым секретарём которого был А.С. Щербаков. Он же возглавлял и Московский областной комитет партии. Московская партийная организация была крупнейшей в стране, насчитывая в своих рядах около 320 тыс. коммунистов (примерно 230 тыс. из них входили в состав городской партийной организации). А.С. Щербаков одновременно являлся и «главным идеологом» страны, занимая пост секретаря ЦК

ВКП(б) и начальника одного из ведущих его управлений – агитации и пропаганды. Кроме того, с 24 июня 1941 г. лидер московских коммунистов стал и председателем Советского информационного бюро, в функции которого, помимо освещения хода военных действий, внутреннего и международного положения страны, входила и организация контрпропаганды, обеспечение СМИ наших союзников разнообразной информацией.

Таким образом, А.С. Щербаков фактически являлся своего рода «партгубернатором» мощнейшего региона Советского Союза, подчиняясь непосредственно И.В. Сталину. Ему были присущи решительность, требовательность, настойчивость в работе, жёсткость и бескомпромиссность в осуществлении принятых решений, нетерпимость к расхлябанности и нарушению государственной дисциплины. Но нельзя было отказать А.С. Щербакову и в должной компетентности, интеллекте, в стремлении работать на перспективу, в подлинной, а не показной заботе о людях, настойчивом стремлении пополнять свои знания в области науки, техники, военного дела.

Писатель К.М. Симонов, неоднократно имевший дело с ним в годы войны считал: «...Этот человек жил словом “нужно”. И других слов ни для других, ни для себя у него не было... Он был человеком неимоверной работоспособности, но перегрузки, выпавшие на его долю, [...] были ещё более неимоверными»^{*}.

«22 июня 1941 г. в четыре часа утра, – вспоминал второй секретарь МКГ партии Г.М. Попов, – на дачу, где я жил, приехал А.С. Щербаков. Я понимал, что в такую рань приезжают не по пустякам. Предчувствие не обмануло меня. “Одевайся, поедem! – торопил Щербаков. – Немцы перешли нашу границу”.

В пятом часу в кабинете А.С. Щербакова стали собираться секретари и заведующие отделами МК и МКГ ВКП(б). «Война, – сказал, обращаясь к ним, Александр Сергеевич. – В двенадцать часов по радио будет выступать Молотов. Созвонитесь с райкомами, с парткомами предприятий. После двенадцати всюду должны пройти митинги»¹.

Не страх, не растерянность охватили абсолютное большинство москвичей в связи с немецко-фашистской агрессией. Участники митингов говорили: «Нужно идти на фронт – хоть сейчас! Нужно работать сутки подряд – мы готовы». В принятых резолюциях партийных и комсомольских собраний звучало: «считать всех мобилизованными». Помещения райвоенкоматов заполнили десятки тысяч военнообязанных и добровольцев, в основном 17–18 летних юношей и девушек, только что окончивших средние школы.

^{*} А.С. Щербаков скончался 10 мая 1945 г. на сорок четвёртом году жизни.

В связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., по которому в Москве вводилось военное положение, а военно-обязанные 1905–1918 гг. рождения подлежали призыву в армию, соответствующие органы приняли ряд важных оборонно-мобилизационных мероприятий.

В 4 часа 40 минут командующий Московской зоны ПВО генерал-майор М.С. Громадин отдал приказ о приведении всей системы противовоздушной обороны Москвы в боевую готовность, а штаб местной противовоздушной обороны (МПВО) Москвы и столичной области объявил с 13.00 угрожаемое положение. Населению, руководителям предприятий, учреждений и домоуправлений было предписано провести полное затемнение всех зданий, обеспечить светомаскировку транспорта, подготовить бомбоубежища и газоубежища.

Уже к 7.00 утра 22 июня управления наркоматов государственной безопасности и внутренних дел г. Москвы и Московской области разработали план агентурно-оперативных мероприятий по обеспечению безопасности столицы и Подмосковья в связи с нападением Германии на СССР. Так, весь оперативный состав управления переводился на казарменное положение. Вся агентурно-осведомительная сеть нацеливалась на вскрытие деятельности иностранных разведок, выявление антисоветской и уголовно-преступной деятельности контрреволюционных элементов, лиц, проявляющих пораженческие настроения, изъятие незаконно хранящегося у населения оружия, боеприпасов и отравляющих веществ. В агентурно-оперативное обслуживание было взято 114 оборонных заводов, крупных промышленных предприятий, радиостанций и электростанций, объектов по изготовлению боеприпасов, 14 железнодорожных и стратегических мостов².

25 июня был издан приказ № 1 по гарнизону Москвы «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Москве. С 27 июня все культурно-зрелищные учреждения, предприятия общественного питания и торговли должны были заканчивать работу не позднее 22.45. Воспрещалось движение по городу с 24.00 до 4.00 утра, а также любое фотографирование и киносъёмки без разрешения коменданта гарнизона. Въезд в столицу разрешался только лицам с московской пропиской или по спецпропускам³.

29 июня партийным и советским организациям прифронтовых областей была направлена директива ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, явившаяся боевой программой мобилизации всех сил и средств страны на разгром врага. В ней отмечалось, что в войне с Германией решался вопрос о жизни и смерти нашего государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. «Теперь, – подчёркивалось в документе, – всё зависит от нашего умения быстро

организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагами».

Эта директива и выступление И.В. Сталина по радио 3 июля, в котором излагалась её суть, были подробно обсуждены на совещании в горкоме партии, на партийных собраниях и районных активах, на митингах и собраниях трудящихся. Красной нитью через все эти выступления звучало: тыл и фронт, народ и армия живут одним дыханием, одними интересами, у них одна цель – разгромить захватчиков. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» стал непреложным законом жизни трудовой Москвы, её руководителей. Причём вся эта работа находилась под постоянным контролем председателя ГКО. Так, 24–25 июня он трижды, в общей сложности в течение шести с половиной часов, а 26 июня с 1.00 ночи до 4.30 утра встречался с А.С. Щербаковым в своём кремлевском кабинете. Всего же только за первые месяцы таких встреч состоялось свыше 30, не считая почти ежедневных телефонных разговоров, многочисленных распоряжений и поручений⁴.

Главным по превращению страны в единый боевой лагерь являлась военно-мобилизационная работа, всемерное укрепление действующей армии. И эти вопросы оказались в центре внимания московского руководства.

Райкомы и райисполкомы направили в помощь военкоматам около 700 человек. Предприятия и учреждения выделили для них сотни автомобилей. В крупных парткомах начали действовать комиссии по записи добровольцев. В первые дни военных действий на сборные пункты сразу же прибыло до 85% всех призывников, а 24–26 июня с Белорусского вокзала на фронт отправились первые воинские эшелоны.

Военный отдел МК и МГК партии внимательно следил за ходом мобилизации, оперативно исправлял недоработки, допущенные при формировании и отправке воинских эшелонов. Без внимания не оставался буквально ни один факт формального отношения к обслуживанию мобилизованных.

На высоте положения оказалась и транспортная служба столицы. Несмотря на то что львиная доля её грузовых машин с началом войны была мобилизована в армию, она и в этих труднейших условиях помогала фронту. Бывший начальник транспортного управления И.М. Губерман вспоминал: «В ночь с 1-го на 2 июля [1941 г.] нас вызвали к А.С. Щербакову. Кратко сказав о положении на фронте, он поставил перед нами [...] задачу: в течение суток собрать и подготовить несколько тысяч грузовых автомобилей для перевозки войск. “Знаю [...] осталось мало машин, многие из которых неисправны. Но нужно сделать невозможное. Мобилизуйте все силы, но через 24 часа надо начать перевозку”. На счету был не только каждый час, но и буквально каждая минута».

Для руководства колоннами из транспортной академии отобрали около 100 слушателей. В течение двадцати часов автомобилисты под руководством транспортной службы Мосгорисполкома и Московской автоинспекции собрали из оставшихся на предприятиях и стройках более 2 тыс. автомобилей, привели их в исправное состояние, обеспечили водителями. И 2 июля колонна была сформирована.

Специально сформированная московская автоколонна с продовольствием была направлена в блокированный Ленинград, а позднее участвовала в снабжении его жителей по дороге жизни через Ладожское озеро.

Вместе с ленинградцами москвичи показали пример и в организации добровольческих формирований, в первую очередь Народного ополчения. Впервые вопрос об этом обсуждался 26 июня 1941 г. в Кремле. Вместе со Сталиным, наркомом обороны С.К. Тимошенко, А.С. Щербаковым, другими руководителями в совещании участвовали некоторые секретари райкомов столицы. В ночь с 1 на 2 июля ЦК партии созвал новое совещание с участием секретарей МК и МГК и всех секретарей райкомов партии Москвы. На нём было объявлено, что ГКО поддерживает патриотическое движение по созданию Народного ополчения. Его формирование решено было проводить по районам и закончить к 6 июля 1941 г.

2 июля в горкоме партии, ставшем штабом формирования добровольческих дивизий, собрались секретари райкомов партии, председатели исполкомов райсоветов, райвоенкомы. А.С. Щербаков, нарком внутренних дел Л.П. Берия и новый командующий МВО генерал-лейтенант П.А. Артемьев (он заменил на этом посту генерала армии И.В. Тюленева, назначенного командующим войсками Южного фронта) ознакомили участников совещания с постановлением Военного совета МВО о порядке формирования ополченческих дивизий, об обеспечении их вооружением, снаряжением и продовольствием, ответили на многочисленные вопросы.

Крупные предприятия и учреждения формировали целые воинские подразделения. В ополчение записывались отцы и дети, пожилые и совсем юные. Так, на заводе «Красный пролетарий» высказали желание стать ополченцами одна тысяча рабочих, инженеров, техников.

Патриотический подъём охватил творческую интеллигенцию. Например, из коллектива МГУ им. М.В. Ломоносова в Народное ополчение вступило свыше 900 человек, в том числе большая группа профессоров и докторов наук.

Ополченцами стали известный минеролог, исследователь метеоритов Л.А. Кулик, один из пионеров разработки основ космонавтики Ю.В. Кондратьев, философ, будущий академик Б.М. Кедров, экономист Д.Т. Шепилов, выдающийся скульптор Е.В. Вучетич.

Вначале планировалось сформировать 25 добровольческих дивизий (по числу столичных районов). Однако, учитывая нужды

промышленности в людях, нехватку вооружения и другие обстоятельства, решено было сформировать только 12 дивизий, в состав которых вошли около 120 тыс. москвичей и около 50 тыс. жителей Подмосковья. Партийная прослойка в дивизиях составляла от 20 до 60%, а каждый девятый ополченец являлся комсомольцем.

Наркомат обороны СССР и Военный совет МВО направили на должности командиров дивизий, полков, начальников штабов опытных военных. Остальные командиры и весь политический состав дивизий подбирались в райкомах и утверждались в МК ВКП(б). Под его пристальным контролем проходила работа по вооружению, материальному обеспечению ополченцев, их расположению и обучению.

Районы Москвы установили шефство над ополченческими дивизиями: направляли туда подкрепления, делегации, подарки, поддерживали регулярную переписку.

16 июля ГКО принял постановление о защите Москвы по линии Можайска. С этой целью был организован фронт по Можайской линии в составе 10 дивизий народного ополчения и 5 дивизий НКВД, объединённых в три армии. Несколько позднее московские ополченческие дивизии вошли в состав Резервного фронта, а некоторые из них уже в августе 1941 г. приняли участие в боях на дальних подступах к столице.

К сожалению, несмотря на все усилия командования МВО, ополченческие дивизии были вооружены слабо, что отрицательно сказывалось на их боеспособности. Об этом 7 августа 1941 г. с тревогой сообщал руководству страны и командующий Резервным фронтом генерал армии Г.К. Жуков. Вошедшие в 32-ю и 33-ю армию десять московских ополченческих дивизий, констатировалось в его докладной записке, имеют в своём составе много совершенно необученных бойцов; ополченцы плохо вооружены, а предоставленное им оружие относится к разным системам; дивизии не получили необходимых средств связи, инженерного и химического имущества. В таком состоянии, делал вывод Г.К. Жуков, дивизии не являлись боеспособными⁵.

По распоряжению наркома обороны СССР И.В. Сталина соответствующие органы наркомата уже через несколько дней после телеграммы Г.К. Жукова приняли экстренные меры по укреплению боеспособности ополченческих дивизий. Начальнику Главного артиллерийского управления Красной армии Н.Д. Яковлеву было приказано срочно заменить иностранные винтовки на отечественные, а командующему МВО заменить необученных и больных ополченцев проверенным, имеющим боевой опыт бойцов (по 500 человек в каждую дивизию). Начальнику Генштаба Б.М. Шапошникову и главному интенданту Красной армии А.В. Хрулёву предписывалось перевести дивизии ополчения на общее

положение с регулярными дивизиями Красной армии, что и было осуществлено в сентябре 1941 г.⁶.

В связи с тяжёлым положением на фронтах ГКО принимает ряд важных решений, направленных на усиление противодействия врагу: «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника в прифронтовой полосе», «Об организации борьбы в тылу германских войск», «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» и др.

В соответствии с постановлением ГКО при городских и районных отделах НКВД создавались истребительные батальоны численностью 100–200 человек. С 27 июня такие батальоны из числа проверенных партийных, советских и комсомольских активистов, способных владеть оружием, стали формироваться и в Москве. 9 июля ГКО принял новое постановление – «О мероприятиях по борьбе с десантами и диверсантами противника в Москве и прилегающих районах». Кроме уничтожения вражеских десантов и диверсантов, ставились задачи по борьбе с контрреволюционными проявлениями, организации патрульной службы и оказанию содействия органам милиции в поддержании общественного порядка во время воздушной тревоги.

Численный состав всех 35 батальонов доводился до 500 человек, которые обучались гранатометанию, истреблению танков. Наркомат обороны выделил в распоряжение этих батальонов около 300 ручных пулемётов, около 6 тыс. пистолетов, 55 тыс. гранат и т.д.⁷.

В первые месяцы войны на территорию Московской области высадилось около 20 парашютных немецких десантов. Часть вражеских агентов пыталась проникнуть и на территорию столицы. Но все они были захвачены и обезврежены при непосредственном участии истребительных батальонов.

Во второй половине июля 1941 г. МК ВКП(б) приступил к подготовке партизанского движения на случай вторжения захватчиков в Подмосковье. Решением бюро МК партии был создан областной штаб по руководству подпольем и партизанским движением. В него вошли пять секретарей обкома, председатель облисполкома П.С. Тарасов и начальник Управления НКВД по г. Москве и Московской области М.И. Журавлёв. К осени 1941 г. в Подмосковье были созданы 12 подпольных окружных партийных комитетов, а в городах и районах формировались партизанские отряды. Под непосредственным руководством А.С. Щербакова, М.И. Журавлёва и руководителя областного штаба С.Я. Яковлева был тщательно подобран руководящий состав подполья, созданы базы для партизанских формирований, куда были завезены продовольствие, обувь, одежда, вооружение, боеприпасы и медикаменты. К обеспечению этих баз пулемётами, автоматическим оружием, минами, взрывчат-

кой подключились наркоматы и командование МВО. В организации подполья активно участвовали и столичные организации: они активно помогали областным работникам кадрами, содействовали созданию продовольственных баз и складов, заранее снабжали будущих народных мстителей необходимой литературой, в первую очередь злободневными листовками.

Ещё 27 июня 1941 г. в штабе одной из дивизий Западного фронта началось формирование Особой разведывательно-партизанской части 9903. Её комсостав комплектовался из слушателей Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе, а личный состав – в основном из комсомольцев-добровольцев Москвы, Подмосковья и Действующей армии. Через комиссию по отбору, созданную из представителей ЦК, МК и МГК ВЛКСМ, при участии командира части майора А.К. Спрочиса, прошли в общей сложности 3 тыс. московских комсомольцев (в том числе такие легендарные партизанки, как З.А. Космодемьянская и В.Д. Волошина), и после индивидуального отбора зачислено около 2 тыс. из них. Для проведения разведывательно-подрывных действий в тылу фашистских войск было направлено несколько групп.

Тогда же началось формирование Особой группы войск при НКВД СССР (в октябре 1941 г. переименована в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения – ОМСБОН НКВД СССР). Она предназначалась для выполнения особых заданий Верховного Командования на фронте и в тылу. Её комсостав комплектовался из чекистов, пограничников, преподавателей и выпускников Высшей школы НКВД СССР и пограничилищ. Рядовой состав – из московских добровольцев, военнослужащих внутренних войск, спортсменов и политэмигрантов. Командиры и бойцы ОМСБОН ярко проявили себя в осенне-зимних боях 1941 г.

Диверсионно-разведывательные группы перебрасывались из Москвы и в глубокий вражеский тыл. «В первых числах июля [1941 г.], – вспоминал Г.К. Жуков, – в тыл противника, в район Минска, должна была быть заброшена диверсионно-разведывательная группа. В неё входили две девушки и двое юношей-комсомольцев, хорошо владевшие немецким языком. Если не ошибаюсь, девушки были из Института иностранных языков. В разговоре выяснилось, что они москвички. На мой вопрос: “Не боятся ли они лететь в тыл врага?” – переглянулись и, чуть улыбаясь, ответили: “Конечно, боязно, страшно будет, если нас схватят во время приземления. Ну а если не схватят в этот момент, всё будет в порядке”.

Они были очень молоды и хороши собой. Родина позвала их, и они пошли на опасное и нелёгкое дело. Как сложилась их судьба, я не знаю»⁸.

8 июля 1941 г. начальник Генштаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер с удовлетворением зафиксировал в своём служебном днев-

нике: «Непоколебимо решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землёй. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще»⁹.

Для разрушения Москвы с воздуха предназначался 2-й воздушный флот, укомплектованный опытными экипажами, уже имевшими опыт бомбёжки крупных европейских городов, под руководством генерал-фельдмаршала А. Кессельринга.

Столицу от воздушных налётов защищали две структуры: части Московской зоны противовоздушной обороны (ПВО) и силы и средства местной противовоздушной обороны (МПВО). Если задачей ПВО было не допустить вражеские самолёты к городу, то МПВО боролась с последствиями бомбардировок в самой Москве.

К началу войны ПВО (1-й корпус и 6-й истребительный авиационный корпус) имел на вооружении: самолётов – 602, зенитных орудий – 104, аэростатов заграждения – 124, зенитных пулемётов – 571, прожекторов – 1042¹⁰.

Зона ПВО Москвы формировалась по кольцевому принципу. Её внешнее кольцо начиналось более чем в 200 км от столицы и представляло собой сеть из 580 постов воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), откуда полученные данные поступали на командный пункт ПВО. Полки 6-го истребительного авиакорпуса готовы были встретить вражескую авиацию на расстоянии 150–200 км от Москвы.

Силы и средства МПВО включали: 18 городских специализированных служб: связи, медико-санитарной, авиаубежищ, метрополитена, транспортная, охраны общественного порядка, восстановления зданий и другие; 6 полков и батальонов для восстановления зданий и коммунального хозяйства, 25 отдельных батальонов, имевших в своём составе от 4 до 8 рот (аварийно-спасательные, медицинские, противопожарные); 3-й инженерно-противохимический полк. Для борьбы с пожарами были задействованы: 12 тыс. 736 специальных команд на предприятиях и в учреждениях, 5-тысячный комсомольско-молодёжный полк, противопожарные звенья в группах самозащиты при домоуправлениях.

С учётом того, что из 58 тыс. московских жилых домов 40 тыс. (70%) были деревянными и отапливались дровами, всюду размещались деревянные склады, многочисленные сараи и другие пожароопасные строения, – борьба с загораниями и аварийно-спасательная работа начиналась не после отбоя воздушной тревоги, как действовали противопожарные команды в Лондоне, а в первые же минуты авианалётов, зачастую под зловещий аккомпанемент падающих бомб и пулёмётную стрельбу с воздуха. В противном случае город пострадал бы в несколько раз больше. Ведь выгорела же почти в схожих условиях почти четверть капитально застроенного Лондона.

Руководство столицы оказывало ПВО и МПВО самую разнообразную помощь: от обеспечения зенитно-прожекторных подразделений кадрами добровольцев, в основном девушками, до снабжения домоуправлений песком, противогазами, различными приспособлениями для борьбы с зажигательными бомбами, быстрее использования станций метрополитена для приёма населения в случае воздушной тревоги.

Всего же, с учётом новых десятков тысяч добровольцев, значительную часть которых составляли женщины и подростки, «армия» подразделений и формирований МПВО насчитывала в своих рядах к началу июля 1941 г. около 650 тыс. человек.

Постоянное внимание ПВО и МПВО Москвы уделял и Государственный Комитет Оборона. Только в июле 1941 г. он принял ряд важных постановлений, направленных на их дальнейшее укрепление: «О реорганизации службы МПВО г. Москвы»; «О пулемётах для ПВО г. Москвы»; «О создании службы маскировки при Московском Совете» (с помощью архитекторов и художников стали создаваться ложные корпуса промышленных объектов, элеваторов, нефтебаз, красноармейских лагерей, аэродромы с макетами самолётов) «О порядке объявления воздушной тревоги в г. Москве» и ряд других. Наиболее важным из них явилось постановление ГКО от 9 июля «О противовоздушной обороне Москвы». Дополнительно планировалось уже к 18 июля сформировать по 2 полка зенитной артиллерии среднего и мелкого калибра, два полка крупнокалиберных пулемётов. Истребительная авиация ПВО г. Москвы доводилась до 11 полков по 63 самолёта и 10 полков по 30 самолётов в каждом, общей численностью 1003 истребителя. Для их обслуживания 15 июля сооружалось 24 аэродрома и к 1 октября 1941 г. – 9 аэродромов с бетонными взлётными и посадочными полосами¹¹.

Начиная с двадцатых чисел июля 1941 г. фашисты стремились держать Москву в постоянном напряжении. Авианалёты, как правило, начинались с наступлением темноты и продолжались зачастую по 5–6 часов. Волна за волной шли воздушные разбойники к городу. Первый такой массированный налёт, в котором участвовало 250 бомбардировщиков, был совершён в ночь с 21 на 22 июля.

Поэт А.А. Сурков, находившийся в те дни на Западном фронте, позднее писал: «...Самым памятным для меня и для других остался тот вечер, когда над нашими головами с угрожающим рычанием высоко в небе пролетели на восток армады немецких бомбардировщиков. Они летели долго, косяк за косяком [...] И тогда кто-то ошеломил нас догадкой:

– Товарищи, ведь они, будь они прокляты, на Москву полетели!

В лесу были и москвичи, и сибиряки, и украинцы, и белорусы... Но чувство общей тревоги и боли обожгло наши сердца, и каждому хотелось, чтобы вражьи воздушные корабли лучше сбросили свой смертоносный груз сюда, на наши головы, только бы не долетели до Москвы.

В тот памятный вечер записал я в свою корреспондентскую книжку стихотворение, которое оканчивалось строками:

И мы услышали глухие слова:

– Клянусь тебе жизнью, родная Москва,

За кровь на асфальте, за женщин в слезах,

За ужас в бессонных ребячьих глазах,

...За каждый кирпич, что они разобьют,

За каждый квартал, укутанный в дым,

Мы страшной расплатой врагу воздадим...»¹².

Несмотря на умелые и самоотверженные действия воинов ПВО, сбивших 20 вражеских самолётов, к городу прорвалось около 30 бомбардировщиков. От их зажигательных бомб возникло немало пожаров и возгораний, из них на оборонно-промышленных объектах – 24, объектах военного ведомства – 18, на особо важных – 14.

Через сутки силами 150 самолётов был совершён второй налёт, в результате которого к Москве прорвалось 25 бомбардировщиков. Всего же только за первый месяц авианалётов противник сбросил на Москву и её окрестности 615 фугасных и 77 тыс. зажигательных бомб.

Однако умелые и героические действия воинов ПВО Москвы, большие потери в самолётах, усиление активности советской авиации на фронте к сентябрю 1941 г. отвлекли значительную часть 2-го воздушного флота от активных авианалётов на советскую столицу. Усиление её вновь произошло лишь в период Московской битвы*.

Уже в ходе первых авианалётов на Москву воины противовоздушной обороны Москвы проявили чудеса мужества и мастерства. Так, в ночь с 21 на 22 июля командир эскадрильи 11-го истребительного полка капитан К.Н. Титенков атаковал флагмана группы немецких бомбардировщиков и сбил его. В стане противника возникли растерянность и замешательство, заход для прицельного бомбометания был сорван. За этот бой отважный летчик был награждён орденом Ленина. Тот же К.Н. Титенков 24 сентября 1941 г., расстреляв боеприпасы, таранил «Юнкерс-88».

Заместитель командира эскадрильи 177-го авиаполка младший лейтенант В.В. Талалихин (бывший рабочий Московского мясокомбината) в ночь с 6 на 7 августа совершил первый в небе Москвы в истории авиации ночной таран и, уничтожив «Хейнкель-111», благополучно покинул свой повреждённый «И-16» на парашюте.

* В связи с тем, что надёжного бомбоубежища для Ставки ВГК к началу войны ещё не имелось, И.В. Сталин иногда работал в кабинете, оборудованном к 27 июня на станции метро «Кировская» (ныне «Чистые пруды»). Здесь же работали и сотрудники Генштаба. Пассажиры составы на станции не останавливались, а её перрон был отгорожен от путей высокой фанерной стеной.

11 августа заместитель командира эскадрильи 27-го истребительного авиаполка лейтенант А.Н. Катрич, израсходовав боеприпасы, на высоте около 9 тыс. м таранил вражеский самолёт-разведчик и благополучно вернулся на свой аэродром. Это был первый в истории авиации высотный таран. 12 сентября Катрич вторично применил таран в воздушном бою, сбив ещё один бомбардировщик противника.

Из 2 тыс. немецких самолётов, участвовавших с 21 июня по начало сентября в налётах на Москву, были сбиты 128, причём 6 уничтожены воздушными таранами.

Весомый вклад в защиту Москвы внесли и воины 1-го корпуса ПВО под руководством генерал-майора артиллерии Д.А. Журавлёва.

Известный английский писатель и журналист А. Верт вспоминал: «Особенно внушительное впечатление производил мощный заградительный огонь: шрапнель зенитных снарядов барабанила по улицам, точно град. Десятки прожекторов освещали небо. В Лондоне мне не приходилось ни видеть, ни слышать ничего подобного».

Уже к середине июля 1941 г. из-за неблагоприятного положения на фронтах Московский военный округ из тылового стал прифронтовым.

В связи с этим Военный совет фронта по предложению А.С. Щербакова высказался за то, чтобы, укрепляя Вяземскую оборонительную линию, где трудился и большой отряд москвичей, поставить перед Ставкой вопрос о возведении оборонительных сооружений на подступах к самой столице. И 16 июля 1941 г. ГКО принял решение о строительстве Можайской линии обороны – по рубежу Московского моря – западнее Волоколамска, Можайска, Малоярославца общей протяжённостью 220 км. Окончание первой очереди строительства планировалось на 15 октября, второй – к 20–25 ноября. Обеспечение строительства рабочей силой, автомашинами, необходимыми механизмами выпало на долю московских советских и партийных органов.

В августе, в связи с обострением обстановки на Можайском направлении, эти работы форсировались. В них участвовало уже около 100 тыс. человек, в основном жителей Москвы и Подмосковья. Военный совет МВО решил имеющимися в его распоряжении средствами создать здесь и пять оборонительных секторов, оборона которых возлагалась на слушателей пяти находившихся в Москве военных академий. По секторам были раскреплены и московские истребительные батальоны.

Одной из важнейших частей программы превращения страны в единый военный лагерь являлась перестройка экономики, в первую очередь промышленности, на военный лад.

К началу войны столичная промышленность давала около 15% всей общесоюзной продукции, а вместе с подмосковной – почти 22%. Особенно сильно здесь были развиты оборонная, автомобильная, станко-

строительная, шарикоподшипниковая, шерстяная и хлопчатобумажная отрасли. В Москве находились ведущие НИИ и КБ, работавшие в тесном содружестве с трудовыми коллективами почти 500 крупнейших московских предприятий. Быстрый перевод индустрии на военные рельсы, на снабжение армии всем необходимым имел актуальнейшее значение, особенно с учётом того, что уже в первые месяцы военных действий страна потеряла немалую часть своего экономического потенциала. Перестройка осуществлялась уже в обстановке начавшейся в июле 1941 г. эвакуации из Москвы в восточные районы страны населения, крупных предприятий, научных и культурных учреждений.

Эффективное использование имевшегося экономического, оборонного, научного и кадрового потенциала в немалой степени зависело от энергичных и компетентных действий московского руководства.

В отделах горкома партии с утра до поздней ночи секретари и заведующие отделами вместе с работниками наркоматов, директорами и главными инженерами ведущих предприятий производили тщательные расчёты возможностей организации производства и кооперации по выпуску военной продукции.

Но решающая роль в осуществлении перестройки на военные рельсы принадлежала трудовым коллективам. Их девизом стало: «Хочешь врага победить на войне – план выполняй вдвойне и втройне!» и «Твой станок – теперь твоя винтовка!». Прошедшие на заводах и фабриках, в НИИ и КБ партийные, комсомольские и общие собрания принимали жёсткие решения, суть которых зачастую сводилась к следующему: невыполнение оборонного заказа – измена Родине.

На строгий учёт были взяты станки, инструменты, сырьё, металл. Чтобы увеличить производственные мощности своих предприятий, рабочие и инженерно-технические работники столицы оперативно восстановили 25 тыс. единиц оборудования, считавшегося ранее непригодным. Ушедших на фронт, эвакуированных кадровых рабочих заменяли женщины, подростки, пенсионеры.

Первыми перешли на выпуск военной продукции такие флагманы советской индустрии, как заводы «Красный пролетарий», электромеханический им. Владимира Ильича, «Динамо», «Фрезер», автомобильный им. И.В. Сталина и другие. Текстильные и швейные фабрики переключились на массовое изготовление военного обмундирования, пищевые предприятия стали поставлять фронту сухари и концентраты. По решению Исполкома Моссовета 90% из всех предприятий местного значения, выпускавших сугубо мирную продукцию, активно включились в освоение производства гранат, мин, снарядов, бутылок с зажигательной смесью.

Новый размах получило социалистическое соревнование двухсотников, многостаночников, совместителей профессий за высокое

качество выпускаемой продукции. Москвичи явились инициаторами популярнейшего движения в промышленности: «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт».

«В те дни понятия о технических нормах сами собой отпали, – писал позднее мастер завода «Серп и молот» И.И. Туртанов. – Мы уже не говорили, что агрегаты работают на полную мощность. Представления о пределах возможностей машин и людей изменились [...] В затемнённых цехах мы буквально задыхались. На некоторых участках жара достигала 60 градусов. Помню, как несколько позже, когда мы уже приспособились к такой температуре, к нам прибыли фронтовики. Они приехали за запасными частями для военной техники [...].

И вот я разговорился с одним из военных. Ответив на мои расспросы о положении на фронте, он сказал:

– А у вас, пожалуй, жарче, чем в бою».

И недаром популярным изречением военных лет было: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд».

Всего уже в начале июля 1941 г. на выпуск военной продукции перешли коллективы около 2 тыс. московских предприятий.

Их основное внимание было сосредоточено на освоении той военной техники, в которой Красная армия особенно нуждалась (самолётов, танков, миномётов, автоматов, реактивных установок, мин, противотанковых ружей). Тем более что некоторые из них до начала войны в Москве вообще не выпускались.

Решением ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. на московскую промышленность было возложено производство такого весьма эффективного оружия (существовавшего до войны лишь в опытных образцах), как реактивные установки (легендарные «катюши»). В реализацию этого задания включились коллективы около 50 московских предприятий. Общее руководство по освоению установок возлагалось на председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, а в помощь ему был выделен В.П. Пронин.

Через каждые два дня собирались специалисты, проверяя ход освоения производства. Особое внимание уделялось работе головного предприятия – заводу холодильных установок «Компрессор».

Если производство самих установок оказалось сравнительно несложным, то технология изготовления снарядов, от которых в первую очередь зависела точность поражения целей, потребовала чуть ли не ювелирной их обработки. К этому времени (июль 1941 г.) на завод прибыли опытные образцы установок, изготовленных в мастерских одного из НИИ и уже побывавших на фронте. Но они имели ещё много конструкторских недостатков, и группа специалистов во главе с В.П. Барминым, возглавлявшим заводское КБ, приступила к их устранению.

Рабочие, воодушевлённые рассказами бойцов-фронтовиков о действиях первых «катюш», также трудились с максимальной энергией. И в августе 1941 г. первая партия установок поступила в действующую армию.

Но это была лишь капля в море, и ГКО принял постановление о резком увеличении производства «катюш» «как особо важного государственного задания для нужд фронта».

«Люди сутками не покидали своих рабочих мест, – вспоминал бывший директор завода И.А. Дорожкин. – Чтобы не прерывать производственный процесс, спали по 2–3 часа в сутки, прямо на полу, в кабинах машин. Некоторые не бывали дома неделями». Специальным решением МК ВКП(б) в освоение производства деталей для реактивных установок включился ряд предприятий, в помощь трудовому коллективу была направлена большая группа опытных слесарей, сварщиков, других квалифицированных рабочих. Вопросы, связанные с производством реактивных установок, решались в наркоматах сверхоперативно, не днями, а часами.

В результате этих усилий задание ГКО было выполнено: уже в сентябре 1941 г. на фронт было отправлено 36 реактивных установок М-8 и М-13, а затем их выпуск, как и планировалось, достиг 5 боевых машин в сутки.

О том, насколько инициативно действовали труженики промышленности, свидетельствует и такой факт.

В начале июля 1941 г. Московскому танковому заводу было предложено перейти на выпуск танка Т-50, разработанного в Ленинграде. Но его конструкция была слишком сложной, не говоря уже о том, что для производства Т-50 потребовалось бы значительное время и расширение заводской территории.

В этой обстановке конструктор Н.А. Астров за две недели начертил и изготовил в металле образец новой более совершенной боевой машины, названной им Т-60. Заявка была передана в ЦК ВКП(б) ночью, а уже на другой день нарком танковой промышленности В.А. Малышев по поручению И.В. Сталина осмотрел макет и одобрил его.

Изготовление узлов нового танка перевели на поточное производство, перестроили цех сборки машин, приспособив к применению конвейеров. В считанные дни соорудили эстакаду, оснащённую кранами для приёмки и доделки бронекорпусов, поставляемых из Подольска. Нарращиванию объёма и темпа производства способствовали и кооперативные поставки узлов смежными предприятиями. Их организация была возложена непосредственно на секретаря горкома партии Г.М. Попова.

Город бомбили, несколько бомб упало рядом с заводскими корпусами, но рабочие, даже девушки-чертёжницы, с рабочих мест не уходили. «Плакали от страха, – вспоминал Н.А. Астров, – но в бомбоубежище не спускались».

И уже к осени 1941 г. завод не только вышел из трудного положения, но и стал перевыполнять плановые задания. Танковые подразделения формировались прямо на его территории, поступая в распоряжение прославленной бригады генерала М.Е. Катукова.

По количеству выпущенных боевых машин Т-60 занимал второе место после Т-34, хорошо проявив себя в боях под Москвой и Ленинградом.

Активное участие приняли трудовые коллективы, как и все москвичи, в движении за создание Фонда обороны страны. Денежные взносы помещались в отделениях Госбанка СССР, сведения о поступлениях в Фонд обороны с 1 августа 1941 г. публиковались в сводках Совинформбюро. По инициативе ряда предприятий трудящиеся Москвы решили до конца войны ежемесячно отчислять свой однодневный заработок на нужды обороны. Уже к 10 сентября 1941 г. от москвичей в Фонд обороны поступило 457 млн руб., 800 г платины, 32 кг золота, 1480 кг серебра, 1,3 млн иностранной валюты, на 228 тыс. руб. облигаций государственных займов¹³.

К этому времени трудящиеся столицы только войскам Западного направления отправили 105 тыс. вещевых и продуктовых посылок. Более 8 тыс. из них адресовались ополченцам, над дивизиями которых шефствовали московские районы, предприятия, учреждения.

С начала августа 1941 г. по инициативе работниц «Трёхгорной мануфактуры» в стране развернулось массовое донорское движение. «Каждый возвращённый в строй воин, – писала газета «Правда», – это наша общая победа». В столице действовало 27 донорских пунктов, а число доноров превышало 340 тыс. человек. От них поступило свыше 500 тыс. л крови, благодаря чему была спасена жизнь сотен тысяч раненых.

В мартеновском цехе завода «Серп и молот» чудеса высокой производительности, труда и умения показывала Мария Белаш. Одной из первых откликнулась она и на призыв стать донором. Ей было присвоено звание «Почётный донор СССР». Дважды удостоилась этого звания и любимица металлургов Анна Цыплятникова. Более 60 л крови сдала она. Десятки писем получила с фронта от тех, с кем кровно породнилась, кому вернула жизнь. И в каждом письме солдаты и офицеры любовно называли её сестрёнкой.

С 17 июля 1941 г. в столице была введена карточная система распределения продовольственных и промышленных товаров. Норма снабжения рабочих была больше, чем служащих, а служащих – больше, чем иждивенцев и детей. Всего существовало свыше 100 различных видов и норм снабжения. Преимуществами здесь, наряду с рабочими оборонных предприятий, пользовались и доноры.

В столице и области с началом войны развернули работу свыше 200 госпиталей. В Москве над госпиталями шефствовали 750 предприятий и учреждений, свыше 50 тыс. москвичек помогали ухаживать за

ранеными. Только в первые недели войны около 150 санитарок и сандружинниц в госпиталях, в медицинских пунктах ПВО и МПВО ушли в действующую армию.

Перестроили свою работу и творческие организации столицы. Уже 22 июня 1941 г. московские писатели собрались в отделе печати Главного политического управления Красной армии, чтобы получить документы и отправиться на фронт. Среди тех, кто со словами В.В. Маяковского: «И песня и стих – это бомба и знамя» – ушёл воевать, были Н.С. Тихонов, А.Т. Твардовский, М.А. Светлов, А.П. Гайдар, Л.С. Соболев – всего свыше 200 человек. Многие из них стали военными корреспондентами центральных, фронтовых, армейских и дивизионных газет.

Громадный заряд бодрости, уверенности в победе, жгучую ненависть к врагу вызывали статьи А.Н. Толстого, М.А. Шолохова, И.Г. Эренбурга, Е. Петрова, К.М. Симонова, В.С. Гроссмана, Б.Л. Горбатова, печатавшиеся в газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда».

Исключительную популярность в тылу и на фронте приобрели песни на слова М.В. Исаковского и А.А. Суркова.

24 июня 1941 г. газеты «Известия» и «Красная звезда» опубликовали слова песни В.И. Лебедева-Кумача «Священная война», положенной на музыку композитором А.В. Александровым. А уже 26 июня она прозвучала перед бойцами, направлявшимися на фронт с Белорусского вокзала. «Священная война» стала подлинным гимном сражающегося народа.

24 июня издательство «Искусство» выпустило первый военный плакат «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!», созданный художниками М.В. Куприяновым, П.Н. Крыловым, Н.А. Соколовым (Кукрыниксы). 27 июня на Кузнецком мосту был вывешен первый плакат «Окна ТАСС». Его красочные агитационные рисунки со стихотворными текстами были созданы по примеру «Окон сатиры РОСТА» В.В. Маяковского. Инициаторами этого выпуска стала бригада в составе художников А.М. Герасимова, М.М. Черемных, Кукрыниксов и др., а также группа поэтов во главе с С.И. Кирсановым.

Уже через два дня после начала войны Всесоюзное гастрольно-концертное объединение и Мосэстрада создали более 40 концертных бригад для выезда в действующую армию. Всего же московские артисты к 10 сентября 1941 г. дали для Красной армии около 3 тыс. 800 концертов, в которых участвовали такие видные советские мастера сцены, как В.В. Барсова, С.Я. Лемешев, И.С. Козловский, М.Д. Михайлов, А.С. Пирогов, М.О. Рейзен, Л.А. Русланова, В.Я. Хенкин и многие другие.

Оперативно решая вопросы, связанные с военно-мобилизационной и хозяйственной работой, многие партийные организации ослабили агитацию и пропаганду, зачастую она велась вяло, без учёта сложившейся обстановки. Такая «идеологическая пассивность» встревожила МГК

ВКП(б). По его рекомендации на предприятиях и в учреждениях, на районных активах, по месту жительства стали регулярно проводиться информации с повесткой дня «Текущий момент и наши задачи», собрания и митинги. Конкретные задачи в этой области были изложены в докладе А.С. Щербакова «О состоянии партийно-политической работы» 29 сентября 1941 г. на московском идеологическом активе.

Особое внимание в докладе было обращено на то, чтобы агитация проводилась систематически, остро и боевито. Ведь враг, подчёркивал докладчик, не ждёт специальных бесед или собраний, а действует более гибко, пуская провокационные слухи в очереди в магазине, трамвае, поезде, столовой или курилке.

Вновь весьма остро прозвучал вопрос о смертельной опасности, нависшей над Родиной. Нам надо, говорил Щербаков, во главу всей нашей политической работы поставить осведомление всех об этой опасности. «Ведь не секрет, товарищи, что распространяются провокационные бредни о том, что фашисты бьют евреев и коммунистов, а русских не трогают, что колхозников и рабочих вроде не трогают. Есть такие люди, которые этому верят [...]. Надо, чтобы все поняли, что от германского фашизма – нашего злейшего врага – пощады не будет никому, в том числе и пленным, и раненым, старикам, детям, женщинам».

Докладчик снова обратил внимание на будущие трудности, что борьба приобретает длительный и упорный характер и нам предстоит суровые испытания¹⁴.

Эти «суровые испытания» наступили для москвичей и жителей Подмосковья буквально через несколько часов. Утром 30 сентября фашистское командование отдало приказ о начале наступления на Москву.

Примечания

¹ Битва за Москву : [Сб.]. – М., 1985. – С. 426.

² Лубянка в дни битвы за Москву : По рассекреченным документам ФСБ РФ / Сост. В.К. Виноградов и др. – М., 2002. – С. 27, 56

³ Московский большевик. – 1941. – 26 июня.

⁴ Москва военная : 1941–1945 : Мемуары и архивные документы. – М., 1995. – С. 58–59.

⁵ Московская битва в хронике фактов и событий. – М., 2004. – С. 95.

⁶ Там же. – С. 99.

⁷ Москва прифронтовая : 1941–1942 : Архивные документы и материалы. – М., 2001. – С. 101–102.

⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления : В 3 т. Т. 1. – М., 1986. – С. 302–303.

⁹ Гальдер Ф. Военный дневник : Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. : В 3 т. Т. 3. Кн. 1. – М., 1971. – С. 101.

¹⁰ Битва за Москву... – С. 336.

¹¹ Московская битва в хронике фактов и событий... – С. 53.

¹² Битва за Москву... – С. 520.

¹³ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : Краткая хроника. – М., 1970. – С. 83.

¹⁴ Пономарёв А.Н. Александр Щербаков : Страницы биографии. – М., 2004. – С. 109.

Противоборство Ставок на советско-германском фронте в сражении за Москву

Арцыбашев Валерий Александрович,
кандидат исторических наук,
Главархив Москвы

Летом 1940 г., после молниеносного разгрома Франции и краха англо-французской коалиции, военно-политическое руководство Германии приняло твёрдое решение о нападении на Советский Союз. На совещании в Бергхофе 31 июля 1940 г. канцлер Германии Адольф Гитлер заявил: «...Если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан тогда станет Германия. Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 1941-го. Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьём это государство одним ударом»¹.

Разработка плана Восточной кампании вермахта началась по распоряжению А. Гитлера с 21 июля 1940 г. и осуществлялась параллельно штабом оперативного руководства Верховного главнокомандования вооружённых сил (ОКВ) и Генеральным штабом сухопутных войск (ОКХ)². В период с июля по декабрь 1940 г. было подготовлено несколько вариантов плана³.

5 декабря 1940 г. на совещании, в котором принимали участие генерал-фельдмаршалы В. Кейтель и В. фон Браухич, а также генерал артиллерии А. Йодль, начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер изложил Гитлеру основы военной кампании на Востоке. Согласно замыслу, предполагалось в короткие сроки нанести решительное поражение Красной армии западнее линии Днепр – Западная Двина и не допустить отхода основных сил противника в глубь страны. Для этого планировалось развернуть три группы армий (северную, центральную и южную), которые должны были наступать на трёх стратегических направлениях – ленинградском, московском и киевском. Главный удар Ф. Гальдер предлагал нанести севернее Пинских (Припятских) болот из района Варшавы на Москву⁴.

Гитлер, одобрив в целом эти предложения, в то же время заметил, что после раскола советского фронта в центре и выхода к Днепру на московском направлении необходимо осуществить поворот части

сил главной центральной группировки на север и юг, разгромить во взаимодействии с северной и южной группировками советские войска в Прибалтике и на Украине (в результате чего СССР оказался бы отрезанным от Балтийского и Чёрного морей и лишился бы важнейших экономических районов) и только после этого приступить к захвату Москвы⁵.

Как позднее вспоминал Ф. Гальдер, когда генерал-фельдмаршал В. фон Браухич попытался обратить внимание на значение Москвы как центра коммуникаций, промышленности и сосредоточение военных усилий России, Гитлер отреагировал на это неожиданным раздражением, заявив, что не следует видеть в столице вражеского государства самодовлеющую цель⁶. Свою точку зрения о важности окружения группировок Красной армии в Прибалтике и на Украине путём поворота наступающих войск соответственно на север и юг германский канцлер и Верховный главнокомандующий вермахта обосновывал необходимостью первоочередного овладения районом Балтийского моря (чтобы обеспечить беспрепятственный подвоз железной руды из Швеции) и Донбассом (где находился один из советских топливно-энергетических центров)⁷. Представители штаба ОКВ, которые во второй половине 1940 г. независимо от Генштаба сухопутных войск разрабатывали свои варианты плана Восточной кампании, разделяли мнение Гитлера.

Таким образом, уже в ходе планирования войны против СССР в германском командовании выявился разный подход к решению важнейших стратегических задач. Главное командование сухопутных войск (ОКХ) отстаивало концепцию «концентрического наступления» на Москву, а Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и сам Гитлер придерживались концепции наступления по расходящимся направлениям⁸. В итоге вторая концепция возобладала над первой и нашла своё отражение в окончательном варианте плана войны Германии против СССР, изложенного в директиве ОКВ № 21 от 18 декабря 1940 г. и получившего кодовое наименование «Барбаросса».

В этом документе указывалось, что «театр военных действий разделяется Пинскими (Припятскими) болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Пинских (Припятских) болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее её и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы

противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы – важного центра коммуникаций и военной промышленности. Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно»⁹.

Далее в документе говорилось: «Группе армий, действующей южнее Пинских (Припятских) болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, ещё до выхода последних к Днепру. С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев»¹⁰.

После окончания сражений южнее и севернее Пинских (Припятских) болот, согласно директиве № 21, необходимо было обеспечить выполнение следующих задач: на юге – своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн, а на севере – быстро выйти к Москве, захват которой означал бы как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех¹¹. (В то же время следует заметить, что, по мнению Гитлера, выполнение второй задачи – захвата Москвы – не решало судьбу войны¹².) Конечной целью кампании на Востоке являлось «создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга – Архангельск»¹³.

К 31 января 1941 г. на основе плана «Барбаросса» была составлена директива ОКХ по стратегическому сосредоточению и развёртыванию войск. В этом документе подтверждались замыслы разгрома СССР в быстротечной кампании (ещё до того как будет закончена война против Англии) и поворота части сил группы армий «Центр» для уничтожения во взаимодействии с группой армий «Север» советских войск в Прибалтике, однако вместе с тем делалась следующая оговорка: «В случае внезапного и полного разгрома русских сил на севере России поворот войск на север отпадает и может встать вопрос о немедленном ударе на Москву»¹⁴.

Зимой 1940/1941 гг. военно-политическое руководство Германии расценивало глобальную и европейскую ситуацию как исключительно выгодную для войны против советского Союза и считало важным уничтожение СССР в 1941 г. в стиле блицкрига¹⁵, ещё до того как Великобритания и США сумеют прийти советскому государству на помощь¹⁶. Не случайно в декабре 1940 г. А. Гитлер настаивал на том, что в 1941 г. вермахт должен решить «все континентальные проблемы в Европе, так как после 1942 г. США будут в состоянии вступить в войну»¹⁷. Кроме того, германское руководство по мере приближения начала операции «Барбаросса» рассчитывало на привлечение Японии и Турции

к непосредственному участию в военных действиях против Советского Союза, чтобы вынудить СССР вести борьбу на два или даже на три фронта и тем самым крайне осложнить его военно-политическое положение¹⁸.

Следует подчеркнуть, что в целом план «Барбаросса» являлся авантюристичным, порочным в своей основе и изначально был обречён на провал, но не по причине принципиальных разногласий в германском командовании, а по причине того, что намерения Гитлера разгромить Советский Союз в ходе одной скоротечной кампании 1941 г. не соответствовали реальным возможностям Германии, особенно в условиях продолжавшейся войны против Англии. Более того, переоценивая силы и возможности вермахта, германское руководство недооценивало военно-экономическую мощь СССР, сопротивление Красной армии, а также организаторские способности высших военных и политических руководителей советского государства.

В свою очередь в 1939–1941 гг. советское правительство не исключало вооружённого столкновения СССР с Германией и её союзниками и, оценивая общую ситуацию в Европе и Азии, вынуждено было держать крупные группировки советских войск не только на Западном театре войны (который считался главным), но и на южных и дальневосточных границах СССР ввиду прогерманской позиции правящих кругов Турции, Ирана и Японской империи.

В середине 1940 г., после изменения западных границ Советского Союза, военно-политическое руководство СССР хорошо понимало, что в случае начала войны на Западном театре вермахт может нанести свой главный удар либо севернее, либо южнее Пинских (Припятских) болот (то есть на северо-западном, западном или юго-западном стратегических направлениях). При этом генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин склонялся к выводу о том, что Германия и её союзники в случае нападения на СССР будут стремиться захватить прежде всего Украину и Кавказ, так как полагал, что без овладения ресурсами этих регионов Германия не сможет вести длительную войну¹⁹.

С августа 1940 г., после смены начальника Генерального штаба Красной армии²⁰, переработка оперативных планов на случай войны проводилась с учётом мнения И.В. Сталина о том, что в будущей войне основные события развернутся на юго-западном стратегическом направлении. При этом в советском Генштабе стратегическая оборона не планировалась вообще, а в вариантах оперативного плана находили своё отражение идеи проведения наступательных операций в стиле стратегии измора²¹. Так, в записке руководства Наркомата обороны СССР и Генерального штаба Красной армии в ЦК ВКП(б) (октябрь 1940 г.), с учётом указаний И.В. Сталина по доработке планов стратегического

развёртывания советских вооружённых сил на 1941 г., признавалось необходимым иметь на западных границах СССР основную группировку в составе Юго-Западного фронта, с тем чтобы мощным ударом в направлении на Люблин и Краков и далее на Бреслау на первом же этапе войны отрезать Германию от её балканских союзников, лишить её важнейших экономических баз и поставить под вопрос дальнейшее участие Балканских стран в войне против Советского Союза²². Этот основной замысел был заложен в оперативный план, утверждённый правительством СССР осенью 1940 г. С приходом в январе 1941 г. на пост начальника Генштаба генерала армии Г.К. Жукова началась доработка плана, продолжавшаяся до начала войны²³.

Реализация плана «Барбаросса» началась, как известно, с рассветом 22 июня 1941 г. Германское командование, оставив в качестве стратегических резервов незначительное количество войск, нанесло мощный удар силами групп армий «Север», «Центр» и «Юг», полностью отобилизованных и развёрнутых ещё до начала войны на огромном пространстве от Балтийского моря до Карпат. Главный удар вермахта, как и было запланировано, наносился севернее Пинских (Припятских) болот, на западном (московском) стратегическом направлении.

На западных границах СССР всю силу первого удара противника приняли на себя войска Прибалтийского, Западного и Киевского Особых военных округов, которые 22 июня 1941 г. были преобразованы соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты²⁴. 24 июня 1941 г. Ленинградский военный округ был преобразован в Северный фронт; а на базе Одесского военного округа с началом войны была сформирована 9-я отдельная армия, которая 25 июня 1941 г. вошла в состав Южного фронта.

В первые дни войны вермахту удалось нанести тяжёлое поражение Красной армии в приграничных сражениях и продвинуться в глубь страны на несколько сотен километров.

Созданная в Москве 23 июня 1941 г. Ставка Главного Командования (ГК)²⁵ не сразу осознала, что накануне войны в определении направления главного удара противника был допущен серьёзный просчёт. В результате в условиях тяжелейшей обстановки, сложившейся на советско-германском фронте, Красной армии пришлось срочно переносить основные усилия с юго-западного стратегического направления на западное.

Именно на это направление в конце июня 1941 г. Ставка ГК начала перебрасывать имеющиеся в её распоряжении стратегические резервы, поскольку главные силы Красной армии были уже втянуты противником в приграничные сражения. Так, 27 июня 1941 г. Ставка отдала директиву № 0038 о занятии тремя армиями резерва ГК обороны на рубеже

Креславль (ныне Краслава), Десна, Полоцкий УР, Витебск, Орша, р. Днепр до Лоева с задачей «не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контрударами наземных войск и авиацией»²⁶.

В тяжелейшей обстановке начального периода войны Ставка ГК вынуждена была принять решение на переход к стратегической обороне на всём советско-германском фронте, которая в летне-осенней кампании 1941 г. осуществлялась путём упорного удержания важных районов с последовательным отходом советских войск от одного поспешно созданного оборонительного рубежа к другому. В ходе стратегических оборонительных операций наносились армейские и фронтовые контрудары; на отдельных участках советско-германского фронта проводились частные наступательные операции; широко применялся манёвр силами и средствами между стратегическими направлениями и из глубины страны²⁷.

В свою очередь Верховное главнокомандование вермахта на московском направлении проводило стратегическую наступательную операцию в три этапа, как это было намечено планом «Барбаросса». Вначале предполагалось разгромить советские войска в Белоруссии; затем осуществить поворот части сил группы армий «Центр» на север, чтобы во взаимодействии с группировкой, наступавшей из Восточной Пруссии, нанести поражение войскам Красной армии в Прибалтике и захватить Ленинград; и только после этого направить усилия двух групп армий – «Центр» и «Север» – на захват столицы СССР²⁸. Водораздел между Западной Двиной и Днепром рассматривался германским командованием как возможный плацдарм для нанесения удара по кратчайшему направлению на Москву, поэтому важнейшей задачей для группы армий «Центр» являлось также овладение районом Смоленска, с тем чтобы обеспечить дальнейшее беспрепятственное наступление на московском направлении. Однако именно в районе Смоленска наступление центральной группировки германских войск в начале июля впервые было остановлено. В её полосе развернулось двухмесячное Смоленское сражение (10 июля – 10 сентября 1941 г.), которое сорвало как бросок этого оперативно-стратегического объединения на Москву, так и запланированный поворот части сил его левого крыла на север²⁹.

Смоленское сражение позволило советской Ставке не только фактически свести на нет первоначальные успехи немцев, достигнутые ими в Белоруссии, но и выиграть время для строительства целой системы тыловых оборонительных рубежей для защиты столицы. Так, в середине июля 1941 г. началось строительство Можайской линии обороны, а позднее – уже в октябре 1941 г. – Ставкой ВГК было принято решение

о создании подмосковного и городского (в г. Москве) оборонительных рубежей³⁰.

Летом 1941 г. в ходе реализации Верховным главнокомандованием вермахта плана «Барбаросса» как для Германии, так и для Советского Союза особое значение имела позиция правящих кругов стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

Ещё 2 июля 1941 г. Ставка ГК в директиве № 00140 потребовала от командования Закавказского военного округа не допускать действий, которые могли бы спровоцировать Иран и Турцию на вступление в войну против СССР³¹. В августе 1941 г. на основании 6-й статьи советско-персидского договора от 26 февраля 1921 г. части Красной армии были временно введены на территорию Ирана с целью защиты границ СССР «от диверсий со стороны немцев, работающих под покровительством иранского правительства, а также для того, чтобы предупредить вылазки иранских войск»³².

Дальневосточным рубежам Советского Союза начиная с 1930-х гг., угрожала японская Квантунская армия. После нападения Германии на СССР Генеральным штабом Японии в соответствии с решениями Императорского совещания от 2 июля 1941 г. был разработан комплекс мероприятий, направленный на форсирование подготовки к проведению наступательных операций против советских вооружённых сил. В японских секретных документах он получил кодовое наименование «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»). Согласно стратегическому замыслу, предполагалось рядом последовательных ударов на избранных направлениях – восточном (приморском), северном (амурском) и западном (район Большого Хингана) – разгромить группировки Красной армии в Приморье, Приамурье и Забайкалье, захватить основные коммуникации, военно-промышленные и продовольственные базы и, сломив сопротивление советских войск, принудить Советский Союз к капитуляции. В то же время японское командование считало важным условием вступления в войну против СССР значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке, когда можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны Красной армии (в этом состояла суть так называемой теории спелой хурмы, ожидания наиболее благоприятного момента)³³.

Советская разведка, имея солидные агентурные позиции в Японии и других странах Азиатско-Тихоокеанского региона, внимательно следила за ходом обсуждения в японском правительстве вопроса о вступлении в войну против СССР и оперативно передавала важную информацию в Москву. В частности, 30 июля 1941 г. советский военный разведчик в Токио Р. Зорге докладывал в Центр: «Начиная со второй половины августа Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная армия

фактически потерпит поражение от немцев, в результате чего оборонительная способность на Дальнем Востоке будет ослаблена. Такова точка зрения группировки Коноэ, но как долго намерен выжидать японский Генштаб, это трудно сейчас сказать. Источник Инвест убеждён, что, если Красная армия остановит немцев перед Москвой, в этом случае японцы не выступят»³⁴. Таким образом, анализ информации, поступавшей от советской разведки, позволял Ставке ВГК уже летом 1941 г. сделать следующий вывод: выступление против СССР Японии зависит от того, смогут немцы взять Москву или нет.

Тем временем вермахт в европейской части СССР продолжал наступление по трём расходящимся стратегическим направлениям. 23 июля 1941 г. в дополнении к директиве ОКВ № 33 А. Гитлер, несмотря на возросшее сопротивление Красной армии, поставил перед германскими войсками следующие задачи: на южном участке Восточного фронта – разгромить противника западнее Днепра, а затем, после овладения Харьковским промышленным районом, предпринять наступление через Дон на Кавказ; на центральном участке – разгромить советские войска в районе между Смоленском и Москвой, а затем по возможности продвинуться дальше на восток с целью захвата столицы СССР; на северном участке – продолжать наступление на Ленинград, для чего временно передать в подчинение командованию группы армий «Север» подвижные соединения из состава центральной группировки вермахта, действующей на московском направлении³⁵.

В тот же день главнокомандующий сухопутными войсками В. фон Браухич выразил своё несогласие с задачами директивы № 33 и дополнений к ней, так как считал, что их выполнение, ввиду сложившейся на фронте обстановки, особенно в полосе наступления группы армий «Центр», не представляется пока возможным³⁶.

Под влиянием нараставших трудностей в осуществлении целей кампании на Востоке со второй половины июля в германском командовании вновь вспыхнули старые разногласия, возникшие ещё в период разработки плана «Барбаросса», относительно основных задач проведения операций восточнее рубежа Днепр – Западная Двина. Когда стало ясно, что надежды на быстрый разгром Красной армии не оправдались, Гитлер снова стал настаивать на проведении эксцентрических охватывающих операций на обоих крыльях советско-германского фронта. Борьба мнений вокруг этого вопроса продолжалась до середины августа³⁷. 18 августа 1941 г. генерал-фельдмаршал В. фон Браухич представил в ОКВ докладную записку, в которой отстаивал необходимость нанести главный удар на Москву в конце августа – начале сентября наряду с проведением дальнейшего наступления на Ленинград и на юге Украины. Однако Гитлер по-прежнему считал, что удар на Москву надо

будет нанести лишь после захвата Прибалтики и Украины и разгрома находившихся там советских войск³⁸.

21 августа 1941 г. А. Гитлер подписал приказ Ставки вермахта, в котором было написано следующее: «Соображения главнокомандования сухопутных войск относительно дальнейшего ведения операций на Востоке от 18 августа не согласуются с моими планами. Приказываю: 1. Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере – окружение Ленинграда и соединение с финнами»³⁹. За день до подписания этого приказа в дневнике ОКВ по вопросу о судьбе Москвы появилась следующая запись: «Фюрер не согласен с предложением главнокомандующего сухопутными войсками относительно продолжения операций от 18.8. Для него вовсе не важна Москва и сосредоточенные там крупные вражеские силы. Напротив, первоочередная задача состоит в том, чтобы лишить русских промышленных районов либо захватить их и использовать в своих целях. Кроме того, желательно быстрое продвижение на юге, чтобы повлиять на позицию Ирана в отношении англо-русских планов. Особенно важно также ликвидировать Крым как военно-воздушную базу Советов и устранить угрозу для румынских нефтяных районов»⁴⁰.

22 августа 1941 г. начальник Генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своём военном дневнике: «Получена директива фюрера от 21.8 (исх. № 441412/41). Эта директива имеет решающее значение для всей Восточной кампании»⁴¹.

После окончания Второй мировой войны некоторые германские историки и мемуаристы считали решение Гитлера от 21 августа катастрофическим не только для кампании 1941 г., но и для всей войны в целом. Однако здесь сразу необходимо отметить, что обстановка на советско-германском фронте не позволяла вермахту в конце августа – начале сентября 1941 г. нанести удар на Москву в соответствии с предложением генерал-фельдмаршала В. фон Браухича. К середине августа германские войска, действовавшие на северо-западном и юго-западном направлениях, не смогли решить всех поставленных перед ними задач. В этих условиях дальнейшее наступление группы армий «Центр» на Москву открывало бы оба фланга этого объединения, чем могло бы воспользоваться советское командование для нанесения контрударов⁴².

В такой сложной обстановке А. Гитлер в своей записке от 23 августа 1941 г. ещё раз подробно рассмотрел принципиальные вопросы военной кампании на Востоке. В этой записке прежде всего указывалось, что в свете важнейших задач, поставленных вермахту на севере и юге, «проблема Москвы по своему значению существенно отступает

на задний план. Я категорически обращаю внимание на то, – подчёркивал Гитлер, – что всё это не новая установка, она уже была точно и ясно сформулирована мною перед началом операции»⁴³. В итоге в конце августа 1941 г. Верховное главнокомандование вермахта, исходя из политических, экономических и оперативных соображений, приняло следующее решение: часть сил группы армий «Центр» повернуть на север для оказания помощи войскам северной группировки, а другую часть сил (2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу) – на юг с целью окружения во взаимодействии с южной группировкой войск советского Юго-Западного фронта⁴⁴.

2-я полевая армия и 2-я танковая группа оказали существенную помощь группе армий «Юг» в окружении и разгроме советских войск на левобережье Днепра. Однако достигнутый немцами в Киевской операции (7 июля – 26 сентября 1941 г.) крупнейший успех в то же время обусловил новую задержку группы армий «Центр» в её продвижении на Москву⁴⁵.

В конце августа 1941 г. на северо-западном стратегическом направлении германские войска, прорвав Лужский оборонительный рубеж, вышли на ближние подступы к Ленинграду, а 8 сентября замкнули вокруг него кольцо блокады. Однако штурм Ленинграда, который мог бы кардинальным образом повлиять на дальнейший ход войны, не состоялся. В начале осени 1941 г. ОКВ, ввиду очевидного недостатка сил и средств, сомневался в дальнейших успехах войск группы армий «Север», поэтому приняло решение о длительной осаде города⁴⁶.

Одновременно с этим германское Верховное главнокомандование вернулось к идее захвата Москвы. Это произошло в начале сентября 1941 г., когда уже наступила осень. Немцы не были готовы к ведению военных действий в зимних условиях. Поэтому Гитлер, учитывая достигнутые вермахтом успехи на Восточном фронте, в директиве ОКВ № 35 от 6 сентября 1941 г. потребовал провести решительную наступательную операцию с целью захвата Москвы до начала зимы, в течение ограниченного времени, имеющегося ещё в распоряжении⁴⁷. 16 сентября 1941 г. командование группы армий «Центр» отдало директиву № 1300/41 о подготовке такой операции на московском направлении, получившей кодовое наименование «Тайфун»⁴⁸.

Основной замысел наступления вермахта на Москву заключался в том, чтобы тремя мощными ударами танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шостки в восточном и северо-восточном направлениях прорвать оборону советских войск, окружить и уничтожить главные силы Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы, Брянского фронта – в районе Брянска, а затем сильными подвижными группировками охватить Москву с севера и юга и одновременно фрон-

тальным наступлением пехотных соединений овладеть столицей СССР⁴⁹. Для обеспечения удара по Москве германское командование приняло решение использовать максимально возможные силы. К началу наступления на московском направлении группа армий «Центр» состояла из трёх полевых армий и трёх танковых групп (с южного участка Восточного фронта были возвращены 2-я полевая армия и 2-я танковая группа; 4-я танковая группа, входившая в состав группы армий «Север», была также переброшена на московское направление)⁵⁰.

В свою очередь Ставка ВГК готовила советские войска к оборонительной операции, цель которой сводилась к тому, чтобы отразить наступление противника, не допустить прорыва его соединений к Москве и овладения ими Московским промышленным районом, ослабить в упорных оборонительных боях наступательную мощь врага на главном стратегическом направлении, изменить соотношение сил в свою пользу и создать таким образом необходимые условия для перехода в контрнаступление⁵¹. Силам группы армий «Центр» (командующий: генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) противостояли войска трёх советских фронтов – Западного (командующий: генерал-полковник И.С. Конев), Брянского (командующий: генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко) и Резервного (командующий: Маршал Советского Союза С.М. Будённый)⁵².

Первый этап немецкого наступления на московском направлении, начавшегося 30 сентября – 2 октября 1941 г., завершился крупным успехом: в течение нескольких дней противнику тремя ударными группировками удалось прорвать оборону советских войск восточнее Духовщины, Рославля и Шостки и окружить в районе Вязьмы четыре армии Западного и Резервного фронтов, а южнее Брянска – две армии Брянского фронта. Уже к 10–12 октября 1941 г. путь на Москву оказался открыт⁵³.

Чтобы восстановить нарушенный стратегический фронт на московском направлении, Ставка ВГК начала спешно стягивать на Можайскую линию обороны все резервы, которые имелись в её распоряжении; сюда же отходили вырвавшиеся из окружения соединения и части Красной армии⁵⁴. С целью улучшения системы управления войсками все силы и средства Западного и Резервного фронтов 10 октября 1941 г. были подчинены единому руководству – командующему войсками Западного фронта генералу армии Г.К. Жукову. А 17 октября Ставка образовала Калининский фронт под командованием генерал-полковника И.С. Конева, тем самым объединив войска, прикрывавшие столицу с северо-запада⁵⁵. К концу октября в результате активного и упорного сопротивления частей Красной армии противник понёс большие потери и вынужден был временно перейти к обороне. Исход октябрьского наступления вермахта на московском направлении оказался для германского командования неожиданным, так как оно не предполагало, что после тяжёлых

поражений советских войск в районах Вязьмы и Брянска у Ставки ВГК найдутся резервы, которые смогут остановить продвижение немецких войск к Москве⁵⁶.

Действительно, в начале октября в распоряжении Ставки ВГК непосредственно в районе Москвы стратегических резервов не было. Они фактически стали создаваться уже в то время, когда окружённые в районе Вязьмы советские войска сковали действия 28 дивизий противника⁵⁷. В ходе ожесточённых октябрьских боев Ставка ВГК начала перебрасывать под Москву крупные силы из Сибири и с Дальнего Востока.

Дело в том, что в начале сентября 1941 г. военно-политическое руководство Японии, внимательно следя за развитием событий на советско-германском фронте, окончательно усомнилось в успешной реализации немцами плана «Барбаросса» и решило продолжить захваты колониальных владений западных держав в Юго-Восточной Азии, не останавливаясь перед войной с США, Великобританией и Голландией⁵⁸. Советская разведка оперативно доложила в Москву об этом важнейшем решении руководства Японской империи. В частности, 14 сентября 1941 г. Р. Зорге сообщил в Центр о том, что, «по данным секретаря кабинета министров Одзаки, японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году, но вооружённые силы будут оставаться в Маньчжурии для возможного выступления будущей весной в случае поражения СССР к тому времени. После 15 сентября советский Дальний Восток можно считать гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии»⁵⁹. Таким образом, на основании разведывательной информации, поступавшей не только из Токио, Ставка ВГК сочла возможным перебросить войска с Дальнего Востока и из Сибири под Москву, захват которой мог бы стать сигналом для начала войны Японии против СССР.

В первой половине ноября 1941 г. германское командование приступило к подготовке второго генерального наступления на столицу СССР, замысел которого сводился к тому, чтобы двумя подвижными группировками одновременно нанести главные удары по флангам Западного фронта, стремительно обойти Москву с севера и юга и замкнуть кольцо окружения восточнее столицы⁶⁰.

Вскрыв замысел противника, Ставка ВГК поставила конкретные задачи фронтам на оборону. Западный фронт должен был упорной и активной обороной подорвать наступательные возможности врага и, не допустив обхода Москвы с севера, окончательно остановить его наступление. Калининскому фронту ставилась задача активными действиями пресекать переброски сил противника на московское направление против Западного фронта. А Юго-Западный фронт под командованием Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко своими правифланговыми армиями (которые ему были переданы после расформирования 10 ноя-

бря Брянского фронта) должен был не допустить прорыва врага в обход Москвы с юга⁶¹.

Наступление вермахта на Москву возобновилось 15 ноября 1941 г. За две недели боёв германские войска с тяжёлыми потерями смогли продвинуться севернее Москвы до Яхромы, а южнее – до Каширы. Однако для достижения главной цели – взятия советской столицы – им уже не хватило ни сил, ни средств⁶². Важной мерой в срыве ноябрьского наступления противника под Москвой явились организованные Ставкой ВГК Тихвинская (10 ноября – 30 декабря 1941 г.) и Ростовская (17 ноября – 2 декабря 1941 г.) наступательные операции. В результате германское командование не смогло снять ни одной дивизии из состава групп армий «Север» и «Юг» для усиления войск, действовавших на московском направлении⁶³.

В целом стратегическая оборона под Москвой складывалась из взаимосвязанных фронтовых и армейских операций, которые проводились в крайне сложных, неблагоприятных условиях, когда противник имел общее превосходство в силах и средствах и владел инициативой⁶⁴. Так, Московская стратегическая оборонительная операция (30 сентября – 5 декабря 1941 г.) состояла из Вяземской (2–10 октября 1941 г.), Можайско-Малоярославецкой (10–30 октября 1941 г.), Калининской (10 октября – 4 декабря 1941 г.), Орловско-Брянской (30 сентября – 23 октября 1941 г.), Тульской (24 октября – 5 декабря 1941 г.) и Клинско-Солнечногорской (15 ноября – 5 декабря 1941 г.) фронтовых операций, объединённых общностью целей советского Верховного Главнокомандования⁶⁵.

К началу декабря 1941 г. вермахт был окончательно остановлен на ближних подступах к Москве. А 5–6 декабря войска Калининского, Западного и двух правофланговых армий Юго-Западного фронтов, имея примерно одинаковое соотношение сил с противником, перешли в контрнаступление на фронте свыше тысячи километров. Такого поворота событий германское командование не ожидало, считая, что советские войска окончательно обессилены, у них нет резервов и они находятся на грани катастрофы⁶⁶.

Контрнаступление под Москвой планировалось Ставкой ВГК как стратегическая наступательная операция трёх фронтов в тесном взаимодействии с авиацией, силами и средствами ПВО Московской зоны обороны⁶⁷. Перед советскими войсками были поставлены решительные цели: разгром ударных группировок противника, наступавших на Москву с севера и юга, устранение непосредственной угрозы Москве и Московскому промышленному району, захват стратегической инициативы и создание благоприятных условий для дальнейшего наступления⁶⁸. Замысел контрнаступления заключался в том, чтобы одновременными

ударами армий Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Калининского и правым крылом Юго-Западного фронтов разгромить наиболее опасные группировки противника, наступавшие на Москву с севера и юга. Главный удар наносили войска Западного фронта, так как ему отводилась ведущая роль в разгроме наиболее сильных фланговых группировок врага⁶⁹.

В период контрнаступления под Москвой (5 декабря 1941 г. – 7 января 1942 г.) Красная армия провела несколько одновременных и последовательных наступательных операций: Клинско-Солнечногорскую – войсками правого крыла Западного фронта (6–25 декабря 1941 г.), Калининскую – войсками Калининского фронта (5 декабря 1941 г. – 7 января 1942 г.), Тульскую – войсками левого крыла Западного фронта (6–16 декабря 1941 г.), Калужскую – войсками левого крыла Западного фронта (17 декабря 1941 г. – 5 января 1942 г.), Елецкую – войсками правого крыла Юго-Западного фронта (6–16 декабря 1941 г.)⁷⁰.

Контрнаступление под Москвой по масштабу, количеству участвовавших фронтов и характеру боевых действий явилось первой стратегической наступательной операцией советских войск в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Новым явлением, послужившим дальнейшему развитию военного искусства, было использование для достижения успеха в стратегическом наступлении усилий группы фронтов, которые нанесли ряд скоординированных ударов в широкой полосе по наиболее крупным группировкам противника. Переход в контрнаступление был осуществлён внезапно, без оперативной паузы, войсками, не имевшими превосходства в живой силе и технике. Оно началось в удобный для советского командования момент, когда противник утратил свои наступательные возможности, его моральный дух был надломлен большими потерями и непрерывными боями, он ещё не успел создать оборонительных группировок⁷¹.

Декабрь 1941 г. стал, пожалуй, самым решающим месяцем в ходе всей Второй мировой войны. 5–6 декабря Красная армия перешла в контрнаступление под Москвой. 7 декабря японские ВВС атаковали корабли американского Тихоокеанского флота в военно-морской базе Пёрл-Харбор, 8 декабря Конгресс США принял резолюцию об объявлении Японской империи войны. В тот же день ОКВ отравило в войска директиву № 39 о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте⁷², что окончательно означало полный крах блицкрига против СССР и начало затяжных военных действий. 11 декабря А. Гитлер, желая поддержать Японию (своего союзника по Тройственному пакту), объявил войну Соединённым Штатам Америки. По воспоминаниям маршала Г.К. Жукова, И.В. Сталин, когда узнал

о таком решении Верховного главнокомандующего вермахта, очень заинтересовался вопросом, какие силы и средства Гитлер планирует использовать в борьбе против США⁷³.

Победа Красной армии под Москвой в декабре 1941 – январе 1942 гг. позволила отбросить германские войска от столицы СССР на 120–400 км, были освобождены 11 тыс. населенных пунктов, в том числе 60 городов. Всё это благоприятно сказалось на работе промышленности Москвы и прилегающих областей, а также на деятельности Московского железнодорожного узла, имевшего в то время важнейшее экономическое и стратегическое значение. Разгром вермахта под Москвой привёл к резкому изменению военно-политической обстановки на международной арене, окончательно закрепил фундамент антигитлеровской коалиции великих держав, нанёс громадный моральный ущерб блоку фашистских государств, оказал отрезвляющее воздействие на прогерманские элементы в нейтральных странах и дал мощный толчок для развёртывания широкой антифашистской борьбы народов мира⁷⁴.

Одним словом, события декабря 1941 г. показали, что Москва сыграла решающую роль не только в противоборстве двух Ставок, двух стратегий на советско-германском фронте в первом периоде Великой Отечественной войны, но и в начале коренного поворота в ходе всей Второй мировой войны.

Примечания

¹ Мировые войны XX века : В 4 кн. Кн. 4. – М., 2002. – С. 122–123.

² В середине 1940 г. начальником штаба Верховного главнокомандования вооружённых сил являлся генерал-фельдмаршал В. Кейтель (февраль 1938 – май 1945 гг.), начальником штаба оперативного руководства ОКВ – генерал артиллерии А. Йодль (июнь – ноябрь 1938 г., август 1939 – май 1945 гг.); главнокомандующим сухопутными войсками вермахта был генерал-фельдмаршал В. фон Браухич (февраль 1938 – декабрь 1941 гг.), начальником Генерального штаба сухопутных войск – генерал-полковник Ф. Гальдер (сентябрь 1938 – сентябрь 1942 гг.).

³ Подробнее об этом см.: Филиппи А. Припятская проблема. – М.; СПб, 2002. – С. 21–44, 179–194; Великая Отечественная война, 1941–1945 : Военно-исторические очерки: В 4 кн. Кн. 1. – М., 1998. – С. 94–97.

⁴ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : Исторические очерки, документы и материалы: В 4 т. Т. 3. – М., 2005. – С. 57.

⁵ Там же. – С. 57.

⁶ Михалев С.Н. Военная стратегия : Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. – М.; Жуковский, 2003. – С. 293.

⁷ Филиппи А. Припятская проблема. С. 22–25; Михалев С.Н. Военная стратегия. С. 295.

⁸ Дашичев В.И. Указ соч. Т. 3. – С. 57.

⁹ 1941 год : [Сб. документов] : В 2 кн. Кн. 1. – М., 1998. – С. 453.

¹⁰ Там же. – С. 454.

¹¹ Там же. – С. 454.

¹² Михалев С.Н. Указ. соч. – С. 295.

¹³ 1941 год... Кн. 1. – С. 452.

¹⁴ Там же. – С. 576.

¹⁵ Блицкриг («молниеносная война») – способ ведения войны, основанный на внезапности и стремительности действий, обеспечивающих разгром противника в кратчайшие сроки, до того как он сумеет отобомобилизовать и развернуть свои вооружённые силы. Теория блицкрига, разработанная в Германии в начале XX в., обосновывала возможность избежать затяжной войны, исключить борьбу на два фронта, разгромить противников поодиночке и достичь победы при наличии меньших, чем у них, экономического и военного потенциалов за счёт внезапного применения новейшего оружия и боевой техники при нанесении первого мощного удара.

¹⁶ Дашичев В.И. Указ соч. Т. 3. – С. 52–53.

¹⁷ Там же. – С. 58.

¹⁸ Там же. – С. 49–52.

¹⁹ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году // Другая война: 1939–1945. – М., 1996. – С. 165.

²⁰ В 1939–1941 гг. начальниками Генерального штаба Красной армии были: командарм 1-го ранга, Маршал Советского Союза (с 7 мая 1940 г.) Б.М. Шапошников (май 1937 – август 1940 гг., июль 1941 – май 1942 гг.), генерал армии К.А. Мерецков (август 1940 – январь 1941 гг.) и генерал армии Г.К. Жуков (январь – июль 1941 г.).

²¹ Стратегия измора – способ ведения военных действий, предполагающий достижение целей войны путём методичного маневрирования на ТВД и воздействия на коммуникации и базы снабжения противника. В межвоенный период идеи стратегии измора нашли отражение в трудах видного советского военного теоретика и историка комдива А.А. Свечина (1878–1938).

²² 1941 год... Кн. 1. – С. 289.

²³ Там же. – С. 277.

²⁴ По предвоенным взглядам, фронт считался средством достижения стратегических целей. Однако во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. отношение к фронту, как стратегическому объединению РККА, постепенно менялось в сторону снижения его роли и места в вооружённой борьбе. (См.: Стрельцов А.Ф. Развитие советской военно-теоретической мысли в межвоенный период (1921–1941 гг.): Проблемы стратегии и оперативного искусства. – М., 1995. – С. 25, 28).

²⁵ Ставка Главного командования являлась чрезвычайным высшим органом руководства Вооружёнными силами СССР и военными действиями на советско-германском фронте; 10 июля 1941 г. она была преобразована в Ставку Верховного Командования, а 8 августа 1941 г. – в Ставку Верховного Главнокомандования. Во второй половине 1941 г. членами Ставки являлись: С.К. Тимошенко (председатель до 10 июля 1941 г.), И.В. Сталин (председатель с 10 июля 1941 г.), С.М. Будённый, К.Е. Ворошилов, Г.К. Жуков, Н.Г. Кузнецов, В.М. Молотов и Б.М. Шапошников (последние двое введены с 10 июля 1941 г.). Деятельность Ставки ВГК заключалась в оценке военно-политической и военно-стратегической обстановки, принятии стратегических и оперативно-стратегических решений, создании группировок войск, организации взаимодействия и координации действий между группами фронтов, фронтами и отдельными армиями, между действующей армией и партизанскими силами, в подготовке и использовании стратегических резервов, материально-техническом обеспечении советских Вооружённых сил. Рабочим органом Ставки ВГК был Генеральный штаб Красной армии.

²⁶ Русский архив: Т. 16 (5–1): Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. – М., 1996. – С. 23. (Далее – Ставка ВГК. 1941 год).

²⁷ Козлов М.М. Особенности стратегической обороны и контраступления и их значение для развития советского военного искусства // Военно-исторический журнал. – 1981. – № 10. – С. 29.

²⁸ Михалев С.Н. Указ. соч. – С. 341.

²⁹ Там же. – С. 341.

³⁰ Развитие советских Вооружённых сил и военного искусства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М., 1988. – С. 98.

- ³¹ Ставка ВГК. 1941 год. – С. 42.
- ³² Там же. – С. 126.
- ³³ Подробнее об этом см.: Кошкин А.А. Почему Япония не напала на СССР? // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – 140–148; Он же. Япония. Направления удара: Север или Юг? // Азия и Африка сегодня. – 2002. – №№ 7–8.
- ³⁴ Русский архив : Т.18 (7–1): Советско-японская война 1945 года: История военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы : Документы и материалы. – М., 1997. – С. 189.
- ³⁵ Дашичев В.И. Указ соч. – С. 276–277.
- ³⁶ Там же. – С. 260.
- ³⁷ Там же. – С. 261.
- ³⁸ Там же. – С. 261–262.
- ³⁹ Там же. – С. 308–309.
- ⁴⁰ Там же. – С. 308–309.
- ⁴¹ Гальдер Ф. Военный дневник : Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. – М., 2004. – С. 271.
- ⁴² Дашичев В.И. Указ соч. Т. 3. – С. 262–267.
- ⁴³ Там же. – С. 311.
- ⁴⁴ Там же. – С. 264.
- ⁴⁵ Михалев С.Н. Указ соч. – С. 343.
- ⁴⁶ Там же. С. 344–348.
- ⁴⁷ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе. Т. 3. С. 318.
- ⁴⁸ См.: Русский архив : Т. 15 (4–1) : Великая Отечественная: Битва под Москвой. – М., 1997. – С. 10–14.
- ⁴⁹ Петров В.И. Советское военное искусство в битве под Москвой // Победа под Москвой : (По материалам военно-научной конференции). – М., 1982. – С. 8.
- ⁵⁰ Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3. – М., 2002. – С. 141; Дашичев В.И. Указ соч. Т. 3. – С. 321–322.
- ⁵¹ Иванов С.П. Стратегическое руководство Вооружёнными силами в битве под Москвой // Победа под Москвой : (По материалам военно-научной конференции). – М., 1982. – С. 53.
- ⁵² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : Действующая армия: Научно-спр. изд. – М; Жуковский, 2005. – С. 21, 29, 40.
- ⁵³ История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарёва. – М., 2000. – С. 304.
- ⁵⁴ Там же. – С. 304.
- ⁵⁵ Петров В.И. Указ соч. – С. 12.
- ⁵⁶ Марамзин В.А. Военное искусство в битве под Москвой. – М., 1974. – С. 23.
- ⁵⁷ Иванов С.П. Указ. соч. – С. 55–56.
- ⁵⁸ Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий. – М., 2010. – С. 264.
- ⁵⁹ Цит. по: Лота В.И. ГРУ. Испытание войной : Военная разведка России накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 2010. – С. 147.
- ⁶⁰ Петров В.И. Указ. соч. – С. 12.
- ⁶¹ Марамзин В.А. Указ. соч. – С. 28.
- ⁶² Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 3. – С. 323.
- ⁶³ Петров В.И. Указ. соч. – С. 14.
- ⁶⁴ Битва под Москвой : Военно-исторический очерк. – М., 1989. – С. 276.
- ⁶⁵ История военной стратегии России... – С. 309.
- ⁶⁶ Муриев Д.З. Провал операции «Тайфун». – М., 1972. – С. 8–9.
- ⁶⁷ Гринкевич Д.А. Развитие стратегии // Военно-исторический журнал. – 1981. – № 12. – С. 20.
- ⁶⁸ Козлов М.М. Мировые войны XX века : В 4 кн. Кн. 4. – М., 2002. – С. 122–123; Подготовка и ведение контрнаступления в битве под Москвой // Победа под Москвой : (По материалам военно-научной конференции). – М., 1982. – С. 63.
- ⁶⁹ Там же. – С. 64.
- ⁷⁰ Муриев Д.З. Указ. соч. – С. 181.

⁷¹ Петров В.И. Указ. соч. – С. 26.

⁷² См.: Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 3. – С. 340–343.

⁷³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. Т. 2. – М., 2010. – С. 39.

⁷⁴ Дашичев В.И. Указ. соч. Т. 3. – С. 326; Муриев Д.З. Указ. соч. – С. 323; Военное искусство во Второй мировой войне : (Стратегия и оперативное искусство). – М., 1973. – С. 202.

Общественные настроения в СССР: июнь – декабрь 1941 г.

Христофоров Василий Степанович,
доктор юридических наук,
Институт Российской истории РАН

Сбор информации о политических настроениях населения в годы Второй мировой войны имел большое значение. Руководителям держав, участвовавших в боевых действиях, было важно знать о степени поддержки принимаемых ими решений в военной, экономической, внутри- и внешнеполитической областях, сторонниках внутри страны и на международной арене, популярности лидеров государств и политических партий, отношении народа к противнику. Сбором информации о настроениях населения в то время занимались, как правило, контрразведывательные, разведывательные и партийные органы. Кроме того, благодаря помощи национальных дипломатических представительств собиралась информация о настроениях населения других государств.

Например, посольство Великобритании в Вашингтоне регулярно собирало и направляло У. Черчиллю информацию о политических настроениях в США, отношении населения к событиям, происходившим в СССР и европейских странах. Источниками информации для британских дипломатов обычно служили американские периодические издания, личные контакты в различных кругах населения.

Периодичность подготовки документов о политических настроениях населения могла быть разнообразной. Например, британский посол в Вашингтоне Э. Галифакс направлял У. Черчиллю еженедельные сводки. В них сообщалось об общественных настроениях в США, реагировании населения на важные политические события (проведение международных конференций, принимавших важные решения о ходе ведения войны и послевоенного устройства, отставки или назначения на важные политические и государственные посты, решающие события на фронтах Второй мировой войны, принятие правительством существенных решений в области внешней и внутренней политики и экономики).

В направляемых документах британские дипломаты отмечали особенности американской политики по отношению к Советскому Союзу, сообщали об ожиданиях и результатах встреч большой тройки, настроениях в американском сенате, изменениях в правительстве.

Сбором информации о политических настроениях в иностранных государствах занимались и дипломатические представительства США.

Одним из элементов системы политического контроля в военные годы стало введение цензуры в различных странах: просмотр работ, предназначенных для печати в средствах массовой информации, и контроль почтовой корреспонденции.

После открытия в Европе Второго фронта, 6 июня 1944 г., Объединённый штаб союзников (США и Великобритании) принял меры к тому, чтобы в СМИ не появлялись сообщения, способные нанести ущерб их стратегическим или тактическим действиям. Указания Объединённого штаба строго выполнялись, всякое нарушение немедленно обсуждалось с редактором газеты или радиовещательной организации.

В органы цензуры вплоть до окончания Второй мировой войны предоставлялось большое количество материалов о стратегической дезинформации и тактической маскировке с целью обороны Великобритании (маскировочные лампы, макеты самолетов и т. д.). Не рекомендовалось, чтобы в статьях, публикуемых в газетах, допускались упоминания обо всём, что касается радиотелеграфа, о методах радиомаскировки и проводимых контрмероприятиях в области радио.

Проблемы политического контроля в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны в разной степени полноты рассматривались в научных работах. Книга Н.А. Ломагина¹ «Неизвестная блокада» посвящена изучению взаимоотношений Кремля и Смольного в военные годы, деятельности институтов власти в Ленинграде в период блокады, развитию политических настроений среди жителей Ленинграда, особенно в связи с обеспечением политического контроля в городе и на фронте.

В статьях А.И. Вольхина² рассматриваются вопросы контроля органами безопасности политических настроений историков и писателей, а также тружеников тыла в военные годы. Автор отмечает, что мнения деятелей советской науки и культуры всегда являлись концентрированным отражением общественных настроений, в том числе и в годы Великой Отечественной войны³.

А.В. Голубев⁴ изучает отражение в массовом сознании советского общества ожиданий в связи с различными международными событиями (взаимоотношения СССР и Польши, международные конференции, переговоры с союзниками и открытие Второго фронта), а также восприятие союзников по антигитлеровской коалиции.

А.С. Смыкалин, В.Е. Мусихин и другие авторы исследуют социально-психологическую атмосферу и настроения эвакуированного на Урал населения в годы Великой Отечественной войны, а также контроль за общественными настроениями в Кировской области⁵.

Иностранные исследователи также затрагивают эту проблематику в своих работах. Например, Т. Вихавайнен активно исследует вопросы контроля общественного мнения в Финляндии во время войны 1941–1944 гг.⁶

Эта тема нашла отражение в сборниках документов, посвящённых деятельности отечественных органов безопасности в период битвы за Москву, сражений за Сталинград и Курск, а также международному положению в период Великой Отечественной войны.⁷

В основном издания подготовлены на архивных материалах областных управлений НКВД и рассматривают, как осуществлялся контроль за политическими настроениями интеллигенции, военнослужащих, рабочих и колхозников, жителей крупных городов (Москвы, Ленинграда, Свердловска, Кирова) в связи с началом войны, победами или поражениями на фронте, важными политическими событиями, в том числе международными⁸.

В настоящей работе рассматриваются вопросы деятельности органов НКВД (в том числе военной цензуры) по политическому контролю – сбору информации о настроениях населения СССР, военнослужащих Красной армии и иностранцев, а также информированию ГКО и ЦК ВКП(б) в военные годы.

К началу Великой Отечественной войны в СССР сложилась разветвлённая структура органов, собиравших разностороннюю информацию об общественных настроениях населения. Подготовкой материалов занимались органы госбезопасности, партийные организации, редакции газет, политические органы Красной армии и Военно-морского флота.

Сбор и подготовку материалов, отражающих общественные настроения в СССР, для доклада высшему политическому руководству государства отечественные органы безопасности начали еще в 1920-х гг. В годы войны советское государственное и партийное руководство (ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР), военное командование (Ставка ВГК, руководство НКО) также нуждались в достоверной информации о политических настроениях населения и военнослужащих армии и флота, войск НКВД.

В структуре НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краёв и областей сбором и обобщением материалов о настроениях населения, которые затем предоставлялись в НКВД СССР, занимались информационные, секретно-политические и контрразведывательные подразделения.

После образования в феврале 1941 г. наркомата госбезопасности контроль общественных настроений был возложен на 3-е (секретно-политическое) Управление НКГБ СССР. На местах сбором информации занимались 3-и отделы НКГБ–УНКГБ республик, краёв, областей.

Подразделения военной контрразведки традиционно занимались сбором информации о настроениях военнослужащих армии и флота, войск НКВД.

Одной из форм контроля общественных настроений со стороны государства являлась почтовая военная цензура⁹.

С этой целью ГКО 6 июля 1941 г. издал постановление «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции», которое обязывало органы госбезопасности организовать стопроцентный просмотр писем и телеграмм, для чего разрешить НКГБ СССР соответственно увеличить штат политконтролёров. Осуществление военной цензуры было возложено на органы госбезопасности и подразделения военной контрразведки. Отделения военной цензуры осуществляли гласный политический контроль всей входящей и исходящей переписки частей Красной армии и Военно-морского флота, просматривали часть адресованной на фронт корреспонденции. Им требовалось не только предотвращать разглашение военной тайны, но и не допускать через красноармейскую почту распространения антисоветских, провокационных, клеветнических и иных политически вредных высказываний.

Согласно установленному порядку, для предотвращения разглашения военной тайны и распространения политически вредных сведений через красноармейскую почту часть адресованной на фронт корреспонденции и все письма, отправлявшиеся из Действующей армии, просматривались в отделениях военной цензуры. Подвергаемая досмотру корреспонденция официально вскрывалась и помечалась штампом «Просмотрено военной цензурой». Письма, содержавшие военную тайну и сведения, не подлежащие оглашению, могли быть конфискованы либо зачёркивалась или вырезалась часть текста, не носившего при этом злонамеренного и враждебного характера. Отделения военной цензуры в Действующей армии находились при штабах, а на территориях в тылу советских войск – в служебных помещениях Наркомата связи при военно-сортировочных пунктах, военно-почтовых базах, отделениях и станциях флота. Они работали в тесном контакте с УО НКВД СССР и особыми отделами округов, фронтов, армий и соединений.

Деятельностью подразделений военной цензуры в 1941–1943 гг. руководил 2-й спецотдел НКВД, с мая 1943 г. функции военной цензуры и перлюстрации корреспонденции были переданы в Отдел «В» НКГБ СССР¹⁰.

Перлюстрация корреспонденции в годы войны получила особый размах. На основе её материалов составлялись обзоры о морально-психологическом состоянии и настроении войск и населения.

Целями политического контроля были нейтрализация немецкой и иной враждебной пропаганды, изучение настроений с целью обеспечения лояльности населения на фронте и в тылу, предотвращение и искоренение форм протеста и оппозиции, локализация «нездоровых» настроений, формирование эпической памяти о войне. Задачи политического контроля формулировались как на основании ожиданий власти относительно действий противника и поведения населения в условиях начавшейся войны, так и конкретных обстоятельств, складывавшихся на том или ином участке фронта и в тылу. В первом случае речь шла о комплексе превентивных мер по обеспечению стабильности на «внутреннем фронте», носивших универсальный характер, во втором – оперативном реагировании, которое различалось в зависимости от времени и места¹¹.

Органы госбезопасности готовили для ГКО и ЦК ВКП(б) докладные записки, сводки и спецсообщения, составленные на основе информации, собранной территориальными и транспортными органами НКВД, особыми отделами НКВД, материалов военных трибуналов войск НКВД и Особого совещания при НКВД СССР. Из НКВД союзных и автономных республик, Управлений НКВД краёв и областей в Москву направлялись сведения о реагировании различных слоёв населения СССР на политические события.

В НКВД СССР вёл анализ поступивших откликов и реакции различных групп населения, военнослужащих Красной армии на начало Великой Отечественной войны, выступления И.В. Сталина, В.М. Молотова и других политических деятелей, обстановку на советско-германском фронте и нападение Японии на США, перспективы и открытие Второго фронта.

В последующем в аналогичных сводках отслеживалась реакция и на другие важные международные события: проведение международных конференций и консультаций, подписание международных соглашений, роспуск Коминтерна, заключение перемирия с Финляндией, Румынией, Болгарией, капитуляция Италии, денонсации договоров с Турцией и Японией, подписание договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой, смерть президента США Ф. Рузвельта. Не меньшее внимания уделялось событиям внутривнутриполитической жизни в СССР: опубликование указов Президиума Верховного Совета СССР, принятие постановлений ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б), в которых затрагивались интересы миллионов советских граждан, издание приказов НКО, внесение изменений в Конституцию СССР, публикация нового текста гимна Советского Союза, изменение отношения к религиозной жизни в стране и т. п.

Органы НКВД осуществляли политический контроль за настроениями среди иностранцев (представителей дипломатических миссий и журналистов), особое внимание уделялось контролю за настроениями польских граждан, содержащихся в лагерях НКВД, военнослужащих

частей польской армии, формировавшейся на территории Советского Союза¹².

Контроль иностранных дипломатических миссий являлся одним из направлений контрразведывательной деятельности советских органов госбезопасности. 15–16 октября 1941 г. дипломатические миссии из Москвы специальными поездами выехали в Куйбышев. Вместе с посольствами из Москвы была командирована большая группа (около 400 человек) сотрудников 2-го (контрразведывательного) управления НКВД СССР. Вместе с дипломатами из Москвы в Куйбышев эвакуировали и иностранных журналистов¹³.

Советская контрразведка проводила оперативные мероприятия и регулярно докладывала о результатах работы по иностранным дипломатическим миссиям руководству ГКО. Большой интерес представляли взаимодействие представителей иностранных разведок различных государств (особое внимание уделялось деятельности представителей японского посольства), настроения среди иностранных дипломатов, их переписка с национальными министерствами иностранных государств, другая информация политического характера.

Обобщённые документы НКВД СССР в виде докладных записок, сводок и спецсообщений руководству страны составлялись, как правило, по внутриведомственным правилам. В начале каждого документа делался вывод о широкой поддержке и одобрении выступления И.В. Сталина, важных международных и внутренних событий. После этого приводились многочисленные положительные примеры, подтверждавшие информацию органов НКВД. Информация о высказываниях представителей различных слоёв населения имела строгую структуру: вначале шли высказывания академиков и членов-корреспондентов АН СССР, затем докторов наук, профессоров, далее преподавателей высших учебных заведений, после этого научно-технической интеллигенции, далее работников литературы и искусства, завершали документ высказывания рабочих, служащих и колхозников.

После этого отдельным разделом помещались примеры отрицательных высказываний. В таких случаях, как правило, фамилия и имя человека, чьи слова попадали в сводку, в документе обозначались инициалами. К числу негативных высказываний относились панические и пораженческие настроения, фактически это были вполне обоснованные сомнения в результативности тех или иных действий руководства страны.

В военное время распространение слухов о тяжёлом положении на фронте расценивалось как пораженческая пропаганда и контрреволюционная агитация. Секретно-политические отделы органов государственной безопасности заводили на лиц, распространявших пораженческие

слухи, наблюдательные дела. Следствие по таким делам заканчивалось быстро, и, как правило, военный трибунал выносил расстрельный приговор. Вряд ли все те, кто был репрессирован, целенаправленно занимались подрывной работой. Поиски врагов народа и «пятой колонны», проводившиеся в 1930-е гг., продолжились и в условиях военного времени. Безусловно, война диктовала свои законы. Однако зачастую в «оперативные сети» попадали не только подлинные враги советской власти, шпионы, диверсанты, но и люди, ставшие жертвами обстоятельств или неосторожно сказанных слов в адрес властей¹⁴.

Органы госбезопасности в некоторой степени выполняли функции социологической службы, а подготовленные ими материалы носили характер социологических исследований. Тем не менее они отличались от социологических материалов предвзятым подходом к выборке респондентов. Выводы и комментарии подобных документов носили, как правило, обвинительный уклон и были достаточно политизированы. Большая часть лиц, о которых шла речь в справках и спецсообщениях, допуская негативные высказывания в годы войны, была привлечена к уголовной ответственности по ст. 58-10 УК РСФСР.

Все они в последующем, в 1955–1990-е гг., были признаны жертвами политических репрессий и реабилитированы.

Отдельно необходимо отметить, что НКВД СССР во время Великой Отечественной войны и после её окончания собирал информацию о настроениях различных слоёв населения страны, в том числе и советских военачальников. В этих целях активно использовались различные способы получения необходимой информации, в том числе и прослушивание разговоров, которые вели генералы у себя дома, встречаясь с теми, кому они доверяли. «Записи таких разговоров – своего рода “срез” политического сознания части высшего генералитета, во многом меняющий наши сформировавшиеся представления о советских генералах». Записи разговоров, сделанные сотрудниками органов госбезопасности, могли стать основанием для снятия генералов с должности, их ареста, многолетнего пребывания в заключении в ожидании суда, а в отдельных случаях и смертного приговора¹⁵.

«К войне мы не готовы...»

Различные слои населения «критикуют мероприятия партии и правительства»

В документах НКВД СССР за период июнь – декабрь 1941 г. особое внимание уделялось критическим высказываниям граждан о руководителях партии и правительства, проявлениям пораженческих настроений, наиболее характерным для первого периода войны, временным

неудачам на фронте, трудностям, испытываемым населением в тылу, началу формирования в массовом сознании советского общества образа союзника (наряду с позитивными представлениями часто встречались и проявления традиционного недоверия к западным союзникам) и т. п. Такой информации было достаточно много, особенно летом и осенью 1941 г. В ЦА ФСБ России и архивах территориальных органов безопасности хранятся сотни документов, в которых органы госбезопасности информировали руководство СССР, региональных органов власти о настроениях населения в связи с военной обстановкой, об антисоветских разговорах и проявлениях, антисоветских листовках, случаях недовольства и отказа от работы и т. п.

Такие настроения населения в значительной степени объяснялись сложившейся военно-политической обстановкой. Информация о продвижении немцев к Москве и поражениях Красной армии, сопутствующие этому панические настроения и слухи о вывозе оборудования промышленных предприятий, боязнь потерять работу, острая нехватка продовольствия и неудовлетворительные бытовые условия – всё это и многое другое значительно усложняло ситуацию в стране и подталкивало население к проявлениям недовольства.

Несмотря на массовый героизм и самопожертвование советских воинов в начале войны Красная армия понесла огромные потери. Уже в первый день немецкая авиация разбомбила 66 аэродромов и уничтожила на земле и в воздухе 1 тыс. 200 советских самолётов. В первых сводках Секретно-политического управления НКГБ СССР содержались сведения об откликах населения в связи с начавшейся войной. В них отмечались, с одной стороны, массовая готовность рабочих и служащих защищать Родину, перевыполнять производственные планы, а с другой – растерянность и подавленность отдельных представителей интеллигенции. Звучали голоса: «К войне мы не готовы, у нас нет достаточного количества газоубежищ и бомбоубежищ. Сейчас половина народа СССР озлоблена против советской власти. Много людей сидит в тюрьмах, а у крестьян плохое настроение, так что воевать будет трудно. Народ будет против нашего правительства»¹⁶.

О настроениях жителей Москвы и положении в городе в связи с началом войны говорится в докладной записке Управления НКВД по Московской области от 24 июня 1941 г. В начале документа приведены примеры патриотических высказываний: «Мы перенесём любые трудности, будем помогать нашей Красной армии разгромить наголову фашистов». «Мы непобедимы потому, что нет силы в мире, которая могла бы победить народ, поднявшийся на Отечественную войну». Далее даны примеры пессимистических заявлений: «Правительство сделало промах, отстранив от иностранных дел Литвинова¹⁷, который стоял

за союз с Англией и Францией. Наши думают взять германский народ агитацией, но ничего не получится. В Красной армии имеется недовольство». Допустивший такое высказывание бывший офицер царской армии Червяков был в этот же день арестован¹⁸.

Настроение основной массы советских граждан очень точно выразил генерал-лейтенант А.А. Игнатьев: «Мы победим, но легкомысленно думать, что такая война закончится быстро»¹⁹.

Директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. в стране было введено военное положение. В ней были названы первоочередные задачи, в том числе воспитание политической бдительности, организация беспощадной борьбы со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов²⁰.

На следующий день был создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого сосредоточилась вся полнота государственной, партийной и военной власти. Война с фашистской Германией с самого начала приняла ожесточённый характер.

3 июля 1941 г. по радио выступил И.В. Сталин. В его речи слышалась тревога: «Как могло случиться, что наша славная Красная армия сдала фашистам ряд наших городов и районов?». «Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно предпринять для того, чтобы разгромить врага?». Глава государства призывал «в занятых врагом районах создавать партизанские отряды, диверсионные группы, создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия». Он требовал усилить бдительность, говоря, что «нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникёрством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица»²¹.

В тот же день УНКГБ по Москве и Московской области сообщило о том, что реакция москвичей на обращение И.В. Сталина была неоднозначной: от «нового прилива патриотизма, энергии и воли к борьбе за победу над фашизмом» до отчаяния и безнадёжности. «Всеобщее ополчение – это шаг отчаяния, признак растерянности, а партизанское движение, к которому призывает Сталин, – это весьма недейственная форма борьбы. Это порыв отчаяния»²².

В целом органами госбезопасности была собрана объёмная и весьма противоречивая информация по поводу выступления И.В. Сталина по радио 3 июля. В. Б. Шкловский («разрабатываемый по делу-формуляру как резко антисоветски настроенный писатель»), прослушав речь И.В. Сталина, сказал: «Мужественная и честная речь. Вопрос в том, сумеем ли мы их (немецкие войска) удержать. Гитлер думает скорейшим

образом захватить Москву, расколоть народ. Но Россию завоевать нельзя. Мы не потерпим поражения»²³. Академик Б.Д. Греков, директор Института истории Академии наук СССР, высказывался в превосходной степени: «Прекрасно! Нет того тона, который был бы сейчас особенно опасен: “Шапками закидаем!” Трезво оценено положение, указаны трудности. Выступление мобилизует на преодоление трудностей и никаких оснований для паники не даёт». В таком же тоне говорил и академик Ю.В. Готье: «Такая речь поднимает настроение. Хочется поскорее высказать свои чувства, которые она вызывает»²⁴.

В то же время сотрудник Института истории АН СССР М.Я. Гольберг, выражая настроения многих советских граждан, отреагировал на выступление вождя весьма критически: «Вина за неудачи советского оружия лежит на нашем руководстве. Если народ победит, то вопреки руководству. Пусть Тухачевский²⁵ – вредитель, но то, что было допущено в первые восемь дней войны, хуже вредительства. За это расстреляли бы даже в царской России. Наша верхушка разложилась, оторвалась от народа, а когда народ победит, эта банда снова вылезет и припишет себе победы». Также критически был настроен и историк Н.И. Павленко, он говорил: «Когда-нибудь историки напишут книги о героизме, самопожертвовании, мужестве наших солдат и о тупоумии, бездарности нашего генералитета. И при этом, дело... в системе бездарности всего руководства»²⁶.

Писатель И.Г. Эренбург был уверен, что «войну мы выиграем», но в ходе войны «нам будет очень тяжело. Особенно в связи с неорганизованностью нашего населения». О трудностях войны говорил и К.А. Федин: «Я ждал начала войны каждый день. Вы не представляете себе, какой тяжёлой будет эта война»²⁷.

21 июля В.Н. Меркулов направил записку в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и НКВД В.М. Молотову об откликах населения «на назначение товарища Сталина Народным комиссаром обороны». В начале документа приводились высказывания группы представителей интеллигенции в поддержку принятого решения, надежды на то, что после назначения И.В. Сталина наркомом обороны произойдут положительные изменения на фронте. Народный артист РСФСР Т.А.: «Назначение Сталина Народным комиссаром обороны означает начало реализации сталинского плана разгрома фашизма. В ближайшие дни следует ожидать крупного контрнаступления наших войск. Других причин быть не может». Артисты и сотрудники Малого театра Ц.В. и Б.А.: «Назначение – вполне естественное и правильное: Тимошенко²⁷ занят непосредственным руководством одной из действующих армий, значит, не может уделить внимания такой важнейшей работе, как координация всех военных ресурсов страны. Высокая талантливость и непоколебимый авторитет

Сталина делает его незаменимой фигурой на этом посту. Своевременно и правильно. Непосредственная связь Сталина с фронтом, безусловно, поднимает дух и боеспособность советских армий. С другой стороны, понятно, что трудно Тимошенко быть в одно и то же время и Наркомом, и Главнокомандующим одной из армий». Научный работник Библиотеки им. В.И. Ленина Г.Г.: «Смоленск очень удобен для нас как прекрасная позиция, он окружён горами с одной стороны и р. Днепр – с другой. Так что у нас, русских, тут есть все удобства для решительного боя. Если Смоленск возьмут, то и Москву возьмут. Сталин и взял всё в свои руки, чтобы дать решительный бой»²⁹.

Другая группа интеллигенции сомневалась в том, что перелом в пользу советских войск на фронтах произойдёт достаточно быстро, более того, они считали, что положение на фронте ухудшается. Профессор Ц.М.: «Назначение Сталина означает переход в контрнаступление. Ведь недаром в его речи 3 июля говорилось о том, что “фашизм почувствует силу нашего оружия”. Но почему тогда снова началась эвакуация населения из Москвы?». Народный артист СССР М.С.: «Вероятны две возможности: первая – не произошла ли крупная катастрофа, но тогда спрашивается, зачем Сталину ставить под удар свой авторитет? Вторая возможность маловероятная – не является ли назначение призывом к новому подъёму в стране». Профессор О.А.: «Сталин хочет воспользоваться уже совершившейся победой: завтра или вообще на днях надо ждать сводок о том, что немцы отбиты. Это сделано для повышения популярности Сталина у народа». Актер эстрады М.А.: «Очевидно, на фронте перелом к лучшему, немцев отбили, а Сталин, зная это, сам себя назначил Наркомом, чтобы ему потом приписали победу. Это с его стороны очень умный трюк, народ будет видеть в нём избавителя от опасности». Концертмейстер П.М.: «У нас среди актеров и музыкантов много разговоров об этом назначении. Большинство того мнения, что наши дела очень плохи, немцев не удалось задержать, и они катятся к Москве. Поэтому Сталин сам принял командование на Западном фронте». Адвокат С.Л.: «Всё равно поражение СССР неизбежно. Николай II был умнее, он долго не хотел брать на себя ответственность за ведение войны и не становился во главе армии. Сталин, становясь во главе военного ведомства, при поражении не сможет свалить вину на других, будет нести ответственность за все неудачи и ошибки войны, и это окончательно подорвёт его престиж и внутри СССР, и за границей». Архивариус Института им. И.В. Сталина Б.А.: «Не верю я в это назначение. Спасёт обращение к правительствам всего мира с призывом к братству. Я сам хочу составить это воззвание». Сотрудник Научно-исследовательского института НКПС Б.М.: «Всё пропало, Сталин ничего не сделает. К восресенью немцы уже могут быть здесь». Актриса Г.Л.: «Ну, если сам

Сталин взялся за оборону, значит Тимошенко не смог ничего сделать и провалил оборону Москвы. Надо возможно скорее убегать отсюда, здесь через неделю будут немцы»³⁰.

21 июля 1941 г. НКВД СССР проинформировал ЦК ВКП(б) (И.В. Сталина) и НКВД (В.М. Молотова) о пораженческих настроениях некоторых представителей интеллигенции. В записке отмечалось, что часть из них с одобрением отзывалась об успехах германской армии. «Немцы взяли уже Минск и Псков, скоро возьмут Бологое и перережут сообщение между Москвой и Ленинградом. В ополчение набрали всякий сброд, который побежит при первом выстреле. Скоро Гитлер установит в Москве порядок. Вот тогда мы с вами вздохнём свободно. Пролетариат будет рабами, а мы – надсмотрщиками с кнутом». «Если я попаду на фронт, я долго там не буду – перебегу к немцу и сдамся в плен». «У большевиков земля дрожит под ногами. Уже на десятый день войны мы ощутили всю гнилость существующего режима, весь его позор. Конечно, мужики наши будут драться с Гитлером и, возможно, осилят его, но это, невзирая на большевиков. Я-то лично глубоко уверен в том, что после такой войны мы уже социализма больше строить не будем». «Как я и предвидел, Красная армия не способна не только на подвиги, но даже на среднее сопротивление и отступает по 40–50 км в день. Армии не за что бороться, нечего защищать. За двадцать лет и рабочие, и колхозники, и интеллигенция хорошо узнали, что такое социализм. Мы не знаем, что такое фашизм, но при нём хуже не будет, ибо хуже уже быть не может. Народ даже в такую грозную минуту не сможет забыть всех своих унижений и бед. Каждый ждал минуты, которая сейчас наступила, чтобы выявить своё отношение к режиму и сделать своим девизом измену и сдачу в плен. Сталин, конечно, знал, что старшее поколение защищать советский режим не будет. Сталин надеялся, что воевать придётся позже, надеялся на молодое поколение, полагая, что оно воспитано в соответствующем духе. Но это ошибка». «Совершенно очевидно, что никакого фронта нет. Немцы просто идут с той скоростью, с какой они могут двигаться. Красной армией руководить некому». «Немцы, к сожалению, будут побеждены, но не нами, а англосаксами. Мы не в состоянии бороться с немецкой гениальной организованностью. Фашистская Германия, вероятно, погибнет, но она несёт нам избавление». «СССР потерпит поражение. Либо во главе правительства стояли недалёковидные люди, либо они преднамеренно привели СССР к бездне, дав возможность Германии завоевать всю Европу с помощью советского хлеба и нефти». «Пусть немцев боятся евреи, пусть они и воюют с немцами. Если немцы войдут в Москву, я стану во главе немецкого отряда и буду вылавливать и уничтожать евреев»³¹.

Органы НКВД не только информировали И.В. Сталина и В.М. Молотова об активных антисоветских проявлениях в связи с войной, но и проводили аресты лиц, допускавших такие высказывания. Был арестован рабочий завода № 17 С., который во время передачи по радио о соглашениях между СССР и Великобританией заявил собравшимся у репродуктора ста жителям Подольска Московской области, что «Советский Союз и его руководители растерялись и не могут справиться с Гитлером. Вот почему и просят помощи у Англии». Был также арестован бухгалтер П. из Воронежа, который сказал, что «коммунистам пришёл теперь конец, скоро мы заживём». Арестовывались лица немецкой национальности, проявившие антисоветские проявления, бывшие кулаки, спецпереселенцы и другие граждане, относившиеся к категории «социально опасных лиц»³².

Публичная антифашистская пропаганда была полностью прекращена с середины 1939 г., что не ослабило антифашистских чувств советского народа, но все же породила горечь и недоумение: «Пока наркомом иностранных дел был Литвинов, он не заключал договор с Германией, а как его отстранили и назначили Молотова, то в СССР поехали разные Риббентропы. Наши повели их показывать заводы и все наши достижения. Им это только и надо было. Они узнали, что у нас есть и начали войну против нас»³³.

В экстремальных условиях потери огромной территории, как видно по сводкам органов НКВД, различные слои населения «критикуют мероприятия партии и правительства» за допущенные просчёты. Начало войны заставило людей задуматься о готовности к войне, военном потенциале страны, уровне промышленной культуры в СССР и Германии: «Жили и думали, что терпели лишения для того чтобы дать возможности стране вооружиться, а в действительности получилось другое, страна оказалась недостаточно вооружённой, чтобы дать отпор врагу, а сдаёт город за городом». Как свидетельствуют разнообразные источники, переоценка ценностей в сознании людей происходила не в пользу Красной армии: «Трудно рассчитывать на победу над немцами, так как техника Германии намного лучше нашей, и нам у них есть чему поучиться»³⁴.

Неудачи в войне население сводило и к персональным ошибкам военачальников: С.К. Тимошенко, К.Е. Ворошилова, С.М. Будённого, а также связывало провалы с идеологическими просчётами Коммунистической партии и советского правительства. С.К. Тимошенко обвиняли за трагедию на Западном фронте: «Изменил, завёл войска вглубь фронта, и таким образом наши попали в мешок, где всех их перебили». Народная молва обвиняла К.Е. Ворошилова за сдачу Кингисеппа; С.М. Будённого – за оставление Николаева и Кривого Рога. «Правительство до

прошлого года нашу армию воспитывало в духе шапкозакидательства, что сделало беспечность, дорогостоящую нам 22 июня». «Болтали, что не будем воевать на своей земле, а фактически сдаём город за городом. Вместо военной мощи армия испытывает недостаток в вооружении»³⁵.

В первые недели войны, чтобы списать все просчёты, допущенные накануне, в народных массах возник образ «врага» в лице отдельных командиров Красной армии. Быстрому распространению таких слухов способствовали беженцы с оккупированных территорий. Эти сведения распространялись через административно ссыльных, раненых бойцов, направлявшихся в госпитали. «Если бы не было измены со стороны нашего командования, никогда бы такую большую территорию немцам не занять». «В армии измена – прохлопали, проворсторгались парадами, одно дело парад – другое дело война». «Красноармейцев сейчас учат не с винтовками, а с деревянными ружьями. Всё оружие сдали немцам, когда оставляли города Минск, Львов, Киев»³⁶.

Возникновению подобных настроений способствовали меры, принимавшиеся руководством страны. Был организован суд над группой генералов во главе с командующим войсками Западного фронта генералом армии Д.Г. Павловым. Их обвинили в измене Родине. 22 июля 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР лишила воинских званий и приговорила к расстрелу командование Западного фронта: генерала армии Д.Г. Павлова (командующего), генерал-майора В.Е. Климовских (начальника штаба фронта), А.Т. Григорьева (начальника связи фронта), А.А. Коробкова (командующего 4-й армией)³⁷.

В соответствии с указанием ГКО СССР и лично И.В. Сталина в целях формирования положительного настроения населения НКВД СССР и МК ВКП(б) организовали в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького выставку сбитых германских самолётов, трофейного оружия, неразорвавшихся бомб и других военных трофеев. Открытие выставки, размещённой на открытой площадке, состоялось 14 августа 1941 г. В здании, находившемся по соседству с выставкой, были размещены мелкие экспонаты и галерея портретов отличившихся советских лётчиков. На выставке были представлены 3 сбитых германских бомбардировщика («Ю-88», «Хейнкель-111», «Дорнье-215»), обломки 4 бомбардировщиков; пушка и пулемёты, снятые с самолётов; оружие и обмундирование немецких лётчиков; сигнальные ракетницы; фугасные авиабомбы (весом в 1000, 500, 250 и 80 кг); зажигательные бомбы и осветительные ракеты с парашютами. На выставке демонстрировались фотографии сбитых немецких самолётов и советских лётчиков, отличившихся при защите Москвы от воздушного нападения, с Указами Президиума Верховного Совета СССР о награждении правительственными наградами лётчиков, зенитчиков, бойцов истребительных батальонов

НКВД, работников милиции и пожарных. Выставка была оформлена картинами, плакатами, лозунгами. Специально выделенные военные лётчики и авиатехники давали пояснения посетителям. Систематически выставка пополнялась новыми военными трофеями³⁸.

«Нынешние правители Англии и США не менее опасные враги коммунизма и советской власти, чем Гитлер...»

Информация о предстоящем в Москве совещании представителей СССР, США и Великобритании³⁹ вызвала не только положительные отклики среди населения столицы, но и, как отмечалось в сообщении НКВД СССР, направленном 20 августа 1941 г. И.В. Сталину и В.М. Молотову, некоторые опасения и тревоги по поводу будущего государственного устройства СССР. «Открытие конференции в Москве – это безусловный успех политики СССР и рост авторитета перед всем прогрессивным человечеством». «Теперь можно спокойно оставаться в Москве, но войну мы проиграли. Теперь нами будут командовать англо-американцы. Войну мы проиграли потому, что Гитлера-то мы побьём, а результатами воспользуются Англия и Америка. А, в общем, вышло всё так, как Англия проектировала». «Значит, это будет затяжная война, так как Америка и Англия не любят тратить свои человеческие ресурсы и предложат машины взамен людей. Наши генералы не умеют командовать, и их стратегические планы никуда не годятся. Доходит до того, что массами расстреливают средний командный состав, среди которых очень много недовольных высшим командованием». «Нынешние правители Англии и США не менее опасные враги коммунизма и Советской власти, чем Гитлер, но более умные и проникательные, которые собираются не ударить нас дубинкой, как это делает Гитлер, а задушить коммунизм пушистыми перчатками, потребовав за свою помощь определённых политических и экономических уступок». «Англия и Америка, не мирясь с существованием коммунизма, также как и фашизма, решили кажущейся помощью ослабить нас. Когда СССР и Германия дойдут до обморочного состояния, тогда Англия и Америка будут диктовать нам свои условия. Конференция трёх держав кладёт начало такой политике Англии и Америки»⁴⁰.

Оставление частями Красной армии Кривого Рога, Николаева и Смоленска отрицательно сказалось на настроениях интеллигенции. Об этом сообщалось в записке НКВД СССР, направленной 27 августа 1941 г. в ЦК ВКП(б) и НКВД. «Смоленск мы сдали, скоро сдадим Москву и Ленинград. Немцы в любой день могут прорвать фронт и очутиться в Москве. Мы не можем воевать с немцами – у нас нет должной организации,

езде царит растерянность и беспорядок. Раньше не писали о сдаче городов. Теперь стали писать, так как положение ухудшилось до предела и скрывать уже дальше нельзя». Депутат Верховного Совета РСФСР Д. отмечал: «Нам в течение 15 лет говорят, что мы должны все свои силы отдавать для того, чтобы страна Советов была мощным оплотом мира и социализма. Каждый находился подчас в очень трудном материальном положении, и когда наступила война, то мы столкнулись с полнейшей неподготовленностью во всех отраслях нашего хозяйства и армии. Почему сейчас депутатов совсем забыли и совсем выключили из сферы общественной жизни, а мы можем быть очень полезны»⁴¹.

Писатель Н.П. считал, что «Война проиграна. Теперь уже пойдут частные эпизоды. Получилась сверхмолниеносная кампания. Не знаю, куда эвакуироваться. После падения Москвы начнутся восстания в тылу. Я никогда не разделял взглядов большевиков и не отвечаю за политику правительства, да разве теперь будут разбираться в тонкостях? Получил орден – ложись на плаху. Вот как будет. Рузвельт и Черчилль постараются так сбалансировать ход сражений, чтобы уложить в могилы и фашистов, и коммунистов». Писатель М.П. считал, что «для советской власти надвигается час тяжёлых испытаний и катастрофа. Наступает конец коммунизму во всём мире. Рузвельт и Черчилль ободряют советскую власть и кое-что обещают с единственной целью: истощить обоих своих противников, заставить их сражаться как можно дольше и ожесточённое. Перед каждым из нас теперь стоит вопрос, что делать, как спасти себя в этой катастрофе? Для большевиков и евреев мало шансов на спасение. Всех партийных русских людей немцы уничтожить не будут. Я думаю, что лично для меня даже возможна перемена к лучшему. 24 года при советской власти я отчаянно боролся за своё существование. Меня из года в год травили еврей-критики, которым чуждо моё творчество, моя философия»⁴².

Писатели Е.Ю. и М.Е., журналист Ю.С. и изобретатель Б.Е. отмечали: «Падение Смоленска ошеломило меня. Все мы ждали со дня на день, что Красная армия от частных ударов перейдёт к общему наступлению и отбросит врага. Вместо этого нам преподносят такие сюрпризы». «Дела наши плохи, чрезвычайно плохи. Мы везде только мужественно сопротивляемся. Отбросить немцев у нас, видимо, сил нет. Вначале говорили: мы не успели развернуться, нас война застала врасплох. Теперь мы развернулись, отобилизовались, а толк один – всё равно нас бьют. Смоленск пал. Путь на Москву открыт, наша регулярная армия сильно потрепана. Немцы внезапно могут оказаться под Москвой. Тогда нам крикнут по радио: “Спасайся, кто может”. И жители побегут, как побежали из Львова и Минска, бросая всё, самое дорогое и необходимое, а с воздуха начнут бить по толпам беженцев немецкие самолёты. Ком-

мунистам и евреям, понятно, придётся туго, а нас, я думаю, не тронут. Нас, как и французских писателей, заставят сочинять памфлеты против англичан и американцев». «Война показала всю ошибочность политики партии. В течение ряда лет велась политика на уничтожение всех талантливых людей и на выдвижение посредственностей. На фронте же – катастрофа, сдались и окружены целые армии. Донбасс в руках немцев». «После призыва главы правительства к организации партизанщины немцы могут и вправе делать всё, что им угодно. Призыв населения к ведению партизанской войны – это хуже газовой войны, которой мы так опасаемся. С другой стороны, призыв к партизанской войне является доказательством не нашей силы, а нашей слабости – это значит, что мы не имеем достаточного количества регулярных сил, не обеспечили себя необходимым количеством техники»⁴³.

23 августа 1941 г. советское правительство объявило о том, что для предотвращения выступления Ирана на стороне Германии на территорию этой страны будут введены советские войска. 25 августа части Красной армии вступили на территорию Северного Ирана. Основания для такой акции предусматривались 6-й статьёй договора 1921 г. между РСФСР и Ираном (в целях самообороны и для противодействия враждебной деятельности немцев в стране). С этой же целью британские войска вошли в Южный Иран.

Сообщение о вводе советских войск в Иран вызвало оживлённое обсуждение среди различных слоёв населения. 27 августа 1941 г. Л.П. Берия проинформировал И.В. Сталина и В.М. Молотова о том, что отклики носят разнообразный характер. В числе лиц, положительно отзывавшихся о вводе войск на территорию Ирана, были названы: академик АН СССР Х.Х., который, узнав о ноте советского правительства Ирану, воскликнул: «Слава хозяину!», и член-корреспондент АН СССР А.У.; профессора Р.А., Н.Г., А.Д., представители различных ведомств. Они отмечали, что «у англичан имеются дальние планы утверждения господства на Среднем Востоке, и нам не выгодно очень близко подпускать их к Кавказу». «Сообщение об Иране создаёт большой психологический подъём, поскольку это крупное активное наше выступление. Мы перешли в наступление на Востоке, и это очень всех окрыляет». «На душе стало веселее, мы командуем событиями. Сделан шаг, который надо приветствовать». «Занять северную Персию совершенно необходимо, так как надо обезопасить бакинскую нефть». «Наше командование в первый раз одумалось и решило сделать хоть один шаг, который на фоне общего и позорного бегства наших армий даёт надежду, что, может быть, хотя бы нефтяной бассейн не будут бомбить». «Это хорошо. Теперь там будет спокойно. Наконец-то мы опередили немцев, и то, что они думали, – сделали мы. Важно, что

этот акт совершён вместе с англичанами – гарантия перед мировым общественным мнением».

В этой же записке приводились негативные отклики. Драматург А.Д., писатель П.П., артист С.Г. и художник А.С. считали, что, «завоёвывая Иран, мы капитулируем в угоду Англии. Это глупая авантюра, даже сама нота списана с гитлеровских нот Дании и Норвегии. Что мы заработаем на этом? Войну с Турцией и Афганистаном. Англии это выгодно, но нам вредно». «Нота советского правительства иранскому правительству является продолжением той безрассудной и авантюрной внешней политики, которая выразилась в отношении к Прибалтийским лимитрофам, то есть сначала ввод войск под каким-нибудь благовидным предлогом, а потом самое бессовестное присоединение к СССР, что дало себя знать в том, что эти прибалтийские народы вонзили нож в спину отступающей Красной армии, и вполне по заслугам. Правда, в данном случае злостный акт советского правительства поддерживается англичанами. Нота советского правительства вызовет, во всяком случае, недовольство и опасение в Турции». «Хотя оберечь Баку и необходимо, но вопрос, от кого, и кто страшнее – Гитлер или англичане? Английские войска в Иране – это опасное соседство для СССР, так как англичане народ хитрый, продажный, и сами целятся на бакинскую нефть». «В Персии ненавидят русских и ничего хорошего от вступления Красной армии в Иран не будет»⁴⁴.

Недостаток информации о событиях, происходивших на фронтах и в тылу, а также продолжавшееся отступление частей и соединений Красной армии, порождали разнообразные слухи, сопровождавшиеся критическими высказываниями в адрес руководства страны. НКВД СССР продолжал фиксировать такие высказывания, и 28 августа 1941 г. Л.П. Берия сообщил И.В. Сталину и В.М. Молотову об откликах и настроениях населения в связи с войной. По мнению депутата Моссовета В.С., «массы не знают, что делается на фронтах и в тылу. Им преподносятся казуистические общие сводки, из которых ничего нельзя понять. Отсюда выводы, во-первых, плохи наши дела везде, во-вторых, слабость нашего руководства – правительства, которое не может правильно и откровенно рассказать народу о ходе военных действий, о последствиях войны и о её перспективах». Сотрудник астрономического института В.Л.С. считал, что «советская власть, под давлением событий, сбрасывает свою идеологическую шелуху и проникается здоровыми идеями национальности и родства славянских народов, и сама жизнь заставит коммунистов признать эту идею. Если они этого не сделают, тем хуже для них. Наше дело следить за эволюцией советской власти и помогать прояснению национального и религиозного сознания русского народа. Советская власть

расплачивается за борьбу с этими принципами, за насаждение и защиту классово-идеологической идеологии». Доктор технических наук Н.А. отметил, что «до последнего времени был убеждён, что Москвы Гитлеру не видать. Теперь эта вера заколебалась». Доцент П.П.: «Если падут Киев, Москва, Ленинград, значит, не существовать больше Советскому Союзу. Ведь наша главная сила именно здесь. По-моему, сейчас решающие дни – быть или не быть? Одолеют немцев трудно, если хотите, невозможно. Видите ли, может быть, тут виновата неправильная политика правительства. Надо было не так действовать, надо было давно бить гитлеровцев, а мы им помогали. Гитлер по очереди и разбил всех. Да, за это всё дело надо ответ спрашивать у нашей власти, у нашего правительства. Пусть ответят, до чего довели страну, к какому ужасу привели её. Вот как неумелым руководством можно погубить буквально в несколько месяцев большое вековое государство». Доцент МГПИ А.П.: «Вся политика правительства привела к поражению. Почему в армии провал? Главная причина – наше дикое невежество и самохвальство. Везде неучи, везде мерзавцы. В армии не настоящие военные командуют, а политкомиссары и агитаторы». Инженер проектного отдела Н.М.: «23 года советской власти привели к тому, что войну мы уже проиграли и через два месяца оказались в экономической разрухе». Инженер энергетического отдела В.М.: «Сколько было пятилеток, животы у нас всех были поднянуты, думали, что создали мощную армию, а все оказалось пустяком. Армия разбита, в стране разруха и голод. В победе немцев нет никакого сомнения, вопрос только во времени: сколько им понадобится добить нас». Преподаватель школы № 583 Москвы Е.Ж.: «Если у нас построен социализм, бесклассовое общество, то это общество надо уважать и не заниматься очковитирательством и о неудачах писать прямо, честно, открыто и своевременно»⁴⁵.

В письмах военнослужащих Красной армии и бойцов народного ополчения, которые поступали с фронта, часто содержались жалобы на плохое питание и недостатки в организации ополчения. В письмах от семей военнослужащих, направлявшихся в Красную армию, звучали сетования на неправильное проведение местными органами власти налоговой политики, плохое снабжение продовольствием, невыдачу пособия. По материалам военной цензуры составлялись выдержки писем, которые Л.П. Берия направлял в ГКО И.В. Сталину⁴⁶.

Стремление советского руководства скрыть истинное положение на фронте наблюдалось в течение лета и осени 1941 г. Информация, распространявшаяся в газетах и на радио, носила общий характер и не всегда соответствовала реальному положению вещей. Население Советского Союза и иностранцы, находившиеся в СССР, не понимали,

что происходит на фронте, почему Красная армия терпит неудачи и отступает.

Трагические события лета – осени 1941 г., большие потери в частях и соединениях Красной армии, поток беженцев из западных областей СССР, введение карточной системы, кампании по сбору тёплых вещей для нужд армии оказали негативное психологическое влияние на население. В народе стали расти скептические настроения: «Вся наша армия технически слаба, у неё, оказывается, нет самого необходимого». «Мы много лет переносили лишения под лозунгом подготовки к предстоящей войне, а на деле оказалось, что совсем не подготовились, и ничего у нас нет».

После введения в конце сентября – начале октября 1941 г. карточной системы и – как следствие – спецраспределителей, социальная обстановка в тех местностях, где были оборонные заводы, стала накаляться. УНКВД по Кировской области фиксировало: «Значительное количество местных рабочих и служащих на предприятиях оборонной промышленности выказывают недовольство порядком снабжения эвакуированных рабочих и служащих оборонных заводов из прифронтовой полосы, а также служащих некоторых наркоматов (Наркомлес СССР и РСФСР, Наркомпрос РСФСР), эвакуированных из Москвы. Снабжение этих категорий лиц происходит из закрытых распределителей, тогда как рабочие и служащие города Кирова, работая на тех же предприятиях, снабжаются на общих основаниях⁴⁷».

В связи с неудачами на фронтах и отступлением частей Красной армии, в середине октября 1941 г. органы НКВД зафиксировали, что «среди некоторых работников Главного управления ВВС Красной армии имеют место нездоровые интересы. Они высказывали критические суждения по поводу отступления советских войск, негативно оценивали положение на фронте, высказывали пессимистические настроения и сомнения в окончательной победе Красной армии над врагом. Наиболее характерными являлись высказывания: “Где наше вооружение, неужели это всё был мираж на парадах?”. “Собирались воевать на стороне врага, а получается обратное, потому что много митингуем, носимся со всякими ансамблями, лауреатами, а надо бы больше заниматься боевой техникой”. “Вся беда у нас заключается в том, что у нас командуют дураки. Сидят в штабах ВВС такие безмозглые генералы, которые ничего не смыслят в тактике, дают лётному составу непосильную задачу, изматывают силы лётчиков и губят народ зря”. “У нас командование неграмотное, все выдвинуты без опыта и без всякой военной культуры. У нас кричат, что мы бьём немцев, а потом стыдливо в газетах и по радио заявляем – что оставили такой-то город. “Генералы наши никуда не годятся, напекли

их из капитанов и майоров, в лучшем случае, а в худшем – из лейтенантов, вот они с лейтенантской меркой и кругозором ко всему и подходят”. “У них нет опыта, нет знаний и большого размаха”. “У нас воевать нечем, техники у нас мало, и поэтому только время может спасти нас от поражения. К войне мы не готовились и не занимались серьёзно этой подготовкой, особенно в Главном управлении ВВС, где сидели мальчишки и мало заботились, а вернее, и не понимали своих обязанностей. Вот за это мы и расплатились кровью и разорением наших областей”»⁴⁸.

25 июня 1942 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия направил записку в ГКО (Сталину, Молотову). В мае 1942 г. органами НКВД за контрреволюционную работу арестовано 26 тыс. 1 человек, в том числе за шпионаж и диверсию 1 тыс. 98 человек. За этот период ликвидировано 115 контрреволюционных формирований (кулацко-белогвардейских – 12; повстанческих – 10; из участников бывших антисоветских политических партий – 4; среди интеллигенции – 5; среди молодежи – 7; прочих – 62), за участие в которых арестовано 1 тыс. 126 человек⁴⁹.

«Сражение под Москвой будет поворотным пунктом в войне...»

В результате принятых мер в конце октября – начале ноября наступление гитлеровцев на Москву было приостановлено. Операция германского генштаба по взятию Москвы под названием «Тайфун» сорвалась. 6 ноября 1941 г. в зале станции метро «Маяковская» состоялось торжественное заседание Моссовета совместно с партийными и общественными организациями столицы, посвящённое 24-й годовщине Октябрьской революции. В работе заседания принял участие И.В. Сталин, выступивший с речью. 7 ноября 1941 г. на Красной площади состоялся военный парад, после которого войска сразу же отправлялись на фронт. Все эти события имели большое значение для поддержания морального духа советского населения.

Выступления И.В. Сталина 6 и 7 ноября вызвали интерес у широких слоёв населения. Реакция была разнообразной. У одной части трудящихся и интеллигенции появилась надежда на то, что положение на фронте может измениться в лучшую для Красной армии сторону. Однако радужных надежд на скорую победу ни у кого пока не было, более того, некоторые представители населения вообще сомневались в возможности победы Красной армии и благополучном завершении войны с Германией.

Контроль за откликами населения на выступления И.В. Сталина вёлся практически по всей территории Советского Союза. Из НКВД

республик, УНКВД краёв и областей в Москву в течение ноября и декабря 1941 г. поступали сообщения о реакции населения. УНКВД по Ленинградской области 10 ноября 1941 г. были обобщены и направлены в НКВД СССР сведения об откликах населения в связи докладами И.В. Сталина 6 и 7 ноября. В документах УНКВД по Ленинградской области отмечалось, что «рабочие, служащие и интеллигенция заявляют: доклад Сталина вселил уверенность, раскрыл перед каждым ближайшие перспективы войны. Неисчерпаемые резервы и силы Советского Союза являются залогом безусловного разгрома германского фашизма». Органы НКВД отмечали, что при обсуждении доклада особый интерес у трудящихся вызвал вопрос о появлении в ближайшее время Второго фронта против Германии. В то же время УНКВД сообщало, что «враждебно настроенные и политически неустойчивые элементы подвергают критике доклад товарища Сталина, высказывают пораженческие настроения. Пытаются доказать, что временные неудачи Красной армии непоправимы, что Советский Союз при помощи Англии и Америки не сможет добиться перевеса в военной технике и не разгромит фашистскую Германию»⁵⁰.

В качестве примера приводились различные высказывания, в том числе работника Радиоцентра К., который по поводу доклада И.В. Сталина сказал: «...Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь всё зависит от помощи Америки и Англии». Рабочий южной водопроводной станции Е. отметил: «...Если будет война ещё год, как сказал Сталин, то мы умрём с голода. Нам немцев никогда не отогнать от Ленинграда, у нас на одно орудие приходится три снаряда в сутки»⁵¹.

В НКВД СССР были тщательно изучены материалы, полученные из республиканских, краевых и областных органов внутренних дел, и сделан вывод, что празднование 24-й годовщины Октябрьской революции прошло с большим патриотическим подъёмом. НКВД СССР уделил повышенное внимание сбору информации о настроениях населения, связанных с этими событиями, о чём свидетельствуют докладные записки, направленные Л.П. Берия 12, 18, 25 ноября и 8 декабря 1941 г. в адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова⁵².

В записках НКВД СССР большое внимание уделялось положительным откликам населения: «Доклад председателя ГКО на торжественном заседании Моссовета и его речь на Красной площади вызвали широкие отклики в народе. Подавляющее большинство рабочих, колхозников и советской интеллигенции выражали полную уверенность в окончательной победе Советского Союза и в разгроме фашистской Германии. Абсолютное большинство откликов и высказываний носило патриотический характер». В документах приводились наиболее ха-

рактерные высказывания представителей различных групп населения: «Речь Сталина – это программа наших действий и, в частности, Академии наук, которая должна помочь обороне, занимаясь проблемами, которые можно реализовать в течение ближайшего времени». «Вождь, который может в часы поражений его армии и захвата огромной территории противником смотреть спокойно на события, предвидеть их развитие, определять с простотой, понятной для ребёнка, задачи сегодняшнего и завтрашнего дня, который может спокойно говорить и о причинах неудач, и о поражениях, и о конечной победе, – действительно гениален. Сталин – это гений». «Пришёл день ясности, которого я давно ждал. А то мы и не знали, почему Красная армия всё отступает. Давно надо бы так выступать. Теперь всё понятно». «Речь тов. Сталина настолько ободрила и воодушевила весь народ, что люди как будто бы выросли и подняли головы, и Родина наша всем стала ещё милей и дороже». «Москва, безусловно, не будет занята немцами, как и Ленинград. Сражение под Москвой наши, видимо, сделают поворотным пунктом в войне. Боюсь, как бы не подвели союзники». «Доклад Сталина и парад на Красной площади окрылили меня. Неудачи на фронтах за последнее время создавали подавленное впечатление. Теперь многое изменилось. Такое уважение к Сталину и советским войскам со стороны Англии и США. Безусловно будущее за нами». «Из выступления Сталина видно, что наше положение не плохо. Потери меньше, чем у немцев. Сталин своим выступлением вселил уверенность в победе»⁵³.

Л.П. Берия сообщал, что «выступления тов. Сталина вызвали новый производственный подъём, стремление ещё больше укрепить оборону страны и дать больше промышленной и сельскохозяйственной продукции для Красной армии». В то же время звучали и критические голоса. Кинорежиссер А.Д. заявлял: «Я, безусловно, верю в нашу победу и разгром Гитлера, но к этому времени мы будем нищими, голодными и находиться по горло в собственной крови. К этому времени погибнет половина страны. Наши богатства и ценности будут уничтожены и захвачены противником, и мы будем целиком в долгу Англии и Америки, так как воевать придётся их оружием. Война будет длиться не менее двух лет»⁵⁴.

Наряду с положительными откликами органами НКВД были зафиксированы отрицательные высказывания и факты пораженческой и изменнической агитации, угрозы о расправе с коммунистами: «Речь Сталина, к сожалению, не дышит энтузиазмом, в ней нет уверенности. Его заключительная фраза: победа будет за нами – носит трафаретный характер и только портит впечатление. Наше положение сейчас безрадостное. Немцы сейчас начнут окружать Москву, а когда Москва будет

взята – положение не спасут ни второй, ни третий фронт». «Признание в нашей слабости в танках и самолётах вынужденное, ибо надо же чем-нибудь оправдать своё положение. Надежд на действенную помощь Англии и США никаких нет, и если наше правительство верит в это, то результаты этого легкомыслия будут хуже, чем после договора с Германией». «Вся речь ровно ничего не значит. Это сделан ловкий трюк для поднятия политического настроения масс. Сталин бьёт на правду о потерях и трудностях с тем, чтобы ему больше поверили о грядущей победе. Всё это разговоры, чтобы обеспечить планомерную эвакуацию Москвы». «Война скоро кончится, и конец ясен, это будет конец советской власти. Началом послужит восстание фронтовых войск, а тыл поддержит». «Всё проиграно. У нас нет вооружения, немцы нас разобьют». «Как придут немцы, я первый запишусь в карательный отряд и буду расстреливать коммунистов на месте». «Казачество при первой возможности пойдёт против советской власти. Организаторы и оружие найдутся, надо только выждать время». «Сейчас военное время, и нам, чтобы не умереть дураками, нужно выступить против советской власти. У нас людей хватает». «Сейчас можно поднять восстание против советской власти. Внутри люди для этого есть». «Русский народ совершенно не желает воевать и защищать колхозный строй. Наш крестьянин не хочет умирать за советскую власть». «Мы терпим поражение потому, что весь народ, за малым исключением, в душе своей желает поражения советской власти. Советская власть погибнет потому, что она не опирается на народ и особенно на крестьянство».

Писатель Л.Л. отмечал, что «за четыре месяца войны мы ушли на много десятилетий назад. Высокие слова о доблести нашей оказались ложью. Наряду с героизмом народ показывает свой прежний звериный лик: уходит в землянки, в деревни, вновь родился и расцвел антисемитизм. Война показала, что в нашей системе есть трещина, которая стала пропастью, война показала, что сталинская конституция у нас не на деле, а только на бумаге». Поэт М.П. считал: «Мы делаем всё не вовремя. Мы сами накинута на себя петлю дружбы с немцами, а они теперь только ту же затягивают верёвку, пока мы не задохнемся. Это же не ошибка, а преступление. Мы переживаем сумерки советской власти». Мнение научного сотрудника В.Ч.: «Без коренных изменений во внутренней структуре советской власти нельзя ожидать победы над германским фашизмом. В результате неверной политики советской власти создалась брешь между государством и народом. Народу много обещали, но мало дали. Мы пожинаем плоды губительной политики. Нужно демократизировать государственный строй, приблизить его к народу. Партия является тем рычагом, который может наиболее болезненно осуществить необходимые реформы. Но я веду речь не о

современной партии. Её нужно оживить, вдохнуть в неё дух, преобразовать». Раздавались голоса: «ВКП(б) доказала свою несостоятельность в войне с немцами. Сдача Москвы немцам будет означать конец советской власти». «Русский народ не хочет воевать, все русские понимают, что это за “наша родина”, они знают, что не за родину умирают, а за коммунистов, которым одним грозит смертельная опасность. Кроме вреда и нищенской жизни коммунисты нам ничего не принесли, так нечего за них умирать, пусть сами за себя умирают и сами воюют»⁵⁵.

В записке, подготовленной в НКВД СССР 18 ноября 1941 г., отмечалось, что с начала военных действий зарегистрировано 330 случаев распространения листовок. В 180 случаях листовки носили террористический характер. За размножение контрреволюционных листовок органами НКВД были арестованы 115 человек, у которых при аресте изъято 430 экземпляров листовок. Арестованные преданы суду военного трибунала. В связи с войной антисоветские элементы активизировали организационную вражескую работу. Органами НКВД за время войны вскрыто и ликвидировано 412 контрреволюционных организаций и групп»⁵⁶.

С 17 ноября по 2 декабря 1941 г. войсками Южного фронта (генерал-полковник Я.Т. Черевиченко) была проведена наступательная операция по освобождению Ростова-на-Дону. Немецкие войска отступили за реку Миус. В этих условиях А. Гитлер заменил командующего группой «Юг» генерал-фельдмаршала Г. фон Рундштедта⁵⁷ на генерал-фельдмаршала В. фон Рейхенау⁵⁸.

Первые успехи частей Красной армии по освобождению Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков, как отмечал Л.П. Берия в записке от 8 декабря, направленной в ГКО И.В. Сталину, В.М. Молотову и Г.М. Маленкову, «вызвали среди населения волну патриотического подъёма и ещё более укрепили уверенность в неизбежном переломе на фронте». В документе приводились высказывания: «Операции под Ростовом будут иметь очень большое значение. Этот успех надо закрепить хотя бы на 2–3 недели». «Хорошо, что мы имеем первый крупный успех. Это важно потому, что Ростов – узел к Кавказу и нефти». «Взятие Ростова, возможно, является уже переломным моментом в войне с Германией». «Удар по немцам в районе Ростова является переломным моментом на Южном фронте. Немцев побили там очень крепко. Они в значительной степени разбиты. Создано благоприятное положение для дальнейшего наступления наших частей. В ближайшее время надо ждать взятия ряда районов Донбасса». «Освобождение Ростова имеет громадное значение для дальнейшего хода войны потому, что нанесён удар крупнейшей фашистской части. Враг не допущен на Кавказ, освобождён наш большой город. Ростов в истории войны

будет иметь громадное значение, как один из первых шагов перехода нашей армии в наступление». «Теперь немцам не удержать на Южном фронте занятых ими позиций. Хорошо бы, если бы теперь ударили по фашистским ордам под Москвой». «У нас армия – тот же народ, поэтому она и сильна»⁵⁹.

Наряду с положительными откликами органы НКВД зафиксировали отрицательные высказывания и враждебные проявления: «В конечном счёте Гитлер, быть может, и будет разбит, но до этого мы потеряем свою государственность. Россия в том виде, в каком она была за последние 25 лет, перестанет существовать». «Это успех чисто местный и не показателен, так как на севере, у Онежского озера, немцы от Тихвина пробираются к финнам и перерезали все пути к Ленинграду, изолировав его от СССР». «Царящая в течение четверти века диктатура при непрерывном терроре, подавлении всякой общественной самодеятельности, гласности и свободной критики сковала живые силы народа, лишила его инициативы и превратила нас в каких-то автоматов. Падение советской власти произойдёт в результате борьбы самих правящих кругов, из среды которых выделится группа, и она произведёт переворот».

Рост враждебных проявлений со стороны казахских националистов, мусульманского духовенства, немцев, переселённых в Казахстан, был отмечен НКВД Казахской ССР. Писатель А.Т. заявил: «Коминтерн умолок. Карта коммунизма бита. Кремль окровавлен, народ не верит в победу». Артист Семипалатинского театра А.А. считал: «Германия после победы, безусловно, перестроит всё, и мы станем в руководстве. При победе Германия, без сомнения, будет уничтожать русских, евреев, грузин, а казахов, киргизов и узбеков оставит своими колониальными народами. Коммунистическая партия будет уничтожена, будет фашистская партия. Чтобы сохранить казахские кадры, казахские работники должны сразу же вступить в фашистскую партию». Учитель средней школы Самарканда отметил: «Гитлер после победы над СССР освободит казахов от русского гнёта. Казахам нечего бояться германской армии, если даже попадут в плен. Немцы попавших в плен казахов, узбеков не расстреливают, потому что считают нас рабами русских и поэтому уничтожают только славянские народы. В случае победы немцев они казахам обратно вернут старую жизнь и трогать нас не будут». Сотрудник Наркомздрава Казахской ССР М.К. сказал: «Немецкая армия неудержимо идёт вперёд и занимает город за городом. Нам, казахам, собственно, нечего терять, ибо не всё ли равно под чьим сапогом нам быть. Казахстан существует только на бумаге. Фактически везде засилье русских»⁶⁰.

По сообщению НКВД Таджикской ССР, среди части населения приграничных районов, главным образом имевших родственников в Афганистане, отмечался рост эмиграционных настроений. Эта группа

населения считала, что «сейчас самый удачный момент перейти границу. Пограничников стало мало, их отправили на войну. В Афганистане войны нет, там правительство у народа имущество не забирает, будем там жить хорошо». «Мусульманскому народу здесь жить нельзя. Все равно или советская власть арестует, или на войне убьют»⁶¹.

«За нападением Японии на Америку последует нападение и на СССР...»

7 декабря 1941 г. авиасоединения японских вооружённых сил без предварительного объявления войны напали и разгромили крупнейшую военно-морскую базу США на Тихом океане Пёрл-Харбор. Для вооружённых сил США нападение в Пёрл-Харборе стало полной неожиданностью, и Соединенные Штаты вступили в войну.

13 декабря 1941 г. Л.П. Берия направил в ГКО информацию об откликах и настроениях в связи с началом Японией войны против США и Великобритании. В документе приводились сведения о высказываниях учёных, преподавателей высших учебных заведений, артистов, конструкторов, инженеров, врачей: «Вступление Японии в войну – крайне неблагоприятный факт для СССР, так как этим затрудняется доставка материалов из США. С другой стороны, военные материалы, которые США могли послать нам, нужны будут теперь ей самой». «Война Японии с Америкой ускорит гибель Германии, мы опять выкарабкаемся на поверхность. Немцы принудили Японию выступить в ответ на объявление Англией войны Финляндии». «Японо-американская война нас не заденет, а лишь облегчит положение на Западном фронте». «За нападением на Америку последует нападение и на СССР, в результате чего японцы, по-видимому, займут не только Сибирь, но дойдут и до Средней Азии». «Объявление Японией войны США и Англии – кульминационная точка войны, последний козырь гитлеризма. Дальше никаких резервов у него нет». «Нет никакого сомнения, что Япония будет раздавлена Америкой, но одно отраднo, что Америка, которая привыкла обогащаться за счёт войны других стран, сама сейчас отведаёт вкус войны». «Если в войне США и Англии в водах Тихого океана будут взяты темпы Красной армии, то, безусловно, Японию разобьют. Вообще, Японию можно уничтожить только с приморья Советского Союза». «Весь мир втянут в войну. После окончания её мир должен выглядеть по-другому. Германия вряд ли останется, как государство, а от Японии, если Америка и Англия активно включатся в войну, только щепки останутся. Правда, в Японии вояки лучше, чем в Америке, но в отношении техники Япония слаба, и её песня спета». «Коалиция государств должна победить. После войны останутся

только три государства – СССР, Америка и Англия. Германская нация должна быть уничтожена». «Возникновение войны между Японией, Америкой и Англией – событие огромной важности. Эта война устраняет возможности возникновения для нас Дальневосточного фронта и обеспечит укрепление военного сотрудничества между СССР, Англией и Америкой»⁶².

16 декабря 1941 г. Л.П. Берия направил в ГКО и НКО информацию о том, что в некоторых республиках, краях и областях местные организации не уделяли должного внимания семьям военнослужащих. В Ивановской области в течение 2 месяцев более 200 семьям военнослужащих не проводилась выплата денежного пособия, 24 нуждающиеся семьи не были обеспечены квартирами, 300 семей – дровами, 200 семей военнослужащих испытывали острую нужду в тёплой одежде и обуви. В Иркутской области жёнам красноармейцев не выдавался расчёт по трудодням, заработанным мужьями. В Алтайском крае военкомы допускали нарушения с распределением жилья для семей военнослужащих. По данным Управлений НКВД Приморского, Хабаровского, Краснодарского краёв, Иркутской, Читинской и Свердловской областей, среди членов семей военнослужащих отмечалось недовольство, о котором были проинформированы местные партийные и советские организации⁶³.

В этот же день Л.П. Берия проинформировал членов ГКО о политических настроениях населения страны: «Воодушевлённые ударами Красной армии по войскам врага, трудящиеся СССР продолжают обсуждать выступления товарища Сталина 6 ноября 1941 г. на торжественном заседании Московского Совета и 7 ноября 1941 г. на Красной площади и повышают производительность труда, стремясь ещё больше укрепить обороноспособность страны». В записке приводились цитаты из наиболее характерных высказываний: «Взятие Ростова есть начало конца Гитлера. Это трещина, которая приведёт к развалу всей системы фашизма». «Я уверен, что победа будет за нами. Моя уверенность подтверждается последними успехами Красной армии на фронтах. В скором будущем враг будет разбит, в разгроме его нам много помогут Америка и Англия». «Сталин сказал, что война окончится через год. До сих пор всё происходило по Сталину. Теперь я твёрдо уверен в победе. Мне стало известно, что Сталин сейчас усиленно занимается восстановлением хозяйства. Это грандиозно. Пора и нам подумать о большом плане для искусства». «Хотя немцы нас и потеснили, но зима решит их судьбу. Засядут они со своей техникой в наших снегах и начнут откатываться, гонимые Красной армией». «Теперь Красная армия окончательно побьёт немцев на Юге. Надо нам, инженерам тракторного завода, ни в коем случае не допускать

срыва графика выпуска боемашин». «Наконец-то началось наступление. Сразу как-то стало веселее на душе и легче работается». «Немцы ни Москвы, ни Ленинграда не возьмут, и им никогда этих городов не видать». «Наш народ способен пережить любую трудность. Гитлеру нас всё равно не победить. Наш народ твёрдо уверен в победе и сплочён вокруг партии». Композитор Б.А. Мокроусов заявил: «Москва останется советской. Если же враг прорвётся к Москве, то мы будем уничтожать его, где бы он нам ни встретился. Русских никто никогда не побеждал и не победит»⁶⁴.

Наряду с положительными откликами НКВД фиксировал и враждебные проявления: «То, что люди гибнут, – это ужасно, но это и хорошо, ибо гибнут те, чьё сознание было частью отравлено. Пока СССР борется с Гитлером, нам с большевиками по пути, а потом будет какая-то черта, которую мы рано или поздно вынуждены будем переступить». «Война, несомненно, протянется не менее 5–8 лет. После настоящего перевеса сил на стороне фашистов будет период равновесия сил, и только после этого будет преобладание наших сил, постепенное очищение России и Европы от фашистов». «Идёт война систем, а не народов, война без энтузиазма. В этой войне мы экономически слабее, чем Россия 1914 года, так как основной поставщик всяких резервов – крестьянство – деградировало и экономически обнищало. Сейчас в деревне пусто и голодно. Основной слабостью советского строя является деление людей на партийных и беспартийных. Это те же расы, но под другим названием». «Если даже Германия потерпит поражение, всё равно советская система управления будет уничтожена. При советской системе мы видим в жизни лишь фальшь. Нам запрещают говорить о недостатках в народном хозяйстве. Властью искусственно поддерживается вражда между людьми путём разделения крестьянства на подклассы, а рабочих – на стахановцев и ударников». «Русский солдат и сейчас хорош, но у него нет хороших руководителей, нет военной культуры. У нас липовый патриотизм, у народа отняли чувство национального достоинства и культивировали вредный национализм. Политика СССР лицемерна и непоследовательна». Преподаватель истории ВКП(б) спецшколы ВВС отметил: «Наше правительство фактически отошло от принципиальной позиции, отказалось совершенно от революционных лозунгов и стало сейчас орудием англо-американской политики, в то время как раньше вело такую же фальшивую игру с Германией. Тем самым революционному движению на Западе нанесён смертельный удар из самой Москвы. В нашем положении единственно правильной политикой было бы заключить мир с немцами, отдать им Украину, оставшись хотя бы в пределах РСФСР»⁶⁵.

Л.П. Берия сообщал, что органами НКВД за период с 25 октября по 5 декабря 1941 г. было вскрыто и ликвидировано 72 антисоветские организации и группы. Всего с начала войны по 1 декабря 1941 г. органами НКВД были арестованы за вражескую работу и антисоветские выступления 45 тыс. 722 человека, в том числе по Москве – 4 тыс. 904 человека⁶⁶.

В августе 1941 г. началась блокада Ленинграда. Попытки прорвать блокаду закончились неудачей. Положение города и его жителей с каждым днём становилось все тяжелее. НКВД СССР регулярно докладывал И.В. Сталину информацию о положении в Ленинграде, на Ленинградском фронте, о настроениях населения и военнослужащих.

26 декабря 1941 г. Л.П. Берия направил И.В. Сталину, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову и Г.М. Маленкову сводку, составленную по письмам населения Ленинграда. В ней сообщалось, что в результате проверки писем военной цензурой отмечено большое количество сообщений о тяжёлом продовольственном положении в городе. Некоторые сообщения носили антисоветский характер. Из 535 тыс. 725 писем, просмотренных с 11 по 20 декабря 1941 г., таких сообщений было отмечено 21 тыс. 883⁶⁷.

В этот же день была составленная сводка по письмам бойцов и командиров 8-й, 23-й, 42-й, 55-й армий Ленинградского фронта, а также войск Ленинградского гарнизона и раненых, находившихся в госпиталях Ленинграда. Военной цензурой за период с 11 по 20 декабря 1941 г. было отмечено большое количество сообщений с жалобами на плохое питание и отсутствие зимнего обмундирования. В связи с этим у некоторых бойцов появились негативные и антисоветские настроения. Из просмотренных 326 тыс. писем жалобы на плохое питание и обмундирование отмечались в 6 тыс. 338⁶⁸.

28 декабря 1941 г. Л.П. Берия направил членам ГКО сводку о зверствах, грабежах мирного населения, насилии и бесчинствах немцев в районах Московской, Ленинградской, Рязанской, Калининской, Орловской, Курской и Тульской областей, освобождённых частями Красной армии⁶⁹.

Анализ архивных документов даёт представление о политических настроениях различных слоёв населения в начале Великой Отечественной войны. Части Красной армии отступали, неся большие потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести и попавшими в плен. Несмотря на то что в стране обострились бытовые и продовольственные трудности, среди большей части населения преобладали идеи патриотизма и уверенность в скорейшей победе над врагом.

Примечания

¹ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада : В 2 кн. – СПб.; М., 2002.

² Вольхин А.И. Органы НКГБ–НКВД СССР о характере политических настроений совет-

ских историков и писателей в годы Великой Отечественной войны // Политическая история России : Прошлое и современность : Исторические чтения. Вып. 5. – СПб., 2008. – С. 95–104; Он же. Характер информирования органами НКВД–НКГБ СССР руководства страны о политических настроениях труженников тыла в годы великой Отечественной войны : (На материалах Урала и Сибири) // Исторические чтения на Лубянке : 2002 год. – М., 2003. – С. 158–163.

³ Вольхин А.И. Органы НКГБ–НКВД СССР о характере политических настроений советских историков... – СПб., 2008. – С. 95.

⁴ Голубев А.В. Польша и поляки в массовом сознании советского общества в 1941–1945 гг. // Польша–СССР 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. – М., 2005. – С. 360–376; Он же. Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // Россия в XX веке : Война 1941–1945 годов: Современные подходы. – М., 2005. – С. 151–172; Он же. «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны // Российская история. – 2009. – № 6. – С. 3–27; Он же. Союзники по антигитлеровской коалиции в массовом сознании советского общества в годы войны // Великая война и Великая Победа народа : К 65-летию победы в Великой Отечественной войне: В 2 кн. Кн. 1. – М., 2010. – С. 276–316.

⁵ Мусихин В.Е. Социально-психологическая атмосфера в Кировской области в годы Великой Отечественной войны : (1941–1945 гг.) // Война в памяти народной: Кировская область в годы Великой Отечественной войны. Материалы и документы науч. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945). – Киров, 1995. – С. 7–14; Смыкалин А.С. Политические настроения эвакуированного на Урал населения в годы Великой Отечественной войны : (По материалам военной цензуры) // Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы науч. конф. (25–26 февр. 2005 г., Екатеринбург). – Екатеринбург, 2005. – С. 51–55.

⁶ Вихавайнен Т. Пропаганда и контроль общественного мнения в Финляндии во время войны 1941–1944 гг. / Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия : XVII–XX вв. – М., 2006. – С. 371–377; Он же. Обиженное общественное мнение // Два лика России : (Сб. статей). – СПб., 2007. – С. 281–301; Он же. Меняющееся прошлое : Разрушение образа врага и историческая литература // Там же. – СПб., 2007. – С. 336–349.

⁷ Марковчин В.В. Недремлющее око спецслужб // Московский архив : Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. – М., 2006. – С. 545–560; Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945 : (Из Архива Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленингр. обл.). – СПб., 1996; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003; Сталинградская эпопея : Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. – М., 2000.

⁸ См.: Мусихин В.Е. Социально-психологическая атмосфера в Кировской области в годы Великой Отечественной войны : (1941–1945 гг.) // Война в памяти народной : Кировская область в годы Великой Отечественной войны. – Киров, 1995. – С. 7; Смирнов Ю., Ушаков В. Москва, ноябрь 44-го // Служба безопасности : Новости разведки и контрразведки. – 1995. – № 3–4. – С. 34–35.

⁹ Цензура военная – одна из форм контроля (надзора) со стороны военных и других государственных органов открытых видов информации (печати, радио), а во время войны и частной переписки с целью не допустить опубликования и оглашения в них сведений, содержащих военную и государственную тайну. Военная цензура вводилась в соответствии с постановлением ГКО от 6 июля 1941 г.

¹⁰ См.: Лубянка : Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ : 1917–1991 : Справочник. – М., 2003. – С. 138.

¹¹ См.: Ломажин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. – СПб.; М., 2002. – С. 130–131.

¹² См.: Катень. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. : Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катини. Документы. – М., 2001. – С. 359–417.

¹³ Громов А.В., Хорошавин В.А., Хумарьян С.Г. Самарский щит: Очерки, посвященные 90-летию Управления ФСБ по Самарской области. – Самара, 2008. – С. 98–99.

¹⁴ Доверено охранять Отечество : (Из истории органов безопасности в Вологодском крае). – Вологда, 2008. – С. 335.

¹⁵ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть: 40 лет после войны : 1945–1985. – М., 2007. – С. 59–60.

¹⁶ Москва военная : 1941–1945 : Мемуары и архивные документы. – М., 1995. – С. 50.

¹⁷ Литвинов Максим Максимович (наст. фам. и имя Валлах Меир Хенех Моисеевич) (1876–1951), советский государственный и партийный деятель. Нарком по иностранным делам (иностранн дел с 1936) СССР (21.7.1930–3.5.1939).

¹⁸ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : В 8 т. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 68–69; Москва военная: 1941–1945 : Мемуары и архивные документы. – М., 1995. – С. 52.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 725. Л. 1, 11, 21.

²⁰ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 121–123.

²¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. 161–167.

²² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 725. Л. 36, 155, 239, 240; Христофоров В.С. Прорыв отчаяния // Время новостей. – 2009. – 30 июня. – С. 6.

²³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 725. Л. 462.

²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 725. Л. 491.

²⁵ Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937), советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935). Командовал 1-й армией Восточного фронта (июнь 1918 – январь 1919), 8-й армией Южного фронта (январь – март 1919), 5-й армией Восточного фронта (апрель – ноябрь 1919), войсками Кавказского фронта (февраль – апрель 1920) при разгроме войск Деникина, войсками Западного фронта (с апреля 1920 по август 1921) в Советско-польской войне 1920 и 7-й армией при ликвидации Кронштадтского мятежа (март 1921), войсками Тамбовского района (апрель – май 1921) при подавлении антоновщины. Был начальником Военной академии РККА (1921), с 1924 г. помощником начальника, а с ноября 1925 по май 1928 г. начальником Штаба РККА. В 1928–1931 гг. командующий войсками ЛВО. С 1931 г. зампред РВС СССР, начальник вооружений РККА, с 1934 г. заместитель наркома обороны, с 1936 г. 1-й заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки. В 1937 г. назначен командующим Приволжским ВО. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Арестован 22 мая 1937 г., 11 июня приговорен к ВМН по обвинению «в организации военного заговора», расстрелян 12 июня 1937 г., реабилитирован 31 января 1957.

²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 718. Л. 151–154, 209, 210; Д. 726. Л. 39, 41, Д. 727. Л. 11.

²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 725. Л. 36, 155.

²⁸ Тимошенко Семён Константинович (1895–1970), советский военачальник, Маршал Советского Союза (7.5.1940), дважды Герой Советского Союза (21.3.1940 и 18.2.1965). С мая 1940 по июль 1941 г. нарком обороны СССР. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. был председателем Ставки Главного командования (до 19 июля), затем входил в состав Ставки Верховного Главнокомандования, был заместителем наркома обороны (с июля по сентябрь 1941), главнокомандующим Западным (10 июля – 10 сентября 1941) и Юго-Западным (13 сентября 1941 – 21 июня 1942) направлениями, командующим войсками Западного (2–19 июля и 30 июля – 12 сентября 1941), Юго-Западного (30 сентября – 18 декабря 1941 и 8 апреля – 12 июля 1942), Сталинградского (12–23 июля 1942) и Северо-Западного (октябрь 1942 – март 1943) фронтов. С марта по июнь 1943 г. координировал действия Волховского и Ленинградского фронтов, с июня по декабрь 1943 г. – Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота, в феврале – июне 1944 г. – 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, с августа 1944 г. до конца войны – 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов.

²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 9. Л. 242–243.

³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 9. Л. 243–245.

³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 9 Л. 233–237.

- ³² ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 9 Л. 238–240.
- ³³ Мусихин В.Е. Социально-психологическая атмосфера в Кировской области в годы великой Отечественной войны : (1941–1945 гг.) // Война в памяти народной : Кировская область в годы Великой Отечественной войны. – Киров, 1995. – С. 8.
- ³⁴ То же. – С. 8.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 9 Л. 245; УФСБ по Кировской области. Д. 1. Оп. 1. № Оп. 97. Л. 170, 189.
- ³⁶ Мусихин В.Е. Социально-психологическая атмосфера в Кировской области в годы великой Отечественной войны : (1941–1945 гг.) // Война в памяти народной : Кировская область в годы Великой Отечественной войны. – Киров, 1995. – С. 9.
- ³⁷ В 1957 г. архивное уголовное дело по обвинению Павлова Д.Г., Климовских В.Е., Григорьева А.Т. и Коробкова А.А. было пересмотрено. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. приговор от 22 июля 1941 г. в отношении указанных лиц был отменён по вновь открывшимся обстоятельствам, и дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Все обвиняемые реабилитированы (посмертно).
- ³⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 10. Л. 310.
- ³⁹ 29 сентября – 1 октября в Москве проходила конференция представителей СССР, США и Великобритании: В.М. Молотова, Ч.А. Гарримана и У. Бивербрука по вопросам взаимных военных поставок.
- ⁴⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 60–62.
- ⁴¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 199–200.
- ⁴² ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 200.
- ⁴³ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 202–203.
- ⁴⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 222–223.
- ⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 224–227.
- ⁴⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 11. Л. 264–267, 326–329.
- ⁴⁷ УФСБ по Кировской области. Д. 1. Оп. 1. № Оп. 97. Л. 150.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 13. Л. 19–21.
- ⁴⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 9. Д. 12. Л. 40–51.
- ⁵⁰ УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Ф. 21/12. Т. 1. Оп. 2. П.н. 38. Д. 10. Л. 36–42.
- ⁵¹ Международное положение глазами ленинградцев, 1941–1945... – СПб., 1996. – С. 15–16.
- ⁵² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 13. Л. 332–336. Д. 14. Л. 40–50, 141–151, 285–293.
- ⁵³ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 13. Л. 332–336. Д. 14. Л. 40–42, 141–142.
- ⁵⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 13. Л. 388–340. Д. 14. Л. 141–147.
- ⁵⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 13. Л. 338–340. Д. 14. Л. 143–145.
- ⁵⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 14. Л. 47.
- ⁵⁷ Рундштедт Герд Карл Рудольф фон (1875–1953), немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны. В феврале 1938 г. уволен из вооружённых сил. В августе 1939 г. возвращён в армию в качестве командующего группой армий «Юг». Во время нападения на СССР – командующий группой армий «Юг». За поражение под Ростовом-на-Дону 30 ноября 1941 г. отстранён от командования, направлен в резерв. 1 марта 1942 г. назначен начальником штаба Западной группы войск. 2 июля 1944 г. Гитлер отстранил его от командования, а сентября 1944 по март 1945 г. возвращён на должность. 2 мая 1945 г. арестован американскими войсками. В 1949 г. освобождён.
- ⁵⁸ Рейхенау Вальтер фон (1884–1942), немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны. В 1939 г. назначен командующим 4-й армейской группой. В сентябре 1939 г. командовал 10-й армией, а с октября 1939 г. – 6-й армией. С декабря 1941 г. – командующий группой армий «Юг».
- ⁵⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 14. Л. 285–293.
- ⁶⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 14. Л. 287–290.
- ⁶¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 14. Л. 291.
- ⁶² ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 44–47.

⁶³ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 85–89.

⁶⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 90–94.

⁶⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 95–97.

⁶⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 98–100.

⁶⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 331–333.

⁶⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 335–337.

⁶⁹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 15. Л. 369–383.

Ленинград в первые месяцы блокады

Кантор Юлия Зораховна,

доктор исторических наук,

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Стихи Ольги Берггольц, дневник Тани Савичевой, Ленинградская симфония Шостаковича, Пискаревское кладбище, Пулковские высоты, 900 дней и ночей... Этими фактами-символами во многом исчерпывается в коллективной памяти представление о беспрецедентном, бесчеловечном явлении, вошедшем в мировую историю как блокада Ленинграда. С течением времени героизм обречённых на подвиг ленинградцев становится некой абстракцией, обязательной для упоминания лишь «по торжественным дням», а значит, чреватой искажениями и исчезновением из национальной памяти. Правда о блокадной повседневности, о ситуации в городе, в советское время закрытая цензурой, сохранена в документах тех лет – секретных военных сводках и донесениях спецслужб (как советских, так и фашистских), статистических данных, дневниках горожан, в воспоминаниях и в новейшей отечественной историографии. Обращение к теме блокады Ленинграда приобретает особое звучание в год трагического юбилея – 70-летия со дня её начала.

Военные действия

Фашисты по плану «Барбаросса» намеревались «стереть Ленинград с лица земли». «Лишь после обеспечения неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжить наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности – Москвой»¹. А. Гитлер считал принципиально важным не дать советскому командованию вывести войска из района Ленинграда и использовать их на других участках фронта, а также уничтожить Балтийский флот, получить контроль над северо-западным Балтийским побережьем. Этот город, «имеющий большое символическое значение, надлежит уничтожить», – так напутствовал фюрер командование группы армий «Север» перед наступлением. В беседах с военачальниками фюрер приводил не только военные аргументы: он полагал, что захват Ленинграда принесёт не

только военный выигрыш, но и огромные политические дивиденды. СССР в случае потери Северной столицы лишился бы города, который имел для советского государства особый, символический смысл, будучи «колыбелью трёх революций». Гитлер считал, что «дух славянского народа в результате тяжёлых боёв будет серьёзно подорван, а с падением Ленинграда может наступить катастрофа»².

Предпринимая нападение на СССР, немецко-фашистское руководство придавало исключительно большое значение захвату Ленинграда. Оно планировало ударом группы армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. фон Лееб) в составе 4-й танковой группы, 18-й и 16-й армий из Восточной Пруссии в северо-восточном направлении и двух финских армий (Карельской и Юго-Восточной) из юго-восточной части Финляндии в южном и юго-восточном направлениях уничтожить находившиеся в Прибалтике советские войска, овладеть Ленинградом, приобрести наиболее удобные морские и сухопутные коммуникации для снабжения своих войск и выгодный исходный район для удара в тыл войскам Красной армии, прикрывавшим Москву.

На следующий день после начала войны командующий Ленинградским военным округом М.М. Попов отдал распоряжение о начале работ по созданию дополнительного рубежа обороны на псковском направлении, в районе Луги. Только 4 июля 1941 г. Ставка одобрила это распоряжение. Уже 19 июля Лужский рубеж был хорошо подготовлен: построены оборонительные сооружения протяжённостью 175 км при глубине 10–15 километров.

Наступление немецко-фашистских войск непосредственно на Ленинград началось 10 июля 1941 г. с рубежа р. Великая. К этому времени на дальних юго-западных и северо-западных подступах к Ленинграду немецко-фашистское и финское командование имело 38 дивизий (32 пехотные, 3 танковые, 3 моторизованные), 1 кавалерийскую и 2 пехотные бригады, поддерживаемые мощной авиацией. Немецко-фашистским войскам противостояли Северный фронт (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов, член Военного совета корпусной комиссар Н.Н. Клементьев) в составе 7-й и 23-й армий (всего 8 дивизий) и Северо-Западный фронт (командующий генерал-майор П.П. Собенников, член Военного совета генерал-лейтенант В.Н. Богаткин) в составе 8-й, 11-й и 27-й армий (31 дивизия и 2 бригады), оборонявшихся на фронте 455 км; в 22 дивизиях потери в личном составе и материальной части составляли свыше 50%³. Для усиления обороны юго-западных подступов к Ленинграду командование Северного фронта 6 июля образовало Лужскую оперативную группу, из состава которой к началу боевых действий прибыли только 2 стрелковые дивизии, 1 дивизия народного ополчения, личный состав двух ленинградских военных училищ, отдельная гор-

нострелковая бригада, особая артиллерийская группа и некоторые др. части. К 10 июля войска группы армий «Север» имели превосходство над советскими войсками Северо-Западного фронта: по пехоте – в 2,4, орудиям – в 4, миномётам – в 5,8, танкам – в 1,2, самолётам – в 9,8 раза⁴.

Для координации действий фронтов 10 июля 1941 г. Государственный комитет обороны (ГКО) образовал Северо-Западное направление (главнокомандующий – Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, член Военного совета секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, начальник штаба генерал-майор М.В. Захаров), подчинив ему войска Северного и Северо-Западного фронтов, Северный и Краснознамённый Балтийский флоты. Вокруг Ленинграда создавалась система обороны, состоявшая из нескольких поясов. На ближних подступах к Ленинграду в юго-западном и южном направлениях строились Красногвардейский (Гатчинский) и Слуцко-Колпинский укреплённые районы, совершенствовался Карельский укреплённый район. Возводился также пояс оборонительных сооружений по линии Петергоф – Пулково; создавались оборонительные сооружения и внутри Ленинграда.

В течение первых двух недель войны, преодолев в значительной степени хаотичное сопротивление советских войск в Прибалтике, враг вторгся в пределы Ленинградской области. (До 1944 г. в её состав входили Новгородская и Псковская области.) Немецко-фашистские войска 5 июля овладели городом Остров, а 9 июля – Псковом. 10 июля 1941 г. развернулось наступление противника на юго-западном и северных подступах к Ленинграду. Почти одновременно враг нанёс удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях, в Эстонии (преимущественно на островах), на петрозаводском и олонцеком направлениях. В последней декаде июля ценой больших потерь противник вышел на рубеж рек Нарва и Луга, где вынужден был перейти к обороне и произвести перегруппировку.

На Карельском перешейке с 31 июля советские войска вели оборонительные бои с наступающими финскими войсками и к 1 сентября остановили их на рубеже государственной границы 1939 г. На олонцеком, петрозаводском и свирском направлениях наземные войска при поддержке Ладужской военной флотилии (командующий с августа капитан 1-го ранга, с сентября контр-адмирал Б.В. Хорошхин, с октября 1941 – капитан 1-го ранга В.С. Чероков), ведя с 10 июля упорные бои, к концу сентября остановили противника на рубеже реки Свирь⁵. Германское наступление было приостановлено на несколько недель. Когда намерения нацистов захватить город к августу 1941 г. провалились, А. Гитлер был взбешён и немедленно отправился в штаб группы армий «Север», чтобы лично участвовать в подготовке плана захвата Ленинграда к сентябрю.

С военно-стратегической точки зрения взятие Ленинграда позволило бы Гитлеру высвободить действующие в зоне наступления войска вермахта, входившие в состав 4-й танковой группы, необходимые для успешного осуществления операции «Тайфун» (кодовое название операции по захвату Москвы). Г.К. Жуков, вспоминая события августа – сентября 1941 г., писал: «Для нас потеря Ленинграда была бы серьёзным осложнением всей стратегической обстановки. В случае захвата города врагом и соединения здесь немецких и финских войск нам пришлось бы создавать новый фронт, чтобы оборонять Москву с севера, и израсходовать при этом все стратегические резервы, которые готовились Ставкой для защиты столицы. Кроме того, мы неизбежно потеряли бы мощный Балтийский флот. Для противника взятие Ленинграда означало, что группа армий «Север» и финские войска, действовавшие на Карельском перешейке, легко могли бы соединиться с финско-германскими войсками в районе реки Свирь и перерезать этим наши коммуникации, идущие в Карелию и Мурманск»⁶.

В августе развернулись бои на ближних подступах к Ленинграду. С 8 августа противник перешёл в наступление на красногвардейском направлении. 13 августа противник перерезал дорогу Ленинград – Кингисепп. 16 августа, после тяжёлых боёв, Кингисепп был оставлен, к 21 августа противник вышел к Красногвардейскому укреплённому району, пытаясь обойти его и ворваться в Ленинград, но его атаки были отражены. С 22 августа по 7 сентября велись напряжённые бои на ораниенбаумском направлении. Враг был остановлен северо-восточнее Копорья. Боевые действия наземных войск развивались в тесном взаимодействии с Краснознамённым Балтийским флотом (командующий вице-адмирал В.Ф. Трибуц, член Военного совета дивизионный комиссар Н.К. Смирнов) и Ладужской военной флотилией. Кроме поддержки сухопутных войск авиацией и мощной артиллерией, флот решал самостоятельные задачи: защищал подступы к Ленинграду, нарушал коммуникации противника в Балтийском море, вёл борьбу за Моонзундский архипелаг, главную базу флота – Таллин и за полуостров Ханко. В период обороны Ленинграда флот направил на сушу (в бригады морской пехоты, отдельные стрелковые батальоны и др.) свыше 160 тыс. человек личного состава⁷. Дальнобойная артиллерия флота успешно действовала против немецко-фашистских войск. Под Лугой все атаки врага были отражены, что несколько задержало наступление вермахта на этом направлении.

На новгородско-чудовском направлении, где противник наносил главный удар, советские войска пытались контратаковать противника, наступавшего на Новгород, но существенных результатов не добились. 19 августа немцы заняли Новгород, а 20 августа – Чудово⁸, перерезав железнодорожную магистраль Ленинград – Москва. За счёт освобождённых войск немецко-фашистское командование усилило группировку, наступавшую

на Ленинград, и перенесло сюда основные усилия авиации группы армий «Север». Создалась опасность окружения Ленинграда. 23 августа Ставка разделила Северный фронт на Карельский (командующий генерал-лейтенант В.А. Фролов, член Военного совета корпусной комиссар А.С. Желтов) и Ленинградский (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов, с 5 сентября Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, с 12 сентября генерал армии Г.К. Жуков, с 10 октября генерал-майор И.И. Федюнинский, с 26 октября генерал-лейтенант М.С. Хозин; член Военного Совета А.А. Жданов). 24 августа 1941 г. ГКО (Государственный Комитет Обороны) принял решение № 752сс «О создании Военного совета обороны гор. Ленинграда и Военного Совета при коменданте Красногвардейского укрепрайона». Обстановка под Ленинградом оставалась чрезвычайно напряжённой, положение усугублялось. Между тем в Ставке по-прежнему с недоверием относились к донесениям из Ленинграда, считая их «паникёрскими».

Из записи по прямому проводу члена ГКО генерал-майора А.М. Василевского с командующим Ленинградским фронтом генерал-лейтенантом М.М. Поповым от 28 августа 1941 г.:

«Ваши сегодняшние предложения напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями. Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчёт прорыва, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать, для того чтобы требовать от своих подчинённых, а быть только статистом, передающим жалобы армий, нам придётся тогда через несколько дней сдать Ленинград. Но Ставка существует не для того, чтобы помыкать шантажистским требованиям и предложениям. Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма. Ставка запрещает вам оголять Лужскую губу и отдавать её противнику... Ставка т р е б у е т (разрядка в документе. – Ю.К.), чтобы вы, наконец, перестали быть статистом и специалистом по отступлению...»⁹.

29 августа ГКО объединил Главное командование Северо-Западного направления с командованием Ленинградского фронта, а Северо-Западный фронт подчинил непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

Враг возобновил наступление крупными силами вдоль шоссе Москва – Ленинград и 30 августа вышел к Неве и перерезал железные дороги, связывающие Ленинград со страной. С 30 августа велись ожесточённые бои в районе Красногвардейска (с 1944 г. Гатчины. – Ю.К.), где немцы понесли большие потери, но продвигались вперёд.

Угроза окружения Ленинграда катастрофически нарастала, во что категорически отказывалась верить Ставка и чему не могли эффективно противодействовать войска Ленинградского фронта.

«Директива Ставки ВГК №001513 Военному совету северо-западного направления о недостатках в военных действиях Ленинградского фронта. 1 сентября 1941 г.

Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной для фронта. Ленинградский фронт занят только одним – как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончать с героями отступления? Ставка в последний раз разрешает вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда. И. Сталин, Б. Шапошников»¹⁰.

С 4 сентября 1941 г. противник начал массированный артиллерийский обстрел города и систематические налёты авиации¹¹. Прорвавшись 8 сентября через станцию Мга на Шлиссельбург, немецко-фашистские войска отрезали Ленинград от суши. Началась блокада.

Выход противника к Красногвардейску и Колпину вынудил советские войска, оборонявшиеся в районе Луги, отступить. 9 сентября немецко-фашистские войска возобновили наступление на Ленинград, нанося главный удар из района западнее Красногвардейска. К этому моменту командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал армии Г.К. Жуков¹².

Сосредоточив 8 дивизий (5 пехотных, 2 танковые и 1 моторизованную), противник пытался взять город штурмом. Командование Ленинградского фронта перебросило с Карельского перешейка несколько подразделений, включило в боевые действия спешно сформированные отряды народного ополчения, перевело значительную часть моряков с кораблей на сушу. Бои в районе Красногвардейска продолжались непрерывно 9 суток. К 18 сентября враг был остановлен в Пулкове. На исход оборонительного сражения под Красногвардейском и Колпином оказало влияние начавшееся по указанию Ставки 10 сентября наступление советских войск из района Волхова на Мгу и Синявино, сковавшее значительные силы противника¹³. Одновременно в направлении Синявино – Мга перешли в наступление войска Невской оперативной группы, которые к 26 сентября форсировали Неву и захватили небольшой плацдарм – так называемый Невский пяточок. В середине сентября немецко-фашистские войска вышли к Финскому заливу в районе Стрельны и отрезали находившиеся западнее советские войска, которым благодаря мощной поддержке флота удалось удержать Ораниенбаумский плацдарм, сыгравший затем большую роль в обороне города. Приказ перейти к осаде Ленинграда пришёл в тот момент, когда город, как казалось немцам, мог быть взят одним последним ударом. Решение перейти к осаде Ленинграда, а не брать его штурмом в значительной мере диктовалось позицией финнов. Генерал-фельдмаршал К. Маннергейм, главнокомандующий войсками Финляндии, придерживался принципов «активной оборонительной войны», имел определённые колебания в отношении целесообразности пере-

хода старой финской границы на Карельском перешейке и наступления на Ленинград. Эти «колебания» в значительной степени были «навешаны» позицией Лондона: И.В. Сталин неоднократно ставил вопрос перед союзниками о необходимости оказания на Финляндию соответствующего давления – и оно было оказано: «Мы окажем любое возможное давление на Финляндию, включая немедленное заявление, что объявим ей войну, если она будет продвигаться за старые границы. Мы просим Соединённые Штаты предпринять все необходимые шаги, чтобы повлиять на Финляндию»¹⁴. У союзников были веские основания оказывать это давление: ухудшение положения под Ленинградом в начале сентября вызывало закономерную тревогу в Великобритании. Опасаясь того, что остатки Балтийского флота попадут в руки немцев, английский премьер-министр У. Черчилль просил Сталина уничтожить флот в случае необходимости, предложив выплатить за него компенсацию¹⁵. 8 сентября 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «По вопросу о проекте плана затопления кораблей КБФ и судов торгфлота в случае непосредственной угрозы их захвата противником»¹⁶. Позиция Вашингтона и Лондона охладила тех в Хельсинки, кто помышлял о большем, нежели возвращение утраченной в ходе советско-финляндской войны территории.

В директиве гитлеровского командования от 22 сентября 1941 г. «О будущности г. Петербурга» говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населённого пункта. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у её новой границы... Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты»¹⁷.

20 октября началась Синявинская наступательная операция войск Ленинградского фронта с целью деблокирования города, но завершить операцию не удалось, так как Советское Верховное Главнокомандование было вынуждено перебросить часть войск на тихвинское направление, где противник развернул наступление. 8 ноября врагу удалось захватить Тихвин. Хотя советские войска не допустили прорыва противника к Свири, последняя железная дорога (Тихвин – Волхов), по которой подвозились грузы к Ладожскому озеру, оказалась перерезанной. Город окончательно оказался во вражеском кольце.

Промышленность

До Великой Отечественной войны Ленинград являлся одним из ведущих промышленных центров страны. В нём действовали 333 предприятия союзного и республиканского подчинения, а также большое

количество заводов и фабрик местной промышленности и артелей. На них работало 565 тыс. человек¹⁸.

Для «оказания помощи предприятиям в налаживании производства» в июле 1941 г. при горкоме ВКП(б) была создана комиссия во главе с академиком Н.Н. Семёновым по рассмотрению и реализации запросов обороняющих город частей. В неё вошли академики Б.Г. Галёркин, А.Ф. Иоффе, профессора Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон, Н.Н. Миролюбов, А.А. Петров, Д.В. Тищенко, М.А. Шателен и др.

26 августа в город была направлена группа высших должностных лиц страны – ГКО В.М. Молотов, Г.М. Маленков, Н.Г. Кузнецов, А.Н. Косыгин и др. для «рассмотрения и решения, совместно с Военным Советом Главного командования Северо-западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта, всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда». Большая часть этих решений осталась на бумаге – в условиях стремительного наступления вермахта выполнение их было нереальным. Сама хронология их появления говорит о многом – быстро менявшаяся обстановка и её оценка на месте приводили к тому, что по одному вопросу в течение двух-трёх дней принималось несколько решений. Противоречивость и даже конвульсивность действий комиссии ГКО ещё более дезориентировали местное руководство, которое в полном объёме смогло продолжить работу по укреплению обороны по прошествии недели. Однако комиссия ГКО всё же выделила три важнейшие сферы, которые для Ленинграда надолго оставались ключевыми – оптимизация органов военного управления, дальнейшая эвакуация предприятий и населения, обеспечение войск фронта и населения города боеприпасами и продовольствием. Из тех решений, которые имели решающее значение для обороны Ленинграда, следует назвать, во-первых, завершение реформы управления войсками, во-вторых, отмену 28 августа 1941 г. «до особого распоряжения» постановления ГКО, принятого двумя днями раньше, «Об эвакуации Кировского завода, Наркомсредмаша и Ижорского завода»¹⁹, в третьих – разработку комплекса мер по упорядочению распределения оставшегося в Ленинграде продовольствия. В это же время было принято решение о высылке лиц «неблагонадёжных» национальностей, всего, по данным Управления НКВД по Ленинграду и области, к 1 октября 1942 г. было выселено 58 тыс. 210 чел. – финнов и немцев²⁰.

Отмена вышеупомянутого решения об эвакуации крупнейших промышленных предприятий, помимо стремления укрепить оборону города за счёт местных ресурсов, было вызвано объективной реальностью – к концу августа железнодорожное сообщение с Ленинградом было уже практически прервано. Кроме того, важнейшая проблема при подготовке к эвакуации заключалась в отсутствии за-

ранее, до войны, подготовленных планов такого рода мероприятий – организационные мероприятия по вывозу промышленных гигантов проводились в спешке и хаосе. Например, при подготовке к эвакуации оборудования Кировского завода было подано 212 вагонов вместо необходимых 500. План эвакуации «горячих цехов», где работало около 10 тыс. человек, был разработан лишь «вчерне», потому на практике его осуществление столкнулось с непреодолимыми трудностями. Создавшееся положение явилось результатом того, что «в июле – августе высшие органы власти страны приняли ряд постановлений по эвакуации промышленности Ленинграда. Некоторые из них предписывали производить эвакуационные мероприятия в столь короткие сроки, что переезд уже подготовленных для этого предприятий приходилось откладывать “на потом”»²¹. Это «потом» было уже неосуществимо.

Позже, после того как город оказался во вражеском кольце, был разработан «План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда», включавший в себя мероприятия по уничтожению всех крупнейших промышленных и стратегических объектов Северной столицы в случае угрозы его захвата противником²². Заместитель НКВД СССР В.Н. Меркулов, являвшийся Уполномоченным ГКО по специальным делам, 13 сентября 1941 г. получил от ГКО мандат: «Тов. Меркулову поручается совместно с членом Военного Совета Ленинградского фронта тов. Кузнецовым тщательно проверить дело о подготовке взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района»²³.

В связи с переподчинением ленинградских предприятий союзного и республиканского значения руководству города и непрофессиональной работой по эвакуации производств к началу блокады в Ленинграде сконцентрировался громадный промышленный потенциал.

На выпуск вооружения и боеприпасов были переориентированы ведущие отрасли промышленности – машиностроительная, электротехническая, оптическая, химическая, лёгкая и пищевая. Заводы «Электросила», «Электроаппарат», «Буревестник» с производства оборудования для электростанций были переключены на выпуск мин. Сталепрокатный и проволочно-канатный заводы вместо выполнения заказов для тракторных предприятий стали выпускать крепёж для танков, ленты для патронов, гранаты и автоматы²⁴. «Севкабель» и «Красная заря» увеличили производство военно-полевых средств связи. Завод резино-технических изделий перешёл на производство аэростатов заграждения, противохимической одежды, резиновой обуви. Вагоностроительному заводу им. И.Е. Егорова, приступившему

к выпуску мин и некоторых видов армейского снаряжения, пришлось изготовить для этой цели несколько десятков специальных станков, большое количество штампов, приспособлений и инструментов. Завод им. Второй пятилетки, производивший в кооперации с Кировским машины для бумажной промышленности, полностью перешёл на производство боеприпасов и узлов для танков КВ. Детали и узлы для танков Кировскому заводу как головному предприятию поставляли Ижорский, Металлический, «Русский дизель» и многие другие заводы.

Предприятия, ориентированные на нужды фронта, не только не остановили работу после начала блокады, но и увеличили объёмы производства, расширив спектр выпускаемой продукции. Перевод промышленности на выпуск военной продукции потребовал перестройки производственных линий и дополнительного оборудования. Так, Металлическому заводу пришлось отыскать 500 станков, изготовить несколько тысяч комплектов инструмента и приспособлений, переобучить полторы тысячи рабочих, перепрофилировать инженерно-технический персонал²⁵. Времени на разработку технической документации не было. Поэтому поточные линии по выпуску военной продукции создавались без проектов.

С началом войны все предприятия лёгкой промышленности были переведены на изготовление гранатных и патронных сумок, заплочных мешков, чехлов для фляг, парусиновых плащ-палаток, обмундирования и белья. Несмотря на то что большое число рабочих отвлекалось на строительство оборонительных сооружений (иногда до 50%), труженики предприятий лёгкой промышленности за счёт роста производительности труда и уплотнения рабочего дня полностью выполняли фронтные заказы²⁶. Швейный цех трикотажно-чулочной фабрики «Красное знамя» выпускал бельё для военнослужащих. Менее чем через месяц после начала войны на обувной фабрике «Скороход» был сдан в эксплуатацию цех, производящий армейскую обувь, а на базе механической мастерской изготавливали пулемётные ленты. Промкомбинаты и артели выпускали детали ручных гранат и авиабомб, комбинезоны, маскировочные халаты, рюкзаки, ремни, шапки-ушанки, ватные телогрейки и брюки.

Однако в условиях приближения немецких войск к Ленинграду и угрозы его полного окружения крайне необходимой стала массовая эвакуация производственного персонала и населения, оборудования важнейших промышленных предприятий, материалов, полуфабрикатов, технической документации. Выполняя постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. Военный совет Северного фронта 28 июня 1941 г. определил, что эвакуации из Ленинграда в первую очередь подлежат: квалифицированные рабочие, инженеры и служащие, оборудование, станки и машины важнейших предприятий, ценные сырье-

вые ресурсы, цветные металлы²⁷. Перемещение в города Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии авиационных заводов началось в конце июня, оборудования Наркомата вооружения – с 3 июля, а крупнейших машиностроительных, электротехнических, приборостроительных, оптических и смежных с ними предприятий, конструкторских бюро, учебных и научно-исследовательских институтов, военных училищ и академий – с 11 июля. С 13 июля началась эвакуация заводов Наркомата чёрных металлов, предприятий тяжёлого машиностроения: Невского машиностроительного завода, заводов подъёмно-транспортного оборудования, «Русский дизель», «Экономайзер», частично металлического, станкостроительного, «Светланы», «Электросилы» и др.²⁸ Всего к началу сентября 1941 г. из Ленинграда было вывезено 92 предприятия. За период с 29 июня по 27 августа из города выехали 164 тыс. 320 рабочих, ИТР, служащих и членов их семей²⁹. На новых местах заводы размещались таким образом, чтобы между ними осуществлялась широкая производственная кооперация. Так, на базе Челябинского тракторного завода и эвакуированного в Челябинск и Свердловск оборудования ленинградских Кировского, Ижорского, № 174 и Харьковского дизельного заводов было создано одно из наиболее крупных танкостроительных предприятий, получившее в народе название «Танкоград». Уже в конце 1941 г. оно стало посылать на фронт тяжёлые боевые танки КВ³⁰.

Оборона

Ленинградский плакат осени 1941 г.: «Товарищ! Вступай в ряды народного ополчения. Винтовку добудешь в бою». Ополченцы в бой шли, порой не имея стрелкового оружия, а порой не имея оружия как такового. Так, знаменитый Ижорский батальон шёл на фронт, не имея даже и ножей. Пропорция «человеческого материала» и оружия в 1941 г. была таковой: на одну винтовку было 15 ополченцев. В ополчение шли тысячами, в закономерно искреннем порыве защищать родную страну, родной город. Вот типичные заявления добровольцев, хранящиеся в фондах Музея политической истории.

«Военному комиссару Дзержинского района. От Файзуллина М.Х. Заявление. Прошу направить меня добровольцем на фронт. Нельзя оставаться равнодушным и смотреть на зарвавшегося врага так просто. Он коварный и лезет вперёд. А потому прошу не оставлять моей просьбы. Клич вождя и отца товарища Сталина зовёт вперёд. Я не жалею своей жизни за Родину, за Сталина. Пятое июля 1941 года». «В комитет обороны города Ленинграда от Сычёва А.И. Прошу принять меня добровольцем в действующую Красную армию по примеру моих старших братьев. Встану на защиту Родины от проклятых фашистов».

«Германский фашизм вероломно напал на нашу Родину, и я должен быть в действующей Красной армии, как и многие тысячи советских патриотов. 10.07.41». «Прошу принять меня добровольцем в армию народного ополчения. Член ВКП(б) с 1918 года, бывший красный партизан. 14.08.41. Розенблюм»³¹.

В первые же дни войны, к 30 июня 1941 г., в Ленинграде были сформированы три ополченческие бригады. Однако поначалу создание народного ополчения не было разрешено – власти считали, что не нужно сеять панику. Когда же стало ясно, что ситуация критическая, разрешение было получено. Всего в городе было подано около 212 тыс. заявлений о вступлении в народное ополчение, было сформировано 15 дивизий. «Многим добровольцам никогда раньше не приходилось стрелять, учиться стрелять из боевого оружия в большом городе сложно, к тому же курс молодого бойца должны были проходить сразу 100 тыс. человек. Но никакой стрельбы и не было, учились «на сухую», прицеливаясь в какой-нибудь кирпич и щелкая курками»³².

В ополчение шли тысячами – в искреннем порыве защитить отчий дом, свою семью, то, с чем у каждого человека ассоциируется Родина. Шли те, кто не подлежал призыву по возрасту или по состоянию здоровья. «Это в подавляющем большинстве были люди старшего возраста, не годные для службы в армии, не обученные военному делу, и их натаскивали в лучшем случае пару недель (вместо обязательных двух-трёх месяцев), а то и меньше. И бросали в бой... Быстро вооружить такое количество формирований было невозможно. Сколько известно случаев, когда в наспах сформированных маршевых ротах бросали на фронт практически безоружных или не умеющих толком пользоваться оружием людей. Эффективность их участия в боевых действиях была, увы, близкой к нулю, а смертность практически стопроцентной»³³.

В конце сентября 1941 г. формирование народного ополчения на прежних основаниях было прекращено, дивизии, состоящие из ополченцев, были преобразованы в кадровые.

На оборонных работах, организованных в городе к концу июня, были заняты в подавляющем большинстве женщины, подростки и старики (мужчины ушли на фронт). В строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом работали более 475 тыс. человек. Было вырыто 626 км противотанковых рвов, сооружено 15 тыс. дотов и дзотов. В самом Ленинграде на 110 узлах обороны было построено 25 км баррикад, 570 артиллерийских дотов, около 3 тыс. 600 пулемётных дотов³⁴.

В Центральном архиве ФСБ России находится сообщение разведывательного отдела штаба 18-й армии вермахта, входившей в группу армий «Север», от 30 сентября 1941 г. «Об обстановке в Ленинграде», добытое контрразведчиками Ленинградского фронта (18-я армия под

командованием генерал-полковника Г. Линдемана имела в своём составе почти 26 дивизий и действовала в полосе протяжённостью до 450 км от Балтийского моря до озера Ильмень).

«Штаб 18-й армии. Развед. отдел 30.9.41. Совпадающие показания трех проверенных агентов рисуют следующую картину положения в Ленинграде. Оборонительные мероприятия. Рабочие на предприятиях, как это уже известно, обучаются владеть оружием... В городе размещено много войск. Войска вооружены, главным образом, старым оружием периода мировой войны, что, прежде всего, относится к пулемётам и винтовкам. ...Во многих местах города, где раньше были газетные киоски, построены ДЗОТы, из которых можно держать под обстрелом улицы и перекрёстки. Строительство этих ДЗОТов началось 5.9.41 г. Вновь подтверждаются подготовительные работы к строительству баррикад.

Разное. На улицах города развешаны многочисленные красочные плакаты, изображающие мужчин с винтовками и содержащие следующий текст: «Мужья и сыновья, защищайте Отечество до последней капли крови»³⁵.

В первые недели блокады положение со снарядами, минами, порохом и взрывчаткой оказалось едва ли не хуже, чем с хлебом и мукой. В дни ожесточённых сентябрьских боёв наши войска израсходовали почти всё, что у них имелось. В городе не хватало сырья для производства чугуна, сортовой и листовой стали, железа и других металлов. К заготовке лома и отходов цветных металлов было привлечено население. В каждом домохозяйстве и учреждении были выделены ответственные за сбор и приёмку цветных металлов, установлены места их хранения до момента сдачи заготовительным организациям. Не хватало не только металла, но и тротила. На подвоз его надежды не было, а наладить производство в городе не представлялось возможным. Группа учёных под руководством профессора А.Н. Кузнецова заменила тротил аммониевой селитрой, смешанной с кремнеалюминиевым компонентом. Сплав «П» под названием «синал» стал основным видом блокадной взрывчатки³⁶. Им заряжались снаряды, ручные гранаты и мины. Производство синала в короткое время было организовано на Невском химкомбинате. В порядке кооперации с ним сотрудничали заводы «Автоген», Кирпичный № 1, Горный и Аллюминиево-магниевого институты. Интендантом 1-го ранга Чернышёвым был создан заменитель пороха. Для производства боеприпасов, которое было организовано на 14-ти предприятиях, использовали и взрывчатку, извлекавшуюся из неразорвавшихся немецких бомб³⁷.

В сложнейших условиях осени 1941 г. было изготовлено 39 реактивных миномётных установок, на базе которых на Ленинградском фронте был сформирован реактивный миномётный полк. Несмотря на возраставшие трудности, во втором полугодии 1941 г. предприятия

города произвели 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 5 тыс. полковых и противотанковых пушек, около 10 тыс. миномётов, свыше 3 млн снарядов и мин, более 80 тыс. реактивных снарядов и бомб³⁸. Выпуск боеприпасов во втором полугодии 1941 г. увеличился по сравнению с первым в 10 раз. За этот же период было достроено 84 корабля разных классов и переоборудовано 186³⁹.

По указанию ГКО 50% изготовленной в Ленинграде военной продукции направлялось на другие участки советско-германского фронта. Командовавший к этому времени защищавшим Москву Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков 2 ноября 1941 г. обратился с личным письмом к А.А. Жданову и второму секретарю Ленинградского горкома партии А.А. Кузнецову, являвшимся членами Военного совета Ленинградского фронта. В нём он просил направить в его распоряжение самолётами 40 миномётов 82 мм и 60 миномётов 55 мм калибра⁴⁰. Из города вывозились танковые пушки, радиостанции, электрооборудование для самолётов, авиаприборы. Только в четвёртом квартале 1941 г. воздушным путём ленинградцы отправили войскам, оборонявшим Москву, более тысячи полковых пушек и миномётов, значительное количество автоматов и других видов оружия.

В связи с оккупацией в конце августа – начале сентября немецкими войсками части Ленинградской области все гидроэлектростанции (Волховская, Дубровская, Свирская, Раухильская) оказались или на территории, занятой врагом, или отрезанными от города. Это сократило количество электроэнергии, поступавшей в город, до 39% от июньского уровня. Имевшиеся запасы топлива не пополнялись и с трудом обеспечивали работу электростанций, находившихся в черте города⁴¹. Если среднемесячное поступление условного топлива в первом полугодии составило 133,3 тыс. т, то в декабре – только 46 тыс. т⁴². Это привело к падению производства электроэнергии со 120 млн кВтч в сентябре до 50,1 млн кВтч в декабре 1941 г., когда все электростанции, кроме двух, были законсервированы.

В начале 1942 г. на ходу оставалась лишь одна электростанция, работавшая на торфе. В связи с сокращением поставок условного топлива до 16,5 тыс. т в январе и до 15,5 тыс. т в феврале, производство электроэнергии в январе упало до 13,07 млн кВтч. В феврале, когда были полностью исчерпаны запасы угля, этот показатель снизился до 7,48 млн кВтч⁴³. Крупнейшие оборонные предприятия города вынуждены были остановить производство уже в декабре. В литейном цехе Кировского завода это случилось 20 декабря, когда шла разливка стали по формам для снарядов⁴⁴. Зимой 1941/42 г. было законсервировано 270 фабрик и заводов. Из 68 ведущих предприятий оборонной, судостроительной и машиностроительной промышленности действовало лишь 18, да и то не на полную мощность⁴⁵.

Чтобы сократить расходы электроэнергии, в декабре пришлось остановить городской транспорт. Теперь ленинградцы на работу и с работы добирались пешком. Изнурительные переходы выматывали последние силы. Спад промышленного производства пришёлся на декабрь 1941 г. и продолжался до весны 1942 г. Однако, несмотря на истощение, холод, отсутствие электроэнергии и невзирая на бомбёжки и обстрелы, рабочие продолжали трудиться над выполнением фронтowych заказов. Так, Кировский завод ремонтировал танки. Миномётное вооружение производилось на заводах им. Макса Гельца, им. Энгельса, им. Второй пятилетки, им. Карла Маркса, «Вулкан», «Госметр». Непрерывно шёл ремонт боевой техники. Только с 15 декабря 1941 г. по 15 марта 1942 г. было отремонтировано 53 танка, 43 артиллерийских орудия, 37 самолётов, 700 оптических приборов, большое количество миномётов и стрелкового оружия⁴⁶. Основное же внимание обращалось на выпуск новой продукции. За тот же период было изготовлено и передано фронту 88 полковых пушек, 2 тыс. 657 автоматов, 479 миномётов, 95 тыс. корпусов снарядов и мин, снаряжено 256 тыс. выстрелов снарядов и мин, произведено 435 тыс. взрывателей, 29 млн капсюлей⁴⁷.

Уже в 1942 г. промышленность Ленинграда освоила производство более 50 новых видов вооружения и боеприпасов, выпустила свыше 3 млн снарядов и мин, около 40 тыс. авиабомб, 1260 тыс. ручных гранат. Тогда же на фронт было отправлено 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, выпущенных в блокадном городе⁴⁸. Представить себе, что к станкам встанут не только женщины, но и дети, умирающие от голода, но не покорившиеся, фашисты не могли.

Из циркуляра командующего группой армий «Висла», рейхсфюрера СС Г. Гимmlера: «Секретно. Настоящим посылаю для изучения материалы по обороне Ленинграда большевиками. Пусть каждый узнает, с каким грубым, холодным, как лёд, противником мы имеем дело. С ним нельзя договориться, не помогут и никакие жалобы.

Вклад населения. Обязанностью каждого жителя города было выполнение только таких работ, которые стояли в непосредственной связи с обороной города, с тем чтобы отбросить врага, или просто работ, связанных с ведением войны. Жители обучались военному делу, рыли окопы и работали на промышленных оборонных предприятиях. Воля к сопротивлению населения не была сломлена. Проведение оборонных мероприятий было всеобщим. Эти мероприятия проводились полностью даже при бесчисленных атаках немецких войск. Пригородные районы и сам город перерезали противотанковые рвы и система окопов. Каждый дом был превращён в крепость, подвальные помещения связаны в линии обороны. Ненависть населения стала важнейшим мотором обороны»⁴⁹.

Продовольственная проблема

На 21 июня 1941 г. на ленинградских складах имелось муки, включая зерно, предназначенное для экспорта, на 52 дня, крупы – на 89 дней, мяса – на 38 дней, масла животного – на 47 дней, масла растительного – на 29 дней. До начала блокады в город успели доставить свыше 60 тыс. т зерна, муки и крупы из Ярославской и Калининской областей, около 24 тыс. т зерна и муки из портов Латвии и Эстонии⁵⁰. Ещё до начала блокады, в конце июня 1941 г., Управление НКВД по Ленинградской области провело обследование состояния НЗ продовольствия. В донесении под грифом «совершенно секретно» управление сообщало, что «кладовые не пригодны для хранения продуктов, не соблюдаются требования санитарного надзора, неприкосновенный запас подвергнут порче. Из-за течи воды с потолка подмочены мешки с сухофруктами, сливочное масло покрыто плесенью, рис и горох заражены клещом, мешки с сухарями разорваны крысами, покрыты пылью и помётом грызунов»⁵¹. Никаких мер по сохранению НЗ принято не было.

В осаждённом городе осталось 2 млн 544 тыс. гражданского населения, в том числе свыше 100 тыс. беженцев из Прибалтики, Карелии и Ленинградской области. Вместе с жителями пригородных районов в блокадном кольце оказалось 2 млн 887 тыс. человек. Принятое же в конце августа постановление Комиссии ГКО (см. предыдущий раздел) о необходимости создания к 1 октября 1941 г. полуторамесячного запаса продовольствия было заведомо невыполнимым⁵². Практическое значение имело лишь решение прекратить коммерческую торговлю продуктами питания, нормировать отпуск чая, яиц, соли, мыла: ещё в июле спрос на эти продукты достиг 500% от довоенного уровня, и к августу уже ощущалась их острая нехватка.

Поначалу в городе не было паники, об эвакуации никто не задумывался, война воспринималась как некая аналогия с недавней, советско-финляндской, память о которой в Ленинграде ещё была совсем свежей. Любопытное свидетельство настроений: окна заклеивали бумажными лентами, чтобы не разбивались от вибрации воздуха во время бомбёжек, не диагональным перекрестьем, а размещая ленты под прямым углом.

«Цепко держалась иллюзия (причём одновременно с ожиданием самого худшего), что скоро каким-то чудесным образом «всё станет на место». Психологическое состояние неожиданности растянулось на месяцы. Хотя, казалось бы, это состояние моментальное. Неожиданность – длилась»⁵³.

Характерно, что в Ставку Верховного Главнокомандования о том, что Ленинград взят в кольцо блокады, не докладывали почти две недели, надеясь, что советские войска скоро прорвут кольцо и можно будет доложить верховному главнокомандующему И.В. Сталину об «успешном

дезаурировании фашистской провокации». Пока шли попытки деблокировать город, Военный Совет Ленинградского фронта не решался объявить его на осадном положении. Разумеется, о блокаде не сообщалось и населению⁵⁴. Более того, 13 сентября, пять дней спустя после того, как кольцо вокруг города окончательно замкнулось, газета «Ленинградская правда» опубликовала сообщение ТАСС, в котором заместитель наркома иностранных дел, заместитель начальника Совинформбюро С.А. Лозовский заявил: «Утверждение немцев, что им удалось перерезать все железные дороги, связывающие Ленинград с Советским Союзом, является обычным для немецкого командования преувеличением»⁵⁵.

Но подобным сообщениям население уже не верило. О. Берггольц записала в этот день в дневнике: «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осаждён, Киев осаждён, Одесса осаждена. Ведь немцы всё идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше – ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, – к нашему правительству... Это называлось: «Мы готовы к войне». О сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!»⁵⁶

8 сентября на город было сброшено 6327 зажигательных и 48 фугасных бомб, в результате чего возникло 183 пожара. Самый большой пожар в этот день возник на продовольственных складах им. А.Е. Бадаева, где сгорела значительная часть имевшегося в городе продовольствия. (Значительная, но отнюдь не вся, как впоследствии утверждалось партийным руководством, таким образом объяснявшим причины катастрофы с продовольствием.) На Бадаевских складах сгорело около 40 помещений, в которых находилось 3 тыс. тонн муки и 2,5 тыс. тонн сахара (запасы города на 1–3 дня, по действовавшим нормам)⁵⁷. До 1 тыс. тонн горелой муки и до 900 тонн горелого сахара в дальнейшем были переработаны пищевыми предприятиями. В сознании ленинградцев пожар на Бадаевских складах стал символом начала голода 1941/42 г., однако версия о том, что именно этот пожар был главной причиной бедствий осени–зимы 1941/42 г., не соответствует действительности, так как запасов продовольствия в них было на несколько дней.

Бадаевские склады были единственным хранилищем продовольствия для города с населением почти два с половиной миллиона человек, что являлось грубейшим нарушением. Запасы продовольствия после пожара на Бадаевских складах были рассредоточены по всему городу. Была ликвидирована коммерческая торговля. Для выпечки хлеба стали использовать все сырьевые ресурсы, которые можно было смешивать с мукой. С 6 сентября хлеб выпекался с примесями ячменной и овсяной муки, а затем с примесями отрубей, соевой муки и жмыхов, что резко снизило питательные качества хлеба⁵⁸.

30 августа ГКО принял постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которое предусматривало доставку в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего водным путём через Ладожское озеро. Было принято также решение о снижении хлебных норм в Ленинграде. Со 2 сентября рабочие и инженерно-технические работники получали 600 г, служащие — 400 г, безработные и дети — 300 г хлеба. 8 сентября ГКО направил в Ленинград наркома торговли РСФСР Д.В. Павлова своим уполномоченным по вопросам продовольственного снабжения.

Положение становилось всё более напряжённым, и 11 сентября пришлось вторично снизить нормы выдачи продовольствия ленинградцам: хлеба — до 500 г для рабочих и инженерно-технических работников, до 300 г — для служащих и детей, до 250 г — для безработных; были также снижены нормы выдачи крупы и мяса. Проведённый 10 и 11 сентября вторичный учёт продуктов питания показал, что для обеспечения войск и населения по новым установленным карточным нормам в Ленинграде имелись запасы зерна, муки и сухарей на 35 дней, крупы и макарон — на 30 суток, мяса и мясопродуктов — на 33 дня, жиров — на 45 суток, сахара и кондитерских изделий — на 60 суток⁵⁹.

На 9 ноября 1941 г. в самом Ленинграде имелось муки на 7 дней, крупы — на 8 дней, жиров — на 14 дней; большая же часть запасов находилась за Ладожским озером, которое к этому времени ещё не замерзло. Это обстоятельство вынудило руководство обороны города в четвёртый раз снизить нормы выдачи продовольствия населению. С 13 ноября рабочие получали 300 г, а остальное население — 150 г хлеба. Через неделю, чтобы не прекратить выдачу хлеба совсем, Военный совет Ленинградского фронта был вынужден принять решение о сокращении и без того голодных норм. С 20 ноября ленинградцы стали получать самую низкую норму хлеба за всё время блокады — 250 г по рабочей карточке и 125 г по служащей и детской⁶⁰. Если учесть, что рабочие карточки в ноябре — декабре 1941 г. получала только третья часть населения, то мизерность этих норм станет очевидной. Из воспоминаний Г. Канаевой, работавшей в блокаду технологом на хлебокомбинате: «Мы растягивали запасы муки как могли — клали всего 40%. Остальное — примеси: жмых, целлюлоза, овсянка, солод. Изошрялись до того, что вымачивали пустые мешки и осадок добавляли в хлебную массу»⁶¹. В хранящихся в Музее политической истории России подлинных лепешках из жмыха не заводятся даже мучные жучки — эта блокадная еда не съедобна. Для рабочих и служащих стратегически важных предприятий города были открыты лечебные стационары, где они, сдав свои продовольственные карточки (!), в течение 8–10 дней получали трёхразовое питание. В январе 1942 г. в условиях почти полной остановки Кировского

завода начальники цехов и отделов имели право давать нуждавшимся и истощённым работникам длительные и кратковременные отпуска за свой счёт. За исключением лиц, переведённых на казарменное положение, все работники могли являться на завод 1 раз в 2–3 дня⁶². На хозяйственных работах были установлены пониженные нормы.

Зима 1941/42 г. была страшно суровой: температура воздуха колебалась в декабре – феврале от минус 20 до минус 32 градусов, в квартирах, даже обогреваемых «буржуйками», зимой она редко была плюсовой. Электричество было отключено, канализация не работала уже с декабря 1941 г.

Городское и областное руководство продовольственную проблему на личном опыте не испытывало: «В правительственной столовой (Смольного. – Ю.К.) было абсолютно всё, без ограничений, как в Кремле. Фрукты, овощи, икра, пирожные. Молоко и яйца доставляли из подсобного хозяйства во Всеволожском районе. Пекарня выпекала разные торты и булочки»⁶³, – вспоминал Г. Петров, сотрудник столовой Смольного.

В этом контексте абсолютно логичным выглядит телеграмма главы Ленинградского обкома А.А. Жданова в Москву с требованием «прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград... это вызывает нехорошие настроения»⁶⁴. Более того, в Москве, в частности, в партийно-номенклатурном руководстве Союза писателей, сложилось мнение, что «ленинградцы сами возражают против этих посылок»⁶⁵. О.Ф. Берггольц по этому поводу воскликнула в дневнике: «Это Жданов – “ленинградцы”?!»⁶⁶.

Одним из самых страшных свидетельств блокады являются детские впечатления. В музее Политической истории есть подборка детских воспоминаний и писем, ранее находившаяся в спецхране. «Однажды ночью я проснулась. Было очень тихо. Мама лежала рядом, такая молчаливая, страшная. “Мама”, – позвала я. Она не откликнулась. Я закричала. Я протянула руку, а она уже холодная. Я никому ничего не сказала, так и пролежала до самого утра. Что было дальше, я не помню, я сильно заболела сама. Меня устроили сюда. Здесь мне хорошо, но я ещё почти не могу ходить. Рита Гельман», – записано воспитательницей детдома 25 марта 1942 г. Ещё одно воспоминание: «К весне папа и мама стали болеть. Им становилось всё хуже и хуже. Вскоре умер папа, через несколько дней – мама. Я жила целый месяц одна в своей комнате. Было тяжело на иждивенческие карточки. Я голодала, опухла». «Чего я только не поел за эти два месяца – декабрь и январь. Ел не только дуранду (жмых. – Ю.К.), которая считалась лакомством, но и другие вещи вроде столярного клея». «Дорогая Татьяна Александровна! Пишет вам бывший воспитанник Васильев Максим. О том, что убили папу, я

говорил вам ещё в школе, в декабре 41-го. Потом заболела мама и слег Жоржик. Я тоже всё больше лежал, но оказался сильнее их. Ходил за хлебом, жёг мебель и изредка топил печку. Маме всё делалось хуже, и она умерла. Мне было почти всё равно... Очень пугало, как я увезу её, когда у меня совсем нет сил. Всё-таки увязал её в одеяло и повёз. Когда вернулся с кладбища, то увидел, что за это время Жоржик тоже умер. Отвёз и его...»⁶⁷

«Социологический срез» высказываний, отправленный для ознакомления наркому внутренних дел Л.П. Берия 13 марта 1942 г.: «Наше правительство и ленинградские руководители бросили на произвол судьбы. Люди умирают как мухи, а мер против этого никто не принимает». В той же сводке, где приведены наиболее типичные примеры высказываний горожан, комментарий: «Среди населения имеют место отрицательные настроения»⁶⁸. Эти настроения имели под собой более чем ощутимую почву. Из справки Управления НКВД по Ленинградской области о смертности населения по состоянию на 25 декабря 1941 г.: «Если в довоенный период в городе в среднем ежемесячно умирало до 3500 чел., то за последние месяцы смертность составляет:

в октябре – 6199 чел.,

в ноябре – 9183 чел.,

за 25 дней декабря – 39 073 чел.

В течение декабря смертность возрастала:

С 1 по 10 декабря умерло – 9541 чел.,

С 11 по 20 декабря – 18 447 чел.,

С 21 по 25 декабря умерло – 11 085 чел.»⁶⁹

В городском руководстве шла совсем другая жизнь. «Был у Жданова по делам водоснабжения, вспоминал инженер М. – Еле пришел, шатался от голода... Если бы я увидел там много хлеба и даже колбасу, я бы не удивился. Но там в вазе лежали пирожные»⁷⁰.

Подобного рода роскошь была привилегией отнюдь не только партийной верхушки, она была доступна представителям и более низких ступеней партийной номенклатуры. Приведём фрагмент (запись от 9 декабря 1941 г.) дневников сотрудника Смольного, инструктора отдела кадров горкома ВКП(б) Н. Рибковского: «С питанием теперь особой нужды не чувствую. Утром завтрак – макароны или лапша, или каша с маслом и два стакана сладкого чая. Днём обед – первое щи или суп, второе мясное каждый день. Вчера, например, я скушал на первое зелёные щи со сметаной, второе – котлету с вермишелью, а сегодня на первое суп с вермишелью, второе свинина с тушёной капустой»⁷¹.

Весной 1942 г. Рибковский был отправлен «для поправки здоровья» в партийный санаторий, где продолжил вести дневник. Проци-

тируем ещё один отрывок (запись от 5 марта), являющийся ценным документом не только благодаря содержащейся в нём фактической информации, но и как образец полной атрофии совести: «Вот уже три дня я в стационаре горкома партии. Это семидневный дом отдыха в Мельничном Ручье (курортная окраина города. – Ю.К.). С мороза, несколько усталый, вваливаешься в дом, с тёплыми уютными комнатами, блаженно вытягиваешь ноги... Питание здесь словно в мирное время в хорошем доме отдыха: разнообразное, высококачественное, вкусное. Каждый день мясное – баранина, ветчина, кура, гусь, индюшка, колбаса; рыбное – лещ, салака, корюшка, и жареная, и отварная, и заливная. Икра, балык, сыр, пирожки, какао, кофе, чай, 300 грамм белого и столько же чёрного хлеба на день... и ко всему этому по 50 грамм виноградного вина, хорошего портвейна к обеду и ужину... Я и ещё двое товарищей получаем дополнительный завтрак: пару бутербродов или булочку и стакан сладкого чая... Война почти не чувствуется. О ней напоминает лишь гроыхание орудий. Да. Такой отдых в условиях фронта, длительной блокады города, возможен лишь у большевиков, лишь при Советской власти. Едим, пьём, гуляем или просто бездельничаем, слушая патефон, обмениваясь шутками. Одним словом, отдыхаем! И всего уплатив за путёвки 50 рублей»⁷².

С начала декабря 1941 г. по 15 февраля 1942 г. в голодающем Ленинграде за каннибализм было привлечено к уголовной ответственности 856 человек⁷³. Из доклада СД об обстановке в Ленинграде весной 1942 г., перехваченного советской контрразведкой и ныне хранящегося в Центральном архиве ФСБ: «Штаб корпуса Л.А.К. (50-й армейский корпус). Отделение 1-с. Из доклада СД о Ленинграде сообщается следующее: ...Продовольственное положение. В первые дни февраля смертность достигала 20 000 человек в день – это абсолютное большинство. Тогда в течение трёх дней была совершенно приостановлена выдача хлеба, так как временами совершенно отсутствовало снабжение водой и поэтому не могли работать булочные. На базаре нужно быть очень осторожным, чтобы не быть обманутым, например, вместо мяса можно купить лошадиный навоз, искусно запечённый в панировочных сухарях»⁷⁴.

Смертность

В домах и на улицах лежали тысячи незахороненных трупов. Жители были не в состоянии даже отправить их в морги. С ноября 1941 г. бойцы МПВО стали собирать трупы на улицах, а позднее вместе с дружинницами Красного Креста стали с этой целью обходить квартиры. Подходы к кладбищам были завалены трупами, завёрнутыми в простыни. Мёртвых

стали хоронить в братских могилах, которые отрывались экскаваторами и при помощи взрывчатки. В дни первой блокадной зимы захоронением погибших от голода ежедневно занимались около 4 тыс. бойцов МПВО, подрывников, рабочих фабрик и заводов. За первый год блокады на ленинградских кладбищах было открыто 662 братские могилы⁷⁵.

«К сожалению, в городе нет организации, которая могла бы назвать точную цифру умерших в городе Ленинграде людей за период с 1 декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г. Это объясняется тем, что по неточным данным произведённых кладбищами захоронений, последние в декабре 1941 г. по отношению к ноябрю выросли на 247%, в январе 1942 г. по отношению к декабрю – на 408% с лишним, в феврале по отношению к январю на 108% с лишним... никто никогда не мог мыслить о чём-либо подобном»⁷⁶, – сообщало в 1943 г. городское управление предприятий коммунального обслуживания о работе с июня 1941 г. по июнь 1942 г. в разделе «Похоронное дело». Авторы документа констатируют, что «в органы ЗАГСа за оформлением смертей ходила незначительная часть населения... в связи с дальнейшим ростом смертности и ослаблением живых, количество желающих оформить в ЗАГСах и своими силами захоронить умершего падало, а подбрасывание покойников возрастало... Возможен был только учёт на кладбищах, но работники были заняты в первую очередь тем, чтобы быстрее захоронить поступающих покойников, поэтому кладбища не имеют точного учёта захороненных.

По данным кладбищ города, далеко не точным, ими за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г. захоронено 1 093 695 покойников⁷⁷. Точный учёт умерших не вёлся до 1943 г., разрозненные сведения не сводились воедино. Впервые данные о количестве погибших (названные «точными») появились в книге бывшего уполномоченного ГКО по продовольствию в Ленинграде Д.В. Павлова: 641 тыс. 803 человек. В действительности это число погибших от голода с ноября 1941 г. по октябрь 1942 г.⁷⁸. Согласно же современным данным, число жертв блокады – от одного миллиона двухсот тысяч до полутора миллионов человек⁷⁹.

«Трупы лежат штабелями, целые улицы и переулки из штабелей трупов. Между этими штабелями ездят грузовики с трупами же, ездят прямо по свалившимся сверху мертвецам, и кости их хрустят под колёсами грузовиков»⁸⁰. Только на Пискаревском кладбище, ставшем самым крупным в Европе захоронением жертв войны, было погребено 420 тыс. ленинградцев. (Сохранившаяся фрагментарная статистка даёт представление о масштабах трагедии – 15 февраля 1942 г. доставлено 8 тыс. 452 умерших, 19 февраля – 5 тыс. 569, 20 февраля – 10 тыс. 43⁸¹.) Поимённый учёт захоронений не вёлся до мая 1942 г. Увы, выбитая на граните мемориала Пискаревского кладбища строка стихотворения О.Ф. Берггольц – «Никто не забыт и ничто не забыто» – и 70 лет спустя

после начала фашистской блокады северной столицы России остаётся в значительной мере лишь призывом, но не реальностью.

Хотя голод оставался основной причиной смерти населения, гибели и от бомбёжек и обстрелов. С 4 сентября по 30 ноября 1941 г. город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 часов. Иногда население оставалось в бомбоубежищах почти сутки. (15 сентября 1941 г. обстрел длился 18 часов 32 минуты, 17 сентября — 18 часов 33 минуты⁸².) 6 сентября немецкие самолёты, прорвавшись к Ленинграду, подвергли массированной бомбардировке промышленные предприятия и жилые кварталы.

9 сентября, когда немецкая авиация снова бомбила Ленинград, в борьбе с последствиями налётов и обстрелов, не считая пожарных команд города, участвовало 16 тыс. 540 бойцов объектовых и участковых команд МПВО, 1 тыс. 500 бойцов аварийно-восстановительных подразделений, 1 тыс. 850 бойцов дружин Красного Креста, 70 санитарных и 103 пожарные машины. С этого времени воздушные налёты повторялись каждую ночь. В течение сентября, октября и ноября на город было совершено около 100 налётов и сброшено 64 тыс. 930 зажигательных и 3 тыс. 55 фугасных бомб. Всего же за время блокады на Ленинград было сброшено 102 тыс. 520 зажигательных и 4 тыс. 653 фугасные бомбы⁸³, из чего видно, что наиболее интенсивные бомбардировки противник совершал в первые месяцы осады.

Немецко-фашистское командование пыталось сломить сопротивление защитников Ленинграда бомбардировками с воздуха и обстрелом тяжёлой артиллерией. В сентябре – ноябре 1941 г. на город было сброшено 64 тыс. 930 зажигательных и 3 тыс. 55 фугасных авиабомб и выпущено (сентябрь – декабрь) 30 тыс. 154 артиллерийских снаряда. За время войны от бомбёжек погибло более 25 тыс. человек⁸⁴.

Во 2-й половине ноября была проложена автомобильная дорога по льду Ладожского озера, знаменитая «Дорога жизни», по которой подвозились боеприпасы, вооружение, продовольствие, медикаменты, топливо, а из Ленинграда эвакуировались больные, раненые, нетрудоспособные (в ноябре 1941 г. – апреле 1942 г. было эвакуировано 550 тыс. человек)⁸⁵.

С 24 января 1942 г. ленинградцы стали получать 400 г хлеба на рабочую карточку, 300 г – для служащих и 250 г – по детской. 11 февраля 1942 г. была объявлена третья по счёту прибавка продовольствия для населения: рабочим и ИТР — 500 г хлеба (рабочим горячих цехов – 700 г), служащим – 400 г, по детским карточкам – 300 г. Были увеличены нормы снабжения и другими продуктами питания. Норма выдачи крупы и макарон достигла того уровня, который был в начале введения карточной системы⁸⁶.

Весной 1942 г. ленинградцы с радостью собирали траву на городских газонах. Заготовку и переработку травы вёл фасовочно-пищевой

комбинат. Были созданы пункты по приёму растений. Сборщикам выдавали дополнительные карточки на хлеб за не менее чем 25 кг травы. Траву продавали в Елисейском магазине на Невском проспекте. Ленинградский Ботанический институт выпустил брошюру с перечнем съедобных растений, которые можно было найти в городских парках и садах, и рецептов блюд из них – например, салат из одуванчиков, суп из крапивы, запеканка из сныти. Из одуванчиков ещё варили «кофе». В конце апреля 1942 г. смертность достигла приблизительно 1000 человек в день, но это уже смотрелось оптимистически по сравнению с зимними цифрами, превышающими этот показатель в несколько раз.

Из доклада СД об обстановке в Ленинграде весной 1942 г.: «Штаб корпуса Л.А.К. (50-й армейский корпус). Отделение 1-с. Из доклада СД о Ленинграде сообщается следующее: Население. С тех пор как наступила тёплая погода, смертность среди населения Ленинграда значительно уменьшилась. Надежды на то, что весной разразится чума, не осуществились. Кроме случаев заболевания тифом, скорбутом и частичных случаев дизентерии ни о каких других эпидемических заболеваниях не может быть и речи. Отсутствие распространения заразы объясняется по существу высоконапряжённой работой советских учреждений в санитарном отношении. Так, уже к началу мая были вычищены все улицы, уборные, трупы и в большинстве домов функционировал водопровод, конечно, только в нижних этажах. В некоторых городских районах теперь оборудованы общественные бани и населению выдаются талоны для пользования этими банями, причём для каждого жителя установлен определённый банный день...»⁸⁷.

Агитпроп и культура

Ленинградское радио – социально-культурный феномен войны, не знающий аналогов. Ежедневно выходя в эфир, ведя репортажи с линии фронта, выпуская детские и юмористические программы, из промёрзших студий транслируя радиоспектакли и концерты, Ленинградское радио помогало горожанам выжить. Помогало оно и находившимся на Ленинградском фронте, о чём свидетельствуют многочисленные письма, отправленные с передовой. Вот одно из наиболее типичных: «Разрешите вам, работникам вещания Ленинградского радиокomiteта, передать наш боевой привет и от души поблагодарить за ваши чудесные передачи. Часто слушая их, мы ощущаем неизмеримую их помощь в нашей трудной фронтовой жизни»⁸⁸.

«Ленинградское утро начинается рано. В пять часов утра, – вспоминал известный филолог, во время войны – редактор радио, Г.П. Макогоненко. – На улицах и площадях проснувшегося города... заговорило

радио. Передаётся первый выпуск «Последних известий». У репродуктора сразу же образуются толпы. Торопящиеся люди останавливаются на несколько минут, чтобы прослушать вести с ленинградского фронта. Это тоже дело: важное, непременно входящее в распорядок дня каждого ленинградца»⁸⁹. Когда из-за артобстрелов или недостатка электроэнергии радио замолкало, в радиокomitee шли письма: «Радио пусть говорит, без него страшно, без него как в могиле»⁹⁰.

Ставшая символом блокадного радио, О.Ф. Берггольц вспоминала: «Ежедневно, в разные часы, чтоб не так уж мог забывать немец... Ленинград стал говорить со страной голосами своих защитников – рабочих, бойцов, партийных работников, матросов, поэтов, композиторов, учёных. Москва принимала нас и транслировала по всему Советскому Союзу, и народ наш знал: вот и сегодня Ленинград не сдался, вот и сегодня он ещё держится. – Вспомните, что это было в дни отчаянного положения, когда немцы шли вперёд неудержимо, когда ежедневно нашим армиям приходилось оставлять город за городом... И вдруг Ленинград остановил немцев! Ленинград держался, Ленинград живыми голосами клялся, что не сдастся ни сегодня, ни завтра – никогда! Стоит. Дерётся. Полон сил, уверенности, гнева и деловитости. Эти передачи проводились, несмотря ни на какую обстановку внутри города, – был ли обстрел, была ли бомбёжка, было ли то и другое вместе. Передачи происходили ежедневно и начинались словами: “Слушай нас, родная страна! Говорит Ленинград”»⁹¹. Отдельным, весьма важным в политико-пропагандистском смысле направлением деятельности радиокomitee было вещание на «на ту сторону фронта» – в немецкие окопы и на оккупированную территорию, велось оно на немецком, финском и эстонском языках»⁹².

В жёсткие дни первой блокадной зимы не замерла до конца и театральная жизнь. В осаждённом Ленинграде продолжал работать Театр музыкальной комедии, который, после того как в декабре 1941 г. его помещение было повреждено разорвавшимся снарядом, стал давать свои спектакли в помещении Академического театра драмы им. А.С. Пушкина.

Усилиями немногочисленных работников редакций и типографий удавалось обеспечить выход центральных и ленинградских газет даже в самые тяжёлые дни зимы 1941/42 г. Только однажды – 25 января 1942 г. – газета «Ленинградская правда» не вышла. Номер уже был набран и сверстан, но его нельзя было отпечатать – в этот день в городе не было электричества. Из-за отсутствия транспорта в суровые зимние дни 1941/42 г. истощённые рабочие типографии «Правда» впрягались в саночки и доставляли на них матрицы с аэродрома. В помещениях типографии температура доходила до 10–15 градусов ниже нуля, руки примерзали к металлу, но «Правда» продолжала выходить»⁹³. С декабря 1941 г. «Ленинградская правда» стала выходить всего на двух полосах.

Агитпроп в Ленинграде работал чётко. Получивший билет на политические лекции обязан был посещать их. Неявка грозила арестом. Талончик из грубой бумаги: «Ленинградский дом Красной армии. Билет для входа на лекцию “Краткий курс истории ВКП(б) вооружает нас для победы в Великой Отечественной войне”. 14 августа 1942 года». А вот билеты на лекции «“Военный гений Ленина”. 27 июля 1943 года» и «“Товарищ Сталин о ходе Великой Отечественной войны”. 06 августа 43»⁹⁴.

Беседы и доклады на актуальные политические темы, читки газет, выпуски «Боевых листков» и другие мероприятия по обеспечению достойного «политико-морального состояния», обеспечение подписки горожан на военный заём 1942 г., сбор денег в Фонд обороны страны – все эти мероприятия в Ленинграде не прерывались⁹⁵.

Из доклада СД об обстановке в Ленинграде весной 1942 г.: «Штаб корпуса Л.А.К. (50-й армейский корпус). Отделение 1-ц. В докладе СД о Ленинграде сообщается следующее: Настроение и пропаганда. В газетной пропаганде говорится как раньше, так и теперь о больших потерях немецких войск, прославляется деятельность партизан и объявляется о вступлении в бой новых войск с наступлением тёплого времени, которые подготовлены в большом количестве зимой. “Ленинградская правда” от 1.5.42 г. (спецвыпуск) помещает статью под заголовком “Ленинград встречает 1 мая”, в которой речь идёт о том, что на улицах города наблюдается оживлённое движение, фабрики и заводы соревнуются в боевой производительности труда, чтобы как можно больше изготовить продукции для фронта....

Советская пропаганда утверждает, что Англия и Америка поставляют большое количество материалов Советскому Союзу, а в дальнейшем образуется во Франции Второй фронт против Германии. Осенью Красная армия была технически вооружена, безусловно, слабее, чем немецкая. Сегодня, напротив, обе армии технически одинаково сильны и к тому же Красная армия в отношении людских резервов имеет огромные преимущества. Большевицкая пропаганда апеллирует к национальному чувству русского народа. В первый раз с момента революции 1917 года начинают снова говорить в пропагандистских речах о “Советской России”»⁹⁶.

Антифашистская пропаганда закономерно была ключевой задачей агитпропа. Издательство «Искусство» за первые месяцы войны выпустило 250 наименований военных и антифашистских плакатов, лозунгов, лубков и открыток общим тиражом 320 тыс. экземпляров, а созданное в Ленинградском отделении Союза писателей бюро оборонной печати с июня по декабрь 1941 г. одобрило к выпуску около 300 антифашистских произведений. Театры города ставили пьесы соответствующего – оптимистического, победного содержания. Они действительно поддерживали дух горожан. Несмотря на тяжелейшие условия блокады в 1941 г. вышли в свет книги и

статьи известных ленинградских учёных, посвящённые победоносным сражениям в разные эпохи отечественной истории. Среди них – «Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона» Е.В. Тарле, «Ледовое побоище» Б.М. Козакова, Ш.М. Левина и А.В. Предтеченского, «Великое народное ополчение» Б.В. Данилевского и многие др.

«Научная работа очень облегчила нам тяжёлую жизнь. Те, у кого день был занят работой, легче переносили голод. Чувство голода со временем переходило в физическое недомогание..., оно легче переносилось на работе. Мои научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941/1942 года, удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных в мирной обстановке. И это понятно: в ту зиму можно было или не писать, или писать с большим подъёмом, среднее исключалось вовсе»⁹⁷, – вспоминал научный сотрудник Эрмитажа, впоследствии директор музея Б.Б. Пиотровский. В Эрмитаже, под руководством директора академика И.А. Орбели, в октябре 1941 г. состоялась научная конференция, посвящённая 800-летию великого азербайджанского поэта Низами, а 10 декабря – научная конференция к 500-летию со дня рождения Навои. (Тогда же в Эрмитаже состоялась и выставка – фарфоровые бокал и коробочка, расписанные эрмитажным художником М.Н. Мохом на темы произведений великого узбекского поэта; для обжига этих изделий в муфельной печи электричеством обесточенному музею дал корабль «Полярная звезда», пришвартованный близ Зимнего дворца.) А ленинградский Музей Революции (ныне Музей политической истории России) уже зимой 1942 г. стал собирать экспонаты для экспозиции «Оборона и блокада»⁹⁸.

Среди собранных материалов были заявления ленинградцев о вступлении в РККА и в ряды народного ополчения (в том числе цитировавшиеся в этой статье), листовки с обращениями партийного руководства и даже – расходные ордера Управления по учёту и выдаче продуктовых карточек 1942–1944 гг.⁹⁹ В первые дни войны в максимально короткие сроки были созданы и открыты выставки «Великое прошлое русского народа» и «Оборона Петрограда в 1919 г.». Осенью Музей Революции перешёл к подготовке выездных фотовыставок – за первые полгода войны было изготовлено 147 выставок по темам: «Великая Отечественная война и 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», «Как русский народ бил и бьёт немецких захватчиков», «Великая Отечественная война в борьбе советского народа в борьбе против немецко-фашистских захватчиков»¹⁰⁰ и др.

Характеризуя общественно-политическую обстановку в Ленинграде в 1941–1942 гг., нельзя не отметить принципиальное обстоятельство: ещё находясь в смертельном вражеском кольце, горожане задумывались о сохранении уникального архитектурного наследия. Одним из решений руководства Ленинграда, воспринятых с неподдельным энтузиазмом,

было распоряжение исполкома Ленгорсовета «О составлении плана I очереди восстановления городского хозяйства города Ленинграда», вышедшее 7 января 1941 г. 20 января было принято решение «Об обеспечении проектами и сметами восстановительных работ в гор. Ленинграде»¹⁰¹. Восстановительные работы начали с повреждённых или разрушенных зданий – архитектурных памятников в историческом центре. Другой формой подготовки к восстановлению города стало проведение архитектурных конкурсов. Первый из них также состоялся в 1942 г. и был посвящён составлению эскизных проектов восстановления художественно-исторических зданий-памятников и ансамблей Ленинграда, пострадавших от бомбёжек и обстрелов¹⁰².

Уже после первой блокадной зимы партийное руководство города пыталось направить в «нужное» русло коллективную память ленинградцев. Решено было сделать фильм о блокаде. На всех этапах работы над фильмом – от написания сценария до выпуска его на экран – шла непрерывная работа по изъятию слоя за слоем фрагментов, свидетельствовавших о глубине ленинградской трагедии и проявившейся при этом слабости власти. В обсуждении подготовленной к показу документальной картины «Оборона Ленинграда» в студии кинохроники приняло участие всё руководство города. Общее мнение выразил председатель горисполкома П.С. Попков: «Насчёт покойников. Куда их везут? Причём их очень много показано. Впечатление удручающее... Я считаю, что много не нужно показывать – зачем вереница?.. Или, скажем, идёт человек и качается. Неизвестно, почему он качается, может быть, он пьян. Это сгущает краски, создаёт тяжёлое впечатление»¹⁰³. Его дополнил второй секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), во время Великой Отечественной войны член военных советов Балтийского флота, Северного и Ленинградского фронтов А.Е. Кузнецов, чётко назвавший истинную причину запрета выхода картины: «Получается чересчур много трудностей. Разваленный город, разбомблённый, захламлённый, кругом пожары, всё покрыто льдом, люди едва движутся, а борьбы не показано. Разве это оборона. Вот, скажут, правители, довели город до такого состояния. Направление взято неправильно»¹⁰⁴. Итог подвёл А.А. Жданов: «Картина не удовлетворяет». Фильм в существенно «перекроенном» и «вычищенном виде», со значительно переписанным сценарием вышел на экраны только в июле 1942 г. За первые одиннадцать дней после выхода его посмотрело 115 300 человек. «По мнению некоторых зрителей, – отмечалось в информационной сводке на имя Жданова, Кузнецова и др., – фильм всё же недостаточно показал подлинную жизнь в осаждённом городе: почерневших от копоти и грязи людей, дистрофиков, людей, умирающих на панелях, трупы, лежащие на улицах и т. п... Хотят видеть закопчённые квартиры с печками-вре-

мянками и умершими людьми, людей, закутанных в ватные одеяла, выстраивающихся с 2 часов утра в очередях у магазинов»¹⁰⁵.

Запрещено было говорить всю правду о реальном положении дел в городе, включая голод, во «избежание упадочнических, пораженческих настроений» и в программах знаменитого Ленинградского радио, вещание которого велось на всю страну. (Часть «отфильтрованных», специально подготовленных программ передавалось и за рубеж.)

Вывезенная на несколько недель в состоянии дистрофии из Ленинграда в Москву О.Ф. Берггольц испытала шок: «О Ленинграде всё скрывалось, о нём не знали правды так же, как о ежовской тюрьме. Я рассказываю им о нём, как когда-то говорила о тюрьме, – неудержимо, с тупым, посторонним удивлением... Нет, они не позволят мне ни прочесть по радио “Февральский дневник”, ни издать книжки стихов так, как я хочу... Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы, мы выступаем в ролях “героев” фильма “Светлый путь”»¹⁰⁶.

Количество жертв и то, что происходило в Ленинграде в период блокады, действительно тщательно скрывалось от советской и международной общественности. О трагедии Ленинграда не было ни слова сказано ни в нотах наркома иностранных дел В.М. Молотова, адресованных в 1941–1942 гг. прежде всего народам стран-союзниц по антигитлеровской коалиции для мобилизации там общественного мнения для активной борьбы с фашизмом. В первой ноте говорилось о зверствах немцев в отношении гражданского населения – речь шла об освобождённых Красной армией районах после успешного контрнаступления под Москвой и о городах, находящихся под оккупацией – Минске, Киеве, Харькове, Новгороде. И – ни слова о северной столице¹⁰⁷.

Характерно, что ленинградская тематика в материалах Нюрнбергского трибунала занимала большое место в «общем потоке» и крайне незначительное – как отдельная тема. «Есть документ под номером СССР-85, подготовленный Ленинградской городской комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, представленный в Нюрнберге. М.Ю. Рагинский (помощник главного обвинителя от СССР. – Ю.К.), выступивший 22 февраля 1946 г. на заседании, привёл данные о разрушениях, причинённых Ленинграду и его пригородам немецкими войсками, ни разу не упомянув о количестве жертв блокады»¹⁰⁸. Очевидно, эта «фигура умолчания» была следствием боязни признать катастрофические ошибки партийно-государственного и военного руководства предвоенного времени и начала войны. От этой боязни власть не избавилась и после войны, спрятав в спецхраны или уничтожив вовсе многие документальные и художественные произведения о Ленинградской блокаде, совокупность которых могла бы рассказать о трагическом и героическом явлении во всей полноте¹⁰⁹.

Примечания

- ¹ Нюрнбергский процесс : Сб. материалов. Т. 1. – М., 1954. – С. 366.
- ² Богданов И.А. Ленинградская блокада от А до Я. – СПб., 2010. – С. 15.
- ³ Великая Отечественная война : [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления : В 3 т. Т. 2. – М., 1986. – С. 136.
- ⁷ Великая Отечественная война: [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- ⁸ Там же.
- ⁹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н.Л. Волковско-го. – М.; СПб., 2005. – С. 21–22.
- ¹⁰ Там же. – С. 22.
- ¹¹ Великая Отечественная война : [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- ¹² Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов... – С. 34.
- ¹³ Великая Отечественная война : [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- ¹⁴ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада : В 2 кн. Кн. 1. – СПб.; М. – 2002 – С. 67.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ План «Д»: План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам города Ленинграда. – СПб., 2005. – С. 21.
- ¹⁷ Богданов И.А. Указ. соч. – С. 19.
- ¹⁸ Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады // Отечественная история 2003. № 3.
- ¹⁹ Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. – С. 63.
- ²⁰ Ленинград в осаде : Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. – СПб., 1995. – С. 442.
- ²¹ Комаров Н.Я., Куманев Г.А. Беспримерный подвиг Ленинграда // Война и общество, 1941–1945 : В 2 кн. Кн. 2. – М., 2004. – С. 31.
- ²² Подробнее об этом см: План «Д»...
- ²³ Там же. – С. 21.
- ²⁴ Оборона Ленинграда : 1941–1944 : Воспоминания и дневники участников. – Л., 1968. – С. 566.
- ²⁵ Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград : Крат. очерк истории города в период Велик. Отеч. войны. – Л., 1985. – С. 60–62.
- ²⁶ 900 героических дней : (Сб. докум. и материалов). – М.; Л., 1966. – С. 183.
- ²⁷ Данилов П.П. Указ. соч.
- ²⁸ Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград... – С. 58.
- ²⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза : 1941–1945: В 6 т. Т. 2. – М., 1961. – С. 147.
- ³⁰ Великая Отечественная война Советского Союза : 1941–1945 : Крат. история. – М., 1967. – С. 100.
- ³¹ Государственный музей политической истории России (ГМПРИ). Ф. II 30425/1-60.
- ³² Богданов И.А. Указ. соч. – С. 71.
- ³³ Христофоров В. «Ни одно государство не расходует так неэкономно людей...» // Время новостей. – 2010. – 22 июня.
- ³⁴ Время новостей 2009. – 27 янв.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 966. Л. 272–273 об. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.
- ³⁶ Данилов П.П. Указ. соч.
- ³⁷ Там же.

- ³⁸ Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград... – С. 98.
- ³⁹ Бегинин О. Восточный фронт : Битва за Ленинград, блокада города, 1941–42 годы : [электрон. ресурс] // <http://www.weltkrieg.ru/battles/101-----1941-42-.html>
- ⁴⁰ Г.К. Жук в битве под Москвой : Сб. документов. – М., 1994. – С. 38.
- ⁴¹ Манаков Н.А. В кольце блокады : Хозяйство и быт осаждённого Ленинграда. – Л., 1961. – С. 122–123.
- ⁴² 900 героических дней... – С. 393.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л. и др. Непокорённый Ленинград... – С. 120.
- ⁴⁵ Данилов П.П. Указ. соч.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний : [электрон. ресурс] // http://militera.lib.ru/memo/russian/novikov_vn/08.html
- ⁴⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 2. Д. 341. Л. 343–347. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.
- ⁵⁰ Бегинин О. Указ. соч.
- ⁵¹ Богданов И.А. Указ. соч. – С. 14.
- ⁵² Там же. – С. 19.
- ⁵³ Адамович А.М., Гранин Д.А. Блокадная книга Ч. 1 : [электрон. ресурс] // <http://www.antology.sfilatov.ru/work/proizv.php?idpr=0090002>
- ⁵⁴ Ковальчук В., Рупасов А., Чистиков А. «8 сентября 1941 г.: Формирование исторической памяти // Вторая мировая война как проблема национальной памяти : Материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2010. – С. 89.
- ⁵⁵ Ленинградская правда. – 1941. – 13 сент.
- ⁵⁶ Ольга. Запретный дневник : (Ольга Берггольц. Дневники, документы, материалы следственного дела.). – СПб., 2010. – С. 62–64.
- ⁵⁷ Бадаевские склады // Энциклопедия Санкт-Петербурга : [электрон. ресурс] // <http://www.ensspb.ru/article.php?kod=2804035079>
- ⁵⁸ Бегинин О. Указ. соч.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Московский комсомолец. – 2006. – 13 сент.
- ⁶² 900 героических дней... – С. 178.
- ⁶³ Богданов И.А. Указ. соч. – С. 272.
- ⁶⁴ Ольга. Запретный дневник... С. 83.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ ГМП ИР Ф. II 30424/1-9.
- ⁶⁸ Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. – С. 236.
- ⁶⁹ Там же. – С. 266.
- ⁷⁰ Время новостей. – 2010. – 27 янв.
- ⁷¹ Богданов И.А. Указ. соч. – С. 271.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Ленинград в осаде... – С. 421.
- ⁷⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 215. Л. 79–82. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.
- ⁷⁵ Бегинин О. Указ. соч.
- ⁷⁶ Ленинград в осаде... – С. 339.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Великая Отечественная война: [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.htm>
- ⁷⁹ Ольга. Запретный дневник... – С. 82. См. также: Блокада Ленинграда в документах раскренных архивов.

⁸⁰ Ольга. Запретный дневник... – С. 82.

⁸¹ Богданов И.А. Указ. соч. – С. 352.

⁸² Бегинин О. Указ. соч.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Великая Отечественная война : [электрон. ресурс] // <http://www.otvoyna.ru/leningrad.tm>

⁸⁶ Бегинин О. Указ. соч.

⁸⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 215. Л. 79–82. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.

⁸⁸ ГМП ИР Ф. II 30424/5. Оригинал. Рукопись.

⁸⁹ Васильева Т.В., Ковтун В.Г., Осинский В.Г. Позывные мужества : Опыт Ленинградского блокадного радио. – СПб., 2009. – С. 4.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Время новостей. – 2010. – 17 мая.

⁹² Васильева Т.В., Ковтун В.Г., Осинский В.Г. Указ. соч. – С. 38–42.

⁹³ Бегинин О. Указ. соч.

⁹⁴ ГМП ИР Ф. II 30425/7.

⁹⁵ ГМП ИР Ф. VI Д. № 4171. Ед. хр. 1. Воспоминания С.Д. Павловой. Оригинал. Рукопись.

⁹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 215. Л. 79–82. Копия. Машинопись. Перевод с немецкого.

⁹⁷ Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. – СПб., 1995. – С. 196.

⁹⁸ ГМП ИР Ф. VI Д. № 4171. Ед. хр. 1. Воспоминания С.Д. Павловой. Оригинал. Рукопись.

⁹⁹ ГМП ИР Ф. II 52673/1-12.

¹⁰⁰ Научный архив (НА) ГМП ИР Д. 110. Л. 3.

¹⁰¹ Архитекторы блокадного Ленинграда / Авт.-сост. Ю.Ю. Бахарева, Т.В. Ковалева, Т.Г. Шишкина. – СПб., 2005. – С. 15.

¹⁰² Там же. – С.16.

¹⁰³ Ломагин Н.А. Указ соч. Кн. 1. – С. 163.

¹⁰⁴ Там же. – С. 164.

¹⁰⁵ Там же. – С. 168.

¹⁰⁶ Ольга. Запретный дневник... – С. 378.

¹⁰⁷ Ломагин Н.А. В тисках голода : Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. – СПб., 2001. – С. 273.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Об уничтожении документов и материалов о блокаде см: Судьбы людей : «Ленинградское дело» / Сост.: А. П. Смирнов. – СПб., 2009; ГМП ИР: 90 лет в пространстве истории и политики : [Материалы юбил. науч.-практич. конф.]. – СПб., 2010; Официальный портал Администрации Санкт-Петербурга [электрон. ресурс] <http://www.gov.spb.ru/culture/spb/museums/blokade> \

Советская военно-морская контрразведка в начале войны

Черепков Александр Петрович,
Центральный архив ФСБ России

В ходе многолетней борьбы за выходы в Мировой океан Россия сумела создать мощный военно-морской флот и развитую базу кораблестроения. На переломе нашей истории в первой половине XX в. мы лишились большей и лучшей части флота, опытных кадров. Понадобились годы, чтобы восстановить разрушенную экономику и кораблестроительную базу. В период 1920–1940 гг. в очень непростой международной обстановке флот набирал силы, активно готовился к обороне морских рубежей. Уровень экономики страны не позволял построить океанский флот к началу Второй мировой войны, но предпосылки к его созданию были заложены. К 1941 г. по численности кораблей советский флот оказался на седьмом месте в мире. Это был подвиг нашего народа, в очередной раз воссоздавшего, несмотря на трудности, морскую силу страны.

В годы Великой Отечественной войны Военно-морской флот СССР принимал участие в ограниченных его потенциалом масштабах. Скромнен его вклад в поддержание устойчивости внешних морских коммуникаций, нет на его счету и заметных побед стратегического масштаба. Однако в годы войны флот до конца выполнил свой долг, воспитав в ходе боевых действий закалённые кадры, приобретя богатейший опыт войны на море.

Оперативно-стратегическая обстановка начального периода Великой Отечественной войны потребовала максимального привлечения флота к решению оборонительных задач в интересах приморских группировок сухопутных войск. Одновременно ВМФ СССР решал самостоятельные задачи по нарушению коммуникаций противника, обеспечению своих морских перевозок и уничтожению сил флота противника.

Особо важное значение на первом этапе войны имела оборона сил ВМФ совместно с сухопутными войсками военно-морских баз, портов, островов, важнейших прибрежных районов. В ходе упорной их обороны были уничтожены крупные группировки войск противника, что сковывало продвижение гитлеровцев на приморских направлениях. Это имело оперативно-стратегическое значение, так как непосредственно

влияло на срыв гитлеровских планов «молниеносной войны». Героическая оборона Одессы, Лиепай, Ханко, Таллина, Моонзундских островов, беспримерный подвиг защитников Севастополя и Ленинграда стали синонимом воинской доблести советского народа. Существенный вклад в оборону Мурманска внесли моряки-североморцы, принимавшие участие в срыве наступления противника на этот важнейший заполярный порт и прочно удерживавшие полуострова Рыбачий и Средний.

Действуя на морских коммуникациях, силы Военно-морского флота за годы Великой Отечественной войны уничтожили свыше 670 транспортов и до 615 кораблей охранения противника общим водоизмещением около 1 млн 600 тыс. т.

Особой формой содействия войскам Красной армии явилось направление личного состава ВМФ на наиболее опасные направления сухопутных фронтов. Только в 1941–1942 гг. флоты и флотилии направили на фронт более 300 тыс. бойцов и командиров.

Участие советского Военно-морского флота в боевых действиях достаточно подробно и полно описано в различных научных изданиях, мемуарах и многочисленных публикациях, среди которых наиболее являются «Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Боевой путь советского Военно-морского флота», «Боевая летопись Военно-морского флота, 1941–1942».¹

Особо необходимо отметить ряд книг, написанных непосредственным участником тех событий – бывшим наркомом ВМФ СССР Н.Г. Кузнецовым: «Накануне», «Курсом к победе», «На флотах боевая тревога», «Крутые повороты (Из записок адмирала)»².

Касаясь личности Н.Г. Кузнецова, необходимо сказать, что под его руководством за годы войны в советском Военно-морском флоте выросла целая плеяда флотоводцев, которые успешно осуществляли руководство операциями и боевыми действиями флотов и флотилий, внесли существенный вклад в развитие военно-морского искусства: И.С. Исаков, Л.М. Галлер, А.Г. Головкин, В.Ф. Трибуц и другие.

Боевое мастерство флота определяют его люди: матросы, старшины, офицеры, генералы и адмиралы. Но есть ещё одна категория флотских специалистов – морские контрразведчики. На этих людей возложена ответственная задача – обеспечивать безопасность флота и его личного состава.

Во все времена, в самых различных условиях и ситуациях эти люди с честью и до конца выполняли свой профессиональный и воинский долг, зачастую с риском для жизни. Особенно это проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда в полной мере контрразведчики флота проявили преданность делу, беззаветно служа Отечеству.

Вместе с моряками флотов, флотилий и береговых частей в бой с коварным и сильным противником вступили сотни сотрудников морской контрразведки.

Необходимо отметить, что накануне войны были необоснованно репрессированы тысячи сотрудников органов государственной безопасности, лучшие представители нашей контрразведки, обладавшие огромным опытом практической работы. Противостоять немецким разведслужбам, наработавшим богатый опыт во время войны в Европе, предстояло молодым сотрудникам, пришедшим зачастую в органы государственной безопасности со студенческой скамьи и школьной парты. Становление их как оперативных сотрудников шло в условиях военного времени, в боях и сражениях, и зачастую с риском для жизни.

Контрразведчики в полной мере разделили с воинами армии и флота всю тяжесть борьбы с врагом, внесли достойный вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Они успешно решали задачи ограждения личного состава ВМФ СССР от проникновения вражеской агентуры, обеспечения скрытности подготовки и проведения многих боевых операций, добывания сведений о силах врага и планах немецкого командования, борьбы с изменой Родине, диверсиями, террором и дезертирством.

Многие флотские контрразведчики непосредственно участвовали в боевых операциях, высадке десантов, проводке конвоев, выполняли задания за линией фронта.

Победа была завоевана нелёгкой ценой. Десятки оперативных сотрудников погибли, до конца выполнив задания командования. Нынешнее поколение морских контрразведчиков свято чтит их память, берёт пример с этих мужественных и самоотверженных людей.

Трагические события периода массовых репрессий нанесли существенный урон кадровому потенциалу морской контрразведки. Эти горькие потери, когда был выбит цвет морских чекистов, нарушена преемственность поколений, самым негативным образом отразились на оперативной работе флотских контрразведчиков в предвоенные годы и в начале Великой Отечественной войны.

В фондах Центрального архива ФСБ России имеется значительный массив документов, касающихся деятельности ВМФ СССР в 1941 г. Условно их можно разделить на несколько основных групп, среди которых:

- нормативные документы (приказы, указания, директивы и др.) органов военно-морской контрразведки;
- информационные сообщения в инстанции, касающиеся недочётов в проведении операций силами ВМФ, дисциплинарной практики, чрезвычайных происшествий в частях и соединениях флота;
- материалы оперативно-разыскной деятельности;

– документы органов военной контрразведки о зафронтовой работе.

Особо необходимо отметить наличие подлинников спецсообщений ОО НКВД флотов и флотилий на имя наркома ВМФ СССР Н.Г. Кузнецова. На большинстве подлинников, возвращённых исполнителям, имеется роспись наркома в ознакомлении с документом, иногда имеются его указания по устранению выявленных недочётов или ошибок.

В целом все эти материалы позволяют воссоздать довольно объективную и достоверную картину боевой деятельности советского Военно-морского флота в 1941 г.

Накануне

28 марта 1938 г. состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) о реорганизации НКВД СССР. Новая структура наркомата была объявлена приказом от 9 июня 1938 г. № 00362, в соответствии с которым создавались особые отделы военных округов и флотов.

Для регламентации деятельности особых отделов флотов был издан совместный приказ НКВМФ и НКВД СССР № 0056/007 от 17 января 1939 г., в котором, в частности, говорилось: «На особые отделы НКВД возлагаются специальные задачи [по] борьбе с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, вредительством и всякого рода антисоветскими проявлениями в Рабоче-Крестьянской Красной армии, Военно-морском флоте и пограничных и внутренних войсках НКВД.

[...] В местах дислоцирования управлений военных округов, отдельных армий и флотов создаются особые отделы НКВД округов, отдельных армий и флотов, непосредственно подчинённые Особому отделу НКВД СССР.

[...] Начальники особых отделов флотов, флотилий и соединений в них назначаются Народным комиссаром внутренних дел СССР по согласованию с Народным комиссаром Военно-морского флота СССР. Назначение оперуполномоченных Особого отдела при частях, на кораблях, соединениях флота, флотилий, военно-учебных заведениях и складах согласовывается с военными советами флотов, командующими и военными флотилий.

[...] Особый отдел НКВД СССР выполняет специальные задания Народного комиссара обороны Союза ССР и Народного комиссара Военно-морского флота, а на местах – военных советов соответствующих округов, армий и флотов (командующих и военкомов флотилий).

Начальник Особого отдела НКВД СССР обязан своевременно и исчерпывающе информировать Народный комиссариат Военно-морского флота Союза ССР [...] о всех недочётах в состоянии частей Рабоче-Крестьянского Военно-морского флота и обо всех проявлениях вражеской работы, а также о всех имеющихся компрометирующих материалах и сведениях на военнослужащих, особенно на начальствующий состав. На местах особые отделы флотов информируют соответствующие военные советы, особые отделения НКВД флотилий и соединений флота – командиров и комиссаров флотилий соответствующих соединений флота, а оперуполномоченные при отдельных частях, учреждениях и заведениях РКВМФ – соответствующих командиров и комиссаров этих частей»³.

Значительное внимание в работе особых отделов флотов и флотилий в предвоенный период уделялось именно информационной работе. Состояние Военно-морского флота СССР: боевая подготовка, мобилизационная готовность, вопросы создания нового вооружения, средств связи, снабжение, судоремонт, медико-санитарное обеспечение, а также политико-моральное состояние личного состава находились в поле зрения флотских чекистов.

К сожалению, определённую часть информационных сообщений составляли записки, сводки и спецсообщения о вскрытых на кораблях и в береговых частях троцкистских, антисоветских группах, проведении антисоветской агитации и пропаганды военнослужащими ВМФ, их арестах и ходе ведения следствия.

Наркомат ВМФ СССР постоянно информировался о недочётах и ошибках при проектировании боевых кораблей, их строительстве, срывах ввода в эксплуатацию, попытках проведения диверсий на судостроительных предприятиях, мерах по их предотвращению.

Из спецсообщения ОО КБФ в НКВД СССР от 13 июня 1940 г. «О срыве сроков сдачи вновь строящихся кораблей для военно-морского флота»: «Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что выполнение плана военного кораблестроения на 1940 год, утверждённого постановлением правительства № 121 с/с, находится под угрозой срыва, вследствие того, что сроки монтажа и строительства кораблей не обеспечиваются поставками механизмов, оборудования и вооружения для новостроящихся кораблей»⁴.

В этой связи необходимо отметить, что до начала войны так и не удалось реализовать большую судостроительную программу, предусматривавшую строительство новейших линкоров типа «Советский Союз», тяжёлых и лёгких крейсеров.

В силу специфики своей деятельности сотрудники особых отделов флотов принимали участие в расследовании обстоятельств гибели и аварий боевых кораблей.

Сотрудники Центрального аппарата НКВД СССР и Особого отдела Северного флота приняли участие в расследовании обстоятельств гибели в 1940 г. подводной лодки Д-1.

Перед сотрудниками Особого отдела была поставлена задача расследовать обстоятельства гибели подлодки, а также проверить состояние боевой подготовки на подводных лодках Северного флота и их материально-техническое обеспечение.

Результаты проведённых расследований и проверки военными контрразведчиками были доложены политическому руководству страны.

Из проекта записки НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР: «Чрезвычайные происшествия в Северном флоте стали настолько обычным явлением, что была даже создана «постоянная аварийная комиссия». [...] Инспекцией Наркомата Военно-Морского флота в тот период при проверке состояния соединений Северного флота были вскрыты случаи очковтирательства, небрежного содержания материальной части, слабой дисциплины личного состава и другие недостатки. [...] Командирская учёба поставлена неудовлетворительно. Командный состав недостаточно работал над повышением своих знаний, слабо боролся за выполнение плана боевой подготовки бригады.

Систематически нарушались правила кораблевождения, условия, обеспечивающие безопасность плавания и боевую готовность флота.

В течение 1940 г. в бригаде не было проведено с командным составом ни одной тактической игры. Отсутствовал повседневный контроль за прохождением боевой подготовки и выполнением приказов и инструкций Наркомата Военно-морского флота. [...]

Считаем необходимым:

[...] 2. Предложить Народному комиссару Военно-морского флота т. Кузнецову:

а) укрепить руководящий состав Северного флота квалифицированными кадрами, могущими обеспечить наведение порядка во флоте и принять меры к поднятию боевой готовности соединений;

б) организовать жёсткий контроль за выполнением личным составом соединений Северного флота установленных наставлений, инструкций и приказов;

в) проверить состояние боевой готовности бригад подлодок и прохождение ими курса учёбы в соединениях Тихоокеанского, Черноморского и Балтийского флотов. [...]

Обязать Наркома Военно-морского флота тов. Кузнецова принять решительные меры к тому, чтобы подлодки выходили в море и на учения с точным соблюдением всех инструкций и наставлений»⁵.

В предвоенные годы в поле зрения советской контрразведки находилось обеспечение безопасности морских коммуникаций в аркти-

ческом регионе, стратегическое положение которого вызывало необходимость получения оперативной информации и принятия мер с целью несанкционированного проникновения в территориальные воды СССР иностранных боевых, торговых и рыболовных судов. С учетом приграничного статуса Мурманской области проводились необходимые мероприятия, связанные с безопасностью морских рубежей страны.

Естественно, нас интересовали иностранные, в первую очередь немецкие, военно-морские базы, находившиеся или предполагавшиеся к строительству вблизи границ СССР.

В этой связи интересна записка заместителя наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулова в ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 августа 1939 г. о ситуации на норвежском острове Шпицберген. Наряду с информацией о деятельности советского треста «Арктиуголь» НКВД СССР сообщает об устремлениях немцев к острову как возможной в будущем базе ВМФ Германии: «Стратегическое значение Шпицбергена очень значительно. Германия, базируясь на этот район, во время мировой войны нанесла огромный ущерб северному судоходству, немецкие подводные лодки топили русские и союзные военные суда почти у самых берегов Мурманска.

Несколько лет назад Германия возобновила свою активность в районе Шпицбергена, с расчётом превратить его в военно-морскую базу в войне против СССР.

Установлена интенсивная работа германских разведчиков на Шпицбергене и в его районе. На Шпицберген засылаются различные немецкие “экспедиции”, часто курсируют немецкие суда, залетают самолёты, группами наезжают туристы.

В норвежских водах отмечено появление немецких подводных лодок и военных кораблей.

Находящийся на полпути к Шпицбергenu остров Медвежий по существу стал немецкой базой (рейсируют “траловые” суда, самолёты, действует радиостанция).

Наряду с этим германской разведкой организуется шпионская и подрывная работа непосредственно на советских рудниках»⁶.

С целью противодействия германским устремлениям НКВД СССР предлагалась, наряду с другими мероприятиями, постройка полярных метеостанций с посылкой метеорологической экспедиции на остров Медвежий для обслуживания советских судов, а также обеспечение разработки соответствующих мероприятий по линии Генштаба РККА и Главморштаба.

К осени 1939 г. у немецкой разведки появилась возможность получить, что называется из первых рук, достоверные данные о нашем Северном флоте. Это связано с тем, что советское правительство после

проведённых с немецкой стороной переговоров разрешило кораблям германского флота использовать для базирования одну из бухт Кольского залива. Используя как прикрытие пребывание вблизи основной базы Северного флота – Североморска, немецкой разведке удалось получить ценные данные о состоянии наших сил на Севере⁷.

В 1939 г. в соответствии с подписанными договорами о взаимопомощи между правительством СССР и правительствами Латвии, Литвы и Эстонии для обеспечения взятых на себя обязательств Советский Союз получил право разместить в этих странах войска и создать на их территории морские и воздушные базы.

Обеспечить безопасность наших моряков в местах дислокации предстояло сотрудникам Особого отдела КБФ.

19 октября 1939 г. издаётся Директива НКВД СССР № 4/59594 об оперативном обслуживании частей Красной армии и Военно-морского флота, дислоцированных на территории Эстонии, Латвии и Литвы.

В Директиве, в частности, говорилось: «Начальникам особых отделов корпусов, эскадр и береговой обороны. Нахождение частей Красной армии и Военно-морского флота на территории дружественных нам иностранных государств, с которыми заключены договоры о взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва), создаёт особые условия их оперативно-чекистского обслуживания.

Разведывательные органы иностранных государств, несомненно, предпримут все зависящие от них меры к широкому использованию открывающихся для них возможностей проникновения в части РККА и РККФ в шпионских целях.

ПРИКАЗЫВАЮ:

[...] Оперуполномоченным при частях и начальникам особых отделов ежедневно информировать командование о нездоровых проявлениях в частях, добиваясь принятия решительных мер к их ликвидации.

[...] Через каждые три дня представлять спецсводки о политико-моральном состоянии частей, боеподготовке, взаимоотношениях с окружением, случаях недостойного поведения отдельных военнослужащих, фактах связей их с подозрительным враждебным СССР элементом, попытках вербовок иноразведками военнослужащих и т. д.

[...] О чрезвычайных происшествиях доносить немедленно шифром.

[...] Через десять дней после прибытия на место представить в Особый отдел НКВД СССР подробный доклад, рисующий местную обстановку, условия работы, встретившиеся трудности и перспективы работы».⁸

Регламентировала Директива и проведение комплекса агентурно-оперативных мероприятий.

Необходимо отметить, что сотрудникам ОО КБФ сразу же пришлось столкнуться с серьёзным противником – разведкой Германии, которая имела сильные позиции в Прибалтийских государствах, опираясь в своей работе, в том числе, на многочисленную немецкую диаспору. Проявляли интерес к нашему флоту и спецслужбы Финляндии.

Работа, проведённая чекистами КБФ в 1939–1940 гг. по обеспечению безопасности наших баз, заложила основы полноценной контрразведывательной работы на территории этих государств после их вхождения в состав СССР и последующей передислокации в Таллин и Лиенау главных сил Балтийского флота.

Итоги Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. внесли существенные коррективы в организацию боевой подготовки ВМФ СССР. На первое место выходило проведение срочных мероприятий по реорганизации системы мобилизационной готовности флота.

Особым отделом ГУГБ НКВД СССР, особыми отделами Балтийского, Черноморского, Северного и Тихоокеанского флотов, Амурской и Днепровской флотилий в период 1939–1941 гг. было подготовлено более 50 сообщений и докладных записок по состоянию мобилизационной готовности. Анализ этих документов показывает, что ряд необходимых мобилизационных мероприятий в ВМФ СССР не был проведён должным образом, были допущены явные ошибки.

В январе 1941 г. начальник Особого отдела Черноморского флота информировал Особый отдел ГУГБ НКВД СССР: «Изучая вопрос реальности действующего мобилизационного плана Черноморского флота (МП-1939 г.), установлено, что мобилизационный план Черноморского флота по его отдельным видам нереален, ввиду отсутствия на флоте необходимых мобилизационных ресурсов, без которых – в случае внезапных боевых действий на Черноморском театре – Черноморский флот не сможет выполнять поставленных перед ним сложных оперативно-боевых задач наступательного порядка. [...]

Обеспеченность флота жидким топливом на два месяца ведения войны очень незначительна. [...] Имеющиеся ёмкости для жидкого топлива в военно-морских базах Черноморского флота ни в коей степени не удовлетворяют потребности флота в военное время.

Вопрос питания флота в военное время [...] не решён из-за отсутствия вспомогательного флота [...]

В условиях военного времени отсутствие вспомогательного флота может пагубно отразиться на боевой деятельности флота. [...]

Военно-воздушные силы Черноморского флота горюче-смазочным материалом не обеспечены. [...]

По Главной морской базе Черноморского флота имеется большой недокомплект по нормам военного времени артиллерийского и

стрелкового боезапаса, а также и обмундирования для частей, развёртываемых в период мобилизации. [...]

Общий некомплект по флоту начальствующего состава около 1.500 человек. Из коих основной недокомплект падает на береговые учреждения и вновь строящиеся корабли».

Аналогичная ситуация складывалась в частях и соединениях других флотов и флотилий.

Практически все замечания и недостатки флотских контрразведчиков командованием ВМФ СССР анализировались, принимались срочные меры по их устранению. О результатах сразу же информировалось руководство НКВД СССР. Из письма начальника Главного морского штаба РКВМФ адмирала Л.М. Галлера начальнику ОО ГУГБ НКВД СССР А.Н. Михееву: «По существу затронутых вопросов в Вашем письме на имя Народного Комиссара ВМФ от 14.09.40 г. мною даны Военному Совету Северного флота указания о посылке в Архангельск мобработника Штаба С.Ф. для проверки документов и устранения сообщённых Вами недочётов»⁹.

Однако времени, отведённого историей до схватки с главным противником, оставалось мало.

Начало войны

К началу Великой Отечественной войны Военно-морской флот СССР в составе Северного, Балтийского, Черноморского, Тихоокеанского флотов, Пинской, Каспийской, Дунайской и Амурской флотилий представлял собой внушительную силу. На тот момент в боевом строю находились 3 линкора, 7 крейсеров, 44 лидера и эскадренных миноносца, 24 сторожевых корабля, 130 подводных лодок и более 200 кораблей различных классов (канонерок, мониторов, торпедных катеров и др.). Морская авиация насчитывала 1 тыс. 433 самолёта.

С конца июня 1941 г. начался приём и вооружение судов гражданских ведомств. В августе того же года в ВМФ были призваны и дооборудованы 791 гражданское судно, 251 корабль погранохраны, сформировано 228 батарей береговой обороны, три бронепоезда, 218 зенитных батарей. Срочно создавались новые военно-морские базы, посты службы наблюдения и связи, тыловые части.

Вопросы комплектования ВМФ за счёт гражданского флота сразу попали в сферу деятельности морской контрразведки. Уже 14 июля 1941 г. 3-й отдел Черноморского флота в своём спецсообщении докладывал в инстанции о слабой технической оснащённости судов гражданского флота, их слабом вооружении, а также о срыве сроков перехода в ВМФ: «Техническое состояние судов, прибывающих с Азовского

Госморпароходства, согласно мобплану, в явно неудовлетворительном состоянии, а поэтому часть судов оказалась негодной для выполнения боевых задач и была отправлена в заводы для ремонта. [...] Все пришедшие корабли не обеспечены по нормам регистра СССР запасными частями. Котлы на всех кораблях непригодны к эксплуатации». Как отмечали контрразведчики «все эти недочёты [...], а также плохое техническое состояние отобилизованных кораблей серьёзно будут отражаться на выполнении боевых задач»¹⁰.

Отечественный военный флот всегда находился под пристальным вниманием иностранных военных штабов и спецслужб. Что касается немецкой военно-морской разведки, то она руководствовалась основными установками политической и военной стратегии Германии, определявшими целевое назначение и стратегическое применение германского военно-морского флота.

Немцы отлично понимали, что, владея объективной и полноценной оперативной информацией о флоте СССР, можно перспективно планировать свои военно-морские операции, организацию морских перевозок на Балтике и Чёрном море. Все усилия немецкой разведки и её лучшие кадры концентрировались на получении достоверных сведений о военно-морском потенциале нашей страны. Не случайно с началом войны главный удар был направлен против основных советских флотов – Краснознамённого Балтийского и Черноморского, которые и по своему боевому составу и по удельному весу играли основную роль в системе ВМФ. На подрыв их мощи были направлены устремления германской разведки и разведок Румынии и Финляндии, воевавших против СССР.

Контрразведывательную работу на советском флоте в первые месяцы войны вели органы 3-го Управления НКВМФ, созданного постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г. Этим постановлением на них возлагались следующие задачи: борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсией, террором и всевозможными антисоветскими проявлениями в Военно-морском флоте и его гражданском окружении; выявление и информирование командования частей и соединений ВМФ о всех недочётах на кораблях и в частях флота и о всех компрометирующих материалах и сведениях, имеющихся на военнотружущих Военно-морского флота.

Война с фашистской Германией внесла коррективы в эти задачи, расширив сферу деятельности органов контрразведки флота.

Осенью 1941 г. начальник 3-го Управления НК ВМФ СССР А.И. Петров направил во все органы контрразведки флотов и флотилий циркуляр «О работе органов 3-го Управления Народного комиссариата Военно-морского флота СССР на военное время»:

«Постановлением Государственного комитета обороны от 17 июля 1941 года за № 187 задачи особых отделов НКВД определены следующим образом:

«Главной задачей особых отделов на период войны считать решительную борьбу с шпионажем и вредительством в частях Красной армии и ликвидацию дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе».

Это постановление Государственного комитета Обороны целиком и полностью относится к органам 3-го Управления ВМФ. [...]

Выполнение возложенных на 3-е Управление задач может быть достигнуто только при условии самоотверженной работы каждого работника органов Третьего Управления, его большевистской настойчивости, мужества и непримиримости к врагам, трусам, дезертирам и дезорганизаторам военной дисциплины.

Работа органов 3-го Управления ВМФ в военное время должна слагаться из:

1. Агентурно-оперативной работы по вскрытию и пресечению шпионажа, диверсии, террора, вредительства и антисоветских проявлений.
2. Борьба с дезертирством.
3. Борьба с трусостью и паникёрством.
4. Организация работы на территории противника.
5. Работа по военнопленным и возвратившимся из плена.
6. Агентурно-оперативной работы по тылу.
7. Профилактической работы.
8. Ведения следствия [...]

Особое место надлежит уделить работе военной цензуры. Нужно добиться такого положения, чтобы ни одно письмо, раскрывающее государственные тайны или могущее служить источником распространения провокационных слухов, не попало адресату.

[...] органы Третьего управления должны обеспечить чёткую организацию и работу контрольно-заградительных отрядов с таким расчётом, чтобы было гарантировано задержание дезертиров и всего подозрительного элемента, проникшего за линию фронтов.

В работе по борьбе с дезертирством [...] надлежит строго руководствоваться следующим указанием ГКО № 187 от 17/VIII:

“Дать право ОО ареста дезертиров, а в необходимых случаях расстрела их на месте”.

Основная задача органов 3-го управления ВМФ на территории противника до занятия её Красной армией заключается в:

- 1) Выявлении шпионских и диверсионных элементов, направленных и направляемых в расположение частей ВМФ;
- 2) выявлении оборонных объектов. Создание диверсионных групп и засылка их в расположение военно-морских баз противника.

После занятия Красной армией территории противника основной задачей [...] является:

1. Немедленный захват органов разведывательной и контрразведывательной службы противника, их агентуры и противника.

2. Оперативное использование захваченных документов.

3. Розыск и арест руководителей и ответственных работников ВМБ и работников разведывательных и контрразведывательных органов противника.

4. Выявление и арест участников контрреволюционных фашистских организаций.

5. Создание агентурно-осведомительной сети среди окружения ВМФ с целью своевременного выявления а/с намерений этого окружения. [...].

Органы 3-го управления несут ответственность за организацию эвакуации имущества и реальное уничтожение всего того, что не может быть эвакуировано и может быть использовано противником в борьбе с нами.

Оставляя территорию, органы 3-го управления ВМФ должны проинструктировать оставшуюся агентуру [...] на их активную деятельность в разрезе выполнения указаний т. СТАЛИНА.

Агенты [...] должны быть направлены таким образом, чтобы они немедленно при отходе частей включались в создание диверсионных групп и сами проводили диверсионную деятельность в тылу противника.

Агенты [...] должны выявлять всех пособников вражеской армии и физически уничтожать их. [...].

Серьёзные задачи стоят перед органами 3-го управления ВМФ по проверке лиц, бежавших из вражеского плена. Необходимо учесть, что в числе бежавших могут просочиться завербованные и переброшенные на нашу территорию.

Выявленных лиц, завербованных иностранными разведками и переброшенных на нашу территорию, немедленно арестовывать и предавать суду Военного трибунала. [...]

Профилактическая работа в условиях военного времени приобретает исключительное значение. Органы 3-го управления обязаны:

1. Своевременно информировать командование и комиссаров части о всех выявленных недочётах в боевом обеспечении и политическом состоянии кораблей, частей ВМФ, добиваясь принятия необходимых мер со стороны командования к их устранению.

2. Информировать вышестоящие органы 3-го управления ВМФ по всем недочётам в боевом обеспечении и политическом состоянии частей ВМФ, о вражеских проявлениях и принятых мерах как ими, так и командованием.

3. Проводить работу по недопуску в ВМФ и очистке ВМФ от неблагонадёжного элемента.

По вскрытым фактам вражеской деятельности принимать решительные меры вплоть до ареста. [...].

Органы 3-го управления ВМФ проводят следствие по всем фактам преступной деятельности как военнослужащих, так и лиц гражданского окружения по делам, связанным с военнослужащими [...]».¹¹

Следует отметить, что эти направления деятельности флотских контрразведчиков за весь период Великой Отечественной войны практически не менялись.

1941 год стал самым тяжёлым в оперативно-боевой деятельности флотских чекистов.

В первые месяцы войны особо ощутимые потери понесли контрразведчики Балтийского флота. Десятки оперативных сотрудников погибли при обороне военно-морских баз Лиепаи, Риги, Таллина. В августе 1941 г., во время печально известного Таллинского перехода, в районе острова Гогланд немецкой авиацией был потоплен транспорт, на котором в Кронштадт эвакуировалась основная часть сотрудников Особого отдела Краснознамённого Балтийского флота. Практически никто из экипажа и пассажиров не уцелел.

Такая же ситуация сложилась и на Черноморском флоте. Большое число сотрудников погибли или попали в плен при ведении боевых действий кораблями и соединениями Дунайской, Днепровской и Пинской флотилий.

Невосполнимые потери, нехватка оперативных работников не могли не сказаться на работе флотских контрразведчиков. В этой ситуации, с учётом временных неудач нашей армии, флотские чекисты сосредоточили свою деятельность на двух основных направлениях: выявлении агентуры противника и борьбе с дезертирами, трусами и паникёрами. При этом контрразведчики исходили из того, что в начальный период войны немецкие спецслужбы вербовали пленных советских военнослужащих простыми методами, «накоротке», зачастую прямо на передовой. Те, кто давал согласие на сотрудничество с германской разведкой, сразу же, после кратковременного инструктажа, перебрасывались через линию фронта в расположение частей Красной армии и Военно-морского флота. Результаты «работы» таких агентов были недостаточно эффективны, так как многие из них сразу же сдавались добровольно, даже не приступив к выполнению задания, других задерживали после перехода линии фронта. Так, утром 25 августа 1941 г. красноармеец одной из воинских частей, оборонявшей Таллин, сдался в плен гитлеровцам. На допросе он сообщил немецким офицерам известные ему сведения об организации обороны города. Сразу же после допроса 25

августа «новоиспечённый» агент был завербован, накормлен, снабжен сигаретами, шоколадом, ромом, листовками и переброшен в расположение морской бригады Балтфлота с заданием склонять моряков к переходу на сторону противника. Уже утром 26 августа его арестовала советская контрразведка.

В числе важнейших направлений деятельности флотских контрразведчиков в начальный период войны было укрепление боеспособности частей и кораблей ВМФ, борьба с проявлениями дезертирства, трусости и паникёрства среди личного состава.

Работа на этом участке строилась по трём направлениям: информирование командования о недочётах и недостатках в дисциплине, оперативная работа по обнаружению негативных явлений и организация заградительных мероприятий по предупреждению побегов военнослужащих.

Основная тяжесть борьбы с дезертирством легла на заградительные отряды. С учётом сложившейся обстановки на фронтах, заградительными отрядами применялись самые жёсткие меры к бежавшим с поля боя, вплоть до расстрела перед строем или предания суду военного трибунала.

Результаты деятельности особых отделов во многом зависели от итогов проведения зафронтовых операций, в ходе которых добывались сведения о разведорганах противника, местах дислокации разведшкол и вражеской агентуре. Кроме того, на оккупированной территории флотскими зафронтовыми разведчиками выявлялись предатели и пособники, каратели и полиция.

В начальный период Великой Отечественной войны зафронтовая работа особых отделов НКВД флотов ориентировалась главным образом на дезорганизацию немецкого тыла путём диверсионных актов и носила больше разведывательный, нежели контрразведывательный характер. Это объяснялось неподготовленностью оперсостава, отсутствием в то время специальной подготовки у забрасываемой агентуры, опыта серьёзной зафронтовой работы и знания оперативной обстановки на оккупированной территории. Из-за несовершенства, в отличие от немцев, техники переброски агентуры, ограниченных возможностей по организации связи и снабжения её всем необходимым часто происходили провалы агентуры, в частности при выброске в тыл противника.

Самые серьёзные вопросы вызывала материальная обеспеченность зафронтовых операций экипировкой, оружием, а также надёжными документами.

Следует отметить, что на протяжении войны сотрудникам флотской контрразведки приходилось пресекать разведывательные устремления и союзных с СССР стран, спецслужбы которых имели возмож-

ность вести работу против Советского Союза с легальных позиций. В частности, на Северном флоте дислоцировались отдельные авиационные части и группы надводных и подводных кораблей Великобритании, среди личного состава которых были профессиональные разведчики. Всё это требовало усиления контрразведывательных мер по обеспечению безопасности наших военно-морских баз и личного состава флота.

В частности, уже через три месяца после начала войны, 25 сентября 1941 г., начальник 3-го управления ВМФ СССР дивизионный комиссар А.И. Петров в специальном сообщении нарком ВМФ Н.Г. Кузнецову докладывал, что «оставшиеся на Черноморском флоте представители английской военно-морской миссии [...] продолжают усиленно заниматься разведывательной работой. Путём личного наблюдения и бесед с командным составом они пытаются подробно выяснить, какое вооружение на том или другом корабле, их тактические и ходовые качества и т. д. [...], проявляют интерес к штату подлодок и их тактическим свойствам».

Как видно из агентурных сообщений, одним из вопросов, интересовавших англичан, издавна питавших слабость к Кавказу, не считая данных о флоте, являлось изучение Кавказского побережья Чёрного моря, не только как возможного театра военных действий, но также его экономики и взаимоотношений проживающих в регионе национальностей.

Значительное внимание контрразведчики уделяли и информационной работе, когда в ходе борьбы с агентурой противника в отдельных частях и подразделениях флота агентурным и следственным путём вскрывались существенные недочёты в боевой подготовке, состоянии дисциплины среди личного состава, сохранении военной тайны, что снижало боеспособность частей. Эта информация устно или письменно незамедлительно доводилась до командования ВМФ СССР, флотов, флотилий и береговых частей.

Особенно в информационной работе необходимо отметить подготовленные контрразведчиками и направленные в конце 1941 г. в инстанции докладные записки, в которых проанализированы ход боевых действий, недочёты в организации обороны и эвакуации военно-морских баз: Лиепая, Таллина, Одессы.

Балтийский флот

Перед войной, в соответствии с разработанной в СССР государственной программой по военно-морскому судостроению, шло интенсивное пополнение Балтийского флота. К началу военных действий он представлял собой хорошо оснащённое и полностью укомплектован-

ное военно-морское соединение. Флот имел и опыт ведения военных действий на море, приобретённый в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Помимо успехов, проведённые морские операции выявили ряд существенных недостатков. Морские контрразведчики оперативно сообщали командованию флота о всех недочётах, а иногда и провалах, в проведении боевых операций на Балтике, организации и действиях ВВС, сил ПВО и береговой обороны. Следует отметить, что направлявшаяся руководству страны и командованию информация содержала рекомендации и конкретные предложения по устранению этих ошибок.

К началу Великой Отечественной войны основная часть Краснознаменного Балтийского флота дислоцировалась в военно-морских базах Прибалтийских республик, недавно вошедших в состав СССР: Таллине, Риге, Лиенае, а также на островах Моонзундского архипелага и на полуострове Ханко. Нахождение советского флота на территории Прибалтийских республик создавало благоприятные условия для разведывательно-диверсионной деятельности германских и финских разведорганов. Это объяснялось наличием в странах Балтии большого числа лиц, негативно относившихся к советской власти. Здесь также были очень сильны националистические настроения. Уйдя в подполье, не прекращали своей деятельности полувоенные фашистские организации «Омакайтсе», «Кайтселиит» и «Исамаалиит» в Эстонии, «Айсарги» в Латвии. Кроме того, на территории Прибалтики, особенно в Эстонии, оставалось много русских белоэмигрантов, бежавших из Советской России в 1918–1920 гг., а также бывших военнослужащих армии Юденича.

Фашистская Германия и её разведывательные подразделения рассчитывали, что со стороны указанных сил будет оказана активная поддержка, которая поможет частям вермахта молниеносным ударом с суши занять советские базы в Прибалтике, захватить или уничтожить находящиеся там корабли Балтфлота, перерезать наши морские коммуникации и обеспечить себе морские фланги при дальнейшем наступлении сухопутных сил на Ленинград. Для реализации этих планов были брошены лучшие силы германской разведки.

На Балтике постоянно пересекались пути старых соперников – германской и российской военно-морских разведок, которые старалась любыми средствами получить достоверную информацию о потенциальном противнике.

Основную разведывательную деятельность против Балтийского флота в период войны осуществлял немецкий разведорган «Абвернебенштелле-Ревал» («АНСТ-Ревал»). Штаб этого подразделения находился в оккупированном Таллине под вывеской «Бюро по вербовке

добровольцев», или «Бюро Целлариуса». Во главе спецоргана стоял опытный разведчик – морской офицер фрегаттен-капитан Александр Целлариус (Келлер).

«АНСТ-Ревал» находился в подчинении разведоргана «Абверштелле-Остланд», дислоцировавшегося в Риге и руководившего всей разведывательно-диверсионной деятельностью германской разведки на северных участках фронта, в том числе против Балтийского флота. Одновременно в этом подразделении сосредоточивалась вся контрразведывательная деятельность в Прибалтике.

На первом этапе войны основной задачей «Бюро Целлариуса» стала диверсионная работа против наших войск. В дальнейшем главной задачей «Бюро...» являлась разведывательная деятельность против советских частей армии и флота, контрразведывательная работа в оккупированной Прибалтике, а также разведработа в нейтральной Швеции.

В состав «АНСТ-Ревал» входили специальные пункты авиаразведки «Реферат-Люфт» (г. Таллин) и морской разведки «Реферат-Марине» (Ленинградская область). «АНСТ-Ревал» занимался вербовкой, обучением и переброской агентуры, организацией десантных групп для диверсий на побережье Балтийского моря и островах Финского залива.

Против КБФ активно действовал немецкий разведпункт КОФ – «Кригсорганизацион Финлянд», созданный в апреле 1941 г. и дислоцировавшийся в Хельсинки. Он также подчинялся «Абверштелле-Остланд» и работал в тесном контакте с «АНСТ-Ревал». Штат КОФ насчитывал до 70 официальных сотрудников, главным образом немцев, частично финнов и эстонцев, в задачи которых входила организация разведывательно-диверсионной деятельности против частей Красной армии и КБФ, морских и сухопутных десантных операций.

На команду разведоргана «Цеппелин» «Русланд Норд» возлагалось ведение военно-политической разведки в глубоком тылу Красной армии и флота, совершение диверсий, организация терактов, руководство нацподпольем. Команда имела свои филиалы в крупных населённых пунктах прифронтовой полосы, поддерживавшие тесные контакты с другими немецкими разведывательными, контрразведывательными и карательными органами¹².

В зависимости от методов работы неприятельской разведки на Балтийском театре войны варьировались и совершенствовались контрразведывательные мероприятия по борьбе с агентурой противника.

На первом, самом тяжёлом, этапе войны (в июне – декабре 1941 г.) контрразведчики Балтфлота вели работу по трём основным направлениям: выявление агентуры противника среди местного населения в районах дислокации соединений и частей КБФ; проведение заградительных мероприятий в тылу Красной армии и ВМФ; перекрытие каналов

проникновения агентуры противника на особо опасных и уязвимых объектах (в штабах и узлах связи КБФ).

Основную часть задержанных в тот период немецких агентов составляли лица из числа гражданского окружения флота в Прибалтике. При этом контрразведчики арестовали несколько человек с довоенным «послужным списком».

Заградотрядом Особого отдела КБФ, в составе которого имела группа оперативных работников и приданная им моторизованная рота численностью 375 человек, были задержаны несколько бывших краснофлотцев Балтфлота, попавших в плен к противнику. После окончания в Пскове краткосрочных курсов они были завербованы немецкой разведкой и заброшены в распоряжение наших частей в районе Копорского залива.

Первоначально заградотряд Особого отдела КБФ действовал исключительно на территории Эстонии, в районе Таллина и приморских городов. Кроме противодействия агентуре противника, он вел борьбу с националистическими бандами, осуществлял розыск и задержание дезертиров из флотских и армейских частей.

В августе 1941 г., в разгар обороны Таллина, заградительный отряд героически сражался с врагом, защищая город.

Особенно тяжёлое положение сложилось 27 августа, когда отдельные части 8-й армии, оставив последнюю линию обороны, обратились в бегство. Для наведения порядка был брошен не только личный состав заградотряда, но и весь оперативный состав ОО КБФ. Отступающие части были остановлены и в результате контрудара отбросили противника на 7 км.

В ходе боев и эвакуации из Таллина отряд потерял убитыми и ранеными свыше 60 % личного состава, одного оперативного сотрудника и почти весь командный состав.

Прибыв в Кронштадт, заградотряд ОО КБФ немедленно приступил к доукомплектованию и уже 7 сентября 1941 г. направил один взвод с двумя оперработниками для несения службы, а к 18 сентября побережье от Ораниенбаума до д. Устье обслуживалось отрядом.

В отчёте о деятельности отряда отмечено, что «принятием жёстких мер в указанных районах (расстрел дезертиров перед строем, аресты и ежедневные ночные и дневные облавы) было резко изменено существовавшее до этого положение. Явления группового ухода с фронта, за исключением единичных случаев, прекратились. Между тем дезертирство одиночек продолжалось. Два с половиной месяца работы отряда создали такую обстановку, при которой дезертирство в тыл стало опасным и для одиночек».

В 1941–1942 гг. заставы отряда произвели до 6 тыс. задержаний. Из этого числа 167 человек было арестованы и осуждены,

11 расстреляны без суда, около 800 человек передано органам прокуратуры, часть задержанных освобождена из-за отсутствия состава преступления¹³.

Наряду с работой по борьбе с дезертирством и бандитизмом опергруппа заградотряда осуществила заброску трёх агентов в тыл противника, два из которых после выполнения задания вернулись в расположение отряда, добыв ценные данные о дислокации немецких войск.

Подготовленная оперативниками вторая группа агентов-диверсантов из-за отступления наших войск в тыл противника переброшена не была.

С июня по декабрь 1941 г., по приблизительным данным (точной статистики за этот период не сохранилось), флотскими чекистами было арестовано до 40 немецких агентов, задержанных в основном на территории Прибалтийских республик.

Вместе с тем вследствие недостаточного оперативного опыта чекистов в первые месяцы войны агентуре противника удавалось просочиться и осесть в частях и соединениях флота, что в дальнейшем отрицательно сказалось на работе нашей контрразведки. Оперативную деятельность особистов в тот период осложнила гибель во время боевых действий многих кадровых сотрудников Особого отдела КБФ, больше всего при эвакуации из Таллина в августе 1941 г.

С началом блокады Ленинграда морским контрразведчикам пришлось столкнуться с активной деятельностью агентуры противника. Для внедрения в КБФ немецкая разведка вербовала военнопленных моряков и жителей временно оккупированных советских территорий, особенно районов Ленинградской области, расположенных на южном побережье Финского залива. Кроме того, она на первых порах успешно внедряла в части и соединения флота захваченную агентуру разведотдела штаба КБФ. Этим лиц она перебрасывала в районы флотских баз, расположенных на островах Лавенсаари и Сескар, с заданиями разведать состояние береговой обороны, её технических средств и гарнизонов. Масштабность заброски агентуры, а также близость фронта к основным базам КБФ создали реальную угрозу проникновения значительного числа немецких разведчиков на флот и в осаждённый Ленинград, поэтому от морских контрразведчиков потребовались значительные усилия по совершенствованию своей работы.

В этот период в целях локализации деятельности немецкой разведки, ликвидации её агентуры, действовавшей в советском тылу, и защиты от проникновений на базы КБФ основными методами работы оперсостава стали мероприятия с применением возможностей зафронтальной агентуры, а также более широкое использование заградительных действий.

Уже с осени 1941 г. флотская контрразведка развернула свою деятельность на этом участке по двум основным направлениям: оставление на оседание конфиденциальных источников на военно-морских базах Латвии и Эстонии при отступлении наших войск; осуществление заброски агентуры на временно оккупированные территории страны, главным образом с разведывательно-диверсионными заданиями.

В течение 1941 г. Особый отдел КБФ организовал заброску в различные пункты Эстонии и Ленинградской области 94 зафронтовых агентов, из которых 7 человек по неустановленным причинам не вернулись. Следует отметить, что разведчики КБФ на первых порах, как правило, не имели серьёзной спецподготовки, и поэтому перед ними ставились довольно примитивные задания: визуальная разведка и проведение диверсий.

Осенью 1941 г. в Пярну были брошены два разведчика, перед которыми стояла задача установления расположения военных объектов противника. Переброска прошла успешно, и после выполнения задания разведчики благополучно вернулись. Через командование КБФ добытые разведматериалы были реализованы, и установленные военные объекты успешно атаковала морская авиация флота.

15 декабря 1941 г. в районе Копорского залива была выброшена группа из 4 разведчиков, которая за три дня нахождения в тылу противника собрала сведения о строительстве противником укрепрайона, расположении воинских частей и артиллерийских батарей.¹⁴

Серьёзного оперативного значения первоначальные зафронтовые операции контрразведки не имели, поэтому в феврале 1942 г. все действующие в тылу врага источники из Особого отдела КБФ были переданы на связь в УНКВД по Ленинградской области и Разведотделу Ленинградского фронта.

После окончания войны был проведён тщательный анализ зафронтовой работы за весь период боевых действий. К этой работе контрразведчики подошли довольно самокритично, обозначив в отчётных документах основные недостатки на этом участке оперативной работы.

Из докладной записки ОКР «Смерш» КБФ от 22 ноября 1945 г. начальнику УКР «Смерш» НК ВМФ П.А. Гладкову:

«1) Зафронтовые операции разрабатывались и подготавливались слишком медленно, и к моменту проведения многие из них теряли смысл, другие же в результате изменения обстановки за период подготовки не давали никакого эффекта. [...]

2) Зафронтовая работа не была последовательной, операции проводились по наиболее ценным материалам, которые попадали в отдел эпизодически, [...] затем долгий период проверялись, зачастую теряя за время проверки свою ценность, благодаря изменению обстановки.

Отдел не имел систематизированного материала для быстрой перепроверки показаний арестованных шпионов, не вёл достаточно эффективной работы для пополнения образцов документов, действовавших в тылу врага, обстановки, изучения связей и пр. Поэтому зафронтовые операции не имели цели решения одного вопроса [...].

3) Отдел не имел своей материальной базы для осуществления зафронтовых операций, не было запасов одежды для агентуры, документы для агентов изготовлялись другими органами и проч.

4) Нами проявлялась не только медлительность в разработке и осуществлении операции, но излишняя, иногда даже вредная, осторожность, боязнь провала, неуверенность в замысле операции и в агентуре, боязнь перед материальными затратами»¹⁵.

Северный флот

С началом Великой Отечественной войны порты Чёрного и Балтийского морей не могли использоваться для морских сообщений с другими странами, поэтому резко возросло значение Северного морского театра и его портов – Мурманска и Архангельска. Именно здесь проходили в годы войны важнейшие морские коммуникации, связывавшие СССР с его союзниками – Великобританией и США.

Стратегическое значение этих коммуникаций обусловило стремление немецкого командования к их захвату для осуществления блокады Советского Союза с севера. Кроме того, немцы отлично понимали, что Северный морской путь – кратчайшая сквозная трасса для прохода боевых кораблей и торговых судов в Тихий океан. Вот почему с самого начала войны гитлеровцы проводили активные наступательные операции на всём Северном морском театре.

Противник не имел на Севере крупных военно-морских сил. Не было у него и больших кораблей, так как командование вермахта планировало захват Мурманска и Полярного как чисто сухопутную молниеносную операцию. Вместе с тем немцы и их союзники могли быстро увеличить свои морские силы, переведя крупные корабли и подводные лодки из Балтийского и Северного морей в базы на территории Северной Норвегии, что они и сделали в конце 1941 – начале 1942 гг.

Северный флот активно участвовал в борьбе с врагом на суше, обороняя северное побережье, порты и военно-морские базы, а также в десантных операциях, в том числе на территории Норвегии. Вследствие этого значительная часть личного состава Северного флота, особенно морской пехоты и береговой обороны, находилась в постоянном непосредственном боевом соприкосновении с вражескими силами армии и флота. Эти условия боевой обстановки значительно

увеличивали возможности для проникновения вражеской агентуры в наши войска.

Наибольшую активность проявляли военно-морские разведывательные органы противника, дислоцировавшиеся в военно-морских базах и портах: немецкие – в Тронхейме, Тромсё, Альта-фьорде (Альтен-фьорде), Киркенесе, Вардё, Хаммерфесте и Вадсё (Северная Норвегия), а финские – в Петсамо (Северная Финляндия).

Разведоргану в Тромсё подчинялись филиалы в Киркенесе, Хаммерфесте и Альта-фьорде (Альтен-фьорде).

Киркенесское разведподразделение дислоцировалось в местечке Хессен и контролировало весь район южнее Варангер-фьорда и полуостров Варангер. Как основное звено в системе разведорганов на Севере, оно осуществляло свою деятельность через широкую сеть разведпунктов. Руководство отдела состояло из немцев, агентура – главным образом из норвежцев.

Разведотдел в порту Альта (Альтен-фьорд), где находилась главная военно-морская база противника на Севере, отвечал за контрразведывательное обслуживание немецких моряков, главным образом членов экипажа флагмана германского ВМФ – линкора «Тирпиц». Кроме того, он осуществлял подготовку агентуры, предназначенной для оседания на случай прихода союзных войск в район порта.

Подрывная деятельность финского генштаба против Северного флота проводилась через Лапландское разведотделение, дислоцировавшееся в Рованиеми. Его работа находилась под полным контролем немецких разведорганов¹⁶.

На различных этапах войны работа органов контрразведки Северного флота строилась в прямой зависимости от складывавшейся военно-политической обстановки. Большое внимание флотских чекистов обращалось на борьбу со шпионажем.

Послевоенный анализ показал, что почти все агенты были завербованы спецслужбами противника главным образом в 1941–1943 гг. Кроме заданий по сбору разведанных, агентуре ставились задачи по проведению разложенческой работы среди военнослужащих Северного флота.

Для контрразведчиков Северного флота актуальной была и борьба с дезертирством. Статистика показывает, что наибольшее число дезертиров было выявлено в частях береговой обороны, Северного оборонительного района, Мурманского гарнизона и ВВС. Практически отсутствовали дезертиры среди членов экипажей боевых и вспомогательных кораблей.

Большую роль в борьбе с дезертирством на Северном флоте сыграли заградительные отряды, одной из основных задач которых являлось задержание и проверка лиц, следовавших по магистралям от фронта

в тыл. Дезертирство из частей флота, особенно в самый тяжёлый период войны в 1941–1943 гг., пресекалось и такой мерой, как расстрел перед строем.

Неплохо была поставлена в ОО СФ работа по информированию командования о вскрытых недостатках в боевой подготовке военнослужащих, состоянии воинской дисциплины, сохранении государственной тайны. Только в Военный совет Северного флота было направлено 169 информационных сообщений, среди которых: о фактах разглашения военной тайны и утери секретных документов – 11, о недочётах в подготовке к боевым операциям – 7, об аморальных проявлениях личного состава – 19, об антисоветских проявлениях – 35.

Совместные боевые морские и воздушные операции против германских войск на Севере обусловили пребывание в советских портах и на базах авиации и флота большого числа англичан. Контрразведывательная работа в Полярном и Ваенге, где находились британская военно-морская миссия, военно-морской госпиталь и подразделения английских ВВС, целиком возлагалась на подразделения контрразведки Северного флота.

В составе английских миссий и различных учреждений на Севере находилось до 300 человек, что явно не соответствовало официально очерченному кругу их задач. Действующие под прикрытием британские разведчики, оказавшиеся на советской территории, не могли упустить возможности получения добротной информации о потенциале нашей страны, состоянии армии и флота и перспективах их развития.

В первую очередь англичан интересовал Северный морской путь как ближайшая трасса из Европы на Дальний Восток и в Северную Америку.

Однако союзные отношения между Великобританией и СССР влияли на характер деятельности союзных спецслужб, а именно: английская разведка была вынуждена соблюдать особую осторожность и такт в своих действиях и быть более разборчивой в формах и методах разведработы против Советского Союза. Военно-политический союз с Великобританией налагал определённый отпечаток и на нашу контрразведывательную деятельность.

Из циркуляра НКВД СССР в УНКВД Архангельской, Мурманской областей, 3-и отделы Северного флота и Беломорской военной флотилии от 27 ноября 1941 г.: «Установлено, что английские разведывательные органы внедряют в число официальных военных и экономических представительств в СССР крупных разведчиков, которые используют для сбора шпионских сведений кадры офицеров и унтер-офицеров английской армии и флота, находящихся на территории СССР. С этой целью каждому доверенному лицу дается конкретный круг вопросов,

по которым ему надлежит собирать в Советском Союзе шпионскую информацию.

Нахождение в Архангельске и Полярном британских военно-морских штабов, в состав которых, несомненно, входят работники разведки, даёт возможность англичанам путём использования доверенных офицеров и унтер-офицеров расширить масштаб своей разведывательной работы, в особенности на нашем Севере.

Это обстоятельство настоятельно диктует необходимость дальнейшего улучшения контрразведывательной работы по английской линии. ... Нужно добиться, чтобы деловой контакт между ... чекистскими органами был не эпизодическим, а систематическим ...»¹⁷.

В этой связи следует отметить, что для систематизации личных наблюдений на каждом английском корабле в одно время велся специальный журнал, куда все офицеры и матросы, вернувшись с берега, должны были записывать увиденное ими в увольнении.

Контрразведывательная работа против английской разведки строилась в основном по двум направлениям: выявление британских разведчиков, их связей и пресечение их деятельности на объектах Северного флота. Итогом деятельности контрразведчиков СФ по английской линии стало выявление нескольких десятков кадровых разведчиков, получение и систематизация материалов о методах разведывательной деятельности англичан.

Вместе с тем сами контрразведчики признавали, что на этом направлении были допущены просчёты, к которым можно отнести оборонительную тактику в противодействии разведывательным устремлениям англичан, боязнь, в силу союзнических отношений, проведения сложных агентурно-оперативных мероприятий, слабое использование других, кроме агентурных, средств и методов оперативной работы.

В течение всей войны контрразведчики Северного флота участвовали в мероприятиях по борьбе с немецкими подводными лодками 11-й и 13-й флотилий, базировавшихся в Норвегии (соответственно в Бергене и Тронхейме).

Но если уничтожение подводных лодок противника входило в сферу деятельности кораблей Северного флота и Беломорской военной флотилии, то контрразведчиков волновало наличие у противника информации о движении наших судов, слишком уверенные действия немецких подлодок и рейдеров, хорошее знание ими трассы Севморпути, гидрологической и гидрографической обстановки в Карском море.

Истоки этой проблемы уходят к летней навигации 1940 г. Тогда в результате переговоров между Германией и СССР руководство нашей страны дало согласие на проводку Севморпутём немецкого торгового-

го судна «Комета». Как выяснилось позже, «Комета» была отлично замаскированным немецким рейдером, который после проводки на-творил много бед в Индийском океане, потопив около десяти торговых судов союзников. Следуя по трассе Севморпути, немцы проводили тщательную фотосъёмку.

Сведения о навигационном оборудовании Северного морского пути, полученные во время перехода «Кометы», позволили германскому морскому штабу заблаговременно развернуть систему метеостанций на арктических островах Северного Ледовитого океана¹⁸.

Данные о советских полярных станциях в Арктике, организации их радиосвязи, результаты промеров глубин в проливах были обобщены немецкими специалистами и в июне 1941 г. изданы секретным приложением к «Наставлению о плавании в арктических морях».

Опыт ледового плавания «Кометы», доскональное изучение навигационных условий Севморпути помогли немецким подводным лодкам в 1941–1945 гг. пиратствовать в наших северных водах.

Чекисты-североморцы активно участвовали в боевых действиях на Севере. Оперативники Особых отделов 12, 254 и 63-й бригад морской пехоты вместе с обслуживаемыми частями в течение 1941–1945 гг. обороняли полуострова Средний и Рыбачий.

Оперативный состав эскадры кораблей, бригад торпедных катеров и морских охотников, а также ОО охраны водного района Северного флота участвовали в операциях на коммуникациях противника и по охране караванов союзников. За весь период войны в Заполярье не было ни одного случая проявления трусости и недостойного поведения чекистов на поле боя.

Черноморский флот

Оперативная работа морской контрразведки Черноморского флота, как и других флотов и флотилий, обуславливалась военно-стратегической обстановкой на театре военных действий.

В 1941–1942 гг. Черноморский флот вёл тяжёлые оборонительные бои с противником на подступах к Одессе и Севастополю, на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Новороссийска. В этот период контрразведчики понесли самые серьёзные потери в личном составе за все годы Великой Отечественной войны. Только при обороне Севастополя и эвакуации наших частей погибли десятки сотрудников особых отделов Черноморского флота.

Как видно из докладной записки начальника Особого отдела ЧФ Н.Д. Ермолаева от 19 июля 1941 г. «Об эвакуации работников ОО НКВД Черноморского флота из Севастополя», за период с 30 июня по 3 июля

были эвакуированы 56 человек, 66 сотрудников остались в Севастополе и приняли свой последний бой, защищая город.

Эти потери профессиональных кадров создавали трудности в дальнейшей деятельности флотских чекистов.

На Черноморском флоте за годы войны были зарегистрированы 3 тыс. 844 случая дезертирства, из них 2 тыс. 582 относятся к 1941–1942 гг. Борьба с дезертирством включала мероприятия по обнаружению намерений отдельных военнослужащих покинуть свою часть, вести пораженческую агитацию, подавать примеры паникёрства и трусости. Всего на флоте заградотрядами было задержано 4 тыс. 719 человек, из которых 4 тыс. 301 направлены в распоряжение командования, 290 арестованы и осуждены, а остальные переданы прокуратуре. За весь период войны перед строем было расстреляно 20 дезертиров. Большинство расстрелов пришлось на период тяжёлых боёв при обороне Одессы и Севастополя¹⁹.

Но основу деятельности контрразведчиков Черноморского флота составляла борьба с агентурой противника, забрасываемой в районы дислокации флотских частей. А противник у черноморцев был серьёзный. С началом войны активной подрывной деятельностью против Черноморского флота отличался дислоцировавшийся на территории Румынии немецкий разведорган МАК («Марине Айнзацкомандо дес Шварцен Меер»). В сфере внимания этого подразделения, созданного при штабе командующего Юго-Западным морским театром, находился сбор данных о состоянии советского военно-морского и торгового флотов, его военно-морских баз на Чёрном море, о численности и оснащённости кораблей и состоянии береговой обороны на Черноморском побережье СССР.

Значительную активность в проведении разведывательных акций проявляла немецкая морская разведка «Кондор». Она не ограничивалась ведением разведработы против Черноморского флота, одновременно осуществляя разведку против Турции и Англии. «Кондор» находился в непосредственном подчинении немецкого разведштаба, дислоцировавшегося в Вене, где размещалась и разведшкола.

Одним из основных разведывательных органов противника на Черноморском театре являлся разведорган НБО «Нахрихтенбеобахтер», сформированный немцами в начале 1942 г. в Берлине. Его основными задачами были: сбор разведанных о советских ВМС, проведение разведки глубокого тыла частей и прибрежной полосы, организация диверсионно-террористических актов.

«Нахрихтенбеобахтер» по своей структуре представлял широко разветвленный военно-морской разведывательный орган, располагавший крупными силами и техническими средствами. Руководящий состав

имел большой опыт разведывательной и контрразведывательной работы.

Подготовкой агентуры НБО занимались четыре специальные школы разведчиков, диверсантов и радистов в поселке Тавель, радистов – в Евпатории, разведчиков – в Симеизе и Мариуполе. В этих школах обучались главным образом бывшие военнослужащие советского Военно-морского флота, попавшие в плен или добровольно перешедшие на сторону противника.

Разведывательные мероприятия против Черноморского флота осуществляла также румынская Специальная служба информации (ССИ), которая являлась органом совета министров Румынии. ССИ состояла из агентурного, контрразведывательного отдела, отдела пропаганды и радиоотдела, имела сеть своих консульств и военных атташе.

Таким образом, уже в 1941 г. сотрудникам Особого отдела ЧФ пришлось столкнуться с широкой сетью разведывательных органов противника и вести непрерывную борьбу с его профессионально подготовленной агентурой²⁰.

О профессионализме немецкой агентуры можно судить по тексту спецсообщения начальника 3-го Управления ВМФ СССР дивизионного комиссара А.И. Петрова на имя наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия от 10 января 1942 г.: «Глава английской военно-морской миссии контр-адмирал Майлс ... сообщил, что ему от английского источника, находящегося в одном из штабов немецкой армии, известно следующее:

Командование немецкой армии располагает рядом подлинников совершенно секретных документов Черноморского Флота, к числу которых относятся:

Код с ключом морских штурманов для района Керчи и всего Кавказа.

Секретные указания для морских штурманов, датированные 15 августа 1941 г.

Особо секретные коммуникации Военно-морского флота СССР, согласно схемы заграждения городов Феодосия и Чаудэ (так в тексте документа назван мыс Чауда), датированные 17 сентября 1941 г. ...».

Всего за годы войны органами контрразведки Черноморского флота было выявлено и арестовано 44 агента противника. Спецслужбы противника стремились внедрить своих агентов в части и подразделения морской пехоты и береговой охраны флота, так как именно эти подразделения чаще всего входили в соприкосновение с войсками противника. Кроме того, эти подразделения в отличие от плавсостава кораблей, имевших постоянные экипажи, чаще переформировывались и пополнялись личным составом.

Зафронтовая работа контрразведки Черноморского флота велась в течение всей Великой Отечественной войны, однако в начальный её период, так же, как и на Балтике, она не могла в полной мере решать контрразведывательные задачи. В 1941 г. в тыл противника было заброшено 19 агентов, а в 1942 г. – всего 9.

Тихоокеанский флот

Созданный в 1932 г. Тихоокеанский флот (ТОФ) к началу Великой Отечественной войны имел уже довольно внушительный состав. Его основой были самые мощные в ВМФ СССР подводные силы, которые насчитывали 85 подлодок. В ходе войны велось постепенное пополнение корабельного состава на Тихом океане за счёт строительства новых кораблей и получения их от США по ленд-лизу. С учётом сложной оперативной обстановки на Северном флоте, оказалось возможным отправить туда из состава ТОФ лидер эскадренных миноносцев «Баку», эсминцы «Разумный» и «Разъяренный» и пять подводных лодок.

Командование ВМФ СССР знало, что в случае прямых столкновений на море перевес будет на стороне Японии. Поэтому прилагались все усилия для укрепления береговой обороны Тихоокеанского побережья, подходов к военно-морским базам, средств ПВО. Очевидно, что все эти мероприятия очень интересовали командование японской армии и флота.

Разведывательная деятельность японцев против ТОФ направлялась русским отделением 3-го (разведывательного) отдела генерального штаба японского военно-морского флота и проводилась главным образом через японские военно-морские миссии (ЯВМ), находившиеся в Корее и Маньчжурии (харбинскую, сеульскую и сейсинскую). Кроме того, против нашего флота действовали две резидентуры, непосредственно подчинявшиеся русскому отделению 3-го отдела морского штаба, созданные на Камчатке и Сахалине.

В задачи этих разведорганов помимо шпионско-диверсионной деятельности, направленной против Тихоокеанского флота, входило также ведение политической и экономической разведки.

Сильным звеном японской стороны являлась радиоразведка, имевшая целую систему специальных приёмно-передающих радиостанций. Эти станции занимались перехватом радиопередач, дешифровкой радиogramм и их обработкой, изучением и расшифровкой кодов, применявшихся на линиях связи Тихоокеанского флота, а также изучением метеорологической обстановки в Приморье. Особое внимание уделялось получению информации о наших военно-морских базах: системах

минных и противолодочных заграждений, ПВО и береговой охране. Противник знал, что, имея эту информацию, можно эффективно проводить операции по захвату морских баз и их дальнейшему использованию в своих целях²¹.

Анализ поступающей из различных источников оперативной информации показывал, что Япония до весны 1942 г. наступательных действий против СССР предпринимать не будет. Однако неожиданное нападение Японии на США показало, что японские спецслужбы продолжают оставаться мастерами маскировки военных планов и дезинформации предполагаемого противника.

Поэтому контрразведка Тихоокеанского флота начала работу по созданию агентурного аппарата для оперативного использования в тылу противника в случае начала войны с Японией.

Важным направлением деятельности подразделений контрразведки ТОФ в 1941 г. являлась борьба с дезертирством и информирование командования флота по вопросам сохранения государственной тайны, боевой подготовки сил флота, ремонта кораблей и другим. Всего было подготовлено и направлено командованию более 110 таких сообщений.

Работа по борьбе с дезертирством на флоте дала позитивные результаты. Из 447 дезертировавших военнослужащих через местный розыск было задержано 389 человек, а из числа 58 дезертиров, объявленных во всеоюзный розыск – 21 человек. Кроме того, за время войны было предупреждено 115 случаев дезертирства. При этом следует отметить, что, несмотря на всю сложность положения на советско-германском фронте и напряженную военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке, массового характера дезертирство на Тихоокеанском флоте не приобрело. Поэтому контрразведчики флота могли маневрировать своими силами, перебрасывая сотрудников с этого участка на другие. Одним из таких направлений был розыск агентуры немцев, изменников и предателей.

На всём протяжении войны одним из важных направлений деятельности органов контрразведки ТОФ, как и других флотов и флотилий, было обеспечение сохранности секретной информации, предотвращение её утечки.

Но главным направлением деятельности контрразведчиков флота всё же являлся наш потенциальный противник – Япония.

Ещё до начала боевых действий на Дальневосточном театре Особый отдел ТОФ принял меры по сбору материалов об органах японской разведки, действовавших против советского флота на Дальнем Востоке; об агентуре японских разведывательных и контрразведывательных органов, заброшенной и готовящейся к выброске на территорию СССР²².

Особые отделы озёрных и речных флотилий ВМФ СССР

С началом Великой Отечественной войны находившиеся в составе ВМФ СССР Дунайская, Пинская, Краснознамённая Амурская и Каспийская флотилии были отоброилизованы и развёрнуты по военному времени.

Первыми приняли бой моряки сформированной в июне 1940 г. Пинской военной флотилии (ПВФ), под командованием контр-адмирала Д.Д. Рогачева. Уже с первых дней войны флотилия, испытав внезапность нападения противника, понесла серьёзные потери. 28 июня 1941 г. начальник Особого отдела ПВФ докладывал в 3-е Управление НК ВМФ СССР: «Ввиду отсутствия связи регулярно информировать вас не могу. Обстановка флотилии в данное время не ясна, на Пинском участке части в беспорядочном состоянии бегут, армейское командование отсутствует, и флотилия начиная с 22 июня по 28 июня связи с сухопутными войсками не имеет, однако командующий флотилией контр-адмирал Рогачёв принимает все меры к удержанию отступающих одиночных войск и обороны Пинска.

... Аэродром “Жабчицы” был подвергнут бомбардировке с воздуха, и были уничтожены самолёты 10-го авиаполка и 8 самолётов 46-й авиаэскадрильи, таким образом имеющаяся авиация в районе Пинска была уничтожена, а также был обстрелян из самолёта корабль “Припять”.

В результате бомбардировки в первый день было ранено 8 человек и убито 1 человек, а по состоянию на 27.06.41 г. ранено 11 человек, убито 3 человека и 5 человек пропало без вести, работавших в гидрографической партии на реке Буг.

Паническое настроение также имеется у ряда командиров флотилии, когда командиры при появлении самолётов или же провокационных каких-нибудь сообщений, теряя рассудок, бросаются в панику... .

Настроение же рядового состава хорошее, каждый краснофлотец готов в любую минуту выполнить приказ идти в бой с врагом.

Контр-адмирал тов. Рогачёв, несмотря на отсутствие войск и оказания должной помощи сухопутными войсками, с 23 июня продолжает оборону г. Пинска, принимая все меры, используя все средства к задержке врага.

Имеющийся оперсостав мной распределён по всем объектам, на тыл. базе Дорошевичи создана опергруппа во главе со ст. политруком т. Жуковым. Весь оперсостав проинструктирован о борьбе с парашютистами, диверсантами и увязывается эта работа с местными группами»²³.

В августе 1941 г. сформированная оперативная группа приняла участие в ликвидации банды вооружённых дезертиров.

1 августа 1941 г. полковой комиссар Волосов докладывал следующее: «В последние дни в Триполье стекаются высланные в своё время и репрессированные за бандитизм и к-р деятельность бывшие жители Триполья....

...В настоящее время базой значительного скопления вооружённых дезертиров являются трудно проходимые, болотистые и лесистые места, прилегающие к урочищу Гощево и Безрадичи... .

По всем данным, сейчас там находятся до 100 бандитов и, следует полагать, организованных специально прибывшими для этой цели из-за кордона агентами украинской к-р и германской разведки.

Указанная банда вооружённых дезертиров опасна не только тем, что в случае нашего отхода на левый берег Днепра ударит в спину нашим частям, но ещё более опасна тем, что участники её будут немцами активно использованы для борьбы с партизанским движением и остающимися для работы в тылу германской армии нашими людьми.

... я просил тов. Михеева выделить отряд в количестве 100 бойцов, который совместно со мною и заместителем тов. Вербицкого (начальник ОО ПВФ – А. Ч.) – тов. Ткаченко приступит к безотлагательной ликвидации скрывающейся в болотах урочища Гощево банды вооружённых дезертиров»²⁴.

Самые ожесточённые бои, в которых принимала участие Пинская флотилия, пришлось на август – сентябрь 1941 г., когда противнику удалось уничтожить значительную часть наших кораблей.

Неудачей завершилась предпринятая 25 августа попытка прорыва кораблей флотилии к Киеву. Из донесения ОО ПВФ в 3-е Управление НК ВМФ от 1 сентября 1941 г.: «Не считаясь с создавшейся обстановкой, контр-адмирал Рогачев, находившийся в Киеве, приказал всем боевым единицам, в том числе и базе Припятского отряда флотилии, за исключением 3 кораблей, осуществить с 25 августа на 26 августа прорыв в направлении Киева...

В результате крайней неорганизованности, а также вследствие некоторой беспечности со стороны командования наши корабли во время их прорыва расстреливались противником с обоих берегов Днепра в упор...

Потери в личном составе этих кораблей и плавсредств колеблются между 40 и 50 % по отношению к общему количеству...

Участовавшие в прорыве оперработники 3-го отдела ст. политрук Жуков и политрук Фролов обращали внимание ... на большой риск прорыва во что бы то ни стало при отсутствии полных данных в отношении окружающей обстановки, а также указывали на нецелесообразность включать в группу прорыва подвижную базу Припятского отряда»²⁵.

Всего же за один день 26 августа, по данным Особого отдела флотилии, погибли 2 канонерские лодки, 5 сторожевых кораблей, 2 броне-

катера, минный заградитель, 2 тральщика, 4 буксира и несколько барж с артбоезапасом, техническим, вещевым и шкиперским хозяйством.

Трагическая судьба постигла и прорывавшийся в ночь на 31 августа 1941 г. Березинский отряд флотилии, когда противник уничтожил 2 монитора, 2 канонерские лодки, 3 бронекатера и 2 сторожевых корабля.

15–19 сентября 1941 г. Пинская военная флотилия вела последние бои под Киевом. Когда был израсходован весь боезапас, моряки взорвали свои корабли, подняв на них сигналы: «Погибаю, но не сдаюсь!».

Сошедшие на берег моряки и оставшиеся в живых сотрудники особого отдела флотилии, из которых сформировали два отряда, продолжали сражаться вместе с сухопутными войсками. Вышедшие из окружения около 100 человек после проверки, проводившейся сотрудниками 3-го Управления НК ВМФ, были направлены для прохождения службы на другие флоты и флотилии.

6 октября 1941 г. приказом наркома ВМФ СССР Пинская военная флотилия была расформирована.

В первые месяцы войны, в связи со стремительным наступлением немецких войск на северо-западе с целью захвата Ленинграда, встала задача формирования озёрных флотилий на этом направлении удара противника. Уже 25 июня 1941 г. в соответствии с приказом НК ВМФ СССР начинается формирование Ладужской военной флотилии (ЛВФ).

Флотилия создавалась на базе бывшего учебного отряда военно-морских училищ НК ВМФ и кораблей Морпогранохраны НКВД СССР, дислоцировавшихся с 1939 г. на Ладого. 21 июля 1941 г. начальник 3-го отдела Ленинградского гарнизона ВМФ полковой комиссар М.П. Сервианов информировал руководство 3-го Управления ВМФ СССР и ОО Северо-Западного фронта о задержке комплектования кораблями Ладужской флотилии: «3-й отдел Ленгарнизона ВМФ сообщает, что несмотря на создавшуюся напряжённую обстановку для частей Красной армии в районе Питкяранта ...отмобилизация приписанных кан. лодок в количестве 7 единиц и 9 катеров “КМ” до сих пор не закончена. ...

Лишь 18/7-41 г. дивизион кан. лодок в составе 3 единиц и 1 бронекатера вышли в район Ладужского озера для совместных действий с частями Красной армии. Остальные 4 канлодки и 9 катеров “МК” ... до сих пор на заводах. ...

В Штаб ЛВФ непрерывно поступают просьбы от советских и парт. организаций Сортавала, а также требования со стороны 19 стр. корпуса и 168-й С.Д. – о немедленном оказании эффективной помощи со стороны ЛВФ, однако последняя при таком боевом состоянии, в каком

она находится в данное время, действительной помощи частям Красной армии оказать не может»²⁶.

После выполнения мобилизационных мероприятий и установки вооружения на переоборудованные в военные корабли гражданские суда в составе ЛВФ находились 6 канонерок, 5 тральщиков и отряд транспортов из 7 единиц.

За короткое время флотилия, преодолев неразбериху и дезорганизацию первых недель войны, сумела завоевать господство на Ладожском озере, успешно содействуя нашим сухопутным частям на приозёрных флангах и надёжно прикрывая стратегическую «Дорогу жизни», связывавшую блокадный Ленинград со страной.

Следует отметить, что за весь период боевых действий на флотилии не зафиксировано ни одного случая измены Родине или членовредительства, а дезертировали только 4 военнослужащих.

Контрразведчикам Ладожской флотилии не удалось достичь значимых результатов в борьбе с агентурой противника. Как признавали сами сотрудники, к основным недочётам в работе Отдела следует отнести следующее:

«...Подбор и вербовка агентуры всё ещё подчас проводится наспех. Заботливое выращивание агентуры, путём работы над нею, осуществляется неудовлетворительно, подчас без учёта индивидуальных качеств, личных особенностей и способностей самого агента. Отсюда качество отбираемых аг. материалов – низкое.

...Не весь оперсостав освоил технику и умение дачи агентуре развёрнутых письменных заданий с применением в них глубоко-конкретной оперативной мысли, идя по линии упрощенничества в этом вопросе.

...Отсутствует закордонная работа в районе театра боевых действий ЛВФ по подбору и выбросок в тыл противника наших людей для внедрения в разведорганы противника.

...Недостаточная квалификация в следственной работе ряда оперработников ... отсутствие у них умения качественно документировать, путём следствия, криминальные факты и отсутствие инициативности и разворота в вопросах следствия»²⁷.

В связи с расформированием в ноябре 1944 г. корабли ЛВФ перешли на Балтику и в составе КБФ участвовали в боевых действиях, в том числе в операции по освобождению Моонзундского архипелага.

К осени 1941 г. возникла острая необходимость сформировать военную флотилию на Волге. Начало её организации с последующим отбором и мобилизацией судов речного флота было положено решением ГКО от 16 июля 1941 г. о создании Учебного отряда кораблей (УОК) для подготовки кадров для всех действующих флотов и флоти-

лий ВМФ СССР, а в случае необходимости – ведения боевых действий на речных коммуникациях.

Формирование отряда сразу же попало под контроль контрразведки этого речного соединения, и уже 22 августа 1941 г. из Сталинграда в Москву уходит сообщение полкового комиссара Машленко о неудовлетворительном состоянии дел: «Согласно приказа наркома № 00203 срок формирования учебного отряда установлен – 1 августа с.г. Фактическое положение на 18 августа с.г. представляется в следующем виде: в стадии формирования находятся суда ОВРа, органы и части тыла, посты СНИС, плавучий узел связи, флотский полуэкипаж и 2-й отряд бронекатеров. Не приступлено к формированию 3-го отряда бронекатеров, 1, 2 и 3-го отрядов тральщиков и ряда подразделений тыла Не прибыло до сих пор сорок пять процентов нач. состава – 123 чел. ... Особенно большой процент не хватает политического состава.

База боевого и технического оснащения кораблей, специального их снабжения и ремонта – не создана, так как материальные средства для этого ещё не завезены. ... Направление в учебный отряд больших и малых глубинных бомб по меньшей мере непродуманно, т. к. в условиях реки они не могут применяться, и поэтому снимать их в количестве нескольких сотен с действующего морского флота нет надобности. Неудовлетворительно обстоит с обеспечением учебного отряда имуществом связи... Состояние организации и материальной обеспеченности учебного отряда таково, что он ещё на сегодня не имеет боевой готовности и не может справиться со стоящими перед ним задачами.

Для своевременного обеспечения выполнения этих задач необходимо теперь же укомплектовать учебный отряд начсоставом, подать все необходимые предметы материального обеспечения /вооружения, имущество связи, боезапас и т. д. Ускорить оборудование и переоборудование кораблей... Прибывший личный состав отобран был очевидно наименее устойчивый. Среди него имеются освобожденные из дисциплинарного батальона, судившиеся за уголовные преступления и т.п. элементы. Размещён личный состав в неудовлетворительных условиях. Большинство людского состава спит на полу, регулярная баня не организована, в связи с чем появилась вшивость... У некоторых краснофлотцев не имеется обуви, вследствие чего не выходят из помещения, пищу им приносят. По всем этим моментам информирован командир учебного отряда и меры приняты».

Полученные с Волги материалы дивизионным комиссаром А.И. Петровым были немедленно доложены наркому ВМФ СССР Н.Г. Кузнецову.

Тревожные сообщения поступали и от агентуры, в частности, один из источников 5 сентября 1941 г. сообщал, что «ясной, конкретной

задачи УОК не поставлено. Даже само название этой флотской организации вызывает определённые сомнения в его военной грамотности и может быть принято как не совсем удачная шифровка.

Если эта организация есть по сути дела флотилия, предназначенная решать боевые задачи в системе Волжского бассейна, то к этому нужно готовиться теперь же, на это целеустремить всё внимание, направить все силы, как основную и наиважнейшую задачу, так время не ждёт.

Такой задачи УОК не имеет пока, и если она будет дана с запозданием, то это запоздание может привести флотилию к неподготовленности к решению поставленной ей задачи.

Будет или нет допущен противник к берегам Волги, всё равно этот оборонительный плацдарм нужно готовить теперь же. ...

Поэтому необходимо к проработке оперативного плана по обороне Волжского бассейна приступить теперь же, обеспечить флотилию потребной организацией, материальными средствами и сделать её вполне дееспособной к решению определённых боевых задач»²⁸.

Отмечали чекисты и слабую организацию работы по ведению секретного делопроизводства и сохранению государственной тайны. Только в сентябре 1941 г. ими выявлен ряд грубых нарушений в хранении секретных документов, их утере, в частности, пропаже трёх страниц секретного приказа по личному составу отряда.

О плохой постановке секретного делопроизводства своевременно информировалось командование УОК, но реальные меры по упорядочению этой работы были предприняты только после проведения расследования по факту утраты страниц секретного приказа. Практически не изменилась ситуация с организацией УОК и в сентябре 1941 г., когда в Москву ушло очередное тревожное сообщение о состоянии отряда.

Ухудшение обстановки на фронтах ускорило формирование в октябре 1941 г. на базе УОК ВМФ СССР Волжской военной флотилии (ВВФ) с целью содействовать сухопутным войскам и обеспечить оборону стратегической водной коммуникации. Все мероприятия предполагалось завершить к 1 апреля 1942 г.

6 ноября 1941 г. части флотилии, согласно распоряжению наркомата ВМФ СССР, перебазировалась к месту нового расквартирования – затоны на реке Волге – «Криуши» и «Новодевичье».

Как отмечали контрразведчики, «организация перехода штабом флота достаточно продумана не была, и, главным образом, погрузка имущества и продовольствия в баржи происходила бесконтрольно, и ответственных лиц за ход и качество погрузки командованием выделено не было. ...не учли, что время перебазирования ноябрь месяц, появление льда и прекращение навигации, не приняли должных мер – дополнительной обшивки барж и дебаркадера, в результате чего в

пути следования ... баржа и дебаркадер имели от льда от 3-х до 7-ми пробоин, что привело к затоплению трюмов ... и порче имущества и продовольствия.

Политико-воспитательная работа за время перехода не велась, за исключением случайных информаций по сводкам Информбюро. ...

В связи с расквартированием личного состава и семей начсостава в частных колхозных квартирах нами намечено массовое приобретение агентуры из окружения. Эти работы нами проводятся в тесном контакте с местным райотделением НКВД»²⁹.

В этот период в оперативном обслуживании 3-го отдела Волжской военной флотилии находились 6 бригад речных кораблей, 2 тыловые базы и училище ПВО ВМФ.

Зимний период 1941–1942 гг. нельзя назвать успешным в проведении боевой подготовки флотилии. Как отмечали чекисты, удалённость от фронта, тыловая расслабленность, законсервированная на зиму техника и ряд других факторов серьёзно влияли на состояние флотилии как боевой единицы ВМФ СССР.

Из докладной записки 3-го отдела ВВФ «Об агентурно-оперативной работе по объектам 3-го отдела Волжской военной флотилии по состоянию на 12.12.1941 г.»: «...Анализом агентурных материалов установлено, что боевая подготовка в частях до сих пор на низком уровне, планы боевой подготовки не выдерживаются. Большинство времени убивается на хозяйственные работы. Особенно плохо в частях обстоит дело с изучением личного оружия... 6 декабря на канлодке “Щорс” по плану намечалось 2 часа боевое учение и 4 часа стрелково-тактической подготовки. Занятия были сорваны по причине занятости личного состава на околке льда вокруг корабля. Не проводится учёбы по специальности с личным составом поста СНИС. Бойцы предоставлены сами себе... Большое количество агентурных донесений поступило о тревожном положении с медико-санитарным и банно-прачечным обслуживанием... На кораблях и в частях партийно-политическая работа не отвечает возросшим требованиям бойцов и командиров... По фактам антисоветских высказываний, аморальных поступков, недочётов в партийно-политической работе и в состоянии кораблей и частей нами информировано командование флотилии».

Что касается борьбы с агентурой противника, то сами контрразведчики признали отсутствие значительных успехов на этом направлении. Из «Доклада о результатах проведённой работы ОКР “Смерш” ВВФ по борьбе со шпионажем в частях и подразделениях Волжской военной флотилии с начала Отечественной войны 1941–1943 гг. от 25 ноября 1943 г.»: «Анализируя результаты проведённой работы... по борьбе со

шпионажем, надо отметить, что успехи в этой области у нас незначительные, что объясняется, прежде всего, недостаточной чекистской опытностью оперсостава нашей периферии, в связи с этим и нерешимостью в применении агентурных комбинаций и низким качеством работы агентуры по этим делам.

Негативно повлиял на эту работу и кадровый фактор. Как указывалось в одном из отчётов контрразведчиков, «нельзя не указать здесь и на то обстоятельство, что на работоспособности агентуры отражается недостаточное руководство воспитанием сети со стороны оперативного состава, который в значительной своей части в Особом отделе ... является молодым и ещё не имеющим достаточного опыта в нашей работе, а, следовательно, и не могущий в полной степени направлять агентуру...»³⁰.

В июне 1944 г. Волжская военная флотилия, выполнившая все боевые задачи, в соответствии с приказом НКВМФ от 30 мая 1944 г. № 00138 была расформирована.

Работа контрразведчиков Дунайской военной флотилии (ДуВФ) неразрывно связана с участием в боевых действиях с 22 июня по ноябрь 1941 г., когда личный состав флотилии принимал непосредственное и активное участие в операциях на Дунае и в районе Одессы, Николаева, Херсона, Севастополя и Керчи. В период тяжёлых оборонительных боев сотрудники Особого отдела флотилии, проводили, в силу имеющихся возможностей и складывающейся оперативной обстановки, мероприятия по выявлению агентуры противника, борьбе с диверсантами и дезертирами.

Постоянно находясь на обслуживаемых кораблях и в частях флотилии, контрразведчики, в силу сложившихся обстоятельств, связанных в основном с отступлением наших войск, не могли вести полноценной агентурной работы. Однако все получаемые от источников материалы при первой возможности документировались, после необходимых подтверждений лица, проходящие по ним, подвергались аресту. После проведения следствия в силу военного времени часть арестованных подвергалась расстрелу во внесудебном порядке.

Всего же за июнь – ноябрь 1941 г. Особым отделом ДуВФ было произведено свыше 100 арестов.

В это же время наряду с контрразведывательным обеспечением флотилии проводилась работа по выброске агентуры за линию фронта с задачами разведывательного характера. Из-за слабой подготовки зафронтовых разведчиков эти мероприятия конкретных результатов не дали. Кроме того, когда это было возможно, при отходе частей флотилии из населённых пунктов Особым отделом оставлялась на оседание агентура с задачей последующего выявления предателей, пособников, немецкой и румынской агентуры.

В ноябре 1941 г. решением Верховного Главнокомандования Дунайская флотилия, как потерявшая, в силу временных неудач Красной армии, свой театр военных действий, была расформирована и влита в состав Черноморского флота. Корабли флотилии были передислоцированы для укомплектования военно-морских баз Черноморского флота, Азовской и, частично, Днепровской флотилии.³¹

Послесловие

Эффективная и боеспособная структура органов государственной безопасности СССР – морская контрразведка, пройдя суровые и тяжёлые годы становления, в полной мере проявила себя в период Великой Отечественной войны.

Именно она находилась на форпосте борьбы с разведкой противника, став надёжным щитом, защитившим наш флот от проникновения вражеской агентуры. Приобретённые навыки оперативной работы, целеустремлённость, настойчивость, личные мужество и героизм сотрудников позволили противостоять в годы войны опытному противнику.

В результате была практически парализована деятельность немецких разведывательных и контрразведывательных органов, нанесён ощутимый удар по агентуре противника. К сожалению, сотрудникам органов госбезопасности не удалось избежать трагических ошибок. Являясь заложниками того сурового времени, они подчас обрекали невинных на долгие страдания. Последующие поколения контрразведчиков исправили ошибки своих предшественников, вернув честное имя сотням пострадавших.

Значительная часть итогов оперативной деятельности военно-морской контрразведки в годы Великой Отечественной войны, в частности, зафронтной работы, до сих пор находится под грифом «секретно». Противоборство спецслужб продолжается, интерес иностранных разведок к российскому ВМФ возрастает, поэтому нынешние флотские контрразведчики остаются на переднем крае, используя в своей работе опыт и оперативное мастерство, накопленные в годы войны предыдущими поколениями.

Примечания

¹ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : Военно-ист. очерк : В 3 т. – М., 1959–1962. Боевой путь советского Военно-морского флота / Под ред. А.В. Басова. – 4-е изд. – М., 1988. Боевая летопись Военно-морского флота, 1941–1942. – М., 1983.

² Кузнецов Н.Г. Накануне. – М., 1969. Он же. Курсом к победе. – М., 1975. Он же. На флотах боевая тревога. – М., 1971. Он же. Крутые повороты : (Из записок адмирала). – М., 1995.

- ³ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Вместе с флотом: Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне : Исторические очерки и архивные документы. – М., 2010. – С. 23–27.
- ⁴ Там же. – С. 52.
- ⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 2. Д. 137. Л. 137–141.
- ⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Пор. 774. Л.161–163.
- ⁷ Архив УФСБ по Мурманской области. Ф. 5. Оп.1. Д. 1.
- ⁸ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Указ. соч. – С. 29–31.
- ⁹ Там же. – С. 55–57.
- ¹⁰ Христофоров В.С. Вместе с флотом // Морской сборник. – 2003. – № 4. – С. 85.
- ¹¹ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Указ. соч. – С. 66–69.
- ¹² Там же. – С. 90–92.
- ¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 14 Оп. 4. Д. 511. Л. 13–19.
- ¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 511. Л. 9–11.
- ¹⁵ Там же. Ф.14. Оп. 6. Д. 89. Л. 1–3.
- ¹⁶ Черепков А.П. Контрразведка «Смерш» Северного флота // Морской сборник. – 2003. – № 6. – С. 77–78.
- ¹⁷ Там же. – С. 79–80.
- ¹⁸ Черепков А.П. Простота хуже предательства // Независимое военное обозрение. – 2000. – № 11(184). – С. 5.
- ¹⁹ Черепков А.П. Контрразведка «Смерш» Черноморского флота // Морской сборник. – 2003. – № 8. – С. 75.
- ²⁰ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Указ. соч. – С. 135–140.
- ²¹ Там же. – С. 151–153.
- ²² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 6. Д. 300. Л. 183, 228.
- ²³ Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 60.Л. 1–5.
- ²⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 2. Д. 59. Л. 1–3.
- ²⁵ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Указ. соч. – С. 173–175.
- ²⁶ Там же. – С. 175–177.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 6. Д. 10. Л. 1–5.
- ²⁸ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Указ. соч. – С. 184–187.
- ²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 2. Д. 173. Л. 2–4.
- ³⁰ Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Указ. соч. – С. 194.
- ³¹ Там же. – С. 201.

Боевые действия в Финском заливе в 1941 г.

Иванов Илья Борисович,
Центральный архив ФСБ России

В 1939–1940 гг. Советский Союз расширил свои границы в Прибалтике. В его составе появились новые союзные республики, каждой из которых отводилась определённая роль в осуществлении господствовавшей в то время военной доктрины и в реализации геополитических интересов СССР. Перенос границ имел важное значение и для Краснознамённого Балтийского флота (КБФ)¹, которому в случае войны предстояло обеспечить правый фланг наступающей Красной армии. Флот теперь мог вырваться из восточного угла Финского залива. Система его базирования передвигалась на запад и опиралась на удобные гавани Эстонии и Латвии. Главной базой КБФ стал Таллин вместо Кронштадта. Переоборудовались старые и строились новые береговые батареи и аэродромы на островах Моонзундского архипелага (Эзель, Даго, Моон²), а также на мысе Ханко.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. флот, в отличие от армии, встретил организованно. В первый день войны все налёты вражеской авиации на пункты базирования были отбиты, ни один корабль не был потоплен.

Дальше дела пошли хуже. Под натиском противника 8-я армия Северо-Западного фронта откатывалась на восток, в первые недели войны немцы заняли Лиепая и Ригу. В этой ситуации корабли КБФ, почти при полном господстве немецкой авиации в воздухе и при постоянно усиливающейся минной опасности, стягивались к Таллину.

После короткой паузы, связанной с перегруппировкой сил, 30 июля А. Гитлер приказал возобновить наступление на Ленинград.

Главный удар 18-я немецкая армия наносила между озером Ильмень и Нарвой с целью выхода к Ленинграду и установления непосредственной связи с финскими войсками, другой удар – по Таллину.

5 августа её войскам удалось выйти на ближние подступы к Таллину, а спустя ещё два дня – к побережью Финского залива западнее и восточнее города и тем самым блокировать его с суши. Так началась трёхнедельная оборона столицы Советской Эстонии.

Таллин обороняли части 10-го стрелкового корпуса³ 8-й армии, отряды морской пехоты, полк латышских и эстонских рабочих, всего 27 тыс. человек, которых поддерживали корабельная артиллерия, береговые батареи и авиация КБФ. Общее руководство обороной Таллина осуществлялось командующим КБФ вице-адмиралом В.Ф. Трибуцем и его заместителем по сухопутной обороне, командиром 10-го стрелкового корпуса генерал-майором И.Ф. Николаевым.

К 10 августа продвижение противника удалось остановить, несмотря на слабость оборонительных сооружений. 20 августа немцы, подтянув свежие силы, возобновили наступление и вышли к пригородам Таллина. По времени это совпало с их прорывом к Ленинграду. Ввиду того что 10-й СК выполнил свою задачу, сковав значительные силы немцев в районе Таллина, к тому же армейские части и флот требовались для обороны Ленинграда, 26 августа Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение перебазировать флот и гарнизон Таллина в Кронштадт и Ленинград.

Это решение запоздало. 27 августа противник прорвался в Таллин, завязались уличные бои.

28 августа началась эвакуация. Корабли КБФ, торговые, пассажирские и вспомогательные суда вышли с таллинского рейда и взяли курс на Кронштадт. Это перебазирование вошло в историю Великой Отечественной войны как Таллинский переход.

Нельзя сказать, что в советские времена августовская трагедия на Балтике замалчивалась. Однако о таллинской эпопее было написано крайне мало. Даже в фундаментальных научных исследованиях обороне столицы Советской Эстонии и Таллинскому переходу уделялось, как правило, несколько строк, в лучшем случае абзацев, причём в общем контексте обороны Ленинграда. Основной упор в описании перехода делался на доблесть моряков-балтийцев по сохранению боевого ядра КБФ. Правда, в последнее время вышла трилогия И.Л. Бунича «Балтийская трагедия»⁴, в которой достаточно подробно, объективно и точно воссоздана картина обороны Таллина и прорыва кораблей КБФ в Кронштадт, и исследования ряда других авторов⁵.

О последних днях обороны Таллина и обстановке во время Таллинского перехода говорят также документы 3-го отдела КБФ⁶, большинство из которых до недавнего времени находилось на секретном хранении в Центральном архиве ФСБ России.

Эти документы дают возможность взглянуть глазами очевидцев на обстоятельства обороны Таллина, перехода по плотно заминированному Балтийскому морю, а также на то, что происходило на некоторых кораблях во время перехода, словом, лучше представить картину событий на таллинском участке Северо-Западного фронта в августе 1941 г.

Документы ЦА ФСБ России можно условно разделить на три группы. К первой группе относятся официальные документы – выписки из судовых журналов кораблей, участвовавших в переходе. Как правило, эти выписки охватывают период времени от 28 до 29 или 30 августа, то есть с момента отхода корабля от пристани в Таллине до прибытия его в Кронштадт. Ценность такого рода документов состоит в том, что весь маршрут этого перехода можно проследить буквально по минутам и воссоздать картину того, что происходило на каждом конкретном корабле во время перехода. Впрочем, полагаться на хронометрическую точность этих записей было бы, на наш взгляд, опрометчиво. Не стоит требовать от вахтенного начальника, чтобы он, посмотрев на часы, сделал точную очередную запись в тот момент, когда видел, что на его корабль пикировал ревущий «юнкерс», когда рядом уходил под воду переполненный людьми транспорт, подорвавшийся на mine, когда он слышал крики и мольбы о помощи тонущих людей.

Вторая группа представлена отчётами, докладными записками и другими подобного рода документами, написанными сотрудниками органов госбезопасности, участвовавшими в переходе из Таллина в Кронштадт.

Наконец, в третью группу включены агентурные донесения, составленные по «горячим следам», через несколько дней после прибытия кораблей из Таллина в Кронштадтскую военно-морскую базу, когда люди почувствовали себя в относительной безопасности, когда шок от пережитых впечатлений в некоторой степени прошёл и можно было проанализировать произошедшее и воссоздать его сравнительно объективную картину. Как представляется, к этой же группе можно отнести документы, подготовленные другими участниками Таллинского перехода, которые направили в 3-й отдел КБФ свои соображения о том, что произошло на Балтике 28–29 августа 1941 г. Они являлись специалистами в той или иной военно-учётной специальности, своё дело знали и потому имели возможность профессионально указать на ошибки, допущенные командованием КБФ в ходе организации, подготовки и проведения перехода. Общее мнение специалистов было таково – командование КБФ организовало переход непродуманно, что привело к громадным потерям в личном составе и кораблях.

Документы, составленные сотрудниками органов госбезопасности, причём необязательно моряками по профессии, рисуют столь же трагическую картину, правда, упор сделан в основном не на описании организационных промахов и технических недочётов, а на «человеческом факторе». В документах можно найти примеры как героизма и самопожертвования, так и трусости, малодушия, шкурничества, характерные для сверхстрессовых ситуаций.

Оценка, данная непосредственными участниками тех событий, зачастую расходится с официальной точкой зрения. При анализе этих документов следует обязательно учитывать то обстоятельство, что они написаны в первые дни после перехода, когда порой брала верх не объективная оценка случившегося, а чувства и эмоции. Отсюда – резкая критика армейского и флотского руководства, виновного, по мнению участников прорыва, в безобразной организации перехода и в гибели многих тысяч людей.

Некоторые из этих документов помещены в 4-м разделе книги.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют докладные записки начальника 3-го отдела КБФ, дивизионного комиссара А.П. Лебедева, адресованные народному комиссару ВМФ СССР адмиралу Н.Г. Кузнецову, в которых он в обобщённом виде обрисовал картину обороны Таллина и Таллинского перехода. Они были составлены в декабре 1941 г., когда стали ясны последствия оставления Прибалтики и выяснилось значение Краснознамённого Балтийского флота, перевезённых кораблями людей и грузов для обороны Ленинграда. Эти докладные записки были опубликованы в №№ 4 и 6 «Военно-исторического журнала» в 2006 г.

Описание борьбы за острова Моонзундского архипелага и об эвакуации военно-морской базы Ханко также построено на основе записок Лебедева, составленных в декабре 1941 г. и направленных на тот же адрес. Докладная записка о боевых действиях эскадры КБФ за ноябрь 1941 г. помещена в 4-м разделе книги.

О чём же говорят вводимые в научный оборот документы?

В агентурном донесении, направленном в 3-й отдел КБФ 31 августа 1941 г. и названном «Первая сводка о переходе КБФ из Таллина в Кронштадт», в обобщённом виде показаны обстановка последних дней обороны Таллина, эвакуация, переход, подведены его предварительные итоги и дан анализ причин катастрофы. На этот документ мы неоднократно будем ссылаться в дальнейшем.

В частности, в нём говорится, что 22 августа 1941 г. был перехвачен подписанный 17 августа приказ А. Гитлера, требовавший уничтожения всего КБФ на минно-артиллерийской позиции в районе средней части Финского залива. Эта задача возлагалась на береговые батареи, торпедные катера, подводные лодки и авиацию. Несмотря на такое предупреждение, сколь-нибудь серьёзного противодействия мероприятиям врага организовано не было: действия против его береговых батарей не проводились, кое-какие попытки траления мин в фарватере оказывались бессмысленными, так как после этого фарватер никем не охранялся и немцы снова ставили мины. Очень остро сказывалось почти полное господство противника в воздухе.

В самом Таллине штабы и другие флотские учреждения были перегружены ненужными подразделениями, например финотделом, множеством лишних сотрудников. «Слонялось без дела (так в тексте донесения. – И.И.) большое число политработников»⁷, которых только перед самым концом обороны послали на фронт. В город за несколько дней до ухода флота было вызвано ещё много командиров и других сотрудников, до машинисток включительно. В дни обороны корабли в большинстве своём совершали рейсы из Таллина в Кронштадт и обратно сравнительно благополучно, то есть имелась возможность заблаговременно разгрузить Главную базу от ненужных людей и учреждений⁸.

В агентурном донесении от 1 сентября 1941 г., озаглавленном «Сводка о таллинских операциях», говорится о том, что для защиты города строилось несколько оборонительных линий, но к началу боевых операций ни одна из них не была готова. Кроме того, возводили их без учёта опыта предыдущих боёв. На эстонском участке фронта танки были явлением редким, однако позиции оборудовались с упором на капитальную противотанковую оборону: возводились надолбы, рылись рвы, на что уходило много средств, времени и сил.

В то же время строительство простых и дешёвых блиндажей, защищавших от миномётного огня, который широко использовали немцы, совершенно игнорировалось. Пехота, расстреливаемая миномётами, несла большие потери и отходила. «В день отхода выяснилось, что у нас тоже было около 50 миномётов, но они лежали в арсенале, – писал автор донесения. – За несколько часов до отхода 15 шт[ук] было выдано нашей части, но использовать их не удалось, так как нам поступили только мины, а миномёты с машиной от арсенала куда-то угнал комендант города»⁹.

Как видно из докладной записки начальника 3-го отдела КБФ, дивизионного комиссара Лебедева, которую он направил на имя наркома ВМФ адмирала Кузнецова, первую оборонительную линию протяжённостью 180 км начали возводить в 30 км от города. Местные власти, несмотря на нажим, оказываемый на них, мобилизовали население крайне медленно, в первые дни на оборонные работы выходило от 1,5 до 4 тыс. человек. Когда пришло сообщение о том, что 10-й СК уйдёт на восток, на соединение с 8-й армией, эти работы и вовсе прекратились. Главным рубежом обороны стала оборонительная линия в 10 км от Таллина, возведённая под руководством инженера КБФ А.Н. Кузьмина.

На сухопутный фронт перебрасывался личный состав кораблей и батарей береговой обороны, для вооружения сильно потрёпанного в предыдущих боях 10-го СК было собрано 27 пулемётов, готовились

миномёты на заводе «Арсенал», строились бронепоезда (их на обороне было три)¹⁰.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, недостаток в вооружении и боеприпасах гарнизон Таллина не испытывал. Напротив, во многих документах отмечается шквальный огонь всех калибров.

В непобедимость вермахта защитники Таллина не верили уже в августе 1941 г., то есть задолго до разгрома немцев под Москвой. Например, гитлеровцы несколько раз прорывали линию обороны и окружали передовые зенитные батареи, однако достаточно было послать подкрепление в 50–60 человек, снятых с островов или дальних батарей, оставляя их при сокращённом расчёте, чтобы враг отступал. «Противник действовал осмотрительно и, вместе с тем, при активном отпоре, трусливо, – сообщалось в агентурном донесении от 1 сентября 1941 г. – Он был бит в районе 105-й, 106-й и 794-й батарей. Можно было нам держаться долгое время. Корабельные резервы, да и береговые полностью не были использованы. Ясно одно, что если бы тот народ, который оказался утопленным, был выведен на линию обороны, да если бы он себе в течение 1–2 ночей сделал бы блиндажи, Таллин надолго бы остался в наших руках»¹¹.

Кроме того, наступательного духа наша пехота летом 1941 г. не имела. Отмечались неоднократные случаи, когда противник, сметаемый огнём корабельной артиллерии и береговых батарей, откатывался на 10 и более километров, но этот успех никто и не думал закреплять¹². Когда немцы усиливали нажим, командование сворачивало штабы и уводило их в тыл. От этого терялась связь, а для частей являлось своеобразным сигналом отхода.

1 сентября 1941 г. командир 10-го зенитно-артиллерийского дивизиона старший лейтенант Е.И. Котов довёл до сведения Особого отдела КБФ¹³ свои личные соображения относительно обороны Таллина, обстоятельств эвакуации и прорыва в Кронштадт. Он писал: «Твёрдой организующей руки в обороне Г[лавной] Б[азы] не было. Мощные огневые средства, морская и зенитная артиллерия не были полностью использованы, а зачастую последние бездействовали вследствие отсутствия связи и взаимодействия между различными родами войск и особенно командованием армейских и арт[иллерийских] частей. [...] Отсутствие связи и взаимодействия приводило к обстрелу своих войск. Разведка работала скверно»¹⁴.

В двадцатых числах августа немцы перешли в решительное наступление на Таллин. За три дня боёв 10-й СК потерял 6 тыс. человек из 18 тыс., то есть треть личного состава. Части полковника И.Г. Костикова и капитана М.Ф. Пастернака попали в окружение и вышли из расчёта

обороны. 16-я стрелковая дивизия откатывалась к Таллину, и только требование 3-го отдела КБФ к комдиву полковнику Бородулину привести части в порядок и занять покинутые рубежи – или он будет расстрелян – заставило его вернуться на позиции.

Как было сказано выше, в связи с общим ухудшением обстановки на Северо-Западном фронте Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение эвакуировать флот и гарнизон из Таллина в Кронштадт и Ленинград. Штабы 10-го СК и КБФ разработали план эвакуации, одобренный Военным советом фронта. Основная идея заключалась в сковывании немцев на рубеже обороны до ночи, усиленный огонь артиллерии в момент посадки личного состава на корабли при сдерживании противника частями прикрытия.

Оборудование кораблей для вывоза личного состава, техники, боеприпасов и снаряжения началось только 27 августа, когда в Таллине уже шли уличные бои. Агентурное донесение от 31 августа 1941 г. показывает, как, например, происходила погрузка людей и грузов на транспортное судно «Балхаш».

Известие о погрузке госпиталя было получено в ночь на 28 августа и явилось для всех полной неожиданностью. Сама погрузка проходила крайне неорганизованно, без единого начальника, поэтому каждый грузил, что хотел: велосипеды, сундуки, чемоданы и даже пиво. Личный состав (около 4 тыс. человек) занял всю верхнюю палубу, причём так плотно, что не было возможности сидеть. Когда во время перехода возникла необходимость вести огонь по противнику, из-за тесноты получили ранения 9 человек, двое из которых скончались. Эти ранения люди получили в результате «дружеского огня»¹⁵.

Крайне неорганизованно осуществлялся вывод людей с позиций для посадки на корабли. Начальник 6-го отделения 3-го отдела КБФ, старший политрук Карпов 30 августа 1941 г. докладывал своему руководству, что в результате непродуманных маршрутов отхода, отсутствия «маяков» и указателей большое количество военнослужащих направлялось в Беккеровскую гавань, где транспортов уже не было. Сам Карпов направлял отдельные группы бойцов в Минную гавань, где проходила посадка, и с последней группой поднялся на борт спасательного судна «Нептун», приписанного к ЭПРОНу¹⁶. Кстати, в Таллине 6-е отделение 3-го отдела КБФ насчитывало 14 человек, на борт «Нептуна» вошло четверо, в Кронштадт прибыло только двое. Судьба остальных сотрудников отделения по рапорту Карпова не прослеживается¹⁷.

О просчётах в организации погрузки личного состава свидетельствует и агентурное донесение от 31 августа 1941 г.: «Посадка на корабли в Таллине была не организована, беспланирова и настолько поспешна, что сейчас крайне трудно установить не только число и размещение

отступавших по кораблям и погибших, но и убедиться в том, что из Таллина и островов эвакуированы все. Многие командиры не отрицают, а утверждают, что довольно значительная часть людей, особенно занятых баррикадными боями, осталась в Таллине»¹⁸. Более того, в первые дни после прибытия в Кронштадт отсутствовала даже точная цифра кораблей, вышедших из Таллина: одни командиры называли 163, другие – 190 единиц¹⁹.

Непредуманность эвакуации приводила к тому, что пришлось бросать боевую технику и автотранспорт. Так, когда возникла необходимость эвакуировать личный состав и материальную часть 3-го и 4-го зенитных полков ПВО Главной базы КБФ, отличившихся в обороне Таллина, для погрузки подали не баржи, а транспорты, которые из-за мелководья не могли подойти к пристани ближе 1000–1500 м. Поэтому почти всю материальную часть пришлось или уничтожить, или бросить. Из-за большой волны шлюпки за личным составом долго не приходили, хотя час отправления давно прошёл. Уже оформилась мысль о создании партизанского отряда, но тут выручил катер, который всех перевёз за 3–4 часа, благо, «немец прошляпил» (так в тексте донесения) и дал возможность благополучно погрузиться²⁰.

Хаос, царивший во время эвакуации, подтверждает и командир 10-го зенитно-артиллерийского дивизиона старший лейтенант Котов, чьи личные соображения, адресованные в 3-й отдел КБФ, мы уже цитировали. Например, забытая группа бойцов во главе с лейтенантом Лопавым вплоть до 28 августа сдерживала натиск противника и ушла с позиций только тогда, когда стало известно, что все соседи и начальники ушли. Сам Котов получил приказ сосредоточить свой личный состав и материальную часть сначала на пристани Вимси, потом в Беккеровской гавани. Котов доставил матчасть дивизиона в Беккеровскую гавань, «но грузить не было на что. Хозяина не было. Огромные толпы красноармейцев, краснофлотцев и командиров подвергались панике. Начальников не было. Большие толпы направились на прорывы (из разговоров мне известно, что многие из них вернулись, увидя транспорт на Купеческой пристани). Материальная часть орудий, приборов, автотранспорт, лошади и многое другое ценное имущество в огромном количестве осталось на пристани. Из разговоров известно, что часть [личного] с[остава] также осталась не погруженной»²¹.

Возникшая в результате неразберихи паника, отсутствие твёрдого единого руководства эвакуацией приводили к тому, что на пристанях металась, не видя выхода, вооружённые толпы красноармейцев и краснофлотцев. Здесь же стихийно формировались отряды, которые под началом командиров-«самозванцев» уходили в Ленинград по сухопутью. Одну такую громадную толпу, направлявшуюся неизвестно под

чьим командованием в центр города для прорыва в Ленинград, увидел ранним утром 28 августа начальник 4-го отделения 3-го отдела КБФ, батальонный комиссар Горшков²². Можно посмотреть по карте, где Ленинград и где Таллин, и станет ясно, могли ли эти толпы дойти до цели.

Итак, погрузить на корабли удалось далеко не всех бойцов и командиров, не говоря уже о материальной части, которую пришлось уничтожить или бросить.

Пока шла погрузка, крейсер «Киров», два лидера и шесть новых эсминцев вели непрерывный артиллерийский огонь, поражая огневые точки противника и мешая ему накапливать силы на подступах к городу.

28 августа 1941 г. начался выход кораблей из таллинских гаваней.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют воссоздать полную картину августовской трагедии на Балтике. В то же время основные обстоятельства перехода прослеживаются достаточно чётко. Мнение уцелевших участников сходится в одном: переход кораблей из Таллина в Кронштадт был организован бездарно, если не сказать преступно. Ещё раз оговоримся, что документы составлялись в первые дни после перехода, когда шок от пережитых потрясений ещё не прошёл.

Помимо недостатков, имевших место в ходе подготовки и проведения эвакуации, документы позволяют выделить основные ошибки, допущенные командованием КБФ, которые и привели к катастрофическим последствиям.

В соответствии с разработанным ордером, корабли должны были следовать из Таллина в Кронштадт четырьмя (в некоторых документах – тремя) караванами. Каждый караван имел в охранении катера «МО»²³, торпедные катера, сторожевые корабли и тральщики.

Флот, уходящий из Таллина, включал в себя боевые корабли (крейсер «Киров», эсминцы, сторожевики, тральщики, подводные лодки, катера-охотники и др.) и множество судов гражданского назначения: пассажирские теплоходы, ледоколы, буксиры, танкеры и пр., наскоро приспособленные под транспорты. Две эти группы кораблей резко отличались скоростью хода, вооружением, противоминной защитой, что сказалось практически сразу по выходе в открытое море.

В голове караванов должны были пойти тральщики, за ними транспорты, переполненные бойцами Таллинского гарнизона, беженцами и техникой, и последними – боевые корабли, прикрывавшие отход. Высший командный состав КБФ находился в основном на крейсере «Киров».

После получения сигнала об отходе началось одновременное движение всех караванов. Для занятия своих мест согласно ордеру суда

1-го и 2-го караванов вынуждены были сойти с основного фарватера и обогнать медленно двигавшиеся транспорты.

Флот начал покидать таллинский рейд днём 28 августа 1941 г., хотя погрузка людей, боеприпасов и материальной части была в основном завершена ещё утром. В первую половину дня в Таллине стояла пасмурная погода, мешавшая действиям вражеской авиации, которая, напомним, безраздельно господствовала в воздухе. Кроме того, имелась возможность в светлое время суток форсировать район сплошных минных полей у мыса Юминданина и ещё засветло достичь острова Гогланд, который находился в наших руках.

Первые несколько часов похода прошли относительно спокойно, но затем начался настоящий ад.

Тральщики, шедшие впереди, подсекали мины, которые или взрывались в тралах, выводя их из строя, или всплывали на поверхность. В последнем случае их полагалось расстреливать, а это делалось далеко не всегда. Полоса, протраленная тральщиками, оказалась узкой. Отмечено много случаев, когда корабль, отвернув от одной мины, подрывался на другой и в считанные минуты шёл ко дну. Более быстроходные боевые корабли, обгоняя транспорты и тральщики, выходили на непротраленные места и погибали.

Так, например, дивизион старых эсминцев по приказанию командира отряда контр-адмирала Ю.Ф. Ралля с целью обгона транспортов повернул влево и пошёл по непротраленной полосе. Помощник командира тральщика № 44 лейтенант В.И. Духно по мегафону предупредил адмирала, что его корабли идут по минному полю и могут подрваться, однако последние, развив скорость до 16 узлов, продолжали движение. Вскоре старые эсминцы «Калинин», «Володарский» и «Артём» один за другим подрвались на минах и затонули²⁴.

Когда небо прояснилось, в действие вступила вражеская авиация.

Если боевые корабли, имевшие зенитные установки, встречали «юнкерсы» плотным заградительным огнём, который мешал, по крайней мере, прицельному бомбометанию, то гражданские суда могли противопоставить налётам лишь стрельбу из лёгкого стрелкового оружия. Получая сильнейшие повреждения от бомб и мин, корабли, особенно почти незащитные транспорты, один за другим уходили под воду.

Первые советские истребители участники прорыва увидели только на следующий день, уже на подходе к Кронштадту, что дало им основание мрачно иронизировать: «Мы шли от Таллина до Кронштадта под прикрытием немецких пикировщиков»²⁵.

По общему мнению уцелевших участников перехода, ситуация вышла из-под контроля командования КБФ буквально с первых часов после выхода с таллинского рейда. Каждый корабль фактически предо-

ставлялся на волю капитана, команды и пассажиров, и на некоторых судах возобладал принцип «спасайся, кто может». К чести большинства других командиров следует сказать, что они даже в тех нечеловеческих условиях сумели организовать противоздушную и противоминную оборону, борьбу за живучесть кораблей, спасение людей.

Имели место случаи, когда командиры кораблей отказывались принимать на борт людей с тонущих судов, объясняя это тем, что их корабли перегружены, и начинали оказывать помощь только под угрозой применения оружия или тогда, когда по ним открывали предупредительный огонь²⁶.

На одном и том же корабле можно было видеть примеры трусости и героизма.

[...] Уже упоминавшийся эсминец «Калинин», получивший несколько пробоин в корпусе, несколько часов держался на плаву, медленно погружаясь в море. Первыми тонущий корабль, вопреки уставам, традициям, элементарным требованиям флотской этики, покинули его командир капитан 3-го ранга П.Б. Стасов и военком, батальонный комиссар Шишов. Стасов, отойдя на шлюпке на 100–150 м от борта и, видимо, почувствовав себя в безопасности, начал кричать: «Помощник, спасай людей!». Шишов «как воды в рот набрал» (так в тексте рапорта). Видимо, военком находился в полнейшем ступоре от происходящего. В это же время помощник командира капитан-лейтенант Руссин, воентехник Юрченко, старший лейтенант Миронов, начальник службы снабжения Чеклуев оставались на обречённом корабле до последнего, выносили раненых, помогали находить средства спасения и показывали пассажирам, как ими пользоваться. Они сошли в воду вместе с оставшимся личным составом²⁷.

[...] После попадания авиабомбы в транспорт «Казахстан» и возникновения пожара находившийся на корабле генерал-майор Г.С. Зашихин не только не принял никаких мер к организации тушения пожара и пресечению начавшейся паники, но сошёл на первый подошедший к борту катер и ушёл от транспорта. Вслед ему неслись выкрики красноармейцев и краснофлотцев: «Открыть огонь по уходящему на катере Зашихину!». Опомившись, люди начали таскать касками (!) из-за борта воду и потушили пожар. «Казахстан» своим ходом пришёл в Кронштадт²⁸.

Упомянутые выше агентурные донесения, рапорты, докладные и служебные записки составлены с эмоциональностью, не характерной для такого рода документов. Тем более эмоциональность не характерна для судовых журналов. Их сухие, официальные строки зримо показывают, через какой кошмар пришлось пройти участникам Таллинского перехода. Вот что записано, например, в вахтенном журнале эсминца «Суровый» за 28 августа 1941 г.:

«18.20. Впереди по курсу подорвался большой транспорт, наполненный людьми.

18.22. Подорвавшийся транспорт вместе с людьми ушёл под воду.

18.25. Впереди по курсу подорвался транспорт с людьми.

18.30. Подорвавшийся транспорт с людьми ушёл под воду»²⁹.

Итого – за 10 минут уходят под воду два транспорта, «наполненные людьми». Подобные записи встречаются едва ли не в каждом судовом журнале.

Вечерняя темнота снизила воздушную опасность, зато многократно возросла опасность минная. Продолжаю цитирование вахтенного журнала эсминца «Суровый»:

«19.30. Впереди по курсу подорвался какой-то корабль буксирного типа.

[...]

20.25. Впереди по курсу взорвалась большая подлодка.

20.26. Рассеялся дым, и впереди на месте подлодки была ровная поверхность моря.

20.35. Впереди крейсера «Киров» появился колоссальный столб огня и дыма.

20.40. Сзади, в районе, где примерно должна находиться «Верония», появился колоссальный столб огня и дыма.

20.50. Справа, обгоняя, шёл какой-то небольшой транспорт. Взрыв – чёрный дым.

20.51. Чёрный дым рассеялся, транспорта не оказалось».

[...]

22.10. Прямо по носу подорвался транспорт.

22.58. Справа по борту подорвался транспорт на mine.

23.24. Подорвался какой-то корабль»³⁰.

Названия погибших кораблей в вахтенном журнале «Сурового» отсутствуют. В то же время по нашим документам можно составить картину гибели некоторых конкретных судов.

Например, транспорт «Верония», имевший на борту значительную часть управления 10-го стрелкового корпуса, а также бойцов и командиров различных частей гарнизона, около 12 часов дня 28 августа покинул таллинский рейд и взял курс на Ленинград. Вначале плавание проходило относительно спокойно, налёты отдельных вражеских самолётов отбивались зенитным огнём транспортов и кораблей охранения. Так продолжалось до вечера, когда «Юнкерс-88» сбросил на «Веронию» серию бомб, одна из которых разорвалась рядом с бортом корабля и повредила машинное отделение. «Верония» потеряла ход. От выпущенных паров, окутавших транспорт, на корабле началась паника, многие бросились в море. Вскоре, однако, выяснилось, что «Верония» может

самостоятельно держаться на плаву. Паника улеглась, оставшиеся на борту занялись спасением находившихся в воде. Поднять на борт удалось не всех, в частности, утонул прокурор 10-го стрелкового корпуса Старостин. Спасательное судно «Сатурн», на котором находилось около 800 человек, взяло «Веронию» на буксир, но, пройдя несколько кабельтовых, подорвалось на mine. Люди с «Сатурна» перешли частью на «Веронию», частью на какой-то буксир. Этот буксир, нагруженный до предела, вскоре сам был торпедирован³¹ и моментально пошёл ко дну. Из 800 человек, находившихся на борту «Сатурна», спаслось лишь незначительное количество³².

Приблизительно в 22 часа «Верония» подорвалась ещё раз (по другим сведениям была торпедирована) и в течение 1–2 минут пошла ко дну. Очевидец гибели транспорта заместитель начальника Особого отдела 10-го стрелкового корпуса лейтенант госбезопасности Доронин писал: «Во время потопления на «Веронии» были слышны многочисленные револьверные выстрелы». Судя по всему, люди кончали жизнь самоубийством, не желая живыми уходить в морскую пучину³³.

Картину гибели этого транспорта видел и другой сотрудник органов госбезопасности, начальник 6-го отделения 3-го отдела КБФ, старший политрук Карпов, о котором упоминалось выше. Его рассказ расходится с предыдущим лишь в частности³⁴.

Из-за резко возросшей минной опасности многие корабли ночью стали на якорь. Плавающие мины пытались отталкивать шестами. В то же время некоторые суда продолжали движение и гибли на минах.

События той ночи, в частности, отражены в вахтенном журнале лидера «Минск», который считался одним из лучших боевых кораблей КБФ.

В 21.40 в параване³⁵ «Минска» взорвалась мина. Корабль дал течь, команда начала борьбу за его живучесть. В 22.15 к нему подошёл миноносец «Скорый», чтобы взять на буксир, но через 15 минут, он, подорвавшись на mine, переломился пополам и ещё через 15 минут затонул. Спущенные с «Минска» шлюпки смогли спасти только 44 человека. В 22.45 лидер стал на якорь, так как тральщики ушли. Борьба за его живучесть продолжалась всю ночь.

В 6.20 29 августа 1941 г. «Минск» двинулся дальше следом за тральщиком «Гак» и лидером «Ленинград». В 6.52 вахтенный начальник «Минска» зафиксировал первый за этот день налёт вражеской авиации. С той минуты и до 10.03, то есть за 3 часа с небольшим, немцы произвели в общей сложности 7 налётов на караван. В 10.35 на «Минске», видимо, вздохнули с облегчением, увидев два наших самолёта-разведчика. В 11.20 в вахтенном журнале появилась запись: «Нас сопровождают

истребители» (первые за два дня). В 17.16 «Минск» пришвартовался у стенки Усть-Рогатки³⁶.

Столь же часто воздушные налёты фиксировались в вахтенных журналах других уцелевших судов.

Психическое напряжение людей, ежесекундно ожидавших смерти если не от бомбы, то от мины, достигало наивысшего предела. Если командиры, многие из которых впоследствии стали героями Великой Отечественной войны, теряли голову в той обстановке, то чего уж говорить о рядовых бойцах. Например, на спасательном судне «Нептун» некоторые красноармейцы предлагали избрать ревком (!) и потребовать от командира немедленно направиться к берегу, хотя бы даже чужому, и высадить людей³⁷.

Впрочем, и достигнув своего берега, люди и корабли продолжали погибать. Так, уполномоченный 3-го отделения 3-го отдела КБФ Ламброзо, совершивший на танкере № 12 переход из Таллина до острова Гогланд, 31 августа докладывал своему руководству о неразберихе, царившей в момент разгрузки. С берега дали распоряжение высадить бойцов, на шлюпках переправилось человек 150–200. В этот момент к танкеру на катере подошёл капитан 2-го ранга Чёрный и, угрожая оружием, приказал капитану отойти от острова и следовать в Кронштадт. Закончилось тем, что танкер, отойдя от Гогланда на 8–10 км, попал под бомбёжку и затонул³⁸.

30 августа на Гогланде начали погрузку высадившихся накануне людей для дальнейшего движения в Кронштадт. Всё происходило при хорошей видимости, и самолёты противника подвергли ожесточённой бомбардировке гавань и транспорты. Были новые жертвы. «Эту работу можно было сделать с наступлением темноты, но командование острова и до этого не додумалось», – сообщал своему начальнику уполномоченный 3-го отдела ОВРа³⁹ политрук Коротычко⁴⁰.

В ночь с 29 на 30 августа 1941 г. головные корабли КБФ прибыли в Кронштадт. На основании опросов некоторых командиров 3-й отдел КБФ располагал информацией (по состоянию на 31 августа), что в Таллинском переходе погибли почти со всем личным составом 5 эсминцев, 2 сторожевика, 1 подлодка, 10–12 транспортов. Другие командиры считали, что из Таллина вышло около 30 транспортов с личным составом армии и флота, и все они погибли⁴¹.

В декабре 1941 г. начальник 3-го отдела КБФ дивизионный комиссар В.А. Лебедев направил наркомку ВМФ СССР адмиралу Н.Г. Кузнецову две докладные записки: «О боевых действиях Краснознамённого Балтийского флота»⁴² и «Об отходе Краснознамённого Балтийского флота и частей 10-го СК из Таллина в Кронштадт 28–29 августа 1941 г.»⁴³, в которых дал анализ августовских событий на Балтике.

В документах имеются цифры потерь: потоплено 12 боевых кораблей, ещё 3 требуют докового ремонта, погибло 19 вспомогательных судов и транспортов, ещё 4, будучи повреждёнными, выбросились на берег о. Гогланд⁴⁴. Людские потери он определил более чем в 6 тыс. человек, включая команды погибших кораблей⁴⁵ (в других документах названа цифра в 10⁴⁶ и даже в 15 тыс. погибших⁴⁷). Точная цифра, по-видимому, никогда не будет установлена, так как никакого учёта эвакуируемых, тем более поимённых списков, насколько можно судить по документам, никто не вёл. По данным на 2 сентября 1941 г., было спасено 14 тыс. 800 человек⁴⁸.

Основными причинами столь высоких потерь в личном составе и кораблях Лебедев считал следующие. Во-первых, командование КБФ, зная о наличии у противника сильной минно-артиллерийской позиции в районе Юминдамина, не приняло надлежащих активных контрмер к уничтожению таковой. Во-вторых, не был заранее проработан вопрос о чёткой организации спасения людей, обеспечения их спасательными средствами. В-третьих, практически отсутствовала поддержка караванов с воздуха.

В Таллинском переходе погибли, не сумев нанести существенного вреда противнику, тысячи бойцов и командиров 10-го стрелкового корпуса, не желавших сдаваться в плен, получивших бесценный боевой опыт в боях за столицу Советской Эстонии, а также сотни моряков-балтийцев, то есть воинов, которые могли бы значительно усилить оборону Ленинграда.

Защитники Таллина вплоть до последнего дня не считали своё дело проигранным. Их настроение хорошо отразил начальник штаба 3-го полка ПВО Главной базы КБФ майор Миролюбов: «Насколько храбро зенитчики дрались, защищая Таллин, настолько бесславно большинство их погибло в водах Балтики, не принеся врагу никакого урона. Таллин предателями был сдан, так как отдельные зен[итные] батареи по 3 дня сдерживали его (противника. – И.И.) продвижение на Таллин, подавляя миномёты и в упор расстреливая живую силу, и если батарея оказывалась в окружении, так как пехота покидала свои рубежи, то достаточно было бросить группу бойцов в 30–40 человек, и немцы позорно откатывались назад, а если бы бросить в наступление всех утопленных балтийцев с брошенной артиллерией, то противнику был бы нанесён сокрушительный удар в спину»⁴⁹.

Масштабы Балтийской трагедии 1941 г. некоторые участники Таллинского перехода сравнивали с Цусимской катастрофой 1905 г.⁵⁰ Вину за гибель многих тысяч людей и десятков кораблей едва ли не единодушно они возлагали на командование КБФ, считая, что «такой ужасной и позорной катастрофы русский флот не знал

за всю свою историю», «такой кошмар можно пережить только раз в жизни», «мы увлекались трескучей фразой, лозунгами, воспитывали излишнюю самоуверенность, а воевать не учились, не умеем и не в состоянии»⁵¹, «Балтфлот с личным составом потоплен предателями»⁵². Не укладывалось в голове, как противник, имевший в Финском заливе силы, гораздо меньшие наших, смог учинить такой разгром. По их мнению, эти силы он использовал грамотно, а мы – безобразно. Вспоминали масштабные репрессии и «чистки» 1920–1930-х гг., в результате которых выдвигались бездарные и беспринципные люди.

Таковы были характерные настроения участников Таллинского перехода, царившие в первые дни после их прибытия в Кронштадт.

Оставление Таллина развязало противнику руки для разгрома советских гарнизонов на Моонзундских островах. Их удержание отвлекало части противника от наступления на Ленинград, на них базировались силы флота (6 торпедных катеров, 17 тральщиков, несколько мотоботов), которые должны были воспрепятствовать проникновению кораблей врага в Рижский и Финский заливы. Кроме того, в августе 1941 г. с расположенных на островах аэродромов советская авиация наносила бомбовые удары по Берлину и военно-промышленным объектам Германии. После падения Таллина подвоз бомб прекратился и советские военно-воздушные силы с сентября представляли 12 истребителей на о. Эзель.

Острова защищали 3-я отдельная стрелковая бригада (ОСБ) и части береговой обороны, всего около 24 тыс. человек. Руководил обороной комендант Береговой обороны Балтийского района (БОБР) генерал-лейтенант А.Б. Елисеев⁵³.

11 декабря 1941 г., на следующий день после составления докладных записок о боевых действиях КБФ и о Таллинском переходе, начальник 3-го отдела КБФ дивизионный комиссар Лебедев направил наркому ВМФ СССР адмиралу Н.Г. Кузнецову ещё несколько докладных записок, в частности, о боевых действиях на островах Эзель и Даго и о проделанной работе по борьбе с контрреволюционным элементом.

«В обороне острова Эзель, – докладывал Лебедев, – имел место ряд крупных недостатков, сыгравших решающую роль при сдаче острова противнику»⁵⁴.

Основными из них, по его мнению, являлись неслаженность между командованием БОБРа и 3-й ОСБ, плохое руководство и управление частями, недостаточная обеспеченность острова авиацией и отсутствие в распоряжении и непосредственном подчинении командующего обороной сухопутных частей.

Так, штаб 3-й ОСБ в лице начальника штаба полковника В.М. Пименова игнорировал приказания командования Береговой обороны Балтийского района, считая, что в сухопутной стратегии оно ничего не понимает. Штаб БОБРа, в свою очередь, считал штаб 3-й ОСБ неработоспособным, самостоятельно отдавал приказания частям 3-й ОСБ, чем создавал путаницу.

Командование штабов между тем не принимало никаких мер к урегулированию взаимоотношений. Все начальники отделений и служб штабов 3-й ОСБ и БОБРа работали изолированно, не пытались создать контакт в работе.

Полковник Пименов долгое время ходатайствовал перед штабом Прибалтийского военного округа и 8-й армии о выводе 3-й ОСБ из подчинения БОБРа. Когда прибыло указание о подчинении 3-й ОСБ 8-й армии, командование 3-й ОСБ решило, что получило самостоятельность и отказалось подчиняться БОБРу. Комендант БОБРа генерал-лейтенант Елисеев, не проявив должной напористости, в данной ситуации не сумел подчинить себе все части гарнизона. Это длилось до тех пор, пока не прибыла телеграмма о том, что 3-я ОСБ полностью подчиняется БОБРу.

Активная фаза борьбы за Эзель началась 5 сентября 1941 г., когда противник крупными силами выбил наши войска с полуострова Виртсу, расположенного на материковой части Эстонии. Для оказания помощи защитникам Виртсу командование БОБРа посылало подкрепления отдельными взводами и ротами по очереди, и также по очереди они разбивались противником. Удержать Виртсу не удалось, и после высадки немцев на остров Моон управление войсками было фактически потеряно. Подкрепления по-прежнему посылались мелкими группами, под ударами авиации противника. Нашей же авиации к середине сентября 1941 г. на островах практически не было, так как почти все самолёты были перебазированы на материк.

В ночь с 16 на 17 сентября 1941 г. генерал-лейтенант Елисеев приказал эвакуироваться с Моона на Эзель, и действующие части, на 80–90% небоеспособные, в беспорядке перешли по дамбе на о. Эзель.

Противник отдельными группами начал переход через взорванную дамбу и вброд, быстро продвигаясь в глубь острова.

Должного отпора противнику организовать не удалось по причине деморализации войск, потери управления, растянутости фронта, роста пораженческих и изменнических настроений и дезертирства, особенно в эстонских батальонах местного формирования.

По военному времени чекисты приняли крутые меры: организаторы и активные участники антисоветских групп были расстреляны, заградительный отряд усилил работу по выявлению дезертиров. «Принятые

репрессивные меры... – докладывал Лебедев Кузнецову, – несколько приостановили изменнические акты, но эстонские батальоны не надёжны и в конечном итоге перешли на сторону немцев»⁵⁵.

Тем временем противник вслед за отступающими частями подошёл к полуострову Сворбе, южной оконечности о. Эзель.

Здесь рубеж у деревни Сальме был более тщательно подготовлен и защищался свежими силами. Бойцы на этом рубеже дрались героически и почти все погибли при защите этой последней линии обороны.

За весь период боёв на острове Эзель помощь авиации почти отсутствовала. Только в последние дни обороны были посланы самолёты, но с малой маневренностью и плохо подготовленными лётчиками, которые в бой не вступали. Кроме того, должного управления и руководства лётным составом со стороны командира авиагруппы подполковника Кудрявцева не было. Имея впоследствии указания перебазироваться на Даго, он ушёл на Большой Тютерс, мотивируя тем, что невозможна посадка самолётов.

Подошедшие корабли противника начали обстреливать полуостров Сворбе со всех сторон, артиллерийский боезапас у его защитников кончился. Создавать какую-либо новую оборонительную линию было уже невозможно, так как противник подходил к командному пункту БОБРа, прижимая остатки наших частей (до 1800 человек) к морю.

С прорывом последнего рубежа положение диктовало принятие ряда мер к эвакуации остатков личного состава 3-й ОСБ и БОБРа.

Этот вопрос прорабатывался генерал-лейтенантом Елисеевым. Командант БОБРа имел указание Военного совета КБФ забрать руководящий состав и перебраться на остров Даго для дальнейшего руководства. Эвакуацию планировалось осуществить двумя эшелонами: в первом шло командование БОБРа, во втором – остатки личного состава и командование 3-й ОСБ.

Первый эшелон сумел пробиться, хотя потерял баржу с продовольствием, жидким топливом и другими видами снабжения. Плавсредства, присланные с острова Даго за остатками гарнизона Эзеля, уничтожались противником. Самолёты типа «Дуглас» для эвакуации раненых прилетели не на Эзель, а на Даго. Судьба оставшихся на острове Лебедеву была не ясна и спустя два месяца после описываемых событий, хотя имелось предположение, что последние защитники Эзеля переправились на латвийский берег: оттуда поступила радиограмма с соответствующими координатами. Погибли ли они или сдались в плен (Латвия к тому времени была полностью оккупирована), по нашим документам не прослеживается.

По мнению Лебедева, командование БОБРа при обороне Эзеля допустило существенную ошибку, когда отводило войска к южной око-

нечности острова, вместо того чтобы пробиваться на север, в сторону Даго. В этом случае имелся шанс спасти личный состав, вооружение и ценное имущество и тем самым существенно усилить гарнизоны Даго и Ханко. Лебедев считал, что в данной ситуации имел место и субъективный фактор: комендант БОБРа генерал-лейтенант Елисеев не захотел быть «иждивенцем» у равного с ним в звании Кабанова, коменданта военно-морской базы Ханко, который к тому же являлся в прошлом учеником Елисеева.

На основании изложенного Лебедев считал причинами потери Эзеля следующие:

а) неорганизованность в системе управления воинскими частями острова. За это говорит то обстоятельство, что до самого последнего момента шли вредные «междуведомственные» разговоры – кто кому подчинён. Отсутствовало единоначалие и твёрдая воля одного командира гарнизона, части действовали разрозненно и немонолитно;

б) отсутствие в мирное время у командира морской базы подчинённых ему сухопутных частей, отработанных по обороне баз с суши (что особенно наглядно подтвердил опыт Виндавы, Либавы, а позднее Эзеля и Даго);

в) растерянность командира БОБРа генерал-лейтенанта Елисеева, который, сумев вначале показать себя неплохим организатором обороны, в последний момент, в исключительно тяжёлой обстановке, размяк, ударился в упадничество, не предпринял и не исчерпал всех возможностей для удержания последнего рубежа на п/о Сворбе и организации плановой эвакуации. Впав в отчаяние, считал положение безвыходным, пытался покончить жизнь самоубийством»⁵⁶.

Ошибки, допущенные в обороне Эзеля, в значительной степени повторились при обороне острова Даго.

К моменту начала боевых действий на Даго насчитывалось пять артиллерийских батарей береговой обороны, две зенитные батареи, два инженерно-строительных и два стрелковых батальона, один отдельный артиллерийский дивизион и ряд других подразделений.

Главное внимание командование укреплённого сектора уделяло обороне южной части острова со стороны Кассарского плёса, откуда вероятнее всего мог высадиться десант противника. Здесь были оборудованы ДОТы, но огневая позиция, на которой командование сектора рассчитывало вести продолжительные бои, не представляла для противника серьёзной преграды. Сама позиция не имела глубины, линия обороны тянулась одной нитью, а огневые точки, сооружённые в незначительном количестве и на скорую руку, разрушались несколькими попаданиями артиллерии противника. К тому же вооружение огневых

точек было недостаточным – не хватало пулемётов и автоматического оружия.

Кроме того, местность, расположенная в непосредственной близости от огневой позиции, была покрыта сплошным лесом, что давало возможность противнику скрытно накапливать свои силы. Протяжённость огневой позиции была так велика, что один батальон занимал участок обороны от 25 до 35 км.

Для обороны северной оконечности острова, в районе населённых пунктов Тахкуна и Лехтма, советское командование выставило две стрелковые роты и 36-й инженерный батальон. Подходы со стороны моря были заминированы.

12 октября 1941 г. немцы высадились на Даго, начались ожесточённые бои. Командование укреплённого сектора повторяло те же ошибки, что и на Эзеле: для отражения десанта противника посылались небольшие подразделения (взвод, рота), которые зачастую, в силу своей малочисленности, не выполняли поставленных перед ними задач. У самого командования сектора – полковника А.С. Константинова и полкового комиссара М.С. Биленко – уверенности отстоять остров не было, преобладали упаднические настроения: гарнизон мал, помощи ожидать неоткуда, необходимо отступление. Эти настроения подогревал недавно прибывший на остров комендант БОБРа Елисеев, павший духом после потери Эзеля.

Всё это вместе взятое позволило противнику в сравнительно короткий срок прорвать линию обороны и овладеть островом.

В этих условиях советскому командованию оставалось одно: эвакуировать личный состав и материальные ценности на Ханко. Если на Эзеле Елисеев имел хотя бы на бумаге план эвакуации, то у Константинова и Биленко не было даже такого. Не произвели они и разбивки, кто должен идти в первом эшелоне, во втором и т. д. Не было назначено даже лица, ответственного за эвакуацию.

Пока эти вопросы решались в пожарном порядке, противник стал усиленно обстреливать из миномётов пристань Лехтму. Плавсредства были отведены на рейд и там, при 6–7 баллах, с помощью шлюпок производилась посадка личного состава.

При такой спешке плавсредства уходили на Ханко почти незагруженными. Так, например, на моторно-парусное судно «Мария» было посажено всего 160 человек, тогда как это судно могло взять 600 человек.

Всего оставалось на Даго около 2 тыс. человек, 60–70% которых, при продуманной организации эвакуации, можно было бы перебросить на Ханко.

Полнейшую бездеятельность в вопросах эвакуации личного состава проявили командир ОВРа капитан-лейтенант Оленицкий, военком ОВРа

Сергеев и командир дивизиона судов Яковлев. В дальнейшем Оленицкий и Яковлев были арестованы, Сергеев расстрелян.

Как свидетельствует Лебедев, органы госбезопасности на Даго, как и на Эзеле, действовали жёстко.

Так, в порядке очищения острова от не внушающих политического доверия лиц в начале войны с Даго было выселено 50 семейств.

На 42-й батарее была вскрыта и ликвидирована контрреволюционная группа, состоявшая из 16 краснофлотцев и младших командиров, под руководством некоего Надеждина. Эта группа ставила своей задачей совершение террористических актов над командным составом, вывод из строя материальной части батареи в момент наступления немцев и переход на сторону противника. Участники группы поддерживали связи с националистической группой из местного населения и вместе с ней готовились к осуществлению своих предательских замыслов. Девять участников этой группы были расстреляны, остальные скрылись в лесу до прихода немцев и, вероятно, сдались в плен.

Группы повстанческого характера были вскрыты и ликвидированы и в других подразделениях гарнизона. Жестоко карались носители пораженческих слухов и изменнических намерений.

22 октября 1941 г. с Даго в сторону Ханко ушёл последний корабль. Моонзундский архипелаг полностью перешёл под контроль противника.

Дальние подступы к Ленинграду продолжали оборонять одни только защитники военно-морской базы Ханко.

Полуостров Ханко, знаменитый первой крупной победой молодого русского флота в 1714 г., был передан СССР в аренду на 30 лет в соответствии с советско-финляндским мирным договором 1940 г. Здесь была создана военно-морская база КБФ, имевшая целью защиту входа в Финский залив с севера и прикрытие дальних подступов к Ленинграду. К началу Великой Отечественной войны здесь разместились 8-я отдельная стрелковая бригада, погранотряд, инженерно-строительные части, дивизионы и батареи береговой обороны (95 орудий калибром от 37 до 305 мм), авиагруппа из 20 самолётов, охрана водного района (7 катеров-охотников и 16 вспомогательных судов). Гарнизон насчитывал 25 тыс. человек под командованием генерал-майора (с 16 сентября 1941 г. – генерал-лейтенанта береговой службы) С.И. Кабанова. Именно ему чёрной завистью завидовал командир Береговой обороны Балтийского района генерал-лейтенант Елисеев, мечтавший создать на Эзеле и Даго «своё Ханко»⁵⁷. Им противостояла финская ударная группа «Ханко» (3 пехотных полка при 153 орудиях), которую поддерживали авиация и флот.

С началом войны территория ВМБ подвергалась налётам авиации, а с 26 июня – и артиллерийскому обстрелу. Гарнизон базы применял тактику активной обороны: наряду с отражением сухопутных штурмов, морских десантов и налётов авиации и проведением артиллерийских дуэлей проходило десантирование на близлежащие острова. Так, с 5 июля по 23 октября 1941 г. от противника были очищены 19 островов⁵⁸.

С падением Таллина и Моонзундских островов, прикрывавших вход в Финский залив с юга, когда немецко-финские войска получили контроль над обоими берегами Балтийского моря, к тому же в условиях приближавшегося ледостава Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение об эвакуации гарнизона Ханко.

Представление о том, как проходили некоторые походы на Ханко и обратно, дают две докладные записки, подготовленные 3-м отделом КБФ 19 ноября и 11 декабря 1941 г. и дополняющие друг друга. Имеется, правда, определённая путаница в порядковых номерах походов, о чём будет сказано ниже.

Первая докладная записка, направленная в 3-е Управление НК ВМФ, охватывает период с 31 октября по 6 ноября 1941 г. По неизвестным для нас причинам её подписал не начальник 3-го отдела КБФ дивизионный комиссар А.П. Лебедев, а его заместитель. Вторая, адресованная наркомку ВМФ адмиралу Н.Г. Кузнецову, представляет собой своеобразный отчёт о боевых действиях эскадры КБФ за ноябрь 1941 г. В тот день, 11 декабря 1941 г., таких докладных записок Лебедев подписал несколько, в том числе уже упоминавшиеся, о борьбе за Эзель и Даго.

Итак, «в целях снятия отдельных пехотных частей с полуострова Ханко и переброски их на Ленинградский участок фронта 31 октября⁵⁹ на Ханко был направлен отряд кораблей в составе минзага⁶⁰ «Марти», эсминцев «Стойкий» и «Славный», пяти быстроходных тральщиков и 6 катеров «МО» под командованием вице-адмирала Дрозда⁶¹.

Для обеспечения скрытности операции поход производился ночью, днём корабли отставались у Гогланда.

Первая операция в целом была проведена успешно, снято личного состава 4 тыс. 800 человек с полным вооружением, в том числе 61 орудие, 80 пулемётов и значительное количество боезапаса.

Во втором эшелоне кораблей, участвовавших в операции с 2 по 6 ноября, были эсминцы «Суровый», «Сметливый», четыре тральщика и пять катеров «МО». По пути к Ханко и обратно корабли второго эшелона подверглись обстрелу артиллерией противника в районе Кери с южного и северного берегов, однако обстрел был безуспешным – ни один корабль попаданий не имел.

При проходе района Кери погиб эсминец «Сметливый». По записям в вахтенном журнале эсминца «Суровый» и по наблюдениям с мостика установлено, что в 23.02 за кормой эсминца «Сметливый» был слышен глухой взрыв, в 23.07 – второй и в 23.31 – сильный взрыв, вызвавший столб огня.

Очевидцы из числа командиров эсминца «Суровый» высказывали предположение, что первый взрыв был от мины, а два последних – от торпед, выпущенных торпедными катерами противника. По предварительным данным, из числа личного состава частей Ханко и эсминца «Сметливый» было спасено около 380 человек.

Установить точно причины гибели «Сметливого» не удалось, тем более что личный состав из числа спасшихся был перевезён обратно на Ханко.

В третьем эшелоне кораблей, предназначенных для операции на Ханко, были лидер «Ленинград», эсминец «Стойкий», теплоход «Жданов», минный заградитель «Урал», пять тральщиков и шесть катеров «МО».

Этим эшелоном командовали командир линкора «Октябрьская революция» контр-адмирал М.З. Москаленко и начальник политотдела эскадры полковой комиссар Смирнов.

Отряд вышел 9 ноября в 17.45 от острова Гогланд в порядке, предусмотренном планом операции. Однако с наступлением темноты походный ордер вскоре был нарушен. Корабли потеряли друг друга, и в районе маяка «Родшер» контр-адмирал Москаленко отдал по радио распоряжение встать на якорь. С рассветом отряд вернулся к острову Гогланд.

Вследствие свежей погоды и отсутствия чёткого управления кораблями из пяти тральщиков остался невредимым только один тральщик № 215. Остальные четыре тральщика имели небольшие повреждения.

В этих условиях действия командования отряда о возвращении обратно на остров Гогланд 3-й отдел КБФ признал правильными.

11 ноября 1941 г. отряд в том же составе, за исключением двух повреждённых тральщиков, вышел вторично от Гогланда по направлению к Ханко.

В районе Юминда – Мохни в параванах лидера «Ленинград» взорвались две мины, в результате чего вышли из строя гирокомпас и затоплен ряд носовых помещений, в том числе артпогреб. Командир лидера начал просить об оказании ему помощи, сообщив, что дальше самостоятельно следовать не может.

На помощь лидеру были высланы тральщик и два катера «МО», но до подхода их командир капитан 3-го ранга Г.М. Горбачёв приказал сле-

довавшему за ним в кильватере теплоходу «Жданов» встать головным и идти к острову Гогланд. В результате этого «Жданов» подорвался на mine и в течение 10 минут затонул. Вся команда, 70 человек, за исключением одного погибшего, спаслась на шлюпках.

Потеря теплохода явилась следствием явно преступного, по мнению Лебедева, приказа командира лидера Горбачёва следовать головным к Гогланду теплоходу, который не имел параванов и на минном поле должен был неминуемо подорваться.

В дальнейшем 3-й отдел через военного прокурора КБФ возбудил уголовное преследование Горбачёва.

Ещё до гибели теплохода «Жданов» командование отряда, получив сообщение о повреждениях лидера «Ленинград», приняло решение о возвращении обратно к острову Гогланд.

Таким образом, весь отряд, потеряв теплоход, 12 ноября 1941 г. вернулся обратно на Гогланд.

Решением Военного совета КБФ контр-адмирал Москаленко и полковой комиссар Смирнов от руководства отрядом были отстранены и отозваны в Кронштадт.

Вместо лидера «Ленинград» в четвёртом⁶² эшелоне для участия в операции на Ханко были направлены эсминцы «Суровый» и «Гордый», минзаг «Урал», четыре тральщика и шесть катеров «МО» под командованием начальника штаба эскадры капитана 2-го ранга В.М. Нарыкова.

13 ноября 1941 г. в 18.00 отряд вышел от Гогланда.

В 01 час. 14 ноября в районе Мателота от взрыва мины эсминца «Суровый» получил пробоины, в которые начала поступать вода. Пробоины были настолько велики, что отливные средства не справлялись с откачкой и корабль стал медленно погружаться. Принятые личным составом меры к спасению корабля результатов не дали.

Командованием эсминца «Суровый» было принято решение спасти личный состав, а корабль взорвать. В 5.57, когда команда корабля была пересажена на катера и тральщики, корабль был взорван.

В этом же районе, ещё до подрыва «Сурового», подорвались и погибли эсmineц «Гордый», БТЩ-206 и катер «МО-131». Из числа их команд спаслось 106 человек, в том числе 15 человек из команды «Гордого» пришли на Гогланд на шлюпке. Остальные погибли.

Вскоре после подрыва эсминца «Суровый» вблизи от него подорвалась на mine подлодка «Л-2», которая своим ходом подошла к борту «Сурового», и с неё было принято трое раненых. Дальнейшая судьба подлодки неизвестна. По заявлению командира ОВРа капитана 2-го ранга Святова, находящегося на острове Гогланд, с БТЩ-217 видели подлодку после её подрыва, но, боясь подорваться на минах, командир БТЩ к лодке не подошёл. Командованием ОВРа он был отдан под суд.

Оставшиеся из отряда минзэг «Урал», один тральщик и три катера «МО» благополучно дошли до Ханко.

Походы на Ханко и обратно, как и Таллинский переход, давали примеры трусости и героизма.

Так, во время борьбы личного состава за живучесть эсминца «Суровый» дивизионный связист инженер-капитан-лейтенант Мясников не только не принимал мер к спасению корабля и личного состава, а сам пытался первым сойти с корабля на катер, но был оттуда возвращён. Военком эсминца старший политрук Рыбаков в момент подрыва корабля и после проявил полную нераспорядительность и растерянность и организацией борьбы за живучесть корабля совершенно не занимался. Начальник штаба эскадры капитан 2-го ранга Нарыков, руководивший переходом и находившийся на эсминце «Суровый», растерялся и сразу же после взрыва мины в параване, подозревая катер МО № 409 к борту эсминца, сошёл на него первым под предлогом узнать, что происходит с остальными кораблями. В действительности же Нарыков на катере никуда не ходил и ничего не выяснял, а находился вблизи эсминца «Суровый», отдавая с катера приказания командиру о подрыве корабля.

По заявлению инспектора ПУБалта⁶³ полкового комиссара Барабанова, командир перехода капитан 2-го ранга Нарыков, находившийся на эсминце «Суровый», отдал распоряжение о немедленном подрыве корабля вместе с оставшимся там личным составом, ссылаясь на то, что имевшиеся в распоряжении спасательные средства (2 катера «МО») не могли взять больше 150 человек, а бороться за сохранение живучести корабля – бесполезно. Только после вмешательства Барабанова и заместителя начальника 3-го отдела эскадры КБФ старшего политрука Кузнецова, находившихся на погибавшем корабле, было принято решение о спасении личного состава и использовании всех возможностей в борьбе за живучесть корабля.

Наряду с этим при спасении личного состава «Сурового» мужественно вели себя командир БЧ-5 инженер капитан-лейтенант Жуков и полковой комиссар Барабанов, которые умело руководили действиями личного состава по ликвидации пожаров и борьбе за живучесть корабля.

В целом же, как сообщалось в докладной записке, «политико-моральное состояние личного состава кораблей, участвовавших в походах, было, в основном, здоровое»⁶⁴.

Вместе с тем со стороны отдельных краснофлотцев и командиров в записке отмечены факты панических настроений. Например, краснофлотец э/м «Славный» Солодухин заявил: «Немцы являются хозяевами моря от Толбухина маяка до берегов Швеции, и нас сейчас посылают на верную гибель».

Командир БЧ-3 эсминца «Суровый» старший лейтенант Макашев, член ВКП(б), заявил: «Неужели командование не знает, куда посылает? Известно же заранее, что это смерть. Столько плавающих мин, а катеров и тральщиков мало. Нецелесообразно посылать миноносцы, их и так мало».

Старшина 2-й статьи Володин говорил: «Нас посылают на Ханко, мы идём на верную смерть»⁶⁵.

И уж в совсем подавленном состоянии находился капитан 2-го ранга Нарыков: «Если ещё мне придётся идти на Ханко, я сойду с ума»⁶⁶.

О растерянности Нарыкова, Мясникова, Рыбакова и отрицательных настроений среди личного состава кораблей, участвовавших в походе, 3-й отдел информировал военком эскадры и Военный совет КБФ⁶⁷.

В докладной записке от 11 декабря 1941 г. дивизионный комиссар Лебедев постарался дать анализ неудач походов на Ханко и обратно.

По его мнению, «операции по вывозу войск с Ханко штабом КБФ и командующим флотом были организованы плохо»⁶⁸.

Удавшаяся первая операция, рассчитанная на дерзость и неожиданность маневра, внесла успокоенность. Командованием флота была допущена тактическая ошибка: не учитывалось, что враг разгадает последующие намерения. Надёжной тральной разведки не проводилось.

Все переходы производились по рекомендованным курсам штаба КБФ, и только после того, как эшелон под командованием контр-адмирала Москаленко вернулся обратно на Гогланд, а во время второго перехода был потерян на минах теплоход «Жданов» и получил повреждение от взрыва мин в параванах лидер «Ленинград», командующий эскадрой вице-адмирал В.П. Дрозд, как это стало известно впоследствии, предложил идти от Гогланда севернее, считая, что рекомендованный курс противнику уже известен. Командующий флотом, насколько это было известно Лебедеву, отклонил это предложение.

По инициативе командующего эскадрой для разведки нового курса было послано семь тихоходных тральщиков. Из полученной телеграммы командира дивизиона тральщиков было видно, что они шли новым курсом, но почему-то без тралов, то есть разведки по существу не произвели.

Поход происходил в тёмную ночь, часто впереди идущий корабль терялся из виду, корабли, следовавшие в караване, не выдерживали заданного им строя. Поэтому и затраливались мины в параваны, из-за чего, в частности, подорвался на минах лидер «Ленинград».

Сама полоса известного протрального фарватера была небольшая.

Кроме того, в операции посылались корабли-тихоходы: «Жданов», «Урал», «Марти», которые сковывали действия миноносцев⁶⁹.

Итак, 3-й отдел КБФ информировал своё руководство о четырёх походах на Ханко и обратно.

Автор статьи в «Советской военной энциклопедии» таких походов, проведённых с 26 октября по 2 декабря 1941 г. и доставивших в Ленинград свыше 22 тыс. человек с оружием, техникой и продовольствием, насчитал девять⁷⁰. Хочется надеяться, что ошибки, допущенные в первых походах, были исправлены. В.Д. Доценко и Г.М. Гетманец в книге «Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» сообщают о проведении операции по эвакуации ВМБ на полуострове Ханко в два этапа: вначале вывезли гражданское население и тыловые подразделения, затем – войска. Флоту при относительно малых потерях (из 88 кораблей и судов, участвующих в операции, погибли 27, то есть задействованные силы КБФ лишились почти трети своего состава) удалось «вывести около 23 000 человек, 1500 тонн продовольствия и 1265 тонн боеприпасов»⁷¹.

Подводя итог изложенному, скажем, что Краснознамённый Балтийский флот, проводивший боевые действия в 1941 г. в рамках стратегической обороны Красной армии на Северо-Западном направлении, несмотря на просчёты и ошибки командования, совместно с сухопутными войсками сумел измотать, обескровить и остановить войска противника на подступах к Ленинграду. 150 тыс. человек, перевезённых кораблями Балтфлота с военно-морских баз и укреплённых секторов, составили основу войск Ленинградского фронта.

Примечания

¹ Балтийский флот был создан в годы Северной войны (1700–1721), в результате которой Россия прочно встала на берегах Балтийского моря и вошла в число крупных морских держав. В боевой летописи Балтийского флота зафиксированы и громкие победы – Гангут (1714), Чесма (1770), Наварин (1827), и катастрофические поражения – Роченсальм (1790), Цусима (1905). В XIX – нач. XX вв. моряки Балтийского флота внесли значительный вклад в отечественную и мировую науку. За активное участие моряков-балтийцев в революционном движении и Гражданской войне БФ в 1928 г. был награждён орденом Красного Знамени. К началу Великой Отечественной войны в составе КБФ насчитывалось свыше 300 кораблей, в ВВС КБФ – 696 самолётов, в береговой обороне – 424 орудия. За заслуги в Великой Отечественной войне КБФ в 1965 г. был награждён вторым орденом Красного Знамени.

² В дальнейшем применительно к островам Моонзундского архипелага будут использоваться их названия на 1941 г.

³ 10-й стрелковый корпус сформирован в 1922–1923 гг. Участвовал в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Накануне Великой Отечественной войны входил в состав 8-й армии Прибалтийского особого военного округа. В составе Действующей армии – с 22 июня 1941 г. Участвовал в боях в Прибалтике, в том числе в обороне Таллина. Расформирован 14 сентября 1941 г.

⁴ См.: Бунич И.Л. Балтийская трагедия: [Историко-докум. роман: В 3 кн.] – СПб., 1996.

⁵ См: Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: СПб., 2005. – 624 с.; Платонов А.В. Трагедии Финского залива. – М.: СПб., 2005. – 672 с.

⁶ Контрразведывательную работу на советском Военно-морском флоте в первые месяцы войны вели органы 3-го Управления НКВМФ, созданного постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г. Этим постановлением на них возлагались следующие задачи: борьба с контрреволюцией, шпионажем, диверсиями, террором и всевозможными антисоветскими проявлениями в Военно-морском флоте и его гражданском окружении; выявление и информирование командования частей и соединений ВМФ о всех недочётах на кораблях и частях флота и о всех компрометирующих материалах и сведениях, имеющихся на военнослужащих ВМФ. Решение поставленных задач в полной мере отнесилось к компетенции 3-го отдела КБФ, сформированного в соответствии с приказом НКВД и НКГБ СССР от 12 февраля 1941 г. С учётом боевых действий на фронтах и сложившейся обстановки постановлением ГКО от 10 января 1942 г. органы 3-го Управления НКВМФ были преобразованы в особые отделы.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 12.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 10–13.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 53–54.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 512. Л. 4.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 54–55.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 220.

¹³ Так в тексте документа. Котов несколько ошибается, видимо, по незнанию. В августе 1941 г. особые отделы имелись только в армейских формированиях. Особые отделы во флоте появились в январе 1942 г., а в августе 1941 г., как уже говорилось, существовали 3-и отделы флотов.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 223.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 67–69.

¹⁶ ЭПРОН – Экспедиция подводных работ особого назначения, организация для подъёма затонувших судов и выполнения аварийно-спасательных работ. Основана в СССР в 1923 г. В 1941 г. передана в ВМФ, где на её базе в 1942 г. создана Аварийно-спасательная служба.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 197–199.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 13.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 14.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 55–56.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 223 об. – 224.

²² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 102–105.

²³ «МО» – малый охотник. Предназначен для борьбы с подводными лодками, несения конвойной и дозорной службы, высадки десантов, постановки дымовых завес и т. п.

²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 195.

²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 104.

²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 198.

²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 248–248 об.

²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 199.

²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 110.

³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 110 об. – 111 об.

³¹ Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют сделать однозначный вывод об участии вражеских торпедоносцев или торпедных катеров в разгроме караванов. Некоторые командиры считают такой факт плодом большого воображения. Кроме того, представляются маловероятными их действия на плотно заминированном участке моря. См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 18.

³² По другим сведениям, капитан буксира после 10–15 минут плавания предложил командиру «Веронии» стать на якорь, т. к. дальше идти было невозможно. Последний согласился, и «Верония» осталась одна.

³³ Последние минуты гибели «Веронии» описаны И. Буничем: «С борта «Виронии» (Бунич пишет название этого корабля через «и», что правильно. – И.И.) слышались хлопки pistolетных выстрелов: многие решили умереть от собственной пули...». См.: Бунич И. Балтийская трагедия: Катастрофа. – М., 2003. – С. 84; ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 245.

³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 197–199.

³⁵ Параван (англ. paravane) – буксируемый кораблём подводный аппарат для защиты корабля от якорных контактных мин.

³⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 138–139.

³⁷ На рапорте Карпова напротив этого абзаца стоит резолюция, написанная красным карандашом: «Установить». См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 199.

³⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 206.

³⁹ ОВР – охрана водного района, комплекс активных действий и мероприятий, ведущихся в прибрежных районах (прилегающих к пунктам базирования своего флота) с целью поддержания в них условий для безопасного плавания и стоянки кораблей. Задачами ОВР являются: своевременное обнаружение корабельных сил противника, пытающихся проникнуть в пределы охраняемого района, оповещение своего флота о противнике; уничтожение противника; обеспечение выхода в море и возвращения в базы своих подводных лодок и надводных кораблей; поддержание фарватеров, полигонов и мест стоянки кораблей (судов) в свободном от мин состоянии. ОВР может также осуществляться в прибрежном районе противника в ходе высадки морского десанта; при этом из кораблей охранения десанта и противолодочных самолётов заблаговременно формируется временное соединение (отряд) ОВР. В его задачу входит противолодочная, противокатерная и противоминная оборона кораблей и десантно-транспортных средств в установленных границах.

⁴⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 236.

⁴¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 9.

⁴² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 512. Л. 1–19. Документ опубликован: Военно-исторический журнал. – 2006. – № 4.

⁴³ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 193–201. Документ опубликован: Военно-исторический журнал. – 2006. – № 6.

⁴⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 196–197.

⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 197.

⁴⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 18.

⁴⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 9, 224.

⁴⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 197.

⁴⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 104–105.

⁵⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 56.

⁵¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 23–24.

⁵² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 104.

⁵³ Советская военная энциклопедия: В 8 т. Т. 5. – М., 1978. – С. 386.

⁵⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 208.

⁵⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 210.

⁵⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 212–213.

⁵⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 212.

⁵⁸ Советская военная энциклопедия: В 8 т. Т. 8. – М., 1980. – С. 356.

⁵⁹ Дата, как видим, отличается от той, что дана в «Советской военной энциклопедии».

⁶⁰ Минный заградитель – корабль, предназначенный для постановки минных заграждений с целью уничтожить или вывести из строя корабли (транспорт) противника, а также затруднить их плавание.

⁶¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 2. Д. 46. Л. 280.

⁶² В докладной записке от 19 ноября 1941 г. этот эшелон назван третьим.

⁶³ Политическое управление Краснознамённого Балтийского флота.

⁶⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 2. Д. 46. Л. 282.

⁶⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 2. Д. 46. Л. 283.

66 ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 120.

67 ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 2. Д. 46. Л. 283.

68 ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 119.

69 ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 119.

70 Советская военная энциклопедия : В 8 т. Т. 8. – М., 1980. – С. 356.

71 Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.; СПб., 2005. – С. 140.

Военно-политическая обстановка в Финляндии в 1941 г. и начало боёв на Северном фронте

«Зимняя война» между СССР и Финляндией 1939–1940 гг. закончилась подписанием мирного договора в Москве 12 марта 1940 г. Условия этого договора, по которому Финляндия лишалась значительной территории на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера, а также большей части Выборгской губернии и п-ова Ханко, не могли казаться финнам справедливыми. Да и людские потери были для страны существенны.

Период с марта 1940 г. не стал для Финляндии временем мирного восстановления: в стране шло активное перевооружение армии и укрепление новых, послевоенных границ.

Управление пограничных войск НКВД Ленинградского округа регулярно (раз в пять дней) направляло руководству пограничных войск НКВД СССР, наркому внутренних дел КФССР и начальнику УНКВД по Ленинградской области и городу Ленинграду разведсводки о положении в Финляндии. В сводках сообщалось о состоянии финской погранстражи и методах охраны границы, о дислокации финских воинских частей и соединений вблизи советской границы, их оснащении, манёврах, тактических учениях, состоянии аэродромов и др.

Отдельным разделом шли донесения об оборонных мероприятиях финнов. Сообщалось, в частности, о сооружении восточнее Равийеки мощного узла сопротивления, прикрывающего шоссе Выборг – Хамина и правый фланг оборонительной линии, об усиленных темпах фортификационного строительства в районе залива Сюсь-Похьялахти – озера Вехкяярви (противотанковые рвы, надолбы, проволочные заграждения, окопы и железобетонные ДОТы), по западному берегу реки Вирмунтиеки в районе деревни Вермунтиеки, Тимолахти, на перешейке между озерами Пюхя-ярви и Сури-Куоре-ярви, у реки Хиттолан-йоки в 800 м от границы и в других районах. Большие укрепленные участки были построены в районе Равийоки-Харью.

Финны вели строительство противотанковых и противопехотных препятствий на наиболее вероятных путях движения советских войск,

проводили работы по минированию по всей полосе границы. Противник полагал, что остров Куорсало, исходя из его расположения и наличия вокруг него ряда мелких островов, затрудняющих подход с моря и высадку десанта, станет одним из основных опорных пунктов правого фланга финской укрепленной линии. Эти районы строительства оборонительных укреплений охранялись войсковыми частями. Как было установлено, заработная плата рабочих оборонного строительства значительно превышала зарплату рабочих других отраслей промышленности.

В декабре 1940 г. финны объявили приём на трёхмесячные курсы финской пограничной службы, которые открылись в феврале 1941 г. На курсы принимались лица, отвечающие всем требованиям службы в армии и отслужившие срок действительной службы в финской армии. Курсантам полагалось бесплатное обмундирование, квартира и желающим – вместо пайка – 13–17 марок в день. Выпускники по окончании направлялись в пограничную стражу в качестве рядовых солдат в погранрайон Лаппи с окладом в месяц 800 марок и 700 марок – во все остальные районы.

В том же месяце в газете «Карьяла» появилось объявление министерства обороны о наборе добровольцев не моложе 18 лет в морскую береговую охрану. Принятые лица обеспечивались бесплатным обмундированием, питанием и денежным содержанием в размере 300 марок в месяц.

Разведывательные отделы НКВД КФССР и УНКВД по Ленинградской области и городу Ленинграду информировали руководство пограничных войск НКВД СССР, 1-го Управления НКГБ СССР и партийные органы, регулярно направляя разведсводки по Финляндии: об укреплениях, оборонных и промышленных предприятиях и воинских частях, расположенных на разных участках финской железной дороги; о перевозке финских солдат, техники, вооружения и военных материалов и общие сведения об укрепленных районах Финляндии.

По данным разведотдела НКВД КФССР от 5 мая 1941 г., большое количество войск финской армии всех родов оружия сосредоточивались непосредственно у границы Выборгского направления. Так, в районе ст. Симола находились войска пехоты, в г. Лаппенранта были расквартированы пехотные и кавалерийские части, в районе ст. Таветти и в посёлке – части пехоты, артиллерии и авточасти, в полутора километрах от ст. Коуволла в воинском городке на берегу реки – полк, переведённый из г. Выборга. Большая часть финской армии дислоцировалась на ст. Лахти. Непосредственно в районе укреплений у границы полуострова Ханко в лесу, во вновь выстроенных казармах, стандартных домиках и палатках находились противотанковые, артиллерийские, моторизованные и пехотные части.

В зоне ст. Риихимяки функционировал большой аэродром, где были замечены вылеты звеньев в количестве 5 и более самолётов-истребите-

лей с фашистскими опознавательными знаками. Были также разведаны аэродромы у станций Ярвенпя, Пасила (старый и строящийся), Малми, Утти, на 204 км от Хельсинки к Выборгу и другие.

В районе станций Таммисаари и Карис обнаружены вновь выстроенные склады боепитания – подземный и в большой каменной скале. Их строительство велось усиленно, днём и ночью.

В район укреплений границы полуострова Ханко финны подвозили бронеколпаки для ДОТов, дизельные установки, электромоторы, динамо-машины, большие баллоны в виде опрыскивателей ОВ, броневые плиты и железо.

Было также установлено, что для разгрузки и улучшения пропускной способности Хельсинского узла финны строили новую стратегическую железную дорогу. На некоторых шоссейных дорогах и вблизи железнодорожного полотна устанавливались противотанковые мины.

Летом 1940 г. в Германии началась разработка плана нападения на СССР, поэтому Финляндия приобрела для немцев прямой интерес. Резидентура НКГБ СССР в Хельсинки сообщала в центр о том, что «...не исключена возможность непосредственного нападения немцев на СССР, и Финляндия может быть использована как плацдарм для этого нападения». Вместе с тем разведка СССР на основании более полной информации пришла к заключению, что финны всё же не стремились быть втянутыми в эту войну. 4 июня 1941 г. НКГБ СССР направил руководству советского государства сообщение следующего содержания: «Финляндия находится в опасности. Она хочет остаться нейтральной, но Германия оказывает давление на финское правительство, которое хотело бы сопротивляться этому нажиму, но ничего не выходит».

В другом сообщении, полученном НКГБ СССР от источника в Хельсинки в первых числах июня 1941 г., отмечалось: «На заседании финляндского правительства 9 июня президент Рюти заявил, что по требованию немцев Финляндия должна в ближайшие дни провести частичную мобилизацию и что в ближайшие же дни в страну начнут прибывать в большом количестве немецкие войска. Одновременно немцы потребовали от финляндского правительства немедленного удаления из Финляндии, и в первую очередь из Петсамо и других северных районов, всех англичан и поляков. Рюти заявил, что финны вынуждены выполнить эти требования немцев, так как другого выбора нет. Война Финляндии не улыбается, но такова ситуация. Англия помочь не может. Швеция отказалась от союза с Финляндией, и, таким образом, никакой защиты от советской агрессии финны не имеют».

Далее источник сообщал, что финский министр финансов Пеккала заявил перед членами правительства о необходимости отклонить требования немцев. Его поддержали министры социальных дел и снабжения, социал-демократ Фагерхольм и аграрий Арола. Вместе с тем, обсуждая

выступление Рюти, члены финского правительства не могли не отметить, что в случае нападения немцев на СССР Финляндия будет втянута в войну.

В начале мая 1941 г. резидентура НКГБ СССР в Хельсинки со ссылкой на финского посланника в Москве Паасикиви сообщала о прибытии в Финляндию 1200–1500 немецких военных, якобы без оружия, и о двух неполных немецких дивизиях в Киркенесе. Эти данные, по словам посланника, были получены в финском правительстве.

С 7 июня 1941 г. немцы начали усиленную переброску войск на территорию Финляндии к советской границе.

13 июня 1941 г. НКГБ СССР направил в инстанции очередное донесение своего источника из Хельсинки: «В стране началась частичная мобилизация. Мобилизация проходит по требованию немцев. Все мобилизованные отправляются на восточную границу. Призывается главным образом молодёжь. Одновременно происходит непрерывный подвоз немецких войск...».

Управление пограничных войск НКВД Карело-Финского округа 17 июня 1941 г. информировало центр о решении финского правительства выдать населению мобилизационного возраста винтовки и обмундирование. По тем же данным, количество немецких войск в Финляндии, дислоцированных в населённых пунктах Пори, Ваза, Коккола, Сулу, Кеми, Рованиеми, Кемиярви, в районе Петсамо и других, насчитывало до 80 тыс. человек. Вместе с тем разведотделом УНКВД по Ленинградской области и городу Ленинграду количество немецких войск в Финляндии оценивалось в 50–70 тыс. человек. По полученным данным, нахождение на финской территории немецких войск вызывало среди солдат финской армии и населения недовольство, потому что при нехватке продовольствия для нужд страны появилась необходимость «кормить» чужую армию.

21 июня 1941 г. советские разведорганы фиксировали активное движение и разгрузку воинских эшелонов на железнодорожном участке Вайникала – Хельсинки, на станции Симола. Разведотдел УНКВД по Ленинградской области и городу Ленинграду по этому поводу информировал командование. Однако с момента нападения фашистской Германии на СССР финская армия прямых боевых действий против СССР не начинала.

24 июня 1941 г. разведотдел НКГБ КФО подытожил ранее переданную им информацию о том, что «...правлящие круги Финляндии и финская военщина по указанию Германии на протяжении двух месяцев – апрель – май, а в особенности в последнее время, вели усиленную подготовку к войне против СССР. В этих целях спешно заканчивалось строительство укреплений, пополнялась армия за счёт проводимой повсеместно мобилизации нескольких возрастов, непосредственно у границ СССР концентрировались войска финской армии, из погранрайонов продолжа-

лось массовое переселение мирного населения. ... Можно считать, что сосредоточение сил на нашей границе со стороны финнов закончено...».

До начала боевых действий на советско-финском фронте советские органы безопасности в Карелии и Ленинградской области продолжали информировать о готовности Финляндии к войне. В сводках сообщалось о дальнейшей эвакуации гражданского населения из пограничных с СССР районов в глубь Финляндии, о наиболее крупных укрепленных районах финнов, об аэродромах и типах самолётов, находившихся на вооружении в финской армии, о продолжающемся строительстве линий обороны, сдаче в эксплуатацию новых железнодорожных линий, о финских военно-морских базах и военных перевозках.

В конце июня через несколько часов после вторжения финских войск на территорию СССР органы военной контрразведки Северного фронта начали направлять в центр донесения о ситуации в войсках.

30 июня 1941 г. 3-й отдел Северного фронта сообщал в 3-е Управление НКО СССР: «Войска Северного фронта выполняют задачу по прикрытию госграницы. 29 и 30 июня с. г. германо-финские войска по всему фронту перешли в наступление».

В донесениях органов военной контрразведки первых дней войны зафиксированы серьёзные недочёты в боеготовности частей и соединений Красной армии. Так, по сообщениям 3-го отдела Северного фронта, к началу боевых действий 7-я, 14-я и 23-я армии, отражавшие удары противника, имели значительный некомплект материальной части, боеприпасов и личного состава, командованием не была налажена работа штабов, отсутствовало чёткое взаимодействие частей и соединений, случались утери секретных документов. Кроме того, неблагоприятно обстояло дело и с обеспечением соединений армии имуществом связи.

Острый недостаток оружия и боеприпасов ощущался как в самих войсках, так и на артиллерийских складах. Например, 237-я стрелковая дивизия была недоукомплектована основными видами вооружения на 20–30%; в 559-м стрелковом полку на станковый пулемёт имелось по три ленты при норме 12, патронами полк был не обеспечен; в 454-м артполку из 20 орудий три были небоеспособны, отсутствовали противотанковые снаряды и гранаты.

По мнению контрразведчиков, недостатком в ходе ведения боя стало подчас неумелое руководство отдельных командиров своими бойцами. Отмечались случаи, когда командиры не только не могли остановить бегущих красноармейцев, но и сами покидали место сражения.

4 июля 1941 г. 3-й отдел Северного фронта сообщал в Ленинградский обком и горком ВКП(б) о дальнейшем прибытии на фронт неукомплектованных людьми и не обеспеченных оружием и боеприпасами частей и

подразделений: «3 июля 1941 г. на ст. Валк-Ярви прибыл и разгрузился 164-й запасный стрелковый полк, формировавшийся в г. Кингисеппе на базе 191-й стрелковой дивизии. Полк следовать к месту назначения в Липола не может в связи с тем, что личного состава в полку 1230 человек, оружия и обмундирования нет, кухни и продуктов также не имеется. Из транспорта полк имеет 80 лошадей и 120 повозок. После разгрузки полк расположился в лесу без охраны и в случае нападения банд противника обороняться не сможет, так как из оружия на весь полк имеется один револьвер и 20 штук патронов».

Армейские чекисты докладывали, что пехота подчас не выдерживала миномётного огня противника и несла большие потери, так и не вступив в соприкосновение с ним. Стрелковые дивизии не обеспечивались полностью противотанковыми средствами, нередко происходили отказы винтовок и автоматов.

В эти же дни из войсковых соединений начали поступать сигналы о недостаточных запасах продовольствия и фуража, так как войска фронта ещё к началу боевых действий недополучили в большом количестве сена, овса, сухарей, муки, мясных изделий и прочих продуктов. Отгрузка этих продуктов и фуража со складов задерживалась по вине железных дорог, не имевших в достаточном количестве железнодорожных вагонов.

О работе железных дорог в первые дни войны 3-й отдел Северного фронта докладывал:

«Неудовлетворительная работа железных дорог, организационные неувязки органов ВОСО с управлениями железных дорог также влияют на своевременное получение частями необходимого вооружения и имущества».

Помимо указанных недостатков органы военной контрразведки подробно сообщали командованию обо всех случаях паникёрства, трусости, дезертирства, перехода на сторону противника, информировали о так называемых «контрреволюционных высказываниях» со стороны отдельных военнослужащих. По этим фактам командование и политработники принимали соответствующие меры.

Следствием серьёзных расчётов, отмеченных в сводках особого отдела 7-й армии, стало поражение в середине июля 1941 г. 9-го Ивановского мото-механизированного полка, вступившего в неравный бой с противником у местечка Палалахта. Полк не имел достоверной информации о противнике, не получил вооружения и обещанного командованием подкрепления. Несмотря на храбрость бойцов и слаженные действия командира и комиссара, полк был разбит и потерял около 800 человек убитыми и ранеными. После боя командир полка заявил: «Я считаю, что Палалахтинская операция не была подготовлена и продумана. Неподготовленность полка заключалась в том, что не хватало 150 винтовок,

имелось 50 миномётов и ни одной мины. Всё это не могло не сказаться на исходе боя. Я считаю это, по меньшей мере, головоотяпство».

О трагическом начале войны и неудачах частей 23-й армии написал, находясь в финском плену, бывший командир 43-й стрелковой дивизии генерал-майор В.В. Кирпичников: «Гнилой строй не способен создать здоровую и крепкую армию...».

В течение июля – августа 1941 г. финская армия заняла все территории, утраченные ею в итоге Зимней войны. В начале сентября 1941 г. началась оккупация восточной Карелии, а в октябре 1941 г. советскими войсками был оставлен Петрозаводск. К концу года на достигнутых рубежах финны перешли к обороне и обстановка на советско-финском фронте стабилизировалась.

№ 1.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 1 НКВД КФССР О ФИНСКИХ УКРЕПЛЕНИЯХ, ОБОРОННЫХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ И ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА УЧАСТКЕ ОТ СТ. ВАЙНИКАЛА ДО СТ. КОУВОЛА

№ 14747

г. Петрозаводск

5 мая 1941 г.

Совершенно секретно

Начальнику погранвойск НКВД КФССР
генерал-майору тов. Далматову¹

Путевое и станционное устройство

Железнодорожный путь и сооружения от ст. Вайникала до ст. Лахти вполне пригодны для пропуска тяжеловесных бронепоездов. Участок от ст. Вайникала до ст. Коуволы имеет ряд станций, оборудованных экипировочным хозяйством, водоразборными колонками и небольшими депо.

От ст. Вайникала до ст. Таветти имеется однопутное движение, далее до ст. Кайпиайнен – двухпутное, а от ст. Кайпиайнен до ст. Коуволы опять идет однопутное движение.

Наиболее крупной узловой станцией является Коуволы, работающая в четырех направлениях: на Выборг, Хельсинки-Миккели-Котка. Станция имеет сортировочную горку, три грузовых парка, один пассажирский. Сортировочная горка расположена в 150 м от оси станции в направлении к нашей границе. Станция имеет путевой парк в количестве 150 путей. Имеется также паровозное депо. Одно из них веерного типа на 32 стойла расположено в 400 м от оси пассажирского здания. Второе депо на 8 стойл находится в 200 м от старого. Третье депо – паровозный сарай на

три канавы. Деповский тракционный парк составляет 25 путей. Станция располагает большим складским хозяйством.

Ст. Симола является небольшой узловой станцией, имеет ответвление железной дороги в восточном направлении на Лаппенранта. Станционный парк 10 путей. Паровозное депо на 5 стоек веерного типа. На станции имеется водоемное здание и 2 водоразборных колонки.

Ст. Пулса имеет 10 путей, 1 водонапорную башню и 1 водоразборную колонку.

Ст. Кайпийнен имеет парк и 9 путей, водоемное здание и водоразборную колонку. На станции вновь выстроено деревянное здание, окрашено в красный цвет, внутрь которого идут железнодорожные пути.

Строительство новых стратегических железнодорожных линий

На перегоне ст.ст. Луумяки-Пулса ведется строительство вторых путей линии Вайникала-Коуволла.

На перегоне Пяяли - Кайпийнен также строятся вторые пути. На перегоне между ст. Утти и Коуволла на 194 км в юго-восточном направлении закончено строительство новой железнодорожной ветки.

В целях создания возможности непосредственного пропуска поездов, идущих от ст. Коуволла в направлении ст. Лаппенранта и далее по ответвлению приграничной железной дороги на Элисенваара, на перегоне ст. Симола-Пулса спешно ведется строительство новой станции с небольшими разветвлениями станционных путей. Ответвление начинается у главной линии Вайникала-Коуволла от вновь строящейся станции и идет до ст. Лаппенранта, где соединяется с линией, идущей в направлении Элисенваара.

Промышленные и оборонные предприятия, прилегающие к железной дороге

Вблизи ст. Коуволла расположены 2 завода – один лесопильный, второй – цементный.

На железнодорожной ветке, идущей от ст. Коуволла в сторону порта Хейнола, в 20 км от станции, имеется большой бумажный комбинат, откуда отправляется прессованная бумага в тюках для оборонных сооружений. В 6 км от ст. Коуволла на реке Кумине расположена водокачка со сложным трубопроводом и очистителем. Водокачка обслуживает железнодорожный узел, поселок и военный городок.

В районе расположения ст. Коуволла также имеется большой аэродром с поверхностными ангарами. Взлет самолетов производится днем, однако в момент следования Советских поездов, им взлетать запрещено.

Строительство оборонных укреплений вблизи полотна железной дороги на участке ст. Вайникала - Коуволла

В 2-х км от ст. Вайникала вглубь Финляндии по обе стороны железнодорожной линии вырыт противотанковый ров шириной в 3 м.

В 200 м от противотанкового рва установлены каменные надолбы высотой до 1 м в четыре ряда. Надолбы расположены от линии железной дороги в направлении на запад – к заливу и на восток к г. Лаппенранта. За надолбами на расстоянии 300 м имеется второй противотанковый ров.

На 280 км (перегон от Вайникала на Симола) по обе стороны железнодорожного полотна вырыт противотанковый ров.

На 279 км с северо-востока на юго-запад проходит проволочное заграждение в 3 кола (высота кольев до 2-х м). Проволочное заграждение установлено на опушке леса на ровном открытом месте.

К югу от железнодорожной линии ведутся строительные работы, куда подвозятся – гранит, цемент и железо.

В конце 277 км слева по ходу поезда на Коуволла установлено проволочное заграждение. Метрах в 15 от него вырыты зигзагообразные окопы.

На 276 км по обеим сторонам железнодорожного полотна с северо-востока на юго-запад установлены в два ряда проволочные заграждения: первое – в четыре кола, второе – в три кола. Расстояние между заграждениями 600-700 м. Здесь же по обе стороны железной дороги установлены противотанковые надолбы из гранита в 4 ряда шахматным порядком, высотой до 1 м.

У выходных стрелок ст. Симола (при следовании поезда на Коуволла) по обеим сторонам железнодорожной линии установлено проволочное заграждение в 4 кола.

На 264 км слева (по ходу поезда из Вайникала) вырыт противотанковый ров. На 262 км справа также имеется противотанковый ров, идущий в направлении с юга на восток.

На разъезде Оттула (на карте нет), расположенном на 255 км, слева от железнодорожного полотна установлена маскировочная сетка, завешанная елочными ветками, которая прикрывает строительство дотов.

В этом месте ведутся большие строительные работы по укреплению сопки. Справа, метрах в 200-300 от железной дороги, строятся два небольших дота, в метрах 200 от них закончено строительство трех бетонных сооружений, из которых два артиллерийских. В конце 254 км установлены надолбы в три ряда.

На 253 км справа по ходу поезда из Вайникала установлено проволочное заграждение в три кола, а слева вырыт противотанковый ров.

На 252 км по обе стороны железнодорожной линии установлены деревянные надолбы в 6 рядов. За ними в 500 м также по обеим сто-

ронам железной дороги прорыт противотанковый ров. В конце 252 км вырыты окопы, перед которыми имеется проволочное заграждение в три кола.

На разъезде Уро (245 км) справа по ходу поезда из Вайникала в 150-200 м от железнодорожного полотна ведется строительство оборонных сооружений. Слева железнодорожной линии при подходе к ст. Таветти вырыт противотанковый ров. В юго-западном направлении метрах в 200 от железной дороги ведется большое строительство, на котором были замечены подъемные краны, камнедробилки. На месте строительства проводятся земляные работы.

На 206 км слева по ходу поезда непосредственно от железнодорожной линии установлено проволочное заграждение в 3 кола высотой в 2 м.

Перед ст. Утти по обеим сторонам ж.д. выкопан глубокий (около 3 м) противотанковый ров шириной в 6 м. На дне рва устанавливаются каменные надолбы в три ряда. Одновременно по бровке рва в сторону Финляндии устанавливаются каменные надолбы в четыре ряда.

На 204 км справа по ходу поезда в 60 м от железнодорожного полотна расположен дзот с четырьмя амбразурами, обращенными в сторону нашей границы.

На 203 км расположено проволочное заграждение в 3 кола по обеим сторонам железной дороги. За ними идет ров глубиной в 1,5 м.

У входного семафора ст. Коуволла по обеим сторонам железной дороги установлено проволочное заграждение в 4 кола, метрах в 15 от них в сторону Финляндии вырыты зигзагообразные окопы. У товарного парка слева по ходу поезда на Лахти сооружена зенитно-пулеметная вышка на бетонном основании.

Расположение воинских частей на участке железной дороги Вайникала - Коуволла

Большое количество финской армии всех родов оружия сосредоточено непосредственно у границы Выборгского направления. В районе расположения ст. Симолла сосредоточены войска пехоты. В г. Лаппенранта расквартированы пехотные и кавалерийские части.

На ст. Утти слева по ходу поезда на Лахти расположены кирпичные казармы из красного кирпича, в котором разместился полк. Солдаты этого полка имеют голубые петлицы. На ст. Луумяки с правой стороны направления (от Выборга) в полутора километрах от здания станции расположено несколько больших казарм, в которых размещается воинская часть, казармы охраняются часовыми.

В полутора километрах от ст. Коуволла на берегу реки расположен воинский городок, в котором расквартирован полк ранее стоявший в г. Выборге. С правой стороны станции на расстоянии 1 км имеется большое

количество казарм, крытых черепицей, там расположены артиллерийские и пехотные части.

В районе ст. Таветти и в поселке расквартированы части пехоты, артиллерии и авточасти.

На ст. Корпа, расположенной между Коуволы и Лахти, имеется на берегу реки крупная электростанция, от которой в разных направлениях отходят линии высокого напряжения. На этой же станции находится большой военный городок и несколько каменных казарм в 2 и 3 этажа, подходы к которым охраняются часовыми.

Нарком госбезопасности КФСР
майор госбезопасности

Баскаков²

Зам[еститель] начальника РО НКГБ КФСР
лейтенант госбезопасности

Изотов

Разослано:

- 1) 1 Управление погранвойск НКВД т. Далматову
- 2) секретарю ЦК КП(б) т. Куприянову³

Примечание: разведсводка была также направлена в 1-е Управление НКГБ СССР 12 апреля 1941 г. за № 1601.

УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 9–14. Копия.

№ 2.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 2 НКВД КФСР О СТАНЦИЯХ, ОБОРОННЫХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ И ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ, РАСПОЛОЖЕННЫХ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ЛАХТИ–КАРИС

№ 14747
г. Петрозаводск

5 мая 1941 г.
Совершенно секретно

Начальнику управления погранвойск НКВД КФСР
генерал-майору тов. Далматову

Путевое и станционное устройство

Железнодорожный путь и сооружения от ст. Лахти до ст. Карис вполне пригодны для движения тяжеловесных составов и бронепоездов. Ст. Лахти работает в трех направлениях – на Хейнола–Карис–Коуволы. Имеет паровозное депо на 28 стойл, грузовой парк и путевой станционный парк в 11 путей. Кроме того имеется большая погрузо-разгрузочная

воинская площадка, водоемное здание и пять водоразборных колонок. В полутора метрах от депо расположены автоматные и авторемонтные мастерские. От ст. Лахти до Риихимяки существует однопутное движение.

Ст. Риихимяки работает в трех направлениях Лахти–Тампере–Хельсинки. Имеет три больших грузовых парка, паровозное депо веерного типа на 34 стойла. При депо имеются механические мастерские и поворотный круг, на котором могут поворачиваться паровозы серии “Щ” и “Э”. В 50 м от депо расположено водоемное здание и водокачка. Станция имеет путевой парк в количестве 80 путей. От ст. Риихимяки до ст. Ояккала имеется двухпутное движение, а затем вплоть до ст. Таммисаари – однопутное.

Ст. Карис работает в четырех направлениях: Турку–Риихимяки–Пасила (товарная станция Хельсинки) – Таммисаари. Имеет паровозное депо веерного типа на 15 стойл, расположено в 400 м от оси станции с правой стороны с небольшим поворотным кругом. Непосредственно у депо находится водонапорная башня. Имеется также две водоразборные колонки. При подходе к станции Карис имеются два небольших моста.

Строительство новых железнодорожных линий и шоссейных дорог

От ст. Карис направо вглубь леса выстроена новая железнодорожная ветка, которая в начале января с.г. соединена со станционными путями.

В трех км от ст. Ояккала строится скоростным методом шоссейная дорога, идущая с севера на юг. Строительство ее подходит к концу: закончены земляные работы, производится укладка камня, сооружается путепровод через железнодорожную линию, идущую от Лахти на Карис. Новая шоссейная дорога связывает гор. Хельсинки с границей п/о Ханко. Начиная от ст. Маниала направлением на Лахти с левой стороны железного полотна строится шоссейная дорога. На строительстве применяется большое количество дорожных плугов, катков и другого оборудования.

Промышленные и оборонные предприятия, расположенные вблизи линии железной дороги

На ст. Лахти на расстоянии 50 м (по прямой оси от станции) на горе у кладбища расположена большая радиостанция, мачты которой в целях маскировки выкрашены в зеленый цвет. Основная аппаратура станции находится в низеньком (одноэтажном) домике, расположенном также у кладбища. Большинство аппаратуры размещено под землей. Электроэнергия для радиостанции подведена также под землей. На ст. Лапила с правой стороны (направление движения на Ханко) имеется большой комбинат, вырабатывающий цемент, и лесопильный завод. На ст. Ойти расположены два кирпичных завода. Большое количество промышленных предприятий расположено на ст. Риихимяки. Вблизи станции

расположены кирпичный и масловаренный заводы. В поселке станции имеются также стекольный и сахарный заводы, между которыми расположен большой военный завод, поставляющий мелкое оружие, снаряды, патроны и авиабомбы.

В г. Тампере, расположенном в 120 км от ст. Риихимяки, имеется крупный военный завод, изготавливающий оружие, пулеметы и танки. Там же имеется паровозостроительный и судоремонтный заводы. Паровозостроительный завод выпустил 5 больших мощных паровозов для курьерских поездов, весом до 2000 т сериями 1000, 1002, 1002 и т.д.; 3 мощных товарных паровоза серии "Т". Первый паровоз за №-1030 имеет котловое давление 15 атмосфер и площадь колосниковой решетки в 3,2 м². Отопление – угольное. Намечено выпустить 10 таких паровозов. Кроме того, в Тампере имеется самолетостроительный завод, который выпускает небольшие самолеты класса истребителей.

Не доезжая 300 м до ст. Хювинкя с правой стороны расположен цементный завод. Невдалеке от станции (около 50 м) имеется фабрика, производящая шелковые ткани. Фабрика выкрашена в белый цвет известью.

От Хювинкя отходит узкоколейная железная дорога, протяженностью в 45 км. На этой дороге расположен чугунолитейный завод. Здесь же (на ст. Каркила) расположен завод оборонного значения, изготавливающий авиабомбы, снаряды и патроны различного калибра. На самой Хювинкя имеется склад боепитания, откуда часто производится отгрузка патронных ящиков в разных направлениях. На ст. Лохья за зданием вокзала на расстоянии 200 м расположены большие авторемонтные мастерские, которые производят ремонт автомашин и тракторов, принадлежащих военному ведомству. В 200 м от ст. Карис находится большой цементный завод; с противоположной стороны – карьер, в котором производится разделка камня для противотанковых надолбов.

Расположение аэродромов

В зоне ст. Риихимяки (примерно на расстоянии 2-х км) расположен большой аэродром. Замечен взлет и приземление звеньев в количестве 5 и более самолетов. Самолеты типа истребителей. Носят фашистский опознавательный знак. На ст. Мони в 500 м от железнодорожного полотна в лесу расчищена площадка для самолетов.

Строительство укреплений на участке железной дороги Лахти – Карис

У входного семафора ст. Лахти (со стороны Коуволы) роятся сопки. При подходе к месту стрелочного разветвления сооружены две зенитные вышки. Также строительство пулеметных гнезд и бетонных сооружений ведется справа от входных стрелок по ходу поезда.

Расположение воинских частей в придорожной полосе

На ст. Лахти дислоцируется большое количество финской армии. На расстоянии 1 км от станции выстроено восемь новых казарм в 2 и 3 этажа. В этом городке расквартирована дивизия пехоты.

На ст. Риихимяки также расположена воинская часть пехоты. Солдаты этой части имеют малиновые петлицы. В ночное время подходы к городу и железнодорожной станции охраняются патрулем. В районе расположения ст. Хювинкя также имеются воинские части. Форма одежды: темно-серые шинели, каски, серые погоны, на которых серебром вышита буква, имеющая сходство с "X".

На ст. Карьяя (Карис) сконцентрированы войска пехоты, рота автомочастей и кавалерийский драгунский полк.

Нарком госбезопасности КФССР

майор госбезопасности

Баскаков

Зам[еститель] начальника РО НКГБ КФССР

лейтенант госбезопасности

Изотов

Разослано:

1) 1 Управление погранвойск НКВД т. Далматову

2) секретарю ЦК КП(б) т. Куприянову

Примечание: разведсводка также была направлена в 1-е Управление НКГБ СССР 12 апреля 1941 г. за № 1600.

УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 22–26. Копия.

№ 3.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 3 НКВД КФССР О ФИНСКИХ УКРЕПЛЕНИЯХ, ОБОРОННЫХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ И ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ

№ 14748

г. Петрозаводск

5 мая 1941 г.

Совершенно секретно

ЦК КП(б) – Куприянову,

начальнику 1 Управления НКГБ СССР – Фитину,

начальнику погранвойск НКВД КФО – Далматову

I. Участок железной дороги Ханко-Карис-Хельсинки (Пасила)

Путевое и станционное устройство

Железнодорожный путь и сооружения от ст. Таммисаари до ст. Карис (направление Ханко–Хельсинки) вполне пригодны для движения тяжело-весных составов и бронепоездов. На этом участке однопутное движение.

Строительство новых ж.д. линий

На перегоне ст.ст. Карис–Таммисаари 38 км слева по ходу поезда на п-ов Ханко уложен новый тупиковый путь, в конце которого сооружена большая разгрузочная площадка, где производится разгрузка воинских грузов и эшелонов.

На 23 км между ст. Таммисаари и госграницей п-ов Ханко справа по ходу поезда в район укреплений от ж.д. линии проложен тупиковый путь, идущий вглубь леса.

На 24 км между ст. Таммисаари и госграницей п-ов Ханко справа по ходу поезда в район укреплений от ж.д. линии проложен тупиковый путь, идущий вглубь леса.

На 24 км закончено строительство железнодорожного ответвления, также уложена ширококолейная линия, идущая параллельно границе вглубь леса. Это ответвление может быть использовано для заезда бронепоездов вглубь основного ж.д. полотна и обстрела п-ов Ханко.

Промышленные и оборонные предприятия, расположенные близ линии ж.д.

В 300 м от ст. Карис слева на берегу реки расположена крупная электростанция. От нее в разных направлениях к промышленным предприятиям идут линии высокого напряжения. В 150–200 м от ст. Таммисаари справа по ходу поезда на Ханко имеется мануфактурная фабрика, окрашенная в белый цвет известью. В настоящее время работает по изготовлению сукна для военведа.

Строительство артскладов

Установлено, что на перегоне между ст. Таммисаари и ст. Карис на стыке 36–37 км, т. е. в 2-х км от ст. Таммисаари, слева по ходу поезда из Ханко, метрах в 300 от ж.д. полотна, в большом холме (сопка), поросшим мелким густым лесом, находится вновь выстроенный подземный склад артбоеспитания.

Он обнесен проволочным заграждением, охраняется часовыми. В склад завозятся: снаряды, винтовки, патронные ящики и гранаты.

На ст. Карис слева по ходу поезда из Ханко в метрах в 50 от станции в большой каменный скале сооружается склад боепитания.

Строительство ведется усиленно днем и ночью исключительно солдатами саперных и артиллерийских частей. На строительстве применяются пневматические сверла, отбойные молотки и подрывные средства.

Строительство укреплений в районе у границы п-ов Ханко. Счет и направление с Ханко.

В 500 м от госграницы железнодорожное полотно пересекает шоссе-ная дорога, идущая параллельно границе. На 20 км слева по ходу поезда из Ханко вырыт зигзагообразный окоп.

В начале 21-го км по обеим сторонам ж.д. полотна заканчивается установка проволочного заграждения в три кола. Правая сторона упирается в залив, левая – идет параллельно госгранице в западном направлении вглубь леса до видимости глаза. В конце 21 км установлено проволочное заграждение в 5 колов зигзагообразной формы.

В начале 22-го км и в конце 21-го км между проволочными заграждениями по обеим сторонам установлены красные флажки, подготовлены минные поля. Справа по ходу поезда, вблизи ж.д. полотна сооружено бетонное пулеметное гнездо.

Слева по ходу поезда в 15 км от ж.д. полотна небольшой зигзагообразный окоп. У ж.д. полотна бетонное пулеметное гнездо, а в метрах 60 – два бронированных пулеметных гнезда, расположенных в метрах 30 друг от друга. Метрах в 50 от окопа вглубь Финляндии по обеим сторонам ж.д. – проволочное заграждение в 3 кола, от него метрах в 60 – второй ряд проволочного заграждения в 5 колов. В конце 22 км по обеим сторонам ж.д. – проволочное заграждение в 4 кола. Причем справа по ходу поезда имеется зигзагообразный окоп с двумя бетонными пулеметными гнездами. Между проволочными заграждениями – минные поля.

В начале 23-го км установлены каменные надолбы в 4 ряда по обеим сторонам ж.д. За ними метрах в 60 от ж.д. полотна закончены строительством два больших железобетонных артиллерийских сооружения. Слева по ходу поезда, рядом с полотном ж.д., бетонное пулеметное гнездо. За дотом установлены противотанковые надолбы в 3 камня шахматным порядком. Между дотом и каменными надолбами – минное поле.

24-й км. Вблизи ж.д. полотна по обеим сторонам установлены высокие маскировочные сетки, завешенные ветками из елок, за которыми строятся большие железобетонные сооружения, доты и ходы сообщения (схема укреплений 24 км прилагается).

25-й км. Метрах в 120 от ж.д. полотна, в начале 25 км, справа по ходу поезда ведутся земляные работы, вырыт котлован прямоугольной формы длиной в 50 м, шириной около 25 м, от которого на левую сторону под ж.д. полотном направлением на ст. Карис идет ход сообщения, который соединяется с ходом сообщения, идущим от дотов 24 км, расположенных

на левой стороне ж.д. по ходу поезда. В глубине леса по обеим сторонам ведется большое строительство.

26-й км. Устанавливаются по обеим сторонам ж.д. проволочное заграждение в 4 кола. Метрах в 30 от проволочного заграждения роются зигзагообразные окопы и одиночные блиндажи.

27-й км. Также по обеим сторонам ж.д. вырыт противотанковый ров, заканчивается установка противотанковых надолб в 3 ряда. Справа за надолбами в конце 27 км идет зигзагообразный окоп. С севера в юго-восточном направлении 27 и 28 км укладывается подземный телефонный кабель.

29-й км. Справа по ходу поезда укрепляется берег залива, вырыты окопы, сооружаются блиндажи.

30-й км. Слева по ходу поезда на острове между мостами, пересекающими залив, вблизи автогужевого моста выстроены два железобетонных дота.

Перегон между ст. Таммисаари и ст. Карис 36, 37, 38 и 39 км по обеим сторонам подготовлены к минированию, расставлены красные и желтые флажки. В этих местах хождение запрещено и охраняется часовыми. На стыке между 37–38 км с севера в южном направлении проложен подземный телефонный кабель, идущий к 24-му км в районе укреплений границы п-ов Ханко.

У входных стрелок ст. Карис справа по ходу поезда ведется строительство пулеметных гнезд и бетонных зенитных сооружений.

В район укреплений границы п-ов Ханко в данный период времени финны подвозят большое количество бронеклопаков (для дот), дизельные установки, электромоторы и динамо-машины. Также в район укреплений завезены большие баллоны в виде опрыскивателей ОВ. Там же разгружено большое количество бронированных плит и железа.

Расположение воинских частей

Непосредственно в районе укреплений у границы Ханко в лесу вновь выстроенных казармах, стандартных домиках и палатках расположены противотанковые, артиллерийские, моторизированные и пехотные части. Концентрация их в особенности сгущена на 23-м и 24-м км.

II. Участок железной дороги Риихимяки-Пасила (Хельсинки-товарная)

Путевое и станционное устройство

Участок железной дороги Риихимяки-Пасила двухколейный, вполне пригоден для движения тяжеловесных составов и бронепоездов. Ст. Пасила (Гельсинфорс-товарная) работает в четырех направлениях: Риихимяки-

Карис-Гельсинфорс-пассажирская и по вновь выстроенной ж.д. ветке через Оталампи до Хунсала. Имеет 2 паровозных депо. Одно из них круглое на 34 стойла с двумя проходами для заезда паровозов на поворотный круг. Второе веерного типа на 18 стойл с небольшим поворотным кругом.

Два грузовых парка с большим развитием путей и один пассажирский. Парки оборудованы централизацией и светофорной системой. Справа по ходу поезда на Ханко с противоположной стороны депо имеется воинская платформа с большим фронтом погрузки. Рядом с депо веерного типа имеется большое водоемное здание. Парки оборудованы водонапорными колонками. Станция Хювинькя имеет большое развитие путей, паровозное депо на 10 стойл с небольшим поворотным кругом. Станция оборудована водоснабжением. Имеет большие деревянные склады. Станция Керава – станционный парк 6-7 путей, паровозный сарай на 3 стойла, небольшой паровозный круг и водоснабжение. Станция Кирконумми имеет пять станционных путей, небольшое паровозное депо и водоснабжение.

Строительство новых стратегических ответвлений

Финны строят новую стратегическую железную дорогу, предназначенную для целей разгрузки и улучшения пропускной способности Хельсинского узла. Линия новой дороги идет от ст. Пасила на перегон, прилегающий к станции Питкямяки, где пересекает линию направления Пасила-Карис, поднимается на северо-запад и между станциями Рюнкя (Реюккя) – Оталампи проходит над линией, идущей направлением к Хювинькя-Карис, и уходит вглубь Финляндии. В местах пересечения двух действующих линий ведется строительство переходных мостов. Для разгрузки ст. Пасила-Хельсинки-товарная спешно ведутся работы по укладке вторых путей, на линии ст. Пасила-Кирккониemi направлением Ханко уложено до 22 км рельс, земляные работы закончены, ведется строительство железнодорожного моста.

Промышленность, прилегающая к железной дороге

Около ст. Иокела имеется кирпичный завод. Вблизи ст. Ярвенпя имеется фабрика искусственного шелка. На ст. Керава большой резиновый завод, побеленный известью. От станции идет ветка к заливу на расстоянии 35 км, на линии этой ветки имеются лесопильный и спиртоводочный заводы.

В районе ст. Кирккониemi большой цементный завод, несколько кирпичных заводов, к которым проложены подъездные пути. В метрах 1500 от ст. Пасила расположен склад нефтепродуктов.

Радиостанции

В метрах 300-400 от ж.д. полотна слева и в 1 км от ст. Пасила в сторону п-ов Ханко вновь сооружена радиостанция. Мачты установлены приблизительной высоты 70–80 м.

Аэродромы и ангары.

С левой стороны от ст. Ярвенпя в 800-900 м от оси станции расположен аэродром военного ведомства. Неоднократно замечено, что на этом аэродроме производят посадку и взлет самолеты типа истребителей. На плоскостях в белом фоне фашистский знак свастика.

На перегоне между ст. Пасила и ст. Хоупалаhti примерно в 13 км от ст. Пасила с левой стороны по ходу поезда на Выборг в метрах 400–500 от ж.д. полотна расположен аэродром, там же под горой имеются полуподземные ангары с 4-мя выходами, крыша их засыпана толстым слоем земли. Неоднократно замечено взлет и приземление самолетов типа истребителей.

С левой стороны по ходу поезда на Выборг против оси станции Хоупалаhti в 2-х км от ж.д. линии имеется посадочная площадка. Часто поднимаются в воздух и производят посадку самолеты типа "У-2", моноплан и биплан также с фашистским знаком.

В районе ст. Пасила в лесу в 3-х км от оси станции расположен старый аэродром. В сторону Ханко от старого аэродрома ведется строительство большого аэродрома. Рядом в скале строится подземный ангар с бензохранилищем. На строительстве работают исключительно одни солдаты.

В 2-х км от ж.д. линии слева по ходу поезда на п-ов Ханко против выходного семафора ст. Малми на опушке леса под горой расположен аэродром. Там же в горе имеется подземный ангар, выход обращен в сторону п-ов Ханко.

Строительство артскладов

На ст. Пасила в метрах в 70 от веерного депо в большой каменной скале вырыты 3 тоннели, расстояние между ними 3–4 м. В глубине скалы видна подземная площадка размером 45х90. Сейчас ведется опалубка стен и настил пола.

Строительство укреплений

С левой стороне от паровозного депо на прилегающей к станции Пасила возвышенности установлены три зенитных орудия, стволами обращены в сторону Финского залива. Возвышенность ограждена колючей проволокой. На ст. Малми, слева по ходу поезда на Ханко, в 1,5 км от ж.д. полотна на горе в лесу установлена зенитная вышка.

III. Иностранные войска в Финляндии

В районе расположения ст. Вайникала замечены группы по 5 чел. солдат германской армии, в том числе и офицеры, одетые в черные ботинки, такого же цвета кожаные краги, френч и галифе темно-синего цвета с желтыми кантами, на рукаве левой руки в кругу фашистский знак, на петлицах френча также знак свастика, в касках черного цвета с эмблемой, на которой изображен венок в виде веток, в середине знак свастика.

В расположении г. Сало в зимних казармах стоят германские войска, прибывшие в Финляндию под видом изучения лыжного спорта. Германские войска находятся также в Швеции. Питанием обеспечивает их Финляндия. По данным финских железнодорожников, германские войска находятся в северной части Финляндии и Хельсинки. Пребывание их тщательно скрывается. Появление немецких солдат на улице не замечено, разрешается ходить только офицерам. В районах Петрозаводского, Сортовальского и Выборгского направлений прибыли на постоянную дислокацию в феврале месяце 1941 г. по одному батальону шведской армии.

Нарком госбезопасности КФСР

майор госбезопасности

Баскаков

Зам[еститель] начальника РО НКГБ КФСР

лейтенант госбезопасности

Изотов

УФСБ России по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 28–36. Копия.

№ 4.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 4 НКВД КФСР О ПЕРЕВОЗКЕ ФИНСКИХ ВОЙСК, ТЕХНИКИ, ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ

№ 14749

г. Петрозаводск

5 мая 1941 г.

Совершенно секретно

Перевозки финских войск, техники, вооружения и военных материалов

В феврале и марте 1941 г., особенно в последнее время, финны усиленно перебрасывают воинские части и вооружения к границам Выборгского направления и п-ов Ханко.

11 февраля 1941 г.

На ст. Коуволла в 2 час. 30 мин. происходила погрузка финских солдат возраста примерно лет двадцати. Солдаты одеты в серые тужурки с

красными петлицами и длинные шинели серого цвета. Грузились одновременно 25 вагонов. Поезд был приготовлен к следованию в сторону Выборга. На ст. Таммисаари был сформирован санитарный состав в количестве 21 вагона с финской прислугой.

20 февраля 1941 г.

В 22 час. 30 мин. по финскому времени на ст. Коуволла был сформирован к отправлению в сторону Выборга воинский эшелон, который состоял из: 2 платформ груженных по 3 орудия 76-мм калибра на каждой, без задков, длина ствола примерно 1,5 м. 15 двусосных крытых вагонов с солдатами и взрывгрузами.

Со стороны Риихимяки направлением к Выборгу отправился воинский эшелон. Платформы покрыты брезентом, виднеются двуколки, грузовые и легковые автомашины.

На ст. Таммисаари стояли под разгрузкой на воинской платформе две четырехосные платформы, на которых было погружено по одному тяжелому орудию. Там же разгружались два крытых вагона с винтовками.

На ст. Пасила стоял воинский состав, в котором на двух платформах были погружены танки небольшого размера, три платформы с грузовыми автомашинами совершенно новыми без кузова.

В остальных вагонах груз сена, строительный материал, бензиновая цистерна. Состав следовал в район укрепления границы п-ов Ханко.

21 февраля 1941 г.

На перегоне ст. Риихимяки направлением на Ханко имел скрещение воинский эшелон с нашим поездом, следующим на Ханко. В эшелоне было погружено 29 платформ с автомашинами, окрашенными в белый цвет. На автомашинах был груз крытый брезентом. В трех крытых вагонах находились солдаты.

На ст. Риихимяки стоял сформированный состав направлением к границе п-ов Ханко, состоящий из 16 платформ с грузом формы ящиков и 12 крытых вагонов. Состав охранялся часовыми.

В момент прихода нашего поезда на ст. Таммисаари стояло несколько вагонов под разгрузкой. Разгружались патронные ящики и винтовки. Разгрузку проводили солдаты финской армии. Под разгрузкой находилось около 30 вагонов. Там же на станционных путях стояли две платформы, на которых были погружены большие орудия, стволы длиной 3–4 м, на колесах, могущих передвигаться по железной дороге.

24 февраля 1941 г.

По прибытии н/поезда на ст. Вайникала с пассажирского поезда финляндской ж.д. выгрузилась воинская часть в количестве 150 чел., вооруженные винтовками, автоматами и пистолетами. По-видимому, рота связи, т.к. у солдат имелись телефонные аппараты и провода.

25 февраля 1941 г.

На ст. Коуволла стоял воинский эшелон направлением к Выборгу, состоящий из 36 крытых вагонов, в которых находились солдаты финской армии с лошадьми. По-видимому, передвигалась кавалерийская часть. На ст. Таммисаари происходила разгрузка из 12 платформ грузовых автомашин белого цвета.

1 марта 1941 г.

На ст. Риихимяки был сформирован и готов к отправлению в сторону п-ов Ханко воинский эшелон из 12 платформ и 15 крытых вагонов. Груз на платформах покрыт брезентом, вагоны запломбированы. Состав усиленно охранялся часовыми.

2 марта 1941 г.

В 18 час. 59 мин. на ст. Риихимяки стоял воинский состав направлением на Выборг, который охранялся 10 солдатами с петлицами малинового цвета. На 5 платформах был груз – орудия по 3 штуки 250–300 мм, на трех платформах проволочные катушки и 12 вагонов крытых.

На ст. Риихимяки в момент прибытия н/поезда был отправлен воинский состав направлением к границе ст. Вайникала, в котором было погружено: на 13 платформах по два орудия и на 12 платформах по одному орудию. Там же в парке отправления стоял воинский состав, груженный 26-ю грузовыми автомашинами. Кроме того, были крытые вагоны с лошадьми и сеном. Видно было, что переезжала артиллерийская часть.

4 марта 1941 г.

На 24 км в районе укрепления происходила разгрузка прибывшего воинского эшелона. Выгружались 4 дизеля, 8 больших электромоторов, 6 металлических бронеколпаков диаметром 2,5 м, высотой 1,5 м и несколько двигателей внутреннего сгорания.

На ст. Коуволла стояло 2 эшелона направлением ст. Вайникала. Из них: в одном груз – 17 автомашин и 14 крытых вагонов с солдатами. Во втором эшелоне: 6 санитарных автомашин, 8 вагонов лошадей, 9 вагонов солдат, две платформы военно-хозяйственный инвентарь, 8 платформ с неизвестным грузом формы низких ящиков, покрытых брезентом.

6 марта 1941 г.

На ст. Риихимяки стоял воинский состав из крытых вагонов, в которых находились солдаты, одетые в черные шинели, серые шапки. Состав охранялся полицией.

На ст. Инго в 12 час. 05 мин. стоял поезд № 1822, в котором было 12 платформ, груженных большими железными плитами во всю ширину платформы, толщина 20–25 мм.

На ст. Карис в тупиковом пути стояли три платформы с бронеколпаками для ДОТ.

На ст. Коуволла стоял состав направлением в сторону п-ов Ханко, в котором было 12 платформ, груженных ящиками большого размера длиной до 1 м, покрытых брезентом (форма снарядных ящиков).

На ст. Риихимяки стоял воинский поезд следованием в сторону Выборга. В составе поезда находились две платформы, груженные по одному орудию, и 5 платформ по 2 орудия. В остальных крытых вагонах находились солдаты.

9 марта 1941 г.

На ст. Таммисаари выгрузилась воинская часть из 5 крытых вагонов. На платформах были погружены трактора и автомашины, одна платформа с тяжелым орудием на гусеничном ходу и одна платформа с одиночными снарядами в деревянной круглой упаковке.

10 марта 1941 г.

На ст. Карис стояли под разгрузкой две платформы по два небольших орудия на каждой и три вагона солдат.

На ст. Риихимяки стояло два состава. Один направлением на ст. Вайникала, груженный 12 автомашинами. Второй направлением Ханко, груженный 9 автомашинами и один вагон взрывгруза.

На ст. Коуволла проследовал поезд в сторону Выборга, в котором было погружено 3 вагона взрывгруза с наклейкой “взрывбомба”, одна платформа, груженная 2 пушками малого калибра.

13 марта 1941 г.

На ст. Риихимяки стоял воинский поезд, состоящий из 5 платформ, груженных танками среднего размера, по одному танку на каждой платформе, и 3 платформы с грузовыми автомашинами. Поезд охранялся солдатами. Имел направление в сторону Выборга.

На ст. Карис стоял товарный состав, в котором было две платформы с походными воинскими кухнями, две платформы с машинами в виде камнедробилок, две платформы – груз доски, остальные вагоны, крытые за пломбами.

14 марта 1941 г.

На ст. Риихимяки стоял готовый к отправлению в сторону п-ов Ханко состав, в котором было 5 платформ, груженных зенитными орудиями.

На ст. Коуволла стоял поезд направлением на Выборг, в котором было 5 платформ, груженных большими бетономешалками и двигателями к ним, одна платформа с грузовой автомашиной и несколько платформ, груженных железной арматурой, одна платформа с бронеколпаками. Состав охранялся полицейскими. Там же находился второй состав, охраняемый солдатами. В составе было 12 крытых вагонов, 8 платформ, груженных ящиками, платформа с двумя 76-мм орудиями, одна платформа с двумя орудийными ящиками и платформа с двуколками.

15 марта 1941 г.

На ст. Таветти стоял состав направлением на Выборг, в котором было 2 платформы с бронеколпаками, одна платформа с грузовыми автомобилями, одна – с большими металлическими отливками формы цилиндра размером 2 м длины и 1,5 м ширины, одна платформа с металлическими листами длиной в 2 м, толщиной 45 мм.

16 марта 1941 г.

На ст. Лахти проследовал поезд в сторону п-ов Ханко, в котором было две платформы с легковыми автомобилями и 14 платформ с грузовыми автомобилями. Кузова автомашин покрыты брезентом.

17 марта 1941 г.

На ст. Риихимяки с севера прибыл поезд, в котором находилось 7 танков, 4 наливных автомашины, два зенитных орудия. Поезд сопровождался большой охраной. Поезд был быстро переформирован и отправлен в сторону Вайникала.

На ст. Коуволла из северной полосы Финляндии прибыл состав из 36 вагонов с солдатами, 3 вагона с лошадьми, 4 вагона с хозинвентарем. Поезд был сразу же отправлен по направлению Сердоболь (Сортавала).

На ст. Таммисаари прибыл поезд с автомобилями в количестве 35 штук и поставлен под разгрузку.

Со ст. Лахти в сторону Выборга был отправлен поезд с 60 автомашинами. Состав охранялся часовыми.

В парке ст. Коуволла находился состав, сформированный в сторону ст. Вайникала. В составе было 16 танков, 14 орудий среднего калибра, 6 вагонов взрывгруза. Танки и орудия были покрыты брезентом. Состав охранялся часовыми.

На ст. Таветти стоял под разгрузкой воинский эшелон. В нем находились 18 орудий различного калибра, 8 походных кухонь и 12 крытых вагонов с солдатами.

24 марта 1941 г.

Со ст. Пасила в сторону п-ов Ханко был отправлен воинский эшелон с 15 совершенно новыми грузовыми автомобилями, окрашенными в белый цвет, два крытых вагона с солдатами, одетыми в белые халаты. Вооружены автоматами, имели при себе лыжи.

Нарком госбезопасности КФСР

майор госбезопасности

Баскаков

Зам[еститель] нач[альника] разведывательного отдела

НКГБ КФСР лейтенант госбезопасности

Изотов

№ 5.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
НКГБ СССР ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ
И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ
В ФИНЛЯНДИИ

№ 1874/м

25 мая 1941 г.
Совершенно секретно

ЦК ВКП (б) – тов. Сталину
СНК СССР – тов. Молотову
НКВД СССР – тов. Берия

Видный деятельно социал-демократической партии рассказал следующее:

1. Между Финляндией и Германией существует секретное экономическое соглашение, на основании которого финны не имеют права экспортировать большинство своих товаров в другие страны, кроме Германии. Поэтому же соглашению финны обязаны поставлять Германии никель и другие руды. Вышеуказанное соглашение заключено в связи с вопросом о никелевых разработках в Петсамо. Немцы в свое время купили часть акций этих разработок и затем вложили 200 млн финских марок на постройку и оборудование рудников. Будут ли впоследствии финнами покрываться эти затраты – неизвестно. В связи с этими вложениями немцы получили экономические привилегии и право вывоза 60% никеля. Ответ финского правительства Советскому Союзу по вопросу о никеле посылался советнику финской миссии в Москве Хюнинен, но последний дважды отказывался вручить этот ответ как неудовлетворительный. Перед отъездом в Москву Паасикиви говорил Войонмаа, что если ему предложат такой ответ дать Москве, то он все равно будет говорить то, что он находит нужным и как он этот вопрос принимает. Выполнение финнами заказов СССР на буксиры согласовано с немцами, поэтому немцы поставляют финнам металл.

2. Недовольство министром иностранных дел Виттингом нарастает. Рюти и Рангель хотели бы избавиться от Виттинга, но очевидно сделать этого не могут, поскольку Виттинг является ставленником немцев.

Немцы неофициально ведут кампанию против Маннергейма. Генерал Талвела и другие немецкие агенты распространяют в армии слухи, что Маннергейм стар, что ему нужен теперь только почет и уважение за прошлое, что он не понимает происходящего переустройства Европы и т.д.

3. Бывший министр внутренних дел фон Борн рассказывал, что он обратился к Виттингу с вопросом, как понимать отправку финских добровольцев в Германию и указал, что отправку их на немецких паро-

ходах, привозящих в Финляндию транзитные войска – незаконна, тем более что они едут даже без паспортов. Виттинг ответил фон Борну, чтобы он не вмешивался в дела, которые его не касаются.

В Германию финны отправляют молодежь, начиная от 15 лет, преимущественно сынов егерей⁴.

4. Финляндский посланник в Лондоне Гриппенберг в своих рапортах МИДу сообщает, что английское правительство категорически потребовало от него сообщить о количестве немецких войск, проходящих через Финляндию и находящихся в стране. Гриппенберг указывает, что он находится в большом затруднении, так как ему трудно убедить англичан, что в Финляндии находится не больше 1500 немцев. Особенно сильно на него нападает английский министр снабжения, который прямо сказал ему, что о количестве немцев он врет.

5. Министр обороны – генерал Вальден недавно явился в социал-демократическую фракцию сейма с просьбой поддержать в сейме вопрос о дополнительном ассигновании 2–3 млрд. марок на военные нужды. Вальден сказал, что если армия получит эту сумму, она сможет сражаться с любой, даже великой, державой.

6. Таннер стал уживаться с немцами. Ему очень хочется вернуться в правительство. В социал-демократической фракции сейма Таннер уже потерял большинство. Таннер как-то сказал, что если бы финское правительство знало раньше то, что оно знает сейчас, оно никогда бы не согласился с требованием Москвы об удалении его из правительства.

7. Разговоры об уходе Паасиниви с поста посланника в Москве последнее время утихли. Не исключено, что он на этом посту останется.

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1520–1524. Заверенная копия.

№ 6.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА НКГБ СССР О ВОЕННОЙ СИТУАЦИИ В ФИНЛЯНДИИ

№ 2110/м

4 июня 1941 г.

Совершенно секретно

ЦК ВКП (б) – тов. Сталину
НКВД СССР – тов. Молотову
НКВД СССР – тов. Берия

31 мая президент Рюти на заседании правительства заявил, что международная военная ситуация сейчас весьма сложна и опасна. Германия перебрасывает около 100 дивизий на восточную границу, в связи с чем там прекращено пассажирское движение.

Между СССР и Германией ведутся какие-то переговоры, хотя Москва это отрицает. В ближайшее время увеличится транзит немецких войск через Финляндию. Уязвимыми местами для Финляндии являются: Ханко, Петсамо и Аландские острова. Финляндия находится в опасности. Она хочет остаться нейтральной, но Германия оказывает давление на финское правительство, которое хотело бы сопротивляться этому нажиму, но ничего не выходит.

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1746–1747. Заверенная копия.

№ 7.

**ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
НКГБ СССР О ПОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ФИНЛЯНДИИ
ОТНОСИТЕЛЬНО АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ФАШИСТСКОЙ
ГЕРМАНИИ И ВОВЛЕЧЕНИЯ ФИННОВ В ВОЙНУ**

№ 2200/м

11 июня 1941 г.

Совершенно секретно

ЦК ВКП (б) – тов. Сталину
НКВД СССР – тов. Молотову
НКВД СССР – тов. Берия

1. На заседании финляндского правительства 9 июня президент Рюти заявил, что по требованию немцев, Финляндия должна в ближайшие дни провести частичную мобилизацию и что в ближайшие же дни в Финляндию начнут прибывать в большом количестве немецкие войска. Одновременно немцы потребовали от финляндского правительства немедленного удаления из Финляндии, и в первую очередь из Петсамо и других северных районов, всех англичан и поляков.

Рюти заявил, что финны вынуждены выполнить эти требования немцев, так как другого выбора нет. Война Финляндии не улыбается, но такова ситуация. Англия помочь не может. Швеция отказалась от союза с Финляндией и, таким образом, никакой защиты от советской агрессии финны не имеют. Далее Рюти сказал, что вопрос о том, будет ли война между Германией и СССР или нет, разрешится 24 июня. Может быть, войны еще не будет, так как Гитлер и Риббентроп против войны с СССР, но ее желают немецкие генералитет и генштаб. Военные приготовления Германии против СССР Рюти объяснил опасением немцев, что СССР попытается захватить Нарвик и выйти к Атлантическому океану; что это стремление доказано требованием Советского Союза построить железную дорогу Сало–Кемияраи.

Финляндское правительство приняло решение всех поляков из Финляндии удалить, бывших английских добровольцев отправить в Швецию, а вопрос об остальных англичанах остался открытым до следующего дня, так как против удаления англичан высказывалось много членов правительства. Министр финансов Пеккала заявил правительству, что Финляндия должна отклонить немецкие требования, так как финский народ воевать не будет. Его поддержали министр социальных дел, социал-демократ Фагерхольм и министр снабжения, аграрий Арола.

При обсуждении заявления Рюти, реваншистских настроений в правительстве не было проявлено, но подчеркивалось, что в случае нападения немцев на СССР, Финляндия будет втянута в войну.

2. Германский посланник в Финляндии Блюхер⁵ заявил министру Виттингу, что решение СССР продать финнам 20 000 т хлеба принято по требованию немцев.

3. Немцы перебросили свой воздушный флот из Сицилии к советской границе.

4. Правительство предложило Пеккала поехать посланником в Москву или перейти на пост министра торговли и промышленности с тем, чтобы на его место можно было назначить Таннера. На посту министра торговли и промышленности Таннеру пришлось бы соприкасаться с СССР, а, будучи министром финансов, он не будет иметь дел с СССР.

От поста посланника Пеккала отказался. Вопрос о его переходе в другое министерство и назначении Таннера будет обсуждаться 10 июня на правлении социал-демократической партии.

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1847–1850. Заверенная копия.

№ 8.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
НКГБ СССР О ПРИГОТОВЛЕНИЯХ ГЕРМАНИИ
К ВОЙНЕ С СССР

№ 2207/м

11 июня 1941 г.
Совершенно секретно

ЦК ВКП (б) – тов. Сталину
НКВД СССР – тов. Молотову
НКВД СССР – тов. Берия

Немцы перебрасывают из Северной Норвегии в Финляндию дивизию, которая прибывает в Рованиemi. Часть этих войск уже расположена в пограничном с СССР районе Куусамо.

В ближайшие дни ожидается война между Германией и СССР, и немцы предполагают выступить из Финляндии, которая будет играть большую роль.

О предстоящем в ближайшие дни выступлении Германии против СССР рассказал также бывший министр, который объясняет это выступление отказом Советского Союза в поставке немцам хлеба и горючего.

Из других источников сообщают, что в ближайшие дни в Финляндии высадится большое количество германских войск.

9 июня в Або прибыл немецкий военный транспорт, который привез, примерно, 1500 солдат и 40–50 автомобилей для мотопехоты. Все это направлено в сторону Таммерфорса.

ЦА ФСБ России. Ф.3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1851–1852. Заверенная копия.

№ 9.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
НКГБ СССР О ВОЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ
В ФИНЛЯНДИИ И КОНЦЕНТРАЦИИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК

№ 2233/м

13 июня 1941 г.
Совершенно секретно

ЦК ВКП (б) – тов. Сталину,
НКВД СССР – тов. Молотову,
НКВД СССР – тов. Берия,
НКО СССР – тов. Тимошенко

В стране началась частичная мобилизация. Мобилизация проходит по требованию немцев. Все мобилизованные отправляются на восточную границу. Призывается, главным образом молодежь.

Одновременно происходит непрерывный подвоз немецких войск. Прибыло уже три дивизии немецких солдат. Около двух дивизий ожидают погрузки в Штеттине. Переброска немецких войск в Финляндию и мобилизация финских резервистов происходят с целью психической атаки на СССР, чтобы добиться уступок для немцев в происходящих переговорах между Советским Союзом и Германией.

Однако, не исключена возможность непосредственного нападения немцев на СССР, и Финляндия может быть использована как плацдарм для этого нападения.

О начавшейся мобилизации в Финляндии подтверждают также и другие источники.

ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1861–1862. Заверенная копия.

№ 10.
СООБЩЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПОГРАНВОЙСК НКВД ЛО
О СИТУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ

№ В-554/5
г. Ленинград

20 июня 1941 г.
Совершенно секретно

Наркому госбезопасности Карело-Финской ССР
майору госбезопасности тов. Баскакову

Командирским и войсковым наблюдением за приграничной полосой Финляндии установлено:

1. Против участка 102 погранотряда 19 июня 1941 г. производилась эвакуация местных жителей из 5 домов в районе корд. 2638 и 2 хуторов в районе корд[инаты] 26404010. Жители на подводах увозили домашние вещи в направлении ст. Париккала.

2. С 7.00 20 июня 1941 г. против участка 5 КПО фин[нские]. солдаты поспешно эвакуировали жителей Пурнуярви (9416), Сарви (9614), Мюллюмяки (9414) и Якола (8296). Эвакуация отмечается и против участка 1 комендатуры 102 ПО.

3. С 14.00 до 16.00 19 июня 1941 г. в районе хутора корд. 25404010 три человека, из них один офицер и солдат, производили осмотр и обмер лошадей.

4. 19 июня 1941 г. в районе моста (22324060) и по берегу озера Куккавалампи до 20 фин[ских]. солдат устанавливали проволочное ограждение в шесть рядов протяжением от моста 350 метров. В 20.00 солдаты на автомашинах убыли в направлении Париккала.

5. В 14.25 19 июня 1941 г. из кордона Йоуки (2432) в направлении Койтсанлахти (1830) прошла автомашина с 20 солдатами, вооруженными винтовками.

6. С 21.00 в районе погранзнаков 60 и 63 в 55 м от линии госграницы, на северном берегу озера Куккавалампи и в районах корд[инаты] 2234 и 2236 производятся работы: слышен стук топоров, шум повозок и лягз железа.

7. С 20.00 19 июня до 2.00 20 июня 1941 г. по дороге Париккала – Койтсантахти наблюдалось усиленное движение автотранспорта с грузом и людьми. Зафиксировано 39 машин, проследовавших в оба конца.

8. Финская погранстража вблизи границы не отмечается, можно предполагать отход ее в тыл.

Начальник погранвойск НКВД ЛО
генерал-лейтенант

Степанов

№ 11.
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 8
НКГБ КФССР О НАБЛЮДЕНИЯХ АГЕНТУРЫ
ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ
ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ ОТНОСИТЕЛЬНО
ПРИГОТОВЛЕНИЙ ФИННОВ К ВОЙНЕ

№ 14809
г. Петрозаводск

24 июня 1941 г.
Совершенно секретно

Секретарю ЦК КП(б) КФССР тов. Куприянову
Нач[альнику] 1 Управления НКГБ СССР
ст[аршему] майору госбезопасности тов. Фитину
Нач[альнику] погранвойск НКВД КФО
генерал-майору тов. Далматову
Нач[альнику] УНКГБ Ленинградской обл.
ст[аршему] майору госбезопасности тов. Куприну⁶
Нач[альнику] УНКГБ Мурманской обл.
майору госбезопасности тов. Ручкину⁷

По данным агентуры, добытым в порядке личного наблюдения при проезде через финляндские ж/д, и от финских железнодорожников, сопровождавших наши поезда, установлено, что правящие круги Финляндии и финская военщина по указанию Германии на протяжении двух месяцев – апрель–май, а в особенности в последнее время вели усиленную подготовку к войне против СССР. В этих целях у наших границ спешно заканчивалось строительство укреплений, пополнялась армия за счет проводимой повсеместной массовой мобилизации нескольких возрастов, непосредственно у границ СССР концентрировались войска финской армии, из погранрайонов продолжалось массовое переселение мирного населения.

В Финляндии издан закон, по которому каждый трудоспособный должен отработать семидневную неделю на государственных работах. На основе этого закона в районы укреплений согнана масса населения, которые работают на строительстве.

Ниже приводятся разведывательные данные:

Источник “К” На 31 км от ст. Ханко (у самой ст. Тамисаари) через залив имеются два железнодорожных моста. Параллельно (с севера) проходит шоссе также с двумя мостами через залив. В случае разрушения железнодорожных мостов, финны строят обходные пути, насыпь земляного полотна уже закончена, подвозятся стрелочные переводы, шпалы и рельсы (схема строительства ответвлений прилагается).

Источник “Б”. Вновь строящаяся ж/д линия на Лаппенранта сдана в эксплуатацию, разъезд Тени превращен в станцию трех направлений: Коуволла-Лаппенранта и Вайникало. Открыто движение поездов, станция имеет название Айнисимула, на ней имеется 9 путей до 1 км длиной, ведется строительство здания станции.

В двух км от ст. Коуволла в сторону Хельсинки из озера Санмихелле течет река Кюмине, впадающая в залив, по берегу которой расположено семь заводов: бумажные, деревообделочные и механические. Ж/д. мост через реку Кюмине охраняется солдатами, кроме того в 50 м от моста в сторону Коуволла и в 50 м от ж/д линии справа по ходу поезда на Выборг сооружена зенитная вышка с тяжелым вооружением.

На ст. Карьяя за паровозным депо вновь выстроен небольшой трехэтажный завод, к нему подвезено много железных бочек, окрашенных в белый цвет. Нашей агентурой неоднократно отмечалось – из завода выезжали грузовые автомашины со знаком на кузове – аэроплан.

На перегоне между ст. Питиямяки-Гранкулла ж/д линии Пассила-Карьяя скоростным методом ведется строительство шоссеиной дороги, идущей с севера в юго-западном направлении к заливу, по-видимому, она соединяется с вновь строящейся дорогой на перегоне между ст. Ойякала Оталампи ж/д линии Риихимяки-Карьяя.

На 232 км перегоне между ст.ст. Тавети-Луумяки в каменном карьере закончено строительство большой воинской площадки с 4-мя подъездными путями и большим фронтом разгрузки, одновременно могут разгружаться 4 эшелона, площадка в данное время эксплуатируется, на ней производится разгрузка больших воинских соединений, идущих со стороны Хельсинки в район границы Выборгского направления.

Источник “Щ”. 11 июня 1941 г. машинист депо ст. Пасила финляндских ж/д Аянто Верд рассказал, что в г. Турко имеется авиационный, мотостроительный и текстильный заводы, которые работают по заказам военведа. На этих заводах сейчас работают германские солдаты.

Источник “С”. Машинист финляндской ж/д Койонен сообщил, что в 900 м от ст. Кория слева, по ходу поезда из Выборга, в лесу расположен большой аэродром. На аэродроме имеется три больших ангара и много военных самолетов. Указывая на воинские казармы, Коппонен сказал: “Здесь много солдат, которых обучают приемам штыкового боя. Тут же дислоцируется женский батальон, с левой стороны в лесу расположен снарядный склад и склад авиационных бомб, недалеко от склада имеется склад нефтепродуктов”.

Данные Коппонен источником при возвращении из Ханко были проверены личным наблюдением, который установил, что вблизи военного городка также имеется склад нефтепродуктов, который охраняется часовыми.

Источник "Б". От ст. Вайникала и до ст. Коуволла ведется строительство дотов, роятся ходы сообщения и окопы с пулеметными гнездами, устанавливаются противотанковые надолбы и проволочные заграждения. Вновь начаты работы по строительству укреплений 4-й линии обороны, расположенной у подхода к ст. Коуволла, по обеим сторонам ж/д полотна роют противотанковый ров, в 500 м от него в сторону Коуволла устанавливаются проволочные заграждения в 4 усиленных кола.

В 1 км от ст. Утти в сторону Выборга по обеим сторонам ж/д строится цепь пулеметных гнезд из бревен, обсыпанных толстым слоем земли, с амбразурами большого радиуса обстрела, цепь пулеметных гнезд связана между собой строящимися ходами сообщения зигзагообразной формы. Пулеметные гнезда и ходы сообщения строятся в густо поросшем молодым лесу перед большой поляной.

В 250 м от ст. Таветти в сторону Выборга справа по ходу поезда на Ханко, в 250 м от ж/д полотна закончено строительство трех дотов, произведена обсыпка их песком. Доты приняли форму искусственно-насыпанных курганов, слева в 100 м от ж/д вырыт новый котлован квадратной формы в объеме 150 м для строительства дота. Это место в данный период времени маскируется забором из ветвей. На 24 км справа по ходу поезда из Ханко в радиусе 50–100 м от ж/д полотна закончено строительство трех дотов, они осыпаны толстым слоем песка и замаскированы мхом. Метрах в 50 от ж/д слева закончено строительство большого дота прямоугольной формы длиной до 100 м в окружности, стены песком еще не осыпаны. Вблизи дота также закончено строительство бетонного сооружения плоской формы, имеющего амбразуры по горизонтали и вверх. Все доты связаны ходами сообщений, которые идут кривыми линиями в сторону Таммисаари к пулеметным точкам, ходы сообщения сверху закрыты бревнами и засыпаны толстым слоем земли. В местах изгибов их расположены пулеметные точки, установлены бронеколпаки, которые входят в землю до амбразур и на поверхности земли мало видимы. На бровке ж/д полотна в р-не 24–25 км сооружено по 4 пулеметных гнезда, имеющие также ходы сообщения между собой и к траншеям, ведущим к дотам.

На 22 км устанавливается новый ряд проволочного заграждения в 3 кола, на 23 км справа и слева ж/д полотна метрах в 50 закончено строительство двух дотов, на одном из них, который расположен слева, установлен сверху бронеколпак.

В 3-х км от Таммисаари усиленно ведется строительство укреплений у залива, начиная от ж/д полотна роятся окопы, на возвышенности у залива ведется строительство дотов и огневых точек.

На острове между железнодорожными и автогужевыми мостами в 50 м от ж/д строится большой железобетонный дот, к месту строительства подвезено много арматурного железа, цемента и камня. В район

укреплений продолжают поступать металлическое литье стали Крупа, тавровые балки и бронеколпаки разных размеров и форм. Бронеколпаки, завезенные в зону укреплений в район к границе п/о Ханко, были в употреблении, на них имеются следы пулевых ссадин, видимо снятые из укреплений линии Зигфрида или Мажино.

12 июня 1941 г. на ст. Симула было разгружено 4 платформы с плитами и литьем для дотов и амбразур, одна платформа с противотанковыми препятствиями из двутавровых балок формы большой буквы "А".

11 июня 1941 г. в порту Таммисаари из парохода "Лурье" выгружено 6 больших бронеколпаков с амбразурами, которые были перевезены в район укреплений у границы п/о Ханко на 23 км.

12 июня 1941 г. на Луумяки выгружено два бронеколпака и одна бойница большого размера из стали.

14 июня 1941 г. на той же станции было выгружено 3 бронеколпака для дотов больших размеров.

19 июня 1941 г. на 37 км на разгрузочную площадку были выгружены два бронеколпака, ржавые старой отливки, того же числа на ст. Луумяки выгружено 6 больших бронеколпаков с амбразурами и толстыми круглыми ребрами на стенах для устойчивости.

20 июня 1941 г. на 24 км в районе укрепления у границы Ханко выгружено 3 бронеколпака.

Данные источника "Б" подтверждаются сообщениями источников "Щ", "К", "Б", "М" и "З".

Источник "З". На 276 км перегона ст. Райникала-Симула, к ранее установленным надолбам в три ряда, дополнительно устанавливаются еще два ряда надолб из камня большого размера, на этом же км слева по ходу поезда строится большое железобетонное артиллерийское сооружение.

На перегоне ст. Пулса-Луумяки на 155-256 км по обеим сторонам ж/д ведется подготовка к дополнительной установке двух рядов каменных надолб к уже имеющимся 4 рядам. Там же по сторонам ж/д полотна в радиусе до видимости глазом укрепляется возвышенности (сопки), на которых строятся доты и пулеметные гнезда. На стыке 235-236 км перегон ст. Таветти-Кайярви по обеим сторонам ж/д полотна ведутся большие земляные работы – роют ходы сообщения, окопы и котлованы для огневых точек. В 100 м от ж/д полотна слева по ходу поезда из Выборга проложена узкоколейная дорога, по которой подвозятся стройматериалы.

На 203 км перегона ст.ст. Утти-Коуволла по обеим сторонам ж/д перед проволочным заграждением в три кола устанавливаются противотанковые надолбы в 4 ряда. Железнодорожный путь 256 км финнами подготовлен к минированию, вырыты три квадратных ямы в м длины и 1,5

м глубины, стенки их обложены досками, ямы приняли форму ящиков, расстояние их друг от друга 80–100 м.

Ист. “Ч”. На ст. Пасила в скале возле депо закончено строительство двух бомбоубежищ, спешно ведется строительство двух бомбоубежищ в каменной скале за топливным складом и одного убежища в скале возле моста ж/д линии ст. Пасила-Товарная Хельсинки-Пассажирская. На ст. Карьяя справа по ходу поезда из Ханко в каменной скале начато строительство убежища, которое ведется усиленно, на строительстве применяется пневматика, взрывчатка, работает много рабочих (схема строительства убежища прилагается).

Источник “Щ”. 11 июня 1941 г. проводник финляндских ж/д Аянто Верд рассказал, что строить укрепления помогают Германия и Швеция. Германия снабжает железом и вооружением, а Швеция на севере Финляндии у границ СССР сама своими средствами строит укрепления.

Источники “Е” и “Б”. Главный кондуктор финляндских ж/д Сальвара заявил, что строительство укреплений ведется под руководством немецких военных специалистов, которые находятся на ст. Луумяки и Симола, сообщения Сальвара подтверждено личным наблюдением нашего агента, который 11 июня 1941 г. на ст. Симула видел немецких офицеров, вышедших из станции смотреть на наш поезд.

5 июня 1941 г. в порту ст. Таммисаари во время следования нашего поезда стоял под разгрузкой пароход “Меллуй” под германским флагом.

7 июня 1941 г. в порт Таммисаари прибыл германский пароход с углем, который разгружался двое суток.

12 июня 1941 г. в порт Таммисаари прибыл под разгрузку угля германский пароход, с этого парохода, по-видимому, и были выгружены 6 бронеколпаков.

В район укреплений Выборгского направления продолжают прибывать в разобранном виде германские самолеты, так, например:

1 июня 1941 г. на ст. Утти был разгружен в разобранном виде самолет голубого цвета с черным фашистским знаком.

2 июня 1941 г. на эту же станцию прибыл под разгрузку в разобранном виде самолет с немецкими опознавательными знаками – свастика.

11 июня 1941 г. со ст. Ойти в сторону Риихимяки в воинском эшелоне была отправлена одна платформа с разобранном самолетом типа истребитель.

16 июня 1941 г. на ст. Риихимяки в парке отправления в сторону Коуволы среди вагонов и платформ с воинским грузом была одна платформа, погруженная одномоторным самолетом в разобранном виде, на плоскостях которого были фашистские знаки – свастика.

Того же числа на ст. Коуволы в парке отправления в сторону Вайникала на 2 платформах были погружены по одному самолету в разобранном виде.

Со ст. Ярвеля 16.06.41 г. в 21 час проследовал поезд 1256 в сторону Коуволы, в котором была одна платформа, груженная самолетами также в разобранном виде.

На ст. Риихимяки в составе направлением ст. Коуволы на платформу был погружен самолет с фашистским знаком свастики, самолет окрашен в черный цвет.

17 июня 1941 г. со стороны Риихимяки в сторону Вайникала была отправлена платформа с самолетом СЦ-9 типа истребитель.

Источники "К", "З". С 15 июня с.г. в Финляндии одновременно были мобилизованы в армию 19 возрастов, начиная с 19-летнего возраста и до 45-летнего включительно. Призываемые немедленно вооружались, соединялись в крупные подразделения и воинскими эшелонами немедленно отправлялись к нашим границам: Выборгского направления, Сердобольского, Петрозаводского и дальше на север.

По данным тех же источников, крупные подразделения, вновь мобилизованные, в одинаковой мере концентрируются в направлении границы п/о Ханко.

Спешность проводимой мобилизации подтверждается еще тем, что все призванные немедленно отправлялись к границам, в пути следования из вагонов-кладовых, им выдавалось обмундирование из ящиков, погруженных на платформах, следуемых с эшелонами, выдается оружие и боеприпасы. При формировании и погрузке воинского состава наряду с людьми в поезд загрузались лошади и фураж. В целях мобилизации общественного мнения среди населения ведется усиленная пропаганда о дружбе Германии с Финляндией, о непобедимости Германии и партии национал-социалистов. Наряду с этим, в целях вызвать озлобление против СССР, среди населения ведется открытая агитация о том, что якобы Советский Союз намеревается захватить Финляндию. Эвакуация из погранрайонов крестьян и гражданского населения продолжается, за период с 1 июня по 20 июня 1941 г. нами через агентуру, выезжавшую заграничными поездами, отмечены следующие передвижения переселенцев:

11 июня 1941 г. на ст. Лахти производилась разгрузка 4-х вагонов с переселенцами. На ст. Момила разгружался один вагон с переселенцами крестьянами.

12 июня 1941 г. на ст. Лохья разгружалось 5 вагонов переселенцев крестьян, прибывших из погранрайонов п/о Ханко.

14 июня 1941 г. со ст. Риихимяки в сторону Лохья было отправлено с товарным составом 5 вагонов переселенцев, того числа по прибытию поезда "С-2" на ст. Лохья, на последнем находилось 3 вагона под разгрузкой с переселенцами.

Из погранрайона у границы Энсо на ст. Оталампи отправлено два вагона с переселенцами.

14 июня 1941 г. в сторону Кория со ст. Ярвеля отправлен в товарном составе один вагон с переселенцами. Того числа на ст. Коуволла в составе, прибывшем со стороны Райникала, было 6 вагонов переселенцев с домашними вещами и мелким сельскохозяйственным инвентарем.

20 июня 1941 г. в 13 часов дня со ст. Райникала были отправлены 6 вагонов переселенцев крестьян, у вагонов находилось много женщин и детей, видимо, несколько семейств. Того же числа вечером, по данным источника "Палочника", в багажный вагон было посажено несколько семейств из гражданского населения и отправлено в сторону Коуволла.

На ст. Лохья, как сообщает ист[очник] "К", в воздухе на шарах расставлено заграждение из самолетов, окрашены в серебристо-белый цвет.

17 июня 1941 г. в район границы п/о Ханко завезено около 2 тыс. совершенно новых велосипедов, предназначенных для веломоточастей, на руле велосипедов установлено специальное гнездо для стрельбы из пулемета и винтовки.

По данным газеты "Хельсинки-Саномат" от 4 июня 1941 г. в Финляндии по инициативе военных кругов создан "Союз фронтовиков", почетным председателем избран Маннергейм. По их же инициативе создан "Воинствующий союз молодежи". 3 и 4 июня Маннергейм принимал представителей обоих союзов.

17 июня 1941 г. машинист-проводник финляндских ж/д Хямяляйнен Виктор источнику "Б" в присутствии паровозной бригады заявил: "У нас по радио часто сообщают, что скоро начнется война между Россией и Германией и о том, что Гитлер у западных границ СССР сконцентрировал 120 дивизий войск, наш город озлоблен на СССР за прошлую войну с Финляндией. Теперь у нас большая национал-социалистическая партия. Она выросла после войны в два раза, она поддерживает правительство. Мы готовы воевать потому, что Россия в Выборгском округе концентрирует много войск".

Аналогичное сообщение о распространении слухов о нарастающих военных событиях между СССР и Германией рассказал нашему источнику "Заболотскому" машинист-проводник финляндских ж/д Коппонен Эдмур. "У нас передают по радио, что Гитлер к западным границам Украины подтянул армию в 120 дивизий, скоро между Россией и Германией будет война. Германия призывает в армию 1915, 1916 и 1917 годы рождения. Финляндия, в свою очередь, проводит мобилизацию нескольких возрастов...". И далее: "Крестьяне и рабочие Финляндии недовольны своим правительством, желают пойти на сближение с Россией, но наше правительство пошло на сближение с Германией и ведет с ней открытую дружбу...".

Источник "Б". В финских газетах ведется пропаганда, в которой восхваляется деятельность Германии, популяризируется книга Гит-

лера “Моя борьба”, “Путь немцев”, “Белая книга”, распространяются слухи о непобедимости немцев. По этому вопросу главный кондуктор финляндских ж/д Вариус (шюцкорист) 19 июня 1941 г. прямо заявил: “Германия и русские белогвардейцы общими усилиями будут громить все препятствия, дабы завоевать правоту действий партии национал-социалистов...” (дословно).

В газетах и по радио правящие круги Финляндии распространяют слухи, что СССР не выполняет взятых на себя по торговому договору обязательств, поставив всего товара на 11%, в то время как финны поставили СССР 48%. По вопросу сообщения в “Правде” о процессе над друзьями СССР в Финляндии объявлено, что сообщение СССР является грубой выдумкой русских.

Военные перевозки

За период с 1 июня 1941 г. по 20 июня 1941 г. нашей агентуре удалось установить следующие воинские перемещения:

2 июня 1941 г. на перегоне Манкала-Каусала в проходившем встречном поезде в сторону Вайникала на двух платформах были погружены по три зенитных орудия с поднятыми вверх стволами.

4 июня 1941 г. на ст. Лохья в путевом парке стоял состав, готовый к отправлению в сторону границы Ханко, в котором на 3-х платформах были погружены походные кухни, хоз[яйственный] инвентарь. в поезде было 11 крытых вагонов за пломбами.

9 июня 1941 г. на ст. Таммисаари из 18 крытых вагонов выгружалась воинская часть, солдаты были вооружены винтовками.

11 июня 1941 г. на ст. Ярвеля проследовал в сторону Пасила товарный состав, в котором в трех платформах были погружены орудия и на одной – в разобранном виде самолет, накрытый брезентом.

Со ст. Ойти в сторону Пасила был отправлен воинский эшелон, состоящий из 30 крытых вагонов с солдатами, на одной платформе погружены зенитные орудия, на одной платформе в разобранном виде самолет.

12 июня 1941 г. со ст. Момила в сторону границы Ханко с товарным составом была отправлена одна платформа, груженная тяжелым орудием и один вагон со взрыв.грузом.

14 июня 1941 г. на 37 км перегон Карьяя-Таммисаари производилась разгрузка 12 шт. мелкокалиберных орудий, из двух вагонов выгружала ящики со снарядами.

Со ст. Коуволла в сторону Симола был отправлен товарный состав, в котором находилась одна платформа с двумя трехдюймовыми орудиями и один вагон с солдатами.

16 июня 1941 г. на ст. Утти в сторону Пулса был отправлен воинский эшелон в количестве 35 вагонов: на одной четырехосной платформе были

погружены 12 орудий короткоствольных гаубиц, крытые вагоны были заполнены лошадьми и солдатами.

На ст. Лаппела в сторону Ханко проследовал состав, в котором была одна платформа, груженная орудием. На ст. Риихимяки в путевом парке стояла группа вагонов, среди которых на одной платформе была погружена небольшая подводная лодка, крытая брезентом синего цвета, одна платформа, груженная двумя орудиями, на двух платформах – по одному танку, 6 вагонов с солдатами и одна платформа – с двуколками, состав охранялся солдатами. На ст. Таммисаари из 8 товарных и 2-классных вагонов выгрузилась воинская часть, которая на машинах направилась в сторону к границе Ханко.

17 июня 1941 г. на ст. Коуволла стояли два военных самолета направлением к Выборгу, в одном из составов было 9 платформ, погружены орудиями разного калибра. На одной платформе самолет с фашистским знаком в разобранном виде, в другом составе видно было две платформы, груженные по одному 4-х дюймовому орудию. На ст. Лахти в сторону Вайникала отправлен воинский состав, в котором было 9 вагонов с солдатами, 5 платформ с военным снаряжением.

19 июня 1941 г. на ст. Пасила стоял под разгрузкой воинский состав в количестве 35 вагонов, из которых выгружались солдаты. Со ст. Херрала в сторону Гельсинфорса проследовал состав, в котором было 3 платформы, груженные орудиями полевой артиллерии.

На ст. Лахти в момент прибытия нашего поезда стояло 3 эшелона по 65 вагонов каждый, в которые производилась погрузка солдат. Со ст. Лахти в сторону Коуволла проследовал пассажирский состав, переполненный солдатами и офицерами, к нему было прицеплено 5 товарных вагонов.

19 июня 1941 г. на ст. Таветти было разгружено 9 платформ колючей проволоки, 1 вагон сухарей в бумажных мешках и из двух платформ 4 тяжелых орудия. На ст. Коуволла в парке отправления в сторону Риихимяки в составе находилось 4 платформы, груженные 4-мя орудиями и снарядами ящиками.

Через Таммисаари в сторону к границе Ханко проследовало 10 автомашин переполненных солдатами в возрасте 40 лет в новом обмундировании вооруженных винтовками.

На ст. Лахти в момент следования нашего поезда происходили проводы мобилизованных солдат на вид 40-45 лет, в совершенно новом обмундировании.

На ст.ст. Риихимяки, Карьяя стояло 4 порожних состава, оборудованных под воинские перевозки.

На ст. Риихимяки по прибытии нашего поезда С-3 стояли два готовых к отправлению. Воинских эшелона направлением Коуволла, в крытых вагонах находились солдаты, три вагона с лошадьми, на одной платформе

в разобранном виде самолет, солдат было погружено примерно вагонов 50, большинство из них одеты в гражданские костюмы.

На ст. Хювенькя грузился воинский эшелон с лошадьми и обозом и 35 вагонов с солдатами в серых френчах, в лыжных финских сапогах. Со ст. Риихимяки в сторону Коуволла 19 июня 1941 г. и в ночь под 20 июня 1941 г. отправлено 5 воинских эшелонов примерно по 50 вагонов с солдатами, орудиями, лошадьми, походными кухнями и необходимым вооружением, в сторону к границе п/о Ханко было отправлено 2 эшелона, из них 23 крытых вагона с солдатами, 10 вагонов с лошадьми, 3 платформы с автомашинами, 6 платформ – ящики с винтовками, 5 платформ – патронные ящики.

Со ст. Лахти в сторону Райникала был отправлен один воинский эшелон в количестве 37 крытых вагонов переполненных вновь мобилизованными солдатами, вооруженными винтовками без обмундирования.

На ст. Ойти в момент прохода нашего поезда подходила группа около 400 человек мобилизованных в сопровождении военных. По прибытии на станцию все были погружены в товарные вагоны.

Начиная с 17 июня, как сообщает наша агентура, все станции железнодорожной линии Хельсинки–Вайникала и Хельсинки–Карьяя заполнены воинскими эшелонами, идущие в разные направления к границам СССР. 18.06.41 и 19.06.41 г. совершенно было прекращено пассажирское движение в связи с большим потоком воинских поездов.

По данным источника “К”, прибывшие войска в район выборгского направления в основном разгружаются на ст.ст. Луумяки, Пулса и вновь выстроенной воинской площадке 232 км перегон Таветти-Луумяки.

По вновь выстроенному ж/д ответвлению воинские эшелоны в северном направлении через Лаппенранто, на всех станциях много провожающих женщин и детей, при отправлении воинского эшелона бегут за составом с криками и плачем.

Ист[очник] “Щ”. О наличии немецких войск в Финляндии машинист проводник депо ст. Пасила Аянто в разговоре с нашим источником “Щербаковым” рассказал, что скоро будет опять война, мы строим укрепления по всей границе, в Финляндии находятся германские войска, часть из них стоит в гор. Хельсинки, очень много в гор. Турку, а больше всего немецких войск находится в Тамерфорсе. Я сам вижу ежедневно германских солдат, гуляющих по гор. Хельсинки. У нас много недовольных ими, так что когда будет война, то наши рабочие воевать не будут, укрепления, которые сейчас строят у нас, возводит отдельная кучка буржуазии, ненавидящая СССР. Как только начнется война, сразу пойдем на сторону Советского Союза.

Ист[очник] “Ч”. Главный кондуктор финляндских ж/д Вариус рассказал, что немецкие войска из г. Або перебрались в Петсамо.

19 июня 1941 г. в момент прибытия поезда С-3 на ст. Лахти среди группы солдат резко выделялись германские офицеры, из которых 4 человека были, видимо, высшего командного состава в возрасте 40-45 лет, с синими петлицами, с черными лакированными портупелями и ремнями, с кокардой на фуражке немецкого образца, с фашистским знаком свастика.

Нарком госбезопасности КФССР
майор госбезопасности

Баскаков

УФСБ по Республике Карелия. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76. Л. 126–130. Заверенная копия

№ 12.
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 17
РАЗВЕДОТДЕЛА УНКВД ЛО О ВОЕННЫХ
ПРИГОТОВЛЕНИЯХ ФИНЛЯНДИИ

№ 16443
гор. Ленинград

27 июня 1941 г.
Совершенно секретно

Из пограничных с СССР районов Финляндия эвакуирует гражданское население в глубь страны.

На ст. Симолы 21 июня разгружался воинский эшелон, примерно 20–25 вагонов и платформ, при этом главные вагоны и платформы были заняты финскими войсками, а остальные вагоны, примерно 12-14, были заняты немецкими войсками (нашивки на петлицах желтого цвета). На платформах эшелона находились финские и немецкие грузовые и легкоковые машины. Разгрузка эшелона производилась в очень большой спешке, офицеры бегали, отдавая приказания. Войска были в полной боевой готовности.

Все станции от Симолы до Хельсинки 21 июня были полны воинских эшелонов и эшелонов с переселенцами. За время следования от Симолы до Хельсинки встретили в движении 1–12 воинских эшелонов с финскими войсками, повозками, конями, фуражом, легкой артиллерией, пулеметами, санитарным имуществом.

Среди солдат много женщин – санитарок. Кроме этих, 10-12 эшелонов, на различных станциях стояли воинские эшелоны (всего от Симолы до Хельсинки до 15 эшелонов), ожидая очереди передвижения к границе. Танковых частей на платформах не было видно.

В Хельсинки прибыли 21 июня с.г. Была заметна мобилизационная суэта, к вокзалу маршировали мобилизованные и погружались в эшелоны. Мобилизация в Финляндии началась в первой декаде июня и к 20 июня с.г. были мобилизованы мужчины с 18 до 45 лет.

С 7 июня 1941 г. идет усиленная переброска войск к нашим границам. По предположениям наших работников, немцев в Финляндии находится 50–70 тысяч человек.

23 июня с. г., при отъезде из Хельсинки семей сотрудников нашего представительства, у входа в здание полпредства собралось много публики, военные фотографировали каждое наше движение, посадку в машины и отход машин. Народ стоял, молча, не выражая вслух ничего. На лицах публики чувствовалась тревога и испуг. Военные фотографировали очень нагло. На вокзале и при посадке в вагоны повторилась такая же картина – собралось много людей, прибыли эти же фотографы и после перед отходом притащили киносъемочный аппарат и фотографировали посадку в вагоны. Когда тронулся поезд, многие из собравшихся махали руками, провожая наши вагоны. На лицах публики можно было видеть сожаление, тревогу, а враждебных действий никто не проявлял.

По пути следования до Вайникала, на станциях собиралось много людей, к вагонам никто не допускался, охраняла полиция. Стоявшие на станции люди так же не выражали никаких враждебных действий.

Во время следования от Хельсинки до ст. Вайникала 24 июня, на станциях уже не было такого скопления воинских эшелонов, на всем пути замечено не более пяти эшелонов, один из них был отправлен из Хельсинки с мобилизованными, другой стоял на полустанке между ст. Туйвола и ст. Симола с войсками и броневедомствами.

На платформах эшелона стояли не разгруженные броневедомства, примерно 7–8 штук, окраска защитного цвета. На одном из полустанков между ст. Туйвола и Симола, в тупике стояли два бронепоезда, окрашенные в защитный цвет, окраска волнистая с желтыми полосами под цвет местности – зелени и песка.

Укрепленные районы около железнодорожной линии

Основной укрепленный район финнов расположен в пределах ст. Симола – Туйвола, начало же его находится непосредственно перед ст. Симола (т.е. восточное). Эта начальная полоса состоит из проволочных заграждений и укрепленных точек, которые следуют за проволочными заграждениями. По расположению проволочных заграждений можно заключить, что подходы к ним простреливаются с высот.

За ст. Симола, в сторону ст. Туйвола идет более сильная полоса заграждений – гранитные надолбы в 5 рядов, за ними противотанковый ров, шириной примерно 5–6 м., глубиной примерно 2 м., за рвом идут проволочные заграждения, а за ними пулеметные гнезда и окопы, некоторые из них видны на расстоянии в 50–100 м. от проволочных заграждений.

В нескольких километрах в том же направлении (к Туйволе) дальше повторяются деревянные противотанковые препятствия из бревен, противотанковые рвы и проволочные заграждения в 5-6 рядов, некоторые из проволочных заграждений свежего сооружения.

Таким образом, наиболее мощно укреплены подходы к Туйвола, все укрепления перпендикулярно ж.д. линии и уходят дальше почти за пределы видимости.

Дальше ст. Туйвола таких укреплений по направлению к Хельсинки по ж.д. не наблюдалось. Начиная от ст. Лахти и ближе к нашей границе, на станциях и в поселках наблюдалось очень много военных, среди них гуляющие на станциях были видны и немцы, некоторые из них были в немецкой форме, некоторые были одеты в форму, подобную по цвету финской, но только сшитой аккуратно.

Сравнивая движение по дороге Вайникала – Хельсинки, которое наблюдал 20–21 июня и 24 июня 1941 г., можно считать, что сосредоточение сил на нашей границе со стороны финнов закончено, сейчас подвозят уже остатки мобилизованных.

На одной из станций около Хельсинки, а также на ст. Симола замечены специальные платформы, в том и другом случае по одной платформе, по перевозке танков (с седловинами посередине), которые стояли порожние.

Непосредственно на границе, которая на некотором расстоянии идет по небольшой речке на финском берегу на высотах видны пулеметные гнезда, перед гнездами высоты имеют отвесные скалы, с таким расчетом, чтобы танк не мог подойти к гнезду, одна из таких высот видна в 50 м от ж.д. линии. В домах, которые расположены в этом месте, видны бетонированные основания с окнами, видимо, приспособлены для пулеметов. Такое основание для дома только что выстроено на ст. Вайникала (примыкает непосредственно к зданию станции Вайникала) деревянная надстройка над основанием еще не начата. Домики с бетонированными основаниями замечены на подступах к ст. Симола, Пульса и особенно много на подступах к ст. Туйвола, некоторые из домиков свежей постройки, а некоторые из них еще не закончены строительством.

В финских газетах опубликовано сообщение из Токио, что сошлись две величайших в мире армии, – германская, располагающая 15 500 самолетов и 8 миллионами солдат и русская, располагающая 7000 самолетов (плюс 2000 самолетов на Дальнем Востоке) и 6 миллионов бойцов.

Далее в сообщении говорится, что основной гвоздь в Украине, что основные сырьевые ресурсы находятся у СССР на западе, а поэтому следует ожидать близкой победы Германии.

В ночь с 22 июня на 23 июня в Хельсинки была объявлена воздушная тревога. Отбой последовал примерно через 40 мин.

В Хельсинки распространяются слухи о том, что, якобы, немцы уже заняли остров Ханко.

Вся финская печать кричит о, якобы, крупных успехах немцев на востоке и что в первый день как будто сбито и уничтожено 11000 советских самолетов, о поражении немцев газеты не пишут.

Начальник разведотдела УНКГБ ЛО
капитан госбезопасности

Кожевников⁸

Разослано: тов. Фитину и тов. Евстигнееву⁹

УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Лит. дело № 5.
Т. 26. Л. 113–120. Машинописная копия.

№ 13.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ СВОДКА № 19 РАЗВЕДОТДЕЛА УНКВД ЛО ПО ВОЕННЫМ ОБЪЕКТАМ И УКРЕПЛЕННЫМ РАЙОНАМ ФИНЛЯНДИИ

№ 16458

28 июня 1941 г.
Совершенно секретно

Военные объекты и укрепления Финляндии
В 900 м от ст. Кория, на левой стороне железной дороги, идущей из гор. Выборга, в лесу расположен аэродром, имеющий три больших ангара. Вблизи аэродрома в лесу расположены склады снарядов, авиационных бомб и нефтепродуктов.

На этом участке расположены воинские части.

На ж.д. ст. Кайя в нефтескладе к двум имеющимся бакам установлен третий горизонтальный бак. Нефтебаки окрашены в зеленый и коричневый цвет.

В мелком лесу в 500 м от ст. Куовия вправо от железной дороги, идущей из гор. Выборга, расположен склад арт. боеприпасов, в котором хранятся снаряды и авиабомбы.

В 120 м от ж.д. полотна на ст. Кайпийнен с левой стороны при следовании на Выборг в лесу выстроены два военных склада, в виде длинного дощатого сарая, куда завезены боеприпасы и винтовки.

На правой стороне ж.д. полотна на ст. Кайкиайнен вновь построено ж.д. депо.

Начиная от ж.д. ст. Вайникала и до ж.д. ст. Коуволла, создается укрепленный район. Интенсивно идет строительство ДОТов, устанавливаются противотанковые надолбы и проволочные заграждения, роются окопы и хода со-

общения. Непосредственно у подхода к ст. Коуволла по обеим сторонам ж.д. полотна идет строительство 4-х линий обороны, роют противотанковый ров, в 500 м от него устанавливается в 4 кола проволочное ограждение.

На расстоянии одного километра от ст. Утти в сторону Выборга, в небольшом лесу строится цепь пулеметных гнезд, обсыпанных песком и связанных между собою ходами сообщения.

В 250 м от ст. Таветти в сторону Выборга, справа по железной дороге на Ханко – на расстоянии 200 м от полотна построены три ДОТа, произведена обсыпка их песком, в результате ДОТы приняли форму искусственных курганов.

На 24-м км по следованию их Ханко, справа от ж.д. полотна, в радиусе 50-100 м построены три ДОТа. Слева, на расстоянии 50 м от ж.д. полотна, закончено строительство большого ДОТа, в окружности до 100 м.

Все ДОТы засыпаны толстым слоем песка и замаскированы мхом, между собой связаны ходами сообщения. Последние закрыты бревнами и засыпаны толстым слоем земли. В местах изгибов ходов сообщения, установлены бронеколпаки и расположены пулеметные точки. На бровке ж.д. полотна сооружено четыре бетонных пулеметных гнезда.

На 23 км справа и слева ж.д. полотна на расстоянии в 50 м построены два ДОТа.

На 3 км от ст. Таммисаари интенсивно идет строительство укреплений у залива, роются окопы, сооружаются огневые точки.

На острове, расположенном на расстоянии 4 км от Ханко, в 50 м от ж.д. строится большой железобетонный ДОТ. Ориентиром для местонахождения могут служить два моста железнодорожный и автогужевого.

На ст. Пасила близ депо закончено строительство двух бомбоубежищ. Интенсивно строится третье бомбоубежище в скале за топливным складом.

В порт Таммисаари непрерывно приходят немецкие суда с вооружением. В район Выборгского направления продолжают прибывать в разобранном виде немецкие самолеты. Большая часть самолетов разгружается на ж.д. ст. Коуволла и Утти.

На 232 км перегона между ст.ст. Таветти–Луумяки закончено строительство большой воинской площадки, с четырьмя подъездными путями. Одновременно могут разгружаться четыре эшелона. В данное время на площадке производится разгрузка больших воинских соединений, следующих в Выборгское направление.

В гор. Турку имеется авиационный моторостроительный завод и текстильные заводы, которые в данное время целиком работают на нужды обороны.

Вновь строящаяся железнодорожная линия на Лапенранта сдана в эксплуатацию, разъезд Тани превращен в станцию трех направлений

Коуволла–Лапенранта–Вайникала. Станции дано название Айнисимула. Этот ж.д. имеет девять путей, длиной до одного километра.

В двух километрах от ж.д. ст. Коуволла в сторону Хельсинки, по берегу реки Кюмине расположены семь промышленных заводов: бумажные, деревообделочные и механические. Через реку Кюмине идет железнодорожный мост. В 50 м от моста сооружена зенитная вышка. На ст. Карья за паровозным депо построен завод. Есть предположения о том, что это авиационный завод.

На 31 км от ст. Ханка (у самой ст. Таммисаари) имеется два железнодорожных моста. Параллельно с севера проходит шоссе с двумя мостами через залив. На случай разрушения ж.д. мостов финны строят обходные пути, насыпь земляного вала уже закончена. Происходит укладка пути.

К полуострову Ханко завезено около двух тысяч новых велосипедов, предназначенных для веломоточастей. На руле велосипедов установлено гнездо для стрельбы из пулемета и винтовки.

На ст. Лохья на шарах расставлено ограждение от самолетов, окрашенное в серебристо-белый цвет.

Порт Катайянокка является постоянной военно-морской базой Финляндии, находится он между южным портом и портом Сорнаси в юго-восточной части гор. Гельсингфорса.

Расположен на острове Катайянокка и соединяется с городом мостом, который выходит на территорию южного порта у улицы Эспламади.

В южном порту находятся погрузочно-разгрузочные причалы порта Катайянокка и жилые помещения.

Катайянокка может принимать одновременно 10 военных кораблей мелкого и среднего типа. В порту имеется 2 причала, плавучий док, ремонтная мастерская, склад горючего, угольный склад, склад со средствами ПВО и другие подсобные постройки. Уровень воды в порту (в частности у дока и причалов) 1–11 м. Подробно о расположении объектов в порту см. приложение схему № 1.

Начиная с 1 июня по настоящее время, в Финляндии интенсивно происходят воинские перевозки. Непрерывно следуют воинские эшелоны с вооружением и войсками на след. станциях – Вайникала, Лохья, Таммисаари, Ярвеля, Пасила, Моммила, Симолла, Утти, Лахти, Таветти, Риихимяки, Карья и друг.

С 15 июня с/г в Финляндии одновременно были мобилизованы 26 возрастов, начиная с 19-ти летнего возраста и до 45-ти лет включительно. Мобилизованные немедленно вооружались, соединялись в крупные подразделения и воинскими эшелонами сразу же направлялись к нашим границам Выборгского направления, Сердобольского, Петрозаводского и дальше на север.

Отмечено так же прибытие огромного количества эшелонов с оружием и воинскими частями к полуострову Ханко.

Эвакуация населения из пограничных районов интенсивно продолжается. Переселенцы разгружаются на ст. ст. Лехти, Моммила, Лохья, Риихимяки.

Начальник разведотдела УНКГБ ЛО
капитан госбезопасности

Кожевников

Разослано: тов. Евстигнееву, тов. Иванову.

УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Лит. дело
№ 26. Т. 5. Л. 126–132. Машинописная копия.

№ 14.
СПЕЦСВОДКА 3-ГО ОТДЕЛА СЕВЕРНОГО ФРОНТА
О НЕДОСТАТКАХ В БОЕГОТОВНОСТИ
И СНАБЖЕНИИ ВОЙСК

№ 128091
г. Москва

30 июня 1941 г.
Совершенно секретно

Начальнику 3-го Управления НКО СССР –
майору государственной безопасности тов. Михееву¹⁰

Войска Северного фронта выполняют задачу по прикрытию госграницы. 29 и 30 июня с.г. германо-финские войска по всему фронту перешли в наступление. На Мурманском направлении идут бои. На Карельском перешейке противник пытался переходить границу, но был отброшен нашими частями. К началу активных военных действий отдельные войсковые соединения оказались недостаточно обеспеченными средствами связи. Людским составом подразделения связи не укомплектованы.

56-й полк связи 23-й армии находится в стадии формирования. Причем, формирование идет, крайне медленно, так как моб[илизационным] планом он не был предусмотрен, и, сейчас встретились большие трудности с обеспечением полка материальной частью, вооружением и начсоставом.

На 30 июня этот полк связи был обеспечен: автомашинами на 10%; спецмашинами на 11%; мотоциклами на 6%.

Начсостава в полку недостает 106 человек. Половина личного состава полка не обмундирована. Вооружение отсутствует.

Недостаток в средствах связи испытывает УР, однако аппаратура связи и кабель туда не направляется. Склад НКО № 123 в течение

двух суток не может выполнить распоряжения Управления войск связи Северного фронта о срочной отгрузке для УР-22 аппаратуры связи и кабеля. Отправка вышеуказанного имущества задерживается по вине командира 2 полка связи полковника Коровникова, который не выполняет приказание о выделении транспорта для перевозки средств связи для УР-22.

Необеспеченность имуществом связи имеет место в 54 стрелковой дивизии. В 81 сп 54 сд на 26 июня недоставало: кабеля телеграфного однопроводного – 18 км, кабеля двухпроводного – 56 км. Недостает также сигнальных знаков, катушек для кабеля и другого имущества. Узел связи штаба Северного фронта не укомплектован морзистами. В настоящее время работает только 9 человек, в то время как требуется 24 человека. Управление войск связи фронта подготовкой кадров морзистов не занимается. По вышеизложенным фактам необеспеченности войск средствами связи информирован Военный совет Северного фронта. По вопросу не отправки средств связи для 22 УР производим расследование.

Из войсковых соединений начинают поступать сигналы о недостаточных запасах продовольствия и фуража. Запасы с каждым днем уменьшаются, так как поступление продфуража со складов проходит ненормально.

Начиная с первых дней военных действий по 29 июня войска фронта недополучили по плану: сена – 568 вагонов, овса – 6 вагонов, сухарей – 14 вагонов, муки – 2 вагона, колбасы – 4 вагона, мяса – 2 вагона, прочих продуктов – 10 вагонов. Все эти продукты и фураж имеются в достаточном количестве на продфуражных складах. Отгрузка задерживается по вине железных дорог, которые не обеспечивают потребного количества вагонов. (Информирован Военный совет Северного фронта).

Политико-моральное состояние войск Северного фронта здоровое. Наряду с этим, со стороны отдельных военнослужащих отмечены проявления элементов трусости и распространения разного рода провокационных слухов. Особенно много распространяется разных слухов о мнимых высадках в тылу наших частей парашютных десантов противника, о крупных налетах авиации противника на Москву в Лужском гарнизоне. Эти провокационные слухи широко комментируются командирами гарнизона, которые способствуют созданию излишней нервозности, паники среди бойцов и гражданского населения.

28 июня 1941 г. генерал-майор Черемисов – начальник Артиллерийского технического училища приказал собрать командный состав училища и объявить ему о бомбежке противником Москвы. Эти сведения Черемисов слышал якобы на совещании командного состава гарнизона. После совещания среди командиров стали распускаться слухи о новом методе налета немцев, заключающемся в том, что большая масса само-

летов, приблизившись к Москве на высоте 10 км, над Москвой камнем опускалась на город.

27 июня 1941 г. по городу был распушен слух о высадке возле Пскова воздушного десанта. Командир дивизиона Арт. технического училища подполковник Хмара, не проверив правдоподобности этих слухов, приказал объявить об этом курсантам училища. Вернувшийся из командировки из Минска преподаватель Инженерного училища Почуев распространил слух о якобы большой панике на западной границе, о враждебном отношении местного населения к военнослужащим Красной армии, которое вырезает якобы семьи начсостава. 28 июня 1941 г. жена полковника Косякова, в магазине, среди женщин говорила: «Народ бежит из одного города в другой, в Луге жить уже не разрешают, в гор. Пушкине жить опасно». Поддерживая ее, жена полковника Ефимова сказала: «Значит, чувствуют наши неустойку, если даже в Луге нам жить запрещают». По Луге распушен слух о предстоящем большом налете самолетов противника на Лугу в ночь на 28 июня с.г. Начальник Лужского гарнизона генерал-лейтенант Бесчастнов с распространителями провокационных слухов решительной борьбы не ведет. (Информирован Военный совет Северного фронта).

Со стороны антисоветские настроенных лиц имеют место антисоветские, пораженческие высказывания.

26 июня 1941 г. красноармеец роты обслуживания 2-го полка ВНОС 2-го корпуса ПВО – Зайцев, в присутствии красноармейцев Труфанова и Михалева, по вопросу войны Германии с СССР, говорил: «Гитлер освободит от жидовского засилья. В Германии всех жидков перебил, теперь и у нас тоже перебьет. Вождям теперь наш конец и убежать им никуда нельзя, всюду капиталистическое окружение. Народ голодный, в деревне нечего есть до нового урожая, а правительство направляло Германии и Финляндии крупчатку и масло». Высказывания Зайцева документируются, при подтверждении он будет арестован. Столяр авторемонтной мастерской ЛОВСУ Корнеев 25 июня 1941 г. среди рабочих мастерской: Кабулахина, Бородавкина и Маякова, высказывался: «Наши летчики трусы, они даже боятся летать за городом, а летают только над городом». На предложение присутствующих рабочих пойти Корнееву в армию, последний ответил: «Я не пойду, мне и здесь хватит, кого бить. Если немец придет, то будет лучше. Когда наши попадали в плен к немцам, то их кормили консервами и печеньем». 26 июня 1941 г. Корнеев в присутствии рабочих Кабулахина, Маякова, Фатеева и других, восхваляя немецких фашистов, заявлял: «Нашего лучшего человека можно сравнить с самым плохим немцем». Корнеев оформляется на арест.

По данным на 29 июня 1941 г. задержаны 3 дезертира:

1. Бельский Ф. И., красноармеец 3 полка АЗ 2 корпуса ПВО.
2. Тимофеев П. Т., красноармеец 11 полка АЗ 2 корпуса ПВО.

3. Ильин, мл. лейтенант, командир взвода 9 стр. роты 255 сп.

Дезертировали 4 человека:

1. Цытадзе, красноармеец 7 стр. роты мотострелкового полка 24 тд.

2. Еремеев, красноармеец 8 стр. роты того же полка.

3. Мухаммедов, красноармеец 8 стр. роты того же полка.

4. Закутаев, красноармеец 102 авиабазы 14-й армии.

Приняты меры розыска и задержания.

По состоянию на 29 июня 1941 г. арестовано 5 человек. По характеру преступлений: диверсия – 1 человек; контрреволюционная агитация – 3 человека; дезертирство – 1 человек.

В числе арестованных: Ромашко Г.С., будучи враждебно настроен по отношению в Советской власти, 7 июня 1941 г. совершил диверсионный акт путем проколов четырех баллонов у автомашин “ГАЗ-АА”.

Василенко Н.М., находясь на службе в Красной армии, систематически проводил контрреволюционную пропаганду, восхвалял жизнь в бывшей Польше, проявлял недовольство службой в Красной армии и совместно с участниками существовавшей в части контрреволюционной группой – Пилапишина и Парамашука (арестованы), участвовал в составлении контрреволюционной фашистской листовки.

Поляк А.А. среди красноармейцев полковой батареи 252 стр. полка занимался контрреволюционной троцкистской пропагандой

14 марта 1941 г. в разговор о Брестском договоре с Германией Поляк говорил: “Договор о мире в Брест-Литовске с Германией заключил Троцкий, а у нас в Советском Союзе скрыли об этом, чтобы не поднимать авторитет Троцкого перед народом”. В апреле месяце 1941 г. Поляк среди красноармейцев, по вопросу враждебной деятельности троцкистов против Советской власти, заявлял: “Троцкисты виноваты потому, что Троцкого в то время в СССР не было, а он сумел бы построить лучше страну, чем большевики, и Советский Союз не выглядел бы так, как он выглядит сейчас”. Поляк в прошлом участник контрреволюционной организации “Гошомер-Гацоир”. По всем делам следствие продолжается.

27 июня с.г. при попытке измены родине, [перехода] в Финляндию к немцам, задержан красноармеец 242 стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии Горин. Расследованием установлено, что Горин, узнав о занятии немцами территории, где живут его родственники, намерен был перейти к немцам через Финляндию. Горин арестован. В измене Родине сознался. Следствие продолжается.

Начальник 3-го отдела Северного фронта
дивизионный комиссар

Сиднев

№ 15.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ № 128454
3-ГО ОТДЕЛА СЕВЕРНОГО ФРОНТА О НЕДОЧЕТАХ
В БОЕГОТОВНОСТИ ЧАСТЕЙ 7-й АРМИИ

г. Ленинград

3 июля 1941 г.

Совершенно секретно

Члену Военного совета Северного фронта
корпусному комиссару тов. Климентьеву

Отмобилизование частей армии и их сосредоточение в районах нового места дислоцирования продолжается. Вооружением, имуществом и личным составом части и соединения армии укомплектованы еще не полностью.

Так: 237 сд не доукомплектована основными видами вооружения на 20–30% и личным составом. В частях дивизии на 30 июня 1941 г. не достает:

152-мм гаубиц –	8 шт.
122-мм гаубиц –	36 шт.
76-мм пушек –	16 шт.
Танков Т-38 –	16 шт.

Зенитными пулеметами (счетверенными и отдельными), которых в общей сложности должно быть 45 пушек, дивизия не обеспечена совершенно.

Обеспеченность стереотрубами и другими арт[иллерийскими] приборами и инструментами составляет 30%.

Имеющий в составе дивизии 691 легкий артполк конским составом обеспечен лишь на 12%.

В разведбатальоне дивизии совершенно нет положенных танков и бронемашин, отсутствуют радиостанции. Личный (рядовой) состав вооружен только винтовками. Патрон на весь батальон всего 1000 шт. В силу этих причин батальон задачи разведывательного характера выполнять не может.

По частям 168 сд также имеют место ряд существенных ненормальностей в приведении частей в полную боеготовность.

Так: в 1 батальоне 260 сп недостает: станковых пулеметов – 2, ручных пулеметов – 10, пистолетов – 93, самозарядных винтовок – 262, снайперских винтовок – 10, пистолетов “ТТ” – 46, снарядов 45-мм – 100 штук, мин 82-мм – 46 штук, патрон пистолета 18250 шт., ремней ружейных – 36, сумок для гранат – 525, подсумков – 361, кобур – 30, биноклей – 14 и лопат – 64. Кроме этого требуется заменить 138 пар обуви, так как таковые к носке не пригодны.

К двум пулеметам нет совершенно принадлежностей для чистки. Патроны для набивки пулеметных лент даются в обоймах, а стрелковым

подразделениям без обойм. Красноармейцы 9 стрелковой роты получили 27 ржавых винтовок и без ремней, 29 чел. не имеют котелков.

Командный состав, призванный по мобилизации, выданное личное оружие носит в карманах из-за отсутствия кобур.

Не хватает кухонь, поэтому батарея ПЛ, находящаяся на далеком расстоянии от 1-го батальона, вынуждена ходить и получать пищу в батальоне.

Части 168 сд растянуты на участке в 68 км. Во 2 эшелоне этой дивизии имеется всего два батальона. Артвыстрелов артиллерия имеет только 1,5 боекомплекта, и дивизия полностью не прикрыта противотанковыми средствами обороны, так как противотанковые пушки имеются только на двух участках – в районе Маткамелья и Хапо-Варанкюля.

Важным недостатком является также отсутствие достаточного количества средств связи (радиостанции, кабель и т.п.). В результате связь штабов с руководимыми ими подразделениями отсутствует. Например: в 453 ап из-за недостатка кабеля и раций отсутствует связь командира полка с подчиненными дивизионами.

В 237 сд связь существует только с одним из стрелковых полков, остальные же могут связаться только посыльными.

Как общий недостаток во всех частях армии – это отсутствие маскировки и недостаточный контроль командного состава над подчиненными. Например: в 4 ср, 52 сп 71 сд все огневые точки не замаскированы и имеющиеся в них пулеметы не установлены для ведения огня.

В батарее ПТО этого же полка только 26 июня с. г. было обнаружено, что установленная на ОП пушка неисправна. Кроме этого, весь расчет орудия во главе с командиром взвода Кузьминым спали без охраны у блиндажа.

В районе Кангасярви имеется 7 железобетонных сооружений, которые до сих пор в эксплуатацию не пущены, на всех точках не расчищены сектора обстрела и наблюдения. Ни в одном ДОТе нет огневых средств. Все железобетонные точки еще не замаскированы.

215 отд. саперный батальон 168 сд полностью еще не укомплектован личным составом, вооружением и техникой; имеющийся в батальоне блок взвод на сегодняшний день в бой идти не в состоянии, ни на один пулемет "Блок" не имеется батарей. Кроме того, все аппараты в неисправном состоянии. Личный состав, прибывший по мобилизации, обеспечен винтовками только на 50%. Кроме этого на боеготовность войск 7 армии сильно отражается отсутствие дорожно-эксплуатационных полков, автобатов, военно-дорожных и др. частей обслуживания.

По состоянию на 30 июня, ни одно из этих подразделений в состав армии не прибыло, в то время, когда по объявлении мобилизации должны были прибыть: 4 ДЭПа, 8 автобатов, 3 эвакуроты, 1 военно-мостовой батальон, 1 машинно-дорожная рота, 2 военно-дорожных батальонов, 3 роты автоцистерн. Указанные части для войск 7 армии необходимы,

так как дороги и мосты в районе армии находятся в неисправном состоянии, например: дорога от ст. Суоярви до м. Куолисмаа неисправна, от ст. Саонлахти (место расположения штаба 71 сд) до ст. Лоймола через м. Муранто необходимо отремонтировать 5 мостов, этим будет сокращено расстояние от штаба армии до 71 сд на 30% пути.

Для обеспечения взаимодействия и боевой помощи между 168 сд и 71 сд необходимо вновь проложить 2 км дороги у подхода к оз. Янисярви и мосту.

По причине отсутствия должной связи с дивизиями оперативный отдел штаба не в состоянии четко, оперативно руководить войсками. Кроме того, шифровальное отделение этого отдела несвоевременно обрабатывает телеграммы, поступающие от командования дивизии и фронта, так как шифрработников вместо 16 имеется только 6 человек.

Начальник 3 отдела Северного фронта
дивизионный комиссар

Сиднев

Начальник 4 отделения 3 отдела Сев. фронта
лейтенант госбезопасности

Кулецкий

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 19а. Д. 1. Л. 151–153. Подлинник.

№ 16.
СПЕЦСВОДКА 3-ГО ОТДЕЛА СЕВЕРНОГО ФРОНТА
О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ФРОНТЕ

№ 128934

5 июля 1941 г.

Совершенно секретно

Лично
тов. Михееву, тов. Куприну

Войска Северного фронта, занимая оборонительные районы, отражали попытки противника перейти границу.

Мурманско-Кандалакшское направление – положение частей без изменений. По данным разведорганов, противник готовит морской десант на полуострова Рыбачий и Средний.

Кандалакшское направление – 122 сд до 23.00 4 июля 1941 г. вел бой с остатками противника, прорвавшегося в направлении г. Кейнувара. Остальные части без изменений.

Петрозаводское направление – части занимают прежнее положение и ведут разведку расположения противника. На участке 54 сд в течение 4 и 5 июля происходили бои с наступающим противником в

районе Лонки Поньга-Губа и Колвас-озеро. В районе Колвас озеро противник силой до батальона с минометами и артиллерией незначительно оттеснили 337 сп

Карельский перешеек и Выборгское направление – положение частей без изменений.

Полуостров Ханко – 8 отд[ельная] стрелковая бригада подготавливает оборонительную полосу линии оз. Твярминетреск и Сендтреск.

ВВС Северного фронта уничтожили танки и мехчасти противника в районах Резекнэ, Телепенники, Галинка, Дочвы и др. пунктах, днем 5 июля 1941 г. действовали по противнику в районе Остров, Лудзы, Двинск. Отмечены прямые попадания в танковые колонны. В воздушном бою сбито 2 самолета противника.

237 сд Петрозаводского направления, 70 сд с Карельского перешейка приступили к перебазированию в район Луга-Батецкая.

Отдельные войсковые части и соединения Северного фронта до сих пор отомобилизованные не закончили, материальной частью, боеприпасами, транспортом по штатам военного времени не укомплектованы.

В 191 сд на 4 июля не доставлено:

Гаубиц 122-мм	– 16 шт.
Гаубиц 152-мм	– 8 шт.
Зенитных пушек 37-мм	– 8 шт.
Зенитных пулеметов	– 24 шт.
Ручных пулеметов	– 61 шт.
Револьверов	– 738 шт.
Пулемет-пистолет	– 811 шт.
Танков	– 16 шт.
Грузовых машин	– 148 шт.
Бронемашин	– 72 шт.

При наличии большого некомплекта в дивизии по отдельным частям недостаток в вооружении чувствуется еще более остро. Так, например:

В 559 сп недостает пушек 76-мм – 26 шт., пистолетов ППД – 261 шт. На станковый пулемет имеется только по три ленты, в то время как положено их иметь 12. Полк не обеспечен патронами. Недостаток выражается в 20 тыс. шт.

В 454-м артполку из 20 орудий три небоеспособны, у одной разбит боковой уровень, у двух имеются раковины в канале ствола. В полку нет ни одного противотанкового снаряда, отсутствуют гранаты.

В 8-м п.т.д. нет тракторов, в результате дивизион не может поднять имеющуюся материальную часть и боеприпасы.

В 191-й сд направляется некомплектная материальная часть. Так, в 504-м гап имеется два дивизиона на конной тяге, а передки и зарядные

ящики дивизия получила на механической тяге. Информирован Военный совет Северного фронта.

Необеспеченность материальной частью имеет место в частях 21 т.д.

В понтонном батальоне этой дивизии недостает 32 понтона, отсутствуют моторы для понтонов. На весь батальон имеется всего лишь 26 саперных лопат и 20 топоров. На 3 июля в этом батальоне имелось только по 9 патронов на каждого бойца.

Острый недостаток боеприпасов ощущается и на артскладах. Например: На 5 июля 1941 г. в артскладах фронта совершенно отсутствуют: снаряды к 85-мм зенитным орудиям 1939 г., снаряды с бронебойной гранатой к 76-мм пушке Ф-32, 50-мм мины. На исходе снаряды к 37-мм зенитной пушке 1939 г. и осколочные снаряды к 45-мм пушке. Ежедневное наличие осколочно-фугасных снарядов к 76-мм дивизионной пушке полностью расходуется для удовлетворения потребности Кировского завода.

О создавшемся положении с боеприпасами для войск Северного фронта информировано ГАУ КА. Информирован Военный совет Северного фронта.

Неудовлетворительная работа железных дорог, организационные неувязки органов ВОСО с управлениями железных дорог также влияют на своевременное получение частями необходимого вооружения и имущества.

Начальник управления Октябрьской железной дороги игнорирует указания как начальника ВОСО 23 армии, так и начальника ВОСО Северного фронта, в результате оперативная переадресовка воинских грузов срывается. Изменяются маршруты лишь после вмешательства командования фронтом. Отсутствуют границы ж. д. участков с распорядительной станцией хотя бы в Териоках. Имеющаяся связь на этом участке абсолютно не ...* В каждом отдельном случае оперработники ВОСО армии вынуждены выезжать на место для ликвидации создавшейся пробки.

Имевшие место два случая разрушения ж/д полотна диверсантами подолгу не восстанавливались, так как ж/д бригады для восстановительных работ формируются чрезвычайно медленно. Созданные два батальона совершенно не обеспечены инструментом. А головной восстановительный отряд в г. Выборге подчинен начальнику эксплуатации ст. Выборг – использовать его на оперативных работах начальник ВОСО армии не может. Информирован Военный совет Северного фронта.

В войсках Северного фронта отмечены резкие к/р высказывания со стороны отдельных военнослужащих.

* Пропуск в документе.

Красноармеец 2 с[трелковой] роты 72 бао 2 ад Васильев Н.С. в беседе с сержантом Подобед сказал: «Да, исполнилась, наконец, мечта Гитлера – давно он мечтал взять СССР и теперь это у него осуществляется. Разобьет он нас в щепки, не останется от нас и признака. Но еще хуже достанется коммунистам – придется им идти обратно в норы, кто останется из них живой».

Продолжая разговор, Васильев сказал о политруках: «А кто они эти замполиты, да политруки? Не особенно мне нравится этот новый политрук. По-видимому, он порядочная сволочь, но его быстро обсекут – только до боя, а там научат его уму-разуму, да еще и в затылок сзади получит. Я первый бы угостил его – противный он мне, только и слышишь – «судить будем» и т.п.». Васильев готовится к аресту.

27 июня 1941 г. красноармеец аэродромной р. 55 б-на 55 а.д. Березяк Стефан, уроженец бывшей Польши, в разговоре с красноармейцем Синешиным, заявил: «Теперь началась война между СССР и Германией, и мы должны убегать за границу». Синешин, поддержав мнение Березяка, добавил: «Очень жалко, что мы находимся далеко от границы. Если бы мы находились более близко, тогда можно было бы бежать, а если мы уйдем отсюда, то в лесу не найдем хлеба». Березяк готовится к аресту.

30 июня 1941 г. красноармеец 8 батареи 24 кап 50 ск Малинин в присутствии красноармейцев Кирилюк и Поздеева по вопросу о войне с Германией заявил: «Если немец нажмет здесь на нас, то нам придется бежать, да так бежать, что и штаны потеряешь. В немецкой армии кормят хорошо – дают вино, а у нас армия голодает». Малинин антисоветские настроения проявлял и ранее. Факты задокументированы. Оформляется арест.

За 4 июля 1941 г. подвергнуто аресту 4 человека. По всем делам следствие продолжается.

В районе ст. Кямря у развилки дорог красноармейцем Андреевым 24 тд найден цветной карандаш, внутри которого находилась записка на финском языке.

Перевод обнаруженной записки следующего содержания (не дословно). «Прибыл указанное место 20 час. 25 мин. Прошу указать постоянное место ящика, откуда можно ходить, получать и держать письменную связь, получить разъяснения на некоторые вопросы 6 июня 1941 г. Свободный гражданин». Приняты меры к установлению автора анонимки. В районе ст. Кямря производится проверка всех проживающих, проческа местности в радиусе 10 км. Производится проверка всех лиц, посещающих этот район и задержание всех подозрительных.

3 июля с.г. в районе расположения 2 дивизиона 24 ккап 50 ск были обнаружены к/р листовки, разбросанные, видимо, с самолета противника.

Листовки изъяты. Через командование приняты меры, обеспечивающие в дальнейшем изъятие и уничтожение всех листовок, не допуская их распространения.

Начальник 3 отдела Северного фронта
дивизионный комиссар

Сиднев

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 19а. Д. 1. Л. 187–194. Копия.

№ 17.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ 3-ГО ОТДЕЛЕНИЯ
168-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ СЕВЕРНОГО ФРОНТА
О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ФРОНТЕ

№ 1391
г. Сортавала

16 июля 1941 г.
Совершенно секретно

Начальнику 3-го отд[ела] 7-й армии
бригадному комиссару – тов. Павлову¹¹

г. Суоярви

Начальнику 3 отд[ела] Северного фронта
дивизионному комиссару – тов. Сидневу

г. Ленинград

14 июля 1941 г. на фронте обороны 402 ксп¹² положение следующее: на правом фланге действует 7 и 8 роты, находящиеся в распоряжении командования 260 сп. На левом фланге 2 батальона 4–6 роты находятся на занятых рубежах, удерживают госграницу. В районе обороны 5 роты Нюнисюрья противник, прорвав рубеж нашей обороны, углубился в нашу территорию, количество противника не установлено. Рубеж обороны 1 батальона удерживался на старых рубежах госграницы.

14 июля 1941 г. противник активного наступления не вел, ведется артиллерийский обстрел района Маткосельки, командного пункта и огневых позиций артиллерии.

Командный пункт 412 гап переведен на запасный в районе Матколселька “Оттракала”. КП 402 ксп остается на прежнем месте. В течение дня 14 июля 1941 г. 402 ксп потерь не имеет.

Занимается оборона, и производятся земляные оборонные работы на вновь отошедших рубежах в районе 5 стр. роты пос. Нюнисюрья.

Основным недостатком в ходе ведения боя является плохое руководство командного состава своими бойцами, в результате чего участились случаи, когда бойцы, не принимая сильного боя, убегают с поля боя, а

есть случаи, когда командный состав сам создает панику и впереди бойцов уходит с поля боя. Как например, ком[андир] отд[ельной] 5 роты Плохов и Жестхов, не выдержав сильного обстрела артиллерийского огня противника, ушли, оставив своих бойцов без руководства. Данные командиры нами были вызваны и на первый раз предупреждены, в случае повторения подобного факта будут преданы суду военного трибунала. Мы исходили из того, что Плохов и Жестхов ушли с поля боя, не оставив оружия, и через некоторое время опять вступили в бой с противником и действовали хорошо. Ранее замечаний по работе не имели.

Недостаточно еще пехота окапывается в землю, в результате чего трудно ей находится под сильным арт[иллерийско]-минометным огнем противника, тем самым еще не достаточно близко соприкасается с противником и не принимает сильного боя.

Участились случаи отказа винтовок, автоматов в ведении нормального огня. Основной причиной этого является то, что оружие совершенно не чистится, и командиры за этим не следят.

Есть факты недостаточного своевременного обеспечения подразделений продовольствием и боеприпасами. Как, например, в ночь с 13 на 14 июля 1941 г. 5 рота вела с противником бой, где у командира взвода Тимощенко не хватило патрон, потому что несвоевременно был организован ротный патронный пункт. Основной причиной этого является то, что штаб полка, не имея нормальной связи с подразделениями, не знает, куда в первую очередь забросать больше боеприпасов и продовольствия. Кроме того, не зная точного расположения роты, посылаемый обоз не может сразу найти то подразделение, куда везет боеприпасы. Нет снарядов для артиллерии полка 412 гап, мины для минометов 122-мм, в результате батарея минометов полка второй день находится без одной мины и огня не ведет. Отсутствует достаточная политмассовая работа по борьбе с трусостью и паникерством. Кроме этого, нет решительной борьбы с паникерами со стороны командования, не применяется в достаточной степени приказ Наркома обороны в жизнь.

Нет надлежащего контроля со стороны командиров подразделений за исправностью и чистотой оружия.

Нач[альник] 3 отд[ела] 168 сд Северного фронта
лейтенант госбезопасности

Гусев

Ст[арший] уполномоченный 3 отд[ела]
168 сд Северного фронта
лейтенант госбезопасности

Котляров¹³

№ 18.
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ОО НКВД 7-Й АРМИИ
О ПОТЕРЯХ 9-ГО ИВАНОВСКОГО
МОТО-МЕХАНИЗИРОВАННОГО ПОЛКА
ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ БОЕВЫХ ЗАДАНИЙ
18–19 ИЮЛЯ 1941 г.

№ 3252

25 июля 1941 г.
Совершенно секретно

Начальнику ОО НКВД войск Северо-западного направления

По состоянию на 20 июля 1941 г.

18 июля 1941 г. в 18.00 командир 9-го Ивановского ммп подполковник Приходько получил приказ командующего выступить с полком в направлении м. Палалахта, выбить оттуда противника и продвинуться в район Кясиосельга. В приказе командующего указывалось, что в наступлении на Палалахту одновременно будут принимать участие еще 2 полка, которые должны находиться на левом фланге 9 ммп со стороны Пульчейло. О противнике командир 9-го полка был информирован, что он имеет перед собой довольно слабого противника в количестве 1 батальона.

Приступая к выполнению боевого задания, командир 9 ммп пытался связаться со своими соседями слева, о которых указывалось в приказе командующего, но их не обнаружил и приступил к выполнению боевого задания один. Сравнительно легко была выполнена первая часть задания и занята м. Палалахта.

При выполнении же второй части задачи полк встретился с силами противника, значительно превосходящими силы 9 ммп, а именно: со слов командира и комиссара полка, им был противопоставлен один стрелковый полк, 1-й тяжелый арт[иллерийский] дивизион, 25 танков и 9 самолетов, действующих во взаимодействии.

Вступив в бой, полк сражался храбро, переходя к штыковым атакам. Командир и комиссар полка личным примером увлекли бойцов в бой, но значительно превосходящие силы противника заставили перейти полк к обороне, а затем к отступлению, причем убитыми и ранеными полк потерял около 800 человек, и значительно пострадала материальная часть. В данное время полк в составе около 600 человек находится в Ведлозерском направлении в обороне.

Усталость и большие потери людского состава и материальной части значительно ослабили боевую мощь полка, 20 и 21 июля в полку стали

наблюдаться случаи самовольного ухода отдельных лиц с фронта под видом раненых и больных в санитарных машинах среди действительно раненых бойцов. Принятыми нами мерами указанные лица задерживались и направлялись обратно на передовую линию.

Характерен факт с политруком пулеметной роты Давыдовым, который был задержан в 20 км от линии фронта в санитарной автомашине среди раненых. При задержании Давыдов заявил, что он сопровождает до Петрозаводска раненых. Когда Давыдову было предложено оставить машину и идти на фронт, то он заявил, что едет в штаб армии с докладом о положении полка. Давыдов возвращен в полк.

Реагирование личного состава полка по Палалахтинской операции

Командир полка Приходько в присутствии комиссара в разговоре с нашими сотрудниками заявил: «Я считаю, что Палалахтинская операция не была подготовлена и продумана. Обманули меня с двумя полками. Не было дано время на подготовку к боевой операции. Я возражал Малаховскому – нач. Петрозаводского гарнизона – что полк не подготовлен, но он приказал выступать. Неподготовленность полка заключалась в том, что не хватало 150 винтовок, имелось 50 минометов и ни одной мины, было мало гранат, среди ящиков с гранатами оказались вместо гранат сигнальные ракеты, мало было минометчиков, ручные пулеметы – вместо боевых были выданы учебные, неисправные, авиация не поддержала. Все это не могло не сказаться на исходе боя. Я считаю это, по меньшей мере, головотяпство».

Из изложенного видно, что наша разведка не была осведомлена о действительных силах противника. Отсутствовала связь с авиацией и действия ее с наземными войсками не координированы. Отсутствие работника особого отдела НКВД в полку мешало своевременному вскрытию ненормальных явлений.

На Палалахтинском направлении на 19 июля 1941 г. кроме 9 ммп находились: 82 инженерно-строительный батальон и остатки Петрозаводского отряда народного ополчения. Инженерно-строительный батальон, оставленный своим руководством, неорганизованно отступал через м. Ведлозеро, а также неорганизованно двигались остатки Петрозаводского отряда: все это действовало на бойцов 9 ммп. Создавалось искусственно паническое настроение. Единое руководство операцией отсутствовало.

М е р о п р и я т и я :

1) По нашей инициативе из местных работников органов НКВД выставлен заслон на Палалахтинской дороге и прекращено беспорядочное отступление с фронта.

2) Задержано около 200 человек бойцов 82 отдельного инженерно-строительного батальона в м. Ведлозеро, из которых составлен отряд и выведен начальствующий состав. Отряд обеспечен патронами из фонда Ведлозерского НКВД и направлен на помощь отходившему 9 ммп.

3) Ведлозерский отряд народного ополчения переведен в боевую готовность и направлен на фронт, где занял оборонительную позицию на высотах около Ведлозера.

4) 6 человек дезертиров с фронта на месте осуждены военным трибуналом: трое – к высшей мере наказания и трое – к 10 годам.

5) Из ОО армии направлены 2 оперативных работника на Палалахтинское направление для организации агентурно-оперативного обслуживания частей, действующих на этом направлении.

Начальник ОО НКВД 7-й армии
бригадный комиссар

Павлов

Нач[альник] 4 отделения ОО НКВД 7 армии
батальонный комиссар

Раков¹⁴

ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 19. Д. 16. Л.190–194. Подлинник.

№ 19.

ПОКАЗАНИЯ БЫВШЕГО КОМАНДИРА 43-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ¹⁵ В.В. КИРПИЧНИКОВА,¹⁶ ДАННЫЕ В ФИНСКОМ ПЛЕНУ

3 сентября 1941 г.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

хода операции 43 сд с момента сосредоточения к госгранице и по разгромам 31 августа и 1 сентября 1941 г., главным образом, с точки военной хронологии

После перехода Германии к активным действиям, упредившим намерения главной военной ставки Красной армии, войскам Карельского перешейка был отдан приказ занять заранее подготовленные позиции непосредственно на границе.

43 сд заняла полосу обороны на фронте Хирисалакка-Кескисари, 147 сп с 162 ап и средствами усиления занимал фронт Хирисалакка-Тассио, 65 сп с 200 гап Мюлюсильта-Кескисари правее оборонялась

115 сд¹⁷ левее 123 сд¹⁸ 181 сп с выходом дивизии на рубеж обороны был взят в резерв командира 50 ск¹⁹ и расположен на рубеже Ханхиоки. Активных действий на фронте 43 и 123 сд, кроме усиленной боевой разведки и захвате тактических рубежей силами, не превышающими 1–2 батальона на различных направлениях, не велось. События начали развиваться от Ладожского озера до р. Вцокси, где сразу же обозначилась неустойчивость обороны и успех финских войск, разбивавших по частям соединения 19 ск²⁰.

Одновременно с этим и обозначился удар через Вуосалми-Сеппяля на Лейпясю с задачей отрезать Выборгскую группировку. Вместо трезвой оценки обстановки и не выполняя формально лозунг “Ни одной пяди не отдавать”, жертвуя местностью и [возможностью] своевременно перегруппировать войска на новый, более выгодный тыловой рубеж по оз. Вуокси, Миуола, Сумма, Роккала, продолжают неграмотные, безнадёжные попытки восстановления положения, пичкая для выполнения этой задачи наспех сформированные части и отряды.

К этому времени штаб 50 ск в полном составе отзывается для формирования армии в Гатчино, и Выборгская группировка осталась без общего управления.

Командующий 23-й армией²¹ генерал-лейтенант Пшениников²² отзывается на новую работу, и в командование армией вступает командир 19 ск генерал-лейтенант Герасимов²³, уже доблестно провалившийся на посту командира корпуса, растрепавший и издегавший войска 19 ск.

Попытки предложения [о] создании единого руководства Выборгской группировкой и своевременного выхода на тыловой рубеж с задачей выравнивания, упрочения и занятия более выгодного положения не только не получили одобрение, но были истолкованы как неправильные и основанные на неправильной оценке обстановки и соотношения сил.

Комиссар дивизии Гопанюк был немедленно отстранен за слабый контроль, слабое воздействие на командира, я был предупрежден, что на меня послан материал в главную ставку. По выходе финских войск на западный берег р. Вуокси на рубеж Репола, ст. Хейниоки, Кюрноля командование 23 армии начинает искать средства для спасения положения (исчерпав все свои резервы), с целью чего был издан приказ 115-й, 43-й и 123-й сд на отход.

115 сд должна была сосредоточиться на рубеже Лу, Хямяляйнен, Пет, Перо, Хаюрю с дальнейшей задачей перехода в наступление в направлении к-ка Хейниоки с выходом к р. Вуокси. Правее сосредотачивалась 123 сд, которой придавался Ленинградский полк, находившийся на рубеже Мутаранта-Муола.

43 сд обеспечивал выход 115 и 123 сд занимает рубеж Кянтюмя, ст. Каржалми, Ихантала, Каркорпи, Веркама, Кинтере.

Один полк 123 сд должен занять рубеж Вахвиала, Ваихакюля, Терваномы и войти в мое подчинение.

Ввиду отсутствия общего руководства этими дивизиями, выход был неорганизованный и каждой дивизией планируемый самостоятельно. Особенно слабо спланированный выход по времени был в 115 сд, где расхождение расчета и реально потребовавшегося времени было ровно на 100%. Во время выхода сильного напора, большими силами со стороны финских войск не было, и эта перегруппировка была совершена более или менее благополучно.

Попытки наступления 115 и 123 сд успеха не имели и наоборот, фронт 123 сд в районе ст. Кямьяра был разорван, и один полк вместе с командиром 123 сд начал тесниться на Бобочино, а с другой – прижиматься к 115 сд. Полк 123 сд, приданный 43 сд в составе пяти рот, был отброшен и в беспорядке отошел на рубеж Юксиен-йоки. На полуостров Лиханиеми из Карпила начал высадку финский десант. Кольцо сжималось все крепче. Командованием армии принимается еще более бестолковое и безнадежное решение. Полк 123 сд, приданный 43 сд, оставляет одну роту для обороны Выборга, а остальными силами (не свыше 400 человек, без артиллерии) получает задачу закрыть брешь между полками 123 сд.

Когда и эта попытка, кроме потерь, ничего не дала и единственные пути отхода на юг, шоссе Выборг-Бобочино и шоссе Выборг-Роккала были перехвачены финскими войсками, 23 армия отдает приказ на отход.

123 сд полком, отошедшим на юг, и приданным полком (1-й Ленинградский) обеспечить выход 115 и 43 сд, а в последующем всей дивизией занять и оборонять рубеж Ойнола-Сумма.

115 сд, подчинив себе два полка 123 сд, отходить по шоссе Выборг-Бобочино, по достижении Сумма полки 123 сд оставить в распоряжении командира 123 сд, а самому поступить в армейский резерв.

43 сд в составе двух стрелковых, двух артиллерийских полков, 1 и 3 дивизионов 101 гап отходить по Приморскому шоссе и занять рубеж обороны по р. Рокколан-йоки, искл. Сумма, Роккала, и прочно удерживать его. По исполнении поставленной задачи 115 сд, начав движение по Выборгскому шоссе, встретила упорное сопротивление в районе Юлясайние с одновременным ударом по хвосту, не достигнув 4 км Хумола, понесла большие потери живой силы и материальной части, потеряла порыв и способность к дальнейшему силовому продвижению. 29 августа командир 115 сд генерал-майор Коньков²⁴, собрав около 800 чел., бросив материальную часть и 576 сп, не поставив в известность меня и оставшиеся свои войска, лесными тропами, по маршруту Пороламии-Хярькке, удрал на юг.

43 сд, двигаясь по маршруту Ала-Сячние, Юлясаммес, имела задачу выйти на Приморское шоссе у ст. Сомме с дальнейшим движением на Роккала. ОРБ 43 сд и авангард колонны 65 сп при подходе к ст. Сомме встретили сильное сопротивление и понесла большие потери живой и материальной частью, захлебнулись и не только держались на достигнутом рубеже, но под воздействием губительного минометного огня отходили назад. Огромнейшая колонна автомобилей, артиллерии и повозок непрерывно обстреливалась артиллерией и минометным огнем, нанося потери и деморализацию, засады из мелких групп увеличивали это дело. Вдобавок к этому мне стало известно, что сзади меня движется колонна 115 сд со всеми обозами и 576 полк в составе 800 человек, которые ищут командира дивизии и остальные части 115 сд. Затем появился 272 полк 123 сд в количестве 80 человек.

То, что было прогнозом, стало роковой действительностью. То, что можно было своевременно, относительно безболезненно, предотвратить, выросло в непоправимую катастрофу. 30-го начались заявления на отсутствие питания и снарядов.

Комиссары, пользующиеся особым положением, по-прежнему не соглашались с действительностью и, являясь ярыми безбожниками, ожидали какого-то чуда. 31-го потери увеличивались, в некоторых подразделениях на 100% выбыл командный состав, и бойцы стихийно, группами начали отходить в лес.

Продолжать сидеть на месте значило медленно, верно и бесполезно быть истребленным. Наконец-то это сумели понять даже комиссары. 31-го в 19 часов было принято решение на оставление всей материальной части и вывод живой силы по тропам через Порламии на юг. Как осуществился этот запоздалый маневр, мне неизвестно, так как утром я был свехрадушно, тепло и дружелюбно принят финскими войсками.

Впечатления и выводы:

Резко бросается в глаза высокая грамотность, большая продуманность и точность расчетов со стороны финского командования.

Удар всегда производился в более уязвимом месте и настолько внезапно, решительно и дерзко, превосходя всякие ожидания.

Также отмечается высокий класс всех видов разведки, обеспечивавший правильные решения.

Большая выучка войск, прекрасное ориентирование, смелые действия мелких групп, точность и губительность минометного и артиллерийского огня безукоризненно выполняли точные и глубоко продуманные решения.

Основные причины катастрофы: гнилой строй не способен создать здоровую и крепкую армию.

Наличие безграмотных комиссаров, пользующихся безграничными функциями, связали по рукам и ногам творческую и оперативную мысль командира.

Плохая разведка, неправильная оценка обстановки и слишком запоздалые решения, вызываемые обстановкой.

Необоснованная огульная переоценка своих сил и явная недооценка и неуважение сил и способностей противоположной стороны.

Лишение возможностей командиров [по] принятию смелых и своевременных маневров живой силой за счет потери части территорий, на что требуется разрешение главной ставки и что всегда связано с запозданием и провалом.

Отсутствие единого руководства 123, 115 и 43 сд, а отсюда разрозненные самостоятельных действий.

Незнание действительной обстановки 23-й армией и не хотящей знать ее точные и правдивые данные, как бы они неприглядно ни выглядели, не воспринимали и осуждались как большая фантазия.

Чтоб угодить вкусу военного совета, смотрящего на все неграмотными розовыми очками, донесение о данной катастрофе должно звучать так:

Наши войска в порядке бегут, противник, окружив, в панике уничтожает и преследует их.

Бывший командир бывшей дивизии
43 сд генерал-майор

В. Кирпичников

ЦА ФСБ России. Д, № Н-20490. Л. 332–335 об. Подлинник.

Примечания

¹ Далматов, Василий Никитич (1899–1977) – советский военный деятель; генерал-майор (1940). В РККА с марта 1919 г. Курсантом Витебских командных пехотных курсов принимал участие в подавлении Кронштадского восстания. С октября 1922 г. служил в подразделениях пограничных войск. С мая 1939 г. начальник Управления погранвойск НКВД Карело-Финской ССР. Участник советско-финляндской войны. С начала Великой Отечественной войны командующий войсками 31-й армии, сформированной в МВО с непосредственным подчинением Ставки ВГК. В сентябре 1941 г. войска армии вели тяжелые оборонительные бои и в начале октября в составе Западного фронта под ударами противника отошли к Ржеву. С 24 октября 1941 г. – заместитель командующего войсками Московской зоны обороны. За «крупные упущения в управлении войсками при обороне Ржева» арестован и предан суду Военного трибунала, оправдан. В дальнейшем командовал дивизиями.

² Баскаков, Михаил Иванович (1905–1968) – руководитель советских органов безопасности; генерал-майор (9.7.1945). В органах безопасности с 1933 г. С 29 декабря 1938 по 26 февраля 1941 гг. – нарком внутренних дел Карельской–Карело-Финской АССР. С 26 февраля по 31 июля 1941 г. и с 7 мая по 31 июля 1943 гг. – нарком госбезопасности Карело-Финской ССР.

³ Куприянов, Геннадий Николаевич (1905–1979) – советский военный и политический деятель; генерал-майор. В 1938–1940 гг. первый секретарь Карельского рескома ВКП(б) (с образованием Карело-Финской ССР – ЦК компартии республики). С началом Великой Отечественной войны вошел в Военный совет 7-й армии, затем в Военный совет Карельского фронта. В конце 1940-х годов в ходе «Ленинградского дела» обвинен в «ежегодном невыполнении планов в промышленности и сельском хозяйстве». 10 января 1950 г. снят со своего поста и арестован. 17 января 1952 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к 25 годам ИТЛ. Освобожден в 1956 г. Реабилитирован в 1957 г.

⁴ Речь идет о бывших военнослужащих 27-го Прусского королевского егерского батальона. Подразделение было укомплектовано финскими эмигрантами, проживавшими в Германии. В 1915–1918 гг. батальон принимал участие в Первой мировой войне на стороне Германии, затем участвовал в Гражданской войне в Финляндии на стороне белых. Бывшие военнослужащие батальона составили костяк командного состава вооруженных сил Финляндии.

⁵ Блюхер, Випперт фон (1883–1963) – немецкий кадровый дипломат, доктор права. В 1931–1934 гг. посланник в Тегеране (Иран). В 1935–1944 гг. посланник в Хельсинки.

⁶ Курпин, Павел Тихонович (1908–1942) – руководитель советских органов безопасности; комиссар ГБ 3-го ранга (1941). В органах безопасности с 1936 г. С 26 февраля по 18 июля 1941 г. – начальник УНКВД по Ленинградской области, с 19 июля по 23 августа 1941 г. – начальник ОО НКВД Северного фронта, с 23 августа 1941 г. по 2 мая 1942 г. – начальник ОО НКВД Ленинградского фронта. Погиб при перелете из Москвы в Ленинград 11 ноября 1942 г.

⁷ Ручкин, Алексей Федорович (1903–1975) – руководитель советских органов безопасности; генерал-майор (1945). В органах безопасности с 1926 г. С 4 июня 1940 по 31 января 1944 гг. – начальник УНКВД–УНКГБ по Мурманской области.

⁸ Кожевников, Леонид Иванович (1904–?) – сотрудник советских органов безопасности; полковник (1943). В органах безопасности с 1926 г. С марта 1941 по 18 ноября 1942 гг. – начальник разведотдела УНКГБ–УНКВД по Ленинградской области.

⁹ Евстигнеев, Петр Петрович (?–?) – сотрудник советских органов безопасности. По данным на 27 июня 1941 г. – начальник разведотдела Ленинградского ВО.

¹⁰ Михеев, Анатолий Николаевич (1911–1941) – руководитель советских органов безопасности; комиссар ГБ 3-го ранга (1941). В органах безопасности с 1939 г. С 23 августа 1940 по 12 февраля 1941 гг. – начальник ОО ГУГБ НКВД СССР. С 8 февраля по 19 июля 1941 г. – начальник 3-го управления НКО СССР, с 19 июля 1941 – начальник Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта. Погиб в бою 23 сентября 1941 г.

¹¹ Павлов, Илья Семенович (1899–1964) – сотрудник советских органов безопасности; генерал-майор (1943). В органах безопасности с 1920 г. С января 1941 г. по сентябрь 1941 г. – начальник ОО НКВД – 3-го отдела 7-й армии Ленинградского ВО.

¹² Речь идет о Краснознаменном 402-м стрелковом полку. За образцовое выполнение боевых заданий командования «на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество» Указом ПВС СССР награжден орденом Красного Знамени.

¹³ Котляров, Александр Иосифович (1914–?) – сотрудник советских органов безопасности; лейтенант ГБ (1941). В органах безопасности с 1938 г. По данным на 16 июля 1941 г. – старший уполномоченный 3-го отдела 168-й стрелковой дивизии Северного фронта.

¹⁴ Раков, Иван Петрович (1909–?) – сотрудник советских органов безопасности; батальонный комиссар (1941). В органах безопасности с 1938 г. По данным на 7 июня 1941 г. – начальник 3-го отдела 7-й армии Ленинградского ВО. По данным на 25 июля 1941 г. – начальник 4-го отделения ОО НКВД 7-й армии, батальонный комиссар.

¹⁵ 43-я стрелковая дивизия (43-я сд) – тактическое соединение Красной Армии. Сформирована в 1920-е годы в Великих Луках как территориальное соединение Ленинградского военного округа. В своем составе имела три стрелковых полка: 129-й, 130-й Богунский и 131-й Тарашанский. С 22 июня 1941 по 9 мая 1945 гг. находилась в составе Действующей армии. На начальном этапе войны входила в состав 50-го стрелкового корпуса 23-й армии Северного фронта. Дивизия принимала участие в обороне Ленинграда и ос-

возбуждении Эстонии. В дивизию входило шесть полков: три стрелковых полка (181-й (до 28 июля 1941 г., убыл в 19-й ск), 66-й; 147-й и 708-й) и один артиллерийский (200-й гап (до 5 октября 1941 г.) и 62-й), а также подразделения обеспечения. В августе 1941 г. попала в окружение, разрозненно, оставляя матчасти, дивизия пробилась к Койвисто, откуда эвакуирована судами Краснознаменного Балтийского флота. За боевые заслуги удостоена почетного наименования «Тартуская» (07.09.1944). Завершила боевой путь в составе 67-й армии 3-го Прибалтийского фронта.

¹⁶ Кирпичников, Владимир Васильевич (1903–1950) – советский военный деятель; генерал-майор. Уроженец Ульяновска. Из семьи кустика. Член ВКП(б) с 1930 г. В Красной Армии с 1932 г., командир 43-й стрелковой дивизии 23-й Армии Ленинградского фронта. 1 сентября 1941 г. захвачен в плен финскими войсками. В лагере для военнопленных финские власти предлагали Кирпичникову стать «финским Власовым» и возглавить коллаборационистов из числа советских военнопленных. На это предложение Кирпичников ответил категорическим отказом. После выхода Финляндии из войны передан представителям советского военного командования, 28 августа 1950 года Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к расстрелу. О судьбе генерала В.В. Кирпичникова см.: Решин А.И., Степанов В.С. Судьбы генеральские // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 32.

¹⁷ 115-я стрелковая Холмская Краснознаменная дивизия (115-я сд) – тактическое соединение Красной Армии. Развернута 7 сентября 1939 г. из 2-го стрелкового полка 1-й Московской пролетарской дивизии. В сентябре 1939 г. принимала участие в Польской кампании, в июне 1940 г. участвовала в присоединении Литвы к СССР. С марта 1941 г. занимает позиции на Карельском перешейке. В действующей армии в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 по 29 сентября 1943 и с 16 октября 1943 по 9 мая 1945 гг.

¹⁸ 123-я Лужская ордена Ленина стрелковая дивизия (123-я сд) – тактическое соединение Красной Армии. Развернута в сентябре 1939 г. в Вышнем Волочке (Калининский ВО) на базе 146-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии. Вскоре после завершения формирования дивизия в составе 8-й армии была развернута на советско-эстонской границе. Участвовала в советско-финляндской войне в составе 7-й армии (на Карельском перешейке). По окончании войны дивизия осталась на советско-финляндской границе, войдя в состав 50-го стрелкового корпуса 23-й армии. В годы Великой Отечественной войны находилась в составе действующей армии с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 гг.

¹⁹ 50-й стрелковый корпус (50 ск) – оперативно-тактическое объединение Красной Армии. Развернут в 1939 г. в Ленинградском ВО. Корпус принимал участие в советско-финляндской войне. К 22 июня 1941 г. соединения корпуса заняли район прикрытия государственной границы от Финского залива до озера Суокуман близ Светлогорска. Район от Финского залива до железной дороги Выборг–Симولا заняли части 123-й стрелковой дивизии, далее 43-я стрелковая дивизия. Общая протяженность полосы обороны, занимаемой корпусом, составляла 80 км. Командующий: генерал-майор Владимир Иванович Щербаков (17.1–4.8.1941).

²⁰ 19-й стрелковый корпус (19 ск) – оперативно-тактическое объединение Красной Армии. Сформирован 9 сентября 1930 г. в Ленинградском ВО. Корпус принимал участие в советско-финляндской войне. В годы Великой Отечественной войны находился в составе действующей армии с 22 июня по 24 октября 1941 г. На 22 июня 1941 г. подчиненные корпусу стрелковые соединения должны были занять оборону на границе СССР с Финляндией от Энсо до района западнее Сортавала. Соседом слева была 43-я стрелковая дивизия 50-го корпуса 23-й армии, соседом справа – 168-я стрелковая дивизия 7-й армии. Командующие: генерал-лейтенант Иван Иванович Алексеев (9.7.1940–5.8.1941); генерал-майор Филипп Никанорович Стариков (6.8.–22.9.1941).

²¹ 23-я армия (23 А) – оперативное объединение Красной Армии. Сформирована в Ленинградском ВО на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1113–460сс от 23 апреля 1941 г. На 22 июня 1941 г. перед армией стояла задача прикрытия границы от Выборга по государственной границе до Ристалаhti (западнее Сортавалы), имея соседом справа 168-ю стрелковую дивизию 7-й армии, соседом слева – Балтийский флот. В составе армии были 5 стрелковых, 1 мотострелковая и 2 танковые дивизии, два укрепленных рай-

она. Армия была развернута с целью прикрытия северо-западных подступов к Ленинграду и обороны западного побережья Ладожского озера. Командующие: генерал-лейтенант Петр Степанович Пшенников (25.5.–22.6.1941); генерал-лейтенант Михаил Никанорович Герасимов (6.8.–8.9.1941); генерал-майор (с 1.9.1943 г. – генерал-лейтенант) Александр Иванович Черепанов (9.9.1941–3.7.1944); генерал-лейтенант Василий Иванович Швецов (3.7.1944–9.5.1945).

²² Пшенников, Петр Степанович (1895–1941) – советский военный деятель; генерал-лейтенант (1940). Окончил Псковскую школу прапорщиков (1916), КУКС (1925). С августа 1939 г. командир 142-й стрелковой дивизии. С апреля 1940 г. командир 36-го стрелкового корпуса. С мая 1941 г. командующий 23-й армии. Погиб в бою восточнее г. Орла в декабре 1941 г.

²³ Герасимов, Михаил Никанорович (1894–1962) – советский военный деятель; генерал-лейтенант (1940). Окончил 3-ю Московскую школу прапорщиков (1915), Высшие военно-академические курсы комсостава РККА (1922), КУКС при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1928). Участник Первой мировой и Гражданской войны. В годы Великой отечественной войны командующий 23-й армии Северного фронта (с августа 1941 г.), зам. командующего Калининским фронтом, 1-м Прибалтийским фронтом (с октября 1943 г.), 2-м Прибалтийским фронтом, командующий 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта (август–октябрь 1944 г.).

²⁴ Коньков, Василий Фомич (1901–1993) – советский военный деятель; генерал-майор (1940). Окончил курсы среднего комсостава (1925), курсы «Выстрел» (1931). Член партии большевиков с 1924 г. В РККА с 1920 г. Участник советско-польской войны 1920–1921 гг. В Финскую кампанию 1939–1940 гг. – командир 84-й стрелковой дивизии 7-й армии. В годы Великой Отечественной войны – командир 115-й дивизии 23-й армии, командующий Невской группы войск Ленинградского фронта, зам. командующего 30-й армией Калининского фронта (1942), зам. командующего 1-й танковой армией по тылу 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов (1943–1945).

Таллинский переход и эвакуация базы Краснознамённого Балтийского флота с полуострова Ханко

В данной тематической подборке представлены четыре документа, находящиеся на хранении в Центральном архиве ФСБ России. Общая их особенность заключается в том, что они написаны непосредственными участниками событий сразу после их завершения и отложились в фонде контрразведки КБФ. Специфика использования этих документов органами безопасности позволила сохранить сведения, содержащиеся в них, от дальнейшего редактирования и искажения.

Три из этих четырёх документов посвящены обороне Таллина и Таллинскому переходу. Составленные разными людьми – моряком, сотрудником военной контрразведки и командиром-зенитчиком, они, как представляется, дают достаточно целостную картину того, что происходило в августе 1941 г. в ходе боёв за столицу Эстонии, во время спешной эвакуации и перехода по маршруту Таллин – Кронштадт.

В представленных вниманию читателя документах довольно подробно отражены недостатки и анализируются причины, из-за которых флот и части РККА понесли тяжёлые потери.

Первый документ посвящён собственно Таллинскому переходу и анализу причин августовской катастрофы Краснознамённого Балтийского флота. Второй документ, составленный в форме рапорта, дополняет первый в части, касающейся безобразной организации перехода, а также рассказывает о том, как проходила эвакуация личного состава из Таллина. Ценность третьего документа состоит в описании борьбы за Главную базу КБФ.

Подобного рода документы направлялись в 3-й отдел КБФ, где анализировались и обобщались, после чего докладывались руководству наркомата ВМФ или Военному совету КБФ.

Примером такого документа служит докладная записка начальника 3-го отдела КБФ дивизионного комиссара Лебедева А.П. народному комиссару Военно-морского флота СССР адмиралу Кузнецову Н.Г., в которой речь идёт о боевых действиях эскадры КБФ в ноябре 1941 г., и прежде всего об условиях, в которых проходила эвакуация личного состава с военно-

морской базы на полуострове Ханко. Автор этой докладной записки – начальник 3-го отдела КБФ дивизионный комиссар Лебедев А.П.¹

Вопреки мнению некоторых исследователей², что после Таллинского перехода (август 1941 г.) «он, как положено бойцу невидимого фронта, исчез, не оставив следов», Лебедев находился на своей должности до 31 мая 1943 г., когда был назначен заместителем начальника Управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата Военно-морского флота. «Следы» он оставил, одним из свидетельств чего является упомянутая докладная записка. Документов подобного рода в бытность свою начальником 3-го отдела КБФ он подписал множество, в том числе и после Таллинского перехода. Орденом Нахимова, как утверждает в той же книге, Лебедев тоже не был награждён. В его послужном списке числятся орден Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени, три ордена Красной Звезды, памятные и юбилейные медали, знак «Заслуженный работник НКВД».

Как представляется, введение в научный оборот новых архивных документов позволит лучше представить обстоятельства того, что происходило на Балтике в августе и ноябре 1941 г., а также даст в руки исследователей конкретные факты.

№ 1

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ С ЛИДЕРА³ «МИНСК» О ПЕРЕХОДЕ КОРАБЛЕЙ 28 АВГУСТА 1941 г. ИЗ ТАЛЛИНА В КРОНШТАДТ

В 3-й отдел КБФ

30 августа 1941 г.

Разговоров относительно перехода очень много. Но большинство из них сводятся к тому, вернее, к такому вопросу: почему не было для обеспечения перехода такой массы судов с десятками тысяч людей ни одного самолета (имея в виду истребителей), и притом выход приурочили на ночь? Подобные вопросы уместны и по-моему, но недостатков в организации этого перехода было больше. Во-первых, почему весь флот держали почти до вечера? Хотя он и был разбит для перехода, кажется на 3 каравана. Когда было можно большую часть его отправить с самого раннего утра, т.к. большинство из судов были загружены и готовы к отправке. Тогда бы эта часть за дневное время дошла бы до Гогланда и даже дальше. К тому же, до обеда была такая погода, в которую вряд ли они могли встретить авиацию противника, а также и торпедных катеров. Я не могу сказать, как шел первый караван, но мы шли так, что особого порядка в движении не было. Боевые корабли шли в основном в киль-

ватер друг другу, а транспорта и все катера шли и справа, и слева, без всякого порядка (я имею в виду, не придерживались строя кильватера, что грозило всем одинаково подорваться на минах).

Впереди нас шли пять быстроходных тральщиков строем пеленга, но настолько они узкую полосу протраливали, а временами и совсем перестраивались в строй кильватера (где попадались плавающие мины), что всем транспортам приходилось идти по непротраленному месту. После тральщиков попадалось много плавающих мин, которые не уничтожались, а оставаясь, они угрожали вслед идущим судам, а к тому некоторые тральщики и катера в это время ставили дымовые завесы, зачем? отчего? не знаю. Наверно, для того, чтобы облегчить атаковать⁴ торпедным катерам противника или же чтобы скрыть эти плавающие мины и чтобы на них подрывались вслед идущие суда?

Когда подорвался «Минск» и взорвался «Скорый», было уже темно. Конечно, спасение утопающих было затруднено, но спасти можно было больше. Я не знаю, участвовало ли больше в спасении? Мне известно, что участвовали в спасении наши обе шлюпки (катера неисправны), один катер МО⁵ и один торпедный катер, причем последний был послан под угрозой применения оружия со стороны начальника штаба флота, таким же путем он заставил спустить шлюпку для спасения с «Пиккера», который не хотел спускать шлюпку из-за того, что, дескать, много плавающих кругом. А когда наша шлюпка подошла со спасенными людьми к «Пиккеру» с расчетом поскорее высадить их, то никто из многостоящих⁶ у борта краснофлотцев (если можно их назвать после этого краснофлотцами) не хотел принимать конца со шлюпки, и только после настойчивого требования (со всевозможной руганью) со стороны команды шлюпки они приняли спасенных. Между прочим, когда узнали наши краснофлотцы об этом идиотстве, многие готовы были потопить его самого. Недалеко от места гибели было много других катеров, которых можно было вызвать для участия в спасении, т.к. многие держались на воде около 40 минут, если не больше. Безобразно вели себя некоторые подводные лодки, которые для связи применяли фонарь Ратьера, чем могли выдать противнику стоянку всех судов.

Наутро, когда развиднелось, то оказалось, что со всем оставшимся караваном остался один быстроходный тральщик, а остальные ушли ночью без разрешения начальника штаба, о чем последний докладывал радиogramмой командующему. По-моему, можно было бы переход организовать с меньшими потерями. Пустить впереди тральщиков с расчетом, чтобы они могли очищать полосу шириной не меньше [чем] с полмили, вслед за ними пустить одного или двух катеров «Охотников» для расстрела подрезанных мин, а потом остальные суда в три или четыре кильватерные колонны (для транспортов обязательно).

Самолеты для сопровождения необходимы были, но если их не было, то ни в коем случае не нужно было отпускать боевые корабли вперед. Так как уже можно сказать, что несколько боевых кораблей вместе с успехом могут отбиваться от самолетов.

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 73-75 об. Машинопись. Автограф.

№ 2
РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА 6-ГО ОТДЕЛЕНИЯ
3-ГО ОТДЕЛА КБФ СТ. ПОЛИТРУКА КАРПОВА
О ПЕРЕХОДЕ КОРАБЛЕЙ ИЗ ТАЛЛИНА В КРОНШТАДТ

30 августа 1941 г.

Начальнику 3-го отдела КБФ
дивизионному комиссару Лебедеву

Настоящим доношу, что 30.08.41 г. прибыл в г. Кронштадт на сс⁷ «Нептун» (ЭПРОН⁸). Вместе со мной прибыли уполномоченные: Поросенков, Семин и Гуськов. Вышли из Таллина последними в 08.00. 28.08.41 г.

Я лично вышел к баррикаде за здание Управления тыла в Таллине и направлял отдельные группы бойцов в Минную гавань. С последней группой я направился в Минную гавань и погрузился на сс ЭПРОНа «Нептун». На борту корабля находилось около 600 человек, в том числе раненых около 40 человек.

До траверза⁹ Локса все обстояло благополучно, т.е. до 20 час. 30 мин. С этого времени начали подрываться транспорта. В начале подорвался небольшой транспорт и ледакол (названий не знаю). На «Веронии» вышли из строя управление и машина. Она была взята на буксир сс «Сатурном».

Прошли несколько кабельтовых и «Сатурн» подорвался. На нем было около 800 человек. На «Сатурне» шел начальник ЭПРОНа – интендант 1-го ранга Фадеев, который выбросился за борт одним из первых, несмотря на то, что «Сатурн» остался на плаву. Фадеев был подобран на «Нептун».

К борту «Сатурна» подошел буксир для того, чтобы снять людей. После того, как буксир нагрузился до предела, он был торпедирован и моментально пошел ко дну. Таким образом, из 800 человек, находившихся на «Сатурне», спаслось лишь незначительное количество.

Приблизительно в 22.00 подорвалась «Верония» и моментально пошла ко дну. Вслед за ней (через несколько минут) подорвался еще один транспорт (названия не знаю), а еще через несколько минут подорвался эм¹⁰ «Калинин». Боевые корабли и головная часть каравана в это время уже ушли далеко вперед. Командир «Нептуна», несмотря на то, что не

знал курса, не имел к`алек, все же принял решение следовать на восток, рискуя подорваться на минах, но уйти от атаки подлодки противника.

К рассвету 29.08.41 г. мы догнали головную часть каравана и дальше стали следовать вместе с караваном.

На траверзе Кунда-Лахт караван подвергся артиллерийскому обстрелу с южного побережья, однако прямых попаданий отмечено не было. В этом же районе начались первые налеты авиации противника. Одним из первых был подожжен транспорт «2-я пятилетка». В носу разгорелся большой пожар, весь народ перешел в корму. Однако через 10 минут после первой бомбежки на «2-ю пятилетку» были снова сброшены бомбы, но на сей раз под корму, в воду. Приблизительно в 10 милях от «2-й пятилетки» подвергся бомбежке тр[анспор]т «Папанин». Его постигла участь «Пятилетки». В районе о-ва Гогланд мы подверглись особенно сильной бомбежке – на караван налетело одновременно 9 бомбардировщиков.

В результате этой бомбардировки отмечены были прямые попадания бомб в 5 транспортов: «Серп и Молот», «Ярвамаа», «Танкер-12» и 2 других, названия которых я не знаю. «Ярвамаа» и «Танкер-12» затонули очень быстро, «Серп и Молот» выбросился на мель, т.к. на нем возник пожар, а остальные 2 тр[анспор]та продолжали оставаться на фарватере, заметно погрузившись. От о-ва Гогланд до Сейскари¹¹ мы подвергались непрерывным налетам и бомбежке. Число налетов в общей сложности превышает 25. Из наиболее крупных транспортов в караване остались ус¹² «Ленинградсовет» и сс «Нептун».

Из наиболее характерных недочетов эвакуации г. Таллина необходимо отметить следующие:

1. Недостаточно были продуманы пути отхода наших войск для погрузки на транспорта. В результате этого большое количество войск направилось в Беккеровскую гавань, но там уже транспортов не было. Москаленко же до 5.00 28 августа находился в Минной гавани, а в 6.00 он уже погрузился на кр[ейсер] «Киров». Комиссар же тыла Родионов с 3.00 уже отсутствовал в Минной гавани и сидел на одном из кораблей на рейде. Следствием этого и явилось то обстоятельство, что многие части, отходя к Беккеровской гавани и не найдя там наших тр[анспор]тов, считали себя покинутыми, отрезанными от Союза и вынуждены были остаться на территории Эстонии. На путях к Беккеровской гавани не были выставлены заслоны, которые предупреждали бы части о том, что погрузка производится в Минной гавани.

2. Исклчительно безобразно было организовано охранение каравана – боевые корабли ушли вперед, а безоружные транспорта были предоставлены самим себе. В результате этого самолеты противника могли совершенно безнаказанно, не встречая заградительного зенитного огня, не только бомбить транспорта, но и на бреющем полете обстреливать их из крупнокалиберных пулеметов (что имело место в районе о-ва Гогланд).

Напряжение людей, находившихся на транспортах, в результате непрерывной бомбежки достигло наивысшего предела, и на сс «Нептун» отдельные красноармейцы предлагали избрать ревком и послать [его] к командиру корабля с требованием немедленно направиться к берегу (хотя бы даже чужому) и высадить людей.

Оперативного состава в 6-м отделении в Таллине находилось 14 человек. В Кронштадт прибыли только двое – Поросенков и я.

Поросенков был сам в Беккеровской гавани, а затем с небольшой группой ушел в Минную гавань. Там же осталось много народа – взяты они или нет на борт судов – неизвестно.

Нач[альник] 6-го отделения 3-го отдела КБФ
ст. политрук

Карпов

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 197-199. Машинопись. Автограф.

№ 3

ЛИЧНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ КОМАНДИРА 10-ГО ЗЕНИТНО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ДИВИЗИОНА ГЛАВНОЙ БАЗЫ КБФ СТ.ЛЕЙТЕНАНТА КОТОВА Е.И. ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОНЫ ТАЛЛИНА И ЭВАКУАЦИИ ВОЙСК

1 сентября 1941 г.

В 3-й отдел КБФ

Твердой организующей руки в обороне ГБ не было. Мощные огневые средства, морская и зенитная артиллерии не были полностью использованы, а, зачастую, последние бездействовали, вследствие отсутствия связи и взаимодействия между различными родами войск и особенно командованием армейских и артчастей. Командир укрепрайона капитан Панфилов не ориентировался в обстановке и на мои требования дать цели для артобстрела, как правило, ничего не мог сказать, так как говорил: «Трудно сказать, где наши войска, где пр[отивни]к». Командование пехотных частей не имеет наступательного порыва, а наоборот, причило войска к отходу и к обороне. После мощных огневых шквалов зенартбатарей 10-го див[изио]на пехота пр[отивни]ка откатывалась назад с большими потерями за 10 и более километров, но никто эту местность не закреплял и не думал этого делать. Отсутствие связи и взаимодействия приводило к обстрелу своих войск. Разведка работала скверно.

1. Считаю позорный провал обороны ГБ Таллин по вине неумелого руководства, не сумевшего использовать мощные огневые средства (как то – весь флот БО¹³ Главной базы).

2. Эвакуация войск прошла позорно. Отсутствие ориентировки у командования в обстановке привело к решению эвакуации, когда необходимости в этом не было. Войска начали сниматься с линии обороны в 21 час. 27 августа. Но 28 августа забытая группа бойцов во главе с лейт[енан]том Лопаевым, находясь на линии обороны, сдерживала пр[отивни]ка и отступила лишь тогда, когда стало известно, что все соседи и начальники ушли.

Мне сначала было приказано сосредоточить л[ичный] с[остав] и м[атериальную] ч[асть] на пристань Вимси, но потом изменили, и приказано [было] прорваться на Беккеровскую гавань. М[атериальная] ч[асть] дивизиона была доставлена. Но грузить не было на что. Хозяина не было.

Огромная толпа красноармейцев, краснофлотцев и командиров подверглась панике. Начальников не было. Большие толпы направились на прорыв (из разговоров мне известно, что многие из них вернулись, увидев транспорт на Купеческой пристани).

Материальная часть орудий, приборов, автотранспорт, лошади и многое другое ценное имущество в огромном количестве осталось на пристани. Из разговоров известно, что часть л[ичного] с[остава] также осталась не погружена.

Охрана с воздуха не была обеспечена. Огромное количество крупных транспортов – до 6 штук, и много мелких кораблей погибло. Погибло много л[ичного] с[остава]. Отдельные [участники перехода] заявляют до 15 тысяч человек (я в этой цифре сомневаюсь), во всяком случае, погибла не одна тысяча человек в пути от авиабомб пр[отивни]ка. Охраны кораблей с воздуха истребителями не было.

Считаю, операции по обороне ГБ и эвакуации войск были проведены преступно плохо. Они ложат* позорное пятно на флот. Героические сражения рядовых бойцов и командиров низших степеней пошли насмарку в результате таких действий.

Считаю, необходимо сурово, по военному времени, наказать [организаторов] нелепых операций.

Ст. лейт[енан]т

Котов

Принял уполномоченный 4-го отделения
3-го отдела КБФ

Гуськов

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 223-224. Машинопись. Автограф.

* Так в документе.

№ 4
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
НАЧАЛЬНИКА 3-ГО ОТДЕЛА КБФ О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ
ЭСКАДРЫ КБФ ЗА НОЯБРЬ 1941 г.

№ 21442
г. Ленинград

11 декабря 1941 г.

Наркому Военно-морского флота СССР
адмиралу Кузнецову

Боевые действия флота за ноябрь месяц, помимо обстрела вражеских позиций из судовой артиллерии, в основном сводились к использованию кораблей для переброски отдельных пехотных частей с п-ова Ханко на Ленинградский фронт. Таких походов отдельными соединениями было произведено четыре.

31 октября на Ханко был отправлен первый отряд кораблей в составе: минзаг¹⁴ «Марти», эм «Славный», пять быстроходных тральщиков и 6 катеров-МО под командованием вице-адмирала Дрозда. В целях обеспечения скрытности операции поход производился ночью, днем корабли отставались у о-ва Гогланд. Первая операция проведена успешно. Снято личного состава 4800 человек с полным вооружением, в том числе 61 орудие, 80 пулеметов и значительное количество боезапаса.

Во втором эшелоне с 2-го по 6 ноября с.г. участвовали эсминцы «Суровый», «Сметливый», 4 тральщика и 5 катеров-МО. При проходе района Кери, возвращаясь с Ханко, погиб эсминец «Сметливый». По записям в вахтенном журнале эм «Суровый» и по наблюдениям установлено, что в 23 час. 02 мин. за кормой «Сметливого» был слышен глухой взрыв, в короткие промежутки последовали еще два, последний в 23 час. 31 мин., был большой силы, вызвавший столб огня. По предварительным данным, из числа личного состава миноносца и находившихся на нем бойцов спасено 380 человек. Точных причин гибели эсминца до сих пор не установлено.

В третьем эшелоне кораблей, предназначенных для операции на Ханко, были: лидер «Ленинград», эм «Стойкий», теплоход «Жданов», минзаг «Урал», пять тральщиков и шесть катеров-МО. Этим эшелоном командовали командир лк¹⁵ «Октябрьская революция» контр-адмирал Москаленко и начальник политотдела эскадры полковой комиссар Смирнов. Отряд вышел 9 ноября в 17 час. 45 мин. от о-ва Гогланд в порядке¹⁶, предусмотренном планом операции, но с наступлением темноты походный порядок вскоре был нарушен. Корабли потеряли друг друга, и в районе маяка «Родшер» контр-адмирал Москаленко отдал по радио распоряжение: встать на якорь. С рассветом отряд вернулся к о-ву Гогланд. Вследствие свежей погоды и от-

сутствия четкого управления кораблями из пяти тральщиков остался невредимым только один тральщик № 215. Остальные четыре тральщика имеют небольшие повреждения. В этих условиях действия командования отряда о возвращении обратно на о-ов Гогланд нужно считать правильными.

11 ноября с.г. отряд в том же составе, за исключением двух поврежденных тральщиков, вышел вторично от о-ва Гогланд по направлению к Ханко. В районе Юминда – Мохни в параванах¹⁷ лидера «Ленинград» взорвались две мины, в результате чего вышли из строя гирокомпас¹⁸, ПАС¹⁹ и затоплен ряд носовых помещений, в том числе носовой артвогреб. Командир лидера начал просить об оказании ему помощи, сообщив, что дальше самостоятельно следовать не может. На помощь лидеру был выслан тральщик и два катера-МО, но до подхода их командир капитан 3-го ранга Горбачев приказал следовавшему за ним в кильватере теплоходу «Жданов» встать головным и идти к о-ву Гогланд. В результате этого «Жданов» подорвался на mine и в течение 10 мин. затонул. Вся команда, 70 человек, за исключением одного погибшего, спаслась на шлюпках. Потеря теплохода явилась следствием явно преступного приказа командира лидера Горбачева следовать головным к о-ву Гогланд (теплоход не имел параванов и на минном поле должен был неминуемо подорваться). Нами через военного прокурора КБФ возбуждено уголовное преследование Горбачева.

Еще до гибели теплохода «Жданов» командование отряда, получив сообщение о повреждении лидера «Ленинград», приняло решение о возвращении обратно к о-ву Гогланд. Таким образом, весь отряд, потеряв теплоход, 12 ноября вернулся обратно на Гогланд. Решением Военного совета КБФ контр-адмирал Москаленко и полковой комиссар Смирнов от руководства отрядом были отстранены и отозваны в Кронштадт.

Вместо лидера «Ленинград» в 4-м эшелоне были направлены эм «Суровый» и «Гордый», минзаг «Урал», 4 тральщика и 6 катеров-МО под командованием начальника штабы эскадры капитана 2-го ранга Нарыкова.

Выполняя задание, 14/XI в 01 час. 08 мин. в районе Мателота²⁰ от взрыва мины эм «Суровый» получил пробоины, в которые начала поступать вода. Пробоины были настолько велики, что отливные средства не справлялись с откачкой, и корабль стал медленно погружаться. Принятые личным составом меры к спасению корабля результатов не дали. Командованием корабля было принято решение начать спасение личного состава, а затем корабль взорвать, что и было выполнено в 5 час. 57 мин., уже после того, как вся команда была посажена на тральщик и катера-МО. Еще до подрыва эм «Суровый», во время следования в этом же районе подорвались и погибли БТЦ²¹-206 и катер-МО, 22 человека из их команд спасено, остальные погибли. Вскоре после подрыва эм «Суровый» поблизости от него подорвалась также на mine подлодка Л-2, которая своим ходом подошла к борту эсминца, и с нее

были сняты 3 человека раненых. Затем подлодка отошла своим ходом и находилась по носу корабля.

По заявлению командира ОВРа²² капитана 2-го ранга Святова, находившегося на о-ве Гогланд, БТЩ-217 близко подходил к подлодке, но, боясь подорваться на минах, к борту подлодки не подошел, за что командир БТЩ командованием ОВРа отдается под суд. В этом же районе подорвался эсминец «Гордый», с которого спасено 84 человека, 11 человек из них пришли на шлюпке на о-в Гогланд. Оставшиеся из отряда: минзаг «Урал», 1 тральщик и 3 катера-МО благополучно дошли до Ханко.

Нужно отметить, что во время борьбы личного состава за живучесть эсминца «Суровый» отдельные командиры и политработники проявили элементы трусости, нераспорядительности и нерешительности в своих действиях. Так, например, Дивизионный связист инженер-капитан-лейтенант Мясников не только не принимал мер к спасению корабля и личного состава, а сам пытался первым сойти с корабля на катер, но был оттуда возвращен. Военком эсминца старший политрук Рыбаков в момент подрыва корабля и после проявил полную нераспорядительность и растерянность и организацией борьбы за живучесть корабля совершенно не занимался. Начальник штаба эскадры капитан 2-го ранга Нарыков, руководивший переходом и находившийся на эсминце «Суровый», растерялся и сразу же после взрыва мины в параване, подозвав катер-МО № 409 к борту эсминца, сошел на него под предлогом узнать, что происходит с остальными кораблями. В действительности же Нарыков на катере никуда не ходил и ничего не выяснял, а находился вблизи эм «Суровый», отдавая с катера приказание командиру о подрыве корабля.

По заявлению инспектора ПУБалта²³ полкового комиссара т. Барабанова, Нарыков отдал распоряжение о немедленном подрыве корабля вместе с оставшимся там личным составом, ссылаясь на то, что имевшиеся в распоряжении спасательные средства (два катера-МО) не могли взять больше 150 человек, а бороться за сохранение живучести корабля бесполезно. Только после вмешательства т. Барабанова и зам. нач[альника] 3-го отдела эскадры КБФ старшего политрука т. Кузнецова, находившихся на эм «Суровый», были приняты меры к борьбе за спасение корабля и личного состава. Нарыков же продолжал оставаться по-прежнему на катере-МО и вопросом борьбы за живучесть корабля и спасение личного состава не занимался.

Одновременно с этим в борьбе за живучесть корабля и спасение личного состава проявили исключительное мужество:

– командир БЧ²⁴-5 инженер-капитан-лейтенант Жуков, который в тяжелых условиях после подрыва корабля сумел организовать борьбу личного состава БЧ-5 за живучесть, ликвидируя пожары, которые могли привести к вторичному взрыву и гибели всего личного состава;

– полковой комиссар Барабанов с момента подрыва корабля все время руководил организацией борьбы за живучесть, направляя действия личного состава к тому, чтобы спасти корабль, а после, когда это было невозможно, спасти личный состав.

Все переходы производились по рекомендованным курсам штаба КБФ. И только после того, как эшелон под командованием контр-адмирала Москаленко вернулся обратно на Гогланд, а затем во время второго перехода потерял на минах теплоход «Жданов» и получил повреждение от взрыва мин в параванах лидер «Ленинград», командующий эскадрой вице-адмирал Дрозд, как это стало известно со слов комиссара эскадры Масалова, предлагал идти от Гогланда новым курсом – значительно севернее, считая, что рекомендованный курс противнику уже известен, но якобы командующий флотом отклонил это предложение.

Нужно отметить, что группа тихоходных тральщиков в количестве 7 штук была послана для разведки нового курса по инициативе командующего эскадрой. Из полученной телеграммы командира дивизиона тральщиков видно, что они шли новым курсом, но почему-то без тралов, т.е. разведки по существу не произвели. Операции по вывозу войск с Ханко штабом КБФ и командующим флотом были организованы плохо.

Удавшаяся первая операция, рассчитанная на дерзость и неожиданность маневра, проведенная успешно, внесла успокоенность. Командованием флота была допущена тактическая ошибка: не учитывалось, что враг разгадает последующие намерения. Надёжной тральной разведки произведено не было. Корабли, следовавшие в караване, не выдерживали заданного им строя. Отклонились от протраленного фарватера, теряли из виду впереди идущих. Об этом свидетельствует подрыв на минах лидера «Ленинград».

По поступившим к нам нескольким [...] данным по этому вопросу видно: «Мины в обоих случаях рвались в левом параване, это объясняется наличием дрейфа. После первого взрыва левый параван был выбран, а пока готовился к постановке, сбавив ход, и мы отстали. После того, как расправился параван, вскоре взорвалась вторая мина».

Поход происходил в темную ночь, часто впереди идущий корабль терялся из виду, в результате были отклонения от кильватера. Поэтому и затравливались мины в параван. Сама полоса протраленного фарватера была небольшая. В операцию были посланы корабли-тихоходы: «Жданов», «Урал», «Марти», которые сковывали действия миноносцев.

Операция, которой руководили контр-адмирал Москаленко и полковой комиссар Смирнов, сорвана по их личной вине, они проявили нерешительность в своих действиях, потеряли корабли, что вызвало человеческие жертвы. Полковой комиссар Смирнов еще до операции заявил: «Зачем меня посылают, и что я там буду делать, не знаю», а в период проведения операции проявил элементы трусости.

В операции, руководимой нач[альником] штаба эскадры капитаном 2-го ранга Нарыковым, последний растерялся и проявил трусость. Нарыков еще до перехода среди отдельных командиров заявлял: «Если еще мне придется идти на Ханко, я сойду с ума».

Материалы о проявленной растерянности, граничащей с трусостью, и о непринятии мер к спасению личного состава на Нарыкова переданы военному прокурору КБФ. (Результаты и меры, принятые прокуратурой, сообщу дополнительно).

Начальник 3-го отдела КБФ
дивизионный комиссар

Лебедев

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 513. Л. 114-120. Машинопись. Подлинник.

Примечания

¹ Лебедев Алексей Павлович, 1906 г.р., уроженец ст. Перово Московской губернии (ныне в черте г. Москвы). Член ВКП(б) с 1929 г. Образование – 2 курса Военной академии химической защиты им. К.Е. Ворошилова. На службе в береговых частях флота – с 1931 г. В органах военной контрразведки флота – с 1939 г. Умер в 1968 г., похоронен в Москве.

² См.: Бунич И.Л. Балтийская трагедия. Катастрофа. СПб. 1996. С. 330.

³ Лидер – класс кораблей типа эскадренного миноносца большого водоизмещения. Предназначался для вывода эскадренных миноносцев в торпедную атаку. Имел сильное вооружение.

⁴ Так в документе.

⁵ МО – малый охотник.

⁶ Так в документе.

⁷ сс – спасательное судно.

⁸ ЭПРОН – до 1941 г. – Экспедиция подводных работ особого назначения. Позже – Аварийно-спасательная служба ВМФ СССР.

⁹ Траверз – направление, перпендикулярное курсу судна.

¹⁰ эм – эсминец, эскадренный миноносец.

¹¹ Так в документе.

¹² ус – учебное судно.

¹³ БО – береговая оборона.

¹⁴ Минзаг – минный заградитель.

¹⁵ лк – линкор, линейный корабль.

¹⁶ Ордер – в данном случае регламентированное по направлениям, интервалам и дистанциям взаимное расположение кораблей.

¹⁷ Параван – буксируемый кораблем подводный аппарат для защиты корабля от якорных контактных мин.

¹⁸ Гирокомпас – прибор для определения курса судна.

¹⁹ ПАС – полуавтоматическое сопровождение цели.

²⁰ Так в документе.

²¹ БТЩ – базовый тральщик.

²² ОВР – охрана водного района ГБ КБФ.

²³ ПУБалт – ПУБалтфлот, Политическое управление Краснознаменного Балтийского флота.

²⁴ БЧ – боевая часть.

Протоколы допросов бывших руководителей Румынии маршала Иона Антонеску и Михая Антонеску

Вниманию читателя предлагаются документы из Центрального архива ФСБ России, впервые публикуемые. Речь идёт о протоколах допросов советскими следственными органами военных преступников – «кондуктора» Румынии в 1940–1944 гг. маршала Иона Антонеску¹ и министра иностранных дел Михая Антонеску², несущих значительную долю ответственности за преступления, совершённые румынской армией и гражданской администрацией на оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг. Выстраиваемый в соответствии с определённой концепцией ведения следствия, протокол выполнял свою специфическую функцию в рамках следственного дела, не претендуя на отражение всей совокупности сведений, полученных следователями в ходе допросов. Существуют, несомненно, и определённые ограничения в использовании следственных протоколов в качестве достоверного и репрезентативного источника³. Как бы там ни было, ниже публикуемые документы дополняют некоторыми новыми немаловажными деталями наши знания как о мотивах, двигавших лидерами Румынии, плотно привязавшими свою страну к военной колеснице Третьего рейха, так и о характере отношений между официальными Бухарестом и Берлином.

Как явствует из документов, после своего прихода к власти в сентябре 1940 г. Антонеску трижды выезжал в Германию для встреч с Гитлером. В ноябре 1940 г. румынская сторона поставила подпись под Тройственным пактом, тогда же было заключено новое экономическое соглашение между Германией и Румынией. Рассчитывая на бесперебойные поставки нефти из Румынии (одного из важнейших в то время добытчиков и экспортёров нефти), Германия в свою очередь обязалась снабдить румынскую армию новейшими видами вооружения. С конца 1940 г. началась реорганизация румынских войск немецкими военными инструкторами в соответствии со стандартами вермахта. Во время следующей встречи, состоявшейся в январе 1941 г., Антонеску дал согласие на проход через румынскую территорию германской армии, проследовавшей в Грецию для подмоги итальянцам, чья попытка разгромить греческие войска

завершилась в ноябре 1940 г. полной неудачей. Тогда же было закреплено постоянное присутствие сил вермахта в Румынии.

О существующих планах нападения Германии на СССР Антонеску был информирован на своей третьей встрече с Гитлером, состоявшейся в Мюнхене в мае 1941 г. Тогда же Берлин заручился согласием официального Бухареста на подключение к своей военной операции. Перед румынским союзником были поставлены конкретные военные задачи. Речь шла не только о предоставлении территории Румынии в качестве плацдарма, но и о непосредственном участии румынской армии в осуществлении военной акции Германии. Одним из главных аргументов в пользу участия Румынии в войне была ссылка на утрату ею территорий, воссоединённых летом 1940 г. с СССР, – Бессарабии, принадлежавшей России в 1812–1918 гг., а также Северной Буковины, где преобладало украинское население. Гитлер подчеркнул тогда, что Румыния не может уклониться от войны с СССР, «так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии». При этом Румынии было обещано право «оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра». Полученным от Гитлера «правом» режим Антонеску сполна воспользовался в 1941–1944 гг. Речь идёт не только об уничтожении мирного населения в Бессарабии, Транснистрии, Южной Украине⁴. В документах приводятся данные, свидетельствующие о масштабах ограбления оккупированной советской территории, вывоза зерна и имущества, в том числе оборудования промышленных предприятий Одессы.

Не отказываясь от оккупации значительной территории СССР, румынские лидеры, однако, отнюдь не считали закрытым вопрос о пересмотре решений второго венского арбитража, в соответствии с которым Германия и Италия отдали Венгрии 30 августа 1940 г. Северную Трансильванию площадью 43 тыс. км². Гитлер уже в ноябре 1940 г. заявил, а в мае 1941 г. подтвердил в беседе с Антонеску, что «венским арбитражем ещё не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в своё время в Вене, о Трансильвании». В данном случае фюрер явно блефовал. Ведь Венгрия, как и Румыния, была союзницей нацистской Германии, участие её войск в восточной кампании Третьего рейха не могло не быть оплачено приобретением новых территорий, не в последнюю очередь за счёт соседней Румынии (румынские лидеры это хорошо понимали; показательно, что, беседуя с Гитлером и Риббентропом, они с нескрываемым беспокойством интересовались планами подключения Венгрии к решению военных задач Третьего рейха). Получение Северной Трансильвании не утолило геополити-

ческих appetитов верхушки хортистского режима, претендовавшей на большее – по возможности на восстановление Венгрии в границах земель «короны святого Стефана», включавших в себя всю Трансильванию, Словакию, Хорватию, Воеводину, Закарпатскую Украину и т. д. Сильно разочаровав вторым венским арбитражем Румынию и не удовлетворив Венгрию, нацистская Германия вместе с тем не только сохранила рычаги воздействия на обе враждующие между собой страны, но получила дополнительные возможности играть в своих интересах на венгеро-румынских противоречиях. Венгрия ждала от Третьего рейха содействия в осуществлении своих дальнейших ирредентистских планов, тогда как Румыния – если не возвращения Северной Трансильвании (в ноябре 1941 г. министр иностранных дел Румынии М. Антонеску в беседах с высокопоставленными нацистами «попробовал напомнить им о притязаниях Румынии на Северную Трансильванию, однако ничего определённого в ответ не услышал»), то больших территориальных компенсаций на востоке, за счёт СССР. Реваншистские настроения требовали выхода, и задача верхушки нацистской Германии заключалась в том, чтобы придать им строго определённый вектор, соответствующий военным целям Третьего рейха. Сколь ни была велика в Румынии обида на Германию, в Европе в это время не было другой силы, на которую могла возлагаться надежда на пересмотр установлений венского арбитража. Зависимость обеих стран от Третьего рейха, таким образом, усилилась, каждая из противоборствующих сторон была плотнее пристёгнута к осуществлению внешнеполитических и военных планов Германии, что способствовало в конечном итоге втягиванию стран-антагонистов (как Венгрии, так и Румынии) в войну против СССР. Свидетельства Антонеску о его майской 1941 г. встрече с Гитлером подтверждают, что решение о вступлении Румынии в войну на Восточном фронте принималось прежде всего с оглядкой на Венгрию, которая в случае отказа Румынии могла бы оказаться в значительном выигрыше перед своей вечной конкуренткой, наверняка овладела бы при поддержке Германии новыми румынскими территориями – возможности Берлина шантажировать своих сателлитов были в 1941 г. поистине безграничными. Ссылки Гитлера на новую угрозу, якобы исходящую для Румынии от СССР, претендующего вопреки позиции Германии на полный контроль над устьем Дуная, также могли способствовать вступлению Румынии в войну, но играли всё же, как нам представляется, менее значимую роль. Как бы там ни было, сделанный внешнеполитический выбор в пользу Германии обрёл легионерский режим Антонеску на бесславное поражение в войне. Кроме того, подчинённый характер Бухареста в отношениях с Берлином ни в коей мере не

оправдывает преступлений, совершённых румынскими властями по собственной воле на территории СССР.

Как известно, поражение вермахта под Сталинградом способствовало усилению антигерманских настроений румынской (как, впрочем, и венгерской) политической элиты. На территории нейтральных стран – Швеции, Швейцарии, Турции – предпринимаются тайные контакты представителей Румынии с англо-американскими эмиссарами. Что касается маршала Антонеску, то он противился попыткам вывода Румынии из войны, мотивируя свою позицию не только неприемлемостью поставленных условий (то есть сохранения Румынии в границах 1940 г. – без Северной Трансильвании, Бессарабии, Северной Буковины, а также Южной Добруджи, отданной Болгарии), но и определёнными представлениями об офицерской чести. Как объяснял в ходе одного из допросов его министр иностранных дел, маршал «не хотел воевать против Германии, заявляя, что ему, как военному, неудобно изменять своему прежнему союзнику – Германии». Контакты с державами антифашистской коалиции были, однако, продолжены (в том числе уже и с СССР), и 6 августа 1944 г. маршалу Антонеску и его министру иностранных дел пришлось давать соответствующие объяснения Гитлеру и Риббентропу. Они должны были подтвердить, что «румынское правительство вынуждено в связи с чрезвычайной тяжёлой ситуацией на фронте выяснить условия, на которых Румыния может выйти из войны». В документах находят отражение определённые колебания румынских лидеров. Если верить министру иностранных дел Михая Антонеску, он говорил своему немецкому коллеге Риббентропу: «Раз Германия отступает, мы не можем сами набрасывать верёвку на свою собственную шею, и если немцы не гарантируют оборону Румынии, то румынское правительство должно искать выхода из войны». К этому времени уже развёртывалась победоносная Яско-Кишинёвская операция Красной армии. Хотя маршал Антонеску и его ближайшее окружение оказались неспособны сделать решающий шаг к разрыву с гитлеровской Германией, часть генералитета сумела всё же осуществить 23 августа 1944 г. государственный переворот. Это могло произойти лишь при поддержке 22-летнего короля Михая – единственного ныне здравствующего кавалера советского ордена Победы, осознанием собственной исторической миссии и проявленным мужеством вполне заслужившего свою награду. Пронацистский режим Антонеску пал, 12 сентября было заключено соглашение о перемирии с СССР. Румыния, объявив войну Германии, перешла на сторону союзных держав, и её армия успела принять посильное участие в разгроме Третьего рейха.

№ 1.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА МАРШАЛА И. АНТОНЕСКУ

от 26 июня 1945 года

Антонеску И., 1882 года рождения, уроженец г. Питешти (Румыния), румын, происходит из семьи военных, с высшим образованием, беспартийный. До ареста – руководитель румынского государства, военное звание – маршал.

Вопрос: Вы арестованы командованием советских войск в Румынии, как один из виновников войны немецко-румынских захватчиков против СССР. Признаете вы себя виновным в этих преступлениях?

Ответ: Да, признаю. Моя вина состоит, прежде всего, в том, что после своего прихода в Румынии к власти в сентябре 1940 года, я всячески укреплял связь Румынии с Германией и помогал Гитлеру в ведении начатой им в Европе захватнической войны.

Конкретно это выразилось в том, что по просьбе Гитлера, с которой он обратился ко мне в январе 1941 года, я пропустил через Румынию германские мотомеханизированные войска, следовавшие на Балканы, для осуществления там агрессивных замыслов немецких империалистов.

Вместе с этим на всем протяжении войны я снабжал Германию стратегическим сырьем и продуктами сельского хозяйства.

Вопрос: Иными словами, вы, после прихода к власти, поставили Румынию на службу немцам, а сами превратились в прямого помощника Гитлера в его разбойничьих делах в Европе.

Ответ: По существу, да. Однако, прошу учесть, что если бы я отказался от союза с Германией и не помогал бы Гитлеру в начатой им захватнической войне, германская армия оккупировала бы Румынию.

Вопрос: Вступая в преступную связь с Гитлером, вы руководствовались не грозившей вам оккупацией, а вашими агрессивными замыслами. Вот о них вам и надлежало бы рассказывать, прежде всего.

Ответ: Не стану отрицать, что, установив личную связь с Гитлером, я разделял его захватническую политику и на этой основе в половине мая 1941 года договорился с ним о совместном военном нападении на Советский Союз. После соответствующей подготовки, намеченное нами нападение 22 июня 1941 года было осуществлено. Таким образом, я поставил себя в ряды военных преступников и в этом признаю себя виновным.

Я также признаю свою вину перед советским народом еще и в том, что при помощи румынских и германских войск оккупировал часть советской территории, установил там свою администрацию и продолжал войну против Советского Союза вплоть до падения Румынии в августе 1944 года.

Вопрос: Об обстоятельствах, при которых вы договорились с Гитлером напасть на Советский Союз, покажите подробнее.

Ответ: В первой половине мая 1941 года, без всяких предупреждений я был вызван Гитлером в его ставку, находившуюся тогда в г. Мюнхене, и по приезде туда сразу же явился к нему.

При нашей встрече, состоявшейся в одном из особняков, Гитлер сообщил мне, что им принято решение о военном нападении на Советский Союз с целью захвата территории и предотвращения готовившейся по его словам войны СССР против Германии. Подготовив это нападение, говорил Гитлер, мы осуществим его неожиданно на всем протяжении границ СССР – от Черного до Белого морей.

Неожиданность военного нападения, продолжал далее Гитлер, даст нам возможность в довольно короткий срок оккупировать территорию Советского Союза и, таким образом, получить неиссякаемые источники богатств, бесплатную рабочую силу и ликвидировать одного из самых опасных наших противников.

Исходя из своих захватнических планов, Гитлер предложил мне предоставить территорию Румынии для сосредоточения германских войск и, наряду с этим, принять непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз. Если же я откажусь от этого, заметил Гитлер, Румыния, в связи с пребыванием в ней германских войск, подвергнется разрушению со стороны Советского Союза, который на первом этапе войны может оказать немцам довольно сильное сопротивление.

К тому же, заявлял Гитлер, Румыния не должна стоять вне этой войны, хотя бы потому, что Советский Союз отобрал у нее Бессарабию и Северную Буковину, которые она может получить обратно только при помощи войны на стороне Германии. При этом он указал, что за нашу помощь в войне мы сможем получить не только Бессарабию и Северную Буковину, а и другие советские территории, вплоть до Днепра.

Вопрос: И вы, польстившись на чужое добро, предложение Гитлера приняли?

Ответ: Да, ухватившись за высказанную Гитлером возможность территориальных приобретений, я его предложение о совместном нападении на Советский Союз принял. При этом я обязался подготовить для участия в нападении потребное количество румынских войск и по возможности увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства, потребных для нужд германской армии.

После того, как мы приняли единое решение о военном нападении на Советский Союз, я возвратился в Румынию и начал подготовку к предстоящей войне.

Вопрос: В чем она заключалась?

Ответ: Возвратившись в Румынию, я сразу же вызвал к себе начальника Генерального штаба румынской армии генерала Ионеску⁵, поставил его в известность о принятом мною вместе с Гитлером решении по вопросу нападения на Советский Союз и приказал ему немедленно подготовить мобилизационный план развертывания румынской армии и ее сосредоточения на границе с СССР.

Вместе с этим, я приказал ему провести в стране мобилизацию с расчетом сформирования 14-ти новых дивизий, кроме 26 имевшихся, а также мобилизовать конский состав и транспортные средства, потребные для обеспечения как имевшихся, так и вновь формируемых дивизий.

Когда все необходимые приказы по армии были отданы, я в мае и июне месяцах 1941 года имел совещания с каждым из своих министров, которых также поставил в известность о моей с Германией подготовке нападения на Советский Союз и каждому из них дал соответствующее указание.

Вопрос: Как реагировали на это ваши министры?

Ответ: Министры были полностью согласны с моим и Гитлера решением о нападении на Советский Союз, и все мои приказы и указания принимали к исполнению без всяких обсуждений.

Они так же, как и я, были сторонниками союза с Гитлером и всячески помогали мне в укреплении нашей связи с Германией.

Вопрос: Какие именно указания вы давали своим министрам по вопросу подготовки военного нападения на Советский Союз?

Ответ: В тот период времени я совещался с государственным секретарем Антонеску Михаем, получившим затем пост моего заместителя и министром иностранных дел, министром финансов – генералом Стоянеску⁶, министром национальной экономики – генералом Потопяну⁷, министром путей сообщения – генералом Джоржеску⁸, министром юстиции Стойческу и предложил им выделить из каждого министерства потребное количество чиновников для организации гражданской администрации на оккупируемой нами советской территории.

Тогда же я вызвал к себе министра внутренних дел генерала Попеску и генерал-инспектора жандармерии Василиу⁹, которым поручил заняться формированием специальных жандармских батальонов, выделяемых в распоряжение гражданских административных органов, создаваемых на оккупированной советской территории в качестве вооруженной силы.

Министрам я указал, что выделенные ими чиновники, помимо организации органов гражданской администрации, должны захватить колхоз-

ный урожай, который особенно был нам необходим в связи с большими недостатками продовольствия в Румынии.

Вопрос: Иначе говоря, своим министрам вы дали прямое указание об ограблении советского сельского хозяйства. Вы признаете это?

Ответ: Признаю. Румынские оккупационные власти, возглавляемые назначенным мною гражданским комиссаром Алексиану¹⁰, на протяжении всего периода оккупации советской территории систематически занимались реквизицией хлеба, крупного и мелкого рогатого скота, а также других сельскохозяйственных продуктов. Все это делалось по моему непосредственному приказу.

Вопрос: Румынские войска и созданный вами аппарат гражданской администрации занимались ограблением не только колхозов. Они грабили и уничтожали советские промышленные предприятия, учебные и культурные заведения, а также учиняли массовое истребление советских людей. Это вы тоже признаете?

Ответ: Да, за все факты грабежей и злодеяний, учинявшихся румынскими войсками и представителями гражданской администрации на оккупированной советской территории я, как бывший руководитель государства, конечно, нес ответственность.

Вопрос: Дело не только в вашей ответственности, как руководителя государства. Материалами следствия и многочисленными документами вы изобличаетесь в том, что массовые грабежи и истребление советских людей на оккупированной румынскими войсками советской территории, производились по прямым вашим указаниям. Станете ли вы отрицать такие факты?

Ответ: Нет, факты грабежей и злодеяний, учиняемых румынскими властями на оккупированной советской территории, я отрицать не стану. Должен признать, что некоторые из них мною действительно были санкционированы.

Вопрос: Говорите конкретнее, какие приказы вы отдавали своим властям о грабежах и насилиях над советскими людьми?

Ответ: После оккупации румынскими войсками г. Одессы и советской территории, лежащей между Днестром и Бугом, которую мы называли Трансистрией, я отдал приказ генерал-инспектору жандармерии Василию о создании на занятой нами территории системы концентрационных лагерей. В эти лагеря по моим приказам было заключено большое количество мирного советского населения, которое подозревалося в недоброжелательном отношении к оккупационным румынским властям, а также относилось к разряду неблагонадежных.

Вопрос: Короче говоря, в концентрационные лагеря заключались мирные советские граждане, не желавшие пойти к вам на службу?

Ответ: Да.

Вопрос: Где конкретно были созданы вами концентрационные лагеря для советских людей?

Ответ: Такие лагеря были созданы в ряде населенных пунктов, названия которых указать затрудняюсь. Помню, что концентрационные лагеря были в мест. Вапрянка, Березовка, Грослово и др.

Вопрос: Какой режим был установлен в этих лагерях?

Ответ: Должен сказать, что режим был очень тяжелый. Во всех лагерях, как мне докладывали, наблюдалась большая смертность от недостатка пищи и разного рода эпидемических заболеваний по причине отсутствия там медицинского персонала.

Вопрос: Ваши преступления перед советским народом далеко не ограничиваются этим. Рассказывайте о других фактах злодеяний, совершенных по вашим приказам на оккупированной советской территории.

Ответ: Признаю, что я отдавал и другие подобные приказы. Так, после оккупации Одессы в октябре 1941 года, находившийся там командующий 4-й румынской армии генерал Якобич¹¹ доложил мне, что советскими патриотами взорвано здание румынской комендатуры, в результате чего погибло до 130 человек офицеров. Доложив об этом, Якобич просил меня разрешить ему провести против населения ряд репрессивных мероприятий. Я это санкционировал.

Вопрос: Уточните, какие именно репрессивные мероприятия просил Якобич санкционировать?

Ответ: Имелся в виду расстрел советских людей.

Вопрос: Непричастных к этому взрыву?

Ответ: Да, т. к. виновников взрыва найти было трудно.

Вопрос: Это вы и называете репрессивными мероприятиями?

Ответ: Да.

Вопрос: Какое количество советских людей было расстреляно по этому вашему приказу?

Ответ: Я затрудняюсь ответить на этот вопрос.

Вопрос: Затрудняетесь потому, что такие расстрелы на основании ваших приказов производились систематически?

Ответ: Был издан еще один подобный приказ, но как он был выполнен, я не знаю.

Вопрос: Что это за приказ?

Ответ: В конце 1941 или начале 1942 гг. кто-то из работников военного министерства доложил мне, что на оккупированной нами советской территории начали учащаться случаи убийств наших солдат. В связи с этим я приказал издать приказ, предупреждающий население оккупированной советской территории о том, что за каждого убитого румынского военнослужащего будет расстреливаться 100 человек советских граждан. Такой приказ был в действительности издан, но, повторяю, как он вы-

полнялся военными комендатурами, мне неизвестно. Полагаю, что он был использован только для устрашения населения.

Вопрос: Напрасно вы так полагаете. Документами Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-румынских войск, созданной Советским правительством, установлено, что только в г. Одессе и на территории Одесской области за период ее оккупации было убито, повешено и замучено в концентрационных лагерях свыше 200 тысяч человек мирных советских граждан. Что вы можете сказать после этого?

Ответ: Я не допускаю, чтобы все эти зверства были учинены румынскими войсками. Правда, я не слагаю с себя ответственности за расстрелы советских людей, но прошу проверить, что массовым истреблением советских людей занимались немцы.

Вопрос: А массовым ограблением советских промышленных предприятий, учебных и культурных заведений, по-вашему, занимались тоже немцы?

Ответ: Нет, в этом повинен я, поскольку это делалось по моим приказам. В конце 194 года, когда г. Одесса и территория Транстристрии были оккупированы румынскими войсками, я приказал создать специальную комиссию во главе с генералом Василиу, бывшим начальником инженерного управления военного министерства, и поручил ему вывезти в Румынию все оборудование советских промышленных предприятий, расположенных на оккупированной нами территории. При этом я указал Василиу, что вывозить надо только то оборудование, которое может быть использовано на нужды войны и является военными трофеями.

Вопрос: Румынские оккупационные власти под руководством ваших ставленников Василиу и Алексиану вывезли из Одессы и других оккупированных городов трамвайные вагоны, оборудование учебных, культурных и детских учреждений и даже декорации и сцену из Одесского оперного театра. Это, по-вашему, тоже военные трофеи?

Ответ: Нет, такое оборудование и ценности трофеями назвать нельзя.

Вопрос: Тогда на каком же основании вы вывезли их в Румынию?

Ответ: Признаю, что это было сделано по моему приказу.

Вопрос: А это значит, что вы заведомо санкционировали своим оккупационным властям массовые грабежи советского добра.

Ответ: Да, в этом я виновен.

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан в переводе на румынском языке.

Антонеску

№ 2.
**СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
МАРШАЛА И. АНТОНЕСКУ**

от 6 января 1946 года

На поставленный мне вопрос о моей, совместно с Гитлером, подготовке военного нападения Румынии и Германии на Советский Союз, могу рассказать следующее.

На всем протяжении своего пребывания у власти в Румынии я проводил политику укрепления связи с Германией и пользовался ее помощью в деле переобучения и перевооружения румынской армии. В этих целях я несколько раз встречался с Гитлером.

Первая встреча с Гитлером состоялась в ноябре 1940 года, вскоре после того, как я стал главой румынского правительства. Встреча эта состоялась по моей инициативе в Берлине, в официальной резиденции Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии Риббентропа и личного переводчика Гитлера – Шмидта¹². Беседа с Гитлером длилась более 4-х часов.

Я заверил Гитлера в том, что Румыния остается верной ранее заключенному соглашению о присоединении Румынии к “тройственному пакту”¹³. В ответ на мои заверения о верности союзу с Германией Гитлер заявил, что немецкие солдаты гарантируют границы Румынии.

Тогда же Гитлер мне сказал, что венским арбитражем¹⁴ еще не сказано последнее слово и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в свое время в Вене, о Трансильвании.

Я и Гитлер согласились, чтобы находившаяся в Румынии германская военная миссия продолжала вести работы по перестройке румынской армии по немецкому образцу, а также заключил экономическое соглашение, согласно которому немцы в последующем поставляли в Румынию самолеты марки “Мессершмидт-109”, танки, тракторы, зенитную и противотанковую артиллерию, автоматы и другое вооружение, получая взамен с Румынии хлеб и бензин для нужд германской армии.

На поставленный вопрос, можно ли рассматривать мою первую беседу с Гитлером, как начало моего сговора с немцами в подготовке войны против Советского Союза, я отвечаю утвердительно.

Это обстоятельство Гитлер, безусловно, имел в виду при разработке планов нападения на Советский Союз.

В январе 1941 года через германского посла в Румынии Фабрициуса¹⁵ я был приглашен в Германию и имел в Берхтесгадене вторую встречу с Гитлером, на которой присутствовали: Риббен-

троп, Фабрициус и вновь назначенный германский посол в Бухаресте Келлингер¹⁶. Кроме них присутствовали также представители германских вооруженных сил – фельдмаршал Кейтель и генерал-полковник Иодль.

В начале беседы Гитлер, представляя мне Келлингера, подчеркнул, что последний является его ближайшим другом.

После этого Гитлер, характеризуя военное положение на Балканах, заявил, что в связи с неудачами итальянцев в войне с Грецией, Муссолини обратился к нему за помощью и такую помощь он, Гитлер, намерен оказать Италии. В связи с этим Гитлер просил меня пропустить через Румынию сосредоточенные на территории Венгрии германские войска для того, чтобы они могли оказать быструю помощь итальянцам.

Имея в виду, что пропуск немецких войск через Румынию на Балканы будет актом, враждебным Советскому Союзу, я спросил у Гитлера, как, по его мнению, отнесется к этому советское правительство.

Гитлер, напомнив мне, что при первой встрече со мной в ноябре 1940 года он уже дал соответствующие гарантии Румынии, взял на себя обязательство защищать Румынию силой оружия.

Я высказал опасение, что продвижение немецких войск через Румынию может послужить поводом военных действий со стороны Советского Союза, и тогда Румыния попадет в тяжелое положение, так как румынская армия не отобилизована, – на это Гитлер заявил, что он отдаст приказ оставить в Румынии часть немецких войск, предназначенных для участия в операциях против Греции.

Гитлер подчеркнул также, что находящаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что Советский Союз не намерен воевать против Германии или Румынии.

Удовлетворившись этим заявлением Гитлера, я согласился пропустить немецкие войска по румынской территории.

Присутствовавший на этом совещании генерал-полковник Иодль охарактеризовал мне стратегическое положение германской армии, подчеркнув при этом необходимость удара по Греции со стороны Болгарии.

Моя третья встреча с Гитлером состоялась в мае 1941 года в Мюнхене.

На этой встрече, где кроме нас присутствовали Риббентроп и личный переводчик Гитлера – Шмидт, мы уже окончательно договорились о совместном нападении на Советский Союз.

Гитлер сообщил мне, что им принято решение о военном нападении на Советский Союз. Подготовив это нападение, говорил Гитлер, мы должны осуществить его неожиданно на всем протяжении границ Советского Союза от Черного до Балтийского морей.

Неожиданность военного нападения, продолжал далее Гитлер, даст Германии и Румынии возможность в короткий срок ликвидировать одного из самых опасных наших противников.

Исходя из своих военных планов, Гитлер предложил мне предоставить территорию Румынии для сосредоточения германских войск и, наряду с этим, принять непосредственное участие в осуществлении военного нападения на Советский Союз.

Гитлер подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне этой войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии. При этом он указал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории, вплоть до Днепра.

Так как предложение Гитлера о совместном начале войны против СССР соответствовало моим агрессивным намерениям, я заявил о своем согласии принять участие в нападении на Советский Союз и обязался подготовить потребное количество румынских войск и одновременно увеличить поставки нефти и продуктов сельского хозяйства для нужд германской армии.

Перед тем, как мною и Гитлером было принято решение о нападении на Россию, я спросил у Гитлера, есть ли какая-либо договоренность с Венгрией относительно ее участия в войне. Гитлер ответил, что венгры уже дали свое согласие участвовать в союзе с Германией в войне против СССР. Когда именно немцы договорились об этом с венграми, – Гитлер мне не сказал.

Возвратившись из Мюнхена в Бухарест, я начал деятельную подготовку к предстоящей войне.

Прежде всего, я вызвал к себе начальника генерального штаба румынской армии генерала Иоанициу¹⁷, поставил его в известность о принятом мною вместе с Гитлером решении по вопросу нападения на Советский Союз и приказ ему немедленно подготовить мобилизационный план румынской армии, сосредоточения ее на границе с СССР и последующего развертывания.

Вместе с этим, я приказал Иоанициу провести в Румынии мобилизацию нескольких возрастов, а также мобилизовать конский состав и транспортные средства, необходимые для обеспечения как имевшихся, так и вновь формируемых дивизий.

Когда все необходимые приказы по армии были отданы, я в мае и июне месяцах 1941 года провел совещание с каждым из своих министров, которых также поставил в известность о моем и Гитлера решении напасть на Советский Союз и каждому из них дал соответствующие указания.

В тот период времени я совещался с государственным секретарем Антонеску Михаем, назначенным затем на пост моего заместителя и министра иностранных дел, генералом Стоянеску – министром финансов,

генералом Потопяну – министром национальной экономики, генералом Джоржеску – министром путей сообщения, Стойческу – министром юстиции и предложил им выделить из каждого министерства потребное количество чиновников для организации гражданской администрации на советской территории, которая будет нами оккупирована.

Тогда же я вызвал к себе министра внутренних дел генерала Попеску, которому поручил заняться формированием специальных жандармских частей, выделяемых в распоряжение гражданских административных органов, которые должны были действовать на оккупированной советской территории.

Министрам я указал, что выделенные ими чиновники, помимо организации органов гражданской администрации, должны захватить колхозный урожай, который особенно был нам необходим в связи с большим недостатком продовольствия в Румынии.

Министры были полностью согласны с моим и Гитлера решением о нападении на Советский Союз, и все мои приказы и указания принимали к исполнению без всяких обсуждений. Они так же, как и я, были сторонниками союза с Гитлером и всячески помогали мне в укреплении нашей связи с Германией.

После вторжения на советскую территорию румынские войска, находившиеся под моим главным командованием, оказали немцам большую помощь, в связи с чем Гитлер прислал на мое имя письмо с выражением благодарности мне и румынской армии.

Показания написаны мною собственноручно.

Маршал Антонеску

ЦА ФСБ России. Д. № Н-1867. Т. 1. Л. 28–33. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 3.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА МАРШАЛА И. АНТОНЕСКУ

от 7 января 1946 года

Антонеску И., 1882 года рождения, уроженец г. Питешти (Румыния), румын, происходит из семьи военных, с высшим образованием, беспартийный. До ареста – руководитель румынского государства, военное звание – маршал.

Вопрос: Уточните, когда было заключено соглашение между Германией и Румынией о совместном военном нападении на СССР?

Ответ: Как я уже показал на допросе 26 июня 1945 года, вопрос о совместном нападении Германии и Румынии на Советский Союз был решен в мае 1941 года во время моей личной встречи с Гитлером.

Тогда между мной и Гитлером был заключен устный договор о военном союзе между Германией и Румынией и совместном нападении на Советский Союз.

Вопрос: Кто присутствовал при вашем сговоре с Гитлером?

Ответ: Договор с Гитлером был заключен мной в присутствии министра иностранных дел Германии Риббентропа и личного переводчика Гитлера – Шмидта.

Вопрос: Венгрия принимала участие в заключении соглашения с Германией о ненападении на СССР?

Ответ: Да, принимала. В беседе с Гитлером, когда решение о военном нападении Германии и Румынии на СССР нами (мной и Гитлером) было принято, я спросил Гитлера, есть ли какая договоренность с Венгрией относительно ее участия в войне. Гитлер ответил, что венгры уже дали свое согласие участвовать в союзе с Германией в войне против Советского Союза. Когда именно немцы договорились об этом с венграми, Гитлер мне не сказал.

Вопрос: Непосредственно с венгерским правительством вы поддерживали связь во время подготовки к войне против СССР?

Ответ: Нет. Отношения между Румынией и Венгрией в то время были натянутыми, поэтому никаких переговоров между нами не велось.

Вопрос: До вашей встречи с Гитлером вы, очевидно, располагали данными о готовившемся Германией нападении на СССР?

Ответ: Данных о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР до встречи с Гитлером у меня не было.

Вопрос: А вы встречались с Гитлером до мая 1941 года?

Ответ: Да, встречался.

Вопрос: Во время этих встреч Гитлер разве не информировал вас о немецких приготовлениях к войне против СССР?

Ответ: В ноябре 1940 года я имел в Берлине встречу с Гитлером и в присутствии Риббентропа и переводчика Шмидта подтвердил ранее заключенное соглашение о присоединении Румынии к “тройственному пакту” и о допуске в Румынию германской военной миссии для подготовки румынской армии.

Этот акт с моей стороны можно рассматривать, как начало моего сговора с немцами в развязывании войны против Советского Союза.

При вторичной встрече с Гитлером в Мюнхене в январе 1941 года Гитлер прямо заявил, что Германия и СССР никак не могут договориться относительно Румынии, Советский Союз претендует якобы на устье Дуная и другие стратегические пункты на Балканах, а Германия с этим

не соглашается, защищая якобы интересы Румынии. Очевидно, таким заявлением Гитлер готовил румын к войне против СССР.

Допрос прерван.

Протокол записан с моих слов верно, мной прочитан.

Антонеску

ЦА ФСБ России. Н-1867. Т. 1. Л. 51–52. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 4.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА МАРШАЛА И. АНТОНЕСКУ

от 4 апреля 1946 года

Антонеску И., 1882 года рождения, уроженец г. Питешти (Румыния), румын, происходит из семьи военных, с высшим образованием, беспартийный. До ареста – руководитель румынского государства, военное звание – маршал.

Вопрос: На какой основе строились экономические отношения между Германией и Румынией в период войны против Советского Союза?

Ответ: В период войны Германии и Румынии против Советского Союза добываемая в Румынии нефть в основном вывозилась в Германию и частично в Италию, Турцию и Болгарию.

Всего в Румынии в этот период ежегодно добывалось 4 миллиона 400 тысяч тонн нефти, из них направлялось в Германию 3 миллиона тонн. При этом вся нефтяная промышленность Румынии находилась в руках английских, американских, голландских, бельгийских и французских нефтяных обществ. Таким образом, получалось, что английские, американские нефтепромышленники обеспечивали Германию нефтью.

Я должен сказать, что Румыния, несмотря на настояние немцев конфисковать собственность английских и американских нефтяных обществ оставила эту собственность неприкосновенной, сохранив прежних генеральных директоров, назначенных еще до войны, и отказалась от своего права назначить для контроля за деятельностью фирм своих комиссаров.

Поставки румынской нефти в Германию осуществлялись в соответствии с существовавшим еще до моего прихода к власти экономическим соглашением.

В ноябре 1940 года при моей первой встрече с Гитлером между нами было заключено новое экономическое соглашение, согласно которому немцы в последующем поставляли в Румынию самолеты марки “Мессерш-

мидт-109", танки, тракторы, зенитную и противотанковую артиллерию, автоматы и другое вооружение, получая с Румынии нефть, бензин и хлеб.

Кроме этого, весной 1941 года при встрече в Вене с Герингом я устно условился с ним, что Румыния постарается увеличить нефтепоставки и будет взамен этого получать от немцев нефтеоборудование.

Это соглашение носило общий характер и в последующем было развито и конкретизировано путем переговоров между румынским министром нефтяной промышленности Димитрюк и немецкими представителями в Румынии Фишером и Нойбахером¹⁸. Оформлялось ли это соглашение какими-либо документами, мне неизвестно.

На протяжении 1942–[19]44 гг. немцы завозили в Румынию обсадные и бурильные трубы и другое нефтеоборудование, применяющиеся при эксплуатационных работах на нефтепромыслах, а также поставляли оборудование для трубопроводов Плоешти–Бухарест, Трансильвания–Бухарест.

Германское нефтеоборудование распределялось между нефтяными фирмами, находившимися в Румынии по специальному плану, который разрабатывался министерством нефтяной промышленности Румынии при участии представителей этих фирм и представлял собой часть ежегодных германо-румынских экономических соглашений.

Наряду с этим в 1943 году немцы доставили в Галац оборудование нефтеобрабатывающего завода, которое вначале было завезено на Северный Кавказ, но затем при отступлении эвакуировано в Румынию.

Кроме этого, в обмен на нефть, немцы поставляли в Румынию железную руду, добывавшуюся ими в Кривом Роге.

В то же время лично Гитлер, Риббентроп и германский посол в Румынии Киллинггер при встречах с представителями румынского правительства неоднократно подчеркивали, что румынские нефтепоставки Германией оплачиваются усилиями германских войск на советско-германском фронте.

Так, в январе 1942 года, Гитлер, принимая меня в своей ставке в Восточной Пруссии и имея ввиду высказывания румын о том, что они не получают достаточной компенсации за свою нефть, сделал мне замечание и рекомендовал в вопросе о нефти учитывать, что за румынскую нефть Германия платит тем, что ее солдаты воюют за интересы Румынии.

Допрос прерван.

Протокол записан с моих слов верно, мной прочитан.

Антонеску

№ 5.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М. АНТОНЕСКУ

от 23 июня 1945 года

Антонеску М., 1904 года рождения, уроженец уезда Дымбовица, румын, подданный Румынии, доктор юридических, политических и экономических наук, доцент международного права, бывший заместитель премьер-министра Румынии.

Допрос начат в 14 час. 00 мин.

Вопрос: В 1941 году вы являлись одним из руководителей румынского правительства и повинны в организации военного нападения на Советский Союз. Какое участие вы принимали в военных приготовлениях Румынии?

Ответ: В 1941 году я входил в состав румынского правительства маршала Антонеску, как министр без портфеля и ведал вопросами пропаганды и координировал деятельность ряда министров.

Как член правительства виновен в нападении, которое Румыния, не объявив войны, совершила на Советский Союз.

Рассчитывая, что в результате неожиданного нападения Румынии удастся сделать территориальные приобретения за счет Советского Союза, я еще до войны по предложению маршала Антонеску занимался созданием специального аппарата чиновников, которые должны были осуществлять оккупационный режим в захваченных районах Советского Союза.

Вопрос: Говорите прямо, созданный вами аппарат чиновников был подготовлен для ограбления советских районов. Так это?

Ответ: Признаю. Я давал указание ряду министров, чтобы они приняли меры к захвату урожая, который ожидали в 1941 году колхозы Советского Союза на юге.

Вопрос: Когда и кому вы дали такие указания?

Ответ: По поручению маршала Антонеску я проводил с министрами специальные совещания по этому вопросу.

В мае 1941 года, возвратившись из Германии после встречи с Гитлером, маршал Антонеску созвал в своей резиденции в Бухаресте членов правительства и объявил, что он договорился с Гитлером о совместном нападении Германии и Румынии на Советский Союз и предложил министрам, чтобы каждый из них выделил из своего ве-

домства в распоряжение военного командования известное количество чиновников, пригодных для использования их в качестве организаторов гражданской администрации на оккупированной территории Советского Союза.

После совещания с министрами в июне 1941 года маршал Антонеску выехал в армию и перед своим отъездом, вызвав меня к себе, поручил созвать министров и проверить, как ими выполнено его распоряжение о выделении чиновников для военного командования.

На другой день я, пригласив к себе министра национальной экономики Маринеску, министра финансов генерала Стоянеску, министра юстиции Стойческу, министра образования Петровича, зам[естителя] министра снабжения Неджель, предложил им доложить об исполнении распоряжения, полученного ранее от маршала Антонеску. Министры сообщили, что чиновники в распоряжение военного командования выделены.

На этом же совещании я объяснил присутствовавшим министрам, что выделенный состав чиновников должен будет обеспечить по мере продвижения румынских войск по советской территории создание оккупационной власти и подчеркнул, что основная задача заключается в том, чтобы захватить советский урожай.

После начала военных действий с Советским Союзом и занятия румынскими войсками части Бессарабии и Буковины, я созвал второе совещание, где присутствовали те же министры Маринеску, Стоянеску, Петрович и Неджель, которым объявил, что надо быть строгими к румынам, служившим в советских органах, не брать на службу священников и учителей, сотрудничавших с советской властью.

Министру юстиции Стойческу я приказал на оккупированной территории создать судебные органы и разрешил для этой цели послать на советскую территорию председателя апелляционного суда Привацеску.

Мне известно, что маршал Антонеску в августе 1941 года дал приказ начальнику генерального штаба Ионеску создать в районе Днестра специальную режимную зону, куда из Бессарабии и Буковины были высланы десятки тысяч советских граждан, заподозренных в нелояльном отношении к румынской армии.

Вопрос: Что представляла из себя режимная зона?

Ответ: Режимная зона состояла из нескольких крупных концентрационных лагерей.

Вопрос: Вам было известно, что советские граждане, заключенные в этих лагерях, умирали от голода?

Ответ: Да, я знал, что румынские власти, угоняя советских граждан в режимную зону, запрещали брать с собой их личные вещи и продукты, вследствие чего среди заключенных наблюдался голод и боль-

шая смертность от истощения. В преступном обращении с советскими гражданами виновны румынские военные власти и в первую очередь маршал Антонеску.

Вопрос: А почему вы слагаете с себя ответственность за эти преступления? Вы же являлись фактическим руководителем румынского правительства?

Ответ: Действительно, 23 июня 1941 года маршал Антонеску назначил меня на пост председателя Совета Министров и 27 июня 1941 года передал в мое ведение министерство иностранных дел. В результате я стал фактически руководителем правительства Румынии и обеспечивал действия румынских войск против Советского Союза. Однако, по предложению маршала Антонеску в дела военной администрации на оккупированной территории Советского Союза не вмешивался. Кроме того, я должен был обеспечить сохранение тесных взаимоотношений с Германией. С этой целью в 1942 году по предложению посла Германии Киллингер в Румынии было создано общество сближения с Германией. Руководителем этой организации являлся маршал Антонеску, а я был назначен его заместителем.

Допрос прерван в 17 час. 00 мин.

Показания записаны с моих слово правильно, мне прочитаны на румынском языке.

Антонеску.

ЦА ФСБ России. Д. № Н-1867. Т. 1. Л. 60–62. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 6.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М. АНТОНЕСКУ

от 28 июня 1945 года

Антонеску М., 1904 года рождения, уроженец уезда Дымбовица, румын, подданный Румынии, доктор юридических, политических и экономических наук, доцент международного права, бывший заместитель премьер-министра Румынии.

Допрос начат в 14 час. 00 мин.

Вопрос: Известно, что в период войны Румынии против Советского Союза вы участвовали в совещаниях с рядом руководителей германского правительства. С кем из германских министров вы встречались?

Ответ: Как министр иностранных дел Румынии, я в период войны против Советского Союза выезжал в Германию, где имел встречи с Гитлером, Герингом, Геббельсом, Риббентропом и Функом¹⁹.

Вопрос: Вы встречались с руководителями германского правительства для решения вопросов, связанных с войной против объединенных наций?

Ответ: Да. В ноябре 1941 года Риббентроп прислал маршалу Антонеску и мне приглашение приехать в Берлин для того, чтобы принять участие в конференции представителей воюющих в союзе с Германией стран. Из-за болезни маршал Антонеску поехать в Германию не смог, поэтому Румыния была представлена на конференции мной одним.

Под председательством Риббентропа 21 ноября 1941 года в здании германского министерства иностранных дел собрались: Чиано²⁰ (Италия), Бардоси²¹ (Венгрия), Сирана-Суньер²² (Испания), Виттинг²³ (Финляндия), Попов²⁴ (Болгария) и генерал Йошима²⁵ (Япония).

Конференцию открыл Риббентроп, который произнес речь, содержащую клевету в отношении Советского Союза, Великобритании и США. За Риббентропом выступили присутствовавшие на конференции иностранные представители.

Лично я в своем выступлении заявил, что Румыния всегда будет поддерживать политику тех стран, которые ведут борьбу против Советского Союза. Аналогичные заявления сделали Чиано, Бардоси, Сирана-Суньер, Виттинг и Попов.

Никаких решений на конференции в Берлине принято не было.

Вопрос: Для чего же созывалась эта конференция?

Ответ: Конференция была создана по инициативе Германии, которой в целях пропаганды нужно было показать, что проводимая ею политика поддерживается правительствами Румынии, Италии и других, союзных с ней стран.

Для этой цели министры иностранных дел были приглашены в Берлин и затем публично выступали с заявлениями, направленными против объединенных наций.

Вопрос: Вас инструктировали, что вас следовало говорить на конференции?

Ответ: Да. Перед открытием конференции ко мне в гостиницу “Аллон” приезжал советник министерства иностранных дел Германии Смент, который прорепетировал со мной, что я должен был сказать в своем выступлении на конференции.

Вопрос: Чем была отмечена ваша послушная служба немцам?

Ответ: Когда конференция была закрыта, я посетил резиденцию Риббентропа, который от имени германского правительства вручил мне орден “Германского Орла”. После этого, в сопровождении Риббентропа,

Келингера, Смент и румынского посла в Германии Восье я посетил Гитлера, а затем был у Геринга, Геббельса и Функа.

В беседах с Гитлером, Герингом, Геббельсом и Функом я попробовал напомнить им о притязаниях Румынии на Северную Трансильванию, однако ничего определенного в ответ не услышал.

Возвратившись в Румынию, я доложил о результатах своей поездки в Германию на заседании совета министров.

В 1942 году я приступил к подготовке материалов к мирной конференции, которая, как я думал, состоится после того, как Германии и Румынии удастся одержать победу над Советским Союзом.

Вопрос: Вы, очевидно, полагали, что вам удастся присвоить некоторые территории Советского Союза?

Ответ: Да. Еще в конце 1941 года я отдал указание румынским послам в других странах подготавливать материалы для мирной конференции, а в мае 1942 года при министерстве иностранных дел Румынии создал специальную комиссию, которая должна была выработать предложения о границах Румынии.

Входившие в комиссию – доктор Мануила занимался разработкой вопроса о границах между Румынией и Венгрией, профессора Чабану и Нистор подготавливали материалы о границах с Советским Союзом.

Изменения, происшедшие в ходе войны, не дали возможности закончить работу созданной мною комиссией, ибо вместо ожидаемой победы война принесла капитуляцию Румынии.

Вопрос: Лишившись возможности осуществить захват советской территории, румыны обворовывали советские районы. Какое участие вы принимали в этом грабеже?

Ответ: В октябре 1941 года маршал Антонеску поставил меня в известность, что он думает назначить гражданским губернатором оккупированной территории Советского Союза бывшего губернатора Буковины Алексиану. Я сказал маршалу Антонеску, что Алексиану хорошо знаю, как профессора юридических наук, и посоветовал, чтобы маршал Антонеску подчинил Алексиану военным властям.

Согласившись с моим предложением, Антонеску призвал Алексиану на службу в румынскую армию, а затем, уже как военного представителя, назначил гражданским губернатором захваченной советской территории.

В начале 1943 года маршал Антонеску мне сказал, что он дал указание Алексиану, чтобы промышленность и другие ценности из советских городов были вывезены в Румынию. Вначале маршал Антонеску предлагал, чтобы я взял на себя руководство этим мероприятием, но затем

было решено, что этим вопросом будут заниматься министр экономики генерал Добре²⁶ и государственный секретарь Гелю.

Из докладов начальника жандармерии Румынии генерала Василиу мне известно, что из Советского Союза вывозилось: оборудование крупных предприятий, трактора и угонялся скот.

Допрос прерван в 17 час. 00 мин.

Протокол записан с моих слов верно, мне прочитан на румынском языке.

Антонеску

ЦА ФСБ России. Д. № Н-1867. Т. 1. Л. 73–76. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 7.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М. АНТОНЕСКУ

от 5 июля 1945 года

Антонеску М., 1904 года рождения, уроженец уезда Дымбовица, румын, подданный Румынии, доктор юридических, политических и экономических наук, доцент международного права, бывший заместитель премьер-министра Румынии.

Допрос начат в 22 час. 00 мин.

Вопрос: В период войны Румынии против Объединенных наций вы неоднократно выступали с обращением к румынам. Какого содержания были ваши выступления?

Ответ: На протяжении войны я неоднократно выступал с речами и в печати против Советского Союза.

22 июня 1941 года я выступил по радио с речью, обращенной к румынам, призывая их уничтожить советский строй в СССР и захватить Бессарабию и Буковину; в сентябре 1941 года, также по радио, мной было сделано заявление, направленное против Красной Армии; в октябре 1942 года в румынских газетах “Универсу” и “Тимпул” я поместил обширные статьи, содержавшие клеветнические нападки на СССР; в марте 1942 года, выступая в Бухаресте на собрании научных работников и затем в мае того же года на собрании в университете в г. Сибиу, я в своих речах пытался оправдать захватнические действия румынской армии.

Позже я выступал еще несколько раз, рассчитывая своими выступлениями настроить румын против СССР, убедить их, что война ведется в интересах Румынии.

Вопрос: А на самом деле, в чьих интересах воевали румынские солдаты?

Ответ: Ведя войну против Объединенных наций, румынское правительство маршала Антонеску действовало по указке Гитлера. Это я признаю.

Вопрос: Вы признаете, что своими выступлениями против СССР обманывали население Румынии, скрывая истинных виновников войны?

Ответ: Да, признаю.

Вопрос: И в то же время вы отстаивали интересы Германии вплоть до разгрома румынских войск. Это вы признаете?

Ответ: Да, в последней стадии войны от представителей нейтральных стран – Швеции, Швейцарии и Турции румынским правительством было получено пять предложений, где были указаны условия, на которых Румыния могла бы выйти из войны.

Поступившие предложения, после обсуждения между мной и маршалом Антонеску были отклонены, так как маршал Антонеску был не согласен с тем, чтобы сохранить границы Румынии в том положении, как они были в 1940 году, а также не хотел воевать против Германии, заявляя, что ему, как военному, неудобно изменять своему прежнему союзнику – Германии.

В 1944 году, после декларации советского правительства, опубликованной в связи с вступлением советских войск на территорию Румынии, маршал Антонеску в беседе со мной стал колебаться, имея ввиду пойти на переговоры с советским правительством, однако присутствовавшие при этом – военный министр генерал Пантази²⁷, начальник румынского генерального штаба – генерал Штефля²⁸ и министр вооружения – генерал Добре настояли, чтобы продолжать войну.

Вопрос: Вы также настаивали на продолжении войны?

Ответ: Нет, я на продолжении войны не настаивал, так как к этому времени убедился, что Германия и Румыния войну выиграть не смогут.

Вопрос: Неверно. Вы были сторонником войны, ездили в Германию, чтобы заручиться поддержкой у германского правительства. Какие гарантии вы получили от немцев?

Ответ: В августе 1941 года германский посол Келингер, посетив маршала Антонеску и меня, пригласил нас поехать в Германию для обсуждения с Гитлером и Риббентропом вопроса о дальнейшем участии Румынии в войне.

6 августа 1944 года я и маршал Антонеску, в сопровождении Келингера, прибыли в ставку Гитлера, находившуюся в то время в Восточной Пруссии. Маршал Антонеску разговаривал с Гитлером, а я с Риббентропом. Риббентроп заявил, что германскому правительству известно о переговорах, которые ведет Румыния через Стокгольм с Советским Союзом. Я подтвердил, что румынское правительство вынуждено в связи

с чрезвычайно тяжелым положением на фронте выяснять условия, на которых Румыния может выйти из войны.

Я сказал буквально следующее: “Раз Германия отступает, мы не можем сами набрасывать веревку на свою собственную шею и, если немцы не гарантируют оборону Румынии, то румынское правительство должно искать выхода из войны”.

Риббентроп меня заверил, что немецкие войска будут сражаться за Румынию так же, как за свою германскую территорию.

Аналогичное заявление получил от Гитлера маршал Антонеску.

Допрос прерван в 24 час. 00 мин.

Протокол записан с моих слов верно, мне прочитан на румынском языке.
Антонеску

ЦА ФСБ России. Д. № Н-1867. Т. 1. Л. 83–85. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 8.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М. АНТОНЕСКУ

от 13 июля 1945 года

Антонеску М., 1904 года рождения, уроженец уезда Дымбовица, румын, подданный Румынии, доктор юридических, политических и экономических наук, доцент международного права, бывший заместитель премьер-министра Румынии.

Допрос начат в 21 час. 30 мин.

Вопрос: Вы продолжаете скрывать свое участие в ограблении советских районов, занимавшихся в период войны румынскими войсками. Говорите об этом.

Ответ: На предыдущих допросах я признал, что накануне нападения Румынии на Советский Союз, по предложению маршала Антонеску, занимался созданием специального аппарата чиновников, которые передавались в военное ведомство и должны были осуществить оккупационный режим в захваченных районах Советского Союза. На совещаниях с министрами: национальной экономики Маринеску, финансов генералом Стоянеску, юстиции Стойческу, образования Петровичем и зам[естителем] министра снабжения Неджел в июне 1941 года я дал указание захватить советский урожай, приказал быть строгими к румынам, служившим в советских органах, не брать на службу священников и учителей, сотруд-

ничавших с советской властью, а также поручить создать на занятой румынами советской территории судебные органы. В октябре 1941 года, при моем участии, на оккупированную территорию СССР был назначен в качестве губернатора Алексяну, а в 1943 году маршал Антонеску мне сказал, что он дал указание Алексяну, чтобы промышленность и другие ценности из советских городов были вывезены в Румынию. Маршал Антонеску предлагал мне взять на себя руководство этим мероприятием, но затем было решено, что этим вопросом будут заниматься министр экономики генерал Добре и государственный секретарь Гемо. Из докладов начальника жандармерии Румынии генерала Василиу мне известно, что из Советского Союза вывозилось оборудование крупных предприятий, трактора и угонялся скот. Мне также было известно, что по приказу маршала Антонеску в августе 1941 года в районе Днестра была создана специальная режимная зона, куда из Бессарабии и Буковины были насильно вывезены десятки тысяч советских граждан, которые массами умирали от голода. Я это признаю и одновременно хочу заявить, что больше никакого участия в преступлениях, совершенных румынами на оккупированной территории Советского Союза, я не принимал.

Вопрос: А почему вы умалчиваете о том, что лично давали указания Алексяну вывозить с советской территории сельскохозяйственное имущество?

Ответ: Я таких указаний Алексяну не давал.

Вопрос: Приводим показания Алексяну на допросе от 3 июля 1945 года: "...в половине октября 1941 года я уже получил письменное распоряжение Михая Антонеску, назначенного тогда на должность вице премьер-министра Румынии, немедленно отправить в Румынию 1500 тракторов со всеми необходимыми для них принадлежностями и прицепными машинами. Это распоряжение Михая Антонеску мной было выполнено...".

Ответ: Я помню, в октябре 1941 года маршал Антонеску, прибыв из Бессарабии, сказал мне, что на ее территории сельскохозяйственные работы затянулись, и поэтому он дал указание министру сельского хозяйства генералу Секетиу и румынскому Генеральному штабу, чтобы с других районов оккупированной территории Советского Союза были вывезены трактора с прицепными приспособлениями и повозками, которые будут использованы для уборки урожая в Бессарабии.

Лично я в отношении тракторов указаний Алексяну не давал.

Допрос прерван в 22 час. 30 мин.

Показания с моих слов записаны верно, мной прочитаны на румынском языке.

Антонеску

№ 9.
СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
М. АНТОНЕСКУ

от 9 января 1946 года

В ноябре 1940 года маршал Антонеску в сопровождении тогдашнего министра иностранных дел принца Стурза выехал в Германию, где имел встречу с Гитлером.

Во время переговоров с Гитлером маршал Антонеску подписал соглашение о присоединении Румынии к “тройственному пакту” и получил от Гитлера обещание пересмотреть в последующем решения венского арбитража в пользу Румынии.

Кроме этого, маршал Антонеску заключил экономическое соглашение с Гитлером, предусматривавшее обмен товарами между Германией и Румынией.

После возвращения из Германии в начале декабря 1940 года маршал Антонеску сделал информационное сообщение о результатах его переговоров с Гитлером совету министров.

Эта первая поездка маршала Антонеску в Германию послужила началом политики, приведшей впоследствии к совместному нападению Германии и Румынии на Советский Союз.

По поручению маршала Антонеску, мной, в развитие условий соглашения, заключенного Антонеску с Гитлером, был составлен план использования немецких сельскохозяйственных машин.

В обмен на эти машины Румыния направляла в Германию нефть, нефтяные продукты и хлеб.

В ноябре 1940 года в Румынию начала прибывать германская военная миссия, состоявшая из многочисленного аппарата военных инструкторов, которые начали перестраивать румынскую армию на немецкий лад и, кроме того, прибыли входившие в состав миссии немецкие части ПВО, разместившиеся в районе Плоешти.

В январе 1941 года маршал Антонеску вторично выехал для встречи с Гитлером в Германию. В эту поездку маршала сопровождал начальник военного кабинета полковник Давидеску.

После переговоров между Антонеску и Гитлером, с разрешения маршала Антонеску, через Румынию были пропущены немецкие войска, следовавшие в Болгарию для атаки на Грецию.

Часть из этих войск была оставлена в Румынии и находилась на границе с СССР.

В период марта–апреля 1941 года, как мне лично маршал Антонеску говорил, германский посол Киллинг стал провоцировать румын против

СССР сообщениями о том, что русские имеют якобы плохие намерения в отношении Румынии.

В мае 1941 года маршал Антонеску имел третью встречу с Гитлером в Мюнхене.

Возвратившись из Германии, маршал Антонеску созвал в своей резиденции в Бухаресте членов правительства – министра внутренних дел Попеску, министра экономики Маринеску, министра вооружения Добре, министра финансов генерала Стоянеску, министра юстиции Стойческу, заместителей военного министра Пантази, Жиенеску и Пэиш и заместителя министра внутренних дел Василиу и объявил, что он договорился с Гитлером о совместном нападении Германии и Румынии на Советский Союз и приказал министрам, чтобы каждый из них выделил из своего ведомства в распоряжение военного командования известное количество чиновников, пригодных для использования их в качестве организаторов гражданской администрации на оккупированной территории Советского Союза.

После совещания с министром в июне 1941 года маршал Антонеску выехал в армию и перед своим отъездом, вызвав меня к себе, поручил созвать министров и проверить, как ими выполнено его распоряжение о выделении чиновников для военного командования.

На другой день я, пригласив к себе министра национальной экономики Маринеску, министра финансов генерала Стоянеску, министра юстиции Стойческу, министра образования Петровича, заместителя министра снабжения Неджелъ, предложил им доложить об исполнении распоряжения, полученного ранее от маршала Антонеску. Министры сообщили, что чиновники в распоряжение военного командования выделены.

На этом же совещании я объяснил присутствовавшим министрам, что выделенный состав чиновников должен будет обеспечить по мере продвижения румынских войск по советской территории создание оккупационной власти и подчеркнул, что основная задача заключается в том, чтобы захватить советский урожай.

После начала военных действий против Советского Союза 23 июня 1941 года маршал Антонеску назначил меня на пост председателя совета министров и 27 июня того же года передал в мое ведение министерство иностранных дел, а сам лично, оставаясь главой государства и руководителем вооруженных сил Румынии, продолжал сохранять тесные взаимоотношения с гитлеровской Германией.

Показания написаны мной собственноручно.

Антонеску

№ 10.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА М. АНТОНЕСКУ

от 4 апреля 1946 года

Вопрос: Какой характер носили экономические отношения между Германией и Румынией в период войны против Советского Союза?

Ответ: Между Румынией и Германией еще с 1939 года существовало экономическое соглашение, согласно которому немцы поставляли в Румынию вооружение, сырье для тяжелой промышленности и нефтеоборудование, получая взамен румынскую нефть и нефтяные продукты. При этом вся нефть, добывавшаяся в Румынии, направлялась только в Германию. В ноябре 1940 года маршал Антонеску при встрече с Гитлером подтвердил соглашение, которое было закончено в 1939 году. В последующем, на всем протяжении войны против СССР, Румыния поставляла в Германию ежегодно 3 миллиона тонн нефти, взамен чего получала германское вооружение, нефтеоборудование и машины для тяжелой промышленности. В 1942 году Германия завезла в Румынию большое количество труб, которые были использованы на строительстве нефтепроводов Плоешти–Бухарест–Джурджу и Плоешти–Констанца. Наряду с этим в Румынию немцами было доставлено большое количество труб, применяющихся в эксплуатационных работах на нефтепромыслах. В конце 1943 года немцы перевезли в Румынию оборудование нефтеперегонного завода, которое раньше ими предназначалось для использования на Северном Кавказе. Кроме этого, со слов маршала Антонеску, мне было известно о том, что немцы предлагали Румынии взять в эксплуатацию нефтеносные районы Северного Кавказа, но маршал Антонеску от этого якобы отказался.

Со слов маршала Антонеску, мне также известно, что немцы подготавливали в Германии нефтеоборудование, которое рассчитывали использовать на оккупированной территории Советского Союза.

Должен еще сказать, что, начиная с 1941 года, я неоднократно ставил перед немцами вопрос о том, чтобы вести расчеты за нефтепоставки в золотой валюте. Немцы с этим не соглашались, а Гитлер в одной из бесед с начальником румынского генерального штаба генералом Штефля сделал ему замечание, заявив, что румынам следует учитывать, что за румынскую нефть Германия платит тем, что защищает оружием интересы Румынии.

Протокол допроса записан с моих слов верно, мной прочитан на румынском языке.

Антонеску

Примечания

¹ Антонеску, Йон Георг (1882–1946) – румынский политический и военный деятель; маршал (1941). Участник Первой мировой войны. С 1 декабря 1933 по 11 декабря 1934 г. начальник Генштаба румынской армии, бригадный генерал. С 1937 г. министр обороны. С 5 сентября 1940 г. – глава т.н. Национального легионерского правительства, военный диктатор («кондукатор») Румынии. 23 ноября 1940 г. подписал протокол о присоединении Румынии к Берлинскому пакту. В 1941–1942 гг. одновременно возглавлял Военное министерство. 23 августа 1944 г. в результате антифашистского вооруженного восстания был арестован и отправлен в СССР. В 1946 г. депортирован в Румынию. 17 мая 1946 г. по приговору Народного трибунала в Бухаресте расстрелян как военный преступник. В начале 1990 г. реабилитирован румынским судом.

² Антонеску, Михай (1907–1946) – румынский государственный деятель, профессор. Брат Й. Антонеску. В сентябре 1940 г. при создании Национального легионерского правительства получил пост министра пропаганды. С 29 июня 1941 г. – министр иностранных дел. В 1942–1944 гг. одновременно являлся заместителем главы правительства, провел принятие пакета антиеврейских законов. В феврале 1943 г. попытался через посольства Румынии в Испании, Португалии и Швейцарии установить контакт с союзниками по Антигитлеровской коалиции. Арестован во время румынского восстания 23 августа 1944 г. и отправлен в СССР. В 1946 г. депортирован в Румынию. В начале 1990 г. реабилитирован румынским судом.

³ Важные источниковедческие наблюдения на эту тему см. в статье: Ананьич Б.В., Паннеях В.М. «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки. М., 1999. № 2 (120). С. 338-349.

⁴ См.: Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Трансильстрии. Сборник статей. М., 2010.

⁵ Ионеску, Константин (1890–1969) – румынский политический и военный деятель; генерал. В годы Второй мировой войны – начальник Генштаба румынской армии.

⁶ Стоянеску, Николае Скарлет (1890–1959) – румынский государственный и военный деятель; генерал. В годы Второй мировой войны министр финансов королевской Румынии.

⁷ Потопяну, Георге (1889–1966) – румынский государственный и военный деятель; генерал. В 1941–1943 гг. офицер штаба 1-й дивизии, затем – 2-го корпуса. В 1944 г. генерал-губернатор Трансильстрии, министр экономики королевской Румынии.

⁸ Так в документе, возможно, речь идет о румынском генерале Г. Георгеску. Георгеску, Григоре (1886–1954) – румынский государственный и военный деятель; генерал. Уроженец Крайовы. В годы Второй мировой войны министр общественных работ королевской Румынии.

⁹ Василиу, Константин «Пики» (1882–1946) – румынский государственный деятель; генерал дивизии (1940). Участник Первой мировой войны, начальник жандармерии при 1-й кавалерийской дивизии. В 1932–1940 гг. – генеральный инспектор жандармерии Южной Румынии. С 1940 по 23 августа 1944 гг. комендант румынской жандармерии; секретарь штаба министра внутренних дел. С 1942 г. помощник секретаря министерства внутренних дел (заместитель министра внутренних дел).

¹⁰ Александру, Георге (1897–1946) – румынский государственный деятель, доктор права (1925). В 1927–1938 гг. профессор общественного права в Черновицком университете. С 19 августа 1941 г. губернатор провинции Трансильстрия (окупированной румынами территории СССР между Южным Бугом и Днестром: Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украины и левобережной части Молдавии), созданной на оккупированной Румынией территории СССР в 1941–1944 гг. Активно проводил политику румынизации; ответствен за репрессии десятков тысяч советских граждан.

¹¹ Так в документе, возможно, речь идет о генерал-лейтенанте Й. Якобичи. Якобичи, Йоцеф (1884–1952) – румынский военный деятель; генерал-лейтенант. В 1941 г. военный министр Румынии. В 1941–1942 гг. начальник румынского Генерального штаба. В 1942 г. вышел в отставку.

¹² Шмидт, Пауль Отто (1899–1970) – немецкий государственный деятель, дипломат;

штандартенфюрер СС (1940). Участник Первой мировой войны. В 1924–1925 гг. министр-директор, руководитель информационного отдела и отдела прессы имперского МИДа. В 1935–1945 гг. являлся личным переводчиком А. Гитлера, в т. ч. был официальным переводчиком на Мюнхенской конференции 1938 г. В 1940–1941 гг. – начальник канцелярии МИДа.

¹³ Речь идет о Берлинском пакте. Берлинский пакт 1940 года, другое название Пакт трех держав 1940 года или Тройственный пакт – международный договор (пакт), заключенный между представителями главных стран-участников Анτικοинтерновского пакта: Германией (Иоахим фон Риббентроп), Италией (Галеаццо Чиано) и Японией (Сабуру Курусу) сроком на 10 лет. Заключен 27 сентября 1940 г. К пакту присоединились также зависимые от Германии правительства: в 1940 г. – Венгрия (20 ноября), Румыния (23 ноября) и Словакия (24 ноября); в 1941 г. – Болгария (1 марта), Югославия (25 марта, однако 27 марта новое правительство не утвердило акта присоединения).

¹⁴ Речь идет о решении Второго Венского арбитража. Венские арбитражи – название двух политических решений, вынесенных министрами иностранных дел нацистской Германии и фашистской Италии (Риббентропом и Галеаццо Чиано), выступавших арбитрами с целью удовлетворения претензий хорватской Венгрии на территории, которые она утратила по Трианонскому договору (1920). Первый Венский арбитраж (2 ноября 1938 г.), по решению Германии и Италии предписывал Чехословакии передать Венгрии южные районы Словакии, юго-западные районы Подкарпатской Руси и Закарпатской Украины. Второй Венский арбитраж (30 августа 1940 г.), согласно решению которого Румыния должна уступить половину Трансильвании Венгрии. В дополнение к этому решению 7 сентября 1940 г. Четырехсторонним решением Южная Добруджа была передана из состава Румынии в состав Болгарии. Венские арбитражи ликвидированы Парижскими мирными договорами 1947 г.

¹⁵ Фабрициус, Вильгельм Фриц (1882–1964) – немецкий государственный деятель, дипломат. С 1910 г. на дипломатической работе. В 1911–1919 гг. вице-консул в Каире, Константинополе, Цюрихе, Шаффхаузе. Член НСДАП (с 1 апреля 1937 г.). С 7 апреля 1936 на дипломатической работе в Румынии, посланник 1-го класса в Бухаресте. В декабре 1940 г. отозван в Берлин; сотрудник по особым поручениям реферата IVa (торгово-политический отдел; Юго-Восточная Европа) Имперского министерства иностранных дел. С весны до 31 декабря 1944 г. сотрудник реферата IVb (отдел информации; Юго-Восточная Европа).

¹⁶ Так в документе, здесь и далее речь идет о германском дипломате М. фон Киллингере. Киллингер, Манфред фон (1886–1944) – немецкий партийный деятель и дипломат и; барон. Участник Первой мировой войны. Член НСДАП (1927), вошел в состав высшего руководства СА. В 1933–1935 гг. – министр-президент Саксонии. На этом посту принимал участие в аресте своих бывших коллег по СА во время «ночи длинных ножей». В 1934 г. – депутат рейхстага от Дрездена. С 1935 г. – на дипломатической службе. В 1936–1938 гг. – генеральный консул в Сан-Франциско. В 1938–1940 гг. – в центральном аппарате Имперского министерства иностранных дел. С 1940 г. – посланник в Братиславе (Словакия). С 1941 г. – посол в Бухаресте (Румыния).

¹⁷ Так в документе, возможно, речь идет о румынском военном деятеле А. Ионициу. Ионициу, Александр (1890–1941) – румынский военный деятель; генерал бригады. В 1939–1941 гг. начальник Военной академии в Бухаресте.

¹⁸ Нойбахер, Герман (1893–1960) – австрийский экономист, дипломат и политик НСДАП. С 18 января 1940 г. специальный представитель по хозяйственным вопросам в Бухаресте. С 15 октября 1942 г. специальный представитель по экономическим и финансовым вопросам в Греции. С августа 1943 г. и до конца войны специальный представитель МИДа в Юго-Восточной Сербии.

¹⁹ Функ, Вальтер Эммануэль (1890–1960) – немецкий государственный деятель; журналист и экономист. В годы Второй мировой войны – министр экономики, президент Рейхсбанка.

²⁰ Чиано Галеаццо, Джан (1903–1944) – итальянский государственный деятель, дипломат; граф де Кортеллаццо. 9 июня 1936 г. назначен министром иностранных дел. 22 мая 1939 г. в качестве представителя Италии подписал «Стальной пакт», 27 сентября 1940 г. – Трех-

сторонний договор. На Большом фашистском совете 24 июля 1943 г. выступил против Б. Муссолини. 23 августа 1943 г. скрылся в Германии, 19 октября 1943 г. выдан гестапо итальянской полиции.

²¹ Так в документе, речь идет о венгерском государственном деятеле Л. Де Бардоши. Бардоши, Ласло де (1890–1946) – венгерский политический деятель. В 1941–1942 гг. премьер-министр.

²² Серрано Суньер, Рамон (1901–2003) – испанский государственный деятель, адвокат. В 1938–1942 гг. министр иностранных дел Испании. В сентябре 1940 г. со специальной миссией посетил Берлин, во время которой обсуждался вопрос о вступлении Испании в войну с Великобританией.

²³ Виттинг, Рольф (1879–1944) – финский государственный деятель, ученый и дипломат; доктор философии. В 1934–1936 гг. служил в МИД Финляндии. С 27 марта 1940 по 5 марта 1943 гг. министр иностранных дел.

²⁴ Попов, Иван Владимиров (1890–1944) – болгарский политический деятель, дипломат. В 1936–1937 гг. полномочный министр в Праге, в 1937–1940 гг. в Белграде. 7 сентября 1940 г. подписал Крайовский мирный договор с Румынией, по которому последняя уступила Болгарии район Южной Добруджи. В 1940–1942 гг. министр иностранных дел Болгарии. В начале 1944 г. назначен посланником в Бухаресте, 5 сентября освобожден со своего поста.

²⁵ Так в документе, возможно речь идет о японском дипломате Х. Осиме. Осима, Хироси (1886–1975) – японский военный деятель и дипломат, барон; генерал. В годы Второй мировой войны – посол Японии в Берлине. Осужден к пожизненному заключению на Токийском процессе в ноябре 1948 г. в 1955 г., помилован.

²⁶ Добре, Георге (1885–1959) – румынский военный и государственный деятель, корпусной генерал. Участник Первой мировой войны. В 1940 г. сначала был назначен директором Департамента производства военного снаряжения, затем генеральным секретарем Министерства вооружений. С 1942 г. министр вооружений и военного производства. После падения режима Й. Антонеску в августе 1944 г. потерял свой пост.

²⁷ Пантаци, Константин (1888–1958) – румынский военный деятель; корпусной генерал. Один из ближайших сотрудников Й. Антонеску. Арестован во время румынского восстания 23 августа 1944 г. и отправлен в СССР. В 1946 г. депортирован в Румынию и приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Умер в тюрьме.

²⁸ Штефля, Илия (1886–1946) – румынский военный деятель; корпусной генерал. Участник Первой мировой войны. В межвоенный период занимал высшие командные должности в румынской армии. С февраля 1941 по январь 1942 гг. командовал 3-й дивизией, затем назначен начальником Генштаба Румынской армии.

Протоколы допросов бывшего начальника Генерального штаба венгерской армии генерал-полковника Генриха (Хенрика) Верта

В последние годы в научный оборот стали вводиться документы из следственных дел в отношении военнопленных генералов и офицеров вермахта¹, в показаниях которых сохранился колоссальный объём информации о подготовке и ведении Второй мировой войны, в том числе и сражений на советско-германском фронте. В этом смысле материалы из следственных дел немецких военнопленных являются ценным источником, изучение которого вносит дополнительные штрихи и уточняет многие малоизвестные аспекты событий военных лет.

Не меньший интерес для специалистов и широкой общественности представляют показания военачальников стран-сателлитов нацистской Германии, оказавшихся после войны в советском плену. По данным 2-го отдела ГУПВИ НКВД СССР на 1 августа 1945 г., в лагерях НКВД СССР содержалось 46 венгерских генералов, из них: генерал-полковников – 2, генерал-лейтенантов – 8, генерал-майоров – 35, генерал полиции – 1².

В некоторой степени этот пробел восполняет настоящая публикация документальных материалов из следственного дела бывшего начальника Генштаба венгерской армии генерал-полковника Генриха Верта. В комментировании документов приняли участие архивисты Венгрии и России. В том числе: одно собственноручное показание, восемь протоколов допросов и копия протокола допроса генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса от 12 января 1946 г.

Генерал-полковник Верт, с согласия руководства гитлеровской Германии, в 1938–1939 гг. руководил захватом Южной Словакии и Закарпатской Украины, а после оккупации этих территорий, как главнокомандующий венгерской военной администрации, установил оккупационный режим, запретив деятельность демократических партий и организаций, за сопротивление венгерским военным властям подвергал гражданское население различным репрессиям, вплоть до смертной казни.

В июле 1939 г. по поручению регента Венгрии адмирала Миклоша Хорти вёл переговоры с Гитлером, Браухичем, Гальдером и Кейтелем о подготовке венгерских вооружённых сил для участия в агрессивных

войнах на стороне нацистской Германии. В марте 1941 г. Верт заключил соглашение с германским командованием о взаимодействии венгерской и германской армий при нападении на Югославию и в дальнейшем руководил венгерскими войсками, оккупировавшими часть территории Югославии.

22 июня 1941 г., в день нападения гитлеровской Германии на СССР, Верт потребовал от венгерского правительства проведения мобилизации и объявления в стране военного положения. По приказу Верта в конце июня 1941 г. венгерская авиация подвергла бомбардировке советские города, а венгерская армия вторглась на территорию СССР и вместе с немецко-фашистскими войсками участвовала в оккупации советской территории.

На захваченной территории СССР венгерские войска, подчинявшиеся Верту, установили жестокий оккупационный режим, проводя репрессии против советских граждан. В сентябре 1941 г., после того как венгерское правительство не удовлетворило требование Верта об увеличении военного бюджета, он оставил пост начальника Генерального штаба венгерской армии и ушёл в отставку.

17 марта 1945 г. он был арестован сотрудниками отдела контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта. На следствии Г. Верт рассказал об участии Венгрии в подготовке германской агрессии против СССР. Например, на допросе 22 января 1945 г. генерал-полковник Г. Верт на вопрос следствия назвать основных инициаторов войны Венгрии против СССР сообщил:

«Основными инициаторами вступления Венгрии в войну против СССР являются министр-президент Бардоши и Хорти. На совещании Совета министров за вступление Венгрии в войну против СССР голосовали 8 министров из 9. За войну против СССР голосовали: 1. Бардоши – премьер-министр, 2. Барта – военный министр, 3. Хоман – министр просвещения, 4. Ремени – министр финансов, 5. Варга – министр торговли, 6. Радоган – министр юстиции, 7. Лаки – министр снабжения. Против вступления Венгрии в войну против СССР голосовал министр внутренних дел Керестеш Фишер Ференц».

В собственноручных показаниях от 16 января 1946 г. генерал-полковник Верт описал своё личное участие в нападении на Советский Союз:

«...В октябре 1940 г. началось продвижение германских войск, которое продолжалось до начала войны с Советским Союзом, а также и в ходе самой войны. Германские войска, пропущенные через Венгрию, участвовали в нападении Германии на Советский Союз. После нападения Германии на Советский Союз Венгрией были прерваны дипломатические отношения с СССР, а 27 июня 1941 г., в день объявления Венгрией войны Советскому Союзу, я отдал первый приказ венгерским военно-воздушным силам бомбардировать объекты Советского Союза».

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 июня 1952 г. судебное производство по делу Верта Г. прекращено в связи с его смертью 28 мая 1952 г. в больнице Бутырской тюрьмы МГБ СССР. Заключение Главной военной прокуратуры от 15 ноября 1996 г. установлено, что Г. Верт привлечён к уголовной ответственности обоснованно и не подлежит реабилитации.

Введение в научный оборот показаний бывшего начальника Генштаба венгерской армии позволит специалистам глубже проанализировать многие ранее практически неизвестные аспекты подготовки и начала агрессии нацистской Германии на Советский Союз.

№ 1.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 22 января 1945 года

Верт Генриха, 1881 года рождения, уроженец с. Рейжехаза (Венгрия), по национальности немец, бывший начальник Генерального штаба венгерской армии

Об ответственности за ложные показания Верт предупрежден по ст. 95 УК РСФСР

Верт

Допрос производился на немецком языке через переводчика лейтенанта Каримова, который предупрежден об ответственности за неправильные переводы.

Вопрос: Когда Вы получили воинское звание генерал-полковника венгерской армии?

Ответ: В 1936 году исполнилось 35 лет моей службы в армии, и по закону я имел право пойти на пенсию, тогда я имел звание генерал-лейтенанта. С 1936 года по 1938 год я находился на пенсии и не служил в армии. В сентябре 1938 года меня снова призвали в армию, назначили на должность начальника Генерального штаба и мне присвоили новое воинское звание генерал-полковника³.

Вопрос: По чьей рекомендации Вас как генерал-лейтенанта в отставке призвали на службу и назначили начальником Генерального штаба венгерской армии.

Ответ: В 1938 году перед Мюнхенской конференцией⁴ в Европе было напряженное положение, в это время произошел спор между военным министром генерал-полковником Рац⁵ и начальником Генерального штаба генерал-лейтенантом Керестеш Фишер⁶. В результате этого спора Керестеш Фишер ушел с поста начальника Генерального штаба, тогда Хорти⁷ вызвал меня к себе и предложил занять пост начальника Генерального штаба⁸.

Для решения я попросил Хорти срок в 24 часа, за это время я в военном министерстве и в Генеральном штабе познакомился с военной и политической обстановкой страны и Европы, после чего пришел к Хорти и дал свое согласие занять пост начальника Генерального штаба венгерской армии. Полагаю, что меня никто не рекомендовал, т. к. лично меня Хорти хорошо знал – я работал в ставке, когда Хорти был главнокомандующим венгерской армии в 1920 году. Кроме этого, он меня также хорошо знал, когда я был начальником академии Генерального штаба с 1925 г. по 1931 г.⁹

Вопрос: Какую имели роль Вы как начальник Генерального штаба на вступление Венгрии в военный союз с Германией.

Ответ: Я как начальник Генерального штаба активной роли на вступление Венгрии в военный союз с Германией не имел. Это было сделано Хорти и министром иностранных дел Чаки¹⁰ без моего совета. В 1940 году по решению Германии часть Трансильвании, принадлежащей Румынии, была отдана Венгрии. В знак благодарности за Трансильванию Венгрия вступила в политический союз, т. е. присоединилась к пакту трех стран – Германии, Италии и Японии¹¹.

В сенате на совещании министр иностранных дел Чаки объявил, что Венгрия достигла больших успехов и первая присоединилась к пакту 3-х стран, и Германия это разрешила, тем самым достигли сближения с Германией.

Моя точка зрения о заключении союза Венгрии с Германией была положительная, я считал заключение союза с Германией правильным, тем более благодаря действиям Германии Венгрия расширила свою территорию за счет Румынской Трансильвании.

Вопрос: Вы говорите неправду. Вы как начальник Генерального штаба не могли быть безучастным в вопросе заключения союза Венгрии с Германией.

Ответ: Активной роли в заключении союза Венгрии с Германией я не имел, т. к. присоединение Венгрии к пакту 3-х стран – Германии, Италии и Японии был политический союз, и моего мнения не спрашивали, решали этот вопрос без меня сами: Хорти и министр иностранных дел Чаки.

Вопрос: Кто был основным инициатором заключения военного союза Венгрии с Германией?

Ответ: Основным инициатором в вопросе присоединения Венгрии к пакту 3-х стран – Германии, Италии и Японии был министр иностранных дел Чаки, который неоднократно выступал в сенате о необходимости вступления в союз с Германией. О необходимости заключения союза Венгрии с Германией поддерживали премьер-министр Телеки¹² и регент Венгрии Хорти Миклош. В результате действий указанных лиц и был заключен союз Венгрии с Германией.

Вопрос: Какую роль имели Вы как начальник Генерального штаба в вопросе вступления Венгрии в войну против Советского Союза?

Ответ: Лично я как начальник Генерального штаба активной роли в подготовке войны против Советского Союза не имел. Официально в Генштабе не было известно, что Германия готовится к войне против Советского Союза, но наша разведка доносила, что Германия сосредотачивает большое количество войск и техники на советских границах. Кроме этого, Германия запросила Генеральный штаб о состоянии дорог и мостов, которые идут через Карпаты к русским границам. 10 июня 1941 года мы ответили Германии о состоянии дорог и мостов, тогда последовало указание усилить мосты на дорогах, идущих через Карпаты к русским границам. Для меня ясно было, что Германия готовится к войне против Советского Союза.

22 июня 1941 года нам донесли, что Германия объявила войну Советскому Союзу, а 27 июня 1941 года премьер-министр Бардоши¹³ по согласию с Хорти объявил войну Советскому Союзу¹⁴.

Меня, как начальника Генерального штаба, об объявлении войны Венгрии против СССР поставили в известность постфактум. Министр генерал-полковник Барта¹⁵ пришел ко мне и сообщил, что состоялось совещание Совета Министров, где решили вести войну против СССР, и тут же предложил руководить войсками в войне против СССР. Я вначале отказался, но Барта заявил, что это будет конфуз перед другими странами, что отказываюсь руководить операциями в войне против СССР¹⁶.

После этого я согласился и запросил Германию о задачах венгерских войск в войне против СССР. От Германии я получил указание вести наступление на Россию между правым флангом немецких войск и левым флангом румынских войск, т.е. даны были разгран[ичительные] линии, в пределах которых венгерские войска должны были вести боевые действия против русских войск. Тут же я получил указания от военного министра Барта разбомбить в России ж[елезно]-д[орожную] станцию Станислово и аэродромы Коломна и Надворна. Мною была послана авиация, примерно по роте самолетов бомбардировщиков (12–15 самолетов) на каждый указанный пункт¹⁷.

Вопрос: Назовите основных инициаторов войны Венгрии против Советского Союза.

Ответ: Основными инициаторы вступления Венгрии в войну против СССР являются министр-президент Бардоши и Хорти. На совещании Совета министров за вступление Венгрии в войну против СССР голосовали 8 министров из 9¹⁸.

За войну против СССР голосовали:

1. Бардоши – премьер-министр; 2. Барта – военный министр; 3. Хоман¹⁹ – министр просвещения; 4. Ремени²⁰ – министр финансов; 5. Варга²¹ – министр торговли; 6. Радоган²² – министр юстиции; 7. Лаки²³ – министр снабжения.

Против вступления Венгрии в войну против СССР голосовал министр внутренних дел Керестеш Фишер Ференц²⁴.

Вопрос: Когда Вы оставили службу в Генеральном штабе и по каким причинам?

Ответ: Оставление поста начальника Генерального штаба произошло 3 сентября 1941 года по следующим причинам:

1) У меня с правительством произошел конфликт, я требовал увеличения ассигнования до 1 миллиарда 700 миллионов пенгов на увеличение вооружения армии танками и самолетами. Мои требования правительство не удовлетворило.

2) Я требовал, чтобы увеличили размер помощи семьям фронтовиков, правительство также меня не поддержало и по этому вопросу.

3) Ввиду того, что мне тогда исполнилось 60 лет, и по закону я имел право уходить на пенсию и поскольку я устал от работы, я оставил пост начальника Генерального штаба венгерской армии и ушел на пенсию²⁵.

Вопрос: Когда произошел правительственный переворот в Венгрии и во главе правительства стал Салаши²⁶, Вас не приглашали на службу?

Ответ: С приходом Салаши к власти никто меня снова на службу не приглашал, т. к. я был противник политики в армии.

Вопрос: Во время вашего задержания у Вас обнаружены правительственные награды, в том числе несколько орденов германского правительства. Скажите, за какие подвиги Вас награждало германское правительство?

Ответ: Да, я получил от германского правительства два ордена. Первый орден “За заслуги”²⁷ в 1939 году при посещении Генерального штаба Германии. Второй орден “За заслуги” с мечами²⁸ я получил за помощь венгерскими войсками германским войскам в войне против Югославии в 1941 году.

Протокол написан с моих слов и мне прочитан на понятном немецком языке, правильность протокола подтверждаю.

Верт

№ 2.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 11 августа 1945 года

Верт Генрих, 1881 года рождения, уроженец с. Режохазан (Венгрия), немец, венгерский подданный, беспартийный, общее образование 4 класса реальной гимназии, происходит из семьи помещика, в венгерской армии с 1901 г., генерал-полковник в отставке. Бывший начальник Генерального штаба венгерской армии. Задержан 19 января 1945 г. в г. Будапеште.

Вопрос: В какой период времени вы занимали должность начальника Генерального штаба венгерской армии?

Ответ: Начальником Генерального штаба венгерской армии я был с 27 сентября 1938 г. по 6 сентября 1941 г.

Вопрос: Каковы причины вашего ухода с этой должности?

Ответ: С должности начальника Генерального штаба я был уволен по моей личной просьбе. Причиной, заставившей меня просить об увольнении, явилось неодобрительное отношение правительства к проводимым мною военным мероприятиям.

Вопрос: В чем конкретно выразилось это неодобрительное отношение?

Ответ: Я как начальник Генштаба выдвигал ряд конкретных предложений о реорганизации венгерской армии и военной промышленности, без реализации которых я считал Венгрию неподготовленной к войне. Венгерское правительство, однако, не согласилось их утвердить; при принятии правительством решения об объявлении войны Советскому Союзу с моим мнением не только не посчитались, но даже не сочли нужным его выслушать; уже вступив в войну, венгерское правительство не мобилизовало все свои возможности и не намеревалось это сделать в дальнейшем, заявив, что война должна носить "символический характер".

Вопрос: Почему венгерское правительство было против ваших планов реорганизации армии и военной промышленности?

Ответ: Правительство не утверждало планов реорганизации, мотивируя это тем, что страна не располагает достаточными для этого финансовыми средствами.

Вопрос: А по вашему мнению финансовые средства, которыми располагало правительство, позволяли провести в жизнь эти планы реорганизации?²⁹.

Ответ: Нет, денег действительно не было, но чтобы воевать серьезно, я считал необходимым пойти на инфляцию, на чем я и настаивал перед правительством.

Вопрос: Другими словами, в преследуемых вами милитаристских целях вы предлагали правительству ограбить народ?

Ответ: Должен признать, что это так, но это, по-моему, был единственный способ добыть нужные для подготовки к войне деньги.

Вопрос: То есть, вы предлагали провести в Венгрии пресловутый немецко-фашистский лозунг “пушки вместо масла”?

Ответ: Совершенно верно. Я ничего нового не придумал.

Вопрос: Почему венгерское правительство не выслушало вашего мнения при решении вопроса об объявлении войны Советскому Союзу?

Ответ: Почему оно так поступило, мне сказано не было, но полагаю, что, зная хорошо заранее мое мнение, оно считало излишним выслушать меня вновь. Во всяком случае, решение о вступлении Венгрии в войну с Советским Союзом на стороне Германии было принято Советом Министров без моего участия.

Об этом решении я был поставлен в известность постфактум.

Вопрос: Каково же было ваше мнение о вступлении Венгрии в войну с Советским Союзом в июне 1941 года?

Ответ: Будучи в принципе сторонником этой войны, я, как военный специалист и начальник Генерального штаба, считал вступление Венгрии в войну с Советским Союзом в июне 1941 года, вследствие неподготовленности нашей армии – преждевременным³⁰.

Вопрос: Значит, если не считать приведенные вами мотивы военного порядка, вы не были против решения правительства объявить войну Советскому Союзу?

Ответ: Нет, не был, но воевать против Советского Союза я собирался по-настоящему и был недоволен тем, что мне не дали соответственно подготовить армию³¹.

Вопрос: Чем объяснить, что венгерское правительство, зная от вас, что армия в июне 1941 года не была подготовлена к открытию военных действий, все же решило объявить войну?

Ответ: Я полагаю, что это решение вытекало из договорных обязательств с Германией.

Вопрос: Какие договоры вы имеете в виду?

Ответ: Я имею в виду пакт трех держав, а также другие, вытекающие из первого, но конкретно о которых я ничего показать не могу, т.к. будучи военным специалистом, мало интересовался политикой.

Вопрос: Выше вы показали, что венгерское правительство, объявив войну Советскому Союзу, хотело, чтобы война носила “символический характер”. Что это значит?

Ответ: Этого я не могу объяснить. Меня самого очень занимал этот вопрос, но несмотря на мои неоднократные запросы к членам правительства и к самому Хорти, я на него не получил ясного ответа.

Как я понимаю под “символическим характером” войны правительство подразумевало войну с наименьшей затратой сил³².

Вопрос: А вы были против этого?

Ответ: Так точно. Я считал, что эту войну нужно вести решительно с вкладом всех возможностей.

Вопрос: Заняв должность начальника Генерального штаба венгерской армии, вы поставили перед собою задачу полной милитаризации страны. Что вас к этому побуждало?

Ответ: Я был уверен в том, что рано или поздно Венгрии в целях защиты своих территориальных интересов должна будет вступить в войну со своими соседями. Причинами этого являлось географическое положение Венгрии, а также националистические настроения ее населения.

Вопрос: Кого же вы считали наиболее вероятным противником Венгрии?

Ответ: В 1938 г., т.е. когда я был назначен на пост начальника Генерального штаба, возможными противниками Венгрии были Чехословакия, Румыния и Югославия. Однако позже, вследствие оккупации Германией Чехословакии, раздела Польши между Германией и Советским Союзом, а также оккупации Германией Югославии положение это изменилось, и наиболее вероятным противником Венгрии стал Советский Союз.

Вопрос: Почему именно Советский Союз?

Ответ: Потому что с Советским Союзом было связано разрешение вопроса о Закарпатской Украине, на полное обладание которой Венгрия претендовала.

Вопрос: А Румынию вы перестали считать своим противником?

Ответ: Румыния продолжала оставаться противником Венгрии в вопросе о Трансильвании, но здесь благодаря вмешательству Германии возможность войны исключалась.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Германия в ответ на услуги, оказываемые ей Венгрией, производила соответствующее давление на Румынию, заставляя ее не поднимать вопроса о Трансильвании.

Вопрос: Каково было ваше отношение к нападению Германии на Советский союз в июле 1941 года?

Ответ: Я отнесся к этому положительно, ибо считал, что в результате этой войны Венгрии удастся разрешить вопросы ее территориальных притязаний, в частности окончательно закрепить за собою Закарпатскую Украину.

Вопрос: Покажите об этом подробнее?

Ответ: После раздела в 1939 г. Польши между Советским Союзом и Германией и установлением общей границы Советского Союза с Венгрией возникла возможность того, что Советский Союз заявит свои права на Закарпатскую Украину. Для меня было совершенно ясно, что в этом случае Венгрия не сможет оказать Советскому Союзу сопротивления, т.к. не располагает для этого необходимыми силами. При такой ситуации для Венгрии было выгодным, если на Советский Союз нападет одно из могущественных государств, которое оккупирует территорию Советского Союза, прилегающую к Венгрии, и тем самым создаст защитный пояс между Венгрией и Советским Союзом. Таким образом, вопрос о Закарпатской Украине был бы окончательно решен в пользу Венгрии.

Вопрос: На какие могущественные государство вы рассчитывали?

Ответ: На Германию.

Вопрос: Почему?

Ответ: Прежде всего, потому, что я был уверен в неизбежность войны Германии с Советским Союзом. Уверенность эта создалась у меня благодаря той последовательности, с которой Германия осуществляла свой принцип «Дранг нах Остен».

Кроме того, этот вариант был наиболее желательным, так как Германия являлась лучшим другом Венгрии.

Вопрос: Следовательно, нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 г. было именно то, на что вы рассчитывали?

Ответ: Так точно.

Вопрос: Когда вам стало известно о том, что Германия собирается нападать на Советский Союз?

Ответ: Во второй половине июня 1941 г. я по переброскам войск понял, что срок начала войны близок.

Вопрос: Как на это вы реагировали?

Ответ: Я перевел на военное положение две дивизии и подвел их к границе. Большого я сделать не успел³³.

Вопрос: Вы считались с тем, что в войне Германии с Советским Союзом Германия может потерпеть поражение?

Ответ: Нет, наоборот, я был уверен в том, что Германия в этой войне выйдет победительницей.

Вопрос: Ну, а если так, то тогда и Венгрии как союзнице Германии нечего было опасаться поражения. Что же заставляло Вас настаивать перед правительством о вкладе в войну всех возможностей?

Ответ: Я считал своим долгом максимальную помощь оказывать союзнику, с которым нас связывали вековые узы дружбы.

Кроме этого, от того, какую мы окажем Германии помощь в войне, зависело то, как она отнесется к нам после войны.

Вопрос: Другими словами вы старались выслужиться перед Германией, боясь, что она отнимет у вас Трансильванию и Западную Украину, если вы будете недостаточно активны?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: Именно боязнь показаться в глазах Германии недостаточно активными, и являлось причиной того, что вы считали вступление Венгрии в войну преждевременным?

Ответ: Так точно.

Вопрос: Какой был использован формальный повод для объявления войны Советскому Союзу?

Ответ: После того, как вопрос о вступлении в войну был решен, подыскать повод не представляло трудностей. В данном случае поводом явилась бомбардировка советскими самолетами г. Кошице³⁴.

Вопрос: Вами было точно установлено, что бомбардировка производилась советскими самолетами?

Ответ: По моему приказу было произведено расследование, которое на основании свидетельских показаний и найденной на месте бомбардировки неразорвавшейся бомбы установлено, что ее производили русские самолеты³⁵.

Вопрос: Вы сами видели эту неразорвавшуюся бомбу?

Ответ: Нет, не видел.

Вопрос: Достаточно ли авторитетная комиссия производила расследование?

Ответ: Я поручил произвести расследование начальнику одного из отделов Генерального штаба, который потом доложил мне результаты.

Вопрос: В этом заключалось все ваше “расследование”?

Ответ: Да, эти результаты меня удовлетворили.

Вопрос: Почему вы отнеслись так несерьезно к такому принципиальному вопросу?

Ответ: Я полагал, что поскольку вопрос о войне решен, то подыскание повода к ней является чистой формальностью, необходимой только для того, чтобы оправдать перед народом принимаемое правительством решение об объявлении войны³⁶.

Вопрос: Какие военные мероприятия были вами предприняты в первые дни войны с Советским Союзом?

Ответ: В день объявления войны, т. е. 27 июня 1941 года я издал приказ о направлении 3 рот бомбардировщиков “Капрони” для бомбардировки трех пунктов на территории СССР – аэродромов в Коломыя и Надворная и вокзала в г. Станиславе. Утром того же дня этот приказ был выполнен. Далее, в дополнение к имевшимся уже двум бригадам я перевел на военное положение еще три бригады и подтянул их к границе³⁷.

На следующий день, т. е. 28 июня 1941 года я запросил начальника Генерального штаба германской армии Хальдера о задачах, возлагавшихся на венгерские войска. Мне было сообщено, что венгерские войска должны будут занять участок фронта между левым флангом румынских войск и правым флангом немецких³⁸.

3 или 4 июля венгерские войска вошли в соприкосновение с русскими войсками, но вскоре русские войска оторвались, и до начала августа 1941 года боевых действий между венгерскими и русскими войсками не было. 3 или 4 августа начались бои с советскими арьергардами, в которых принимал участие только один венгерский подвижной корпус. Остальные же войска по приказу германского командования были оставлены для несения гарнизонной службы в районе юго-восточнее Днестра.

В середине августа 1941 г. все венгерские войска, за исключением подвижного корпуса, были с согласия германского командования отведены в Венгрию для переформирования³⁹.

Такое положение продолжалось до моего ухода в отставку.

Верт Генрих

ЦА ФСБ России. Д. № Н-21156. Т. 1. Л. 89–96. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 3. СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 16 января 1946 года

По вопросу о планах совместной подготовки нападения на Советский Союз со стороны Венгрии и Германии могу сообщить следующее:

Готовясь к осуществлению своих агрессивных планов на Востоке, Германия учла стратегическое положение Венгрии. Расположенная в центре Дунайского бассейна с многочисленными железными дорогами, ведущими из Германии в Румынию и на юго-восток Европы, с Дунаем, соединяющим водные пути центральной Европы и Черное море, Венгрия представляла прекрасный плацдарм для нападения на Балканы и впоследствии на СССР. Учтя это, гитлеровская дипломатия немедленно приступила к игре на внешнеполитических противоречиях в Дунайском бассейне и на Балканах, стараясь посулами и угрозами привлечь в число своих сателлитов Венгрию. Германии удалось достичь своей цели, так как правящие круги Венгрии, разделяя агрессивные планы Германии, стремились сами к территориальным приобретениям⁴⁰. Еще в 1938 году, когда гитлеровская Германия решила захватить Судетскую область, Гитлер,

встретившись в порту Киль с регентом Венгрии Хорти, куда последний был приглашен на торжество по случаю спуска на воду немецкого крейсера "Принц Евгений"⁴¹, посвятил его в свои планы захвата Судетской области. Одновременно Гитлер предложил Хорти принять участие в военных действиях против Чехословакии, обещая при этом удовлетворить притязания Венгрии на южную часть Словакии и Карпатскую Украину⁴².

На это предложение Хорти ответил, что Венгрия вследствие неподготовленности своей армии не в состоянии принять участие в военных действиях против Чехословакии, но готова оказать Германии всемерную политическую поддержку⁴³.

В результате этой договоренности Хорти и Гитлера Венгрия по указанию Гитлера в августе 1938 года заключила договоры о "дружбе" с Румынией, Югославией и Чехословакией с тем, чтобы на время захвата Германией Судетской области предотвратить нежелательные для Германии столкновения между этими странами и тем самым обеспечить Германии свободу действий, а также преследовалась цель ввести в заблуждение мировое общественное мнение в части своих территориальных притязаний к этим странам⁴⁴. Впоследствии за эту услугу Венгрия получила от Гитлера южную часть Словакии и Карпатской Украины⁴⁵, а в 1939 году, когда гитлеровской Германией была оккупирована Чехия и Моравия, Венгрия захватила и оставшуюся часть Карпатской Украины⁴⁶. В свою очередь, Гитлер использовал это обстоятельство для того, чтобы еще в большей степени подчинить Венгрию интересам Германии.

В конце августа 1940 года по предложению Гитлера между Германией и Венгрией было подписано соглашение о немецком национальном меньшинстве, по которому Венгрия по существу отказалась от суверенных прав над своими подданными немецкой национальности⁴⁷.

В начале октября 1940 года по заключенному т. н. аграрному соглашению с Германией Венгрия обязалась повысить экспорт и приспособить свою сельскохозяйственную продукцию к нуждам Германии⁴⁸.

В марте 1941 года, готовясь к вторжению в Югославию, Гитлер с венгерским посланником Стояи⁴⁹ прислал Хорти письмо, в котором предложил выступить вместе с Германией против Югославии, обещая при этом отдать Венгрии часть югославской территории. Хорти принял это предложение и в ответном письме на имя Гитлера попросил прислать представителя германской командования для ведения переговоров с венгерским Генеральным штабом. Мне, как начальнику Генерального штаба, Хорти дал указание провести эти переговоры⁵⁰.

30 марта 1941 года в Будапеште я встречался с Паулюсом⁵¹ и в состоявшихся переговорах доложил ему, что для оккупации Паулюс довел до моего сведения, какие немецкие части примут участие в оккупации Югославии. Одновременно с этим мы договорились о взаимодействии

венгерской и германской армий и назначили дату нападения на Югославию. В конце этого совещания было заключено по всем обсуждавшимся вопросам соглашение в 2-х экземплярах, которое подписали я и Паулюс⁵². В результате похода на Югославию Венгрия захватила часть Войводины и районы Мезимура и Прекомура⁵³.

Наряду с экономическими и политическими переговорами и договорами Венгрия по требованию Германии проводила целый ряд подготовительных мероприятий по строительству военных сооружений, которые впоследствии были использованы Германией в войне с Советским Союзом⁵⁴.

Так, в марте 1940 года ко мне, как к начальнику Генерального штаба венгерской армии явился германский военный атташе барон Ведель и, сославшись на верховное командование германских сухопутных сил, предложил дать ему информацию о состоянии ж[елезно]-д[орожных] магистралей, мостов и шоссе в центральной и юго-восточной части Венгрии. Вместе с этим он попросил изложить свои соображения по вопросу подбора мест на юго-востоке Венгрии для строительства военных аэродромов, увеличение грузоподъемности мостов с 2-х до 12 тонн и пропускной способности автодорожных магистралей. Вскоре вслед за этим я получил указание от военного министра Венгрии генерала Барта выполнить требование германского командования, что я и сделал в короткий срок, передав впоследствии требуемые материалы военному министру.

На основании поданных мною материалов в течение апреля 1940 года были проведены работы в центральной и восточной части Венгрии по улучшению всех шоссе и грунтовых дорог и увеличению грузоподъемности мостов, было подобрано около 50 новых полевых аэродромов и посадочных площадок, в районе расположения которых также улучшалась дорожная сеть. Между гг. Сольнок и Дебрецен было закончено строительство второго пути железной дороги, соединяющей центральную часть Венгрии с восточной. В восточной части Венгрии в приграничных районах с Советским Союзом было закончено строительство двух больших дорожных мостов через реки Тиса и Сомешу, улучшены подъездные пути к военным аэродромам и закончено строительство военных стратегических дорог. К началу мая 1940 года строительство военных сооружений в основном было закончено.

В первой половине мая 1940 года у премьер министра Телеки состоялось совещание по вопросу пропуска германских войск через Венгрию и Румынию. На этом совещании присутствовали премьер-министр Телеки, министр иностранных дел Чаки, военный министр Барта и я. В связи с тем, что в ходе совещания премьер-министр Телеки колебался при решении вопроса о пропуске германских войск через Венгрию, я настаивал на этом, исходя из тех соображений, что, если Германия развяжет войну на Востоке,

территория Венгрии не должна стать ареной боевых действий. В результате этого совещания было решено удовлетворить интересы Германии, т. е. пропустить через Венгрию германские войска. В октябре 1940 года началось продвижение германских войск, которое продолжалось до начала войны с Советским Союзом, а также и в ходе самой войны⁵⁵. Германские войска, пропущенные через Венгрию, участвовали в нападении Германии на Советский Союз.

После нападения Германии на Советский Союз Венгрией были прерваны дипломатические отношения с СССР⁵⁶, а 27 июня 1941 года, в день объявления Венгрией войны Советскому Союзу, я отдал первый приказ венгерским военно-воздушным силам бомбардировать объекты Советского Союза.

Показания записаны мной собственноручно.

Верт

ЦА ФСБ России. Д. № Н-21156. Т. 1. Л. 97–101. Перевод с немецкого. Машинопись. Автограф.

№ 4.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 8 сентября 1951 года

Верт Генрих, 1881 года рождения, уроженец села Режехозан (Венгрия), немец, венгерский подданный, из семьи помещика, в венгерской армии с 1901 года, с сентября 1938 года начальник Генерального штаба венгерской армии, генерал-полковник в отставке.

Допрос начат в 11 часов.

Вопрос: Когда вы были назначены на должность начальника Оперативного отдела венгерского Генерального штаба⁵⁷?

Ответ: В марте 1922 года я был назначен на должность заместителя начальника Оперативного отдела Генерального штаба венгерской армии, а, примерно, с июня того же года – начальником этого

отдела. В должности начальника Оперотдела я проработал до декабря 1925 года⁵⁸.

Вопрос: В этот период вами составлялись планы военного нападения на соседние государства?

Ответ: Да, составлялись. Осенью 1922 года мною были разработаны три плана военного нападения на соседние с Венгрией государства⁵⁹.

Вопрос: Против каких государств были направлены эти планы?

Ответ: Против Чехословакии, Румынии и Югославии.

Вопрос: Кто вам дал указание на разработку таких планов?

Ответ: Осенью 1922 года меня вызвал к себе начальник Генерального штаба венгерской армии генерал кавалерии Янжи Кочард⁶⁰ и сказал, что разработанный моим предшественником – начальником оперотдела полковником Редер Вильмош⁶¹ план военного нападения на Чехословакию не удовлетворяет его и в связи с этим предложил переработать план по Чехословакии и разработать планы нападения на Румынию и Югославию.

Вопрос: Кто, кроме вас, принимал участие в разработке этих планов.

Ответ: План военного нападения на Чехословакию вместе со мной разрабатывали начальник отделения 1-«а» майор Сенткерастеши⁶² и его заместитель капитан Хомлок⁶³. В разработке аналогичного плана против Румынии мне помогли начальник отделения 1-«б» майор Сумбатхельги Ференц⁶⁴, а также его заместителем – сначала капитан Хоэнбургер Аенталь⁶⁵, а затем его преемник капитан Гимаши Фридьаш⁶⁶.

План военного нападения на Югославию я разрабатывал совместно с начальником отделения 1-«ц» майором Фюлеки Деже⁶⁷ и его заместителями – сначала с капитаном Ольдйй⁶⁸, затем его преемником капитаном Лакатош Геза⁶⁹ и, наконец, с Ласло Деже⁷⁰, заменившим позднее капитана Лакатош. Для составления военных планов против Чехословакии, Румынии и Югославии я использовал материалы о состоянии венгерской армии, получаемые от начальника организационного отделения 1-«д» – подполковника Киш⁷¹, и его заместителя капитана Гимаши Эрно⁷². Составляя эти планы военного нападения на соседние государства, я систематически консультировался с начальником Генерального штаба венгерской армии с генералом кавалерии Янки.

Вопрос: Какие мероприятия предусматривались разработанными вами военными планами нападения на Чехословакию, Румынию и Югославию?

Ответ: Разработанные мною планы против Чехословакии, Румынии и Югославии были планами агрессивными. Эти планы предусматривали вопросы мобилизации армии – доведение 7 армейских бригад до численности военного времени, места концентрации войск на границе до объявления войны, определение направления наступления на армию противника, дополнительное вооружение армии и мероприятия по пере-

броске войск по железной дороге. Кроме этого, планы предусматривали создание на территории противника – в Чехословакии, Румынии и Югославии специальных разведывательных организаций для проведения подрывной работы и саботажа в этих странах.

Протокол с моих слов записан верно и мне прочитан вслух на немецком языке.

Верт

Допрос окончен в 17 ч[асов].

ЦА ФСБ России. Д. № Н-21156. Т. 2. Л. 46–52. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 5.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 12 сентября 1951 года

Верт Генрих, 1881 года рождения, уроженец села Режехозан (Венгрия), немец, венгерский подданный, из семьи помещика, в венгерской армии с 1901 года, с сентября 1938 года до сентября 1941 года начальник Генерального штаба венгерской армии, генерал-полковник в отставке.

Допрос начат в 11 час. 05 мин.

Вопрос: На допросе 8 сентября 1951 г. вы показали, что в 1922 году вами были разработаны три агрессивных плана военного нападения на Чехословакию, Румынию и Югославию. Эти планы были утверждены правительственными инстанциями?

Ответ: Разработанные мною агрессивные планы против Чехословакии, Румынии и Югославии были утверждены начальником Генерального штаба венгерской армии генералом кавалерии Янки Кочард.

Вопрос: А разве регент Хорти не утверждал этих планов?

Ответ: Мне неизвестно докладывались ли эти планы регенту Хорти, я только знаю, что начальник Генерального штаба докладывал Хорти мою последующую работу – “Оценка положения Венгрии”, по поводу которой Хорти высказал свое неудовлетворение. Хорти считал, как мне говорил начальник Генерального штаба, что союз Малой Антанты⁷³: Чехослова-

кии, Румынии и Югославии – не прочен и его не следует рассматривать как серьезного противника Венгрии.

Вопрос: В чем состояла Ваша оценка положения Венгрии?

Ответ: В своей работе “Оценка положения Венгрии” я характеризовал внутреннее и внешнее положение Венгрии. Эта оценка сводилась к тому, что в тот период Венгрия не могла вести войны против своих соседних государств, так как Чехословакия, Румыния и Югославия заключили между собой военные договоры, которые предусматривали взаимную помощь любому из этих государств, если на одно из них нападёт Венгрия. Таким образом, если бы Венгрия напала на одно из этих государств, то два остальных, согласно имевшегося между нами военного договора, напали бы на Венгрию с тыла и фланга. Обеспечить же тыл и фланги Венгрия в тот период не могла. Характеристика же внутреннего положения в стране и оценка венгерской армии сводилась к тому, что мы не имели достаточного для армии вооружения, – не хватало винтовок, пулеметов, пушек, не было и боеприпасов. Венгерская промышленность находилась в таком состоянии, что не могла удовлетворить эти запросы армии. Исходя из изложенного, я сделал вывод, что венгерская армия к войне не готова⁷⁴.

Вопрос: Хорти не был согласен с вашей оценкой внутреннего и внешнеполитического положения Венгрии?

Ответ: Я уже выше показал, что Хорти считал союз Малой Антанты недостаточно прочным, а для усиления венгерской армии и приобретения необходимого вооружения обещал предоставить в распоряжение Генерального штаба 50 миллионов золотых крон.

Вопрос: Эти средства были предоставлены в распоряжение Генерального штаба?

Ответ: Нет, не были. Министр финансов Хегедюм Лорант⁷⁵ доказал правительству, что таких средств в распоряжение Генерального штаба он выделить не может.

Вопрос: Разработанные Вами в 1922 году агрессивные планы против стран Малой Антанты впоследствии были использованы?

Ответ: Нет. Не были. Эти планы в последующем несколько раз перерабатывались и изменялись в зависимости от изменения и оснащения венгерской армии.

Вопрос: На допросе 29 ноября 1946 года, показывая об обстоятельствах вашего назначения на пост начальника Генерального штаба, вы заявили: “Я спросил Керестеш-Фишер, остались ли в силе, разработанные мною в бытность начальником оперативного отдела, планы нападения на Чехословакию, Румынию и Югославию, на что получили утвердительный ответ...”. Почему вы теперь показываете, чем эти, разработанные вами агрессивные планы потеряли силу?

Ответ: Свои показания от 29 ноября 1946 года я подтверждаю и не отрицаю, что разработанные мною в 1929 году планы нападения на соседние государства оставались в силе. Я только уточняю, что эти планы, в зависимости от времени и обстановки, несколько видоизменялись. Когда на пост начальника Генерального штаба вступил Керестеш-Фишер, то он восстановил мой план нападения на Чехословакию, который его предшественником был несколько видоизменен. Поэтому, когда я спросил Керестеш-Фишер, остались ли в силе разработанные мною планы военного нападения на страны Малой Антанты, он ответил, что эти планы остались в силе. Должен сказать, что когда я был назначен на должность начальника Генерального штаба, то я и сам несколько видоизменил свой план нападения на Чехословакию. Это видоизменение состояло лишь только в том, что я перенес несколько западнее места концентрации войск венгерской армии, оставив нападение главного удара прежним.

Вопрос: Когда вы разработали этот новый вариант плана нападения на Чехословакию?

Ответ: В сентябре 1938 года.

Вопрос: Этот план вами и был использован при нападении на Чехословакию в 1939 году?

Ответ: Реализовать план военного нападения на Чехословакию, разработанный мной в 1922–1938 годах не пришлось. Внешнеполитическая обстановка для Венгрии в то время сложилась таким образом, что правительство Венгрии приняло неожиданное для Генерального штаба решение оккупировать Закарпатскую Украину⁷⁶. Эта оккупация была произведена без соответствующим образом разработанного плана, так как для этого у венгерского Генерального штаба не было необходимого времени, да и сама операция по оккупации Закарпатской Украины не представлялась сложной, так как Чехословацкие войска в тот период находились на границе Судетской области и ожидали нападения со стороны Германии. Оккупация Закарпатской Украины произошла без какого-либо серьезного сопротивления со стороны войск противника и была осуществлена в течение шести дней. Оккупация Закарпатской Украины происходила в период с 14 по 20 марта 1939 года.

Вопрос: Кто дал приказ венгерским войскам перейти границу Закарпатской Украины?

Ответ: Приказ об оккупации Закарпатской Украины венгерскими войсками был дан мною вечером 13 марта 1939 года.

Протокол с моих слов записан верно и мне прочитан в переводе на немецкий язык.

Верт

Допрос окончен в 20 час. 50 мин.

№ 6.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 19 сентября 1951 года
гор. Москва

Верт Генриха, 1881 года рождения,
уроженец с. Режехозан (Венгрия),
немец, бывший генерал-полковник
венгерской армии.

Допрос начат: 14.00
Допрос окончен: 15.25

Вопрос: Какое вы занимали положение за последнее время в венгерской армии?

Ответ: С 26 сентября 1938 года по 6 сентября 1941 года я занимал должность начальника Генерального штаба венгерской армии и имел воинское звание генерал-полковника.

Вопрос: Известно, что вы, будучи начальником Генерального штаба венгерской армии, участвовали в подготовке и проведении агрессивной войны против Советского Союза и других миролюбивых государств. Покажите о вашей практической деятельности в этой области?

Ответ: Не отрицаю, что я действительно, будучи начальником Генерального штаба венгерской армии, участвовал в подготовке и проведении войны против Советского Союза и других стран. Мое участие выразилось в том, что при совместном нападении Германии и Венгрии на Чехословакию в 1938-1939 гг. я руководил захватом территории Южной Словакии и Западной Украины. После захвата этих территорий я являлся главнокомандующим венгерской военной администрации в Словакии и Западной Украине и устанавливал соответствующие режимы.

Накануне 2-й Мировой войны я по поручению Хорти выезжал в Германию, где имел встречи с Гитлером, Браухичем⁷⁷, Кейтелем⁷⁸ и другими с целью укрепления военного сотрудничества между германской и венгерской армиями⁷⁹.

Но в то время прямо еще вопрос о нападении на Советский Союз не ставился. По крайней мере, мне об этом еще не было известно. О гитлеровских планах военного нападения на Советский Союз мне стало известно в апреле месяце 1941 года.

Вопрос: На допросе 28 декабря 1946 года бывший начальник 2 отдела венгерского Генерального штаба Уйсаси⁸⁰ показал: "...О предстоящем на-

падении Германии на Советский Союз и Югославию стало известно в венгерском генеральном штабе в ноябре 1940 года. ...Генерал Верт получил от германского военного атташе запечатанное личное письмо от Гальдера⁸¹, в котором сообщалось о намерениях Германии провести в 1941 году войну против Югославии и Советского Союза. ...Гальдер предложил Верту принять активное участие в подготовке и проведении Венгрией этой войны. Об этом письме и его содержании Верт сообщил мне лично в начале декабря 1940 года... Начиная с момента получения Вертом письма от Гальдера с указанием начать подготовку к войне против Советского Союза и Югославии, генерал Верт занимался активной подготовкой венгерской армии к предстоящей агрессии". Как видите, ваше утверждение о том, что вам впервые стало известно о планах фашистского нападения на Советский Союз в апреле месяце 1941 года, не соответствует действительности⁸².

Ответ: Показания Уйсаси я не подтверждаю. Никакого письма от германского военного атташе в ноябре 1940 года я не получал и, как я уже показал выше, мне до апреля 1941 года не были известны конкретные планы Гитлера о нападении на Советский Союз.

Вопрос: Но с апреля 1941 года, т. е. с того момента, когда вам стало известно по вашему утверждению о гитлеровских планах нападения на Советский Союз, вы принимали участие в подготовке этого нападения?

Ответ: И после этого Венгрия, и я как начальник Генерального штаба венгерской армии, подготовкой к нападению не занимались.

Вопрос: Но вы были согласны с этими планами Гитлера?

Ответ: Да, я полностью был согласен с планами Гитлера, так как я считал, что Венгрия может осуществить свою политику только при подготовке со стороны гитлеровской Германии.

Вопрос: Покажите, в чем заключалась ваша роль по проведению агрессивной войны против Советского Союза?

Ответ: После того, когда Венгрия 27 июня 1941 года объявила войну Советскому Союзу, я, как начальник Генерального штаба венгерской армии отдал приказ по армии о подготовке к военным действиям и переходе советской границы. В дальнейшем я возглавлял руководство и командование всеми военными операциями венгерской армии против Советского Союза и являлся фактически главнокомандующим.

Вопрос: Известно, венгерская армия, которой вы командовали и за действия которой вы являлись ответственными, на территории Советского Союза проводила зверства над мирным населением, занималась грабежом и разрушениями городов и сел. Вы этого не отрицаете?

Ответ: Я не отрицаю, что я, как начальник Генерального штаба и главнокомандующий венгерской армии, являлся ответственным за действия этой армии, которой я командовал, но мне неизвестны факты проводимых зверств со стороны частей венгерской армии⁸³.

Вопрос: Известно, что вы еще до вероломного нападения на Советский Союз, давали приказание венгерской разведке усилить свою разведывательную деятельность против Советского Союза. Вы это не отрицаете?

Ответ: Да, это я не отрицаю. Я действительно, в конце 1939 года, когда Венгрия после захвата Закарпатской Украины стала граничить с Советским Союзом, сделал соответствующее распоряжение органам военной разведки усилить свою разведывательную деятельность против Советского Союза.

Вопрос: Стало быть, этот факт также свидетельствует о том, что вы готовились к военному нападению в союзе с гитлеровской Германией на Советский Союз?

Ответ: Я не могу признать, что этот факт является актом подготовки военного нападения на Советский Союз со стороны Венгрии. Я считаю, что такие меры, как усиление разведывательной деятельности против Советского Союза нужны для Венгрии в связи с установлением общей границы.

Вопрос: Желаете чем-либо дополнить свои показания?

Ответ: Дополнений к своим показаниям не имею, я лишь хочу обратить внимание, что все то, что я делал, вытекало из приказов венгерского правительства.

Протокол мне прочитан на немецком языке, записано с моих слов правильно.

Верт

ЦА ФСБ России. Д. № Н-21156. Т. 2. Л. 68–74. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 7.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 2 ноября 1951 года

Допрос начат в 11 ч. 50 м.

Вопрос: Когда Венгрия начала подготовку к войне против Советского Союза?

Ответ: Подготовку к войне против Советского Союза Венгрия не вела. В день объявления войны Германией Советскому Союзу Венгрия порвала с СССР дипломатические отношения, а 28 июня 1941 года, без какой-либо подготовки напала на Советский Союз. Приказ венгерским войскам о проведении военных действий против Советской армии был

отдан мною. Распоряжение о нападении на Советский Союз я получил от Хорти.

Вопрос: Известно, что Германия, как союзница Венгрии, задолго до нападения на Советский Союз проводила соответствующую подготовку. Вы разделяли эти агрессивные планы Гитлера?

Ответ: Германский Генеральный штаб не открывал нам своих агрессивных планов нападения на Советский Союз. Мы не были посвящены в детали этих планов и не знали, когда конкретно Германия нападет на СССР. Однако мне, как начальнику венгерского Генерального штаба были известны факты, на основании которых я пришел к убеждению, что Германия готовится к нападению на Советский Союз. Я имею в виду беседу с Хорти весной 1941 года⁸⁴, сразу после того, как он встречался с Гитлером и обсуждал с ним вопросы, касающиеся взаимоотношений с Советским Союзом. Хорти мне тогда сказал, что если Германия нападет на СССР, то Венгрия примет участие в войне на стороне Германии.

Мне, как начальнику Генштаба от своей разведки было известно, что Германия сконцентрировала на советских границах около ста дивизий своих войск. Этот факт концентрации немецких войск на советской границе также указывал о военных приготовлениях немцев. Наконец, за несколько дней до нападения Германии на СССР, примерно 15–17 июня 1941 года на аэродроме в Матъяшфельд я встретился с начальником германского Генерального штаба Гальдером, который заявил мне: “Положение на советско-германской границе остается очень напряженным, и конфликт может возникнуть в любой момент”⁸⁵. Все эти факты, как я уже выше показал, не оставляют у меня сомнений в том, что Германия нападет на Советский Союз, для меня лишь было неизвестно когда именно она осуществит этот агрессивный акт. С агрессивной политикой Германии против Советского Союза я лично был согласен.

Вопрос: Следствию также известно, что нападение на Югославию, совершенное совместно Германией и Венгрией рассматривалось германским Генеральным штабом, как подготовительные мероприятия, направленные на подготовку нападения на Советский Союз. Почему вы об этом умалчиваете на следствии?

Ответ: Мне не было известно, что совместное нападение Германии и Венгрии на Югославию является одним из звеньев плана германского генштаба нападения на Советский Союз.

Вопрос: Однако на допросе 18 января 1947 года вы показали: “Мне, как начальнику венгерского Генерального штаба было ясно, что оккупация Чехословакии и особенно Югославии обеспечивает правый фланг, возглавляемой Германией антисоветской коалиции, поэтому нападение на Югославию рассматривалось мною как враждебный акт по отношению к СССР”. Почему вы теперь решили скрыть от следствия

вашу осведомленность о подготовке нападения на СССР со стороны Германии и Венгрии?

Ответ: Мои показания от 18 января 1947 года записаны не точно. Я не знал, что нападение на Югославию является частью плана германского Генштаба агрессии против Советского Союза.

Вопрос: О том, что Венгрия готовилась к нападению на Советский Союз, вы изобличаетесь показаниями Паулюса, который на допросе 12 января 1946 года показал: “С последовавшим затем нападением на Югославию не было необходимости в особых разъяснениях о том, в каком направлении идет эта военная подготовка. Было ясно, что подготавливаются вооруженные силы для войны против СССР, ибо нападение на Югославию было частью оперативной программы нападения на СССР... Готовность Венгрии к нападению, совместно с Германией на Югославию, помимо всего другого, изобличает Венгрию в участии планирования войны против СССР”⁸⁶. Рассказывайте о вашем участии в подготовке войны против Советского Союза?

Ответ: Я еще раз заявляю, что мне, как начальнику Генштаба не было ничего известно в то время о планировании Германией войны против Советского Союза. В конце марта 1941 года я совместно с Паулюсом разрабатывал оперативный план совместного нападения Германии и Венгрии на Югославию, но тогда ни одного слова не было обмолвлено, что предстоящая оккупация Югославии предшествует нападению на Советский Союз.

Паулюс ошибочно утверждает, что в тот период нам были известны агрессивные устремления Германии против Советского Союза. Для меня, как военного специалиста, было ясно, что оккупация Югославии ликвидирует угрозу правому флангу германской армии в случае войны с Советским Союзом, но это не приводило меня к убеждению, что Германия обязательно нападет на СССР.

Вопрос: На том же допросе Паулюс показал: “На представленной мне венгерским штабом карте, кроме нанесенных войск для наступления на Югославию, были нанесены войсковые части в районе Закарпатской Украины, которые предназначались для прикрытия тыла от угрозы со стороны русских. Это свидетельствует о том, что венгры свое участие в нападении на Югославию рассматривали, как акт агрессии против СССР”. С какой целью вы концентрировали свои войска на советской границе?

Ответ: Усиление военных гарнизонов на советско-венгерской границе являлось актом предосторожности, так как в то время у нас имелись данные о наличии значительного количества советских войск на нашей границе.

Однако я должен заявить, что это усиление пограничных гарнизонов никоим образом не было связано с германским планом нападения на

СССР. Показания Паулюса о том, что оккупацию Югославии мы рассматривали как этап для нападения на Советский Союз, я не подтверждаю.

Протокол с моих слов записан верно и мне прочитан.

Верт

ЦА ФСБ России. Д. № Н-21156. Т. 2. Л. 75–79. Заверенная машинописная копия.

№ 8.

**ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА**

от 21 февраля 1952 года

Верт Г., 1881 года рождения, уроженец села Режехозан (Венгрия), немец, венгерский подданный, из семьи помещика, с 1938 г. по сентябрь 1941 года – начальник Генерального штаба венгерской армии, генерал-полковник в отставке.

Допрос начат в 12.25

Допрос окончен в 16.50

Вопрос: Покажите о своем сотрудничестве с германской разведкой?

Ответ: До назначения меня на пост начальника Генерального штаба венгерской армии я не имел с немецкой разведкой никакой связи. Будучи назначен в сентябре 1938 года на пост начальника Генерального штаба венгерской армии я поддерживал с немецкой разведкой тесную связь по разведывательной работе против Чехословакии, Румынии, Югославии, Советского Союза, а также и других стран.

Вскоре после того, как я приступил к исполнению своих обязанностей, приблизительно в октябре 1938 года ко мне приезжал начальник германской военной разведки и контрразведки адмирал Канарис⁸⁷, который при встрече со мной заявил, что он очень заинтересован в поддержании связи с венгерской разведкой с целью взаимного обмена разведывательной информацией и просил меня как вновь назначенного начальника Генерального штаба венгерской армии, санкционировать это сотрудничество в интересах Германии и Венгрии. Зная о том, что еще задолго до моего назначения в Генеральный штаб Венгрии между немецкой и венгерской разведками была установлена тесная разведывательная связь и, будучи активным сторонником сближения и сотрудничества с Германией,

я договорился с Канарисом о том, что приму меры, обеспечивающие и в дальнейшем тесное сотрудничество венгерской разведки с немецкой.

В период моего трехлетнего пребывания начальником Генерального штаба венгерской армии подчиненное мне 2-е бюро⁸⁸ венгерского Генштаба по моему указанию поддерживало тесную связь с Абвером, которая заключалась в том, что мы обменивались с немцами разведывательными материалами о Советском Союзе, Чехословакии, Румынии и Югославии, а в отдельных случаях также и о других странах.

Вопрос: Как практически осуществлялся обмен разведывательной информацией между венгерской разведкой и Абвером?

Ответ: Венгерская разведка обменивалась с Абвером разведывательными материалами различными путями. В основном этот обмен осуществлялся через руководящих сотрудников Абвера, которые почти каждый месяц приезжали в Будапешт и с моего ведома получали во 2-м бюро венгерского Генерального штаба интересовавшие их разведывательные сведения, а также в свою очередь передавали нам полученные Абвером материалы секретного характера. Кроме того, обмен разведывательной информацией с Абвером осуществлялся нами также через военных атташе в Берлине Харди⁸⁹ и Хомлока. Начальник 2-го бюро венгерского генштаба Уйсаси ежегодно выезжал с несколькими своими сотрудниками в Берлин с целью обсуждения вопросов разведывательного сотрудничества и обмена разведывательными материалами с Абвером.

Как я уже показал ранее, Канарис, подчиненные ему руководители Абвера Пиккенброк⁹⁰, Лахузен,⁹¹ а также Типпельскирх⁹² часто приезжали в Будапешт во 2-е бюро венгерского генштаба с целью обсуждения вопросов разведывательной деятельности и получения разведывательных материалов⁹³.

В 1941 году с моего согласия Абвер прислал во 2-е бюро венгерского генштаба своего постоянного представителя Циглера, через которого также осуществлялся разведывательный контакт между венгерской разведкой и Абвером.

Вопрос: Какие требования были предъявлены венгерской разведке Абвером в связи с подготовкой Германией вооруженного нападения на Советский Союз?

Ответ: Каких-либо новых требований в связи с подготовкой Германией совместно с Венгрией нападения на Советский Союз перед венгерской разведкой поставлено не было.

Показания с моих слов записаны правильно и мне прочитаны в переводе на немецкий язык.

Верт

№ 9.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 21 февраля 1952 года

Верт Г., 1881 года рождения, уроженец села Режехозан (Венгрия), немец, венгерский подданный, из семьи помещика, с 1938 г. по сентябрь 1941 года – начальник Генерального штаба венгерской армии, генерал-полковник в отставке.

Допрос начат в 20.40
Допрос окончен в 1.45

Вопрос: Покажите о вашем участии в ведении войны против Советского Союза?

Ответ: Будучи сторонником тесного сотрудничества Венгрии с Германией я был враждебно настроен по отношению к Советскому Союзу и считал, что Венгрия должна принять активное участие на стороне Германии в войне против Советского Союза с тем, чтобы обеспечить захват и удержание Венгрией Закарпатской Украины, Южной Словакии, части Трансильвании⁹⁴, а также Баната и Бачки. Я был сторонником реорганизации венгерскому образцу и добивался максимального использования людских и экономических ресурсов Венгрии в интересах совместного с Германией ведения войны против Советского Союза. 27 июня 1941 года в день объявления Венгрией войны Советскому Союзу венгерская авиация в составе трех рот бомбардировщиков по моему приказу подвергла бомбардировке военные объекты в гор. Коломыя и населенном пункте Надворная, а также вокзал в гор. Станиславе. В начале июля 1941 года, договорившись с начальником Генерального штаба германской армии Гальдером относительно занятия венгерскими войсками участка фронта в стыке между немецкими и румынскими войсками, я отдал приказ венгерскому подвижному корпусу, состоявшему из двух моторизованных и одной кавалерийской бригады, начать боевые действия против Красной Армии⁹⁵.

Вступив в первых числах июля в соприкосновение с противником, венгерские войска захватили часть советской территории между р. Днестр и венгерской границей, где по моему приказу была учреждена военная администрация и куда были направлены мною в качестве оккупационных войск две венгерских бригады.

Подвижной венгерский корпус во взаимодействии с 17-й немецкой армией и армией генерала Шобера⁹⁶ по моему приказу участвовал в боях против Красной Армии до конца августа 1941 года, а затем находился в резерве в районе гор. Кривой Рог вплоть до моего ухода в отставку с поста начальника Генерального штаба венгерской армии в начале сентября 1941 года.

Вопрос: Покажите о зверствах, чинимых подчиненными вам венгерскими войсками против мирных граждан на временно оккупированной советской территории?

Ответ: О том, как венгерские войска чинили зверства над советскими гражданами, мне никто из моих подчиненных не докладывал. Оккупация венгерскими войсками советской территории в районе южнее реки Днестр была непродолжительной, т. к. в конце июля 1941 года немецкое командование сообщило нам о том, что мы можем упразднить свою военную администрацию в этом районе и отвести свои войска в Венгрию, поскольку эта территория переходит в подчинение губернатора гор. Львова.

Вопрос: Какие приказы были изданы вами относительно обращения с советскими военнопленными?

Ответ: По моему приказу все советские военнопленные, которых брали в плен венгерские войска, передавались немецкому командованию.

Вопрос: Вы лично выезжали на временно оккупированную венгерскими войсками советскую территорию?

Ответ: Нет.

Показания с моих слов записаны правильно и мне прочитаны в переводе на немецкий язык.

Верт

ЦА ФСБ России. Д. № Н-21156. Т. 2. Л. 108–112. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 10. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ Г. ВЕРТА

от 4 апреля 1952 года

Допрос начат в 16 часов
Допрос окончен в 20 ч. 40 мин.

Вопрос: Вам предъявляется обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58–6 ч. 1 УК РСФСР; ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года⁹⁷ и по ст. II § 1 пп. “а”, “б” и “ц” Закона № 10 Контрольного Совета в Германии⁹⁸. Обвинение вам понятно?

Ответ: Предъявленное обвинение мне понятно.

Вопрос: Виновным себя в предъявленном обвинении признаете?

Ответ: Я признаю, что действительно в 1919 году, будучи командиром дивизии, я дал согласие поддержать военными силами реакционные круги Венгрии в заговоре против Венгерской Советской Республики. Я был враждебно настроен к Венгерской Советской Республике, поэтому дал согласие на участие в заговоре, однако в свержении её я участия не принимал, так как советская республика была свергнута военной интервенцией Румынии⁹⁹.

В 1938–[19]39 годах под моим руководством была занята территория Южной Словакии, а затем вооруженным путем была захвачена территория Западной Украины. После оккупации этой территории я, как главнокомандующий венгерской военной администрации установил жестокий оккупационный режим, запретив на 2-3 месяца деятельность всех партий и организаций. Издал приказы, по которым за сопротивление венгерской военной администрации население подвергалось репрессиям¹⁰⁰.

Я полностью был согласен с планами и политикой Гитлера, т. к. придерживался мнения, что Венгрия может осуществить свою захватническую политику только при поддержке со стороны Германии. Так, в 1939 г. по поручению Хорти я вел переговоры с Гитлером, Браухичем, Гальдером и Кейтелем с целью укрепления военного сотрудничества, вооружения венгерской армии по германскому образцу и подготовки венгерских вооруженных сил для участия в агрессивных войнах. В марте 1941 года я заключил соглашение с германским командованием о взаимодействии венгерской и германской армий при нападении на Югославию и в дальнейшем руководил венгерскими войсками, оккупировавшими часть территории Югославии.

После вторжения венгерских войск в Югославию имели место кровавые события в городах Субботица и Зомбар, где югославское население оказало сопротивление. Венгерские войска это сопротивление подавали, а затем в городах были вывешены приказы о сдаче населением оружия, и за сопротивление оккупационным войскам и властям население будет подвергаться репрессии. По моему приказу с территории, оккупированной венгерскими войсками, сербы и другие национальности должны были покинуть эту территорию, т.е. насильно выселялись. В части того, что выселяемое население подвергалось грабежу и побоям, это я отрицаю¹⁰¹.

Не отрицаю, что после образования в 1939 году Венгеро-Советской государственной границы, по моему указанию венгерская разведка активизировала разведывательную деятельность против Советского Союза, засылала в СССР агентуру со шпионскими заданиями. Какое количество агентов было направлено в СССР, я не знаю, я только перед разведорганами поставил задачи, а затем мне периодически докладывались обоб-

ценные данные от агентуры. Также не отрицаю, что венгерская разведка сотрудничала с германской, т.е. информировали друг друга об имеющихся разведывательных данных.

О подготовке к войне Германии против СССР я узнал в апреле 1941 г., когда возвратился из ставки Гитлера представитель венгерской армии генерал Бельди¹⁰², который мне заявил, что Германия готовит войну против Советского Союза¹⁰³. Кроме того, уже в то время через территорию Венгрии уже передвигались войска Германии к границам СССР. В конце апреля 1941 года регент Хорти возвратился из Германии, где он встречался с Гитлером. В беседе со мной он – Хорти, заявил, что Венгрия выступит на стороне Германии, если начнется война против Советского Союза. Тут же Хорти предложил мне, как начальнику штаба, поставить вопрос перед правительством о подготовке венгерской армии к войне.

После этой беседы с Хорти я написал два письма¹⁰⁴ – одно на имя министра иностранных дел, в которых указывал, что Германия концентрирует войска на советской границе и если Венгрия намерена поддержать Германию и также сконцентрировать войска для укрепления венгеро-советской границы, то необходимо дать мне, как начальнику Генерального штаба, указание, т. к. эта передислокация войск мною может быть произведена только за 4 недели¹⁰⁵.

Числа 15–16 июня 1941 г. в Венгрии проездом был Гальдер, с которым я имел встречу, где последний мне заявил, что обстановка международная и в особенности с Советским Союзом очень напряженная, и возможно в скором времени начнутся военные операции, но каких-либо указаний от него о подготовке венгерской армии я не получал. 22 июня 1941 г., в день нападения Германии на СССР, венгерское правительство в знак солидарности с Германией, порвало дипломатические отношения с Советским Союзом.

27 июня 1941 г. военный министр Венгрии отдал приказ о проведении в Венгрии мобилизации, а я отдал приказ венгерским войскам о переходе границы СССР и ведении военных действий на стороне Германии против советских войск. Таким образом, по моему приказу венгерские войска вместе с немецко-фашистскими войсками участвовали в оккупации советской территории.

Вопрос: Документально установлено, что венгерская армия на временно оккупированной советской территории установила жестокий оккупационный режим, производила, вопреки международным правилам ведения войны, массовые разрушения, уничтожение населения, грабежи и насилия. Вы, как начальник Генерального штаба, издавший приказ о вхождении венгерской армии на территорию СССР, за эти действия венгерских войск отвечаете. Это так?

Ответ: Признаю, что действительно на оккупированной территории Советского Союза венгерское командование войсками установило строгий оккупационный режим. Если в действительности венгерские войска на территории Советского Союза чинили зверства, грабежи и разрушения – то я несу только моральную ответственность, т. к. я об этих фактах ничего не знал. Причем должен сказать, что зверства в основном проводились в более поздний период¹⁰⁶.

Вопрос: Вы признаете, что вы поддерживали преступную политику Гитлера, направленную на ведение агрессивной захватнической войны против СССР и других миролюбивых государств?

Ответ: Да, я это признаю, действительно я был приверженцем агрессивной политики Гитлера и после начала войны Германии против СССР я отдал приказ о вхождении венгерских войск на территорию СССР и ведении агрессивной войны против СССР.

Протокол допроса записан с моих слов правильно, зачитан мне в переводе на немецкий язык.

Верт

ЦА ФСБ России. Д. № Н-21156. Т. 2. Л. 134–138. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 11.
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА
Ф. ПАУЛЮСА

от 12 января 1946 года

Вопрос: Подтверждаете ли Вы свое заявление от 8 января 1946 года на имя Советского правительства относительно обстоятельств подготовки нападения на СССР по плану “Барбаросса” гитлеровским правительством Германии и германским генеральным штабом?

Ответ: Да, это мое заявление я полностью подтверждаю.

Вопрос: Чем могли бы вы дополнить ваше заявление?

Ответ: В дополнение к моему заявлению я хочу подробнее описать участие Венгрии в совместной с Германией подготовке агрессивной войны против СССР.

В этой связи я хочу, прежде всего, прояснить чем, собственно, определялась в тот момент внешняя политика Венгрии.

Политика Венгрии определялась полным признанием руководящей роли Германии, что обуславливалось двумя основными факторами: 1) стремлением к территориальным завоеваниям при помощи немцев и

2) боязнью усиления Румынии, как военного союзника Германии. Этот факт специально подчеркивался в узком кругу руководства ОКВ¹⁰⁷ и ОКХ¹⁰⁸.

В этом аспекте Гитлер видел Венгрию на линии германской политики. Но политика Гитлера по отношению к Венгрии в смысле раскрытия своих планов была гораздо сдержаннее, чем к другим сателлитам. Это объяснялось тем, что Гитлер считал венгров болтливými. Такая предосторожность в отношении венгров была проявлена и с планом “Барбаросса”. Здесь, кроме болтливости венгров, существенной причиной являлось нежелание Гитлера предоставить венграм захват русского нефтяного района Дрогобыч при вторжении в СССР. Впоследствии, с открытием наступательных действий против СССР, ОКХ отдало приказ 17-й армии (командующий Штюльпнагель¹⁰⁹) захватить Дрогобыч до прихода венгров. Эта позиция Гитлера – скрывать от венгров свои намерения была сохранена им, и после утверждения первой директивы по стратегическому развертыванию сил “Барбаросса”. Разрешив, как я уже отметил в своем заявлении, ведение переговоров с румынским и финским генеральными штабами, Гитлер запретил переговоры с Венгрией. Но это не мешало практическим мерам, которые предпринимались Германией и Венгрией по подготовке нападения на СССР. Уже в декабре 1940 года были предприняты шаги германским и венгерским генеральными штабами по реорганизации и перевооружению венгерской армии в общем плане “Барбаросса”. Начиная с декабря 1940 года, в Берлин стали приезжать различные военные комиссии из Венгрии, в том числе, и венгерский министр обороны генерал фон Барта, которые повели переговоры с соответствующими инстанциями¹¹⁰. Разрешались вопросы о поставках Германией вооружения (танки, самолеты и пр.). Я лично имел отношение только к вопросам реорганизации армии. Совместно с начальником Организационного отдела Генерального штаба ОКХ генерал-майором Буле¹¹¹ я консультировал приехавшего в декабре 1940 года в Берлин начальника оперативной группы венгерского Генерального штаба полковника Ласло. Речь шла о переформировании бригад в дивизии и об организации моторизованных и танковых частей. Как для нас – немецких офицеров, так и для венгерских офицеров было ясно, что эти военные приготовления должны были базироваться на подготовке военного сотрудничества между Германией и Венгрией.

Венграм было ясно, что содействие Германии является заблаговременной и преднамеренной подготовкой венгерской армии для будущих совместных военных действий, включением союзника в свои ряды.

С последовавшим затем нападением на Югославию не было необходимости в особых разъяснениях о том, в каком направлении идет эта военная подготовка. Было ясно, что подготавливаются вооруженные силы для войны против СССР, ибо нападение на Югославию было частью оперативной программы нападения на СССР.

С поражением Югославии обеспечивался правый фланг, который должен был образоваться с началом военных действий против СССР.

Угроза со стороны Югославии правому флангу означало угрозу, в первую очередь, Венгрии – военному союзнику Германии.

Готовность Венгрии к нападению совместно с Германией на Югославию, помимо всего другого, изобличает Венгрию в участии планирования войны против СССР. Подготовка совместного германо-венгерского нападения на Югославию была поручена мне.

27 или 28 марта 1941 года я был вызван в имперскую канцелярию к Гитлеру, где, кроме Гитлера, присутствовали Кейтель, Иодль¹¹², Браухич и Гальдер. Гальдер встретил меня со следующими словами: “Фюрер решил напасть на Югославию с тем, чтобы устранить фланговую угрозу при наступлении на Грецию и захватить в свои руки железнодорожную магистраль Белград – Ниш в южном направлении. Но главная цель нападения на Югославию это – позднее при реализации плана “Барбаросса” оставить свободным правое плечо. Ваша задача – немедленно отправиться в моем специальном поезде в Вену, передать вызванным туда фельдмаршалу Листу¹¹³ (армейская группировка 12*), генералу фон Клейсту¹¹⁴ (танковая группа 1) и полковнику фон Витцлебену¹¹⁵ (начальник штаба 2-й армии) приказы и объяснить обстановку. Из Вены выехать в Будапешт и согласовать там с венгерским генеральным штабом стратегическое развертывание немецких войск на венгерской территории и участие венгерских войск в наступлении на Югославию”.

К этому Кейтель, в свою очередь, добавил, что соучастие Венгрии согласовано политическим путем и, что венгерский генеральный штаб ждет приезда представителя германского Генерального штаба. Гальдер запретил мне касаться в Будапеште плана “Барбаросса”, мотивируя это тем, что Гитлер еще не решил к какому моменту посвятить венгров в план “Барбаросса”. Меня сопровождали в Будапешт 8–9 офицеров Генерального штаба, в том числе заместитель начальника оперативного отдела подполковник фон Грольман и подполковник из Отдела иностранных армий “Восток” Ганзен.

Переговоры в Будапеште я вел с начальником Генерального штаба генералом Верт и начальником оперативной группы полковником Ласло. Мы быстро согласовали совместные наступательные действия германских и венгерских войск. Результат соглашения был нанесен на карты. На представленной мне венгерским штабом карте, кроме нанесенных войск для наступления на Югославию, были нанесены войсковые части в районе Закарпатской Украины, которые предназначались для прикрытия тыла от угрозы со стороны русских. Это свидетельствует о том, что

* Так в документе, речь идет о 12-й германской армии.

венгры свое участие в нападении на Югославию рассматривали, как акт агрессии против СССР.

По возвращении в Берлин я доложил результаты поездки Гальдеру, затем 2 и 3 апреля, совместно с Гальдером – Гитлеру в имперской канцелярии. Во время доклада Гитлеру было доложено предложение начальника венгерского Генерального штаба Верта о передаче участвующих в войне против Югославии венгерских войск под немецкое командование. Гитлер отклонил это предложение, сказав: “Нет, не хочу с этим согласиться, не хочу затрагивать их национальную гордость, пусть венгры остаются самостоятельными”.

Я хочу думать, что вышесказанным я иллюстрировал факт сотрудничества Германии и Венгрии в общей агрессивной политике против СССР еще задолго до нападения.

Содержание протокола, зачитанного мне на родном немецком языке, подтверждаю.

Паулюс

ЦА ФСБ России. Д.№ Н-21156. Т. 2. Л. 149–153. Заверенная машинописная копия.

Примечания

¹ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М., 2009.

² Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. М., 2005. С. 287.

³ С 1 марта 1936 г. генерал-лейтенант Г. Верт находился в отставке. 29 сентября 1938 г. он был назначен на должность начальника Генерального штаба Венгерской армии.

⁴ Речь идет о Мюнхенском соглашении, предоставившем Германии право на присоединение Судетской области. Подписано в Мюнхене во 2-м часу ночи 30 сентября 1939 г. (сам документ датирован 29 сентября) Н. Чемберленом (от имени Великобритании), Э. Дадладь (от имени Франции), А. Гитлером (от имени Германии) и Б. Муссолини (от имени Италии). На конференции были выработаны следующие условия преодоления кризиса: 1) Чехословакия передавала Германии Судетскую область, а также пограничные с Австрией районы, захваченные немцами в 1938 г.; 2) Германия получала право ввести свои войска на эту территорию 1 октября 1938 г.; 3) территория с преобладающим немецким населением оккупировалась немецкой армией в 4 этапа в течение 1–7 октября 1938 г., остальные территории должны быть очищены чехами до 10 октября того же года; 4) все военные сооружения, промышленные предприятия, пути сообщения, линии коммуникаций и т.д. передавались Германии в целостности и сохранности. 30 сентября 1938 г. правительство Чехословакии заявило, что подчиняется решению конференции.

⁵ Рац де Надьяк, Енё (1882–1952) – венгерский военный и политический деятель; генерал пехоты (1938). Участник Первой мировой войны. В 1925–1928 гг. начальник 6-го отдела, затем до 1931 г. 4-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. В 1931–1935 гг. начальник Военной академии. С 16 января 1935 г. по 1 мая 1936 г. заместитель начальника, а с 5 сентября 1936 г. по 24 мая 1938 г. начальник Генштаба венгерской армии. С 14 мая по 15 ноября 1938 г. министр обороны. В правительстве Д. Стояи занимал пост министра без портфеля. 22 марта 1946 г. приговорен к расстрелу, но 19 августа 1946 г. президент Венгерской Республики изменил приговор на пожизненные принудительные работы. Умер в тюрьме в гор. Вац 21 января или мая 1952 г.

⁶ Керестеш-Фишер, Лайош (1884–1948) – венгерский военный деятель; генерал-полковник. Участник Первой мировой войны. С 1933 г. адъютант адмирала М. Хорти (до 1941 г.). В 1933–1935 гг. заместитель начальника Генштаба венгерской армии. Одновременно в 1935–1942 гг. начальник военно-морской канцелярии М. Хорти. В 1939–1942 гг. – генерал-адъютант. В годы Второй мировой войны занимал пост министра внутренних дел. В результате военного переворота Ф. Салаши 15 октября 1944 г. Вместе братом, Ференцем задержан гестапо и заключен в концлагерь Дахау. После освобождения жил в Австрии.

⁷ Хорти де Нагибанья, Миклош (1868–1957) – венгерский военный и государственный деятель; адмирал. Участник Первой мировой войны. В 1920–1944 гг. военный диктатор Венгрии. В 1918 г. контр-адмирал, главнокомандующий австро-венгерским флотом. В период коммунистического режима в Венгрии (март – 1 августа 1919 г.) был военным министром в эмигрантском правительстве (обосновался в Сегед), а затем главнокомандующим национальной армией. 1 марта 1920 г. провозглашен регентом. В 1920–1944 гг. глава венгерского государства. Его ориентацию и деятельность правителя характеризовали консерватизм, антикоммунизм и национализм. Популярность достигла пика с 1938 по 1941 гг., во время воссоединения территорий. После 1933 г. ориентировался на сближение с Германией. В 1941 г. объявил войну СССР. В 1944 г. закрыл глаза на депортацию евреев из провинций, но воспрепятствовал водворению в лагеря смерти евреев, живших в Будапеште. После неудачной попытки выхода из войны, в октябре 1944 г. передал власть крайне правому политику Ференцу Салаши. В конце войны попал в плен к американцам. Во время Нюрнбергского процесса допрошен как свидетель, Сталин также отказался отдать его под трибунал в качестве обвиняемого. С 1949 г. эмигрировал в Португалию.

⁸ В новом правительстве во главе с премьер-министром Белой Имреди, образовавшемся 14 мая 1938 г., министром обороны (военным министром) был назначен Енё Рац, бывший до этого начальником Генштаба. Сам Верт уже тогда рассчитывал, что пост начальника Генштаба достанется ему, и никоим образом не ожидал такого развития событий. Хорти, как это уже многократно бывало, выбрал нового начальника из своего ближайшего окружения: 24 мая 1938 г. генерал-лейтенант Лайош Керестеш-Фишер, который до этого являлся руководителем Военной канцелярии регента, был назначен начальником Генштаба. Между тем Керестеш-Фишер не хотел в течение продолжительного времени оставаться во главе Генштаба, поэтому Хорти был вынужден решать вопрос о его преемнике. В своих мемуарах, увидевших свет в 1986 г., генерал-лейтенант Вилмош Надьбацони-Надь отмечал, что его друг, министр обороны Енё Рац жаловался ему: Хорти заявил ему по телефону, что его (Раца) вскоре навестит новый начальник Генштаба – Хенрик Верт. Министр Рац был очень подавлен самим способом назначения, которое произошло без его ведома. Вероятно, что назначение Верта поддержали у Хорти Вилмош Рёдер и бывший премьер-министр Иштван Бетлен. Таким образом, исполнилась надежда всей жизни и мечта Верта. Регент назначил его начальником Генерального штаба сроком до 29 сентября 1938 г., и одновременно присвоил ему звание генерала пехоты. Относительно субординации и служебного положения начальник Генштаба подчинялся непосредственно приказам главы государства, а по вопросам службы подчинялся министру обороны. Верт и позже много раз решал вопросы напрямую с регентом, в обход главы правительства и министра обороны. Иштван Уйсаци также вспоминал, что между Керестеш-Фишер и Рацем были разногласия, Керестеш-Фишер не мог работать с Рацем, который ориентировался на немцев. (Dombrády Lóránd: Werth Henrik akiről nem beszéltünk. Argumentum, Bp., 2005., 34–37., Vallomások a holtak házából. Ujszászy István vezérőrnagynak, a 2. vkf. osztály és az Államvédelmi Központ vezetőjének az ÁVH fogságában írott feljegyzései. Szerk.: Haraszti György. Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára – Corvina, Bp., 2007. 399.).

⁹ Верт был начальником Военной академии с 4 января 1926 г. по 1 сентября 1931 г.

¹⁰ Чаки Иштван (1894–1941) – венгерский политический деятель и дипломат, граф; тайный советник (1939). С 1919 г. работал в Министерстве иностранных дел. Секретарь венгерской делегации на парижских мирных переговорах. С 1921 г. на дипломатической

службе. В 1935–1938 гг. начальник кабинета министра иностранных дел. 10 декабря 1938 г. назначен министром иностранных дел правительства Имреди. Он сыграл роль в подготовке Анतिकоминтерновского пакта и второго Венского арбитража. В качестве министра иностранных дел одобрял и поддерживал присоединение Венгрии к Тройственному пакту. От имени главы правительства 12 декабря 1940 г. он подписал в Белграде договор «о постоянном мире и вечной дружбе» с Королевством Югославия. После подписания участвовал в организованной на территории Югославии охоте, где настолько простыл, что вернулся в страну больным. Так и не выздоровев, в конце января 1941 г. умер от заболевания почек, не дожив до «распада» Югославского Королевства, вступления немцев и венгерских войск. Чаки в своей политике – вопреки удовлетворению требований держав оси – не был сторонником безусловных обязательств, во втором периоде своего пребывания на посту министра он уже стремился к восстановлению венгерско-английских отношений. Этой двойственностью и объясняется то явно проявляющееся доверительное распределение обязанностей, которое сложилось между ним и премьер-министром.

¹¹ Тройственный Пакт был подписан 27 сентября 1940 г. в Берлине сроком на десять лет тремя державами оси – Японией, Германией и Италией, гарантировавшими друг другу взаимную политическую, экономическую и военную поддержку. В 1941 г. соглашение было дополнено пунктом, согласно которому любая из договаривающихся сторон в случае войны может заключить перемирие только с согласия других. Венгрия присоединилась к соглашению 20 ноября 1940 г., позднее присоединились Румыния, Словакия, Болгария, Югославия, а после распада последней – и Хорватия.

¹² Телеки де Секи, Пал (1879–1941) – венгерский государственный деятель, европейски известный ученый-географ; граф. Член Венгерской Академии наук. В 1920–1921 и 1939–1941 гг. премьер-министр. В 1920 г. министр иностранных дел. С 1938 г. министр просвещения. После Трианонского договора профессиональной аргументацией стремился поддержать ревизионистские устремления Венгрии. На время действия руководимого им правительства выпало воссоединение Закарпатья и рождение второго Венского арбитража. Несмотря на просьбу Гитлера, он в 1939 г. отказал в продвижении немцев через территорию Венгрии при нападении на Польшу. Совершил уступки крайне правым силам (в частности, в вопросе о законодательном ограничении евреев), вместе с тем всячески противился сжиганию мостов к западным демократиям и участию Венгрии во Второй мировой войне. Вследствие военного переворота в Белграде, происшедшего вскоре после заключения договора «о постоянном мире и вечной дружбе», его политика стала несостоятельной. Выступая против участия Венгрии в агрессии против Югославии, Телеки в порыве предельного отчаяния в ночь со 2 на 3 апреля 1941 г. застрелился в своей резиденции. Самоубийство потрясло его тогдашних политических противников. Комментируя самоубийство ближайшего соратника, Хорти писал Гитлеру: граф Телеки «стал жертвой конфликта совести, который переживает сейчас вся нация». Прощальное письмо премьер-министра П. Телеки регенту М. Хорти опубликовано на русском языке: Пушкаш А.И. Политический и государственный деятель Венгрии Пал Телеки // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. редактор А.Л. Шемякин. М., 2009, Ablonczy Balázs: Teleki Pál. Osiris, Bp., 2005.

¹³ Бардоши, Ласло де (1890–1946) – венгерский государственный деятель и дипломат. В 1930–1934 гг. советник венгерского посольства в Лондоне. В 1934–1941 гг. посланник в Бухаресте (Румыния). В феврале 1941 г. назначен министром иностранных дел. После самоубийства П. Телеки 3 апреля 1941 г. Бардоши был назначен на должность премьер-министра, сохраняя за собой должность министра иностранных дел. Во главе правительства Бардоши проводил выраженную прогерманскую политику, считая, что союз с Германией позволит Венгрии вернуть территории, отобранные по Трианонскому договору. 7 марта 1942 г. регент Хорти вынудил Бардоши уйти в отставку. После окончания Второй мировой войны арестован и в ноябре 1945 г. приговорен Народным трибуналом за военные преступления и сотрудничество с нацистами к смертной казни. Расстрелян в Будапеште 10 января 1946 г.

¹⁴ Во всех опубликованных в этом сборнике показаниях Г. Верта нет речи о событиях, произошедших между 23 и 27 июня 1941 г. Положение венгерского правительства, тем временем, становилось все тяжелее. Италия и Румыния уже 22 июня 1941 г. объявили войну Советскому Союзу. В 10 часов 23 июня Бардоши собрал Совет министров. Совет министров решил, что Венгрия разрывает дипломатические отношения с Советским Союзом, при одном голосе против – министра внутренних дел Керестеш-Фишера. 23 июня Гальдер дал указание Химеру. Его слова свидетельствовали об исключительной осведомленности: в венгерском политическом и военном руководстве наблюдается раскол, и только регент может принять окончательное решение: «Сейчас дело зависит от того, смогут ли венгерские военные круги склонить политическое руководство к тому, чтобы оно само предложило сотрудничество». Как только Верт узнал о решении Совета министров, он вместе с министром обороны К. Барта отправился в поместье регента в Кендэрэш, и эти два военных высокого ранга угрожали регенту тем, что если Венгрия не примет участия в боевых действиях, не может быть исключена опасность военного переворота. Хорти отказал Верту и Барту в их требованиях. Прибыв в Будапешт, Верт тут же проинформировал об этом генерала Химера. 25 июня 1941 г. произошло много таких событий, которые усложнили позицию венгерского правительства по невмешательству в военные действия. Швеция разрешила транзит немецких войск из Норвегии в Финляндию, Дания отозвала своего московского посла, Словакия и Хорватия объявили войну Советскому Союзу. Венгерские офицеры высокого ранга, недовольные пассивностью правительства Бардоши, подумывали о том, чтобы послать на восточный фронт добровольцев. По этому вопросу Г. Верт и другие офицеры Генерального штаба вели конфиденциальные беседы с генералом Химером. Известие о загадочной бомбардировке гор. Каши (Кошице) сразу уладило все противоречия военных и гражданских. 26 июня 1941 г. в 13 часов 8 минут над принадлежавшим тогда Венгрии городом Кошице появились три бомбардировщика с желтыми полосами вокруг фюзеляжей. Они прилетели с юго-востока и, сделав на небольшой высоте круг, сбросили на город бомбы. Поскольку в городе не успели объявить воздушную тревогу, в результате налета погибли 32 человека, 60 получили тяжелые ранения и еще 220 – легкие. В городе были разрушены 24 жилых дома, три казармы и здание местной почты. Венгерский Генеральный штаб, получив сообщение о налете, сразу же объявил, что город бомбила советская авиация. В этот же день венгерское правительство декларировало состояние войны с Советским Союзом. Решение, утвержденное парламентом лишь впоследствии, было принято Хорти по праву главы государства, гарантированному законом. Венгерская историческая наука не смогла решить вопроса о бомбардировке Кошице. См.: Vargyai Gyula: Magyarország a második világháborúban. Korona Kiadó, Bp., 2001. 180–190.

¹⁵ Барта фон Дальнокфалва, Кароль (1884–1964) – венгерский военный деятель; генерал. В 1924–1932 гг. инспектор инженерных войск. Участник Первой мировой войны в составе императорской Австро-Венгерской армии. С 1932 г. начальник Управления снабжения. С 1936 г. начальник Центрального военного управления Министерства обороны Венгрии. В 1935–1938 гг. занимал различные должности в аппарате военного министерства. С 15 ноября 1938 по 24 сентября 1942 гг. военный министр Венгрии. Руководил подготовкой венгерской армии к войне против СССР. 19 июня 1945 г. уволен из армии. В 1950-е годы инженер-строитель железных дорог в Венесуэле, затем жил в Австрии.

¹⁶ Данное утверждение Х. Верта не соответствует действительности. Узнав новость о бомбардировке Каши (Кошицы), Верт, предположительно вместе с Бартой, немедленно бросился к регенту Хорти. 26 июня 1941 г., около 14 часов солдаты прибыли во дворец, и уже несколько минут спустя Верт проинформировал Хорти о воздушном нападении СССР на Кашу. Ранее никогда не подвергавший сомнению ситуационную оценку начальника Генштаба и легко поддававшийся влиянию, регент не сомневался в определении нападших, поэтому не считал необходимым далее выяснять это. Верту удалось убедить регента в том, что следует немедленно сделать ответный шаг. Хорти – в соответствии с гарантированным ему законом XVII (абзац 2. статья 2) от 1920 г. правом и запросом последующей поддержки парламента – принял решение о вступление армии в военные

действия и сделал заявление о состоянии войны. От Хорти Верт немедленно отправился в Генштаб отдал приказ выделенным частям воздушных сил. Были изданы необходимые распоряжения для мобилизации и выступления находящихся в подчинении VIII корпуса горных и пограничных бригад, а также мобильного корпуса. Еще шло заседание Совета министров, когда приказы были переданы частям. Впоследствии, в июле 1941 г. Верт заявил: «Бомбардировка Каши была мне прямо на руку». См.: Lakatos Géza: *Ahogyan én láttam*. Вр., 1992. 47.

¹⁷ Утром 27 июня 1941 г. самолеты 8-й и 9-й эскадрильи разведывательной авиации – 19 бомбардировщиков – совершили нападение на Лавочнэ, Надворна и Станислав. Самолеты лишь частично смогли выполнить задание. Несколько из них вследствие аварийного состояния не достигли своих целей, один сопровождающий истребитель был сбит ПВО. В 10 утра Венгерское радио объявило, что венгерскими военно-воздушными силами проведено успешное нападение на советские цели и венгерское правительство считает себя в состоянии войны с СССР.

¹⁸ На чрезвычайном заседании Совета министров 26 июня 1941 г. в действительности четыре министра выступили против заявления о состоянии войны с Советским Союзом. Кроме Керестеш-Фишер Ференца, высказали своё опасение: министр сельского хозяйства Банффи Даниэл, министр юстиции Радочаи Ласло и министр промышленности Варга Йозеф. Премьер-министр Бардоши сформулировал решение Совета министров следующим образом: «Правительство едино в том, что, так как произошло воздушное нападение, наши самолеты еще сегодня должны ответить на этот удар. Заявляю об этом, как о единогласном решении Совета министров. По второму вопросу: объявить ли о состоянии войны между Венгрией и СССР – господин министр внутренних дел против, остальные господа министры к нему присоединяются».

¹⁹ Хоман, Балинт (1885–1951) – венгерский историк и политический деятель; член Венгерской Академии наук. В 1932–1938 гг. министр по делам религии, образования и просвещения в правительствах Дюла Гембеша и Калмана Дараньи; затем в 1938 г. министр без портфеля; в 1939–1942 гг. снова министр просвещения. Его главная исследовательская тема – древняя и средневековая история Венгрии. Совместно с Д. Секфию создал «Венгерскую историю» (1934–1940), грандиозное синтетическое исследование, написанное с позиций «истории духа». В конце войны бежал в Германию. Захвачен в плен американскими войсками и передан венгерским властям. В 1946 г. Народным трибуналом приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

²⁰ Ремени-Шнеллер, Лайош (1892–1946) – венгерский государственный деятель. Придерживался прогерманской ориентации. С 1923 г. директор Венгерского обменного банка. В 1938 г. К. Дараньи назначен на пост министра финансов, который занимал до конца войны. Член партии «Скрещенные стрелы». После освобождения Будапешта бежал из страны. Арестован американскими войсками и передан венгерским властям. Народным трибуналом осужден как военный преступник и 24 августа 1946 г. повешен.

²¹ Варга, Йозеф (1891–1956) – венгерский государственный деятель, профессор. Окончил Политехнический университет. С 1920 г. приват-доцент, с 1923 г. – профессор кафедры химической технологии. Основное направление исследований: область химических реакций под давлением. После открытия венгерских месторождений нефти контролировал вопросы добычи под высоким давлением. В 1932 г. избран членом Венгерской Академии наук. В 1939 г. назначен министром промышленности, позже принял под свое управление также вопросы торговли. Благодаря деятельности министра, венгерская химическая промышленность получила огромное развитие. Противник военного вмешательства страны во Вторую мировую войну и на совещании 26 июня 1941 г. высказал своё опасение по поводу объявления войны. В 1943 г. выбыл из правительства и в Техническом университете продолжил научную работу. В 1950 и 1952 гг. удостоился премии Кошута.

²² Так в документе, речь идет о Л. Радочаи. Радочаи, Ласло (1878–1968) – венгерский государственный деятель, юрист; доктор права. В 1934–1939 гг. – губернатор, с 9 ноября 1939 г. по 22 марта 1944 г. – министр юстиции.

²³ Лаки, Дежё (1887–1962) – венгерский государственный деятель, экономист, профессор, член Венгерской Академии наук. В 1921–1948 гг. заведующий кафедрой статистики

в разных вузах. С 17 декабря 1940 г. по 15 сентября 1941 г. министр по снабжению без портфеля в правительстве Телеки и Бардоши. 22 марта 1944 г. арестован гестапо, 15 октября 1944 г. освобожден. После войны продолжил научную работу в Будапештском университете, заведовал кафедрой. В 1948 г. отправлен на пенсию. В 1951 г. лишен пенсии и имущества, выселен на периферию. В 1958 г. частично реабилитирован, работал советником Центрального статистического бюро Венгрии.

²⁴ Керестеш-Фишер, Ференц (1881–1948) – венгерский государственный деятель, министр. Окончил юридический факультет Будапештского университета. С 1921 г. губернатор комитатов Баранья и Печ, а с 1925 г. – одновременно и комитата Шомодь. С 24 августа 1931 по 4 марта 1935 г. министр внутренних дел правительства Д. Гёмбёша, одновременно являясь депутатом государственного собрания. В январе 1936 г. стал членом Верхней палаты; председатель Банковского центра. С 24 мая 1938 по 22 марта 1944 г. вновь министр внутренних дел правительств Имреди, Телеки, Бардоши, затем и Каллаи. Непосредственно контролировал политическую жандармерию и лично руководил выступлениями жандармов против левых и правых экстремистов (коммунистов, нилашистов). В период Второй мировой войны, являясь членом личного окружения Хорти, относился к консервативной группе Бетлен-Каллаи, был политиком-антигерманистом, представителем англосаксонской ориентации. Во время германской оккупации вместе со своим братом был арестован гестапо и заключен в немецкий концлагерь (Маутхаузен). Несмотря на то, что после войны венгерское правительство требовало его выдачи как военного преступника, выдан не был. Умер в Вене 3 марта 1948 г.

²⁵ 4 сентября 1941 г. Х. Верт подал в отставку, но фактически речь шла о смещении его с поста. 19 августа 1941 г. Верт снова обратился к премьер-министру с предложением более масштабного венгерского участия в войне. В меморандуме Верт требовал направления на фронт новых армейских корпусов. Документ этот не сохранился, но Бардошши цитирует его в своем письме к регенту: «...Начальник Генштаба ... от имени немецкой армии выдвигает против нас обвинение, будто из-за любого решения венгерского правительства немецкой армии якобы грозили значительное кровопролитие либо ущерб». Верт аргументировал участие более масштабными силами тем, что при окончательном послевоенном распределении победоносные державы оси будут вознаграждать некоторые страны пропорционально их участию в военных действиях. Однако предпринятые им шаги в целях наращивания военного участия, во многих случаях намного превышающие его полномочия, подорвали и доверие регента к нему, поэтому в сентябре 1941 г. он подал в отставку, ссылаясь на ухудшение состояния здоровья. 8 сентября 1941 г. регент назначил начальником Генштаба венгерской армии генерал-лейтенанта Сомбатхейи Ференца. Dombrády Lóránd: Werth Henrik akiról nem beszéltünk. Argumentum, Bp., 2005., 155–160.

²⁶ Салаши, Ференц (1897–1946) – венгерский политический деятель. В октябре – декабре 1944 г. глава Венгрии. Участник Первой мировой войны. В 1933 г. занялся политикой. В 1935 г. создал Партию национальной воли, вскоре запрещённую правительством М. Хорти за радикализм. В октябре 1944 г. года немцы совершили в Будапеште государственный переворот, сын М. Хорти был похищен диверсантами О. Скорцени, и регент был вынужден отказаться от своих полномочий в пользу Салаши, который стал премьер-министром и главой государства («вождём (фюрером) венгерского народа»), получившего название Венгерский Союз Древних Земель. Арестован американцами и выдан венгерскому правительству, предстал перед судом в Будапеште по обвинению в военных преступлениях и преступлениях против человечности, где был приговорён к смертной казни, повешен.

²⁷ Речь идет о немецком ордене – «Крест за военные заслуги» (нем. Kriegsverdienstkreuz). Выдавался с мечами (за отличия при боевом соприкосновении с противником), и без мечей – за военные заслуги, не связанные с непосредственным соприкосновением с врагом.

²⁸ Вторая по счету германская награда за признание заслуг была получена им после ухода в отставку. 18 сентября 1941 г. германский посланник передал Верту «Крест за военные заслуги» с мечами.

²⁹ Летом 1937 г. Верт решил, что настало время для того, чтобы подготовить меморандум о военной структуре, способной обеспечить боеспособность венгерской армии, для этого считал необходимым выделить 1 млрд 700 млн пенгё (денежная единица Венгрии в 1925–1946 гг.). Однако на совещании у регента 4 ноября 1937 г. решение по этому делу не было принято. 5-го марта 1938 г. премьер-министр Кальман Дарани объявил в Дёре – городе, который стал одним из центров развития военной промышленности, – программу вооружения стоимостью 1 млрд пенгё. Эта программа являлась не чем иным, как экономическим обоснованием плана по развитию вооружённых сил от 3-го февраля 1938 г., известного как план «Губа». Помимо запуска нацеленного на современное вооружение армии производства, это означало новый курс в экономике и политике. Лишь 600 млн пенгё из данных инвестиций, запланированных на 5 лет, намеревались покрыть за счёт налога на имущество и направить на военные расходы. Остальные 400 млн пенгё намечалось направить на развитие инфраструктуры и покрыть за счёт таких кредитов, большую часть которых обеспечивал бы эмиссионный банк посредством выпуска денежных знаков, не имевших под собой соответствующего товарного покрытия. Первый заём на сумму 100 млн пенгё под этот проект государство взяло непосредственно у эмиссионного банка в 1938 г. В рамках программы вооружения, рассчитанной на 5 лет, 600 млн пенгё направлялись непосредственно армии, 400 млн предназначались на развитие инфраструктурной базы (сельского хозяйства, транспорта, инфраструктуры и горнодобывающей промышленности). Успешно стартовавшую программу в 1939 г. сократили до 2 лет; к осени 1940 г. одна только армия потратила на своё развитие 1,6 млрд пенгё, ощутило превысив запланированный лимит. Дёрская программа значительно сгладила анахронизм вооружённых сил, создала немало новых рабочих мест. Правда, эта программа вооружения стала также и катализатором инфляционных процессов в стране. Госсобрание никоим образом не могло повлиять на освоение этих средств, не было даже возможности контроля.

³⁰ См. о меморандумах Верта от мая и июня 1941 г. в комментариях к документу № 2.

³¹ В связи с ролью Генриха Верта может также встать следующий вопрос: если по политическим соображениям он полагал законным вступление Венгрии в войну против Советского Союза, тогда с военной точки зрения как он мог считать, что страна к этому подготовлена? Преемник Верта, генерал-полковник Ференц Сомбатхей ссылался на то, что, будучи с сентября 1941 г. начальником Генштаба, он попытался покончить с тем романтичным взглядом, который поселили его предшественники, и хотел внедрить в сознание следующее: венгерская армия мала и отстала, пригодна лишь для оккупации. Упомянутые предшественники – это были Хенрик Верт и министр обороны Карой Барта. Антал Нарай цитирует Барту, который 1 апреля 1941 г. заявил следующее: «Дух и уровень подготовки венгерской армии – отличные. Хотя современное вооружение оставляет желать лучшего, наше выступление на стороне немцев принесло бы с собой и то, что немцы щедро снабдили бы нас вооружением, снаряжением и боеприпасами». Во всяком случае – поскольку речь идёт об участии в войне, – стоит напомнить, что летом 1941 г. численность личного состава венгерской армии едва превышала сто тысяч человек, и хотя шло формирование ещё трёх армий, недостатки в уровне подготовки и оснащении были значительными. (Pihurik Judit: „Nekem a kassai bombázás egyenesen jól jött”. Naplók és memoárrok Magyarország második világháborús szerepvállalásáról. Kézirat, Szeged, 2011. 5-6.)

³² Венгерское участие в войне в 1941 г. ещё можно назвать чисто символическим. Венгрия отправила на фронт небольшой контингент вооружённых сил, составлявший крупницу по сравнению с румынской активностью (венгры послали на фронт восемьдесят тысяч солдат, группировку «Карпаты», что в сравнении с миллионными армиями представляла незначительную военную силу). И всё же, поскольку главной задачей венгерских формирований являлось проведение карательных мер в отношении всё более жёстко сопротивлявшегося населения, такая активность в охоте на партизан вызвала впоследствии более жгучую неприязнь у Сталина, нежели массовое, повлекшее за собой с обеих сторон большие кровавые жертвы, румынское военное «присутствие». (Pritz Pál: Az a “rövid” 20. század. Történetpolitikai tanulmányok. MTT, Bp., 2005. 163.)

³³ Две бригады (8-я пограничная бригада и 1-я горная пограничная бригада) уже с 11 апреля 1941 г. располагались у границы и постоянно вели наблюдение.

³⁴ С 00.00 часов 22 июня 1941 г. войска VIII-го корпуса осуществляли мероприятия противовоздушной обороны. Со времени вступления Словакии в войну против СССР (25 июня 1941 г.) значительно участились воздушные операции на восточной границе. Воздушное пространство Венгрии неоднократно было нарушено советскими самолётами, главным образом, в районе перевалов Верецкеи и Татар. Некоторые из этих самолётов не только пересекали линию границы, но и многократно вели пулеметный огонь по позициям венгерской пограничной службы. Тогда еще не было человеческих жертв. Первым военным событием, повлекшим за собой смерть, явилось воздушное нападение трех одномоторных истребителей с красными звездами на бортах (вероятно, И-16) на скорый поезд, следовавший по маршруту Рахо (Рахов) – Тисаборкут. Жертвы воздушной атаки: 1 погибший, 12 раненых. 26 июня 1941 г. в 13 часов 6–8 минут был подвергнут бомбардировке город Кашша (Кошице). В результате авиационного удара 32 человека погибли, 60 были тяжело ранены, 220 человек получили легкие ранения, были повреждены 24 жилых дома, почта, дороги и сеть коммунальных учреждений, ущерб составлял около 3 млн пенё. В 13:00 часов на венгерском пункте противовоздушной обороны, расположенном в селе Херингес, было замечено авиационное звено, состоящее из трех крупных, передвигавшихся на большой скорости двухмоторных бомбардировщиков, но тип самолетов при помощи ручного бинокля определить не удалось. На самолетах были замечены только опознавательные знаки желтого цвета на крыльях и корпусе. Поднять тревогу в результате случившегося не было возможности, так как полевая телефонная связь по причине продолжительных дождей размокла, не функционировала. Три самолета пролетели на небольшой высоте прямо над городом Каша, сбросив все имеющиеся у них бомбы, и в 13:07, резко развернувшись налево, улетели. Призванные защищать город зенитные пушки из-за полной неожиданности нападения смогли сделать всего лишь несколько выстрелов, попадания в цель не было замечено, один из бомбардировщиков, однако, по всей вероятности из-за технических неполадок, сбросил бомбы бессистемно, одна из бомб упала на краю соседней деревни Эницке. Всего на Кашу и на соседнюю деревню было сброшено 29 100-килограммовых бомб, из них две не разорвались. Оба снаряда были 105-ти килограммовые, советского производства, мгновенного действия с винтовой чекой. Над Карпатами два венгерских истребителя попытались догнать удаляющееся звено, однако бомбардировщики увеличили скорость и поднялись в облака, где имевшие невысокую скорость венгерские истребители типа Fiat CR-42 с открытой кабиной не могли их преследовать. Самое близкое расстояние между ними составляло около 1000 м, но и при этом тип бомбардировщиков опознать тогда не удалось. По официальным сообщениям, поступившим из армии, боевые действия были осуществлены советскими самолетами. Эта точка зрения была принята политическим руководством. 26 июня на состоявшемся во второй половине дня заседании правительства было постановлено: «Венгрия считает себя находящейся в состоянии войны с Советским Союзом». Согласно официальной точке зрения, высказанной сразу после воздушного нападения, атаковавшие самолеты принадлежали к советским ВВС. Несмотря на это практически с самого начала существовало и такое мнение, что военная атака была осуществлена не вооруженными силами СССР, а по мнению одних – самолетами Словакии, по мнению других – самолетами вооруженных сил Германии. Бомбежки Каши являются одной из крупнейших загадок новейшей истории Венгрии, так как до сегодняшнего дня однозначно определить принадлежность или тип нападавших самолетов не удалось. С тех пор в отношении возможных ответственных за атаку лиц появилось большое количество в той или иной степени обоснованных теорий: 1) Советский Союз – намеренно; 2) Советский Союз – по ошибке; 3) Румыния; 4) немцы; 5) немецкое и венгерское командование совместно; 6) Чехия, Словакия или Югославия; 7) Венгрия сама бомбила свою территорию. Спланированное нападение со стороны Советского Союза. В отношении этой концепции, начиная с 1945 г., возникли многочисленные сомнения, а именно: 1. Авиационные бомбы советского производства часто встречались в Европе в конце 1930-х гг. Ими располагали военно-воздушные силы как

Чехословакии, так и Румынии, кроме того во время гражданской войны в Испании СССР поставил значительное количество авиационного вооружения для республиканской стороны, которое после победы сил генерала Франко было реализовано в качестве военных трофеев. Следователно, нападение могло быть направлено и из другой страны. 2. Неясен и вопрос мотива в связи с версией советской провокации. С конца 1930-х гг. Советский Союз проводил политику смягчения напряженности в отношении Венгрии для того, чтобы предотвратить её излишнее сближение с немцами. Одним из примеров этого является возвращение в марте 1941 г. боевых знамен Венгерской армии защитников Отечества (Гонведа) 1848 г., захваченных еще царскими войсками, в обмен на позволение эмигрировать в СССР арестованным руководителям венгерских коммунистов (среди них и М. Ракоши), что режим Хорти расценил как значительный жест потепления. На следующий день после нападения Германии на Советский Союз (23 июня 1941 г.) министр иностранных дел СССР В.М. Молотов информировал о случившемся посла Венгрии в Москве и заявил ему, что «у советского правительства, как оно уже неоднократно заявляло, нет претензий или агрессивных намерений по отношению к Венгрии». Донесение об этом застряло у премьер-министра и одновременно министра иностранных дел Ласло Бардоши и не попало на стол правителю регента Хорти. 3. Шокированный немецкой стратегией молниеносной войны, Советский Союз, имея на 26-е июня 1941 г. сложное положение на фронтах, очевидным образом не был заинтересован во вступлении в войну против него еще дополнительного противника, пусть и представляющего незначительную военную мощь. Бомбардировка со стороны СССР по ошибке. Существует вероятность того, что воздушный налёт осуществили советские самолеты по ошибочно выбранной цели. Находящийся севернее от г. Каша на территории Словакии, контролируемой в тот момент немецкой армией город Прешов, с воздуха и по расположению, и по очертаниям сильно напоминает Каша. К тому же во время нападения в городе работал один из важных передающих центров вермахта, который обслуживал большое количество телетайпных линий и мощную военную радиопередающую станцию. Можно предположить, что советские военно-воздушные силы намеревались уничтожить этот важный немецкий узел связи и информации, однако в то же время ближайшая военно-воздушная база, способная принять советские бомбардировщики Ил-4 (DB-3Bisz), обладавшие технической возможностью доставить количество сброшенных бомб, находилась за 1 тыс. км от Венгрии. При такой дальности полетов в условиях боевых действий может произойти навигационная ошибка, и в 50 км. Самолеты США (AF Liberator), например, в 1943 и 1944 гг. по ошибке бомбили нейтральную Швейцарию. Некоторые эксперты считают воздушную атаку, выполненную тремя средними бомбардировщиками, еще одним доказательством версии о бомбардировке со стороны СССР, так как военно-воздушные силы русских перешли на полеты принятые во всем мире звеном, состоящим из двух пар машин, только в 1943 г., после опыта воздушных боев над Кубанью. Ранее они летали только тройками. Нападение со стороны Румынии. Эта версия возникла в конце эпохи Кадара. Согласно этой версии самолеты маршала Антонеску могли совершить бомбардировку Каша. По утверждениям сторонников этой теории Румыния не хотела бы видеть значительные военные силы в своём тылу, это ставило под угрозу дальнейшую оккупацию Румынией Южной Трансильвании. С первых дней войны выступая в боевых действиях на стороне немцев, румынские войска участвовали крупными силами в нападении на Советский Союз, поскольку их целью было отвоение бессарабских территорий. Нахождение румынских войск вдали от своей территории давало возможность тогда еще не задействованной в военной кампании против СССР Венгрии занять Южную Трансильванию вооруженным путем. Для предотвращения этого вполне подходило такое провокационное нападение, которое вынудило Венгрию вступить в войну против СССР. Лет двадцать тому назад венгерский военный историк Игнац Эльведи опубликовал письмо, написанное бывшим венгерским военным летчиком Иштваном Зольчаком, жившим в Бразилии. В письме Зольчак рассказывал, что, будучи военнопленным на территории СССР, познакомился в госпитале под Казанью с румынским полковником Ионом Чернояну, занимавшим одно время высокий пост в генштабе Румынии. Однажды в споре о вступлении Венгрии в войну против СССР

полковник Чернояну упрекнул венгерского офицера: «Вы даже тогда не хотели встать рядом с Германией, когда немцы вернули вам Трансильванию. Антонеску пришлось бомбить Кошице, чтобы вы приняли участие в борьбе за Христову веру». Зольчак присутствовал при разговоре в качестве переводчика и слышал заявление Чернояну о том, что «Антонеску дал приказ о бомбардировке Кошице. Ее осуществили самолеты, поднявшиеся с военного аэродрома в Сучаве». (Ölvedi Ignác: Kassa bombázása – casus belli a Szovjetúnió elleni hadba lépéshez. In: Történelmi szemle. 1985. 2. sz. 345-346.)

Нападение со стороны немцев. Это одна из тех концепций, которые можно было исследовать при режиме государственного социализма. По предположениям Гитлеру отдал приказ о провокационной бомбардировке для того, чтобы вовлечь и Венгрию в военную кампанию на Востоке. Основным недостатком этой концепции является слабость мотивации. На четвертый-пятый день операции Барбаросса у немцев еще не было нужды в том, чтобы Венгрия присоединилась к боевым действиям, поскольку их собственные моторизованные соединения продвигались высоким темпом при минимальном сопротивлении в глубь территории Советского Союза. Совместная акция немецкого и венгерского генеральных штабов. Согласно показаниям генерала Уйсаци на Нюрнбергском процессе в 1946 г. план нападения с воздуха принадлежал немецкому воздушному аташе генералу Фюттерреру и начальнику оперативной группы Министерства обороны Венгрии генерал-майору Дежё Ласло. В соответствии с их сговором самолеты с нарисованными на них советскими опознавательными знаками подвергли бомбардировке венгерский город, расположенный вдоль восточной границы. Показания генерала Уйсаци на Международном Нюрнбергском трибунале в 1946 г. служили доказательством того, что Кашу бомбили немецкие самолеты, замаскированные под советские. Однако сам генерал лично не предстал перед судом, так что достоверность его показаний может быть подвергнута сомнению. (Письменные показания: Procès des grands criminels de guerre devant le Tribunal Militaire International Nuremberg. VII. k. Nurnberg, 1947. 335., 336.)

Чешское или югославское нападение. Согласно отдельным маловероятным гипотезам, в которые верится с трудом, марионеточное правительство одной из двух стран, оккупированных Германией, приказало напасть на Кашу с тем, чтобы помешать Венгрии отвоювать бывшие Северные и Южные территории. Учитывая низкую грузоподъемность имеющихся у Югославии самолетов британского производства Bristol Blenheim и находившихся на вооружении у чехов бомбардировщиков Avia B-71 (SB-2), производимых по лицензии советского Туполева, звено из трех самолетов не смогло бы сбросить такое количество бомб, которое было сброшено на Кашу. Так что эти теории можно считать несостоятельными. Бомбежка венграми своих территорий. Другая, распространенная во времена государственного социализма теория о бомбовом ударе по Каше, согласно которой режим Хорти в надежде на завоевание украинских территорий намеревался втянуть страну в военный поход на восток, пользуется в наши дни уже малой поддержкой. Из находящихся на вооружении венгерских ВВС двух типов средних бомбардировщиков более старый Junkers Ju 86 был бы не в состоянии осуществить такое нападение ни по скорости, ни по своей грузоподъемности, а более мощный итальянский Sargoni Ca-135 считался, однако, хорошо известным самолетом, и из-за его характерной формы его бы узнали даже гражданские лица. Другой контрдовод касается плохого выбора места. Венгерская военная авиация по причине ограничений по Трианонскому мирному договору получила возможность открыто развиваться только с 1936 г., поэтому ВВС в 1941 г. еще испытывали недостаток в пилотах. Поскольку военная база и казармы летной академии находились в Каше, даже малейшая ошибка, «закравшаяся» в провокационные бомбовые удары по Каше могла бы уничтожить резервы пополнения ВВС и преподавательского состава, поэтому выбор Каши в качестве цели «самобомбежки» должен рассматриваться как совершенно бессмысленный. Словацкое нападение. Британский профессор К.А. Макартни (С. А. Macartney) в своей обширной монографии (Október tizenötödike. A modern Magyarország történelme 1929-1945. I–II. Budapest, 2006) отмечал, что в последовавшие за бомбежкой Каши дни распространилась не только любившаяся коммунистам легенда, но и словацкий вариант, согласно которому после закончившегося победой венгров венгро-словацкого воздушного боя над Собранц, а за-

тем бомбежки аэродрома Игло, где было много погибших, 26 июня 1941 г., ведущие уже в течение суток войну против «советов» словацкие пилоты по прошествии дня заплатили за свои обиды. Петер Гостони в венгерской эмигрантской прессе писал и о том, что согласно неопубликованным частям заключенного в 1935 г. советско-чехословацкого договора, на заводах Шкода производилось не только около ста советских бомбардировщиков типа СБ-2, но также и значительное количество оружия и боеприпасов. Через несколько лет эта амуниция попала в немецкие и словацкие руки. В апреле 1941 г. югославские ВВС, в арсенале которых было более сотни самолетов, не только подвергли бомбежкам Сегед и Печ, но и около 150-ти закупленных у немцев самолетов пролетело через нашу территорию в СССР. Таким образом, ни тип самолетов, ни место производства снарядов (бомб) не могут служить точным отправным моментом для выявления тех, кто осуществил бомбежку. Посвященной бомбежкам Каши литературы, благодаря деятельности отечественных и иностранных историков, хватит уже на небольшую библиотеку. Но пока до сих пор никому не удалось со всей достоверностью доказать: «Кто же бомбил Кашу». Существовавшая до 1990 г. специальная литература по поводу бомбежек Каши состоит из двух диаметрально отличающихся частей: из западных аналитических исследований и из публикаций, появившихся в социалистической Венгрии. Эмигранты вообще отрицали концепцию венгеро-немецкого сотрудничества, в соответствии с точкой зрения венгерских исследователей это покушение можно было объяснить лишь стремлениями венгерских и немецких военных кругов. Впервые среди венгерских историков высокоавторитетный директор Института истории Венгерской Академии наук Дёрдь Ранки, в журнале «Жизнь и литература» от 21 апреля 1979 г. заявил: «Не исключено, что возможно бомбы сбросил потерявший ориентацию советский самолет, намеревавшийся нанести удар по Словакии, уже объявившей СССР войну». Проблему бомбардировок подробно рассматривает в своей книге «Кошицкая увертюра к венгерской трагедии» Юлиан Боршани. (*A magyar tragédia kassai nyitánya. Az 1941. június 26-i bombatámadás dokumentációja.* Trofenik, München, 1985.) Он отвергает возможность венгеро-немецкой конспирации, главным образом действенное венгерское участие, так как, по его мнению, не нашлось бы такого отечественного пилота, который бомбил бы «город Ракоци». На основе изучения свидетельских показаний, сравнения количеств и величин сброшенных бомб, моделей самолётов того времени и конструкций их бомбосбрасывателей он полагает вероятным советское нападение, совершённое по ошибке. Подытоживая свой опыт работы с собранной им документацией, Боршани отметил, что очевидцы дают противоречащие друг другу показания: кто-то видел два, кто-то – три, а кто-то – и четыре летательных аппарата; внешний вид и техническое описание машин также не совпадают: называли многие цвета и оттенки машин – от коричневого до жёлтого и различные опознавательные знаки; кто-то полагал, что это был одномоторный тип самолёта, исходя при этом лишь из того, чьим силам он их приписывал. Автор стремится опровергнуть, главным образом, то утверждение, что у очевидцев была возможность рассмотреть вблизи опознавательные знаки трёх самолётов. [Боршани Юлиан (1903-1992 гг.), подполковник военно-инженерных войск, в 1926 г. окончил военное высшее учебное заведение в Будапеште, затем получил диплом инженера-механика в Политехническом университете. До окончания Второй мировой войны занимался вопросами противовоздушной обороны в Венгерской армии. Летом 1941 г. назначен начальником Отдела Главного командования противовоздушной обороны страны. Весной 1945 г. демобилизовался и эмигрировал в Западную Германию. С 1951 г. по 1969 г. работал в качестве штатного сотрудника венгерского отдела радио «Свободная Европа». Под псевдонимом «полковник Белл» занимался теоретическими вопросами военной политики, исследовал обстановку и предпосылки вступления Венгрии в войну. В звании капитана Генштаба он был членом комиссии, направленной для расследования инцидента бомбардировки г. Каша]. Наиболее основательную оценку ситуации после смены общественного строя сделал военный историк Иштван Ковач, он тоже предполагал, что воздушный удар был нанесен советскими самолетами. (Kovács István: *A Kassa város ellen 1941. június 26-án végrehajtott légitámadás körülményei. Kandidátusi értekezés.* ZMNE. Bp., 1994.) Исходя из имеющихся на сегодняшний день знаний, большинство

венгерских историков склоняется к тому, что это было случайное советское нападение, но пока мы не получим новые факты из какого-нибудь всплывшего источника, будут иметь место различные предположения и версии.

³⁵ Информация о совершенном нападении могла быть доведена до дежурного Генштаба приблизительно 26 июня 1941 г. в 13.40 час. (Первое донесение было зафиксировано 1 отделом Генштаба в 13.45). Генштабу именно тогда доложили из командования расположенного в Будапеште первого зенитного корпуса, что на Кашу напали незнакомые самолеты без опознавательных знаков. Г. Верт на основе этого сделал вывод (как он и намеревался, ибо был на это нацелен), что это могли быть только советские самолеты. В досье Генштаба, непосредственно под донесением командования корпусом, можно прочитать запись в две строки: «Согласно поступившему впоследствии донесению атакующими самолетами были советские самолеты, перекрашенные в желтый цвет». Последняя запись была единственной новостью среди прочих донесений, в отношении которой не был указан ни источник, ни время получения информации. Начальник Генштаба Верт лишь на следующий день – 27 июня 1941 г., дал приказ о проведении расследования, которое, однако, было произведено только 1 июля. Таким образом, 27-го июня результат этого расследования не мог еще быть известен. Капитан Генерального штаба Юлиан Боршани был членом высланной на место событий инспекционной комиссии для выяснения ситуации вокруг бомбежек Каши. Приказ начальника Генерального штаба (строго секретно!): «Pro Domo! Для расследования случившегося в Каше необходимо выслать на место специальную комиссию с привлечением сотрудников прессы и дипломатических представительств. Нужно обязательно выяснить и подтвердить, что русские (советские) самолеты, грубо нарушив международное право, нанесли бомбовый удар по венгерской территории. Председателем комиссии должно быть непременно лицо, во всех отношениях соответствующее поставленной задаче». Подпись Генриха Верта. 1 июля 1941 г. Министерством обороны Венгрии был организован визит на места нанесения воздушных ударов для военного атташе США в Будапеште майора Ричарда К. Партриджа (Richard C. Partridge) и некоторых других иностранных военных атташе. Им показали разрушения и их фотографии. Майор просил, чтобы ему «показали осколки, по возможности с маркировкой на русском языке, но их показать не смогли» пока он там находился. Через месяц после бомбежек в Каше 27 июля 1941 г. Антал Улейн-Ревички, пресс-атташе Министерства иностранных дел, послал майору Ричарду К. Партриджу фотографию бомбы. Военный атташе США в своем донесении в июле 1941 г. писал: «Цель этой бомбежки была втянуть Венгрию в войну Германии с Россией. Я не вижу никаких возможностей подтверждения той или иной версии, однако то, как это было представлено, очень странно». «Насколько мне видится, вопрос о том, кто бомбил Кашу, остается до сих пор открытым». Так называемые «донесения Партриджа» о бомбежках Каши заставляют задуматься. Интересно, почему фотографии советских бомб и взрывных устройств были преданы гласности только через три недели после бомбежек. Возможно, причин что-либо скрывать не было, и все объясняется известной венгерской административной рутинной и медлительностью.

³⁶ Мы не располагаем документами о расследовании, либо они были уничтожены во время войны, либо они и сейчас находятся в неизвестном для исследователей и общественности месте. Отсутствие документации, а также возникшая после войны новая ситуация привели к тому, что на место более ранних утверждений – версия советского нападения – пришли иные теоретические предположения. Вначале распространилась трактовка, в соответствии в которой бомбежка города была осуществлена самолетами немецких ВВС на основе совместных планов венгерского и немецких Генеральных штабов. Эту точку зрения обосновывали в своих свидетельских показаниях на Нюрнбергском процессе вначале немецкий генерал Паулюс, затем венгерский генерал Иштван Уйсаи. В Венгрии прозвучали вначале свидетельские показания генералов Иштвана Тарнаи и Алайоша Белди, а затем и показания, приписываемые Адаму Круди, командующему аэродромом г. Каша. Якобы он опознал немецкие самолеты, но премьер-министр Ласло Бардоши скрыл донесение Круди как от главы государства, так и от парламента. Позднее генерал из Восточной Германии Рудольф Бамлер заявил, что нападение

осуществили спецслужбы Германии. (См.: Kovács István: A Kassa város ellen 1941. június 26-án végrehajtott légitámadás körülményei. Kandidátusi értekezés. ZMNE. Вр., 1994.).

³⁷ Устойчивая защита советско-венгерских границ являлась минимальной предпосылкой успеха немецких планов. В целях этого германское и венгерское военные командования последовательно координировали свои планы, хотя из-за нежелания действовать венгерских политиков об осуществлении этих планов на практике они пока еще не могли думать. 28 мая 1941 г. генерал-майор Курт Химер и Элемер Шашка [(1898–1985) – с 1 сентября 1939 г. полковник Генштаба, с 1 февраля 1941 г. по 1 мая 1942 г. – начальник 1-го отдела Генштаба] вели переговоры об ожидаемых действиях и порядке мобилизации венгерской армии. В результате этих переговоров 14 июня Шашка предоставил Химеру активный план обороны. Активизация обороны границы «О» («русской» границы) и руководство оборонительными боями была возложена на командующего VIII корпусом генерал-лейтенанта Сомбатхейи. С 18 июня 1941 г. были мобилизованы следующие формирования, участвующие в обороне границы: командование VIII корпуса, 8-ая пограничная бригада (командир: генерал Дёрдь Радовски), 1-ая горная пограничная бригада (командир Йенё Фенкль), и непосредственные войсковые и обзонные части. Узнав о нападении Германии на СССР, Сомбатхейи отдал приказ об осуществлении оборонного плана «О», то есть о закрытии советской границы. (Kun József: A német hadvezetés magyarországi politikájához, 1941 március-július : a m. kir. honvédség fővezéréhez besóztott német tábornok (P. E. Schramm) hadi naplója . Századok. 99. évf. 1965. 6. sz. 1228-1246.).

³⁸ 27 июня 1941 г. – дата, от которой исчисляется участие венгерских войск в войне Германии против СССР. В этот день самолеты венгерских воздушных сил напали на приграничные советские города, а на следующий – венгерские сухопутные войска тоже пересекли советскую границу. (Первыми перешли границу пограничные части в районе Валоца /Воловца/.) Согласно воспоминаниям капитана Генштаба Эрнё Шимонффи-Тота, перед началом военных действий у перевала Татар генерал-лейтенант Сомбатхейи «оглядел нас и с печалью на лице произнёс: Что же из этого будет, господа, что же из этого будет? И надо было нам в эту глупость впутываться? Это катастрофа, мы несёмся к своей гибели». (См.: Simonffy András: Komorzás katonái. Magvető. Вр. 1981). 28 июня Верт направил начальника оперативного отдела генерала Ласло Дежё в Закарпатье с приказом немедленно приступить к военным действиям. За этим событием стояло высказывание Сомбатхейи: чтобы начать наступление, еще необходимо время, а высказывание это возмутило начальника Генштаба. Генерал Ласло добавил к приказу: пусть даже из одного пулемёта, но огонь следует открыть незамедлительно, «нет места нерешительному выжиданию, потому что мы будем отставать по сравнению с румынами, которые уже наступают». Мобилизованные войска к 30 июня 1941 г. были готовы к марш-броску и начали передвижение к границе, их задачей являлось прикрытие флангов 17-ой немецкой армии и преследование отступающих советских войск. Выведенные в Карпаты венгерские войска с 30 июня получили название «Карпатская группа». В ее состав вошли 1-ая горная бригада и 8-ая пограничная бригада 8-го корпуса, 1-я и 2-я моторизованная и 1-ая конная бригады Подвижного корпуса. Перешедшим границу венгерским войскам сопротивление не оказывалось. Советские войска полностью освободили территорию перевала Татар и взрывами пытались задержать продвижение Карпатской группы. Ввиду того, что венгерская боевая группа не обладала достаточной технической силой, она была вынуждена полностью возложить на 2-ую моторизованную бригаду задачу преследовать советские войска до Днестра и овладеть опорами мостов на другой стороне реки. Моторизованные стрелковые подразделения уже 6 июля 1941 г. достигли Днестра, и, переправившись через реку, овладели Каменец-Подольском. Главные силы Карпатской группы достигли Днестра только 8 июля. 9 июля 1941 г. Карпатская группа прекратила свое существование, так как Подвижной корпус, входящий в ее состав до этого, продолжал воевать в подчинении 17-ой армии немецкой Южной группы войск. Оставшиеся войска, 8-ая пограничная бригада и 1-ая горная бригада, выполняли оккупационные задачи на территории рек Серет и Збруч, за счет чего была сформирована

первая Оккупационная группа. Эти войска явились первыми венгерскими оккупационными силами на территории Украины. (См.: Ungvári Krisztián: A magyar honvédség a második világháborúban. Isisir Kiadó, Bp. 2004., Andaházy Szegey Viktor: A magyar királyi gyorshadtest 1941. évi ukrajnai hadművelete. PhD-értekezés. Bp., 2009).

³⁹ В августе 1941 г. ещё ни одна венгерская войсковая часть не могла вернуться домой. Не информируя об этом премьер-министра, Верт обещал прибывшему в первых числах августа 1941 г. в Будапешт главе абвера Канарису выслать необходимое количество корпусов в подкрепление находящимся на фронте венгерским войскам. По приглашению Гитлера 7 сентября 1941 г. Хорти в сопровождении Бардоши и нового начальника Генштаба, Сомбатхейи, прибыл в ставку фюрера в Виннице. Венгерское руководство, ссылаясь на значительные потери, просило возвращения Подвижного корпуса домой. Согласно записям в дневнике генерал-полковника Франца Гальдера, с немецкой стороны это оценили как «эгоизм». Гитлер не внял просьбе, но дал обещание за счет немецких материалов укрепить Подвижной корпус и даже поставлять снаряжение.

⁴⁰ После Первой мировой войны согласно Трианонскому мирному договору от 4 июня 1920 г. Венгрия потеряла более двух третей своей территории (72% – территории были разделены между Чехословакией, Румынией и Югославией) и приблизительно две трети населения (64%). Из проживающих на аннексированных территориях 10,6 млн человек 3,2 млн (30,2%) были венграми. Из них 1,6 млн проживали в Трансильвании и других, отошедших к Румынии территориях, 1 млн – в Словакии и Закарпатье, почти полмиллиона – в Югославии. Исходя из этого, ключевой целью внешней политики Венгрии в период между двумя мировыми войнами стало как можно более полномасштабное возвращение аннексированных территорий.

⁴¹ «Принц Евгений» (нем. Prinz Eugen) – тяжелый крейсер германского флота класса «Адмирал Хиппер». Спущен на воду в августе 1938 г. на верфи «Германиверфт» (Киль). Назван в честь австрийского полководца Евгения Савойского (1663–1736). Включен в состав флота в августе 1940 г. Скорость до 32 узлов. Вооружение: 8х203-мм орудий SK; 12х105-мм зенитных орудий; 12х37-мм зенитных орудий; 28х20-мм зенитных пулеметов, а также 12 торпедных аппаратов калибра 533 мм. Корабль был оборудован катапультной для подъема самолетов и нес на борту 3 самолета Agado 196. Экипаж: от 1340 до 1548 чел. В обиходе часто именовался «Принц». 2 июля 1940 г. во время авианалета получил попадание фугасной 227-кг бомбой в палубу. В мае 1941 г. вышел в море и с линкором «Бисмарк» вошел в состав эскадры адмирала Г. Лютенса. 2 июля 1941 г. в результате авианалета получил тяжелые повреждения. В мае 1942 г. вышел в море. 23 февраля 1943 г. атакован британской подводной лодкой «Трайидент» и получил тяжелые повреждения. После выхода из доков в мае того же года в боевых действиях не участвовал и использовался как учебный корабль. В 1945 г. после раздела германского флота передан США. Использовался в качестве мишени для испытания атомных бомб на атолле Бикини. Уничтожен в ноябре 1947 г. Командиры: капитан 1-го ранга Гельмут Бринкман (август 1940–август 1942 гг.); капитан 2-го ранга Вильгельм Бек (август–октябрь 1942 гг., и.о.); капитан 1-го ранга Ганс-Эрих Фосс (октябрь 1942–февраль 1943 гг.); капитан 1-го ранга Вернер Эрхардт (март 1943–январь 1944 гг.); капитан 1-го ранга Ганс Юрген (январь 1944–май 1945 гг.).

⁴² Венгерская делегация, возглавляемая регентом М. Хорти, по приглашению Гитлера направилась в Киль в ночь на 20 августа 1938 г., формально для участия в церемонии спуска на воду крейсера «Принц Евгений», на деле – для продолжения переговоров с Германией. 21 августа супруга Хорти в военном порту участвовала в «крещении» корабля. Сам регент посетил верфи Круппа «Германия», после чего присутствовал на военном параде. Делегация находилась в Германии до 29 августа. Переговоры закончились безрезультатно: Гитлер хотел навязать Венгрии роль инициатора вооружённой агрессии в расчленении Чехословакии, но венгерские политики отклонили это, ссылаясь на якобы недостаточные военные силы и подвергли себя гневу фюрера. В венгерских архивах не сохранились документы об этих переговорах. Как показывают немецкие документы, беседа между Гитлером и Хорти носила более умеренный характер (запись о ней сделал Э. Вайцеккер, статс-секретарь германского МИДа). Гитлер заметил: «...тот, кто хочет

принять участие в еде, должен участвовать в приготовлении пищи». См.: Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2003.

⁴³ Гитлер отвел Венгрии важную роль в своих планах по расчленению Чехословакии. В сущности, он хотел, чтобы Будапешт взял на себя роль агрессора и развязыванием вооруженного конфликта создал предлог для немецкого военного вмешательства. Поэтому в ходе переговоров, состоявшихся 25 ноября 1937 г. с премьер-министром Дараньи и министром иностранных дел К. Канья, Гитлер и германское руководство объявили, что признают законными территориальные притязания Венгрии к Чехословакии, и Венгрия может рассчитывать на поддержку Германии в этом вопросе.

⁴⁴ Речь идет о соглашении в Бледе. 23 августа 1938 г. в результате проходящих с 1937 г. переговоров между Венгрией и Малой Антантой было подписано условное соглашение. Его содержание было следующим: Венгрия и страны Малой Антанты укрепляют добрососедские отношения, упомянутые страны признают равноправие Венгрии в вооружении и обе стороны взаимно отказываются от вооруженной агрессии друг против друга, упомянутые страны обязуются гарантировать права национальностей (Трианонский мирный договор, статьи 54-58.). Окончательное подписание соглашения зависело от двустороннего соглашения по урегулированию положения и гарантированию прав венгерских нацменьшинств. По этому вопросу ни тогда, ни впоследствии не удалось достичь согласия – таким образом, соглашение в Бледе так никогда и не вступило в силу. Следовательно, подписание соглашения произошло не по указанию Гитлера, ведь пока Хорти и руководимая им делегация находились в Виле, новость взорвалась, как бомба, и Гитлер буквально был в неистовстве. Германская дипломатия расценила это событие как попытку венгерских правящих кругов уклониться от военной авантюры против Чехословакии. Поэтому Риббентроп охарактеризовал их в беседе с венгерским министром иностранных дел К. Канья как трещину в германо-венгерской дружбе и отказ Венгрии от политики ревизии границ. Под германским нажимом венгерское руководство обещало не ратифицировать Бледские соглашения до достижения договоренности о положении венгерского меньшинства в Чехословакии и приняло активное участие в кампании против Чехословакии. Фактическая неудача Бледского соглашения еще удерживала Малую Антанту от распада.

⁴⁵ Первая возможность для возвращения аннексированных территорий была предоставлена Мюнхенским соглашением, в своей заключительной статье предписавшим, чтобы венгерское и чехословацкое правительства в течение трёх месяцев пришли к взаимоприемлемому соглашению по спорным территориальным вопросам и по вопросу национальных меньшинств. Венгерско-чехословацкие переговоры начались в гор. Комароме 9 октября 1938 г. Так как полностью договориться не удалось, стороны прибегли к германско-итальянскому арбитражу. По решению первого Венского арбитража, принятому 2 ноября 1938 г. в Вене, Венгрии была возвращена территория в 11 тыс. 927 км² и населением численностью 1 млн 60 тыс. человек. Согласно переписи населения Венгрии 1938 и 1941 гг. 84% населения были носителями венгерского языка, т. е. венграми, а по итогам переписи населения Чехословакии 1930 г. – только 59%. Эта огромная разница частично объясняется происшедшим за указанное время перемещением населения, а частично – за счет приспособленчества народностей с неопределенной или двойной идентичностью, а также за счет различающейся техникой переписи. Однако ни у кого не вызывало сомнений, что абсолютное большинство населения возвращенных территорий по национальности являлись венграми.

⁴⁶ Процесс расчленения Чехословакии не закончился осенью 1938 г. Опровергая данные им ранее обещания, Гитлер стремился к полному уничтожению чехословацкого государства. Поэтому при подстрекательстве Германии словацкие территории 14 марта 1939 г. провозгласили свою независимость. Одновременно с этим германские войска вторглись на западные территории страны, которые стали частью германской империи и были объявлены «Протекторатом Богемия и Моравия». В течение последующих дней Венгрия – с одобрением Германии – заняла Закарпатье. Величина этой территории составляла 12 тыс. км², а население – около 700 тыс. человек. Однако в отличие от террито-

риальных приобретений 1938 г., подавляющее большинство живущих здесь признавало себя не венграми, а русинами (72%). Доля носителей венгерского языка составляла не более 10% (венгерские данные 1941 г.), или не более 5% (чехословацкие данные 1930 г.).

⁴⁷ Венгрия 30 августа 1940 г. в качестве цены за Второе Венское арбитражное соглашение подписала датированный тем же днём протокол, содержащий венгерско-немецкое соглашение о меньшинствах (так называемое Венское соглашение о народностях), которое обеспечивало Фольксбунду (Volksbund der Deutschen in Ungarn) особые права и практически делало его государством в государстве. На самом деле соглашение не только ущемляло суверенитет Венгрии, но также означало и конец борьбы за национальные права, которую вело немецкое меньшинство. Немецкое правительство склоняло Румынию к подписанию такого же соглашения в отношении проживающего там немецкого меньшинства.

⁴⁸ В рамках венгеро-немецкого экономического соглашения от 20 июля 1940 г. Венгрия обязалась поставить в Германию 200 тыс. т пшеницы и кукурузы, а также 100 тыс. т прочих кормов. В начале войны немцы инициировали в первую очередь поставки сельскохозяйственной продукции и сырья, необходимого для военной промышленности.

⁴⁹ Стояи, Деме (1883–1946) – венгерский военный и государственный деятель, дипломат; генерал-лейтенант (1935). Уроженец Вершеца. Участник Первой мировой войны; полковник. С июля 1920 по 1925 гг. начальник 2-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. В 1925–1933 гг. военный атташе в Берлине. В 1935–1944 гг. венгерский посланник в Берлине. Проводил выраженную прогерманскую политику. С 23 марта по август 1944 гг. премьер-министр правительства Венгрии. В апреле 1945 г. бежал в Германию. Взят в плен американскими войсками. В октябре 1945 г. передан венгерским властям. Осужден Народным трибуналом к смертной казни. Расстрелян в Будапеште.

⁵⁰ Во второй половине дня 27 марта 1941 г. Стояи по поручению Гитлера вылетел в Будапешт к Хорти. Гитлер в своем письме обещал исполнение венгерских территориальных притязаний. Он возложил на регента принятие решения по соответствующим военным распоряжениям, но отметил, что верховное командование вермахта в течение 24 часов свяжется по этому вопросу с венгерским военным руководством. На следующий день у Хорти было проведено совещание, на котором присутствовали Телеки, Бардоши и двое военных – Барта и Верт. Ситуация была драматической, Телеки пытался удержать Хорти от изъятия безоговорочного сотрудничества. В конце концов, учитывая Тройственный пакт, было решено разрешить продвижение немецких войск по стране и использование венгерских военно-воздушных баз. Было решено также объявить о венгерском военном участии в вооруженных действиях против Югославии, предоставив условия этого участия Верховному оборонному совету для вынесения решения в кратчайший срок. 28 марта Стояи вылетел в Берлин и немедленно передал Гитлеру ответ Хорти.

⁵¹ Паулюс, Фридрих Вильгельм Эрнст (1890–1957) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1943). Участник Первой мировой войны. После начала Второй мировой войны участвовал в нападении на Польшу (начальник штаба 4-й армии) и разгроме Франции (начальник штаба 10-й армии, позже переименованной в 6-ю). В сентябре 1940 – январе 1941 гг. в качестве первого обер-квартирмейстера (заместителя начальника) Генерального штаба сухопутных войск – один из разработчиков плана «Барбаросса». С 1942 г. командовал 6-й армией на германо-советском фронте, осуществлял общее руководство группировкой немецких войск, окруженной в ходе Сталинградской битвы. 31 января 1943 г. сдался советским войскам. Находясь в плену, в 1944 г. вступил в антифашистский Союз немецких офицеров, а затем вошел в состав Национального комитета «Свободная Германия». В 1946 г. выступал свидетелем советского обвинения на Нюрнбергском процессе. С 1953 г. проживал в ГДР.

⁵² Генерал-квартирмейстер ОКВ генерал-лейтенант Ф. Паулюс, прибыл в Будапешт из Вены 30 марта 1941 г. Его принимали Верт и Ласло Дежё, без ведома на то премьер-министра и министра иностранных дел. Верт даже предложил, чтобы венгерское военное руководство подчинило себя управлению ОКВ, в дальнейшем это было отклонено и Гитлером, и Хорти. Паулюс сообщил Верту, что в целях более тесного сотрудничества в ближайшие дни в Будапешт придет немецкий штаб связи во главе с генерал-майором

Химером. После переговоров Паулюс якобы нанес визит Хорти. См.: В настоящем сборнике – документ № 10.

⁵³ К концу 1940 г. Югославия оставалась единственной соседней страной, на которую еще в какой-то мере могла полагаться все более теряющая свою самостоятельность венгерская внешняя политика. Именно с такими надеждами был подписан 12 декабря 1940 г. в Белграде т.н. югославо-венгерский договор «о постоянном мире и вечной дружбе», не затрагивающий на тот момент неактуальный пограничный спор между двумя странами. Между тем сближение между Югославией и Венгрией было лишь непродолжительным. После антигерманского политического переворота 27 марта 1941 г. в Белграде Гитлер принял решение о вторжении в Югославию, и в этом наряду с Болгарией и Италией претендовал на участие Венгрии. Вследствие этого альтернатива, возникшая перед премьер-министром П. Телеки и всей венгерской политикой, заключалась в следующем: либо уступить требованиям Гитлера и этим завершить ревизию, однако потеряв остатки благосклонности Запада, либо противостоять этому требованию, подвергнув страну опасности германской оккупации, но вместе с тем сохранить расположение союзников. 2 апреля Лондон предупредил Будапешт, что если германские войска с территории Венгрии совершат агрессию против Югославии, то Лондон прервет дипломатические отношения с Венгрией. Для премьер-министра решение югославской дилеммы оказалось трагедией. В ночь на 3 апреля 1941 г. П. Телеки застрелился. Свой поступок он предопределял как предупреждение, однако уже невозможно было направить ход событий в другое русло. Будучи связанным определенными формальными условиями, перед смертью и он отдал свой голос за присоединение к вторжению, и это одобряли Хорти и Бетлен. Венгерская армия 11 апреля перешла границу – после того, как накануне в Загребе была провозглашена самостоятельность Хорватии, вследствие чего Югославия перестала существовать. Несмотря на то, что несколько венгерских частей вступили в перестрелку с отступающими сербскими военными, из-за быстрого развала многонациональной югославской армии нигде не пришлось преодолевать сильное сопротивление. За присоединение к военному участию Венгрии была возвращена Бачка и территория треугольного изгиба комитата Бараня и долина реки Муреш – всего 11,5 тыс. км². Согласно венгерским данным, из населения возвращенных территорий численностью в 1 млн 30 тыс. человек доля венгров составляла 39%, немцев – 17% и южных славян – 38%. Однако по данным югославской переписи, доля венгров составляла лишь 30%, вместе с тем доля южных славян совместно превысила 43%.

⁵⁴ Накануне и в ходе Второй мировой войны ключевая концепция выстраивания оборонной системы Венгрии (с учетом возвращенных за этот период территорий) основывалась на том, чтобы во всех возможных планах руководствоваться преимуществом естественной защиты страны – хребтами Карпатской гряды. Осенью 1940 г. для изучения занятой немцами линии Мажино и бельгийской системы укреплений была направлена смотровая комиссия из пяти человек, состоящая из специалистов 7-го (технического) отдела Министерства обороны и отделения фортификаций во главе с подполковником Гезой Палета. В конструкторской группе отделения фортификаций горячо взялись за работу, и за осень–зиму 1940 г. под руководством полковника Теофила Хароши был закончен план целостной системы укреплений, объединивший в единую фортификационную систему всю территорию Восточных Карпат полностью. Тогда и появилось впервые название «линия Арыпада». Организационные распоряжения начальника Генштаба армии на 1941 г. предписывали создание т.н. Фортификационного командования, которое подчинялось начальнику Генштаба. Фортификационное командование – наряду с уже строящимися в Закарпатье оборонными сооружениями – контролировало все работы по воздвижению подобных «крепостей» в Восточных Карпатах. Конечной целью являлось создание на возвращенных карпатских участках границы целостной, но проходящей не по границе и основанной на преграждающих горные проходы укреплениях активной оборонной системы. Военное руководство Венгрии, несмотря на свои скудные финансовые ресурсы, очень хорошо снабжало материальными средствами Фортификационное командование. С 1 июля 1939 по 30 декабря 1940 г. Министерство обороны Венгрии выделило на строительство оборонных сооружений 14,2 млн пэнгё, что на 10 млн пэнгё

превысило всю сумму, направленную за аналогичный период 1937–1938 гг. на строительные нужды. В 1941 г. на эти цели было направлено еще 6,8 млн, в 1942 г. – уже 19 млн пенгё (это были огромные суммы, т.к. в 1938 г. 1 пенгё равнялся 4,4 долларам США). Центром фортификационных работ был Чоп, но с течением времени были сформированы новые отделения командования (напр. Дьердосентмиклош, Дэш). Оборона по сути складывалась из трех выстроенных линий. (У горных отрог Карпат была сооружена позиция Хуняди, вдоль первоначальных границ страны – позиция Сент-Ласло, а по направлению к внутренним равнинам страны – линия Арпада). Линия Арпада – хотя ее строительство не закончилось – протянулась от перевала Ужог до расщелины Ойтози в общей сложности на 780 км. Ее строительство, начиная с формирования, прежде всего, инфраструктуры, развернулось уже в 1940 г., разумеется, при соблюдении строжайшей секретности. В 1943 г., после Сталинградской битвы, темпы строительства ускорились. А в начале 1944 г. были сооружены позиции Хуняди и Сент-Ласло. В 1938–1940 гг. на возвращенных территориях были развернуты и значительные строительные работы. Необходимо было отстраивать вновь многие автомобильные и железные дороги, мосты, однако эти расходы компенсировались не Министерством обороны, а за счет бюджета Министерства торговли и транспорта. Например, в 1941 г. на строительство дорог и мостов общего сообщения было направлено 138 млн пенгё, а в 1942 г. на строительство транспортных линий было израсходовано 36,7 млн пенгё. Rakaczkzy István – Rusz Ferenc: Magyar katonai erődítések a Keleti-Kárpátokban. Göd, 2009.

⁵⁵ В начале 1940 г. правительство дало разрешение на прохождение немецких войск по территории страны в Румынию. 8 октября началось продвижение немецких войск через Венгрию. Железные дороги Венгрии все чаще предоставлялись для осуществления немецких военных целей.

⁵⁶ 23 июня 1941 г. Совет министров Венгрии принял решение о разрыве дипломатических отношений с СССР. Именно Бардоши внес предложение порвать дипломатические отношения с Советским Союзом, а когда министр внутренних дел Ф. Керестеш-Фишер бросил реплику: «Не так быстро», то премьер-министр возразил: «Чем быстрее, тем выгоднее». Более того, венгерское правительство пошло на этот шаг после того, как венгерскому посланнику Криштоффи в первый же день войны было официально заявлено в Москве, что СССР не имеет никаких претензий к Венгрии и желает видеть ее нейтральной. Когда 22 июня немецкий посол в Будапеште передал регенту письмо Гитлера, Хорги сказал: «22 года я ждал этого дня. Я счастлив. Человечество через столетия будет благодарить фюрера за этот день».

⁵⁷ Согласно Трианонскому мирному договору в распоряжении венгерской армии не должно было быть Генерального штаба, поэтому его функции выполняло VI управление Министерства обороны. С 1922 г. структура Министерства обороны складывалась следующим образом. Наряду с министром обороны в ней появился Главнокомандующий венгерской армией. В рамках министерства действовало три главных управления: а) начальник главного военно-административного управления (три управления); б) начальник главного гражданского управления (два управления); в) начальник главного военного управления (два управления). К третьему главному управлению относились управления VI/A и VI/B. В 1925 г. Министерство обороны подверглось реорганизации и с 1 января 1926 г. действовало со следующими изменениями. Было упразднено Главное военное управление, таким образом, под непосредственное руководство министра обороны попало VI управление и вновь созданное самостоятельное управление военной подготовки. Высшее руководство армией солдаты между собой называли «тройцей». Это были министр обороны, главнокомандующий армией и начальник Генерального штаба (начальник VI управления Министерства обороны). Данная руководящая структура содержала в себе возможности для несогласия по многим вопросам трех «самостоятельных» уровней руководства, и для того, чтобы на повестке дня постоянно оставались спорные вопросы. Просто уточнить сферу деятельности было невозможно. Министр обороны в принципе отвечал за удовлетворение материальных нужд, за военно-административную деятельность, на него также была возложена политическую ответственность. Главнокомандующий армией направлял и руководил военной подготовкой,

принимал решения по оценке профессиональной пригодности высшего командного состава, являлся высшей дисциплинарной инстанцией. Начальник Генерального штаба отвечал за сохранность границ страны. То есть ему было необходимо решать задачи военного руководства – в отличие от двух других руководителей. Лично они не были в подчинении друг друга, действовали координированно, и над ними стоял лишь верховный военачальник – регент М. Хорти.

⁵⁸ Верт был назначен начальником Оперативного отдела Генштаба 1 января 1923 г. и в этой должности он работал до 4 января 1926 г.

⁵⁹ Деятельность Верга и остальных опытных офицеров Генштаба была необходима для находящейся в процессе организации Национальной армии. После подписания Трианонского договора венгерское правительство надеялось, что при поддержке Антанты сможет своими вооруженными силами выступить против находящихся под угрозой большевизацией румынской и чехословацкой систем и их армий, принуждая этим великие державы к изменению договора. Генштабом был разработан план северных и восточных операций под кодовым названием «Пробуждение» и «Рассвет». По предложению Генштаба был изменен и круг полномочий регента. В случае нападения на страну регенту – с последующим запросом согласия на это совета министров и парламента – дано было право приказывать незамедлительное применение армии за пределами границ страны. Закон XVII от 1920 г. гласил: «...в случае непосредственной угрозы опасности, регент может издать приказ об использовании армии за пределами своих границ под ответственность правительства и необходимости незамедлительного запроса последующего одобрения Народного собрания».

⁶⁰ Янки де Булчи, Кочард (1868–?) – венгерский военный деятель, генерал кавалерии. Участник Первой мировой войны, за победу у Колки награжден орденом Марии Терезии. Затем командир бригады. В 1922–1925 гг. начальник Главного военного управления Министерства обороны. С ноября 1925 по май 1930 гг. главнокомандующий венгерской армии. С 1927 г. член Верхней палаты. В 1930 г. по собственному желанию ушел в отставку.

⁶¹ Рёдер, Вилмош (1881–1969) – венгерский военный деятель, генерал пехоты (1933). Участник Первой мировой войны. С 1920 по 4 ноября 1922 гг. начальник Оперативного отдела Министерства обороны. 26 мая 1930 г. был назначен начальником VI управления Министерства обороны. В 1930–1934 гг. положил начало развитию армии, однако из-за разногласий с премьер-министром Дюлой Гёмбёшем ушел в отставку. С 12 октября 1936 по 14 мая 1938 гг. министр обороны в правительстве Калмана Дарани. Участвовал в разработке т.н. «Дьёрской программы» (по развитию армии). Вместе с другими членами правительства Дарани в 1938 г. покинул свой пост. После этого присоединился к оружию Иштвана Бетлена, выступавшего против вступления в войну. Участвовал на заседании Коронного Совета 10 сентября 1944 г., где высказывался за заключение перемирия. Во время режима нилашистов скрывался, а после занятия столицы советскими войсками добровольно сдался. Несмотря на то, что в 1945 г. его признали «проверенным», позже его лишили пенсии и выселили на периферию.

⁶² Сенткерестеш (до 1922 г. – Рейзнер), Генрих (1887–1935) – венгерский военный деятель, полковник. Один из создателей венгерского воздушного флота. Участник Первой мировой войны. Затем сотрудник 2-го отдела VI Главного управления Министерства обороны, поддерживал связь с резидентом британской спецслужбы в Вене. С 1 сентября 1921 по 1927 гг. сотрудник отдела «Д», а с 1928 г. – отдела «Б» Президентского управления Министерства обороны. В 1931–1932 гг. эксперт по авиации на конференции по разоружению в Женеве. В 1924–1931 гг. заместитель начальника Авиационного управления.

⁶³ Хомлок (до 1930-х годов – Холмок), Шандор (1892–1963) – венгерский военный деятель, генерал-лейтенант (1944). Участник Первой мировой войны. После войны вступил в Национальную армию, до 1921 г. сотрудник Военной канцелярии регента. В 1921–1923 гг. слушатель Военной академии. В 1923–1927 гг. нет данных. С 5 декабря 1927 по 16 апреля 1934 гг. военный атташе в Париже. С 1 мая 1935 г. сотрудник 5-го отдела VI Главного управления Министерства обороны, затем 5-го отдела Генерального

штаба. С марта по май 1940 г. сотрудник 2-го отдела Генерального штаба. С 1 мая 1940 по 1 ноября 1944 гг. военный атташе в Берлине, в то же время периодически исполнял обязанности военного атташе в Стокгольме, в Берне, в Хельсинки. В конце 1944 г. был интернирован немцами. После войны не возвращался в Венгрию, эмигрировал, умер в Нью Йорке.

⁶⁴ Так в документе, речь идет о генерал-полковнике Ф. Сомбатхейи. Сомбатхейи, Ференц (1887–1946) – венгерский военный деятель; генерал-полковник (1941). Участник Первой мировой войны. С 1936 г. начальник Военной академии Св. Людовика. С 1938 г. заместитель начальника Генштаба венгерской армии. С 15 января 1939 г. командир VIII армейского корпуса; с 1 июля 1941 г. командовал корпусом на советско-германском фронте. С 1 августа 1941 г. командующий «Карпатской группы». С 6 сентября 1941 г. начальник Генштаба венгерской армии; выступал против посылки венгерских войск на советско-германский фронт. В октябре 1944 г. арестован пришедшими к власти нацистами во главе с Ф. Салаша за саботаж военных действий против Красной армии. В мае 1945 г. освобожден из заключения. В ноябре 1945 г. арестован. В марте 1946 г. приговорен к 10 годам тюрьмы. В сентябре 1946 г. передан властям Югославии, где казнен как военный преступник по обвинению в организации в январе 1942 г. массовых расправ над сербским населением в оккупированной Воеводине. В 1994 г. реабилитирован венгерским (но не югославским) судом.

⁶⁵ Хохенбургер де Лека, Антал (1889–1937) – венгерский военный деятель, полковник Генштаба. После Первой мировой войны работал в Оперативном отделе Министерства обороны. С 1924 по 1 мая 1929 гг. заместитель руководителя Военной канцелярии регента. Затем сотрудник 2-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. В 1930–1935 гг. военный атташе в Вене.

⁶⁶ Так в документе, речь идет о Ф. Димеши. Димеши (до 1932 г. – Гросс, до 1939 г. – Гимеши), Фридеш (1890–1974) – венгерский военный деятель, генерал-лейтенант (1942). Участник Первой мировой войны. С сентября 1924 г. по май 1928 г. сотрудник 1-го отдела VI Главного управления Министерства обороны, затем преподаватель Военной Академии. С мая 1931 г. по 15 августа 1933 г. сотрудник 1-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. С марта 1940 г. по август 1942 г. начальник штаба 3-й венгерской армии, с августа 1942 г. по август 1943 г. командир V армейского корпуса, затем начальник Управления по снабжению Министерства обороны. С 1 февраля 1945 г. в отставке.

⁶⁷ Фюлеки, Дежё (1887–1975) – венгерский военный деятель, генерал-лейтенант (1939). Участник Первой мировой войны. С апреля по июнь 1919 г. в румынском плену, затем сотрудник отдела 1/а Верховного командования. До 1927 г. сотрудник Министерства обороны. С декабря 1927 г. начальник Отдела «Б» Президентского управления Министерства обороны. С 1932 г. на командных должностях в армии. С 1 февраля 1942 г. в отставке.

⁶⁸ Олдяи де Олдя, Карой (1887–1956) – венгерский военный деятель, генерал-лейтенант (1942). Участник Первой мировой войны. С апреля по август 1919 г. находился в подчинении Главного командования Красной армии. Затем сотрудник Верховного командования и отдела тыла «скрытого Генштаба» Министерства обороны. В 1924–1928 гг. преподаватель Военной Академии. С 1930 г. на командных должностях в армии. С 2 октября 1941 г. командующий венгерской оккупационной армией на Украине («Карпатская группа»). С 10 февраля по 1 апреля 1942 г. командующий т.н. «Восточных оккупационных групп». С июля 1942 по январь 1943 гг. председатель Верховного военного трибунала. С 1 февраля 1943 г. в отставке. После войны до 1952 г. жил в Германии, затем в США.

⁶⁹ Лакатош фон Чикентшимон, Геза (1890–1967) – венгерский военный и политический деятель; генерал-полковник. Участник Первой мировой войны. В 1923–1927 гг. сотрудник 1-го отдела, затем до 1936 г. 4-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. В 1928–1932 гг. военный атташе в Праге (Чехословакия). В 1940–1941 гг. начальник штаба 1-й венгерской армии. С 1 августа 1941 г. командир VIII армейского корпуса. С 1 мая 1943 г. командующий венгерской оккупационной армией на Украине. С 1 апреля 1944 г. командующий 1-й венгерской армией в составе группы армий

«Северная Украина». С 30 августа по 15 октября 1944 г. премьер-министр (министр-президент). Смещен в результате военного переворота Ф. Салаши и арестован гестапо. С апреля 1945 г. по январь 1946 г. помещён под домашний арест. В 1965 г. с разрешением венгерских властей уехал в Австралию к дочери.

⁷⁰ Ласло, Дежё (1892–1949) – венгерский военный и политический деятель; генерал-полковник (1944). Участник Первой мировой войны. В 1925–1929 г. сотрудник 1-го отдела, затем до 1928 г. 2-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. В 1936 и с 1 ноября 1938 по 1 февраля 1941 г. начальник 1-го (оперативного) отдела Генштаба венгерской армии; принимал активное участие в подготовке войны против СССР. С 1 марта 1941 г. начальник Оперативного управления Генштаба. С 1 ноября 1941 по 15 мая 1943 г. начальник Академии Генштаба, затем командовал VIII армейским корпусом. С мая 1944 г. заместитель начальника Генштаба венгерской армии. В октябре 1944 г. назначен командующим 1-й армии. В мае 1945 г. арестован. В 1949 г. венгерским народным судом приговорен к смертной казни; повешен.

⁷¹ Киш де Балашфалва, Ласло (1885–1972) – венгерский военный деятель, генерал-лейтенант (1939). Участник Первой мировой войны. С 1918 г. сотрудник Министерства обороны, с 1920 г. Оперативного отдела, затем до 1925 г. сотрудник 1-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. С мая 1933 по январь 1936 г. начальник 3-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. С 1938 г. по август 1941 г. командир 3-й смешанной бригады, затем III армейского корпуса. В ноябре 1941 г. отправлен в отставку.

⁷² Димеши (до 1932 г. Гросс, до 1939 г. Гимеши), Ернё (1888–1957) – венгерский военный деятель, генерал-лейтенант (1941). Участник Первой мировой войны. В 1920 г. сотрудник Оперативного отдела. С 1922 по сентябрь 1926 гг. сотрудник 1-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. С 1930 г. служил на командных должностях в армии. С января 1939 по декабрь 1940 г. командир 6-й пограничной бригады. С февраля по май 1942 г. председатель Верховного военного трибунала. С мая 1942 по май 1943 г. командир VII армейского корпуса, затем снова председатель Верховного военного трибунала. С ноября 1943 г. в отставке. После войны его признали «проверенным». С 1948 по 1956 г. задержался в тюрьме.

⁷³ Малая Антанта – военно-политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1920–1921 гг. в целях сохранения статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе, сложившегося после окончания Первой мировой войны. Была связана с рядом других государств Восточной Европы, располагала значительными вооруженными силами. Заключение Мюнхенского соглашения 1938 г. положило конец существованию Малой Антанты.

⁷⁴ В 1921–1924 г. он опубликовал серию статей под названием «Размышления о мировой войне», где подробно анализировал недавно закончившуюся войну, и высказал свое мнение о причинах поражения. Он считал, что главной причиной провала было то, что политики и военные двигались по двум отдельным дорогам. Однозначно возлагал ответственность на политиков за то, что они не смогли дипломатическим путем и необходимым образом повернуть военные успехи на пользу страны и ждали, пока положение на фронтах станет безнадежным.

⁷⁵ Так в документе, речь идет о венгерском государственном деятеле Л. Хегедюше. Хегедюш, Лорант (1872–1943) – министр финансов, профессор, писатель-экономист, член Венгерской Академии наук. Свою карьеру начал в Министерстве финансов, затем с 1896 по 1902 г. изучал эмиграционные дела в Америке. В 1898–1918 г. депутат парламента. Председатель Национальной ассоциации венгерских промышленников, директор Венгерского коммерческого банка. С 16 декабря 1920 по 27 сентября 1921 г. министр финансов. Занимал пост министра финансов, имея детально разработанную, согласованную с представительными органами стабилизационную программу. И Хорти, и Телеки приняли его программу, основанную на трех столпах: создать сальдо бюджета, увеличить покупательную способность венгерской короны и обуздать инфляцию. Поручение он принял сроком на год, в надежде на то, что этого времени будет достаточно для реализации своих идей. Однако в 1921 г. из-за краха реформы подал в отставку.

⁷⁶ Венгерское военное руководство в начале октября 1938 г. разработало сценарий мирного воссоединения земель. Согласно ему на воссоединенных территориях расположились 4 корпуса венгерской армии: II корпус – на территории Чаллокéза и Матюшфéлда; I корпус – вдоль берегов рек Тарам и Иполь, а также на западных частях Гёмёра; VII корпус – на территориях Гёмёра, Кашшы (Кошице) и Бодрогкёза; VI корпус – на территории воссоединенного Закарпатья. Подавляющее большинство местного населения встречало входящие армейские корпуса проявлением искренней и бурной радости.

⁷⁷ Браухич, Вальтер Генрих Альфред Герман фон (1881–1948) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). Уроженец Берлина. Сын генерала кавалерии. Воспитывался при императорском дворе; паж королевы. Окончил Военную академию (1912). Участник Первой мировой войны; воевал на Западном фронте; офицер генштаба, майор. После демобилизации армии остался служить в рейхсвере. В 1931 г. получил звание генерал-лейтенанта, командовал артиллерийским соединением. С 1932 г. – генерал-инспектор артиллерии, с 1933 г. командовал 1-м военным округом в Кенигсберге. С 1937 г. командующий 4-й армейской группой. 4 февраля 1938 г., после отстранения генерала Фрича назначен командующим сухопутными войсками. После провала наступления на Москву был уволен в запас 19 декабря 1941 г. На следующий же день вылетел на родину.

⁷⁸ Кейтель, Вильгельм Бодевин Густав (1882–1946) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны. В марте 1915 г. получил назначение в Генштаб. Летом 1931 г. по программе обмена посетил СССР в составе германской военной делегации. В октябре 1933 г. назначен командиром 11-й пехотной дивизии в Потсдаме. В августе 1935 г. назначен на пост начальника военно-политического управления Военного министерства. С 4 февраля 1938 г. начальник штаба Верховного главного командования вооруженными силами Германии (ОКВ). После провала заговора 20 июля 1944 г. руководил мероприятиями по ликвидации участников покушения на фюрера. 8 мая 1945 г. вместе с генералом Г. Штумпфом и адмиралом Г. Фридебургом в присутствии представителей СССР подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. Казнен в Нюрнбергской тюрьме.

⁷⁹ 4 июля 1939 г. Верт прибыл в Берлин для ознакомительного визита, где 5 июля его принял даже Гитлер. Записей этой личной беседы не осталось. Большую часть своего пребывания Верт провел в обществе начальника Генштаба ОКХ генерал-полковника Ф. Гальдера, который конфиденциально сообщил ему, что Германия собирается решить польский вопрос военным путем. В ходе плотной программы Верту были показаны укрепления по линии Зигфрида в Саарбрюккене. Под впечатлением увиденного он сказал Иштвану Уйсаси: «Друг мой, мы должны быть в хороших отношениях с этим народом. Нет такой силы, которая бы победила эту страну!» (Начальника венгерского Генштаба в поездке сопровождали полковник Иштван Уйсаси и адъютант начальника Генштаба Капой Барталиш). См.: Vallomások a holtak házából. Ujszászy István vezérőrnagynak, a 2. vkf. osztály és az Államvédelmi Központ vezetőjének az ÁVH fogságában írott feljegyzései. Szerk.: Haraszi György. Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára – Corvina. Bp., 2007.371–374.

⁸⁰ Уйсаси, Иштван (1894–?) – венгерский военный и политический деятель, генерал-майор (1942). Окончил Императорскую и Королевскую Военную академию в г. Мёдлинг. С 1 ноября 1930 г. помощник венгерского военного атташе в Париже. С 15 апреля 1931 по 1 мая 1934 г. военный атташе в Варшаве, с 16 июня 1934 г. – в Праге. С 1 февраля 1938 по 1 мая 1939 гг. сотрудник 2-го отдела Генштаба (разведка, контрразведка). С 1 мая 1939 по 1 августа 1942 гг. начальник 2-го отдела Генштаба. С 1 июля 1942 по 28 марта 1944 гг. руководитель Управления государственной безопасности. В октябре 1944 г. после военно-государственного переворота Ф. Салаша арестован гестапо. После неудачной попытки вывести Венгрию из войны, получил убежище в шведском посольстве. 18 января 1945 г. обвинен в измене и понижен в звании, затем объявлен дезертиром. В начале 1945 г. в Будапеште задержан органами советской контрразведки и доставлен в Москву. Содержался в Бутырской тюрьме, в лагере для военнопленных № 27 в Красногорске и др. В августе 1948 г. МВД СССР был передан венгерскому правительству как неамнистированный военный преступник. (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 240. Л. 40–50). В имеющейся в РГВА учетной карточке сказано:

«Уйсаси Штефан Эмерих, сдался добровольно в плен, содержался в лагере № 27, Бутьрской тюрьме, центральном госпитале МВД, на спецобъекте № 5, 8 августа 1948 г. передан в лагерь органов репатриации № 36, г. Сигет». Летом 1948 г. – по всей вероятности – по запросу руководства формирующегося Отдела государственной безопасности венгерской полиции (АВО) доставлен в Будапешт. На сегодняшний день ни причина, ни точная дата его смерти, ни место погребения неизвестны.

⁸¹ Гальдер, Франц (1884–1972) – военный деятель; генерал-полковник (1940). Участник Первой мировой войны. После отставки генерал-полковника Бека в 1938–1942 гг. начальник Генерального штаба сухопутных войск. Осенью 1942 г. отстранен от должности ввиду разногласий с Гитлером в основном по оперативно-тактическим вопросам. В 1944 г. арестован по обвинению в участии в антигитлеровском заговоре 20 июля 1944 г. и до конца войны находился в концлагере Дахау, откуда 21 апреля 1945 г. был освобожден американскими войсками.

⁸² В своих показаниях под названием «Предпосылки войн 1941 г. против Югославии и СССР», датированных 1-м сентября 1948 г., И. Уйсаси писал, что германский военный атташе полковник Гюнтер Краппе передал Верту письмо Гальдера. Это подтверждается и свидетельскими показаниями генерала в Нюрнберге, вместе с тем кроме Уйсаси, об этом никто не «информировал».

⁸³ См. документ № 9 (протокол допроса генерал-полковника Г. Верта от 4 апреля 1952 г.). Речь идёт о встрече регента М. Хорти с А. Гитлером, которая состоялась 24 апреля 1941 г. в Мёнихкирхене. Из сведений косвенных источников со всей очевидностью можно сделать вывод, что Гитлер просил понимания регента по вопросу о Банате. (Верховное командование Германии не допускало вступления венгерских войск на территорию Баната – во избежание ожидаемого из-за этого всплеска румыно-венгерского конфликта). Несомненно, он намекал и на предстоящую войну с СССР. На этой встрече Хорти заявил, что является «ветераном борьбы с большевизмом».

⁸⁵ 19 июня 1941 г. по пути из Румынии в Венгрию прибыл начальник Генштаба ОКХ, генерал-полковник Франц Гальдер. В маташфёльдском аэропорту его встречал Х. Верт, в сопровождении которого был и Уйсаси. Гальдер официально сообщил венгерскому Генеральному штабу о том, о чем они уже и сами догадывались на основании разведывательной информации и докладов послов, а именно: Германия готовится к военному решению советского вопроса. О характере этих переговоров можно судить по записке, составленной Вертом для правительства Бардоши. В ней говорилось, что, как заявил Гальдер, «немцы решат русский вопрос» вооруженным путем «в ближайшее время (примерно на протяжении этой недели)». Уйсаси в своих записках, отойдя от истины, утверждает: Верт договорился с Гальдером о том, чтобы венгерская армия двигалась вдоль Карпат – с заданием привлечь на себя как можно больше сил. Однако это не соответствует действительности. Совсем наоборот, немецкий генерал подчеркнул, что было бы хорошо, если бы Венгрия лучше обеспечивала линию на Карпатах, а сейчас же не принимала никаких таких мер, которые могли бы вызвать «тревогу у русских» и помешать немецким военным перевозкам по венгерской территории. Он предупредил также о том, что если германскому командованию понадобятся железнодорожные линии, ведущие через Карпаты, то их придется передать в его распоряжение. Кроме того, Гальдер поставил вопрос о необходимости построить на территории Венгрии немецкие радиостанции. Когда это понадобится, многозначительно сказал Гальдер, то начальник Генштаба венгерской армии будет оповещен через специального немецкого представителя в Будапеште генерала Гимера. См.: Пушкаш А. И. Соучастие Венгрии в нападении на СССР. // Крестовый поход на Россию: Сборник статей. М., Язуа, 2005.

⁸⁶ См. док. № 10 (протокол допроса генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса от 12 января 1946 г.).

⁸⁷ Канарис, Вильгельм Франц (Wilhelm Franz Canaris; 1887–1945) – один из руководителей германской военной разведки; адмирал. Уроженец Аплербэка. Казнен в концлагере Флоссенбург.

⁸⁸ В венгерской армии, как и в ряде некоторых европейских государств (напр. Во Франции, Польше и др.), ведением военной разведки занимался 2-й отдел Генерального шта-

ба. Как и другие страны, проигравшие в Первой мировой войне, Венгрия первоначально не имела права содержать Генеральный штаб, ни вести разведку, ни аккредитовать военных атташе в иностранных столицах. Обязанности Генштаба были возложены на 6-е Главное управление Военного министерства, в котором ведение разведки было поручено 2-му отделу. В 1932 г., когда острота вопроса с соблюдением наложенных Версальским мирным договором ограничений сгладилась, в Венгрии официально был создан Генеральный штаб. Автоматически разведывательный отдел вошел в его состав и получил в штабной структуре 2-й номер.

⁸⁹ Харди, Калман (1892–1980) – венгерский военный деятель, главнокомандующий военно-речного флота (1944). Участник Первой мировой войны. В 1919 г. вступил в Национальную армию, был сотрудником Оперативного отдела Верховного командования. С марта 1920 по октябрь 1928 гг. адъютант регента Хорти, женился на его племяннице. В 1928–1930 гг. назначен помощником военного атташе в Риме. С мая 1930 по октябрь 1932 гг. сотрудник 6-го отдела Министерства внутренних дел. С мая 1935 г. сотрудник 2-го отдела VI Главного управления Министерства обороны. С 1 мая 1936 по 1 мая 1940 гг. военный атташе в Берлине. С февраля 1939 по май 1940 гг. одновременно и военно-воздушный атташе в Берлине, а с мая 1939 по май 1940 гг. военный атташе в Гааге и Стокгольме. С 1 ноября 1940 г. назначен адъютантом начальника Генштаба. С 1 сентября 1941 г. командир 26-й пехотной бригады. С апреля 1942 по 16 октября 1944 гг. главнокомандующий военно-речного флота. Принял участие в неудачной попытке вывести Венгрию из войны, был задержан нилашистами. В январе 1945 г. уведен из армии, 15 февраля 1945 г. осужден к смертной казни, в мае освобожден. В 1951 г. эмигрировал в США, преподавал в разных университетах. В 1991 г. реабилитирован.

⁹⁰ Пиккенброк, Ганс (1893–1959) – один из руководителей германской военной разведки; генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. С 1 октября 1936 г. – начальник отдела Абвер I (разведка) Управления разведки и контрразведки при ОКВ (1936–1943), позже, одновременно, был заместителем В. Канариса. С марта 1943 г. – командовал гренадерским полком на советско-германском фронте, с октября – командир 208-й пехотной дивизии. Взят в плен советскими войсками на территории Чехословакии (1945). 26 марта 1952 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к 25 годам заключения. Содержался в тюрьмах Москвы и Владимира. 1 октября 1955 г. передан в качестве не амнистированного заключенного ФРГ и в том же году освобожден.

⁹¹ Лахузен-Вивермонт, Эрвин Эдлер фон (1897–1955) – один из руководителей германской военной разведки; генерал-майор (1945). Участник Первой мировой войны. После войны служил в австрийской армии. В конце 1935 г. назначен в формирующуюся Службу информации (аналог военной разведки) Генштаба Австрии. После аншлюса Австрии (1938) переведен на службу в Абвер и назначен заместителем начальника отдела Абвер I (разведка). С 1939 г. начальник отдела Абвер II (диверсии и саботаж). С декабря 1944 г. начальник разведывательного бюро XVII военного округа (Вена). В мае 1945 г. арестован американскими войсками. Выступал в качестве свидетеля обвинения в работе Нюрнбергского трибунала и вскоре был освобожден. Жил в Австрии.

⁹² Типпельскирх, Курт фон (1891–1957) – немецкий военный деятель; генерал пехоты (1942). Участник Первой мировой войны. С ноября 1938 г. 4-й обер-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск. С января 1942 г. на советско-германском фронте; командир 30-й пехотной дивизии. С июля 1942 г. германский военный представитель при 8-й итальянской армии; с декабря – командующий армией. С февраля 1943 г. командир XII армейского корпуса. С 4 июня по 8 июля командующий 4-й армией в Белоруссии. С 31 октября по 11 ноября 1944 г. командующий 1-й армией в Лотарингии, с 12 декабря 1944 по 22 февраля 1945 г. командующий 14-й армией в Италии. 24 апреля 1945 г. командующий 21-й армией, затем временно исполнял обязанности командующего группы армий «Висла». Капитулировал перед британскими войсками.

⁹³ 17 января 1940 г. в Будапешт для переговоров со своим венгерским партнером – Уйса-си прибыл генерал-квартирмейстер ОКХ, генерал-майор Курт фон Типпельскирх. Они договорились о том, что в целях улучшения сотрудничества в распоряжение 2-го отдела Генштаба на постоянной основе будет прикомандирован немецкий офицер связи.

7 апреля 1940 г. в Будапешт прибыл полковник Генштаба Кинцель, который на переговорах с Уйсаси, вероятно, ознакомил его с германскими – неофициальными – представлениями об отношениях с Румынией; они также «обменялись» разведанными по состоянию румынских вооруженных сил. Однако совместному немецко-венгерскому выступлению против Румынии не суждено было сбыться, так как Берлин все сильнее концентрировал свое внимание на подготовке к западной кампании. Тем временем немцы (дез)информировали Верта и Уйсаси о том, что в данной ситуации рассчитывают на сотрудничество Венгрии против Румынии. Начиная с весны 1941 г., венгерская разведка располагала все более подробными данными о перегруппировке германских вооруженных сил, указывающей на приближение сроков похода на восток. После военной кампании в Югославии, в мае-июне 1941 г. поступало все больше информации, указывающей на нападение Германии на СССР. По указанию Верта 6 июня военная разведка во главе с Уйсаси приступила к глубокой разведке русских территорий, принимая во внимание те объекты, которые должны были быть уничтожены в случае конфликта. Уйсаси частично проинформировал об этом госсекретаря по иностранным делам Яноша Вёрнле. См.: Vallomások a holtak házából. Ujszászy István vezérőrnagynak, a 2. vkf. osztály és az Allamvédelmi Központ vezetőjének az ÁVH fogságában írott feljegyzései. Szerk.: Haraszti György. Allambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára – Corvina. Bp., 2007. 82–83.

⁹⁴ Возможность для возврата части Трансильвании представилась летом 1940 г. Осознав прорыв СССР на Балканы, Гитлер согласился на изменение венгерско-румынской границы. Для этого он в конце июля призвал румынское руководство приступить к двусторонним переговорам с Венгрией для мирного урегулирования спорных территориальных вопросов по Трансильвании. Румыно-венгерские переговоры начались 16 августа 1940 г. в Турну-Северине. Так как они зашли в тупик, снова прибегли к германо-итальянскому арбитражу. Результат были провозглашен 30 августа 1940 г., вновь в Вене (второй Венский арбитраж). На основании этого Венгрии была возвращена территория в 43 тыс. км² с населением 2,5 млн человек. Это была северная половина Трансильвании вместе с т.н. Секейской землей и часть региона, расположенного к северу и западу от Трансильвании т.н. Парциум (Partium). Согласно венгерской переписи 1941 г. 52% населения этих территорий составляли венгры, 39% - румыны, почти 2% - немцы и около 5% - носители других языков. Между тем румынская статистика 1930 г. обнародовала иные данные по населению: 49% - румыны, 38% - венгры, почти 3% - немцы и почти 10% - представители других национальностей. На основании этого со всей очевидностью напрашивается вывод: венгры составляли если и не абсолютное, то в любом случае относительное большинство. Количество румын, ставших венгерскими подданными, и так превысило 1 миллион человек, тем временем численность оставшихся в Южной Трансильвании венгров составляла всего около 400 тыс. человек. Между отступающими румынскими и наступающими венгерскими частями, и местным населением многократно возникали конфликты – иногда со смертельным исходом. Как минимум три из них явились необоснованной кровавой расправой венгерских войск. Количество казненных в Силадьиппе, Эрдэгкуте и Омбозтелке румын превысило двести человек. См.: Romsics Ignác: Magyarország története a XX. Században. Osiris, Bp., 2000. 246–247.

⁹⁵ 1 марта 1940 г. был сформирован «Мобильный корпус» в составе двух кавалерийских и двух моторизованных бригад. Военные части Венгерского мобильного корпуса до 6-го июля 1941 г. достигли Днестра, и приступили к переправе. С 9 июля мобильный корпус был передан в подчинение группы армий «Юг» (Heeresgruppe Süd). Однако с 16 июля он уже воевал в составе 17-й немецкой армии. Мобильный корпус неоднократно получал задания, которые – учитывая его численность (около 40 тыс. человек) и вооруженность – превышали его возможности. В конце августа уже стало очевидным, что от полного уничтожения его могут спасти только вывод из зоны военных действий и возвращение домой. В октябре 1942 г. переведен в подчинение 4-го корпуса 17-й немецкой армии. Наконец 6 ноября 1941 г. было принято решение о его замене немецкими формированиями. (Потери Венгерского мобильного корпуса были велики: погибло 180 офицеров, 3 тыс. 825 человек рядового состава, имущественный ущерб составил около 90%. Были

потеряны практически все танкетки, 90 % легких танков, 90 % броневых автомобилей, более 100 автомобилей, 30 орудий и 30 самолетов).

⁹⁶ Так в документе, речь идет о генерал-полковнике О. фон Шоберте. Шоберт, Ойген Риттер фон (1883–1941) – немецкий военный деятель; генерал-полковник (1940). Участник Первой Мировой войны. Убежденный сторонник национал-социализма. С декабря 1933 г. инспектор пехоты, с 1934 г. командующий пехотой VII военного округа (Нюрнберг). С февраля 1938 г. командовал VII армейским корпусом и VII военным округом (Мюнхен). В Польской кампании его корпус действовал в составе группы армий «Юг»; в мае 1940 г. участвовал во вторжении в Люксембург, Бельгию, Францию и Нидерланды. С октября 1940 г. командующий 11-й армии. В июне 1941 г. перед началом войны против СССР армия вошла в состав группы армий «Юг»; в сентябре того же года перед 11-й армией стояла задача овладеть Крымом. Руководил действиями армии с борта личного самолета «Шторх»; погиб, приземлившись на самолете на минное поле.

⁹⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» гласил: 1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение. 2. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет

⁹⁸ Закон № 10 Контрольного Совета для Германии от 20 декабря 1945 г. Статья 2 Закона определяет действия, которые признаются преступными: а) преступления против мира; б) военные преступления; в) преступления против человечности; г) принадлежность к преступным организациям.

⁹⁹ С 15 мая 1919 года Г. Верт стал командующим 7-й дивизии Красной Армии. Он не был согласен с идеологией пришедшей к власти большевистской системы, но все же остался на своем посту. Офицерский состав 7-й дивизии был контрреволюционно ориентирован, поддерживал связи с контрреволюционным правительством в Сегеде.

¹⁰⁰ На основании решения венгерского правительства на воссоединённых территориях была введена военная администрация, задачей которой являлось обеспечение преемственности экономики, образования и администрирования, а также ассимиляция воссоединённых территорий к исторической Венгрии в возможно кратчайшие сроки. Начальник Генштаба Г. Верт 2 ноября 1938 г. издал приказ об организационной структуре и круге обязанностей вводимой в Верхней Венгрии военной администрации, приведение в исполнение которого происходило параллельно вступлению на территорию Верхней Венгрии (с 5 по 11 ноября 1938 г.). Значительную роль в Верхней Венгрии сыграли лидеры Объединенной венгерской партии (ЕМР), и особенно Ярош Андор, назначенный правительством сначала своим главным поверенным при стоящем во главе военной администрации начальнике Генштаба, затем с 15 ноября – на должность министра без портфеля по делам Верхней Венгрии. Военная администрация на воссоединённых территориях приостановила деятельность политических партий – за исключением Объединенной венгерской партии, и до середины сентября продолжала сохранять линию границ по Трианонскому договору, которую можно было пересекать только по особому разрешению. 22 декабря 1938 г. военная администрация была заменена на гражданскую. В Закарпатье военная администрация действовала с 15 марта по 7 июля 1939 г. См: Sallai Gergely: *Az első bécsi döntés*. Osiris, Bp., 2002., Vargyai Gyula: *Sisak és cilinder*. Bp., 1994., Vargyai Gyula: *Tengelytörés*. Bp. 1990.

¹⁰¹ С ноября 1941 г. на территории Шайкашвидек (Бачка), образующей южную часть страны, активизировалась деятельность югославских (сербских) партизан. Венгерская жандармерия совместно с военными частями уничтожила группу партизан. В ответ за понесенные во время операции потери в несколько человек военные и жандармские части под руководством генерал-лейтенанта Ференца Фекетехальми-Цейднера,

полковника Йозефа Грашши, полковника Ласло Деака и капитана жандармерии Мартона Зёлди с 12 по 15 января 1942 г. устроили облаву по поимке скрывававшихся партизан. Затем облаву распространили на сербское и еврейское население окружающих деревень, а затем и на город Нови-Сад (Novi Sad), приписав это самовольной акцией генерал-лейтенанта и его соратников. В ходе кровавой расправы с 20 по 23 января несколько тысяч невинных гражданских лиц, в большинстве сербов и евреев (в том числе женщин, детей и стариков), было расстреляно прямо на улицах или на покрытом льдом Дунае в Нови-Саде, Жабле, Чуроге, Можоре (Mosorin) и Обече (Vesej). По официальным венгерским данным за время нови-садской облавы (21–23 января 1942 г.) военными и жандармами были убиты 3309 (3340) гражданских лиц, в большинстве сербов. События в Нови-Саде уже во время второй мировой войны всколыхнули общественность. В 1943 г., еще в хорватской Венгрии, виновники были призваны к ответственности и против 15 офицеров армии и жандармерии, считающихся ответственными за свои деяния, были возбуждены судебные процессы. После войны главные ответственные лица были выданы бывшей Югославии и казнены, как военные преступники. Кровавая расправа в Нови-Саде стала на территории Венгрии и других государств символом военных преступлений, совершенных во время войны на оккупированных Венгрией территориях. Между тем, массовые убийства венгерского населения в Воеводине в 1944–1945 гг. имели гораздо более незаметный международный резонанс, хотя венгерскими исследователями уже вскрыты самые важные факты этих событий. Предполагаемое число венгерских жертв массовых убийств составляет от 25 до 40 тыс. человек. См.: Magyarország a második világháborúban. Lexikon A–Zs. Főszerk.: Sipos Péter, Budapest, 1996. 441.

¹⁰² Белди, Алайош (до 1918 г. – Брукнэр 1889–1946) – венгерский военный деятель, генерал-полковник (1944). С ноября 1927 по февраль 1931 гг. военный атташе в Лондоне. Затем служил в разных военных подразделениях. С августа 1932 г. по август 1936 г. начальник отдела «Б» Президентского управления Министерства обороны. С августа 1941 по февраль 1943 гг. начальник VIII управления Министерства обороны. С 26 сентября по 16 октября 1944 г. командир Национальной гвардии. В феврале 1945 г. был задержан, 20-го июля осуждён к расстрелу. В августе 1945 г. приговор был изменен на пожизненные принудительные работы. В 1994 г. был реабилитирован.

¹⁰³ Гальдер в своем дневнике пишет: «10 апреля 1941 г. венгерский штаб, связи при ОКХ в составе генерал-майора Бельди, подполковника Генерального штаба Маклаи, подполковника Генерального штаба Сиклаи, капитана Краснаи, капитана Фургаха явился для представления». См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М., Воениздат, 1968–1971.

¹⁰⁴ Речь идет о т.н. меморандумах Верта, в которых изложены предложения о поведении Венгрии в отношении нападения на СССР, переданные им венгерскому политическому руководству. Первый из меморандумов переслан премьер-министру 6 мая 1941 г., с рекомендацией, чтобы Венгрия предложила Германии военную поддержку в предстоящем немецком нападении. Второй передан правительству 14 июня, через два дня после встречи Гитлера с Антонеску в Мюнхене; в нем Верт призывает ускорить формальное предложение венгерского правительства Германии о присоединении Венгрии к предстоящему вскоре нападению, с одновременным приказом о частичной (50%-й) мобилизации венгерской армии. 15 июня 1941 г. Совет министров отклонил первые два меморандума. Меморандумы Верта проливают свет на разногласия между политическим и военным руководством. Верт надеялся, что дальнейшие территориальные уступки для Венгрии, осуществляемые за счет Румынии и Словакии, возможны лишь в том случае, если Венгрия присоединится к немецкому нападению добровольно, привлекая большие силы – без просьбы на то со стороны Германии, либо выдвижения ею предварительных условий. В отличие от этого, премьер-министр Бардоши считал целесообразной политику осторожную, в большей мере учитывающую военную и экономическую жизнеспособность Венгрии, до бомбардировки Кошице считая возможным присоединение к военным действиям только по просьбе Германии и предварительному уточнению условий венгерского участия.

¹⁰⁵ Верт 13 мая 1941 г. уехал в предгорья Карпат, чтобы лично проверить оборону и фортификационные сооружения на границе. Начальник Генштаба 5 дней провел вблизи со-

ветско-венгерской границы. Программа была подготовлена под знаком военных приготовлений. После Верта, в предгорья Карпат прибыл начальник 2-го отдела Уйсаси. Его отчёт о поездке отражает лишь малую часть его действий. 31 мая 1941 г. Верт попросил полномочия на проведение встречи с немцами. Он повторил, что считает необходимым достичь договоренности с Рейхом, так как «передвижение румынской армии и её выдвижение против русских, находится в процессе, и вероятно – под управлением немцев». Естественно, он не сообщил при этом, что просит дополнительного одобрения, так как, переговорив два дня назад с Химером, они почти обо всем договорились. Документ из архивных материалов Химера следующим образом освещает переговоры: немецкий генерал говорил о том, что так как венгерское выдвижение – учитывая трудности транспортировки – требует почти 20-ти дней, уже сейчас нужно начать приготовления, чтобы при необходимости сократить время выдвижения войск. Все это Химер преподнес не как официальное, а как свое личное мнение, но все это не помешало Верту пообещать дать необходимые распоряжения. И он свое обещание выполнил. Иштван Уйсаси об этом рассказал заместителю министра иностранных дел Яношу Вёрнле. Однако о некоторых событиях он промолчал. Также как и о том, что уже 26 марта 1941 г. два агента ужгородской контрразведки пересекли границу и на советской территории, в 400-х метрах от границы они вели огневой бой с советскими патрулями, венгры бросили гранату, от которой оба патруля погибли. С советской же границы интервенции не последовало. Уйсаси сказал о готовящемся плане: «Учитывая политическое положение, будет начато проведение разведки боем на русской территории с целью определения тех объектов, которые нужно будет уничтожить в случае возникновения конфликта с Советским Союзом». Заместитель министра посчитал это излишним и опасным и выразил мнение, что в немецко-русской схватке Венгрии не будет отведена активная роль. Уйсаси, однако, вызываясь сослался на то, что он, организовав разведку, выполняет приказ министра обороны, и на обсуждение этого приказа не получал указания. См.: Vargyai Gyula: Magyarország a második világháborúban. Korona Kiadó, Bp., 2001. 178.

¹⁰⁶ Действительно так, все эти события произошли после того, как Верт ушёл в отставку. 6-го октября 1941 г. со штаб-квартирой в Виннице, затем в Киеве было сформировано Командование Венгерской оккупационной группировки, которое приняло непосредственное командование пятью венгерскими оккупационными корпусами. С 5 февраля 1942 г. до конца мая 1943 г. венгерские оккупационные корпуса, растянутые по территории за увеличившейся линией фронта, контролировались двумя венгерскими командованиями: сформированному из командования Венгерской оккупационной группировки командованию Восточной оккупационной группировки подчинялись 102-я, 105-я и 108-я пехотные бригады, а командованию Западной оккупационной группировки – 121-ая и 124-ая пехотные бригады. 1-го мая 1943 г. из командования 2-ой армии в Киеве было сформировано командование Венгерских Королевских оккупационных сил, под начальством генерал-полковника Гезы Лакатоша. Оно было ликвидировано 4-го апреля 1944 г., после чего действовало как самостоятельная «Венгерская оккупационная группировка», непосредственно подчинявшаяся немецкой Центральной армейской группировке (группе армий «Центр»). Венгерские соединения в отношении тактики стали подчиняться местному немецкому командованию, в компетенции венгерского верховного командования были лишь вопросы снабжения и дисциплины. Самая грубая оккупационная политика проводилась в областях, где была партизанская угроза, и на территориях с гражданским управлением. Оккупанты совершали против населения бесчисленные злодеяния. Значительная часть военных преступлений венгерских войск на территории Советского Союза зафиксирована Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). ГАРФ. Ф. Р-7021.

¹⁰⁷ ОКВ (аббревиатура от нем.: das Oberkommando der Wehrmacht; ОКВ) – Главное командование вермахта. Создано 4 февраля 1938 г. на базе преобразования Военного министерства; верховный орган управления вооруженными силами Германии в годы

Второй мировой войны. 3 января 1942 г. при начальнике ОКВ создан Штаб сухопутных войск, занимавшийся координацией военных операций; начальник – генерал пехоты Вальтер Буле. Верховные главнокомандующие вермахта: Адольф Гитлер (май 1935–апрель 1945); гросс-адмирал Карл Денниц (апрель–май 1945). Начальники ОКВ: генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель (февраль 1938–май 1945); генерал-полковник Альфред Йодль (и.о. май 1945).

¹⁰⁸ ОКХ (аббревиатура от нем.: das Oberkommando des Heeres; ОКН) – Главное командование сухопутных войск, высший орган управления сухопутных войск Германии. Создано 11 января 1936 г. из Руководства сухопутных войск. Командующие (с 1 июня 1935 г. главнокомандующие) сухопутными войсками: генерал пехоты Курт фон Хаммерштайн-Экворт (1930–1934); генерал-полковник Вернер фон Фрич (1934–1938); генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич (1938–1941); Адольф Гитлер (1941–1945); генерал-фельдмаршал Фердинанд Шёрнер (30 апреля–9 мая 1945).

¹⁰⁹ Штюльпнагель, Карл Генрих фон (1886–1944) – немецкий военный деятель; генерал. С ноября 1938 по июнь 1940 гг. – обер-квартирмейстер Генерального штаба сухопутных войск. С момента нападения на СССР командовал 17-й армией. С февраля 1942 г. – командующий германских оккупационных войск во Франции, где присоединился к участникам антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. По пути пытался в районе Седана застрелиться, но остался жив, потеряв зрение. Казнен 30 августа того же года в берлинской каторжной тюрьме Плетцензее.

¹¹⁰ Венгерская военная делегация во главе с министром обороны К. Барта в январе 1941 г. выехала в Германию на переговоры.

¹¹¹ Буле, Вальтер (1894–1959) – немецкий военный деятель; генерал пехоты.

¹¹² Йодль, Альфред (Alfred Jodl, 1890–1946) – немецкий военный деятель, начальник штаба оперативного управления ОКВ, генерал-полковник (1944). Участник Первой мировой войны. В январе 1932 г. переведён в Военное министерство, с октября 1932 г. – начальник группы в оперативном управлении министерства. В 1934–1935 гг. – командировка в турецкую армию. С июля 1935 г. начальник отдела оперативного управления штаба вермахта. С февраля 1938 г. начальник оперативного управления штаба вермахта. С ноября 1938 г. начальник 44-го артиллерийского командования. С 27 августа 1939 г. – вновь начальник Оперативного управления штаба вермахта. Один из ближайших советников Гитлера. Во время Второй мировой войны возглавлял оперативное управление Верховного главнокомандования вооружёнными силами Германии (ОКВ). 7 мая 1945 г. подписал Акт капитуляции Германии. 23 мая 1945 г. вместе с членами правительства К. Деница был арестован во Фленсбурге. Был осужден Нюрнбергским трибуналом, как главный военный преступник. На рассвете 16 октября 1946 г. был повешен.

¹¹³ Лист, Вильгельм Зигмунд (1880–1971) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны. Служил в рейхсвере. В 1930 г. – начальник пехотной школы. В 1932 г. – начальник боевой подготовки Военного министерства. С 1 октября 1933 г. назначен командиром 4-й дивизии и командующим IV военным округом (Дрезден). В 1938 г. принял сторону Гитлера и стал командующим армейской группой в Вене. Реорганизовал австрийскую армию и объединил ее с вермахтом. Командовал армией при оккупации Судетской области, в Польской, Французской и Балканской кампаниях. На Восточном фронте командовал группой армий «А» на Кавказе. Из-за разногласий с А. Гитлером по вопросам стратегического планирования в конце 1942 г. уволен в отставку. Нюрнбергским военным трибуналом приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1952 г.

¹¹⁴ Клейст, Пауль Людвиг Эвальд фон (1881–1954) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1943). Участник Первой мировой войны на Восточном и Западном фронтах. После демобилизации армии остался служить в рейхсвере. С августа 1939 г. командовал в чине генерала кавалерии 22-м армейским корпусом, а в 1940 г. – танковой группой на Западном фронте. В 1941 г. воевал на Балканах, участвовал во взятии Белграда. При вторжении в СССР – командующий 1-й танковой армии, принимавшей затем участие в боях под Ростовом и на Северном Кавказе. С 21 ноября 1942 г. командующий группой армий «А». 31 марта 1943 г., после оставления Крыма и отступления

на Южный Буг, был отправлен в отставку, а группа армий «А» переименована в группу армий «Южная Украина» (командующий генерал-полковник Ф. Шёрнер). 25 апреля 1945 г. арестован американскими войсками и вывезен в Лондон. В сентябре 1946 г. передан Югославии и в августе 1948 г. Народным судом в Белграде приговорен к 15-ти годам каторжных работ. В марте 1949 г. передан властям СССР. 21 февраля 1952 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к 25 годам тюремного заключения.

¹¹⁵ Вицлебен, Иоб-Вильгельм Георг «Эрвин» фон (1881–1944) – немецкий военный деятель; генерал-фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны. Затем служил на командных должностях в рейхсвере. В 1933 г. заместитель командира 4-й пехотной дивизии, полковник. С 1 февраля 1934 г. командир 3-й пехотной дивизии III военного округа (Берлин), генерал-лейтенант. С 1935 г. командующий III военного округа. В начале 1938 г. отправлен в отставку по подозрению в нелояльности к нацистскому режиму, однако из-за дефицита кадров вскоре возвращен на службу. С августа 1938 г. командующий 1-й армией. Во время польской кампании его армия занимала «линию Зигфрида». На первом этапе Французской кампании его армия совершила отвлекающий маневр с выходом на «линию Мажино». С 15 марта 1941 г. командующий группой армий «Д» и командующий на Западе. Вышел в отставку 21 марта 1942 г. по состоянию здоровья. Являлся одним из руководителей антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. После провала заговора, 21 июля 1944 г. арестован, и предан суду Народного трибунала, казнен.

Научное издание

**Великая Отечественная война.
1941 год**

Исследования, документы, комментарии

Scan- nau; Processing, ocr- waleriy; 2016

Ответственный редактор
В.С. Христофоров

Редакторы
Л.С. Ванян, Н.М. Перемышленникова

Корректоры
Н.М. Агаркова, М.В. Соседова

Оформление и макет
Е.М. Сапожников

Компьютерная верстка
Д.Ю. Шагдарова

Ответственный за выпуск
М.М. Ларионцев

Подписано в печать 30.05.11. Формат 60х90/16.
Гарнитура «Остava С». Печать офсетная. Печ. л. 47,25.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство
Главного архивного управления города Москвы
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 80

Отпечатано в ЗАО «Полиграф-Защита»
с оригинал-макета заказчика
115088, Москва, Южнопортовая ул., 24, стр. 1.

